ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „РУССКІЙ АРХИВЪ“ 1889 года.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

9.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи на Страстномъ бульварѣ.

1888.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

1888.

3.

Въ 1888 году „Русскій Архивъ“ выходитъ двѣнадцать разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составятъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

γνῶθι σεαυτόν.

1888.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.
1888.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1823-й годъ [1]).

Командованіе карабинернымъ полкомъ.

(Начато въ Башкегетѣ, 31-го Декабря 1823).

Я прибылъ въ Тифлисъ уже послѣ Новаго года и вскорѣ по пріѣздѣ принялъ явившихся ко мнѣ офицеровъ ввѣреннаго мнѣ полка [2]), а на другой день, явившись къ начальству, поѣхалъ къ Ладинскому [3]), ожидавшему меня съ нетерпѣніемъ. Письмо къ нему П. Н. Ермолова, мною врученное, заставило его подумать, что и я въ числѣ тѣхъ, коихъ могло ослѣпить хитрое лицемѣрство его. «Я вамъ сдамъ полкъ побратски», сказалъ онъ, прочелъ мнѣ какое-то ужасно длинное дѣло о шинеляхъ, въ которомъ я ничего не понялъ, и сталъ увѣрять меня, что въ три дни можно кончить всю пріемку полка, совѣтуя мнѣ на другой же день опросить двѣ роты, въ Тифлисѣ находящіяся, о претензіяхъ, и тѣмъ кончить смотръ оныхъ.

Весь приступъ сей съ его стороны былъ столь неостороженъ, что онъ еще болѣе побудилъ меня къ осмотрительности. Я сказалъ ему, что раньше 10 дней не вижу, какимъ бы образомъ можно кончить пріемку полка, что я прежде всего приму полковую часть, между тѣмъ роты представятъ бумаги свои, которыя я еще долженъ былъ требовать приказомъ по полку. Я имѣлъ уже въ готовности приказъ сей, въ самой подробности данный мнѣ Карчевскимъ; имѣлъ также многія другія бумаги, необходимыя для пріема полка, которыми я уже цѣлый годъ запасался. Братская сдача его полка предупредила меня еще

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ сего года, книга II-я, вып. 7-й, стр. 313

[2]) Седьмаго карабинернаго, которымъ Н. Н. Муравьевъ назначенъ былъ командовать, оставивъ службу по генеральному штабу. П. Б.

[3]) Своему предмѣстнику по командованію полкомъ. Пріемъ полка Муравьевымъ и сдача его Ладинскимъ представляютъ собою крайне любопытныя и знаменательныя черты. Вѣроятно такъ было не только у Ермолова на Кавказѣ, но и въ остальныхъ войскахъ. Къ сожалѣнію не знаемъ навѣрное, Полякъ ли былъ Ладинскій. П. Б.

болѣе быть осторожнымъ съ нимъ; ибо онъ понималъ, что я далекъ былъ отъ братства съ нимъ, и изъ прежняго моего всегдашняго удаленія отъ него могъ видѣть, что я его презиралъ. По симъ предварительнымъ поступкамъ его нельзя было заключать о великомъ умѣ, который ему приписывали. Онъ также спрашивалъ меня, видѣлъ ли я Высоцкаго въ Ширванѣ. Я отвѣчалъ, что видѣлъ, но, не любя его за мерзкій поступокъ противъ меня, удалялся отъ всякаго сношенія съ нимъ. Ладинскій пожелалъ знать сей поступокъ, и когда я началъ его разсказывать, то изъ глазъ, изъ взгляда его и вниманія можно было увѣриться, что онъ о немъ былъ извѣстенъ, притворялся слушающимъ, и самъ, можетъ быть, научилъ его оному. Дѣло о шинеляхъ я также взялъ на замѣчаніе, не знавъ еще, въ чемъ оно состояло.

И такъ мы положили, что начнемъ пріемку и сдачу полка въ Башкегетѣ. Потому онъ вскорѣ и уѣхалъ, а я 19-го числа также выѣхалъ изъ Тифлиса въ Башкегетъ, и 20-го числа прибылъ въ штабъ-квартиру своего полка, гдѣ немедленно отдалъ приказъ о вступленіи въ командованіе, а на другой день потребовалъ отъ ротъ смотровыхъ бумагъ. Подробность, съ коею былъ написанъ сей приказъ, озадачила Ладинскаго, и онъ увидѣлъ, что имѣлъ дѣло не съ обвороженнымъ его мошенничествами человѣкомъ. Мнѣ отведенъ былъ домикъ, принадлежащій Ляшевскимъ, двумъ подпоручикамъ, родственникамъ Ладинскаго. Я заѣхалъ прежде всего къ Ладинскому, который принялъ меня съ притворнымъ удовольствіемъ, и 22-го Января мы приступили къ дѣлу, начавъ съ лазарета, который мы скоро окончили, т.-е. черезъ недѣлю или дней десять. Но тутъ же начались мошенничества его тѣмъ, что онъ прислалъ ко мнѣ невѣрные штаты. Къ счастію, я имѣлъ свои изъ другихъ полковъ; онъ не хотѣлъ принять ихъ, говоря, что они никѣмъ не засвидѣтельствованы, и я принужденъ былъ отыскивать въ журналахъ положенія сіи, на что́ и употребилъ около трехъ дней, ибо много бумагъ было изъ нихъ вырвано, и я едва доказалъ справедливость моихъ бумагъ посредствомъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ, уличилъ его и принялъ лазаретъ, послѣ многихъ споровъ, дѣлая ему уступки для того, чтобы скорѣе развязаться съ нимъ. Между тѣмъ онъ доставилъ ко мнѣ бумаги, требованныя мною для пріема полка, въ коихъ находилась и вѣдомость полковымъ зачетнымъ суммамъ, но вся большею частію почти въ долгахъ на офицерахъ. Я не соглашался принять ихъ, зная, что тутъ скрывалось какое-нибудь плутовство; и въ самомъ дѣлѣ узналъ я послѣ, что онъ, торгуя съ маркитантомъ, дозволялъ офицерамъ дѣлать долги и перевелъ ихъ на полковую сумму, уплатя отчасти оные. Оборотъ сей производилъ онъ довольно скрытно, и безъ

сомнѣнія нельзя было явныхъ доказательствъ оному найти; но не менѣе того можно было узнать объ ономъ. Онъ увѣрялъ меня, что я обязанъ принять долги сіи на мѣсто денегъ; я не соглашался. Онъ по сему поводу собралъ офицеровъ и сказалъ имъ, что въ свое командованіе дѣлалъ имъ всякое угожденіе и давалъ имъ денегъ въ займы, но что новый ихъ полковникъ не хочетъ внимать нуждамъ ихъ, а потому требовалъ денегъ своихъ назадъ или совѣтовалъ идти всѣмъ ко мнѣ и просить принять росписки вмѣсто денегъ. Я узналъ о семъ намѣреніи черезъ казначея поручика Калогераса, Грека, видѣвшаго недовѣрчивость мою ко всѣмъ офицерамъ, которыхъ Ладинскій старался мнѣ противуставить и на коихъ нельзя было мнѣ положиться, особливо на полковаго адъютанта прапорщика Артемовскаго-Гулака, молодаго человѣка весьма умнаго и знающаго свое дѣло, но приверженнаго душевно къ Ладинскому. Сей измѣнилъ Ладинскому и скоро открылъ мнѣ множество мошенничествъ его; но поступокъ сей долженъ былъ и его впослѣдствіи времени лишить всякой довѣренности и уваженія съ моей стороны, что̀ и случилось.

(Нижеслѣдующее начато въ Башкегетѣ, 7-го Января 1824, т.-е. почти черезъ годъ послѣ того какъ происходило излагаемое).

Шесть дней уже какъ прервались записки сіи. Несносные праздники помѣшали мнѣ оныя продолжать: нельзя было отступить отъ принятыхъ обычаевъ. Въ полку у меня въ особенности были имъ рады по введеннымъ предмѣстникомъ моимъ привычкамъ и не дали мнѣ ничѣмъ порядочно заняться; но теперь уже праздники кончены, и я снова принимаюсь за обыкновенныя занятія свои.

Казначей Калогерасъ, оправдывая себя еще въ самомъ началѣ своей измѣны, говорилъ мнѣ, что онъ не намѣренъ былъ скрывать поступковъ Ладинскаго, первое потому, что обязанность его заставляла мнѣ открыть ихъ (тутъ я мало вѣрилъ искренности его, но пользовался измѣною), второе потому, что Ладинскій удержалъ у него однажды 20 червонцевъ, отпущенныхъ въ полкъ ему на экстра-ординарные расходы, когда онъ въ прошломъ году былъ посыланъ съ письмомъ къ Ахалцихскому пашѣ. Послѣднее обстоятельство, кажется, справедливо было показано имъ, потому что когда я о семъ впослѣдствіи времени говорилъ Ладинскому, то онъ отвѣчалъ мнѣ, что Калогерасъ неблагодарный, потому что въ сію поѣздку онъ безъ того получилъ много подарковъ отъ паши, а между тѣмъ червонцы уже были уплачены, или отчасти зачтены за какой-то долгъ Калогераса. Не менѣе того Калогерасъ открылъ мнѣ множество злоупотребленій Ладинскаго по полку. Я все записывалъ, и послѣ оказалось, что поло-

вина его показаній была несправедлива; другая же была справедлива и мнѣ много послужила.

Узнавъ о намѣреніи офицеровъ ко мнѣ идти, я имъ велѣлъ сказать черезъ Калогераса, что они напрасно и меня, и себя обезпокоятъ, что я ни подъ какимъ видомъ не соглашусь взять отъ Ладинскаго росписокъ вмѣсто денегъ, потому единственно, что онъ ко мнѣ ихъ препроводилъ при отношеніи, увѣрялъ, что я обязанъ ихъ принять и не просилъ меня на словахъ о семъ; но что имъ до сего никакого дѣла нѣтъ, что я имѣю свой счетъ съ Ладинскимъ, который мнѣ уплатитъ сіи деньги, съ нихъ же по третямъ только будутъ вычитать законное число денегъ, и что обстоятельство сіе нисколько до нихъ не касалось. Тѣмъ остановилъ я сіе дѣло.

Преданность нѣкоторыхъ офицеровъ, и особливо полковаго адъютанта, была столь неограничена къ Ладинскому, что онъ, даже вопреки моихъ приказаній, относилъ къ нему почту на распечатаніе. Я выговаривалъ ему строго сіи поступки и, наконецъ, прекратилъ ихъ; но могло ли наружное повиновеніе сіе оградить меня отъ всякихъ злоупотребленій, которыя могли всегда втайнѣ дѣлаться? Напримѣръ, я уже нѣсколько разъ писалъ въ Почтовую Контору, чтобы адресованныя на имя командира полка полковника Ладинскаго бумаги пересылались ко мнѣ; вмѣсто того многія изъ нихъ переходили уже ко мнѣ изъ рукъ Ладинскаго распечатанныя. Преданность къ нему Артемовскаго была противна порядку службы; но онъ мнѣ былъ необходимъ, какъ дѣятельный и знающій офицеръ, и потому я воздерживался отъ взысканія, заключалъ о немъ какъ о человѣкѣ благодарномъ своему благодѣтелю и надѣялся со временемъ обратить преданность сію ко мнѣ, нисколько не побуждая его къ измѣнѣ, къ которой онъ не былъ склоненъ и посредствомъ коей онъ бы совершенно потерялъ въ мысляхъ моихъ доброе о себѣ мнѣніе.

За лазаретомъ слѣдовали подъемныя лошади и обозъ. Осмотрѣвъ ихъ, я сдѣлалъ имъ подробную опись, со своими отмѣтками, положилъ то число денегъ, которое мнѣ слѣдовало, по мнѣнію моему, получить въ накладку за неисправности отъ Ладинскаго и показалъ ему свою вѣдомость. Онъ чрезвычайно огорчился симъ, полагая, что все у него въ совершенной исправности, или что я неисправностей не увижу; но я остановилъ его, сказавъ ему, что онъ напрасно горячился и что я не отступлю отъ своего требованія; что онъ могъ просить у начальства посредниковъ, которые разберутъ наше дѣло и на мнѣніе коихъ я соглашусь. И такъ мы согласились оба на сію мѣру и положили, что онъ долженъ написать рапортъ къ И. А. Вельями-

нову съ испрошеніемъ сихъ посредниковъ, и онъ самъ предложился показать мнѣ сей рапортъ.

На другой день рапортъ былъ написанъ и присланъ ко мнѣ на прочтеніе; но онъ былъ такъ двоесмысленъ, что его можно было принять за жалобу на меня, будто я не принялъ полка еще, а уже вмѣшиваюсь въ хозяйственныя распоряженія. Напримѣръ, тамъ было оказано, что удалять его отъ управленія хозяйственною частію, не принявши оной, нѣтъ закона; между тѣмъ какъ онъ не упоминалъ о томъ явно, чтобы я его удалялъ отъ оной. И въ самомъ дѣлѣ, я нисколько не касался оной, такъ что онъ пользовался отъ нея всѣми выгодами до самаго отъѣзда своего въ Тифлисъ, что̀ ему доставило до 400 или 500 р. сер. Къ тому же подъ рапортомъ симъ подпись его была такъ низко поставлена, что нельзя было не догадаться, зная Ладинскаго, что онъ сіе сдѣлалъ съ намѣреніемъ, чтобы помѣстить послѣ прочтенія мною рапорта и передъ отправленіемъ онаго еще отъ 5-ти до 6-ти строкъ, что̀ онъ въ самомъ дѣлѣ и сдѣлалъ, и послѣ сознался мнѣ въ томъ, говоря, что строки сіи ничего не заключали важнаго; но я ему сказалъ, что его намѣреніе замѣчалъ еще при прочтеніи рапорта. Причина сего подлаго поступка заключалась въ томъ, что съ прибытія моего въ Башкегетъ, когда я потребовалъ отъ него описи полку, онъ препроводилъ ко мнѣ, при отношеніи своемъ, безъ всякаго моего требованія, 625 р. сер. фуражной суммы, полагая симъ польстить меня къ скорѣйшему окончанію безъ всякаго разбора пріемки. Онъ мнѣ предлагалъ еще въ Тифлисѣ деньги сіи; но я отказался, сказавъ ему, что я ихъ въ свое время получу, если они мнѣ будутъ слѣдовать. Въ сей разъ я не выдалъ ихъ и не извѣщалъ его даже о полученіи, ибо онѣ хранились въ полковомъ денежномъ ящикѣ. Видя, что дѣла его со мною приняли не тотъ оборотъ, котораго онъ желалъ, онъ сталъ сожалѣть о сихъ деньгахъ, составляющихъ главную отрасль хозяйственнаго дохода полковыхъ командировъ и не зналъ, какъ ихъ назадъ получить до сдачи хозяйственной части, которую онъ протягивалъ, разсчитавъ, что ему выгоднѣе попользоваться сими деньгами, коихъ выведеніе въ расходъ на покупку ячменя должно было кончиться къ 15 числу Апрѣля мѣсяца, до чего уже недалеко оставалось. Онъ не могъ ихъ у меня просить обратно, потому что препроводилъ ихъ ко мнѣ безъ всякаго требованія съ моей стороны и не имѣлъ даже извѣщенія отъ меня о полученіи сихъ денегъ. Потому-то онъ и упоминалъ о хозяйственной части, тогда какъ я столь мало вмѣшивался въ оную, что даже часто оставался безъ дровъ и терпѣлъ холодъ, за неимѣніемъ оныхъ, а всѣ мастеровые, лошади и пр., все совершенно было въ его распоряженіи. Я оставилъ сей его рапортъ безъ вниманія, увѣренъ

будучи, что его сочтутъ за то что̀ онъ былъ, за ябеду, и стали мы оба ожидать посредниковъ, которые должны были рѣшить наше дѣло.

Между тѣмъ Ладинскій не переставалъ распускать чрезъ своихъ сообщниковъ въ Тифлисѣ разные нелѣпые слухи, напримѣръ, что я у него принималъ сѣно съ вѣсу фунтами, и что дѣлалъ ему различныя притѣсненія. Тифлисъ, наполненный празднымъ народомъ, принималъ слухи сіи и увеличивалъ, въ чемъ, кажется, содѣйствовалъ Ладинскому, въ числѣ прочихъ, исправлявшій должность дежурнаго штабъ-офицера моего полка маіоръ Клименко, котораго Ладинскій, будучи уже въ изгнаніи и немилости, умѣлъ посадить на сіе мѣсто, дабы знать о всемъ, что̀ дѣлается въ корпусномъ штабѣ. О слухахъ сихъ извѣстилъ меня письмомъ Коцебу, которому я въ отвѣтѣ назвалъ часть мошенничествъ Ладинскаго.

Вскорѣ получили мы оба предписанія отъ И. А. Вельяминова, въ отвѣтъ на кляузный рапортъ Ладинскаго. Не знаю содержанія предписанія къ нему; но въ моемъ было написано то, чего можно было ожидать по рапорту его, и именно, что корпусный командиръ мнѣніемъ своимъ не полагаетъ, чтобы я долженъ вмѣшиваться въ распоряженія по хозяйственной части, не принявъ еще оной. Извѣщали меня также о назначеніи посредниками артилеріи полковника Копылова и 41-го егерскаго полка подполковника Понаровскаго. Я отвѣчалъ на сіе предписаніе рапортомъ, въ коемъ доносилъ, что никогда не вмѣшивался въ хозяйственную часть и что полагалъ причиною донесенія Ладинскаго фуражную сумму, которая его неосторожностію лежала въ ящикѣ и препровождена при его отношеніи, безъ всякаго моего требованія, ко мнѣ, и что для избѣжанія впередъ подобныхъ отъ него жалобъ, я ему оную возвратилъ, для храненія у себя въ домѣ. Я въ самомъ дѣлѣ и сдѣлалъ сіе, и сказалъ, что я догадывался о причинахъ его донесенія и также почему подпись его такъ низко была выставлена. Онъ былъ столь доволенъ присылкою сихъ денегъ, что забылъ въ ту минуту сродное ему лицемѣрство и сознался мнѣ, что точно прибавилъ нѣсколько, но увѣрялъ, что строки ничего въ себѣ такого не заключали. Былъ ли полученъ мой рапортъ или нѣтъ, мнѣ неизвѣстно; знаю только, что, по прибытіи моемъ въ Тифлисъ, я спрашивалъ о немъ Вельяминова, который сказалъ мнѣ, что не видалъ его. Немудрено, что онъ былъ распечатанъ еще въ Башкегетѣ и оставленъ или задержанъ въ Тифлисѣ у маіора Клименки. Между тѣмъ начальникъ штаба сказалъ мнѣ тогда, что Ладинскій много на меня подавалъ рапортовъ, но что ихъ оставляли какъ кляузы и ябеды безъ всякаго вниманія.

Посредники пріѣхали, кажется, уже въ Мартѣ мѣсяцѣ. Гермогенъ Ивановичъ Копыловъ, молодой человѣкъ изъ гвардіи, съ образованіемъ и повидимому честными правилами, былъ зараженъ мнѣніями прежняго общества, въ коемъ онъ находился и откуда былъ выписанъ по неудовольствіямъ. Все ему казалось не такъ, всѣ дѣйствія правительства и начальника несовмѣстными, себя онъ полагалъ самымъ несчастливымъ человѣкомъ и, кажется, страдалъ нѣсколько ипохондріею. Онъ былъ впрочемъ уменъ, любезенъ и, кажется, безкорыстенъ, но мало вникалъ въ дѣло свое, желалъ поскорѣе кончить его и, видя во мнѣ снисходительность, былъ весьма доволенъ и обратилъ оную въ пользу Ладинскаго, однакоже безъ всякаго дурнаго намѣренія. Онъ былъ назначенъ Алексѣемъ Петровичемъ командовать Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ на смѣну П. Н. Ермолова, который былъ представленъ въ г.-маіоры, и оба ожидали своихъ новыхъ назначеній. Василій Яковлевичъ Понаровскій служилъ въ 1-й арміи, принималъ полкъ и былъ отрѣшенъ отъ оного по тому случаю, что сдатчикъ застрѣлился, не въ состояніи будучи удовлетворить требованіямъ его. Онъ былъ переведенъ въ гарнизонъ вѣроятно за другіе грѣхи и недавно, съ годъ, какъ пріѣхалъ служить въ нашъ корпусъ, надѣясь на ходатайство Алексѣя Петровича. Ему запрещено было ввѣрять командованіе полкомъ; но Ермоловъ хотѣлъ ему доставить 41-й егерскій полкъ, изъ коего командиру подполковнику Авенаріусу велѣно было удалиться, по исторіи съ нимъ случившейся въ полку. Авенаріусъ, человѣкъ честный и полезный для службы, но не знающій свѣтскаго обращенія, имѣлъ противъ себя все общество Тифлисское, и особенное покровительство старшаго Вельяминова не могло защитить его отъ наговоровъ и неудовольствія корпуснаго командира, который въ немъ полагалъ человѣка пустаго и вздорнаго. Понаровскій, уже не молодой человѣкъ, искушенный опытомъ, былъ крайне остороженъ въ семъ новомъ званіи своемъ посредника, ничего не рѣшалъ, не держался ни чьей стороны и шелъ по стопамъ Копылова, котораго тронули слезы и рѣчи Ладинскаго. Онъ просилъ меня пощадить его и нашелъ во мнѣ готовность отступиться даже отъ самыхъ умѣренныхъ требованій моихъ. Понаровскому не дали 41-го егерскаго полка, а перевели по арміи и назначили комендантомъ въ Баку. Я былъ прежде знакомъ съ Копыловымъ, зналъ его честность и благородство, и первый шагъ мой былъ предварить его, что онъ со стороны моей не найдетъ никакого сопротивленія мнѣніямъ его и на все имъ полагаемое справедливымъ найдетъ меня согласнымъ безъ прекословія.

На другой день прибытія своего въ Башкегетъ, посредники приступили къ своему дѣлу: осмотрѣли обозъ и лошадей, убавили тре-

бованія мои нѣсколько и кончили дѣло сіе, а также и другія части. Росписки, представляемыя Ладинскимъ вмѣсто денегъ, они не могли согласиться принять и помирили насъ на томъ, что Ладинскій возвратитъ мнѣ часть оныхъ деньгами, а часть уговорили меня принять. Въ палаткахъ было болѣе затрудненій. Я требовалъ ихъ въ томъ положеніи, въ коемъ онѣ должны были находиться, старыми и изношенными, не ища никакой выгоды; но Ладинскій съ прискорбіемъ видѣлъ, что въ семъ году выслуживали срокъ 256 палатокъ. Онъ до времени взялъ еще на смотру въ 1822-мъ году свидѣтельство отъ бригаднаго командира на 56 (что̀ было неправильно сдѣлано), перемѣнилъ ихъ своимъ экономическимъ холстомъ, а деньги за оныя получилъ изъ коммисаріата, а также и около 1500 рубл. на постройку ихъ, которые слѣдовало мнѣ получить въ 1823-мъ году (по дружбѣ своей съ управляющимъ коммисіонерствомъ Виноградовымъ) принялъ заранѣе и вывелъ въ расходъ, увѣряя, что черезъ сіе доставляетъ мнѣ большую выгоду, потому что отдаетъ мнѣ новыя палатки вмѣсто держанныхъ. Сколько я ни представлялъ Копылову, что я не хотѣлъ сей выгоды, а старыхъ палатокъ и, предоставляя всѣ выгоды Ладинскому, требовалъ того что̀ должно; но Копыловъ, тронутый жалостливыми увѣреніями Ладинскаго, просилъ меня согласиться, и я исполнилъ данное слово и согласился. Ошибку сію никто бы не сдѣлалъ, но Копылову трудно было вникнуть порядочно въ разборъ сего дѣла: съ одной стороны онъ видѣлъ уступчивость, съ другой же упорство, слёзы, клятвы, и онъ расчелъ, что лучше дѣло поскорѣе кончить, какимъ бы то ни было порядкомъ; притомъ же его увѣряли, что мнѣ черезъ сіе доставляютъ большую выгоду.

Оставалось еще нѣсколько предметовъ неразобранныхъ, а именно претензіи нижнихъ чиновъ и казенныя вещи, въ ротахъ находящіяся, неисправностямъ коихъ должно было сочинить вѣдомости, на основаніи ожидаемыхъ мною отъ ротныхъ командировъ. Я между тѣмъ занимался смотромъ ротъ. Въ претензіяхъ нижнихъ чиновъ значились 251 человѣкъ не получавшихъ за переноску шинелей за 1819 годъ, тогда какъ переносочныя деньги были отпущены коммисаріатомъ на весь полкъ, для уравненія сроковъ шинелямъ; но Ладинскій ихъ не уплатилъ этимъ солдатамъ. Кромѣ выгоды, которую онъ имѣлъ отъ убитыхъ людей въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ хотѣлъ на сихъ еще вдвойнѣ получить и требовалъ на нихъ деньги сіи, представивъ, что они прибыли послѣ уравненія. Коммисаріатъ, усмотрѣвъ изъ посылаемыхъ полкомъ мѣсячныхъ отчетовъ, что люди сіи уже прежде прибыли и на нихъ были отпущены деньги переносочныя, оставилъ рапортъ сей безъ вниманія. Ладинскій повторилъ его; коммисаріатъ вѣрно наскучилъ его ложными

представленіями, придрался къ его собственнымъ словамъ, приложилъ ему расчетъ, въ коемъ показалъ, что деньги на все комплектное количество шинелей были отпущены, а что такъ какъ поступила по рапорту его еще 251 шинель, то онѣ должны быть сверхкомплектныя и слѣдственно безъ всякаго употребленія, а потому предписывалъ ему показать ихъ къ зачету къ слѣдующей пріемкѣ. Сверхъ того замѣтили, что люди убывали въ разныя времена, и шинели съ ними убывавшія не показывались подъ табелями, что̀ составляло еще 421 шинель, которыя ему также велѣно было показать къ зачету, всего 672 шинели. Отвѣтъ Ладинскаго былъ написанъ въ исходѣ 1822 года. Онъ былъ длиненъ и такъ запутанъ, что разобрать его врядъ ли кто возмогъ бы; его-то онъ читалъ мнѣ при первомъ свиданіи нашемъ въ Тифлисѣ, ибо дѣло сіе его весьма много занимало. 672 шинели могли стоить до 15.000 руб. асс., и хотя онъ можетъ быть больше сего получилъ отъ однихъ шинелей, но ему не хотѣлось уплатить сего, а потому передъ моимъ прибытіемъ онъ запретилъ ротнымъ командирамъ приказомъ по полку допускать сію претензію, говоря, что о семъ дѣлѣ идетъ переписка съ департаментомъ и надѣясь мнѣ передать свою переписку. Но, видя явную несправедливость оной, я ея не принималъ, а требовалъ, чтобы онъ исполнилъ предписаніе департамента и отдалъ бы сіи 672 шинели, о удержаніи коихъ уже было предписано Ставропольской коммисіи. Ладинскій не соглашался на сіе и далъ мнѣ только обязательство, что если коммисаріатскій департаментъ вторично потребуетъ сіи шинели, то онъ обязывается ихъ уплатить. Обязательство я взялъ, но съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы его представить по начальству и прежде не выдавать Ладинскому квитанціи, пока онъ дѣла сего не кончитъ. Сіе было и мнѣніе Копылова, который не могъ даже предложить мнѣ, чтобы я на себя взялъ сей значительный недостатокъ; между тѣмъ претензію нижнихъ чиновъ Ладинскій уплатилъ.

И такъ посредники, пробывъ нѣсколько дней въ Башкегетѣ, рѣшили сдачу хозяйственной части полка, по которой доводилось мнѣ получить около 1000 р. асс., въ замѣнъ коихъ я взялъ кое-какія бездѣлицы и домъ, сдѣлавъ симъ нѣкоторый родъ подарка Ладинскому. На счетъ остальныхъ предметовъ положили, что, по собраніи свѣдѣній, я опять вступлю въ сношенія съ Ладинскимъ, который поѣдетъ въ Тифлисъ, и что еслибы въ чемъ нибудь у насъ не согласовалось, то мы должны были призвать снова Копылова, уѣхавшаго на Гамборы, гдѣ находилась его бригадная штабъ-квартира и артилерійская рота.

Я продолжалъ смотръ ротъ. Прежде всѣхъ смотрѣлъ я 7-ю егерскую, которая по старанію своего ротнаго командира была лучшая во всемъ полку во всѣхъ отношеніяхъ; за нею слѣдовала 3-я караби-

нерная, коей настоящій ротный командиръ капитанъ Астраковъ, прежде сего исправный офицеръ, связавшись съ одною женщиною, промотался на нее, сталъ пить, издержалъ артельныя деньги и вооружилъ всю роту противъ себя, по притѣсненіямъ, которыя дѣлалъ нижнимъ чинамъ, по разнымъ наговорамъ и кляузамъ. Сіе дѣло причиною, что еще въ Генварѣ мѣсяцѣ нижніе чины не могли долѣе терпѣть, собрали своихъ унтеръ-офицеровъ и послали ихъ къ баталіонному командиру жаловаться. Подполковникъ Кулябка не умѣлъ прекратить сего возмущенія. Вскорѣ прибылъ Ладинскій изъ Тифлиса, немедленно лишилъ капитана Астракова роты и поручилъ ее, передъ самымъ почти пріѣздомъ моимъ, подпоручику Куликовскому, офицеру хорошему, но еще неопытному въ семъ дѣлѣ; семь же человѣкъ рядовыхъ, болѣе другихъ говорившихъ, велѣлъ перевесть приказомъ по полку въ другія роты, но не отправилъ ихъ до моего прибытія.

Рота сія была большею частію наполнена людьми изъ 42-го егерскаго полка, состоявшаго въ корпусѣ графа Воронцова и находившагося четыре года во Франціи. Она была заражена духомъ своевольства. Нѣсколько дней послѣ пріѣзда моего въ Башкегетъ, когда я занимался ввечеру одинъ въ своей комнатѣ, явилось ко мнѣ три человѣка изъ сей роты, которые были посланы отъ имени всѣхъ нижнихъ чиновъ, собравшихся въ одну казарму, съ тѣмъ чтобы довести до свѣдѣнія моего, что, переводя отъ нихъ людей, разоряли артель ихъ. Выслушавъ ихъ, я велѣлъ ихъ посадить на гауптвахту, гдѣ они сидѣли до смотра роты. Между тѣмъ нижніе чины въ ротѣ, узнавши о семъ рѣшеніи моемъ, говорили, что за тѣмъ и они всѣ на гауптвахту пойдутъ, если не удовлетворятъ просьбѣ ихъ. Видя такое дурное расположеніе умовъ и опасаясь дурныхъ послѣдствій, я долженъ былъ взять въ началѣ командованія моего самыя рѣшительныя мѣры для прекращенія сего и предупрежденія могущихъ случиться подобныхъ происшествій и въ другихъ ротахъ. Баталіонному командиру Кулябкѣ, виновному въ семъ отчасти, я велѣлъ развести роту по казармамъ и подослать лазутчиковъ, чтобы подслушать рѣчи нижнихъ чиновъ ночью. Они были безпокойны. Командирамъ же 7-й и 3-й егерскихъ ротъ, на коихъ я могъ болѣе положиться, я приказалъ быть въ готовности со своими ротами въ случаѣ тревоги. Когда настало время смотра, я кончилъ поутру все кромѣ претензій, а ввечеру послѣ обѣда велѣлъ вывести роту въ шинеляхъ, для опроса претензій.

На спросъ мой какія они имѣютъ претензіи, они отвѣчали, что артель ихъ была разорена капитаномъ. «Но деньги пополнены?» — «Пополнены».—«Слѣдственно просить болѣе не о чемъ». Я спросилъ, что̀ побудило ихъ сдѣлать столь законопротивный поступокъ, что они

осмѣлились послать ко мнѣ трехъ человѣкъ съ жалобою и рота сбиралась для совѣщанія по сему предмету. «Артель наша разорялась уменьшеніемъ людей».—«Но вы не въ правѣ были за сіе претендовать; еслибъ и половину роты разбили по другимъ, люди были переведены приказомъ по полку, но не были еще разсчитаны въ артели и оставались въ ротѣ. Сверхъ того, почему вы знали о мѣрахъ, которыя взяты были начальствомъ? Такое же число людей переведено къ вамъ». Я велѣлъ подать приказную тетрадь и прочесть имена людей, которыхъ въ тотъ же день на смѣну выключаемымъ изъ сей роты перевелъ изъ другихъ по выбору подполковника. Нижніе чины, чувствуя себя виновными, молчали. «За чѣмъ смотрѣли всѣ унтеръ-офицеры и капральные въ особенности, какъ рота сбиралась? Какъ они допустили сіе?»—Молчаніе.—Видя, что они уже не умѣли болѣе оправдываться и что всѣ признавали вину свою, я вызвалъ четырехъ капральныхъ унтеръ-офицеровъ на средину и тѣхъ изъ рядовыхъ, которыхъ во время сего разговора замѣтилъ вольнѣе въ разговорахъ и которымъ и прежде былъ уже у меня списокъ, составленный подполковникомъ. Двѣ роты были въ готовности вооружиться, еслибъ 3-я карабинерная вздумала противиться моему суду. Кликнули барабанщиковъ, и вмигъ вызванные рядовые были наказаны строжайшимъ образомъ, а съ капральныхъ унтеръ-офицеровъ сорваны галуны. По мѣрѣ окончанія наказанія одного, рядовые и разжалованные унтеръ-офицеры отправлялись во вновь назначенныя имъ роты, и ихъ мѣста заступали въ ротѣ рядовые и унтеръ-офицеры переведенные изъ другихъ ротъ, такъ что зрители не успѣли одуматься, какъ все уже было кончено, и въ рядахъ своихъ увидѣли они новыхъ людей. Дабы сдѣлать сіе еще дѣйствительнѣе, я отправилъ на гауптвахту подпоручика, командовавшаго ротою, перевелъ его въ другую и на мѣсто его тутъ же назначилъ капитана Хомутскаго, которому передалъ роту очищенную и приведенную въ порядокъ. Происшествіе сіе сдѣлало такое вліяніе на нижнихъ чиновъ, что они съ огорченія цѣлый день ничего не ѣли и плакали, стыдясь показаться на улицѣ товарищамъ своимъ другихъ ротъ, называвшихъ ихъ Семеновцами, и съ тѣхъ поръ рота сія сдѣлалась одною изъ лучшихъ въ полку. Разжалованныхъ унт.-офицеровъ я черезъ мѣсяцъ простилъ и такимъ образомъ кончилъ дѣло, обѣщавшее дурныя послѣдствія; но при началѣ вступленія моего въ командованіе полкомъ удачное наказаніе сіе усмирило всѣ безпокойства въ другихъ ротахъ, коимъ сія могла служить примѣромъ.

Все общество офицеровъ вознегодовало на Калогераса за измѣну его противъ Ладинскаго, котораго любили и который имѣлъ даръ, не теряя своихъ выгодъ, поддержать сію привязанность самымъ вреднымъ

для службы средствомъ, дѣлая въ ней разныя послабленія для офицеровъ. Онъ часто давалъ у себя балы, созывая для сего женъ штабъ-офицеровъ женатыхъ. Онъ былъ весьма сластолюбивъ; съ него примѣръ снимали всѣ офицеры, а потому развратъ былъ въ сильной степени поселенъ въ полку, и всѣ проматывались на женатыхъ рекрутъ. Съ трудомъ могъ я укротить сіе, по крайней мѣрѣ довести до того, чтобы сіе не дѣлалось явно. Но балы, имъ даваемые, заслуживаютъ примѣчанія. Танцовали до упаду по музыкѣ, въ которой нельзя было и разобрать, какой танецъ играли. Въ 1-мъ часу ночи садились за столъ, который продолжался не менѣе двухъ часовъ, въ каковое время музыка продолжала играть штучки изъ оперъ, которыя слушать можно было вмѣнить въ наказаніе имѣющему хорошій слухъ. Попеременно пѣли пѣвчіе на церковный напѣвъ надгробными голосами различныя аріи и пѣсни, такъ что шумъ сей, пѣніе и музыка вселяли и смѣхъ и содроганіе. Пѣсенники не терпѣлись на сихъ вечеринкахъ; ибо полагали, что простонародная музыка сія неблагопристойна въ домѣ и не могла сравниться съ образованнымъ пѣніемъ когда-то учившихся пѣвчихъ. За ужиномъ подавали до пяти кушаній, съ разстояніемъ получаса между каждымъ, дабы онъ длиннѣе казался. Иные дремали за ужиномъ; дѣти женатыхъ плакали, просясь домой спать, но были удерживаемы матерями, которыя имъ черезъ столъ грозили. Одна бутылка шипящаго вина, смѣшаннаго съ поташемъ, дабы оно давало пѣну, достаточна была всѣмъ на здоровье пить. Ее подавали первымъ особамъ только, всѣмъ изъ одной длинной рюмки, которую онъ гдѣ-то досталъ, и то спросивши сперва: не прикажете ли Шампанскаго? Вино сіе пить нельзя было, и бережливое и неопрятное средство сіе, коимъ его разносили, не позволяло мнѣ никогда, послѣ перваго раза, вкусить онаго. Послѣ ужина все опять пускалось кричать до самой утренней зари, въ которое время всѣ расходились довольными. И такой балъ Ладинскому едва стоилъ 10 р. сер.! Балы сіи часто давались у Ладинскаго, особливо по прибытіи моемъ въ полкъ; ибо онъ старался симъ приманить къ себѣ офицеровъ. Я принужденъ былъ также на оныхъ быть. Въ теченіе нынѣшняго года *), видя, что балы сіи точно иногда нужны для увеселенія офицеровъ, я ихъ сдѣлалъ нѣсколько, но съ нѣкоторыми измѣненіями и уничтожилъ совсѣмъ почти игру въ бостонъ, которая была въ большомъ употребленіи въ полку, замѣнивъ ее шахматной игрой.

На одномъ изъ сихъ баловъ была поднесена Ладинскому отъ общества офицеровъ серебряная кружка. Ничего не было занимател-

*) Т. е. уже 1824-го года, въ Генварѣ котораго это писано. П. Б.

нѣе какъ видѣть сіе поднесеніе. Подполковникъ, хохолъ, едва умѣющій выразиться, принесъ ее къ Ладинскому и Малороссійскимъ нарѣчіемъ сказалъ ему, что это отъ всего общества. Ладинскій ожидалъ ея. Выслушавъ слова сіи, долженствовавшія невольнымъ образомъ извлечь смѣхъ, онъ вынимаетъ платокъ, прикладываетъ къ глазамъ и представляетъ себя плачущимъ. Я подлѣ него сидѣлъ и видѣлъ какъ онъ совсѣмъ не плакалъ, а взглядывалъ на кружку, съ боку коей умственно измѣривалъ вѣсъ. Приподнявъ нѣсколько платокъ, онъ посмотрѣлъ съ боку на меня, чтобы видѣть, не замѣчаю ли я его лицемѣрства. Онъ не ошибся, ибо я сіе движеніе его весьма хорошо замѣтилъ и видѣлъ явно, сколько онъ дорожилъ однимъ только вѣсомъ серебра. Мысль сія поднести ему кружку была, я полагаю, его собственная для того чтобы показать всѣмъ, сколько онъ успѣлъ заслужить любовь подчиненныхъ. Никому изъ офицеровъ не было противно поднесеніе сіе, но чтобы всѣ пожелали сего, тому не вѣрю; ибо никому не хотѣлось платить, всѣ были въ долгу, и до сихъ поръ еще дѣлаютъ съ нихъ изъ жалованья вычеты за сію кружку, за которую, кромѣ тѣхъ двухъ или трехъ, которыхъ Ладинскій дарилъ деньгами, никто по своей охотѣ не заплатилъ. Кружка же имѣла видъ лазаретной посуды. Неправильная надпись, на ней положенная, и вообще весь, подарокъ знаменовали подражаніе слышанному. Офицеры большею частію въ семъ полку добрые ребята, но какъ и во всѣхъ армейскихъ полкахъ безъ всякаго образованія. Прибавить къ тому, что всѣ почти, за исключеніемъ нѣскольких человѣкъ, Грузины, Армяне, Поляки и большею частью Малороссіяне. Подобная же суповая чашка была поднесена Ладинскому въ Тифлисѣ отъ общества Грузинъ, служившихъ подъ его начальствомъ, участвовавшихъ не менѣе того и въ первомъ поднесеніи.

Надлежало намъ скоро разстаться съ Ладинскимъ. Ему уже болѣе ничего не оставалось дѣлать въ полку; онъ мнѣ совершенно ничего не заплатилъ и былъ симъ весьма доволенъ, ибо въ замѣну неисправныхъ вещей отдалъ мнѣ другія разнаго рода, ему принадлежавшія.

Ладинскій полагалъ, что онъ теперь въ состояніи будетъ кончить сдачу какъ ему будетъ угодно и что я видѣлъ въ немъ добраго и честнаго, угнетеннаго человѣка. Онъ обѣдалъ у меня въ день прощанія, и я помирился съ нимъ; но оба мы лицемѣрили: ибо я въ душѣ презиралъ его. Но дабы сдѣлать примиреніе сіе болѣе гласнымъ въ глазахъ всего общества, я подарилъ ему прекрасную бѣлую бурку, привезенную мною изъ Тарковъ, которую онъ принялъ съ большимъ удовольствіемъ, какъ и всякую даровую вещь, никогда и никому не отказывая. Я былъ у него послѣ того въ домѣ при прощаніи. Онъ пред-

ставлялъ себя рыдающимъ и положилъ нѣсколько поклоновъ въ землю передъ образомъ, поручивъ мнѣ прослезившихся отъ чистаго сердца офицеровъ, и поѣхалъ въ Тифлисъ. Онъ зналъ, что Алексѣй Петровичъ не велѣлъ его къ себѣ пускать. Дабы скрыть сіе, онъ распустилъ слухъ передъ выѣздомъ своимъ изъ Башкегета, что вывихнулъ себѣ ногу, сталъ хромать, и такъ поѣхалъ. Послѣ пріѣзда же его въ Тифлисъ скоро пронесся въ полку слухъ, что онъ посылалъ къ Алексѣю Петровичу извиняться, что не можетъ къ нему явиться: слухъ распущенный имъ и совершенно ложный.

Между тѣмъ я получилъ предписаніе выслать въ Тифлисъ баталіонъ для занятія карауловъ и двѣ роты рабочихъ къ имѣющейся тамъ 3-й моего же полка. Я торопился окончаніемъ смотра ротъ, которыя должны были выступить. На другой день выѣзда Ладинскаго, я отправился въ Домалисы смотрѣть 1-ю карабинерную и 2-ю егерскую роты, тамъ расположенныя, приказавъ перенести всѣ вещи мои въ домъ бывшій Ладинскаго, а нынѣ мой, и возвратился въ тотъ же вечеръ очень поздно въ Башкегетъ. На другой же день едва всталъ, какъ получилъ отношеніе изъ штаба по летучей, коимъ извѣщали меня о волѣ Алексѣя Петровича, чтобы я съ полученія сего прибылъ какъ можно поспѣшнѣе въ Тифлисъ. Я немедленно сѣлъ верхомъ, поскакалъ и явился на другой день къ корпусному командиру. То было въ Четвергъ ввечеру, когда у него было собраніе. Первыя слова, при всѣхъ сказанныя, были слѣдующія: «Какъ ты съ мошенникомъ Ладинскимъ управляешься? Ты кончилъ уже пріемъ полка; смотри, чтобы онъ тебя не обманулъ! Это естественная каналья и плутъ». На другой день я былъ у Ладинскаго, которому весьма желательно было узнать, зачѣмъ меня требовали. Многіе старались вывѣдать сіе отъ меня. Я самъ не зналъ, для чего, но причиною сего были слова Копылова, который, возвратившись изъ Башкегета, очень скоро явился къ Алексѣю Петровичу; тотъ спросилъ его, скоро ли онъ поѣдетъ къ намъ мирить насъ и удивился, когда узналъ, что уже все кончено, какъ ему сказалъ Копыловъ, прибавивъ, что у насъ встрѣтилось дѣло одно довольно важное о шинеляхъ, которое рѣшилось обязательствомъ, даннымъ мнѣ Ладинскимъ. Сіе-то и безпокоило Алексѣя Петровича, боявшагося, чтобы я не взялъ на себя сихъ шинелей. Онъ призвалъ меня на другой день къ себѣ и спросилъ, далъ ли я квитанцію? На отвѣтъ мой, что нѣтъ, онъ приказалъ мнѣ отнюдь не довольствоваться получаемымъ обязательствомъ и чтобы если дѣло еще не кончено, то не иначе бы выдавалъ квитанцію какъ когда Ладинскій положитъ подъ залогъ какого-нибудь присутственнаго мѣста деньги, которыя сіи шинели стоятъ или матеріалы. Я ему сказалъ, что я самъ не могъ до-

вольствоваться пустымъ обязательствомъ, на которое полагаться было нечего. Онъ отпустилъ меня, приказавъ быть крайне осторожнымъ, и въ свободное время поручилъ мнѣ осмотрѣть мѣста, на Западѣ отъ Тифлиса къ Цалнѣ, черезъ Бѣлый-Ключъ. За симъ позвалъ меня начальникъ штаба, который, показавъ мнѣ письмо мое къ Коцебу, о которомъ я упоминалъ, спросилъ, не открылъ ли я какихъ важныхъ преступленій со стороны Ладинскаго; но я отвѣчалъ, что плутни мною открытыя касались только поведенія его въ полку и обращенія со мною, что впрочемъ я ничего болѣе не зналъ.

Главнокомандующій поручалъ мнѣ также достать письмо руки Ладинскаго на Грузинскомъ языкѣ по одному дѣлу, недавно открывшемуся, въ которомъ, кажется, онъ уличенъ былъ въ какой-то важной и преступной перепискѣ съ заграничнымъ начальствомъ; почеркъ же его нуженъ былъ для сличенія его съ письмомъ. Я могъ легко достать сіе у маркитанта; но какъ сіе было уже не мое дѣло, то предпочелъ удалиться, отозвавшись тѣмъ, что не имѣю случая достать сего и что найдутся люди, которые вѣрно лучше меня исполнятъ сіе порученіе.

Я торопился возвратиться, пробывъ всего только два или три дня въ Тифлисѣ и уѣхалъ въ полкъ, гдѣ продолжалъ смотръ ротъ и сочиненіе вѣдомостей о неисправностяхъ оружейныхъ и прочихъ вещей, дабы скорѣе кончить пріемку полка.

По окончаніи сего дѣла, коимъ я очень прилежно занимался, тѣмъ болѣе, что я былъ крайне золъ на Ладинскаго за то, что, въ бытность мою въ Тифлисѣ, узналъ отъ достовѣрныхъ двухъ особъ (между собою незнакомыхъ) что, прибывши въ Тифлисъ, Ладинскій вмѣсто того, чтобы чувствовать мою снисходительность, хвалился въ нѣсколькихъ мѣстахъ исправностью полка, имъ сданнаго, за который онъ ничего не придалъ, говоря, что еслибъ я согласился сначала на его предложеніе принять полкъ побратски, не входя въ разсмотрѣніе, то онъ бы отдалъ мнѣ 5 тыс. рубл., которые у него на случай были изготовлены, но что я черезъ свою недовѣрчивость къ нему лишился сего. Меня сердилъ сей отзывъ безчестнаго человѣка, и я торопился уличить его во лжи, имѣя еще нѣсколько предметовъ въ виду, до которыхъ посредники не касались и на которые одни только я могъ еще считать.

Прежде выѣзда моего изъ Башкегета я отправилъ требованные начальствомъ баталіонъ и роты около половины Апрѣля мѣсяца, послѣ чего оставалось въ штабъ-квартирѣ только четыре роты, изъ коихъ одна почти совсѣмъ была раскомандирована на укомплектованіе прочихъ; одна рота еще была на Цалнѣ, остальныя же всѣ находились въ Тифлисѣ.

Въ исходѣ Апрѣля я прибылъ въ Тифлисъ и прежде всего старался объ отправленіи Туркмена Якши-Мегмеда, который по пустому жилъ у насъ и тосковалъ по своей родинѣ. Мнѣ едва удалось сіе, не потому чтобы его задержать хотѣли, но потому единственно, что все откладывали безъ всякой причины отправленіе его. По прибытіи въ Тифлисъ я показалъ вѣдомости свои начальнику штаба; онѣ простирались на 12 тыс. р. Вельяминовъ убавилъ кое какія бездѣлицы изъ нихъ, а остальное велѣлъ настоятельно требовать отъ Ладинскаго. Послѣ сего я поѣхалъ къ Ладинскому и показалъ ему сперва счетъ однимъ ружьямъ. Онъ согласился и въ тотъ же день хотѣлъ уплатить деньги, ибо сумма весьма незначительна; но вопреки своего обѣщанія онъ два дня не платилъ и все требовалъ дальнѣйшихъ разсчетовъ, еслибы они были. Наконецъ, видя, что съ нимъ нѣтъ способа что-нибудь сдѣлать, когда дѣло шло о полученіи съ него денегъ, я ему показалъ общій итогъ, въ коемъ заключались и претензіи нижнихъ чиновъ. Онъ ужаснулся. «За что, за что, сказалъ онъ съ жаромъ, я буду вамъ платить? Мы уже все кончили».—«Конченнаго я не трогаю, отвѣчалъ я; изъ сихъ статей еще ни одна не была разсмотрѣна».—«Не заплачу, ни за что не заплачу, сказалъ онъ, буду просить начальника штаба».—«Заплатите, отвѣчалъ я, и не будете утруждать начальника штаба. Я сейчасъ отъ него: онъ уже разсмотрѣлъ сіи вѣдомости, убавилъ изъ нихъ, что̀ слѣдовало и остальное приказалъ непремѣнно отъ васъ истребовать». При сихъ словахъ онъ замолчалъ, бросая на меня подлобные взгляды, въ коихъ изображались злость и желаніе мстить; но чувства были одолѣны робостью, ему свойственною. «Такъ какъ вы не намѣрены платить, сказалъ я, то пріемка полка еще долго продлится, ибо мы теперь вступимъ въ переписку о каждомъ предметѣ особенно. Шинели же, коихъ недостаетъ 672, вы также обязаны по волѣ начальства или отдать въ полкъ, или положить въ залогъ въ какое-либо присутственное казначейство деньгами или матеріалами. Обязательство же мнѣ данное, на которое ни я, ни посредники не могли никогда согласиться, возвратится вамъ какъ совершенно ненужное мнѣ». Уже три мѣсяца я щадилъ человѣка сего, во уваженіе слабости его и угнетеннаго состоянія, въ коемъ онъ находился, перенося съ терпѣніемъ всѣ мерзости, которыя онъ мнѣ надѣлалъ. Мы вступили въ переписку по шинелямъ. Такъ какъ онъ удостовѣрился въ томъ, что я дѣйствовалъ по волѣ начальства, то согласился отдать матеріалы сіи въ залогъ въ коммисіонерство; но Алексѣй Петровичъ приказалъ, чтобы на концахъ сукна положены были печати полковыя и чтобы коммисія, мною наряженная, освидѣтельствовала доброту сихъ вещей; коммисіонерство же, коего управляющій

Виноградскій былъ большой пріятель Ладинскому, по наущенію его, не согласилось на сіе.

Другое дѣло также тянулось уже долго. Такъ какъ по мнѣнію посредниковъ оставалась часть зачетной суммы въ распискахъ, а часть была имъ уплачена, то онъ хотѣлъ воротить деньги сіи и, при требованіи моемъ въ Маѣ мѣсяцѣ жалованья, коммисіонерство показало уплаченные долги офицеровъ взятыми изъ онаго и удержало ихъ, отдавъ деньги Ладинскому. Незаконный поступокъ сей доставилъ мнѣ новые хлопоты. Долги иныхъ превосходили ихъ третное жалованье, слѣдственно оно удерживалось со всего полка и съ другихъ офицеровъ. Давать денегъ въ займы офицерамъ коммисіонерство не было въ правѣ, потому что имѣлось отношеніе бригаднаго командира не вѣрить офицерамъ въ долгъ; да еще, сверхъ того, я зналъ, что деньги сіи были у Ладинскаго взяты. И потому я приказалъ пріемщику не принимать жалованье, вступилъ въ переписку съ коммисіонерствомъ и получилъ отпоръ. Я принужденъ былъ донести о семъ корпусному командиру, который предписалъ коммисіонерству выдать жалованье офицеровъ сполна и не мѣшаться въ мои разсчеты съ Ладинскимъ. Виноградскій, вмѣсто того чтобы исполнить приказаніе корпуснаго командира, медлилъ и наконецъ послалъ ему рапортъ, въ коемъ онъ подводилъ разные законы для утвержденія права его сдѣлать сей вычетъ, тогда какъ онъ его нисколько не имѣлъ. Алексѣй Петровичъ разсердясь изорвалъ рапортъ сей и, призвавъ секретаря, разбранилъ его и приказалъ немедленно отпустить мнѣ полное жалованье, что̀ и было на другой же день исполнено, и по полученіи жалованья я немедленно возвратилъ Ладинскому долги офицеровъ и сказалъ ему, что напрасно только заводилъ онъ разные вздоры, заставляя за себя ссориться со мною коммисіонерство и что онъ всегда могъ сіи деньги отъ меня получить, не вмѣшивая въ дѣло сіе постороннихъ людей самымъ незаконнымъ и неправильнымъ образомъ. Сіе обстоятельство однакоже поссорило меня съ Виноградскимъ, который не упускаетъ до сихъ поръ случая дѣлать мнѣ всякія прижимки.

Дѣло мое съ Ладинскимъ принимало весьма продолжительный видъ. Такъ какъ онъ уже обѣщался по нѣкоторымъ статьямъ уплатить, но не исполнялъ своего слова, то я принужденъ былъ взять другія мѣры, тѣмъ болѣе, что до оныхъ онъ не соглашался и на залогъ, который долженъ былъ оставить за шинели. Онъ продавалъ домъ свой, выстроенный въ Тифлисѣ солдатами моего полка, за 7000 р. сер., и уже совершилъ купчую. Я по приказанію начальника штаба подалъ ему рапортъ о семъ, прося остановить продажу сію до окончанія сдачи. На домъ наложили запрещеніе, и на другой же день онъ началъ

сдавать полкъ. Мѣру сію не назову похвальною; она меня долго мучила, и тотчасъ послѣ поданія сего рапорта я въ оной раскаялся; но съ другой стороны я оправдывалъ себя тѣмъ, что имѣю дѣло съ человѣкомъ богатымъ, запрещеніе на продажу дома коего для него ничего не значитъ, ибо онъ легко могъ удовлетворить моимъ требованіямъ, дѣлаемымъ по справедливомъ изслѣдованіи начальства. Къ тому же я помнилъ всѣ мерзости имъ мнѣ дѣлаемыя и ложные слухи распущенные имъ, также какъ и о 5000 р., неуплатою коихъ онъ хвалился, вмѣсто того чтобы мнѣ быть благодарнымъ за мое снисхожденіе. Ладинскій не былъ изъ числа тѣхъ людей, съ коими бы можно было раздѣлаться оружіемъ: приказная душа его знала однѣ только ябеды, и потому я утѣшалъ себя въ сей мѣрѣ мною взятой по необходимости и противной моимъ правиламъ; но не менѣе того меня сіе мучило, пока я деньгами не отплатился за сіе.

Въ самое то время явился защитникъ Ладинскому. Г.-м. князь Горчаковъ, нѣкогда командиръ 41-го егерскаго полка, имѣлъ при сдачѣ сего полка подполковнику Авенаріусу посредникомъ Ладинскаго, и сей послѣдній облегчалъ ему сдачу сію, какъ говорятъ, обманувъ Авенаріуса. За сіе ли Горчаковъ ему былъ благодаренъ, или за другое что, мнѣ неизвѣстно; но онъ взялся быть ходатаемъ за Ладинскаго и пріѣхалъ однажды ко мнѣ. «Хотите ли, сказалъ онъ мнѣ, чтобы я былъ посредникомъ между вами и Ладинскимъ? Я пользовался нѣкогда вашею довѣренностью и надѣюсь, что и теперь не откажете мнѣ въ оной. Каковъ бы ни былъ Ладинскій, я имѣю свои причины любить его какъ брата и считаю уже себя въ правѣ заступиться за него потому единственно, что за него никто не заступается». Я зналъ Горчакова за благороднаго человѣка; но зналъ также, что онъ былъ въ числѣ ослѣпленныхъ Ладинскимъ людей. Видя однакоже его открытый приступъ, я согласился на его посредничество, и въ тотъ же день мы кончили въ теченіи двухъ часовъ всѣ почти статьи, которыя я убавилъ по просьбѣ Горчакова, уговаривавшаго меня снисходить угнетенному человѣку. Сколько я ни старался увѣрить Горчакова, что сей человѣкъ уже разъ представлялся такимъ же униженнымъ передо мною послѣ надѣланныхъ мерзостей, что я ему простилъ и уважилъ его положеніе, кончивъ съ нимъ безденежно тамъ, гдѣ мнѣ слѣдовало бы съ него получить; что за симъ онъ оказался неблагодарнымъ и хвалился сдачею полка, распуская разные нелѣпые слухи на мой счетъ, что онъ не заслуживалъ никакого снисхожденія: но Горчаковъ просилъ меня уважить если не Ладинскому, то по крайней мѣрѣ ему, и мы спустили всѣ статьи до 6500 р. асс., въ томъ числѣ и на 1500 р. асс. претензій нижнихъ чи-

новъ на Ладинскаго по невыданнымъ отъ него деньгамъ за переноску шинелей. Оставалася одна статья о киверахъ, на которую мы не соглашались: я придерживался мнѣнія начальника штаба требовать, чтобы всѣ кивера, хотя они и выслужили срокъ, были въ какомъ бы то ни было видѣ на лицо (а ихъ недоставало болѣе 500); Горчаковъ увѣрялъ меня, что требованіе сіе несправедливо и что начальникъ штаба не зналъ сего рода дѣлъ. Мы рѣшились на сей случай избрать Базилевича посредникомъ между нами; Горчаковъ въ туже минуту къ нему поѣхалъ и возвратился съ отвѣтомъ, что Базилевичъ на его мнѣніе согласенъ; я тотчасъ изъявилъ и свое согласіе уступить Ладинскому сію недостачу.

Окончивъ такимъ образомъ, Горчаковъ просилъ меня тутъ же выдать квитанцію въ пріемѣ полка; но я на сіе не согласился, не получивъ денегъ отъ Ладинскаго, потому что зналъ его безчестность, и онъ легко могъ отъ сего отказаться по полученіи квитанціи. Горчаковъ ручался за него; но я зналъ Горчакова нѣсколько вѣтреннымъ и потому сказалъ ему, что, имѣя дѣло съ Ладинскимъ, я не хотѣлъ имѣть ни съ кѣмъ болѣе расчета. Горчаковъ торопился для того, чтобы сняли запрещеніе съ дома Ладинскаго и, видя мою настойчивость, на другой день привезъ мнѣ деньги 6500 р. асс. «Кончено ли теперь?» спросилъ онъ у меня. «Нѣтъ, отвѣчалъ я; прежде всего вотъ вамъ 1000 р. изъ привезенныхъ вами, которые отдайде обратно Ладинскому; онъ хвалился, что обманулъ меня на 5000 р.; вотъ они, я ихъ у себя оставлю. Скажите ему, что со мною не годятся такіе поступки; безъ возвращаемой ему 1000 я обойдусь, и сіи остальныя да послужатъ ему наказаніемъ. Вы сами видите, впрочемъ, умѣренность мою: изъ сихъ денегъ 1500 слѣдуютъ нижнимъ чинамъ, а за тѣмъ остается у меня только 4000 р., и это все, что̀ я взялъ за полкъ». Горчаковъ отвезъ деньги Ладинскому, который ихъ принялъ съ благодарностью и слезами, а я считалъ себя симъ поступкомъ очищеннымъ отъ поданнаго мною рапорта о наложеніи запрещенія на продажу дома Ладинскаго.

Горчаковъ не переставалъ просить у меня квитанціи, но я еще не могъ выдать ему оной: въ полковой канцеляріи недоставало многихъ бумагъ, особливо по части коммисаріатской. Бумаги сіи были увезены Ладинскимъ, можетъ быть, для сокрытія неправильныхъ требованій и отпусковъ, которые дѣлались. Я не могъ вѣрить справедливости табели, имъ мнѣ переданной, послѣ всѣхъ обмановъ его. Третье же дѣло, препятствовавшее выдачѣ квитанціи, было дѣло о шинеляхъ еще не конченное. Сукно было имъ занято у П. Н. Ермолова въ Грузинскомъ полку; но Алексѣй Петровичъ не велѣлъ принимать, не

освидѣтельствовавши доброты онаго и не положивши печатей. Горчаковъ, дабы скорѣе кончить посредничество свое, просилъ меня зайти съ нимъ къ корпусному командиру, который рѣшилъ, что бумаги должны быть отданы мнѣ, для повѣрки табели выписать изъ Ставропольской коммисіи отосланную Ладинскимъ въ началѣ года туда табель, а по дѣлу о суккѣ велѣлъ продолжать по прежнему приказанію его.

За симъ я получилъ нѣкоторыя бумаги, но не всѣ. О табели начальникъ штаба послалъ предписаніе по летучей въ Ставрополь, а по третьему дѣлу коммисіонерство Тифлисское не допущало къ наложенію печатей наряженную мною коммисію.

Горчаковъ снова просилъ меня сходить съ нимъ къ корпусному командиру, который спросилъ, въ чемъ дѣло стало. Я ему сказалъ, въ чемъ была остановка. Горчаковъ, недовольный моимъ отзывомъ, съ жаромъ отвѣчалъ мнѣ въ присутствіи главнокомандующаго, что я не хочу симъ дѣло кончить и тѣмъ только задерживаю его отъѣздъ въ Имеретію (куда онъ былъ назначенъ управляющимъ и бригаднымъ командиромъ). «Поѣзжайте, отвѣчалъ я ему разсердясь, кто васъ держитъ? Мнѣ въ васъ никакой надобности не предстоитъ; я обойдусь безъ васъ весьма хорошо». Горчаковъ готовился мнѣ возразить, какъ Алексѣй Петровичъ, видя, что дѣло можетъ далѣе идти, остановилъ насъ и, обратясь къ Горчакову, сказалъ ему, что онъ заступается за бездѣльника, а потомъ ко мнѣ, сказалъ: «А вы, сударь, поступаете какъ крючекъ; вы не отвѣчаете за пропадшія бумаги, которыя можно помѣстить недостающими въ квитанціи; за доброту сукна вы также не отвѣчаете, если коммисіонерство приняло оное, и не для чего вамъ своихъ печатей класть на половинки». Меня взорвало сіе выраженіе, и я готовъ былъ отказаться отъ полка и службы послѣ сего несправедливаго упрека, но вспомнилъ, что полкъ уже принятъ и въ угожденіе ему же такъ дурно принятъ, что я не въ состояніи былъ его сдать; вспомнилъ также, что домашнія обстоятельства не позволяютъ мнѣ оставить службы. Я почувствовалъ оковы, которыя носилъ, и довольствовался отвѣтомъ ему, что я поступалъ по его приказаніямъ и ни въ чемъ отъ нихъ не отступалъ. «Въ чемъ у васъ дѣло стало?» продолжалъ онъ другимъ голосомъ.—«Оно стало только въ тѣхъ предметахъ, до исполненія коихъ вы не велѣли выдавать квитанцію; а вы, князь (обращаясь къ Горчакову), не знаю, зачѣмъ вы по пустому утруждаете его высокопревосходительство по предметамъ уже имъ рѣшеннымъ». Алексѣй Петровичъ снова приказалъ, чтобы не выдавать квитанціи до полученія и повѣрки табели; но я, пришедши домой, призвалъ отставнаго поручика Кащеева (жившаго съ Ладинскимъ и бывшаго у него прежде полковымъ адъютантомъ) и просилъ его на-

писать квитанцію. На другой день поутру я подписалъ ее, не дождавшись присылки табели и не налагая уже печатей на сукно, о полученіи коего въ залогъ я извѣстился отношеніемъ изъ коммисіонерства.

Сіе было 24 числа Мая. Я поѣхалъ съ рапортомъ о совершенномъ принятіи полка къ Алексѣю Петровичу, заѣхавъ по дорогѣ къ дому Ладинскаго и, вызвавъ человѣка, отдалъ ему квитанцію для врученія Ладинскому; а самъ подалъ рапортъ главнокомандующему. Онъ не ожидалъ сего, былъ чрезвычайно доволенъ мною, обнималъ меня, называлъ поступокъ мой благороднѣйшимъ, изливался въ самихъ жестокихъ выраженіяхъ на счетъ Ладинскаго, говоря, что онъ предупредитъ министра, чтобы этому мошеннику не давать никакого мѣста. Но всего сего было недостаточно для меня: я помнилъ и помню до сихъ поръ первое выраженіе его и какъ скоро буду обезпеченъ со стороны сдачи полка, приведу ему слова сіи и получу или явное сознаніе въ его винѣ, или оставлю службу подъ его начальствомъ.

До выѣзда моего изъ Тифлиса я довольно часто видѣлся съ корпуснымъ командиромъ, и онъ вездѣ и при всякомъ свиданіи со мною обнималъ меня и старался ласками загладить свой поступокъ; но я все еще не могъ забыть его и сказалъ о семъ Базилевичу и Тимковскому. Первый совѣтовалъ мнѣ дѣло сіе такъ оставить, развѣ только при удобномъ случаѣ напомнить ему о семъ; но сего случая еще не представлялось. Главнокомандующій былъ у меня въ гостяхъ въ теченіи лѣта, случай былъ очень удобенъ; но я совѣстился его огорчать, тогда какъ онъ у меня гостилъ.

Василій Ѳедоровичъ Тимковскій, старый знакомый мой, тою весною прибылъ въ Тифлисъ для служенія подъ начальствомъ Алексѣя Петровича. Онъ имѣлъ чинъ статскаго совѣтника и былъ вызванъ главнокомандующимъ, дабы находиться при немъ по особымъ порученіямъ, но жилъ безъ всякаго дѣла. Человѣкъ сей, весьма умный, честный и исполнявшій по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ весьма важныя порученія въ Россіи, склонился на повторенныя просьбы Алексѣя Петровича и пріѣхалъ, былъ имъ обласканъ, но не получалъ никакого почти дѣла для обработыванія. Я, пользуясь его пріязнію и довѣренностью, сообщилъ ему полученное мною неудовольствіе; онъ бралъ живое участіе во всемъ до меня касающемся. Полагаясь совершенно на правоту его чувствъ, я утѣшался тѣмъ, что онъ одобрялъ и хвалилъ поступки мои.

По выходѣ отъ Алексѣя Петровича я прямо поѣхалъ къ Ладинскому и засталъ его притворяющимся несчастнѣйшимъ и испущающимъ на дняхъ духъ человѣкомъ: онъ говорилъ, что болѣзнь на

днях прекратить дни его и снималъ образъ со стѣны, увѣряя, что у него денегъ нѣтъ. Я выслушалъ его. Онъ благодарилъ меня за квитанцію. Въ заключеніе нашего дѣла онъ просилъ меня принять жеребца, но я не принялъ сего подарка и сказалъ ему, что возьму нѣсколько улей пчелъ его, коихъ онъ до семисотъ имѣлъ на Башкегетѣ и, продавая по дорогой цѣнѣ воскъ въ полковую церковь, а медъ въ Тифлисѣ, получалъ отъ сего до 2000 р. с. доходу въ годъ. Я не для того желалъ ихъ имѣть и просилъ ихъ только семь. Онъ мнѣ ихъ отдалъ и когда къ осени они размножились до 21 улья, то я подарилъ ихъ въ женатую роту, для поддержанія несчастныхъ женъ рекрутскихъ, не имѣющихъ чѣмъ содержать себя.

Передъ отъѣздомъ моимъ обратно въ Башкегетъ, Алексѣй Петровичъ спрашивалъ меня о Бѣломъ Ключѣ. Не успѣвъ за пріемомъ полка и множествомъ дѣлъ осмотрѣть сіе мѣсто, я не могъ доставить ему удовлетворительныхъ свѣдѣній. Онъ былъ нѣсколько недоволенъ симъ, но мнѣ невозможно было двумя дѣлами въ одно время заняться.

Выѣхавъ изъ Тифлиса въ послѣднихъ числахъ Мая, или въ первыхъ Іюня, я поворотилъ изъ Кодъ направо, проѣхавъ черезъ Нѣмецкую колонію Екатеринфельдъ и, прибывъ въ казачій полкъ г.-м. Власова, расположенный на Алгеткѣ, гдѣ взялъ обывательскихъ проводниковъ и урядника Власова (брата двоюроднаго генерала) знавшаго хорошо мѣста, слѣдовалъ черезъ Цымскую на Бѣлый Ключъ и тамъ остановился ночевать и смотрѣлъ мѣстоположеніе, которое я нашелъ ведьма удобнымъ для поселенія полка. На другой день я переправился черезъ Алгетку и, осмотрѣвъ раззоренный монастырь, Манглисъ, Кульгутинскій казачій лѣтній постъ и всѣ окрестности того мѣста, нашелъ ихъ также удобными для поселенія полка. Подробное описаніе, которое я имъ сдѣлалъ, хранится въ запискахъ моихъ по описанію Грузіи. Упомяну только о раззоренномъ монастырѣ. Огромное зданіе выстроено изъ большаго тесаннаго камня, на которомъ высѣчены самыя мелкія украшенія въ большомъ количествѣ; сводъ купола высокъ и весьма искусно сдѣланъ; живопись еще сохранялась весьма хорошо на внутреннихъ стѣнахъ зданія, состоящаго кромѣ главной церкви изъ нѣсколькихъ малыхъ придѣловъ, отработанныхъ съ одинаковымъ тщаніемъ мелкою рѣзьбою на разноцвѣтныхъ камняхъ. Все зданіе еще довольно крѣпко, хотя одна стѣна нѣсколько и подалась внаружу. Недавно еще на церкви сей былъ желѣзный крестъ, который неизвѣстно кѣмъ снятъ. Въ сторонѣ отъ церкви видны развалины келій монашіихъ и каменный жолобъ, по которому была проведена изъ за ограды монастыря изъ родниковъ вода. Ограда каменная съ бойницами, съ четырьмя башнями по угламъ и одною съ

южной стороны надъ выѣздомъ. Она нѣсколько уже развалилась; въ одной изъ угловыхъ башень видны жернова, принадлежавшіе къ маслобойнѣ, а по близости ограды слѣды жилья. По стѣнамъ зданія и надъ воротами высѣчены надписи на Грузинскомъ языкѣ, которыя мнѣ некому было поручить разобрать. Въ окрестностяхъ Манглиса, покрытыхъ прекрасными сосновыми рощами, находилось нѣсколько деревень, коихъ церкви и теперь еще цѣлы. Мѣста сіи не болѣе 60 или 70 лѣтъ какъ оставлены жителями, по причинѣ частыхъ набѣговъ Ахалцихскихъ Лезгинъ, во времена царей Грузинскихъ. Они были послѣ того весьма небезопасны отъ скрывающихся всегда тамъ хищниковъ, пріѣзжавшихъ даже на разбой въ самые сады Тифлиса; но нынѣ все сіе прекратилось, и недостаетъ только рукъ, дабы прекрасныя мѣста, одаренныя всѣми богатствами природы, снова процвѣтали.

Въ тотъ же день я прибылъ на Беденскій постъ (въ проливной дождь и бурю), гдѣ остановился ночевать, выѣхалъ опять на дорогу ведущую къ Цалнѣ, а на другой день прибылъ въ крѣпость Цалну, лежащую близъ границъ Турецкихъ. Тамъ расположена была шестая егерская рота моего полка, коей командовалъ, а также наблюдалъ за границами, шт.-кап. Григоровичъ. Тамъ я составилъ въ чернѣ описаніе обозрѣнныхъ мною мѣстъ и слѣдовалъ обратно въ Башкегетъ, но прежде заѣхалъ въ Шиндляры, въ полкъ казачій полковн. Григорья Алексѣевича Сергѣева, гдѣ и оставался ночевать, а на другой день объѣздилъ все урочище, называющееся Гумборетши, гдѣ также находится много развалинъ селеній и городовъ. На Гумборетшахъ селилось въ прошломъ году пять деревень, и мѣста сіи, богато одаренныя природою, обѣщаютъ также изобильные плоды трудамъ жителей. По пріѣздѣ на другой день въ Башкегетъ, я составилъ подробное описаніе видѣнныхъ много мѣстъ и послалъ оное къ Алексѣю Петровичу, который въ то время находился на Мухравани, въ Грузинскомъ полку, на праздникѣ у П. Н. Ермолова. Онъ былъ столь доволенъ, что написалъ ко мнѣ письмо, коимъ благодарилъ меня въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ за мой трудъ, говоря, что еслибъ онъ болѣе имѣлъ мнѣ подобныхъ помощниковъ, то ему бы во многомъ облегчились его занятія. Я полагаю, что причиною сей благосклонности было отчасти намѣреніе загладить вину свою противъ меня. Между тѣмъ онъ вызывалъ меня въ Тифлисъ, дабы сдѣлать ему маршрутъ къ личному обозрѣнію сихъ мѣстъ, намѣреваясь посѣтить и Башкегетъ и желая получить отъ меня различныя изустныя свѣдѣнія о дорогахъ. По прибытіи моемъ въ Башкегетъ, я засталъ шесть орудій роты подполковника Флиге, которыя еще 25-го Мая пришли сюда изъ Зіякуръ, изъ Дагестана. На мѣсто

ихъ шла туда изъ Караклиса рота бывшая Вахрущева, нынѣ кап. Берха, которая пришла также на лѣто для продовольствія своихъ лошадей въ Башкегетъ.

Въ началѣ Іюня я уѣхалъ въ Тифлисъ; но желая открыть еще новыя мѣста, я поѣхалъ верхомъ по новымъ дорогамъ. По полученіи письма Алексѣя Петровича я отправился немедленно въ ночь въ Шиндляры къ Сергѣеву въ полкъ и пригласилъ его на другой день со мною вмѣстѣ ѣхать. Мы выѣхали вмѣстѣ на другой день, въ намѣреніи отыскать прямую дорогу на Бѣлый Ключъ, а оттуда уже прибыть къ ночлегу на зимовникъ Власова полка. Спустившись въ глубокое ущелье, по которому течетъ рѣка Храмъ и переправившись черезъ оное, мы поднимались часа два въ гору, дабы выйти на противолежащій берегъ сего ущелья, лѣсомъ безъ дороги, да и въ дождь, и прибыли къ раззоренной церкви, въ которой жило или кочевало одно Армянское семейство въ лѣсу. Мы взяли проводника, который не зналъ дороги и заѣхали въ густой лѣсъ, въ коемъ заблудились и передъ вечеромъ уже, утомивши лошадей, ѣдучи по крутымъ горамъ безъ дороги, попали на дорогу ведущую отъ Бѣлаго Ключа къ Беденямъ. Отдохнувши съ полчаса, мы спустились съ горъ въ ущелье, въ коемъ течетъ рѣчка, на которой находится зимовникъ, и темная ночь застала насъ въ пути. Сергѣевъ, который впереди былъ, уѣхалъ и сыскалъ зимовникъ; но я заблудился, ибо настоящей дороги не было, а только тропинки едва замѣтныя днемъ, а ночью совсѣмъ не видныя. Я съ трудомъ попалъ на зимовникъ, гдѣ нашелъ Сергѣева, ожидающаго меня у огня. Путешествіе другаго дня было еще неудачнѣе для насъ. Мы хотѣли открыть прямую дорогу отъ Манглиса или Кульгутинскаго поста къ Тифлису. Лошади наши были изнурены отъ прошлаго дня, въ который мы проѣхали близъ 80-ти верстъ. Пріѣхавши на Кульгутинскій постъ, оттуда слѣдовали мы вершиною горы къ Тифлису по бывшей старой повозочной дорогѣ; но разстояніе было велико, и послѣ 35-ти верстъ ѣзды мы прибыли передъ вечеромъ на Каждоры, къ находящейся тамъ казачей резервной командѣ, гдѣ отдохнули около получаса и передъ сумерками поѣхали къ Тифлису, спущаясь съ горъ. Сергѣевъ увѣрялъ меня, что зналъ твердо остатокъ сей дороги, и потому онъ ѣхалъ впереди, указывая оную. Когда уже было совершенно темно, такъ что дороги нисколько не было примѣтно, мы вдругъ увидѣли подъ ногами своими множество огней и узнали Тифлисъ. Предполагая, что мы должны находиться на краю скалы или пропасти около города, но на какой именно не догадываясь, мы нѣсколько спустились по каменному утесу, ведя въ поводу лошадей своихъ и прибыли къ каменному мосту че-

резъ быструю рѣчку, текущую водопадомъ по ущелью, въ коемъ мы находились; и тутъ узнали, что мы, сбившись съ дороги, подъѣзжали къ городу со стороны дома главнокомандующаго, оставляя его нѣсколько влѣвѣ, около загороднаго дома Авессалома Бебутова. Никто изъ насъ не бывалъ въ семъ мѣстѣ, хотя оно и хорошо видно изъ города. Мы видѣли прежде сей каменный мостъ, ведущій съ одного утеса на другой; знали, что онъ давно уже почти совсѣмъ разрушался и не знали, ходятъ ли по немъ еще. Не желая однако воротиться, мы рѣшились перейти его. Подъ ногами у насъ была ужасная пропасть. Мостъ, коего многіе каменья отвалились, едва имѣлъ аршинъ въ ширину, былъ безъ перилъ и въ одномъ мѣстѣ совсѣмъ почти перервался. Мы перешли его благополучно съ большою опасностью, и тутъ засталъ насъ проливной дождь. Мы находились на каменной площадкѣ, на которой едва умѣщались съ лошадьми, имѣя съ правой стороны утесъ, а съ лѣвой пропасть безъ всякой почти возможности поворотиться, и стали спущаться. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ лошади наши, и мы сами, спущались скользкомъ въ сторону по каменнымъ плитамъ, останавливаясь только у камней, которые встрѣчались, и наконецъ прибыли къ такому мѣсту, отъ котораго не находили болѣе средства далѣе идти. Мы рѣшились оставить лошадей однихъ искать дороги, испытывали спущаться во всѣ стороны и были влекомы сыпущимся подъ ногами хрящемъ внизъ, такъ что съ трудомъ могли опять возвращаться къ прежнему мѣсту. Стали кричать и просить помощи, но никто не отзывался. Въ одномъ изъ сихъ путешествій подъ гору, гдѣ мы катились по хрящамъ, Сергѣевъ полетѣлъ было совсѣмъ съ обрыва, но задѣвши крючкомъ портупеи своей за камень остановился и симъ только спасся. Я былъ счастливѣе и попалъ на текущую въ небольшой канавѣ воду. Вспомнивъ, что жители Тифлисскіе по сей горѣ проводятъ воду въ сады свои, я пошелъ по водѣ, слѣдуя всѣмъ извилинамъ канавы и боясь выступать на сушь, дабы не потерять пути сего. И мы прибыли такимъ образомъ къ дому Авессалома Бебутова, гдѣ остались отдыхать и просили его послать людей съ фонарями за лошадьми нашими. Когда лошадей нашихъ привели, мы въѣхали въ городъ и прибыли на квартиру уже часу въ 1-мъ или 2-мъ ночи, всѣ вымоченные и усталые. Спускъ сей съ горы, сопряженный съ большою опасностью, продолжался около трехъ часовъ, на разстояніи какой-нибудь полуверсты.

На другой день, явившись къ Алексѣю Петровичу, я разсказалъ ему о видѣнныхъ мною мѣстахъ и, назначивъ ему маршрутъ, оставилъ въ Тифлисѣ Сергѣева для провожанія главнокомандующаго, а самъ дни черезъ два поѣхалъ на Бѣлый Ключъ для встрѣчи его. Пу-

тешествіе его имѣло цѣлью осмотръ мѣстъ къ избранію новаго мѣста для перенесенія изъ Башкегета штабъ-квартиры моего полка, а изъ Квеши 41-го егерскаго, и первую встрѣчу ему я долженъ былъ сдѣлать на Бѣломъ Ключѣ.

Для сего, передъ выѣздомъ моимъ изъ Башкегета, я далъ предписаніе шт.-кап. Золотареву выступить въ слѣдъ за моимъ выѣздомъ съ 7-ю егерскою ротою и идти прямою дорогою на Бѣлый Ключъ, разставивъ оттуда по дорогѣ къ Цалнѣ и въ Тифлисъ, для конвоированія Алексѣя Петровича, команды съ офицерами. Подпоручика Куликовскаго послалъ я съ обозомъ черезъ Квеши на Бѣлый Ключъ; съ нимъ были посланы почти всѣ полковыя подъемныя лошади и запасы винъ и всякихъ вещей. На Бѣломъ Ключѣ, къ пріѣзду моему, былъ уже устроенъ лагерь. За первымъ рядомъ онаго, устроеннымъ для команды, были поставлены большіе балаганы, накрытые травою и цвѣтами для корпуснаго командира и его окружающихъ; первый рядъ палатокъ для службы, а четвертый, примыкающій къ лѣсу, заключалъ обозъ, походную кузницу, лазаретъ, маркитанта и складъ для 16-ти дневнаго продовольствія войскъ. Мѣсто было прелестное, погода ясная, и лагерь сей представлялъ видъ прекрасный. Тутъ я ожидалъ Алексѣя Петровича, который черезъ три дни прибылъ. Его встрѣтилъ первый, за шесть верстъ отъ Бѣлаго Ключа, у начала лѣса, подпоручикъ Клименко съ 30-ю человѣками, которые по пріѣздѣ его присоединились къ ротѣ. Онъ былъ очень доволенъ сими приготовленіями. Для обѣда былъ сдѣланъ особый балаганъ. Вино Донское лилось тамъ безъ остановки; окружающіе его едвали гдѣ воду пили во все время: ибо на всякомъ мѣстѣ, гдѣ главнокомандующій ни слѣзалъ съ лошади, былъ поданъ завтракъ. Посуду и всѣ принадлежности къ сему я имѣлъ только въ самомъ маломъ количествѣ, не заведясь еще ничѣмъ по новости. Я долженъ былъ вездѣ поспѣть, дабы принять его хорошо, въ ущельяхъ и лѣсахъ, далеко отстоящихъ отъ моей штабъ-квартиры. Свита съ нимъ была многочисленна и любила повеселиться. Я старался всѣмъ угодить, и казалось бы, что недовольныхъ между ними не должно было быть. Для подъема съ одной станціи на другую выходило до 75 лошадей. Съ Алексѣемъ Петровичемъ пріѣзжали: генералъ Трузсонъ, инженерный, два адъютанта его Воейковъ и Талызинъ, свитскій капитанъ Жихаревъ, переводчики, многіе другіе чиновники и прислуга.

Въ тотъ же вечеръ Алексѣй Петровичъ осмотрѣлъ окрестности Бѣлаго Ключа, которыя ему очень понравились, и по возвращеніи онъ сталъ говорить мнѣ о перенесеніи штабъ-квартиры моего полка. Я всячески старался доказать ему неудобства сего, но онъ все оспари-

валъ; остановился однако, когда я ему сказалъ, что перенесеніе сіе можетъ произвести значительный побѣгъ между нижними чинами, но не отступилъ отъ своего намѣренія. Ввечеру весь лагерь и окрестности были илюминованы. Я просилъ его остаться еще на другой день для отдыха; онъ согласился, но послѣ просилъ меня возвратить ему данное обѣщаніе, потому что ему было много дѣла.

На другой день онъ собрался ѣхать къ Манглису. Спустившись съ горы, онъ поднялся на возвышеніе, съ котораго видѣнъ былъ монастырь и всѣ окрестности. День былъ жаркій, онъ утомился и не поѣхалъ черезъ Алгетку; а осмотрѣвъ мѣсто въ зрительную трубку, пріѣхалъ на зимовникъ, куда уже выставлена была команда съ офицеромъ для встрѣчи его. Къ ней вскорѣ присоединилась пришедшая изъ Манглиса, и тутъ расположились ночевать въ выстроенномъ также лагерѣ.

На третій день поѣхали къ Цалнѣ, обозъ же прошелъ прямо черезъ Бедени къ Цалнѣ. День былъ жаркій, мѣста открытыя и единообразныя, переходъ большой, и онъ сердился во всю дорогу. На другой день онъ, кажется, дневалъ на Цалнѣ и въ сей день поѣхалъ осматривать границы. Голыя мѣста и безлѣсіе его сердили; ничѣмъ ему нельзя было угодить; онъ не хотѣлъ ѣхать по дорогамъ, которыя ему указывали, выбирая самыя дурныя, или лучше сказать попадалъ на нихъ по незнанію мѣста и выѣзжалъ на возвышенія, съ коихъ не открывались ему тѣ горы, которыя онъ видѣть хотѣлъ. Сердце его не прежде прошло какъ по возвращеніи въ крѣпость, и тутъ онъ становился опять любезенъ и веселъ по прежнему. Переночевавъ другой разъ въ Цалнѣ, онъ отправился до свѣта къ Гуссейнъ-ханскому посту. Дорогою онъ былъ столько сердитъ на пашни, въ нѣсколькихъ мѣстахъ находящіяся и на мухъ безпокоившихъ его, что остановился на половинѣ дороги и рѣшился назадъ въ Тифлисъ ѣхать. Едва я его уговорилъ не отмѣнять посѣщенія Башкегета. Онъ поѣхалъ къ Гуссейнъ-хану; но, видя, что онъ не переставалъ сердиться, всѣ отстали отъ него и предали его мухамъ, которыя его безпокоили не болѣе прочихъ. Замѣтя сіе, онъ позвалъ меня, и вскорѣ открывшаяся прекрасная равнина моихъ сѣнокосовъ развеселила его. Гуссейнъ-ханскій постъ, на коемъ полковникъ Сергѣевъ изготовилъ ему завтракъ, все поправилъ. Онъ отдыхалъ тутъ около часа и, отпустивъ меня въ Башкегетъ, самъ поѣхалъ къ Сергѣеву въ Шиндляры, гдѣ и заночевалъ, а на другой день пріѣхалъ поутру въ Башкегетъ. Подполк. Авенаріусъ, вытребованный имъ черезъ меня, еще когда мы были на Цалнѣ, и полк. князь Севарземидзевъ, командиръ Тифлисскаго пѣхотнаго полка, пріѣхали также встрѣчать его въ

Башкегетѣ. Онъ пробылъ въ Башкегетѣ около трехъ дней и 29-го числа, въ полковой праздникъ Петра и Павла, былъ довольно веселъ. Одно слово только имъ сказанное все испортило для меня. Принимаясь нѣсколько разъ разговаривать о Манглисѣ, который онъ назначилъ для моего полка, онъ старался увѣрить меня въ пользѣ сего переселенія. Видя, что представленія мои мало дѣйствовали, я рѣшился уже болѣе не противиться его мнѣнію и, желая увѣрить его, сколь всѣ будутъ стараться о исполненіи воли его, сказалъ ему, что я, всѣ офицеры и нижніе чины въ возложенной на нашъ полкъ работѣ увидятъ обязанность свою, которую потщатся исполнить съ усердіемъ, и что сверхъ того всѣ, и я въ особенности, съ большимъ удовольствіемъ приступимъ ко всякому дѣлу ему угодному. «Я полагаю, отвѣчалъ онъ мнѣ, что и обязанности вашей достаточно бы для сего было». Я замолкъ, не зная, чему приписать такое изреченіе, къ коему я повода не далъ; но онъ, почувствовавъ ошибку свою, старался ее загладить ласками и не показывалъ мнѣ ни малѣйшаго неудовольствія. Трудно было угодить сему гостю, который, подъ названіемъ простаго солдата въ обращеніи, имѣетъ множество прихотей особеннаго рода, которыя не всегда удается угадать и выполнить.

Я не пропустилъ спросить его о дѣлѣ, о коемъ ложные слухи, распущенные Ладинскимъ, касались меня. Корпусный командиръ давно уже предупредилъ меня, что Ладинскій услалъ въ прошломъ году, подъ предлогомъ отпуска, нижнихъ чиновъ со своимъ обозомъ въ Россію. Опасаясь, чтобы онъ еще не взялъ людей съ собою (такъ какъ уже при мнѣ нѣсколько примѣровъ было, что ротные командиры давали ему оныхъ), я просилъ коменданта взять мѣры, чтобы ни выпущали съ нимъ при отъѣздѣ его за городъ солдатъ. Не знаю что̀ комендантъ приказывалъ по сему и что̀ случилось; знаю только, что въ полку распущенъ былъ слухъ, будто Ладинскаго самого не пущали за городъ и что онъ просилъ дежурнаго штабъ-офицера, полковника Наґаткина, доложить о семъ Алексѣю Петровичу; что сей послѣдній извинился передъ нимъ въ томъ, говоря, что онъ никогда такого приказанія не отдавалъ; что, при прощаніи ихъ, корпусный командиръ сказалъ ему, что узналъ ошибку свою, но поздно, что ему нынѣ извѣстны стали правота и всѣ способности Ладинскаго, что онъ искренно сожалѣлъ, что отпущалъ такого человѣка, котораго болѣе не сыщетъ въ корпусѣ, что онъ былъ мною весьма недоволенъ и, разставаясь съ Ладинскимъ самымъ дружескимъ образомъ, далеко провожалъ его. Я спросилъ Алексѣя Петровича, справедливо ли сіе. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Если ты мнѣ бы не сталъ вѣрить, любезный Муравьевъ, то вотъ адъютантъ мой Талызинъ, котораго я поставилъ за

ширмы въ то время какъ я принималъ Ладинскаго, для того чтобы онъ зналъ, и былъ бы извѣстенъ пріемъ, который я ему сдѣлалъ. Я ему, продолжалъ онъ, показалъ-то всего двѣ бумаги, по которымъ ему надобно было солдатомъ быть и показалъ ему, сколько я его пощадилъ. Вотъ весь пріемъ мой, послѣ котораго онъ ушелъ и выѣхалъ изъ Тифлиса».

Я не хотѣлъ также пропустить случая наградить адъютанта своего Артемовскаго за всѣ труды его, кои были велики во все время принятія мною полка и во время частыхъ отсутствій моихъ, въ кои я поручалъ ему все управленіе хозяйственной части, что̀ онъ выполнялъ съ дѣятельностью и стараніемъ. Преданность его къ прежнему его начальнику, предмѣстнику моему, нравилась мнѣ, и если онъ сдѣлалъ нѣкоторыя ошибки противъ меня, то я приписывалъ ихъ къ молодости его, не переставая видѣть въ немъ хорошаго офицера и честнаго сослуживца. Я просилъ Алексѣя Петровича наградить его чиномъ, но въ семъ мнѣ было отказано; я просилъ перстня, но не получилъ никакого рѣшительнаго отвѣта, и потому отложилъ настаивать на семъ до другаго времени. Между тѣмъ Алексѣй Петровичъ спросилъ меня о поведеніи одного офицера, прапорщика Рузе, который, не будучи уже однажды атестованъ Ладинскимъ, былъ обойденъ въ производству и теперь, также не бывъ атестованъ, могъ быть выключенъ изъ службы. Поступокъ Ладинскаго въ семъ случаѣ былъ справедливъ, ибо Рузе точно надѣлалъ мерзостей и при мнѣ также ознаменовалъ дурное свое поведеніе. Но, видя желаніе Алексѣя Петровича, который спросилъ меня, стоитъ ли онъ того, чтобы его обстоятельства поправить, я подалъ рапортъ, въ коемъ доносилъ о исправленіи его. Онъ былъ представленъ и получилъ недавно чинъ подпоручика, но не пересталъ себя дурно вести и мало подаетъ надежды къ исправленію себя.

На другой день послѣ полковаго праздника Алексѣй Петровичъ хотѣлъ выѣхать до свѣта и приказалъ наканунѣ, чтобы въ 3-мъ часу утра все было готово. Я съ вечера взялъ для сего всѣ мѣры и, мало будучи знакомъ еще съ дѣятельностью подчиненныхъ своихъ, избалованныхъ нѣгою предмѣстника моего, тѣмъ только умѣвшаго показать званіе свое (ибо онъ былъ изъ самаго низкаго состоянія), не полагалъ, чтобы не исполнились въ точности мои приказанія. 30-го числа я всталъ вскорѣ послѣ полуночи, мало отдыхая во время слѣдованія Алексѣя Петровича, ложащагося очень поздно и встающаго чрезвычайно рано; ибо я долженъ былъ въ сіе короткое время отдыха его сдѣлать всѣ нужныя распоряженія для другаго дня и встать ранѣе его. Но все спало, некого даже было послать, чтобы разбудить людей на конюшнѣ; дежурный спалъ, все молчало, все было тихо. Раздавался

только голосъ Алексѣя Петровича, который требовалъ лошадей, и никто ему не отвѣчалъ. Онъ сѣлъ раскладывать гранъ-пасьансъ, скрывъ неудовольствіе свое и черезъ часъ или полтора, когда собрались уже окружающіе его, видя, что еще ничего не готово къ отъѣзду его, онъ вышелъ, разбранилъ адъютантовъ своихъ, велѣлъ подать себѣ верховую лошадь свою и поѣхалъ одинъ. Казаки, обозъ его, дрожки, все оставалось. Досадуя на всѣхъ, я переловилъ нѣсколькихъ суетящихся и перепоролъ ихъ. За симъ все тронулось; вмигъ обозъ, дрожки, все было заложено; но къ несчастію лошади въ дрожкахъ главнокомандующаго стали бить; надобно было ихъ снова перемѣнить, и все понеслось во весь духъ за нимъ. Онъ былъ уже далеко; однако едва успѣлъ онъ подняться на Мокрую гору, слѣдуя къ переправѣ Джелалъ-Оглу черезъ Каменную рѣчку, какъ все нагнало его. Севарсемидзевъ, дожидавшійся его съ 30 Курдами за мельницами, встрѣтилъ его и провожалъ.

Отправивши всѣхъ, я самъ послѣдній выѣхалъ изъ Башкегета и за мельницами встрѣтилъ штабъ-офицеровъ своего полка, которымъ съ вечера еще приказалъ поранѣе встать, вывести роты и проводить Алексѣя Петровича. Роты не были выведены, они поѣхали поздно, и не нагнавъ его остановились дожидаться меня. Встрѣтивъ меня, подполковникъ Кулябко просилъ позволенія воротиться, говоря, что главнокомандующій уже очень далеко, и что его нагнать нельзя. Видя лѣнь ихъ и беззаботливость, я ихъ отпустилъ, а самъ поскакалъ на Мокрую гору, гдѣ и нагналъ Алексѣя Петровича. Подъѣхавъ къ нему, я просилъ его не сердиться на своихъ адъютантовъ, которые нисколько не были виновны въ семъ, взялъ всю вину на себя и сказалъ, что если мнѣ бы хотя двѣ недѣли удалось пожить въ полку, то истребилъ бы сію безпечность и не подвергся бы впередъ такой неудачѣ черезъ упущенія своихъ подчиненныхъ, но что, будучи новъ въ полку, я еще не успѣлъ ввести должнаго порядка, тѣмъ болѣе, что все находился въ откомандировкахъ. Онъ смѣялся, шутилъ и говорилъ мнѣ, чтобы я не безпокоился о такихъ бездѣлицахъ. На завтракѣ же, приготовленномъ мною верстахъ въ 20 отъ Башкегета, въ горахъ, въ разставленныхъ палаткахъ, онъ совсѣмъ развеселился и совершенно забылъ неудачный выѣздъ свой изъ Башкегета. На бывшемъ Джалкинскомъ казачьемъ посту онъ перемѣнилъ лошадей и далѣе слѣдовалъ къ Каменной рѣчкѣ, будучи встрѣченъ казачьимъ подполковникомъ Аѳанасьемъ Алексѣевичемъ Сысоевымъ, который командовалъ полкомъ, расположеннымъ при Каменной рѣчкѣ. На Джалкѣ же была выставлена конвойная команда съ офицеромъ изъ моего полка, которая по проѣздѣ его воротилась. Лошади мои довезли его въ сей день до

изготовленнаго ему лагеря подполковникомъ Авенаріусомъ. Авенаріуса не было при нашемъ прибытіи, но онъ вскорѣ пріѣхалъ изъ Лорійскаго лагеря, гдѣ находился съ полкомъ для избѣжанія лѣтомъ жаровъ Квешинскихъ. Алексѣй Петровичъ былъ очень веселъ. Я ночевалъ съ нимъ въ палаткахъ и на другой день, Іюля 1-го числа, простившись съ нимъ, поѣхалъ обратно въ Башкегетъ, а онъ продолжалъ путь свой черезъ Лори въ Караклисъ.

Въ тотъ же день утромъ я пріѣхалъ домой, будучи, признаться, весьма доволенъ, что сбылъ такого гостя, не столько его, какъ всю свиту его и прислугу. Путешествіе сіе стоило мнѣ близъ 2000 р. асс., что было для меня весьма накладно въ началѣ командованія полкомъ. По возвращеніи въ Башкегетъ, собрались ко мнѣ всѣ господа. Я былъ очень недоволенъ нерасторопностью многихъ при отъѣздѣ Алексѣя Петровича, сказалъ имъ, какъ онъ былъ снисходителенъ за сіе упущеніе, нѣкоторыхъ болѣе виновныхъ побранилъ; а такъ какъ подполковникъ изъ первыхъ показалъ весьма мало охоты нагнать главнокомандующаго и проводить его и черезъ то остановилъ другихъ штабъ-офицеровъ, то я ему замѣтилъ, сколько неприлично было съ его стороны не хотѣть сколько-нибудь побезпокоиться, дабы проводить начальника, столько о насъ заботящагося и заслуживающаго нашу любовь и уваженіе, и что притомъ я отъ него, какъ отъ старшаго по себѣ, ожидалъ болѣе помощи. Кулябка принялъ сіе съ неудовольствіемъ, и какъ простой хохолъ безъ всякаго образованія отвѣчалъ мнѣ, что не гнаться же за нимъ. Я ему замѣтилъ несовмѣстность его выраженія, и мы разстались съ неудовольствіемъ. То была первая ссора съ Кулябкою, человѣкомъ грубымъ, беззаботливымъ о службѣ, женатымъ, корыстолюбивымъ и обременяющимъ только полкъ своимъ хозяйствомъ, заведшимъ хлѣбопашество въ Башкегетѣ, злымъ, надоѣвшимъ всѣмъ офицерамъ своими грубостями. И по правиламъ Алексѣя Петровича я долженъ былъ держать сего человѣка, терпѣть его и всѣ неисправности и упущенія его, для того чтобы не нанести главнокомандующему неудовольствія, сдѣлавъ справедливое представленіе объ отрѣшеніи отъ командованіи баталіономъ человѣка безполезнаго для службы и несноснаго для всѣхъ. Сія была первая ссора наша. За симъ послѣдовали другія, на которыя кажется подстрекалъ его артилерійскій капитанъ Бергъ, изъ того единственно, чтобы осмѣять его, ибо онъ ко всѣмъ симъ качествамъ не имѣетъ довольно ума, чтобы поставить себя на степень почтенія. Вскорѣ я получилъ изъ Караклиса письмо отъ Воейкова, коимъ онъ извѣщалъ меня о скоромъ выѣздѣ Алексѣя Петровича обратно въ Тифлисъ. Я немедленно поѣхалъ встрѣчать его въ Шулаверы, слѣдуя черезъ селеніе Больнисы.

Въ Шулаверахъ я опять просилъ его настоятельнымъ образомъ не забыть адъютанта моего Артемовскаго, и онъ обѣщался наградить его перстнемъ. Тутъ узналъ я о весьма непріятномъ происшествіи для Алексѣя Петровича, случившемся въ Грузинскомъ полку, коимъ командовалъ двоюродный братъ его. П. Н. Ермоловъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и сбирался ѣхать съ д. с. с. Могилевскимъ, по препорученію начальства, на Персидскую границу, для размежеванія оной; но прежде выѣзда своего онъ долженъ былъ сдать полкъ свой новому командиру полковнику Копылову, который былъ у меня посредникомъ. Копыловъ, прибывши въ штабъ-квартиру полка и увидѣвъ нѣсколько ротъ, вдругъ самымъ неожиданнымъ образомъ уѣхалъ, отрапортовался больнымъ, объявилъ, что онъ полка принимать не будетъ и подалъ прошеніе въ отпускъ...

Многіе осуждали поступокъ Копылова, иные оправдывали его. Онъ дурно поступилъ противъ Алексѣя Петровича. Хотя полкъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, но онъ не долженъ былъ отказываться отъ него, разъ просивши главнокомандующаго о переводѣ его изъ артилеріи. Къ оправданію его, хотя слабому, служило то, что онъ надѣялся получить (какъ онъ говорилъ) Херсонскій, а не Грузинскій полкъ; что, будучи уже нѣсколько лѣтъ полковникомъ, онъ не надѣялся въ короткое время предстоящаго его командованія поставить полкъ на такую ногу, чтобы ему можно было сдать его; третье то, что въ полку семъ былъ подполковникомъ гр. Симоничъ, иностранецъ, жаждавшій сего командованія, вѣроятно изъ корыстолюбивыхъ видовъ, женившійся на Грузинкѣ, заведшій большое хозяйство и управлявшій полкомъ совершенно по своему произволу въ командованіе Петра Николаевича. Копыловъ долженъ былъ опасаться его козней. Весь полкъ былъ разбитъ въ прислугахъ и по разнымъ должностямъ, и служба и повиновеніе совсѣмъ почти затеряны. При семъ невинная увѣренность Петра Николаевича въ исправности своего полка усугубляла всю опасность сей пріемки. Вотъ причины, побудившія Копылова къ такому поступку. Многіе полагали, что онъ былъ помѣшанъ, и Алексѣй Петровичъ первый если и не былъ сего мнѣнія, то утверждалъ сіе. Я послѣ видѣлъ Копылова. Онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ нѣчто странное въ обращеніи, но судилъ здраво и говорилъ хорошо, такъ что поступокъ сей нисколько нельзя приписать къ сумасшествію; а могла въ томъ быть причиною сколько нибудь ипохондрія его, которая была отчасти въ немъ замѣтна. Мѣсяца съ два тому какъ онъ уѣхалъ въ Россію; командиромъ же Грузинскаго полка назначили и утвердили графа Симонича, который, желая оправдать сдѣланную ему довѣренность, принялъ полкъ безъ всякой придачи отъ Петра Николаевича.

По выѣздѣ Алексѣя Петровича изъ Шулаверъ, я остался одинъ съ Авенаріусомъ, и мы расположились ночевать вмѣстѣ. Мы съ нимъ имѣли прежде ссору. Человѣкъ сей не имѣетъ никакого обращенія и былъ безъ воспитанія, но при томъ отличной честности, дѣятельности и хорошихъ правилъ. Онъ имѣетъ притомъ предубѣжденіе, что очень уменъ и что всѣ другіе ничего не значатъ передъ нимъ. Пріѣхавши въ Грузію съ такими правилами, онъ полагалъ найти въ семъ отдаленномъ краю людей еще менѣе способныхъ, по мнѣнію его, нежели тѣ, которыхъ онъ видѣлъ въ Россіи, и, надѣлалъ нѣкоторымъ невѣжливости, не изъ намѣренія огорчить ихъ, но именно только отъ незнанія жить въ свѣтѣ. Нѣкоторые сердились на него, но наконецъ обратили сіе въ смѣхъ; и слова и поступки его долгое время служили посмѣялищемъ молодыхъ людей, не искавшихъ въ немъ хорошихъ качествъ. Но совсѣмъ тѣмъ обращеніе его сдѣлало ему много непріятелей. Одна фамилія его уже приготовляла ему насмѣшки: изъ Авенаріуса сдѣлали нотаріуса, гротаріуса, архиваріуса, семинаріуса, хапунаріуса и пр. Начавъ подъ сими знаменованіями службу свою въ Грузіи, онъ не могъ ожидать благопріятныхъ обстоятельствъ; но поддержанный И. А. Вельяминовымъ, который его прежде зналъ и вызвалъ его изъ Россіи, онъ получилъ послѣ князя Горчакова 41-й егерскій полкъ, на что̀ Алексѣй Петровичъ согласился единственно изъ уваженія къ намѣстнику своему, будучи самъ предубѣжденъ противъ него и имѣвши вѣроятно болѣе одного раза случая смѣяться надъ нимъ. Начало командованія его полкомъ было неблагополучное. Вскорѣ офицеры, избалованные предмѣстникомъ его, негодуя на него за то, что онъ требовалъ съ нихъ должное, и болѣе можетъ быть потому, что онъ, по привычкѣ своей, обращался съ ними грубо, стали заводить разныя крамолы противъ него. Изъ числа ихъ переведенный изъ гвардіи и произведенный въ маіоры капитанъ Марковъ однажды сдѣлалъ ему явную грубость и разругалъ его при всемъ собраніи офицеровъ за обѣдомъ. Авенаріусъ донесъ о семъ начальству. Алексѣя Петровича не было въ Тифлисѣ. Марковъ былъ посаженъ въ крѣпость Иваномъ Александровичемъ. Начато было уже слѣдствіе по сему дѣлу, по коему Марковъ неминуемо попался бы въ солдаты послѣ суда; но главнокомандующій, узнавъ о семъ, былъ весьма недоволенъ симъ: Маркова велѣлъ выпустить и ѣхать въ отпускъ въ Россію, а Авенаріусу оставить полкъ и службу въ Грузіи. Авенаріусъ просилъ перевода по арміи; ему было отказано. Между тѣмъ временемъ, какъ дѣло сіе тянулось, Алексѣй Петровичъ имѣлъ лично случай короче познакомиться съ Авенаріусомъ; призвавъ въ немъ добрыя его качества, полезныя для службы, онъ уговорилъ его остаться въ

службѣ, сознался въ своемъ заблужденіи и въ вознагражденіе за сдѣланную имъ обиду доставилъ ему на дняхъ полковничій чинъ. Сознаніе сіе случилось въ Шулаверахъ въ мою бытность.

Полковой казначей мой подпоручикъ Петровъ, котораго я самъ образовалъ казначеемъ, назначилъ его и выучилъ считать, надѣясь имѣть въ немъ помощника въ частыя отсутствія мои, заболѣлъ горячкою въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Онъ былъ очень опасенъ, когда я поѣхалъ на Лори, такъ что я едва согласился отпустить на праздникъ священника. Человѣкъ сей, корыстолюбивый безъ мѣры, глупый, лѣнивый и не трезваго поведенія, пьянствовалъ на Лори. На второй день, наканунѣ выѣзда моего, я его подозвалъ къ себѣ и, напомнивъ о положеніи казначея, о коемъ я много безпокоился, сказалъ ему, чтобы онъ на другой день выѣхалъ изъ Лори и слѣдовалъ въ Башкегетъ. Не желая оставить сего мѣста веселія, онъ сталъ было представлять разныя причины, но я повторилъ ему свое приказаніе, и онъ обѣщался выѣхать. Какъ я удивился, когда увидѣлъ его на другой день опять пирующаго. Я побранилъ его, упрекнулъ ему въ упущеніи своей обязанности и велѣлъ тотъ же часъ выѣхать. Онъ отзывался, что лошади его захромали. Видя, что съ нимъ нечего было разговаривать, я ему объявилъ, что если онъ сейчасъ не выѣдетъ, то будетъ связанъ и отправленъ за карауломъ, позвалъ дежурнаго и велѣлъ отправить его за казачьимъ конвоемъ. Въ ту же ночь онъ былъ доставленъ въ Башкегетъ казаками, подъ росписку полковаго адъютанта. Но сіе происшествіе ему не понравилось. Я слышалъ, что онъ намѣревался оставить полкъ мой. Радуясь сему случаю избавиться сего человѣка, поведенія дурнаго, нисколько не соотвѣтствующаго его сану, я предложилъ ему свою помощь для перевода его въ другое мѣсто. Онъ подалъ прошеніе, которое я представлялъ по начальству, вмѣстѣ съ прошеніемъ священника Тимофея Никитина эскадры Каспійской флотиліи 45-го экипажа, который былъ со мною въ первой экспедиціи къ Туркменскимъ берегамъ (и тогда еще условились мы служить вмѣстѣ, если мнѣ по производствѣ въ полковники полкъ дадутъ; вступивъ съ нимъ въ переписку по сему предмету, я получилъ согласіе сего почтеннаго старика). Я узналъ послѣ, что нынѣшній священникъ мой Лука Савинъ писалъ письмо къ экзарху, въ коемъ жаловался на меня; но кажется, что письмо сіе, не дошедшее къ счастію его по назначенію, было возвращено ему людьми ему доброжелательствующими.

5-го Августа было порядочное землетрясеніе въ Лори, Башкегетѣ и Квепѣ; землетрясеніе сіе разъ пять случилось въ Августѣ мѣсяцѣ.

Едва я успѣлъ возвратиться въ Башкегетъ, какъ получилъ письмо отъ Алексѣя Петровича, писанное изъ Каджоръ, въ 10-ти верстахъ отъ Тифлиса, гдѣ онъ стоялъ лагеремъ, укрываясь отъ жаровъ Тифлисскихъ. Онъ звалъ меня къ себѣ, дабы проводить его въ Манглисъ прямою отысканною мною дорогою. Я немедленно поѣхалъ къ нему, выславъ по его приказанію изъ Башкегета поручика Клименку, съ командою изъ 50-ти человѣкъ состоящею, на Манглисъ для караула. Прапорщикъ, князь Елисуйскихъ владѣній, былъ вмѣстѣ съ нимъ посланъ и прибылъ вскорѣ съ извѣстіемъ на Каджоры, что команда уже выставлена. Его вскорѣ отправилъ Алексѣй Петровичъ въ Нуху по секретному порученію, для изловленія одного человѣка, гдѣ онъ и теперь еще находится въ командировкѣ, но по другому дѣлу, находясь переводчикомъ при маіорѣ Клименкѣ, занятомъ тамъ отысканіемъ казенныхъ земель и доходовъ.

Въ деревнѣ Табахмели я нашелъ вновь прибывшаго съ полками казачьими на смѣну старыхъ генералъ-маіора Василія Дмитріевича Иловайскаго, съ коимъ и познакомился. Человѣкъ сей, извѣстный храбростью своею и оказанными подвигами въ 1812 г., не имѣетъ нисколько привычекъ Донскихъ: будучи въ душѣ ревностнымъ Донцомъ, онъ образованъ, воспитывавшись въ кадетскомъ корпусѣ, и все обращеніе его Европейское. Онъ уменъ и любезенъ, но имѣетъ также свои странности и прихоти.

Алексѣй Петровичъ принялъ меня на Каджорахъ (помнится мнѣ 12-го числа) весьма ласково. Я провелъ съ нимъ три дни до выѣзда нашего и, наконецъ, мы пустились въ путь верхомъ по новой дорогѣ къ Манглису. Съ нами были г. м. Иловайскій, полк. Сергѣевъ, инж. г.-маіоръ Трузсонъ, адъютантъ главнокомандующаго Талызинъ (одинъ, ибо Воейковъ уѣхалъ на линію на воды и въ отрядъ начальника штаба), инж. путей сообщенія полк. Гозіушъ, того же корпуса кап. Боборыкинъ, кап. Жихаревъ и многія другія лица.

Въ первый день, проѣхавши около 35-ти верстъ, мы прибыли на Кульгутинскій постъ. До Манглиса оставалось только пять верстъ, но тутъ засталъ насъ густой туманъ, попеременно съ дождемъ, и мы остались ночевать на высокой горѣ, Алексѣй Петровичъ въ палаткѣ, а мы всѣ въ сквозящемся балаганѣ казаковъ, гдѣ насъ не переставалъ дождь мочить. Другой день былъ такой же, и мы провели его играя въ цхру, въ чемъ участвовалъ все время и цѣлый день самъ главнокомандующій, веселясь игрою сею и играя самъ за другаго. На третій день погода прояснилась, и мы спустились съ горы. Главнокомандующій осмотрѣлъ мѣсто и остановился у раззореннаго монастыря Манглиса, гдѣ былъ встрѣченъ конвойною командою и про-

велъ тутъ съ часъ; мною же былъ приготовленъ въ семъ мѣстѣ завтракъ. Мы возвратились ночевать на Кульгутинскій постъ, гдѣ г.-м. Иловайскій былъ во все время хозяиномъ нашимъ и гдѣ самыя лучшія и дорогія вина лились въ изобиліи.

На другой день Алексѣй Петровичъ уѣхалъ на Каджоры, а я поѣхалъ снова осмотрѣть дороги и мѣстоположеніе и нашелъ, что мѣсто, имъ избранное для перенесенія моей штабъ-квартиры, не имѣло по близости воды. Прибывши къ Манглису на ночлегъ къ конвойной командѣ, я написалъ ему письмо съ объясненіемъ видѣннаго, но не получилъ никакого отвѣта. На другой день поѣхалъ я на Цалну, слѣдуя прямою дорогою лѣсомъ и, съ трудомъ выбравшись на горы, остановился отдыхать въ балаганѣ у артилерійскаго офицера подпоручика Сазонова, находящагося тутъ въ караулѣ при казенномъ табунѣ. Взявши его съ собою, я пріѣхалъ на Цалну. Не хотѣлъ я пропустить сего случая, не обслѣдовавъ одного обстоятельства, довольно занимательнаго. Подп. Кулябка говорилъ мнѣ, что въ 1815 г., когда главнокомандующій Ртищевъ выходилъ лагеремъ съ отрядомъ къ Цалнѣ и строилъ крѣпость Цалну, охотники, ходившіе по горамъ, нашли въ одной оставленной церкви на скалахъ трупъ человѣческій, въ одеждѣ Греческой, стоявшій на колѣнахъ передъ алтаремъ въ той церкви, невредимый и безъ всякаго запаха; волоса еще были цѣлы, и всѣ части тѣла, кромѣ глазъ, были хорошо сбережены. Кулябка самъ тогда ходилъ изъ любопытства смотрѣть сіе, со многими другими офицерами, и увѣрялъ меня, что, сколько ни кликали собакъ, съ ними бывшихъ, къ себѣ, но онѣ никакъ не могли войти въ ограду церкви; что послѣ того одинъ капитанъ Грузинскаго полка, Поляковъ, будучи на охотѣ, стащилъ тѣло сіе съ его мѣста и положилъ его въ церкви, въ сторонѣ, вытянувъ ему ноги. Кулябка видѣлъ оное и въ семъ положеніи и сказывалъ мнѣ, что самъ Ртищевъ ѣздилъ смотрѣть его и что какой-то старикъ изъ Тифлиса, по завѣщанію, похоронилъ оное. Я слышалъ тоже самое отъ офицеровъ 41-го егерскаго полка, когда былъ у нихъ на полковомъ праздникѣ на Лорахъ: солдаты ихъ полка (бывшаго тогда 17-мъ егерскимъ и занимавшаго въ то время крѣпость Цалну) хоронили тѣло сіе. До выѣзда еще моего изъ Башкегета я поручилъ шт.-кап. Григоровичу, стоявшему на Цалнѣ съ ротою, отыскать сіе тѣло. Солдаты со рвеніемъ бѣгали по всѣмъ окрестнымъ скаламъ и, наконецъ, по указанію маркитанта, бывшаго въ 1815 г. на Цалнѣ, нашли сію церковь. Я посылалъ маіора Гладкаго-Сацкаго отрыть тѣло, и онъ сказалъ мнѣ, что нашелъ точно тѣло, похороненное въ доскахъ, подъ коими подложенное сѣно еще не сгнило. Онъ говорилъ мнѣ, что тѣло было покрыто нѣкотораго рода слизью,

но что не сгнило; онъ не могъ мнѣ хорошо объяснить того, что̀ видѣлъ, и потому я рѣшился самъ осмотрѣть оное.

Ѣдучи съ артилерійскимъ подпоручикомъ Сазоновымъ, я разговорился съ нимъ о семъ и услышалъ отъ него тоже самое: онъ самъ былъ въ 1815 г. на Цалнѣ и видѣлъ нетлѣннаго. По пріѣздѣ на Цалну, я на другой день поѣхалъ съ маіоромъ Гладкимъ-Сацкимъ осматривать сію церковь и нетлѣннаго. Разрывши могилу, нашелъ я точно доски и сѣно, что́ явно доказывало, что человѣкъ сей не былъ похороненъ Азіатцами, а Русскими. Я нашелъ въ могилѣ голову и весь остовъ, но только однѣ кости, безъ тѣла. И тѣмъ кончилось изслѣдованіе сіе. Впрочемъ, разсказанное другими лицами о семъ человѣкѣ не подлежало никакому сомнѣнію.

За симъ я осмотрѣлъ церковь, подлѣ коей онъ былъ похороненъ и въ коей онъ до сего находился. Она стояла на утесистомъ берегу рѣки Храма, выстроена вся изъ каменныхъ большихъ плитъ, съ особеннымъ искусствомъ, и украшена рѣзною работою на камнѣ, а также надписями, которыхъ не могли разобрать. Надписи сіи если не на Греческомъ языкѣ, то должны быть на старинномъ Грузинскомъ. Впрочемъ около Цалны жили Греки, что̀ доказывается большимъ раззореннымъ селеніемъ или городомъ, находящимся отъ крѣпости вверхъ по рѣкѣ верстахъ въ семи. Развалины сіи называются Антропіосъ, Греческимъ именемъ. Мнѣ не удалось еще осмотрѣть ихъ, но я ихъ издали видѣлъ; онѣ заключаютъ семь церквей, а потому названы казаками семикирками. При рытьи канавы для Цалнской мельницы найдены были въ землѣ солдатами еще до меня Греческія серебряныя монеты. Въ числѣ ваяній видѣнныхъ мною на стѣнахъ церкви, находилась баранья голова, довольно искусно сдѣланная. Я велѣлъ вынуть весь камень и привезъ его къ себѣ въ Башкегетъ. Справедливость показанія подполковника, что собаки не шли въ ограду церкви, доказывается тѣмъ, что хотя церковь открыта, но тѣло сіе не было тронуто звѣрьми, находящимися тамъ въ большомъ количествѣ.

Проѣхавъ около 35-ти верстъ, мы прибыли ночевать на берегъ озера, лежащаго на горахъ, и остановились въ огромномъ караванъ-сараѣ, выстроенномъ прекрасно и со всѣми удобствами. Зданіе сіе не сдѣлало бы стыда лучшимъ зодчимъ нашимъ; оно могло бы вмѣстить до 600 человѣкъ на ночлегѣ весьма просторно. Переночевавъ я поѣхалъ далѣе къ Югу по вершинамъ горъ, вдавшись въ границы Турецкія, на разстояніи 25-ти верстъ отъ крѣпости Турецкой Ахалкалаки, и возвратился въ Башкегетъ черезъ урочище Ездакаръ, гдѣ уже спустился съ горъ, отдѣляющихъ наши владѣнія отъ Турецкихъ, на ко-

ихъ среди лѣта виденъ снѣгъ. Обывательскіе караулы собирались ко мнѣ по мѣрѣ, какъ я подъѣзжалъ къ занимаемымъ ими мѣстамъ.

Частыя поѣздки сіи были неразлучны съ упущеніями по полку. По мнѣ оставался старшимъ подп. Кулябка. Нижніе чины, вопреки приказаній моихъ, не переставали работать на него. Онъ имѣлъ здѣсь хлѣбопашество и за жнитво хлѣба его и молотьбу не хотѣлъ даже дать той цѣны рекрутамъ, которую они за сіе получали отъ обывателей. Артемовскій, коему они были поручены (также и вся хозяйственная часть) въ отсутствіе мое не могъ уговорить его къ сему, заплатилъ имъ самъ отъ себя, дабы мое приказаніе было исполнено. Въ распредѣленіи сѣнокосовъ Кулябка оставилъ себѣ лучшую часть, отведши артилерійскимъ строевымъ лошадямъ дальній и недостаточный сѣнокосъ, такъ что по пріѣздѣ моемъ я принужденъ былъ имъ отдать уже часть казеннаго полковаго сѣнокоса. Сколько мнѣ стоило словъ и уговоровъ (тогда какъ я могъ приказать, но не дѣлалъ сего, желая ласками побудить его къ исполненію своихъ обязанностей), чтобы снять отъ квартиры его часоваго, ему не слѣдовавшаго и присвоеннаго имъ въ отсутствіе Ладинскаго, когда я еще не прибылъ къ полку. Онъ затруднялся исполненіемъ должнаго и воли моей, тогда какъ едва доставало въ Башкегетѣ людей для караула. Въ отсутствіе мое онъ допустилъ жителей запахать землю, занимаемую нашими табунами для пастьбы. Не съѣзжая съ мѣста, онъ ничего не зналъ, что́ около дѣлается. Роты не переставили, вопреки моихъ приказаній, посылать въ степь за разнымъ дѣломъ людей безъ ружей; вырубленный мною лѣсъ для построенія мостовъ въ мѣру былъ при немъ укороченъ, дабы его легче можно было перевозить, и тѣмъ испорченъ.

Я позвалъ къ себѣ Кулябку и наединѣ упрекнулъ ему въ ссорахъ, заводимыхъ имъ въ полку. Въ отвѣтъ на сіе онъ отвѣчалъ мнѣ, что казначей и адъютантъ имѣютъ больше меня власти въ полку. Сего отзыва было бы достаточно, чтобы представить его начальству; но, избѣгая жалобъ, которыя были бы непріятны Алексѣю Петровичу, я сказалъ ему, что если они бы и имѣли сію власть, то сіе дѣлалось бы по моей власти, и я могу ему тотчасъ же показать ее. Сіи слова остановили его. Я перечелъ ему всѣ упущенія его, и онъ просилъ меня, чтобы я простилъ ему, если онъ вышелъ изъ границъ своихъ обязанностей противъ меня. Я представилъ ему всѣ ошибки его и отпустилъ его; но не менѣе положено было симъ начало ссоры моей съ нимъ. Въ бытность мою на Каджорахъ, не имѣя еще причины быть имъ недовольнымъ, я просилъ главнокомандующаго, по желанію его, доставить ему гдѣ нибудь комендантское мѣсто; но Алексѣй Петровичъ засмѣялся и сказалъ мнѣ, что я вѣрно желаю сбыть Ку-

лябку, которaго онъ уже зналъ, и заключилъ тѣмъ, что не имѣетъ вакантныхъ комендантскихъ мѣстъ. По отъѣздѣ Алексѣя Петровича, я просилъ старшаго Вельяминова о представленіи его въ отпускъ по поданному имъ прошенію, но получилъ также отказъ, потому что онъ просился въ отпускъ не на законное время. Кулябка бралъ всѣ мѣры, чтобы остаться въ полку, ибо ему нигдѣ не было бы такъ хорошо жить какъ здѣсь, и я не имѣю средствъ выкурить его изъ полка до пріѣзда главнокомандующаго, коему принужденъ буду описать его въ настоящемъ его видѣ.

Но причина сей ссоры скрывалась подъ другими началами. Въ бытность еще Ладинскаго и въ первое время прибытія моего въ полкъ, Артемовскій обручился съ сестрою жены Кулябки тайнымъ образомъ. Я, узнавъ о семъ, не отсовѣтовалъ сего Артемовскому; но онъ могъ не видѣть, что я не признавалъ выгоднымъ для него жениться въ столь молодыхъ лѣтахъ. Артемовскій, не питавшій уже той страсти къ невѣстѣ своей, самъ чувствовалъ ошибку свою, тѣмъ болѣе, что маленькое имѣніе подполковника, ему обѣщанное, должно теперь было остаться въ семействѣ, потому что жена его забеременѣла и что по сему поводу перемѣнилось съ нимъ и обращеніе будущаго дяди его. Зная несносный нравъ его, Артемовскій желалъ прервать связь сію, и какъ онъ былъ гораздо умнѣе подполковника, то и подвелъ его къ ссорѣ, въ коей сдѣлалъ его виновнымъ и получилъ желаемый отказъ. Они послѣ того помирились, но Артемовскій не хотѣлъ болѣе возобновить сей связи. Подполковникъ былъ въ отчаяніи и полагалъ меня причиною сего; но Артемовскій, видя и со стороны невѣсты своей такое же охлажденіе, не возобновлялъ болѣе дѣла. Женщины вездѣ, гдѣ онѣ вмѣшаны, будутъ причиною неудовольствій и распрей; я опять удостовѣрился въ семъ правилѣ, узнавъ однако уже послѣ о настоящихъ причинахъ сего разрыва.

Въ домѣ у Кулябки жилъ одинъ ослѣпшій родственникъ его юнкеръ Чуйкевичъ, который, будучи обласканъ мною и представленъ лично Алексѣю Петровичу, въ бытность его въ Башкегетѣ, къ производству въ офицерскій чинъ (на что̀ главнокомандующій, изъ сострaданія къ его положенію, согласился) былъ мнѣ благодаренъ. Онъ не терпѣлъ Кулябку, отъ коего ежедневно получалъ неудовольствія, вмѣсто помощи и утѣшенія въ своемъ несчастіи, и отъ него извѣщался я о всемъ происходящемъ у нихъ въ домѣ.

Общество офицеровъ въ моемъ полку состоитъ все, или большею частію, изъ людей бѣдныхъ, живущихъ однимъ жалованьемъ, но привыкшихъ издерживать оное все; немногіе изъ нихъ имѣютъ небольшой достатокъ, нужный въ службѣ, но большая изъ нихъ часть знаменуетъ

особенное пристрастіе къ деньгамъ. Есть между ними и нѣкоторые развратнаго поведенія, но сихъ сбывалъ всегда и самъ полковникъ Ладинскій въ гарнизоны. Русскихъ въ томъ числѣ только нѣсколько человѣкъ; прочіе все Малороссіяне, Грузины, Армяне и Поляки. Малороссіяне, набранные Ладинскимъ изъ самыхъ простыхъ званій, суть самые мало образованные, но между тѣмъ и самые хитрые. Изъ нихъ всѣ шт.-офицеры, старшій командиръ 3-го баталіона подполковникъ Кулябка, у него въ баталіонѣ младшій штабъ-офицеръ маіоръ Потебня, женатый на Осетинкѣ, самаго бѣшенаго и вздорливаго нрава, не дающей пропуска ни одному офицеру. Имѣя многочисленное семейство, бѣдные люди сіи, вмѣсто того чтобы снискивать расположеніе другихъ кротостью, умѣли пріобрѣсти всеобщую ненависть. День проводятъ они въ дракахъ между собою; иногда жена бьетъ мужа, иногда мужъ жену, а всего чаще все семейство дерется, такъ что дѣти бьютъ отца и мать, а тѣ между собою и бьютъ старуху бабку свою. Маіоръ самъ, не занимаясь никогда службою, преданъ пьянству и не перестаетъ допускать на себя справедливыя претензіи нижнихъ чиновъ, находившихся у него въ разныя времена въ услугахъ. Я употреблялъ всѣ средства, дабы выжить его изъ полка, онъ старается удержать себя въ ономъ, и я принужденнымъ найдусь представить на первую вакансію баталіоннаго командира младшаго его шт.-офицера, дабы его выкурить.

Въ проѣздъ Алексѣя Петровича изъ Башкегета на Лори, ему показалась трудна дорога, ведущая на Мокрую гору, лежащую близъ Башкегета, и тогда же приказывалъ онъ мнѣ отыскать другой подъемъ на сію гору. Имѣя въ виду исполненіе его приказанія, я отправился въ первыхъ числахъ Сентября мѣсяца отыскивать сей объѣздъ и, нашедши оный лучше перваго, продолжалъ путь свой прямою дорогою въ Гумры, куда прибылъ въ 1-мъ часу по полуночи, проѣхавъ въ сей день около 80 верстъ. Я полагалъ застать всѣхъ спящими, но удивился когда, подъѣзжая къ дому князя Севарсемидзева, услышалъ музыку. Онъ давалъ балъ для разныхъ женъ полковыхъ офицеровъ, зазванныхъ имъ изъ 41-го егерскаго полка, и завезъ ихъ на край свѣта и на границу, дабы ему удобнѣе было волочиться за ними. Но балъ сей былъ еще лучше даваемыхъ предмѣстникомъ моимъ въ Башкегетѣ. За столомъ служили кучера, дамы выпускались только къ танцамъ, а по окончаніи оныхъ запирались въ другую комнату, въ которую имѣлъ входъ только одинъ князь Севарсемидзевъ. Музыка, всегда несчастная въ Тифлисскомъ полку, играла такъ, что едва можно было разобрать, что́ она играла; слышны были только трубы, барабаны и изрѣдка пискливый голосъ уставшаго и задыхающагося кларнетиста.

Во время сей поѣздки родилась у подполковника дочь, и онъ, не взирая на неудовольствія между нами происшедшія, просилъ меня крестить у него. Я крестилъ уже до сего у маіора Потебни и у священника, не отказался и въ семъ случаѣ, и сдѣлался крестнымъ отцемъ дѣтей тѣхъ особъ, которыя мнѣ по дурному своему поведенію всѣхъ несноснѣе. Они же, можетъ быть, симъ средствомъ надѣялись найти болѣе снисхожденія къ ихъ ошибкамъ и упущеніямъ.

Дня черезъ два послѣ возвращенія въ Башкегетъ, я принялъ у себя въ домѣ бригаднаго командира своего г.-м. князя Эристова. Смотръ начался на другой же день и черезъ три дни кончился; но надобно было смѣяться оному: соблюдены только были нѣкоторыя формы, предписанныя въ семъ случаѣ. Самъ бригадный командиръ, немного зная въ семъ дѣлѣ, и даже мало Русской грамотѣ, не вдавался въ глубокія изслѣдованія; къ сему еще служило причиною самое запущеніе службы въ полкахъ въ Грузіи расположенныхъ, за которое трудно приняться кому бы то ни было, не подвергаясь неудовольствіямъ отъ Алексѣя Петровича. Князь Эристовъ старикъ, Осетинъ или Грузинъ, дослужился однако до генеральскаго чина. Человѣкъ сей отмѣнно добръ и честенъ, но столько же и глупъ и безтолковъ; онъ, говорятъ, былъ прежде храбръ. Года три тому назадъ онъ сходилъ съ ума и теперь еще несовсѣмъ поправился отъ сей болѣзни, пущается охотно въ разговоры о духахъ, бѣсахъ и философіи, не читавъ отъ роду никакой книги, такъ что трудно иногда удержаться отъ смѣха при разговорахъ его. Я не пользовался однако слабостями его и старался соблюсти все должное начальнику, особливо при смотрѣ.

Алексѣй Петровичъ около половины Сентября выѣхалъ изъ Тифлиса на линію, взявъ съ собою одинъ баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, съ коимъ и слѣдовалъ въ Тарки, для укрощенія возставшихъ Лезгинъ, послѣ убіенія Верховскаго, гдѣ онъ и до сихъ поръ еще находится.

Въ началѣ Октября мѣсяца однажды я поѣхалъ въ Тифлисъ, для того чтобы заняться первымъ баталіономъ и нѣсколько отдохнуть отъ частыхъ поѣздокъ и занятій по службѣ, отъ коихъ въ полку мнѣ отдыха не было. Я разъѣхался дорогою съ предписаніемъ Вельяминова, сдѣланнымъ мнѣ по волѣ Алексѣя Петровича, писавшаго къ нему изъ Владикавказа, чтобы онъ приказалъ мнѣ и Авенаріусу приступить на Манглисѣ и на Бѣломъ Ключѣ къ заготовленію матеріаловъ для перенесенія нашихъ штабъ-квартиръ. Я получилъ сіе предписаніе уже въ Тифлисѣ по пересылкѣ изъ Башкегета. Не имѣя людей, я не могъ приступить къ сему дѣлу и остался въ Тифлисѣ до исхода мѣсяца.

Въ это время уѣхалъ изъ полка адъютантъ мой Артемовскій, которому я далъ видъ, будто онъ ѣдетъ по порученіямъ полка, дабы не лишить его жалованья, желая ему черезъ сіе доставить случай быть дома; но, найдя въ немъ мало благодарности къ сему снисхожденію моему, я упрекнулъ ему передъ отъѣздомъ въ томъ, напомнивъ ему, что я его буду только до Апрѣля мѣсяца ожидать. Меня болѣе разстроивало сіе обстоятельство потому, что по отъѣздѣ его некому почти было поручить адъютантской должности; но я назначилъ для сего адъютанта 3-го баталіона прапорщика Туркевича и нашелъ въ немъ болѣе усердія, чѣмъ знанія (противное Артемовскому, въ коемъ подъ конецъ было замѣтно малое усердіе, хотя онъ и совершенно зналъ дѣло), но занявшись самъ съ Туркевичемъ, я обошелся и теперь уже совсѣмъ привыкъ къ нему. Къ отъѣзду Артемовскаго присоединилась еще болѣзнь полковаго казначея подпоручика Петрова, который только въ Декабрѣ мѣсяцѣ выздоровѣлъ и сталъ заниматься своей обязанностью. Всѣ обстоятельства сіи и частыя поѣздки мои, по волѣ начальства, были причиною, что все лѣто было проведено мною въ безмѣрныхъ хлопотахъ и заботахъ, отъ коихъ я надѣялся отдохнуть зимою; но тутъ подошло переселеніе полка, что̀ меня еще болѣе заняло.

Въ концѣ Октября я возвратился въ Башкегетъ и въ первыхъ числахъ Ноября мѣсяца писалъ рапортъ къ И. А. Вельяминову, въ коемъ, донося о найденномъ на Манглисѣ послѣ подробнаго изслѣдованія угодій онаго, сдѣланнаго посланными мною для сего офицерами и нижними чинами, я представлялъ ему положеніе полка и невозможность послать болѣе 30-ти человѣкъ для работы на Манглисъ; ибо 5 ротъ занимали караулъ въ Тифлисѣ, 3 роты и одна, прикомандированная къ нимъ, занималась работами въ Тифлисѣ же; затѣмъ оставалось въ штабъ-квартирѣ у меня только двѣ роты, на коихъ лежали всѣ командировки, по волѣ начальства дѣлаемыя; одна изъ нихъ еще въ томъ числѣ была женатая, такъ что за занятіемъ въ Башкегетѣ караула едва оставалось у меня 30 человѣкъ свободныхъ.

Женатая рота была сформирована послѣ смотра въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Въ 1820 году, по представленію Алексѣя Петровича, были присланы женатые рекрута во множествѣ во всѣ полки. Въ мой полкъ ихъ не болѣе 300 назначили, въ иные же болѣе 700. Цѣлью главнокомандующаго вѣроятно было поселеніе сихъ ротъ, но въ слѣдованіи ихъ очень мало о нихъ заботились, и казна не хотѣла издержекъ на нихъ дѣлать, такъ что до половины сихъ людей и женщинъ съ дѣтьми померло дорогою и въ Тифлисѣ, безъ всякаго почти призрѣнія: въ Тифлисѣ умирало до 30 и болѣе человѣкъ въ день изъ рекрутскихъ партій. По прибытіи ихъ въ полки, предписано было полковымъ ко-

мандирамъ поселить ихъ и дать имъ средства къ хозяйственнымъ заведеніямъ; но никакихъ средствъ для сего казна не дала. Нѣкоторые полковые командиры изъ сожалѣнія призрѣли сихъ несчастныхъ и дали имъ средства къ заведенію, кормили ихъ и одѣвали на свой счетъ; въ послѣдствіи времени казна отпустила на нихъ 6-ти мѣсячное продовольствіе деньгами. Ладинскій не упустилъ сего случая, чтобы попользоваться, вычитая изъ денегъ сихъ несчастныхъ за нахожденіе ихъ въ лазаретѣ: такъ какъ и съ холостыхъ солдатъ вычитается провіантъ за сіе время, онъ вывелъ въ расходъ всѣ деньги къ пріѣзду моему по справочнымъ цѣнамъ на содержаніе сихъ женщинъ, продовольствуя ихъ хлѣбомъ, засѣваемымъ имъ самимъ посредствомъ солдатъ въ Башкегетѣ, тогда какъ другіе полковые командиры вывели изъ сей суммы значительный остатокъ до 1500 р. с., которые были ими представлены начальству и обращены въ пользу же сихъ женщинъ. Вмѣсто того, чтобы собрать сихъ женатыхъ въ одну роту и дать имъ попечительнаго начальника, Ладинскій разбилъ ихъ по всѣмъ ротамъ почти по-ровну, вѣроятно для того, чтобы менѣе заботиться о благосостояніи ихъ и болѣе имѣть случая усладить страсть свою къ женщинамъ. Онъ самъ первый показалъ примѣръ разврата. За симъ слѣдовали офицеры... Такъ какъ людей сихъ нельзя было употреблять на службу въ Тифлисѣ, то они всегда оставались въ Башкегетѣ, а на мѣсто ихъ посылались люди изъ другихъ ротъ. Мужья тѣхъ, которыя помоложе были, посылались въ команды для работъ, дабы свободнѣе было сношеніе съ женами ихъ. И такъ поселился въ полку развратъ въ самой сильной степени, и люди до сихъ поръ, пробывъ уже три года въ полку, называются еще рекрутами и не знаютъ почти пріемовъ ружейныхъ. Желая истребить сіе зло, я давно уже предполагалъ соединить сихъ людей всѣхъ въ одну роту; но поѣздки мои и ожидаемый еще съ Іюля мѣсяца смотръ препятствовали въ томъ. Наконецъ послѣ смотра я приступилъ къ сему, назначивъ для расформированія 4-ю егерскую роту, которая, проведя болѣе двухъ лѣтъ въ Тифлисѣ на работѣ, отъ безпечности ротнаго командира Погорѣлова, совершенно опустилась. Для сего я послалъ ей на смѣну 6-ю егерскую съ Цалны, смѣнивъ сію послѣднюю изъ штабъ-квартиры 2-ю карабинерною ротою. По прибытіи 4-й егерской, коей командиромъ я назначилъ шт.-кап. Ротмистрова, бывшаго приставомъ въ Нѣмецкой колоніи, я расформировалъ ее по другимъ ротамъ и перевелъ въ нее всѣхъ женатыхъ. Развратъ совсѣмъ почти прекратился, и люди сіи, о благосостояніи коихъ и возстановленіи правъ ихъ на женъ я ежедневно забочусь, стали заниматься службою съ успѣхомъ.

Приступая къ заготовленію матеріаловъ на Манглисѣ, я писалъ

къ Вельяминову рапортъ, коимъ просилъ, чтобы спустили по сему случаю рабочія роты, въ Тифлисѣ находящіяся, ибо мнѣ совершенно некого почти было послать на Манглисъ. Въ отвѣтъ получилъ я предписаніе, что въ семъ же мѣсяцѣ къ 10 числу онѣ всѣ будутъ спущены. Я дожидался, но роты не спущались. Наконецъ я рѣшился самъ ѣхать въ Тифлисъ, въ послѣднихъ числахъ мѣсяца, просилъ лично о семъ Ивана Александровича. Никакой другой причины сему замедленію не было, какъ забывчивость или беззаботливость. Въ самый день пріѣзда своего я все переработалъ, и три роты, съ прикомандированною четвертою, были назначены въ концѣ недѣли къ отправленію въ Башкегетъ.

2-го Декабря я пріѣхалъ въ Башкегетъ, куда роты поспѣли около недѣли послѣ меня. Собравъ весь 3-й баталіонъ вмѣстѣ, я назначилъ 5-ю егерскую роту для слѣдованія на Манглисъ, собралъ обывательскихъ быковъ, для доставленія туда 200 четвертей муки, вытребовалъ до 200 человѣкъ рабочихъ обывателей и отправилъ 13-го числа всѣхъ на Манглисъ съ маіоромъ Гладкимъ-Сацкимъ, коему и далъ подробное предписаніе, что̀ ему дѣлать надлежало. Въ исходѣ мѣсяца началась рубка лѣса, продолжающаяся до сихъ поръ съ хорошимъ успѣхомъ; люди обстроились землянками у разореннаго монастыря и запасены провіантомъ до Марта или Апрѣля мѣсяца. Разработка дороги, ведущей отъ Цалны къ Манглису, также производится обывателями подъ надзоромъ 2-й карабинерной роты изъ Цалны; но холода, вьюги, метели и снѣга были причиною, что многіе изъ жителей заболѣвали и нѣкоторые даже померли отъ нужды. Нуждаясь однакоже крайне въ сей дорогѣ, я не остановилъ производства работъ на оной и надѣюсь въ скоромъ времени видѣть ее оконченною, вопреки всѣхъ препятствій, предстоящихъ въ сихъ холодныхъ мѣстахъ. Казна мнѣ ничего не отпускаетъ на сіи работы какъ на Манглисѣ, такъ и на разработкѣ дорогъ, и потому я обязанъ, въ угожденіе Алексѣю Петровичу, дѣлать все сіе на собственный счетъ свой, что̀ немало мнѣ стоитъ.

Не взирая на многія занятія, я избралъ время, дабы дать повеселиться офицерамъ. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ было у меня въ домѣ два или три бала и подъ новый годъ маскарадъ. Всѣ были очень довольны, исключая меня. Веселясь удовольствію другихъ, я скучалъ въ обществѣ, къ коему не принадлежалъ по своему роду жизни, но старался всѣхъ увѣрить, что не менѣе ихъ веселюсь, и успѣлъ въ семъ, увѣривъ ихъ, что мнѣ пріятны сіи общества.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава XX.

(1853—1855).

Успокоеніе послѣ одержанныхъ побѣдъ.—Болѣзнь князя Воронцова и отъѣздъ его заграницу.—Временное командованіе генерала Реада.—Снятіе Черноморскихъ укрѣпленій.—Оставленіе на жертву укрѣпленія Гагры.—Продолжающіяся опасенія и тревоги.—Планъ очищенія Дагестана.—Переписка съ княземъ Орбельяномъ.—Переписка съ военнымъ министромъ.

По возвращеніи въ Тифлисъ, князь Барятинскій тотчасъ же принялся за дѣла по обезпеченію края отъ возможныхъ вторженій непріятеля, или безпокойствъ среди мусульманскаго населенія. Обращая особенное вниманіе на Лезгинскую линію, гдѣ, за отправленіемъ въ Александрополь гренадерскихъ батальоновъ, почти не оставалось полевыхъ войскъ, онъ, 4-го Ноября, представилъ главнокомандующему докладъ, чтобы, до прибытія 18-й дивизіи изъ Россіи, тотчасъ двинуть шесть батальоновъ 19-й дивизіи съ Кавказской линіи, замѣнивъ ихъ баталіонами резервной дивизіи.

Между тѣмъ, подъ Синопомъ былъ уничтоженъ Турецкій флотъ, князь Андрониковъ подъ Ахалцыхомъ разбилъ Турокъ, а князь Бебутовъ, 19-го Ноября, нанесъ имъ сильное пораженіе подъ Башъ-Кадыкляромъ. Опасность была устранена. О побѣдахъ этихъ, черезъ особыхъ курьеровъ, было возвѣщено во всемъ краѣ съ большимъ торжествомъ *). За-

*) Извѣстіе о Синопской побѣдѣ князь Меншиковъ прислалъ въ Тифлисъ съ братомъ князя Барятинскаго, Викторомъ Ивановичемъ, отличившимся передъ тѣмъ въ славномъ дѣлѣ парохода „Владимиръ“ съ Египетскимъ военнымъ пароходо-фрегатомъ, о чемъ князь Меншиковъ 9-го Ноября извѣщалъ весьма дружески князя Александра Ивановича.

тѣмъ наступила довольно суровая зима, весьма обильная снѣгами, что̀ еще болѣе обезпечило Закавказье отъ возможности наступательныхъ дѣйствій непріятеля, и два-три мѣсяца въ концѣ 1853 и въ началѣ 1854 года прошли на Кавказѣ спокойно.

Окончательно ослабленный болѣзнью, тревогами и трудами послѣдняго времени, князь Воронцовъ уже почти не могъ заниматься дѣлами. Князь Барятинскій устроилъ свой кабинетъ въ домѣ главнокомандующаго и почти цѣлые дни проводилъ здѣсь въ занятіяхъ и служебныхъ пріемахъ разныхъ лицъ. Наконецъ, 1-го Марта князь Воронцовъ уѣхалъ за границу лѣчиться, передавъ временное командованіе генералу Реаду. Князь Барятинскій остался при немъ въ своей должности начальника штаба. Отношенія ихъ казались самыми лучшими *).

Съ приближеніемъ весны заботы объ огражденіи Кавказа отъ послѣдствій опаснаго положенія, въ которомъ онъ находился, опять выступили на первый планъ. Во главѣ принимаемыхъ мѣръ стояло очищеніе укрѣпленій въ Абхазіи и на восточномъ берегу Чернаго моря, во избѣжаніе потери всѣхъ гарнизоновъ и предоставленія непріятелю въ добычу значительныхъ запасовъ. На очищеніи Абхазскихъ укрѣпленій, главнымъ образомъ, настаивали ближайшіе начальники Черноморской береговой линіи вице-адмиралъ Серебряковъ и генералъ-маіоръ Мироновъ, въ чемъ ихъ поддерживалъ и князь Меншиковъ, не имѣвшій возможности оказать имъ помощь съ моря. Взглядъ этотъ раздѣлялся и княземъ Воронцовымъ. Императоръ Николай, хотя отвергалъ пока необходимость упраздненія укрѣпленій въ Абхазіи, гдѣ была возможность отступить сухимъ путемъ, однако рѣшительно настаивать, вопреки мнѣнію мѣстнаго начальства, не могъ, и очищеніе было рѣшено.

*) Выѣхавъ изъ Тифлиса, князь Воронцовъ продолжалъ вести дѣятельную переписку съ княземъ Барятинскимъ, пользуясь остановками въ пути, и затѣмъ во все время пребыванія за границею и по возвращеніи опять въ Россію. Тоже дѣлала и княгиня Воронцова Во всѣхъ письмахъ выражались чувства самой непритворной дружбы и уваженія. Письма помѣщены въ Приложеніяхъ.

Операція эта представлялась весьма трудною со стороны Абхазіи, гдѣ единственнымъ путемъ отступленія для гарнизоновъ чрезъ Сухумъ была узкая прибрежная дорога, съ переправами въ бродъ черезъ горныя рѣки, мгновенно превращавшіяся въ дождливое время въ бѣшенные потоки, прерывающіе нерѣдко сообщеніе на цѣлыя недѣли; особенно извѣстны въ этомъ отношеніи рѣки Кодоръ и Ингуръ. Отступленіе неминуемо должно было сопровождаться настойчивымъ преслѣдованіемъ со стороны горцевъ, которые могли даже совсѣмъ не допустить до благополучнаго окончанія дѣла, въ виду малочисленности отдѣльныхъ гарнизоновъ, обремененныхъ къ тому же неизбѣжными лишними тяжестями, больными, семействами и проч. Мѣстность и отсутствіе поддержки съ моря вполнѣ благопріятствовали бы горцамъ.

По этимъ обстоятельствамъ въ Тифлисѣ сочли необходимымъ, вопервыхъ, всю операцію ввѣрить Абхазскому владѣтельному князю, генералъ-адъютанту Шервашидзе, большія связи и вліяніе котораго на горцевъ западнаго Кавказа, особенно на Убыховъ и Джигетовъ, ближайшихъ къ предстоящему пути отступленія, могли содѣйствовать къ успѣху; вовторыхъ, укрѣпленіе Гагры, какъ закрывающее свободный доступъ горцамъ въ Абхазію, сохранить до окончательнаго очищенія всѣхъ остальныхъ укрѣпленій, и затѣмъ, какъ оно (по слабости верковъ и незначительному вооруженію ограниченнымъ числомъ орудій) не могло бы долго устоять противъ атаки горцевъ при одновременномъ нападеніи съ моря, то гарнизонъ предполагалось спасти не иначе, какъ посылкою за нимъ вольныхъ судовъ кочермъ), о наймѣ которыхъ заблаговременно распорядились.

12-го Марта 1854 г. за № 58-й, отъ генерала Реада воинскому начальнику укрѣпленія Гагры, капитану Быковскому, было послано слѣдующее предписаніе: „Во ввѣренномъ вамъ укрѣпленіи вы обязаны держаться противъ всѣхъ покушеній горцевъ до послѣдней крайности и не сдаваться ни подъ какимъ предлогомъ; если же подойдутъ эскадры соединенныхъ флотовъ и начнутъ бомбардировать укрѣпленіе, или откроютъ по немъ огонь изъ орудій, калибръ коихъ больше калибра орудій, имѣющихся въ укрѣпленіи, и ежели убѣдитесь,

что упорною защитою уничтожите только, но не отстоите ввѣреннаго вамъ поста: въ такомъ случаѣ можете выбросить бѣлый флагъ и сдаться непріятелю. Таковой поступокъ, ежели дознано будетъ, что непріятельская сила была такая большая, что не было возможности устоять противъ нея, не только не будетъ вмѣненъ вамъ въ вину, но признанъ будетъ заслугою за спасеніе гарнизона".

Копія съ этого предписанія была представлена 17-го Марта военному министру, съ прибавленіемъ, что „гарнизономъ укрѣпленія Гагры, скрѣпя сердце, надлежало пожертвовать, ибо оно запираетъ важнѣйшій горный проходъ отъ непокорныхъ горцевъ въ Абхазію".

Снятіе укрѣпленій совершилось, впрочемъ, вполнѣ безпрепятственно, а затѣмъ Гагринскій гарнизонъ, съ частью тяжестей, былъ безвозмездно переправленъ въ Керчь Греческимъ шкиперомъ Соррандо Фоти, изъ чувства патріотизма.

Однако безпокойства Кавказскаго начальства все продолжались. Подъ впечатлѣніемъ ли тревогъ, пережитыхъ осенью 1853 г., когда мы еще не успѣли собраться съ силами, и насъ, захваченныхъ въ расплохъ, Турки наказали взятіемъ Николаевскаго укрѣпленія и раззореніемъ Армянскихъ пограничныхъ сёлъ, подъ впечатлѣніемъ ли неудачъ на Дунаѣ, въ ожиданіи ли грозной коалиціи и предполагаемаго нашествія Англо-Французовъ на западный Кавказъ, но нельзя скрыть, что безпокойство и опасенія были нѣсколько преувеличены, и это тѣмъ болѣе, что самъ князь Воронцовъ, предъ выѣздомъ изъ Тифлиса, уже представилъ Государю планъ дѣйствій, на случай весьма сомнительной высадки Англо-Французовъ на Кавказскій берегъ. По этому плану предполагалось лишь усилить Гурійскій отрядъ до 16—20 батальоновъ и если не удалось бы удержаться на Цхенисъ-цхали, то впереди Кутаиса избрать оборонительную позицію, которую и укрѣпить. (См. Приложенія).

Генералъ Реадъ былъ новый человѣкъ въ краѣ и правитель временный. Говорили, что онъ прекрасный, умный человѣкъ, храбрый кавалеристъ; но, очевидно, овладѣть совокупностью всѣхъ обстоятельствъ въ данномъ положеніи было ему не по силамъ, и онъ боялся брать въ чемъ-либо

на себя отвѣтственность. Большою ошибкою было въ такое время оставить Кавказъ безъ настоящаго хозяина, при временномъ, далеко не соотвѣтствовавшемъ данному положенію начальникѣ. Чрезъ это положеніе князя Барятинскаго, какъ начальника штаба, становилось чрезвычайно труднымъ: онъ, хорошо знавшій край, духъ Кавказскихъ войскъ, самъ беззавѣтно-храбрый, рѣшительный, рыцарь безъ страха и упрека, однако не могъ не воспринимать подобнаго впечатлѣнія преувеличенныхъ тревогъ и не поддаваться опасеніямъ за судьбу края. А до чего доходили эти тревоги, можно видѣть изъ послѣдующихъ распоряженій и предположеній.

Изъ Дагестана уже были взяты два баталіона Ширванскаго полка для усиленія войскъ на Турецкой границѣ. Въ Мартѣ 1854 г., когда, послѣ осеннихъ побѣдъ подъ Ахалцихомъ и Башъ-Кадыкляромъ, въ виду скораго прибытія 18-й дивизіи и двухъ драгунскихъ полковъ, положеніе казалось значительно улучшившимся, генералъ Реадъ однако настойчиво представлялъ въ Петербургъ о недостаткѣ войскъ, и императоръ Николай указалъ на возможность взять еще четыре баталіона изъ Дагестана. Чтобы замѣнить эти четыре батальона, генералъ Реадъ разрѣшалъ даже очистить нѣкоторыя изъ передовыхъ укрѣпленій Прикаспійскаго края. Командовавшій тамъ войсками, генералъ-лейтенантъ князь Григорій Дмитріевичъ Орбельянъ написалъ по этому поводу князю Барятинскому слѣдующее письмо:

„Съ чувствомъ глубочайшей скорби читалъ я письмо вашего сіятельства и предписаніе, которымъ требуете отъ меня четыре баталіона въ помощь дѣйствующимъ войскамъ противу Турокъ, по случаю остановленія 17-й дивизіи, слѣдовавшей на Кавказъ.

„Святой долгъ и совѣсть велятъ мнѣ доложить вамъ, что удаленіе отсюда 4-хъ батальоновъ повлечетъ за собою гибельныя, неисчислимыя послѣдствія для насъ.

„Предъ этимъ я имѣлъ честь объяснить вамъ о положеніи дѣлъ въ Дагестанѣ, прося васъ объ усиленіи меня именно четырьмя баталіонами, чтобы имѣть возможность занять Казыкумыкское ханство отдѣльнымъ отрядомъ. Этотъ годъ для войны на Кавказѣ есть годъ исключительный, не похожій на

всѣ предшествовавшіе; война эта есть война священная для каждаго мусульманина, слѣдовательно и средства мои должны быть усилены. Шамиль дѣлаетъ огромныя приготовленія; покорныя намъ общества ждутъ только малѣйшаго успѣха его, чтобы единодушно возстать противу насъ. Какъ я могу въ такомъ положеніи края рѣшиться удалить отсюда четыре батальона? Съ чѣмъ же я останусь, когда изъ 18-ти баталіоновъ могу располагать только пятью дѣйствующими?

„Что же касается до оставленія нѣкоторыхъ укрѣпленій передовой позиціи, чтобы выведенными оттуда гарнизонами замѣнить четыре батальона, то это также невозможно. Въ Гуріи, или вообще въ землѣ христіанской, оно выполнилось бы легко; но здѣсь при кликѣ: „Русскіе бѣгутъ, бросаютъ укрѣпленія", какой горецъ, какой Татаринъ не подыметъ голову, не возмется за оружіе? И какимъ образомъ можно выполнить это? Гарнизоны: Лучека, Ахты, Кураха, Чираха, Казыкумыка сами собою не могутъ дойти до меня: они будутъ истреблены. Поэтому я долженъ бросить все здѣсь и съ отрядомъ бродить по всѣмъ этимъ ущельямъ, чтобы собирать разсѣянные гарнизоны и на обратномъ пути пробиваться сквозь цѣлый Дагестанъ, который неминуемо возстанетъ. И допустимъ, что наши храбрыя войска, хотя и съ великой потерею, но преодолѣютъ всѣ преграды и пробьютъ себѣ дорогу сквозь полчищъ непріятеля: чтожъ тогда? Какъ защищать Шуру, Петровское, Дербентъ, Кубу и далѣе? Или это все также бросить и примкнуть къ Лѣвому флангу Кавказской линіи, чтобы выйти потомъ за Терекъ? Вотъ до чего доведетъ насъ удаленіе отсюда 4-хъ батальоновъ! Между тѣмъ Шамиль, къ которому присоединится все магометанское населеніе, съ громадною силою въ 100 тыс., явится къ Тифлису съ огнемъ опустошенія. А Персія, неужели она будетъ покойною зрительницею и не воспользуется случаемъ возвратить потерянныя свои провинціи?

„И кто въ состояніи вычислить всѣ потери и тѣ бѣдствія, которымъ подвергнутся и Грузія, и доселѣ побѣдоносныя наши войска, драгоцѣнною кровію которыхъ куплено все Закавказье? И изъ за чего? Нужна только одна дивизія, чтобы устранить всю эту бѣду и выйти изъ борьбы побѣдоносно, со свѣтлымъ

лицемъ, со славою, которая не покидала до сихъ поръ знамена великаго нашего Императора.

„По моему мнѣнію, Франція и Англія не могутъ оказать Турціи болѣе существенной помощи, чѣмъ мы, если удалимъ отсюда баталіоны. Напротивъ, убѣждаю ваше сіятельство усилить меня 4-мя батальонами, какъ я прежде просилъ, чтобы дѣйствія Шамиля ограничить его горами: одною своею силою онъ не страшенъ для нашихъ войскъ; страшенъ, когда покорныя намъ общества присоединятся къ нему. И вотъ этого соединенія Шамиля съ подвластными намъ племенами горцевъ и вообще мусульманъ не должны мы допускать.

„Князь, спасите обширный этотъ край, и честь и славу нашего оружія заступничествомъ вашимъ! Голосъ вашъ слышнѣе у Высочайшаго престола! Убейте меня прежде, чѣмъ я увижу потерю славы нашихъ войскъ и торжество непріятеля".

Князь Барятинскій 4 Апрѣля отвѣчалъ князю Орбельяну:

„Я съ своей стороны былъ вполнѣ увѣренъ, что ваше сіятельство, при теперешнихъ обстоятельствахъ, найдете невозможнымъ удалить отъ себя требуемые батальоны; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, если по необходимости мы должны согласиться на безусловное оставленіе оныхъ въ Дагестанѣ, то не менѣе того, съ другой стороны, очевидна невозможность исполненія вашей просьбы относительно подкрѣпленія Дагестана новыми войсками. Неожиданное отсутствіе 17-й дивизіи тому причиною.

„Натурально, что это положеніе дѣлъ не можетъ долго продлиться и что когда Богъ дастъ одержать побѣду рѣшительную на большомъ театрѣ нашихъ военныхъ дѣйствій, то найдемъ мы способъ отдѣлить часть войскъ для внутренняго усиленія края.

„Вамъ, любезный князь Григорій Дмитріевичъ, слишкомъ хорошо извѣстно общее положеніе дѣлъ и средствъ, предоставленныхъ Кавказу, чтобы не дойти до одного заключенія съ нами, что хотя положеніе наше и весьма трудно, но, съ надеждою на Бога и на смѣлый Русскій штыкъ, все кончится къ лучшему и, что хотя съ малыми средствами, мы всѣ исполнимъ трудную задачу, возложенную на насъ довѣріемъ Государя".

Отвѣтъ прекрасный; а между тѣмъ генералъ Реадъ писалъ военному министру, что онъ полагаетъ необходимымъ упразднить Дагестантскія укрѣпленія, уже не только передовыя, но почти всѣ и на плоскости, лишь бы удержать Лезгинскую линію и Военно-грузинскую дорогу, на что́ и испрашивалъ разрѣшенія. А когда военный министръ, князь Долгоруковъ, 29 Марта, по повелѣнію Государя, замѣтилъ, что необходимость упразднить Дагестанскія укрѣпленія зависитъ отъ обстоятельствъ, которыя еще не осуществились и подлежатъ обсужденію совокупно съ общимъ положеніемъ дѣлъ, почему Его Величество призналъ невозможнымъ дать положительное по этому разрѣшеніе, то ген. Реадъ (13 Апрѣля, № 104) донесъ, что онъ имѣетъ въ виду очищеніе Дагестана только въ случаѣ разрыва съ Персіею*) и неприсылки резерва изъ Россіи (о возможности высадки Англо-французовъ на Кавказѣ при этомъ вовсе не упоминалось). Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Реадъ представилъ подробный планъ, по которому все пространство между Дербентомъ и Сулакомъ должно было быть брошено, а войска, собранныя въ два отряда (на Самурѣ и Сулакѣ), старались бы прикрывать отъ вторженія Шамиля съ одной стороны Кизляръ и линію Терека, съ другой Южный Дагестанъ, Шемахинскую губернію и Закатальскій округъ, удерживая въ повиновеніи мусуль-

*) Предположеніе о возможности разрыва съ Персіею тоже не имѣло серьезныхъ основаній. Уже въ началѣ Декабря 1853 г. нашъ генеральный консулъ въ Персіи, Николай Владимировичъ Ханыковъ, извѣстный своимъ образованіемъ и отличнымъ знаніемъ Востока, велъ дѣятельную переписку съ княземъ Барятинскимъ, и въ семнадцати весьма подробныхъ письмахъ сообщалъ о положеніи дѣлъ въ Персіи, о настроеніи ея правительства, о слухахъ и свѣдѣніяхъ, получаемыхъ изъ Европы, о движеніяхъ Персидскихъ войскъ и т. п. Изъ всего видно было, что ничего враждебнаго противъ Россіи ожидать нельзя, не взирая на происки Англіи; что, напротивъ, Персіяне непрочь воспользоваться положеніемъ Турціи и свести съ нею счеты по пограничнымъ спорамъ, и что у Персіи не хватаетъ только силъ, рѣшимости; а главное не было государственнаго человѣка, воодушевленнаго патріотизмомъ, готоваго жертвовать личными интересами пользамъ государства. Само же правительство Персидское было жертвой безпрестанныхъ интригъ иностранныхъ агентовъ, дѣйствовавшихъ большею частью посредствомъ подкупа вліятельныхъ лицъ. Затѣмъ извѣстія о нашихъ побѣдахъ въ Азіятской Турціи производили сильное впечатлѣніе на Персіянъ въ нашу пользу. Такія же свѣдѣнія имѣлись въ Петербургѣ.

манское населеніе; въ случаѣ же надобности, Самурскій отрядъ могъ въ 12 дней прибыть къ Тифлису. Кромѣ того, опасаясь еще, удастся ли благополучно вывести гарнизоны изъ всѣхъ Дагестанскихъ укрѣпленій, Реадъ полагалъ нужнымъ купить содѣйствіе туземныхъ вліятельныхъ хановъ посредствомъ большихъ денежныхъ подарковъ, употребивъ для этого суммы, ассигнованныя на разныя строительныя работы въ Дагестанѣ.

Планъ этотъ былъ препровожденъ князю Орбельяну, чтобы онъ представилъ о немъ свое мнѣніе. Князь же Барятинскій, 13 Апрѣля, въ частномъ письмѣ къ военному министру изложилъ причины, побудившія упразднить Абхазскія береговыя укрѣпленія, оставить на жертву гарнизонъ Гагры и почему предполагается очищеніе Дагестана.

Возможность высадки Англо-Французовъ на Западный Кавказъ у береговъ Мингреліи и Абхазіи должна была казаться маловѣроятною по самому свойству мѣстности, гораздо болѣе неудобной, чѣмъ въ Крыму (что́ и доказалъ впослѣдствіи Омеръ-паша, завязшій въ болотахъ Мингреліи). Англо-Французы въ этомъ климатѣ пострадали бы жестоко отъ лихорадокъ и непривычныхъ лишеній: печальный опытъ они тогда уже сдѣлали въ Добруджѣ. Конечно, они могли произвести высадку ранѣе, когда почва еще суха, и при ихъ большихъ средствахъ матеріальныхъ, большихъ техническихъ знаніяхъ и изобрѣтательности, могли имѣть бо́льшій успѣхъ чѣмъ Омеръ-паша: но если допустить высадку, успѣшное движеніе внутрь края, не взирая на укрѣпленныя впереди Кутаиса позиціи, и крайнюю въ такомъ случаѣ опасность, дѣйствительно грозившую намъ за Кавказомъ, то, спрашивается, что́ помогло бы намъ очищеніе Дагестана? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все полу-миліонное вооруженное мусульманское населеніе возстало бы и, вмѣстѣ съ Шамилемъ, какъ огненная лава, ринулось бы за отступавшими войсками, безпощадно истребляя христіанское населеніе *), и мы или должны были бы опять повернуться

*) Армянскія села, поселенія Молоканъ, Нѣмецкія колоніи, не говоря о многихъ семействахъ чиновниковъ, купцовъ, мастеровыхъ и проч., разбросанныхъ среди мусульманскихъ городковъ. Удержать же эту возставшую массу мусульманъ отъ вторженія въ Кахетію едвали тоже было мыслимо.

для защиты его, при самыхъ ужасныхъ условіяхъ, среди бушующихъ кругомъ мятежныхъ волнъ, или очутиться между двухъ огней, вѣрнѣе окруженные со всѣхъ сторонъ огнемъ: потому что при такихъ обстоятельствахъ, дѣйствительно, и Персія воспользовалась бы случаемъ лягнуть копытомъ надающаго льва...

Въ такомъ положеніи, самое отступленіе по Военно-грузинской дорогѣ, бросивъ Тифлисъ и всю Грузію на жертву разъяренныхъ полчищъ фанатиковъ и хищниковъ, стало бы пожалуй крайне-затруднительно: горные пути могли быть заняты не только непокорными горцами, но даже ближайшими, давно покорными, которыхъ могла увлечь надежда заслужить расположеніе торжествующихъ враговъ нашихъ, отчасти и надежда на добычу, столь свойственная ихъ хищническимъ инстинктамъ. А дальше, на Кавказской линіи, возстаніе Кабардинцевъ, населенія Владикавказскаго округа и друг., развѣ давало бы возможность поддержать отступающія изъ-за Кавказа войска? Вообще, даже трудно представить ужасъ положенія, въ какомъ мы могли бы очутиться въ то грозное время, еслибы опасенія были сочтены за нѣчто уже реальное.

Кровь леденѣетъ при мысли о чемъ нибудь подобномъ! И немудрено, что въ Петербургѣ остались крайне недовольны, получивъ такую записку о положеніи дѣлъ на Кавказѣ; а приписывали ее князю Барятинскому....

Князь Воронцовъ не совсѣмъ серьезно относился къ высадкѣ Англо-Французовъ на Кавказѣ. Въ письмѣ отъ 17 Марта 1854 г. изъ Ставрополя онъ, между прочимъ, извѣщалъ князя Александра Ивановича, что „гарнизоны береговыхъ укрѣпленій благополучно сняты, что надъ мыслью о высадкѣ здѣсь всѣ подшучиваютъ (т. е. генералы Хомутовъ, Козловскій и др.), что если бы непріятель рѣшился отъ Новоросійска или Анапы двинуться внутрь края, то не только былъ бы отраженъ, но и разбитъ. Тоже самое можно сказать и въ случаѣ высадки въ Мингреліи противъ князя Андроникова. Слѣдуетъ надѣяться, прибавлялъ князь Михаилъ Семеновичъ, что Богъ намъ поможетъ, и иллюзіи нашихъ враговъ на счетъ нашей слабости въ этомъ краѣ, а также

дурнаго расположенія къ намъ туземнаго населенія, имъ причинятъ большое разочарованіе". Князь Воронцовъ очень безпокоился лишь о судьбѣ Зугдиды и княгини Екатерины Дадіанъ, не столько въ смыслѣ высадки Англо-Французовъ, сколько въ случаѣ вторженія горцевъ въ Абхазію послѣ снятія нашихъ укрѣпленій. Но, какъ извѣстно, и эти опасенія не оправдались. Собственно же союзниковъ князь Воронцовъ боялся, пока не были спасены всѣ гарнизоны береговыхъ укрѣпленій, которые легко могли стать добычею ихъ флота. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что ни князь Воронцовъ, ни князь Барятинскій самъ, или при другомъ настоящемъ главнокомандующемъ, не представили бы плана объ очищеніи Дагестана, на что́ можно было рѣшиться уже развѣ при дѣйствительномъ наступленіи такого критическаго момента, какъ очевидная невозможность спастись другимъ способомъ. Императоръ Николай выказалъ въ этомъ случаѣ совершенно вѣрный взглядъ, не давъ разрѣшенія на оставленіе Дагестана.

Князь Орбельянъ, нужно отдать ему полную справедливость, тоже весьма основательно опровергалъ правильность плана объ оставленіи Дагестана, и 27 Апрѣля подробно изложилъ въ рапортѣ генералу Реаду свой взглядъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опять написалъ князю Барятинскому слѣдующее письмо:

„Письмо вашего сіятельства, отъ 14 апрѣля, я имѣлъ честь получить, вмѣстѣ съ проектомъ объ упраздненіи Дагестана, въ случаѣ, если бы при настоящихъ обстоятельствахъ послѣдовалъ разрывъ съ Персіею.

„Мнѣніе мое по этому предмету я откровенно выразилъ въ рапортѣ къ г-ну командующему корпусомъ, и оно въ сущности заключается въ томъ, что упраздненіе Дагестана есть упраздненіе всего Закавказскаго края; потому что довѣріе подвластныхъ намъ мусульманскихъ народовъ къ могуществу нашего оружія исчезнетъ, и огромная часть Дагестана, теперь намъ покорная, тогда, волею-неволею, присоединится къ Шамилю, которому такимъ образомъ дадимъ возможность явиться противу насъ съ громадною силою, болѣе 80 т. Тогда и линіи на Сулакѣ и Самурѣ не удержатъ отъ всеобщаго возстанія Кумыкской плоскости, уѣздовъ Кубы, Нухи, Джаробѣлоканскаго округа и даже всей Шемахинской

губерніи: войска наши очутятся въ самомъ крайнемъ положеніи: вести войну въ одно время и противу громадныхъ силъ Шамиля, и противу возставшихъ народовъ, и наконецъ противу Персіянъ. Неисчислимы тѣ гибельныя для насъ послѣдствія, которыя неминуемо произойдутъ отъ упраздненія Дагестана. Не шахъ Персидскій страшенъ для насъ: противу него довольно Бехмена-мирзы*) съ бригадою нашихъ войскъ: но страшенъ будетъ Шамиль, если завладѣетъ всѣмъ Дагестаномъ. Спокойствіе всего Закавказья зависитъ отъ Дагестана: такъ было всегда. Не будите дракона, еще не вполнѣ сознавшаго свои силы!.

„При томъ надобно имѣть въ виду и то, что, при ненависти горцевъ къ правленію Шамиля, Дагестанъ не всегда можетъ оставаться въ такомъ грозномъ положеніи: со смертію Шамиля, или распадется на части политическое зданіе, созданное кровавою рукою его, или же станетъ болѣе въ миролюбивомъ съ нами отношеніи, въ чемъ и теперь одинъ только Шамиль препятствуетъ всеобщему желанію народа быть съ нами въ мирныхъ, торговыхъ отношеніяхъ.

„Князь Александръ Ивановичъ! Судьба Имперіи не зависитъ отъ уменьшенія арміи одною дивизіею; для чего же доводить дѣла до такой крайности, до такихъ страшныхъ невозвратимыхъ потерь? А слава нашего оружія, добытая пятидесятилѣтними побѣдами? А политическое вліяніе Россіи на Азію, неужели не стоятъ одной дивизіи?

„На васъ, князь, на васъ лежитъ святая обязанность спасти и древнюю славу нашихъ войскъ, и цѣлость Закавказскаго края".

Военный министръ писалъ 31-го Марта къ князю Александру Ивановичу слѣдующее письмо, совершенно частнаго характера:

Outre ce que vous apprendrez, cher prince, par ma correspondance officielle avec le gén. Read, je suis obligé de vous dire que l'Empereur a été très péniblement surpris des instructions données à la garnison de Гагры pour le cas d'une attaque vigoureuse de la part de l'ennemi. L'opinion de Sa Majesté, que

*) Персидскій принцъ, бѣжавшій изъ Персіи подъ наше покровительство.

je partage en plein, c'est que les Russes meurent et ne se rendent jamais. Une fois que nous avons adopté le principe de 1812, le seul conforme à la circonstance, l'idée même du drapeau blanc doit être bannie. Dites-le, cher prince, au gén. Read et tenez ferme à ce principe. Basez toutes vos combinaisons là-dessus et ne permettez pas qu'il soit enfreint. Nous avons écrit au gén. Khomoutoff de tâcher de sauver le garnison de Гагры par mer, mais comment ferait-il pour réussir? Koslofsky est fort en peine, et avec raison, de devoir donner quelques-uns de ses bataillons pour la Transcaucasie. Si vous pouvez vous en passer, laissez-les lui.

Adieu, cher prince, expliquez moi les motifs qui vous ont engagé à tracer les instructions de Гагры, telles qu'elles ont été faites, et laissez-moi vous serrer bien cordialement la main. Malgré vos plaintes, je suis sûr que, même avec les forces que vous possédez, vous vous tirerez merveilleusement d'affaire *).

Кромѣ этого письма, военный министръ прислалъ еще слѣдующее, уже оффиціальное.

J'ai placé sous les yeux de l'Empereur, mon cher prince, la lettre que vous avez bien voulu m'écrire en date du 13 de

---

*) (Переводъ). Помимо того, что вы узнаете, дорогой князь, изъ моей оффиціальной корреспонденціи съ генераломъ Реадомъ, я долженъ вамъ сказать, что Государь былъ очень непріятно удивленъ инструкціями, данными гарнизону Гагры на случай сильной атаки со стороны непріятеля. Мнѣніе Его Величества, которое я вполнѣ раздѣляю, заключается въ томъ, что Русскіе умираютъ, но не сдаются. Разъ какъ мы усвоили себѣ завѣтъ 1812 года, единственно сообразный съ обстоятельствами, даже самая мысль о бѣломъ флагѣ должна быть отвергнута. Скажите объ этомъ, дорогой князь, генералу Реаду и держитесь твердо этого завѣта. Основывайте всѣ ваши соображенія на немъ и не позволяйте его нарушать. Мы написали генералу Хомутову, чтобы онъ постарался спасти моремъ гарнизонъ Гагры; но какъ онъ этого достигнетъ? Козловскій въ большомъ затрудненіи, и совершенно основательно, ибо онъ долженъ дать шесть изъ своихъ батальоновъ для Закавказья. Если вы можете безъ нихъ обойтись, то оставьте ихъ ему. Прощайте, князь. Объясните мнѣ мотивы, которые побудили васъ составить инструкціи для Гагръ такъ, какъ онѣ составлены, и позвольте мнѣ сердечно пожать вамъ руку. Несмотря на ваши сѣтованія, я увѣренъ, что даже съ тѣми силами, какими вы обладаете, вы отлично выпутаетесь изъ вашего положенія.

ce mois. Notre Auguste Maître ne saurait admettre le principe, en vertu duquel le commandant de Gagry a été non seulement autorisé, mais invité à se rendre avec sa garnison aux Anglo-Français, s'ils viennent l'attaquer par mer. Cette doctrine est tout-à-fait nouvelle dans l'armée russe. Le prince Worontzoff a en effet énoncé l'idée de remettre aux coalisés les garnisons de la côte de la mer Noire, qui ne pouvaient pas être retirées par terre; mais vous savez aussi que l'Empereur n'a donné aucune suite à cette idée. A présent que, contre toute attente, elle a passé dans le domaine des faits, il est essentiel de vous éclairer sur l'opinion de Sa Majesté à cet égard. Le devoir de chacun de nous est de défendre à toute extrémité le poste, qui lui est confié. S'il est dans les vicissitudes de la guerre des circonstances fatales, qui peuvent excuser la reddition d'un poste, on ne saurait, sans de graves inconvénients, les déterminer d'avance. Le courage ne se pèse pas à l'once; il n'y a pas de limite aux prodiges qu'il peut accomplir. Ne venons-nous pas de voir à Odessa un jeune enseigne d'artillerie *) lutter pendant six heures avec quatre pièces de 24 contre 350 de calibre supérieur et n'évacuer sa batterie qu'après avoir été enveloppé par les flammes? D'autre part le général Mack, de triste mémoire, ne s'est-il pas rendu à Napoléon avec une armée de 80 m. hommes? D'après ses combinaisons stratégiques il a jugé qu'il devait le faire, mais l'histoire en juge autrement.

Notre jeune héros n'a pas tenu compte de la supériorité écrasante des forces de l'ennemi et s'est couvert de gloire. Je n'examine pas s'il était absolument indispensable d'abandonner la garnison de Gagry et si l'évacuation de l'Abkasie, ayant été décidée par des raisons, dont, faute de détails, nous ne pouvons pas encore apprécier l'urgence: un corps de près de cinq mille combattants ne pouvait pas accomplir son mouvement de retraite à travers l'Abkasie, sans sacrifier d'avance 400 hommes. Il est probable que la perte de ce corps n'aurait pas été plus forte, même s'il avait été vigoureusement assailli par les montagnards, car sur cette route la mer couvre l'un des flancs de la colonne, dont la tête et la queue peuvent être protégées par

*) Щеголевъ.

le feu de nos barques d'Azow. Je reviens à la question. Fallait-il prescrire au commandant de Gagry les conditions, dans lesquelles sa reddition à l'ennemi serait considérée comme un service et une distinction? Sans doute non! En l'abandonnant à son sort, il ne fallait pas comprimer en lui le sentiment du devoir militaire, qui place au-dessus de tout l'honneur du drapeau. Le dévouement n'existe pas, s'il est borné. Qui sait? Cet officier aurait puisé dans son coeur, dans l'élan et les sympathies de sa troupe une de ces résolutions sublimes, qui donnent quelquefois le salut, mais toujours la gloire. Il aurait étonné l'ennemi par sa résistance, il se serait frayé une route à la bayonnette; enfin si comme les braves du fort Mikhailowsky, il s'était fait sauter, cet acte héroique n'aurait-il pas été mille fois préférable à une reddition sans gloire. Un exemple de dévouement n'est jamais inutile; ce n'est pas le chef, mais c'est la patrie elle-même qui ordonne au soldat de mourir à son poste, et grâce à Dieu, dans notre vaillante armée le sentiment de la conservation personnelle ne l'emporte pas sur celui du devoir. Il ne s'agissait donc pas comme vous le dites de condamner la garnison de Gagry à mort; il y aurait ainsi de condamner à mort dans chaque combat; toute mission périlleuse serait une condamnation à mort. Mais il n'y avait pas lieu de prescrire au commandant un acte, qui dans tous les cas exige une réhabilitation judiciaire pour celui qui l'a accompli, comme pour le marin, qui a perdu son navire. Je ne saurais non plus vous dissimuler que la nécessité éventuelle de l'évacuation du Daghestan n'est pas démontrée à notre Auguste Maître; au contraire, Sa Majesté trouve que cette mesure aurait les plus funestes conséquences, en laissant déborder l'influence malfaisante de Chamyl jusque sur les frontières de la Perse. Il serait alors bien difficile, sinon impossible, de maintenir les communications du corps d'opération de la frontière turque avec Tiflis. Nous serions obligés de concentrer sur ce point toutes nos troupes de la Transcaucasie et bientôt après de les replier sur Wladikawkas. La Perse même, en se déclarant contre nous, n'est pas assez redoutable pour nous forcer à cette extrémité, et Chamyl doit être contenu par les mouvements combinés des

troupes, qui entourent son centre d'action. Je ne m'étends pas ici sur ce sujet, car j'en écris officiellement au général Reade *).

Весьма краснорѣчиво выраженный въ этихъ письмахъ взглядъ по поводу Гагръ нельзя признать однако непогрѣшимымъ: въ такихъ случаяхъ, какія иногда встрѣчаются на

---

*) (Переводъ). Дорогой князь, я представилъ Государю письмо ваше ко мнѣ отъ 13-го Апрѣля. Нашъ августѣйшій монархъ не можетъ раздѣлять мысли, въ силу которой комендантъ Гагръ былъ не только уполномоченъ, но и призванъ сдаться со своимъ гарнизономъ Англо-Французамъ, если тѣ атакуютъ его съ моря. Подобное правило совершенно ново въ Русской арміи. Правда, князь Воронцовъ высказался о томъ, чтобы предоставить союзникамъ гарнизоны изъ укрѣпленій Черноморскаго берега, которыя не могли быть выручены со стороны суши; но вы знаете, что Государь не далъ никакого движенія этой мысли; теперь, когда, противъ всякаго ожиданія, она перешла въ область событій, необходимо посвятить васъ въ мнѣніе Его Величества на этотъ счетъ. Обязанность каждаго изъ насъ защищать до послѣдней крайности тотъ постъ, который ему довѣренъ. Если случайныя обстоятельства, зависящія отъ превратностей войны, могутъ извинить сдачу поста, то все-таки невозможно безъ важныхъ затрудненій опредѣлить ихъ заранѣе. Мужество не взвѣшивается на унціи, и нѣтъ границы тѣмъ чудесамъ, которыхъ оно не могло бы выполнить. Развѣ мы не видѣли въ Одессѣ молодаго прапорщика артиллеріи, бившагося въ продолженіе шести часовъ, имѣя четыре орудія 24 ф. противъ 350 большаго калибра, и оставившаго свою батарею только тогда, когда былъ весь объятъ пламенемъ. Съ другой стороны, печальной памяти генералъ Макъ развѣ не сдался Наполеону съ 80-тысячною арміею? Вслѣдствіе своихъ стратегическихъ соображеній, онъ пришелъ къ заключенію, что долженъ былъ это сдѣлать, но исторія объ этомъ судитъ иначе. Нашъ молодой герой не отдавалъ себѣ отчета въ превосходствѣ губительныхъ силъ непріятеля—и вотъ онъ весь покрытъ славою. Я не разбираю, нужно ли непремѣнно жертвовать гарнизономъ Гагръ, и если очищеніе Абхазіи будетъ рѣшено въ силу причинъ, подробности коихъ намъ еще неизвѣстны и которыхъ мы не можемъ пока оцѣнить, то неужели корпусъ около пяти тысячъ человѣкъ не могъ бы произвести свое отступательное движеніе черезъ Абхазію безъ того, чтобы предварительно не пожертвовать 400-ми человѣкъ? *) Можетъ быть потеря этого корпуса не была бы значительнѣе, если бы

---

*) Совершенное недоразумѣніе: гарнизоны всѣхъ очищенныхъ укрѣпленій Абхазіи, хотя въ совокупности и могли составить 5 т. человѣкъ, но отступать приходилось не 5 т. вмѣстѣ, а исподволь, начиная съ одного укрѣпленія, гарнизонъ котораго въ нѣсколько сотъ человѣкъ, до соединенія со слѣдующими, долженъ бы выдержать натискъ непріятеля соединеннаго въ одну массу. А уничтоженіе этого одного гарнизона уже не допустило бы отступленія и остальныхъ.

войнѣ, трудно указать неизмѣнныя правила. Князь Барятинскій исходилъ, конечно, изъ той точки зрѣнія, что слѣдуетъ сберегать войска отъ жертвъ напрасныхъ, безплодныхъ, для того, чтобы имѣть право и возможность требовать отъ нихъ жертвъ, когда онѣ нужны и полезны. Въ виду полной невозможности борьбы, какъ это и было дѣйствительно въ

даже онъ былъ подверженъ сильному нападенію горцевъ, такъ какъ на этой дорогѣ море защищаетъ одинъ изъ фланговъ колонны, голова и хвостъ которой могутъ быть защищены огнемъ нашихъ Азовскихъ баркасовъ*). Возвращаюсь къ вопросу: нужно ли было предписывать коменданту Гагръ условія, въ которыхъ его сдача непріятелю была бы разсматриваема, какъ отличіе и заслуга. Безъ сомнѣнія, нѣтъ! Покидая его на произволъ судьбы, не слѣдовало стѣснять въ немъ чувства его военнаго долга, которое прежде всего заключается въ чести знамени. Преданность не можетъ существовать, если она ограничена. Кто знаетъ, можетъ быть этотъ офицеръ въ порывахъ и симпатіи своего отряда почерпнулъ бы одну изъ тѣхъ высокихъ рѣшимостей, которая иногда приводитъ къ спасенію и всегда къ славѣ. Онъ поразилъ бы непріятеля своимъ сопротивленіемъ и пробилъ бы себѣ дорогу штыками, и, наконецъ, если бы онъ, какъ храбрецы Михайловскаго форта, былъ бы взорванъ, то развѣ этотъ геройскій поступокъ не былъ бы въ тысячу разъ предпочтительнѣе, чѣмъ сдача безъ славы? Примѣръ преданности никогда не бываетъ безполезенъ. Умирать на своемъ посту не начальникъ, а само отечество приказываетъ каждому солдату, и, благодареніе Богу, въ нашей блестящей арміи чувство самосохраненія не стоитъ выше чувства долга. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, какъ пишете вы, чтобы приговорить гарнизонъ Гагръ къ смерти. Въ каждомъ сраженіи есть приговоренные къ смерти, всякое опасное положеніе есть приговоръ къ смерти. Но всетаки невозможно было предписать коменданту дѣйствіе, которое во всѣхъ случаяхъ требуетъ судебнаго возстановленія правоты того кто его выполнилъ, также какъ для моряка, который потерялъ свое судно.

Не могу скрыть отъ васъ, что временная необходимость очистить Дагестанъ не вполнѣ уяснена нашему Августѣйшему Монарху. Напротивъ, Его Величество находитъ, что эта мѣра имѣла бы самыя гибельныя послѣдствія, распространивъ вредное вліяніе Шамиля до границъ Персіи. Тогда сообщенія дѣйствующей арміи на Турецкой границѣ съ Тифлисомъ станутъ затруднительными, если не совсѣмъ невозможными. Тогда мы были бы вынуждены сосредоточить въ этомъ пунктѣ всѣ наши Закавказскія войска и затѣмъ вскорѣ направить ихъ къ Владикавказу.

Сама Персія, ставъ противъ насъ, не такъ опасна, чтобы насъ вынудить на эту крайность. Шамиль долженъ быть сдерживаемъ соединенными движеніями войскъ, которыя окружаютъ центръ его дѣйствія. Я не распространяюсь здѣсь относительно этого предмета, такъ какъ пишу о немъ офиціально генералу Реаду".

*) Это тоже недоразумѣніе; ибо флангъ защищенный моремъ могъ подвергнуться пораженію съ непріятельскихъ судовъ, и, даже безъ этого, море само по себѣ въ данномъ случаѣ было опасностью: разбитая колонна была бы опрокинута въ море, тогда какъ на сушѣ она могла бы измѣнить направленіе своего пути и спастись, хотя бы съ жертвами; о поддержкѣ же Азовскихъ баркасовъ даже и говорить не стоило: горцы на ихъ выстрѣлы не обращали никакого вниманія.

положеніи Гагринскаго гарнизона, данное начальнику его предписаніе могло лишь усугубить довѣріе войскъ къ начальству, показывая, что объ нихъ заботятся, что ими дорожатъ, и что если не допускаютъ, чтобы Русскіе могли сдаться горцамъ, не взирая на ихъ численность и храбрость, то понимаютъ, что противъ непріятельскаго флота, вооруженнаго громадными орудіями, жалкое укрѣпленіе держаться не могло, было бы разрушено, и всѣ люди истреблены совершенно напрасно. Упрекнуть можно было развѣ за послѣднюю фразу въ предписаніи воинскому начальнику, что сдача Англо-Французамъ будетъ ему поставлена въ заслугу. И въ самомъ дѣлѣ, тутъ не было бы его вины; но заслугою едвали можно счесть какую бы то ни было сдачу непріятелю. Самая же фраза въ письмѣ князя Долгорукова: „Русскіе умираютъ, но не сдаются", звучитъ, конечно, прекрасно и можетъ воодушевлять молодыхъ воиновъ; но какъ осторожно вообще слѣдуетъ обращаться съ подобными фразами, доказалъ весьма скоро послѣ писемъ князя Долгорукова комендантъ Бомарзунда Бодиско, сдавшійся Англо-Французскому флоту съ 2 т. гарнизона, не взирая на болѣе сильныя укрѣпленія и вооруженіе, чѣмъ имѣлись въ жалкомъ фортѣ Гагры...

Затѣмъ, того же числа, № 6474, военный министръ сообщилъ генералу Реаду, что Государь вовсе не раздѣляетъ его взгляда на необходимость вывести войска изъ Дагестана, что́ равнялось бы уничтоженію послѣдней преграды Шамилю распространить свое вліяніе до самаго Аракса; что это, уничтоживъ всякое уваженіе къ нашей власти, едва ли не будетъ сигналомъ къ возстанію жителей между Самуромъ и Араксомъ— и откроетъ свободное поле проискамъ Персіянъ. Напротивъ, Государь находилъ, что, даже въ случаѣ разрыва съ Персіею, удержаніе Дагестана совершенно необходимо, какъ единственная преграда къ общему соединенію нашихъ враговъ. Поэтому онъ требовалъ не только не думать объ очищеніи Дагестана, а напротивъ тревожить Шамиля подвижными колоннами со стороны Лѣваго фланга и Владикавказскаго округа, а въ Дагестанѣ и на Лезгинской линіи держать въ готовности такія же колонны. Государь возлагалъ всю отвѣтственность на того, кто допуститъ добровольную уступку части

занятаго нами края безъ особой. настоятельной въ томъ необходимости. И это былъ взглядъ, вполнѣ раздѣляемый княземъ Воронцовымъ, который въ своихъ письмахъ съ дороги не разъ возвращался къ этому вопросу и, напримѣръ въ письмѣ отъ 28 Марта, изъ Ставрополя, выражалъ свою радость по поводу отмѣны распоряженія генерала Реада вытребовать изъ Дагестана четыре батальона: „car on ne pouvait le faire sans compromettre fortement cette importante province. (Потому что этого нельзя сдѣлать, не подвергая этой важной области крайней опасности).

Генералъ Реадъ отвѣчалъ военному министру (9-го Мая № 165), что иногда вынужденная какими-нибудь соображеніями временная уступка можетъ принести болѣе пользы чѣмъ вреда, что своевременность такой уступки иногда не терпитъ отлагательства, такъ что время уже не позволяетъ испрашивать разрѣшеній и потому не дозволяетъ стѣснять отдѣльныхъ начальниковъ. Для примѣра генералъ Реадъ приводилъ отступленіе отряда князя Андроникова въ Гуріи съ одной позиціи на другую, назадъ, въ виду разлитія рѣкъ, могшихъ лишить его сообщенія съ опорными пунктами, гдѣ находились запасы продовольствія войскъ (см. приложеніе). Нельзя однако не сказать, что примѣръ этотъ былъ приведенъ весьма неудачно. Большая разница перемѣнить позицію, хотя бы и въ отступательномъ направленіи. съ отрядомъ, дѣйствующимъ въ полѣ противъ непріятеля временнаго, гдѣ населеніе намъ предано, или очистить рядъ укрѣпленій цѣлаго огромнаго района, только этими укрѣпленіями удерживаемаго въ нашей власти. противъ населенія намъ враждебнаго: не говоря о томъ, что вторичное занятіе, возобновленіе и снабженіе всѣмъ нужнымъ истребленныхъ укрѣпленій повело бы къ новой многолѣтней тяжкой войнѣ, къ новымъ многомилліоннымъ затратамъ государства.

Военный министръ, по повелѣнію Государя, препроводилъ къ князю Воронцову (находившемуся тогда въ своемъ имѣніи Мошнахъ, въ Кіевской губерніи) копіи со всей этой переписки съ генераломъ Реадомъ и спрашивалъ его мнѣнія. Вотъ что̀ по этому поводу писалъ старикъ князь Михаилъ Семеновичъ, 14 Мая 1854 года, къ князю Барятинскому:

„Я долженъ вамъ сказать, что князь Васильчиковъ, пріѣхавшій изъ Кіева навѣстить меня, привезъ пакетъ отъ военнаго министра, который сообщаетъ мнѣ свою корреспонденцію съ генераломъ Реадомъ на счетъ проекта очищенія Дагестана и спрашиваетъ моего мнѣнія объ этой мѣрѣ и объ его отвѣтѣ, который онъ, по повелѣнію Государя, далъ генералу Реаду. Я не могъ не отвѣчать съ полною искренностью, что по моему мнѣнію мѣра эта можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія и что я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ Государя по этому предмету, сообщеннымъ генералу Реаду въ бумагѣ князя Долгорукова *). Въ тоже время я пожелалъ извѣстить объ этомъ васъ, любезный другъ, съ просьбою передать генералу Реаду. Будьте оба вполнѣ увѣрены, что я не сталъ бы вмѣшиваться въ это дѣло безъ требованія, основаннаго на повелѣніи Государя: это случилось единственный разъ. Очень счастливый тѣмъ, что достигнулъ возможности пользоваться отдыхомъ, я не стану вмѣшиваться ни въ какія дѣла оффиціальнаго свойства. Постоянно надѣюсь на милость Бога, что намъ не представится подобная необходимость, и мы не будемъ вынуждены прибѣгать къ мѣрамъ, которыя уронятъ насъ въ мнѣніи не только всего Дагестана, но и во всемъ Закавказскомъ краѣ, и которыя весьма трудно будетъ поправить въ теченіе долгаго ряда лѣтъ“.

На этомъ окончились опасныя предположенія объ оставленіи Дагестана—къ счастью Кавказа, къ счастью самаго князя Барятинскаго и къ счастью всей Россіи. Потеря Закавказскаго края равносильна потерѣ Каспійскаго моря и большей части Чернаго: а къ чему подобная катастрофа могла бы привести государство, должно быть понятно всякому, кто хоть немного знакомъ съ политическимъ положеніемъ и взаимными отношеніями Европейскихъ государствъ. Это былъ бы ударъ, предъ которымъ разгромъ Севастополя теряетъ почти всякое значеніе.

*) На это письмо военный министръ писалъ князю Воронцову 25 Мая: Sa Majesté a été particulièrement charmée de voir que vous partagez son opinion sur la question relative à Daghestan. (Его Величество въ особенности восхищенъ тѣмъ, что вы раздѣляете его мнѣніе относительно Дагестана).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ XX-й ГЛАВѢ.

А. Отзывъ князя Воронцова къ военному министру въ Январѣ 1854 г. съ отмѣтками государя Николая Павловича *).

Дѣйствующій корпусъ на Турецкой границѣ раздѣленъ на отряды, сосредоточенные въ Гуріи, Ахалцыхѣ, Ахалкалакахъ, Эривани и Александрополѣ. Непріятель собралъ противъ этихъ пунктовъ значительныя силы. Поэтому, не смотря на большое протяженіе, занимаемое нашими отрядами, отъ горы Арарата до береговъ Чернаго моря, около 700 верстъ, мы находимся въ необходимости имѣть для нашихъ дѣйствій столь растянутую линію.

1) Отрядъ въ Гуріи расположенный, находясь въ большемъ отдаленіи отъ мѣста пребыванія командующаго корпусомъ, долженъ быть совершенно отдѣленъ отъ его зависимости. Остальные за тѣмъ отряды дѣйствующаго корпуса имѣютъ цѣлью овладѣть Карсомъ, Ардаганомъ и Баязетомъ.

„Совершенно такъ. Полагаю возложить начальство надъ онымъ г.-л. кн. Андроникову, подчинивъ ему всѣ войска на береговой линіи до Сухума, означивъ теперь же, по какимъ дорогамъ и куда каждой части сосредоточиваться—къ Цхени-Цхали или къ Кутаису, когда удержать ввѣренныхъ постовъ не будетъ болѣе возможности“.

2) Главный отрядъ, сосредоточенный около кр. Александрополя, снабженный всѣмъ необходимымъ для наступательныхъ движеній, при окончательномъ сборѣ всѣхъ войскъ, предпринимаетъ свои дѣйствія, направляясь прямо къ Карсу; въ случаѣ встрѣчи съ Турецкимъ корпусомъ, старается разбить и приступить къ осадѣ этой крѣпости.

„До окончанія или объясненія дѣйствій непріятеля на Правомъ флангѣ, главному корпусу должно только ограничиться защитой границы; развѣ непріятель собрался бы въ зна-

*) Своеручныя отмѣтки Государя Николая Павловича на этой бумагѣ, сдѣланныя карандашомъ, печатаются крупными буквами.

чительныхъ силахъ противъ насъ, тогда идти ему на встрѣчу и разбить, или ежелибъ непріятель отъ Ардагана шелъ на Ахалцыхъ въ обходъ отряду Праваго фланга чрезъ Боржомское ущелье, въ такомъ случаѣ идти ему во флангъ и, разбивъ, воротиться къ Александрополю".

Овладѣвъ, съ Божіею помощію, Карсомъ, не теряя времени, приводитъ эту крѣпость въ лучшее оборонительное состояніе, занимаетъ оную сильнымъ гарнизономъ, обезпечиваетъ его продовольствіемъ и устраиваетъ въ Карсѣ временное военное управленіе тамошнимъ пашалыкомъ.

„Все это такъ, но отложить до второй эпохи, т. е. послѣ отбитія непріятеля на Правомъ флангѣ".

По занятіи Карса, отдѣляется часть войскъ изъ главнаго отряда къ Ардагану для овладѣнія этой крѣпостью.

„Ежели не удастся сего исполнить уже прежде, тогда пришлось бы идти туда при появленіи тамъ непріятеля, въ силахъ идущаго на Ахалцыхъ и Боржомъ".

Отрядъ, двинутый къ Ардагану, долженъ быть соразмѣренъ съ силами непріятеля и по соображенію съ обстоятельствами, ибо невозможно опредѣлить, въ какихъ силахъ тогда находиться будутъ Турки около Ардагана, или какія будутъ ихъ намѣренія противъ Ахалцыха. При движеніи войскъ изъ главнаго отряда къ Ардагану, Ахалцыхскому отряду дано будетъ приказаніе частью войскъ двинуться къ Ардагану, на соединеніе съ направленными туда же изъ Карса войсками.

„Да, въ свое время это можно будетъ".

3) При самомъ началѣ дѣйствій главнаго отряда къ Карсу, отряды Эриванскій и Ахалцыхскій, находясь въ сборѣ готовыми къ движенію, дѣлаютъ демонстраціи для отвлеченія непріятеля; первый къ Баязету, имѣя въ виду овладѣть симъ городомъ, если обстоятельства будутъ благопріятствовать; а послѣдній, подвигаясь медленно впередъ по дорогѣ къ Ардагану, наблюдаетъ за движеніемъ непріятеля, не вдаваясь однако въ горы, чрезъ которыя переходъ затруднителенъ, пока не будетъ нами занятъ Карсъ.

„Все справедливо, но во второй эпохѣ".

Ахалцыхскій отрядъ до того времени не предпринимаетъ ничего рѣшительнаго, наблюдая только за непріятелемъ и обращая вниманіе къ сторонѣ Аджары, откуда чрезъ Кобліанъ непріятель можетъ направлять въ этотъ участокъ партіи для грабежа и

4) Въ Ахалкалакскомъ участкѣ предполагается имѣть небольшой наблюдательный отрядъ, которому, во время открытія кампаніи, дана будетъ, сообразно съ обстоятельствами, инструкція, такъ какъ отрядъ этотъ, не будучи въ силахъ дѣйствовать самостоятельно, можетъ однако съ пользою

употребленъ быть при движеніи войскъ изъ главнаго отряда къ Ардагану для соединенія съ ними. До того же отрядъ этотъ остается для охраненія Ахалкалакскаго участка и границъ онаго, чрезъ которыя идутъ дороги къ Тифлисскому уѣзду.

„Справедливо".

По занятіи Ардагана немедленно дѣлается распоряженіе къ приведенію въ надлежащее оборонительное положеніе и этого пункта, занимается оный достаточнымъ гарнизономъ, снабженнымъ продовольствіемъ и всѣмъ необходимымъ.

„Такъ точно".

Ежели къ этому времени Баязетъ не будетъ нами взятъ и обстоятельства позволятъ исполнить это предпріятіе, то слѣдуетъ, усиливъ Эриванскій отрядъ частью войскъ изъ главнаго отряда, овладѣть Баязетомъ, укрѣпить его надлежащимъ образомъ и устроить тамъ временное военное управленіе.

„Да, но причислить это къ первой и послѣдней эпохѣ".

Предположенія эти могутъ быть приведены въ исполненіе, если Персія будетъ съ нами въ союзѣ, или останется нейтральною; въ противномъ случаѣ они могутъ измѣниться.

„Разумѣется".

По занятіи Карса, Ардагана, Баязета и по приведеніи сихъ пунктовъ въ надлежащее оборонительное положеніе, равно по снабженіи остальныхъ въ этихъ мѣстахъ гарнизоновъ всѣмъ необходимымъ, обстоятельства укажутъ, дозволитъ ли время и выгодно ли намъ будетъ дальнѣйшее наступательное движеніе, или мы должны будемъ ограничиться на этотъ годъ занятіемъ вышеупомянутыхъ пунктовъ, устройствомъ продовольствія войскъ, ихъ комплектованіемъ и приготовленіемъ зимнихъ квартиръ войскамъ, большая часть которыхъ должна по необходимости оставаться зимою на 1855 годъ внѣ нашихъ предѣловъ.

„Вѣроятно, что далѣе не пойдемъ".

Обстоятельства, могущія служить намъ препятствіемъ къ дальнѣйшимъ наступательнымъ дѣйствіямъ, должно предполагать слѣдующія:

1) Отношенія къ намъ Персіянъ въ настоящую войну съ Турціею.

2) Дѣйствія Шамиля на Кавказскую и Лезгинскую линіи и послѣдствія оныхъ.

3) Военныя дѣйствія Турокъ въ союзѣ съ Англіею и Франціею, по берегу Чернаго моря.

4) Время и способы, какія будетъ имѣть дѣйствующій корпусъ для наступательныхъ движеній.

Судя по приготовленію Турокъ, предпринятому ими въ большихъ размѣрахъ около границъ Закавказскаго нашего владѣнія, можно быть увѣреннымъ, что непріятель, при первомъ наступательномъ движеніи нашемъ, собравъ всѣ свои силы, вознамѣрится отразить насъ, чтобы не допустить

до Карса; и сверхъ того, полагать можно, что осада Карса, овладѣніе Ардаганомъ и Баязетомъ, приведеніе этихъ пунктовъ въ оборонительное положеніе и обезпеченіе въ нихъ гарнизоновъ всѣмъ необходимымъ, займутъ у насъ все лѣто, до той поры, когда переходъ войскъ чрезъ Саганлугскія горы сдѣлается, по времени года, весьма затруднительнымъ, независимо отъ препятствій, которыя непріятель можетъ намъ поставить занятіемъ этихъ горъ за валами и другими укрѣпленіями.

„Все совершенно справедливо, потому и не полагаю, чтобы большее на сей разъ исполнить было бъ можно; да и это уже очень много".

Если, при открытіи весною военныхъ нашихъ дѣйствій противъ Карса, обнаружится непріязненность къ намъ Персіи, въ такомъ случаѣ необходимость требуетъ усилить Эриванскій отрядъ нѣсколькими баталіонами изъ Тифлиса, съ тѣмъ, чтобы отрядъ этотъ, защищая крѣпость Эривань, оставался въ оборонительномъ положеніи до того времени, пока, съ Божіею помощію, разбивъ Турокъ въ полѣ, овладѣемъ Карсомъ и Ардаганомъ; въ продолженіе этого времени можно надѣется, что Персіяне и Турки не возмутъ Эривани. Между тѣмъ, по занятіи нами Карса, можно будетъ отдѣлить изъ главнаго отряда 4 баталіона пѣхоты, одинъ полкъ драгунъ и три батареи, въ томъ числѣ одну конную; войска эти, соединясь съ Эриванскимъ отрядомъ, начнутъ наступательное дѣйствіе взятіемъ Баязета и вторгнутся въ предѣлы Персіи.

„Все справедливо".

Занятіемъ Хоя, Урміи и Тавриза распространится страхъ на всю Персію; Персидскія войска, какъ полагать должно, не могутъ сопротивляться нашимъ, а города въ Персіи не имѣютъ привычки защищаться.

„Все это вѣроятно".

Въ такомъ случаѣ и при подобныхъ обстоятельствахъ дальнѣйшее движеніе наше впередъ изъ Карса, по необходимости, сдѣлается совершенно невозможнымъ, и мы принуждены будемъ на сей годъ ограничиться тѣмъ, что̀ мы сдѣлать успѣемъ.

„Выше сказалъ, что во всякомъ случаѣ при теперешнихъ обстоятельствахъ далѣе нельзя предполагать идти."

Въ предположеніяхъ, что война занятіемъ Баязета и Карса не кончится, Эрзерумъ долженъ, сколько кажется, быть главнымъ предметомъ нашихъ будущихъ домогательствъ. Въ немъ сосредоточиваются главное управленіе и склады продовольствія Турецкой арміи въ Азіи. Какъ въ прошедшую кампанію, такъ безъ сомнѣнія и теперь, съ завоеваніемъ этого города будетъ нанесенъ сильный ударъ Оттоманской Портѣ.

„Такъ и полагаю я".

Конечно, этотъ вопросъ слишкомъ связанъ съ другими политическими соображеніями, съ отношеніями, въ которыхъ мы останемся съ Персіею

и съ общимъ положеніемъ нашихъ дѣлъ на Кавказѣ, чтобы теперь же положительнымъ образомъ опредѣлить время наступленія нашего на Эрзерумъ.

„Справедливо“.

Во всякомъ случаѣ было бы крайне опасно миновать Эрзерумъ и идти правѣе отъ Карса. Все населеніе тамъ мусульманское и хотя отчасти состоитъ изъ Грузинъ, но они давно перемѣнили вѣроисповѣданіе и считаются настоящими врагами Христіанъ; при томъ оставить на лѣвомъ флангѣ дѣйствующаго корпуса такой важный пунктъ, какъ Эрзерумъ, невозможно, потому что, кромѣ выгодъ занятія столь важнаго пункта, онъ будетъ снабжать всѣмъ нужнымъ Турецкую армію.

По маршрутамъ, даннымъ войскамъ, слѣдующимъ изъ Россіи, онѣ прибываютъ:

Въ Александрополь

Сводная драгунская бригада съ двумя конными батареями 18—20 Марта.

18-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею 6 –23-го Апрѣля.

Въ Эривань

2-ой бригады 17-й пѣхотной дивизіи Бородинскій и два баталіона Тарутинскаго егерскихъ полковъ 8—12 Мая.

„Не будутъ“.

Остальные два баталіона Тарутинскаго егерскаго полка въ Ахалкалаки 9-го Мая.

1-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи, прибывающей въ Тифлисъ 11 и 15 Апрѣля, назначаются: два баталіона въ Тифлисъ для карауловъ, а четыре баталіона въ Тифлисъ же въ резервъ для Лезгинской линіи или на случай войны съ Персіею.

„Необходимы для обезпеченія Черноморіи до объясненія, куда отправлены будутъ непріятельскіе десанты, какъ самимъ кн. Воронцовымъ эта опасность, и весьма важная, предвидѣна“.

Приходъ войскъ расчитанъ при форсированномъ маршѣ и безостановочномъ движеніи ихъ; но при настоящей суровой зимѣ могутъ произойти остановки, какъ при слѣдованіи войскъ, по степямъ внутреннихъ губерній, такъ и при переходѣ чрезъ горы, теперь до того уже заваленныя снѣгомъ, что въ послѣднее время всякое сообщеніе чрезъ нихъ было нѣсколько разъ прекращаемо. Поэтому, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, едвали мы будемъ имѣть возможность начать наступательныя дѣйствія около половины Мая.

„Объ нихъ теперь и рѣчи быть не можетъ, до окончанія дѣлъ на Правомъ флангѣ“.

Б. Собственноручно начертанный Государемъ Николаемъ Павловичемъ проектъ инструкціи, отъ 22 Февраля 1854 г.

При теперешнемъ общемъ положеніи дѣлъ, Кавказской линіи угрожать могутъ двѣ опасности:

1) Усиленное нападеніе Шамиля на Военно-Грузинскую дорогу, въ соединеніи съ Кабардинцами и другими близъ оной обитающими племенами, съ цѣлію пресѣчь наши сообщенія съ Закавказьемъ.

2) Нападеніе союзныхъ силъ десантомъ въ сѣверной части Черноморской береговой линіи, съ тѣмъ, чтобы овладѣть Геленджикомъ, Новороссійскомъ и Анапой, соединеніе съ Натухайцами, Шапсугами и Абадзехами, для нападенія на землю Черноморскихъ казаковъ и проникнуть далѣе на Правый флангъ Кавказской линіи, въ тоже время какъ другія племена возстанутъ, угрожая Лабинской линіи или даже Пятигорску.

Отвратить первую опасность лежитъ на прямой обязанности г.-л. Козловскаго, съ тѣми войсками, кои ему непосредственно подчинены въ центрѣ линіи и которыхъ нельзя не признать достаточными, съ той поры, какъ тамъ расположена вся резервная дивизія Кавказскаго корпуса, т. е. резервъ изъ 14 бат. при 2 батареяхъ, кромѣ линейныхъ баталіоновъ и 6 бат. Тенгинскаго и Навагинскаго полковъ и 3 бат. егерскаго князя Воронцова полка, Донскихъ и Линейныхъ казаковъ при одной или двухъ конныхъ казачьихъ батареяхъ.

Нѣтъ при томъ вѣроятія, чтобы Шамиль въ одно и тоже время угрожать могъ и Военно-Грузинской дорогѣ, и Лезгинской линіи, и Кумыкской плоскости, и Прикаспійскому краю, которыя впрочемъ охраняются особыми отрядами войскъ, здѣсь не упоминаемыми.

Съ послѣдне-данныхъ приказаній войсковому атаману Донскаго войска, и съ пріостановленія близъ Севастополя 1-й бригады 17-й дивизіи съ ея 2 батареями, нахожу, что опасность Линіи и Черноморіи во многомъ уже не такъ велика: ибо, не говоря объ гарнизонахъ трехъ прибрежныхъ укрѣпленій, легко нынѣ собраны быть могутъ 11 бат., кромѣ 2-й бригады 19-й дивизіи, 6 казачьихъ полковъ, 2 пѣшихъ и $4^1/_2$ конныхъ батарей.

Я полагаю, что мѣсто сбора сему отряду назначить должно близъ Варениковой пристани, съ тѣмъ чтобы, при высадкѣ непріятеля и въ особенности при Геленджикѣ или Новороссійскѣ, не медля слѣдовать ему на встрѣчу и принять отступающіе гарнизоны Геленджика и Новороссійска, ежели они вынуждены были бросить сіи мѣста, и наконецъ, ежелибъ высадка послѣдовала у Анапы, отбросить непріятеля въ море и спасти Анапу.

При таковомъ дѣйствіи непріятеля, весьма вѣроятно, что онъ будетъ въ соглашеніи съ горцами, чтобы они отвлекли вниманіе и силы наши въ другую сторону, угрожая или Лабинской линіи или самой Кубанской линіи. Чтобы воспрепятствовать сему—предстоятъ, кажется, два способа: или, чтобъ тогда г. Евдокимову, собравъ что можно изъ войскъ ему подчиненныхъ, слѣдовать на Бѣлую и въ глубь края, по направленію къ Абинску; или

собрать у Ольгинскаго тетъ-де-пона отрядъ изъ тѣхъ же войскъ, не менѣе 6 бат. съ артиллеріею и однимъ или двумя казачьими полками, чтобъ отрядомъ симъ охранять Кубанскую линію и отбить всякое тутъ покушеніе; на Лабинской же линіи оставаться въ оборонительномъ положеніи.

Адмиралу Серебрякову обратить главное вниманіе на сохраненіе Анапы и буде можно Новороссійска. Ежели Геленджикъ и Кабардинскъ отстоять нельзя, гарнизоны сіи отводить къ Новороссійску, чѣмъ защита сего мѣста значительно усилится; а когда и этотъ важный пунктъ нельзя будетъ сберечь, все въ немъ сжечь и уничтожить, равно какъ въ Геленджикѣ и Кабардинскомъ и отступать всѣми силами чрезъ Раевскій фортъ къ Анапѣ, наводя непріятеля флангомъ на главный отрядъ, идущій отъ Варениковой.

Вотъ въ главныхъ чертахъ все что я покуда предначертать могу какъ г.-л. Козловскому, такъ и г. отъ кав. Хомутову и вице-адмиралу Серебрякову.

В. А. Серебрякову, въ случаѣ крайности, военныя всѣ суда въ сѣверной части Линіи отвести къ Павловской батареѣ подъ прикрытіе огня ея и для защиты пролива; а въ случаѣ невозможности и тамъ устоять, отослать къ Ейску, ежели глубина моря сіе дозволяетъ.

В. Отзывъ командующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ генерала Реада военному министру князю Долгорукову, отъ 9 Февраля 1854 г. за № 33, съ отмѣтками Государя Николая Павловича.

По открытіи Турками вѣроломнымъ образомъ военныхъ дѣйствій осенью прошедшаго года, съ нашей стороны предприняты противъ нихъ только тѣ мѣры, которыя указывали обстоятельства, самое положеніе дѣлъ и какія возможны были по нашимъ средствамъ: съ незначительнымъ числомъ войскъ, при такомъ внезапномъ открытіи войны, сопровождавшемся неожиданнымъ вторженіемъ Турецкихъ силъ одновременно на разные пункты нашихъ предѣловъ, нельзя было составить общаго плана для дѣйствій нашихъ противъ непріятеля. Цѣль наша состояла единственно въ томъ, чтобы нанести пораженіе Туркамъ и отбросить ихъ далѣе отъ нашихъ границъ, и при помощи Божіей цѣль эта достигнута. Кромѣ того позднее осеннее время, въ которое началась война, не позволяло разсчитывать на продолжительность военныхъ дѣйствій, и потому на исполненіе какого либо предначертанія.

При этомъ кн. Воронцовъ представилъ росписаніе войскъ для дѣйствій на всѣхъ пунктахъ и въ заключеніе присовокупилъ: „что какъ при соображеніи составленнаго предположенія, въ разсчетахъ наступленія и обороны, не входила война съ Франціею и Англіею, то и средства, предположенныя для одной войны съ Турками и горцами, не могутъ уже соотвѣтствовать предстоящей борьбѣ; а потому, если воспослѣдуетъ разрывъ съ Западными державами, то возможно предпринять столь неравную войну только при нѣкоторыхъ первоначальныхъ пожертвованіяхъ, которыя, какъ бы ни были

тягостны для всякаго Русскаго, но при войнѣ съ Англіею и Франціею неизбѣжны. Онѣ однѣ могутъ дать намъ способъ сосредоточить достаточное число войскъ, чтобы защищать и поставить въ оборонительное положеніе главныя и существенныя точки края, сообщенія съ Россіею, Тифлисъ и, наконецъ, удержать въ повиновеніи мирныя племена Кавказа, не говоря уже о защитѣ сѣверной части Черноморской береговой линіи и собственно Черноморіи, о которой я имѣлъ честь сообщить въ послѣднемъ секретномъ моемъ отношеніи № 30.

Съ паденіемъ Черноморской береговой линіи и Гурійскій отрядъ будетъ находиться совершенно въ сторонѣ; онъ будетъ отрѣзанъ отъ всякаго продовольственнаго снабженія какъ съ моря, такъ въ большой мѣрѣ и по затрудненіямъ въ перевозкѣ и съ сухаго пути. Оставаясь въ теперешнемъ положеніи, онъ кромѣ того легко можетъ быть обойденъ непріятелемъ по Супсѣ и совершенно отрѣзанъ отъ Кутаиса; отступленіе его можетъ тогда сдѣлаться, если не вовсе невозможнымъ, то по крайней мѣрѣ весьма сомнительнымъ, а потому я полагаю неотлагательною потребностью на устьѣ Цхенисъ-Цхали опредѣлить теперь же избранную нами точку, гдѣ, при первомъ извѣстіи о разрывѣ съ Западными державами, Гурійскій отрядъ долженъ сосредоточиться, ожидать тамъ прибытія гарнизоновъ тѣхъ укрѣпленій береговой линіи, которымъ будетъ возможность отступить, если найдетъ необходимымъ, и со всѣми этими войсками занять позицію у Кутаиса.

„Весьма основательно, и надо безотлагательно и сильно укрѣпить эту позицію, поручивъ сіе г.-м. Ганзену; а чтобы работы шли скорѣе, хорошо бы привесть еще двѣ роты резервнаго сапернаго баталіона изъ Владикавказа“.

Въ случаѣ большихъ силъ непріятеля, противъ которыхъ рѣшительно намъ нельзя было-бы устоять,

„да, ежели на первой позиціи удержаться нельзя“,

надобно опредѣлить послѣдній предѣлъ нашей уступчивости, укрѣпивъ хорошими земляными работами и сильными батареями обѣ дороги, ведущія изъ Кутаиса въ Тифлисъ.

„И это весьма полезно и хорошо“.

Изъ 13-ти, а можетъ быть и болѣе баталіоновъ, которые тутъ сосредоточатся, составить два отряда и резервы для положительнаго сопротивленія непріятелю по обѣимъ дорогамъ.

„Желательно отрядъ сей усилить до 20 баталіоновъ съ тѣми, которые воротятся изъ покидаемыхъ береговыхъ укрѣпленій“.

Я долженъ сказать еще, что нахожу наступательное наше дѣйствіе вдоль Малой Азіи весною возможнымъ только въ случаѣ мира съ Западными державами; потому что, не обезпечивъ себя предварительно, на протяженіи цѣлаго фланга, отъ вторженія непріятельскаго и не владѣя моремъ,

мы не можемъ думать, не оградивши себя совершенно съ этой стороны, о большемъ движеніи впередъ.

„Весьма справедливо: кончить прежде одно, и важнѣйшее, а потомъ приступить къ другому".

Растянувши наши силы, мы можемъ быть поставлены въ крайнее положеніе тѣмъ, что откроемъ непріятелю три пути отъ моря: 1) въ землю Черноморскаго войска, 2) въ Кабарду и 3) на Тифлисъ.

„Правда, и это было уже въ виду".

„Главное и важнѣйшее".

Г. Отзывъ командующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ генерала Реада военному министру князю Долгорукову, отъ 17-го Марта 1854 г. за № 64.

При отношеніи вашего сіятельства, отъ 24-го Февраля сего года, № 2892, имѣлъ я честь получить копію съ отзыва вашего къ г-ну главнокомандующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ отъ того же числа, № 2,865.

Въ общемъ распредѣленіи войскъ вы изволите передавать желаніе Его Императорскаго Величества, чтобы въ Закавказскій край взято было, вмѣсто 17-й пѣхотной дивизіи, четыре батальона изъ Дагестана и шесть батальоновъ изъ центра и Владикавказскаго округа, и что вмѣстѣ съ тѣмъ подробности распредѣленія войскъ Государю Императору благоугодно предоставить главному мѣстному начальству.

Въ отвѣтъ долгомъ считаю изложить слѣдующее:

Въ эпоху предположенныхъ оборонительныхъ дѣйствій нашихъ, кромѣ непріятельскаго наступленія трехъ державъ, на первомъ планѣ непремѣнно будутъ усиленныя дѣйствія Шамиля и Магометъ-Эмина, къ коимъ примкнутъ всѣ наши внутренніе враги и, кромѣ того, часть мирныхъ горцевъ. Должно ожидать, что можетъ быть откроется война съ Персіею и что намъ резервовъ изъ Россіи болѣе не будетъ; а потому при распредѣленіи войскъ корпуса въ эту, можно сказать, тяжелую эпоху, нельзя ослабить преградъ, удерживающихъ племена Кавказа.

Существенный и жизненный оплотъ сего края, какъ ваше сіятельство изволите знать, и равно значительный съ обороною Турецкихъ границъ— есть ненарушимость Военно-Грузинской дороги на сѣверной и Лезгинской линіи на южной покатости. На обоихъ этихъ пунктахъ, гдѣ бы ни былъ успѣхъ нашихъ непріятелей, онъ одинаково для насъ губителенъ.

Удержаніе Лезгинской линіи необходимо, дабы владычество наше за Кавказомъ не потерпѣло существеннаго потрясенія. Опытъ прошлаго года доказываетъ, что тогда открывается для непріятеля Кахетія, дорога къ самому Тифлису и въ мусульманскія провинціи.

Соглашаюсь, что на всѣхъ точкахъ, въ одно и тоже время, Шамиль не появится; но, находясь въ центрѣ своихъ дѣйствій, ему равно возможно устремиться на Военно-Грузинскую дорогу, Лезгинскую линію, въ При-Каспійскій край, или на Кумыкскую плоскость. Но какъ опредѣлить, куда онъ устремится? Намъ надобно вездѣ быть готовыми.

Оставленіе внѣ Кавказа 17-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріею не только лишило здѣшній край всякой возможности къ наступательнымъ дѣйствіямъ, но и затруднило весьма внутреннюю и внѣшнюю оборону его.

На основаніи переданныхъ мнѣ предначертаній г. главнокомандующимъ и согласно моимъ убѣжденіямъ, первымъ моимъ дѣйствіемъ было сосредоточить въ распоряженіи генералъ-лейтенанта князя Андроникова всѣ средства къ оборонѣ Черноморскаго прибрежья на южной покатости Кавказскаго хребта, всю Кутаискую губернію, Мингрелію и Самурзакань, объявленныя на военномъ положеніи, Гурійскій и Ахалцыхскій отряды, какъ въ оборонѣ между собою тѣсно связанные, и общій ихъ резервъ въ Сурамѣ. Распоряженія по Абхазскимъ укрѣпленіямъ объяснены въ особо прилагаемомъ отзывѣ. Еще ранѣе полученія отъ вашего сіятельства отзыва, № 2,892, командированы лица для подробнаго обозрѣнія мѣстности, съ цѣлію опредѣлить оборонительные пункты, гдѣ надлежитъ твердою ногою задержать превозмогающаго непріятеля, прикрывая, во что бы то ни стало, Тифлисъ; а вслѣдъ за симъ приступлено будетъ къ усиленнымъ фортификаціоннымъ работамъ, къ укрѣпленію тѣхъ пунктовъ. Это возлагается на самого отряднаго начальника, коему придается начальникъ инженеровъ корпуса, генералъ-маіоръ Ганзенъ.

Составъ войскъ, противупоставляемыхъ непріятельскому вторженію отъ юго-восточнаго берега Чернаго моря, безъ сомнѣнія, значительно усилится съ выводомъ гарнизоновъ изъ крѣпостей въ Абхазіи (о чемъ имъ послано предписаніе). Если они благополучно успѣютъ присоединиться къ Гурійскому отряду, тогда изъ этихъ войскъ можетъ составиться, въ совокупности съ линейными баталіонами, отрядъ отъ 16—17 баталіоновъ, не считая Ахалцыхскаго отряда и Сурамскаго резерва.

За измѣненіемъ распредѣленія войскъ, въ главномъ Александропольскомъ отрядѣ и Эривани, на все время оборонительной эпохи до окончательнаго рѣшенія дѣлъ на Правомъ флангѣ, будетъ находиться менѣе назначеннаго туда числа баталіоновъ, именно: вмѣсто 30, въ распоряженіи князя Бебутова не можетъ поступить болѣе 24-хъ баталіоновъ, распредѣленіе коихъ по отрядамъ будетъ зависѣть отъ него; а какъ съ тѣмъ вмѣстѣ у него будетъ двадцать эскадроновъ драгунъ, не считая иррегулярной кавалеріи, то князь Бебутовъ, какъ не предполагается ему пока дѣйствовать наступательно, имѣетъ средства держаться оборонительно, тѣмъ болѣе, что я непрестанно имѣю въ виду, какъ только объяснятся обстоятельства, тотчасъ усилить корпусъ его до высочайше предназначеннаго числа.

Но, для обезпеченія Лезгинской линіи, по необходимости я долженъ отдѣлить, во что бы то ни стало, четыре баталіона, оставивъ и прибывшіе уже въ первыхъ числахъ сего мѣсяца на Лезгинскую линію два баталіона егерской бригады 21-й пѣхотной дивизіи, такъ что для обороны сей линіи опредѣляется мною, сверхъ 6 съ пол. баталіоновъ сказанной егерской бригады, еще четыре баталіона, всего 10 съ пол. баталіоновъ, каковое число войскъ тамъ совершенно необходимо. Князь Воронцовъ исчислялъ для сего не менѣе 12-ти баталіоновъ.

Общій резервъ для всего Кавказскаго края будетъ состоять изъ четырехъ баталіоновъ и расположенъ въ окрестностяхъ Тифлиса, такимъ образомъ, чтобы до окончательнаго разъясненія намѣреній непріятеля можно было бы сикурсировать войска князя Андроникова, Ахалцыхскій отрядъ, князя Бебутова, Эриванскій отрядъ, мусульманскія провинціи въ случаѣ войны съ Персіею, Лезгинскую линію и защищать проходы на Военно-Грузинскую дорогу со стороны Тушетіи.

Съ выбытіемъ 17-й пѣхотной дивизіи, при могущихъ быть потеряхъ, неизбѣжной потребности поддержать Лезгинскую линію и вообще по обстоятельствамъ, коихъ теперь предвидѣть нельзя, можетъ сдѣлаться весьма ощутительная потребность въ сильныхъ резервахъ, и если ихъ изъ Россіи ожидать нельзя, то открывается сама собою необходимость гдѣ-либо на пространствѣ обширнаго здѣшняго края оставить нѣсколько занимаемыхъ нами пунктовъ, чтобы сосредоточить силы въ высшей степени раздробленнаго Кавказскаго корпуса.

Въ теперешнемъ положеніи края, чтобы въ основаніи не поколебать владычество наше на Кавказѣ, трудно сказать, откуда тронуть войска; но взвѣшивая въ этихъ видахъ относительную важность частей края, Дагестанъ менѣе другихъ можетъ быть чувствителенъ.

Въ этой крайности, я имѣю честь покорнѣйше просить ваше сіятельство, повергнувъ на высочайшее воззрѣніе Государя Императора вышеизложенное, исходатайствовать положительное разрѣшеніе на очищеніе, если будетъ неотложная необходимость, по усмотрѣнію моему, укрѣпленій въ Дагестанѣ, такъ какъ всѣ потери въ семъ краѣ не могутъ быть столь чувствительны для общаго успѣха кампаніи, какъ потеря Лезгинской линіи, или Военно-Грузинской дороги.

Между Дагестаномъ и Военно-Грузинскою дорогою, этой главной жилою Кавказа, колебаться нельзя. Съ выводомъ съ Кавказской линіи 6 баталіоновъ 19-й пѣхотной дивизіи останутся на Военно-Грузинской дорогѣ одни резервные баталіоны, числительность состава коихъ равняется каждый $^1/_2$ баталіону Кавказскихъ войскъ; кромѣ того они совершенно неопытны въ войнѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ я пишу генералу Козловскому, сообщая высочайшую волю, о высылкѣ 6 баталіоновъ, предоставляя ему впрочемъ прислать то число, которое онъ найдетъ возможнымъ, а также и генералу князю Орбельяну; но, по всѣмъ соображеніямъ, полагая, что ему это вы-

полнить будетъ невозможно, я отдаю исполненіе сего его ближайшему соображенію.

Согласно вышеизложенному назначенію войскъ, имѣю честь представить вновь составленное распредѣленіе оныхъ въ Закавказскомъ краѣ въ первую эпоху кампаніи, т.-е. для оборонительнаго положенія. О послѣдующихъ высочайшихъ разрѣшеніяхъ ожидаю увѣдомленія вашего.

Если разобьемъ на голову Турокъ, Французовъ и Англичанъ и удержимъ за собою главные пункты и продовольственную линію, то расшириться и войти въ прежніе наши предѣлы будетъ немудрено.

Д. Проектъ отношенія военнаго министра къ командующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и войсками къ оному прикомандированными. 29-го Марта 1854 года. № 4904.

Отношеніемъ отъ 17-го Марта № 64, ваше высокопревосходительство изволили мнѣ сообщить сдѣланное вами новое распредѣленіе войскъ въ Закавказскомъ краѣ, по случаю неприбытія туда 17-й пѣхотной дивизіи; вы объяснили при этомъ, что о высылкѣ въ сей край 6-ти баталіоновъ съ Кавказской линіи и четырехъ баталіоновъ изъ Дагестана, вы вошли въ сношеніе съ генералъ-лейтенантами Козловскимъ и княземъ Орбеліановымъ, предоставивъ имъ отдѣлить то число войскъ, которое они признаютъ возможнымъ. Предвидя однако могущую сдѣлаться весьма ощутительною потребность въ сильныхъ резервахъ, вы ходатайствуете о положительномъ высочайшемъ разрѣшеніи на очищеніе укрѣпленій въ Дагестанѣ если бы оказалась неотложная въ томъ необходимость.

По всеподданнѣйшему моему о семъ докладу, Государь Императоръ соизволилъ отозваться, что распредѣленіе ввѣренныхъ вамъ войскъ, согласно мѣстнымъ обстоятельствамъ, вполнѣ и непосредственно зависитъ отъ ближайшаго усмотрѣнія вашего.

Предположеніе объ усиленіи Закавказскаго края 6 баталіонами съ Кавказской линіи и 4-мя изъ Дагестана сообщено вамъ было отнюдь не въ видѣ обязательнаго указанія, и если къ исполненію его встрѣчаются препятствія, то само собою разумѣется, что оно не должно стѣснять собственныхъ вашихъ распоряженій и соображеній.

Его Величество изволитъ быть вполнѣ увѣреннымъ, что вами приняты будутъ, сообразно ходу дѣлъ, самыя благоразумныя и рѣшительныя мѣры для отраженія покушеній, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ враговъ. Государь Императоръ въ семъ убѣждается правильностью вашего взгляда на настоящее положеніе края.

Что же касается до предвидимой вами необходимости упразднить Дагестанскія укрѣпленія, то она зависитъ отъ событій, которыя еще не осуществились, и во всякомъ случаѣ подлежать будетъ непосредственному

вашему обсужденію, совокупно съ общимъ положеніемъ дѣлъ. По сему Его Величество признавать изволитъ невозможнымъ дать отсюда и въ настоящее время положительное по этому предмету разрѣшеніе, тѣмъ болѣе, что изъ отзыва вашего не видно, какія именно укрѣпленія въ Дагестанѣ вы полагали бы упразднить, въ случаѣ крайности.

Имѣю честь о семъ васъ, милостивый государь, увѣдомить, съ покорнѣйшею просьбою сообщить мнѣ, для всеподданнѣйшаго доклада, общее распредѣленіе войскъ во всемъ Кавказскомъ краѣ, по примѣру приложеннаго къ отношенію вашему, № 64-й, собственно о войскахъ за Кавказомъ расположенныхъ. На этомъ проектѣ Государь написалъ: „хорошо“.

Е. Рапортъ генералъ-лейтенанта князя Орбеліана, отъ 27 Апрѣля 1854 г. № 2, генералу Реаду.

Въ предписаніи отъ 13 Апрѣля № 105, ваше высокопревосходительство изволили изложить предположеніе объ очищеніи отъ нашихъ войскъ Дагестана и содержаніе ихъ на Сулакѣ и Самурѣ, съ тѣмъ чтобы обратить большую часть войскъ, охраняющихъ теперь Прикаспійскій край, для военныхъ дѣйствій на границѣ въ случаѣ разрыва съ Персіею и положительной невозможности получить подкрѣпленія войсками изъ Россіи.

Въ этомъ предположеніи главная мысль заключается въ томъ, чтобы на время внѣшней войны предоставить сѣверный и средній Дагестанъ произволу Шамиля, ограничиваясь лишь удержаніемъ праваго берега Самура и имѣя отрядъ на Сулакѣ для охраненія сѣверной части Шамхальской плоскости и Кумыкскаго владѣнія.

На Сулакѣ предполагается въ составѣ отряда пять дѣйствующихъ баталіоновъ, одинъ линейный и два Донскихъ казачьихъ полка. Отрядъ этотъ долженъ снабжаться изъ укрѣпленія Петровскаго, въ которомъ гарнизонъ составятъ два линейныхъ баталіона.

На Самурѣ въ составъ отряда предполагается 13 дѣйствующихъ баталіоновъ, два линейныхъ и до 700 Донскихъ казаковъ. Войска эти должны довольствоваться изъ Дербента, гдѣ въ гарнизонѣ предполагается оставить одинъ линейный баталіонъ.

Съ этими силами предполагается:

1) Прикрыть теченіе Самура и мусульманскія провинціи отъ покушеній непокорныхъ горцевъ.

2) Прикрыть Элисуйскій участокъ и Нухинскій уѣздъ.

3) Подать помощь Лезгинской линіи въ случаѣ вторженія туда Шамиля съ большимъ скопищемъ, и

4) Смотря по ходу дѣлъ, направить всѣ войска съ Самура къ центру Закавказскаго края, слѣдовательно совершенно оставить весь Прикаспійскій край.

Прежде нежели я приступлю къ изложенію заключеній своихъ объ этомъ предметѣ, я долженъ обратить вниманіе вашего высокопревосходительства на то, что первымъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ очищенія не только Дагестана, но однихъ передовыхъ нашихъ укрѣпленій, будетъ общее возстаніе всего покорнаго нынѣ, огромнаго населенія Прикаспійскаго края отъ Сулака до Самура и чрезвычайное возвышеніе власти и круга дѣйствій Шамиля. Все мусульманское населеніе и теперь уже взволновано ожиданіемъ помощи отъ султана, и тайные агенты Турціи и Шамиля дѣйствуютъ постоянно въ пользу возстанія. Слѣдовательно въ одномъ удаленіи отсюда нашихъ войскъ для Шамиля будетъ заключаться такой успѣхъ, который доставитъ ему неисчерпаемые источники матеріальной и нравственной силы. Владѣя цѣлымъ Дагестаномъ, онъ пріобрѣтетъ средства для предпріятій обширныхъ, для оказанія Султану и Шаху помощи дѣйствительной, и мы найдемъ въ немъ врага опаснѣе и сильнѣе нежели Персидская и Турецкая арміи вмѣстѣ.

Кромѣ 30 тысячъ вооруженныхъ людей, которыхъ Шамиль можетъ собрать въ Аваріи, Андіи, Гумбетѣ и другихъ обществахъ нагорнаго Дагестана и Чечни, онъ возметъ изъ нашихъ теперешнихъ владѣній въ Дагестанѣ:

Изъ	Шамхальства Тарковскаго и владѣнія Мехтулинскаго..	до	10 т.
„	Даргинскаго округа....................................	„	15 „
„	Казикумыкскаго и Кюринскаго владѣній..............	„	15 „
„	Табасарани и Кайтага....................................	„	15 „
„	Самурскаго округа.......................................	„	5 „
	Итого....		60 т.

Связавъ всѣ эти племена ученіемъ о Шаріатѣ, которое и теперь уже распространилось, въ особенности въ Кайтахѣ и Табасарани, дѣйствуя властью Имама на все, что живетъ между Terекомъ и Самуромъ, возбудивъ въ народѣ фанатизмъ надеждою на скорое и конечное избавленіе отъ ига невѣрныхъ, Шамиль мгновенно подниметъ все и явится со сконищемъ въ числѣ не менѣе 80 тысячъ на берегахъ Самура. Слѣдствіемъ этого будетъ немедленное возстаніе Самурскаго округа, Кубинскаго уѣзда, Джаробѣлоканской области, Нухинскаго уѣзда и Шемахинской губерніи, гдѣ мусульманское населеніе въ удаленіи Русскихъ войскъ изъ Дагестана будетъ видѣть слабость Россіи, потеряетъ вѣру въ ея покровительство и естественнымъ образомъ пристанетъ къ сторонѣ сильнѣйшаго, тѣмъ болѣе что съ нимъ оно связано единствомъ вѣры. Какъ увѣрить народъ, оставляя сегодня Дагестанъ, что завтра мы не оставимъ другой части края?

Кумыкское владѣніе, по тѣмъ же самымъ причинамъ, отойдетъ къ Шамилю, и жители уйдутъ въ горы искать покровительства тамъ, потому что на наше они потеряютъ надежду, видя примѣръ надъ своими сосѣдями, Шамхальцами. Возстаніе распространится быстро, и вскорѣ нельзя будетъ поручиться за цѣлость Владикавказскаго округа и Кабарды.

Кого же будутъ прикрывать отряды, собранные на Сулакѣ и Самурѣ? На Сулакѣ—безлюдное пространство, а на Самурѣ возставшее противъ насъ же мусульманское населеніе.

Сулакскій отрядъ, совершенно открытый съ южной стороны для партій, которыя будутъ безпрерывно его тревожить, будетъ владѣть только тѣмъ мѣстомъ, на которомъ онъ расположится лагеремъ. Весь кругъ его дѣйствій будетъ ограничиваться обязанностію прикрывать Петровское укрѣпленіе и свой собственный лагерь, потому что Шамхальское и Кумыкское населеніе, какъ уже сказано, по очищеніи Дагестана, возстанетъ. Находясь въ безпрерывной блокадѣ и не имѣя въ сущности никакой опредѣленной цѣли для дѣйствій, отрядъ долженъ будетъ примкнуть къ войскамъ лѣваго фланга Кавказской линіи для непосредственнаго прикрытія Кизляра.

Положеніе войскъ, собранныхъ на Самурѣ, еще затруднительнѣе. Тамъ они будутъ поставлены среди возставшаго сильнаго мусульманскаго населенія и кромѣ того будутъ имѣть противъ себя съ одной стороны всѣ силы Шамиля, а съ другой Персидскую армію. Снабженіе войскъ продовольственными и военными запасами весьма невѣрное; потому что доставка изъ Астрахани въ Дербентъ по морю подвержена многимъ случайностямъ, путь же отъ Дербента до мѣстъ расположенія войскъ на Самурѣ будетъ находиться въ рукахъ непріятеля, который употребитъ всѣ усилія, чтобы затруднить и прекратить и безъ того невѣрное снабженіе войскъ изъ Дербента, находящагося впереди нашего расположенія и избраннаго единственнымъ источникомъ для снабженія войскъ на Самурѣ. Дербентъ, Лучекское и Ахтинское укрѣпленія и Кусары будутъ находиться въ постоянной блокадѣ, и подвижному резерву будетъ предстоять единственное занятіе освобождать эти укрѣпленія отъ покушеній непріятеля. Для добыванія продовольствія отряду останется одно средство вести войну истребительную въ странѣ, которую прикрывать онъ предназначенъ, но которую прикрывать не будетъ никакой цѣли, потому что жители перейдутъ на сторону намъ враждебную.

Воспрепятствовать Шамилю переправиться черезъ Самуръ на пространствѣ отъ истоковъ рѣки до моря не будетъ возможности, и въ такихъ обстоятельствахъ командующему войсками на Самурѣ останется одно средство къ исходу: очистить укрѣпленія, сосредоточить всѣ войска въ одну массу и искать рѣшительнаго боя. Но можно навѣрное сказать, что непріятель будетъ избѣгать его, уклоняться отъ вѣрнаго пораженія и вести партизанскую войну, отрѣзывая войскамъ послѣднія средства къ снабженію и распространяя между тѣмъ повсюду возмущеніе. Тогда отряду уже невозможно будетъ оставаться далѣе на Самурѣ; онъ долженъ будетъ очистить южную часть Прикаспійскаго края и поневолѣ слѣдовать къ центру Закавказья, и въ этомъ случаѣ онъ можетъ остановиться лишь тогда, когда достигнетъ Грузіи, потому что всѣ мусульмане присоединятся къ Шамилю. Шамиль не замедлитъ воспользоваться своимъ успѣхомъ и пріобрѣтетъ средства для такихъ предпріятій, которымъ положить границы будетъ весьма

трудно. Послѣдствія этихъ успѣховъ могутъ быть неизчислимы и гибельны для всего Закавказскаго края и будутъ имѣть рѣшительное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи и Персіи.

Изъ этого ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите, что оставить Дагестанъ значитъ оставить Закавказскій край.

Въ послѣднюю Персидскую войну войска изъ Дагестана были направлены на Персидскую границу, но съ тѣхъ поръ обстоятельства перемѣнились, и значеніе Дагестана на театрѣ войны возвысилось необычайно.

Тогда Дагестанъ былъ раздѣленъ на владѣнія, во главѣ которыхъ стояли люди, большею частію намъ преданные и, главное, имѣвшіе сильное вліяніе на народъ; тѣ же племена, которыя не признавали владычество Россіи, не были еще соединены между собою мюридизмомъ и, не имѣя главы, не могли имѣть никакого единства въ дѣйствіяхъ. Теперь Шамиль въ горахъ единовластенъ, и вліяніе его велико не только въ горахъ, но и на племена, намъ подвластныя. Онъ подорвалъ вліяніе на народъ тѣхъ владѣтелей, которые поставлены отъ Русскаго правительства, и въ настоящее время, какъ владѣтельныя лица, такъ и народъ держатся только силою Русскаго оружія.

Съ другой стороны горцы въ то время не имѣли той опытности въ войнѣ, какую они пріобрѣли во время двадцатипятилѣтней борьбы въ Дагестанѣ, порожденной ученіемъ о мюридизмѣ.

Слѣдовательно, Дагестанъ въ предстоящей сложной войнѣ будетъ играть важную роль, и значеніе его на театрѣ войны таково, что весь успѣхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи и Персіи зависитъ отъ удержанія Шамиля въ тѣхъ границахъ на время войны, въ какихъ онъ теперь находится.

Пятидесятилѣтняя война на Кавказѣ и въ Закавказьѣ была слѣдствіемъ того, что мы искали естественной границы съ Азіей. Мы остановились въ Персіи на Араксѣ; въ Турціи намъ нужны Батумъ и Карсъ, а въ Дагестанѣ Кара-Койсу до сліянія съ Казикумыкомъ. Уступивъ эти линіи, намъ придется остановиться лишь на Терекѣ, и за Кавказомъ мы тогда будемъ имѣть на своей сторонѣ только ту часть края, которая населена христіанами.

Упраздненіе укрѣпленій на Черноморской береговой линіи будетъ имѣть слѣдствія благодѣтельныя, но Черноморская береговая линія въ этомъ случаѣ не можетъ служить примѣромъ для Дагестана. Укрѣпленія на берегу Чернаго моря не владѣли страною; они служили только притонами для Азовскихъ лодокъ, которыя преграждали горцамъ тайное сообщеніе съ Турками, и такъ какъ при теперешнихъ обстоятельствахъ онѣ этой цѣли уже не удовлетворяютъ, то существованіе ихъ само собою сдѣлалось совершенно безполезнымъ, а упраздненіе, не принеся непріятелю никакой пользы, отняло у него вѣрную добычу, а намъ доставило значительное число войскъ и запасовъ, которыя сосредоточены на пунктахъ важныхъ въ военномъ отношеніи.

Съ упраздненіемъ же укрѣпленій въ Дагестанѣ, мы отдаемъ въ руки непріятелю воинственное населеніе цѣлаго края, врага намъ теперь покор-

наго, но грознаго и неутомимаго, если мы снимемъ съ него оковы, наложенныя на него присутствіемъ нашей вооруженной силы.

Въ возобновленіи укрѣпленій на береговой линіи можетъ быть вовсе не встрѣтится надобности, но завладѣть вторично Дагестаномъ будетъ необходимо; иначе мы должны будемъ отказаться отъ всего Закавказскаго края.

Тогда для Россіи будетъ предстоять задача весьма трудная. Пріобрѣтеніе того чѣмъ она владѣетъ въ Дагестанѣ стоило ей весьма много; оставляя его на произволъ Шамиля, она, кромѣ совершенной потери нравственнаго вліянія на населеніе цѣлаго Кавказа, понесетъ чрезвычайно большія матеріальныя потери, а завладѣть Дагестаномъ вновь будетъ ей стоить несравненно дороже. Мюридизмъ распространится повсемѣстно и соединитъ противъ насъ всѣ племена, которыхъ мы покоряли съ такимъ трудомъ въ теченіи полустолѣтія. Найдутся на каждомъ шагу новые Салты и Гергебили, и придется цѣною крови пріобрѣтать каждый шагъ, пока дойдемъ до теперешнихъ нашихъ границъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что очищеніе Дагестана, предполагая самыя благопріятныя обстоятельства, если, можетъ быть, и доставитъ необходимое число войскъ для дѣйствій на Персидской границѣ или лучше сказать для дѣйствій противъ Персидской арміи, вторгнувшейся въ наши предѣлы, то совершенно развяжетъ руки Шамилю и повлечетъ за собою гигантское возвышеніе такого противника, который будетъ для насъ несравненно опаснѣе внѣшнихъ враговъ; однимъ словомъ, очищеніе Дагестана есть мѣра, принадлежащая къ числу такихъ, къ которымъ государство можетъ прибѣгнуть только въ крайнемъ положеніи, въ случаѣ совершеннаго истощенія военныхъ средствъ и когда уже нѣтъ другаго выбора.

Между тѣмъ для обороны Персидской границы достаточно одной пѣхотной дивизіи, на содержаніе которой понадобится гораздо менѣе издержекъ нежели во сколько обойдутся казнѣ матеріальныя потери при упраздненіи укрѣпленій и укрѣпленныхъ мѣстъ въ Дагестанѣ.

При настоящей системѣ обороны противъ Шамиля, имѣя въ своихъ рукахъ большую часть населенія Дагестана, владѣя укрѣпленными пунктами, которые держатъ страну, въ случаѣ вторженія Шамиля на Лезгинскую линію, я могу преслѣдовать его съ отрядомъ и на нѣсколько времени отлучиться изъ края съ значительною частію войскъ для защиты Джаробѣлоканской области или Нухинскаго уѣзда, потому что отбытіе изъ горъ Шамиля съ значительнымъ скопищемъ будетъ само собою ручательствомъ въ сохраненіи спокойствія въ подвластной намъ части края; но очистить Дагестанъ и дѣйствовать противъ Персіянъ, противъ всѣхъ силъ Шамиля и цѣлаго населенія Закавказскаго края, не имѣя обезпеченнаго сообщенія съ базисомъ, то есть съ Дербентомъ, который самъ будетъ въ постоянной блокадѣ, я не вижу возможности.

И такъ гибельныхъ послѣдствій очищенія Дагестана можно избѣгнуть, не ослабляя дѣйствующаго корпуса противъ Турокъ, присылкою изъ Россіи одной пѣхотной дивизіи.

Если же правительство признаетъ это неисполнимымъ, если въ присылкѣ дивизіи, которая первоначально охранитъ нашу границу отъ Персіянъ, а впослѣдствіи, при удачномъ ходѣ на другихъ частяхъ театра войны, можетъ одна покончить все дѣло съ Персіей и въ конецъ ее разорить, будетъ положительная невозможность, если нельзя дать изъ Россіи подкрѣпленія, по числу незначительнаго, но посредствомъ котораго можно бы было сообщить ходу военныхъ дѣйствій характеръ рѣшительный, потрясти Кавказъ и упрочить за Россіей навсегда вліяніе на Азію: то во всякомъ случаѣ полезнѣе ослабить, для обороны Персидской границы, дѣйствующій корпусъ противъ Турокъ и въ особенности войска, находящіяся въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, гдѣ само населеніе будетъ драться за свои земли и лѣса противъ нашихъ внѣшнихъ враговъ, нежели очистить Дагестанъ, гдѣ по происхожденію и религіи оно связано тѣсными узами съ противникомъ и готово возстать на насъ.

Вопросъ объ очищеніи Дагестана такъ важенъ и мѣра эта можетъ имѣть такія рѣшительныя послѣдствія на весь ходъ войны, что я рѣшаюсь съ полною откровенностію и убѣжденіемъ представить на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства мнѣніе свое, основанное на ближайшемъ усмотрѣніи положенія дѣлъ въ Дагестанѣ и заключающееся въ томъ, что оставить Дагестанъ все равно, что оставить весь Закавказскій край.

Ж. Отношеніе военнаго министра командующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, отъ 24 Апрѣля 1854 года № 6474.

Государь Императоръ изволилъ разсматривать доставленное мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ, при отношеніи отъ 13-го числа текущаго мѣсяца № 104, предположеніе о выводѣ войскъ нашихъ изъ укрѣпленій сѣвернаго и средняго Дагестана, въ случаѣ, еслибы, при разрывѣ съ Персіею, вамъ нельзя было разсчитывать на новыя изъ Россіи подкрѣпленія способокъ, нынѣ въ распоряженіи вашемъ состоящихъ.

Вы полагаете упразднить 9-ть пунктовъ, а именно, укрѣпленія: Евгеніевское, Темиръ-Ханъ-Шуру, Ишкарты, Аймакинское, Ходжалъ-Махинское, Цудахаръ, Курахское, Чирахское и Кумухское; Петровское укрѣпленіе назначено удержать только впредь до предвидимой также необходимости очистить оное.

Съ упраздненіемъ сихъ пунктовъ мы лишимся всего пространства между Сулакомъ и Самуромъ; но сверхъ того, разсчитывая, что войска могутъ быть стянуты въ 12 дней съ Самура къ центру Закавказскаго края, вы допускаете возможность уничтоженія послѣдней преграды распространенію вліянія Шамиля до самаго Аракса.

Для обезпеченія же отступленія нашихъ войскъ и удержанія жителей отъ ихъ преслѣдованія, вы признаете нужнымъ выдать Агаларъ и Юсуфъ-

бекамъ значительное денежное вознагражденіе изъ суммъ, ассигнованныхъ на постройки въ Прикаспійскомъ краѣ.

При обсужденіи сего предположенія, Его Величеству благоугодно было принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства:

Въ Дагестанѣ нынѣ расположены 18 полевыхъ и 6 линейныхъ баталіоновъ и 30 сотенъ конницы, при 10 легкихъ и 20 горныхъ орудіяхъ. Если, на усиленіе мѣстныхъ гарнизоновъ, къ 6 линейнымъ отдѣлить еще 4 пѣхотныхъ баталіона, то для образованія подвижныхъ резервовъ останется еще 14 баталіоновъ пѣхоты, съ сильною кавалеріею и артилеріею.

Снабженіе этихъ войскъ продовольственными и боевыми припасами производится большею частью изъ Астрахани, слѣдовательно оно не зависитъ отъ событій на Персидской границѣ.

За симъ означенное число войскъ кажется весьма достаточнымъ для составленія подвижныхъ резервовъ и противудѣйствія Лезгинамъ, тѣмъ болѣе, что если Шамиль устремится на Самуръ съ главными своими силами, то войска, въ Дагестанѣ расположенныя, могутъ быть подкрѣплены съ Лезгинской линіи чрезъ Лучекъ. Этимъ путемъ Дагестанскій отрядъ поспѣлъ въ прошломъ году на подкрѣпленіе Лезгинскаго.

При взаимномъ содѣйствіи сихъ двухъ отрядовъ, можно считать обезпеченными не только Дагестанъ и Лезгинскую линію, но и ближайшіе уѣзды Шемахинской губерніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что если Шамилю нанесено будетъ рѣшительное пораженіе, то часть упомянутыхъ войскъ можетъ быть обращена къ Азіатскимъ границамъ нашимъ, смотря по востребованію обстоятельствъ; но впредь до минованія возникшихъ теперь опасеній за сохраненіе Лезгинской линіи и Дагестана, войска, тамъ расположенныя, не принимаются въ разсчетъ боевыхъ способовъ, которые потребовались бы въ случаѣ разрыва съ Персіею, или возмущенія мусульманскихъ уѣздовъ, для отраженія новыхъ враговъ, или укрощенія мятежниковъ.

Нельзя однако не замѣтить, что выводъ войскъ нашихъ изъ Дагестана, уничтоживъ всякое уваженіе къ власти нашей, едва ли не будетъ сигналомъ возстанія жителей между Самуромъ и Араксомъ, и что возстаніе нашихъ мусульманъ откроетъ свободное поле проискамъ Персіи.

Напротивъ того, даже и въ случаѣ разрыва съ симъ легкомысленнымъ правительствомъ, удержаніе Дагестана совершенно необходимо, какъ единственная преграда общему соединенію нашихъ враговъ.

Для Персіи можно располагать Эриванскимъ отрядомъ, или по крайней мѣрѣ частію онаго и общимъ резервомъ Закавказскаго края.

Въ крайности казалось бы возможнымъ употребить къ дѣйствіямъ и часть Тифлисскаго гарнизона, составивъ временную милицію изъ жителей.

Но если шаткость Персидскаго правительства допускаетъ возможность разрыва, то ничтожность Персидскихъ войскъ обрекаетъ ихъ вѣрному пораженію.

Въ этомъ убѣжденіи, которое выразилъ и князь Воронцовъ, въ послѣднее время пребыванія его въ Тифлисѣ, никакъ нельзя согласиться съ вашимъ высокопревосходительствомъ, чтобы предвидимая вами случайность могла заставить насъ покинуть Дагестанъ.

При семъ, по мнѣнію Государя Императора, не должно терять изъ вида общаго соотношенія боевыхъ силъ нашихъ. Принять оборонительное положеніе не значитъ оставаться въ ожидательномъ бездѣйствіи. Опытное употребленіе войскъ увеличиваетъ ихъ силу, и ударъ, нанесенный удачно на одномъ пунктѣ, отражается на прочихъ. Такъ, если князь Андрониковъ исполнитъ указаніе Его Величества и оттѣснитъ Турокъ на Правомъ флангѣ боевой линіи нашей; если движеніе князя Бебутова черезъ Арпачай доставитъ ему случай разбить непріятеля, то Персія, по всей вѣроятности, не отважится на разрывъ съ нами; не подымутся также наши мусульманскія области.

Равномѣрно и внутри края нѣтъ причины намъ неподвижно ожидать вторженій горцевъ. Почему въ Дагестанѣ не занять извѣстной позиціи на Турчи-Дагѣ, впереди Чоха, откуда, какъ опытомъ доказано, удобно наблюдать за всѣмъ краемъ? Почему не составить на Лезгинской линіи одну или двѣ подвижныя колонны? Зачѣмъ не тревожить Шамиля со стороны Лѣваго Фланга и Владикавказскаго округа?

Развлечь вниманіе и способы внутренняго врага и для сего оживить оборонительное положеніе наше--вотъ цѣль, къ достиженію коей Государь Императоръ предоставляетъ вашему высокопревосходительству направить совокупныя дѣйствія подвѣдомственныхъ вамъ начальниковъ.

Личныя достоинства ваши удостовѣряютъ Его Величество, что, при опытномъ воззрѣніи на общее положеніе дѣлъ и на значительность данныхъ вамъ способовъ, вы возбудите въ подчиненныхъ вашихъ доблестный духъ отваги и предпріимчивости, всегда отличавшій войска наши на Кавказѣ. Съ благословеніемъ Божіимъ, мы шли доселѣ впередъ и не должны отказаться отъ орошенныхъ потоками Русской крови плодовъ болѣе нежели полувѣковыхъ усилій и подвиговъ. Въ особенности же, невынужденныя неотвратимою крайностью и, такъ-сказать, добровольныя уступки отнюдь допущены быть не могутъ и, еслибы какая-либо часть занятаго нами края была преждевременно оставлена безъ самой настоятельной въ томъ необходимости, то вся отвѣтственность за подобную мѣру падаетъ на того, кто предписалъ оную.

Государь Императоръ изволитъ надѣяться, что послѣдующія распоряженія и предположенія ваши вполнѣ соотвѣтствовать будутъ сей непремѣнной волѣ Его Величества.

З. Изъ Рапорта военному министру командующаго Кавказскимъ корпусомъ, отъ 9 Мая 1854 г. № 165.

Что касается до отвѣтственности, которую Государю Императору угодно возлагать на того, кто допуститъ добровольную уступку части занятаго нами края безъ самой настоятельной въ томъ необходимости, то, покоряясь вполнѣ оной, я рѣшаюсь только покорнѣйше просить ваше сіятельство представить на высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе то, что иногда вынужденная какими-нибудь соображеніями, временная уступка можетъ принести болѣе пользы, нежели вреда. Своевременныя такого рода уступки иногда не терпятъ отлагательства, такъ что время не только не позволяетъ испрашивать на это высочайшее разрѣшеніе, но иногда и не дозволяетъ мнѣ стѣснять въ этомъ подчиненныхъ мнѣ отрядныхъ начальниковъ. Такъ, напримѣръ, князь Андрониковъ, по внезапному и чрезвычайно сильному разлитію рѣкъ во второй половинѣ Апрѣля, опасаясь разобщенія между войсками въ Гуріи и съ мѣстами гдѣ находятся ихъ склады военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, принужденъ былъ вдругъ перемѣнить мѣста расположенія тамошняго отряда, и отошелъ къ Чехатаурской позиціи и устью Цхенисъ-Цхали. Я сообщилъ ему высочайшую волю Государя Императора, и я увѣренъ, что онъ не упуститъ ни времени, ни случая, чтобы исполнить святую волю Его Величества; но по его соображеніямъ, которыхъ я не могу не сообщить, желаетъ онъ дать Туркамъ еще время, чтобы привезти въ Гурію и артилерію, и тяжести и, заманивъ ихъ такимъ образомъ въ положеніе для нихъ невыгодное, надѣется онъ, съ помощью Божіею, наголову разбить непріятеля.

Въ заключеніе я смѣю завѣрить ваше сіятельство, для доведенія до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, что всѣ войска, находящіяся въ составѣ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, одушевлены нынѣ какъ и прежде полнымъ усердіемъ и рвеніемъ, чтобы достойно исполнить долгъ свой предъ Государемъ Императоромъ и отечествомъ, и что я остаюсь въ совершенной увѣренности, что въ непродолжительномъ времени они доставятъ мнѣ случай засвидѣтельствовать объ этомъ предъ Всемилостивѣйшимъ нашимъ Государемъ Императоромъ.

И. Письма князя В. А. Долгорукова къ князю А. И. Барятинскому.

Переводъ съ Французскаго.

1.

С. Петербургъ, 27 Января 1854 г.

Я не хочу отпустить сегодня утромъ курьера безъ того, чтобы не поблагодарить васъ за тѣ вообще на Кавказѣ распоряженія, которыя вы дѣлаете. Я съ своей стороны сдѣлаю все возможное, чтобы оказать вамъ пособіе. Если иногда деньги запаздываютъ прибыть къ вамъ—это не моя

вина: или у насъ ихъ нѣтъ, или дороги мѣшаютъ поспѣвать нашей казнѣ такъ скоро, какъ мы бы этого желали. Въ настоящую минуту вы должны быть уже достаточно снабжены или въ скоромъ времени будете снабжены, такъ какъ кромѣ суммъ, посланныхъ вамъ въ Декабрѣ и Январѣ, вамъ назначили нѣсколько дней тому назадъ еще одинъ милліонъ рублей. Что касается до летучаго парка, я постараюсь образовать его для вашихъ войскъ, если есть малѣйшая возможность этого достигнуть. Лошади и припасы уже шли по направленію къ Тифлису съ нашими громадными телѣгами; но такъ какъ дѣло теперь заключается въ томъ, чтобы замѣнить эти послѣднія аммуничными ящиками, то нужно было остановить паркъ въ Бѣлгородѣ и доставить ящики или изъ Кіева или изъ Петербурга. Постарайтесь хорошенько устроить кампанію 1854 года и побѣждайте всѣхъ кто вамъ встрѣтится. Мы единственно на васъ разсчитываемъ, такъ какъ со стороны Дуная у насъ мало удовлетворительнаго.

Мы еще не имѣемъ оффиціальныхъ отвѣтовъ Парижскаго и Лондонскаго кабинетовъ, но они не могутъ быть благопріятны. Мы должны приготовиться къ сильной борьбѣ. (Порусски): „Ничего, братъ, не конфузься, здѣсь народу много". Съ Божьею помощью, мы со славою выйдемъ изъ этой суматохи.

2.

С.-Петербургъ, 29 Марта 1854 г.

Государь изволилъ съ большимъ вниманіемъ выслушать чтеніе оффиціальной бумаги генерала Реада, касающейся новаго размѣщенія войскъ въ Закавказьи и чтеніе письма, которое вы написали мнѣ по этому поводу отъ 17 числа сего мѣсяца. Я не возвращаюсь къ причинамъ вынудившимъ нашего Августѣйшаго Монарха дать новое назначеніе 17-й пѣхотной дивизіи; мои послѣднія сообщенія кн. Воронцову и г. Реаду васъ уже поставили въ извѣстность, насколько необходимо было найти средства къ защитѣ Крыма и пространства между Военно-Грузинской дорогой и прибрежьемъ Чернаго моря. Если съ этой стороны сосредоточеніе въ Новороссійскѣ гарнизоновъ изъ очищенныхъ крѣпостей, между Геленджикомъ и Гаграми, увеличило наши дѣйствующія средства, то съ другой стороны Крымъ настоятельно требуетъ подкрѣпленія, въ виду случайности, становящейся все болѣе и болѣе близкою и вѣроятною, т.-е. высадки Англо-Французовъ, съ цѣлью овладѣть Севастополемъ съ тыла и уничтожить нашъ главный морской арсеналъ и нашъ флотъ.

Извѣщаю съ настоящимъ курьеромъ генерала Реада, что совершенно отъ него зависитъ распредѣлить войска, которыми онъ командуетъ, такъ какъ того требуютъ нужды страны и ходъ событій; онъ умно поступилъ, предоставивъ усмотрѣнію генераловъ Козловскаго и князя Орбеліана отправить баталіоны, которые Государь полагалъ возможнымъ отдѣлить отъ нихъ для подкрѣпленія Закавказья. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ обстоятельствахъ, предоставляется генералу Реаду взвѣшивать средства и рѣшать,

чего требуютъ польза службы и общее положеніе. Съ этой точки зрѣнія нашъ Августѣйшій Монархъ нашелъ невозможнымъ на предвидѣніи событій основывать точныя рѣшенія, которыя вызвали бы необходимость очистить Дагестанъ. Оправдаются ли эти предвидѣнія, никто этого не знаетъ. Впрочемъ, я думаю, что, даже упреждая будущее, сущность вопроса должна быть точно опредѣлена, т.-е. будетъ ли нужно очистить весь Дагестанъ, или только часть страны? Во всякомъ случаѣ нужны, я думаю, особенно важныя причины для того, чтобы покинуть Темиръ-Ханъ-Шуру или Ахты и линію Самура.

Мнѣ кажется также, что положеніе нашихъ укрѣпленій внутри страны не можетъ никоимъ образомъ сравниваться съ положеніемъ нашихъ прибрежныхъ крѣпостей, подвергавшихся одновременно нападеніямъ и съ суши и съ моря, тогда какъ первымъ, кромѣ покушеній горцевъ, опасаться нечего. Развѣ не будетъ предпочтительнѣе сберечь, по крайней мѣрѣ наиболѣе важныя, и взяться теперь же за снабженіе ихъ военными и продовольственными припасами, улучшить ихъ оборонительныя верки и ихъ вооруженіе, дабы, въ крайнемъ случаѣ, дать имъ возможность выдержать продолжительную осаду? Вы знаете, что каждая изъ этихъ крѣпостей намъ стоила по меньшей мѣрѣ цѣлой кампаніи. Если, по общей системѣ нашихъ дѣйствій, жертвы необходимы, развѣ не слѣдуетъ стараться ограничить число ихъ, насколько это возможно? Очищеніе Абхазіи вѣроятно должно было совершиться, потому что генералъ Реадъ это такъ рѣшилъ; по этому поводу я выражаю ему чувства Государя и прошу его передать князю Шервашидзе письмо, которое Государь мнѣ поручилъ ему написать. По всей вѣроятности вы уже отвѣчали на то письмо, которое онъ вамъ написалъ. Сопровождалъ ли Шервашидзе наши войска при ихъ передвиженіи или оставался у себя? До какой степени можемъ мы разсчитывать на его преданность? Располагаетъ ли онъ нѣкоторыми силами, чтобы поддерживать въ странѣ свой авторитетъ? Должна ли Самурзаканъ тоже подвергнуться участи Абхазіи? Очищая укрѣпленія, генералъ Мироновъ вывезъ ли пушки или заклепалъ ихъ и увезъ, или уничтожилъ военные и продовольственные припасы? Сжегъ ли онъ казармы и взорвалъ ли ограды? Вотъ вопросы, на которые Государь ждетъ разъясненій.

Нашъ Августѣйшій Монархъ желаетъ, чтобы вы мнѣ писали подробно, когда найдете то полезнымъ, и я буду этому искренно радъ. Его Величество уполномочиваетъ васъ присоединиться къ князю Бебутову лишь тогда, какъ начнутся его наступательныя дѣйствія, а пока оставаться въ Тифлисѣ, при отправленіи вашей должности, столь важной въ виду настоящихъ осложненій.

Въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 8-го сего мѣсяца извѣщаю васъ, что Государь, цѣня лично генералъ-лейтенанта Обручева, назначилъ его начальникомъ запасной дивизіи 2-го пѣхотнаго корпуса, съ сохраненіемъ жалованья, которое онъ получалъ въ прежней должности. Это назначеніе согласуется со спеціальностью достойнаго ветерана и предоставитъ ему случай оказать полезныя услуги.

3.

7 Мая 1854 г.

Государь былъ очень доволенъ порядкомъ, съ какимъ совершено очищеніе нашихъ крѣпостей въ Абхазіи. Жалуя князю Шервашидзе орденъ Бѣлаго Орла, Его Величество хотѣлъ наградить стараніе, которое онъ выказалъ при этомъ случаѣ и въ тоже время поощрить его на пути покорности и преданности, по которому онъ до сихъ поръ слѣдовалъ. Замѣтки о будущихъ намѣреніяхъ князя Шервашидзе, сообщенныя мнѣ маіоромъ Завадскимъ, позволяютъ намъ разсчитывать на его помощь. Я думаю, что его собственные интересы также этого требуютъ. Мнѣ кажется, не смотря на то, что весна запаздываетъ, въ настоящее время нѣтъ препятствій къ открытію кампаніи противъ Турокъ. Вы увидите изъ моей оффиціальной бумаги къ генералу Реаду, насколько Государь находитъ важнымъ, чтобы дѣйствующій въ Гуріи отрядъ приступилъ безъ замедленія къ энергичному наступленію. Совѣтую вамъ настоять на этомъ, если только какія-нибудь совершенно непредвидѣнныя обстоятельства не воспрепятствуютъ. Буду вамъ очень обязанъ, если вы извѣстите меня безъ замедленія о приказахъ, данныхъ князю Андроникову, сообразно съ точною волею нашего Августѣйшаго Монарха.

4.

С.-Петербургъ, 15 Мая 1854 г.

Государь съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ изъ вашего письма, отъ 4-го числа сего мѣсяца, что по вашему мнѣнію слѣдуетъ открыть кампанію какъ можно скорѣе и стать въ сильное наступательное положеніе. Это мнѣніе совершенно согласно съ мнѣніемъ Его Величества, и нашъ Августѣйшій Монархъ надѣется, что вы ускорите его исполненіе, насколько это будетъ зависить отъ васъ.

Я уже просилъ васъ продолжать писать мнѣ и еще разъ прошу васъ объ этомъ. Государь всегда знаетъ о вашихъ сообщеніяхъ и особенно ими интересуется.

5.

С.-Петербургъ, 30 Іюня 1854 г.

Я съ удовольствіемъ представилъ Государю письмо ваше отъ 10 числа сего мѣсяца и повергъ также на усмотрѣніе нашего Августѣйшаго Монарха рапортъ князя Бебутова, представленный мнѣ генераломъ Реадомъ насчетъ предстоящихъ дѣйствій. Нужно, чтобы успѣхъ былъ вполнѣ достигнутъ, такъ какъ ваши удачи, кромѣ благотворныхъ откликовъ въ горахъ Кавказа, могутъ принести съ собою сильное отвлеченіе въ наступательныхъ проектахъ союзниковъ на другихъ пунктахъ театра военныхъ дѣйствій. Императоръ узналъ, что графъ Владиміръ Сологубъ, въ письмахъ къ своему семейству, распространялся о нашемъ военномъ положеніи; но онъ былъ уполномоченъ слѣдовать съ главною квартирою, при непремѣнномъ условіи, чтобы его частная кореспонденція не касалась текущихъ событій и обстоя-

тельствъ и дѣлалъ бы лишь замѣтки, нужныя ему какъ исторіографу. Нашъ Августѣйшій Монархъ желаетъ, чтобы Соллогубъ строго оставался въ предѣлахъ занятій ему предоставленныхъ, и я прошу васъ передать ему это для неотступнаго исполненія.

6.

С.-Петербургъ, 11 Августа 1854 г.

По тому нетерпѣнію, съ которымъ мы ожидали извѣстій о пораженіи Турецко-Карской арміи, вы можете оцѣнить дѣйствіе, произведенное здѣсь побѣдою при Кюрюкъ-Дара. Поздравляю васъ отъ всего моего сердца съ новымъ успѣхомъ нашего оружія, блестяще выпавшимъ на вашу долю, и съ доказательствомъ высочайшаго удовольствія нашего Августѣйшаго Монарха, которое вы вполнѣ заслужили. Да предоставитъ вамъ дальнѣйшій ходъ кампаніи еще случай отличиться съ нашими храбрыми войсками, пополненію рядовъ коихъ мы посвящаемъ самое строгое вниманіе: вопросъ затруднительный, такъ какъ ваша резервная дивизія находится также на линіи противъ горцевъ и не можетъ быть безъ затрудненій ослаблена. Вы съ своей стороны прикажите осмотрѣть госпитали, полковые штабы, разсмотрите списки людей отдѣленныхъ отъ своихъ частей и соберите все, что̀ только можете. Вы знаете, что Государь приказалъ собрать всѣ штуцера, которые мы возмемъ у Турокъ, чтобы вооружить ими нашихъ стрѣлковъ. Повторяя сегодня этотъ приказъ, Его Величество не безъ удивленія замѣтилъ изъ добавленія къ рапорту князя Бебутова, что въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара мы взяли у непріятеля очень мало ружей сравнительно съ цифрою общей ихъ потери плѣнными и убитыми, всего только 32 ружья и ни одного штуцера. Предполагая, что наши солдаты продаютъ попавшееся имъ въ руки оружіе, Государь уполномочиваетъ генерала Реада выдавать преміи тѣмъ, кто будетъ доставлять штуцера своимъ начальникамъ. Считаю долгомъ предупредить васъ объ этой мѣрѣ, въ исполненіи которой вы безъ сомнѣнія заинтересуетесь. Надо надѣяться, что двѣ побѣды, одержанныя нами въ сосѣдствѣ Курдовъ, произведутъ хорошее дѣйствіе на ихъ къ намъ расположеніе. Сообщите мнѣ, сближаются ли наши отношенія съ этими племенами и не находите ли вы настоящее время благопріятнымъ, дабы извлечь изъ нихъ пользу? Организація снабженія войскъ припасами и аммуниціею должна составлять вашу особенную заботу; я буду въ восхищеніи довести до свѣдѣнія Государя, что вопросъ существенной потребности оконченъ наиболѣе удовлетворительнымъ образомъ.

7.

21 Августа 1854 г.

Благодарю васъ за интересныя подробности, сообщенныя вами въ письмѣ отъ 30 числа прошлаго мѣсяца, относительно послѣдствій побѣды при Кюрюкъ-Дара и дальнѣйшихъ проектовъ князя Бебутова. Государь одобряетъ мнѣнія его и генерала Реада, что Александропольскій корпусъ долженъ сохранять наблюдательное положеніе, хотя мало вѣроятнаго въ

томъ, чтобы непріятель предпринялъ высадку въ Батумѣ, дабы направиться на Ахалцыхъ. При этихъ обстоятельствахъ выборъ пункта, куда вы перенесете вашъ лагерь, представляется дѣломъ крайней важности, и я прошу васъ меня объ этомъ увѣдомить. Нашъ Августѣйшій Монархъ желаетъ также знать, не будетъ ли возможнымъ занять Ардаганъ, жители котораго, кажется, расположены встрѣтить наши войска съ покорностью; можетъ быть одинъ кавалерійскій отрядъ будетъ достаточнымъ для достиженія этой цѣли.

Государь съ нетерпѣніемъ ожидаетъ точныхъ свѣдѣній о состояніи нашихъ раненыхъ. Его Величество надѣется, что немалое число изъ нихъ не замедлятъ вновь стать въ ряды, которые необходимо пополнить. Вы знаете, что новый адъютантъ Его Величества *) имѣетъ порученіе на этотъ счетъ и вы безъ сомнѣнія, по вашемъ пріѣздѣ въ Тифлисъ, обратите свое особенное на него вниманіе. Прошу васъ сообщить мнѣ, что́ вы думаете объ общемъ положеніи страны, о положеніи, въ которомъ она представилась вамъ въ центрѣ военнаго и гражданскаго управленія и въ состояніи ли мѣры уже принятыя, или только проектированныя, удовлетворить всѣмъ потребностямъ службы. Позвольте мнѣ вамъ посовѣтовать между прочимъ транспортированіе продовольственныхъ припасовъ по Военно-Грузинской дорогѣ къ Тифлису.

8.

4 Октября 1854 г.

Ваше письмо, отъ 12 Сентября, доставило мнѣ тѣмъ болѣе удовольствія, что оно подтверждаетъ то улучшеніе, которое вы нашли въ общемъ положеніи страны по вашемъ возвращеніи въ Тифлисъ. Я представилъ ваше мнѣніе на высочайшее воззрѣніе нашего Августѣйшаго Монарха. Не распространяюсь здѣсь относительно мѣръ, которыя Государь изволилъ утвердить для пополненія Кавказскаго корпуса и войскъ къ нему присоединенныхъ; объ этомъ я извѣстилъ уже генерала Реада оффиціально. Думаю, что эти мѣры достигнутъ своей цѣли и что ваши храбрыя войска къ будущей веснѣ будутъ имѣть численное подкрѣпленіе, требуемое обстоятельствами. Вы знаете, что Его Величество обратилъ особенное вниманіе генерала Реада на возможныя въ будущемъ случайности. Не сомнѣваюсь, что этотъ важный вопросъ будетъ разсмотрѣнъ во всѣхъ подробностяхъ при помощи вашей опытности. Эти случайности, кромѣ того, подчинены происшествіямъ, разыгрывающимся теперь въ Крыму.

Прилагаю нашъ послѣдній бюллетень; съ каждымъ днемъ увеличивается вѣроятность для насъ и уменьшается таковая же для непріятеля.

*) Маіоръ Александровскій, адъютантъ князя Бебутова, доставилъ Государю донесеніе о побѣдѣ при Кюрюкъ-Дара, за что́ и былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ.

I. Письма князя Воронцова къ князю А. И. Барятинскому.

(Переводъ съ Французскаго).

1.

Ставрополь, 15-го Апрѣля 1854 г.

Вчера пріѣхалъ къ намъ Ермоловъ *). Такъ какъ оффиціальные отвѣты на доставленныя имъ представленія были изъ Петербурга прямо отосланы въ Тифлисъ, то Ермоловъ проводитъ насъ до Мошны, откуда уже отправится къ вамъ въ Тифлисъ, со свѣжими извѣстіями о нашемъ караванѣ. Онъ привезъ мнѣ рескриптъ Государя, который я уже читалъ въ газетахъ. Ермоловъ останавливался въ Москвѣ и проѣхалъ черезъ Кіевъ и наше имѣніе, гдѣ полагалъ найти насъ. Рескриптъ Государя очень лестенъ и состоялся весьма кстати, дабы показать всѣмъ, что я всегда дѣйствовалъ въ Закавказьѣ согласно съ намѣреніями Государя, что онъ былъ очень доволенъ всѣмъ, что́ я сдѣлалъ, а также и наставленіями, оставленными мною при отъѣздѣ генералу Реаду. Я уже получилъ нѣсколько дней тому назадъ письмо отъ военнаго министра въ отвѣтъ на представленіе, которое я сдѣлалъ изъ Тифлиса въ вашу пользу; это представленіе было хорошо принято, и я надѣюсь, результаты его вскорѣ обнаружатся въ вашу пользу.

По извѣстіямъ изъ Одессы отъ 9-го числа, въ нѣсколькихъ верстахъ показалось до 20 военныхъ кораблей союзнаго флота; никто не зналъ, за чѣмъ они пришли. Многіе жители покидаютъ Одессу. Сильныя батареи, нѣкоторыя съ заготовленными калеными ядрами, въ случаѣ надобности, готовы къ дѣйствію. Что касается до меня, я надѣюсь, что эти господа не настолько свиньи, дабы причинить вредъ коммерческому городу, который въ мирное время также полезенъ иностранцамъ, какъ и намъ самимъ. Если они хотятъ нанести вредъ, то могутъ идти къ Севастополю или сдѣлать хорошую высадку около Анапы или Новороссійска; но тамъ они найдутъ, съ кѣмъ имѣть дѣло.

Вотъ уже нѣсколько дней мы не имѣемъ извѣстій изъ Турціи; но послѣднія изъ нихъ были хороши, и я думаю, что наши дѣйствія въ низовьяхъ Дуная ободрятъ возмущеніе христіанъ въ Европейской Турціи.—Дай Богъ, чтобы вы имѣли достаточно силы противъ Шамиля; надѣюсь, что вы ихъ будете имѣть, такъ какъ, по общему мнѣнію, послѣ ужасныхъ снѣговъ этой весны, онъ ничего не будетъ въ состояніи сдѣлать въ горахъ ранѣе будущаго мѣсяца, а если онъ рѣшится обогнуть нашъ Правый флангъ и дойти до плоскостей, то войскъ достаточно чтобы погнаться за нимъ и наказать его. Случится конечно то, что́ Богу будетъ угодно; но мнѣ кажется, что вообще можно надѣяться на хорошій исходъ; что же касается до высадки непріятеля въ Мингреліи и похода черезъ Кутаисъ на Тифлисъ, то

---

*) Клавдій Алексѣевичъ, бывшій адъютантомъ у князя Воронцова.

это опасеніе невѣрно; если же они захотятъ это предпринять, то дорого поплатятся и не будутъ имѣть никакого успѣха, въ особенности, когда они увидять, что возмущеніе племенъ въ ихъ пользу есть полнѣйшій вздоръ.

2.

Херсонъ, 27-го Апрѣля 1854 г.

Уже довольно давно я не получаю отъ васъ ни слова; не хочу покинуть этого мѣста, не написавъ вамъ и не сообщивъ вамъ нѣсколькихъ извѣстій.

Прекрасныя дороги и хорошая погода помогли намъ такъ быстро подвинуться, что мы выиграли противъ маршрута два дня. Мы прибыли сюда третьяго дня и завтра уѣзжаемъ въ Мошны. Изъ рапорта князя Андроникова, который генералъ Реадъ прислалъ мнѣ, я съ удовольствіемъ узналъ, что войска Абхазіи въ безопасности и могутъ быть собраны для защиты Гуріи, Имеретіи и Мингреліи. Дай Богъ, чтобы можно было спасти гарнизонъ Гагръ. Любопытно было бы узнать, какъ будутъ вести себя Абхазцы, когда останутся безъ нашихъ войскъ и какія будутъ намѣренія и попытки Магометъ-Эмина черезъ Цебельду на Карачай, и не попытаются ли Убыхи, которыхъ онъ ведетъ съ собою, на что-нибудь черезъ Абхазію въ сѣверной части Мингреліи и даже въ Зугдиды. Въ общемъ, мы находимся въ любопытномъ положеніи; флотъ непріятелей, это все что у нихъ есть наиболѣе сильнаго и вѣрнаго, ничего не предпринимаетъ, а только, какъ вы видѣли, атакуетъ мирный коммерческій городъ Одессу; однако ихъ силы и на сушѣ могутъ также быть значительны. Вся Европа соединяется противъ насъ; но страна и войска, которыхъ западныя силы хотятъ защищать,—едва существуютъ, и придетъ минута, когда Англо-Французы должны будутъ сражаться одни, чтобы спасать воображаемую Турецкую имперію, существующую въ дѣйствительности лишь по имени; да она даже и теперь дѣйствуетъ только по понужденію, изъ-подъ палки своихъ добрыхъ друзей Англичанъ и Французовъ. Я ничего не могъ узнать положительнаго о Грекахъ; но вообще кажется, что они далеко не обезкуражены и не ослаблены. Изъ частныхъ писемъ видно, что они заняли цитадель Арты и даже крайне-важный пунктъ Салоники. Дай Богъ, чтобы это была правда.

3.

Бѣлая Церковь, 20 Мая 1854 г.

Сегодня утромъ я съ большимъ удовольствіемъ получилъ ваше письмо отъ 1-го ч., такъ какъ, уѣзжая завтра, я отчаевался получить ранѣе моего отъѣзда письма, ожидаемыя нами съ нетерпѣніемъ изъ Тифлиса. Сегодня у меня достаетъ времени только поблагодарить васъ, такъ какъ хотя это письмо будетъ отправлено съ Курмаяровымъ (казакъ - ординарецъ) изъ Радзивилова, я боюсь, что не найду возможности вамъ писать съ дороги, а между тѣмъ не хочу упустить случая отвѣчать вамъ и поблагодарить васъ. Я въ восторгѣ, что вы всѣ довольны княземъ Шервашидзе и

тѣмъ, какъ онъ выполнилъ довѣренную ему важную операцію. Генералъ Реадъ прислалъ мнѣ копію съ его рапорта изъ Анакліи. Оставленіе Сеухума и Абхазіи вещь, разумѣется, тягостная для насъ; но при настоящихъ обстоятельствахъ это было необходимо, и къ тому же, разъ эта проклятая война будетъ окончена (а она можетъ быть окончена лишь въ благопріятномъ смыслѣ для насъ), намъ легко будетъ вновь занять наши позиціи въ этой сторонѣ, и мы будемъ тамъ болѣе сильны, чѣмъ когда либо. То что́ вы мнѣ говорите, заставляетъ меня также надѣяться, что войска, которыя вамъ посылаетъ Козловскій, прибудутъ во̀ время для безопасности Лезгинской линіи, и съ Божьею помощію мы повсюду будемъ достаточно сильны, чтобы защищаться до той минуты, когда намъ будетъ позволено дѣйствовать наступательно. Вы еще не знали о счастливомъ освобожденіи Гагръ и о всѣхъ нашихъ мѣрахъ со стороны прибрежья; тутъ было счастье почти чудесное, и все это можетъ служить лишь надеждою на продолженіе божественнаго покровительства въ будущемъ. Я вполнѣ надѣюсь, что Шервашидзе выполнитъ свою обязанность, какъ я всегда этого отъ него ожидалъ, даже тогда, когда онъ будетъ оставленъ при однихъ собственныхъ средствахъ; но, во всякомъ случаѣ, князь Андрониковъ будетъ теперь достаточно силенъ, чтобы удѣлить немного пѣхоты для той наиболѣе близкой къ Абхазіи части Мингреліи, гдѣ имѣетъ пребываніе семейство Дадіана. Мингрелія съ такою помощью въ центрѣ страны, надѣюсь, помѣшаетъ горцамъ наносить ей вредъ и, какъ вы говорите, впослѣдствіи Андрониковъ будетъ въ состояніи дать достаточно людей изъ своего отряда на усиленіе князя Бебутова. Что́ касается до Ахалцыха, я думаю, что съ этой стороны мало опасности: генералъ Гюйонъ *) будетъ напрасно хлопотать и собирать Турецкую армію такого же достоинства какъ та, которая была разбита при Башкадыкларѣ и при Суплисѣ; нашъ же главный корпусъ арміи будетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ тотъ, который совершилъ такъ много хорошихъ дѣлъ въ прошломъ году. Относительно Дагестана, я могу лишь повторить свое мнѣніе, что мы не должны лишаться этой части края и отодвигать наши настоящія линіи: это была бы роковая мѣра. Такую страну разъ покинувши, не такъ-то легко опять занять, какъ Абхазію или окрестности Новороссійска, а безпрепятственное сосредоточеніе противъ насъ всѣхъ центральныхъ племенъ Дагестана имѣло бы наиболѣе печальныя для насъ послѣдствія. Разумѣется, нельзя ожидать еще войскъ изъ Россіи; но, съ нѣсколькими батальонами безсрочныхъ и рекрутовъ для пополненія 13-й дивизіи и всѣхъ остальныхъ частей мы, съ Божьею помощью, будемъ, какъ я уже сказалъ выше, достаточно сильны повсюду.

Радуюсь, что ваше здоровье возстановилось, и вы чувствуете себя въ силахъ присоединиться къ князю Бебутову; я въ восхищеніи, узнавъ, что онъ перейдетъ Арпачай и займетъ позицію на Карской дорогѣ;

---

*) Французскій генералъ, посланный къ Азіатскую Турцію Наполеономъ III-мъ.

думаю, что это поведетъ къ прекраснымъ послѣдствіямъ и оградить всего лучше наши собственные предѣлы противъ хищниковъ. Если Турки упорствуютъ выйти изъ Карса и подвинутся къ Арпачаю, то съ новой позиціи намъ будетъ еще легче сдѣлать то, что́ съ такимъ хорошимъ результатомъ дѣлаютъ Баговутъ и Лорисъ-Меликовъ; а ваше положеніе въ странѣ непріятеля полезно отзовется на окрестности Ахалцыха съ одной стороны и Баязета съ другой. Я не думаю, чтобы можно было ожидать серьезной высадки въ Мингреліи: она не имѣла бы болѣе цѣли и союзникамъ, при встрѣчѣ съ климатомъ этой мѣстности и со штыками кн. Андроникова, не обошлась бы дешево. Думаю также, что они могутъ лишь раскаяться въ серьезной высадкѣ и со стороны Черноморіи. Если флотъ ихъ не рѣшится атаковать Севастополь, то серьезное столкновеніе можетъ произойти только на Дунаѣ. Пока наши непріятели встрѣчаютъ затрудненія со всѣхъ сторонъ, но Божьей милости эта большая гора въ концѣ концовъ родитъ мышь.

Благодарю васъ за сочувствіе къ моему здоровью; оно то лучше, то хуже, и только послѣ курса леченія я буду въ состояніи рѣшить, могу ли еще продолжать службу. Благодарю васъ отъ всего сердца и за предложеніе писать мнѣ два раза въ мѣсяцъ и прошу васъ также посылать мнѣ ваши приказы по корпусу. Все что́ вы мнѣ будете отправлять, адресуйте черезъ Петербургъ на имя Прянишникова, но не смѣшивайте ваши письма съ пакетами приказовъ или другими, которыя будутъ имѣть особую важность, такъ какъ возможно, что Прянишниковъ захочетъ посылать мнѣ большіе пакеты лишь при случаѣ, тогда какъ письма пойдутъ по почтѣ. Перечитывая ваше письмо, я нашелъ одинъ пунктъ, на который хотѣлъ бы попросить у васъ, опять таки неоффиціально, разъясненія. Вы мнѣ говорите, что, разъ Гурія и Имеретія внѣ опасности, можно будетъ оставить тамъ два полка 13-й дивизіи, а остальное дать генералу Ковалевскому, чтобы онъ дѣйствовалъ, согласно съ обстоятельствами, противъ Турокъ или противъ Персовъ. Я очень хорошо понимаю, что это составитъ прекрасный резервъ; но не вижу, почему вы хотите отдать этотъ резервъ Ковалевскому; мнѣ кажется, что, разъ князь Андрониковъ не будетъ имѣть надобности въ этихъ войскахъ для Гуріи, они должны быть присоединены къ главному отряду князя Бебутова, а Ковалевскій долженъ имѣть лишь достаточное число для защиты Ахалцыха; и если, съ другой стороны, находятъ полезнымъ заставить идти большой корпусъ къ Ахалцыху, для наступательнаго дѣйствія, то его не Ковалевскому слѣдовало бы довѣрить: ибо если Гурія и Имеретія находятся въ совершенной безопасности, князь Андрониковъ могъ бы самъ вести отрядъ черезъ Ардаганъ на Карсъ и соединиться съ Бебутовымъ, или, что́ было бы гораздо проще, Андрониковъ остался бы для защиты Имеретіи и Ахалцыха, а излишекъ необходимыхъ для этого войскъ могъ бы соединиться съ корпусомъ Бебутова, какъ для того, чтобы разбить главную Турецкую армію, если она осмѣлится принять сраженіе, такъ и для осады Карса, если она будетъ

предпринята. Присутствіе этихъ войскъ въ главномъ корпусѣ Бебутова, сверхъ того что̀ у него есть въ настоящее время, съ бригадою 18-й дивизіи и съ сильною кавалеріею, поставило бы его въ возможность, буде понадобится, дѣйствовать своимъ лѣвымъ флангомъ къ сторонѣ Эривани и принять мѣры, если бы по волѣ Божіей и Персія объявила себя противъ насъ. И хотя сумасбродное предпріятіе Персіянъ могло бы лишить насъ возможности вести настолько сильное наступленіе противъ Карса, какъ намъ бы желательно, все же Бебутовъ и въ такомъ случаѣ оставался бы достаточно силенъ для оборонительныхъ дѣйствій. Еще разъ повторяю, что не имѣю ни малѣйшаго намѣренія говорить оффиціально, а просто отвѣчаю на пунктъ вашего письма, который мнѣ показался неяснымъ.

4.

Шлангенбадъ, 24 Августа 1854 г.

Я немного запоздалъ отвѣтомъ на ваше письмо отъ 14 Іюля, такъ какъ, узнавъ въ то время изъ Тифлиса, что вы перешли Арпачай и зная, что вы находитесь такъ близко отъ непріятеля, я съ живымъ нетерпѣніемъ ожидалъ, что̀ изъ этого выйдетъ. Въ тоже самое время, я былъ почти увѣренъ, что Турки васъ не ожидали; также увѣренъ (какъ должны быть увѣрены и они), что вашъ прекрасный корпусъ можетъ ихъ побить сильнѣе, чѣмъ они были разбиты въ прошломъ году при Башъ-Кадыкларѣ. Я, кажется, угадалъ вѣрно, что непріятель на своей позиціи дѣйствительно не ожидалъ васъ. Это все, что̀ мы знаемъ. Но нашли ли вы возможность затѣмъ что нибудь тамъ сдѣлать, объ этомъ мы не имѣемъ нималѣйшаго понятія. Впрочемъ, вчера Петръ Шуваловъ, находящійся въ Гейдельбергѣ, прислалъ мнѣ изъ Франкфурта телеграфную депешу, въ которой сказано, что Турецкая армія, состоящая изъ 60,000 чел., была разбита близъ Карса и потеряла 3,000 убитыми и 2,300 плѣнными съ 84 офицерами. Шуваловъ добавляетъ, что извѣстіе это положительное. Дай Богъ, чтобы это было такъ; мы скоро должны объ этомъ узнать. Но тутъ есть путаница, которая меня смущаетъ: во Франкфуртской газетѣ помѣщенъ оффиціальный рапортъ объ отступленіи Шамиля съ границы Кахетіи въ горы и затѣмъ извѣстія съ разныхъ сторонъ, что генералъ Врангель побилъ Турокъ около Баязета, и потомъ очевидная путаница въ телеграфной депешѣ барона Будберга изъ Берлина, гласящей, что Шамиля побилъ Врангель около Баязета. Но мы знаемъ, что Шамиль былъ на Лезгинской линіи и что онъ потерялъ много людей въ Шильдахъ и что Даніельбекъ, или другой изъ его наибовъ, къ несчастью, проникъ до Цинондалъ и захватилъ семейство Чавчавадзе, съ несчастной вдовой нашего дорогаго Илико. Вы можете понять, какъ тяжело отозвалось на насъ это горестное событіе. Дай Богъ, чтобы нашли возможность выручить дорогихъ бѣдныхъ княгинь и ихъ дѣтей, и чтобы они могли выдержать это ужасное испытаніе. Надо поручить себя Богу и ожидать на все Его божественной благости.

Вчера первый разъ я былъ въ состояніи отправиться на прогулку верхомъ на цѣлый часъ съ Брюнами, которые, также какъ и Визей, прибыли сюда третьяго дня. Моя сестра здѣсь, но лэди Кланвильямсъ, которая была очень нездорова, не могла еще покинуть Боннъ; мы надѣемся, что она скоро присоединится къ намъ сюда или по меньшей мѣрѣ пріѣдетъ, чтобы спуститься вмѣстѣ по Рейну до Роттердама, такъ какъ отсюда мы отправимся въ Голландію, а не въ Остенде, т. е. въ маленькій портъ Шевенингъ близъ Гаги. Остенде испугало насъ большимъ числомъ пріѣзжихъ, тамъ уже находящихся и еще ожидаемыхъ. Въ виду близости отъ Парижа и Лондона, туда постоянно будутъ пріѣзжать личности, которыхъ намъ совершенно не любопытно видѣть. Проснувшись 25 Августа, мы получили газеты изъ Петербурга, съ подробностями относительно блестящаго дѣла генерала Врангеля и съ надеждою, что онъ немедленно войдетъ въ Баязетъ. Увѣряютъ также, что Шамиль отступилъ въ горы, чтобы обратиться противъ князя Григорія Орбеліана; все это утѣшительно, и чтобы дополнить нашу радость, нужно было бы подтвержденіе извѣстія, сообщеннаго Петромъ Шуваловымъ на счетъ блестящаго успѣха князя Бебутова вблизи Карса.

5.

Шевенингъ, 19 Сентября 1854 г.

Не могу вамъ передать, съ какимъ удовольствіемъ и интересомъ я получилъ и прочиталъ ваше письмо. Намъ уже хорошо извѣстно блестящее дѣло и участіе ваше въ славной побѣдѣ при Кюрюкъ-Дара. Мы благодарили Бога, что Его божественная благость сохранила васъ цѣлымъ и невредимымъ подъ ужаснымъ огнемъ, которымъ вы такъ доблестно пренебрегали, ведя въ сильную атаку наши храбрыя войска на непріятельскій центръ. Это мнѣ напомнило знаменитое движеніе маршала Макдональда съ Итальянской арміею на центръ Австрійцевъ при Ваграмѣ, которое и рѣшило побѣду. Мы счастливы видѣть, что вы имѣли такой прекрасный случай, которымъ вы такъ хорошо и удачно воспользовались. Слава войскамъ Кавказа, доставляющимъ Россіи въ теченіи цѣлаго года удовольствіе и утѣшеніе своею прекрасною выдержкою и блестящими побѣдами. Слава также Грузинскому населенію и всѣмъ Грузинскимъ племенамъ за ту вѣрность и героизмъ, которые они постоянно выказываютъ и которые наконецъ оцѣнены всею Россіею. Я думаю, что теперь Нѣмцы *), которые были всегда готовы такъ унижать заслуги Грузинъ, даже въ военномъ значеніи, спустятъ ниже свой тонъ, или совсѣмъ замолчатъ. Дай Богъ, чтобы дѣла повсюду шли такъ хорошо, какъ у васъ. Въ настоящее время мы въ сильномъ безпокойствѣ относительно результата главной экспедиціи союзниковъ на Крымъ и Севастополь. Если только у насъ достаточно тамъ войскъ и если князь Меншиковъ (что онъ навѣрное и сдѣлаетъ), соотвѣтственными мѣрами поставитъ Севастополь и флотъ въ безопасность отъ не

*) Намекъ на Коцебу, Вольфа и др.

ожиданнаго нападенія, эти проклятые Англичане и Французы. также какъ и Турки, съ сопровождающими ихъ Египтянами, могутъ получить хорошій урокъ, который будетъ еще чувствительнѣе, коль скоро Русскій Богъ пошлетъ тропическую бурю, когда часть ихъ войскъ уже высадится. Все же это вѣроятность довольно важная, а въ ожиданіи результата, невозможно не быть въ возбужденномъ и безпокойномъ состояніи.

Я вамъ очень благодаренъ за все чтó вы говорите на мой собственный счетъ, но излишекъ всего этого я приписываю дружбѣ, которая насъ соединяетъ и которою я горжусь. Вы не должны сомнѣваться, что я испытываю большое огорченіе, не будучи въ состояніи находиться съ вами на Кавказѣ, который я такъ люблю и гдѣ я старался сдѣлать все хорошее, чтó только было въ моей власти; будьте увѣрены въ той великой радости, какую я испыталъ бы, если бы могъ прибыть къ вамъ; но, къ несчастью, я еще далекъ отъ возможности возвратиться къ дѣятельной службѣ и все чтó могу сдѣлать въ настоящее время это скромно жить, съ большимъ благоразуміемъ въ діэтѣ и съ самоотреченіемъ во многомъ. Карлсбадъ помогъ моей печени; но доктора думаютъ, что мнѣ нужно выдержать второй курсъ. По возвращеніи у меня будетъ послѣдняя консультація, но я рѣшился во всякомъ случаѣ возвратиться на зиму въ Россію, хотя съ боязнью, не будетъ ли мнѣ тяжело переносить холодъ, даже и въ Кіевской губерніи. Случится впрочемъ то, чтó Богъ дастъ; но мои самыя горячія молитвы никогда не будутъ за себя, такъ какъ, въ особенности въ мои годы, было бы безразсудствомъ много думать о сохраненіи жизни: эти молитвы возносятся за славу и счастіе моей страны и за ея побѣдоносный исходъ изъ настоящаго критическаго положенія.

Моя сестра и ея четыре дочери съ дѣтьми находятся здѣсь; онѣ очень привязаны къ вамъ, и мы безпрестанно говоримъ о васъ. Кланвильямсъ разсказалъ мнѣ, какъ ему вздумалось, что онъ узналъ одного изъ вашихъ братьевъ на дебаркадерѣ желѣзной дороги въ Англіи и, желая въ этомъ удостовѣриться, произнесъ ваше имя, не глядя на него; вашъ братъ сейчасъ же со вниманіемъ посмотрѣлъ на него, чтó и повело къ знакомству, и они помѣстились въ одномъ вагонѣ *).

По всему, чтó мы получаемъ изъ Тифлиса, узнаёмъ съ радостью, что генералъ Реадъ сумѣлъ снискать уваженіе и общую симпатію и видимъ, насколько онъ счастливъ, что послѣ моего отъѣзда не была послана туда нѣкоторая личность, которая не съумѣла бы понять ни людей, ни дѣлъ Кавказа, и захотѣла бы все передѣлать на свой образецъ и произвести всякія перемѣны, чтобы только показать, что она могла бы лучше все сдѣлать, чѣмъ тотъ кто былъ раньше его **).

---

*) Вслѣдствіе чрезвычайнаго сходства братьевъ Александра и Анатолія Ивановичей.
**) Намекъ на Н. Н. Муравьева.

6.

Дрезденъ, 9 (21) Октября 1854 г.

Вы вѣрно удивлялись, что, получивъ ваши два письма отъ 30 Августа и 12 Сентября, я запоздалъ моимъ отвѣтомъ на тѣ вопросы, которые вы мнѣ въ нихъ предлагаете; но я васъ увѣряю, да вы и сами это легко поймете, что мы находимся въ лихорадочномъ возбужденіи относительно судьбы Крыма и Севастополя, не говоря уже объ газетныхъ уткахъ и ложныхъ извѣстіяхъ, облетѣвшихъ свѣтъ подъ болѣе или менѣе правдоподобнымъ видомъ, которыя не даютъ ни минуты покоя, необходимаго для того, чтобы вести переписку. Мы находимся почти все въ той же неизвѣстности и безпокойствѣ и молимъ Бога, чтобы все обошлось благополучно въ Крыму; да и кажется, что есть на это надежды. Но во всякомъ случаѣ я не хочу отдалять по истинѣ пріятную обязанность отвѣчать вамъ и побесѣдовать съ вами нѣсколько минутъ. Начинаю съ предложенныхъ мнѣ вопросовъ: 1) вы спрашиваете моего мнѣнія относительно замѣщенія въ командованіи драгунскимъ полкомъ князя Чавчавадзе Дондуковымъ; на это я могу лишь сказать, что мое мнѣніе остается такимъ же, какимъ вы его знаете и какимъ я его передалъ генералу Реаду и самому Дондукову. Вы знаете, какъ я люблю Дондукова и насколько я убѣжденъ, что онъ достоинъ командовать этимъ прекраснымъ полкомъ; но, не смотря на все, что́ я ему говорилъ, онъ не хочетъ понять, какъ было бы несправедливо, и, въ особенности, послѣ блестящихъ дѣйствій Чавчавадзе при Башъ-Кадыкларѣ, даже неблагодарно со стороны властей, отнять у него этотъ полкъ противъ его собственнаго желанія, только по той причинѣ, что другой хочетъ его имѣть. Можетъ выдаться случай, когда Чавчавадзе будетъ назначенъ на болѣе высокій и постоянный военный постъ; тогда не о чемъ и говорить, въ особенности, если онъ самъ на это согласится. Говорю вамъ совершенно откровенно, что только въ этомъ случаѣ мы и могли бы безъ явной несправедливости отнять полкъ у такого командира, какъ Чавчавадзе, который велъ драгунъ такъ блестяще и съ такою пользою противъ непріятеля. Вотъ мой взглядъ; я не могу вамъ передать его оффиціально, да и почти не имѣю на то права, но этого мнѣнія перемѣнить я не могу и думаю, что оно въ такомъ видѣ, какъ я его вамъ только что представилъ, основано на сущности дѣла и на чувствѣ справедливости. Что касается до того преимущества, о которомъ вы мнѣ говорите, при перемѣщеніи позднѣе драгунскаго полка въ его старыя квартиры въ Кахетію, то теперь не время заниматься этимъ дѣломъ; но мнѣ кажется, что это нужно имѣть въ виду, и что мысль хороша. 2) Не могу дать никакого мнѣнія относительно перемѣщенія Калустова *), такъ какъ не имѣю понятія, что́ онъ могъ сдѣлать послѣ моего отъѣзда и по какимъ причинамъ вы желаете этого перемѣщенія. Во всякомъ случаѣ я не буду здѣсь ни за, ни противъ, и если бы даже спросили изъ Петербурга моего мнѣнія, я далъ

*) Генералъ-маіоръ Калустовъ былъ интендантомъ Кавказской арміи.

бы тотъ же отвѣтъ, прибавивъ, что генералу Реаду принадлежитъ право рѣшенія этого вопроса. Не думайте, чтобы я стоялъ за Калустова и чтобы я его хотѣлъ защищать; нѣтъ, но я утверждаю, что не знаю да и не могу знать того, что́ онъ сдѣлалъ по моемъ отъѣздѣ съ Кавказа; генералъ Реадъ и вы, какъ начальникъ главнаго штаба, единственные судьи. Если фактъ все таки совершится, я положительно ничего не имѣю сказать противъ назначенія на его мѣсто Колосовскаго, а Майвалдова на мѣсто этого послѣдняго. 3) Если князь Андрониковъ желаетъ получить дивизію Врангеля *), я ничего не имѣю противъ этого, такъ какъ онъ будетъ превосходнымъ начальникомъ дивизіи и военнымъ, которымъ можно всегда располагать. Гагаринъ прекрасно занялъ бы его мѣсто въ Тифлисѣ (т. е. губернатора), это былъ бы лучшій выборъ, какой можно сдѣлать; что же касается до мѣста въ Кутаисѣ, я, по правдѣ сказать, не могу сразу дать своего мнѣнія относительно того, что́ можно было бы тамъ сдѣлать; но слѣдовало бы хорошенько подумать, кого представить туда, такъ какъ есть много необходимыхъ условій для занятія этой должности. Гагаринъ имѣетъ преимущество, благодаря своему имени и принадлежности его жены къ первѣйшей фамиліи Грузіи; многочисленное дворянство Имеретіи, Мингреліи и Гуріи совсѣмъ не сошлось бы съ кѣмъ нибудь, кто не былъ бы изъ важной фамиліи, и который, кромѣ того, не зналъ бы языка страны. Мнѣ кажется, что Иванъ Мухранскій или Язонъ Чавчавадзе подходящи для этого, и при переводѣ Русскаго изъ Имеретіи въ Тифлисъ, ничего не могло бы помѣшать перевести въ Кутаисъ Грузина знатной фамиліи.

По важному вопросу, что́ предстоитъ дѣлать въ случаѣ продолженія войны въ будущемъ году, я совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, что, въ виду возможной сильной высадки союзниковъ въ Батумѣ или Трапезундѣ, слѣдовало бы подумать объ увеличеніи войскъ для спасенія Закавказья. Можетъ быть, посылка новыхъ дивизій въ полномъ составѣ будетъ найдена невозможною, и конечно для оборонительнаго положенія вы ихъ имѣете, можетъ быть, и достаточно; но на случай дѣйствія союзниковъ вмѣстѣ съ Турками въ Анатоліи, и въ тоже время, чтобы ничего не опасаться со стороны Персіи, нужно было бы имѣть, помимо того, что́ у васъ есть въ настоящее время, отъ 25 до 30 тысячъ пѣхоты и 8 т. хорошей кавалеріи. Если бы весною вамъ дали эту помощь, то можно было бы перевести ихъ черезъ горы въ полномъ составѣ или частями, смотря по тому, будете ли имѣть основаніе вѣрить въ возможность совмѣстныхъ дѣйствій союзниковъ въ Анатоліи. Между тѣмъ эта помощь можетъ быть очень полезна, для того чтобы покончить съ Черкесами Праваго фланга, или чтобы отправить ее черезъ Керчь въ Крымъ, если Богъ сохранитъ намъ

*) Генералъ-лейтенантъ Карлъ Карловичъ Врангель, разбившій Турокъ при Баязетѣ, былъ вызванъ въ Керчь командовать тамъ войсками.

Севастополь въ этомъ году, или бы онъ оказался опять въ опасности въ будущемъ. Коль скоро, какъ я уже сказалъ выше, нельзя будетъ послать вамъ цѣлыхъ дивизій, то можетъ быть найдутъ возможнымъ послать тѣ резервы, которые теперь повсюду формируютъ въ батальоны и бригады, не считая рекрутовъ необходимыхъ для полнаго тысячнаго комплекта батальоновъ въ вашихъ теперешнихъ войскахъ. Вотъ мой взглядъ на это важное дѣло; вы можете, коли хотите, обо всемъ этомъ передать генералу Реаду, сказавъ ему, что я могу ошибаться, но мнѣ кажется, что въ крайнемъ случаѣ все мною сказанное будетъ необходимымъ, такъ какъ нужно было бы по меньшей мѣрѣ отъ 20 до 25,000 человѣкъ присоединить къ настоящему корпусу князя Бебутова и отъ 8 до 10,000 чел., чтобы быть обезпеченнымъ со стороны Персіи; а въ случаѣ если мы не будемъ имѣть надобности употреблять войска противъ Персіи, то чтобы отсюда можно было бы послать ихъ на усиленіе главнаго корпуса. Я прекрасно знаю, что слѣдовало бы много войскъ послать на Кавказъ; Россія должна имѣть болѣе милліона солдатъ къ будущему году, коль скоро война продолжится, а сохраненіе Кавказа и Закавказья, при теперешнихъ обстоятельствахъ, составляетъ для насъ жизненное дѣло. Вотъ что́ я могу сказать на ваши вопросы, единственно изъ желанія не оставить ихъ безъ отвѣта; я вдался въ эти подробности, для которыхъ, по правдѣ сказать, я сталъ уже неспособенъ теперь, и боюсь, чтобы это не было навсегда. Мы находимся въ трудномъ положеніи; но съ нашей стороны, то есть тамъ, гдѣ вы находитесь, каждый исполнилъ свой долгъ, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ году, и Господь насъ поддержалъ. Надо просить милосердія у Бога, чтобы это такъ продолжалось и чтобы въ концѣ концовъ Россія восторжествовала. У насъ по крайней мѣрѣ есть преимущество единодушія, тогда какъ наши многочисленные непріятели могутъ въ скоромъ времени стать въ разногласіе по отношенію къ тому, что́ они хотятъ и что́ могутъ сдѣлать. Да будетъ сіе такъ!

7.

Дрезденъ, Ноября 25 (7 Декабря) 1854 г.

Я долженъ былъ отвѣчать вамъ скорѣе на ваше письмо отъ 14 (26) Ноября, но въ этомъ мнѣ мѣшала моя постоянная слабость и болѣзненность, а въ особенности состояніе нравственнаго безпокойства, въ которомъ я все время нахожусь относительно конечнаго результата великой борьбы въ Крыму. Мы еще ничего положительнаго на этотъ счетъ не знаемъ, исключая того, что Меншиковъ и его храбрыя войска, также какъ и моряки, ведутъ геройскую защиту, соединяя умѣнье съ наиболѣе смѣлымъ мужествомъ. Да благословитъ Богъ ихъ усилія, и чтобы союзники, которые уже потеряли въ борьбѣ, болѣзняхъ и т. п. нѣсколько десятковъ тысячъ, были бы вынуждены покинуть дѣло безъ

успѣха. Между тѣмъ, пока они дѣлаютъ громадныя усилія и получаютъ большія подкрѣпленія, борьба становится все болѣе ожесточенной и кровопролитной, чѣмъ когда либо. Во всякомъ случаѣ Англичане и Французы убѣдились изъ своихъ потерь, что насъ не такъ-то легко побѣдить, какъ они думали сначала.

Я былъ увѣренъ, что вы съ грустью узнаете о моемъ окончательномъ удаленіи отъ должности, которое я вынужденъ былъ исходатайствовать. Необходимо нужно было рѣшиться на это, но мнѣ это причинило и причиняетъ глубокую скорбь. Я совершенно неспособенъ служить, а въ особенности такъ, какъ я служилъ всегда, бывая вездѣ и видя все собственными глазами. Я никогда бы не могъ рѣшиться играть роль инвалида, тогда какъ все бы служило и успѣвало вокругъ меня; да и къ тому же мое нравственное состояніе, въ особенности въ подобномъ положеніи, не позволило бы мнѣ предпринимать рѣшенія и мѣры, какія обстоятельства требуютъ, и я оказался бы способенъ дѣлать ошибки, настолько же предосудительныя по отношенію къ дѣламъ, какъ и тягостныя по отношенію ко мнѣ самому. Ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстія о томъ рѣшеніи, которое вы примите въ отношеніи самого себя, то есть будете ли вы просить перемѣны мѣста, или останетесь на своемъ при генералѣ Муравьевѣ; это было бы можетъ быть лучше, коль скоро можетъ устроиться. Муравьевъ человѣкъ военный, съ твердымъ характеромъ, и онъ давно уже знаетъ страну, которую беретъ подъ свое управленіе. Тамъ водворится единство, и я надѣюсь что онъ съумѣетъ повсюду принять хорошія мѣры. Хотя тѣ подкрѣпленія, которыя вамъ назначили, не покажутся особенно значительными, я однако думаю и надѣюсь, что достанетъ людей, чтобы противустать врагамъ повсюду. Невѣроятно, чтобы Англо-Французы, пожертвовавъ уже почти всѣми большими средствами для Севастополя, были бы въ состояніи отправить корпусъ войскъ противъ Грузіи; какъ только они углубились бы въ страну, ихъ положеніе стало бы затруднительнымъ, и несчастные остатки Турецкой арміи, битые такъ часто на всѣхъ пунктахъ нашими доблестными войсками, не составятъ для нихъ большой помощи. Такъ какъ нашли нужнымъ въ Петербургѣ прислать на Кавказъ генерала Муравьева, то я былъ очень радъ видѣть по крайней мѣрѣ, что Государь хорошо поступилъ съ храбрымъ и славнымъ генераломъ Реадомъ, который прекрасно держался въ теченіе года и умѣлъ такъ хорошо уничтожать всѣ намѣренія и попытки непріятелей на всѣхъ нашихъ границахъ. Дѣйствительно, не случись плачевной катастрофы (которая все же лишь частная неудача) съ семьею Чавчавадзе, то не было бы ни одной непріятности, ни одного неудовольствія въ теченіе этого года на всѣхъ нашихъ Кавказскихъ линіяхъ.

8.

Одесса, 14 Октября 1856 г.

Хотя это письмо по всей вѣроятности нескоро дойдетъ до васъ, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи написать вамъ нѣсколько словъ черезъ полковника Льяшенко, который, имѣя шестимѣсячный отпускъ, ѣдетъ повидать свое семейство въ Шуру; онъ меня очень просилъ дать ему письмо къ вамъ. Это не значитъ, чтобы я домогался чего нибудь особеннаго для него; вамъ одному судить, будетъ ли возможно и справедливо перевести его опять на Кавказъ; но вы также хорошо знаете, какъ и я, что онъ прекрасно служилъ въ Куринскомъ полку и въ особенности насколько онъ былъ полезенъ въ Урусъ-Мартанѣ и окрестностяхъ, какъ военный начальникъ и какъ администраторъ. Онъ отлично знаетъ все состояніе Малой Чечни и отчасти Большой. Вчера мы говорили съ нимъ обо всемъ этомъ, и мнѣ кажется, что у него очень вѣрныя и очень практичныя мысли по отношенію къ этой странѣ и ея жителямъ.

О насъ самихъ я напишу вамъ также всего нѣсколько словъ, боясь, что это письмо прибудетъ къ вамъ поздно. Мы благополучно пріѣхали на прошлой недѣлѣ сюда, и по отношенію къ моему здоровью я скорѣе выигралъ, благодаря этому путешествію, чѣмъ потерялъ; но я все еще очень слабъ и все надѣюсь, что полный отдыхъ, которымъ я пользуюсь здѣсь и хорошій климатъ Одессы, къ которому я въ теченіе столькихъ лѣтъ привыкъ, принесутъ мнѣ пользу. Я понемногу гуляю пѣшкомъ и подолгу катаюсь въ коляскѣ.

Успѣхи города, съ тѣхъ поръ какъ я уѣхалъ отсюда, несмотря на три года войны, удивительны, въ особенности успѣхи растительности и плантацій въ окрестности. Дай Богъ, чтобы великое дѣло желѣзныхъ дорогъ рѣшилось скорѣе, чтобы дирекція этой дороги была бы благоразумна, то есть, чтобы первая работа началась на Одессу, что́ будетъ вообще полезно, не только для окружающихъ мѣстностей, но и для цѣлой Имперіи, такъ какъ Балтійское море будетъ соединено съ Чернымъ въ наиболѣе важномъ пунктѣ, гдѣ находятся всѣ капиталы, да и полная вѣроятность, чтобы само предпріятіе выиграло, особенно когда проложатъ еще нѣсколько верстъ дороги отсюда къ Кременчугу. Увидимъ, былъ ли правъ генералъ Чевкинъ, сказавъ намъ, когда мы разставались съ нимъ въ Москвѣ, что мы вполнѣ останемся имъ довольны.

*

Это было послѣднее письмо стараго фельдмаршала князя Воронцова къ молодому главнокомандующему на Кавказѣ. Чрезъ три недѣли послѣ этого онъ скончался. Приводимъ здѣсь письмо его сына, князя Семена Михайловича (въ переводѣ).

„Дорогой князь. Зная чувства, которыя вы питали къ моему отцу, мы съ матушкой рѣшили послать вамъ, въ память его, маленькій компасъ, которымъ онъ очень дорожилъ и который не покидалъ его во все время его походовъ на Кавказѣ.

„Вамъ, какъ занимающему нынѣ мѣсто покойнаго и одушевленному тѣмъ же желаніемъ процвѣтанія и умиренія этого края, быть можетъ будетъ пріятно имѣть при себѣ вещь, которая напомнитъ вамъ вашего прежняго начальника и друга въ политикѣ и по сердцу.

„Я пріѣхалъ сюда съ цѣлью хотя немного утѣшить мою бѣдную матушку въ постигшемъ ея жестокомъ горѣ, и я вижу, къ великой моей радости, что присутствіе мое принесло ей облегченіе. Она поручаетъ мнѣ передать вамъ ея привѣтъ; отъ меня же, любезный князь, прошу принять увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и преданности“.

Приписка княгини Елисаветы Ксаверьевны Воронцовой:

„Я знаю, что вы сожалѣете о немъ, какъ о лучшемъ своемъ другѣ, и знаю, что онъ любилъ васъ искренно и сильно. Повторяю вамъ это, ибо могу подтвердить. Да поможетъ вамъ Богъ осуществить всѣ надежды, которыя возлагалъ на васъ покойный.

„Онъ держалъ при себѣ компасъ до Четверга. Покинулъ онъ насъ во Вторникъ въ 3 ч. 3/4“.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ГОГЕНДОРПА.

Въ Гагѣ вышла книга подъ заглавіемъ: Mémoires du général Dirk van Hogendorp, comte de l'empire, etc. Publiés pas son petit-fils, m. le comte D. C. A. van Hogendorp. La Haye, Martinus Nijhoff. 1887. 8-ка. XIV (предисловіе подписанное: M. F. A. G. Cambell) и 416 стр. съ азбучнымъ указателемъ.

Графъ Гогендорпъ (1761 — 1822), начавшій службу еще въ войскахъ Фридриха Великаго, одинъ изъ адъютантовъ Наполеона, былъ осыпанъ его милостями и послѣ Ватерлоо удалился въ Бразилію, гдѣ и пережилъ на одинъ годъ своего повелителя. Мать его вмѣстѣ съ пріятельницею своею княгинею Голицыной (супругою нашего посланника князя Дмитрія Алексѣевича) отвезла его мальчикомъ въ Берлинъ въ кадетскій корпусъ, и въ 1776 году онъ видѣлъ пріѣзжавшаго туда Павла Петровича. Потомъ онъ учился въ Кенигсбергской военной академіи и слушалъ Канта. 20-ти съ небольшимъ лѣтъ онъ очутился въ Восточной Индіи, гдѣ и прожилъ до 1799 года и гдѣ разстроилъ свое состояніе. По возвращеніи оттуда правительство Голландской республики назначило его посланникомъ въ Россію, куда онъ и отправился въ Апрѣлѣ 1803 года на мѣсто г-на Бюи (Buis). Ему поручено было искать посредничества императора Александра по вопросу о признаніи нейтралитета Голландіи въ войнѣ Франціи съ Англіею. На пути графъ Гогендорпъ заѣзжалъ къ герцогу Мекленбургъ-Шверинскому уладить денежныя притязанія сего послѣдняго за Мекленбургскихъ солдатъ, которыхъ Голландія нѣкогда нанимала у него для своей охраны. Супруга наслѣднаго Мекленбургъ-Шверинскаго принца, наша Елена Павловна, вызываетъ похвалы графа Гогендорпа. Подобно старшей сестрѣ своей Александрѣ Павловнѣ, она изнывала въ тѣснотѣ и скукѣ Нѣмецкой обстановки и въ это именно время доживала послѣдніе мѣсяцы молодой и безупречной своей жизни. За нею посланъ былъ фрегатъ изъ Петербурга, подъ командою Сарычева; но она уже не въ состояніи была доѣхать до берега *) „Я не видывалъ принцессы болѣе прекрасной, любезной и образованной“, говоритъ графъ Гогендорпъ. Она снабдила Голандскаго посланника письмами въ Петербургъ, гдѣ онъ конечно былъ ласково принятъ, какъ живая грамота отъ умиравшей принцессы.

---

*) Слышано отъ достопочтенной Аграфены Васильевны Кафтыревой, сестра которой была супругою славнаго моряка Сарычева. П. Б.

Автобіографія графа Гогендорпа, написанная много лѣтъ спустя послѣ важныхъ событій, которыхъ отъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ, уже въ Бразиліи (гдѣ онъ скончалъ дни свои), довольно любопытна вообще для исторіи Наполеоновскаго времени и въ частности для насъ.

Приводимъ разсказъ о пребываніи графа Гогендорпа въ Петербургѣ.

Первою моею заботою было поѣхать къ господину Бюи, мѣсто котораго я занялъ. Я увидалъ его больнаго и сильно разстроеннаго: онъ жаловался на своего секретаря, который, пользуясь его слабымъ состояніемъ, дурно обходился съ нимъ. Мой пріѣздъ оживилъ его, и онъ сопровождалъ меня къ графу Воронцову, бывшему тогда государственнымъ канцлеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Этотъ старый министръ, весьма не гибкій (fort rustre) въ обхожденіи и всецѣло преданный Англіи (гдѣ его братъ былъ посланникомъ), принялъ насъ однако очень хорошо. Въ Голландіи, гдѣ былъ онъ нѣкогда министромъ, зналъ онъ мое семейство и связи и не могъ удержаться, чтобы не выразить мнѣ своего удивленія, что видитъ меня служащимъ патріотической партіи. Я отвѣчалъ ему, что служу только своему отечеству. Чтобы предъявить мои кредитивныя грамоты, я ожидалъ возвращенія императора Александра, который ѣздилъ не на долго въ Эстляндію. Скоро я имѣлъ честь быть допущенъ къ Императору и Императрицѣ на Каменный островъ, маленькую и очень скромную дачу. Они оказали мнѣ самый милостивый пріемъ, а Императоръ удостоилъ увѣрить меня въ своемъ благоволеніи къ Батавской республикѣ, сказавъ мнѣ, что онъ поручилъ графу Воронцову поговорить со мной о ввѣренныхъ мнѣ дѣлахъ. Политика Россіи была въ то время очень нерѣшительна. Это было въ Іюнѣ 1803 года, передъ разрывомъ Амьенскаго мира. По смерти императора Павла, который готовъ былъ открыто объявить себя за Францію и совсѣмъ разошелся съ Англіей, императоръ Александръ началъ съ того, что захотѣлъ соблюдать строгій нейтралитетъ между этими двумя державами и оставаться въ добромъ согласіи съ той и другой. Такое положеніе дѣлъ продолжалось, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ. Адмиралъ сиръ Джонъ-Борлавъ-Варренъ былъ Англійскимъ посломъ, а генералъ Гедувиль Французскимъ министромъ. Обѣ стороны старались побудить Россію принять участіе въ новой борьбѣ, которая готова была начаться. Это придавало большую важность рѣшеніямъ Русскаго кабинета, и въ Голландіи надѣялись, что покровительство этой державы могло доставить республикѣ блага нейтралитета. Тщетная надежда! Со дня моего пріѣзда я замѣтилъ (какъ и ожидалъ), что на это разсчитывать нечего. Значеніе Голландіи не было довольно важно, чтобы побудить Россію къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Въ 1795 году, вслѣдствіе

происшедшей у насъ революціи, сношенія наши съ Россіей были прерваны, но безъ объявленія войны и непріятельскихъ дѣйствій; въ 1799 году императоръ Павелъ посылалъ отрядъ своихъ войскъ для соединенія съ Англичанами, во время экспедиціи на Сѣверъ Голландіи, что̀ насъ дѣйствительно поставило во враждебное отношеніе съ Россіею. Эта же экспедиція была одною изъ первыхъ побудительныхъ причинъ неудовольствія Павла противъ Англіи, превратившагося скоро, при его вспыльчивомъ характерѣ, въ неукротимую ненависть. Онъ сблизился тотчасъ же съ Франціей. Желая вести войну противъ Англичанъ и видя, что его морскія силы не въ состояніи бороться съ Англійскими, онъ захотѣлъ воспользоваться силами Голландіи. Такъ какъ герцогъ Виртембергскій, его шуринъ *), имѣлъ у насъ своего министра, то онъ поручилъ ему намекнуть правительству Батавіи, что онъ принялъ бы охотно министра отъ республики и даже какъ можно скорѣе. Правительство наше поспѣшило отвѣчать на приглашеніе и назначило въ Россію г-на Бюи, бывшаго министромъ въ Стокгольмѣ, съ предписаніемъ отправиться немедленно въ Петербургъ. Къ несчастью, г-нъ Бюи пріѣхалъ туда за два дня до смерти Павла, у котораго онъ однако имѣлъ аудіенцію: съ нетерпѣніемъ этотъ государь пожелалъ сообщить ему свои намѣренія, которыя заключались въ томъ, чтобы, соединясь тѣсно съ Голландіей, снабдивъ на ея счетъ войска, которыя онъ посылалъ, деньгами, морскими военными припасами и судами, приготовить въ Голландскихъ портахъ, столь близкихъ къ Англійскимъ берегамъ, грозныя вооруженія противъ общаго врага. Онъ обѣщалъ дать Голландской торговлѣ преимущества, которыми пользовались Англичане въ его государствѣ. Онъ спросилъ г-на Бюи, уполномоченъ ли онъ подписать тотчасъ же подобный договоръ. Удивленный Бюи, не осмѣливаясь принять на себя непосредственное рѣшеніе, отвѣчалъ, что онъ готовъ отправить курьера къ своему правительству за полученіемъ отъ него повелѣній. Императоръ велѣлъ ему сдѣлать это съ возможною скоростью. Г-нъ Бюи занимался весь день письмами, которыя разсчитывалъ отправить на слѣдующій день. Его разбудили извѣстіемъ, что Павелъ скончался ночью, и тотъ же самый курьеръ повезъ о томъ увѣдомленіе въ Голландію. Нѣсколько дней спустя,

*) Старшій братъ нашей императрицы-матери и вскорѣ затѣмъ первый король Виртембергскій. Въ Россію при Павлѣ ему явиться было трудно послѣ тѣхъ подвиговъ, за которые Екатерина удалила его изъ Русской службы; но, благодаря посредству его сестры, въ 1797 году Англійскій дворъ не побоялся выдать за него свою принцессу. Конечно, за дипломатическій „намекъ“, о которомъ говоритъ графъ Гогендорпъ, этотъ герцогъ получилъ хорошія Русскія деньги. П. Б.

императоръ Александръ велѣлъ передать ему и самъ высказалъ потомъ положительныя увѣренія своего миролюбиваго расположенія и особенно своего благоволенія къ республикѣ. О враждебныхъ намѣреніяхъ противъ Англіи не было болѣе рѣчи; но Бюи продолжалъ переговоры, чтобы добиться торговаго трактата, и императоръ обнадеживалъ его.

Въ Голландіи занимались составленіемъ плана по этому дѣлу, но съ обыкновенною медленностью. Къ тому же Бюи заболѣлъ. Когда я пріѣхалъ, ничего еще не было подвинуто, и правительство даже очень охладѣло къ этому дѣлу. Графъ Воронцовъ хорошо зналъ, что Англичанамъ невыгодно было уступить другимъ народамъ и особенно Голландцамъ привилегіи, которыя они всегда стараются получать въ чужихъ странахъ, гдѣ они имѣютъ вліяніе. Уже изъ перваго разговора съ нимъ я замѣтилъ сильное сопротивленіе, которое мнѣ предстоитъ испытать. Онъ много говорилъ со мною о безполезности и даже опасности торговыхъ договоровъ вообще. Я не соглашался съ его мнѣніемъ. Но я далъ ему въ тоже время замѣтить, что, такъ какъ Англія имѣла съ Россіею подобный договоръ, то другія націи, а особенно Голландія, не могли болѣе выдерживать соперничества и принуждены добиваться торговаго договора, который далъ бы имъ такія же преимущества для продолженія торговли съ Россіей. Нѣсколько времени спустя, графъ Воронцовъ удалился въ свое имѣніе по причинѣ разстроеннаго здоровья, и князю Адаму Чарторижскому поручено было Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, въ качествѣ помощника министра. Это былъ человѣкъ сумрачный, молчаливый и пристрастный къ Англіи; всѣ мои усилія были напраснымъ трудомъ. Впрочемъ возобновленіе войны, которая началась еще съ большею яростью, чѣмъ прежде, сдѣлало всякій договоръ безполезнымъ. Лучше было подождать другаго случая. Меня увѣрили также, что торговый договоръ съ Англіей, срокъ котораго уже кончался, не будетъ возобновленъ. Я предложилъ правительству республики оставить на время эти переговоры, что́ и было одобрено. Съ другой стороны, я добился, благодаря вліянію Россіи на Оттоманскую Порту, свободнаго прохода нашимъ кораблямъ черезъ Дарданеллы.

Въ Сентябрѣ 1803 года у меня родился сынъ; императоръ Александръ благоволилъ оказать намъ честь быть его воспріемникомъ. Я пріѣхалъ въ Таврическій дворецъ съ моимъ ребенкомъ и съ протестантскимъ пасторомъ, который долженъ былъ совершить обрядъ крещенія. Когда я прибылъ туда, гофмейстеръ графъ Толстой замѣтилъ мнѣ, что, по уставу Греческой религіи и Русскому обычаю, отецъ не долженъ присутствовать при крещеніи. Я отвѣчалъ ему, что протестантскій уставъ это позволяетъ. Онъ отправился за распоряженіемъ къ Императору,

который уполномочилъ меня сообразоваться съ этимъ уставомъ, и скоро самъ явился въ комнату, гдѣ мы его ожидали. Его Величество, послѣ нѣсколькихъ любезныхъ словъ, обращенныхъ ко мнѣ, сказалъ пастору, что онъ желалъ бы, чтобы обрядъ совершался безъ упущеній, по уставу протестантской церкви. Пасторъ прочелъ молитвы и тотчасъ же попросилъ Императора взять младенца на руки, поднести его къ купели и назвать имя, которое онъ желалъ ему дать. Императоръ изволилъ дать ему свое имя Александръ, взялъ ребенка и держалъ его на рукахъ въ продолженіе совершенія крещенія и молитвъ. Онъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ чтеніе священныхъ книгъ, рѣчь пастора, также и молитвы, и сказалъ мнѣ, что этотъ обрядъ по нашему уставу простъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назидателенъ. Въ тотъ же день Императоръ прислалъ въ подарокъ бриліантовую діадему моей женѣ и алмазный перстень пастору.

Я всегда чувствовалъ чрезвычайную благодарность за этотъ знакъ благосклонности, которую Императоръ захотѣлъ мнѣ оказать. Во все время нашего пребыванія въ Петербургѣ императорская фамилія обходилась съ нами съ такимъ же вниманіемъ, и вездѣ, при дворѣ, среди блестящаго общества, насъ принимали ласково. Особенно моя жена пользовалась всеобщимъ одобреніемъ, благодаря пріятной наружности, уму, мягкости характера и безупречному поведенію.

Политика Россіи, казалось, клонилась къ миру и къ соблюденію строгаго нейтралитета. Между тѣмъ опытный наблюдатель могъ видѣть, что взрывъ близился.

Колычевъ былъ министромъ Россіи во Франціи; его замѣнили Марковымъ. Вѣроятно эту перемѣну устроилъ графъ Воронцовъ. Въ бумагахъ, захваченныхъ тогда Прусскимъ правительствомъ въ Барейтѣ у Французскихъ эмигрантовъ, нашлось письмо, въ которомъ одинъ изъ нихъ поздравляетъ пріятеля съ назначеніемъ Маркова, усматривая въ томъ признакъ близкой ссоры. Марковъ нѣкогда началъ свою службу съ того, что исполнилъ порученіе своего правительства относительно поимки молодыхъ знатныхъ людей, которые выдѣлывали въ Голландіи фальшивые банковые билеты и пытались ввезти ихъ въ Россію внутри фортепіано. Ему удалось заманить ихъ на корабль, гдѣ ихъ заключили на днѣ трюма и перевезли въ Россію. Не довольствуясь этой удачею, Марковъ воспользовался обстоятельствами, чтобы столкнуть съ мѣста уважаемаго князя Голицына, бывшаго Русскимъ министромъ въ Голландіи. Я былъ тогда въ Гагѣ, еще очень молодой; но я очень хорошо помню его. Болѣе некрасиваго человѣка я не встрѣчалъ въ моей жизни. Онъ всегда напоминалъ мнѣ анекдотъ о Пелиссонѣ, секретарѣ генералъ-интенданта Фуке, замѣчательномъ также своимъ безобразі-

емъ. Одна дама, встрѣтивъ Пелиссона на улицѣ и не зная, кто онъ, попросила его очень вѣжливо зайти съ ней въ сосѣдній домъ. Это была мастерская художника; дама сказала, представляя ему Пелиссона: «не правда ли, милостивый государь, точь въ точь?» И потомъ, поблагодаривъ Пелиссона за услужливость, она отпустила его. Дѣло въ томъ, что она заказала художнику картину искушенія Господа діаволомъ и хотѣла, чтобы живописецъ придалъ сему послѣднему черты Пелиссона *).

Назначенный во Францію Марковъ не преминулъ сдѣлать то, чего отъ него ожидали. Будучи очень уменъ, онъ своими колкими выраженіями раздражилъ и возстановилъ противъ себя перваго консула, болѣе привыкшаго къ простотѣ воинскаго лагеря, чѣмъ къ дипломатическимъ осторожностямъ двора. Марковъ допускалъ къ себѣ преимущественно недовольныхъ, и всѣ неосновательныя извѣстія, всѣ злые анекдоты, которые слышалъ отъ нихъ, онъ сообщалъ своему двору. Наконецъ, консулъ такъ сильно вознегодовалъ, что написалъ собственноручное письмо къ Александру съ жалобою на него, и велѣлъ генералу Гедувилю вручить это письмо Императору на особой аудіенціи. Генералъ Гедувиль сообщилъ мнѣ, что Императоръ принялъ письмо очень хорошо и не одобрилъ Маркова. Но потомъ, въ Совѣтѣ, графъ Воронцовъ замѣтилъ, что нужно всегда защищать своего министра, даже если онъ достоинъ осужденія, особенно противъ правительства несамодержавнаго и противъ такого человѣка, какъ Бонапартъ. Съ нимъ согласились и, въ знакъ одобренія, Маркову послали голубую ленту Св. Андрея и позволеніе ѣхать въ отпускъ въ Россію. Марковъ поспѣшилъ явиться на аудіенцію къ первому консулу, съ ироническою радостью на своемъ діавольскомъ лицѣ и въ новой лентѣ, которою онъ хвалился, говоря, что только что получилъ ее отъ своего Государя, съ позволеніемъ оставить должность, о чемъ онъ самъ давно ходатайствовалъ.

Послѣ этого нечего было сомнѣваться въ скоромъ разладѣ. Марковъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ всѣ думали, что онъ будетъ играть важную роль и пользоваться большимъ довѣріемъ; но Александръ, по скромности и недовѣрію къ себѣ, согласясь съ мнѣніемъ Совѣта, въ душѣ не могъ одобрить поведенія Маркова, и даже, казалось, сталъ питать къ нему явное отвращеніе, которому способствовала безъ сомнѣнія низость, тогда же сдѣланная этимъ человѣкомъ. Онъ купилъ въ Парижѣ по дешевой цѣнѣ много бронзы, пред-

---

*) Читатели замѣтятъ, что ненависть Наполеона къ графу А. И. Маркову сообщилась его простодушному генералъ-адъютанту. П. Б.

метовъ часоваго мастерства и другихъ вещей, очень рѣдкихъ, которыя нужно было въ Россіи оплатить пошлиной; но онъ провезъ все это въ Петербургъ въ видѣ посольской поклажи, неподлежащей оплатѣ. Впослѣдствіи онъ былъ настолько безсовѣстенъ, что выставилъ эти вещи на продажу въ магазинѣ, хотя и подъ чужимъ именемъ; но всѣ такъ хорошо знали истину, что я часто слышалъ, какъ въ обществѣ говорили: «Видѣли вы бронзу Маркова? Пойдемте посмотрѣть бронзу Маркова». Императора это раздражило. Маркову пришлось уѣхать отъ стыда въ свое имѣніе, а его унизительная спекуляція такъ уронила его въ общемъ мнѣніи, что онъ уже болѣе не появлялся на политическомъ горизонтѣ.

Александръ былъ вполнѣ искрененъ въ своемъ желаніи сохранить нейтралитетъ. Мягкость характера и чрезвычайная скромность, умалявшая въ его глазахъ величіе его собственныхъ достоинствъ, побуждали его бояться войны, или, по крайней мѣрѣ избѣгать ея. И еслибы не случилось необыкновеннаго событія, которымъ интрига сумѣла воспользоваться, чтобы поколебать его миролюбивое расположеніе, я думаю было бы очень трудно разсорить его съ Франціей. Этимъ событіемъ было извѣстіе о смерти герцога Ангіенскаго; изъ за него сыръ-боръ загорѣлся. При обыкновенномъ положеніи дѣлъ, если бы Бурбоны и занимали Французскій престолъ, Русскій дворъ, по обычаю и этикету, не носилъ бы траура по герцогѣ Ангіенскомъ. Императоръ совсѣмъ и не имѣлъ намѣренія дѣлать это; впрочемъ объ этомъ не было и не могло быть сдѣлано оффиціальнаго сообщенія, за отсутствіемъ дипломатическаго представителя Бурбоновъ, и маркизъ Ферте, хотя и агентъ Людовика XVIII-го, не былъ признаваемъ за таковаго. Но Императрица-мать, по чужимъ наущеніямъ, добилась отъ своего сына, чтобы трауръ при дворѣ былъ наложенъ. Генералъ Гедувиль не могъ конечно признавать этого траура *), и ему слѣдовало по крайней мѣрѣ являться въ обществѣ какъ возможно рѣже. Его жена, молодая особа изъ стариннаго рода, но получившая во время революціи очень небрежное воспитаніе и очень неосторожная въ обращеніи.

---

*) Что злосчастный трауръ надѣтъ былъ по настоянію Маріи Ѳедоровны (знавшей герцога Ангіенскаго еще въ Парижѣ въ 1781 году и потомъ въ Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ съ принцемъ Конде), въ этомъ согласны всѣ историческія свидѣтельства; но графъ Гогендорпъ, можетъ быть, не узналъ про дерзкую депешу перваго консула, привезенную въ Петербургъ однимъ изъ убійцъ герцога и обращенную къ Александру Павловичу. Въ этой депешѣ проклятый Корсиканецъ (l'infâme Corse, какъ его тогда называли) заявлялъ, что герцогъ Ангіенскій ему не родня и онъ устранилъ его, побуждаемый чувствомъ самозащиты, но что онъ спрашиваетъ, что бы сдѣлалъ Александръ Павловичъ съ нанятыми Англіей злоумышленниками на жизнь его отца, если бы въ его власти было извести ихъ. Депеша напечатана у Биньона. П. Б.

пріѣхала на большое собраніе къ князю Бѣлосельскому въ цвѣтномъ платьѣ, между тѣмъ какъ всѣ Русскія дамы были въ траурѣ, а нѣкоторыя, изъ подражанія модѣ, даже въ глубокомъ. Отъ нея сторонились, надѣлали ей почти грубостей, она расплакалась и принуждена была удалиться. Мужа ея не было, я не знаю почему. Но его самого дурно приняли въ нѣсколькихъ домахъ, хотя и безъ прямыхъ оскорбленій. Онъ былъ чрезвычайно мягкаго характера, держалъ себя какъ придворный человѣкъ и пользовался большимъ личнымъ уваженіемъ.

Англія воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы раздуть несогласіе черезъ своихъ агентовъ явныхъ и тайныхъ. Ихъ число, и безъ того значительное, увеличилось еще новыми посланцами. Большая часть Русскихъ вельможъ изъ за выгодъ была на сторонѣ Англіи и предубѣждена противъ Франціи, и это было тѣмъ болѣе странно, что, по нравамъ, обычаямъ и даже одеждѣ, они болѣе приближаются къ Французамъ, языкомъ которыхъ вообще говорятъ лучше чѣмъ какая либо другая нація; и когда миръ дозволяетъ имъ путешествовать, они всегда отправляются во Францію, между тѣмъ какъ въ Англіи бываютъ очень рѣдко. Но такъ какъ всѣ они крупные помѣщики и получаютъ доходъ съ своихъ крестьянъ (крѣпостныхъ или скорѣе рабовъ) естественными или сырыми произведеніями, которыя они могутъ обратить въ деньги только ведя торговлю съ иностранцами: то, въ случаѣ войны съ Англичанами, эти послѣдніе не только не могли бы скупать произведенія ихъ деревень, но помѣшали бы и другимъ народамъ, что́ заставило бы помѣщиковъ понизить цѣну почти на половину и потерпѣть значительные убытки. Несомнѣнно, что боязнь войны съ Англіей, на которую, казалось, рѣшился императоръ Павелъ, была причиною катастрофы, жертвою которой онъ сдѣлался. Отвращеніе же Русскихъ вельможъ къ Франціи происходило вслѣдствіе революціи: ея начала были имъ конечно ненавистны.

Хотя всѣ Европейскіе дворы, за исключеніемъ Англіи и Россіи, тотчасъ же признали титулъ Императора, который только что принялъ Наполеонъ, но почти всѣ старались тайно побудить Александра къ новому союзу противъ Франціи и, чтобы достигнуть этой цѣли, ихъ министры занимались всяческими происками въ Петербургѣ.

Австрійскій посланникъ, графъ Стадіонъ былъ не менѣе другихъ дѣятеленъ; но его дворъ, считая вѣроятно его одного недостаточно сильнымъ, прислалъ ему на помощь полковника Стутергейма и знаменитаго Поццо-ди-Борго. Первый изъ нихъ офицеръ по чину, по происхожденію Саксонецъ, вступившій въ Австрійскую службу, былъ посланъ подъ предлогомъ обученія службѣ и военнымъ пріемамъ новаго уланскаго полка, который учреждалъ великій князь Константинъ. Это давало

ему возможность безпрестанно быть съ Великимъ Княземъ и часто видѣть Императора. Ступергеймъ, еще молодой человѣкъ, пылкій и предпріимчивый, желалъ возвыситься во что бы ни стало; онъ думалъ, что война съ Французами, которыхъ онъ душевно ненавидѣлъ, представитъ къ этому самый удобный случай. Поццо-ди-Борго, Корсиканецъ, хорошо зналъ Наполеона, когда оба они были еще молоды. Онъ былъ депутатомъ въ одномъ изъ первыхъ національныхъ собраній Франціи, потомъ перешелъ на сторону Паоли и соединился съ тѣми, которые продали свое отечество Англіи; это доставило ему милость и довѣріе лорда Минто. Сей послѣдній, принужденный оставить Корсику, увезъ его съ собой въ Вѣну. Изъ множества враговъ Наполеона это былъ вѣроятно самый закоренѣлый и самый неумолимый. Онъ, казалось, посвятилъ свою жизнь и всѣ способности, чтобы, насколько возможно, вредить ему. Стадіонъ представилъ его ко двору и въ обществѣ. Но такъ какъ этого было недостаточно, то постарались, черезъ посредство полковника Ступергейма и другихъ, посвященныхъ въ эти происки, познакомить его съ приближенными Императора, которые жили во дворцѣ и къ которымъ иногда онъ заходилъ по утрамъ. Поццо-ди-Борго разсказывалъ Александру въ видѣ анекдотовъ все, что злоба и клевета могли выдумать самаго дурнаго про Наполеона. Такъ какъ онъ передавалъ, хотя съ осмотрительностью, тѣ-же разсказы и въ обществѣ, то естественно они такимъ образомъ распространялись и, наконецъ, дошли до меня. Этотъ ядъ не замедлилъ подѣйствовать, и этому гнусному средству можно приписать вліяніе на событія, удивившія Европу. Въ послѣдствіи узнали, какую роль игралъ Поццо-ди-Борго. Я не стану о томъ говорить; но во всѣ времена великія событія происходили отъ ничтожныхъ причинъ и совершались людьми очень посредственными.

Россія не назначила другаго министра на мѣсто Маркова и не признала Наполеона императоромъ. Генералъ Гедувиль получилъ предписаніе оставить Петербургъ. Тамъ остался г-нъ Реневаль повѣреннымъ въ дѣлахъ, такъ какъ положительнаго разрыва еще не произошло. Но свѣдущія лица не могли болѣе сомнѣваться въ существованіи новаго союза. Это считалось тайною, и князь Чарторижскій, не будучи приглашаемъ на конференцію со времени отъѣзда генерала Гедувиля, сказалъ мнѣ, что онъ получилъ приказаніе отъ Императора объявить мнѣ, что, не смотря на непріятности, которыя только что произошли между Россіей и Франціей и послѣдствія, которыя они могутъ имѣть, Его Величество сохранилъ и всегда будетъ сохранять прежнія чувства дружбы и благосклонности къ Батавской республикѣ. Князь Чарторижскій просилъ меня сообщить о томъ какъ можно скорѣе

моему правительству. Я отвѣчалъ, что не замедлю сдѣлать это и впередъ осмѣливаюсь увѣрить его, что правительство республики сумѣетъ достойно оцѣнить этотъ новый знакъ благосклонности, которую Императору угодно оказать ему въ этомъ случаѣ, но что въ тоже время я считаю себя обязаннымъ замѣтить, что республика, связанная съ Франціей тѣснымъ союзомъ посредствомъ торжественныхъ договоровъ, всегда будетъ считать себя обязанною слѣдовать политическому направленію этой державы. Такъ какъ республика наша признала Наполеона императоромъ, то я не могъ, говоря о немъ, называть его иначе. Князь Чарторижскій мнѣ сказалъ: «Да о комъ вы говорите?»—Я отвѣчалъ: «О Французскомъ императорѣ Наполеонѣ».—«Но мы не признаемъ его за таковаго», возразилъ князь. «Очень можетъ быть, что это такъ; но такъ какъ моя страна и правительство признали его за императора и даже тѣсно связаны съ нимъ, то я обязанъ никогда не называть его иначе». И мы продолжали разговоръ, князь, называя его первымъ консуломъ или Бонапартомъ, а я императоромъ. Я поспѣшилъ передать своему правительству извѣстіе объ этомъ и получилъ полное одобреніе.

Это было весной 1805 года. Стало ясно, что взрывъ приближался. Моя жена только что разрѣшилась отъ бремени во второй разъ и сама кормила ребенка, такъ что я опасался путешествія зимою, еслибы раздоръ вспыхнулъ въ это время. Я попросилъ у правительства и получилъ позволеніе поѣхать въ отпускъ въ Голландію. Когда я объявилъ о томъ князю Чарторижскому, онъ, казалось, былъ этимъ смущенъ, думая, не угадалъ ли я то, что̀ онъ и его сообщники хотѣли скрывать какъ можно долѣе. Прощаясь съ Императоромъ, я сказалъ ему, что надѣюсь скоро возвратиться; онъ мнѣ отвѣчалъ: «О, вы не вернетесь сюда». Потомъ онъ прибавилъ: «Вы займете важную должность въ Восточной Индіи». Я полагаю, что графъ Стакельбергъ, его министръ въ Голландіи, писалъ ему объ этомъ, такъ какъ дѣйствительно въ нашемъ правительствѣ была большая партія, думавшая, что необходимо послать меня въ Индію, чтобы ввести тамъ новую систему управленія. Александръ обратилъ въ это время свои взгляды на Востокъ и отправлялъ двухъ посланниковъ, одного въ Японію, а другаго въ Китай. Генералъ Фанъ-Сухтеленъ, Голландецъ по происхожденію, находившійся въ Русской службѣ начальникомъ инженернаго корпуса, мой пріятель, пришелъ однажды ко мнѣ съ камергеромъ Рязановымъ, назначеннымъ въ первое посольство, чтобы мнѣ его представить и попросить меня отъ имени Императора дать ему нѣкоторыя свѣдѣнія о Японіи, также о паспортахъ и пропускныхъ письмахъ къ правителямъ и начальникамъ Голландскихъ

конторъ или другихъ государствъ, куда бы они могли зайти во время путешествія. Я ни минуты не колебался удовлетворить желаніе Его Величества, не смотря на систему исключенія и тайны, сохраняемую по поводу нашихъ владѣній и особенно относительно Японіи правителями Индійской Компаніи. Я сообщилъ Рязанову всѣ свѣдѣнія, которыя я прежде могъ получить о странѣ, куда его посылали, но гдѣ самъ я никогда не былъ. Тогда же я далъ ему паспорты, какихъ онъ желалъ, и необходимыя письма къ правителямъ и начальникамъ нашихъ учрежденій, не скрывъ однако отъ него своего мнѣнія, что онъ не достигнетъ цѣли своего посольства и что ему едва ли удастся получить аудіенцію у Японскаго императора или даже только позволенія съѣздить изъ Нангасаки (единственнаго порта, гдѣ они будутъ приняты) въ столицу Имперіи Іеддо. Событія вполнѣ оправдали то, что́ я говорилъ тогда, какъ это можно видѣть изъ произведеній капитана Крузенштерна, командира экспедиціи, и господина Лангсдорфа, который составилъ объ этомъ очень хорошее повѣствованіе. Японцы, также какъ и Китайцы, не заботятся о поддержаніи политической связи съ Европейскими народами и даже о торговыхъ связяхъ думаютъ лишь настолько, насколько имъ выгодно, и то съ ограниченіями, которыхъ требуетъ завистливая и недовѣрчивая политика. Рязановъ прислалъ мнѣ черезъ Батавію большую связку писемъ къ Императору Александру. Я получилъ ихъ въ Гагѣ въ 1806 г., во время войны, и позаботился переслать Его Императорскому Величеству черезъ посредство г-на Бассе, генеральнаго консула республики, жившаго постоянно въ Петербургѣ.

Я былъ почти убѣжденъ, что и посольство въ Китай, графа Головкина, будетъ имѣть также мало успѣха, какъ и Японское, и это мнѣніе еще болѣе укрѣпилось во мнѣ по довольно-странному случаю. Я часто встрѣчалъ у моихъ знакомыхъ патера Грубера, настоятеля Іезуитовъ въ Россіи, гдѣ эти отцы пользовались тогда большимъ довѣріемъ, и изъ разговоровъ, которые у насъ были съ нимъ относительно Китая и миссій въ этой странѣ, я понялъ ясно (хотя отецъ Груберъ былъ очень хитеръ и дальновиденъ), что Іезуиты, хлопотавшіе, чтобы не допустить посольство лорда Макартнея въ Пекинъ, хвалились этимъ и намѣревались не пустить также посольство графа Головкина и всѣ другія, которыя государства Европы вздумали бы послать туда. Я осмѣлился однажды утверждать во время спора, бывшаго у меня по этому поводу съ графомъ Местромъ, министромъ Сардинскимъ (человѣкомъ очень умнымъ и значительно превосходящимъ меня въ краснорѣчіи и знаніи), что эти отцы очень опасны для всѣхъ

странъ, гдѣ ихъ принимаютъ, и что черезъ нѣсколько лѣтъ вынуждены будутъ изгнать ихъ изъ Петербурга, что̀ дѣйствительно случилось.

Я пробылъ въ Петербургѣ два года и могу похвалиться хорошимъ пріемомъ, который намъ оказывали.

*

30 т. флориновъ въ годъ, которые получалъ графъ Гогендорпъ отъ своего правительства, составляли тогдашнихъ 18 т. рублей, и онъ едва могъ на нихъ жить, по Петербургской дороговизнѣ.

Когда водворился въ Голландіи король Людовикъ, графъ Гогендорпъ былъ у него военнымъ министромъ и потомъ главнокомандующимъ Голландскими войсками. Въ 1808 г. видимъ его посланникомъ въ Вѣнѣ, гдѣ, по его словамъ, у нашей княгини Багратіонъ (внучатной племянницы князя Потемкина-Таврическаго) собирались ожесточенные противники Наполеона. Онъ хвалитъ не только ея красоту, но и умъ. По присоединеніи Голландіи къ Франціи, Наполеонъ сдѣлалъ графа Гогендорпа своимъ генералъ-адъютантомъ и графомъ. Онъ сопровождалъ своего новаго государя по Голландіи. Въ Сардамѣ, при осмотрѣ домика Петра Великаго, Наполеонъ выразился, что можно бы для блага страны своей заниматься чѣмъ либо получше, чѣмъ плотничнымъ дѣломъ *). Въ 1811 г. авторъ записокъ уже генералъ-губернаторомъ Восточной Пруссіи, а въ слѣдующемъ году Литвы. Немало дурнаго (согласно съ Н. Н. Муравьевымъ), говоритъ онъ о перешедшемъ потомъ въ нашу службу генералѣ Жомини. Въ его разсказѣ о походѣ 1812 года не встрѣтили мы ничего доселѣ неизвѣстнаго. Поприще свое графъ Гогендорпъ кончилъ губернаторомъ Гамбурга, откуда въ 1815 году, послѣ паденія Наполеона, долженъ былъ бѣжать въ Южную Америку, гдѣ жилъ въ бѣдности и гдѣ его встрѣтилъ извѣстный путешественникъ Араго. П. Б.

---

*) Любопытно, что тоже самое говорила княгиня Дашкова. Не знаемъ, правда ли, но увѣряютъ, будто домикъ этотъ нынѣ купленъ Россіею. Попытку продать его Голландцы дѣлали еще при Екатеринѣ Великой, которая однако не сочла нужнымъ тратиться на его сохраненіе. Въ самомъ дѣлѣ, если бы пресловутый домикъ и совсѣмъ разрушился отъ времени, въ накладѣ были бы только мѣстные жители: пора памяти Петра Великаго не нуждаться въ немъ. П. Б.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ПОЛВѢКА НАЗАДЪ.

Воспоминанія бывшаго студента.

„Блеснуть искусствомъ я нимало не искалъ;
Что̀ сильно чувствовалъ—то смѣло написалъ".
А. Нахимовъ.

I.

Подготовка къ университету.

...Когда попытки мои поступить въ одно спеціальное военно-учебное заведеніе не увѣнчались успѣхомъ, то хорошій знакомый моего отца, инспекторъ 1-й Петербургской гимназіи *Шт.*, посовѣтывалъ попытать мнѣ счастія на другомъ поприщѣ: онъ взялся приготовить меня къ университету въ своемъ частномъ пансіонѣ, въ теченіи одного года. Самонадѣянность и увѣренность прибалтійскаго Нѣмца и питомца Дерптскаго университета можно объяснить невысокимъ мнѣніемъ его объ уровнѣ образованія въ Русскихъ университетахъ. Положимъ, *Шт—у* было извѣстно, что я прошелъ нѣсколько классовъ одной провинціальной гимназіи; но сколько я оттуда вынесъ, что̀ я удержалъ въ памяти, напр. изъ Латинской грамматики, объ этомъ онъ даже не позаботился меня спросить. *Шт.* былъ типомъ Нѣмецкаго начальника учебнаго заведенія и педагога старыхъ временъ, а потому позволяю себѣ нѣсколько остановиться на этой личности, представляющей немало выдающихся чертъ.

Впослѣдствіи *Шт.*, подвигаясь постепенно на служебномъ поприщѣ, былъ директоромъ 1-й С.-Петербургской гимназіи, за тѣмъ директоромъ Горы-Горецкаго сельско-хозяйственнаго института и, наконецъ, попечителемъ Казанскаго округа. Эту послѣднюю высокую должность получилъ онъ благодаря покровительству В. К. Елены Павловны, при которой братъ его занималъ должность секретаря. Передъ тѣмъ *Шт.* только что лишенъ былъ весьма тепленькаго мѣстечка въ Горкахъ. Говорили, что онъ уже слишкомъ беззастѣнчиво пользовался тамъ казеннымъ пирогомъ, и начальствованіе надъ обширнымъ и богатымъ заве-

деніемъ до того вскружило ему голову, что онъ усвоилъ себѣ обыкновеніе класть резолюцію на дѣловыхъ бумагахъ словами: «быть по сему», что̀ разумѣется было черезъ чуръ заносчиво и вызвало негодованіе свыше.

Въ 1835 г., директоромъ 1-й С.-Петербургской, такъ называемой *благородной*, гимназіи (туда могли поступать только дѣти потомственныхъ дворянъ), былъ Б., нѣкогда инженеръ путей сообщенія, человѣкъ по видимому слабо-характерный, ибо предоставлялъ инспектору Шт. полновластно распоряжаться въ заведеніи не только учебною, но и хозяйственною частью. Будучи нрава деспотическаго, *Шт.* прибралъ въ гимназіи все и всѣхъ къ своимъ рукамъ: воспитанники, учителя, гувернеры, экономъ, все дрожало при видѣ его колоссальной фигуры. Не забывалъ онъ также и своихъ личныхъ выгодъ. Безконтрольное хозяйничанье въ гимназіи было тѣмъ возможнѣе, что главнымъ начальникомъ ея была личность весьма гуманная, невзыскательная; притомъ же, сыновья этой особы воспитывались въ той же гимназіи. *Шт.* былъ обязанъ своимъ инспекторствомъ протекціи знаменитаго адмирала *Крузенштерна*, директора морскаго кадетскаго корпуса, на дальней родственницѣ котораго онъ былъ женатъ.

Возвысившись внезапно изъ мелкой должности учителя Нѣмецкаго языка въ Морскомъ корпусѣ до поста начальническаго, *Шт.* прежде всего позаботился о роскошномъ для себя помѣщеніи въ зданіи гимназіи. Ему былъ отведенъ отдѣльный флигель съ 12-ю прекрасными комнатами и людской, и сверхъ того помѣщеніе для гувернеровъ его частнаго пансіона. Все это конечно отоплялось и освѣщалось на казенный счетъ. Мало того: хлѣбъ, какъ ржаной, такъ и бѣлый, шелъ для всего инспекторскаго пансіона (около 25 воспитанниковъ) изъ гимназической пекарни; даже кисель, изготовленный для гимназистовъ, появлялся въ тотъ же день на столѣ у насъ-пансіонеровъ. Наконецъ, и гимназическая прислуга несла кой-какія обязанности при пансіонѣ. Понятно, что гимназическіе преподаватели тоже не могли уберечься отъ бо̀льшей или мѐньшей эксплоатаціи своего разсчетливаго начальника. Нѣкоторые изъ нихъ, чтобы не прогнѣвить его, вынуждены были преподавать въ пансіонѣ, если не безвозмездно, то за весьма мизерную плату.

Свидѣтельствомъ такой понудительной системы можетъ служить безцеремонное отношеніе къ урокамъ въ пансіонѣ, которое позволялъ себѣ извѣстный въ свое время преподаватель математики *Шелейховскій*. *Кондратій Шелейховскій* былъ Полякъ, воспитывался въ Педагогическомъ Институтѣ и состоялъ преподавателемъ математики въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ первые годы его осно-

ванія. Эта оригинальная личность, прозванная въ военно-учебныхъ заведеніяхъ Квадратомъ Антоновичемъ, не могла имѣть недостатка въ хорошо оплачиваемыхъ урокахъ, а потому занятія въ пансіонѣ инспектора, за грошевое вознагражденіе, не представляли ему ничего привлекательнаго. Отличаясь мягкостью характера и, какъ всѣ математики, большою разсѣянностью и застѣнчивостью, добрякъ *Шелейховскій* не имѣлъ довольно мужества, чтобы отказаться отъ исполненія начальнической *просьбы,* но находилъ свое удовлетвореніе въ томъ, что дозволялъ себѣ пропускать уроки въ нашемъ пансіонѣ: дастъ два урока, а третій непремѣнно пропуститъ. Такъ какъ намъ, приготовлявшимся въ университетъ, нужно было пройти почти весь гимназическій курсъ математики въ одинъ годъ, то конечно такой прогулъ преподавателя долженъ былъ вредно отзываться на нашихъ успѣхахъ по этому предмету.

Помню, въ самое спѣшное время, когда приближались пріемныя испытанія, нашъ Кондратій Антоновичъ забастовалъ. Я и мой товарищъ (насъ только двое готовились въ университетъ; остальные пансіонеры *Шт.* были гораздо моложе насъ и приготовлялись въ различныя среднія учебныя заведенія) вынуждены были, по совѣту *Шт.*, взимавшаго за наше приготовленіе значительную для того времени плату (2 тыс. руб. асс.), отправиться на поиски за пропавшимъ учителемъ и упрашивать его не покидать насъ въ трудную минуту. И такая процедура повторялась не разъ; ибо *Шелейховскій,* уступая нашимъ просьбамъ, являлся на 2, на 3 урока, а потомъ вновь исчезалъ.

Кромѣ гимназическихъ учителей въ нашемъ пансіонѣ было нѣсколько преподавателей Морскаго Кадетскаго корпуса. Всѣ эти господа не имѣли университетскаго образованія, и уровень ихъ познаній былъ довольно низкій; но про одного изъ нихъ, учителя словесности Зотова я всегда вспоминалъ съ благодарностью: это былъ замѣчательный педагогъ-автодидактъ, находившійся почему-то въ загонѣ у своего корпуснаго начальства.

Въ своемъ пансіонѣ Латинскому языку обучалъ самъ *Шт.* и обучалъ довольно оригинальнымъ образомъ. Когда ему вздумается, онъ призывалъ насъ двоихъ къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ, растянувшись на диванѣ, заставлялъ переводить *Саллюстія* или съ Русскаго на Латинскій изъ учебника *Беллюстина.* Объ упражненіяхъ въ правилахъ Латинской грамматики не было и помину. Я еще вынесъ изъ младшихъ классовъ гимназіи кое-какія знанія изъ этаго предмета; но мой товарищъ, зрѣлый юноша, получившій довольно плохое домашнее образованіе въ деревенской глуши, не умѣлъ даже правильно читать по-латыни. Неудивительно, что оба мы не отличились на пріемномъ

университетскомъ экзаменѣ: я изъ Латинскаго языка получилъ весьма посредственную отмѣтку, а мой товарищъ кругленькій нуль; а такъ какъ за этимъ нулемъ у него послѣдовалъ еще другой, изъ иностранныхъ языковъ, то бѣдняга провалился окончательно и не былъ удостоенъ званія студента. Обладая однакожъ хорошей памятью и замѣчательной усидчивостью, онъ не впалъ въ уныніе, но сталъ посѣщать университетскія лекціи, первоначально въ качествѣ вольнаго слушателя, а потомъ и студента и окончилъ курсъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ. Оказалось, что и въ наукѣ храбрость города беретъ. Я же, при моей сравнительно-лучшей подготовкѣ, не былъ въ состояніи одолѣть эту проклятую «феноменологію» *) и потому просидѣлъ лишній годъ на первомъ курсѣ. Помню, какъ послѣ первой же лекціи профессора Фишера, пришедъ домой и убѣдясь, что я изъ нея ничего не вынесъ, я съ досады и отчаянія заплакалъ. Я не обладалъ подобно моему товарищу способностью удержать въ памяти то, что не было усвоено моимъ разсудкомъ; между тѣмъ практическая жизнь свидѣтельствуетъ, что выдвигаются впередъ на служебномъ и другихъ поприщахъ преимущественно тѣ изъ ея дѣятелей, которые, умѣя пользоваться чужимъ умомъ, обращаютъ на себя вниманіе бойкостью рѣчи.

II.

Въ университетѣ.

Тогда существовали строгія постановленія не допускать къ пріемнымъ экзаменамъ въ университетъ молодыхъ людей, не окончившихъ полнаго курса въ гимназіи; и въ тоже самое время въ университетскія двери совершенно свободно входили молодые люди не бывшіе въ гимназіяхъ, съ кое-какимъ домашнимъ воспитаніемъ, безъ всякаго свидѣтельства зрѣлости. Такъ одинъ изъ моихъ товарищей хвалился тѣмъ, что онъ удовлетворительно отвѣчалъ на попавшійся ему билетъ изъ Русской исторіи, благодаря лишь тому, что не задолго передъ пріемнымъ экзаменомъ онъ прочелъ романъ Булгарина «Димитрій Самозванецъ». Другой разсказывалъ, что надулъ экзаменатора (Никитенку), унеся съ собою данную профессоромъ тему для сочиненія, которое и было написано дòма съ помощью учителя. Третій былъ принятъ въ число студентовъ, не смотря на то, что не съумѣлъ на экзаменѣ рѣшить ариѳметическую

---

*) „Феноменологіей духа“ называлась та философія, которую читалъ намъ на первомъ курсѣ профессоръ Фишеръ.

задачу—извлеченіе кубическаго корня: узнавъ, что экзаменующійся намѣренъ идти не по математическому факультету, снисходительный экзаменаторъ поставилъ ему невинную двойку.

Сколько могу припомнить, экзаменаторами нашими были профессора *Грефе*, *Фрейтагъ*, *Устряловъ*, *Никитенко*, *Порошинъ* и *Сенъ-Жульенъ*. Всѣ они относились къ своимъ обязанностямъ довольно равнодушно, исключая развѣ горячившагося Французика: онъ грубо покрикивалъ на тѣхъ, которые слишкомъ долго засиживались надъ заданными переводами и сочиненіями.

Университетъ въ 1836 году находился въ Кабинетской улицѣ, противъ Семеновскихъ казармъ, въ томъ самомъ зданіи, гдѣ нынѣ помѣщается Синодальное подворье. Зданіе это было деревянное, невзрачное; помѣщеніе въ немъ было крайне тѣсное. Нерѣдко профессора вмѣстѣ со студентами бродили изъ одной аудиторіи въ другую, не находя себѣ нигдѣ пріюта. Естественникамъ и оріенталистамъ (послѣднихъ было не болѣе пяти) часто приходилось слушать лекціи въ нетопленномъ, натуральномъ кабинетѣ, гдѣ не было даже обыкновенныхъ столовъ.

Нашъ попечитель князь *М. А. Дондуковъ-Корсаковъ* наружностью своею напоминалъ типъ Французскаго маркиза, тѣмъ болѣе что любилъ обращаться къ студентамъ преимущественно аристократическаго кружка съ длинными рѣчами на Французскомъ «діалектѣ». По поводу какихъ-либо невинныхъ юношескихъ увлеченій, въ мягкихъ укоризнахъ, обращенныхъ къ лицамъ того же кружка, встрѣчались постоянно выраженія: esprit de corps и point d'honneur. Не меньшей гуманностью и деликатностью въ обращеніи съ профессорами и студентами отличался его помощникъ князь *Г. П. Волконскій*. Съ какимъ сожалѣніемъ смотрѣли мы на эту высокообразованную и артистическую личность, когда въ то тяжелое время князь обязанъ былъ, стоя въ университетской прихожей, наблюдать, чтобы студенты являлись въ университетъ въ трехугольной шляпѣ и при шпагѣ. Другихъ грѣховъ политическихъ противъ начальства, кромѣ несоблюденія формы и неотданія кому слѣдовало чести на улицѣ, студенты моего времени за собой не знавали. Этимъ добрѣйшимъ начальникамъ нашимъ, не смотря на всѣ ихъ попеченія, направленныя на столь *важный* предметъ въ университетскомъ образованіи, такъ и не удалось «подтянуть» молодежь, позволявшую себѣ вольнодумство подобнаго рода. Вѣроятно, вслѣдствіе этой неудачи и былъ вызванъ изъ Казани на попечительство свирѣпый *Мусинъ-Пушкинъ*.

Однажды, уже по выходѣ изъ университета, я былъ свидѣтелемъ его деспотическихъ замашекъ, обрушившихся на будущаго профессора Ведрова, защищавшаго свою магистерскую диссертацію. Когда, въ жару

диспута, Ведровъ позволилъ себѣ поострить надъ однимъ выраженіемъ возражавшаго ему проф. *Калмыкова*, то возмущенный смѣлостью молодаго человѣка и не умѣвшій себя сдерживать попечитель, при многочисленной публикѣ, крикнулъ на него: «за подобныя слова я васъ прогоню съ каѳедры». Несчастный магистрантъ, будучи казеннымъ стипендіатомъ, принужденъ былъ проглотить эту обиду.

Въ первые годы моего пребыванія въ университетѣ въ должности ректора состоялъ *И. П. Шульгинъ*. Сурово было выраженіе его некрасиваго лица и непривѣтливо обращеніе со студентами. Совершенно противуположнаго типа былъ его преемникъ, съ 1840 года, добродушный и всегда доступный *П. А. Плетневъ*.

Инспекторъ студентовъ *Н. П. Филиппова* вообще слылъ за человѣка добраго и снисходительнаго къ грѣшкамъ молодежи. Увѣряли, что онъ при случаѣ даже не прочь былъ съ ней вмѣстѣ кутнуть *).

Впрочемъ, мы, своекоштные студенты, имѣли мало соприкосновеній съ инспекціей. Чаще всего, при исполненіи разныхъ формальностей, приходилось имѣть дѣло съ однимъ изъ помощниковъ инспектора *Вакаромъ*. Эту личность студенты почему-то не долюбливали; напротивъ, субъ-инспекторы *Д. К. Грейсонъ* и *Сартори* пользовались нашимъ уваженіемъ.

Пріемъ 1836 года отличался чрезвычайнымъ наплывомъ молодыхъ людей изъ аристократическихъ фамилій. Припоминаю князей *Лобанова-Ростовскаго*, *Барятинскаго*, *Кочубея*, *Голицына*, *Дондукова-Корсакова*, графовъ *Комаровскаго*, *Игельштрома*, *Келлера*; за тѣмъ *Галагина*, *М. Н. Лонгинова* и др. Составляя одинъ сплоченный кружокъ со своими однородцами, товарищами той же среды предыдущихъ пріемовъ (кн. *Щербатовъ*, кн. *Васильчиковъ*, графы *Блудовы*, гр. *Толь*, баронъ *Николаи*, графъ *Рибопьеръ*), студенты-аристократы рѣзко отдѣлялись отъ остальной студенческой семьи, принадлежавшей къ классу minores gentes. Сообщались между собой члены этого кружка не иначе, какъ на Французскомъ языкѣ, пріѣзжали въ университетъ, по большей части, въ собственныхъ экипажахъ, отличались отъ другихъ студентовъ развязностью манеръ, которая нерѣдко заходила за границы приличія. Такъ напримѣръ, присвоили они себѣ право входить въ аудиторію и выходить изъ нея, когда имъ заблагоразсудится. Гг. профессора почему-то вовсе не обращали на это вниманія; можетъ быть и потому, что между нарушавшими порядокъ и приличіе находился также сынокъ ихъ начальника.

---

*) См. мою статью о студенческихъ корпораціяхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ „Русской Старинѣ“, 1881 г. кн. 2-я.

Красивой студенческой формой, которая дана была въ концѣ 1836 г. (замѣчательно, что первоначально дана была студентамъ только трехугольная шляпа безъ шпаги, а послѣдняя лишь спустя нѣсколько времени) привилегированная молодежь первое время замѣтно пренебрегала и предпочитала являться какъ въ университетъ, такъ и въ общество, въ штатскомъ платьѣ. Находились между этими «сливками студенчества» и такіе, которыхъ предусмотрительные родители отпускали на лекціи не иначе какъ вмѣстѣ съ гувернерами. Послѣдніе, обыкновенно услужливые Французы, сопровождали своихъ милыхъ питомцевъ также въ биржевыя лавки и другія злачныя мѣста. Этотъ же кружокъ студентовъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, присвоилъ себѣ право садиться на ближайшихъ къ профессорской каѳедрѣ скамьяхъ; такъ было по крайней мѣрѣ въ старомъ зданіи университета, и студенты-демократы, какъ бы сторонясь чуждой имъ сферы, не думали протестовать противъ этой привилегіи. О нѣкоторыхъ изъ этихъ аристократовъ разсказывали, что они приняты были въ университетъ лишь благодаря частнымъ, дорого-оплаченнымъ урокамъ у экзаменаторовъ, незадолго передъ экзаменомъ.

Все это взятое вмѣстѣ не могло не породить замѣтнаго антагонизма между студентами-аристократами и тѣми изъ ихъ товарищей, которые не принадлежали къ этому кружку. Первымъ поводомъ къ проявленію затаенной вражды послужилъ памфлетъ, появившійся на стѣнѣ большой аудиторіи, въ которомъ неизвѣстный авторъ подтрунивалъ надъ кутейническимъ происхожденіемъ одного изъ аристократовъ, именно М. Н. Лонгинова. Какъ и слѣдовало ожидать, такая обида произвела сильное волненіе въ средѣ послѣднихъ; даже заговорили о необходимости настоять на исключеніи автора памфлета, если его откроютъ, что̀ однакожъ не удалось.

Свободное отъ лекцій время (а его было въ волю, такъ какъ репетиціи случались не часто, да и не у всѣхъ профессоровъ, а составленіемъ записокъ занимались, надѣясь на позаимствованіе отъ товарищей, очень немногіе) университетская молодежь, какъ и всякая другая, или посвящала картамъ (было нѣсколько охотниковъ и до азартныхъ игръ), или посѣщенію танцклассовъ, замѣнявшихъ въ то время нынѣшніе танцовальные вечера въ клубахъ и другихъ увеселительныхъ мѣстъ, или изрѣдка кутежамъ.

Послѣдніе практиковались наиболѣе въ корпораціяхъ, организованныхъ по образцу Дерптскихъ, если не ошибаюсь, въ 1837 году. Основаніемъ своимъ корпораціи были обязаны все тому же аристократическому кружку. Первоначально была одна корпорація, вскорѣ раздѣлившаяся на двѣ: на Русскую (Ruthen) и Нѣмецкую (Baltica).

Число корпорантовъ было сравнительно очень не велико, едва ли достигало ста *), т.-е. пятой части всѣхъ студентовъ. Очевидно Нѣмецкія затѣи (комерши, фехтовальная зала, дуэли) приходились не по вкусу большинству моихъ Русскихъ товарищей. Впрочемъ, я этимъ не хочу сказать, чтобы разумная организація студенческихъ кружковъ у насъ вообще была невозможна или даже, какъ нѣкоторые утверждаютъ, вредна: опытъ жизненный говоритъ, что молодой человѣкъ гораздо охотнѣе подчиняется порядкамъ и дисциплинѣ, установленнымъ товарищескимъ кодексомъ, нежели полицейскому надзору начальства, точно также какъ и всякій человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ сообразуетъ свое поведеніе не столько съ установленіями Свода Законовъ, какъ съ порядками и правилами приличія того общества, въ которомъ онъ вращается. Не могу умолчать, что различные грязные поступки и безобразія студентовъ, случавшіяся въ мое время (кража шинели у товарища, оскорбленіе дѣйствіемъ въ аудиторіи и т. п.) выходили исключительно изъ среды лицъ, не принадлежавшихъ къ корпораціямъ.

Что касается до занятій студентовъ науками и уровня свѣдѣній вынесенныхъ ими изъ университета съ 1836 по 1840 гг., я съ сожалѣніемъ долженъ сознаться, что нелестный отзывъ, данный по этому предмету исторіографомъ С.-Петербургскаго университета *В. В. Григорьевымъ*, въ общихъ чертахъ не грѣшитъ противъ истины, хотя онъ и относится къ болѣе раннему періоду, ко времени студенчества самаго автора (1831—1835 гг.). «Жиденькое знаніе профессорскихъ тетрадокъ или печатныхъ учебниковъ, говоритъ *Григорьевъ* («Императ. С.-Петербургскій университетъ», Историческая Записка, составл. *В. В. Григорьевымъ*, стр. 104), испарявшееся со сдачею каждаго экзамена и оставлявшее въ головѣ только названіе пройденныхъ наукъ, смутное представленіе объ ихъ содержаніи и объемѣ, да случайно застрявшіе въ памяти факты и положенія: вотъ все что обыкновенно выносили тогда студенты изъ университета».

Съ 1837 года личный составъ преподавателей былъ болѣе или менѣе обновленъ свѣжими силами. Не берусь рѣшать, университету или чему другому нѣкоторые изъ питомцевъ его были обязаны тѣмъ, что пріобрѣли впослѣдствіи почетную извѣстность на различныхъ поприщахъ; но полагаю, что если между ними встрѣчаются такіе выдающіеся и полезные дѣятели, какъ *Грановскій*, *Григорьевъ*, *Печеринъ*, *Устряловъ*, *Никитенко*, *Чижовъ* (*Ѳ. В.*), *Кесслеръ*, *Жельзновъ*, *Цѣнковскій*, *М. П. Любощинскій*, *кн. Васильчиковъ*, *кн. Дондуковъ-Корсаковъ*

*) Подробнѣе о корпораціяхъ см. въ моей статьѣ въ „Русской Старинѣ", 1881 г. кн. 2-я.

Соловьевъ (*Я.*), *Г. П. Галаганъ*, *Домонтовичъ* (*К.*), *Шифнеръ*, *Тургеневъ* (*И. С.*)., *Майковъ* (*А. Н.*) и др. позднѣйшіе, то С.-Петербургскому университету нечего опасаться сравненія съ другими Русскими университетами. Несмотря на то, должно сознаться, что рѣдкій изъ студентовъ моего времени былъ знакомъ съ источниками и литературой преподававшихся предметовъ. Это подтверждаетъ и Григорьевъ, увѣряя, что если нѣкоторые питомцы С.-Петербургскаго университета и пріобрѣли позже почетную извѣстность, то были этимъ обязаны болѣе себѣ самимъ, нежели университету.

III.

Обращаясь къ характеристикѣ университетскихъ преподавателей, я долженъ прежде всего оговориться, что далека отъ меня мысль считать мои отзывы о нихъ непреложными. Чисто-личныя сужденія мои объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ основаны преимущественно на минутныхъ впечатлѣніяхъ юношескаго возраста, и потому вполнѣ отвѣтствуютъ моей задачѣ представить характеристику профессоровъ съ точки зрѣнія студентовъ моего времени, т. е. отзывами ихъ о своихъ преподавателяхъ охарактеризовать ихъ самихъ.

Первая лекція, на которой, если не измѣнила мнѣ память, намъ первокурсникамъ всѣхъ факультетовъ пришлось быть, была лекція профессора философіи *Фишера*. *Григорьевъ* въ своей «Запискѣ» называетъ выборъ *Фишера* «необыкновенно-удачнымъ» и увѣряетъ, что въ то время былъ нуженъ именно *Вѣнскій*, а не *Берлинскій* философъ. Не желалъ ли университетскій исторіографъ этими ироническими словами сказать, что студентамъ того времени была нужна скорѣе католическая (*Фишеръ* былъ католикъ и воспитанникъ іезуитскаго лицея), нежели протестанская философія, или, что Русскому студенту можно и вовсе обойтись безъ философіи, такъ какъ въ Вѣнѣ, при *Метернихѣ*, могла процвѣтать лишь іезуитская философія, т.-е. одно извращеніе науки философіи. Для меня, читавшаго въ то время съ большимъ интересомъ популярныя статьи о философіи *Кузена*, философія, преподаваемая *Фишеромъ*, была какой-то недоступною для пониманія схоластикой, и отзывъ *Григорьева* о ней, что она «просвѣтила сознаніе, не стуманивая головы слушателей», я могу приписать только его желанію сказать сарказмъ, или отдѣлаться казенной фразой.

Въ дѣйствительности же, если отъ философіи *Фишера* у студентовъ голова не отуманилась, то вѣроятно потому, что рѣдкій изъ насъ былъ въ состояніи ее понять, и никто ею серьезно не занимался. Еще менѣе можно допустить, чтобы она дѣйствовала просвѣтительно

на сознаніе слушателей; ибо можетъ ли то просвѣщать, что̀ не вполнѣ доступно пониманію? Сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ изъ учениковъ *Фишера* не вынесъ изъ университета любви къ преподаваемой имъ наукѣ, не сдѣлался ни Вѣнскимъ, а еще менѣе Берлинскимъ философомъ. За всѣмъ тѣмъ нельзя не признать, что *Фишеръ* обладалъ большой эрудиціей и замѣчательными способностями. Между студентами ходилъ неправдоподобный слухъ, будто онъ, пріѣхавъ въ Россію, первоначально жилъ уроками музыки и уже затѣмъ сдѣлался домашнимъ учителемъ у министра *Уварова*, которому и былъ обязанъ своей профессурой. Уже одно то говоритъ въ пользу его необыкновенныхъ способностей, что Фишеръ, послѣ недолгаго пребыванія въ Россіи, овладѣлъ Русскимъ языкомъ и, не читая по тетради, передавалъ по-русски въ правильныхъ и плавныхъ выраженіяхъ отвлеченныя философскія понятія, между тѣмъ какъ другіе его коллеги изъ иностранцевъ, напр., профессоръ *Грефе*, прожившій въ Россіи почти съ полвѣка, никогда не могли или не желали выучиться Русскому языку. *Фишеръ* въ своей Русской рѣчи напоминалъ Нѣмца лишь въ произношеніи буквы *л*.: онъ произносилъ ее твердо и тамъ гдѣ этого не слѣдуетъ. Такъ въ любимой имъ остротѣ на счетъ студентовъ изъ Прибалтійскихъ Нѣмцевъ, которые имѣли обыкновеніе не являться на репетиціи, онъ произносилъ: «наши бароны сегодня гу*л*аютъ». На курсѣ нашемъ было такихъ бароновъ съ полдюжины, и *Фишеръ*, желая потрунить надъ ними, вызывалъ ихъ всѣхъ подъ рядъ. Несмотря на свои нестарыя лѣта (около 40 лѣтъ), *Фишеръ* былъ совершенно сѣдъ, но глядѣлъ молодцомъ,—носилъ на шеѣ постоянно бѣлый на твердомъ подгалстучникѣ платокъ, что́ при его прямой, длинной и сухощавой фигурѣ придавало ему видъ «проглотившаго аршинъ». Со студентами Фишеръ держалъ себя крайне-сдержанно и говорилъ du haut de la cravate, какъ бы опасаясь уронить свое профессорское достоинство.

О лекціяхъ маститаго профессора Греческой словесности *Грефе* не берусь судить, такъ какъ, не будучи достаточно силенъ въ этомъ предметѣ, я ихъ не посѣщалъ; кромѣ того онѣ читались на Латинскомъ языкѣ. *Грефе* былъ деканомъ нашего факультета, и мы филологи обязаны были ежемѣсячно испрашивать его подпись на нашемъ печатномъ свидѣтельствѣ или видѣ для жительства. Въ этомъ свидѣтельствѣ были также пропечатаны на Латинскомъ языкѣ правила о нравственныхъ обязанностяхъ студентовъ; я увѣренъ, что по недостаточному знанію этого языка лишь немногіе изъ моихъ товарищей были въ состояніи понять ихъ смыслъ. Самая подпись декана на этомъ документѣ была пустой формальностью, такъ какъ свидѣтельствовала лишь о явленіи студента въ университетъ однажды въ мѣсяцъ. Впослѣдствіи

студенты перестали соблюдать этотъ лишній обрядъ, и никто изъ начальствующихъ не думалъ напоминать о немъ.

Какъ *Грефе*, такъ и профессоръ Латинской словесности *Фрейтагъ*, имѣли очень немного слушателей, какой-либо десятокъ. Хорошимъ знаніемъ классическихъ языковъ отличалось не болѣе 2—3 студентовъ (*Шифнеръ* изъ Ревельской гимназіи, впослѣдствіи извѣстный лингвистъ и академикъ, *Введенскій*, питомецъ Московской духовной академіи, извѣстный переводчикъ Диккенса и Текерея). Увѣряли, что одинъ изъ этихъ слушателей, Ш., преемникъ *Грефе* по каѳедрѣ Греческой словесности, обязанъ былъ своей профессурой лишь тому обстоятельству, что женился на его дочери. Здѣсь кстати замѣтить, что всѣ позднѣйшіе диѳирамбы Каткова и комп. о процвѣтаніи классическихъ языковъ въ министерство графа Уварова грѣшатъ сильнымъ преувеличеніемъ. Въ числѣ моихъ товарищей были окончившіе гимназическій курсъ первыми, и все таки они не могли понимать лекцій Грефе и Фрейтага. Выше я упрекнулъ *Грефе* незнаніемъ Русскаго языка. Примѣромъ пренебреженія къ государственному языку можетъ служить ходившій между нами разсказъ о немъ и профессорѣ *Фрейтагѣ*. Однажды эти два иностранца, великіе лингвисты, но плохіе знатоки Русскаго языка, встрѣтились на улицѣ, и одинъ другаго спрашиваетъ, откуда онъ идетъ. *Грефе*, шедшій изъ цирюльни, отвѣчалъ: «я стригалься». Слѣдуетъ сказать: «стригнулся», поправилъ его *Фрейтагъ*. Si non è vero... Профессорская дѣятельность *Грефе* гораздо плодотворнѣе, должно полагать, была въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, воспитанники котораго, состоя, въ большей части, изъ бывшихъ семинаристовъ, были лучше подготовлены къ слушанію его лекцій. Къ таковымъ принадлежитъ между прочими извѣстный филологъ *Н. М. Благовѣщенскій*, впослѣдствіи ректоръ Варшавскаго университета. Напротивъ, другой его ученикъ изъ того же заведенія и адъюнктъ *Грефе*, Иванъ Яковлевичъ (прозванный студентами Jean Jacques) *Соколовъ*, былъ одинъ изъ самыхъ бездарныхъ и потѣшныхъ университетскихъ преподавателей. Не берусь судить о томъ, насколько Соколовъ владѣлъ своимъ предметомъ; но онъ видимо тяготился его элементарнымъ преподаваніемъ и большую часть лекціи проводилъ въ пустыхъ разговорахъ со студентами. Однажды, напр., вздумалъ онъ намъ разсказывать, какъ, парясь въ банѣ, онъ былъ свидѣтелемъ сближенія *Булгарина съ Сенковскимъ*. Угловатыя манеры и странныя ужимки *Соколова* указывали въ немъ поповича чистѣйшей воды. Онъ изгибался передъ своимъ бывшимъ профессоромъ и покровителемъ Грефе и, когда говорилъ съ нимъ (не иначе какъ на Латинскомъ языкѣ), то всегда видимо робѣлъ и измѣнялся въ лицѣ.

Къ числу немногихъ любимыхъ профессоровъ несомнѣнно принадлежалъ *А. В. Никитенко.* Аудиторія его всегда была полна студентами. Рѣчь *Никитенки* отличалась плавностью и изяществомъ, была оживлена, даже иногда юношески восторжена. Что же касается предмета его лекцій, «теоріи прозаической и поэтической словесности», то не думаю, чтобы эта теорія обогатила кого-либо изъ слушателей положительными знаніями. Мнѣ всегда казалось, что вся эта блистательная импровизація симпатичнаго профессора была не что иное, какъ «переливаніе изъ пустаго въ порожнее». Дикція *Никитенки* сопровождалась всегда оживленной жестикуляціей; такъ при словѣ «изящное» онъ имѣлъ привычку поднимать вверхъ руку съ двумя пальцами, сложенными въ кольцо. Съ переводомъ университета изъ стараго зданія въ новое, лекціи его сдѣлались занимательнѣе: было опредѣлено, чтобы студенты однажды въ недѣлю читали въ аудиторіи свои сочиненія, разборъ которыхъ сопровождался довольно оживленными преніями. Руководствуясь, вѣроятно, желаніемъ поощрять молодые таланты, добрѣйшій профессоръ предсказывалъ нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей блистательную будущность на литературномъ поприщѣ. Такъ, восхищаясь стихотвореніемъ «Кубокъ», онъ ставилъ его автора, студента *Щеткина,* чуть-ли не на одну степень съ первостепенными поэтами. Болѣе удачнымъ пророчествомъ было то, которое относилось къ нашему маститому поэту *А. Н. Майкову,* первые поэтическіе опыты котораго были прочитаны весной 1838 г. въ аудиторіи *Никитенки.* Едва-ли не первый изъ всѣхъ университетскихъ преподавателей *Никитенко,* обращаясь къ своимъ слушателямъ, величалъ ихъ «милостивые государи». Его любили и за то, что онъ былъ всегда доступенъ и простъ въ обхожденіи, а что̀ было намъ еще болѣе пріятно, снисходителенъ на экзаменахъ.

И по должности цензора *Никитенко* оставилъ по себѣ хорошую память: извѣстно, что онъ приглашалъ къ себѣ авторовъ цензируемыхъ имъ сочиненій и совѣтовался съ ними относительно необходимыхъ въ рукописи измѣненій. Менѣе гуманно поступали его собратья по цензурѣ въ тогдашнія тяжкія для Русской печати времена. Одинъ изъ нихъ, пріобрѣтшій громкую извѣстность, И. А. Г., даже не допускалъ къ себѣ редакторовъ, являвшихся для объясненій. Признаюсь, и тогда, и потомъ, меня весьма смущало, что многіе изъ нашихъ выдающихся писателей, ничто же сумняся, принимали на себя иногда невольно угнетающую должность гасителей.

Не менѣе симпатичною личностью, какъ человѣкъ и какъ ректоръ, представлялся намъ неизмѣнный другъ *Пушкина—П. А. Плет-*

невъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе приносить съ собою на лекцію какую-то черную трость, которую вовсе не нуждаясь въ ней, не выпускалъ изъ рукъ; увѣряли, что эта трость досталась ему на память отъ Пушкина. Плетневъ съ рѣдкою въ начальникѣ снисходительностью выслушивалъ просьбы студентовъ и по возможности всегда удовлетворялъ ихъ. Благоволительная скромность принадлежала къ отличительнымъ чертамъ его характера. Одинъ изъ моихъ товарищей предпринялъ изданіе портретовъ нашихъ профессоровъ и, какъ подобало, пожелалъ начать съ портрета ректора. Стоило однакожъ много труда художнику уговорить *Плетнева* на сеансъ и заставить его надѣть орденъ (Владимира 3-й ст.). Несмотря на то, что портретъ вышелъ очень удачный, онъ плохо расходился; а потому и мысль объ изданіи портретовъ другихъ профессоровъ въ мое время не могла быть осуществлена. Въ послѣдствіи встрѣчались мнѣ литографированные портреты нѣкоторыхъ профессоровъ, но по сходству и исполненію они далеко уступали портрету *Плетнева*, исполненному извѣстнымъ художникомъ *Борисполъцемъ*.

Менѣе пріятныя воспоминанія вынесъ я о Плетневѣ, какъ о преподавателѣ Исторіи Русской Словесности. Присоединяюсь съ сожалѣніемъ къ строгому приговору *Григорьева*, что его лекціи «не поражали слушателей ни особенною новостью взглядовъ, ни глубиною мысли и еще менѣе ученостью». Задачу ознакомить слушателей со своими взглядами на извѣстный періодъ Русской литературы преподаватель понималъ довольно своеобразно. Я слушалъ его лекціи въ продолженіи трехъ курсовъ; два года подъ рядъ читалъ Плетневъ *Державина* и только на третій неожиданно перешелъ къ *Крылову*, не удостоивъ вниманія всѣхъ прочихъ дѣятелей Русской литературы. Бо́льшая часть лекцій посвящалась чтенію произведеній этихъ авторовъ, чтенію съ устарѣвшею декламаціей, съ какимъ-то неестественнымъ паѳосомъ. Между тѣмъ программа *Плетнева* гласила: «Исторія Русской Литературы, разсматривающая въ хронологическомъ порядкѣ всѣ произведенія, ее составляющія». Изъ его отзывовъ о разбираемыхъ произведеніяхъ я рѣшительно ничего не могу припомнить: такъ мало характеристическаго и выдающагося представляла его критика. Впрочемъ одно изъ мѣткихъ замѣчаній *Плетнева* о басняхъ *Крылова* осталось у меня въ памяти, именно, что басни свои Крыловъ предназначалъ не для дѣтей; такъ наприм., объяснялъ профессоръ, басня «Ворона и Лисица» проповѣдуетъ правила безнравственныя, пользу лести. Что свѣдѣнія Плетнева не принадлежали къ числу обширныхъ, о томъ можно составить себѣ понятіе по слѣдующему случаю. Когда появился довольно неудачный переводъ Гётева «Фауста» *Губера*,

представляя *Плетневу* вмѣсто обязательнаго сочиненія разборъ этого перевода, пишущій эти строки присовокупилъ къ нему переводъ «Пролога» къ Гётевой трагедіи (разговоръ Бога и ангеловъ съ Мифистофелемъ), выпущенный у *Губера*, вѣроятно по цензурнымъ соображеніямъ. Очевидно, что мой профессоръ и не подозрѣвалъ о существованіи этого, отчасти циническаго, произведенія *Гёте*: иначе ему не слѣдовало бы въ аудиторіи допускать прочтенія моего перевода. Затѣмъ, долженъ я сознаться, что переводъ мой, сдѣланный въ ужаснѣйшихъ виршахъ, вовсе не представлялъ литературнаго достоинства, или даже намека на поэтическій талантъ. Несмотря на то, *Плетневъ* похвалилъ мой плохой трудъ и рекомендовалъ продолжать переводъ. Сознавая слабость своихъ силъ, я имѣлъ настолько благоразумія, чтобы не послѣдовать этому необдуманному совѣту. Но и послѣ того не переставали у насъ коверкать бѣднаго Фауста, наприм. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1887 года я встрѣтилъ извращеніе знаменитаго монолога Фауста:

Habe nun! Philosophie,
Iuristerei und Medecin,
Und leider auch Theologie, и пр.

«Философъ (,) права и медицину и догматы (?), увы! я изучилъ».

Однажды аудиторія *Плетнева* наполнилась студентами всѣхъ курсовъ и факультетовъ, привлеченными слухомъ о чтеніи нашимъ товарищемъ *Введенскимъ* какого-то любопытнаго сочиненія. Объ этомъ студентѣ разсказывали, будто онъ пришелъ пѣшкомъ изъ Москвы, гдѣ воспитывался въ духовной семинаріи, что работаетъ онъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», строгій редакторъ которой *Брамбеусъ* держитъ слабаго къ чарочкѣ поповича въ ежевыхъ руковицахъ. Наконецъ, и самая тема, которую *Введенскій* избралъ для своей диссертаціи, о троичности Божества, не могла не возбудить нашего любопытства; но оно въ концѣ концовъ осталось неудовлетвореннымъ: ибо едва вошедшій на каѳедру *Введенскій* успѣлъ произнести заглавіе своего сочиненія, какъ тотчасъ же былъ остановленъ рѣзкимъ замѣчаніемъ профессора, что для подобныхъ сочиненій мѣсто въ семинаріи, а не въ университетѣ. Опѣшенный студентъ оставилъ аудиторію, а за нимъ повалила и вся толпа разочарованныхъ слушателей, ожидавшихъ пикантныхъ преній по поводу этой тэмы. Вотъ этого-то защитника Св. Троицы, послѣ того какъ онъ уже успѣлъ пріобрѣсти извѣстность одного изъ лучшихъ преподавателей Русской словесности, *Погодинъ* въ своей газетѣ «Русскій» заклеймилъ названіемъ «отца нигилистовъ». (Такое запятнаніе

памяти уже умершаго *Введенскаго* не могло не возмутить его знакомыхъ. Я счелъ своимъ долгомъ возстать противъ этой позорящей аттестаціи, и мое возраженіе (что̀ дѣлаетъ честь безпристрастію *Погодина* появилось въ его газетѣ.) Погодинъ говорилъ мнѣ, что *Введенскій* для него личность знакомая, ибо до перехода въ Петербургскій университетъ жилъ онъ у него пансіонеромъ (вѣроятнѣе всего въ качествѣ сотрудника по его разнообразнымъ изданіямъ). Подобный же отзывъ о *Введенскомъ* былъ данъ *Вигелемъ*, который отрекомендовалъ его въ письмѣ къ извѣстному сыщику по дѣлу *Петрашевскаго*, *Липранди*, въ такихъ словахъ: *Введенскій* — поповичъ съ чрезвычайнымъ умомъ, съ изумительными правилами безнравственности и безбожія et ce qui s'en suit. Онъ задушевный другъ *Петрашевскаго*, но такъ благоразуменъ, что не принадлежитъ ни къ какому обществу... Какъ объ этомъ не знаетъ генералъ *Ростовцевъ!?* *).

Въ самомъ дѣлѣ, какъ себѣ объяснить такое обстоятельство, что въ то время, какъ нѣкоторые изъ преподавателей гимназій и военно-учебныхъ заведеній, никогда не посѣщавшіе собраній *Петрашевскаго*, были по его дѣлу привлечены къ отвѣту и лишены своихъ мѣстъ, «задушевный другъ *Петрашевскаго*» остался не только невредимъ, но еще былъ повышенъ въ должности и сдѣланъ наставникомъ-наблюдателемъ по предмету Русской Словесности не только въ столичныхъ, но и провинціальныхъ кадетскихъ корпусахъ?

Пишущій эти строки былъ довольно близко знако̀мъ съ *И. И. Введенскимъ,* но кромѣ либерализма 1840 годовъ и вполнѣ естественной реакціи проливъ мракобѣсія, наступившаго послѣ 1848 года, никакихъ «правилъ безнравственности и безбожія» въ немъ не примѣчалъ. Такимъ либерализмомъ, какъ *Введенскій,* въ большей или меньшей степени была заражена вся интеллигентная молодежь того времени, проникнутая тенденціями *Бѣлинскаго.* Что же касается до мнимой неосмотрительности *Ростовцева,* то онъ, какъ человѣкъ умный и хорошій знатокъ человѣческихъ слабостей, не желая лишиться выдающихся педагогическихъ способностей *Введенскаго,* парализовалъ его либерализмъ самою дѣйствительною мѣрой—хорошимъ служебнымъ положеніемъ и значительнымъ окладомъ жалованья. Вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая слабость зрѣнія, окончившаяся совершенною слѣпотой, заботы о семействѣ и о пенсіи на старости лѣтъ, также немало содѣйствовали вожделѣнной для начальства метаморфозѣ *Введенскаго,* и такъ называемый «отецъ нигилистовъ» превратился въ благонамѣреннѣйшаго гражданина.

---

*) „Русская Старина“, 1871 г., кн. IV.

При солидномъ классическомъ образованіи *Введенскій* обладалъ замѣчательною діалектикой и способностью контроверса, чѣмъ онъ нерѣдко злоупотреблялъ во время пробныхъ лекцій, которыя, по мысли *Ростовцева*, были учреждены для испытанія способностей кандидатовъ на учительскія должности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. На происходившихъ при этомъ диспутахъ *Введенскій* постоянно схватывался съ заслуженнымъ преподавателемъ словесности *Плаксинымъ*, сторонникомъ риторики и піитики. Единоборство между представителями стараго и новаго поколѣнія представляло довольно потѣшное зрѣлище, на которое стекалось немало постороннихъ слушателей. Здѣсь кстати замѣтить что затѣя *Ростовцева*, не соотвѣтствовавшая требованіямъ разумной дидактики, нисколько не содѣйствовала оцѣнкѣ дидактическихъ способностей будущаго преподавателя; сверхъ того, такъ какъ учительскія должности по прежнему продолжали замѣщаться лицами, которыя находились подъ покровительствомъ класныхъ инспекторовъ, то эти пробныя лекціи превратились въ пустую формальность и едва ли послужили къ улучшенію преподавательскаго персонала въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Мнѣ извѣстенъ не одинъ случай ловкаго морочанья глазъ; такъ, наприм., для пробной лекціи представлялось сочиненіе, которое было написано при помощи самого офиціальнаго опонента.

Введенскій былъ одно время постояннымъ сотрудникомъ по отдѣлу критики въ лучшемъ въ то время журналѣ «Отечественныя Записки». Затѣмъ, желая занять каѳедру въ Университетѣ, онъ держалъ экзаменъ на степень магистра (1852 г.), но не былъ удостоенъ ея, потому что одинъ изъ экзаменаторовъ (проф. *Никитенко*) находилъ, что магистрантъ относится не съ подобающимъ уваженіемъ къ поэтическимъ произведеніямъ отечественныхъ писателей. Конкурентомъ *Введенскаго* былъ *М. И. Сухомлиновъ*, котораго *Никитенко* и избралъ своимъ адъюнктомъ.

IV.

Но пора обратиться къ моимъ профессорамъ. Лекціи проф. *И. И. Шульгина* я находилъ довольно скучными, несмотря на то, что историческая наука всегда была моимъ любимымъ предметомъ. Замѣтно было, что источникъ знаній профессора былъ не изъ глубокихъ и что ему порядочно принадоѣло разсказывать одно и тоже въ теченіе долгихъ лѣтъ своего преподавательства въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ. Знакомый съ сочиненіемъ *Шульгина*. «Изображеніе характера и содержанія исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ» не выносилъ изъ его аудиторіи никакихъ новыхъ идей и свѣдѣній.

Гораздо съ бо̀льшимъ интересомъ слушались лекціи проф. *Н. Г. Устрялова* по Русской Исторіи. Хотя дикція этого профессора была довольно монотонная, рѣчь неоживленная, при постоянномъ повтореніи частицы «ну-съ», но всѣ эти недостатки выкупались сообщеніемъ многихъ фактовъ и подробностей, которые, при бѣдности отечественной исторической литературы того времени, были для насъ, особенно начиная съ эпохи Петра Великаго, новы и крайне-любопытны. Несмотря на то, что на курсовыхъ экзаменахъ требовалось лишь знаніе въ объемѣ изданнаго *Устряловымъ* въ двухъ томахъ руководства (Русская Исторія), многіе изъ насъ записывали его лекціи, значительно дополнявшія содержаніе учебника. Въ противоположность другимъ молодымъ своимъ коллегамъ, Устряловъ никогда не искалъ популярности у студентовъ. Съ появленіемъ въ Университетъ проф. исторіи *М. С. Куторги* стали между студентами входить въ обычай аплодисменты на лекціяхъ, но *Устрялову* видимо не нравились подобныя оваціи; его всегда какъ-то коробило при нихъ, и каждый разъ, вмѣсто благодарности, на его лицѣ появлялось что-то похожее на гримасу.

Однажды я былъ свидѣтелемъ такого интереснаго эпизода на лекціи *Устрялова*. Неожиданно вошелъ въ аудиторію министръ народнаго просвѣщенія *Уваровъ*, одѣтый въ какой-то странной формѣ, въ синемъ, долгополомъ мундирномъ сюртукѣ. Прослушавъ минутъ съ пять лекцію профессора, онъ внезапно поднялся, подошелъ къ каѳедрѣ и началъ поучать насъ собственною рѣчью. Сколько мнѣ помнится, содержаніе этой рѣчи было, какъ говорится, притащено за волоса, ибо имѣло мало связи съ лекціей *Устрялова*; но министру очевидно желательно было поораторствовать передъ нами на свою любимую тему о томъ, что всѣ реформы въ нашемъ отечествѣ исходятъ сверху и что потому всякая у насъ революція не имѣетъ цѣли и смысла. Воодушевляясь все болѣе и болѣе своимъ предметомъ, *Уваровъ* незамѣтно поднимался по ступенямъ каѳедры и наконецъ, очутившись на ней, поставилъ почтеннаго профессора въ крайне-неловкое положеніе: уступить свое мѣсто на каѳедрѣ онъ не желалъ, а помѣщаться на ней двоимъ не доставало мѣста.

Было время, когда у насъ восхищались ученостью *Уварова*, провозглашали его знатокомъ классической древности и, между прочими доказательствами, указывали на его изслѣдованіе объ Элевзинскихъ таинствахъ, написанное на Французскомъ языкѣ. Отъ одного изъ нашихъ извѣстныхъ профессоровъ, слушавшаго лекціи въ Берлинскомъ университетѣ, слышалъ я, что знаменитый филологъ *Бёкъ* (если не ошибаюсь) отозвался объ этомъ сочиненіи *Уварова*, какъ о неза-

служивающемъ никакого вниманія (eine jämmerliche Arbeit). Мнѣ кажется, современникъ *Уварова*, высокообразованный сенаторъ *К. Н. Лебедевъ* нисколько не ошибся, сказавъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ объ *Уваровѣ*, что онъ «сдѣлалъ изъ науки трещетку и орудіе угодливости». *)

Характеристику двухъ упомянутыхъ свѣтилъ отечественной науки кстати дополнить разсказомъ, свидѣтельствующимъ объ ихъ равнодушномъ отношеніи къ успѣхамъ отечественной науки. По окончаніи курса въ университетѣ, я имѣлъ намѣреніе дополнить свое образованіе въ заграничныхъ университетахъ, а свободное отъ лекцій каникулярное время посвятить собиранію, изъ тамошнихъ архивовъ, матеріаловъ для отечественной исторіи. Меня увлекала мысль идти по стопамъ *А. И. Тургенева* и Гельсингфорскаго профессора *Я. Соловьева*, открывшаго, какъ извѣстно, въ Упсальской библіотекѣ рукопись *Котошихина*. Съ этою цѣлью, немного дней спустя по сдачѣ послѣднихъ экзаменовъ, отправился я къ проф. *Устрялову* и, изложивъ ему мое намѣреніе и планъ, просилъ его совѣта и указанія на тѣ архивы, въ которыхъ можно было ожидать обильной жатвы для отечественной исторіи. Къ немалому моему изумленію, профессоръ Русской исторіи выпалилъ въ меня такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ: «напрасно будете трудиться; въ иностранныхъ архивахъ вы по Русской исторіи ничего замѣчательнаго не найдете». Какъ было понять этотъ странный, чтобы не сказать невѣжественный, отзывъ о тѣхъ драгоцѣнныхъ матеріалахъ, которые хранятся въ иностранныхъ архивахъ? Была ли это jalousie de métier, или опасеніе, что открываемые новые источники могутъ повредить его труду объ исторіи Петра Великаго или, наконецъ, не довѣрялъ онъ моимъ силамъ и способностямъ, оцѣнить которыя не имѣлъ случая? Мыслимо ли было въ самомъ дѣлѣ трактовать, наприм., о Сѣверной войнѣ, не ознакомившись съ тѣми матеріалами, которые хранятся въ Шведскомъ государственномъ архивѣ? Однакожъ, сколько мнѣ извѣстно, исторіографъ Петра Великаго никогда и не думалъ заглядывать въ Шведскіе архивы.

Конечно это недоброжелательство или равнодушіе къ наукѣ ничуть не поколебало моего намѣренія, а потому и рѣшился я обратиться къ министру, стоявшему во главѣ отечественнаго просвѣщенія и слѣдовательно обязанному покровительствовать всѣмъ научнымъ предпріятіямъ: вѣдь не даромъ же западные ученые (награждаемые имъ Русскими орденами) надѣляли его громкимъ званіемъ мецената. Я обратился къ *Уварову* уже не за совѣтомъ, а съ предложеніемъ моихъ

*) „Русскій Архивъ“ 1888, вып. 3.

безкорыстныхъ услугъ Археографической Комиссіи, учрежденію, прямою обязанностью котораго было собираніе и описаніе актовъ, относящихся къ отечественной исторіи. Я выразилъ ему мое желаніе получить отъ этой комиссіи что либо въ родѣ инструкціи съ указаніемъ тѣхъ отдѣловъ нашей исторіи, которые наиболѣе нуждаются въ разслѣдованіяхъ заграничныхъ архивовъ, особенно богатыхъ интереснымъ историческимъ матеріаломъ. Затѣмъ просилъ я, если не затруднитъ комиссію, снабдить меня открытымъ листомъ, который давалъ бы мнѣ возможность въ необходимыхъ случаяхъ обращаться къ посредничеству нашихъ посольствъ. Вотъ отвѣтъ и привѣтъ, услышанные мною изъ устъ покровителя отечественной науки: «Вамъ нѣтъ необходимости ѣхать за границу; если желаете работать въ архивахъ, то можете это сдѣлать и въ Россіи».

—«Главная цѣль моей заграничной поѣздки, возразилъ я ему—докончить свое образованіе и усовершенствоваться въ языкахъ, а потому я рѣшился не уклоняться отъ нея въ сторону, въ видахъ чего уже выхлопоталъ себѣ заграничный паспортъ». (Въ то время это было дѣло нелегкое: паспорты выдавались безъ затрудненія лишь отправляющимся лѣчиться и купцамъ; принадлежа къ сословію послѣднихъ, я прикинулся некончившимъ курса и получилъ купеческій паспортъ). Вѣроятно, чтобы отдѣлаться отъ меня, *Уваровъ* обѣщалъ сообщить о моемъ намѣреніи предсѣдателю Археографической Комиссіи князю *Ширинскому-Шихматову* (впослѣдствіи министру народнаго просвѣщенія), къ которому и посовѣтывалъ мнѣ обратиться.

Являюсь черезъ нѣсколько дней въ засѣданіе Археографической Комиссіи. Было замѣтно, что мое предложеніе въ ней .уже обсуждалось. Членъ комиссіи *Бередниковъ*, не давъ мнѣ вымолвить слова, ошеломилъ меня такой непривѣтливой и лаконической рѣчью: «Археографическая Комиссія не можетъ вамъ дать никакихъ указаній и ничего не въ состояніи для васъ сдѣлать». Но благодушный предсѣдатель, замѣтивъ, что я былъ крайне пораженъ этой неласковой отповѣдью, а можетъ быть и опасаясь какой нибудь съ моей стороны непріязненной выходки, поспѣшилъ своимъ елейнымъ голосомъ смягчить строгую резолюцію *Бередникова*: «Впрочемъ, ежели вамъ удастся найти что либо интересное въ иностранныхъ архивахъ и вы намъ объ этомъ сообщите, то Археографическая Комиссія будетъ вамъ очень благодарна». Еще бы! подумалъ я и распростился съ этой странной коммиссіей навсегда.

Меня всегда занималъ вопросъ, что̀ могло быть въ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ и заправителяхъ просвѣщенія причиною такого равно-

душнаго отношенія къ интересамъ науки и недоброжелательства къ лицу, желавшему быть ей полезнымъ, и я остановился на такомъ заключеніи: явленіе молодаго человѣка, незаручившагося полновѣсной рекомендаціей, предлагающаго свои труды безъ просьбы денежнаго пособія отъ казны, должно было этимъ господамъ показаться поступкомъ высокомѣрнымъ и отчасти подозрительнымъ.

Къ иллюстраціи тогдашняго личнаго состава Археографической Комиссіи можетъ также послужить отношеніе ея къ трудамъ Гельсингфорскаго проф. *Я. Соловьева*. При послѣдовавшемъ моемъ посѣщеніи Шведскихъ архивовъ, я тамъ вездѣ находилъ явные слѣды занятій этого ученаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что жатва его на пользу науки была весьма обильная; между тѣмъ какъ мало изъ его трудовъ появилось въ печати или дошло до свѣдѣнія Археографической Комиссіи! Разсказывали, что *Соловьевъ* разошелся съ нею изъ за того, что она отказала ему въ пособіи для его дальнѣйшихъ поѣздокъ въ Швецію. Я убѣжденъ, что со смертью *Соловьева*, вскорѣ послѣ разлада съ комиссіей, пропало много драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ, найденныхъ имъ въ Шведскихъ архивахъ*). Товарищи *Соловьева* по Гельсингфорскому университету разсказывали мнѣ, что онъ сократилъ свой вѣкъ неумѣреннымъ употребленіемъ горячихъ напитковъ; пожалуй, и «съ горя».

V.

Никто изъ профессоровъ П. Университета моего времени не былъ предметомъ такихъ восторженныхъ оваций какъ проф. Всеобщей Исторіи *Куторга*. Въ 1837 г. онъ только что возвратился изъ за границы и еще не начиналъ своихъ лекцій, а о немъ отзывались уже какъ о передовомъ ученомъ, либералѣ, человѣкѣ, который намѣренъ ознакомить своихъ слушателей съ послѣднимъ словомъ исторической науки на Западѣ. Способъ преподаванія *Куторги* не могъ не очаровать и не увлечь молодежь, которой порядочно принадоѣли зады повторяемые устарѣвшими профессорами. Рѣчь Куторги была плавная, выработанная, нерѣдко уснащенная пикантными подробностями и либеральными выходками въ родѣ объясненія чудесъ Моисея естественными причинами и т. п. Рельефу *Куторги* въ глазахъ студентовъ

*) „Другое грустное событіе, писалъ *Н. А. Полевой* своему брату 24 Мая 1843 г., случилось съ издателемъ (?) книги *Котошихина*: онъ помѣшался и посаженъ въ домъ сумашедшихъ. Причина неизвѣстна. Говорятъ, будто усиленная работа и неблагодарность *Уварова*“. (Истор. Вѣстникъ 1887 г. Декабрь).

также много содѣйствовало сравненіе его съ другимъ преподавателемъ исторіи, *Шакѣевымъ*. Однажды, желая выразить свою симпатію *Куторгѣ*, студенты, наполнившіе аудиторію на вступительной лекціи *Шакѣева*, устроили демонстрацію и въ присутствіи попечителя, ректора и инспектора ошикали и освистали бѣднаго дебютанта, единственная вина котораго состояла въ томъ что онъ, не получивъ образованія въ заграничномъ университетѣ, отважился вступить въ соперничество съ такою величиной, какъ *Куторга*. Любопытно, что прискорбная демонстрація эта не только не имѣла для студентовъ дурныхъ послѣдствій (вѣроятно потому что въ ней участвовалъ весь аристократическій кружокъ), но еще послужила поводомъ къ интересному эпилогу и новымъ заявленіямъ во славу любимаго профессора. Здѣсь кстати замѣтить, что большая часть нашихъ популярнѣйшихъ профессоровъ въ своихъ отношеніяхъ къ студентамъ всегда обнаруживала неумѣніе или нежеланіе пользоваться пріобрѣтенной ими любовью и нравственнымъ вліяніемъ, какъ самыми дѣйствительными и могучими рычагами для руководительства всегда легко увлекающейся молодежи. Къ числу таковыхъ принадлежалъ и проф. *М. С. Куторга*. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь своимъ престижемъ и вліяніемъ на молодые умы, пожурить студентовъ за ихъ неприличный поступокъ на лекціи *Шакѣева*, онъ на слѣдующей же лекціи произнесъ эффектную, тенденціозную рѣчь, вызвавшую со стороны студентовъ новую шумную овацію. Бывъ однимъ изъ горячихъ почитателей *Куторги*, я записалъ эту довольно продолжительную, очевидно хорошо приготовленную рѣчь. Жалѣю, что не сохранилъ ея, но помню, что *Куторга* благодарилъ въ эффектныхъ выраженіяхъ за высказанное къ нему сочувствіе, упоминалъ о разстроенномъ здоровьѣ, о близкой своей поѣздкѣ за границу (которой онъ и не думалъ предпринимать), наконецъ растроеннымъ голосомъ заключилъ, что гдѣ бы ни пришлось ему умирать, на берегахъ ли Женевскаго озера или Рейна, онъ вѣчно будетъ вспоминать о Петербургскихъ студентахъ. Всѣ эти сантиментальныя фразы конечно должны были вызвать бурныя рукоплесканія восхищенныхъ его почитателей, и студенты по окончаніи лекціи съ продолжительными криками «ура» подхватили профессора на руки и снесли его съ лѣстницы.

Не берусь судить, насколько ученость и знанія *Куторги* могли претендовать на солидность; помню лишь, что онъ на своихъ лекціяхъ всячески старался блеснуть ученостью и пустить намъ пыль въ глаза. Напримѣръ, невысокій уровень лингвистическихъ знаній первокурсниковъ былъ ему хорошо извѣстенъ; несмотря на то, онъ по-

стоянно угощалъ насъ на своихъ лекціяхъ цитатами на Греческомъ, Латинскомъ и даже Готскомъ языкахъ. Приводя Нѣмецкія цитаты, онъ любилъ поддѣлываться подъ чисто-Германское произношеніе, которое, какъ извѣстно, довольно рѣзко отличается отъ употребляемаго у насъ Остзейскаго. Однажды, замѣтивъ въ аудиторіи посторонняго слушателя, мальчика лѣтъ 14, Куторга, читая о культѣ фаллоса въ Индіи, неожиданно сталъ ораторствовать по-латыни, вѣроятно желая тѣмъ дать понять юному слушателю, что онъ еще не доросъ до слушанія университетскихъ лекцій. Впослѣдствіи, когда *Куторга*, по выслугѣ узаконеннаго срока въ П. университетѣ, перешелъ въ Московскій, какая-то газета уличила его въ томъ, что онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій привелъ въ невѣрномъ переводѣ мѣсто изъ Тацита.

По прошествіи года или немного болѣе профессорства *Куторги*, источникъ его либерализма самымъ рѣзкимъ и нагляднымъ образомъ неожиданно изсякъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезъ и у многихъ его слушателей интересъ къ его лекціямъ. Выказывая какую-то напускную сдержанность и серьезность, онъ въ одинъ непрекрасный день, какъ бы читая по книгѣ, сталъ угощать насъ голыми историческими фактами безъ всякихъ объясненій и разсужденій. Крутой, бьющій на эффектъ поворотъ въ образѣ мыслей профессора студенты объясняли себѣ начальническимъ замѣчаніемъ, по поводу его черезъ-чуръ либеральныхъ тенденцій.

Вообще Куторга любилъ рисоваться передъ студентами, былъ неровенъ въ обращеніи и во многомъ напоминалъ нервную и капризную женщину. Склонность его къ капризамъ пришлось мнѣ однажды испытать на своей персонѣ. На экзаменѣ у него, почти въ продолженіи всего времени моего отвѣта на вынутый билетъ, занимался онъ разговоромъ съ сидѣвшимъ подлѣ него асистентомъ и не обращалъ вниманія на то что̀ я расказывалъ; но когда я кончилъ, то онъ вдругъ обратился ко мнѣ съ злой ужимкой и незаслуженнымъ упрекомъ, что я въ своемъ отвѣтѣ многое пропустилъ. Мое возраженіе, что онъ ошибается, ему крайне не понравилось и, потому, несмотря на мой вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ, получилъ я по его предмету лишь средній балъ.

Излюбленнымъ отдѣломъ Всеобщей Исторіи для *Куторги* была исторія Греческихъ республикъ, слишкомъ подробнымъ изложеніемъ государственнаго и гражданскаго устройства которыхъ онъ намъ крайне наскучилъ. По этому предмету онъ издалъ немало сочиненій на Французскомъ и Нѣмецкихъ языкахъ. Неизвѣстно, передалъ ли нашъ ученый историкъ кому либо изъ своихъ адептовъ (которыхъ онъ одно время собиралъ у себя для частныхъ бесѣдъ) восторженную преданность

къ древнимъ республикамъ «въ 12» долю листа (Duodezformat); а между тѣмъ изученію ихъ онъ посвятилъ всю свою ученую дѣятельность. Куторга читалъ лекціи, нисколько не обращая вниманія, можно ли за нимъ слѣдить и записывать. Однажды я имѣлъ наивность обратиться къ нему съ просьбой указать мнѣ какое либо руководство по его предмету. Онъ съ обычной ему саркастической улыбкой рекомендовалъ мнѣ сочиненіе проф. *Лео*, Нѣмецкаго ученаго, извѣстнаго ультрамонтанскимъ направленіемъ. Въ 40-хъ годахъ помыслы нашихъ такъ называемыхъ либераловъ были направлены не столько на политическія реформы, сколько на искорененіе вредныхъ предразсудковъ, на борьбу съ нравами, привитыми крѣпостничествомъ и долгимъ умственнымъ застоемъ. Къ сожалѣнію большая часть благонамѣренныхъ проповѣдей о гуманномъ обращеніи съ меньшею братьей и т. п. обыкновенно оставались красивыми фразами, и весьма немногіе изъ либераловъ думали примѣнять ихъ въ частномъ быту. Къ числу такихъ людей, у которыхъ слово расходилось съ дѣломъ, принадлежалъ на мой взглядъ и М. С. Куторга, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться нѣсколько лѣтъ спустя, явившись къ нему въ 1850 годахъ, по его приглашенію, на одинъ изъ его «журфиксовъ». Куторга былъ женатъ на сестрѣ проф. *Устрялова* (который, замѣчу, всегда считался рѣшительнымъ его антагонистомъ, и въ мое прибываніе въ университетѣ они даже никогда не разговаривали другъ съ другомъ). Бракъ этотъ, сколько я знаю, былъ бездѣтенъ. Вхожу въ гостиную и вижу въ одномъ изъ угловъ ея стоитъ наказанная, довольно бѣдно-одѣтая и видимо-забитая дѣвочка, лѣтъ 8—10. Какъ оказалось, это былъ пріемышъ почтенной четы. Такая странная мѣра наказанія, въ виду ожидаемыхъ гостей, такое пренебреженіе къ одному изъ главныхъ основъ воспитанія щадить женскую стыдливость, чрезвычайно поразили и даже сконфузили меня. Но хозяинъ, нимало не смущаясь моимъ присутствіемъ, принялъ строгій видъ, подозвалъ къ себѣ бѣдную дѣвочку и, перекрестивъ ее, приказалъ отправляться спать.....

Нѣсколько лѣтъ спустя, на одномъ совѣщаніи у попечителя Петербургскаго учебнаго округа, мнѣ пришлось убѣдиться въ странномъ взглядѣ Куторги на пользу дидактики. Рѣчь шла объ устройствѣ учительскихъ семинарій. *М. С. Куторга*, оспаривая необходимость въ нихъ, ко всеобщему удивленію произнесъ такой нелѣпый приговоръ: «никого нельзя научить, какъ обучать другихъ». Странно, что присутствовавшій при этомъ профессоръ педагогики *Фишеръ* промолчалъ при этой выходкѣ противъ его науки.

Совершенно иного типа, какъ человѣкъ и педагогъ, былъ братъ предъидущаго, *С. С. Куторга*, профессоръ зоологіи и сравнительной

анатоміи. Будучи филологомъ, я не имѣлъ обязанности посѣщать его лекціи, но любовь къ естествовѣдѣнію и популярное изложеніе въ искренней, оживленной и неискуственной рѣчи, сдѣлали меня однимъ изъ ревностныхъ слушателей симпатичнаго профессора. Ни въ одной изъ университскихъ аудиторій не встрѣчалъ я столько постороннихъ слушателей какъ у *С. С. Куторги*; однимъ изъ постоянныхъ былъ уже тогда маститый вице-президентъ Академіи Художества графъ *Ѳ. П. Толстой.* О заслугахъ этого достойнѣйшаго изъ преподавателей свидѣтельствуютъ его ученики, наши извѣстные натуралисты *Кесслеръ*, *Жельзновъ*, *Ценковскій*, *Меншуткинъ*, *Фаминцынъ*.

Каѳедра всеобщей исторіи была раздѣлена съ 1838 году между *М. С. Куторгой* и *М. Касторскимъ*. Первый читалъ юристамъ, а послѣдній, вслѣдъ за выбывшимъ *Шакпевымъ*, филологамъ. Вся фигура *Касторскаго* была крайне-несимпатична, отличалась неловкостью и угловатостью, а преподаваніе его было сухо, незанимательно и наводило на насъ зѣвоту. Еще менѣе были въ состояніи привлечь студентовъ его лекціи на каѳедрѣ Славянской Исторіи и Литературы.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ свѣтилъ профессорской коллегіи того времени былъ несомнѣнно профессоръ восточнаго отдѣленія философскаго факультета *О. И. Сенковскій*, пользовавшійся въ журнальномъ мірѣ громкою извѣстностью подъ псевдонимомъ барона *Брамбеуса*. Благодарный его ученикъ *В. В. Григорьевъ*, въ своей исторіи университета, отзывается о немъ, какъ о несравненномъ профессорѣ Арабскаго языка и необыкновенномъ человѣкѣ, и упрекаетъ *Плетнева*, этого «снисходительнѣйшаго изъ людей», что, упоминая на актѣ 1848 г. о выходѣ *Сенковскаго* изъ университета, послѣ 25 лѣтней службы, «онъ не нашелъ возможнымъ выразить по этому случаю даже самаго сухаго сожалѣнія объ утратѣ, которую несъ университетъ, лишившійся величайшей (!) изъ тогдашнихъ знаменитостей».

Равнодушное отношеніе *Плетнева* къ заслугамъ *Сенковскаго* я объясняю себѣ тою нелюбовью къ нему всѣхъ его товарищей, которую онъ заслужилъ своимъ высокомѣріемъ и непривѣтливымъ съ ними обращеніемъ. Такъ, наприм., я никогда не видалъ, чтобы онъ заходилъ въ профессорскую комнату, а если ему случалось пріѣзжать до начала лекціи, то онъ выжидалъ звонка, сидя внизу, въ университетскомъ правленіи. На всѣхъ своихъ товарищей смотрѣлъ онъ какъ на лицъ совершенно ему незнакомыхъ и недостойныхъ вниманія. Единственное исключеніе, кажется, онъ дѣлалъ для адъюнктъ-профессора математики, тогда еще очень молодаго человѣка, *Ѳ. В. Чижова*, его сотрудника по «Библіотекѣ для Чтенія». Даже встрѣчая на экзаменахъ своего земляка, проф. *Мухлинскаго* (можетъ быть еще лучшаго знатока восточныхъ язы-

ковъ и Востока,чѣмъ онъ самъ, но человѣка крайне-скромнаго), Сенковскій едва удостаивалъ его парою фразъ и не иначе какъ на Французскомъ языкѣ. Какъ бы желая показать свое пренебреженіе ко всему что̀ относилось до университета, «несравненный профессоръ» и остроумный писатель позволилъ себѣ однажды такую, вовсе неостроумную, выходку противъ должности инспектора студентовъ. При аудиторіяхъ служилъ сторожемъ, едва ли не съ самаго основанія университета, старый, едва передвигавшій ноги, отставной солдатъ *Платонъ.* Не удостоивая бесѣдою своихъ товарищей, профессоръ *Сенковскій* не рѣдко вступалъ въ разговоръ съ этимъ сторожемъ и однажды, спросивъ его, давно ли онъ состоитъ при университетѣ, удивился, отчего по сіе время его не произвели въ инспектора. Какъ остроумно!

Въ серединѣ 1830 годовъ Сенковскій стоялъ въ апогеѣ своей литературной славы; это была извѣстнаго рода сила, передъ которою пресмыкалась мелкая литературная сошка, опасаясь попасть на острый зубокъ беззастѣнчиваго критика, не пощадившаго даже *Гоголя.* Неудивительно, что мои товарищи-оріенталитты немало гордились, имѣя въ числѣ своихъ преподавателей такую знаменитость, и многіе изъ нихъ отзывались о его лекціяхъ съ какимъ-то напускнымъ восторгомъ.

Пишущему эти строки *Сенковскій* всегда представлялся какимъ-то литературнымъ *Каліостро*, такъ какъ къ несомнѣнно-обширнымъ свѣдѣніямъ и блестящимъ дарованіямъ этого ученаго Поляка примѣшивалась значительная доля шарлатанства.

Судить о его знаніи Востока и восточныхъ языковъ никто изъ его учениковъ, по крайней мѣрѣ въ мое время (*В. Григорьевъ* и *П. Савельевъ* принадлежали къ выпуску 1834 г.) не былъ въ состояніи; ибо ни одинъ изъ нихъ, сколько мнѣ извѣстно, не ознаменовалъ себя какимъ либо выдающимся трудомъ по своей спеціальности. Относительно его слабаго знанія разговорныхъ восточныхъ языковъ разсказывали такой анекдотъ. Когда посланнику одного изъ восточныхъ государей, прибывшему въ Петербургъ, вздумалось посѣтить нашъ университетъ, то *Сенковскому* поручено было привѣтствовать его рѣчью на одномъ изъ восточныхъ діалектовъ. Посланникъ, выслушавъ съ видимымъ вниманіемъ рѣчь оратора, спросилъ своего толмача, на какомъ это языкѣ знаменитый профессоръ привѣтствовалъ его, такъ какъ онъ не могъ понять ни одного слова въ его рѣчи. Вслѣдствіе ли многосложныхъ занятій по издаваемому журналу, или по какимъ другимъ причинамъ, только *Сенковскій* порядочно пренебрегалъ своими профессорскими обязанностями. Передъ выпускомъ книжки «Библіотека для Чтенія», слушатели его всегда были увѣрены, что инспектору будетъ прислана коротенькая записочка, въ которой извѣ-

щалось о невозможности прибыть на лекцію, подъ предлогомъ жестокой мигрени. Очень часто профессоръ, объяснивъ нѣсколько строкъ текста, черезъ какіе нибудь четверть часа начиналъ корчить болѣзненную физіономію, внезапно прерывалъ лекцію и, бормоча что-то про себя, уходилъ изъ аудиторіи. Такой конецъ лекціи студенты всегда предугадывали по слѣдующему вѣрному признаку: вошедъ въ аудиторію съ намѣреніемъ поскорѣе отдѣлаться отъ лекціи, *Сенковскій* начиналъ читать текстъ переводимаго автора тихимъ голосомъ, совсѣмъ невнятно, какъ бы захлебываясь столь частыми въ Арабскомъ и Турецкомъ языкахъ гортанными звуками.

Неудивительно, что подобные фокусы и безцеремонныя, чтобы не сказать, безсовѣстныя отношенія преподавателя къ своимъ обязанностямъ не могли располагать его слушателей къ серьезному труду; и такъ какъ ихъ было немного, всего 6—7 человѣкъ, то они часто сговаривались не ходить на скучную лекцію и прятались отъ профессора, обыкновенно скрываясь въ помѣщеніи казенно-коштныхъ студентовъ, и тамъ ожидали слѣдующей перемѣны. Вѣроятно очень довольный видѣть пустую аудиторію, профессоръ для виду, зная напередъ тщету этой мѣры, посылалъ стὸрожа разыскивать по всему университету своихъ лѣнивыхъ слушателей.

Вотъ при такомъ-то странномъ способѣ изученія восточныхъ языковъ, меня всегда удивляло, какъ это удавалось моимъ товарищамъ-оріенталистамъ оканчивать курсъ съ дипломомъ или даже только съ аттестатомъ. По ихъ откровенному признанію, они выносили изъ университета болѣе или менѣе хорошее знаніе лишь одного восточнаго языка, Персидскаго, и знаніемъ этого предмета были обязаны не ученымъ профессорамъ, а необразованному Персіянину, уроженцу Грузіи, мирзѣ *Джафару Топчибашеву*, котораго бывшій его ученикъ *В. В. Григорьевъ* пренебрежительно называетъ «мужикомъ», забывъ, что безъ помощи этого «мужика», самъ онъ никогда не былъ бы въ состояніи хорошо объясняться по-персидски.

Всѣ студенты поголовно относились съ нескрываемымъ равнодушіемъ, чтобы не сказать съ пренебреженіемъ, къ лекціямъ протоіерея *Райковскаго*, читавшаго церковно-библейскую исторію и догматическое и нравственное богословіе. Характеристика преподавательскихъ способностей Райковскаго, сдѣланная университетскимъ исторіографомъ, полагаю, не возбудитъ ни въ комъ изъ его бывшихъ слушателей противорѣчія. «Послѣ *Павскаго* и *Бажанова*, говоритъ Григорьевъ, преподаваніе о. *Райковскаго* казалось сухимъ, холоднымъ, несоотвѣтствующимъ высотѣ университетской науки». Понятно, что на лекціяхъ этого бездарнаго профессора обыкновенно присутствовало не болѣе 2—3 де-

сятковъ слушателей и то по большей части изъ казенно-коштныхъ студентовъ, находившихся подъ бдительнымъ контролемъ инспектора, тогда какъ посѣщеніе богословскихъ лекцій было обязательно для студентовъ всѣхъ трехъ факультетовъ. Неуклюжая фигура и смѣшныя манеры *Райковскаго* подавали поводъ къ насмѣшкамъ. Лекціи свои онъ всегда начиналъ возгласомъ: «братіе!» причемъ закидывалъ назадъ голову, выставляя свою клинообразную бороду и глядя въ потолокъ. Одинъ изъ моихъ товарищей-шалуновъ, впослѣдствіи извѣстный литераторъ, передъ приходомъ профессора имѣлъ обыкновеніе рисовать на класной доскѣ козлиную голову. Другой (полагаю изъ семинаристовъ, ибо былъ очень искусенъ въ диспутѣ) разнообразилъ эти крайне-скучныя лекціи, нерѣдко предлагая профессору очень наивные и щекотливые вопросы, ставившіе ученаго богослова въ тупикъ. Послѣ уничтоженія философской каѳедры въ 1850 году отцу *Райковскому* было поручено читать студентамъ логику и психологію. Воображаю, какой схоластикой угощалъ своихъ бѣдныхъ слушателей сей импровизованный философъ!

Такъ какъ большая часть студентовъ не посѣщала лекцій богословія, а тѣ изъ нихъ, которые не интересовались ими, не вели записокъ: то намъ на экзаменахъ приходилось бы очень плохо отъ взыскательнаго о. *Райковскаго*, еслибы мы не прибѣгали къ разнымъ продѣлкамъ. Самый простой способъ обмануть экзаменатора, практиковавшійся не только у *Райковскаго*, но и у другихъ профессоровъ, состоялъ въ обмѣнѣ доставшагося студенту билета. Это происходило по такому способу. Профессоръ, передавъ кому либо изъ студентовъ программу вопросовъ изъ своего предмета, въ тоже время поручалъ ему приготовить соотвѣтствующіе билеты. Достаточно было при передачѣ билетовъ довѣрчивому экзаменатору скрыть одинъ изъ нихъ. или изготовить билетъ вдвойнѣ и удержать дублетъ у себя, и всѣ экзаменующіеся могли смѣло предстать предъ очи строгаго судьи. Хитрость состояла лишь въ томъ, чтобы предъявить экзаменатору не тотъ билетъ, который былъ вынутъ экзаменующимся, а подмѣнить его тѣмъ, который былъ припрятанъ и отвѣтъ по которому былъ предварительно приготовленъ. Затѣмъ вынутый билетъ передавался товарищу, и такъ какъ экзаменующіеся не вызывались по списку, а подходили къ экзаменатору, когда хотѣли, то оставалось всегда довольно времени, чтобы приготовиться по запискамъ къ отвѣту на переданный товарищемъ билетъ. Студентамъ одареннымъ хорошей памятью этотъ фокусъ удавался вполнѣ, и они получали хорошую отмѣтку; другимъ же онъ помогалъ кое-какъ отдѣлаться отъ нуля или единицы.

Существовали еще другіе способы надувательства экзаменатора, почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Наприм. однажды студентъ, писавшій билеты, помѣтилъ тотъ, на который онъ только и былъ въ состояніи хорошо отвѣчать. Сдѣланная имъ мѣтка не укрылась отъ вниманія прозорливаго профессора: предполагая, что отмѣченный билетъ былъ единственный, на который студентъ не приготовился отвѣчать, онъ самъ его вручилъ счастливому изобрѣтателю фокуса.

О лекторѣ Французскаго языка, *Сенъ-Жульенѣ*, я уже упомянулъ, какъ о человѣкѣ съ рѣзкимъ обхожденіемъ; но его талантливыя публичныя лекціи посѣщались охотно Петербургскимъ высшимъ обществомъ. Страдая постоянною осиплостью, *Сенъ-Жульенъ* принужденъ былъ рѣзко выкрикывать свои рѣчи, что́ весьма непріятно дѣйствовало на его слушателей. В В. Григорьевъ говоритъ о немъ, что это былъ одинъ изъ «двигателей мысли въ то печальное время»; прибавлю: мысли à la Lamartine и Victor Hugo.

Значительнѣйшая часть студентовъ предпочитала Французскій языкъ Нѣмецкому. Сколько мнѣ помнится, на лекціяхъ Нѣмецкой литературы можно было встрѣтить не болѣе двухъ-трехъ природныхъ Русскихъ. Одинъ изъ нихъ былъ князь Голицынъ (Аркадій), который вообще отличался отъ своихъ родовитыхъ товарищей солиднымъ образованіемъ и тѣмъ, что избралъ не юридическій факультетъ, а философскій (филологическое отдѣленіе). Въ концѣ моего курса явился еще другой незаурядный князь Голицынъ (Павелъ), избравшій восточное отдѣленіе филологическаго факультета; онъ еще до поступленія въ университетъ въ совершенствѣ владѣлъ Персидскимъ языкомъ. Былъ еще третій князь Голицынъ, но этотъ имѣлъ извѣстность лихаго бурша и стушевался съ перваго же курса.

Лекторъ Нѣмецкаго языка и словесности *К. Ѳ. Свенске*, по многосторонности знаній, былъ человѣкъ замѣчательный. Окончивъ образованіе въ Педагогическомъ Институтѣ, онъ, въ числѣ четырехъ избранныхъ *), былъ отправленъ за границу для изученія методовъ преподаванія Песталоцци и Ланкастера. Я слышалъ, что *Свенске*, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, началъ снова изучать Греческій языкъ и Гомера. Несмотря на свое Шведско-нѣмецкое происхожденіе, онъ въ совершенствѣ владѣлъ Русскимъ языкомъ, и по порученію Географическаго Общества издано имъ нѣсколько сочиненій по предметамъ землеописанія и путешествій. Онъ былъ болѣе кабинетнымъ ученымъ,

*) Трое его товарищей были: А. Ободовскій, М. Тимаевъ, впослѣдствіи инспекторъ классовъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и Буссе, директоръ 3-й Петербургской гимназіи.

чѣмъ педагогомъ. Прихрамывая, топчась на мѣстѣ передъ нашими столами, *Свенске* съ нѣкоторымъ затрудненіемъ въ рѣчи, но въ отчетливыхъ и правильныхъ періодахъ, знакомилъ слушателей съ біографіей и произведеніями извѣстнѣйшихъ Нѣмецкихъ писателей. Сверхъ того, онъ заставлялъ ихъ для упражненія въ языкѣ переводить Шиллерову «Марію Стюартъ». Богатая библіотека этого скромнаго и добрѣйшаго человѣка была всегда къ услугамъ студентовъ.

Лекторомъ Англійскаго языка былъ *Варрандъ*, представительный gentleman, упражнявшій насъ переводами съ Англійскаго языка на Французскій, по книгѣ имъ изданной. Варрандъ преподавалъ свой языкъ нѣкоторымъ членамъ царскаго семейства и одновременно издавалъ журналъ «St.-Petersburg Review».

О лекторѣ Италіянскаго языка Манцини помню только, что мы переводили у него «Le mie Prigioni. Какъ лекціи Варранда, такъ и Манцини могли посѣщать только тѣ изъ студентовъ, которые достаточно понимали по-французски, ибо все преподаваніе происходило на этомъ языкѣ. Такъ какъ аристократы этихъ лекцій не посѣщали, и онѣ не были обязательны: то понятно, что число слушателей на нихъ было всегда ограниченное.

VI.

Мои воспоминанія о прочихъ университетскихъ профессорахъ довольно тусклы или не представляютъ достаточныхъ характеристическихъ чертъ, поэтому я предпочитаю лучше вовсе не упоминать о нихъ. Были между ними конечно личности достойныя всякаго уваженія и пользовавшіяся любовью студентовъ, наприм. *Калмыковъ*, *Ивановскій*, *Порошинъ*, *Шнейдеръ* и др.; но, будучи филологомъ и не располагая данными, провѣренными личнымъ наблюденіемъ, я не считаю себя въ правѣ судить объ ихъ педагогической дѣятельности.

Довольно и тѣхъ тѣней, которыя, я руководствуясь правиломъ amicus Plato, sed magis amica veritas, набросалъ на мою alma mater. Въ утѣшеніе же моихъ бывшихъ товарищей, которые вздумали бы упрекнуть меня въ неуваженіи и въ недостаткѣ піетета (manque de pieté) по отношенію къ моей духовной «матери», я съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаю, что, несмотря на всѣ недостатки университетскаго образованія нашего времени, уровень духовнаго развитія питомцевъ Петербургскаго университета конца 1830 и начала 1840 г., былъ гораздо выше, нежели у студентовъ позднѣйшихъ выпусковъ. Мои старые товарищи могутъ всегда гордиться тѣмъ преимуществомъ, что умственное ихъ развитіе совершалось подъ вліяніемъ людей *«сороковыхъ годовъ»*; что, живя въ блестящую эпоху нашей литературы, мы

воспитались на произведеніяхъ такихъ талантливыхъ ея представителей, каковы *Жуковскій*, *Батюшковъ*, *Пушкинъ*, *Лермонтовъ*, *Гоголь*, тогда какъ студенты послѣдующихъ поколѣній обыкновенно черпали свою житейскую мудрость изъ разныхъ мутныхъ источниковъ въ сочиненіяхъ *Прудона*, *Молешота*, *Бюхнера* и т. п. извѣстныхъ апостоловъ матеріализма и комунизма, основъ нигилизма. Указанія на студенческія исторіи въ 1860 годахъ освобождаютъ меня отъ труда проводить дальнѣйшую паралель между состояніемъ Петербургскаго университета въ тотъ и другой періоды его исторіи. Тѣмъ кому мой приговоръ надъ уровнемъ знаній послѣдующихъ студентовъ, не только Петербургскаго, но и другихъ университетовъ, покажется слишкомъ суровымъ или пристрастнымъ, совѣтую обратиться къ опытнымъ редакторамъ журналовъ и газетъ и спросить ихъ, почему они, приглашая къ себѣ сотрудниковъ, еще въ очень недавнее время, предпочитали, а можетъ быть и теперь предпочитаютъ, людямъ съ образованіемъ 60-хъ и 70-хъ годовъ студентовъ выпусковъ 40-хъ и 50-хъ годовъ.

Итакъ, сравнивая характеръ, стремленія, настроеніе и условія жизни студенчества моего времени съ нынѣшнимъ, приходится съ сожалѣніемъ заявить о явномъ пониженіи. Имѣвъ случай близко ознакомиться съ образомъ жизни моихъ товарищей разныхъ кружковъ, какъ аристократическаго, такъ демократическаго, бывъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ и съ богачами, и съ бѣдняками и желая быть правдивымъ, не могу скрыть отъ читателя, что одни увлекались кутежемъ, другіе танцклассами, третьи карточной игрой; но долженъ присовокупить, что все это происходило въ незамѣтныхъ размѣрахъ сравнительно съ тѣмъ, о чемъ пришлось слышать и читать въ позднѣйшее время. Вотъ наприм. какъ описываются жизнь и нравы студентовъ настоящаго времени человѣкомъ, только что оставившимъ университетскую аудиторію.

«Борьба за существованіе», читаемъ въ «Письмахъ о современной молодежи и о направленіяхъ общественной жизни» (соч. NN, Москва 1888 г.), самая грубая, животная борьба, врѣзывается клиномъ въ жизнь студенчества, т. е. грызня изъ за куска хлѣба, отбиваніе мошеническимъ (!) образомъ другъ у друга уроковъ и т. п. Товарищескія невинныя попойки стараго времени превратились въ систематическій, безконечный запой, въ грубое злоупотребленіе молодыми силами и здоровьемъ. На Хитровомъ рынкѣ, въ ночлежныхъ домахъ, находятся особыя комнатки, носящія названія «студенческихъ». Чтобы побудить студентовъ къ соблюденію внѣшняго приличія, дали студентамъ форму.... и студенты въ формѣ сидятъ въ грязной портерной съ женщиной на колѣняхъ и горланятъ пошлую пѣсню. Дымъ, пиво, ругань, пьянство.... Въ другой группѣ, народившейся недавно и съ каждымъ

годомъ увелисивающейся, игра въ карты по цѣлымъ ночамъ, хожденіе въ оперетки (прибавимъ отъ себя неистовое клакёрство въ театрахъ), ѣзда въ увеселительныя заведенія, попойки и вообще прожиганіе жизни, вотъ что наполняетъ жизнь такихъ студентовъ».

«Товарищеской корпоративности вы у нихъ не ищите, тѣмъ менѣе дружескихъ бесѣдъ и споровъ на темы, такъ недавно (?) еще любимыя молодежью; если она собирается, то для того чтобы повинтить, поспорить о качествахъ новой опереточной дивы, посплетничать. Живой студенческой души нѣтъ у людей этой группы; они представляютъ изъ себя бюрократовъ въ зародышѣ, съ казенными замашками, съ тупымъ и холоднымъ отношеніемъ къ жизни, съ горячею любовью къ себѣ самому, своему карману и т. д. Къ наукѣ они относятся также только съ формальной стороны: для нихъ нуженъ одинъ лишь дипломъ».

Въ мое время никто бы не повѣрилъ, чтобы студенческія безобразія могли когда либо достигнуть такихъ геркулесовыхъ столбовъ.

Невольно спрашиваешь себя: чѣмъ объяснить это умственное и нравственное движеніе назадъ молодыхъ интеллигентныхъ слоевъ общества въ эпоху благодѣтельныхъ реформъ и несомнѣннаго стремленія къ прогрессивному развитію всѣхъ остальныхъ факторовъ культуры и гражданской жизни?! Мнѣ кажется, что не нужно долго искать отвѣта на этотъ вопросъ.

Мы знаемъ, что, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, на обязанности родителей и наставниковъ лежало оберегать дѣтей отъ излишнихъ шалостей и проступковъ постояннымъ руководствомъ и бдительнымъ надзоромъ за ними и что дурныя привычки и ложный образъ мыслей питомцевъ падали справедливымъ укоромъ на ихъ руководителей. Пусть же теперь *духовные* отцы нашей университетской молодежи спросятъ свою совѣсть: насколько *воспитательное* начало входило въ составъ ихъ (не спорю) можетъ очень ученыхъ и интересныхъ лекцій; насколько университетское преподаваніе дѣйствовало на нравственныя убѣжденія ихъ слушателей; словомъ, всегда ли наши гг. профессора руководствовались прекраснымъ афоризмомъ извѣстнаго педагога *Дистервега*, что университетъ есть заведеніе *педагогическое* и все что до него относится должно разсматриваться *съ педагогической*, а не съ другой точки зрѣнія *)?

А. Ч.

---

*) Eine Universität ist eine pedagogische Anstalt, und alle Maasregeln müssen von dem pädagogischen Standpunkte, nicht von dem polizeischen, juridischen, finanziellen oder anderen Standpunkte aus beurtheilt werden.

КЪ ИСТОРІИ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

Бумаги А. С. Норова.

1857 годъ.

Письма къ министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову.

А. Московскаго попечителя Е. П. Ковалевскаго.

1.

На письмо ваше отъ 7 Октября имѣю честь увѣдомить, что пока не окончится слѣдствіе, до тѣхъ поръ, при всемъ желаніи моемъ, я не могу ни опредѣлить того, въ какой степени виновны студенты, ни составить подробнаго объясненія о происшествіи. Слѣдствіе это впрочемъ вскорѣ должно окончиться, и тогда все будетъ ясно. Для успокоенія вашего могу сказать только, въ дополненіе къ прежде писанному мною, что общее мнѣніе въ пользу студентовъ, что слѣдствіе производится добросовѣстно и что по этому слѣдствію открыто уже, что первоначальный набѣгъ квартальнаго былъ не для открытія преступника (какъ прежде объясняли), а для преслѣдованія какого-то человѣка, который на окликъ квартальнаго не отвѣчалъ и скрылся въ домѣ, гдѣ живутъ студенты; эти же требовали, чтобы обыскъ былъ при ихъ субъ-инспекторѣ. Отсюда ссора и всѣ послѣдствія, о которыхъ я писалъ вамъ [1]).

---

[1]) Въ чемъ именно состояла эта одна изъ первыхъ студенческихъ исторій, которыхъ потомъ такъ много было въ царствованіе Александра Николаевича, мы не знаемъ. Въ бумагахъ А. С. Норова сохранилось письмо Е. П. Ковалевскаго къ его брату Егору Петровичу, отъ 6 Ноября. Въ немъ сказано: „Слѣдствіе показало еще болѣе неистовство полицейскихъ чиновъ и страдательную роль студентовъ. Слава Богу, я удержалъ порывы моихъ, которые могли бы дойти далеко. Личное ли ко мнѣ уваженіе, или строгость мѣръ, или то и другое, удержало ихъ и все въ порядкѣ. Начались интриги; а ты знаешь, что я на этомъ полѣ никуда не гожусь. Сдѣлай для меня большое одолженіе: объясни дѣло, какъ оно есть, Блудову, Ростовцову, Титову и, если можно, своему князю (т.-е. Горчакову). Это мнѣ очень важно, если я не буду имѣть возможности представиться Государю въ его пріѣздъ. Впрочемъ, общее мнѣніе въ мою пользу, и я совершенно покоенъ, исполнивши мою обязанность“.

Относительно устройства университетской библіотеки и перемѣщенія 4-й гимназіи я уже официально доносилъ вамъ, что превосходный и въ высшей степени дешевый домъ Новосильцева проданъ дороже значительно противъ нашей цѣны. Итакъ, мы потеряли уже два дома! Предположеніе употребить для гимназіи домъ, занятый ректоромъ, съ перваго взгляда оказывается неудобоисполнимымъ. Какъ частный домъ, онъ очень хорошъ для жилья; но для помѣщенія классовъ и дортуаровъ, не говоря уже о залахъ, его не расширить, а весь перебрать надобно. По необыкновенной нынѣ въ Москвѣ дороговизнѣ на строительные матеріалы, эта перестройка едва ли не дороже будетъ цѣны готовыхъ домовъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые мы упустили. Между тѣмъ для прочной отстройки потребуется весьма много времени. Если вамъ угодно имѣть официальныя объ этомъ доказательства, то они будутъ вамъ доставлены по первому требованію.

Герметическая топка—дѣло весьма полезное и особливо при такой дороговизнѣ дровъ, какъ нынѣ въ Москвѣ. Я объ этомъ давно хлопоталъ, но за разными недосугами и за неимѣніемъ въ виду искуснаго мастера не успѣлъ сдѣлать что-либо положительное по этому предмету. При этомъ, признаюсь вамъ, побоялся встрѣтить прямой или косвенный отказъ, какъ нововведеніе. По окончаніи нынѣшняго скучнаго времени, я не премину заняться этимъ дѣломъ и донести вамъ.

10 Сентября 1857.
Москва.

2.

Поспѣшаю сообщить вамъ извѣстіе о самомъ счастливомъ для насъ событіи: Государь Императоръ, несмотря на краткость своего пребыванія въ Москвѣ, изволилъ потребовать къ себѣ князя Петра Андреевича [2]) и меня. Вчера, въ 12 часовъ утра, позванъ былъ сперва князь, а потомъ и я въ кабинетъ Его Величества. Государь изволилъ выслушать снисходительно наше объясненіе о происшествіи и замѣтить, что не студенты, а полиція виновна. На это мы осмѣлились доложить, что не вся полиція, но низшій ея чиновникъ—квартальный надзиратель, единственный виновникъ несчастному происшествію. Относительно сбора студентовъ для составленія просьбы о защитѣ сотоварищей и пр. я представилъ Его Величеству, что это сдѣлано ими подъ вліяніемъ нанесеннаго оскорбленія всему обществу студентовъ и при видѣ избіенныхъ ихъ товарищей, что послѣ объясненія мною неприличности и незаконности сборовъ они остались спокойны и что все это происходило въ университетѣ и не выходило изъ стѣнъ его.

---

[2]) Вяземскаго, бывшаго тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

Наконецъ, Государю Императору угодно было дать замѣтить, что онъ нашими распоряженіями доволенъ. Вотъ краткій очеркъ событія, о которомъ я поставилъ обязанностью довести до вашего свѣдѣнія.

Къ этому долгомъ считаю присовокупить, что слѣдствіе продолжается добросовѣстно и усиленно; но оно не можетъ быть окончено такъ скоро, какъ бы того ожидали многіе, по упорному запирательству главнаго виновника и по прикосновенности большаго числа лицъ. Объ окончаніи его и о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ буду имѣть честь донести вамъ. Въ университетѣ и по округу по настоящее время все спокойно и благополучно.

Я бы не исполнилъ самой сердечной обязанности, еслибы не засвидѣтельствовалъ предъ вами, что мы много обязаны князю Петру Андреевичу за счастливую развязку.

15 Октября 1857.
Москва.

3.

Исполняя желаніе ваше, въ письмѣ отъ 3 Ноября изъясненное, имѣю честь васъ увѣдомить, что слѣдствіе ранѣе двухъ недѣль не можетъ быть окончено. Относительно вопроса, будетъ ли оно, прежде передачи въ военный судъ, отправлено въ Петербургъ на предварительное заключеніе или поступитъ прямо въ судъ, хотя изъ словъ графа Закревскаго нельзя извлечь ничего положительнаго, но мнѣ кажется, что онъ хочетъ воспользоваться при этомъ случаѣ правомъ генералъ-губернатора и дать дѣлу направленіе по своему усмотрѣнію. Я надѣюсь на его уже доказанное безпристрастіе и буду дѣйствовать, сколько достанетъ у меня силъ, въ пользу студентовъ. Но признаюсь, что участіе свыше, оказанное въ защиту этихъ несчастныхъ, было бы весьма благодѣтельно для нихъ и чрезвычайно важно для спокойствія студентовъ прочихъ. Надобно только дѣйствовать въ этомъ случаѣ очень осторожно, чтобы не затронуть щекотливость... [3]). Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, принимавшій въ нашемъ дѣлѣ теплое и благородное участіе, за что̀ Московскій университетъ сохранитъ навсегда ему глубокую благодарность, объяснитъ вамъ всѣ подробности дѣла. Я же буду слѣдить за нимъ и сообщать вамъ все достойное вниманія.

5 Ноября 1857.
Москва.

Ожидаю разрѣшенія вашего на счетъ опредѣленія директора въ Тульскую гимназію.

---

[3]) Такъ въ подлинникѣ. П. Б.

Б. Дерптскаго попечителя Е. Ѳ. Фонъ-Брадке [4]).

1.

Съ искреннимъ удовольствіемъ получилъ я письмо вашего превосходительства отъ 19-го числа и съ душевною благодарностію прочелъ въ немъ благосклонные отзывы ваши о сынѣ моемъ [5]). Ежели я вамъ довольно долго не писалъ, то сіе произошло частію отъ усиленныхъ занятій, частію отъ тяжкой болѣзни жены и собственныхъ постоянныхъ недуговъ, а частію и отъ того, что, изложивъ въ представленіи моемъ, при коемъ приложены годовые отчеты, подробно и откровенно о состояніи университета и округа, я не имѣлъ сообщить вамъ ничего интереснаго.

О большой университетской семьѣ моей обязываюсь по совѣсти вообще отозваться удовлетворительно, хотя при ежедневныхъ борьбахъ нерѣдко приходимъ въ уныніе. Со всѣхъ сторонъ бывшіе недоброжелатели университетскаго духа не могутъ надивиться перемѣнѣ. Рижскій преосвященный, бывъ недавно въ Дерптѣ, говорилъ мнѣ объ университетѣ и студентахъ въ самыхъ удовлетворительныхъ отзывахъ; онъ посѣщалъ университетскія коллекціи и нашелъ, по словамъ его, не менѣе радушія въ пріемѣ, какъ въ любомъ Русскомъ университетѣ: всѣ встрѣтившіеся студенты ласково ему кланялись, чего бы конечно прежде не было. Не желая завлекаться суетными надеждами, я однакожъ долженъ сказать, что Господь благословилъ, и начатки есть. Покорности и уваженія къ властямъ рѣшительно болѣе въ значительной степени; какого-то непріятнаго чувства ко всему Русскому рѣшительно менѣе, какъ вы относительно Русскаго языка изволите усмотрѣть и изъ моего донесенія. Болѣе приличія въ одеждѣ, менѣе нахальства во взглядѣ. Но духа времени, ошибочнаго направленія въ воспитаніи и вкоренившихся особенностей страны, сопряженныхъ притомъ со многими, достойными уваженія качествами (и гдѣ надобно осторожно дѣйствовать, чтобы не вырвать съ дурнымъ хорошаго) трудно измѣнить, и, чувствуя всю важность принятыхъ на себя обязанностей противъ Бога и Государя, при всѣхъ добросовѣстныхъ усиліяхъ и нѣкоторой опытности въ дѣлѣ, не находится причинъ быть довольнымъ своими дѣйствіями. Желаю, чтобы вы отъ другихъ слышали только хорошее

---

[4]) Напомнимъ читателю, что автобіографическія записки Егора Ѳедоровича Фонъ-Брадке напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875 г. П. Б.

[5]) Эммануилѣ Егоровичѣ, достойнѣйшемъ человѣкѣ, который впослѣдствіи былъ директоромъ департамента народнаго просвѣщенія. П. Б.

о насъ; но о собственной работѣ человѣкъ откровенный едва ли можетъ отозваться вполнѣ удовлетворительно.

Въ частности въ послѣднее время были нѣкоторыя продѣлки, меня озаботившія, но которыя, надѣюсь, послужили къ лучшему. Послѣ бывшей брани между студентами барономъ Корфомъ и Цвѣтковымъ, послѣдній въ сопровожденіи студента Петцгольда отправился утромъ въ квартиру барона Корфа, нашелъ его въ постели и далъ ему нѣсколько пощечинъ. По полученному о семъ свѣдѣнію, я зналъ, что послѣдствіемъ этого должна быть дуэль; а когда Корфъ въ тотъ же день просилъ объ увольненіи его изъ университета, то симъ ясно обозначилось, что дуэль будетъ пистолетная. Въ послѣдствіи сихъ соображеній, я Цвѣткова и Петцгольда немедленно посадилъ въ карцеръ, а Корфа посредствомъ полиціи выслалъ изъ города и уѣзда онаго и, когда получилъ достовѣрное свѣдѣніе, что онъ въ г. Верро, то исключилъ изъ университета Цвѣткова и Петцгольда, съ отправленіемъ послѣдняго посредствомъ жандармовъ къ его роднымъ въ Эстляндію. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Корфъ нынѣ въ Курляндіи и отправляется за границу, и какъ Цвѣтковъ принадлежитъ къ податному состоянію, то съ выходомъ обоихъ изъ университета, по мнѣнію всѣхъ знающихъ здѣшніе обычаи, дѣло кончено. Кромѣ нѣкоторыхъ обычныхъ сплетень, дѣло какъ между публикою, такъ и студентами было обсуждено съ выгодной стороны, и студенты исключили Цвѣткова, кажется и Петцгольда изъ корпорацій, что̀ несомнѣнно первый примѣръ присоединенія ихъ къ административнымъ мѣрамъ начальства. Скорость дѣйствія и непривычная для нихъ извѣстность о семъ начальству сначала поразила студентовъ, но однакожъ произвела доброе впечатлѣніе.

Другая, но совершившаяся дуэль теперь подъ изслѣдованіемъ и по окончаніи онаго будетъ доведена до вашего свѣдѣнія. Студентъ Зоммеръ раненъ, но опаснаго не предвидится, и онъ теперь въ карцерѣ. Противникъ изъ западныхъ губерній еще не сознается. Жители западныхъ губерній внесли сюда пистолеты, а между корпораціонными студентами дѣло всегда обходится на рапирахъ съ такими предосторожностями къ сохраненію живота, что дѣло болѣе похоже на фехтовальный урокъ. Въ настоящемъ случаѣ немедленное арестованіе, мною лично приказанное, содѣйствовало обнаруженію дѣла, въ коемъ Зоммеръ и секундантъ его сознались. Два случая, въ короткое время открытые, остановятъ на нѣкоторое время порывы юности, за что̀ впрочемъ поручиться также нельзя.

Дѣйствія комитета по разсмотрѣнію устава и штата Дерптскаго учебнаго округа также воспріяли свое начало; а по университету, получивъ новый штатъ съ дефицитомъ 22 тысячи рублей, я завтра

возвращаю оный съ моими замѣчаніями въ совѣтъ, для передачи въ особо составленный подъ предсѣдательствомъ с. с. Биддера комитетъ для разсмотрѣнія университетскихъ устава и штата. Обоимъ комитетамъ я далъ отъ себя полную инструкцію и искренно желаю, чтобы ваше распоряженіе достигло полезной цѣли, къ чему буду содѣйствовать по полному моему разумѣнію; хотя долженъ сознаться, что по округу оно меня стѣснило, особенно пріостановленіемъ моихъ представленій, которыя уже за симъ едва ли мною будутъ приводимы въ исполненіе: ибо все окончаніе дѣла не можетъ не замедлиться и именно болѣе въ Петербургѣ, нежели у насъ. Впрочемъ я увѣренъ, что и вы были побуждены обстоятельствами къ тому направленію, которое вамъ угодно было дать этому дѣлу.

Искренно буду радоваться видѣть васъ весною у насъ въ Дерптѣ; надѣюсь, что вы меня предувѣдомите, чтобы озаботиться о доставленіи вамъ хотя нѣкотораго спокойствія.

24 Февраля 1857. Дерптъ.

2.

Съ искреннимъ удовольствіемъ ожидали мы вашего проѣзда чрезъ Дерптъ, и могу сказать, что сожалѣніе было общее, когда узнали, что вы взяли направленіе на Варшаву. Впрочемъ въ будущемъ году вы насъ уже найдете въ большемъ устройствѣ и наружномъ порядкѣ: все подвигается впередъ, и заведенія наши принимаютъ понемногу надлежащій видъ благоустроенныхъ учрежденій. Но, благодаря Господу Богу, мы подвинулись впередъ не только наружно, но и внутренно: всѣ наши учебныя сословія болѣе и болѣе понимаютъ и укрѣпляются въ порядкѣ государственномъ; законъ имѣетъ уже здѣсь все свое значеніе и благоговѣютъ предъ волею Государевою, которая одна выше закона.

Молодежью своею я вообще доволенъ; духъ своеволія и безчинства уже давно не проявлялся, и вообще замѣчается болѣе скромности и повиновенія. Впрочемъ усыпать не приходится, и при столь значительномъ числѣ молодежи, въ самые опасные годы жизни, вниманіе не можетъ и не должно ослабѣвать.

Гафнеръ рѣшился самъ собою оставить университетъ; онъ человѣкъ самый благородный и благонадежный; послѣднее время отказался даже отъ своихъ кудреватыхъ фразъ студентамъ; но, потерявъ единожды уваженіе этой молодежи къ лицу ректора, всегда сохраненное однакожъ къ его личнымъ качествамъ, онъ рѣшился устраниться добровольно отъ фальшиваго своего положенія. Съ моей стороны не было убѣжденія ни оставаться, ни уходить; ибо при моемъ настоящемъ

личномъ положеніи въ университетѣ я бы могъ обойтись и съ Гафнеромъ. Притомъ же дѣйствительно трудно и почти невозможно, чтобы въ званіи ректора не-профессоръ могъ дѣйствовать успѣшно.

Остановившись на Биддерѣ, какъ на единственномъ человѣкѣ, который въ настоящее время по моему мнѣнію можетъ съ пользою занять званіе ректора, я чрезъ декановъ собиралъ мнѣніе университетскаго сословія, причемъ и оказалось (какъ я въ этомъ былъ увѣренъ), что большая часть профессоровъ раздѣляетъ мнѣніе мое; а нѣкоторые однакожъ, опасаясь твердаго и религіознаго характера Биддера, возбудили нѣкоторыя ничтожныя интриги, сами собой упавшія. Студенты уважаютъ Биддера наиболѣе изъ всѣхъ профессоровъ, хотя многихъ другихъ болѣе любятъ, довѣріе же ихъ всегда особенно выражалось къ нему и Сампсону.

Мнѣ почти все лѣто не здоровилось и теперь не здоровится, хотя постоянно выхожу и двигаюсь: геморрой меня крѣпко мучаетъ. Ежели зимою будетъ лучше, то полагаю просить васъ испросить мнѣ высочайшее соизволеніе на пріѣздъ въ Петербургъ для нѣкоторыхъ служебныхъ изъясненій.

9 Октября 1857. Дерптъ.

Сейчасъ имѣлъ честь получить письмо ваше и искренно благодарю за вашу добрую память. Милосердіе Государя Императора къ Кіевлянамъ[6]) я прочелъ съ полнымъ сочувствіемъ. Теперь могу сказать, что высочайшій пріѣздъ въ Дерптъ былъ бы для меня невыразимою радостью и что я могу надѣяться, что и молодежь наша, при сердечной привязанности къ лицу Всеавгустѣйшаго Монарха, могла бы произвести впечатлѣніе болѣе благопріятное, какъ я прежде долженъ былъ того опасаться по крайней ихъ небрежности и искуственно-принятому мудреному виду. Дай Богъ, чтобы пребываніе ваше въ чужихъ краяхъ принесло благопріятные плоды вамъ и искренно уважаемой супругѣ вашей.

В. Управлявшаго Варшавскимъ учебнымъ округомъ П. А. Муханова.

Весьма былъ обрадованъ письмомъ вашего высокопревосходительства: пребываніе ваше въ округѣ облегчитъ приведеніе къ концу начатыхъ вами въ Сентябрѣ важныхъ дѣлъ; совѣщанія въ Варшавѣ съ княземъ-намѣстникомъ устранятъ всѣ препятствія лучше и скорѣе, чѣмъ переписка.

Академія утверждена. Учебный годъ начинается въ Сентябрѣ. Есть ли возможность назначить президента, выбрать *достойныхъ* про-

---

[6]) Е. Ѳ. Фонъ-Брадке былъ прежде Кіевскимъ попечителемъ. П. Б.

фессоровъ, устроить конференцію и правленіе, и все это въ столь короткое время? Русская пословица: «поспѣшишь—насмѣшишь». Но безотлагательное открытіе академіи необходимо, и оно можетъ совершиться; занимаюсь изложеніемъ по сему моихъ соображеній.

О президентѣ князю Михаилу Дмитріевичу [7]) докладывалъ; онъ съ своей стороны находитъ выборъ вашъ (Цыцуринъ) совершенно удовлетворительнымъ; а я прибавлю: весьма счастливымъ.

Князь Вяземскій сообщилъ намѣстнику заключенія нѣкоторыхъ законовѣдовъ о *юридическомъ* преподаваніи законовѣдѣнія въ 6, 7 и 8 (спеціальныхъ) классахъ гимназій; но предлагаютъ учрежденіе юридической школы на степени юридическаго университетскаго факультета. Князь-намѣстникъ остается при прежнемъ мнѣніи и на основаніе здѣсь факультета не согласенъ. На этомъ дѣло остановилось. Въ «Инвалидѣ» (21 Іюля сего года) читаю, что въ уѣздныхъ училищахъ Одесскаго учебнаго округа г-нъ Пироговъ предполагаетъ ввести преподаваніе общихъ понятій объ отечественныхъ узаконеніяхъ и формахъ судопроизводства. Дворянство сему весьма радуется, жертвуетъ на это сумму и надѣется, что все это устроится въ скоромъ времени; ожидаютъ только рѣшенія высшаго начальства. Чтò скажутъ Петербургскіе законовѣды?!

Намѣстникъ отнесся къ князю Вяземскому объ исходатайствованіи *увеличенія числа юридическихъ стипендій* при университетахъ Имперіи для юношества Царства Польскаго вмѣсто 20 до 40.

Уставъ Агрономическаго Института еще не утвержденъ; просилъ князя Вяземскаго рѣшить: долженъ ли быть начатъ пріемъ въ институтъ, или же слѣдуетъ ожидать введенія новаго устава? Ожидаю отвѣта; введеніе улучшеній въ семъ же году весьма было бы желательно.

Уставъ *Женскаго Пансіона* еще не утвержденъ; но отъ князя Вяземскаго получено разрѣшеніе открыть оный, если намѣстникъ изъявитъ на это свое согласіе. Согласіе получено, и пансіонъ будетъ открытъ. Здѣшніе жители этимъ весьма довольны. При передѣлкѣ зданія много было хлопотъ и работы; на дняхъ будетъ готово.

Ожидается изъ С.-Петербурга утвержденіе Положенія *о стипендіяхъ для учениковъ здѣшнихъ училищъ*. Оно отправлено намѣстникомъ 2 (14) Іюля. Желательно, чтобы какъ сія благодѣтельная мѣра, такъ и прочія были осуществлены передъ пріѣздомъ Государя Императора. Всѣ онѣ будутъ пріятны для жителей, а при томъ непротивны видамъ правительства, а посему и невредны; это весьма важно.

Объ увольненіи неблагодарнаго *Вендта* отъ службы будетъ сдѣлано представленіе.

---

[7]) Горчакову, тогдашнему намѣстнику. П. Б.

На имя ваше есть письмо отъ Пирогова. Руководствуясь инструкціею, вами данною, я оставилъ оное до вашего пріѣзда.

Прошу засвидѣтельствовать глубокое мое почтеніе вашей супругѣ.

NB. Займусь *приготовленіемъ для васъ квартиры.*

Дочь моя въ Москвѣ и возвратится только зимою; ея комнаты (въ Мостовскомъ палацѣ) были бы весьма удобны для васъ и вашего семейства; онѣ хорошо меблированы; въ нихъ нѣтъ вовсе вещей моей дочери. Въ хозяйственномъ отношеніи здѣсь также было бы удобнѣе: у меня есть поваръ, и по сей статьѣ вамъ не было бы заботъ; въ домѣ же попечителя мебели нѣтъ, нужно бы отсюда все переносить; къ тому же во время бытности здѣсь Государя врядъ ли можно найти повара (повара̀ берутся на дворцовую кухню); трудно достать экипажъ; у меня же кухня устроена, и двойной комплектъ экипажей и лошадей. Для меня было бы весьма отрадно и для службы удобно жить подъ одной крышей съ вами. Лѣстница и входъ въ ваши покои будутъ отдѣльные. Впрочемъ буду ожидать рѣшенія вашего: какъ рѣшите, такъ и сдѣлаемъ.

Я думаю, что вамъ бы слѣдовало пріѣхать не 25 Августа ст. ст., но ранѣе двумя или тремя днями.

1 (13) Августа 1857.

Г. Письмо къ А. С. Норову профессора О. М. Бодянскаго.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Авраамъ Сергѣевичъ!

Въ засѣданіи 8-го прошлаго Августа историко-филологическій факультетъ Московскаго Университета совѣщался о преемникѣ С. П. Шевыреву по каѳедрѣ Русской Словесности. Какъ профессоръ исторіи и литературы Славянской, въ которую входитъ и Русская, я, по праву Устава Университета, указалъ на Аполлона Майкова, только-что со славой получившаго степень магистра по моей каѳедрѣ, стало быть уже этимъ самымъ больше всякаго другаго обращающаго на себя вниманіе избирателей: ибо современное состояніе науки требуетъ отъ нихъ прежде и больше всего не выпускать изъ виду той связи, которая находится между сими двумя предметами. Разрозненность ихъ до сихъ поръ служила только во вредъ имъ. По крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ изученіе Славянской науки введено въ Университеты и поставлено во главу угла и науки Русской, послѣдняя очевидно перерождается, даровитѣйшіе двигатели и подвижники ея предпочтительно выходятъ изъ этой, а не другой школы, суть Славянисты, а не просто-Руссисты, какъ было еще не задолго предъ симъ. И это естественно: часть виднѣе и понятнѣе въ кругу всѣхъ прочихъ частей, нежели сама по себѣ, оторванная отъ своего корня, безъ соотношенія

съ другими частями. Отсюда успѣховъ больше на сторонѣ первыхъ, чѣмъ послѣднихъ, простыхъ рутинистовъ. Отправляясь отъ этого взгляда, я настаивалъ, гдѣ слѣдовало, на необходимости Московскому Университету остановить выборъ свой на такомъ лицѣ, которое болѣе всякаго другаго удовлетворяетъ требованіямъ разумной современности.

Лучшимъ доказательствомъ тому въ отношеніи къ г. Майкову служитъ его сочиненіе, въ коемъ такъ много поучительнаго и важнаго успѣлъ онъ сказать для исторіи нашего языка и народа, а это потому лишь, что и языкъ нашъ, и народъ—кость отъ кости и плоть отъ плоти одного великаго цѣлаго, Славянскаго племени. Если нашъ магистръ сдѣлалъ такой замѣчательный подвигъ для Сербовъ, то чего же не въ правѣ ожидать мы отъ него для своего роднаго, матеріалы котораго всюду подъ рукой, между тѣмъ какъ матеріалы Сербскіе, къ сожалѣнію, у насъ чуть ли не рѣже матеріаловъ Перу и Мексики? Ключъ къ такой разработкѣ ихъ не въ рукахъ рутинистовъ, какъ показываетъ то ежедневный опытъ. Грѣшно, потому, будетъ, если мы не доставимъ такому молодому ученому дѣятелю, выходящему, такъ сказать, во всеоружіи на дѣланіе свое, возможности потрудиться теперь на родной почвѣ, примѣнить къ своему тотъ въ высшей степени замѣчательный талантъ свой, которому такъ искренно удивляются уже наши западные соплеменники. «Благодарю васъ», пишетъ мнѣ на дняхъ одинъ изъ Славянскихъ ученыхъ, «за книги присланныя вами, особенно же за сочиненіе Майкова [*]). Послѣднее произвело здѣсь изумительное впечатлѣніе. Рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ тамъ, на далекомъ Сѣверѣ, могло явиться такое безподобное произведеніе. Старый Вукъ Караджичъ наотрѣзъ сказалъ, что здѣшнимъ ученымъ и не приснится написать такое сочиненіе, и хочетъ послать Майкову всѣ свои книги въ знакъ сердечной признательности за его превосходный трудъ».

Неужели же и на сей разъ «нѣсть пророкъ во отечествіи своемъ?»

Какъ наставникъ того и другаго изъ соискателей, слѣдившій за обоими въ продолженіи всего ихъ ученья, я знаю дарованія ихъ, запасъ свѣдѣній, направленіе и потому могу предсказать, чего мы въ состояніи ожидать отъ нихъ на избранномъ ими поприщѣ. Въ дѣлѣ науки обращается вниманіе не на временное или мѣстное удовлетвореніе потребностей; наоборотъ, тѣ и сами заблуждаются, и другихъ вводятъ въ заблужденіе, кто, дѣйствуя подъ такимъ плащемъ, обходятъ рѣшительный талантъ. Ссылаются на факультетъ; но и въ немъ развѣ всѣхъ членовъ его голоса равнозначительны? Развѣ мнѣнія преподавателя Политич. Экономіи и Статистики, Исторіи, Греч. и Латинскаго языковъ, одинаково вѣрны при опредѣленіи достоинствъ кандидата по

*) „Исторія Сербскаго языка“. П. Б.

каѳедрѣ Русской Словесности? Стало быть, «находятъ необходимымъ» тутъ непримѣнимо въ сущности, не выражаетъ того, что̀ слѣдуетъ; но весь вопросъ сводится на мнѣнія двухъ только профессоровъ: Русской и Славянской словесностей, какъ органически неразрывно-соединенныхъ между собою. Изъ нихъ первый стоитъ за кандидата, который плетется себѣ старой битой дорожкою и ничѣмъ еще не остановилъ на себѣ нашего вниманія; другой, наоборотъ предлагаетъ человѣка, удовлетворяющаго всѣмъ требованіямъ современнаго образованія, показавшаго самымъ дѣломъ, что̀ онъ такое и что̀ способенъ еще сдѣлать, если только сумѣемъ оцѣнить его и удержимъ въ той области, для которой онъ такъ превосходно приготовилъ себя, разумѣю область Русской литературы, и притомъ обладаетъ еще богатѣйшими свѣдѣніями въ области родственныхъ съ ней литературъ. Въ немъ Университетъ пріобрѣтетъ не просто спеціалиста, но, такъ сказать, спеціалиста-универсалиста въ своей наукѣ: рѣдкое, въ высшей степени желанное для каждаго жреца науки соединеніе качествъ. Вотъ почему Совѣтъ Университета отдаетъ Майкову, а не Тихонравову предпочтеніе, считаетъ его, а не его соискателя необходимымъ для Русской каѳедры: ибо онъ не можетъ и не долженъ при замѣщеніи каѳедръ увѣрять, что хоть изъ двухъ соискателей одинъ далеко ниже своего соперника, но онъ необходимѣе для него «на этотъ разъ». Это сдѣлка унизительная для его достоинства и вообще науки; это значило бы: Stat voluntas pro ratione. Если мы потеряемъ Майкова теперь, то уже потеряемъ его навсегда для той науки, для которой онъ посвящалъ себя, именно Русской Словесности. Отвергнутый нами, онъ долженъ будетъ броситься на другое поприще. Семейныя же обстоятельства его (онъ одинъ сынъ у отца, старика за 60 лѣтъ) не позволяютъ ему и думать о перемѣнѣ мѣста пребыванія, внѣ родной Москвы. Такимъ образомъ мы опять лишимся замѣчательной личности для нашей Русской науки и лишимся изъ-за временныхъ второстепенныхъ соображеній. Что̀ за горькая участь у насъ всего, что̀ только отмѣчено сколько нибудь печатью самобытности! Полагаю лишнимъ прибавлять, что только важность этого дѣла побудила меня безпокоить ваше высокопревосходительство своимъ письмомъ.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и полною преданностію имѣю честь быть вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ и нижайшимъ слугою Осипъ Бодянскій.

Октября 26-го дня 1857 г. Москва.

(*Сообщено Николаемъ Петровичемъ Поливановымъ*)

Жизнь и труды М. П. Погодина, Николая Барсукова. С.-Пб. 1888 г. Книга первая.

М. П. Погодинъ былъ столь важнымъ и замѣтнымъ дѣятелемъ въ исторіи Русской науки, просвѣщенія и политики, что, конечно, память его не должна была подвергнуться забвенію, и онъ вполнѣ заслуживалъ такой обширной и подробной біографіи, какую обѣщаетъ вышедшая теперь первая книга ея, простирающаяся только до 1826 года. За дѣло взялся человѣкъ въ высшей степени знающій и опытный въ трудахъ подобнаго рода, именно Николай Платоновичъ Барсуковъ, успѣвшій уже воздвигнуть прочный памятникъ другому дѣятелю Русской исторической науки, П. М. Строеву и вмѣстѣ съ тѣмъ упрочившій свою собственную ученую репутацію.

Отличительная черта направленія Н. П. Барсукова заключается въ томъ, что въ дѣятельности какъ видныхъ ученыхъ, такъ и скромныхъ тружениковъ - изслѣдователей онъ видитъ не просто подвигъ въ области теоретическаго познанія, но подвигъ патріотическій, служащій къ чести и славѣ отечества. Такое настроеніе какъ нельзя болѣе кстати для біографіи Погодина, который всегда отличался Русскимъ патріотическимъ настроеніемъ: любопытныя проявленія этого направленія уже съ самыхъ первыхъ шаговъ его въ области изученія Русской исторіи и съ самыхъ молодыхъ лѣтъ можно теперь найти въ вышедшей книгѣ Н. П. Барсукова. Біографъ Строева, какъ извѣстно, выработалъ и свой особый, мало притязательный, но весьма пригодный методъ и свои весьма удачные пріемы для составленія жизнеописаній Русскихъ ученыхъ дѣятелей. Этотъ методъ состоитъ въ томъ, чтобы заставлять говорить сколько возможно болѣе самаго героя біографіи, пользуясь его перепискою и всякаго рода документами, въ которыхъ онъ выражалъ свои взгляды на ученые и общественные вопросы. Тотъ же самый методъ приложенъ и къ жизнеописанію Погодина. Такъ какъ въ рукахъ Н. П. Барсукова въ данномъ случаѣ находится чрезвычайно богатый и полный матеріалъ, предоставленный въ его распоряженіе наслѣдниками Погодина, между прочимъ драгоцѣнный дневникъ Погодина, веденный почти отъ лѣтъ перваго юношества и уже съ самаго начала отличающійся извѣстною оригинальностію: то, благодаря такому методу, изложеніе біографа, постоянно живое и занимательное, часто имѣетъ двойной интересъ.

Василій Васильевскій.

ДѢТСКІЙ СОНЪ К. С. АКСАКОВА.

Передъ нами новая, только что вышедшая въ двухъ томахъ книга: „*Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ*“. По серьезности своего содержанія она заслуживаетъ и серіознаго разбора; въ настоящую минуту мы хотимъ только по поводу ея сообщить одну предварительную замѣтку.

Первый томъ послѣ предисловія открывается превосходною статьею: *Очеркъ семейнаго быта Аксаковыхъ*. Это черновой набросокъ самаго Ивана Сергѣевича, отысканный въ его бумагахъ.

„Иванъ Сергѣевичъ, сказано въ предисловіи, имѣлъ намѣреніе написать біографію своего брата, которая должна была обнимать и исторію всего Славянофильскаго кружка за то время, когда онъ собирался въ домѣ Аксаковыхъ. Написано Иваномъ Сергѣевичемъ только введеніе къ этому труду, содержащее характеристику его родителей и нѣкоторыя воспоминанія дѣтства. Такъ какъ этотъ очеркъ имѣетъ одинаковое значеніе для біографіи обоихъ братьевъ, то онъ можетъ быть помѣщенъ въ настоящемъ томѣ, какъ введеніе къ письмамъ Ивана Сергѣевича и какъ начало его автобіографіи“.

Этотъ живой и въ высшей степени интересный очеркъ печатается еще впервыя, и за него читатели много поблагодарятъ издательницу. Но тутъ именно и встрѣтились строки, требующія по нашему мнѣнію не только исправленія, и даже и дополненія. Не надо забывать, что очеркъ набросанъ Иваномъ Сергѣевичемъ именно лишь вчернѣ: многое тутъ записано отрывочно, какъ бы лишь себѣ на память для дальнѣйшихъ справокъ, иное просто неразборчиво отъ скорописи. Въ разсказѣ о томъ, какъ проводилъ Константинъ Сергѣевичъ свое дѣтство въ селѣ Надежинѣ (читателямъ *Семейной Хроники* оно извѣстно подъ названіемъ *Парашино*), напечатано слѣдующее: „Еще въ Надежинѣ, ребенкомъ, онъ видѣлъ сонъ— Красную Площадь и Минина въ цѣпяхъ, что впослѣдствіи онъ и разсказалъ въ стихахъ:

Нѣтъ! Мечта не приснилась, и проч.

Любовь къ Москвѣ, какъ непосредственное чувство, зажглась въ немъ еще въ тѣ годы“.

Такъ какъ этотъ стихъ очевидно испорченъ (въ немъ даже нѣтъ размѣра), при томъ онъ оборванъ лаконическимъ *и проч.*: то разумѣется

это мѣсто подлежало исправленію. Благодаря тому, что всѣ бумаги, относящіяся до біографіи Константина Сергѣевича, свято сохранялись Иваномъ Сергѣевичемъ, является возможность возстановить этотъ стихъ въ первоначальномъ его видѣ.

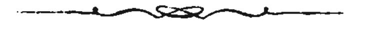
Вотъ все восьмистишіе:

Нѣтъ! мечта не измѣнилась,
А по прежнему жива
Съ той поры, когда мнѣ снилась
Семилѣтнему Москва.

Срокъ мой краток или длиненъ,
Образъ врѣзанъ вѣщимъ сномъ:
Площадь Красная и Мининъ
Весь въ цѣпяхъ передъ Кремлемъ.

Какъ бы ни были художественны или напротивъ слабы эти стихи сами по себѣ, но всякій согласится: глубоко знаменательны они! Вѣщій сонъ семилѣтняго ребенка—Красная Площадь съ памятникомъ Минина и Пожарскаго и „*Мининъ весь въ цѣпяхъ передъ Кремлемъ*"—черта слишкомъ характеристическая въ Константинѣ Сергѣевичѣ и драгоцѣнная для его біографа, чтобы не упомянуть о ней. Не этотъ ли самый сонъ, видѣнный еще въ дѣтствѣ, въ сельской глуши Поволжья, тяготилъ его и преслѣдовалъ потомъ всю жизнь даже до могилы?

Н. М. Павловъ.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ГУРІЙ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

Архіепископъ Таврическій Гурій почти каждое лѣто пріѣзжалъ въ Ѳеодосію для морскаго купанья, и въ послѣдніе годы моей жизни въ этомъ городѣ обыкновенно живалъ въ моемъ домѣ, по цѣлому мѣсяцу и того болѣе. Почившій святитель, по высокимъ качествамъ души, по многостороннему образованію, по глубокой опытности, безграничной благожелательности и по своимъ общественнымъ трудамъ, долженъ быть причисленъ къ достопамятнымъ іерархамъ православной церкви. Мудрено ли, что дни его пребыванія у меня были для меня и семьи моей днями праздничными: было о чемъ поговорить, чему вмѣстѣ или порадоваться, или о чемъ погоревать, особливо въ семидесятыхъ годахъ, когда мы уже начали вкушать и сладкіе, и горькіе плоды разнаго рода преобразованій въ строѣ нашей народно-государственной жизни. Бесѣды наши на эту тему архипастырь Гурій обыкновенно оканчивалъ грозно-пророческими словами: «что̀ посѣяли, то и пожнутъ; а пожнутъ, во всякомъ случаѣ, несладкіе плоды». Кстати или не кстати, но замѣчу, что нашихъ архипастырей, по крайней мѣрѣ тѣхъ, съ которыми мнѣ приводилось вести знакомство, занимали почти исключительно общечеловѣческіе или общерусскіе вопросы, вопросы церкви и народной жизни. Оно такъ и должно быть: эти лица не связаны узами семьи и мелкими требованіями ежедневной жизни. Преосвященный Гурій былъ однимъ изъ лучшихъ собесѣдниковъ: свѣдѣнія его были самыя разностороннія, сердце отзывчивое на все доброе. На слова онъ вообще былъ скупъ, но за то каждое выраженіе его было, такъ сказать, отлито въ отчетливую форму. Таковъ онъ былъ и на письмѣ. Разъ я встрѣтилъ въ Симферополѣ одного изъ почтеннѣйшихъ профессоровъ Университета Св. Владиміра (и до нынѣ еще здравствующаго), и слышу отъ него: что̀ у васъ здѣсь за пустыня; сло̀ва не съ кѣмъ сказать. Идите, отвѣчалъ я, къ Гурію. Встрѣчаюсь снова съ этимъ мужемъ науки и слышу отъ него: да, вы открыли мнѣ цѣлый кладъ въ этомъ человѣкѣ.

Въ одну изъ бесѣдъ съ возлюбленнымъ святителемъ, на террасѣ моего бывшаго дома, рѣчь коснулась моей прежней дѣятельности въ должности секретаря И. Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи и редактора его Записокъ въ теченіе 17 лѣтъ (что̀ меня ставило въ соотношенія со множествомъ сельскихъ хозяевъ и людей выдающихся). «А сохраняете ли вы переписку съ этими лицами? Записано ли у васъ, что̀ слышали отъ нихъ или что̀ замѣтили въ ихъ образѣ мыслей, въ характерѣ или жизни?» спросилъ меня преосвящ. Гурій.—Есть кое-что записанное, отвѣчалъ я; но письма большею частію уничтожались и уничтожаются.—«Нехорошо вы дѣлали и дѣлаете, замѣтилъ мнѣ мой собесѣдникъ: уничтожить во всякое время можно, но возстановить уничтоженное?... Такія лица, какъ Иннокентій, приблизившій васъ къ себѣ, какъ графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, столь любившій васъ, какъ другъ вашъ Н. И. Костомаровъ, графъ А. А. Бобринскій, графъ А. Г. Строгоновъ и другіе, о которыхъ вы иной разъ кое-что разсказываете, принадлежатъ потомству, и каждое ихъ слово будетъ имѣть для грядущихъ поколѣній своего рода цѣну. Посмотрите, какъ въ чужихъ краяхъ собираютъ старину и какъ цѣнятъ каждую крупицу, упавшую отъ нея».—Да вѣдь я, владыко, человѣкъ маленькій; и какой интересъ для потомства могутъ имѣть письма хотя бы и выдающихся личностей къ такому убожеству?—«Да рѣчь не про васъ: тѣ-то должны выростать и выясняться въ глазахъ потомства, которые съ любовію относились къ вашему убожеству, если вамъ такъ угодно назвать себя! Покажите мнѣ хоть маленькую записочку именитаго моего предшественника преосвященнаго Иннокентія, и я съ величайшимъ удовольствіемъ посмотрю на нее, и, вѣрно, найдется въ ней что нибудь особенное. Нѣтъ, другъ мой, впередъ берегите письма выдающихся личностей, и что̀ осталось сохраните, приведите въ порядокъ, объясните, пополните».

Послушался я мудраго архипастыря; но увы! перебирая свой архивъ, нашелъ только кое-что. Нашелъ напр. до 30 писемъ моего незабвеннаго друга Н. И. Костомарова, которыя съ моими воспоминаніями о немъ переданы въ готовящійся (его супругою) къ изданію «Сборникъ». Нашелъ, можно сказать, самую малую часть писемъ ко мнѣ графа Д. Е. Остенъ-Сакена. Но напр. изъ писемъ ко мнѣ изъ Винницы Н. И. Пирогова не отыскалось ни одного; правда, ихъ было не болѣе 4 или 5, но, сколько помнится, не бѣдныхъ содержаніемъ. Мы очень часто переписывались съ преосвященнымъ Гуріемъ; изъ писемъ его уцѣлѣло всего 73, т. е. менѣе трети.

Воистину Русскій я человѣкъ, привыкшій къ халатности, какъ и почти всѣ мы, Русскіе люди. Къ этимъ же Русскимъ людямъ долженъ быть причисленъ и самъ Гурій. Припоминая его наставленія о сбере-

женіи писемъ и замѣтокъ, я теперь, на его могилѣ, могу сказать: врачу, исцѣлился бы самъ! Вотъ въ чемъ дѣло и что я доподлинно знаю. Живя въ теченіе 18 лѣтъ въ Китаѣ, въ качествѣ члена, а потомъ начальника нашей миссіи (отчасти замѣнявшей посольство), преосвящ. Гурій собралъ великое множество матеріаловъ какъ объ этой срединной, многовѣковой и многомилліонной имперіи, такъ и о нашихъ сношеніяхъ съ ней. Не разъ онъ говорилъ мнѣ, что изъ этихъ матеріаловъ составятся два огромныхъ тома, и что тутъ найдется немало такого, что никому неизвѣстно, или извѣстно очень немногимъ. Китайскій языкъ преосвящ. Гурій зналъ какъ свой родной: свободно говорилъ и писалъ на немъ, перевелъ на него Св. Евангеліе, Псалтирь, священную исторію, нѣчто относящееся къ нашему богослуженію и т. д. Кромѣ того, онъ зналъ новѣйшіе языки и, при своемъ изумительномъ трудолюбіи, могъ перечитать все, что писали о Китаѣ Французы, Нѣмцы и Англичане. Прибавить ли къ этому, что знаніе классическихъ языковъ, хотя въ Китаѣ и не имѣлось въ нихъ нужды, онъ сохранилъ до послѣднихъ дней жизни? При мнѣ онъ разъ читалъ Оригена на Греческомъ языкѣ, читалъ и переводилъ такъ, что и не замѣтно было, что онъ читаетъ не по-русски, т. е. что смотритъ въ Греческую книгу. Подумаешь, какою прочностію отличалась прежняя школа,—школа обезславленная кликою «долбленія отселѣ и доселѣ». Имѣя въ виду почти двадцатилѣтнюю жизнь Гурія въ Китаѣ, его, сколько мнѣ извѣстно, близкія отношенія къ разнаго рода ученымъ и чиновнымъ людямъ этого царства, его знакомство съ литературою какъ Китайскою, такъ и Европейскою о Китаѣ, мы въ правѣ ожидать, что огромные два тома будутъ имѣть самый живой интересъ не только у насъ, но и за границею, гдѣ давно былъ замѣченъ Гурій, какъ ученый мужъ. И увы! эти томы не увидятъ Божьяго свѣта.

Первые годы управленія Таврическою епархіею этотъ архипастырь весь былъ поглощенъ заботами о ней, работая (что мы очень хорошо знаемъ) не менѣе 18 часовъ въ сутки *), и плодомъ его трудовъ было созданіе и открытіе духовной семинаріи, построеніе превосходныхъ домовъ для епархіальнаго женскаго и духовнаго мужскаго училищъ (и притомъ почти исключительно на мѣстныя средства), открытіе новопостроенныхъ церквей и приходовъ въ числѣ 278, и это въ какіе нибудь 12 лѣтъ, тогда какъ до него, т. е. чуть не въ теченіи цѣлаго столѣтія, всего считалось церквей въ Таврической губерніи до 120:

*) Часть этого времени посвящалась и на чтеніе. Преосв. Гурій читалъ все достойное чтенія. Онъ имѣлъ большую библіотеку, стоившую до 30 т. р., которую и завѣщалъ мѣстной духовной семинаріи.

такъ мы понимали значеніе этой, по выраженію архіепископа Иннокентія, уязвимой нашей окраины, или правильнѣе не понимали, что первый оплотъ ея—обрусеніе съ православною вѣрою. Упомянемъ еще, что преосвящ. Гурій положилъ основаніе къ упроченію болѣе или менѣе независимаго положенія духовенства: уже при немъ $^1/_3$ сельскихъ приходовъ на жалованіи у своихъ прихожанъ (не менѣе 600 р. священнику); а въ настоящее время всѣ сельскіе причты на безбѣдномъ жалованіи отъ прихожанъ, всѣ имѣютъ или общественные, или собственные дома и пользуются участками земли, большею частію увеличенными самими прихожанами противъ узаконенной нормы. Брошенное мелкое зернышко рукою добраго сѣятеля, видно, дало плодъ сторицею.

Преосвященнаго Гурія по справедливости можно назвать нѣкіимъ геніемъ-строителемъ. Въ С.-Петербургѣ, въ стѣнахъ Александроневской лавры, существовало духовное училище въ такомъ зданіи, въ которомъ по ветхости даже опасно было жить, не говоря уже о тѣснотѣ, темнотѣ и всякаго рода и вида нечистотѣ. И какъ будто все въ немъ обстояло благополучно, и повидимому никому не было дѣла до этой обитаемой мерзости запустѣнія. Но вотъ назначается смотрителемъ этого заброшеннаго училища іеромонахъ Гурій (послѣ перваго возвращенія его изъ Китая), и возводится зданіе помѣстительное, свѣтлое и чистое. Въ Симферополѣ онъ построилъ домъ для консисторіи, какаго напр. не имѣетъ и первопрестольная Москва. Строить не трудно, когда имѣются средства; но труднѣе добывать или находить ихъ, и преосвящ. Гурій находилъ ихъ, благодаря своей твердости и настойчивости. Съ другой стороны, кромѣ средствъ, надобно имѣть запасъ опытности и знаній въ этомъ дѣлѣ: нашъ строитель и здѣсь былъ на своемъ мѣстѣ. Однажды я вотъ что̀ слышалъ отъ него: «Въ Пекинѣ лѣтомъ нестерпимо жарко; мы обыкновенно сидѣли въ шелковыхъ балахонахъ, подъ которые (чтобы отъ пота не прилипали къ тѣлу) надѣвали особыя, здѣсь невѣдомыя, бамбуковыя сѣтки. Но зимой бываетъ и холодновато; нужно было построить наши Русскія печки, и для этой цѣли пришлось самому изучить печное мастерство и научить другихъ, и дѣло это устроилось какъ нельзя лучше. Отъ печной кирки или лопатки приходилось браться за смычекъ и скрипку, которые не были въ моихъ рукахъ ни въ семинаріи, ни въ академіи; а между тѣмъ нужно было изъ моихъ Албазинцевъ устроить пѣвческій хоръ для богослуженія, и мы достигли цѣли: мой Пекинскій хоръ былъ если не лучше, то и не хуже моего архіерейскаго». Вотъ что̀ значатъ терпѣніе, настойчивость, любовь къ дѣлу! О, не плоха была прежняя

наша духовная школа. Въ тѣ времена школа не готовила ни баричей, ни барышенъ. Sapientibus sat.

Повторимъ, что въ первыя 6—8 лѣтъ управленія или правильнѣе созиданія Таврической епархіи не до огромныхъ томовъ было преосвященному Гурію; но томы о Китаѣ (который онъ такъ любилъ, что готовъ былъ снова ѣхать туда) не оставляли его. Разъ (въ 1874 г.) я пріѣзжаю къ нему вскорѣ послѣ того, какъ прислали ему Владиміра 2 ст. большаго креста. «Ну, другъ», говоритъ онъ, «я рѣшился было, изнемогши отъ трудовъ, идти на покой, поселиться въ Корсуньскомъ монастырѣ и тамъ заняться своимъ Китаемъ; а вотъ пожаловали такую высокую награду, что нужно отслужить за нее хоть годика два, а тамъ и на покой». Служитъ святитель Божій и мечтаетъ о покоѣ; съ этою цѣлію строитъ для себя въ Корсунѣ домъ съ домовою церковію и думаетъ о своихъ томахъ. Но вотъ возводятъ его (въ 1881 г.) въ санъ архіепископа, и опять тѣже мысли: «Какъ идти на покой! Подумаютъ, что я только и дожидался этой высокой чести; надобно отработать за нее». И работаетъ, убиваетъ послѣднія, истощенныя неимовѣрными трудами силы и.... 17 Марта 1882 года, во второмъ часу дня, открылась для этого неутомимаго труженика могила.

Но гдѣ же матеріалы о Китаѣ? И нельзя ли изъ нихъ хоть что нибудь составить? Увы, и этотъ смиренномудрый архипастырь былъ такой же Русскій человѣкъ, какъ и азъ многогрѣшный, какъ почти и всѣ мы, Русскіе люди. «Послѣ меня», говорилъ онъ, «никто не можетъ воспользоваться моими замѣтками о Китаѣ: въ нихъ одни только намёки, да и тѣ на клочкахъ бумаги, которые, конечно, не разобравши, выметутъ какъ соръ, послѣ моей смерти». Это и сбылось: дѣйствительно множество бумагъ, особливо на клочкахъ, съ полувыцвѣтшими чернилами, были выметены изъ кабинета покойнаго какъ соръ или сожжены. Во истину мы Русскіе люди, читатель! Впрочемъ, есть для меня основаніе думать, что преосвящ. Гурій, предвидя близкую свою кончину, въ слѣдствіе продолжительной и тяжкой болѣзни, самъ нѣкоторыя изъ своихъ бумагъ предалъ огню, можетъ быть, опасаясь искаженія смысла ихъ лицами, незнакомыми съ дѣломъ, или обнаруженія того, что̀ до поры до времени слѣдовало держать подъ спудомъ. Для меня этотъ подспудъ иной разъ и раскрывался; но «не у пріиде часъ»... Намъ извѣстно, что одинъ изъ достойнѣйшихъ пастырей Таврической епархіи собираетъ матеріалы для біографіи почившаго архіепископа Гурія, и, можетъ быть, воспользуется уцѣлѣвшими послѣ него матеріалами о Китаѣ; но конечно, все это будетъ не то, что̀ создалъ бы самъ собиратель ихъ.

Могъ бы и я кое что написать о преосв. Гуріи; но едва ли слабѣющее мое зрѣніе позволитъ мнѣ разобраться съ разнаго рода замѣтками, тоже писанными на клочкахъ. Но вотъ что припоминаю въ настоящую минуту.

«Во время осады Пекина Англо-французами», передавалъ мнѣ преосвященный Гурій, «однажды я былъ очень почетною особою и въ глазахъ союзниковъ, и предъ очами Китайцевъ. Впрочемъ, замѣчу, послѣдніе всегда имѣли ко мнѣ большое довѣріе и даже уваженіе, можетъ быть (улыбаясь прибавилъ владыка), ради моей бороды, которая всегда была для нихъ предметомъ удивленія, и когда я явился въ первый разъ въ Китай, т. е. еще молодымъ человѣкомъ, прямо съ академической скамейки, однако съ большою бородою, то слышалъ отъ многихъ Китайцевъ вопросъ: не сто ли тебѣ лѣтъ отъ роду? Но не о бородѣ моей рѣчь. Трусили во время этого обложенія и облагавшіе его, и обложенные: первые боялись войти въ городъ, не безъ основанія предполагая, какъ бы многомилліонное населеніе не забросало этихъ варваровъ (и правда, что варвары)! шапками; а вторые невольно пугались пушекъ и ружей, какихъ они никогда не видывали. Вотъ въ это-то тяжелое для обѣихъ сторонъ время они, т. е. союзники и Китайцы, прибѣгали къ моему посредничеству и просили помирить ихъ между собою. И вотъ гдѣ положено, замѣчу, начало уступки намъ Амурской области». Въ пріобрѣтеніи этого, столь важнаго для насъ края преосвященный Гурій принималъ, вмѣстѣ съ почившимъ митрополитомъ Иннокентіемъ, самое дѣятельное участіе, за что и былъ награжденъ панагіею (въ санѣ архимандрита) и довольно значительною для духовнаго лица пенсіею. Китайцы за посредничество были благодарны посреднику; но Англичане по одному дѣлу оказались даже враждебными, вездѣ преслѣдуя свои исключительные интересы. «За то» прибавилъ преосв. Гурій, «и я удружилъ имъ: вскорѣ послѣ этой войны изъ за свободы отравлять людей, Англичане вздумали облагодѣтельствовать Китай желѣзными дорогами. Приходятъ Китайцы ко мнѣ за совѣтомъ. Я разъяснилъ имъ цѣли ихъ благодѣтелей, и надѣюсь, мой совѣтъ не связываться съ этимъ своекорыстнѣйшимъ народомъ Китайцы долго будутъ помнить, и Англичане нескоро предложатъ свои услуги прорѣзать вдоль и поперекъ срединную имперію желѣзными путями, и чрезъ то самое сдѣлаться нѣкотораго рода хозяевами въ ней».

И. Палимпсестовъ.

КЪ БІОГРАФІИ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

(Записано со словъ супруги его, въ Гомбургѣ, въ Октябрѣ 1874 года).

Въ исходѣ 1817 года находился въ Москвѣ Н. И. Новосильцевъ (главное лицо по гражданской части въ управленіи новосозданнымъ царствомъ Польскимъ). Молодой князь Вяземскій проживалъ тамъ же, числясь гдѣ-то на службѣ, но не служа. Случайно, давній знакомецъ отца его, генералъ Михаилъ Андреевичъ Бороздинъ говоритъ ему: Зачѣмъ вы ничего не дѣлаете? Вотъ Новосильцевъ проситъ у меня чиновника къ себѣ въ Варшаву. Князь Вяземскій выразилъ согласіе, и рѣшено было торопиться отъѣздомъ въ Варшаву, такъ какъ Государь и Новосильцевъ собирались туда для открытія перваго Польскаго сейма. Вяземскіе съ женою, дѣтьми и цѣлымъ обозомъ отправились въ дальній путь. Въ Несвижѣ у нихъ украли всѣ деньги, такъ что пришлось доѣхать на занятыя у встрѣчнаго по дорогѣ Тимирязева. Потомъ князь заболѣлъ, и кое-какъ продолжалъ странствіе по зимней дорогѣ. Уже въ Царствѣ Польскомъ обогнала ихъ поѣздъ коляска, въ которой ѣхали Государь и князь Петръ Михаиловичъ Волконскій. Государь узналъ княгиню, которую онъ встрѣчалъ въ Москвѣ на балахъ, вышелъ изъ коляски и милостиво бесѣдовалъ. Въ Варшавѣ Государь однажды заѣхалъ пить чай къ княгинѣ.

По порученію Новосильцева князь Петръ Андреевичъ перевелъ по-русски извѣстную рѣчь Государя на сеймѣ съ обѣщаніями дать конституцію Россіи. Кромѣ того онъ переводилъ большой томъ Польской конституціи, впослѣдствіи напечатанной мятежниками 1831 года. Тогда же писалась, по указаніямъ Новосильцева, конституція для Россіи нѣкіимъ нарочно вызваннымъ для того Французомъ Дешаномъ (Deschamps).

Польское общество полюбило Вяземскихъ, но грубое и невѣжественное окруженіе Великаго Князя косилось на нихъ. Тутъ былъ нѣкто генералъ-Нѣмецъ А—ъ; онъ преслѣдовалъ княгиню своимъ ухаживаньемъ, на которое она отвѣчала насмѣшливою снисходительностью. А—ъ сталъ мстить ей за это и распускать про нее разные слухи. Онъ ѣздилъ верхомъ за ея коляскою, и нарочно, въ отсутствіе князя, при-

казывалъ своему экипажу стоять у подъѣзда противъ оконъ княгини. Сплетня дошла до того, что одинъ Полякъ увѣрялъ Тимирязева въ мнимой связи княгини съ А—ъ, и на рѣшительное возраженіе Тимирязева, сказалъ, что у него есть княгинины письма къ А—у. Тимирязевъ пожелалъ видить эти письма. Они сошлись въ такъ называемой *кавѣвейской*. Но у Тимирязева были записки княгининой руки, и по сличеніи оказалось, что письма къ А. были подложныя и служили местью Нѣмца и всей его компаніи за отчужденіе отъ нихъ князя и за насмѣшки княгини. Великій Князь, доступный внушеніемъ А—а и его товарищей, однажды на парадѣ при всѣхъ отозвался о княгинѣ не совсѣмъ выгодно.

Въ 1821 году, княгиня Вяземская со старшимъ сыномъ своимъ Николаемъ уѣхала въ Моску къ своей матери. Князь Петръ Андреевичъ остался въ Варшавѣ. Родственникъ А—а, Жандръ ходилъ подслушивать подъ окнами Вяземскихъ и между прочимъ донесъ Великому Князю, будто князь Вяземскій распѣваетъ пѣсенку Беранже про тогдашніе конгрессы: Vive un congrès, deux congrès, trois congrès! Отправлено донесеніе въ Петербургъ секретнымъ образомъ, и между тѣмъ какъ Вяземскій поѣхалъ въ Москву за женою и сыномъ, Государь приказалъ, чтобы его больше не пускали въ Варшаву. На обратномъ пути къ мѣсту службы, въ Петербургѣ, кн. Вяземскій получилъ о томъ увѣдомленіе въ частномъ и дружественномъ письмѣ отъ Новосильцева, который выражалъ ему свое глубокое сожалѣніе и признаніе невиновности князя. Въ это время пришло въ Петербургъ письмо и отъ Зайончека, который отзывался про князя Вяземскаго, что онъ le seul Russe qui faisait l' honneur à la nation russe. Князь въ театрѣ сообщилъ содержаніе этихъ писемъ А. Ѳ. Орлову. Черезъ него о письмахъ этихъ узналъ Государь и поручилъ Карамзину потребовать отъ князя Вяземскаго эти письма себѣ для прочтенія. Князь отказалъ на отрѣзъ, не смотря на всѣ убѣжденія Карамзина, который уговаривалъ и княгиню склонить мужа къ показу писемъ, такъ какъ они послужили бы ему явнымъ оправданіемъ въ глазахъ Государя. Но князь отвѣчалъ женѣ, что ни за что на свѣтѣ не согласится, что если прямой его начальникъ не имѣетъ столько смѣлости передъ Государемъ, чтобы защитить его, то онъ не хочетъ предъявленіемъ его письма навлечь ему, можетъ быть, неудовольствіе; а Карамзину поручилъ передать, что будетъ стоять на своемъ рѣшеніи, если бы даже тѣнь отца явилась ему и велѣла сдѣлать противное. Онъ поступилъ еще рѣшительнѣе и подалъ просьбу объ увольненіи его отъ камеръюнкерства. Не получая отзыва, онъ подалъ просьбу вторично. Тогда ему отвѣчали, что такъ какъ онъ отъ службы уволенъ, то этимъ са-

мымъ снимается съ него камеръ-юнкерство. Князь Вяземскій уѣхалъ въ Москву, гдѣ и поселился въ своемъ домѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ, а княгиня отправилась въ Варшаву за остальными, дѣтьми, чтобы перебраться всѣмъ домомъ въ Москву. В. Князь Константинъ Павловичъ, самъ не ожидавшій такого оборота дѣлъ, неоднократно выражалъ свое сожалѣніе. Княгиня Ловичъ осыпала княгиню Вяземскую ласками. В. Князь давалъ знать, чтобы Вяземскій написалъ извинительное письмо, обѣщая, что тѣмъ все будетъ исправлено; но князь Вяземскій отвѣчалъ, что извиняться ему не въ чемъ. Такимъ образомъ девять лѣтъ оставался онъ внѣ службы, подверженный постоянному надзору тайной полиціи, которая простирала свое усердіе и на всѣхъ его пріятелей и посѣтителей. Измѣнившееся съ новымъ царствованіемъ направленіе правительства побудило его въ 1830 году подать прошеніе о поступленіи вновь на службу, и Государь приказалъ принять его въ Министерство Финансовъ, къ Канкрину, гдѣ, по выраженію Николая Павловича, князь долженъ былъ отрезвиться.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ВРЕМЕНАХЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ.

Чѣмъ далѣе отходимъ мы отъ мощной личности императора Николая, тѣмъ величавѣе она становится.

Кончину его, съ легкой руки Герцена, наши либералы встрѣтили рукописными пасквилями, и теперь нѣкоторые quasi-историки собираютъ объ его времени разные анекдоты или, лучше сказать, сплетни.

На насъ, ветеранахъ Николаевскаго времени, лежитъ обязанность опровергать эти сплетни, дабы въ послѣдствіи онѣ не мѣшали здравой исторической оцѣнкѣ минувшаго.

Графиня Ростопчина не слѣдовала примѣру нашихъ либераловъ: она еще при жизни императора Николая написала на него пасквиль, но встрѣтила его кончину сочувственнымъ ему стихотвореніемъ, въ которомъ двумя стихами очертила его дѣятельность:

Онъ несъ на мощныхъ раменахъ
Крестъ честной службы государской.

И въ самомъ дѣлѣ, покойный Императоръ всегда честно относился къ своему долгу и, вопреки разсказамъ нашихъ либераловъ, не оставался равнодушенъ къ хищеніямъ. Намъ укажутъ, что нѣкоторые командиры военныхъ частей почти гласно наживали себѣ большое состояніе; но этому были особыя причины. И въ настоящее время, когда снабженіе войскъ значительно усилено и назначенъ имъ отпускъ мясныхъ порцій, все-таки нѣкоторыя потребности ихъ удовлетворяются лишь экономіею и вольными

работами. Далеко не то было въ Николаевское время, при устарѣлыхъ штатахъ. Полный хозяинъ полка, полковой командиръ удовлетворялъ всѣ полковыя нужды изъ экономіи, и немудрено, что часть этой экономіи прилипала къ рукамъ и считалась законною наживою. Но если эта нажива обращалась хотя въ нѣкоторый ущербъ войскамъ и доходила до свѣдѣнія Императора, то кара его была безпощадна, безъ разбора лицъ. Свидѣтель тому князь Дадьянъ, зять Кавказскаго корпуснаго командира, барона Розена: онъ былъ лишенъ флигель-адъютантскаго званія и преданъ суду.

Анекдоты же новыхъ историческихъ журналовъ указываютъ на мнимое покровительство хищеніямъ.

Лишь недавно попалась мнѣ въ руки Ноябрьская книжка „Историческаго Вѣстника" за 1884 годъ, гдѣ напечатаны разсказы бабушки (А. Бутковской), мужъ которой, какъ она говоритъ, былъ вице-директоромъ Инженернаго Департамента Военнаго Министерства. Бабушка передаетъ между прочимъ два слѣдующіе анекдота.

1) Осматривая постройки Брестской крѣпости, Государь въ присутствіи иностранныхъ гостей, хвалившихъ работы, поднялъ кирпичъ и, обратившись къ одному изъ окружавшихъ, спросилъ, изъ чего сдѣланъ этотъ кирпичъ?—Полагаю изъ глины, Ваше Величество. — Нѣтъ, изъ чистаго золота; по крайней мѣрѣ я такъ за него заплатилъ.

2) Когда въ Кіевѣ строился черезъ Днѣпръ замѣчательной архитектуры на 6 устояхъ мостъ (изъ-подъ котораго, мимоходомъ сказать, рѣка не разъ сбиралась бѣжать въ сторону), то хищеніе казенныхъ денегъ достигло такихъ баснословныхъ размѣровъ, что велѣно было произвести дознаніе; но ничего не открыли, и немудрено: строителемъ былъ Нѣмецъ, считавшійся почему-то родственникомъ императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ. Но слухи не умолкали; тогда Государь послалъ флигель-адъютанта князя Васильчикова доискаться истины. Васильчиковъ, еще не доѣзжая до Кіева, былъ встрѣченъ на мосту строителемъ, который подалъ ему пакетъ; въ этомъ пакетѣ лежалъ отчетъ и на 200 т. банковыхъ билетовъ. Васильчиковъ принялъ пакетъ и немедленно отослалъ его къ Государю. Слѣдствіе, произведенное имъ, обнаружило кражу на милліонъ; но инженеръ отдѣлался тѣмъ, что оставался три года на Кавказѣ безъ лишенія чиновъ, а деньги остались при немъ.

*

Я служилъ долгое время въ Юго-западномъ краѣ въ царствованіе императора Николая, неоднократно бывалъ въ Брестѣ, былъ знакомъ со многими лицами, но подобнаго анекдота не слыхалъ и считаю его маловѣроятнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Императоръ былъ ревнивъ къ славѣ Россіи и къ своей собственной славѣ, а потому едва ли сталъ бы въ присутствіи иностранцевъ такъ благодушно разсказывать о хищеніяхъ, которыя онъ не хотѣлъ или не могъ прекратить. Это тѣмъ болѣе маловѣроятно, что западнымъ инженернымъ округомъ командовалъ генералъ Денъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Императора.

Во второмъ анекдотѣ нѣтъ ни одного слова правды. Это я могу сказать съ увѣренностію, потому что постройка моста производилась на моихъ глазахъ.

Въ одну изъ поѣздокъ за границу Императору Николаю очень понравилась постройка моста черезъ Дунай въ Пештѣ, и онъ обратился къ строителю его Англійскому инженеру Виньольсу съ предложеніемъ построить такой же мостъ въ Кіевѣ. Виньольсъ, ознакомившись съ мѣстностью, представилъ Императору проэктъ и смѣту, сопроводивъ ихъ моделью предполагавшагося моста, которая стоила свыше 20 т. рублей *). Проэктъ былъ подробно разсмотрѣнъ, и съ высочайшаго соизволенія заключенъ съ Виньольсомъ контрактъ на постройку моста въ 2,300,000 рублей. По длинѣ моста (около версты) и по трудности представляемой песчанымъ грунтомъ рѣки, сумму эту никакъ нельзя считать преувеличенною. Виньольсъ поручилъ искусственную часть работъ отставному военному инженеръ-капитану Кирхеннауеру, который конечно ни на какое родство съ Императрицей не претендовалъ. Слесарнымъ мастеромъ при мостѣ былъ самъ Виньольсъ, а хозяйственная часть поручена Варшавскому Еврею Швейцеру.

Лучшее основаніе для песчанаго грунта, пневматическое, не было еще тогда изобрѣтено, а потому быки моста были основаны на такъ-называемыхъ бездонныхъ ящикахъ, которые состояли изъ ряда свай вокругъ каждаго быка и наполнялись бетономъ; на нихъ возводились кирпичные быки моста.

Весною 1849 года всѣ устроенные ящики были повреждены, а одинъ совсѣмъ вынесенъ водою. Это потребовало добавочныхъ скрѣпленій и окруженія быковъ фашинными тюфяками, чего не было предвидѣно ни проэктомъ, ни смѣтою; но ни самъ Виньольсъ, ни его повѣренные Кирхеннауеръ **) и Швейцеръ никакихъ добавочныхъ суммъ не требовали, а потому не было надобности никакихъ комиссій или командированія какихъ либо лицъ.

Со стороны правительства наблюдалъ за постройкою моста начальникъ округа Путей Сообщенія генералъ-маіоръ Четвериковъ.

Генералъ-губернаторомъ въ Кіевѣ во время постройки моста былъ генералъ-адъютантъ князь И. И. Васильчиковъ, который весьма уважалъ генералъ-маіора Четверикова за его честность и безкорыстіе и въ распоряженія его никогда не вмѣшивался.

Николай Палибинъ.

Тифлисъ.

*) Модель эта теперь находится въ модельной камерѣ Института Инженеровъ Путей Сообщенія.

**) Кирхеннауеръ, Голандскій подданный, по окончаніи моста, выѣхалъ за границу.

ЕЩЕ СТИХОТВОРНАЯ ШУТКА С. А. СОБОЛЕВСКАГО.

На Г. Н. Геннади.

Пріятель Соболевскаго, извѣстный библіографъ Григорій Николаевичъ Геннади, подписывалъ иногда статьи свои именемъ *Григорія Книжника.* Съ этимъ же именемъ перепечаталъ онъ старинную книжку „Жизнь Ваньки-Каина". Книжка вышла въ Петербургѣ, и Соболевскій, получивъ ее въ Москвѣ, не нашелъ въ ней народныхъ пѣсенъ, которыя находились въ первоначальномъ изданіи XVIII вѣка. Надо замѣтить, что въ то время въ Петербургѣ происходили студенческія волненія, и заявлялась мысль о необходимости подвергать зачинщиковъ волненій тѣлесному наказанію. Соболевскій послалъ издателю „Жизни Ваньки-Каина" слѣдующее посланіе:

За то, что жизнь ярыжника
Безъ пѣсенъ онъ издалъ,
Я бы Григорья Книжника
Порядкомъ отодралъ.

Уже подучу Панкратьева,
Что слѣдуетъ ему
И сѣчь его и гнать его
Въ Московскую тюрьму.

Сѣкутъ и приговариваютъ:

Вамъ жить въ Москвѣ! Не въ портѣ-ли?
Не то что бурный Питеръ!
Здѣсь много перепортили
Бумагъ, чернилъ и литеръ.

Изъ нихъ ужъ не двѣ трети-ли
Вы, вы перемарали;
А мы у васъ не встрѣтили
На грошъ въ перѣ морали!

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1848 годъ.

1-го Января. Вчера приходилъ сынъ Шамиля съ Кубанцемъ Ловомъ. Молодой Шамиль много выросъ; ему должно быть болѣе шестнадцати лѣтъ, какъ онъ себѣ даетъ. Онъ говоритъ чисто по-русски. Черты лица мало имѣютъ пріятности, но глаза прекрасные и умные.—На вечеръ для встрѣчи новаго года поѣхали къ Мельниковымъ. Разговоръ и биліардъ довели насъ около полуночи до ужина, и вѣстовой изъ крѣпости выстрѣлъ пушки, прощальный съ минувшимъ, привѣтственный съ наступившимъ годомъ, засталъ насъ съ бокалами Шампанскаго и съ обычными пожеланіями здоровья и счастія всѣмъ кого любимъ.

Сегодня въ 11 ч. во дворецъ въ парадной формѣ. Записался у всѣхъ великихъ князей и у е. в. Наслѣдницы. Неожиданно и къ общей радости явились высокіе наши больные: Государь Императоръ и Наслѣдникъ. Слабость еще была замѣтна, и Государь не могъ простоять обѣдню, а слушалъ ее сидя за ширмами. Здоровье мое видимо и глубоко разстроено: мнѣ дѣлалось уже дурно, но оправился, присѣвъ сзади на диванѣ съ г. а. Сумароковымъ. Послѣ обѣдни выходъ. Государь удалился тотчасъ въ свои покои; Государыня принимала привѣтствія съ рукоцѣлованіемъ. Потомъ до 3-хъ ч. ѣздилъ съ визитами. Встрѣча и слово упрека е. в. Елены Павловны.

5-го Января.—2-го я былъ нездоровъ и не выѣзжалъ, также 3-го. Много было посѣщеній, нѣсколько пріятныхъ; между

ними Борисъ Перовскій, М. Н. Муравьевъ. Шереметевъ просидѣлъ нѣсколько часовъ въ разговорѣ очень занимательномъ, оживившемъ память и умственныя силы.

Вчера ѣздили въ концертъ Ricciardi, въ домѣ Мятлева. Фрецолини, Тамбурини, Сальви, Коллини, фортепіанистъ Леви, полная избранной публики зала доставили живѣйшее удовольствіе. По оставшейся слабости восхитительная музыка нѣсколько разъ вырывала у меня слезы, съ трудомъ скрываемыя.—Подробности назначенія г-ла Головина членомъ Государственнаго Совѣта и князя Суворова на его мѣсто генералъ-губернаторомъ Остзейскихъ губерній.—Поутру были Кабардинцы Анзаровъ и Дударовъ; послѣдній очень толковый человѣкъ. — Воспоминанія объ обстоятельствахъ, испортившихъ мнѣ почти оконченное послѣ Ахульго дѣло сдачи Шамиля съ главными его сподвижниками, о чемъ онъ почтительно просилъ меня письмомъ изъ Саясана, предлагая послѣдняго своего сына заложникомъ. Я написалъ ему отвѣтъ ободрительный; но съ тѣмъ вмѣстѣ моя власть въ Дагестанѣ по обыкновенію прекращалась, и съ моимъ удаленіемъ все дѣло остановилось: тамъ покоряются лицу, наведшему страхъ. Писать, чтобы мнѣ оставили власть въ томъ краѣ до окончанія дѣла,—назвали бы внушеніемъ честолюбія, жаднаго присвоить себѣ болѣе власти. Эти воспоминанія возбуждены были счастливою для Французовъ сдачею Абдель-Кадера, блистательно ознаменовавшею вступленіе принца Омальскаго въ командованіе войсками и управленіе Алжиріи.—Сегодня дежурилъ при Государѣ.

6-го Января 1848.—Сегодня въ 11 ч. во дворецъ. Выходъ Государя почти здороваго. Обѣдня въ малой церкви.—Въ Journal des Débats примѣрно-хорошо написанныя депеши Гизо къ посланникамъ при Итальянскихъ дворахъ и въ Вѣнѣ, по поводу происшествій въ Италіи. Вчера сидѣли долго у меня Н. Н. Муравьевъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Д. А. Шепелевъ. Дюгамель, назначенный въ свиту Е. И. В., пріѣзжалъ съ визитомъ. Флигель-адъютантъ Опочининъ заболѣлъ внезапно и теперь при смерти.

11-го. Бѣгъ рысаковъ на Невѣ при большомъ стеченіи народа. Встрѣча съ в. к. Михаиломъ Павловичемъ. Всегда нѣсколько обязательныхъ отъ него словъ. Онъ напомнилъ мнѣ о

болѣзни г. а. Корфа; я послалъ къ нему навѣдаться и къ его брату. Wanderungen eines alten Soldaten, Радена. Много нелѣпостей о Россіи. Біографіи фельдмаршала г. Гнезенау и генерала Грольмана, нѣкоторыя черты изъ жизни г. Дибича; но все это бросилъ, получивъ Studien uber Russland von Haxthausen: сочиненіе примѣчательное, касающееся самыхъ жизненныхъ вопросовъ настоящаго и будущаго быта Россіи; съ удовольствіемъ встрѣчаю много собственныхъ замѣчаній и понятій, прежде высказанныхъ. Черезъ столько рукъ прошелъ этотъ экземпляръ, прежде чѣмъ до меня дошелъ, а сколько неразрѣзанныхъ осталось страницъ! Такъ читаютъ въ Петербургѣ.

13-го Января. Въ 10-мъ ч. на вечеръ къ Дегаю. Кукольникъ изъ Грузіи и Кавказа; пріятныя и лестныя для меня подробности объ оставленной тамъ памяти.—Хуматинской антрацитъ Донской. Ближайшее знакомство съ Норовымъ. Леви отлично игралъ на фортепіано. Опочининъ пѣлъ. Во второмъ воротился домой, недовольный увлеченіемъ всегда глупаго самодовольствія.—Сегодня дежурилъ.

14-го Января. Превосходная рѣчь г. Монталабера въ Парижской палатѣ пэровъ по поводу адреса королю.—Въ 7 ч. доложили, что Государь поѣдетъ во Французскій театръ; какъ дежурный, долженъ былъ ѣхать въ Царскую ложу; оттуда въ 11 ч. на балъ къ г. Воронцовымъ-Дашковымъ. Балъ великолѣпенъ и вкусомъ превзошелъ всѣ прежніе.

15-го. Въ 3 ч. поѣхалъ къ тайн. сов. Норову-безногому; принятъ, познакомился съ его женой; пріятный часъ. Дома дождался А. П. Мельникова, съ которымъ поѣхалъ на званый обѣдъ къ старику Беклемишеву. Бывшій Иркутскій губернаторъ Зейдлеръ съ семействомъ. Воспоминаніе о незабвенномъ Лепарскомъ. Аничковъ, кроткое и умное лицо. Живописецъ Шведе. Совоспитанникъ Чоглоковъ и еще нѣсколько лицъ, которыхъ назвать не умѣю.—Въ продолженіе утра приходилъ подполковникъ Домбровскій съ Кавказа, въ тамошней войнѣ и жизни закаленный; занимательный разговоръ съ нимъ; пріятная для меня память въ войскахъ и въ краѣ, съ разныхъ сторонъ до меня доходящая. Мятель, а Англичане все себѣ катаются по рѣкѣ на конькахъ: замѣчательная черта энергическаго характера. Сочиненіе Гакстгаузена удержало на весь остальной день дома.

Статья о раскольникахъ, въ особенности о духоборцахъ, чрезвычайно любопытна. Платонъ Чихачевъ прислалъ свою книгу: «Изслѣдованіе вершинъ Сыръ и Аму-Дарьи». Подробности воспитанія двухъ братьевъ Чихачевыхъ умною матерью. Замѣчательный отвѣтъ ея: почему они не служатъ? — Жалѣю, что пропустилъ вчерашнее собраніе Географическаго Общества, въ которомъ всегда встрѣтишь занимательныя лица.—Одно изъ главныхъ преимуществъ состоянія въ моихъ глазахъ есть свободный выборъ поприща при вступленіи въ свѣтъ, выборъ если не собственный, то родителей или родственниковъ, а не суровое понужденіе необходимости.—Покуда я углубился въ чтеніе, затихли мятель и улицы города: двѣнадцатый въ исходѣ. День прошелъ вовсе не по городскому, особливо не по столичному; но все нѣтъ въ душѣ тишины и безмятежности домашняго крова, семейныхъ ощущеній; какое-то тревожное чувство отчужденія, хотя добровольнаго, отъ общества, преданнаго разсѣянію и удовольствіямъ свѣта; вечеръ надобно заключать въ немъ; это, кажется, неизбѣжное условіе столичной жизни въ настоящемъ моемъ положеніи.

18-го Января. Мессингъ и зять его Лаппа. Разсказъ о походѣ въ Дарго и подробностяхъ смерти Викторова и Пассека. Встрѣча съ Булгаринымъ и Платономъ Чихачевымъ и разговоръ съ обоими; съ послѣднимъ занимательный. Бѣгъ на Невѣ; множество народу, особливо купечества; рядъ саней. Мужчинъ между ними много статныхъ и красивыхъ, женщины ни одной: всѣ набѣлены и нарумянены, намазаны, но не смазливы.—Былъ разводъ съ церемоніей. Государь и Наслѣдникъ похудѣли, но прекрасны оба. В. к. Михаилъ Павловичъ подъѣзжалъ ко мнѣ и привѣтливо разговаривалъ. Напомнилъ ему, что я имѣлъ бы право на мундиръ гвардейской артилеріи. Разводъ былъ очень хорошъ; конные ординарцы удачны. Присутствіе Прусскихъ офицеровъ.

20-го Кончина Датскаго короля. Жаркія и грубыя пренія во Французской палатѣ депутатовъ; Гизо отвѣчаетъ съ хладнокровіемъ, приличіемъ и достоинствомъ.—Приглашеніе на похороны Опочинина. Пріѣздъ Оренбургскаго генер.-губ. Обручева.

21-го Января. Вчера въ часъ большой парадъ гвардіи въ присутствіи Государя. Погода была непріятная, холодъ неболь-

шой, но съ проницательнымъ вѣтромъ. Мы были въ сюртукахъ, войска—въ шинеляхъ. Мнѣ досталась знакомая уже добрая сѣрая лошадь. Въ 2 ч. все было кончено; Государь былъ доволенъ. Въ 5 ч. обѣдалъ у г. Сухозанета. Разговоръ съ Обручевымъ; онъ разсказалъ мнѣ частые лестные отзывы обо мнѣ покойнаго фельдмаршала Дибича.—Шмидта, исторія Суворова до 12-го часу. Сегодня дежурилъ. Въ половинѣ перваго на выносъ, похороны Опочинина. В. к. Михаилъ Павловичъ ждалъ уже Государя верхомъ на правомъ флангѣ эскадрона конной гвардіи. Мнѣ подали Фаворитку. Скоро пріѣхалъ и Государь, сѣлъ верхомъ, осмотрѣлъ эскадронъ, слѣзъ и вошелъ въ домъ. Тѣснота была чрезвычайная и воздухъ удушливъ. Хорошо, что отпѣванье было непродолжительно. Государь вышелъ, сѣлъ опять на лошадь и не только присутствовалъ при выносѣ и постановкѣ гроба на дроги, но провожалъ, и мы всѣ за нимъ до Пушечнаго двора. Тамъ Государь изволилъ пропустить мимо себя эскадронъ, сѣлъ потомъ въ сани и возвратился въ дворецъ; а я, отдавъ лошадь, пошелъ пѣшкомъ къ близкому уже дому Анны Ал. Фокъ, чтобы тамъ дождаться своихъ саней; но е. в. герцогъ Лейхтенбергскій, проѣзжая мимо въ саняхъ, предложилъ мнѣ сѣсть съ нимъ и довезти до дому. Онъ высадилъ меня у m-me Фокъ. Послѣ занялся Суворовымъ въ сочиненіи Шмидта—прекрасно. Въ осьмомъ часу изъ дворца дали знать, что Государь ѣдетъ въ Большой театръ. Я поѣхалъ также въ Царскую ложу; засталъ тамъ графиню Толстую, Бартеневу и графиню Гауке. Играли Elizir d'amore прекрасно. Между актами первая сказала мнѣ, что, имѣвъ случай передать в. к. Маріи Николаевнѣ, отчего я не былъ на ея балѣ, не бывъ приглашенъ, в. к-я съ удивленіемъ отвѣчала: «Я сама написала его имя», прибавивъ къ тому весьма лестное слово и замѣтила, что вѣрно случилось тутъ недоразумѣніе. Меня почитали больнымъ. Впрочемъ послѣднее справедливо. Я не искалъ этого объясненія, но съ признательностію принимаю.

24-го Января. Суббота. — Вчера утро съ Суворовымъ. Въ 9 ч. къ А. А. Фокъ; засталъ гостей, между ними вдову доктора, посланнаго императоромъ Павломъ на встрѣчу больному Суворову, ѣхавшему умирать въ Петербургъ. Еще бодрая, разговорчивая старушка. Заговорясь, пробылъ почти до 2-хъ ч. ночи.

26-го Навѣстили А. А. Поповъ, Рѣшетиловскій, съ сыномъ; разговоръ съ нимъ о воспитаніи и назначеніи послѣдняго. Въ часъ былъ на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ. Наслѣдникъ, Михаилъ Павловичъ и герцогъ Лейхтенбергскій почтили разговоромъ. Отъ г-ла Зиновьева удостовѣреніе, что онъ дѣйствительно получаетъ назначеніе къ сыновьямъ Государя Наслѣдника и кто на его мѣсто директоромъ въ Пажеской корпусъ, еще неизвѣстно. Подходилъ къ юношамъ артилерійской школы. Съ Невскаго на Дворцовую набережную; тамъ была толпа, собравшаяся смотрѣть на бѣгъ рысаковъ на Невѣ: любимое зрѣлище народное.

28-го Января. Сегодня юбилей пятидесятилѣтія в. к. Михаила Павловича и его фельдцейхмейстерства. Въ 9 ч. большой съѣздъ у него. Неожиданная встрѣча съ барономъ Гейсмаромъ. Арнольди.—Въ 12 ч. разводъ съ церемоніей и молебенъ. Пальба во всей Имперіи. Фельдмаршалъ вѣжливъ. Князь Илья Андреевичъ Долгоруковъ генералъ-адъютантомъ. Въ четвертомъ обѣдъ въ Зимнемъ дворцѣ, человѣкъ сотъ шесть. Сосѣди мои г-лъ Шубертъ и Мейендорфъ. Зрительницы на галлереѣ. Довезъ барона Гейсмара въ моемъ возкѣ къ нему въ гостинницу Парижъ. Рѣчь Ламартина и побѣдительный отвѣтъ Гизо по поводу дѣлъ въ Италіи и Швейцаріи.

30-го Января. Съ А. С. Норовымъ весьма занимательный разговоръ. Письма Суворова изъ Италіи чрезвычайно любопытныя. Мелкій и красивый его почеркъ. О князѣ Воронцовѣ; почти споръ; благородное движеніе Норова при удачномъ изъявленіи моего мнѣнія. По Середамъ къ нему; отъ него къ М. Н. Муравьеву; засталъ его и жену дома. Важное порученіе, на него возложенное съ устраненіемъ мин-ра внутр. дѣлъ по разложенію земскихъ повинностей; посидѣлъ съ его женой. Въ Субботу меня ждали на вечеръ у Позена; я вовсе забылъ заглядить. Ром. Ив. Ховенъ и Белау, Ревельскій вице-губернаторъ, посидѣли у меня поутру. Четверть девятаго на балъ къ Наслѣднику. Пальма красоты на этотъ разъ, кажется, принадлежала дѣвицѣ Штрандманъ. Вѣжливость Прусскаго посла, съ которымъ я въ одно время пріѣхалъ: онъ непремѣнно хотѣлъ уступить мнѣ шагъ; я настоялъ и пустилъ его впередъ. Множество приглашеній на постоянные вечера, между прочимъ князя Юсу-

пова, у котораго я не былъ, какъ и у многихъ, съ визитомъ. Возобновленіе знакомства съ графиней Ламбертъ, рожденной графиней Канкриной; умный ея разговоръ; съ кн. И. А. Долгоруковымъ. Подробности посѣщенія в. к. Мих. Павл. Артилерійской Школы; привѣтливый разговоръ со мною Е. В., между прочимъ объ А. П. Ермоловѣ; также Наслѣдника. Государь не говоритъ. Что съ нимъ? Кто нибудь изъ моихъ друзей вѣроятно прислужился мнѣ; но чѣмъ и какъ, не угадаешь. Сегодня дежурилъ. Визитныя карточки Прусскому послу Рохову и князю Юсупову. Сосѣди вчера за бальнымъ ужиномъ были г. Сухтеленъ и к. Семеновскаго полка Лохницкой; о послѣднемъ, котораго вездѣ встрѣчаю, узнать поближе: у него есть собраніе картинъ замѣчательныхъ.

31-го Января. Вчерашнее дежурство прошло спокойно. Въ 12 часу навѣстилъ меня баронъ Гейсмаръ и просидѣлъ до двухъ, въ живомъ, иногда занимательномъ разговорѣ, хотя большею частію о давно-прошедшемъ.

1-го Февраля. Въ девятомъ вмѣстѣ съ сыномъ на балъ къ воспитанникамъ Артилерійскаго Училища. Бюстъ в. к. Михаила Павловича, моделированный Виталіемъ и вылитый изъ бронзы Клодтомъ на пьедесталѣ изъ прекраснаго гранита съ подписью: благодарная артилерія. Классныя комнаты; музей, въ которомъ рельефъ неполный Ахульго. Директоръ Розенъ. Просьба ко мнѣ воспитанниковъ написать отъ ихъ имени къ Ермолову, сколько они сожалѣютъ, что ихъ праздникъ не украшенъ его присутствіемъ.

5-го. Въ рѣчи маршала Бюжо относительно Алжиріи не только тѣже мысли, но тѣми же словами выраженныя, которыя такъ часто я повторяю о нашемъ дѣлѣ на Кавказѣ. Въ 8 ч. въ обыкновенное собраніе Географическаго Общества, на этотъ разъ непродолжительное. Кеппенъ о инородцахъ съ картою. Тептяри не народъ, а сословіе—бѣглые Башкиры. Оттуда на вечеръ къ Норову; засталъ импровизированный балъ. Познакомился съ Катакази, бывшимъ посланникомъ нашимъ въ Греціи. Дамы почти всѣ незнакомыя. Извѣстія о Неаполѣ, будто король оставилъ столицу и скрылся въ Гаету. Въ Неаполѣ провозглашена республика. Тогда Италія пропала.

6-го Февраля.—Вчера въ 10 ч. утра во дворецъ, на торжество мvропомазанія Александры Саксенъ-Альтенбургской, въ присутствіи немногихъ.

7-го Февраля.—Вчера въ 12 ч. во дворцѣ обрученіе принцессы Саксенъ-Альтенбургской съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ; церемонія продолжительная и не позволившая до большаго обѣда, въ 3 ч. назначеннаго, заѣхать домой. Обѣдъ просидѣлъ между Шильдеромъ и гр. Строгановымъ. Фреццолини, Джулія Борси и Ангри, Гуаско, Коллини и Тамбурини пѣли на хорахъ. Зала акустически предпочтительнѣе Большаго театра. Голосъ Ангри мнѣ чрезвычайно понравился; менѣе всѣхъ Джулія: въ голосѣ сильномъ что-то крикливое, непріятное. Въ 8 былъ во дворцѣ же въ парадной формѣ. Жаръ чрезвычайный; танцовали только Польскій. Все продолжалось не болѣе полутора часа. Сегодня въ 11 ч. baise-mains обрученной.

9-го Февраля.—На балу у князя Юсупова. Великолѣпіе убранства дома. Его Высочество Наслѣдникъ и герцогъ Лейхтенбергскій. Баронъ Клинковстрёмъ; познакомился съ умнымъ старикомъ.—Вчера дежурилъ. Разводъ съ церемоніей отмѣненъ. Въ четвертомъ на обѣдъ къ в. к. Михаилу Павловичу, на 650 особъ. Примѣрный порядокъ. Я сидѣлъ между Як. Вас. Виллiе и г-мъ Геруа; первому 78 лѣтъ.

12-го Февраля.—Вчера въ 2 ч. въ домъ Дворянского Собранія, чтобы ознакомиться съ мѣстностію по поводу обязанности, на меня возложенной на завтрашнемъ балѣ-маскарадѣ-аллегри. На обѣдъ въ 4 ч. къ Попову. Преосвященный Гедеонъ. Оржевскій, директоръ департамента полиціи.

16-го. Въ половинѣ девятаго на балъ Дворянскаго Собранія. Мнѣ порученъ былъ надзоръ за выставкой лотерейныхъ вещей, что̀ доставило мнѣ удобное мѣсто, большой просторъ и видъ съ моей эстрады на противуположную галерею Царской фамиліи и на всѣ волновавшіяся тысячи народа. Балъ-маскарадъ-лотерея былъ данъ въ пользу инвалидовъ подъ особымъ распоряженіемъ Государыни-Наслѣдницы, почему и генералъ-адъютанты и прочіе чины двора приняли въ устройствѣ его участіе. Билетовъ лотерейныхъ было 52 т. по полтинѣ сер., билетовъ за входъ 4300 по 2 р. сер., выигрышей на 16 т. сер. въ 800 предметахъ.

15-го. Въ 8 ч. на балъ Императрицы. Мраморная зала обращена была въ садъ. Ужинъ на тысячу гостей. Порядокъ примѣрный. Волшебный праздникъ. Первый, особенный, прежній, привѣтливый поклонъ Государя. Обязательное слово военнаго министра. Ласковость Мих. Павловича. Пріятное мѣсто за ужиномъ. Подъ конецъ встрѣча съ Пихельштейномъ. Знакомство съ Левшинымъ, столько вѣжливости въ сношеніяхъ письменныхъ мнѣ оказавшимъ. Адмиралъ Папахристо пораженъ апоплексіей на лѣстницѣ Наслѣдника. Разговоръ съ кн-ей Радзивилъ, урожд. кн. Урусовой. Отвѣтъ Норову на его замѣчаніе за вѣжливость ко всѣмъ безъизъятно. Поутру этого же дня былъ разводъ въ Мих. манежѣ. Государь приказалъ ординарцу отъ Дворянскаго корпуса раздѣться до рубашки, что̀ проворно и исправно было исполнено.

Въ Мюнхенѣ король слабостію къ недостойной любовницѣ роняетъ уваженіе къ законной монархической власти. Уничижительныя сцены.

17-го Февраля. Зашелъ къ Як. Вас. Виллie, лейбъ-медику императора Александра; ему 78 лѣтъ; одинъ признакъ дряхлости—дрожаніе головы. Любопытные разсказы его. Письмо Евгенія Богарне императору Александру въ отвѣтъ на предложеніе дѣйствовать подобно Мюрату противъ Наполеона, исполненное благороднѣйшихъ чувствъ, прекрасно выраженныхъ. Англійскія собаки—страсть старика. Онъ представилъ мнѣ семейство ихъ въ полномъ комплектѣ. Жаль, что всѣ щенки уже назначены въ подарокъ великимъ князьямъ.—Общій разговоръ о предстоящей въ нынѣшнемъ году экспедиціи кн. Воронцова на Гергебиль. Неосторожность подобнаго разглашенія: утрата всѣхъ выгодъ нечаянности въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Волненіе умовъ во Франціи. Сцены въ Италіи. Графъ Толь, возвратившійся на дняхъ оттуда, навѣстилъ меня утромъ.

Il y a des moments dans la vie des peuples où un bien palpable, évident, incontestable ne peut être opéré, parce que les préjugés du grand nombre ou d'une classe puissante y mettent obstacle. Il faut, pour surmonter ces préjugés, qu'il se trouve à la tête de l'état un homme d'un caractère ferme, élevé et courageux etc.

19-го. Сушковъ, бывшій у меня въ Лубенскомъ гусарскомъ полку маіоромъ, теперь въ отставкѣ и въ своемъ имѣніи около

Старой Русы. Сцены бунта въ 1831 году въ Новгородскомъ поселеніи. Гр. Аракчеевъ. Въ 9 на балъ къ гр. Закревскому; великолѣпіе новыхъ его покоевъ. Государь, Наслѣдникъ, Мих. Павловичъ, герцогъ Лейхтенбергскій, Марія Николаевна, кн. Урусовъ и его жена, дочь покойнаго Сипягина, кн. Кантакузенъ и его жена, дочь моего сосѣда и пріятеля Фролова-Багрѣева, кн. Радзивилъ, урожд. кн. Урусова; ея предупредительная вѣжливость. Занимательный разговоръ съ гр. Медемомъ; предстоящая ему поѣздка въ Вѣну, гдѣ онъ посланникомъ, и затруднительное положеніе при отсутствіи тамъ всякой энергіи въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ Ломбардіи. Сцены въ Падуѣ съ Венгерскими солдатами, не выдерживавшими роли смиренія, имъ предписанной, противъ оскорбленій и убійствъ Итальянской черни. Они убили болѣе 40 человѣкъ. Адъютантъ Сульта, возвратившійся съ Кавказа. Челищева. Начало сосредоточенія войскъ на западной границѣ.

20-го Февраля. Вчера былъ дежурнымъ. Государь удостоилъ своего присутствія выносъ тѣла вице-адмирала Папахристо. Поздно извѣщенный, я не поспѣлъ къ нему. Въ часъ ѣздилъ съ сыномъ на déjeuner dansant къ кн. Урусову, женатому на дочери покойнаго Сипягина. Засталъ герцога Лейхтенбергскаго почти одного. Вышедши изъ кареты, герцогъ спросилъ швейцара: пріѣхалъ ли кто нибудь? Швейцаръ, не узнавъ его, отвѣчалъ, что нѣтъ никого, но чтобъ вошелъ: надо же кому нибудь быть первымъ. И хозяинъ, узнавъ, что пріѣхалъ какой-то генералъ молодой изъ новыхъ, не спѣшилъ встрѣчей. Съѣхалось много изъ высшаго общества. Принцъ Гессенъ-Дармштадтскій. Кокетливо убранный домъ въ стилѣ Людовика XV-го. Гамбсъ отличился. Прекрасенъ маленькій, теплый дворъ, со свѣтомъ сверху. Акварели Миллера.

22-го Февраля. Телеграфическое извѣстіе о смутахъ въ Парижѣ; Гизо сверженъ.

23-го Февраля. Разводъ въ присутствіи Государя въ Михайловскомъ манежѣ. Нѣсколько словъ со мною в. к. Михаила Павловича по поводу смутъ во Франціи. Тревожное ожиданіе Парижской почты, задержанной возмутителями. Отреченіе отъ престола Людовика-Филипа. Гизо укрылся отъ инсургентовъ, напавшихъ на его домъ, у герцога Броглio. Но чтò дѣлали

войска? Чего хотятъ еще Французы? Какъ и чѣмъ отзовется это грозное происшествіе въ остальной Европѣ? Особливо въ Италіи!

24-го Февраля. Почты изъ Франціи нѣтъ; только телеграфическія извѣстія изъ Берлина. Тюльери взяты и разграблены; Пале-Рояль зажженъ; провозглашена республика. Одиллонъ-Барро, Ламартинъ и еще двое изъ самыхъ отчаянныхъ анархистовъ во главѣ ея. Герцогиня Орлеанская съ сыномъ явилась въ Палатѣ, но отвергнута. По королю стрѣляли, когда онъ вышелъ на балконъ къ народу. Себастіани убитъ. Муниципальная гвардія, честно защищавшая короля, уничтожена. Вотъ дошедшія вѣсти; скоро узнаемъ достовѣрность ихъ и остальное. Войска отказались стрѣлять по народу.

25-го Февраля.—Посидѣлъ у барона Гейсмара, и въ Прусской газетѣ прочли вмѣстѣ подробности Парижской революціи. Людовикъ-Филипъ уже въ Англіи; герцогиня Орлеанская съ сыномъ въ Бельгіи; участь Гизо неизвѣстна. Муниципальная гвардія вела себя превосходно и пала жертвою своего долга.

26-го Февраля.—Ничто столь побѣдительно не склоняетъ вѣсы въ пользу сильнаго монархическаго начала, какъ все то, чтò съ давняго времени происходитъ во Франціи, въ особенности отъ паденія Наполеона до настоящихъ роковыхъ дней. Л. К. Нарышкинъ вошелъ, пока я сидѣлъ съ княземъ В. В. Долгоруковымъ, спѣша успокоить его на счетъ сына. Русская колонія въ Парижѣ, впрочемъ ни въ чемъ не пострадавшая, ожидаетъ только первой возможности выѣхать.

Продажа съ публичнаго торга имѣнія графа Бутурлина, купленнаго его же крестьянами съ условіемъ остаться подъ его вѣдѣніемъ, не поступая въ управленіе казенное. Упадокъ ценности имѣній.

Ich sah eine grosse Erziehungsanstalt für adlige Fräulein vom Adel des Gouvernements gestiftet. Viel Pracht und Eleganz! Es werden hier, wie in allen russischen Erziehungsanstalten, vornehme Salonsdamen, aber keine Hausfrauen gebildet und erzogen (Haxthausen).

28-го Февраля. Вчера поутру вошелъ ко мнѣ г. м. Филипсонъ, начальникъ штаба на Кавказѣ, бывшій мой офицеръ штаба, пріѣхавшій изъ Тифлиса по разнымъ порученіямъ князя Воронцова.—Заѣхалъ къ графу П. П. Палену, засталъ его одного. Несправедливость общаго слуха о сдѣланномъ ему будто бы

назначеніи. Неохота и намѣреніе по преклоннымъ лѣтамъ отказаться въ случаѣ дѣйствительнаго предложенія отъ всякаго подобнаго.

1-го Марта.—Сегодня дежурнымъ при Государѣ. Вчера поутру ротм. кон. гв. Хрущовъ, кап. Финляндск. полка Булгаковъ, оба съ медалями за Ахульго. Въ часъ разводъ съ церемоніей. Фельдмаршалъ въ полной формѣ на отъѣздѣ; привѣтливость его со мною; слово его обо мнѣ третьяго дня въ домѣ у старика П. Н. Беклемишева, подающее поводъ къ ожиданію назначенія. Трудно однако согласить съ сухимъ обращеніемъ Государя.

Вмѣсто званаго вечера къ П. И. Дегаю, приглашенъ въ Смольный монастырь, гдѣ, пріѣхавъ въ 8 ч., нашелъ уже Царскую фамилію. Нѣсколько привѣтливыхъ словъ Императрицы о моихъ старшихъ двухъ дочеряхъ.

3-го Марта.—По Невскому проспекту стоятъ въ два ряда кучи взломаннаго льда и грязи, отравляющія воздухъ. Письмо отъ А. П. Ермолова. Пѣшкомъ по Дворцовой набережной; встрѣча съ г. Сумароковымъ и нѣсколько словъ о происшествіяхъ въ Германіи, Познани и Бреславлѣ. Съ гр. Киселевымъ и канцлеромъ на набережной. В. К. Михаилъ Павловичъ въ коляскѣ. Въ 8 ч. вечера въ собраніе Географическаго Общества. Ефремовъ перевелъ и уступилъ Голубкову въ пользу Общества переводъ Риттера Географіи Азіи и земель сопредѣльныхъ съ Россіею. Необходимость дополненія собственными свѣдѣніями, по окончаніи его изданія пріобрѣтенными. Совѣщаніе о способѣ пополненія, въ самомъ ли текстѣ или въ особомъ прибавленіи. Послѣднее приличнѣе. Опредѣленіе слова *мочаги*, въ Астраханской губерніи употребляемаго—мокрыя мѣста, на которыхъ ростетъ камышъ. Астрономъ Струве жаловался на продолжительный рядъ ночей, въ которыя облаками и туманами покрытое небо не допускаетъ наблюденій. Отчетъ о прошлогодней Уральской экспедиціи къ р. Печорѣ въ присутствіи исполнителей. Промахи географовъ, даже такихъ, каковы Риттеръ и Малтебрёнъ, подчиняющихъ въ кабинетѣ свѣдѣнія ими получаемыя общей системѣ, каждымъ изъ нихъ составленной.

Неумѣстное раздражаніе тамъ, гдѣ достоинство состоитъ въ хладнокровномъ перенесеніи незаслуженнаго непризнанія. Вообще день до того изъ колеи обычнаго душевнаго состоянія

вышедшій, что въ письмѣ и разговорѣ я безпрестанно употреблялъ одни слова за другія. Бываютъ такіе дни!

4-го Марта.—Къ Данилевскому, посидѣлъ въ живомъ разговорѣ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ этихъ дней четверть часа. Въ 3 ч. на Дворцовую набережную пѣшкомъ; долженъ былъ идти медленно, догнавъ в. к. Михаила Павловича, пока онъ не вошелъ въ Лѣтній садъ, а я могъ своею привычной походкой продолжать прогулку по набережной. Вѣжливость не есть ли необходимое условіе, скажу почти обязанность сильныхъ въ отношеніи нисшихъ, въ обществахъ монархическихъ? Къ чему обнаруживать пренебрежительное неуваженіе, если бы оно, всегда несправедливое противъ неизвѣстныхъ, даже таилось бы по несчастію въ душѣ? Для случаевъ къ основательному презрѣнію и безъ того довольно пищи, оглянувшись только около себя. Я видѣлъ неотданные поклоны женщинамъ, высшему обществу принадлежащимъ. Возбужденное во всемъ вниманіе къ важности настоящаго времени. Безотчетное удовольствіе молодыхъ офицеровъ при мысли о вѣроятности войны, такъ еще недавно невозможною казавшейся.

6-го Марта.—Вчера прекрасный, весенній, солнечный день. Сократилъ свое занятое утро и выѣхалъ въ коляскѣ въ часъ къ Муравьеву, не засталъ; на Дворцовую набережную, дошедши до кн. Долгорукова, зашелъ къ нему; онъ встрѣтилъ въ сѣняхъ, гдѣ осматривали вѣяльную машину по модели, полученной изъ Америки, построенную. Поздравилъ его съ продолженіемъ мирныхъ улучшеній въ эти дни изумленія и тревожныхъ ожиданій.

7-го Марта. Въ журналѣ Débats письмо Обрѣзкова о главномъ его участіи при заключеніи Туркманчайскаго трактата съ Персіею, противъ Толстаго, приписавшаго все дѣло фельдмаршалу Паскевичу исключительно. Новость подобной публикаціи и пропускъ цензуры. Броженіе умовъ въ Германіи, Россіи непріязненное. Вспышки въ Англіи.

8-го Марта.—Вчера въ часъ разводъ съ церемоніей. В. князь Константинъ Николаевичъ, шефъ Финлядскаго полка, командовалъ баталіономъ. Дашковъ, вмѣсто прежде назначеннаго Дюгамеля, отправленъ въ Копенгагенъ съ привѣтствіемъ новому королю Даніи.

L'honneteté et le bon droit, même sous les gouvernements corrompus, résistent longtemps. Le vent de la calomnie les retrempe, comme le vent aride du désert auquel on expose le fer le trempe et le change en acier. Cependant on brise aussi l'acier.

9-го Марта.—Pavillon de Lucienne par Gozlan, блестящимъ перомъ написанная біографія m-me Дю-Барри.—Непостижимыя вѣсти изъ Вѣны; смуты и тамъ, въ родѣ общихъ во всей Западной Европѣ. Меттернихъ оставилъ управленіе. Свобода печатанія, представительное правленіе, наконецъ общая программа, во Франціи провозглашенная, обходятъ всю Германію. Лава революціонная обрекаетъ и уноситъ все, что̀ такъ недавно казалось недостижимо. Въ главныхъ кратерахъ сравнительно въ эти дни какое-то зловѣщее спокойствіе. Время роковое, котораго крайній выводъ, послѣднее слово нелегко провидѣть уму человѣческому. Что̀ этотъ народный ураганъ обѣщаетъ—неизвѣстно; что много отъ него пропадетъ для человѣчества прекраснаго, это вѣрно.

10-го Марта.—Смуты въ Берлинѣ. Войска остались верными присягѣ и разсѣяли мятежниковъ съ большимъ кровопролитіемъ, съ трудомъ остановленнымъ. Сегодня дежурнымъ. Въ половинѣ 1-го во дворецъ. Въ часъ вышелъ Государь. Первыя благосклонныя его слова ко мнѣ по поводу происшествій въ Европѣ. Картины Гесса, Рехлина и Коцебу; перваго—сраженія подъ Вязьмой, Смоленскомъ и Бородинымъ; втораго, и по моему мнѣнію искусствомъ выше всѣхъ, подвигъ принца Августа Прусскаго подъ Кульмомъ, и послѣдняго—штурмъ Нотебурга при Петрѣ Великомъ.

Поутру посѣщеніе генерала барона Засса Кавказскаго и, должно прибавить, славнаго моего сослуживца, не смотря на его непонятное подъ конецъ поведеніе.

Очевидно во всемъ, что̀ происходитъ въ Европѣ, что толпа, послѣднія въ народѣ сословія, берутся сами устраивать новый порядокъ общественнаго управленія. Это явная и опасная нелѣпость, угрожающая всему, что̀ есть хорошаго, какія бы ни оставались несовершенства въ прежнемъ порядкѣ вещей. Все, что̀ возможно для улучшенія положенія низшихъ классовъ, это посредствомъ высшихъ и правительства, а не самими.

12-го Марта.—Вчера въ половинѣ 1-го во дворецъ; но смотръ безсрочнымъ былъ отмѣненъ, и Государь отправлялся въ Петро-Павловскую крѣпость на панихиду по императорѣ Павлѣ I-мъ. Возвратясь, встрѣтилъ г-ла Данилевскаго и повелъ его къ себѣ. Занимательный разговоръ о настоящихъ въ Европѣ происшествіяхъ. Полковникъ Сусловъ. Сокращеніе издержекъ по всѣмъ вѣдомствамъ для приведенія арміи въ готовность къ дѣйствію; къ сожалѣнію, по работамъ желѣзной дороги также.

Князь Лихтенштейнъ смѣнилъ г. Виндишгреца въ управленіи дѣлами Австрійской имперіи. Слухъ, будто король Прусскій выѣхалъ изъ Берлина. Новыя смуты будто бы въ Краковѣ.

15-го Марта.—Вчера на разводѣ узналъ о происшествіяхъ въ Пруссіи. Послѣ тринадцати часовъ борьбы войскъ съ народными толпами, король остался въ рукахъ послѣднихъ, во дворцѣ, котораго всѣ выходы заняты гражданскими караулами. Безпорядокъ и безначаліе вездѣ. Велегурскій, привезшій эти извѣстія, съ трудомъ проѣхалъ. Манифестъ Государя по поводу положенія Европы. Annette Тютчева, дочь Нелли, прелестная дѣвушка. — Страшны знаменія времени! Оградиться щитомъ вѣры въ Провидѣніе, въ неприкосновенность верховной власти, въ рукахъ которой основалась и укрѣпилась Имперія, не знающая равной ни въ какія времена, власти, безъ сомнѣнія готовой на всякій подвигъ для развитія благосостоянія великаго народа, путемъ порядка и постепенности, однимъ надежнымъ въ государственномъ дѣлѣ. Безсмысленное нетерпѣніе умовъ, неприготовленныхъ опытностію, можетъ довести только до переворотовъ, угрожающихъ поглотить все, чѣмъ могущественна, прочна и многообѣщающа Россія. Пусть осмотрятся и вникнутъ, сколько въ настоящую грозную минуту въ ней существуетъ прекраснаго, святаго, способнаго къ развитію въ духѣ собственномъ, а не въ подражаніе западнымъ народамъ, въ столь многомъ на нее непохожимъ. Да умудритъ Всевышній Властителя, въ рукахъ своихъ судьбы Россіи держащаго, и совѣты его!

16-го Марта.—Вчера утромъ Залѣсскій. Вечеръ у Данилевскаго, гдѣ засталъ Левенштерна; просидѣлъ до полуночи и вышелъ съ головною болью и съ отвращаніемъ отъ нравственныхъ открытій, въ этой бесѣдѣ сдѣланныхъ.

19-го. — Вчера былъ дежурнымъ. Государь выходилъ въ мраморную залу смотрѣть безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ. Одинъ изъ нихъ былъ выведенъ, поставленъ лицомъ противъ середины фронта прочихъ, и Государь самъ изволилъ имъ прочесть записку, въ которой описано, что наканунѣ этотъ рядовой въ кабакѣ, при множествѣ народа, сказалъ, что Государь вызываетъ опять безсрочныхъ на службу, но ошибется: мы съ нимъ сыграемъ штуку! Затѣмъ Государь спросилъ: чтò они думаютъ о такомъ поступкѣ? Всѣ отвѣчали, что онъ виноватъ.—Чтò съ нимъ слѣдуетъ дѣлать?—Голоса два отвѣчали: предать суду и наказать. Затѣмъ Государь, обратясь къ преступнику: Ты видишь, чтò было бы съ тобою, если бы я выдалъ тебя товарищамъ; они бы разобрали тебя по кускамъ. Я тебя прощаю, заслужи свой проступокъ кровью и, раздирая записку, прибавилъ: дуракъ, свинья! Государь былъ блѣденъ отъ гнѣва и, не смотря на то, оказалъ подвигъ великодушія.

Возобновленіе знакомства съ гр. Строгановою.—Въ журналѣ des Débats письмо Michel Шевалье о главномъ жизненномъ для Франціи вопросѣ—о судьбѣ рабочихъ сословій, прекрасное; съ удовольствіемъ и любопытствомъ ожидаю продолженія.

21-го Марта.—Въ Пятницу въ часъ пополудни выступленіе съ дворцовой площади Донскаго атаманскаго полка и дивизіона л-гв. казачьяго. Государь произнесъ имъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ. Императрица выѣзжала также. Дежурн. генералъ-адъютантъ былъ Строгановъ, но по трудности для него верховой ѣзды я принималъ отъ Государя рапорты. Отреченіе Баварскаго короля отъ престола. Прусскій король отъ страха перешелъ къ самонадѣянности и въ манифестѣ выражается тономъ главы соединенной Германіи.—Сегодня въ часъ на парадъ въ Михайловскій манежъ. В. К. Михаилъ Павловичъ, взявъ меня подъ руку, былъ особенно привѣтливъ. Князь Илья Андр. Долгоруковъ разсказалъ мнѣ, что вчера, бывъ свидѣтелемъ разныхъ толковъ, въ присутствіи особъ Царской фамиліи, чего при настоящихъ чрезвычайныхъ и неожиданныхъ происшествіяхъ въ Западной Европѣ можно опасаться и какъ дѣйствовать, заключилъ при общемъ одобреніи: qu'un gouvernement digne se conduit dans tous les événements, quelques imprévues et extraordinaires

qu'ils puissent être, comme un homme comme il faut, avec calme et dignité. Въ два часа съ сыномъ въ концертъ въ пользу бѣдныхъ. Мой сосѣдъ бар. Гейсмаръ на ухо мнѣ объяснялъ, какъ легко было бы взять Константинополь.

22-го Марта.—У гр. Канкриной вдовы просидѣлъ, и съ удовольствіемъ, часа полтора. Вечеръ заключилъ у Дегая. Леви на фортепіано игралъ блистательно. Опочининъ спѣлъ подъ акомпанировкой Даргомыжскаго нѣсколько Русскихъ романсовъ прекрасно; съ Ренненкампфомъ Итальянскія аріи. Но лучше всего былъ дуэтъ князя Кочубея съ Ренненкампфомъ—истинное наслажденіе! На вечерахъ въ этомъ домѣ есть разговоръ: вещь у насъ такъ рѣдкая. Происшествія времени даютъ ему новую пищу и занимательность. Венеція объявила себя республикой съ дожемъ. Миланъ въ борьбѣ съ гарнизономъ Австрійскимъ, занявшимъ цитадель. Эрцгерцогъ вице-король уѣхалъ. Наши Прибалтійскія губерніи предложили Государю поставить 1400 лошадей на свой счетъ для арміи.—Профессоръ Ленцъ явился на вечеръ съ началомъ отвратительно-замѣтнымъ провала хрящевины носа, къ ужасу хозяйки.

23-го Марта. Louis Blanc діалектикъ замѣчательный. Весьма любопытны пренія въ Парижскомъ комитетѣ организаціи работъ. Du Play, въ сравненіи работъ артелью на рудокопняхъ во Франціи и въ Россіи, ставитъ учетъ (bilan) въ пользу работника Русскаго несравненно (incomparablement) выше.

Въ часъ къ барону Гейсмару, не засталъ. Къ г-лу Данилевскому до двухъ часовъ. Манифесты 1812-го года, пера Шишкова; они слогомъ сравнялись съ величіемъ происшествій,—выраженіе, которое Д. просилъ позволенія присвоить. Въ десять къ г. Закревскому, день имянинъ его дочери Лидіи—г-жи Нессельроде. Все почти высшее общество.—Важность послѣднихъ на Западѣ происшествій, быстро и близко намъ грозящихъ. Кн. Чарторижскій съ Польскими главными возмутителями въ Берлинѣ. Нелѣпые толки и мрачныя предвѣщанія близкихъ къ высокимъ лицамъ и къ дѣламъ людей. Будто уныніе и отчаяніе когда либо привели къ чему либо хорошему? Не знаютъ они Государя и Россіи! Не жестокія, а великія мѣры нужны въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Конецъ извѣстенъ одному Богу; человѣку—твердость, достоинство и благоразуміе, каковъ

бы ни предстоялъ конецъ. И падаютъ съ величіемъ, а съ нимъ рѣдко падаютъ. Ушелъ отъ нихъ къ женщинамъ. Гр-ня Гудовичъ съ дочерьми; гр-ня Лаваль съ обычною привѣтливостію и умомъ.

24-го Марта.—Въ 5 обѣдъ у князя Льва Викт. Кочубея; отличный столъ и рѣдкія вина. Сосѣдкой была гр. Строгонова, и обѣдъ прошелъ очень пріятно. Гр. Петръ Петр. Паленъ, отозванный на обѣдъ къ Государю и графъ Строгановъ къ в. кн. Михаилу Павловичу, подъѣхали къ половинѣ нашего обѣда. Разговоръ много ими выигралъ. Послѣ обѣда, передъ каминомъ съ трубками отличнаго Турецкаго табаку и съ кофеемъ, какого въ Петербургѣ я не пилъ, разговоръ, въ особенности съ Мухановымъ, много меня занялъ. Понравилось слово, которымъ я выразилъ характеръ графа А. П. Толстаго и отношенія мои къ нему: on le déteste quelquefois, on l'aime toujours.

25-го Марта. Въ часъ церковный парадъ конно-гвардіи въ ихъ манежѣ. 2-я гвард. кавалерійская дивизія и двѣ пѣхотныя гренадерскаго корпуса получили повелѣніе выступить. Débats прошелъ изъ-подъ ножницъ и скребла цензуры, какъ листы изъ-подъ пистолета Черкесовъ въ манежѣ.—Второе письмо Michel Chevalier о капиталѣ и работѣ.

Прекрасное слово Имeратрицы къ королю Прусскому въ ея письмѣ: Je vous embrasse, mon frère, la face voilée.

Le génie a beau planer au-dessus de la multitude: il n'en prend pas moins son point d'appui sur elle; il y a entre eux une alliance nécessaire; les efforts de l'un sont mesurés sur les besoins de l'autre.

Si des agréments d'une conversation polie on s'élève à la considération des oeuvres de l'art, on est amené aussi à reconnaître que l'imitation classique peut porter malheur aux esprits médiocres, mais que les grands esprits out toujours gagné au commerce de l'antiquité. Il y a une imitation stérile et une imitation féconde.

Въ половинѣ 12-го во дворецъ. Государь смотрѣлъ безсрочныхъ; лучше и бодрѣе прежнихъ; распредѣлялъ рекрутъ въ гвардейскіе полки. Г-лъ Бергъ возвратился изъ своей миссіи въ Германію.

28-го Марта.—Письмо Бенкендорфа изъ Берлина къ военному министру. Отвѣтъ кн. М. Д. Горчакова: камня на камнѣ не оставить. По моему мнѣнію дурной отвѣтъ, хотя онъ носитъ

личину энергіи. Въ этомъ роковомъ словѣ заключается цѣлый планъ кампаніи, но кампаніи отступательной. Въ такомъ случаѣ истребляйте все, что̀ въ военномъ отношеніи можетъ служить пособіемъ для непріятеля; но все, что̀ переходитъ за эту черту необходимости, не только безполезно, но, никого уже не устрашая, только ожесточаетъ. Вы къ врагамъ вашимъ подобнымъ варварствомъ присоединяете всѣхъ умѣренныхъ; вы налагаете на имя Русское пятно, котораго избѣгаютъ нынѣ даже буйныя и нестройныя толпы, ниспровергающія на Западѣ свои вѣковыя правительства. Вы развращаете ваши войска искушеніемъ грабежа и истребленія, снимая съ нихъ привычную узду дисциплины, Вы исключите Россію изъ семьи Европейской и сошлете ее въ Азію, къ Тамерланамъ и Батыямъ. Смерть и плѣнъ вооруженнымъ; не только пощада, но покровительство безоружнымъ, женщинамъ и дѣтямъ, ихъ стѣнамъ, имуществу ихъ. Это духъ времени, духъ христіанства, духъ вѣчной нравственности, отступленіе отъ котораго никогда не приносило пользы, не говорю уже чести.—Письма для барона Засса Государю и графу Орлову.—Воспоминаніе разговора за обѣдомъ у Государя объ Остъ-Индіи и центральной Азіи по поводу сочиненія Коннолиса. — Поручилъ Залѣсскому достать мнѣ карту западной границы, оставивъ всѣ свои въ деревнѣ. — Начало письма къ Ермолову.—Урокъ сыну въ точности, въ неотложномъ исполненіи даже мелкихъ обязанностей каждаго дня въ жизни. Примѣры важныхъ послѣдствій пренебреженія ими.—Съ Зассомъ воспоминанія о Кавказѣ. Нравственная сторона военнаго искусства, такъ немногимъ извѣстная. „Салтыковъ знаетъ тактику и не знаетъ практики, а меня знаютъ тактика и практика“, слова Суворова. Пораженіе Австрійцевъ, послѣ честнаго боя въ Миланѣ и Ломбардіи, возставшимъ народомъ, почти безоружнымъ. Трудности подобной войны: арміи побѣждаются изнуреніемъ.—Венеція, изгнавшая Австрійскій гарнизонъ, занята безъ сопротивленія снова г-ломъ Гіулаемъ; на долго-ли?—Объявленіе войны Австріи Сардинскимъ королемъ и Тосканскимъ герцогомъ. Чудное время! Давно-ли война казалась невозможною? Происшествія слѣдуютъ одни за другими и вмѣстѣ съ быстротою электричества. Надо спѣшить усмѣхаться: скоро некогда и не о чемъ будетъ для понимающихъ знаменія времени. Россія велика тѣмъ,

чѣмъ была и чѣмъ есть. Если нужно въ постепенномъ ходу еще многое, то въ свое время и чрезъ правительство, обильно посѣявшее многое для лучшей будущности.

Бар. Левенштернъ, описанный мнѣ какъ пріятный собесѣдникъ и готовящій важныя записки,—пустой болтунъ, угодникъ богатыхъ гостиныхъ; его великіе люди les amphitrions chez lesquels on dîne. Это болтовня старухи, не старика. Онъ можетъ быть и хуже этого.

31-го Марта.—Вчера утромъ б. Гейсмаръ просидѣлъ часа два; нетерпѣніе и безпокойство его, чтобъ быть употребленнымъ въ предстоящихъ дѣйствіяхъ. Опытность жизни должна бы излечивать отъ подобныхъ судорожныхъ стремленій. —Поутру же обрадованъ былъ посѣщеніемъ Домановскаго, пріѣхавшаго изъ Малороссіи, гдѣ онъ навѣстилъ мое семейство.

1-го Апрѣля.—На вечеръ къ Зыбину, пріятно проведенный. Возобновленіе знакомства съ Толстой, урожд. Давыдовой. Передъ выѣздомъ сидѣлъ у меня Пав. Ив. Дегай. Благородная откровенность. Происшествіе въ Школѣ Правовѣдѣнія непростительное.—По мѣрѣ того, какъ происшествія становятся важнѣе, С. Пчела становится пустѣе: фельетоны ея занимаютъ насъ разсказами о розѣ, у которой развѣ шипы могли служить уподобленіемъ въ дѣлахъ настоящаго времени.

Австрійскій генералъ Лудольфъ за сдачу безъ сопротивленія Пиччигетоны разстрѣлянъ Радецкимъ.—Полку короля Сардинскаго повелѣно именоваться полкомъ Владимира Александровича, вслѣдствіе поступковъ короля.

2-го Апрѣля.—Въ 9-ть на вечеръ къ Сумарокову; музыка переполнила все время. Голосъ прекрасной дочери Тришатнаго и игра Леви болѣе прочаго заслужили одобренія.

3-го Апрѣля — Г.-а. Арбузовъ просидѣлъ около часу по утру; природный и хитрый умъ.—Г-лъ Бреверпъ, командиръ Гродненскаго гусарскаго полка, впалъ въ сумашествіе и привезенъ сюда.

5-го Апрѣля.—Въ 1-мъ на дворцовую площадь на разводъ; я былъ дежурнымъ, и Государь при выходѣ удостоилъ меня благосклоннаго привѣтствія. Императрица съ балкона смотрѣла на парадъ.

6-го.—Навѣстилъ поутру старикъ Романъ Ивановичъ Ховенъ. Въ 1-мъ во дворецъ. Государь вышелъ къ обѣднѣ, потомъ смотрѣлъ безсрочныхъ и рекрутъ. До этого я посидѣлъ съ г. Киселевымъ. Начало смутъ и непріязненное къ Россіи направленіе ихъ въ княжествахъ. Разговоръ съ г. Гейденомъ. Гергебильскій штурмъ. Коцебу. Кн. Воронцовъ уступаетъ ему противъ собственнаго убѣжденія, на обзорѣ умнаго офицера основаннаго. Брешь въ стѣнѣ была завалена цѣльными деревьями; это неразрушимѣе камня; словомъ, мнимая брешь была самой неприступной точкой всей крѣпости. За то самъ г. Коцебу приноситъ ту пользу, что своею недоступностію служитъ отводомъ для слишкомъ доступнаго князя.

7-го.—Вошли б. Гейсмаръ въ разстроенномъ расположеніи духа и за нимъ б. Зассъ въ бодромъ и долго просидѣли. Первый во многое и неосторожно, быть можетъ, вмѣшался по дѣламъ какъ гражданскимъ, такъ и политическимъ и военнымъ безъ призванія и необычнымъ путемъ. Второй въ надеждѣ, кажется основательной, быть опять принятымъ въ службу.—Въ лѣтній садъ, куда подошелъ въ минуту выхода изъ коляски Маріи Николаевны съ малюткой-дочерью. Съ часъ провелъ въ саду. Прекрасная Англичанка верхомъ. Камеръ-пажъ Галлъ.

9-го. Пѣшкомъ съ сыномъ въ Лѣтній садъ. День достоинъ былъ принадлежать лѣту; я съ удовольствіемъ упивался теплымъ и чистымъ воздухомъ, тѣшилъ глаза новою бархатною зеленью куртинъ и необыкновенно-прекрасными глазами подсѣвшей ко мнѣ знакомой дѣвицы З... Государь объѣхалъ садъ въ коляскѣ съ Роховымъ, Прусскимъ посланникомъ. Кн. Гагаринъ, съ перваго взгляда странный, съ походкой смѣшною, съ перваго слова становится пріятнымъ.—Прекрасное слово архіепископа Иннокентія Херсонскаго и Таврическаго по поводу манифеста Государя. Лекція Богдановича, 1813-й годъ, справедлива и своевременна.

11-го. Св. Воскресенье. Въ половинѣ 12-го во дворецъ. При самомъ входѣ, у Салтыковскаго подъѣзда на внутреннюю лѣстницу, столкнулся съ г.-л. Михайловскимъ-Данилевскимъ, который шатался на ступенькѣ, кровь въ лицѣ и готовый упасть. Я поручилъ его своему лакею, чтобы усадилъ его въ карету и отвезъ домой.—Заутреня въ полночь. Христосовался въ свою

очередь съ Государемъ и Императрицей.—Множество наградъ и милостей по случаю праздника, мнѣ еще неизвѣстныхъ по неполученію приказа. Катенинъ командиромъ Преображенскаго полка.—Изъ первыхъ лицъ, ко мнѣ подошедшихъ, былъ г-лъ Е. А. Головинъ. Торжество и святость дня и чуждость для меня ненависти не позволили мнѣ отказать этому враждебному мнѣ человѣку коснуться протянутой его руки. Не остался до окончанія церемоніи и до обѣдни.—Я дежурнымъ сегодня при Государѣ. Разводъ съ церемоніей въ 2 часа. Голова тяжела послѣ тревожной ночи. Непріятная форма лишитъ въ первые три дня праздника обычной прогулки.

12-го Апрѣля. Въ 2 ч. разводъ съ церемоніей передъ дворцомъ. Государь былъ пѣшкомъ; Императрица на балконѣ. По окончаніи развода народъ ринулся къ Государю, тѣснясь около него до самаго входа во дворецъ. Въ приказѣ большое производство въ генералъ-лейтенанты. Въ 5 во дворецъ къ вечернѣ. Выходъ въ 6 ч. По окончаніи службы baise-mains Императрицѣ. Сегодня съ утра непріятное изъ маіората письмо, грозящее тяжбой и денежнымъ затрудненіемъ: слабая сторона моей жизни и характера, по неодолимому отвращенію къ дѣламъ этого рода. Самъ виноватъ, бывъ достаточно остереженъ противъ бездѣльника, которому безъ особенной нужды ввѣрилъ дѣла по маіорату.

13-го. Въ часъ на разводѣ съ церомоніей.—На обѣдъ къ Муравьевымъ. Занимательный разговоръ въ кабинетѣ. Устройство въ Литовскихъ губерніяхъ для противодѣйствія революціоннымъ движеніямъ.

Je serai fier d'être choisi, satisfait d'être oublié. Il suffit que ce soit un honneur pour que je ne le sollicite pas; il suffit que ce soit un danger pour que je ne le refuse pas.

18-го Апрѣля. По случаю рожденія Наслѣдника обѣдня во дворцѣ. Baise-mains Императрицѣ и Наслѣдницѣ. Муравьевъ принятъ въ службу. Этотъ человѣкъ, лично почти никѣмъ нелюбимый, уважаемъ всѣми, и вступленіе его въ службу принято въ первую минуту всѣми съ удовольствіемъ. Хорошая черта общества. Въ Княжества войска наши еще не вступали, не смотря на тамошнія смуты. Это могло бы возстановить противъ насъ и безъ того общее къ намъ недовѣріе и опасеніе.—Разводъ съ церемоніей. Государь принималъ конныхъ ординарцевъ,

держа маленькаго внука на рукахъ. При дефилированіи войскъ, оба малютки стояли на линіи; старшій снялъ фуражку передъ знаменемъ Павловскаго полка.

19-го Апрѣля. Въ 5 ч. вчера обѣдалъ у гр. Киселева; насъ сѣло за столъ тринадцать, къ безпокойству нѣкоторыхъ, имѣющихъ предразсудокъ противъ этого числа; четырнадцатый изъ приглашенныхъ, г-лъ Бергъ, былъ отозванъ на обѣдъ къ Великому Князю; онъ пріѣхалъ къ концу обѣда.

Непріятнымъ образомъ испытываю справедливость Французской поговорки: qui a terre a guerre. По всемъ тремъ имѣніямъ возникли дѣла, болѣе или менѣе важныя.

Назначенный кавалергадскому полку парадъ за дождемъ отмѣненъ. Государь не совсѣмъ здоровъ. Пріѣхали и посидѣли Глинка и Муравьевъ. Зассъ принятъ въ службу съ назначеніемъ въ распоряженіе фельдмаршала.

24-го. На вечеръ къ Сумароковымъ. Отрокъ Венявскій 12-ти лѣтъ, прекрасная скрыпка, въ его возрастѣ изумительная. Пѣли дѣвицы Бартенева и Тришатная. Болговская на фортепьяно. Септуоръ Гуммеля. Опочининъ спѣлъ между прочимъ три Русскихъ романса, такой посредственности (а ихъ столько прекрасныхъ), изъ пошлыхъ окончаній фразъ, всякому надоѣвшихъ, составленныхъ, что меня будто потянуло подойти къ гр-нѣ Тизенгаузенъ и сказать ей мое мнѣніе вслухъ. По ея замѣшательству и взгляду я понялъ, что сдѣлалъ глупость. Тутъ только замѣтилъ я, что возлѣ нея сидитъ хозяйка и что романсы сочинены мужемъ ея.

Поутру сегодня посидѣлъ у меня г-лъ Дмитрій Богдановичъ Броневскій. Всегда занимательный съ нимъ разговоръ. Онъ привезъ мнѣ записки Дениса Давыдова о Польской войнѣ. Въ нихъ мало истинно-поучительнаго, много рѣзкаго, односторонняго; незначительность его назначенія поставлена на высотѣ, ему не принадлежащей; самоудивленіе непомѣрное; осужденіе личности и дѣйствій фельдмаршала Дибича-Забалканскаго выходитъ изъ всякаго приличія и справедливости. Это писано не чернилами, а ядовитою желчью. Картина главной квартиры списана мѣтко и сходно. Нѣсколько слишкомъ поэтическихъ и кое-гдѣ Тацитовскихъ намековъ не ладятъ съ общимъ памфлетнымъ слогомъ. Все-таки главное право на память даютъ ему

его разгульные, гусарскіе, бахическіе стихи, дѣти его шумной молодости.—Въ часъ ученье въ присутствіи Государя на Марсовомъ полѣ.

27-го. Въ два въ Лѣтній садъ; прогулка съ флиг.-адъют. г. Адлербергомъ. Государь верхомъ одинъ. Гохштетеръ и рейткнехтъ сзади. Герцогъ Лейхтенбергскій съ В. К. въ кабріолетѣ въ одну лошадь. Письмо Фрейтага съ порученіемъ и съ памятью обо мнѣ. Пакетъ отъ военнаго министра съ увѣдомленіемъ о соизволеніи Государя на заемъ изъ казначейства 10 т. р. с., съ уплатою въ 10 лѣтъ.

29-го Апрѣля. Четвергъ. Въ 10 на вечеръ къ Зыбинымъ, и первое слово хозяина при входѣ—была неожиданная и поразительная вѣсть о смерти г-ла Гейсмара въ половинѣ 4-го пополудни. Вчера съ нимъ обѣдалъ и сегодня полагалъ съ нимъ провести вечеръ! Такъ успокоился этотъ духъ, полный волненія, честолюбія, тревожившій себя и другихъ безпрерывными военными и гражданскими планами, благородный, великодушный, страстный, часто несправедливый, но всегда готовый къ примиренію искреннему, на боевомъ полѣ безстрашный, хладнокровный, вообще мужъ силы и дѣла. Мы провели вмѣстѣ нѣсколько трудныхъ и славныхъ дней жизни. Потомъ дружбу горячую ко мнѣ по чужимъ внушеніямъ замѣнила вражда, при всякой встрѣчѣ исчезавшая съ первымъ словомъ. Послѣдняя встрѣча, какъ бы прощальная, во всѣ эти дни была грустная, нѣжная; онъ пріѣзжалъ ко мнѣ искать успокоенія въ мнимыхъ или дѣйствительныхъ неудачахъ по службѣ, при дворѣ. Еще третьяго дня онъ сидѣлъ, не заставъ меня, у постели моего сына, котораго полюбилъ. Сегодня въ 10 ч. ѣздилъ поклониться останкамъ Гейсмара. Онъ лежалъ на столѣ, одѣтый въ полномъ мундирѣ; на лицѣ спокойствіе смерти, ни одной черты искаженной, даже измѣнившейся. Церковникъ католической церкви читалъ молитвы. Два сына вышли ко мнѣ изъ спальни. Болѣе не было никого. Выходя, встрѣтилъ на лѣстницѣ оберъ-полицеймейстера Галахова. Оттуда въ крѣпость; заѣхалъ къ коменданту И. Н. Скобелеву. Старый ветеранъ живетъ среди роскоши. Онъ принялъ меня въ шелковомъ халатѣ, рубашка батистовая и съ жабо, въ вознагражденіе за лишенія, которыя перенесъ въ своей солдатской молодости. Отъ него поѣхалъ въ

Главное Казначейство для полученія 10 т. р. с., заимообразно мнѣ пожалованныхъ. Во время заготовленія бумагъ и справокъ, наблюдалъ за обращеніемъ присутствовавшихъ чиновниковъ съ приходившими по дѣламъ лицами. Довольно предупредительно и терпѣливо. Домой и потомъ въ Лѣтній садъ. Государь прогуливался верхомъ по наружнымъ аллеямъ; увидѣвъ меня, очень благосклонно поздоровался и, продолжая ѣхать шагомъ, распрашивалъ о подробностяхъ кончины Гейсмара, изъявляя свое сожалѣніе.

1-го Мая. Съ полчаса тому я возвратился съ похоронъ г. а. барона Гейсмара. Въ одиннадцать часовъ собрались предъ его гробомъ въ католической церкви на Невскомъ проспектѣ. Духовенство отправляло послѣднюю для него службу. Два сына, кирасирскій и морской офицеры, стояли въ глубокой горести при гробѣ. Requiem произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Я съ трудомъ удерживалъ слезы, и въ это время вошли Государь и Наслѣдникъ. Гробъ, на возвышенной эстрадѣ стоявшій, тихо опущенъ былъ механизмомъ и вынесенъ на катафалкъ кавалергардскими офицерами. Государь встрѣтилъ его верхомъ, и мы за нимъ. Такъ провожали на нѣкоторое разстояніе. Государь одинъ съ лѣвой стороны катафалка. Когда Е. В. остановился и пропустилъ мимо себя гробъ, весь кавалергардскій полкъ дефилировалъ съ палашами, склоненными подъ лѣвой рукой. За нимъ, кажется, двѣ гвардейскія батареи заключили шествіе. Тысячи народа на тротуарахъ и въ домахъ присутствовали на печальной церемоніи. — Вчера встрѣча и прогулка съ Киселевымъ. Онъ напомнилъ мнѣ вовсе забытое обстоятельство, что на его обѣдѣ насъ было тринадцать и что Гейсмаръ замѣтилъ, что это до него относится.—Политическія дѣла, кажется, принимаютъ направленіе въ нашу пользу: всѣ у себя нашли достаточно занятія, и вездѣ проявляются признаки противодѣйствія защитниковъ порядка противъ безначалія, но только еще признаки. Близко однако новое происшествіе, могущее громко отозваться въ политическомъ мірѣ: ожидаемая кончина Мегмета-Али Египетскаго. Въ судьбахъ Востока кроется какое-то дѣйствіе и вліяніе на всѣ народы.

4-го Мая. На Марсовомъ полѣ въ присутствіи в. к. Михаила Павловича репетиція церемоніальнаго марша всей гвар-

дейской кавалеріи. Государь верхомъ изволилъ смотрѣть изъ сада. Одинъ Наслѣдникъ сопровождалъ его. Множество народа тѣснилось почтительно вокругъ ихъ съ открытыми головами Превосходная кавалерія людьми, лошадьми, доведеніемъ!

5 го Мая. Неблагодарный отзывъ кн. В. на запросъ, можетъ-ли онъ замѣнить г. л. Фрейтага на Лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи Лабинцовымъ, для назначенія перваго генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи. Но такъ ли? Къ Данилевскому, и скоро вошелъ полковникъ Висковатовъ, человѣкъ весьма занимательный. Любопытные разсказы его между прочимъ по занятіямъ его объ устройствѣ Государева арсенала. Примѣчательная память Государя и Наслѣдника. Несправедливое опредѣленіе значенія покойнаго Гейсмара въ военномъ дѣлѣ. Правда, что онъ въ мирное время въ общемъ мнѣніи портилъ то, что̀ дѣлалъ примѣчательнаго въ военное. Несвоевременность составленія истинной его біографіи. Въ часъ по полуночи уѣхалъ. Что-то странное, unheimlich, какъ говорятъ Нѣмцы, въ этихъ ночахъ безъ тьмы и свѣта. Дворцовый телеграфъ безпрерывно махалъ своими огненными руками. Завтра нашъ Балтійскій флотъ выходитъ въ море подъ начальствомъ В. К. Константина Николаевича. Князь Менщиковъ также съ нимъ. Флотъ зайдетъ въ Стокгольмъ и Копенгагенъ.

6-го Мая. Прочелъ автобіографію на Нѣмецкомъ языкѣ покойнаго барона Гейсмара, къ сожалѣнію только до 1814 года доведенную. Много подвиговъ, рѣдкая дѣятельность, недостаточно признанная. Онъ самъ вредилъ себѣ въ спокойныя времена. За нѣсколько минутъ до кончины, онъ объяснялъ еще свои планы дѣйствій въ настоящее время, о чемъ подавалъ записку до Государя дошедшую и оспаривалъ возраженія противъ нихъ.

7-го Мая. Въ 12-ть часовъ парадъ всей гвардіи въ присутствіи Императрицы. Въ строю было 39 тысячъ 500 человѣкъ. Никогда это всегда-отличное войско не было въ такомъ совершенствѣ. Парадъ кончился въ половинѣ пятаго. Оттуда прямо за Государемъ въ манежъ Михаила Павловича, гдѣ Государь смотрѣлъ безсрочныхъ. Графъ Закревскій принятъ въ службу, съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ и военнымъ губернаторомъ Московскимъ.

9-го Мая. Вчера, въ девять часовъ утра, Государь, прибывъ изъ Царскаго по желѣзной дорогѣ, сдѣлалъ смотръ на Семеновской площади всей гвардейской артилеріи въ походномъ порядкѣ съ артилерійскимъ обозомъ. Превосходно. Государь изъявилъ всѣмъ свою полную признательность. Все кончено въ одиннадцатомъ. Посидѣлъ А. И. Данилевскій. Мнѣніе о цензурѣ иностранныхъ журналовъ. Въ три мѣсяца куплено 40 тысячъ лошадей. Въ Іюнѣ военныя приготовленія окончатся. 300 тысячъ войска на западной границѣ въ полной готовности. Герштенцвейгъ въ Львовѣ.

10-го Мая. Къ Левшину по дѣлу графа Феликса Ботмера. Сынъ посланника Виртембергскаго въ Дрезденѣ въ 1810 г. въ бытность мою тамъ, онъ, тогда дитя восьми или девяти лѣтъ, привязался ко мнѣ, сказавъ, что непремѣнно хочетъ служить подъ моимъ начальствомъ. Тогда этому посмѣялись и потомъ забыли. Въ 1817-мъ году, когда я командовалъ Лубенскимъ гусарскимъ полкомъ въ Глубокомъ, Минской губерніи, вдругъ получаю письмо отъ родителей Ботмера, что юноша вовсе не отказался отъ своего намѣренія, и что, не сопротивляясь болѣе его желанію, они просятъ моего содѣйствія о принятіи его въ Россійскую службу и ко мнѣ въ полкъ. Это скоро было исполнено; но вотъ прошло 28 лѣтъ въ безпрерывной борьбѣ съ жизнью въ новомъ его отечествѣ, въ постоянныхъ неудачахъ и въ ожиданіи майората въ Мекленбургѣ послѣ дяди. Этотъ недавно умеръ, и онъ—законный наслѣдникъ значительнаго имѣнія въ своемъ отечествѣ. Теперь нужна отставка, объ ускореніи которой буду хлопотать.

11-го Мая. Въ лѣтнемъ саду гуляя съ молодой гр. Нессельроде и ея мужемъ, отъ него узналъ о телеграфическомъ извѣстіи, что императоръ Австрійскій съ семействомъ долженъ былъ оставить Вѣну и удалиться въ Инспрукъ. Послышались удары грома, и стали падать крупныя капли дождя. При выходѣ встрѣтилъ Левенштерна, уговорившаго возвратиться въ садъ. Сильный дождь съ громомъ, потомъ прекрасный вечеръ. Поѣхалъ на острова. Какъ они живописны въ это время и послѣ дождя, прибившаго пыль.

12-го Мая. Телеграфическое извѣстіе: король Прусскій въ Потсдамѣ, безъ возможности возвращенія въ Берлинъ. Ожида-

ніе бунта въ Берлинѣ и требованія отрѣшить министровъ.—Военный совѣтъ журналомъ своимъ положилъ мнѣніе повременить нѣкоторыми распоряженіями по огромности расходовъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. Государь написалъ на немъ слѣдующую резолюцію: «Доколѣ Россія пребудетъ святою, деньги будутъ».

13-го Мая. Въ половинѣ наступающаго Іюня въ первой линіи на западной границѣ будетъ у насъ въ полной готовности 300 тысячъ войска. Въ резервѣ 100 тысячъ. За тѣмъ останутся еще 6-ой корпусъ, гренадерскій и гвардейскій и часть кавалеріи. Эти приготовленія далеко полнѣе вооруженій 1812-го года. Новыя смуты въ Парижѣ. Коммунисты и анархисты (впрочемъ это одно и тоже) хотятъ поставить на своемъ: не позволить устройства новаго правительства. Ироническій и вмѣстѣ грустный фельетонъ Ж. Жанена. 2 (14) текущаго мѣсяца уличная и клубная сволочь въ Парижѣ вломилась въ залу Народнаго Собранія и разогнала членовъ его. Скоро однако собралась національная гвардія, выгнала мятежниковъ и многихъ захватила подъ стражу. Замѣчательно, что въ этомъ грозномъ безпорядкѣ не пролито капли крови. Что̀ думаютъ теперь мужи опыта, ума правительственнаго, общественнаго порядка, изъ которыхъ кромѣ слишкомъ извѣстнаго Ламартина не упоминается почти ни одно имя? Они должны съ горестью смотрѣть со стороны на эти новыя сатурналіи своего отечества и непремѣнно извлечь изъ нихъ много уроковъ. Буйная сила, сбросивъ съ себя спасительныя путы законовъ, слишкомъ ослабленныхъ, царитъ надъ лучшею частію народа, въ которой заключаются навыкъ, законодательный и правительственный умъ, общественныя добродѣтели, просвѣщеніе во всѣхъ его видахъ, и все это теперь безъ дѣйствія, все устранено, все притѣснено наглостію, буйствомъ и невѣжествомъ. А Ламартинъ!

Россія на своемъ разсвѣтѣ, Европа въ сумеркахъ.

Débats 5 (17) Мая. Въ рѣчахъ Народнаго Собранія дошло до sacre-bleu. Куда они идутъ?

16-го Мая. Слово графа Штакельберга министру финансовъ въ Неаполѣ, послѣ разговора сего послѣдняго съ гр. Францискомъ Потоцкимъ, очарованнаго финансовыми свѣдѣніями его: C'est un homme de tête, de connaissances, un grand seigneur. Quel

emploi remplit-il chez vous?—Aucun, répondit le comte.—Comment cela se fait-il donc? Vous conviendrez cependant que le c-te P. possède toutes ces qualités.—Mais, oui; il a mangé déjà trois fortunes, il en achève une quatrième, et puis le peuple russe a un dicton qui lui va bien, безмозглый Полякъ.—Есть люди, у которыхъ языкъ замѣняетъ душу: болтовни много, даже умной, а путнаго дѣла не требуй отъ нихъ. Съ каждымъ днемъ усиливается почти болѣзненная потребность вырваться изъ этой груды камней, уличной пыли, оглушающаго стука ѣзды по мостовой, подъ небо Малороссіи, подъ тѣнь величавыхъ зеленыхъ ея дубовъ, къ широкимъ волнистымъ ея полямъ, на зеленый коверъ передъ красивымъ сельскимъ моимъ домомъ, вмѣщающимъ нѣжно-любимое семейство, къ пріятному шуму и живительному воздуху богатой природы. Кажется, Ротъ назначается начальникомъ Южной арміи.

19-го Мая. Въ лѣтнемъ саду подошелъ молодой Безобразовъ. Сколько напыщенныхъ глупостей, въ четверть часа высказанныхъ! Бездушіе, чванство и слабоуміе.

Слово Б....., узнавшаго, что я намѣренъ уѣхать: Nous comptons sur vous. Первый, какъ я полагаю, отголосокъ свыше, что я не вовсе забытъ въ предстоящихъ на случай нужды назначеніяхъ.

25-го Мая. Венгерцы дерутся уже съ Славянами. Всѣ поспѣшныя военныя наши приготовленія послано привести въ обыкновенный ходъ безъ усильной торопливости. Поляки своимъ безразсудствомъ много помогаютъ намъ, и первоначальное въ нихъ участіе Западной Европы обращаютъ въ ненависть и презрѣніе.

26-го Мая. Вчера получилъ соизволеніе Государя на отпускъ до Сентября.

27-го Въ половинѣ осьмаго въ поѣздѣ желѣзной дороги въ Царское. Утро было прекрасное. Со мною въ каретѣ сидѣлъ нѣкто Рей, бывшій при г. Головинѣ по дипломатической части въ Тифлисѣ, когда я командовалъ на Кавказѣ. Онъ былъ въ мое отсутствіе въ моемъ домѣ въ Ставрополѣ и знаетъ мою жену и дѣтей. Человѣкъ пріятный и образованный. Воспоминанія того времени. Въ живомъ разговорѣ незамѣтно пріѣхали въ Царское. Остановился въ старомъ дворцѣ рядомъ съ г. Апраксинымъ. Въ десятомъ въ новый дворецъ къ Государю. Подождавъ передъ его кабинетомъ съ полчаса, пока военный министръ былъ у Е. В. съ докладомъ, занялся картинами. Луч-

шею показалась мнѣ сцена прощанія Наполеона съ раненымъ маршаломъ Ланомъ, и Наполеонъ подъ Іеной. Государь выслалъ мнѣ сказать, что нынѣ годовщина кончины Прусскаго короля, отца Императрицы, и чтобы я пріѣхалъ завтра. По этой же причинѣ не представлялся ни Императрицѣ, ни Наслѣднику. Мнѣ оставалось до отхода поѣзда въ Петербургъ часа три. Въ сюртукѣ и фуражкѣ пошелъ въ садъ. Прекрасно, но какъ-то грустно, когда эти усильныя созданія человѣка, убранныя, причесанныя заботливо, какъ здѣсь, не оживлены присутствіемъ людей. Новый дворецъ, зданіе далеко уступающее старому дворцу.

28-го Мая. Вчера въ половинѣ осьмаго въ Царское Село. Въ каретѣ съ г. Шуваловымъ въ ст. дворецъ, и по его приказанію очень хорошіе покои. Въ десять къ Государю. Передъ кабинетомъ засталъ графа Блудова. Я позванъ прежде его. Государь принялъ меня чрезвычайно благосклонно и почтилъ разговоромъ о происшествіяхъ времени. Въ первомъ часу Императрица приняла меня въ саду, прошла съ В. К. невѣстой и со мною нѣкоторое разстояніе въ благосклонномъ разговорѣ, потомъ поѣхала далѣе на дрожкахъ. У Государя Наслѣдника и Наслѣдницы записался. Принцъ Гессенскій принялъ. Оттуда въ придворномъ экипажѣ въ Павловскъ; благосклонный пріемъ в. к. Елены Павловны. У В. К. было записался, но удержанный обѣдать, отведенъ былъ въ покои. Михаилъ Павловичъ былъ добръ и привѣтливъ по обыкновенію; Екатерина Михайловна была хозяйкой и посадила возлѣ себя. Великая Княгиня съ нами не обѣдала. Кромѣ меня были дѣвицы гр. Блудова, Бутурлина, одна неизвѣстная, изъ мущинъ ст. секр. Корфъ. Откушавъ, пошли въ покои Елены Павловны. Едва и не совсѣмъ ловко отдѣлался отъ вечерней прогулки. В. К. изъявилъ желаніе, чтобы я съ нимъ осмотрѣлъ садъ. Въ семь на желѣзную дорогу въ Царскомъ; сидѣлъ съ молодымъ княземъ Воронцовымъ. Онъ лучше и умнѣе, нежели мнѣ до того показалось.

7-го Іюня. Наконецъ мы съ Николаемъ опять дома. Выѣхавъ изъ Петербурга 29-го Мая, мы пріѣхали ночью 4-го домой. По общему выводу положеніе мое при дворѣ и въ обществѣ подъ конецъ много улучшилось противъ того, какъ было въ началѣ. Терпѣливое спокойствіе, хладнокровное ожиданіе вни-

манія и быть можетъ общій переворотъ на Западѣ, сначала грозный и все еще важный, были тому причиной. Теперь я уже не считаюсь въ безсрочномъ, но только во временномъ отпуску до 1-го Сентября, и то съ обѣщаніемъ Государя, что по первой надобности буду вызванъ.

Pour un homme qui aime sincèrement son art, la plus importante des précautions qu'il aie à prendre, c'est d'éviter le joug tirannique des modes passagères. On brille moins à un moment donné, mais on se soutient plus longtemps.

9-го Іюня. Третьяго дня пріѣзжалъ Скоропадскій, Полтавскій губернскій предводитель, мой шуринъ. Изъ больнаго съ дѣтства вышелъ теперь человѣкъ здоровый: такъ наружное положеніе и честолюбіе удовлетворенное способствуютъ къ утвержденію здоровья и продолженію жизни.—Шалуны, провозгласившіе въ разгульѣ за обѣдомъ здравіе республики Французской, два Закревскихъ и Дебальменъ, отвезены въ Петербургъ. Наклонность къ преувеличенію въ разговорѣ въ провинціи отъ недостатка ли предметовъ къ сравненію, или отъ ненаблюденія за собой. Какъ усладительна и тишина, и разные звуки сельской природы послѣ городской стукотни, отъ которой при одномъ воспоминаніи ломитъ голову. Этотъ душистый воздухъ, послѣ душнаго, пыльнаго и часто зловоннаго въ городѣ! Глаза нѣжатся зеленью деревъ и дерна, хотя много на этотъ разъ потерпѣвшихъ отъ зноя. Сколько пользы принесла семейству жизнь въ деревнѣ! Если остается еще намъ надежда и возможность спастись отъ крайняго раззоренія, то ей будемъ за то обязаны. Я могъ бы прилично назвать эту усадьбу *Удачною*, какъ назвалъ въ 1839 году фортъ, построенный въ горахъ, съ полнымъ успѣхомъ по цѣли, для которой онъ предназначался.

10-го Іюня. Возвратился съ одинокой прогулки. Долго сидѣлъ въ новой березовой рощѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной горами. Какъ смягчены и слиты всѣ звуки, краски и тѣни въ сельской природѣ! Вѣтеръ шумѣлъ въ вершинахъ деревьевъ и, постепенно возвышаясь до сильнаго forte, потомъ замиралъ до совершенной тишины; разныя трели безъимянныхъ для меня птицъ, отдаленные удары топоровъ, мычаніе вола, доходившее какъ звукъ охотничьяго рога, окликъ пѣтуха на дальнемъ дворѣ, пе-

ремѣнныя тѣни листьевъ разнообразныхъ деревъ, кустарниковъ и травъ, то блестящихъ серебристыми косами, то омраченныхъ темною зеленью; быстро летящія облака подъ голубымъ небомъ, отраженныя въ глубинѣ става, мелкими волнами рябѣющаго; легкій запахъ отъ деревъ, травъ, цвѣтовъ и земли: все сливалось въ одну гармонію усладительную и умиряющую душу послѣ рѣзкихъ ощущеній городской и придворной жизни.

Прочелъ старшимъ двумъ сыновьямъ нѣсколько псалмовъ, начиная съ 41-го. Какъ лань ищетъ потоковъ водъ, такъ душа моя ищетъ Тебя, Боже! Чтò унываешь, душа моя, и смущаешься? Уповай на Бога; ибо я буду еще славословить Его, Спасителя моего и Бога моего. Юноши казались поражены красотами гимновъ и величіемъ Русскаго языка.

16-го Іюня. Чѣмъ разрѣшится хаосъ на Западѣ? Кажется, республиканское начало возметъ верхъ надъ монархическимъ и аристократическимъ. Къ лучшему ли? Много прекраснаго пропало бы съ ними. Вѣроятно, что эти послѣднія примутъ послѣ борьбы гораздо бòльшую противъ прежняго примѣсь начала демократическаго и этимъ упрочатся. А борьба за народность? Когда и какой будетъ конецъ ей? До разрѣшенія этихъ вопросовъ много бѣдствій постигнетъ Европу. Какъ и чѣмъ отразится все это на нашу Россію? Долго нельзя оставаться въ нашемъ вооруженномъ усиліи. Кажется, что нынѣшнее направленіе умовъ въ Европѣ ведетъ если не къ совершенному уничтоженію, то къ значительному уменьшенію постоянныхъ армій: будутъ ополченія народныя, съ бòльшимъ или меньшимъ совершенствомъ устроенныя. Соединенные Штаты Америки, вѣроятно, послужатъ образцами Европѣ. Каждый народъ имѣетъ внутри себя своихъ варваровъ. Это всѣ тѣ, которые удерживаются въ порядкѣ уздою однихъ положительныхъ законовъ, а не нравственныхъ. Мудрость правительствъ состоитъ въ постепенномъ уменьшеніи этихъ варваровъ, распространеніемъ между ними просвѣщенія, основаннаго на истинномъ духѣ религіи, на любви къ порядку и убѣжденіи въ правосудіи власти. Число ихъ въ Россіи велико, и не всѣ они принадлежатъ крѣпостному состоянію.

4-го Іюля. Жары. Термометръ съ утра показываетъ въ тѣни 20° Реом. Отвсюду изъ сосѣдства вѣсти о холерѣ. У насъ, кажется, холерина въ Блотницѣ и въ домѣ. Владимиръ

также заболѣлъ рѣзью въ животѣ. Въ Петербургѣ смертность до 400 ч. въ сутки; больныхъ болѣе 2 т. Нелѣпые толки объ отравленіи воды. Пожары въ городахъ, съ подозрѣніемъ зажигательства.—Густавъ Ив. Гейзеръ, мой дядя, умеръ въ Петербургѣ, проживъ болѣе 80-ти лѣтъ.—Въ Парижѣ пожинаютъ плоды Февральской революціи: толпа сбросила личину лицемѣрія, требуетъ денегъ и безнаказаннаго своеволія. Съ $^{11}/_{23}$-го пр. мѣсяца поднялись баррикады и началась рѣзня. Кавеньякъ облеченъ диктаторскою властью. Журнальныя извѣстія получены только до $^{12}/_{24}$. Полагаю, что толпа усмирена въ Парижѣ, но найдетъ подражаніе въ провинціяхъ.

Прага, послѣ бомбардированія, кажется, также усмирена; на долго ли? Горестная судьба Виндишгреца, г-лъ-губернатора Богеміи. Жена и, кажется, сынъ убиты во время бунта. Франкфуртскій сеймъ самозванцевъ-представителей, сталкиваясь безпрерывно съ нелѣпостями и невозможностями, признаваемъ, кажется, по наружности правителями Германіи до времени, покуда они сладятъ съ своими внутренними смутами.

Вчера и сегодня принялся опять за письма Цицерона къ Аттику и къ брату Квинту. Въ присутствіи настоящихъ въ Европѣ происшествій и переворотовъ, различныхъ обстоятельствами, но равныхъ по важности, эти письма показались мнѣ еще занимательнѣе. И въ ту и въ настоящую эпоху, существовавшій дотолѣ порядокъ вещей разрушался въ смутахъ и междоусобіи, вопреки противодѣйствію умѣренныхъ правительственныхъ умовъ, тогда въ пользу честолюбцевъ, которыхъ однако звали Цесарями, Помпеями, а противниковъ Катонами и Цицеронами, а теперь? Въ Парижѣ каторжники и чернь, въ Вѣнѣ школьники и также праздная толпа, во Франкфуртѣ профессора и адвокаты, съ одними теоріями знакомые.

7-го Іюля. Чтò Италія послѣ освобожденія отъ Австрійскаго управленія съ своею свободою сдѣлаетъ, посмотримъ. Чего хочетъ Богемія, и къ чему поведутъ ее несчастныя Пражскія смуты при ея географическомъ положеніи и по полученіи правъ, которыхъ желала? Чтò будетъ съ Венгріей при собственномъ управленіи и во враждѣ съ племенами Славянскими, властію Имперіи доселѣ воздержанною, теперь возставшею? Пруссія

вспомнитъ о своемъ недавнемъ благоденствіи! Печально положеніе Запада и Юга Европы, важно положеніе Россіи.

У насъ холера и зажигатели; первая отъ Бога, а послѣдніе по какимъ и чьимъ побужденіямъ, откроетъ можетъ быть слѣдствіе. Законъ противъ нихъ усиленъ; мѣра необходимая.

Въ Петербургѣ по послѣднимъ оффиціальнымъ извѣстіямъ умирало въ день болѣе пятисотъ человѣкъ. Это ужасно! Если бы и здѣсь не было холеры, мнѣ по званію слѣдовало бы тамъ быть; но кому нужно и кто требуетъ моего самоотверженія, всегда готоваго и давно празднаго? Останусь до времени при семействѣ, которому въ этихъ обстоятельствахъ мое присутствіе не безполезно.

Необыкновенно занимательны, особенно въ присутствіи настоящей драмы въ Европѣ, письма Цицерона къ Аттику, въ періодъ борьбы Цесаря съ Помпеемъ: огорченіе патріота, осужденнаго избирать между двумя честолюбцами, равно готовыми для личныхъ выгодъ ниспровергнуть всѣ учрежденія и законы, возведшіе эту суровую республику до безсмертнаго величія. Человѣческая сторона этихъ откровенныхъ писемъ навсегда поучительна.

По приказамъ, умерли Донской атаманъ Власовъ и товарищъ по генералъ-адъютантству кн. Лобановъ-Ростовскій. Этотъ былъ замѣчателенъ по особенному знанію обычаевъ, формъ двора и этимъ былъ для меня полезенъ. Г.-ад. Хомутовъ назначенъ въ должность наказнаго атамана Дона. Радуюсь возвышенію этого достойнаго человѣка. Графъ Орловъ - Денисовъ приданъ ему въ должность начальника штаба.

20-го Іюля. Опаснѣйшіе враги обыкновенно тѣ, которые прежде были друзьями и перестали быть ими. Какъ справедливо, и какъ я это испытываю!

22-го. Вчера пріѣзжалъ докторъ изъ Роменъ. Больныхъ столько, что медикамъ запрещенъ выѣздъ, и ему нужно было для пріѣзда къ намъ разрѣшеніе губернатора. Работы построекъ, наемными Русскими здѣсь начатыя, всѣ прекратились за смертію и болѣзнію главнѣйшихъ. Какое-то отупѣніе овладѣло мною; но какъ ошибочно на дняхъ сдѣланное по наружному моему спокойствію замѣчаніе, что я, кажется, рожденъ былъ для спокойной жизни въ деревнѣ. Полная жизнь, сильнѣйшая и удов-

летворяющая всему высокому и благородному, дѣятельность, по временамъ уже мною испытанная, и потомъ кратковременный, не причудливый отдыхъ, тоже тѣлесно и умственно дѣятельный, вотъ моя потребность. Но безъ всякаго дѣла, безъ связей, безъ переписки и съ кѣмъ? въ мои годы, когда неблагоразумно начинать, а должно упрочивать уже готовое. Но что̀ готово? Подростающее семейство безъ успокоительныхъ видовъ въ будущее. Чья вина? Обстоятельства не разъ выставляли меня, такъ что я былъ предметомъ зависти и, казалось, могъ твердо положиться на будущность выгодную и блистательную. Но слѣдовало, по общему обыкновенію, извлекать изъ того безотлагательно вещественныя пользы, составить связи, дѣлать условія; а я почиталъ, что довольно оказывать услуги и спокойно ожидать признательности. Не раскаяваюсь, но за то терплю послѣдствія подобныхъ правилъ и не какъ неожиданность, но со всегдашнимъ сознаніемъ, что вездѣ и во всѣ времена такъ бывало и будетъ: не довольно одного успѣха, нужно еще искусство и стараніе его выставить. Многіе умѣютъ его увеличивать, даже неправдою. Это позже иногда узнается, но не замѣтно, чтобы приносило вредъ. Вотъ въ чемъ была борьба всей моей жизни. Впрочемъ, когда-бы не долги, пріятное убѣжище, помѣстительное для семейства, у меня есть; а сколько такихъ, особливо въ настоящемъ положеніи Европы, у которыхъ и того нѣтъ, и съ какой высоты значенія и благосостоянія свержены они! Что̀ нынѣ прочно? Могу однако по совѣсти и безъ упрека въ тщеславіи сказать, что принадлежалъ съ молодыхъ лѣтъ къ числу немногихъ, совѣтами и рѣшеніемъ которыхъ въ обстоятельствахъ историческихъ и важныхъ пріобрѣтены послѣдствія блистательныя и прочныя. Награды-же за нихъ наиболѣе присвоены другимъ; а я не всегда знаю, какъ проживу и что̀ дѣлать съ семействомъ, и что̀ съ нимъ будетъ, когда меня не станетъ! А это не можетъ быть далеко.

28-го Іюля. La religion! Quel homme, de nos jours, n'a souri cent fois en entendant prononcer ce mot? Quel homme même a su séparer la religion de ce qui s'appelle pratique et devotion, l'idée religieuse des formes religieuses? O vous, fortes têtes scientifiques, souriez! Vous êtes heureux si, pour soutenir votre existence, il vous suffit de poser les problemes, de les retourner, de les agiter en tous

sens, si la discussion pour vous remplace la croyance, s'il vous suffit de la religion parlementaire. Mais le vulgaire, qui n'a qu'un faible coeur rongé par le doute, toujours saignant, des blessures que la réalité lui porte, a besoin d'une étoile sur laquelle il puisse lever les yeux à tous les moments et qu'il puisse apercevoir toujours distinctement au-dessus de sa tête. Ces millions d'hommes se transformeront-ils jamais en docteurs s'élevant jusqu'à raisonner sur la nature de Dieu? Eh non, ils demandent à l'aimer plus qu'à le comprendre.

4 Августа. Пріѣзжали Григ. Пав. Галаганъ съ женою. У нихъ въ Секиринцахъ умерло восемьдесятъ шесть человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, однихъ подвластныхъ имъ крестьянъ.

Эти дни прошли тихо, въ ощущеніяхъ кроткихъ, но на душѣ какая-то тусклость, безнадежность. Воображеніе все позлащающее, для ума необходимое какъ вѣтеръ для паруса, будто погасло. Оно не воскрешаетъ болѣе въ памяти на яву и во снѣ благородныхъ дней самоотверженія, опасности, любви, дружбы, по крайней мѣрѣ рѣдко, а вмѣсто ихъ или забытые, или едва замѣтные, или даже небывалые поступки въ минуту слабости и невниманія, какъ пятна, всякую человѣческую жизнь или помыслы его пятнающія. Ощутительнѣе всего ослабленіе благороднѣйшей способности, дарованной человѣку: возноситься на крыльяхъ чувства и мысли, независимо отъ наружныхъ формъ, къ Существу Всеначальному, Утѣшителю и Побудителю ко всему высокому, трудному и безнаградному. Безъ этого чувства, безъ этой мысли, человѣкъ ползаетъ въ ряду прочей живой твари, а не живетъ, обнимая одинъ мыслію землю и небо и останавливаясь только предъ непостижимымъ, съ чувствомъ удивленія и признательности. Термометръ жизни упалъ почти до точки замерзанія. Не это ли старость?

Нота нашего двора ко всѣмъ агентамъ въ Европѣ, объясняющая причины вступленія нашихъ войскъ въ Молдавію и, какъ должно полагать, Турецкихъ въ Валахію. Это произведетъ много шуму и можетъ подать поводъ къ новымъ происшествіямъ. Хаосъ и броженіе на Западѣ продолжаются, и Англія занята своею Ирландіею. Дѣйствіе закона личной неприкосновенности (habeas corpus) въ этомъ краѣ рѣшеніемъ парламента временно уничтожено. Во Франціи новымъ закономъ клубы подчинены строгому надзору правительства.

На Кавказѣ Гергебиль у горцевъ отнятъ к. Аргутинскимъ-Долгорукимъ; онъ назначенъ за то генералъ-адъютантомъ.

6-го Августа. Пожаръ, кажется, разгорается. Король Прусскій подчинился Франкфуртскому правительству въ лицѣ эрцгерцога Іоанна. Разбои вездѣ, во Франціи, Германіи, Италіи, Испаніи отъ ослабленія верховныхъ властей. Покуда еще не видно, кто выигралъ въ этихъ переворотахъ. Величественное положеніе Россіи противъ общаго хаоса. Кажется хорошо выбрана минута вступленія войска въ княжества, когда Франція не успѣла еще очнуться отъ Іюньскихъ смутъ, Англія болѣе нежели когда-либо озабочена своею Ирландіею.

10-го Августа. Ропотъ, сорвавшійся у меня недавно съ души о тѣсномъ положеніи семейства, не совсѣмъ справедливъ. Безъ сдѣланныхъ важныхъ ошибокъ и долговъ вслѣдствіе ихъ, того что̀ есть было бы довольно для жизни безбѣдной и не только въ деревнѣ. А главнѣйшими средствами содержанія мы обязаны однако правительству. Право на бо̀льшее за оказанныя услуги въ мрачную минуту могло быть преувеличено въ собственныхъ глазахъ, а въ спокойную и безпристрастную кажется песчинкой въ огромной пирамидѣ величія Россіи, надъ сооруженіемъ которой съ сознаніемъ или безъ сознанія трудятся милліоны ея жителей, изъ рода въ родъ.

Близокъ уже день отъѣзда въ сѣверную столицу и ко двору, и чѣмъ ближе, тѣмъ живѣе чувствую, какое мирное оставляю убѣжище, какія тихія и ничѣмъ незамѣнимыя семейныя ощущенія. Мнѣ такъ хорошо и такъ продолжительно-одинаково хорошо, что, день за день отлагая необходимые визиты къ сосѣдямъ пріятнымъ, я донынѣ не трогался съ мѣста и оставлю дурное противъ себя впечатлѣніе. Такъ я многое въ жизни испортилъ, въ матеріальныхъ ея требованіяхъ, пренебрегая ими для мгновенной душевной отрады. Не довольно горячаго добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей, нужны еще усилія сдѣлаться пріятнымъ и необходимымъ. Чтобы достичь успѣха для себя и для своихъ, нужно умѣть забывать себя и своихъ, и даръ терпѣливаго ожиданія въ передней нерѣдко доставлялъ болѣе выгодъ и сближалъ, наконецъ, съ сильными, чѣмъ многотрудные походы, выигранныя сраженія и отличія гражданскія.

12-го Августа. Жары безпрерывные, не только дождя, ниже росы; трава пожелтѣла, листья на липѣ желтѣютъ и падаютъ. На другихъ деревьяхъ хотя зеленые, но засохли и съежились. Тополь пирамидальный и Американскій въ полной силѣ и свѣжести. Это ихъ климатъ. Сначала Августа вмѣсто окуней ловятся почти одни караси, большіе, жирные двухъ родовъ,— серебристые и золотистые съ розовымъ брюхомъ, очень вкусные. Сегодня семьдесятъ, но не на удочку, а вентеремъ, одни серебристые. Прогулки возможны только раннія и позднія. Даже ночь тепла. 19 и 20° въ тѣни. Ручей въ половину пересохъ, родники обѣднѣли. За то нѣкоторые изъ нихъ отличаются и теперь обиліемъ и превосходствомъ воды. Сосѣди кругомъ терпятъ отъ недостатка воды и посылаютъ къ намъ. Въ ставу вода болѣе чѣмъ на аршинъ убыла. Комаровъ почти вовсе нѣтъ; осъ мало, но за то большіе шершни и едва замѣтныя мошки иногда безпокоятъ, особливо послѣднія, лошадей, влетая въ ноздри. Звѣздное небо по ночамъ великолѣпно; метеоры и перелетныя звѣзды часты.

Старикъ Радецкій разбилъ на Минчіо короля Сардинскаго Карла Альберта и преслѣдуетъ его. Полагаю, что этотъ успѣхъ поведетъ къ трактату и уступкѣ безъ стыда съ хорошею границею на Адижѣ, Ломбардіи. Трудно было-бы Австріи удержать верхнюю Италію за собою. Теперь для Франціи и Англіи время принять на себя посредничество. Франція подкрѣпитъ переговоры Альпійскою арміею, Англія флотомъ.

19-го Августа. 16-го ѣздили въ Секиринцы. И этотъ прекрасный садъ потерпѣлъ отъ жаровъ. Художникъ Волосовъ снимаетъ виды здѣшнихъ мѣстъ. Затрудненіе драгунъ отъ возвышенія цѣнъ на фуражъ. Неурожай въ Харьковской губерніи, особенно въ Чугуевѣ. Смерть молодаго разжалованнаго капитана Позняка на Кавказѣ, посланнаго туда за растравленное пустое дѣло о похищенномъ драгунами Московскаго полка сѣнѣ. Начальники перессорились, а молодой офицеръ сталъ жертвою.

Съ 1-го Мая сего года, по программѣ, утвержденной Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и подъ предварительной цензурой, выходитъ въ Ревелѣ ежемѣсячное періодическое изданіе, книгами отъ 6 до 10 печ. л.

ГИМНАЗІЯ.

ЖУРНАЛЪ

ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГИКИ.

ПРОГРАММА:

I. Правительственныя распоряженія. Высочайшія повелѣнія. Приказы Господина Министра. Предписанія гг. попечителей учебныхъ округовъ.

II. Статьи филологическаго содержанія, оригинальныя и переводныя, по древнимъ языкамъ. Исторія, географія, археологія, искусство древности. Статьи научныя по всѣмъ предметамъ гимназическаго образованія.

III. Методика и дидактика всѣхъ предметовъ гимназическаго курса.

IV. Образцовые уроки по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса.

V. Школьная гигіена. Здоровье учащихся. Воздухъ, свѣтъ, звукъ.

VI. Гимназіи за границей. Ученіе и воспитаніе въ гимназіяхъ Австрійскихъ, Англійскихъ, Германскихъ, Французскихъ, по текущей педагогической литературѣ и по собственнымъ корреспонденціямъ.

VII. Общая педагогика. Статьи оригинальныя и переводныя по теоріи воспитанія. Мысли Русскихъ великихъ мужей о воспитаніи. Исторія гимназій. Біографіи Русскихъ педагоговъ. Некрологи. Хроника гимназическая.

VIII. Критика и библіографія. Учебники. Пособія. Книги для чтенія.

Цѣна за 12 книгъ въ годъ 8 рублей.

Подписка принимается: въ Ревелѣ, въ канцеляріи Александровской Гимназіи и у всѣхъ извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Для гг. преподавателей допускается подписка съ разсрочкой, по ихъ усмотрѣнію, чрезъ канцелярію своего учебнаго заведенія.

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива“ въ 1888 году съ доставкою—**девять** руб.

Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ книжнымъ рѣдкостямъ.

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ.

Цѣна 9 рублей съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „РУССКІЙ АРХИВЪ" 1889 года.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

10.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1888.

ИЗЪ АРХИВА ГРАФОВЪ ПАНИНЫХЪ.

I. Письмо А. В. Паниной къ ея супругу.

Это мать славныхъ графовъ Никиты и Петра Ивановичей, Аграфена Васильевна (1688—1753), пишетъ изъ Москвы, на пятый день послѣ родовъ, къ супругу своему Ивану Васильевичу (1673—1736), главному кригскомиссару, находившемуся въ отлучкѣ по дѣламъ тогдашней многотрудной службы. Она была родомъ Еверлакова, племянница свѣтлѣйшаго князя Меншикова, женщина, какъ видно, крѣпкая здоровьемъ, заботливая хозяйка, попечительная супруга. Сынъ Павелъ, вѣроятно, умеръ въ малолѣтствѣ. П. Б.

Государь мой Иванъ Васильевичъ, здравствуй на многа лѣта.

Доношу тебѣ государю: прошедшаго Октября въ 29 день, милостивыми Своими щедротами, меня Господь Богъ отъ тягости свободилъ, родился сынъ Павелъ, за что благодаря Бога, и тебѣ государю поздравляю и желаю какъ наискорѣе къ милости твоей ѣхать и нынѣшняго дня послала въ Гостешево для ради лошадей и саней для отправленія человѣка. Хотя мало приду въ крѣпость здоровья своего, не смотря ни на что, ни на распутицу, ни на убытокъ, поѣду къ тебѣ государю. А какъ прибуду въ Калугу, и я изъ Калуги пошлю къ тебѣ государю напередъ человѣка; а нынѣ не могу, государь, назначить, съ котораго числа съ Москвы поѣду, что еще въ себѣ крѣпости не слышу.

Степана Андреевича Колычева въ Москвѣ нѣтъ, въ деревнѣ своей, и письмо его у меня. Княгиня Дарья Васильевна и съ княжною въ добромъ здоровьи, а князь Иванъ Андреевичъ писалъ, что будетъ въ Москву по первому пути. И дѣти наши всѣ въ добромъ же здоровьи. При семъ тебѣ государю жена твоя Аграфена и съ дѣтьми кланяюсь.

Писала я къ тебѣ, государь, на почтѣ чрезъ мундирную канцелярію въ пакетѣ Матѳѣя Алексѣевича Головина, и тѣ письма дошли-ль до тебя, государя? А тѣ письма писаны Октября 15 числа.

Изъ Москвы.
2 дня Ноября 1721 году.

II. Письма В. Е. Ададурова къ Н. И. Панину.

Василій Евдокимовичъ Ададуровъ (1709 — 1780), достопримѣчательное лицо прошлаго столѣтія. Онъ преподавалъ математику въ гимназіи при Академіи Наукъ и издалъ нѣсколько учебниковъ. Въ 1758 году, когда палъ канцлеръ графъ Бестужевъ, Ададуровъ былъ сосланъ, кажется, въ Казань. Екатерина въ Запискахъ своихъ говоритъ про него (стр. 312): „Онъ нѣкогда училъ меня Русскому языку и сохранялъ ко мнѣ большую привязанность. Графъ Бестужевъ приблизилъ его къ себѣ по моему указанію: но сначала онъ не любилъ его, потому что Ададуровъ былъ приверженцемъ его врага, генералъ-прокурора князя Юрья Никитича Трубецкаго". По воцареніи своемъ Екатерина назначила Ададурова кураторомъ Московскаго университета и сенаторомъ. Онъ умеръ въ чинѣ д-го тайнаго совѣтника. Имъ сочинена книжка, вышедшая въ Спб. въ 1768 году: „Правила Россійской орѳографіи".

Пріятель Ададурова, Никита Ивановичъ Панинъ (1718—1783), посланный въ Данію, откуда перевели его вскорѣ въ Швецію, получалъ отъ него слѣдующія письма изъ Петербурга.

1.

Милостивой государь мой Микита Ивановичъ.

Хотя мнѣ всегда чувствительно было размышленіе о вашемъ отъ насъ отлученіи, однако, предпочитая благополучіе ваше своей пользѣ, казалось мнѣ, будто я несравненно больше о томъ радовался, нежели тужилъ. Но теперь не могу самъ съ собою согласиться. Радуясь отъ всего сердца о случаѣ, которымъ учинена вамъ по вашимъ достоинствамъ и добродѣтелямъ такъ знатная отличность, только же и о томъ несказанно жалѣю, что я принужденъ васъ лишиться на толь долгое время. Вы, милостивой государь, можете меня теперь, ежели изволите, по разсужденію, которое мы нѣкогда о сей матеріи имѣли, назвать такимъ, который будто себя только и свою пользу любитъ; но такое хотѣніе своей пользы недостойно никакого порицанія, когда оно основано на признаніи почтенія достойныхъ качествъ другаго и на должной своей благодарности. Отъ сихъ свойствъ происходятъ, я чаю, и тѣ внутреннія ощущенія, которыя мы въ себѣ чувствуемъ при разлученіи съ тѣми, къ кому непритворное почтеніе и сердечную склонность имѣемъ. Рѣдко можемъ мы при нихъ такъ быть великодушны, чтобъ не преодолѣли они наисправедливѣйшихъ нашихъ разсужденій. Это я вамъ, государь мой, описываю состояніе, въ которомъ я себя видѣлъ тогда, какъ въ послѣднее имѣлъ счастіе васъ обнять и проводить до вашей коляски. Сокрушеніе моего сердца было такъ

велико, что не могъ я уже ни одного слова промолвить. И такъ приношу я теперь тѣ искреннія желанія, которыя въ то время въ моемъ сердцѣ закрыты остались, чтобъ по благополучномъ окончаніи вашего пути могли мы здѣсь пріятныя отъ васъ получать извѣстія и чтобъ я въ неоцѣненной вашей милости непремѣнно былъ содержанъ. Матушка ваша въ прошедшій Четвертокъ изволила мнѣ пожаловать ваше письмо изъ Риги, за которое чрезъ сіе нижайше благодарствую. Я желаю, чтобъ я вѣчно въ вашей милости такъ былъ содержанъ и чтобъ я чѣмъ нибудь могъ засвидѣтельствовать, что къ почтенію, усердію и искренности ничего прибавить не можно, съ которыми я до конца жизни пребуду, милостивой государь мой, вашъ покорнѣйшій и нижайшій слуга

В. Ададуровъ.

Въ С.-Петербургѣ, 11 Августа.
1747.

P. S. Сего мѣсяца 7 числа скончался параличемъ Степанъ Лукичъ Игнатьевъ, генералъ-поручикъ, кавалеръ и комендантъ Санктпетербургской *). Кавалерское платье Св. Александра слышно, что будетъ бѣлое съ золотомъ. Всепокорно прошу прислать мнѣ Rabner's Leben des Kaiser's Peter des Grossen; да въ Дрезденѣ купить для меня пряжки къ башмакамъ и къ шлифамъ хорошенькія и крѣпкія и чтобъ у башмашныхъ были камни покрупнѣе; я чаю, такіе лучше будутъ играть.

2.

Милостивой государь мой Микита Ивановичъ.

Я съ превеликою радостію къ вамъ сіе письмо начинаю, котораго все содержаніе и заключеніе должно соотвѣтствовать его началу. Всемилостивѣйшая Государыня пожаловала васъ сего дня камергерскимъ ключемъ при своемъ дворѣ. Я желаю, чтобъ можно было найти равносильныя изображенія тому чувству, которое во мнѣ произвело сіе благополучное и ваши достоинствы подтверждающее приключеніе. Сколько тѣмъ порадована вся ваша фамилія, а особливо по отсутствію вашему ваша государыня матушка, того мнѣ вамъ не для чего описывать. Вы сами, зная всѣхъ ихъ къ себѣ горячести, можете себѣ то представить и еще яснѣе нежели я слабымъ своимъ описаніемъ. Всѣ ваши пріятели, съ которыми вы часто вмѣстѣ бывали, будучи сегодня въ здѣшнемъ домѣ, приказали вамъ кланяться; поздравлять васъ станутъ

*) Это былъ родной дѣдъ Анны Ивановны Лобковой (урожд. Игнатьевой), матери С. А. Соболевскаго. П. Б.

безъ сумнѣнія всѣ особливо. Великодушіе ея императорскаго величества и попеченіе о благополучіи и удовольствіи подданныхъ при нынѣшнемъ высокоторжественномъ дни [2]), къ радости многихъ особъ, весьма знатно себя оказало. Изъ тѣхъ, которыхъ повышеніе васъ (какъ я совершенно увѣренъ) особливо и наипаче интересуетъ, есть его сіятельство графъ Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ-Рюминъ [3]), который отъ ея величества пожалованъ камергерскимъ достоинствомъ. Тожъ получилъ и Алексѣй Андреевичъ Рудинъ-Хитровъ. Кавалеріями Святаго Александра пожалованы Родіонъ Михайловичъ Кошелевъ, Захарей Даниловичъ Мишуковъ и Вильбуа старшій. Князь М. А. Бѣлосельской возвышенъ въ генералъ-кригсъ-комисары, Воинъ Я. Корсаковъ въ контръ-адмиралы, и при томъ премногіе другіе какъ во флотѣ, такъ и кромѣ того высочайшею ея императорскаго величества милостію обрадованы. И такъ сей всерадостный день и многимъ партикулярнымъ фамиліямъ особливое подалъ удовольствіе. Я желаю, чтобъ въ вашей фамиліи оное часто могло случаться, въ чемъ я всегда великое участіе принимаю, будучи съ совершенною искренностію и усердіемъ, такъ какъ я есмь до конца жизни, милостивой государь мой, вашъ покорнѣйшій и нижайшій слуга

В. Ададуровъ.

Въ Спб. 5 Сентября
1747.

3.

Милостивой государь мой Никита Ивановичъ.

Поздравляя отъ истиннаго сердца васъ, милостиваго государя, днемъ рожденія вашего, желаю, чтобъ онъ къ общему удовольствію всей вашей фамиліи и вѣрныхъ слугъ и пріятелей дому вашего многократно съ умножающимся благополучіемъ вашимъ возвращался. Вашей государынѣ матушкѣ большей въ свѣтѣ нѣтъ радости, какъ что касается до вашей персоны; да нѣтъ же и печали такой другой, которая отъ какихъ-нибудь непріятныхъ извѣстій о вашемъ здравіи происходитъ. Чего ради вы много сохраните ея здоровья, ежели о припадкахъ, которые отъ безпокойства въ дорогѣ или отъ перемѣны въ водѣ, воздухѣ и проч. вамъ могутъ случиться, ея превосходительство будете увѣдомлять. Мнѣ и некогда и не можно всего того описать, сколько опечалила ея превосходительство ваша Берлинская болѣзнь. Слава Богу, что поспѣшило ваше другое письмо о вашемъ выздоровленіи, и теперь ея превосходительство стала опять совершенно спокойна. Сіе мнѣ показалось нужно донести вашему превосходительству, вѣдая,

[2]) Это былъ день именинъ императрицы Елисаветы Петровны. П. Б.

[3]) Сынъ канцлера. П. Б.

сколько вы меня изволите жаловать и сколь совершенно я есмь, м. г. мой, вашего превосходительства всепокорной и нижайшій слуга

В. Ададуровъ.

Въ Спб. 15 Сентября.
1747.

4.

Милостивой государь мой Никита Ивановичъ.

Ежели бъ мои письма до васъ дошли, то бы я не посмѣлъ теперь ваше превосходительство и утруждать, чтобы не подать причины читать такъ часто письма, для того только, что они письма. Однако, разсуждая по получаемымъ здѣсь отъ васъ, кажется, будто и нынѣшнее мое письмо будетъ только еще первое (ежели оно дойдетъ), хотя послѣ вашего отъѣзду рѣдкая почта проходила, на которой бы я не писалъ. Высокопочитаніе, которое я къ вамъ имѣю и ваша ко мнѣ милость, сдѣлали меня такимъ охотникомъ до писемъ; однако невѣдомо, какіе случаи ихъ до васъ не допускаютъ.

Послѣднее ваше письмо изъ Дрездена отъ 15 Сент. читалъ я у вашей государыни матушки съ превеликою радостію какъ для участія, которое я принимаю въ вашемъ удовольствіи, такъ и для спокойства и порадованія, которое оно принесло вашей матушкѣ. Ея превосходительство, по своей къ вамъ несказанной горячести, не пропускаетъ ни одной почты и ни одного случая, гдѣ бы не изволила навѣдываться о вашихъ письмахъ и о вашемъ здоровьѣ. Ежели когда хотя одна недѣля проходитъ безъ вашихъ писемъ, то уже крайне ее безпокоитъ. Нѣтъ такого печальнаго представленія, которое бы объ васъ тогда не придумано было. Тяжкія болѣзни, слабость, сходство во нравахъ, въ склонностяхъ и въ расположеніи съ покойнымъ вашимъ родителемъ, и кто знаетъ что еще, все то подаетъ матерію къ печали и къ сокрушенію внутреннему. Не бываетъ уже тутъ мѣста ни своимъ, ни чужимъ разсужденіямъ. Словомъ, не можно того никакъ описать, что̀ въ такомъ случаѣ дѣлается, когда чрезъ нѣсколько почтъ сряду писемъ отъ васъ не бываетъ. Надобно тутъ быть самому и видѣть, чтобы понять, какъ тягостно ея превосходительству такое вашихъ писемъ лишеніе; кромѣ же того отлученіе ваше изволитъ она сносить истинно весьма великодушно и когда ваши письма съ дороги чаще къ намъ приходили,то всегда очень весела и такъ спокойна бывала, какъ при васъ самихъ. Я, милостивой государь, почитаю себѣ за должность донести вамъ, какъ нужны здѣсь ваши письма, а при томъ представить, что ихъ и съ осторожностію писать надобно для вашей матушки, то есть, чтобъ объявленіемъ какихъ отъ болѣзней вашихъ случающихся вашихъ припадковъ, которые могутъ легко и миноваться, не

приводить въ печаль вашей матушки, которая ей, по ея лѣтамъ, не можетъ не быть тягостна. Наконецъ, рекомендуя себя въ неотмѣнную вашего превосходительства милость, пребываю до конца жизни съ неизрѣченнымъ высокопочитаніемъ, м. г. мой, вашего превосходительства покорнѣйшій и нижайшій слуга *Василій Ададуровъ.*

Въ Спб. 3 Октября 1747 (ст. ст.)

1-го Окт. спустили корабль въ 99 пушекъ, имя Захарія и Елисаветы; да 4 заложили. Вчера играли при дворѣ Маріамну. Розимонъ былъ Varus; новый acteur *Додвилъ* былъ *Hérode*. Сей Додвиль въ тысячу кратъ дѣлаетъ свою роль лучше нежели какъ Розимонъ дѣлывалъ при васъ противъ самыхъ посредственныхъ актеровъ. Описать того нельзя, надобно видѣть.

5.

Матушка ваша, также братецъ, сестрица княгиня Александра Ивановна съ князь Александромъ Борисовичемъ и съ дѣтками всѣ въ добромъ здоровьѣ, и у нихъ къ совершенству ихъ удовольствія не достаетъ одного вашего присутствія. Милостію всей вашей фамиліи, а особливо вашей государыни матушки, по милости ко мнѣ вашей, взысканъ я больше нежели могу то описать или выговорить. Впрочемъ ея превосходительство изволила мнѣ приказать навѣдаться собою, подано ль отъ васъ въ Коллегію доношеніе о требованіи священника и прочаго, что̀ къ тому принадлежитъ. Я то исполнилъ, только доношенія вашего въ Коллегіи не нашлось. Вы, милостивой государь, можете матушкѣ вашей учинить на то потребное изъясненіе. Ея превосходительство намѣрена была о удовольствованіи васъ тѣмъ просить. Ваше благополучіе почитаю себѣ на особливую пользу, то счастливъ бы я былъ весьма, ежели бы когда-нибудь могъ быть очевиднымъ свидѣтелемъ тамошняго вашего удовольствія.

Повѣренныя коммиссіи въ пересылкѣ книгъ, сколько моя болѣзнь допуститъ, буду стараться исполнять съ возможною исправностію. Григорія Николаевича Теплова искалъ я нарочно въ Академіи и говорилъ, не имѣетъ ли онъ чего къ вамъ послать изъ новостей академическихъ, на что получилъ въ отвѣтъ, что кромѣ конфирмованнаго академическаго штату и регламенту нынѣ ничего новаго нѣтъ, которые онъ приказалъ своему подъячему переписать и потомъ запечатавъ прислать ко мнѣ, и я того жъ часа отвезу ихъ вашей матушкѣ; а Григорью Николаевичу для скорѣйшаго отъ него полученія сказалъ, будто я намѣренъ то послать съ отъѣзжающимъ отсюда вашимъ служителемъ.

ДВА ПИСЬМА А. В. СУВОРОВА КЪ АНДРЕЮ СТЕПАНОВИЧУ МИЛОРАДОВИЧУ.

1.

9-го Августа 1773 году. Пузово.

Милостивый государь мой Андрей Степановичъ. Приношу за письмо вашего превосходительства мою покорную благодарность. Изъ письма къ Василью Володимировичу [1]) видѣть изволите, что мнѣ набарзѣ [2]) надобенъ понтонный мостикъ. Прошу вашего превосходительства скорѣе тому споспѣшествовать. На бродѣхъ люди тонутъ. Я же отъ г. Север. далеко и прямо съ нимъ дѣла имѣть ни могу, ни желаю. Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ.

2.

Милостивый государь Андрей Степановичъ.

При отъѣздѣ моемъ цалую васъ. Не забудь меня. Благодарствую, ваше превосходительство, за вашу благосклонную дружбу. Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ.

(Сообщено графомъ Г. А. Милорадовичемъ).

ПИСЬМО КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА КЪ АНДРЕЮ СТЕПАНОВИЧУ МИЛОРАДОВИЧУ.

Желая имѣть оставшуюся послѣ покойнаго архимандрита Паисія библіотеку, которая, какъ я слышу, за состоящіе на немъ долги, удержана въ монастырѣ, покорно васъ прошу употребить ваше стараніе къ доставленію мнѣ оной посредствомъ ли покупки, или чрезъ заплату помянутыхъ долговъ. Вы тѣмъ одолжите пребывающаго съ отличнымъ къ вамъ почтеніемъ вашего превосходительства, милостивый государь мой, покорнаго слугу князя Потемкина.

Сентября 7-го дня
1786 года.
Его прев. Милорадовичу.

Покупка эта вѣроятно не состоялась, потому что въ ризницѣ архіерейскаго дома въ Черниговской Ильинской обители, а равно и въ Черниговской семинарской библіотекѣ, есть много хорошихъ книгъ съ надписью: „Изъ книгъ архимандрита Паисія". Мнѣ случалось въ Черниговѣ покупать у Евреевъ-букинистовъ книги, принадлежавшія архимандриту Паисію.

Графъ Милорадовичъ.

---

[1]) Долгорукому. П. Б.

[2]) Т.-е. спѣшно. П. Б.

ПОТЕМКИНЪ И БЕЗБОРОДКО ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ ПОЛЬШѢ ВЪ НАЧАЛѢ ВТОРОЙ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ *).

1787.

Проектъ изъ Варшавы заключаетъ въ себѣ слѣдующія неудобства.

1-е. Никогда не было помышляемо платить Польшѣ субсидіи въ мирное время, да еще и такъ великія. Шесть сотъ тысячъ червонныхъ удобнѣе могли бы обратиться на прибавку собственнаго своего войска въ случаѣ надобности. На время военное должно конечно опредѣлить Польскому войску денежное пособіе по числу, которое въ помощь здѣшняго употреблено будетъ.

Я думаю, что на военное время выгоднѣе употреблять чужія войска, ибо тутъ потеря людей неубыточна; деньги же дать на число войскъ, употребленныхъ на службу.

2-е. Число войскъ помочныхъ недовольно ли бы казалося ограничить пятнадцатью тысячъ, каковое положено по трактатамъ нашимъ съ императоромъ и королемъ Прускимъ; но какъ лучшія войска Польскія состоятъ въ кавалеріи, то нужно, чтобы ваша свѣтлость назначили примѣрно, коликое число пѣхоты и конницы, такожъ артилеріи, въ томъ числѣ состоять должно.

Я бы считалъ имѣть только одну конницу; пѣхота жъ ихъ можетъ употребиться на охраненіе собственныхъ ихъ границъ; конницы же довольно 12-ти тысячъ: ибо сверхъ сихъ графъ Браницкій проситъ ему позволить навербовать корпусъ четырехъ-тысячный, который конечно хорошъ будетъ.

3-е. Нельзя, кажется, не снабдить Польскаго войска оружіемъ; но я разумѣю тотъ корпусъ, который назначается въ помощь безденежно, а для прочихъ развѣ за деньги по коронной цѣнѣ.

Снабженіе оружіемъ и аммуниціею нужно, и сіе не такъ дорого станетъ.

4-е. О лошадяхъ, чтобы ихъ покупать въ Россіи, вашей свѣтлости обстоятельства и прямая нужда въ томъ для нашихъ войскъ болѣе

---

*) Съ подлинной рукописи, сообщенной Иваномъ Петровичемъ Хрущовымъ. Замѣчанія Потемкина напечатаны мельче. П. Б.

всѣхъ извѣстны, а потому и относится сей артикулъ къ рѣшенію вашему.

Лошадей позволить купить, но для службы, а не ради перепродажи другимъ; за чѣмъ смотрѣть должно.

5-е. Артикулъ 10-й проекта вмѣщаетъ въ себѣ обѣщанія неясныя, изъ коихъ иныя, можетъ быть, не будутъ согласовать съ правилами нашими, чтобы не давать оппозиціи большей поверхности надъ королемъ, но не давать и королю способовъ уничижать вовсе оппозицію. Сей пунктъ надлежитъ учредить по политическимъ соображеніямъ; тутъ же кстати присоединить и тѣ ласки, кои ваша свѣтлость считали самыми удобными, чтобъ Поляковъ привязать къ Россіи и кои конечно замѣнятъ многое не такъ для насъ выгодное, что̀ они у насъ требуютъ.

6-е. Сепаратный артикулъ первый, гдѣ они требуютъ Молдавію по Серетъ и Бессарабію, отнюдь принятъ быть не можетъ. Вышло бы, что, и при всѣхъ успѣхахъ войны, какихъ только желать можно, Поляки получили бы выгоду болѣе самой Россіи, которая тутъ главную должна играть роль. Распоряженіе подобное разстроило бы совсѣмъ планъ отчасти уже нами съ императоромъ положенный. Сей государь доведенъ до того, что соглашается довольствоваться изъ Молдавіи Хотиномъ и изъ Валахіи Банатомъ Краіовскимъ, не прекословя въ случаѣ удачи изъ Молдавіи, Валахія и Бессарабіи основать область независимую подъ владѣтелемъ *вѣры тамъ господствующей*. Когда Бессарабія вся, а Молдавія по Серетъ, войдетъ во владѣніе Польское, то что̀ уже останется опредѣлить объ остальной части Даціи между Серета и Ольты? Выйдетъ изъ того, что сія послѣдняя достанется Австрійской монархіи, которой и безъ того предлежитъ обширная перспектива пріобрѣтеній въ Сербіи и Босніи. Посему кажется нужнымъ стараться выложить изъ головы у Поляковъ идею сего пріобрѣтенія, а можно имъ обѣщать выгоды по торгу, нашимъ и Австрійскимъ равныя; королю же сверхъ того денежное удовлетвореніе, и особливо ежели намъ удастся для себя оное выговорить.

Это все походитъ на журавля, который еще на воздухѣ. Но и для того обѣщать имъ напередъ нельзя, что они прежде время разславятъ по всему свѣту.

7-е. Требованіе королевское о командѣ, и наипаче чтобъ оную распространить еще и на нашу армію, при коей Польскій корпусъ дѣйствовать станетъ, легко отклонить тѣмъ, когда въ союзномъ трактатѣ постановимъ, что войска *востребованной стороны* долженствуютъ быть подъ начальствомъ генерала *стороны требующей*, какъ то въ обычаѣ писать во всѣхъ оборонительныхъ договорахъ. Разумѣется, что

когда ихъ войска будутъ дѣйствовать намъ въ помощь, имѣютъ состоять подъ начальствомъ своего генерала, но подъ главнымъ руководствомъ нашего предводителя арміи, и взаимно наши въ пособіе имъ въ случаѣ нужды отряжаемыя. Сіе послѣднее никогда почти настоять не можетъ: ибо, ежели ихъ кто атакуетъ, нашъ интересъ тогда востребуетъ не помочнаго корпуса, но дѣйствія большими силами; а тогда малое великому уступитъ несомнѣнно.

Тутъ справедливость требуетъ не отдалять людей способныхъ и ревностныхъ и при томъ по чину имѣющихъ право. Весь свѣтъ отдастъ справедливость гетману Браницкому, что онъ у нихъ способнѣе всѣхъ.

8-е. Какимъ образомъ учредить артикулы о равенствѣ чиновъ обояхъ государствъ въ томъ, чтобъ дворянство обостороннее было яко единое, и прочее что̀ ваша свѣтлость нужнымъ и полезнымъ находили, я сдѣлаю проекты всему тому и соединю въ общую массу всего трактата.

Сообразуя классы по нашимъ, сіе требуетъ размышленія. Я же не имѣю свѣдѣнія о ихъ чинахъ государственныхъ и какъ степени у нихъ идутъ.

9-е. Ежели быть сейму чрезвычайному, то надобна крайняя осторожность, чтобъ конфедерація наша не возжгла другой по видамъ Прускимъ и чтобы мы не очутилися въ новыхъ хлопотахъ.

Прускои дворъ и Аглинской надлежитъ менажировать.

10-е. По всему есть замашка королевская схватить прибавку власти, но есть способъ сіе отклонить тѣмъ, что всѣ постановленія о Польскомъ правленіи сдѣланы подъ ручательствомъ нашимъ, Вѣнскаго и Берлинскаго дворовъ; а потому значущія перемѣны и не могутъ быть вмѣстны.

Я и теперь, какъ и всегда, говорилъ, чтобы королю дать всѣ выгоды пріятной жизни, но отнюдь не власть. Уже и теперь его далеко пустили, паипаче допустивъ въ пріятство роднаго брата.

Лучшій способъ прибавленія войскъ Польскихъ умноженіемъ товарищей съ ихъ почтовыми для военнаго времени. Но поручить сіе людямъ достаточнымъ, на ихъ отвѣтъ; а то, если дать деньги королю, то ни товарищей, ни денегъ не будетъ. Потерпите малое время: я не болѣе какъ чрезъ 4 дня пришлю подробно о формированіи ихъ войска.

Октября 23 дня 1787 отправлено въ Санктпетербургъ.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ КНЯЗЯ В. С. ДОЛГОРУКАГО (1717 † 1803)

1802 года.

Князь В. С. Долгорукій, воспитанникъ аббата Жюбе, учившійся во Франціи, обращенный въ католичество и позднѣе перешедшій обратно въ православіе, имѣвшій при Елисаветѣ чинъ „инженеръ-маіора", былъ холостъ и завѣщалъ свое имѣніе родному племяннику князю Сергѣю Николаевичу Долгорукому, впослѣдствіи посланнику въ Гагѣ и Неаполѣ, внука котораго Александра Александра Львовна (ур. княжна Долгорукая) любезно сообщила въ „Русскій Архивъ" это завѣщаніе, въ черновомъ своеручномъ подлинникѣ. Оно характерно, какъ увидятъ читатели.

Екатерина, вскорѣ по воцареніи своемъ, назначила князя В. С. Долгорукова посланникомъ въ Берлинъ, гдѣ онъ 24 года сряду находился при Фридрихѣ II-мъ, у котораго и могъ наглядѣться всяческихъ пакостей. Но первоначальное, унаслѣдованное отъ предковъ начало взяло, наконецъ, верхъ. Д. Н. Бантышъ-Каменскій, въ Словарѣ своемъ, разсказываетъ про князя В. С. Долгорукаго слѣдующее, со словъ извѣстнаго И. М. Муравьева-Апостола:

«Находясь внѣ Россіи, онъ утѣшалъ себя умною, занимательною бесѣдою Фридриха и перепискою съ роднымъ братомъ .своимъ, княземъ Петромъ Сергѣевичемъ. Тѣснѣйшая дружба соединяла ихъ даже въ самой разлукѣ, не смотря на разнообразныя мысли относительно религіи. Тщетно послѣдній старался склонить любимаго имъ брата на свою сторону; увѣрялъ его, что онъ находится въ заблужденіи, что безъ истинной вѣры нѣтъ блага на землѣ, нельзя быть добродѣтельнымъ, что она утѣшаетъ насъ въ бѣдствіяхъ, удерживаетъ порывы страстей, напоминаетъ намъ нашу ничтожность въ дни счастія кратковременнаго, сопутствуетъ въ лучшую жизнь, гдѣ каждому воздастся по дѣламъ его, и у самыхъ дверей гроба торжествуетъ надъ ужасами смерти. Князь Владиміръ Сергѣевичъ шутилъ надъ убѣжденіями брата, читалъ ему любимыя мѣста изъ Вольтера, Дидерота, Даламберта, самаго Фридриха, котораго боготворилъ и, внѣ отечества, продолжалъ наполнять письма свои ссылками на новѣйшихъ философовъ, причинившихъ неизгладимое зло современникамъ и потомству. Можно представить себѣ разговоръ двухъ вольнодумцевъ! Однажды князь Долгорукій, возвратясь поздно отъ короля и чувствуя сильную усталость, раздѣлся наскоро, бросился въ кровать и немедленно уснулъ. Вдругъ слышитъ онъ, что кто-то отдергиваетъ его занавѣсъ, прибли-

жается къ нему, и хладная, оледенѣвшая рука прикасается къ рукѣ его, жметъ ее. Онъ смотритъ и видитъ брата своего, слышитъ слова, имъ произнесенныя: *вѣрь!* Обрадованный, восхищенный неожиданнымъ явленіемъ, Долгорукій пробуждается, хочетъ броситься въ объятія друга единокровнаго, готовится прижать его къ сердцу, исполненному любви— какъ вдругъ мечта исчезаетъ. Онъ отворяетъ дверь въ другую комнату, пробѣгаетъ по всему дому, будитъ служителей, спрашиваетъ у каждаго: Гдѣ братъ мой? Куда онъ дѣвался? Наконецъ удостовѣряется, что видѣнное имъ ничто иное, какъ сонъ, игра воображенія; но слово: *вѣрь* продолжаетъ раздаваться въ ушахъ его, не даетъ ему покоя. На другой день Фридрихъ узнаётъ причину печали министра Россійскаго, смѣется надъ нимъ, старается утѣшить и успѣваетъ. Однакожъ Долгорукій записалъ въ памятной книжкѣ случившееся происшествіе, означилъ число, часъ, минуту.... И каково было изумленіе его, когда первыя вѣсти изъ Россіи сообщили ему кончину брата, послѣдовавшую въ тотъ самый день и часъ, въ ту самую минуту, какъ онъ его видѣлъ и слышалъ! По видимому, Провидѣніе желало и въ будущей жизни не разлучать двухъ братьевъ, дружбою соединенныхъ. Истинная вѣра водворилась съ того времени въ сердцѣ отступника; живѣйшее раскаяніе заступило мѣсто пагубнаго изступленія. «Молодые люди, говорилъ князь Владимиръ Сергѣевичъ, возвратясь 1787 года въ Россію послѣ кончины Фридриха Великаго—«вотъ что послѣдовало со мною. Всемогущій сжалился надъ моимъ заблужденіемъ, извлекъ меня изъ пропасти. Берегитесь попасть въ нее; не читайте книгъ соблазнительныхъ. Примѣръ мой да послужитъ вамъ поученіемъ. Безъ благочестія нѣтъ счастія на землѣ; не найдете его и въ будущей жизни».

Завѣщаніе.

Во имя Пресвятыя, Живоначальныя, Единосущныя и Нераздѣльныя Троицы, Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь.

Я нижеподписавшійся, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена Святыя Анны 1-й степени, князь Владимиръ княжъ Сергѣевъ сынъ Долгорукой, въ 1790 году Августа 18 дня сдѣлалъ завѣщаніе въ силѣ законовъ, коимъ учредилъ своимъ наслѣдникомъ единственнымъ роднаго своего племянника, что́ тогда былъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитанъ-поручикомъ, а нынѣ генералъ-лейтенантомъ, государственной Коллегіи Военной членомъ и ордена Святыя Анны 1-й степени кавалеромъ, князь Сергія Николаевича Долгорукаго. Онаго завѣщанія, будучи еще въ совершенномъ здоровьи и разумѣ, подтверждаю быть ему князь Сергію Николаевичу Долгорукому, когда Богъ

душу мою отъ сего свѣта переселитъ въ вѣчность, единственнымъ моимъ наслѣдникомъ во всемъ моемъ имѣніи движимомъ и недвижимомъ, наслѣдномъ и пріобрѣтенномъ. А какъ реченный мой племянникъ можетъ отсутственнымъ быть, когда я на вѣчный покой переселюся, то покорно прошу искренняго и честнѣйшаго моего друга статскаго совѣтника Никанора Богдановича Плещеева быть моимъ душеприкащикомъ; и не токмо въ семъ случаѣ, но желалъ бы, чтобъ и князь Сергій Николаевичъ, вступя въ наслѣдство, ввѣрялъ ему всѣ свои дѣла.

Еще прошу домоправителя моего, канцеляриста Ѳедора Куликова, остаться при моемъ племянникѣ, пока онъ нуженъ ему будетъ и не найдетъ на его мѣсто другаго вѣрнаго и усерднаго человѣка. Еще особливо рекомендую въ особливую милость князь Сергія Николаевича камердинера моего Александра Куликова, который нѣсколько лѣтъ служитъ мнѣ вѣрно и порядочно, а въ болѣзни невѣстки моей [1]), не оставя свою при мнѣ должность, три года ея болѣзни неусыпно ей служилъ, она въ его рукахъ скончалась, и въ комнатной своей дѣвушки Варвары Масакиной, къ коей всю довѣренность имѣла. Ежели бъ въ награжденіе княгиня Екатерина Алексѣевна [2]) могла взять въ комнатную, вѣрно ею довольна будетъ. Я не могу умолчать о Якобѣ Кузаковѣ, котораго качества князь Сергію Николаевичу довольно извѣстны. Митюша хоть очень молодъ, но ежели за нимъ хорошій присмотръ будетъ, то можемъ надѣяться, что путнымъ сдѣлается человѣкомъ. Я то думаю по усердію его, служа покойную невѣстку мою предъ ея кончиною и какъ сынъ мнѣ служитъ. Я впрочемъ доволенъ всѣми при мнѣ служащими оффиціантами, лакеями, при кухнѣ, при конюшнѣ находящимися, кои всѣ заслуживаютъ вниманія, какъ мужескаго такъ и женскаго пола.

Прихода моего церкви Іоанна Предтечи въ Старой Конюшенной отцу Іоанну, бывшему княгини Наталіи Сергѣевны духовнику, человѣку добраго и примѣрнаго поведенія, опредѣлилъ пенсіонъ пятьдесятъ рублей въ годъ, кои платятся въ праздникъ Рождества Христова. О другихъ особливое письмо есть къ князь Сергію Николаевичу въ рукахъ Никанора Богдановича. Я желаю, чтобъ погребеніе мое было безъ всякихъ церемоній, гробъ ничѣмъ не обитъ; въ немъ меня положатъ въ утреннемъ зимнемъ платьѣ, безъ лентъ и безъ никакого украшенія. Только два попа, а именно духовникъ и приходскій, коимъ съ причетомъ дано будетъ по пятидесяти рублей каждому; выносъ бу-

---

[1]) Это мать наслѣдника, княгиня Наталья Сергѣевна, ур. Салтыкова, скончавшаяся въ 1801 году, т.-е. не задолго до написанія этого завѣщанія. П. Б.

[2]) Супруга наслѣдника, урожденная графиня Васильева. П. Б.

детъ съ вечера, отпѣваніе какъ возможно ранѣе; надъ гробомъ ни шпаги, ни шляпы, ни ленты, ничего не будетъ, ибо все мнѣ уже принадлежать не можетъ, а погребеніе въ ближнемъ кладбищѣ. Ежели я (умру) въ томъ же домѣ, гдѣ теперь живу, то ближайше всего будетъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Памятника инаго не надобно, какъ изображеніе сухаго деревца; ни имя, ни чина, ни лѣта не писать, а просто подпись такимъ образомъ

былъ
такъ сего міра исчезаетъ слава

Болѣе четырехъ лошадей не впрягать, чтобы везти гробъ, черными попонами не покрыты; и вообще сказать, я желаю, чтобы вовсе въ черномъ ничего не было и чтобы по мнѣ никто въ траурѣ не ходилъ. Я увѣренъ, что кого я любилъ, тужить будутъ, что искренняго друга потеряли, умѣющаго любить. Но имъ утѣшеніе великое думать, что день кончины моей есть день торжества моего для того, что въ нѣдрахъ нахожусь Создателя моего, Коему всегда благодарственные молебны вмѣсто обыкновенныхъ панихидъ пѣть должно. Очень бы я благодаренъ и признателенъ былъ преосвященному, ежели бъ онъ позволилъ попамъ и всѣмъ провожающимъ тѣло надѣть шляпы и шапки. Я видѣлъ многіе примѣры разныхъ болѣзней, происходящихъ отъ простуды въ такихъ случаяхъ: у меня дядя родной, князь Меншиковъ [3]), сильную горячку получа, на четвертый день скончался; я и теперь сокрушаюсь, думая, что могу быть причиною такимъ несчастіямъ. Мое же желаніе не противное закону: въ Цареградѣ [4]) и другихъ мѣстахъ я видѣлъ, что священники отправляли такія церемоніи съ покрытыми головами.

Вмѣсто лишнихъ издержекъ на погребеніе, кои отъ одного тщеславія происходятъ, я опредѣлилъ тысячу рублей для четырехъ дѣвицъ бѣдныхъ, но добраго и засвидѣтельствованнаго поведенія, чтобы ихъ замужъ отдать каждую съ двумя стами и пятьюдесятью рублями, смотря, чтобы и женихи были также добраго и засвидѣтельствованнаго поведенія. А какъ Никаноръ Богдановичъ больше меня знаетъ такихъ нуждающихся и добрыхъ людей, то его покорно прошу сіи деньги раздѣлить по вышеписанному.

Дабы нареканіе не нанесть оставшимъ по мнѣ и чтобы всѣ узнали, что они свято исполнили по моему желанію, я все сіе писалъ и подписалъ собственною своею рукою въ Москвѣ Іюля 9 дня 1802 года.

Князь Владиміръ Долгорукій.

---

[3]) Внукъ „полудержавнаго властелина", князь Петръ Александровичъ Меншиковъ († 1781), женатъ былъ на княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой. П. Б.

[4]) Гдѣ, въ 1756 году, завѣщатель состоялъ „дворяниномъ" нашего посольства. П. Б.

Статьи прибавленныя къ вмѣщенію въ завѣщаніе.

Деньги на погребеніе, также и на снабженіе четырехъ бѣдныхъ дѣвицъ, тысяча рублей, буде не найдутся въ запасѣ, то къ тому употреблять что̀ доведется мнѣ по день преставленія моего получаемаго пенсіона, да съ доходовъ, получаемыхъ изъ части моей Половскаго села; а ежели что̀ не достанетъ, то реченный наслѣдникъ мой князь Сергій Николаевичъ дополнитъ.

Ему князь Сергію Николаевичу получить по кончинѣ моей что слѣдовать будетъ изъ Московскаго статнаго казначейства пожалованнаго мнѣ пенсіона.

Я бы еще изъ родныхъ кого попросилъ быть моимъ душеприкащикомъ и въ коихъ также довѣренность имѣю; но какъ часто въ отлучкѣ бываютъ, а иные и вовсе въ Москвѣ не живутъ, я выбралъ Никанора Богдановича Плещеева, который изъ Москвы не выѣзжаетъ и котораго честность всѣмъ, какъ и мнѣ, извѣстна. *) Обыкновенно на объявительныхъ картахъ смерть представляютъ подъ ужаснымъ видомъ, а какъ напротивъ мнѣ не такъ страшна кажется, то я велѣлъ приготовить пятьдесятъ картъ, кои у Өедора Куликова находятся, на коихъ просто написать:

> N N имѣетъ честь объявить, что сего (числа и мѣсяца) (также ежели родня) князь Владимиръ Сергѣевичъ Долгорукой, избавясь отъ всякой скорби и печали, переселился на вѣчный покой. Отпѣваніе будетъ въ такой - то приходской церкви, такой-то день и часъ.

Послать надобно только къ роднымъ и двоюроднымъ, какъ по слѣдующему реестру показано. Я бы желалъ, ежели возможно и ни къ кому не посылать, какъ я сдѣлалъ при кончинѣ невѣстки моей княгини Наталіи Сергѣевны.

Реестръ.

Родные.

Княгиня Мавра Алексѣевна Голицына.

Генералъ отъ инфантеріи князь Петръ Петровичъ Долгорукой съ женой и дѣтьми.

Сергѣй Васильевичъ Толстой съ супругой.

Княжна Александра Яковлевна Долгорукая.

---

*) Все нижеслѣдующее въ подлинникѣ зачеркнуто и съ боку написано: „Сія статья вся оставлена“.

Двоюродные.

Княгиня Дарья Александровна Грузинская.

Князь Юрій Владимировичъ Долгорукой съ княгинею и дѣтьми.

Прасковья Владимировна Мелисинша.

Анна Васильевна Зиновьева, Михаилъ Ѳедоровичъ Зиновьевъ съ женою.

Князь Александръ Васильевичъ Урусовъ съ княгиней.

Князь Петръ Васильевичъ Урусовъ съ княгинею.

Князь Яковъ Леоновичъ Грузинскій и княгиня.

Дмитрій Ивановичъ Киселевъ съ супругою.

Сергѣй Михайловичъ Власовъ съ супругою.

Александръ Васильевичъ Грушевскій съ супругою.

Катерина Сергѣевна Шереметева.

Николай Ивановичъ и Иванъ Николаевичъ Масловы.

Княжна Елисавета Борисовна Голицына.

Петръ Николаевичъ и Марья Борисовна Алмазовы.

Князь Иванъ Александровичъ Голицынъ.

Наталія Абрамовна Пушкина и дочь ея.

Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ съ супругою.

Настасья Михайловна, сестры ея Наталія и Катерина, да братъ Борисъ Михайловичъ Солтыковы.

Князь Александръ Михайловичъ Урусовъ и княгиня.

Князь Меншиковъ и княгиня.

Княгиня Александра Владимировна Козловская.

Анна Алексѣевна Пушкина.

Иванъ Родіоновичъ Кошелевъ.

*

Послать только тѣмъ, кои въ Москвѣ находятся. А какъ выше сказано, ежели можно, по моему желанію, ни къ кому не посылать, то легче будетъ.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1824-й годъ *).

Командованіе полкомъ.

(Начато въ Башкегетѣ, близъ Тифлиса, 27-го Января 1824).

Въ семъ году надлежало расплатиться за прошлый. Сочтя расходы свои, я нашелъ, что за уплатою 23,000 р. осталось у меня еще до 3000 р. долгу, въ числѣ коихъ полагаю также 450 моихъ червонцевъ, посланные Алексѣемъ Петровичемъ за границу для выписки музыкальнаго инструмента. Я думалъ о средствахъ уменьшенія сихъ расходовъ, ибо съ оными недолго бы я могъ выдержать сего командованія, тѣмъ болѣе, что къ сему присоединились еще расходы для Манглиса и, нашедши много лишнихъ расходовъ, какъ собственно мною дѣлаемыхъ, такъ и моимъ дворецкимъ Веденѣемъ, я взялъ мѣры къ укрощенію ихъ и уплатѣ долговъ своихъ. Къ тому же я не получаю уже 3 или 4 года ничего изъ дому: батюшка не переставалъ въ письмахъ своихъ, изрѣдка мною получаемыхъ, извѣщать меня, что дѣла его совершенно разстроены и въ такомъ положеніи, что онъ не въ состояніи мнѣ ничѣмъ помочь. Братъ Александръ сталъ чаще писать ко мнѣ и показывать живое участіе въ моемъ положеніи, совѣтуя мнѣ оставить службу и жениться. Но невозможность исполненія сего ускользнула изъ его соображенія. Содержась столь долгое время однимъ только жалованьемъ, я болѣе помышлялъ о томъ, чтобы, въ дурныхъ обстоятельствахъ или какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ могущихъ случиться въ службѣ непріятностяхъ, имѣть съ чѣмъ выѣхать изъ Грузіи, и потому, откладывая въ теченіе четырехъ лѣтъ, при каждой трети, часть своего жалованья, успѣлъ скопить до 5000 р. асс., которые берегу на черный день. Сверхъ того долженъ я заботиться еще о приготовленіи около 14,000 р. для сдачи полка; получаемое же мною недостаточно было уже въ прошломъ году на мои расходы.

Къ симъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ присоединилось еще другое, которое тѣмъ болѣе заставляетъ меня сожалѣть о дурномъ

---

*) См. выше, стр. 5-ю.

состоянiи моихъ дѣлъ. Корсаковъ пересталъ было ко мнѣ совсѣмъ писать; но недавно получилъ я отъ него письмо, въ коемъ жена его извѣщаетъ меня, самымъ утвердительнымъ образомъ о томъ, что въ домѣ Н. С. Мордвинова готовы принять возобновленiе моего желанiя, и что я найду соотвѣтствiе въ склонности со стороны дочери его. И я, завлеченный службою и остановленный бѣднымъ состоянiемъ своимъ, не позволяющимъ мнѣ почти выѣхать отсюда, долженъ отказаться отъ сего и, проводя дни свои въ одиночествѣ, видѣть, какъ лѣта моей молодости, уже протекшiя, проведенныя въ суетахъ и безпокойствiи, не приготовили меня для предстоящей старости и мирнаго и благополучнаго житья въ кругу семейства; словомъ, долженъ навсегда посвятить себя для службы, оставя всѣ прелестныя предположенiя о будущемъ, о коихъ я давно уже мечталъ. Вотъ обстоятельства мои. Но, вспомнивъ то ужасное бѣдствiе, отъ коего меня освободило чудеснымъ образомъ Провидѣнiе, вспомнивъ заключенiе свое въ Хивѣ и данное себѣ тогда обѣщанiе, что еслибы мнѣ удалось когда-нибудь воззрѣть на отечественный берегъ, то не буду никогда жаловаться на судьбу свою, въ какомъ бы званiи и состоянiи ни находился,—я смиряюсь и благодарю Творца Своего, даровавшаго мнѣ еще участь столь превосходящую участь многихъ другихъ.

Расположившись такимъ образомъ служить, я не хотѣлъ оставить и занятiй собственныхъ. Прошлое лѣто не позволило мнѣ онымъ предаться. Нынѣ, избравъ свободное время, я принялся за сiи записки, довелъ ихъ до нынѣшняго времени и стану продолжать ежедневно, сколько возможность позволитъ. Намѣреваюсь также продолжать изученiе восточныхъ языковъ, на кое уже употребилъ столько времени и, не взирая на то, что мнѣ уже въ семъ году минетъ 30 лѣтъ, не намѣренъ оставить сего занятiя. Чтенiе книгъ буду продолжать также. Недавно кончивши чтенiе Нѣмецкой книги сочиненiя Герена о сношенiяхъ политическихъ и торговыхъ древнихъ народовъ, примусь теперь за географiю Malte-Brun, нѣкогда мною начатую. Нахожу также время и для музыки. Имѣя прекрасное фортепiано, купленное у Грибоѣдова, я посвящаю на оное въ первые пять дней недѣли по одному часу въ день. Занимаюсь также гобоемъ и флейтою, не съ тѣми однако уже мыслями, которыя привлекаютъ въ молодыхъ лѣтахъ къ занятiямъ всякаго рода, въ надеждѣ извлечь изъ сего въ послѣдствiи времени себѣ пользу или удовольствiе. То предбудущее время для меня уже настало, и я занимаюсь сими предметами единственно для удовольствiя, которое они мнѣ въ настоящемъ доставляютъ.

Симъ кончаю и чувствую себя довольнымъ, загладивъ прилежанiемъ своимъ въ семъ мѣсяцѣ запущенiе сихъ записокъ болѣе года,

чему причиною однакоже не лѣнь была, а истинные недосуги. Съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣлъ я полезную привычку рано вставать по утрамъ, что̀ необходимо для того чтобы исписать цѣлую книгу сію въ одинъ мѣсяцъ безъ ущерба службѣ и другимъ занятіямъ моимъ. Въ дополненіе однакоже написанннаго нахожу еще нужнымъ упомянуть о трехъ предметахъ, забытыхъ мною въ семъ году, хотя и неважныхъ, но принадлежащихъ не менѣе того къ симъ запискамъ.

1) Въ бытность мою на Бѣломъ Ключѣ, въ ожиданіи Алексѣя Петровича, наканунѣ пріѣзда его, я ѣздилъ съ подпоручикомъ моего полка Куликовскимъ къ видѣнной мною башнѣ въ глубокомъ ущельи, къ сторонѣ рѣки Алгетки. Проѣхавъ съ большимъ трудомъ густымъ лѣсомъ и горами къ сему предмету, около 6-ти верстъ, мы нѣсколько разъ теряли дорогою надежду найти оный, но наконецъ добрались. Башня, съ бойницами, въ 6 этажей, имѣла за развалившимся верхомъ еще около 5 саженъ вышины. Входъ въ оную былъ аршинахъ въ четырехъ отъ земли; взлѣзши въ оную посредствомъ людей и казаковъ, съ нами бывшихъ, мы стали отрывать въ ней землю и нашли зарытые большіе кувшины, служившіе вѣроятно для храненія запаса воды во время набѣговъ непріятелей для осажденныхъ. Башня была еще очень крѣпка, и по стѣнамъ видны еще ступени, ведущія на верхніе ярусы оной. Саженяхъ въ 50 отъ оной нашли мы развалины большаго каменнаго дома въ лѣсу и всѣхъ службъ къ оному принадлежащихъ, а также и кладбище съ большими надгробными камнями, съ высѣченными на нихъ надписями на Грузинскомъ языкѣ. Удивительно, какъ страна сія, оставленная жителями, по преданіямъ, только за 70 лѣтъ, отъ набѣговъ Ахалцихскихъ Лезгинъ, могла такъ скоро зарости лѣсомъ! Большія и толстыя деревья росли въ покояхъ сего замка и около него и такъ закрывали его, что, будучи не болѣе какъ въ 50 или еще меньше саженяхъ отъ онаго, мы едва нашли его. Въ разстояніи полуверсты отъ сего мѣста были также развалины деревни и церкви въ лѣсу. И такъ мѣста сіи, служившія нѣкогда убѣжищемъ мирнымъ жителямъ, нынѣ превращены въ обширныя пустыни отъ разореній непріятельскихъ и заросли густыми лѣсами. Но наставшія нынѣ покойныя времена стали опять привлекать жителей на старыя мѣста, и правнуки, отыскивая прахъ прадѣдовъ, начинаютъ селиться въ древнихъ достояніяхъ своихъ, украшенныхъ всѣми богатствами природы.

2) Сентября 2-го числа выступилъ отсюда съ полуротою артиллеріи капитанъ Бергъ, слѣдуя къ Нухѣ. Выступленію его я былъ очень радъ, какъ развязкѣ съ человѣкомъ безпокойнаго нрава. Остался здѣсь подпоручикъ Бриммеръ съ 6 орудіями 3-й легкой роты Кавказской гренадерской артилерійской бригады, человѣкъ съ образованіемъ, а

по обхожденію непріятный, по причинѣ излишней самодѣятельности своей и высокаго о себѣ мнѣнія.

3) Въ бытность мою въ Таркахъ, я взялъ одного 15 лѣтняго Мехтулинскаго мальчика съ собою, именемъ Мирзу, котораго отецъ былъ въ бѣгахъ и домъ раззоренъ и который скитался въ нищетѣ, исправляя должность кашевара при работникахъ, высылаемыхъ изъ Мехтулинскихъ областей. Видя его почти нагаго въ холодá и замѣтя въ немъ хорошія способности, я одѣлъ его и взялъ изъ сожалѣнія къ себѣ въ услуженіе. По пріѣздѣ въ Башкегетъ я выкрестилъ его и отдалъ учиться грамотѣ. Въ короткое время онъ сдѣлалъ хорошіе успѣхи. Я былъ доволенъ имъ; но всѣ люди дома моего уже не разъ жаловались на него, говоря, что онъ всѣхъ обижалъ и грозился нѣкоторыхъ бить и даже заколоть кинжаломъ, говоря, что онъ происходитъ отъ знатнаго рода и что никто надъ нимъ власти не имѣетъ. Я долго не хотѣлъ вѣрить сему, но убѣжденный повторенными жалобами ихъ, я снабдилъ его на дорогу платьемъ и деньгами и отправилъ его къ Тифлисскому коменданту, при письмѣ и отношеніи, коими просилъ объ отправленіи его на родину, говоря, что къ удаленію его былъ причиною неукротимый нравъ его. О немъ доложили Ивану Александровичу, который, по бывшимъ тогда возмущеніямъ въ Мехтулинскихъ областяхъ и по тому, что онъ уже былъ выкрещенъ, не согласился на отправленіе его на родину, а велѣлъ предложить ему избраніе рода жизни въ Тифлисѣ. Мальчикъ сей, не зная никакого ремесла, избралъ военную службу и именно мой полкъ. О немъ писали въ Инспекторскій Департаментъ и съ разрѣшенія онаго препроводили его на дняхъ ко мнѣ, противъ всякаго ожиданія моего, для опредѣленія на службу, къ чему я ожидаю теперь предписанія отъ бригаднаго командира. Въ бытность его въ Тифлисѣ жилъ онъ у Лезгинскихъ аманатовъ, отъ коихъ онъ слышалъ, что причиною убіенія Верховскаго было то, что въ тотъ самый день онъ приказалъ одному изъ слугъ Амулата поднести ему водки съ ядомъ и что слуга сей, поднесши оную Амулату, сказалъ ему, что подноситъ ему сіе по приказанію полковника Верховскаго, но предоставляетъ ему выпить сіе или оставить и что сіе самое, сдѣланное будто по уговору шамхала, понудило Амулата въ тотъ же день убить своего благодѣтеля. Но сіе невѣроятно и несообразно съ благородными правилами Верховскаго, тѣмъ болѣе, что г. м. Грековъ, за два дни до сего убійства, былъ уже извѣщенъ о намѣреніи Амулата и писалъ о семъ къ Алексѣю Петровичу, но поздно; ибо злодѣйство было уже совершено, когда получилось сіе извѣстіе. Вѣроятно, что слухъ сей былъ распущенъ самимъ Амулатомъ, въ оправданіе свое предъ Лезгинами, которые, со

всею привязанностью къ своему отечеству, не могли бы никогда похвалить сего измѣнническаго и низкаго поступка. Въ бытность мою въ Тифлисѣ, я слышалъ, что сообщники сего убійства пріѣзжали ночью къ стѣнамъ Дербента, дабы, отрывъ тѣло Верховскаго, наругаться надъ нимъ, но что вмѣсто его отрыли они тѣло умершаго года два тому назадъ предмѣстника его подполковника Швецова, отрубили ему голову, которую увезли, и бросили тѣло. Поступки сіи обыкновенны между Азіатцами: нынѣшнимъ лѣтомъ привезъ ко мнѣ ночью Татаринъ Али-ага, извѣстный разбойникъ, отрубленную имъ руку у убитаго имъ же въ Ахалцихскомъ пашалыкѣ одного жителя, по приказанію Алексѣя Петровича. Я самъ отправлялъ его за границу, по приказанію главнокомандующаго, не зная, зачѣмъ. Привезенную ко мнѣ руку я отправилъ съ самимъ Али-агою къ Алексѣю Петровичу въ Тифлисъ, при письмѣ своемъ. Убіенный былъ убійцею одного солдата 41-го егерскаго полка, въ началѣ прошлаго года; одинъ изъ сообщниковъ его находился въ деревняхъ князя Орбеліани, Борчалинской дистанціи, былъ пойманъ и повѣшенъ офицеромъ моего полка на деревѣ, въ самой той деревнѣ, гдѣ онъ жительство имѣлъ, по приказанію же корпуснаго командира.

Теперь, отправивъ въ Тифлисъ отставнаго поручика Романова для поданія прошенія объ опредѣленіи его ко мнѣ въ полкъ, я дожидаюсь послѣ завтра возвращенія его, дабы съѣздить на Манглисъ, гдѣ хочу оставить его для съемки мѣста избраннаго для новой штабъквартиры. Намѣреваясь дѣятельностію обогнать въ работахъ сихъ Авенаріуса, готовящагося перейти на Бѣлый Ключъ, начавшаго работы свои гораздо прежде меня, еще въ Октябрѣ мѣсяцѣ, и имѣющаго то великое преимущество предо мною, что ему не предстоитъ трудное обработываніе трехъ дорогъ, и что Бѣлый Ключъ, ему назначенный, въ 20 только или 15 верстахъ отъ теперешней его штабъ-квартиры, а Манглисъ отъ Башкегета въ 80 верстахъ.

31-го Генваря, предписалъ я подполк. Кулябкѣ, чтобы онъ, собравъ всѣхъ офицеровъ къ себѣ, предоставилъ имъ сдѣлать выборъ одного изъ нихъ въ квартермистры.

При сихъ выборахъ, продолжавшихся около трехъ часовъ, онъ сталъ класть сужденія о казначеѣ и адъютантѣ и вообще о должностныхъ офицерахъ, жалуясь на нихъ, называя ихъ забывшимися, и подстроилъ все общество къ тому же; но какъ изъ нихъ недовольныхъ никого не было, то всѣ замолчали и оставили его класть свои сужденія обо всѣхъ; наконецъ, избрали въ должность квартермистра подпоручика Мищенку. Ввечеру онъ принесъ ко мнѣ выборный листъ и сказалъ, что всѣ роптали на должностныхъ и назвалъ даже нѣкото-

рыхъ, употребившихъ дерзкія выраженія. Желая узнать причину ихъ неудовольствія, я сзывалъ ихъ по одиночкѣ, и всѣ отозвались совершенно довольными; когда же я объявилъ имъ, что̀ я слышалъ, они удивились, говоря, что никогда имъ и не приходило въ голову быть недовольными, что, напротивъ, все сіе было сказано самимъ подполковникомъ, и что они молчали въ семъ случаѣ, не имѣя никакихъ причинъ жаловаться. Оказалось, что Кулябка солгалъ на нихъ. Я уличилъ его въ присутствіи офицеровъ, и онъ ничѣмъ не могъ оправдаться. За сей поступокъ его слѣдовало бы отрѣшить отъ командованія баталіономъ; но, боясь, черезъ сіе нанести неудовольствіе Алексѣю Петровичу, я смолчалъ; не менѣе того готовъ воспользоваться случаемъ, чтобы избавиться отъ сего безпокойнаго человѣка.

2-го Февраля я выѣхалъ изъ Башкегета на Цалну, въ сопровожденіи маіора Гладкова-Сацкаго, отставнаго поручика Романова, шт.-лекаря Гривцова и подпоручика Мищенки, для обозрѣнія Манглиса. Доѣхавъ въ тотъ день до Цалны, я осмотрѣлъ новыя мельницы.

3-го, осмотрѣвъ роту 2-ю карабинерную, на Цалнѣ расположенную, я поѣхалъ на Манглисъ новою дорогою и нашелъ ее почти совершенно конченною. Я удивился, увидя прежнія мѣста, по коимъ нельзя было иначе какъ верхомъ ѣхать, обработанныя съ такимъ искусствомъ, что бричка, въ коей я ѣхалъ, прошла безъ малѣйшаго затрудненія по дорогѣ широкой и ровной, проложенной по каменнымъ горамъ и въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ. И работа дороги сей производилась зимою, въ самое холодное и неудобное время. Въ тотъ же вечеръ я пріѣхалъ на Манглисъ, гдѣ засталъ 5-ю роту егерскую обстроившуюся и прекрасную землянку у ротнаго командира шт.-кап. Антонова, въ коей я и остановился.

4-го я объѣздилъ часть срубленнаго лѣса, для построенія штабъ-квартиры, нашелъ его весьма хорошимъ и работы весьма успѣшными.

5-го я также объѣзжалъ лѣса, осмотрѣлъ известку и ввечеру приступилъ къ разбивкѣ новой штабъ-квартиры.

6-го и 7-го предоставилъ маіору осмотръ луговъ, а самъ занимался разбивкою штабъ-квартиры.

8-го кончилъ сію разбивку по плану, который былъ представленъ мною Ивану Александровичу.

9-го, отпустивъ шт.-лекаря съ Романовымъ домой, въ Башкегетъ, самъ поѣхалъ на зимовникъ казачій Иловайскаго полка, для осмотра луговъ. Тутъ застала меня летучая отъ Ивана Александровича, по коей предписывалъ онъ мнѣ выслать въ Тифлисъ на работы 500 человѣкъ и 750 человѣкъ въ караулъ, что̀ превышало число людей у меня оставшееся почти 3-мя или 4-мя стами человѣками. Несообраз-

ность сего требованія заставила меня рѣшиться, по возвращеніи въ Башкегетъ, отправить все что̀ осталось и ѣхать поспѣшнѣе въ Тифлисъ: ибо, не будучи въ состояніи исполнить неумѣреннаго требованія начальства, я могъ подвергнуться отвѣтственности. Итакъ, вмѣсто отдыха въ Башкегетѣ, предстояли мнѣ новыя заботы.

10-го, окончивъ обозрѣнія свои на Манглисѣ, я поѣхалъ по Цинсеарской дорогѣ для обозрѣнія ея по приказанію Алексѣя Петровича. Проѣхавъ 30 верстъ по трудной дорогѣ внизъ по Алгеткѣ, я пріѣхалъ на зимовникъ артилерійской роты подполковника Симчевскаго, гдѣ засталъ артилеріи подпоручика Сазонова и, отдохнувъ нѣсколько, поѣхалъ на Бѣлый Ключъ, куда прибылъ ночевать. Тутъ я засталъ 41-го егерскаго полка шт.-кап. Кузминскаго съ командою, занимавшагося вырубкою лѣса. Обозрѣвъ на другой день мѣсто, избранное для перенесенія штабъ-квартиры 41-го егерскаго полка, я пріѣхалъ 11-го числа въ Квеши, гдѣ, отобѣдавъ у Авенаріуса, поѣхалъ въ Башкегетъ и занявшись до сего дня отправленіемъ бумагъ и 3-го баталіона, подъ командою подполковника Кулябки, сбираюсь сегодня, 14-го числа, выѣхать въ Тифлисъ.

Я пріѣхалъ въ Тифлисъ по закатѣ солнца. Въ самый вечеръ пріѣзда я сталъ узнавать, по какому случаю требовалось у меня такое множество людей, что, по отсылкѣ всего полка въ Тифлисъ, еще недоставало къ требуемому числу 389 человѣкъ, и узналъ, что сіе было сдѣлано ошибочно, ибо въ замѣнъ посылаемыхъ отдавались мнѣ пять ротъ здѣсь находящіяся.

16-го. Я ѣздилъ явиться къ обоимъ Вельяминовымъ и удостовѣрился, что сіе точно было ошибкою сдѣлано, а потому и сдѣлалъ новое распоряженіе въ размѣщеніи ротъ. Ввечеру я былъ у губернатора, дабы испросить у него помощь обывателями, для вывозки лѣса и разрабатыванія дороги. На первое онъ согласился, во второмъ же отказалъ, сбираясь ѣхать въ Башкегетъ и осмотрѣть самъ мѣста̀, отъ чего я всячески долженъ стараться его отговорить: ибо осмотръ сей въ короткое время не доставитъ ему никакихъ свѣдѣній, а только отвлечетъ меня снова отъ полка, гдѣ мое присутствіе, послѣ столь частыхъ отлучекъ, въ особенности нужно; и для того я буду дѣйствовать черезъ Коцебу, который его лучше уговоритъ.

23-го Февраля. Всѣ мои старанія были тщетны. Коцебу былъ у меня, я поилъ его Шампанскимъ, дабы лучше его склонить; онъ обѣщался участвовать, но измѣнилъ мнѣ и вышелъ со двора въ тотъ день какъ я ѣздилъ уговаривать губернатора. Тимковскій со мною дѣйствовалъ, и также неудачно. Губернаторъ упорствовалъ и настоялъ, и я не медля принужденнымъ былъ приступить къ мѣрамъ самымъ

удобнымъ для встрѣчи его. Мы расположились оба выѣхать отсюда 26-го числа; онъ долженъ ѣхать изъ Квешъ на Манглисъ, гдѣ я его встрѣчу 2-го числа Марта и провожу его черезъ Цалну въ Башкегетъ.

Тифлисъ. 19-го прибылъ сюда 3-й баталіонъ на смѣну перваго. Кулябка, командиръ онаго, сдѣлалъ первую ошибку въ томъ, что, переходя черезъ старый мостъ, едва держащійся и на коемъ всегда стоитъ караулъ, для осторожности, онъ пошелъ отдѣленіями. Сердце во мнѣ замерло, когда я увидѣлъ сіе, стоя на новомъ мосту, по коему еще не велѣно было ѣздить и водить войска. Я побѣжалъ къ батальону, сдѣлалъ выговоръ Кулябкѣ и велѣлъ людямъ поодиночкѣ идти. Ввечеру, когда Кулябка пришелъ ко мнѣ явиться, я ему сдѣлалъ строгій выговоръ, и какъ онъ сталъ довольно громко оправдываться незнаніемъ опасности стараго моста, я ему сказалъ, что мнѣ бы весьма пріятно было не имѣть его подъ своимъ начальствомъ, съ чѣмъ онъ и ушелъ. Баталіонъ смѣнился, и 21-го числа роты 1-го баталіона, 1-я карабинерная, 3-я егерская и 6-я егерская, уже выступили изъ города къ своему назначенію. Съ ними долженъ былъ слѣдовать маіоръ Ахтырка; но, узнавши наканунѣ отъ губернатора, что приставъ Нѣмецкой колоніи, мимо которой проходилъ баталіонъ, принесъ ему жалобу на подпоручика Салмановскаго обидѣвшаго его словами, я сталъ изслѣдовать сіе дѣло и узналъ, что въ то время Кулябки не было при баталіонѣ и что онъ оставался гулять цѣлый день послѣднее Воскресенье Масляницы, у Авенаріуса въ Квешахъ, поручивъ баталіонъ маіору Потебнѣ. А потому, призвавъ Кулябку и Ахтырку и изготовивъ приказъ о смѣнѣ баталіонныхъ командировъ, я перевелъ Кулябку въ 1-й (въ Башкегетѣ находящійся), а Ахтырку въ 3-й (находящійся въ Тифлисѣ), дабы избѣгнуть неудовольствій, которыхъ могъ всегда ожидать отъ упущеній и сварливаго нрава Кулябки. На другой день получилъ я рапортъ отъ него, коимъ онъ отказывался отъ припятія баталіона за болѣзнію и просилъ о переводѣ его въ 41-й егерскій полкъ. Достигнувъ цѣли не имѣть его ни въ Тифлисѣ, ни въ Башкегетѣ, я остался доволенъ симъ положеніемъ дѣлъ и донесъ о сей перемѣнѣ въ штабъ.

Вчера загорѣлась казачья конюшня близъ дома Алексѣя Петровича и сгорѣло нѣсколько лошадей казачьихъ и разные экипажи; вѣтеръ былъ необыкновенно сильный, какихъ здѣсь еще не бывало; не могли загасить пожара, сгорѣли дрожки Нагаткина и бричка главнокомандующаго, при чемъ арсеналъ, подлѣ находившійся, въ коемъ было большое количество пороха и патроновъ, чуть не загорѣлся, и самый домъ главнокомандующаго едва не подвергся пламени.

26-го числа пришолъ ко мнѣ поутру Кулябка и, жалуясь на судьбу свою, старался оправдывать себя, причемъ я принужденъ былъ перечесть ему всѣ поступки его въ теченіе года, понудившіе меня такъ съ нимъ обойтись. Видя, что я болѣе не шутилъ, онъ расплакался, называя себя самымъ несчастнымъ и говоря, что предоставляетъ послѣ сего начальству дѣлать съ нимъ, что̀ хочетъ; но что по разстроенному его состоянію онъ не можетъ ни въ отпускъ, ни въ гарнизонъ подать. Я тронулся его состояніемъ и предложилъ ему жить до прибытія главнокомандующаго въ Башкегетѣ, обѣщаясь дѣлать ему всевозможныя угожденія, съ тѣмъ однакоже, чтобы онъ не рапортовался здоровымъ (ибо тогда я нашелся бы вынужденнымъ представить о немъ начальству), прибавивъ, что если онъ полагается на меня, то я съ удовольствіемъ берусь быть его ходатаемъ и просить Алексѣя Петровича о доставленіи ему комендантскаго мѣста и что ему не будетъ причинено ни малѣйшаго огорченія. Я нѣсколько утѣшилъ его симъ и, дабы довершить сіе, выѣзжая въ тотъ же день въ Башкегетъ, я заѣхалъ къ нему и успокоилъ его и семейство его. И такъ я его сбылъ, поручивъ его баталіонъ младшему штабъ-офицеру и не сдѣлавъ его несчастнымъ, къ чему клонились всѣ виды мои.

28-го. Въ Башкегетѣ все засталъ благополучно, исключая одного фурлейта, замерзшаго на озерѣ Тапараванѣ во время бывшихъ здѣсь бурь и мятелей въ мое отсутствіе; ходилъ же онъ туда для рыбной ловли съ Цалны, съ товарищами, но были всѣ разбиты ужасною погодою, настигшею ихъ на горахъ, на границахъ Турціи.

2-го числа Марта я поѣхалъ на Цалну, гдѣ находился съ ротой 3-й егерской капитанъ Даленъ, а 3-го пріѣхалъ на Мангписъ, куда прибылъ и губернаторъ часа два послѣ меня. Тутъ я засталъ молодаго князя Бебутова, помѣщика сихъ мѣстъ, который пріѣзжалъ просить меня, чтобы я оставилъ ему мѣсто подлѣ штабъ-квартиры для поселенія деревни. Мѣста сіи, издавна оставленныя, никогда и не были посѣщаемы своими помѣщиками; они получали по нѣскольку барановъ отъ пасущихся тамъ стадъ, теперь же негодуютъ, что онѣ занимаются войсками, тогда какъ онѣ имъ ни къ чему не служили.

3-го числа я поѣхалъ съ губернаторомъ показывать ему мѣсто, избранное для штабъ-квартиры, и мы воротились ночевать къ монастырю. Съ нимъ пріѣзжали полковникъ Гозіушъ, секретарь Тюльпинъ и переводчикъ; кромѣ сего кап. исправникъ Тифлисскаго уѣзда Снѣжевскій съ переводчикомъ, какой-то князь Баратовъ и полковникъ Сергѣевъ съ двумя казачьими офицерами, такъ что всего на все набралось до 70-ти лошадей въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сѣно должно было доставляться самымъ труднымъ образомъ съ Цалны.

4-го числа, передъ отъѣздомъ изъ Манглиса, послѣ маленькаго спора съ губернаторомъ, который старался меня увѣрить, что мнѣ не нужна дорога отъ Манглиса къ Тифлису, онъ приказалъ исправнику, по моему настаиванію, нарядить 200 человѣкъ рабочихъ для обдѣлыванія сей дороги. Исправникъ поѣхалъ по сему поводу въ Тифлисъ, а я повезъ остальныхъ на Цалну.

5-го числа привезъ гостей на Гуссейнъ-ханскій постъ, откуда отпустилъ ихъ въ Шиндляры къ Сергѣеву въ полкъ, а самъ поѣхалъ въ Башкегетъ.

6-го числа гости всѣ пріѣхали къ обѣду; къ числу ихъ присоединился Борчалическій приставъ, и я получилъ отъ губернатора всѣ требуемыя мною пособія для перенесенія шт.-квартиры на Манглисъ.

7-го числа губернаторъ хотѣлъ ѣхать въ Квеши, но я уговорилъ его остаться еще на одинъ день, и онъ согласился. Я старался его угостить какъ можно лучше, и онъ кажется остался довольнымъ. Я съ удовольствіемъ принималъ его, уважая отъ всей души какъ добраго и безкорыстнаго человѣка, и гость сей, нисколько неприхотливый, не могъ никогда мнѣ быть въ тягость.

8-го губернаторъ поѣхалъ въ Квеши. Въ карантинѣ, ввѣренномъ моему надзору, я приготовилъ ему завтракъ и скрылъ музыку, которая неожиданно заиграла; ему былъ пріятенъ маленькій праздникъ, который я ему тутъ сдѣлалъ, и онъ поѣхалъ весьма доволенъ пріемомъ моимъ. Съ нимъ вмѣстѣ отправилъ я въ Тифлисъ и казначея, за пріемомъ разныхъ суммъ.

13-го. Въ шесть часовъ утра былъ довольно сильный ударъ землетрясенія, который повторился въ 10 часовъ утра, но уже гораздо слабѣе. Шт.-лѣкарь Гривцовъ, возвратившійся ввечеру съ Манглиса, куда онъ ѣздилъ для пользованія прибывшаго туда и вдругъ заболѣвшаго маіора Ахтырки, сказывалъ мнѣ, что на Гуссейнъ-ханскомъ посту казачій офицеръ сказалъ ему, что послѣ сего землетрясенія изъ рѣчки вдругъ вышло множество лягушекъ, которыя покрыли лугъ и дорогу какъ саранча, что́ должно быть дѣйствіе испуга.

22-го. Я ѣздилъ со шт.-лѣкаремъ и казначеемъ къ Сергѣеву въ полкъ, откуда, пообѣдавши и попивши прекрасныхъ винъ, воротились въ Башкегетъ. Сергѣевъ же самъ поѣхалъ въ Елисаветполь, для встрѣчи Алексѣя Петровича, который долженъ 26-го числа сего мѣсяца туда пріѣхать.

2-го Апрѣля въ Середу, по выходѣ отъ заутрени изъ церкви, узналъ я, что Алексѣй Петровичъ еще въ Субботу пріѣхалъ въ Тифлисъ. Я въ тотъ же день пріобщился святыхъ таинъ и послѣ обѣда, выѣхавши изъ Башкегета, ночевалъ въ Квешахъ.

3-го. Я пріѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ увидѣлся съ Воейковымъ и въ тотъ же день явился къ главнокомандующему.

4-го. Онъ выѣхалъ на Бѣлый Ключъ къ Авенаріусу и ночевалъ въ полку у Иловайскаго, а 5-го прибылъ на Бѣлый Ключъ. Желая съ нимъ провести время наединѣ, дабы поговорить о новой постройкѣ штабъ-квартиры и также выпросить и мѣсто для подполковника Кулябки, я выѣхалъ изъ Тифлиса 5-го числа и въ тотъ же день къ вечеру пріѣхалъ на Бѣлый Ключъ. Мнѣ кромѣ того надобно было видѣть распоряженія его о назначеніи мѣста для построенія штабъ-квартиры 41-го егерскаго полка, дабы знать, чего онъ бы и отъ меня сталъ требовать по такому случаю: ибо онъ ѣхалъ на Бѣлый Ключъ для того, чтобы опять перемѣнить мѣсто для полка, услышавъ, что въ родникахъ, при коихъ полкъ селится, начала изсякать вода; но онъ, кажется, болѣе для того ѣздилъ, чтобы укрыться изъ Тифлиса отъ наступившихъ праздниковъ.

6-го числа, Свѣтлое Воскресенье, мы провели почти безъ всякихъ хлопотъ. Авенаріусъ, переведшій уже часть полка въ землянки, построенныя на Бѣломъ Ключѣ, старался принять главнокомандующаго какъ умѣлъ лучше и уговаривалъ его не перемѣнять прежняго мѣста, находя, что воды на ономъ было достаточно; но онъ непремѣнно хотѣлъ перемѣнить оное, ѣздилъ нѣсколько дней по окрестностямъ для сего и наконецъ утвердилъ ему подъ строенія мѣсто, отлежащее на одну версту или полторы отъ прежняго, имѣющее всѣ тѣже удобства и неудобства, какъ первое и не признавъ за удобныя мѣста чрезвычайно выгодныя потому единственно, что вѣтеръ пересталъ дуть когда онъ чрезъ оныя проѣзжалъ и солнце стало нѣсколько грѣть. Въ сихъ случаяхъ были слишкомъ замѣтны кривыя сужденія его, основанныя на пристрастіи. Я замѣтилъ (и замѣчаніе сіе уже многими сдѣлано), что его можно склонить къ избранію самаго дурнаго мѣста, если только его тамъ хорошо накормить, напоить и доставить покой; если же будешь оспаривать съ самыми благоразумными доказательствами мнѣніе его при избраніи дурнаго мѣста, то онъ разсердится и нарочно оставитъ на ономъ изъ одного упрямства. И вообще замѣтна въ немъ особенная нерѣшимость. Начальникъ штаба, который съ нимъ былъ, велъ себя постоянно съ одинаковымъ хладнокровіемъ, не говоря ни слова и заботясь единственно о себѣ лично. Гозіушъ и Сергѣевъ забавляли его разными шутками, а Авенаріусъ не переставалъ пилить его самыми глупыми предложеніями. Совсѣмъ тѣмъ его хорошо угостили, и онъ остался, кажется, довольнымъ, грозясь мнѣ перевести и мою шт.-квартиру, что̀ для меня было бы чрезвычайное разстройство: ибо я уже началъ дѣлать строенія на избранномъ

имъ мѣстѣ. Онъ же все хочетъ строить штабъ-квартиры тѣсныя, каменныя и окружить ихъ редутомъ, который бы могъ защищаться ста человѣками. Иногда, какъ по рѣчамъ придется, недостаточно ему рѣчки для напоенія сихъ людей; иногда онъ довольствуется колодцами въ разстояніи пяти верстъ отъ штабъ-квартиры. Слова его противорѣчатъ одно другому, и вездѣ замѣтна непростительная слабость, пренебреженіе къ обязанностямъ, единственная мысль о своемъ личномъ удовольствіи и совершенная безпечность о благосостояніи нижнихъ чиновъ. Я никогда не видалъ его еще такого, но онъ всякій годъ слабѣетъ и становится хуже. Нерадѣніе его къ занятіямъ по службѣ повторяется каждымъ изъ подчиненныхъ его въ своей обязанности; взысканія за вины считаются притѣсненіями подчиненнымъ, и счастливъ тотъ полковой командиръ, который отдѣлается отъ командованія полкомъ, не подвергнувшись названію опустительнаго по службѣ, или безпокойнаго нрава. Главнокомандующій проводитъ цѣлый день или въ игрѣ въ бостонъ, или въ раскладываніи гранъ-пасьянса, или въ скучномъ разсказываніи анекдотовъ, которые онъ уже всякому по двадцати разъ говорилъ. Съ дѣломъ едва ли кто дерзнетъ къ нему явиться: ничего не хочетъ слушать, сердится за то, что ему приносятъ бумаги, подписываетъ ихъ почти не читая и изо всего видно, что ему служба уже весьма надоѣла. Онъ ничего не дѣлалъ на Бѣломъ Ключѣ, и я не искалъ случая съ нимъ поговорить, просилъ однакоже о Кулябкѣ, но получилъ въ отвѣтъ, что теперь не имѣется вакантнаго мѣста.

8-го числа я хотѣлъ ѣхать обратно въ Тифлисъ, но Алексѣй Петровичъ велѣлъ мнѣ остаться, и безъ всякой надобности, тогда какъ занятія мои призывали меня на Манглисъ. 9-го числа я выѣхалъ изъ Бѣлаго Ключа и прибылъ въ Тифлисъ, куда онъ пріѣхалъ 10.

12-го. Я опять поѣхалъ изъ Тифлиса на Манглисъ, для осмотра тамошнихъ работъ и производящейся работы по дорогѣ отъ Тифлиса. Цѣлый день шелъ дождь, а когда я поднялся на Каджорскую гору, то засталъ меня еще туманъ. Я хотѣлъ непремѣнно проѣхать въ дрожкахъ до Манглиса, и отъ того лошади, уморившіяся отъ частыхъ поѣздокъ и грязи, едва привезли меня въ урочище гдѣ находился съ 6-ю егерскою ротою ш.-к. Григоровичъ. Я ночевалъ у него на дождѣ въ худой палаткѣ солдатской, но и тутъ съ удовольствіемъ вспоминалъ, что оставилъ скучный и безъ дѣла суетливый Тифлисъ, гдѣ съ утра до вечера осаждала меня скучливая толпа людей безъ дѣла.

16-го я возвратился въ Тифлисъ, гдѣ пробылъ еще нѣсколько дней, въ надеждѣ переговорить съ Алексѣемъ Петровичемъ о моихъ постройкахъ; но не тутъ-то было: съ утра до вечера кабинетъ его

былъ наполненъ чиновниками, считающимися при немъ въ службѣ, и онъ то въ карты игралъ, то разсказывалъ имъ анекдоты, а о дѣлѣ нельзя было и заикнуться. Видя, что мое пребываніе совершенно безполезно, я просилъ у него 18 числа позволеніе въ полкъ ѣхать. Тутъ онъ удивился, что я такъ скоро хочу ѣхать и, напомнивъ мнѣ, что мы еще не говорили о Манглисѣ, велѣлъ мнѣ ввечеру зайти. Онъ меня продержалъ до 12-ти часовъ ночи и все разсказывалъ о постороннихъ предметахъ; наконецъ простился со мною, не приказавъ ничего, и отпустилъ. Его намѣреніе было у меня истребить всѣ начатыя строенія и все сдѣлать по новому плану каменное; но, по безпечности и медленности ихъ, я плана сего не получу прежде осени, и мнѣ негдѣ будетъ зимовать. Самыя предположенія его нисколько неудобны для помѣщенія полка: въ его строеніяхъ никогда и жить не будутъ по неудобству ихъ, а если они когда и будутъ строиться, то единственно для исполненія воли его. Я просилъ его позволить мнѣ продолжать строенія деревянныя по своему плану, и послѣ долгаго упорства упросилъ его, наконецъ, обѣщаясь ему все переломать при строеніи штабъ - квартиры по его плану, если его строенія придутся на мѣстахъ занимаемыхъ моими. При томъ же онъ хотѣлъ еще пріѣхать на Манглисъ въ первыхъ числахъ Мая мѣсяца. Я боюсь пріѣзда сего, не имѣя средствъ доставить ему всѣ удобства и хорошій пріемъ и опасаясь, чтобы онъ не назначилъ опять новаго мѣста, что̀ лишило бы и меня и всѣхъ чиновъ полка моего охоты, которую я старался имъ внушить къ переселенію.

19-го числа я выѣхалъ изъ Тифлиса, переправился черезъ рѣку Храмъ, въ которой воды очень увеличились, ночевалъ на Калогирскомъ и 20-го пріѣхалъ въ Башкегетъ, гдѣ сталъ отдыхать отъ несносной и безпорядочной жизни, которую я велъ.

23-го числа, въ день Св. Георгія, я дѣлалъ парадъ и давалъ обѣдъ у себя всѣмъ нижнимъ чинамъ, кавалерамъ сего ордена. Вечеръ проводили у Золотарева, командира 1-й карабинерной роты, въ которой былъ образной праздникъ. Я ушелъ рано; но Сергѣевъ, котораго я звалъ на праздникъ, оставался тамъ съ офицерами очень поздно, и шумное веселіе, болѣе похожее на пиршество сумасшедшихъ, заняло у нихъ часть ночи; я же былъ доволенъ, зная другихъ веселящимися.

1-го Мая офицеры, собравшись, давали мнѣ праздникъ на пчельникѣ, при чемъ были употреблены всѣ средства, въ рукахъ нашихъ находящіяся, дабы придать болѣе торжества сему празднику: орудія и стрѣлки, разсыпанные по горѣ и въ кустахъ, сопровождали пальбою поздравленія, когда пили на здоровье мое.

7-го, капитанъ Даленъ прислалъ при рапортѣ своемъ одного пойманнаго въ Красномъ лѣсу, что̀ близъ Цалны, по слѣдующему случаю. Роты 6-й егерской (которая разработываетъ дорогу отъ Тифлиса къ Манглису) одинъ унтеръ-офицеръ Сиволоцкій, съ двумя рядовыми, былъ посланъ ш.-к. Григоровичемъ на охоту въ сей лѣсъ къ Турецкимъ границамъ. Ранивши козу, они остановились передъ вечеромъ въ балаганѣ и, поставивши два ружья въ ономъ, при коихъ оставался унтеръ-офицеръ, рядовые пошли съ однимъ ружьемъ отыскивать раненую козу. Унтеръ-офицеръ только что отдалился на нѣсколько шаговъ отъ балагана, дабы принесть воды, какъ изъ сидящихъ за кустами пяти хищниковъ Турецкихъ одинъ по немъ выстрѣлилъ, но не попалъ, и всѣ бросились на него, связали его, обобрали все оставшееся въ балаганѣ, ружья, патроны, котлы и шинели и уѣхали. Пришедшіе вскорѣ рядовые развязали унтеръ-офицера и дали о семъ знать на Цалну, откуда былъ посланъ казачій разъѣздъ, который хотя и нашелъ слѣдъ, ведущій въ Турецкія границы, но хищниковъ настичь не могли. Вмѣстѣ съ посылкою сего разъѣзда было дано изъ Цалны знать и Татарскому караулу, охраняющему границу, о семъ происшествіи. Начальникъ того караула Юзъ-Баши-Наба поскакалъ въ лѣсъ и, отдалившись отъ товарищей своихъ, настигъ одного человѣка у начала лѣса, пѣшаго, на коего напавъ схватилъ и съ помощію прибывшихъ товарищей связалъ. Между тѣмъ товарищи пойманнаго, находившіеся вблизи, начали стрѣлять по нашимъ Татарамъ, которые также завели перепалку, и Турки, коихъ было двое, ушли отстрѣливаясь и скрылись въ скалы. Пойманный былъ присланъ ко мнѣ съ Юзъ-башею, который уличалъ его, что онъ хищникъ, ссылаясь на выстрѣлы товарищей его и говоря, что и сей по немъ спустилъ курокъ, держа ружье въ упоръ, но оно осѣклось, послѣ чего будто самъ Юзъ-баши стрѣлялъ, и у него также ружье осѣклось, а затѣмъ онъ ударилъ Турку кинжаломъ по головѣ, но прорубилъ только шапку и такимъ образомъ обобравъ его связалъ и привелъ на Цалну. Пойманный, напротивъ того увѣряетъ, что онъ съ товарищами ничего не знаетъ о шайкѣ, напавшей на солдатъ, что они сами были пѣшіе, приходили на охоту изъ Турецкаго селенія Хыршыси, нисколько не имѣя намѣренія грабить, а только защищались отъ напавшихъ на нихъ нашихъ караульныхъ Татаръ. Унтеръ-офицеръ, присланный сюда съ ними, также говорилъ, что сего пойманнаго не было въ числѣ захватившихъ, связавшихъ и ограбившихъ его; а потому я и удостовѣрился, что сіи люди точно не принадлежали къ первой шайкѣ. Но они могли также быть хищниками, и потому, дабы дознать истину, я велѣлъ сдѣлать пойманному легкій допросъ подъ розгами, но ничего не узналъ: онъ

все оправдывался. Вчера велѣлъ я выстроить висѣлицу и, надѣвъ ему веревку на шею, повели его къ оной; онъ испугался, лишился чувствъ, видя близкую смерть, но также показывалъ прежнее, а потому я рѣшился донести о семъ происшествіи начальству, съ испрошеніемъ, какъ мнѣ велятъ поступить съ пойманнымъ Туркою. Нѣкоторое подозрѣніе падаетъ на него. Сверхъ того я велѣлъ назвать ему нѣсколько человѣкъ изъ деревни Хыршыси, изъ коихъ онъ однакоже ни одного не знаетъ, хотя и показываетъ себя изъ той деревни. На правой рукѣ онъ имѣетъ знакъ якоря, сдѣланный порохомъ, который, по словамъ здѣшнихъ жителей, означаетъ принадлежащаго къ войску янычаръ. Онъ содержится за строгимъ карауломъ на полковой гауптвахтѣ.

11-го я поѣхалъ въ Тифлисъ, куда и прибылъ въ тотъ же день, для принятія прибывшихъ 2-хъ ротъ 25 и 26-го егерскихъ полковъ, на укомплектованіе моего полка. Первою командовалъ кап. Барскій, второю пор. Родіоновъ. 12-го числа я принялъ первую, 13-го вторую. Люди имѣли много претензій на своихъ ротныхъ командировъ. Одному, именно Родіонову, мнѣ удалось помочь, и рота отказалась отъ претензіи; но кап. Барскій на котораго, повидимому, нижніе чины были озлоблены, не успѣлъ въ своемъ искѣ, и я принужденъ буду представить о сей претензіи по начальству, не имѣя права уничтожить ее. Я остановился у Воейкова, былъ озабоченъ съ утра до вечера и не имѣлъ много свободнаго времени, дабы съ нимъ вмѣстѣ побыть. Скучныя посѣщенія разныхъ людей мнѣ столько надоѣли, что я искалъ случая какъ можно скорѣе выбраться оттуда. 14-го, распросившись съ Иваномъ Александровичемъ, я хотѣлъ на другой день ѣхать; но того же числа пріѣхалъ изъ Гори Алексѣй Петровичъ, куда онъ ѣздилъ гостить къ Попову, а потому я остался.

15-го. Онъ объявилъ, что будетъ въ концѣ мѣсяца на Манглисъ, при чемъ я чрезвычайно боюсь, чтобы онъ не перемѣнилъ мѣста моей штабъ-квартиры, на коемъ сдѣлано уже такъ много строеній, что это лишило бы меня и всѣхъ сослуживцевъ моихъ охоты къ постройкамъ, и намъ негдѣ было бы зимовать.

19-го я разбилъ прибывшихъ людей по ротамъ своего полка и принялся за изготовленіе бумагъ къ отправленію ихъ къ своимъ мѣстамъ.

26-го, въ Духовъ день, была здѣсь сильная гроза и убило на улицѣ молніею одного солдата 2-й карабинерной роты. Я сейчасъ вскочилъ съ постели, пробудившись отъ тяжелаго сновидѣнія, коего впечатлѣніе до сихъ поръ еще безпокоитъ меня весьма много. Я видѣлъ сію ночь во снѣ, что Н. Н. М. умерла послѣ продолжительной и трудной болѣзни, видѣлъ ее умирающею и страждущею, будучи обнадеженъ родителями въ полученіи ея, если она выздоровѣетъ; но

смерть похитила у меня ее со всѣми надеждами. Неужели сонъ сей предвѣщалъ мнѣ истину, и я долженъ еще разъ узнать тоже самое, безъ всякой надежды на пробужденіе мое отъ обманчиваго сновидѣнія? Мысль сія и безпокойное предчувствіе не оставляютъ меня.

Маіоръ Гладкій-Сацкій, простой хохолъ, которому надзиранія за работами были поручены, по возвращеніи изъ Манглиса, всегда доносилъ мнѣ, что все идетъ какъ нельзя лучше. Я давно уже замѣчалъ, что человѣкъ сей сколько ни былъ ограниченъ, но не менѣе того имѣлъ свою степень отечественной хитрости, и я замѣчалъ изъ отвѣтовъ его, что болѣе заботило его собственное его хозяйство на новой штабъ-квартирѣ, чѣмъ успѣхъ въ постройкахъ полковыхъ, въ чемъ онъ могъ всегда свободно распоряжаться въ мое отсутствіе, потому что на Манглисѣ находились роты его баталіона. Не менѣе того я не переставалъ ласкать его и оказывать довѣренность, въ надеждѣ склонить его болѣе къ общей пользѣ; потому что я, ожидая извѣстія о прибытіи Алексѣя Петровича, не могъ оставить Башкегета. Сіе самое побудило меня, около 6 или 7-го числа, послать его на Манглисъ, куда онъ неотступно и самъ просился. Изъ слишкомъ свободнаго изложенія мнѣній его на счетъ отдаваемыхъ мною ему передъ отъѣздомъ приказаній, я заключилъ, что ласки мои во вредъ послужили, и что давно уже дѣйствія на Манглисѣ не согласовались съ моими распоряженіями. Сіе самое побудило меня выѣхать изъ Башкегета недождавшись ни его возвращенія, ни извѣстія объ Алексѣѣ Петровичѣ, и потому 7-го числа я собрался выѣхать на другой день, и часу въ 11-мъ ночи получилъ при летучей картѣ письмо отъ Алексѣя Петровича, коимъ онъ извѣщалъ меня, что около половины мѣсяца будетъ на Манглисъ, между тѣмъ упрекалъ мнѣ въ томъ, что я, готовясь къ смотру, собралъ цѣлый баталіонъ въ Башкегетѣ и занимался ученіями, тогда какъ слѣдовало заниматься постройками на Манглисѣ Совершенно ложное обвиненіе сіе меня много безпокоило, я не могъ почти всю ночь уснуть и всталъ въ 1-мъ часу, дабы написать отвѣтъ. Приказавъ отправить изъ Башкегета на Манглисъ музыкантовъ, пѣсенниковъ и всякаго народа для увеселенія главнокомандующаго на Манглисѣ, я выѣхалъ самъ изъ Башкегета 8-го числа и пріѣхалъ на Цалку, гдѣ и остался ночевать и въ тотъ же день отправилъ съ Цалки отвѣтъ свой Алексѣю Петровичу. Прилагаю здѣсь списокъ какъ съ его письма, такъ и съ моего отвѣта.

Любезный Николай Николаевичъ!

Ты ждешь инспекторскаго смотра и, желая пощеголять на ономъ, удерживаешь людей праздными, тогда какъ въ Манглисѣ много принесли бы они тебѣ пользы, занимаясь работою. Это невѣрный расчетъ: ты по-

кажешь хорошій баталіонъ, а на зиму не успѣешь сдѣлать жилищъ, и по необходимости надобно будетъ раздѣлить полкъ, и не на короткое время остаться должна будетъ часть на Башкегетѣ. Теперь ни словомъ не похвалю за исправность и чрезвычайно благодарилъ бы, если бы устроилъ какое нибудь для людей пристанище. Къ половинѣ сего мѣсяца думаю побывать въ Манглисахъ; тебя увѣдомлю заблаговременно. Прощай. Вѣрный Ермоловъ. 6-го Іюня 1824. Тифлисъ.

Отвѣтъ на письмо А. П. Ермолова.

М. г. Алексѣй Петровичъ. Получивъ письмо, коимъ вашему в-ву угодно было меня удостоить, я счелъ обязанностью своею извѣстить васъ о занятіяхъ своихъ, дабы увѣрить васъ, что я не заслужилъ упрека мнѣ сдѣланнаго. Съ самаго начала построекъ на Манглисѣ, въ послѣднихъ числахъ Генваря мѣсяца, я не занимался обученіемъ полка, не сводилъ не только баталіона, но даже роты, и едва остается на Башкегетѣ достаточно людей на двѣ смѣны караула. Имѣя болѣе 7-ми ротъ въ откомандировкахъ, съ остальнымъ количествомъ невозможно и было распорядиться такимъ образомъ, чтобы въ одно время учиться, сдѣлать двѣ дороги, заготовить нужные матеріалы для построекъ и подвинуть сіи послѣднія до степени, въ коей онѣ находятся теперь и въ которой вы сами изволите увидѣть ихъ. Зная обязанность свою, я никогда не рѣшился бы упустить изъ вида исполненіе воли вашей, отвлекая людей отъ построекъ для приготовленія ихъ къ смотру, при предстоящихъ важнѣйшихъ занятіяхъ. Мнѣ также извѣстно, что противно было бы волѣ вашей, еслибъ самая малая часть полка осталась зимовать на Башкегетѣ, и я согласно сему велъ занятія людей, устроивая жилища на Манглисѣ и дороги, нисколько не занимая ихъ ученіями, даже по одиночкѣ. Посѣщеніе вашего в-ва, коимъ обѣщаетесь удостоить меня и сослуживцевъ моихъ, давно поощряетъ насъ къ вящшимъ трудамъ. Я смѣю надѣяться, что вы останетесь довольны успѣхами оныхъ но также, что вы до узрѣнія ихъ увѣритесь въ совершенной несправедливости сказаннаго вамъ на мой счетъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. Цална, 8-го Іюня 1824 года.

9-го я пріѣхалъ на Манглисъ и нашелъ часть вновь обработанной Цалнской дороги весьма испорченною отъ проѣзда женатыхъ нижнихъ чиновъ изъ Башкегета съ семействами и тяжестями и постоянно шедшихъ давно уже проливныхъ дождей, отъ коихъ вода въ Алгеткѣ такъ увеличилась, что сорвала только что построенную съ большими трудами плотину у мельницы. Дорогою меня съ бричкою опрокинуло. Я прежде всего объѣхалъ всѣ работы и нашелъ у маіора небольшое поле засѣянное просомъ, строющійся наружный домъ при временныхъ землянкахъ женатой ротѣ въ оврагѣ, не по плану, и большой сарай при 5-й егерской у монастыря, рубленный для ко-

нюшни. Отвлекая такимъ образомъ людей отъ настоящихъ построекъ, безъ сомнѣнія нельзя было ожидать хорошаго успѣха, при чемъ люди 5-й егерской, повидимому, не были употребляемы къ постройкамъ штабъ-квартиры, которая была предоставлена одной плотничной командѣ безъ всякой помощи. Зачатыя строенія я нашелъ весьма хорошей отдѣлки, но съ медленнымъ успѣхомъ, и потому виновныхъ въ семъ погонялъ сколько можно было; потому что они распоряжались съ воли баталіоннаго командира, которому я дѣлалъ полную довѣренность и который, употребивъ ее во зло, былъ первый виновникъ всему. Я сталъ самъ заниматься надсматриваніемъ за работами и порядками, что̀ и продолжалъ до сего дня, ожидая прибытія Алексѣя Петровича, для пріема коего уже сдѣланы всѣ нужныя заготовленія и коего пріѣздъ неминуемо причинитъ ущербъ въ успѣхѣ работъ.

13-го, извѣстясь о скоромъ пріѣздѣ Алексѣя Петровича, я поѣхалъ на вечеръ по дорогѣ въ Тифлисъ и остановился ночевать на станціи, выстроенной мною на половинѣ дороги, которую я назвалъ Пріютинымъ.

14-го поутру главнокомандующій прибылъ и, позавтракавъ, отправился въ Манглисъ, гдѣ онъ занемогъ. Погода все была дождливая. Проведши нѣсколько дней въ игрѣ въ карты и безъ всякаго дѣла, онъ поѣхалъ отсюда 19-го числа, не сдѣлавъ ничего, позволилъ мнѣ продолжать строенія и нашелъ, что мѣсто, которое онъ самъ избралъ, было весьма дурно, ибо вода отдалена. Кромѣ того онъ нашелъ, что дороги по гористымъ мѣстамъ во всѣ стороны отъ Манглиса весьма затруднительны, чего онъ не могъ замѣтить въ прошломъ году и о чемъ я ему много разъ говорилъ и писалъ. Работы во время пребыванія его здѣсь замедлились; ибо, проводя цѣлый день въ разсказываніи анекдотовъ или игрѣ, онъ другимъ ничего дѣлать не даетъ, а если и обратитъ вниманіе на минуту къ дѣлу, то для того единственно чтобы перемѣнить безъ всякой выгоды, а по однѣмъ прихотямъ своимъ. Я былъ доволенъ его отъѣздомъ; но къ сожалѣнію слышалъ отъ него обѣщаніе скоро опять возвратиться. Частыя посѣщенія сіи, клонящіяся единственно къ увеселенію его, будутъ причиною, что я не успѣю ничего сдѣлать. Я ожидаю, кромѣ того, на дняхъ бригаднаго командира, который также отвлечетъ меня отъ занятій.

25-го пріѣхалъ сюда бригадный командиръ князь Эристовъ, для смотра ротъ и того же числа кончилъ оный. Скучный и вмѣстѣ очень глупый старикъ сей несносенъ своею болтливостью, но не менѣе того

заслуживаетъ уваженія по отличной добротѣ своей и прежней дѣятельной службѣ въ молодыхъ лѣтахъ его.

29-го, въ день Петра и Павла, полковаго праздника, все предалось здѣсь введенному до меня обряду пьянства, не одни нижніе чины, но къ неудовольствію и самые офицеры. Командиръ 6-й егерской ш.-к. Григоровичъ былъ имянинникъ. Онъ созвалъ товарищей своихъ; неумѣренное употребленіе напитковъ скоро погрузило ихъ въ пьянство, а затѣмъ послѣдовали ссоры и упущенія по своимъ обязанностямъ.

Въ теченіе нынѣшней весны обдѣлана была 6-ю ротою егерскою дорога отъ Тифлиса сюда, и выстроена въ 20 верстахъ отсюда станція на дорогѣ. Мѣстоположеніе оной восхитительно, и я съ удовольствіемъ провелъ тамъ время. Уединенное мѣсто сіе, которое я назвалъ Пріютинымъ, не имѣетъ себѣ подобнаго во всѣхъ странахъ мною видѣнныхъ, и я счелъ бы себя счастливымъ, еслибъ могъ быть помѣщикомъ онаго, а не временнымъ жителемъ.

Манглисъ. 8-го числа пріѣхалъ сюда изъ Башкегета Турокъ Іегія-бекъ, посланный ко мнѣ отъ пограничнаго начальника Ахалкалакской крѣпости Абдулы-бека съ письмами на тотъ случай, что нынѣшнею весною были Турками ограблены въ Красномъ лѣсу, около Цалны, нѣсколько солдатъ, бывшихъ на охотѣ и оплошно отшедшихъ отъ своихъ ружей, вслѣдствіе чего нашими караульными Татарами былъ захваченъ одинъ Турокъ, послѣ небольшой перестрѣлки въ нашихъ границахъ съ его товарищами, котораго полагали изъ числа грабителей. Онъ содержался на гауптвахтѣ, и по требованію оттуда и удостовѣренію, что онъ невиновенъ, былъ отпущенъ; но ружье его, кушакъ и шапка, какъ взятыя съ бою, остались у караульнаго взявшаго его. Іегія-бекъ просилъ о возвращеніи ему отнятыхъ вещей и привезъ ружье и вещи, ограбленныя отъ тѣхъ солдатъ, что̀ я и исполнилъ, прося Абдуллу-бека письмомъ о возвращеніи другихъ вещей и людей, угнанныхъ недавно Турками изъ кочевья.

Башкегетъ, 27 іюля. 14-го Іюля мнѣ минуло тридцать лѣтъ.

17-го я получилъ изъ Бѣлаго Ключа отъ Воейкова письмо, коимъ онъ извѣщаетъ меня о прибытіи на другой день ко мнѣ главнокомандующаго, и вызываетъ меня на встрѣчу. Немедленно по полученіи сего письма я отправился въ новую штабъ-квартиру полка Иловайскаго, гдѣ долго дожидался Алексѣя Петровича; но наконецъ узналъ, что онъ, отъѣхавъ отъ Бѣлаго Ключа 4 версты, воротился, потому что

дорога показалась ему дурна. Я возвратился въ Манглисъ, досадуя, что всѣ хлопоты, остановки въ работахъ, все было излишнее. Вслѣдъ за мною пріѣхали Сергѣевъ, Симчевскій и Воейковъ; послѣдній доставилъ ко мнѣ письмо отъ Алексѣя Петровича, коимъ онъ извѣщалъ меня, что за дурною погодою не пріѣхалъ ко мнѣ, а между тѣмъ звалъ меня въ Тифлисъ, дабы увѣрить меня, что новая дорога, которая идетъ отъ Кульгутинскаго поста къ Манглису лучше той, которую я уже обдѣлалъ. Новая дорога сія была еще въ прошломъ году осмотрѣна мною, и я нашелъ ее довольно хорошею, но нѣсколько кружною. Я намѣревался ее обдѣлывать; но нерѣшимость его и охота къ перемѣнамъ заставили меня отыскивать другую, которую я и нашелъ гораздо ближе и почти такую же хорошую въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ самъ избралъ ее. Дорогу сію я обработалъ. Въ проѣздъ по ней подъ гору онъ нашелъ ее хорошею, но ѣдучи обратно на гору, она показалась ему крута, и онъ сталъ утверждать, что дорога сія хуже идущей изъ Моздока, чрезъ Крестовую гору, и приказалъ Воейкову осмотрѣть видѣнную мною въ прошломъ году. Воейковъ призналъ ее удобнѣе, и симъ онъ увѣрился, что обработанную надобно бросить, а за сію приняться. Онъ писалъ ко мнѣ также, что Воейковъ мнѣ покажетъ сію дорогу, которую я самъ Воейкову показалъ. Напрасно я увѣрялъ его, что если дорогу сію и сдѣлать, то всѣ будутъ ѣздить по обработанной уже, потому что она удобна и короче.

18-е и 19-е число я провелъ въ угощеніи прибывшихъ, а 20-го отправился съ ними на станцію къ Тифлису, гдѣ провелъ всю ночь въ шумномъ кругу, поилъ ихъ до невозможности, велѣлъ качать, стрѣлялъ изъ ружей и самъ представлялъ изъ себя человѣка въ особенности довольнаго такимъ пиромъ.

21-го я проводилъ ихъ въ Тифлисъ, гдѣ 22-го явился къ Алексѣю Петровичу. Онъ мнѣ сталъ опять о дорогѣ говорить и, видя его упорство, я согласился, что дорога сія лучше обработанной, но что я только затрудняюсь въ обдѣлкѣ одного крутаго спуска, который именно не знаю какъ обработать, чтобы онъ былъ отлогъ и лучше тѣхъ, которые на старой дорогѣ, и просилъ его о назначеніи инженернаго офицера для осмотра сего мѣста. Онъ назначилъ Боборыкина.

23-го прибылъ я въ Манглисъ, гдѣ засталъ всѣ строенія въ разореніи, и къ сожалѣнію узналъ, что въ мое отсутствіе остававшіеся офицеры не переставали гулять, пьянствовать по цѣлымъ ночамъ, причемъ даже были сдѣланы неудовольствія остававшемуся здѣсь стар-

шимъ маіору Потебнѣ, надъ женою коего ругались въ пѣсняхъ. Но нельзя вездѣ усмотрѣть, и съ таковымъ народомъ должно еще довольну быть, что чего-нибудь худшаго не случилось.

Манглисъ, 5-го Августа. Въ Башкегетѣ я засталъ все общество встревоженное и узналъ, что причиною всего сего былъ полковой адъютантъ Артемовскій, человѣкъ, который мною былъ совершенно облагодѣтельствованъ. Онъ былъ недоволенъ за то, что обѣщанное ему награжденіе корпуснымъ командиромъ въ прошломъ году еще не было имъ получено, не взирая на всѣ старанія мои доставить ему оное. На пирахъ не упущалъ онъ случая поставлять общество противъ меня и, напаивая подполковника, заставлялъ его произносить на мой счетъ, въ присутствіи всѣхъ, самыя нелѣпыя рѣчи. Мнительный нравъ мой показалъ мнѣ въ сихъ происшествіяхъ послѣдствія самыя дурныя, и потому я принужденъ былъ взять мѣры, дабы войти въ сіе дѣло и узнать сущность онаго. Я началъ съ Артемовскаго, коему сдѣлалъ выговоръ за нарушеніе порядка въ мое отсутствіе, не показывая однако никому, что мнѣ извѣстно было все сдѣланное ими противъ меня. Послѣ того я увидѣлся съ Золотаревымъ, коего весьма огорчило то, что я назначилъ къ выступленію 1-ю карабинерную роту, коею онъ командовалъ, и тѣмъ разлучалъ его съ женою Кулябки. Артемовскій подружился съ нимъ и мутилъ его, представляя ему, что я по службѣ гналъ его. Я успокоилъ Золотарева, обѣщавшись ему позволять пріѣзжать въ Башкегетъ, когда онъ отведетъ роту. Ввечеру пригласилъ я Кулябку, и послѣ долгаго разговора съ нимъ я увидѣлъ, что онъ помнитъ весьма зло, сдѣланное ему Артемовскимъ и что всѣ дѣйствія его противъ меня, хотя и руководимыя собственнымъ огорченіемъ, но не менѣе того имѣли главную причину свою въ происках Артемовскаго. Мнѣ надобно было видѣть еще всѣхъ у себя вмѣстѣ, и потому я пригласилъ всѣхъ къ себѣ на балъ 31-го Іюля. Все шло своимъ порядкомъ, но послѣ ужина многіе перепились, и казначей въ пьяномъ видѣ сталъ поносить маіоршу Потебню, женщину точно презрительную, но которую не должно было обижать въ моемъ домѣ. Сіе самое побудило меня его выслать изъ дома.

4-го Августа я перешелъ отъ монастыря на штабъ-квартиру, гдѣ остановился въ палаткахъ на прекрасномъ мѣстѣ, въ сосновой рощѣ. Опредѣлившійся на службу въ мой полкъ отставной артиллерійскій поручикъ Романовъ ѣздилъ на дняхъ въ Тифлисъ и, возвратившись третьяго дни, извѣстилъ меня, что на Тифлисскій казачій

постъ прибыли при немъ люди Кіатъ-аги изъ Туркменіи съ жеребцомъ, кибиткою, коврами и прочими вещами, которыя ко мнѣ посылалъ Кіатъ и о коихъ я на дняхъ получилъ отъ него письмо. Онъ исполнилъ по порученію моему, данному его сыну при отъѣздѣ изъ Тифлиса, коего я просилъ о семъ, присоединивъ и двѣ львиныя шкуры. Мнѣ весьма пріятно было видѣть довѣренность и привязанность сего старика ко мнѣ, и нынѣшній случай оную весьма доказалъ.

14-го числа ввечеру я слышалъ, что пѣсельники во 2-й ротѣ пѣли послѣ работы и, желая успокоить нижнихъ чиновъ, при томъ зная, что таковыя веселія не бываютъ безъ дурныхъ послѣдствій (потому что офицеры перепьются) я оставилъ ихъ веселиться до 10 часовъ вечера, а въ 10 часовъ велѣлъ адъютанту написать къ ротному командиру поручику Житинскому записку, коею приказывалъ ему отпустить пѣсельниковъ, во уваженіе трудовъ ими переносимыхъ въ теченіе дня и предстоящихъ на другой день. Записка, заставшая офицеровъ пьяными, была сожжена, и приказано пѣть громче. Вслѣдъ за симъ я послалъ адъютанта съ приказаніемъ принести ко мнѣ шпагу поручика, а ему приказать идти на гауптвахту. И сіе не было исполнено, а пѣсельниковъ, перестававшихъ пѣть, стали бить. Я пошелъ самъ уже послѣ полночи и ударилъ сборъ. Ротный командиръ вышелъ передъ ротою пьяный. Я арестовалъ его, а какъ онъ медлилъ идти на гауптвахту, я велѣлъ его силою оттащить туда, а сегодня отдаю приказъ по полку, коимъ предписываю ему удалиться изъ полка, выставя все его поведеніе передъ офицерами и всѣмъ полкомъ. Вотъ послѣдствія мѣръ снисхожденія, мною взятыхъ съ недавняго времени.

21. Вчера я простилъ Житинскаго, по просьбѣ Антонова. Призвавъ его ввечеру къ себѣ, я ему сдѣлалъ наставленіе при всѣхъ собравшихся офицерахъ; послѣ того, отдавъ ему шпагу, прочелъ приказъ написанный мною по сему случаю, но еще не отданный по полку и коимъ я ему предписывалъ удалиться изъ полка, изорвалъ его и простилъ, видя искреннее раскаяніе его, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ прапорщику Яновскому въ томъ, что онъ билъ пѣсельниковъ, дабы заставить ихъ пѣть, что онъ поступилъ не какъ добрый товарищъ, будучи самъ виновенъ: видя, что ротный командиръ его подъ наказаніемъ, не пришелъ самъ ко мнѣ и не признался въ своей винѣ, прося взысканія или прощенія.

27-го. Вчера я разговаривалъ съ Абдуллою, человѣкомъ Кіатъ-аги, привезшимъ ко мнѣ отъ него разныя вещи, и узналъ, что Якши-

Магмедъ, сынъ его, жившій при мнѣ около двухъ лѣтъ и просвѣтившійся нѣсколько узнаніемъ грамоты Русской и части Ариѳметики, не можетъ ужиться между Туркменами, коихъ находитъ глупыми, необразованными и скучными дикарями, не дающими ему свободнаго времени для занятій, которыя бы онъ продолжать хотѣлъ, что́ и содѣлываетъ ему тамошнюю жизнь несносною, а его ненавистнымъ его соотчичамъ. Судно, отвозившее его на тотъ берегъ, надѣлало тамъ безпорядки. Нашедши въ Челекенѣ одну Персидскую расшиву, лейтенантъ взялъ оную силою, говоря, что отъ правительства нашего запрещено пускать ихъ къ Туркменамъ и забралъ весь товаръ, на оной находившійся, принадлежавшій Кіату и простирающійся на сумму 10 тыс. р. асс. Кіатъ былъ въ то время удрученъ сильною глазною болѣзнію; онъ послалъ на расшиву трехъ Туркменъ въ лодкѣ просить лейтенанта, чтобы ему хотя товаръ возвратили; но лейтенантъ, увидя приближающуюся лодку, послалъ баркасъ противъ нихъ; трое Туркменъ поворотили на берегъ и убѣжали, послѣ чего онъ пустилъ изъ фальконетовъ два выстрѣла по кочевью, изъ коихъ одно ядро упало у самой кибитки Кіата и чуть не убило меньшаго сына его, хотѣвшаго выдти изъ оной. Туркмены, собравшіеся къ Кіату по сему случаю, упрекали его въ дружбѣ съ нами и требовали мщенія; но онъ запретилъ имъ сіе, обѣщавъ имъ возвратить всѣ пропавшіе товары ходатайствомъ у главнокомандующаго, чѣмъ и усмирилъ ихъ. Вмѣстѣ съ отправляющимся обратно судномъ онъ написалъ два письма, одно къ Алексѣю Петровичу, а другое ко мнѣ, съ объясненіемъ сего обстоятельства; но я письма сего не получалъ, почему и полагаю, что лейтенантъ, сдѣлавшій сіе насиліе, опасаясь, чтобъ извѣстія о семъ не дошли до главнокомандующаго, истребилъ письма. Теперь, узнавъ о семъ, я опишу все происшествіе Алексѣю Петровичу, дабы виновники, разстроивающіе доброе согласіе между нами и Туркменами, пріобрѣтенное толикими трудами, не остались безъ должнаго взысканія.

Абдулла также сказывалъ мнѣ о болѣзни, появившейся на Челекенѣ по отплытіи судна, которая въ теченіи 15 дней унесла изъ числа 300 душъ 47. По описанію должна быть холера: люди, поутру заболѣвшіе, къ вечеру умирали съ сильною рвотою и поносомъ, имѣя на лицѣ признаки человѣка изнуреннаго шестимѣсячною болѣзнію. Онъ также сказывалъ мнѣ объ одномъ случаѣ, доказывающемъ строгость нравовъ, сохранившуюся между Туркменами. Послѣ послѣдняго моего путешествія въ Туркменію на берегахъ Оокъ, одинъ молодой Туркменъ, недавно женившись, сталъ жить особо съ молодою женою своею въ кочевьѣ и снаряжать себѣ кибитку. Замѣтивши, что одинъ молодой

человѣкъ былъ въ любовной связи съ его женою, онъ вознамѣрился застать ихъ вмѣстѣ, уличить и наказать. Для сего удалился онъ однажды ввечеру изъ кочевья, приказавъ женѣ снабдить его хлѣбомъ на нѣсколько дней и говоря, что онъ идетъ въ дальнее кочевье для отысканія пропадшаго верблюда. Ночь была мѣсячная. Удалившись съ нѣкоторыми товарищами, которыхъ онъ взялъ въ свидѣтели, за бугоръ, онъ замѣтилъ входящаго въ кибитку его любовника его жены. Въ полночь онъ возвращается со свидѣтелями къ своей кибиткѣ и велитъ женѣ отпереть двери; она притворяется не узнавшею голоса его и медлитъ, дабы дать время любовнику спрятаться. Любовникъ становится у самаго входа, дабы поспѣшнѣе выбѣжать. Мужъ, не дожидаясь долго, вламывается въ дверь съ обнаженною саблею и, увидя соперника своего, убиваетъ его, а въ слѣдъ за симъ и жену свою при свидѣтеляхъ, послѣ чего беретъ бандуру, садится у порога своей кибитки и всю ночь въ радостномъ изступленіи поетъ пѣсни. Едва утренняя заря освѣтила окрестности, какъ онъ беретъ трупы убіенныхъ имъ и вѣшаетъ ихъ за ноги по обѣ стороны верблюда, на котораго самъ садится съ бандурою и съ пѣснями влачитъ любовниковъ по всему кочевью, въ присутствіи всего собравшагося народа, послѣ чего онъ отправился такимъ же образомъ въ другое кочевье къ родителямъ жены его и бросилъ у дверей кибитки ихъ трупъ ея, сдѣлалъ тоже самое и съ трупомъ любовника, котораго отвезъ къ дому его родителей. И никто не смѣлъ вступиться за убитыхъ, ни родители, ни пріятели ихъ; отъ того, что мужъ засталъ ихъ при свидѣтеляхъ, а убилъ обоихъ вмѣстѣ. Если же бы онъ убилъ только одного изъ двухъ, то, по обычаямъ Туркменъ, цѣлый родъ умерщвленнаго сталъ бы мстить ему и, кровь за кровь, уничтожился бы который нибудь изъ двухъ родовъ.

Манглисъ, 11-го Сентября. 29-го Августа, я поѣхалъ въ Тифлисъ, дабы отправить Абдуллу къ Кіату, обратно въ Туркменію, что́ и исполнилъ, пославъ подарковъ Кіату, и поручилъ находящемуся въ Бакѣ Вартану Хачетуровичу послать къ нему еще 125 четвертей хлѣба. О поступкѣ же морскихъ офицеровъ съ нимъ я писалъ къ Воейкову, дабы онъ довелъ оный до свѣдѣнія Алексѣя Петровича.

Въ первыхъ числахъ Сентября прибылъ ко мнѣ изъ Ленкорана новый священникъ, изъ 45-го флотскаго экипажа, Тимоѳей Никитинъ, переведенный ко мнѣ въ полкъ по желанію моему и его собственному, съ которымъ я вмѣстѣ 8-го числа выѣхалъ изъ Тифлиса обратно въ Манглисъ, гдѣ безпрерывные проливные дожди много препятствовали успѣхамъ въ работахъ.

Корпусный командиръ, отыскивая новую дорогу съ линіи въ Грузію, долженъ къ 15 числу сего мѣсяца прибыть въ селеніе Тиби, куда полковникъ Поповъ выступилъ съ 1000 ч. пѣхоты и 4 орудіями, для соединенія съ Алексѣемъ Петровичемъ, который выступилъ съ отрядомъ изъ Кабарды и долженъ придти въ горы, вмѣстѣ съ Поповымъ.

24-го уѣхалъ отсюда прежній священникъ Лука Савинъ въ Тифлисъ, для слѣдованія въ Астрахань. На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда изъ Петербурга поручикъ князь Орбеліанъ моего полка, который, намѣреваясь служить въ гвардіи, выходитъ въ отставку. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Мадатовымъ, женившимся на Саблуковой въ Тифлисѣ.

Октября 11-го.—9-го я прибылъ ночевать въ Пріютино, а 10-го явился къ корпусному командиру. Вчера было ровно восемь лѣтъ какъ мы сюда прибыли въ Грузію съ Алексѣемъ Петровичемъ. Онъ праздновалъ день сей и былъ очень веселъ. Я воспользовался симъ, чтобы выпросить у него прощеніе шт.-кап. Калантарову, моего полка, который былъ отданъ подъ судъ за произведенный. имъ безпорядокъ и драку въ саду на дняхъ, гдѣ онъ изорвалъ мундиръ на одномъ полицейскомъ офицерѣ. Случай сей, въ коемъ болѣе участвовалъ одинъ выключенный изъ службы офицеръ, былъ еще первый такого рода, встрѣтившійся съ Колонтаровымъ, который смирный малый, хорошаго поведенія и нечаянно попался въ такое дѣло. Онъ дожидался только Сентября мѣсяца, чтобы проситься въ гарнизонъ, не чувствуя себя, по ограниченнымъ способностямъ своимъ, въ силахъ командовать ротою, отъ которой онъ и отказался въ прошломъ году, когда я ему хотѣлъ поручить оную. Послѣ долгаго сопротивленія корпусный командиръ, наконецъ, согласился и простилъ ему.

Тифлисъ, 12-го. Я былъ поутру у князя Мадатова, гдѣ увидѣлся съ женою его, родственницею моею. Она была весьма рада меня увидѣть, не имѣя никого здѣсь ближнихъ. Она чувствовала, какъ изъ словъ ея замѣтить можно, несообразность супружества своего, получивъ воспитаніе отличное и живши всегда при дворѣ, быть супругою человѣка необразованнаго какъ князь Мадатовъ. Новое родство мое съ нимъ нѣсколько сблизило насъ, и онъ вчера, отведши меня въ сторону, объявилъ мнѣ данное ему порученіе отъ сестры жены его Бакуниной, дабы сказать мнѣ, чтобы я пріѣхалъ въ Петербургъ для женитьбы на Н. Н. Мордвиновой, коей родители и она сама теперь соглашаются выдти за меня. Онъ мнѣ совѣтовалъ ѣхать въ отпускъ для сего, говоря, что Бакунина не могла сего иначе сдѣлать какъ по порученію

самого адмирала. Я отвѣчалъ ему, что состояніе мое и отца моего не позволяетъ мнѣ предпринять сего путешествія и сдѣлать свадьбу въ столицѣ; при томъ же, желая увѣриться въ томъ, что я и нынѣшній разъ также не буду обманутъ, я полагалъ бы мнѣніемъ своимъ, что гораздо лучше было бы адмиралу пріѣхать на будущее лѣто къ водамъ Кавказскимъ со своимъ семействомъ, и тогда бы я самъ выѣхалъ туда же, и дѣло сіе совершилось бы. Мадатовъ находилъ сіе затруднительнымъ, и потому я предложилъ другое средство, чтобы адмиралъ пріѣхалъ въ свои Крымскія деревни, куда бы и я пріѣхалъ.

14-го. Умеръ поутру подполковникъ Пономаревъ, оставивъ по себѣ семейство, состоящее изъ пяти дочерей, двухъ сыновей, жены и тещи, въ крайней бѣдности. Сіе самое побудило меня съ Поповымъ сдѣлать подписку для нихъ: я далъ 600 р. асс., Поповъ 500 и, проведя вечеръ у Попова, мы впятеромъ собрали 2300 р., для вспоможенія имъ. Я просидѣлъ у Попова до 6-го часу утра; мы провели ночь довольно дурно и выпили множество Шампанскаго вина, такъ что сегодня, вставши въ половинѣ 11-го часа, я почувствовалъ себя весьма нездоровымъ.

15-го. Ввечеру я ѣздилъ прощаться съ Алексѣемъ Петровичемъ. Онъ тронулъ меня описываніемъ своего состоянія и того, на что онъ можетъ считать когда выйдетъ въ отставку. Онъ счелъ мнѣ доходы свои и сказалъ, что будетъ жить въ Крыму и заниматься воспитаніемъ своихъ двухъ сыновей.

Манглисъ. 1-го Ноября я перешелъ въ домъ свой, не желая болѣе подвергать здоровья своего непостоянству климата и далѣе испытывать терпѣніе свое на морозѣ, уже нѣсколько дней продолжающемся и весьма ощутительномъ, живши на дворѣ въ палаткахъ. Дней пять тому назадъ, я началъ учиться погрузински, единственно для того, что мнѣ весьма легко будетъ выучиться сему языку и чтобы не упрекать себя въ томъ, что живу болѣе восьми лѣтъ между народомъ, коего языку не выучился. Домъ мой, хотя я въ немъ и ночевалъ сегодня, еще не совсѣмъ готовъ; я занимаю двѣ маленькія комнаты, которыя только осталось окрасить, прочія же должны также въ скоромъ времени поспѣть.

12-го. Пріѣхавшій изъ Тифлиса пор. Ляшевскій сказалъ мнѣ, что 8-го числа сего мѣсяца кап. Боборыкинъ застрѣлился, будучи въ домѣ у полковника Давыдова. Онъ сдѣлалъ сіе при женѣ его, которая вбѣжала въ комнату, услышавши пистолетную осѣчку, и застала его,

когда онъ уже другимъ пистолетомъ застрѣливался. Она сама упала безъ чувствъ отъ испуга и долго была въ такомъ положеніи, пока ее привели къ жизни. Если справедливо все сказанное мнѣ, то нельзя не порицать Боборыкина въ поступкѣ, который можно назвать безчестнымъ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ сіе въ домѣ, въ коемъ былъ принятъ ласково и дружески; но слухи сіи могутъ быть несправедливы.

17-го. Желая доставить Воейкову пріятное, я велѣлъ нарядить пѣсельниковъ въ одежду больныхъ и пригласить имъ его къ себѣ на обѣдъ, по случаю недавняго перенесенія въ новое строеніе полковаго лазарета. Обманъ хорошо удался. Воейковъ точно счелъ ихъ за больныхъ, и когда мы сѣли обѣдать въ лазаретѣ, то мнимые больные встали со своихъ коекъ и стали въ перевязкахъ своихъ и халатахъ пѣть и плясать. Угостивши его такимъ образомъ въ лазаретѣ, я хотѣлъ подобный же сему праздникъ дать ему на обработывающейся вновь дорогѣ между Татарами, но 20 числа получилъ отъ главнокомандующаго предписаніе по летучей картѣ съ полученія сего прибыть въ Тифлисъ, собравшись такъ, чтобы на нѣкоторое время отъѣхать въ Караклисъ и Гумры. Не зная причины столь внезапнаго и неожиданнаго требованія, я долженъ былъ торопиться выѣхать, тѣмъ болѣе, что летучая карта сія была уже три дни въ дорогѣ, потому что она была отправлена черезъ Бѣлый Ключъ и Цалку. И такъ по полученіи оной чрезъ нѣсколько часовъ я собрался въ дорогу и того же дня выѣхалъ съ Воейковымъ и ночевалъ на Пріютинскомъ посту, куда были высланы напередъ пѣсельники и стрѣлки. 21-го числа, не доѣзжая 23 верстъ Тифлиса, лошади понесли повозку, въ которой я съ Воейковымъ сидѣлъ. Такъ какъ онѣ несли къ канавѣ, въ которую бы повозка опрокинулась, я рѣшился спрыгнуть, и сдѣлалъ сіе такъ несчастливо, что ушибъ себѣ очень крѣпко лѣвую ногу. По пріѣздѣ въ Тифлисъ боль такъ усилилась, что я во всю первую ночь не могъ глазъ сомкнуть. Я остановился на квартирѣ Воейкова. Замѣчая, что я ему мѣшалъ (ибо ко мнѣ ходило множество народа, притомъ же больное состояніе мое должно было его безпокоить, что̀ онъ показывать совѣстился) я рѣшился перейти отъ него и на третій день ввечеру, какъ мнѣ уже полегче было, я перешелъ на свою старую квартиру къ князю Бебутову, гдѣ пробылъ до 2-го числа сего мѣсяца, не въ состояніи будучи двигаться безъ костылей. Алексѣй Петровичъ провелъ у меня одинъ вечеръ и былъ очень веселъ и доволенъ. Я хотѣлъ было проводить время свое у Мадатовой, предпочитая хотя съ трудомъ выѣхать со двора, чѣмъ сидѣть на мѣстѣ (ибо докучливые гости съ утра до вечера не оставляли меня), но она была столь

осторожна, что сказалась больною для того единственно, чтобы заставить меня не выѣзжать и тѣмъ предохранить ногу мою отъ большей боли. И такъ я провелъ въ Тифлисѣ 13 скучныхъ, безпокойныхъ и несносныхъ дней, и я издержалъ въ сіе время близъ 1000 р. на подчиванье и Шампанское вино, отъ коего отдѣлаться возможности нѣтъ.

1-го Декабря, наканунѣ выѣзда моего, я былъ у Алексѣя Петровича и просилъ его, кажется, съ успѣхомъ, о представленіи маіора Гладкова-Сацкаго въ подполковники. И такъ поѣздка моя была не совсѣмъ излишнею; а ушибъ ноги, отъ котораго надѣюсь скоро выздоровѣть, избавилъ меня отъ дальней и весьма непріятной поѣздки на границу, куда меня хотѣли послать, кажется, для размежеванія оной.

5-го пріѣхалъ сюда поручикъ Рудневъ, недавно опредѣленный въ мой полкъ изъ 15-го егерскаго. Ввечеру, приказавъ казначею достать у Артемовскаго расходную тетрадь его, я записалъ ему 6-мъ числомъ въ оную, безъ его вѣдома, на приходъ 500 рублей, желая симъ показать ему мое вниманіе за его усердіе къ службѣ, подарить его въ день моего ангела и поддержать какъ человѣка, коего женатое состояніе требуетъ большихъ расходовъ.

6-го поутру, при собраніи всѣхъ господъ, въ штабъ-квартирѣ находящихся, сдѣлано было освященіе дома моего, и служили молебенъ для дня ангела моего. Къ обѣду собрались также всѣ господа, а ввечеру былъ балъ, на коемъ присутствовали полковыя наши жены. Къ сему случаю пріѣхалъ изъ Тифлиса Цинамсваровъ. Послѣ ужина, когда остались одни мущины, желая повеселить господъ по ихъ обычаю, я сдѣлалъ такъ называемое ими гулянье, т. е. пьянство, но съ нѣкоторою умѣренностью, и былъ до 5 часовъ утра свидѣтелемъ ихъ шумной радости. И такъ я провелъ день сей не для своего удовольствія, а въ угожденіе сослуживцамъ своимъ, не знающимъ другаго веселія и принявшимъ сіе угощеніе мое съ нелицемѣрнымъ удовольствіемъ.

8-го я писалъ къ Мордвинову длинное письмо, коимъ, увѣдомляя его о сказанномъ мнѣ княземъ Мадатовымъ, объявлялъ рѣшительно, что иначе не могу согласиться на женитьбу съ дочерью адмирала, какъ въ такомъ только случаѣ, если онъ пріѣдетъ въ Крымскія свои деревни, куда бы и я выѣхалъ, и женившись увезъ бы ее въ Грузію, не имѣя средствъ ни предпринять путешествіе, ни жить въ Россіи; но врядъ ли они согласятся на сіе, и я не вижу, чтобы давнишнее мое намѣреніе когда-нибудь сбылось.

Командиръ 2-го батальона Гладкій-Сацкій объявилъ мнѣ, что, желая угостить меня 13-го числа сего мѣсяца (потому что онъ слышалъ, что я сей день праздную освобожденіе мое изъ Хивы), онъ пригласилъ господъ на подписку для сего угощенія, что всѣ было подписались, но когда листъ сей дошелъ до Артемовскаго, то онъ обидѣлся тѣмъ, что женатыхъ хотѣли особенно пригласить къ сему (чѣмъ именно намѣревались ему болѣе чести сдѣлать). Въ присутствіи фельдфебелей ввечеру, при отданіи приказанія, онъ объявилъ гласно, что ни онъ, ни жена его не будутъ на семъ собраніи, въ обидныхъ выраженіяхъ для маіора Гладкаго-Сацкаго и, созвавъ офицеровъ 1-го баталіона, здѣсь находящихся, онъ представилъ имъ, что ихъ обидѣли офицеры 2-го баталіона тѣмъ, что не пригласили на совѣщаніе для устроенія сего праздника, и пригласилъ ихъ всѣхъ выскоблить свои подписи. Отпустивши Гладкаго-Сацкаго, я послалъ за Артемовскимъ и распросилъ его. Оказалось все сказанное справедливымъ; онъ полагалъ еще себя правымъ. Я не могъ вступиться въ сіе дѣло, потому что я лично былъ въ оное замѣшанъ, и казалось бы, какъ будто я напрашиваюсь на оную. Желая прекратить всякую ссору между офицерами, я было отказался отъ сего угощенія; но Михаилъ Антоновичъ представилъ мнѣ, что желавшіе отъ усердія своего мнѣ доставить пріятный вечеръ ничѣмъ не были виновны, и я согласился принять угощеніе офицеровъ 2-го баталіона. Офицеры же 1-го баталіона, сожалѣя о своемъ поступкѣ, не знаютъ теперь, какъ поправить его. Слѣдовало бы выставить зачинщика передъ цѣлымъ обществомъ, а именно Артемовскаго; но я не могу сего сдѣлать, ибо не долженъ бы и знать о семъ происшествіи. А потому я оставилъ сіе до перваго удобнаго случая, который вѣроятно въ скорости представится.

12-го Артемовскій, собравъ всѣхъ офицеровъ, имъ совращенныхъ, отправился къ маіору Гладкому-Сацкому, просилъ у него прощенія и позволенія участвовать въ даваемомъ мнѣ праздникѣ, и получилъ оное; послѣ чего маіоръ пришелъ ко мнѣ и просилъ меня также оставить сіе, на что̀ и я согласился, не находя нужнымъ въ такомъ случаѣ продолжать распрю, а прекративъ ее со временемъ выставить виновныхъ. Ввечеру я служилъ молебствіе въ своей комнатѣ, не полагая, чтобы мнѣ на другой день дали съ усердіемъ совершить сей долгъ.

13-го поутру собрались ко мнѣ всѣ офицеры и просили выдти къ параду, для сего дня приготовленному. Маіоръ командовалъ и сдѣлалъ небольшое баталіонное ученіе на площади. За симъ данъ мнѣ былъ обѣдъ офицерами, послѣ котораго всѣ ѣздили со мною прогули-

ваться, а ввечеру былъ данъ балъ, и на площади былъ дѣланъ щитъ съ моимъ вензелемъ, при чемъ пальба и крики ура сопровождали всеобщее веселіе. Всякій желалъ отъ чистаго сердца, какъ мнѣ казалось, доставить мнѣ удовольствіе; пили замое здоровье, веселились какъ могли. Праздникъ сей кончился 14-го въ 4-мъ часу утра, и имъ пресѣклись всѣ неудовольствія и ссоры между офицерами.

18-го ввечеру меня настигла необыкновенная тоска. Собравъ нѣсколько изъ офицеровъ, я старался съ ними развеселиться и провелъ вечеръ вмѣстѣ; за симъ остался у меня священникъ, съ коимъ я просидѣлъ до 1-го часа утра.

Манглисъ, 23-го. О случившемся со мною непріятномъ происшествіи пишу здѣсь, для большей предосторожности на будущее время. Мѣсяца два тому назадъ какъ я просилъ рапортомъ губернатора о нарядѣ 66 подводъ, для перевезенія изъ Башкегета оставшагося тамъ заготовленнаго сухаго лѣса, для построенія полковаго обоза, на что̀ въ отвѣтъ получилъ отношеніе довольно грубое и колкое, коимъ онъ предлагалъ мнѣ разсчитать сколько мнѣ уже дано подводъ. Я получилъ оное на Пріютинѣ въ слѣдованіи въ Тифлисъ, гдѣ ушибъ себѣ ногу. Передъ выѣздомъ моимъ изъ Тифлиса, я съѣздилъ съ трудомъ къ губернатору и, объяснившись съ нимъ на счетъ сей бумаги, показалъ ему желаніе, чтобы онъ ее назадъ взялъ; но онъ по глупости своей не понялъ моего намеканія и отвѣчалъ мнѣ: Что̀ же дѣлать? По службѣ нельзя иногда избѣжать неудовольствій. По возвращеніи сюда я написалъ къ нему рапортъ, что въ исчисленіе тягостей, переносимыхъ жителями, я входить не въ правѣ, потому что сіе есть его дѣло, а что я удовольствовался бы и просто отказомъ его безъ всякихъ околичностей. Въ сіе самое время случились здѣсь морозы, такъ что мельницы не успѣвали перемалывать нужнаго количества муки. Я просилъ немедленно Борчалинскаго пристава, чтобы онъ присылалъ мнѣ поставляемый жителями хлѣбъ въ магазинъ мукою, на что̀ и получилъ отвѣтъ, что хотя онъ и не можетъ сего вдругъ сдѣлать, по случаю замерзанія воды на мельницахъ и въ дистанціи, но по немногу можетъ доставлять ко мнѣ муку. Между тѣмъ, дабы болѣе обезпечить себя продовольствіемъ, не полагаясь совершенно на пристава, я писалъ въ коммисіонерство и въ штабъ, прося о высылкѣ 300 четвертей муки ко мнѣ изъ Тифлисскаго магазина. Въ отвѣтъ получилъ я, что коммисіонерство сдѣлало уже свое распоряженіе и просило губернатора о высылкѣ подводъ. Въ отвѣтъ на мой рапортъ губернатору, я получилъ два отношенія 20 числа, коими первымъ отзывается самымъ

пустымъ образомъ на счетъ нарядовъ подводъ, а другимъ (еще болѣе свидѣтельствующимъ объ ограниченности ума своего) извѣщаетъ меня, что вмѣстѣ съ симъ предписалъ онъ не посылать ко мнѣ муки, а хлѣбъ зерномъ, что̀ онъ сдѣлалъ по личному своему неудовольствію на меня. Готовясь на другой день писать къ нему, я получилъ отъ корпуснаго командира повелѣніе, коимъ, находя меня виновнымъ въ томъ, что не было здѣсь заблаговременно запасено муки и находя, что дороги къ Манглису непроходимы для обывательскихъ быковъ, предписывалъ мнѣ прислать за сими 300 четвертей муки своихъ лошадей. Мнѣ весьма прискорбно было видѣть обвиненіе, сдѣланное безъ всякаго изслѣдованія дѣла и по однимъ вѣроятно пустымъ и неосновательнымъ отзывамъ губернатора, не хотѣвшаго дать подводъ, дабы болѣе отмстить мнѣ. Я написалъ было вчера рапортъ къ А. П., коимъ объяснялъ все дѣло, но послѣ перемѣнилъ его, подумавъ, что сіе можетъ возродить новыя неудовольствія, и отложилъ оправданіе мое до личнаго съ нимъ свиданія, чему теперь препятствуетъ больная нога моя. Я написалъ ему только, что теперь уже не предстоитъ надобности въ сей мукѣ, ибо предварительными распоряженіями моими и случившеюся оттепелью предупрежденъ недостатокъ въ мукѣ. Но сегодня и сей рапортъ не послалъ, а послалъ къ Воейкову съ объясненіемъ дѣла.

Манглисъ, 25-го. Сегодня я получилъ письмо отъ Воейкова, коимъ онъ извѣщаетъ меня, что А. П. былъ недоволенъ на меня тѣмъ, что губернаторъ сказалъ ему, что я обратилъ назадъ 1000 четвертей пшеницы, привезенныя ко мнѣ жителями, чего никогда не бывало. Онъ по сему случаю зоветъ меня въ Тифлисъ для объясненія лично, и я завтра ѣду въ Тифлисъ, не взирая на свою больную ногу, дабы оправдать себя въ налганномъ на меня губернаторомъ. Сегодня былъ здѣсь парадъ изъ 2-го баталіона по 6-ти взводовъ каждый, а послѣ того молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ на площади передъ домомъ моимъ. За симъ обѣдъ у меня, и теперь продолжается вечеринка, на которой находятся всѣ офицеры. Со мною ѣдетъ священникъ нашъ, который по прибытіи сюда заболѣлъ. Сейчасъ получилъ я письмо отъ Воейкова, коимъ онъ увѣдомляетъ меня, что примиреніе мое съ губернаторомъ не удастся; и такъ я самъ ѣду рѣшить дѣло сіе лично въ Тифлисѣ.

27-го я пріѣхалъ въ Тифлисъ и явился къ Алексѣю Петровичу, коему объяснилъ причины недостатка въ мукѣ, представляя ему, что на Манглисѣ казенныхъ мельницъ не имѣется. Онъ отмѣнилъ присылку лошадей моихъ за провіантомъ въ Тифлисъ, по тому случаю, что я управился съ перемоломъ провіанта. Вчера я былъ у губернатора и

съ нимъ также помирился. И такъ, кончивши дѣла свои, я сегодня былъ опять у А. П. и, переговоривъ о мельницахъ, не замѣтилъ въ немъ никакого неудовольствія на меня. Отобѣдавши у губернатора, я позвалъ его къ себѣ, и миръ водворился между нами лучше еще прежняго.

Манглисъ, 2 Генваря 1825. 30-го Декабря выѣхалъ я изъ Тифлиса и прибылъ ночевать въ Пріютино, откуда выѣхалъ 31-го и пріѣхалъ сюда. 31-го собрались ко мнѣ на вечеръ всѣ офицеры, и мы встрѣтили въ 12 часовъ ночи новый годъ вмѣстѣ.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава XXI.

Назначеніе помощникомъ къ князю Бебутову и отношенія къ нему.—Сраженіе при Кюрюкъ-Дара.—Возвращеніе въ Тифлисъ.—Отношенія къ генералу Реаду.—Участіе въ освобожденіи плѣнныхъ Грузинскихъ княгинь.—Письмо князя Орбельяна.—Назначеніе генерала Муравьева главнокомандующимъ.—Предшествующая ему молва.—Извѣстіе о кончинѣ императора Николая.—Отношенія къ Муравьеву.—Эпизодъ съ письмомъ князя Мирскаго. Недовольство своимъ положеніемъ и выѣздъ въ Петербургъ.—Прощальное письмо князя Орбельяна.

Имѣя въ виду преклонный возрастъ и слабое здоровье князя Бебутова, императоръ Николай былъ весьма озабоченъ выборомъ генерала для замѣны Бебутова, въ случаѣ его болѣзни или смерти. Поэтому онъ писалъ къ князю Воронцову, что кромѣ Лидерса и Сакена не имѣетъ никого въ виду: но Лидерса не желалъ бы отпускать съ Дуная, гдѣ онъ можетъ замѣнить князя Горчакова. „На сей вопросъ обращаю твое особое вниманіе“, прибавилъ Государь (письмо отъ 4-го Января 1854 г.). Князь Воронцовъ отвѣчалъ на это 18-го Января 1854 г., что „считаетъ совершенно способнымъ командовать корпусомъ на Турецкой границѣ генералъ-адъютанта князя Барятинскаго; военныя достоинства его здѣсь всѣмъ и, смѣю думать, Вашему Величеству извѣстны. Онъ пріобрѣлъ большой опытъ и въ военномъ дѣлѣ вообще, и въ познаніи края, и пользуется общею довѣренностью“. Императоръ утвердилъ выборъ князя Воронцова, но съ тѣмъ, чтобы князь Барятинскій находился при Бебутовѣ съ самаго открытія кампаніи. „Поздно и неосторожно было бы, прибавилъ Государь, выслать Барятинскаго тогда только, когда несчастіе случилось бы уже съ Бебутовымъ“. Вслѣдствіе этого, князь Воронцовъ, еще до выѣзда изъ Тифлиса,

назначилъ князя Барятинскаго помощникомъ князю Бебутову, и въ Маѣ 1854 года князь Александръ Ивановичъ уѣхалъ въ Александрополь. Въ это время, по личному повелѣнію Государя, военный министръ князь В. А. Долгоруковъ настойчиво писалъ въ Тифлисъ и требовалъ скорѣйшаго, рѣшительнаго наступленія на непріятеля; а между тѣмъ генералъ Реадъ, 7-го Іюля № 267, послалъ князю Долгорукову копію съ рапорта къ нему князя Бебутова отъ 28-го Іюня № 109, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ: Турки хотятъ его заманить къ Карсу, но онъ не пойдетъ, ибо это отдалитъ его отъ Гурійскаго отряда, и всѣ выгоды тамъ будутъ на сторонѣ непріятеля. Затѣмъ, по слухамъ, Австрія выступаетъ противъ насъ, вынудила наши войска отступить къ Серету, и это даетъ Англо-Французамъ возможность предоставить защиту Европейской Турціи Австрійцамъ; сами же они вѣроятно пойдутъ въ Батумъ, и тогда намъ придется очень плохо. Александропольскому отряду уже не до наступленія будетъ, а останется подумать объ усиленіи гарнизоновъ Эривани и Александрополя, да на Цалкѣ защищать дороги въ Тифлисъ“.

Прочитавъ эту бумагу, Николай Павловичъ, недовольный предшествовавшими преувеличенными страхами и предположеніями Тифлисскаго штаба, написалъ собственноручно: „Скверно! Писалъ это вѣроятно не князь Бебутовъ, а князь Барятинскій. Боюсь, что никакого толку не будетъ“. Въ тоже время было получено въ Петербургѣ донесеніе Ханыкова изъ Персіи совершенно успокоительнаго свойства, и Государь на немъ написалъ: „если эти свѣдѣнія справедливы, то еще менѣе понятно и извинительно бездѣйствіе Бебутова“.

Военный министръ, вслѣдствіе этого, написалъ Реаду, что Государь съ крайнимъ сожалѣніемъ усмотрѣлъ, что князь Бебутовъ не только не предпринимаетъ рѣшительныхъ дѣйствій, но явно устремляетъ свои виды и соображенія не впередъ, а назадъ, и заботится объ отступленіи его корпуса. Это тѣмъ болѣе удивительно, что Андрониковъ только что два раза разбилъ Турокъ въ Гуріи, а по донесеніямъ Ханыкова въ Турецкой арміи болѣзни, смертность, побѣги и упадокъ духа; наша медленность и непредпріимчивость только въ ихъ пользу.

Вскорѣ Императору пришлось пріятнымъ образомъ убѣдиться, что онъ напрасно такъ думалъ о князѣ Барятинскомъ, вовсе не участвовавшемъ въ составленіи рапорта князя Бебутова: (авторомъ письма былъ, если не ошибаюсь, генералъ-маіоръ Невѣровскій).

Отношенія князя Александра Ивановича съ Бебутовымъ были все время, безъ измѣненія, хороши: но можно ли чувствовать себя удобно и проявить мѣру своихъ способностей въ положеніи помощника, безъ опредѣленнаго круга дѣйствій, правъ и обязанностей? Для самостоятельнаго военнаго человѣка подобное положеніе непріятно и вредно, какъ ему лично, такъ и самому дѣлу. Князь же Бебутовъ, хотя по профессіи военный, умный и образованный человѣкъ, былъ въ сущности хорошій администраторъ, умѣлъ говорить съ солдатами, заботился объ нихъ, достойно и любезно обращался съ офицерами, но военному дѣлу, въ болѣе обширномъ смыслѣ, былъ чуждъ. Не взирая на блистательную побѣду, одержанную имъ 19-го Ноября при Башъ-Кадыклярѣ, въ немъ все-таки преобладала нѣкоторая нерѣшительность.

Александропольскій дѣйствующій отрядъ составляли: 19-ти батальоновъ (изъ которыхъ девять отличныхъ, старыхъ Кавказскихъ и десять 18-й дивизіи, недавно прибывшихъ изъ Россіи, въ бою не испытанныхъ), 26 эскадроновъ драгунъ, три казачьи полка, 12 сотенъ милиціи, съ 74 орудіями, всего около 19 съ пол. тыс. человѣкъ; драгуны и казаки прекрасные, артилерія отличная. У непріятеля было съ начала 30, послѣ 40 батальоновъ, съ массою конницы. Несмотря на такое неравенство силъ, мы, благодаря великому качественному превосходству нашихъ войскъ, уже доказанному на опытѣ, могли разбить Турокъ на голову, гдѣ и когда угодно. Тѣмъ не менѣе, мы не открывали наступленія, хотя Императоръ не переставалъ настаивать на движеніи впередъ.

Наконецъ, князь Бебутовъ рѣшился и выступилъ за 30 верстъ отъ Александрополя къ селенію Кюрюкъ-Дара, гдѣ и расположился лагеремъ. Верстахъ въ 18-ти впереди стоялъ Турецкій Муширъ-Зарифъ-Мустафа-паша, съ 60-тысячною Анатолійскою арміею. Его окружали многіе иностранные офицеры разныхъ націй. Съ половины Мая онъ уже сосредото-

чилъ здѣсь свои войска, все собирался открыть наступательныя дѣйствія, поѣдалъ свои запасы и, наконецъ, рѣшился оставить свою позицію, но неизвѣстно собственно съ какою цѣлью.

Узнавъ объ этомъ вечеромъ 23-го Іюля, князь Бебутовъ приготовилъ отрядъ свой къ движенію, съ цѣлью, или отрѣзать Туркамъ путь къ Карсу, если они туда пойдутъ, или встрѣтить ихъ въ полѣ, если они вздумаютъ насъ атаковать.

Устроивъ ночью вагенбургъ, въ которомъ оставлены тяжести и ранцы (отрядъ, всего около 18-ти тысячъ человѣкъ) предъ разсвѣтомъ двинулся къ деревнѣ Мешко, близъ которой пересѣкается дорога въ Карсъ. Когда разсвѣло, стало очевиднымъ, что Турки хотятъ насъ атаковать, угрожая нашему лѣвому флангу, съ цѣлью отрѣзать отъ вагенбурга и Александрополя. Пришлось намъ не атаковать самимъ, а отбивать атаку непріятеля, сражаясь въ избранныхъ имъ условіяхъ, для насъ невыгодныхъ. Въ такомъ оборотѣ дѣла нельзя было не винить все начальство отряда.

Князь Барятинскій осмотрѣлъ подробно мѣстность между Кара-Яйлы и Ходжа-Вали: она оказалась гористою, со скатомъ горы Малой-Ягны; въ разныхъ направленіяхъ тянулся рядъ пологихъ возвышеній и неглубокихъ лощинъ. Рѣшено было часть войскъ отдѣлить для отпора непріятелю у Кара-Ягны (нашъ лѣвый флангъ); другою, главною, дѣйствовать въ центрѣ, а остальною, меньшею, удерживаться до времени на правомъ флангѣ; послѣ же, усилившись, ударить здѣсь на непріятельскій лѣвый флангъ. Для направленія войскъ, согласно этому, поѣхалъ князь Барятинскій.

Въ 5-ть часовъ утра непріятель стремительно атаковалъ нашъ лѣвый флангъ: направленная туда пѣхота еще не успѣла подойти: тамъ пока геройски отбивались Нижегородскіе и Тверскіе драгуны, съ конной артилеріей. Бой былъ жестокій: двѣ трети драгунъ уже выбыли изъ строя: два наши орудія были захвачены Турками; въ эскадронахъ оставалось по 40 человѣкъ; нѣкоторые, совсѣмъ безъ офицеровъ, продолжали отчаянно бросаться на непріятельскіе батальоны... Наконецъ, подошла пѣхота, но усталые отъ быстраго движенія батальоны 18-й дивизіи, новички въ бою, не могли рѣшительно

ударить на непріятеля. Командовавшій ими генералъ Бѣлявскій счелъ необходимымъ начать отступленіе...

Минута была критическая. Сраженіе могло почти считаться проиграннымъ. Въ это время князь Барятинскій поистинѣ проявилъ всю силу своего военнаго таланта. Онъ угадалъ, что прорывомъ непріятельскаго центра можно дать дѣлу другой оборотъ и, не теряя времени, двинулъ отборные батальоны Грузинскаго и Эриванскаго полковъ, въ колоннахъ, къ атакѣ на непріятельскій центръ.

Съ артилеріею въ интервалахъ, молча, пошли эти безподобные батальоны впередъ. Не взирая на жестокій огонь изъ 36 орудій, на градъ штуцерныхъ пуль, выпускаемыхъ сосредоточенными здѣсь Турецкими стрѣлковыми батальонами, гренадеры продолжали наступать: въ полуверстѣ отъ непріятеля остановились, дали нашимъ батареямъ послать Туркамъ нѣсколько залповъ ядеръ и гранатъ, и опять пошли. Три Турецкихъ стрѣлковыхъ батальона выбѣжали впередъ и осыпали насъ тучею пуль изъ штуцеровъ. Это не остановило гренадеръ. Оставалось шаговъ двѣсти: наши барабаны забили наступленіе, гренадеры перекрестились, взяли на руку, и черезъ нѣсколько мгновеній начался рукопашный, кровавый бой, который едва ли бы выдержать и не Туркамъ.

Трудная, очень трудная была эта атака: мы дрались одинъ противъ трехъ. Но что̀ могло устоять противъ такихъ батальоновъ, предводимыхъ истинными героями-офицерами? Опрокинутые, разбитые Турки отступали, усѣявая поле трупами, брошенными орудіями, ящиками и проч. Но и наши батальоны были разстроены и утомлены до крайности.

Въ эту минуту появилась масса непріятельской кавалеріи,—и положеніе опять оказалось опаснымъ. Но князь Барятинскій, собра̀въ быстро нѣсколько батальоновъ, построилъ ихъ въ каре: артилерія сыпнула по Турецкимъ всадникамъ картечью, и они показали тылъ.

Въ 9-ть часовъ утра, послѣ четырехчасоваго боя, разбитая Турецкая армія бѣжала: лишь часть ея, дѣйствовавшая на нашемъ слабомъ правомъ флангѣ, еще продолжала свои усилія, надѣясь на успѣхъ. Князь Барятинскій поспѣшилъ передвинуть туда съ лѣваго фланга кавалерію, съ появле-

ніемъ которой непріятель подвергся общей участи, начавъ поспѣшно отступать. Уже когда центръ непріятеля былъ разбитъ, и Турки, отступавшіе сначала медленно, затѣмъ постепенно шли все поспѣшнѣе, наконецъ въ разбродъ, всѣмъ стало ясно, что насталъ отличный моментъ для преслѣдованія всѣми силами и полнаго пораженія Турокъ. Всѣ окружавшіе князя Барятинскаго на этомъ настаивали; но онъ не хотѣлъ или не могъ взять на себя этого распоряженія и послалъ князя Мирскаго за приказаніями къ князю Бебутову. (Въ первый разъ во все время сраженія испрашивались имъ приказанія).

Князь Бебутовъ: находившійся подъ впечатлѣніемъ неудачнаго начала сраженія и сначала даже не вѣрившій въ побѣду, не далъ рѣшительнаго отвѣта, сказавъ: „а вотъ посмотримъ", и поѣхалъ къ князю Барятинскому, гдѣ вмѣстѣ съ генераломъ Брюммеромъ стали совѣщаться.

А между тѣмъ Турки уходили...

Наконецъ, совѣщаніе кончилось, и отдано было приказаніе—отступать въ Кюрюкъ-Дара.

Что̀ было истиннымъ мотивомъ такого рѣшенія—неизвѣстно. Сослались, по обыкновенію, на утомленіе войскъ, особенно драгунъ, на разстройство, недостатокъ боевыхъ запасовъ и проч. (что̀, впрочемъ, бываетъ послѣ всякаго сраженія); если однако все это препятствовало преслѣдованію (хотя Новороссійскій драгунскій полкъ, казаки, милиція и нѣкоторая часть пѣхоты могли бы еще безъ особаго напряженія двинуться), то по крайней мѣрѣ не за чѣмъ было такъ спѣшить отступленіемъ, и можно было остаться на мѣстѣ, пока непріятель не скрылся бы совсѣмъ изъ виду. Четыре Турецкихъ батальона на крайнемъ правомъ флангѣ непріятеля долго стояли, въ очевидномъ ожиданіи приказанія сдаться; но, видя, что на нихъ не обращаютъ вниманія, направились дальнымъ обходомъ на Огузлы восвояси *).

Приходится заключить, что отсутствіе единой воли играло здѣсь главную роль. Князь Барятинскій сдѣлалъ въ этомъ

*) Оффиціальная реляція не совсѣмъ совпадаетъ съ моимъ изложеніемъ; но я руководствуюсь правиломъ не скрывать истины и передаю событія по достовѣрнымъ разсказамъ очевидцевъ.

сраженіи все, что отъ него и слѣдовало ожидать: вѣроятно, больше онъ сдѣлать не могъ.

Тѣмъ не менѣе, побѣда была славная и, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, для Россіи весьма важная: 15 орудій, 2 т. плѣнныхъ съ 86 офицерами, масса разнаго рода оружія, знаменъ, штандартовъ остались въ нашихъ рукахъ. Мы потеряли до 2 т. человѣкъ (въ томъ числѣ болѣе ста офицеровъ), девятую часть всѣхъ сражавшихся.

Бывшій при Турецкой арміи Венгерецъ Кмети, на другой день сраженія писалъ Англійскому консулу въ Эрзерумъ: „Вчера мы потерпѣли страшное пораженіе (dreadful thrashing), отъ Русскихъ: 3 тысячи убито, 2 тысячи взято въ плѣнъ, и мы бѣжали въ большомъ безпорядкѣ въ Карсъ. Русскій отрядъ былъ силенъ, а насъ всего было 25 тыс. человѣкъ (?!). Обо всемъ этомъ пишу лорду Стратфорду".

За сраженіе 24 Іюля князь Барятинскій былъ награжденъ Георгіемъ 3-й степени.

Въ концѣ лѣта князь Александръ Ивановичъ возвратился въ Тифлисъ къ своей должности начальника штаба. Несмотря на постоянно хорошія отношенія къ генералу Реаду, съ которымъ онъ во время отсутствія изъ Тифлиса велъ дружескую переписку, сочетаніе этихъ двухъ лицъ было неудачно. Какъ уже выше сказано, генералъ Реадъ не обладалъ ни знаніемъ края, ни достаточною опытностью, ни настолько блестящими способностями, чтобы справиться съ командованіемъ на Кавказѣ въ такое трудное время. Онъ былъ какъ въ лѣсу, въ постоянномъ колебаніи, и не вполнѣ довѣрялся князю Барятинскому, все опасаясь, что пылкость и рѣшительность начальника штаба вовлекутъ его, Реада, въ какую-нибудь бѣду, особенно въ столкновеніе съ Петербургомъ, чему примѣромъ служили уже вышеприведенныя замѣчанія Государя по поводу Гагръ и плана очистить Дагестанъ. Можетъ быть почтеннаго генерала задѣвало и то, что всѣ, и частно, и оффиціально, и Кавказскія, и Петербургскія служебныя лица, обращались больше къ князю Александру Ивановичу, нежели къ нему: онъ видѣлъ себя какъ бы игнорированнымъ и зналъ, что играетъ роль подставнаго лица. Когда впослѣдствіи генералъ Реадъ былъ назначенъ командовать 3-мъ пѣхотнымъ

корпусомъ, да еще при этомъ удостоился весьма лестнаго отзыва Императора за свою Кавказскую дѣятельность, то считалъ себя совершенно счастливымъ и, оставивъ Тифлисъ, продолжалъ посылать самыя дружескія письма князю Барятинскому *).

Въ то время главная бѣда на Кавказѣ состояла въ томъ, какъ уже выше сказано, что не было настоящаго главнокомандующаго: край оставался безъ хозяина. Присылка хозяина была чуть ли не важнѣе присылки новыхъ резервовъ. Почему въ Петербургѣ медлили назначеніемъ и длили междуцарствіе Реада, трудно понять. На возвращеніе князя Воронцова надеждъ уже не было со времени отъѣзда его изъ Тифлиса и, нѣтъ сомнѣнія, этотъ достойнѣйшій государственный человѣкъ не могъ желать вреда общему дѣлу, ради своего личнаго самолюбія. Хотя князь Воронцовъ не посылалъ просьбы объ увольненіи, но трудно предполагать, чтобы этотъ мотивъ былъ поводомъ; ибо одного намека со стороны Государя князю Воронцову на необходимость хозяина на Кавказѣ было бы достаточно, чтобы князь Михаилъ Семеновичъ поспѣшилъ отказаться отъ своего поста, въ виду серьезной болѣзни. Очень можетъ быть, что Государь затруднялся, на комъ остановить выборъ, или полагалъ, что Реадъ окажется способнымъ окончательно занять свой временный постъ. Князь же Барятинскій считался еще слишкомъ молодъ...

Вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, князь Барятинскій въ этотъ разъ уже не проявлялъ такихъ тревожныхъ опасеній. Кромѣ побѣды у Кюрюкъ-Дара, Турки были еще два раза разбиты: генераломъ барономъ Врангелемъ на Чингильскихъ высотахъ, что повело къ занятію нами Баязета, и княземъ Андрониковымъ на границѣ Гуріи.

Угрожающіе сборы Шамиля разрѣшились вторженіемъ его конныхъ партій въ Кахетію, гдѣ ограничились захватомъ значительнаго числа плѣнныхъ жителей, въ томъ числѣ княгинь Чавчавадзе и Орбельяни. Какъ ни прискорбно было это происшествіе, но особаго, общаго значенія оно не имѣло. Затѣмъ Шамиль еще разъ, въ Октябрѣ, попытался атаковать на Кумыкской плоскости вновь поселенный аулъ мирныхъ

*) Вслѣдъ затѣмъ ген. Реадъ былъ убитъ при неудачной атакѣ Ѳедюхиныхъ высотъ 7-го Августа 1855 г.

Чеченцевъ. Истису, прикрываемый одной ротой Кабардинскаго полка; но подоспѣвшими шестью ротами съ казаками, подъ командою барона Николаи, былъ разбитъ и постыдно бѣжалъ... Въ краѣ водворилось полное спокойствіе.

Князь Барятинскій принялъ самое живѣйшее участіе въ судьбѣ плѣнницъ. Къ нему обратились всѣ мольбы о содѣйствіи къ освобожденію ихъ. И, нужно сказать, что дѣйствительно, благодаря князю, состоялся чрезъ 8-мь мѣсяцевъ обмѣнъ Грузинскихъ княгинь на служившаго въ Россіи сына Шамиля, и плѣнницы возвратились благополучно домой. Не говоря о близкихъ родныхъ, но и вся Грузія, въ лицѣ ея лучшихъ людей высшаго сословія, не могла не оцѣнить такого участія князя. Привожу здѣсь письмо одного изъ достопочтеннѣйшихъ представителей Грузіи, князя Григорія Дмитріевича Орбельяна *).

Отъ 22-го Сентября 1854 г. „Когда братъ мой Илья находился въ плѣну у Шамиля, скованный въ цѣпяхъ и кандалахъ, я не безпокоилъ правительство объ его освобожденіи, считая постыднымъ просить только объ немъ, когда многіе другіе офицеры одинаково съ нимъ несли тяжкую участь плѣнника въ горахъ. Не просилъ долгое время и теперь, когда вдова этого брата моего, племянникъ и племянницы и ближайшая родственница княгиня Чавчавадзе съ дѣтьми томятся въ плѣну, полагая, что требованія Шамиля не превзойдутъ моихъ средствъ къ освобожденію ихъ. Нынѣ, когда требованія Шамиля положительно объяснились и когда онъ первымъ условіемъ освобожденія несчастныхъ моихъ родственницъ поставляетъ возвращеніе своего сына изъ Россіи, что̀ я могу сдѣлать, какъ не прибѣгнуть къ вамъ? Помогите! Изъ глубины души вопію къ вамъ—помогите! Да не погибнетъ въ плѣну столько женщинъ и дѣтей лучшихъ фамилій Грузіи“.

Изложивъ подробно условія, требуемыя Шамилемъ, князь Орбельянъ прибавилъ: „Ваше сіятельство, судьба злосчастныхъ моихъ родственницъ и счастіе всей моей жизни зависятъ отъ того участія, какое ваше благородное сердце при-

*) Генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта, скончался въ 1885 г.

метъ въ этомъ дѣлѣ. Спасеніе наше въ вашихъ рукахъ: я болѣе говорить не могу“.

Отъ 23-го Декабря 1854 г. „Вы оживили упадшій мой духъ письмомъ отъ 16-го Декабря, которымъ извѣщаете меня объ изъявленіи сыномъ Шамиля желанія возвратиться къ отцу. Что мнѣ сказать вамъ, благородный князь? Я ничего не скажу, но Богъ воздастъ вамъ за живое участіе, принимаемое вами въ судьбѣ несчастныхъ родственницъ моихъ, къ которымъ завтра же отправляю человѣка съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ“.

Въ это время уже было извѣстно о назначеніи главнокомандующимъ и намѣстникомъ генерала Муравьева. Князь Орбельянъ прибавляетъ въ письмѣ: „Участь Грузіи рѣшена, и новый главнокомандующій назначенъ; но неужели я не увижу васъ проконсуломъ Кавказа? Или для этого непремѣнное условіе 60 лѣтъ?“...

О назначеніи генерала Муравьева военный министръ извѣщалъ князя Барятинскаго (письмо 3-го Декабря) и между прочимъ писалъ: Mourawieff ne tardera pas à se rendre a Tiflis, et votre présence y sera indispensable pour le mettre au courant de la situation du pays. Vous apprécierez sans doute la gravité des motifs qui s'opposent à votre arrivée ici. L'Empereur est d'ailleurs persuadé que vous vous attacherez à obtenir la confiance de votre nouveau chef ainsi que vous avez si bien su le faire avec le prince Voronzoff et le général Read *).

Вѣроятно князь Барятинскій, уже при первомъ извѣстіи о назначеніи новаго главнокомандующаго, заявилъ желаніе уѣхать въ Петербургъ.

Генералъ Муравьевъ пользовался большою военною репутаціею и популярностью. Всѣ помнили его замѣчательное, самоотверженное путешествіе въ Хиву, его пребываніе въ

*) Переводъ. „Муравьевъ не замедлитъ отправиться въ Тифлисъ, и ваше присутствіе тамъ будетъ необходимо для ознакомленія его съ положеніемъ въ краѣ. Вы, безъ сомнѣнія, признаете важность причинъ, препятствующихъ вашему пріѣзду сюда. Императоръ убѣжденъ, что вы сумѣете пріобрѣсти довѣріе вашего новаго начальника, также какъ вы сумѣли такъ хорошо сдѣлать это при князѣ Воронцовѣ и генералѣ Реадѣ“.

Константинополѣ съ вспомогательнымъ Русскимъ корпусомъ султану противъ Египетскаго паши, его долговременную опалу, придавшую ему, безъ сомнѣнія, своего рода извѣстность. Его считали обломкомъ славной памяти временъ отечественной войны, преемникомъ Кутузовыхъ, Ермоловыхъ; онъ слылъ начальникомъ требовательнымъ, взыскательнымъ, но справедливымъ, и немало было людей, радовавшихся его назначенію. Въ послѣдніе мѣсяцы командованія князя Воронцова, возжи управленія, особенно административно-гражданской части, нѣсколько ослабли въ старческихъ рукахъ; большинство сознавало, что ихъ необходимо подтянуть и надѣялось, что генералъ Муравьевъ это сдѣлаетъ безъ промедленія.

Съ первыхъ шаговъ на Кавказѣ генералъ Муравьевъ, не особенно спѣшившій въ Тифлисъ, двигавшійся медленно отъ Ставрополя по Кавказской линіи, уже показалъ, что онъ какъ будто дѣйствуетъ въ роли ревизора, открывателя упущеній своего предмѣстника. Пріемы его въ этомъ отношеніи были не совсѣмъ удачны. Отъ замѣчательной проницательности Кавказскихъ офицеровъ это не могло ускользнуть, и ошибки были тотчасъ подмѣчены. Когда же онъ изъ Грозной написалъ къ А. П. Ермолову письмо и сдѣлалъ его достояніемъ гласности, когда въ письмѣ этомъ онъ бросилъ всей Кавказской арміи въ лицо упрекъ въ „лѣни, усыпленіи, роскоши“ и т. п., огромное большинство поняло, что ошиблось въ генералѣ Муравьевѣ. Онъ приближался къ Тифлису, предшествуемый мрачною молвою объ его рѣзкихъ выходкахъ, возбуждая чувства нерасположенія.

Князь Барятинскій, со свойственнымъ ему спокойствіемъ и достоинствомъ, выжидалъ что̀ будетъ. Не въ его характерѣ было пугаться какихъ бы то ни было тучъ. Въ разговоры и сужденія о новомъ главнокомандующемъ, онъ, само собою, не вступалъ.

Въ двадцатыхъ числахъ Февраля 1855 г. князь Барятинскій получилъ предложеніе генерала Муравьева выѣхать къ нему на встрѣчу въ Душетъ, откуда на другой день предполагался торжественный въѣздъ въ Тифлисъ: но ночью князь внезапно возвратился въ городъ, а въ слѣдъ за нимъ пріѣхалъ и самъ главнокомандующій. Причиною такой пере-

мѣны было полученное съ фельдъегеремъ потрясающее извѣстіе о кончинѣ императора Николая Павловича.

Князь Барятинскій плакалъ, искренно сожалѣя о смерти Государя. Онъ вспоминалъ высокія качества его характера и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко сожалѣлъ о судьбѣ новаго Государя, призваннаго къ царствованію въ такое трудное для Россіи время, Государя, такъ искренно имъ любимаго и которому онъ такъ глубоко былъ преданъ. При новомъ царствованіи князю Барятинскому должно было открыться еще болѣе блистательное служебное поприще; но онъ вовсе не былъ въ этомъ увѣренъ, зная, что государи не всегда сохраняютъ чувства и отношенія временъ предшествовавшихъ ихъ воцаренію: являются другія вліянія и разнородные интересы окружающихъ лицъ, вообще придворныя компликаціи, борьба съ которыми трудна, опасна и не совсѣмъ пріятна. Съ Наслѣдникомъ престола князь былъ въ перепискѣ, но къ Императору долго не рѣшался даже послать поздравленіе. Послѣ уже призналъ онъ умѣстнымъ и необходимымъ выразить чувства соболѣзнованія по случаю кончины отца.

Что̀ чувствовалъ по поводу этого печальнаго событія генералъ Муравьевъ, внѣ, такъ-сказать, офиціальныхъ проявленій, мы не знаемъ; но, нѣтъ сомнѣнія, и онъ не менѣе искренно скорбѣлъ подъ гнетомъ тяжелаго впечатлѣнія отъ внезапной кончины Императора, извѣстнаго силою воли, обширнымъ знаніемъ дѣлъ и положенія Россіи. Не могъ онъ не задуматься тотчасъ же и о своемъ личномъ положеніи. Поводъ къ такому заключенію подаетъ мнѣ разсказъ одного высокоуважаемаго, правдиваго человѣка, пользовавшагося многолѣтнимъ дружескимъ расположеніемъ Н. Н. Муравьева. Вотъ что̀ онъ, со словъ самаго Муравьева, мнѣ разсказывалъ: Когда Николай Павловичъ пригласилъ въ Петербургъ Муравьева для предложенія ему должности главнокомандующаго на Кавказѣ и тотъ явился во дворецъ, то былъ приглашенъ Государемъ въ кабинетъ, гдѣ находился и Наслѣдникъ-Цесаревичъ. Войдя туда, генералъ былъ очень любезно встрѣченъ Государемъ, который при этомъ, обратясь къ сыну, сказалъ: „Александръ, придвинь генералу кресло“. Наслѣдникъ поспѣшилъ исполнить приказаніе отца,

не скрывъ однако нѣкотораго неудовольствія или смущенія... И въ туже минуту Муравьевъ понялъ, что невинно пріобрѣлъ нерасположеніе.

Я привелъ здѣсь этотъ случай потому, что онъ не могъ не повліять на отношенія генерала Муравьева къ князю Барятинскому. Ему, конечно, были извѣстны отношенія князя Александра Ивановича къ Наслѣднику; вспомнивъ же о неблагопріятномъ для него случаѣ въ кабинетѣ императора Николая, онъ тѣмъ болѣе долженъ былъ придти къ заключенію, что въ своемъ начальникѣ штаба видитъ предъ собою готоваго преемника.

Сначала взаимныя отношенія ихъ казались удовлетворительными. Главнокомандующій, предпринявъ поѣздку въ Гурію и Имеретію, любезно переписывался съ княземъ Барятинскимъ; но князь видимо тяготился своимъ положеніемъ. Они были люди совершенно различнаго склада, различныхъ взглядовъ, оба слишкомъ самостоятельные для взаимныхъ уступокъ. Кромѣ того, нѣтъ сомнѣнія, что генералъ Муравьевъ пріѣхалъ уже съ предубѣжденіями не только противъ князя Воронцова, но и противъ его любимца начальника штаба; а тотъ, въ свою очередь, едвали могъ почувствовать особую симпатію къ Муравьеву послѣ всѣхъ его выходокъ на пути въ Тифлисъ и особенно послѣ пресловутаго письма къ Ермолову.

Между тѣмъ случился еще эпизодъ, послужившій къ обостренію отношеній между Муравьевымъ и Барятинскимъ.

Дѣло въ томъ, что князь Дмитрій Ивановичъ Мирскій, прочитавъ письмо Муравьева къ Ермолову, вознегодовалъ и со всею пылкостью, свойственною молодости, рѣшился на поступокъ дерзкій и преступный въ смыслѣ военной дисциплины, но вполнѣ понятный и возбудившій въ свое время восторгъ въ массѣ Кавказскихъ офицеровъ. Говорю это положительно, какъ очевидецъ.

Письмо генерала Муравьева было въ высшей степени оскорбительно для Кавказской арміи. Еслибы даже обвиненія въ нераспорядительности, неумѣніи, злоупотребленіяхъ нѣкоторыхъ начальниковъ были справедливы, то и въ такомъ случаѣ онъ не имѣлъ никакого основанія, не говорю

права, бросать упрекъ въ лицо всей арміи, которая каждый день доказывала свою доблесть въ борьбѣ съ упорнымъ врагомъ, съ неодолимыми преградами природы и климата. Не задолго передъ пріѣздомъ генерала Муравьева, батальоны этой арміи шли одинъ на трехъ-четырехъ Турокъ, превосходившихъ насъ вооруженіемъ, и наносили имъ страшныя пораженія; шесть ротъ Кабардинцевъ геройски атаковали Шамиля съ 15-ю-тысячной толпой горцевъ и обратили ихъ въ бѣгство. Развѣ онъ не зналъ объ этомъ?

То, что́ почувствовалъ князь Мирскій, читая слова: „погрязли въ лѣни и усыпленіи, требуютъ войскъ для защиты войскъ", почувствовали и еще многіе изъ насъ. Мы, не стѣсняясь, тутъ же въ Грозной, въ день написанія и разглашенія письма, очень громко это выражали. Но выразить негодующій протестъ на бумагѣ взялъ на себя князь Мирскій и въ подписанномъ своимъ именемъ письмѣ высказалъ то, что́ было на душѣ у всѣхъ.

Повторяю, это былъ поступокъ дерзкій, преступный, особенно въ военное время, но намъ тогда понятный и сочувственный. Впослѣдствіи самъ князь Мирскій очень удачно сравнилъ свой порывъ и свое состояніе души съ тѣмъ, которое заставляло въ былыя времена молодыхъ офицеровъ Кабардинскаго или Куринскаго полковъ бросаться на вѣрную смерть, не для славы и пользы отечества, а для того, чтобы доказать, что Кабардинцы лучше Куринцевъ, или на оборотъ. Впрочемъ, не всякому это понять: также какъ жителю столичнаго дворца не понять привязанности какого нибудь Хевсура къ его дымной саклѣ, висящей надъ обрывомъ, у подножія снѣговаго хребта.

Письмо Мирскаго было распространено въ многихъ копіяхъ по всему Кавказу и тогда же попало въ руки главнокомандующаго. Общая молва гласила, что письмо было составлено въ кабинетѣ князя Барятинскаго Мирскимъ, при содѣйствіи Ростислава Фадѣева (онъ тогда былъ въ Тифлисѣ при начальникѣ штаба и вскорѣ высланъ въ батарею, въ крѣпость Воздвиженскую), и всѣ этому вѣрили. Такая увѣренность основывалась на всѣмъ извѣстныхъ близкихъ отношеніяхъ Мирскаго къ князю Барятинскому, именно въ то время

ставшихъ особенно близкими, потому что Мирскій, находиясь съ батальономъ въ Тифлисѣ, просиживалъ цѣлые дни, а иногда и ночи, у князя, когда тотъ бывалъ нездоровъ. Между тѣмъ князь о письмѣ узналъ лишь тогда, когда оно распространилось въ публикѣ.

Впослѣдствіи, въ Петербургѣ, князь Барятинскій передалъ Мирскому слѣдующій разговоръ свой съ Муравьевымъ по поводу письма.

— Читали ли вы письмо, подписанное Мирскимъ? спросилъ Муравьевъ.

„Читалъ, и содержаніе его тѣмъ болѣе меня огорчило, что человѣкъ, дерзнувшій написать это письмо, очень мнѣ близокъ".

— Въ такомъ случаѣ оставимъ этотъ разговоръ.

„Почему же? Не смотря на близкія мои отношенія съ Мирскимъ, я могу судить объ его поступкѣ совершенно безпристрастно, разъ дѣло касается службы".

— Знаете ли вы, что̀ я думаю. Не предать ли Мирскаго суду? Какого вы объ этомъ мнѣнія?

„Конечно, вы можете предать его суду, и онъ того заслуживаетъ; но врядъ ли это было бы удобно и для васъ, такъ какъ вы сами подали ему поводъ и примѣръ вашимъ письмомъ къ Ермолову".

— Это вопросъ другой; но я вижу, что такой оборотъ дѣла васъ бы огорчилъ и потому полагаю оставить его безъ послѣдствій".

Кончилось тѣмъ, что князь Мирскій, по собственному желанію, былъ переведенъ въ Крымъ, въ Азовскій пѣхотный полкъ *).

Съ каждымъ днемъ князь Барятинскій становился все болѣе и болѣе недоволенъ своимъ положеніемъ. Онъ находилъ, что Муравьевъ къ нему придирается изъ за пустяковъ, вмѣшивается въ подробности, до него не касающіяся, и вообще

*) Нужно однако сказать, что генералъ Муравьевъ за обѣдомъ, который ему давали въ Тифлисѣ, въ 1856 году, послѣ увольненія его отъ должностей намѣстника и главнокомандующаго, сознался въ своей ошибкѣ, сожалѣлъ о письмѣ къ Ермолову и отдалъ полную справедливость достоинствамъ Кавказской арміи: черта, рисующая благородный характеръ Н. Н. Муравьева.

не высказываетъ ему достаточнаго довѣрія. Видно было, что онъ рѣшительно подумываетъ оставить Кавказъ. Близкіе люди совѣтовали ему остаться, сдѣлать кампанію въ Азіатской Турціи и подъ начальствомъ столь опытнаго военнаго начальника, какимъ считали Муравьева, пріобрѣсть и самому драгоцѣнный опытъ, могущій послужить ему съ пользою впослѣдствіи. Совѣты однако не подѣйствовали, и князь Барятинскій, 9 Мая, попросилъ увольненія отъ должности начальника штаба и отпуска въ Петербургъ.

Генералъ Муравьевъ уговаривалъ его остаться и, какъ писалъ въ отзывѣ военному министру, предлагалъ командованіе корпусомъ вмѣсто князя Бебутова. Нѣтъ сомнѣнія, что предложеніе было сдѣлано искренно: Муравьевъ вѣроятно признавалъ полезнымъ имѣть въ своемъ распоряженіи на театрѣ войны молодаго энергичнаго генерала, хотя находилъ его не соотвѣтствующимъ въ званіи начальника штаба. Съ другой стороны, едва ли ему улыбалось присутствіе Барятинскаго въ Петербургѣ. Онъ могъ подозрѣвать, что, пользуясь милостью Государя, князь легко можетъ ему вредить. Подозрѣніе понятное, хотя у князя едва ли было подобное намѣреніе; но и выхвалять Муравьева, въ противность своему убѣжденію, онъ, само собою, не сталъ бы.

Приготовляясь къ выѣзду, князь Барятинскій какъ-то разъ сказалъ, что его заботитъ отправка значительной библіотеки. На это Муравьевъ отвѣчалъ: „Напрасно вы отправляете вашу библіотеку; вѣдь вы, по всей вѣроятности, скоро возвратитесь сюда на мое мѣсто“.

Наконецъ, отпускъ былъ данъ, причемъ генералъ Муравьевъ прибавилъ, что должность начальника штаба „временно“ поручаетъ генералъ-маіору Индреніусу.

За нѣсколько времени до выѣзда, 25 Апрѣля 1855 года, князь Барятинскій послалъ находившемуся за границею князю Воронцову слѣдующее письмо:

„Пользуюсь отъѣздомъ Жіовани *), чтобы написать вамъ это конфиденціальное письмо. Я убѣжденъ, что вы горячо принимаете къ сердцу интересы будущаго этой страны и ея арміи, а потому думаю, что тѣ под-

*) Бывшій камердинеръ князя Воронцова, довѣренный его человѣкъ, пріѣзжавшій въ Тифлисъ за разными вещами.

робности, которыя я вамъ могу дать, будутъ для васъ любопытны. Я полагаю, что генералъ Муравьевъ преданъ пользамъ страны и что онъ пріѣхалъ сюда съ наилучшими намѣреніями, но, къ несчастію, не вѣрно настроенный, очень предубѣжденный и подъ впечатлѣніемъ завистливыхъ убѣжденій, всегда стремящихся унизить истинную заслугу *). Кажется также, что у него не достаетъ такта, что о воспитаніи его мало заботились и что его развитіе не стоитъ на высотѣ его положенія: у него много дѣланнаго и мало естественнаго. Отъ совокупности всего этого, разумѣется, онъ до сихъ поръ не могъ внушить никому никакой симпатіи. Усердіе и священный огонь вдохновенія, необходимые въ великихъ дѣлахъ и которые вы умѣли всегда такъ удачно подмѣчать и поддерживать въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ, здѣсь совершенно угасли. Къ тому же, я полагаю, вы сами знаете генерала Муравьева, и даже быть можетъ лучше чѣмъ я; вспоминаю кстати объ одномъ разговорѣ, который мы вели съ вами относительно его личности. Теперь я думаю вамъ легко представить себѣ ту печальную картину, которую мы въ настоящее время изъ себя изображаемъ. Правленіе здѣсь можно смѣло назвать палочнымъ, во всей его грубости, правленіе, которое подавляетъ всѣ честныя и хорошія чувства и котораго не существовало здѣсь уже давно.

„Вы легко теперь поймете, что я съ нетерпѣніемъ ожидаю и встрѣчу радостно тотъ день, когда буду въ состояніи покинуть свое мѣсто и эту страну, къ которой, какъ вы знаете, я привязанъ всѣмъ сердцемъ и которую хотѣлъ бы видѣть подъ управленіемъ вполнѣ мнѣ симпатичнымъ. Начавъ это письмо, я почувствовалъ необходимость писать вамъ все чистосердечно, а потому вы простите мнѣ, если я задѣваю здѣсь довольно щекотливый вопросъ; но вѣрный способъ, который представляется для доставленія вамъ этого письма, позволяетъ мнѣ удовлетворить моему желанію побесѣдовать съ вами вполнѣ откровенно.

„Князь Горчаковъ предлагаетъ мнѣ мѣсто въ арміи, которою онъ командуетъ; но такъ какъ я еще не знаю, что̀ именно поручитъ онъ мнѣ, то подожду предложенія болѣе опредѣленнаго. Вы знаете, что я принялъ мѣсто, которое занимаю теперь, лишь по привязанности къ вамъ, съ полнымъ намѣреніемъ помочь вамъ въ вашихъ трудныхъ работахъ, отдаваясь дѣлу со всею любовью и стараніемъ, которыя были всегда вамъ хорошо извѣстны.

„По вашему приказанію я дѣйствовалъ также и при генералѣ Реадѣ, надѣясь, что вы возвратитесь; но когда этой надежды болѣе не стало, я думаю, что не навлеку на себя вашего неудовольствія, покинувъ эту страну. Врядъ ли мнѣ станетъ когда-нибудь такъ грустно, какъ въ ту минуту, когда я оставлю ее. Это чувство вамъ слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы вы не раздѣляли его со мною. Если дѣйствительно мы наканунѣ заключенія мира, я хотѣлъ бы на нѣкоторое время покинуть армію и посмотрѣть, не

*) Sous l'impression de l'opinion jalouse, qui tâche toujours de rabaisser le vrai mérite.

дадутъ ли мнѣ въ Россіи мѣсто генералъ-губернатора, чтобы освоиться съ гражданскимъ управленіемъ нашей страны. Я былъ бы несказанно благодаренъ, еслибы вы мнѣ дали по этому поводу вашъ совѣтъ. Вы мнѣ всегда оказывали столько вниманія, что я не боюсь быть нескромнымъ, прибѣгая къ вашей опытности и прося васъ не оставить меня вашими совѣтами.

„Восемь дней тому назадъ Тифлисъ испыталъ большую радость, видя возвращеніе своихъ дорогихъ плѣнницъ изъ Ведена. Радость этихъ дамъ, какъ вы можете себѣ представить, полная и—что̀ пріятнѣе всего—эта вынужденная прогулка послужила лишь къ процвѣтанію ихъ здоровья; изо всего ихъ красиваго семейства недостаетъ лишь маленькой Лидіи. Шамиль, какъ настоящій рыцарь, проводилъ ихъ изъ Ведена до Мичика, при свитѣ отъ 6 до 7000 человѣкъ, куда Николаи со своей стороны явился съ сыномъ Имама и гдѣ произошелъ размѣнъ. Еслибы достоинство двухъ враждующихъ вождей позволило имъ сойтись и поговорить, это былъ бы прекрасный случай для Николаи короче познакомиться съ нашимъ старымъ, доблестнымъ врагомъ. Если вы получаете Русскія газеты, то можете прослѣдить точныя подробности происшедшаго размѣна.

„Горячо и искренно желаю, чтобы курсъ вашего лѣченія въ Карлсбадѣ принесъ вамъ желаемое здоровье и возвращеніе въ Россію, гдѣ надежда снова васъ увидать сильно меня радуетъ".

Въ половинѣ Мая князь Барятинскій уѣхалъ въ Петербургъ и 6-го Іюня 1855 года назначенъ состоять при Государѣ, съ отчисленіемъ отъ должности начальника Кавказскаго штаба. Въ третій разъ покинулъ онъ Кавказъ. Но если въ 1835 и 1845 годахъ объ этомъ сожалѣло нѣсколько товарищей и близкихъ знакомыхъ, то въ 1855 году сожалѣла уже вся Кавказская армія, всѣ Русскіе и всѣ лучшіе люди туземнаго населенія. Тотъ же князь Гр. Дм. Орбельянъ, письма котораго приведены выше, прекрасно выразилъ это сожалѣніе въ письмѣ къ князю Барятинскому отъ 25 Мая, слѣдующими искренними строками, подъ которыми тогда (я вполнѣ въ этомъ убѣжденъ) подписалось бы девять десятыхъ представителей всѣхъ слоевъ Кавказскаго общества.

„Вы уѣхали, оставили войска Кавказскаго корпуса, которыя такъ любили васъ за доблестные подвиги, за истинно-солдатскую, вѣрную службу въ лѣсахъ Чеченскихъ, въ горахъ Дагестанскихъ, въ дали отъ прихотей покойной жизни; оставили Грузію, которая васъ такъ глубоко уважала за благородство вашей души, за возвышенный образъ мыслей и возлагала на васъ большія надежды свои. Я не говорю о

моей скорби: зная мою преданность, вы поймете всю силу того огорченія, которымъ я былъ пораженъ при неожиданномъ извѣстіи о вашемъ выѣздѣ въ Россію. Баронъ Николаи и я хотѣли встрѣтить васъ въ Петровскомъ, полагая, что пароходъ вашъ остановится тамъ хотя на часъ; но и это не исполнилось. Пусть же Богъ сопутствуетъ вамъ на новомъ блистательномъ поприщѣ, открывающемся для вашей дѣятельности, для вашихъ благородныхъ стремленій служить мечемъ и правдою великому Престолу!"

Въ этомъ же письмѣ, между прочимъ, князь Орбельянъ сообщилъ послѣднія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Дагестанѣ и объ отношеніяхъ Шамиля къ возвращенному сыну. Однажды отецъ спросилъ его, отъ чего онъ все такъ печаленъ? Сынъ отвѣчалъ: „Могу ли быть веселъ, когда мой благодѣтель императоръ Николай скончался". Шамиль задумался и произнесъ: „Да, мы оба должны чтить память этого великаго падишаха: онъ возвратилъ мнѣ сына, а тебя сдѣлалъ человѣкомъ".

ПРИЛОЖЕНІЕ.

1. Письмо Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову*).

(Писано во Владикавказѣ, въ Февралѣ 1855 года).

Въ углу двора обширнаго и пышнаго дворца, въ коемъ сегодня ночую, стоитъ уединенная, скромная землянка ваша, какъ укоризна нынѣшнему времени. Изъ землянки вашей, при малыхъ средствахъ, исходила сила, положившая основаніе крѣпости Грозной, покоренію Чечни. Нынѣ средства утроились, а все мало да мало. Дѣятельность вашего времени замѣнилась бездѣйствіемъ; тратящаяся нынѣ огромная казна не могла замѣнить безкорыстнаго усердія, внушеннаго вами подчиненнымъ вашимъ, для достиженія предназначаемой вами цѣли. Казна сія обратила грозныя крѣпости ваши въ города, куда роскошь и довольства жизни привлекли людей посторонних (женатыхъ). Все перемѣнилось, обстроилось; съ настойчивостію и убѣжденіемъ въ правотѣ своей требуютъ войскъ для защиты; войска обратились въ горожанъ — и простота землянки вашей не поражаетъ ослабѣв-

---

*) Письмо это и отвѣтъ на него нѣкогда облетѣли всю читающую Россію. Напечатаны они были много позднѣе. Н. Н. Муравьевъ писалъ свое письмо подъ минутнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него землянкою Ермолова. Онъ самъ разсказываетъ о томъ въ приводимой ниже выдержкѣ изъ позднѣйшихъ его записокъ. П. Б.

шихъ воиновъ Кавказа, въ коихъ духъ хотя и не изчезъ, но силы стали немощны.

Таковое состояніе дѣлъ, конечно, подало поводъ и къ частнымъ злоупотребленіямъ начальниковъ. Хотя солдата не грабятъ, но пользуются трудами его, какъ работою тягловаго крестьянина, состояніе, которое солдатъ предпочитаетъ строевой службѣ. Посудите, какое мое положеніе! Исправить въ короткое время безпорядки, вкоренившіеся многими годами безпечнаго управленія, а въ послѣднее время и совершеннымъ отсутствіемъ всякой власти и управленія! Трудъ великій, позднихъ послѣдствій котораго я не увижу и который доставитъ мнѣ только нареканіе всего населенія. Но вы, зная меня, убѣдитесь, что это меня не останавливаетъ: если не достигну конца, то дамъ направленіе сему великому дѣлу, поглощающему силы и казну Россіи. Въ землянку вашу послалъ-бы ихъ учиться; но академія эта свыше ихъ понятій.

Не скажу, чтобы здѣсь не было покорности; напротивъ того, здѣсь всѣ покорны; но покорность эта не приводитъ ихъ къ изученію своихъ обязанностей, а только къ исполненію того, что̀ прикажутъ. Надобно пока и этимъ довольствоваться, съ надеждою на время, которое выкажетъ сотрудниковъ, ибо дарованій здѣсь встрѣчается болѣе, чѣмъ въ Россіи; но все погрязло въ лѣни и усыпленіи. Отъ многихъ слышалъ я справедливыя сужденія, что ваша Грозная крѣпость служила основаніемъ покоренію Чечни. И въ самомъ дѣлѣ, нынѣ видимъ множество огромныхъ мирныхъ ауловъ, переселяющихся подъ стѣны строенныхъ вами укрѣпленій. Чеченцы эти ходятъ съ нами въ экспедиціи и безпощадно дерутся противъ непокорныхъ родственниковъ. Уже здѣсь учреждено пять наибствъ, есть пристава и судъ, установленный въ подражаніе вашего Кабардинскаго суда. Я былъ въ Нальчикѣ, гдѣ уставъ вашъ и прокламація служатъ единственнымъ руководствомъ для дѣлъ, встрѣчающихся не только между Кабардинцами, но даже между племенами, живущими въ горахъ.

Край этотъ, чрезъ который въ 1816 году нельзя было проѣхать безъ сильнаго конвоя и пушекъ, нынѣ спокоенъ, благодаря началу, вами положенному; и я надѣюсь, что народы сіи не пошевелятся при теперешнихъ военныхъ обстоятельствахъ и не прельстятся воззваніями, развѣ увидятъ среди себя устроенныя войска, чему не предвижу возможности, даже на Правомъ флангѣ нашемъ, который частію объѣхалъ, не касаясь Черноморья.

2. Письмо подполковника Тенгинскаго полка, князя Д. И. Святополка-Мирскаго.

(13 Марта 1855, Тифлисъ.)

Новый нашъ главнокомандующій, на пути слѣдованія своего въ край, ввѣренный царскою милостію его управленію, написалъ изъ кр. Грозной къ бывшему своему начальнику Алексѣю Петровичу Ермолову письмо, въ которомъ онъ излагаетъ мнѣніе свое о положеніи края и мысли, которыя

должны служить началомъ его управленія. Генералъ Муравьевъ дозволилъ снять копіи съ этого письма, не скрывая желанія, чтобы оно получило всеобщую извѣстность; и потому я полагаю, что оно извѣстно уже и вамъ, и что ѣдкія выраженія онаго отозвались въ вашемъ Русскомъ сердцѣ скорбнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ сотнямъ тысячъ Русскихъ сердецъ, которыя бьются на Кавказѣ, полныя любви и преданности къ Царю и Отечеству. Эти строки, написанныя въ положеніи ген. Муравьева и адресованныя къ Алексѣю Петровичу Ермолову, будутъ имѣть огромный отголосокъ въ Россіи и не могутъ не поколебать того мнѣнія, которое Россія до сихъ поръ имѣла о Кавказскомъ войскѣ. Кавказъ отъ Россіи далеко, а сочетаніе двухъ именъ, Ермолова и Муравьева, внушаетъ Русскимъ довѣріе. Не одинъ Русскій, думающій о судьбахъ своей родины, прочитавъ эти строки, задастъ себѣ вопросъ: „Не на краю ли гибели эта родина, когда тѣ изъ ея сыновъ, которыхъ онъ привыкъ считать самыми дѣятельными, воинственными и сильными, стали немощны силами и погрязли въ лѣни и усыпленіи?“

Но неужели мы, Кавказскіе служивые, должны безропотно покоряться этому приговору и со стыдомъ преклонять предъ нимъ голову? Нѣтъ, наша совѣсть слишкомъ чиста для такого униженія. Не стали немощными и безсильными тѣ войска, которыя побѣдили многочисленныхъ враговъ подъ Башъ-Кадыкъ-Ляромъ, Курюкъ-Дара и на Чолохѣ. Мы не обманывали Россію въ теченіи четверти вѣка; она смѣло можетъ гордиться нами и сказать, что нѣтъ арміи на свѣтѣ, которая переносила бы столько трудовъ и лишеній, сколько Кавказская. Нѣтъ арміи, въ которой бы чувство самоотверженія было болѣе развито. Здѣсь каждый фронтовой офицеръ, каждый солдатъ убѣжденъ, что не сегодня, то завтра, не завтра, такъ послѣ-завтра онъ будетъ убитъ или изувѣченъ. А много ли въ Россіи Кавказскихъ ветерановъ? Ихъ тамъ нѣтъ почти,—кости ихъ разбросаны по всему Кавказу.

Кавказскій солдатъ работаетъ много и отстаетъ отъ фронтоваго образованія; но онъ „не тягловой крестьянинъ“, потому что онъ трудится не для частныхъ лицъ, а для общей пользы. Вмѣсто денежнаго капитала—употребляютъ капиталъ его силъ и способностей; онъ расходуетъ силы эти и потъ для сбереженія государственной казны. Если это дурно, то не мы въ этомъ виноваты. Что же касается до вопроса „землянокъ и дворцовъ“, то не намъ темнымъ людямъ его разрѣшать; помню только, что когда меня учили Исторіи, я видѣлъ въ ней, что завоеванія и особенно упрочиванія оныхъ не дѣлались всегда силою одного оружія, а что постройки великолѣпныхъ зданій и распространеніе цивилизаціи часто къ этому способствовали; это зависитъ отъ принятой системы, которую не мы рѣшаемъ. Мы бы желали только, чтобы не было рѣзкихъ переворотовъ: нельзя же по произволу, въ одинъ мигъ, передѣлывать Аѳинянина Спартанцемъ, Спартанца Аѳиняниномъ,—это дѣло многихъ лѣтъ, болѣе обстоятельствъ, чѣмъ людей, и оно принадлежитъ къ общей системѣ государства.

Кавказское войско не есть войско обыкновенное; Кавказское войско не есть войско, дѣлающее кампанію. Это скорѣе воинственный народъ, издаваемый Россіею и противупоставляемый воинственнымъ народамъ Кавказа, для защиты Россіи. Такое положеніе дѣлъ не заведено никѣмъ: оно дѣлалось силою обстоятельствъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ устроенія здѣшняго края. Избѣжать этого положенія, не покоривъ Кавказа, невозможно, развѣ завести, по примѣру среднихъ вѣковъ, воинственный орденъ монаховъ, отрѣшившихся отъ всего земнаго, кромѣ боя и молитвъ. Но возможно ли это?

Не намъ рѣшать вопросъ, почему Кавказъ еще не покоренъ; потому ли, что не живемъ въ землянкахъ, имѣемъ законныхъ женъ и нѣкоторыя удобства жизни, или потому, что его не успѣли покорить нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда цѣлое народонаселеніе разбѣгалось отъ одного гула пушечнаго выстрѣла, когда не было никакой связи между Кавказскими племенами и обществами, и когда не было мирюдизма, начало и отчасти развитіе котораго относятся также ко времени землянокъ.

Изъ всего вышесказаннаго не слѣдуетъ заключить, что по моему мнѣнію все на Кавказѣ совершенно хорошо. Гдѣ же нѣтъ дурныхъ людей и злоупотребленія? Гдѣ же люди понимаютъ вполнѣ и исполняютъ въ совершенствѣ свой долгъ? Мы всѣ убѣждены, что здѣсь многое остается сдѣлать, многое истребить и завести и всегда желали болѣе совокупной и послѣдовательной системы веденія войны, болѣе разборчиваго опредѣленія царскихъ наградъ; а потому когда мы убѣдились, что силы князя Воронцова ему измѣнили и что онъ уже не въ состояніи управлять нашимъ краемъ въ эти трудныя времена, скорбя о горькой участи заслуженнаго старца, одного изъ знаменитѣйшихъ представителей Русской славы, мы могли желать и ждать съ нетерпѣніемъ новаго энергическаго начальника. Люди, желающіе добра, желаютъ всегда сильной власти.

Назначеніе генерала Муравьева мы встрѣтили съ восторгомъ, не потому, чтобы онъ уже ознаменовалъ себя великими дѣлами на военномъ или гражданскомъ поприщѣ, а потому, что онъ умѣлъ какъ-то возбудить великія надежды, которыя и мы раздѣляли; но мы ожидали, что генералъ Муравьевъ ѣдетъ сюда съ чувствомъ уваженія къ Кавказскому войску, котораго мы въ правѣ требовать по нашимъ заслугамъ и чувствамъ, насъ оживляющимъ: въ добромъ дѣлѣ здѣсь всѣ почти сотрудники. Мы съ истинною скромностію, свойственною людямъ, испытавшимъ свои силы, ожидали, что намъ укажутъ наши ошибки и недостатки, дадутъ пособія, чтобы ихъ исправить и усовершенствовать по мѣрѣ силъ и способностей; но мы не ждали оскорбленій. Заботливаго, хотя и суроваго отца, а не насмѣшливаго порицателя ожидали мы отъ царской милости.

Письмо, написанное новымъ главнокомандующимъ въ кр. Грозной и распространенное по Кавказу и Россіи, изумило насъ и огорчило; но недолго будетъ наше уныніе. Наше чувство чуждо подлаго униженія; мы покорны, но покорны царской волѣ и закону, а не бранному слову. Мы под-

нимемъ брошенную намъ перчатку предъ судомъ Россіи и потомства. Пусть намы руководятъ мудрыя начертанія; пусть геніальная рука укажетъ путь— мы готовы на все, что возможно человѣку, на всякія жертвы и лишенія. Сколько бы ни было жертвъ и страданій частныхъ, во всякомъ случаѣ это исполинское соревнованіе поведетъ ко благу и славѣ нашего Отечества. Намъ остается вознести ко Всевышнему усердныя молитвы, дабы потомство сказало, что вождь былъ достоинъ арміи, а армія была достойна вождя.

ЗЕМЛЯНКА А. П. ЕРМОЛОВА.

Выдержка изъ Записокъ Н. Н. Муравьева.

Въ крѣпости Грозной вспомнилъ я о землянкѣ А. П. Ермолова, о существованіи коей я еще слышалъ въ Россіи, и пожелалъ видѣть ее. Я полагалъ найти остатки ея въ какомъ-либо закоулкѣ обширнаго форштата кр. Грозной; но мнѣ сказали, что она находится на самомъ дворѣ занимаемаго мною дома, и я пошелъ смотрѣть ее въ сопровожденіи всѣхъ начальниковъ и генераловъ, постоянно меня окружавшихъ. Къ удивленію нашелъ я ее въ углу двора совершенно уцѣлѣвшею и какъ бы недавно построенною, хотя лѣсъ уже былъ старый. Можетъ быть, поддерживалъ ее кто-либо изъ начальниковъ, свидѣтель еще первыхъ дѣйствій Ермолова къ покоренію Чечни. Я вошелъ въ землянку изъ тѣсныхъ сѣней, въ которыя спускались нѣсколькими ступенями. На лѣво была дверь въ занимаемую Ермоловымъ комнату вышиною нѣсколько поболѣе его роста; ширины могла она имѣть до 4-хъ аршинъ, длиною не болѣе 5-ти; изъ сѣней на право была дверь въ небольшую комнату слуги его. Потолка не было, мало-наклонная крыша была засыпана толстымъ слоемъ земли. Необъяснимо чувство поразившее меня при входѣ въ это скромное жилище, изъ котораго, за 40 почти лѣтъ передъ тѣмъ, человѣкъ съ высокимъ дарованіемъ прилагалъ совѣстливый трудъ свой къ совершенію дѣла, представлявшаго въ то время большія препятствія—дѣла еще нынѣ неконченнаго при огромныхъ средствахъ и пожертвованіяхъ Россіи. Но не было послѣ его людей въ томъ краѣ!

Еще болѣе былъ я смущенъ, когда, выйдя изъ землянки Ермолова, взглянулъ на пышный дворецъ Барятинскаго, окружавшій ее своими службами. Я остановился и задумался посреди окружавшихъ меня. Въ мысляхъ моихъ пробѣжали событія почти цѣлаго полустолѣтія, я сравнивалъ прошедшее съ настоящимъ, и все что было передъ

глазами указывало на самомъ дѣлѣ причины неуспѣха, утратъ и язвъ, постоянно и безъ пользы истощавшихъ силы Отечества: роскошь, корысть и лицепріятіе—и я, задолго передъ тѣмъ гонимый Государемъ, нынѣ, въ годину бѣдствій и испытанія, былъ имъ же избранъ для возстановленія имъ же разрушеннаго! Сердце мое закипѣло новымъ рвеніемъ къ службѣ Отечества и Государя своего, не задолго передъ тѣмъ умолявшаго меня трудиться надъ его дѣломъ—человѣка, которому я уже въ душѣ простилъ нанесенныя мнѣ прежде оскорбленія. Прервавъ думы, я выразилъ въ твердыхъ, но короткихъ словахъ окружавшимъ мысли свои, показалъ на эту скромную землянку, изъ которой исходила настоящая сила, стараясь убѣдить ихъ, что не отъ количества людей зависѣлъ успѣхъ, но отъ доблести начальниковъ. Къ памяти А. П. Ермолова всѣ они имѣли уваженіе, но поняли ли меня или нѣтъ? А если поняли, то располагали ли такъ поступать какъ я указывалъ, того не знаю.

Возвратившись въ квартиру, мнѣ пришла мысль — воздать А. П. Ермолову должное, описавъ въ письмѣ къ нему то, что̀ видѣлъ и тѣ впечатлѣнія, которыя произвелъ на меня видъ могущественной землянки его, располагая только утѣшить этимъ старца, котораго уважалъ; но въ тотъ вечеръ я не могъ приняться за письмо, потому что у меня зубы сильно болѣли и отложилъ исполненіе намѣренія своего до возвращенія во Владикавказъ. Врангеля просилъ я для сбереженія землянки построить надъ нею навѣсъ, что̀, я слышалъ, онъ и сдѣлалъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1855-й годъ.

Вотъ и конецъ бѣдственнаго 1854 года. Привѣтствуемъ тебя, новый пришлецъ! Будь радостнымъ гостемъ, скажи радостное слово!

Три факта характеризуютъ прошедшій годъ: убытки съ долгами, вооруженія съ поспѣшностью и начало войны съ нерѣшительностью. Россія начала защитою другихъ—кончаетъ самозащитою. Франція обѣщала побѣды—терпитъ неудачи. Англія разсыпалась въ угрозахъ и пришла къ сознанію безсилія. Германія хотѣла управлять дѣломъ и второстепенно идетъ за другими. Турція, Испанія, Италія потеряли всякую самостоятельность.... Нельзя, чтобъ такая продолжительная болѣзнь, достигнувъ усилій 1854 года, обошлась безъ перелома. Переломъ будетъ, и горе тѣмъ, кто его не предвидитъ или видя не понимаетъ.... Прошлый годъ въ полномъ смыслѣ слова переходный; онъ чреватъ будущимъ....

Умеръ Шеллингъ. Умираетъ отвлеченная наука уединенныхъ мыслителей. Другіе двигатели еще не обозначились. Они, однако, должны явиться на мѣсто этихъ ранговъ, орденовъ, отличій, которые такъ упали, которыми такъ мало довольствуется даже ограниченное самодовольство.

Въ кругу друзей, въ самый день юбилея Н. И. Греча, я читалъ небольшую разговорную статью, подъ названіемъ: «Кто идетъ? Деньги! Что̀ несетъ? Комфортъ! Куда спѣшитъ? Къ плясуньямъ!» Этимъ характеризуются наши нравы... Но кого убѣдишь? Еслибъ явился Платонъ, могъ бы имѣть дѣйствіе только на поколѣніе не зараженное, а не на современное. Мы нуждаемся не столько въ идеалогахъ и нравоучителяхъ, сколько въ педагогахъ и учредителяхъ. Массѣ нужны установленія, а не идеи; иначе самыя простыя истины не дойдутъ до нея. А какое благопріятное время теперь для того, чтобъ дать образованіе народу! И не готово ли оно миноваться и войти въ тотъ періодъ

---

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, II, 345.

затрудненій и невозможности, о которомъ читаемъ у Шлоссера. «Либеральная партія, говорилъ Менцель въ 1836 г. (Geschichte der Deutschen) приготовлялась къ будущему преимущественно изученіемъ Французскихъ журналовъ. Нѣтъ доказательства, которое бы лучше и вѣрнѣе обнаруживало то постоянное вліяніе, которое всегда оказывала Франція, лишь на время остановленное войною за независимость. Нравственная и умственная способность заниматься собою, своими интересами не возвратилась къ намъ, и мы остались, какъ прежде, въ заколдованномъ кругу Французскаго вліянія. Насъ тревожили и волновали не столько вопросы Нѣмецкіе, оставшіеся неразрѣшенными, какъ напр. объ учрежденіяхъ, о свободѣ тисненія, о торговлѣ, о свободномъ плаваніи по Рейну и проч., сколько движенія и событія въ другихъ странахъ; а, впрочемъ, надобно сказать, что у себя мы видѣли только перемѣны министерствъ безъ всякаго значенія и скучныя рѣчи депутатовъ. Мы жили, мыслили и чувствовали по журналамъ иностраннымъ, и среди ихъ мы были болѣе дома, чѣмъ у себя».

И это говорится о Германіи, гдѣ были покрайней мѣрѣ перемѣны министровъ и рѣчи депутатовъ, гдѣ были, и въ сильной степени развитія, наука и искусство, и облагороженныя ими учрежденія общественныя, и добросовѣстность частной жизни. А у насъ?

Подъ словами къ «плясуньямъ» я желалъ указать то гибельное явленіе, которое особенно въ Петербургѣ и въ Москвѣ представляютъ «мраморныя дѣвы» (les filles de marbre), пріѣзжающія по вызову нашихъ аристократовъ, особенно изъ Парижа. Это цѣлая, многочисленная галерея Фринъ и Аспазій. Онѣ ждутъ пера даровитаго. Многихъ изъ молодежи онѣ погубили.

Изъ Севастополя все нѣтъ ничего. Князь Меншиковъ доноситъ, что выпалъ снѣгъ; вѣроятно завтра донесетъ, что растаялъ. Много шума по поводу переговоровъ о мирѣ, по моему мнѣнію невѣроятныхъ. Остряки шутятъ: «on nous menace de la paix!» Однако, въ концѣ Января въ Крыму надобно ожидать чего нибудь рѣшительнаго. Небольшая побѣда дивизіи Ушакова на Дунаѣ еще не обнародована. Молодые князья отправляются въ Севастополь, а князья Французскій и Англійскій возвращаются.

Изъ внутреннихъ дѣйствій хвалятъ назначеніе Игнатьева генералъ-губернаторомъ (послѣ отказа на это мѣсто старика Анненкова), адмирала М. (преобразователя морской смѣты) въ Государственный Совѣтъ. Порицаютъ назначеніе князя Урусова въ Витебскъ и Ѳедора Анненкова въ Нижній.

Не вѣрю я искренности мирныхъ переговоровъ. Уши вянутъ и волосы становятся дыбомъ при чтеніи писемъ Княжевича изъ Симфе-

рополя; послѣднее, отъ 16-го, въ которомъ онъ пишетъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ насъ тяготитъ не столько непріятель, сколько наша собственная армія... Нѣтъ ни порядочнаго пріюта, ни фуража, ни продовольствія; цѣна на все удесятирилась, а доставка изъ Перекопа и Геническа затруднительна; Петербургская почта опаздываетъ на 8 дней. Какой же миръ можетъ быть заключенъ послѣ страшныхъ пораженій нашихъ и послѣ такого убѣжденія враговъ въ превосходствѣ надъ нами?...

Сегодня вышли награды Сенату: семь Бѣлыхъ Орловъ, три Владимира, одна Анна... Какая цѣль этихъ наградъ? Униженіе стариковъ? Уравненіе годовъ? Награда скромности? Слышно: почему же нѣтъ?

Графъ Перовскій, министръ удѣловъ, переименованъ въ полные генералы и генералъ-адъютанты для начальства надъ полкомъ стрѣлковъ Императорской фамиліи....

Но хорошо ли поступаютъ наши враги, напирая до крайняго униженія?... Въ насъ уже сильно чувство великой, самостоятельной народности, и оскорбить это чувство не выгодно и страшно. Хорошо ли дѣлаютъ они, не пользуясь настоящими предложеніями?

Опять, какъ осенью, объ насъ забыли, вызывая пожертвованія и предписывая наборы. Только по этимъ случаямъ и нисходятъ до насъ... Впрочемъ Европа и канцлеръ должны знать, какъ и что̀ съ нами будетъ... Къ намъ сегодня, 8 Января, пріѣзжали: Цесаревичъ Наслѣдникъ въ Университетъ, чтобы объявить о милости Царя, соизволяющаго на назначеніе студентовъ въ военную службу; министръ А. С. Норовъ въ гимназіи поздравить учениковъ 6 и 7 класса съ царскою милостію: имъ приказано учиться маршировать по субботамъ и учиться артикуламъ и пріемамъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ... Эта мѣра мало говоритъ въ пользу мира, и объ немъ мало говорятъ въ городѣ. Говорятъ о брошюрѣ принца Наполеона «de la conduite de la guerre d'Orient»; о предстоящемъ юбилеѣ Московскаго Университета; объ убійствѣ д. с. с. Оленина его людьми за жестокое обращеніе его, дѣтей и жены его (здѣсь винятъ и полицію, и предводителя; это третій разъ, и своевременныя мѣры, слѣдствіе и отобраніе имѣнія предупредили бы его; объ измѣненіи формы военнаго обмундированія, сближеннаго съ Русскимъ и болѣе свободнымъ; о свадьбахъ (гр. Клейнмихель выходитъ за Пилларъ-Пильхау, приданое отъ казны). Говорятъ особенно о семействѣ гр. Са-ва: онъ сосланъ въ деревню, жена въ Москву, дочери во вдовій домъ. Особенно много говорятъ о балѣ Мины Ивановны. У нея былъ дворъ и городъ, между прочимъ В. Ш., который мнѣ это и пересказывалъ. Дамы были изъ оперы, изъ почтамта и негоціанства. Что за роскошь! Что за веселіе, что за раду-

ніе! Миловались и щипали корпію.—Изъ Крыма все нѣтъ ничего. Правда, непогоды, болѣзни и труды губятъ нашихъ непріятелей; но не дурно ли пользуемся мы этими союзниками въ такое дорогое для насъ время? Князь Меншиковъ доноситъ только, по словамъ плѣнныхъ Арабовъ, что Турки употребляются въ родѣ рабочаго скота для перевозки тяжестей и провіанту. На эту остроту каламбуриста Обручевъ замѣтилъ, что князь Меншиковъ долженъ знать, какъ въ 1829 г. для переноски провіанта отчислены были три батальона Русской арміи. Болѣе занимаетъ общественное вниманіе указъ 10 Января о выпускѣ кредитныхъ билетовъ для покрытія чрезвычайныхъ издержекъ (на неопредѣленную сумму) съ обезпеченіемъ ихъ $1/6$ выпускаемой суммы звонкою монетою... Подумаешь: чего уже теперь стоитъ эта война Европейскимъ правительствамъ! Франція хвалится своею подпискою, которая по послѣднему займу въ 500 мил. возвысилась на 2200 мил. франковъ, впрочемъ, при участіи капиталовъ Англійскихъ, Бельгійскихъ и Голандскихъ. Но вызовъ этотъ точно ли обнаруживаетъ преданность, довѣріе и богатство, какъ докладываетъ г. Барошъ? Едва ли. Готовность эта свидѣтельствуетъ о застоѣ производительности и торговли, на чтѐ указываетъ и пониженіе банковаго процента. Эти огромные долги ведутъ къ банкротству и, можетъ быть, къ новымъ потрясеніямъ. А въ указѣ отъ 10 Января повторяется, что Россія вовлечена въ войну единственно для охраненія правъ и защиты предѣловъ своихъ.

Сегодня, 12 Января, умеръ отъ нервическаго удара графъ Н. А. Протасовъ, мужъ дочери кн. Д. В. Голицына, бывшій товарищъ министра нар. просвѣщенія и предложенный С. Д. Нечаевымъ въ оберъ-прокур. Св. Сѵнода, кажется въ 1838 году. Это былъ человѣкъ болѣзненный. Онъ помогалъ Сѵноду въ распоряженіяхъ о возсоединеніи Уніи и, при отъѣздѣ Нечаева, предложенъ имъ (какъ онъ самъ говорилъ мнѣ) за это къ исправленію его должности, за чтѐ члены Сѵнода, по наущенію обойденнаго Нечаевымъ А. Н. Муравьева, представили Государю благодарность. Графъ Протасовъ былъ человѣкъ умный и образованный. Онъ начальнически взялъ управленіе въ руки и былъ едва ли не дѣятельнѣе всѣхъ своихъ предмѣстниковъ. Главныя его дѣянія: 1) Окончаніе дѣла о возсоединеніи Уніи; здѣсь содѣйствовали ему Симашко, Антоній и Войцеховичъ. 2) Преобразованіе главнаго и губернскаго управленія (о консисторіяхъ 1840). Главное управленіе онъ развилъ чрезмѣрно.... Губернское управленіе имѣетъ недостатокъ нерѣшительности. Консисторіи не имѣютъ достаточно независимости и стѣсняютъ архіереевъ. Положеніе духовенства въ отношеніи къ свѣтскимъ властямъ умалилось въ своемъ достоинствѣ. 3) Преобразо-

ваніе духовныхъ училищъ, учрежденіе Казанской Академіи и ограниченіе курсовъ семинарій. Послѣдняя мѣра, по мнѣнію моему, весьма вредна; но она въ связи съ четвертой—уменьшеніемъ духовенства и введеніемъ штатнаго жалованія. Нельзя во всякомъ случаѣ не отдать справедливости дѣятельности покойнаго оберъ-прокурора; онъ ввелъ болѣе порядка въ дѣлопроизводствѣ, въ управленіи и отчетности. Это неотъемлемая его заслуга. Но онъ очень мало сдѣлалъ для духовнаго суда и для духовной проповѣди. Я видѣлъ въ деревнѣ, что̀ значатъ визитаціи и разборъ архіепископа. Вліяніе на насъ лютеранскихъ ученыхъ весьма сильно; мы покупаемъ библіи Лейпцигскаго изданія. Проповѣдь за самыми незначительными исключеніями (Филаретъ, Иннокентій) почти не слышна. Цензура духовная стѣсняетъ очень много даже свѣтскихъ писателей. Графъ Протасовъ не любилъ извѣстныхъ ученыхъ: Малова, Сидонскаго, Евгенія, Макарія. Имѣнія свои онъ оставилъ дальнимъ родственникамъ.

Сегодня долго я бесѣдовалъ съ бар. М. А. Корфомъ, человѣкомъ интереснымъ, между прочимъ, по своему продолжительному государственному служенію. Онъ уже 25 лѣтъ занимаетъ высшія мѣста въ управленіи, а между тѣмъ свѣжъ и молодъ. Мы говорили о біографіи Сперанскаго, о просвѣщеніи, о цензурѣ, которой онъ теперь, какъ председатель высшаго комитета, главный руководитель. «Я поставленъ въ положеніе дѣлать зло и нисколько не дѣлать добра», сказалъ мнѣ этотъ руководитель, приводя примѣры, какъ гр. Клейнмихель, за какое-то описаніе путейскаго офицера потребовалъ отрѣшенія цензора отъ должности; а графъ Панинъ, за «Мечтателя» (въ Москвитянинѣ), по наставленію Н. И. Д-ва, писалъ письмо къ А. С. Норову, вслѣдствіе котораго уволены два цензора. Я обратился къ нему со старою моею пѣснью, приводя въ примѣръ и Пруссію въ 1806 году, и Австрію 1830-хъ годовъ, когда строгости цензуры и полиціи, препятствуя своеземному развитію, открыли такое обширное и гибельное вліяніе направленію Французскому. Я привелъ въ доказательство это страшное потребленіе бѣглой Французской литературы, брошюрами, журналами, романами, и спросилъ, не признаетъ-ли онъ возможнымъ открыть хоть небольшое отверстіе для литературы, для Русской драмы, Русской комедіи, Русскаго журнала, Русской науки, такъ стѣсненныхъ теперь инстанціями цензурными, служебными, духовными, жандармскими, личными. Но едва ли бар. Корфъ можетъ что либо сдѣлать тутъ: не то время. Онъ, впрочемъ не только согласенъ съ моимъ воззрѣніемъ, но упомянулъ, что оно неоднократно выражено и въ журналахъ ихъ комитета. О комитетѣ своемъ онъ отозвался, что въ 1848 г. онъ былъ необходимъ, чтобъ оградить отъ соціализма, про-

рывавшагося во многихъ выходкахъ и даже статьяхъ извѣстныхъ лицъ; теперь же онъ почти безполезенъ, особенно потому, что дѣйствіе его отрицательное, а власть совѣщательная.

Присланы рѣчи, говоренныя на столѣтнемъ юбилеѣ Московскаго Университета. Я не могъ быть на этомъ праздникѣ и ограничился письмомъ къ кн. Н. Н. Голицыну. Главнѣйшая заслуга Университета есть заслуга давности; онъ не основалъ особой школы, онъ не ознаменовалъ себя какимъ нибудь историческимъ изданіемъ, ни обнародованіемъ какого нибудь собранія источниковъ или сочиненій; онъ образовалъ около ста поколѣній, и это его главнѣйшая заслуга. Мнѣ любопытно было прочесть рѣчи. Множество адресовъ не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго; замѣчательнѣе прочихъ профессоровъ: Никитенки, Калмыкова, д. с. с. Заблоцкаго. Заслуживаютъ вниманія проповѣдь Филарета и рѣчь Шевырева. Знаменитый іерархъ говорилъ объ «истинѣ».

Очевидно, что проповѣдь не выработана для великаго учебнаго праздника. Въ ней нѣтъ и обыкновенной у Филарета житейской мудрости, счастливаго сближенія текста, удачнаго словообразованія. Хороша мысль, взятая у Боссюэта объ Исторіи: «не попусти себѣ тупымъ взоромъ видѣть въ бытіяхъ человѣчества только нестройную игру случаевъ и борьбу страстей или слѣпую судьбу; изощри свое око и примѣчай слѣды Провидѣнія Божія, премудраго, благаго и праведнаго», и особенно хороши послѣднія слова: «истина, когда за нее умираютъ, бываетъ особенно животворна».

Рѣчь Шевырева носитъ еще болѣе печать поспѣшности, необработанности и какой-то журнальной отрывочности. Я искалъ въ ней особенно доводовъ о заслугахъ Университета. Рѣчь написана съ увѣренностью; смѣло и красиво, но не безъ умышленныхъ умолчаній. Она начинается стихами Ломоносова Шувалову и Елисаветѣ и словами ученика его Поповскаго болѣе выразительными: «Наши дѣти, внуки и ихъ правнуки имѣютъ готовое великія сея милости участіе. Безчисленныя тысящи нашего потомства прежде еще своего рожденія симъ благодѣяніемъ уже обязаны.... О, какую радость, какое ощущаемъ мы веселіе, возбуждаемы надеждою, что увидимъ вождѣленные плоды сего новонасажденнаго винограда, что дождемся блаженнаго онаго времени, когда изъ сего мѣста произойдутъ судіи правду отъ клеветы отдѣляющіе, полководцы на морѣ и на землѣ спокойство своего отечества утверждающіе; когда процвѣтутъ здѣсь мужи, закрытыя натуры таинства открывающіе; когда, напослѣдокъ, сему прозорливостію Государыни основанному и щедротами одобренному мѣсту Россія одолжена будетъ внутреннимъ и внѣшнимъ своимъ благосостояніемъ».

Дѣйствительно, великая сила убѣжденія, какъ видно, дышала въ этихъ словахъ профессора, «въ какомъ-то прозорливомъ вдохновеніи они были сказаны; теперь слова его для насъ живое событіе; ихъ вѣщая мысль совершается предъ нами воочію, на нашемъ столѣтнемъ праздникѣ». Дѣйствительно, это такъ; но надежды Поповскаго не сбылись можетъ быть и отъ того, съ Елисаветою національное развитіе стало слабѣть, отъ вліянія Западнаго при Екатеринѣ и военнаго съ Александра. Замѣчательно, что Поповскій ни слова не говоритъ о Русскомъ языкѣ, разработка котораго признается Университетомъ за лучшую свою заслугу. Тотъ фактъ, что Университетъ существуетъ и что мы празднуемъ столѣтіе его существованія, Шевыревъ приписываетъ во первыхъ, Промыслу Божію, «Коего храмъ сталъ у насъ твердо возлѣ храма наукъ»; во вторыхъ, образующей волѣ государей нашихъ (Елисаветы, послѣ Петра, собесѣдника Лейбница, признавшей «необходимую нужду въ томъ, чтобъ способомъ пристойныхъ наукъ возрастало въ пространной Имперіи всякое полезное знаніе»; Екатерины II, въ годъ Наказа «свергнувшей иго Латинскаго языка съ науки», Павла, Александра и Николая) и ея исполнителей: Шувалова «изобрѣтателя этого полезнаго дѣла», Мелиссино, Хераскова, основателя благороднаго пансіона, педагогической гимназіи и виновника знаменитаго договора типографіи Университета съ Новиковымъ, «столько плодотворнаго для Русской словесности»; кн. Голицына, Муравьева «незабвеннаго Муравьева, чести и красы благодарныхъ питомцевъ», гр. Разумовскаго, Голенищева-Кутузова, кн. Оболенскаго, возстановителя зданій Университета послѣ непріятеля. Здѣсь мимоходомъ пропущены многіе; объ Уваровѣ намекъ. Упомянуты градоначальники, гр. Закревскій, покровители и жертвователи: родъ Демидовыхъ, царевичъ Георгій, гр. Строгановъ, кн. Урусовъ; дворяне Всеволожскіе, Горихвостовы, игуменъ Порфирій, купцы Твердышевъ, Грачевъ, купчиха Кулакова, крестьянинъ Малюгинъ. Въ третьихъ, любви Русскаго народа къ просвѣщенію. «Въ любви къ ученію и наукамъ видимъ тоже соревнованіе сословій. По долгу званія, по богатству средствъ числомъ превосходятъ дворяне. Дѣти княжескихъ и древнихъ боярскихъ фамилій сѣли первые на скамьи нашего Университета, лишь только онъ открылся. Духовенство послѣдовало имъ. Разночинцы сѣли также съ ними на лавкахъ студентовъ. Наука у насъ ровняла сословія и вызывала дарованія отвсюду для службы государственной. Торжественно давая разночинцу шпагу студента, она съ тѣмъ вмѣстѣ давала и даетъ теперь право на пріобрѣтеніе диплома дворянскаго». Послѣ обращенія къ прежнимъ и настоящимъ студентамъ, ораторъ заключаетъ: «Торжество нашего праздника соединяется со всеоб-

щею, всенародною думою, которая теперь не только на яву сопровождаетъ, но и во снѣ будитъ Русскаго человѣка». Война дѣйствительно придала особое значеніе празднику (выразившееся еще болѣе на другой день, на семейномъ пиру), и Шевыревъ, дѣятель мирнаго просвѣщенія, удачно оканчиваетъ рѣчь: «Да позволено мнѣ будетъ, въ эту минуту нашего торжества, съ высоты ста лѣтъ, прожитыхъ нашимъ университетомъ, увидѣть вдали свѣтлымъ окомъ процвѣтаніе такой науки въ Россіи, которая, озаривъ глубже духовныя стороны человѣка, какъ дважды два четыре докажетъ обезоруженной логикѣ Запада, что въ человѣкоубійственной брани мертвая ложь, а въ любви и мирѣ живая истина».—Боже мой, какъ разыгрываются событія! Какъ этотъ внѣшній трудъ борьбы умирающаго порядка помогаетъ этому внутреннему броженію и какъ эта демократія просвѣщенія пособляетъ общему движенію! Война Востока съ Западомъ есть только поводъ; настоящая война —это война народовъ съ правительствами монархическими. Не мудрено, что по окончаніи ея многіе объявятся банкротами; немудрено, что эта аристократія талантовъ и науки, такъ страдающая съ 1848 года, окончательно потеряетъ довѣріе.... Какое ополченіе вызвала Россія съ Запада, истощая, изнуряя и обезсиливая его и себя. Прочтите о засѣданіяхъ Кортесовъ въ Испаніи, дрожащихъ отъ одного ожиданія возстанія Карлистовъ и едва сдерживаемыхъ привычнымъ авторитетомъ Эспартеро. Прочтите свѣдѣнія о займѣ въ 500 мил. во Франціи, искусственно поддерживаемой ложью и насиліемъ въ своемъ самообольщеніи и невѣдѣніи. Прочтите о засѣданіи парламента 26 Января, въ которомъ Джонъ-Россель такъ неудачно и неловко, а Сидней-Гербертъ такъ невольно раскрываютъ раны болящаго тѣла. «Мы», говоритъ онъ, «адмиралтейство, перевезли снарядовъ до 100 тоннъ на Востокъ (75 т.) и въ Балтику (14 т.), 255 т., 5700 лошадей... и что же? Способы наши изсякли. И что же? Мы должны сознаться, что арміи у насъ нѣтъ...» А лорды кричатъ: слѣдствіе, слѣдствіе, назначить слѣдствіе для обнаруженія виновныхъ въ Крымскихъ бѣдствіяхъ... Джонъ-Россель вышелъ въ отставку. Ньюкестль замѣщается Пальмерстономъ. Кабинетъ готовъ откланяться. Посмотрите на эту Германію, гдѣ переписка о мобилизаціи пробудила старыя соревнованія, и разъединеніе готово выразиться въ нѣдрахъ самаго сейма. Австрія совершенно примыкаетъ къ Франціи, увлекшей за собой и горюющую о двухъ королевствахъ Сардинію. Пруссія еще держится, отстаивая прежнюю систему; но едва ли на долго. Она уже довела до половины требуемую мобилизацію и едва ли удержится отъ войны, когда на границахъ вспыхнетъ пожаръ и пройдетъ 50-тый корпусъ чрезъ Италію въ Германію, и можетъ

быть, заговорятъ Славянскія племена. Такъ дорого обходится эта точка на картѣ, называемая Севастополь. Вся препона въ безплодности Вѣнскихъ совѣщаній, вся надежда на выручку нашей военной чести. Мы перевозимъ, говорятъ въ Англіи, всю эту массу войска, снарядовъ и снабженій за 3000 миль, а надобно пройти еще только 6 миль (отъ Балаклавы къ лагерю), и эти 6 миль тяжелѣе 3000. Да тяжело возиться съ Русской землею, и дешево ея не получишь!

А у насъ продолжаются пожертвованія, адресы дворянства, Московскій университетскій праздникъ, гремящій теперь по Россіи изъ конца въ конецъ, какъ нарочно выпавшій въ дни великихъ событій... Да. А потомъ что? Или удача или слѣдствіе... Обращеніе Государя къ Университету стать офицерами въ ряды арміи есть, конечно, мѣра знаменательная; но все это носитъ печать временной необходимости и уступки и очень далеко отъ того, чтобъ избавить насъ отъ упрека вѣковыхъ опытовъ: было время, да пропущено...

Вотъ и послѣдніе дни Января, а изъ Крыма нѣтъ ничего рѣшительнаго. У насъ объявлено ополченіе по 23 съ 1000, сперва въ 6-ти губерніяхъ. Мѣра важная и тягостная. Если непріятель не придетъ въ наши предѣлы, эта мѣра, а также постоянное призываніе къ пожертвованіямъ, дастъ поводъ къ ропоту. Обѣднѣніе, даже истощеніе не далеко, а въ устахъ бѣднаго ропотъ еще ближе. Говорятъ, что отъ кн. Меншикова требуютъ отвѣта, почему онъ не пользуется благопріятнымъ для насъ временемъ, столь гибельнымъ для союзниковъ и что̀, наконецъ, онъ намѣренъ предпринять? Говорятъ, что генералъ Липранди пишетъ, что не понимаетъ, что̀ дѣлаетъ главнокомандующій.

Пробѣгаю я любопытное жизнеописаніе Пушкина, написанное Анненковымъ. Намъ, людямъ того времени, такъ любопытно описаніе жизни поэта, котораго мы знали наизустъ. Къ сожалѣнію, біографъ не могъ коснуться политической стороны жизни нашего либерала, съ котораго это политическое направленіе началось и для Россіи, чтобъ потомъ продолжиться въ Лермонтовѣ и перейти въ соціальное въ Гоголѣ и въ сотнѣ Герценовъ, Некрасовыхъ и проч.

Куда годится это ополченіе, когда ему придется помѣриться съ регулярными войсками? Какими мыслями напитаются эти толпы, предводимыя отставными деревенскими мыслителями? Какими возвратятся они въ нѣдра мирной жизни послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ вольницы и въ одномъ ожиданіи побѣдъ? Не только деревенскій бытъ, не потерпитъ ли и самый семейный? Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобъ и пространство, и число, и время набора ополченія были сколь можно короче. Два Кочубея и В. А. Шереметевъ согласны съ моимъ мнѣніемъ; они сообщали мнѣ, что первоначальное предположеніе князя

Паскевича было: всѣ запасные магазины изъ внутреннихъ губерній перевезти на счетъ дворянства къ Бобруйску и что министръ Бибиковъ былъ вообще противъ положенія объ ополченіи (писаннаго Ѳ. Герас. Устряловымъ). Первая мысль объ ополченіи принадлежитъ графу Панину, но онъ въ комитетѣ не присутствовалъ; и вообще ропщутъ, что не были призваны, хотя для совѣта, никто, ни предводители, ни довѣренныя лица, хорошо знающія Россію. Порицаютъ §§ 36—41 положенія, въ которыхъ послѣ столькихъ пожертвованій вызываются новыя пожертвованія, и «постановленія собраній о пожертвованіяхъ исполняются безпрекословно». При бѣдности нашихъ сословій, особенно дворянства, подобныя постановленія могутъ казаться очень тяжкими.

Съ отдѣленіемъ гражданскаго управленія Государю Цесаревичу Наслѣднику не дождемся ли мы какого нибудь общаго преобразовательнаго начала?.. Впрочемъ настоящимъ порядкомъ всѣ довольны.

Говорятъ, кн. Меншиковъ очень нездоровъ; говорятъ, Тотлебенъ измучился, что госпитали переполнены. А съ Запада напираютъ все сильнѣе. Разжигающія статьи «Times» продолжаются; онѣ, по смѣнѣ министерства, настаиваютъ на производствѣ слѣдствія о причинахъ Крымскихъ бѣдствій... Говорятъ, Луи-Наполеонъ самъ станетъ во главѣ арміи и оставитъ Парижъ съ его балами, маскарадами и оргіями.... Говорятъ, Пруссія условилась съ Западомъ о нейтралитетѣ, и Англія требуетъ стѣсненія нашей торговли и безъ того уже очень стѣсненной запрещеніемъ появляться нашимъ колесамъ и кибиткамъ на Прусскомъ шоссе. У насъ заговорило ополченіе: «стальной щетиною сверкая», встаетъ Россія! Лишь бы не по пустому... Султанъ здоровъ, а Государь боленъ. Я не знаю, впрочемъ, кто теперь можетъ быть здоровъ, при этой горячкѣ и лихорадкѣ событій?

Очень читаютъ теперь стихи «Русскому Царю».

Европа противъ насъ. Окружено врагами
Отечество со всѣхъ сторонъ.
Кровавый часъ насталъ, и очередь за нами,
Повсюду мечъ ужъ обнаженъ.
Мы слышимъ клеветы, мы знаемъ оскорбленья
Тысячеглавой лжи газетъ,
Измѣны, зависти и страха порожденья....
Друзей у нашей Руси нѣтъ!....

Начались ополченныя совѣщанія въ Петербургѣ, и въ первый день много толковъ и одушевленія. Но есть и толки объ экономіи по снабженію одеждою и продовольствіемъ. Предводители объявили: готовность полная, но денегъ нѣтъ. Сукно полагаютъ заготовить разныхъ цвѣтовъ, полушубки старые, продовольствіе собрать на мѣстѣ и усло-

виться съ Военнымъ Министерствомъ; на случай движенія продовольствовать по билетамъ (въ родѣ временныхъ акцій, crédit foncier). Думаютъ предложить кандидатовъ: Ермолова, М. Н. Муравьева, графа С. Г. Строгонова, князя И. Л. Шаховскаго. Замѣчательно, что изъ этихъ четырехъ кандидатовъ только Муравьевъ можетъ быть дѣйствительнымъ начальникомъ. Ермоловъ и Строгановъ въ немилости. Все это способно и здороваго сломить, а больному человѣку это ударъ....

Государь скончался сегодня, 18 Февраля, въ часъ. Пусть исторія и гордыня человѣческая попробуютъ расчитаться съ умершимъ! Какой урокъ человѣчеству! Какое разительное зрѣлище! Я никогда не сомнѣвался, что онъ не вынесетъ. Многое и, можно думать, главнымъ образомъ неудачная война, ускорили давленіе на могучій организмъ и довели человѣка, убѣдившагося во многихъ ошибкахъ, до смерти. Такому человѣку оставалось одно: или отреченіе, или смерть.

Дай Богъ всего лучшаго молодому императору Александру II-му! Онъ добръ, снисходителенъ и кротокъ. Пока мы только это и знаемъ. Наслѣдники престола рѣдко проявляютъ настоящій свой характеръ; но, кажется, ничто не препятствовало бывшему Цесаревичу имѣть влеченіе къ людямъ достойнымъ, къ предметамъ занятій серьезнымъ. Мы знали Наслѣдника ходатаемъ за угнетенныхъ, присутствующимъ на всѣхъ парадахъ и посѣщающимъ балы. Ему 36-ой годъ. Пока онъ еще не рѣшался дозволить себѣ самостоятельныхъ дѣйствій. Онъ показывалъ во всемъ примѣръ безпрекословнаго повиновенія Отцу и Государю. О Цесаревнѣ говорили, что она отличается расчетливостью въ расходахъ. Очень можетъ быть, что теперь возметъ верхъ Русская партія (Вас. Дм. Олсуфьевъ?), для которой древнее боярство, древнее одѣяніе, крѣпостное право и т. п. будутъ на дневной очереди. Русская партія хочетъ привести къ думамъ боярскимъ и соборамъ выборныхъ людей. Она конечно была бы не безполезна для распространенія и утвержденія Русской жизни, подавляемой иностранною; но мы удивимся, когда, приступя къ дѣлу, увидимъ, что всѣ эти бояре—маркизы.

Сегодня я присутствовалъ при чтеніи манифеста въ общемъ собраніи Сената и членовъ Сунода и при поздравленіи новаго Императора въ Зимнемъ дворцѣ. Въ Сенатѣ собралось сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ до 70 человѣкъ. Одѣты были не всѣ одинаково (приказъ о черныхъ панталонахъ пришелъ слишкомъ поздно). Мы долго ожидали подписанія протокола, который былъ заготовленъ съ ошибками (кажется, вмѣсто 19-го числа выставлено было 18-ое). Потомъ сенаторы отправились въ церковь для присяги, не всѣ вмѣстѣ, а порознь. Одни подписали, другіе подписывали протоколъ. Когда мы вошли въ церковь, тамъ было уже много народа. Прочли присягу и подписали

листъ. Министръ уже давно уѣхалъ, приказавъ изготовить журналъ и дать подписать сенаторамъ. Въ Зимнемъ дворцѣ (кромѣ церкви) было очень просторно. Новый Императоръ убитъ горемъ, блѣденъ, изнуренъ и грустенъ; тоже видно было и на Еленѣ Павловнѣ. Другихъ членовъ императорской фамиліи я не разсмотрѣлъ... Великіе люди наши, вѣроятно по случаю поздравленія, нарядились въ улыбки, которая не сходила съ устъ графа Панина. Графъ велъ едва движущійся трупъ князя Чернышева, медленно подвигавшаго одну ногу за другою и готоваго упасть на каждомъ шагу. Другой графъ, Орловъ, шелъ бодро, улыбался и разговаривалъ весело. Я уѣхалъ въ три часа... Что̀ мы потеряли? Мы потеряли человѣка съ великимъ характеромъ... Онъ отличался самонадѣянностью, независимостью. И то и другое было въ высшей степени. Стремленіе къ независимости и дало ему то громадное значеніе, которымъ онъ пользовался. Тридцать лѣтъ царствованія его будутъ памятны безчисленными постройками и усиленіемъ государственнаго начала, вызвавшаго демократію. Онъ былъ демократъ изъ демократовъ. Военный смыслъ увлекалъ его къ единству, къ однообразію, къ прямымъ линіямъ, къ регулярности, къ фронту... Заслуги его велики; но не должно забывать при этомъ помощь вѣка и невольнаго сближенія съ Западомъ. Войско, особенно военное хозяйство, финансы, управленіе, просвѣщеніе, все это непремѣнно потребуетъ преобразованій... Но онъ лично самъ обращалъ вниманіе на все и на всѣхъ; онъ многихъ обогатилъ, сдѣлалъ счастливыми, и производительно расходовалъ капиталы: это будетъ свидѣтельствовать объ эпохѣ Николая I. Кажется, три періода должно различать въ этой эпохѣ: начало до 1830, болѣе внутреннее; середину до 1849, болѣе внѣшнее, и подъ конецъ, до 1854, реакція. Удача реакціи привела къ войнѣ, а война убила человѣка.... Многіе порицаютъ, что предсмертное прощаніе обращено только къ войску, и отъ него одного покойный Государь ожидалъ устройства внутренняго и внѣшняго.

Новый Государь повторяетъ желанія и виды Петра I, Екатерины II, Александра и Николая. Впрочемъ все идетъ своимъ порядкомъ. Народъ, допущенный для поклоненія, толпится массами, ссорится съ полиціей, терпитъ давку и увѣчья. Опасаются толковъ о смерти, и даже названіе болѣзни «триппъ» возбуждаетъ вопросъ: не отрава ли, не «грибы ли»?... Опасаются, чтобы Русская партія не задумала учредить аристократію у насъ въ Россіи, а также боятся распространенія крѣпостнаго права даже на крестьянъ казенныхъ (и это въ 1855 г.!) Но мнѣ кажется, опасенія эти преувеличены.... Если направленіе стремящееся приблизиться къ боярскимъ временамъ окажется сильнымъ, тогда мы ближе всѣхъ націй къ перевороту. Впро-

чемъ, въ началѣ царствованія неизвѣстность всегда даетъ поводъ къ толкамъ. Несомнѣнно лишь то, что сильной руки не стало и что раздоры, интриги и вліянія болѣе нежели возможны... Телеграфическіе отвѣты на извѣщенія о смерти весьма пріятны, особенно изъ Берлина и Вѣны. Перемѣщенія, сдѣланныя за день до смерти, одобряются всѣми: кн. М. Д. Горчаковъ на мѣсто князя Меншикова, а на его мѣсто генер. Лидерсъ. Графъ Ридигеръ въ Петербургъ. Цалуя въ Совѣтѣ всѣхъ министровъ, Государь пропустилъ Бибикова.

Нужда въ Крыму обнаруживается. Княжевичъ пишетъ, что въ Ялтинскомъ уѣздѣ начинается голодъ. Поставщикъ топлива (сажень кизяка по 27 р.) хочетъ отказаться. Борисъ М-въ пишетъ, что въ гошпиталяхъ очень плохо; но не такъ какъ разсказываютъ въ Петербургѣ. Особенно онъ хвалитъ дѣйствія Владимира Карамзина, который потратилъ до 30 т. р. и, накупивъ холста, фланели, травъ, простыхъ лекарствъ, приноситъ большую пользу. Но эти господа считаютъ поѣздку въ Крымъ «partie de plaisir», и на ихъ слова полагаться нельзя. Сегодня хоронили адмирала Грейга и генерала Кушелева. По городу читаютъ письмо Ермолова о принятіи имъ выбора (въ начальники ополченія).

Новый Императоръ еще занятъ военными рескриптами. Мало по малу выдвигаются новыя созвѣздія: Витовтовъ, Ростовцовъ, Олсуфьевъ, Юрьевичъ и молодые флигель-адъютанты. Въ городѣ многіе опасаются участвовать въ печальномъ шествіи (вслѣдствіе мороза) и отыскиваютъ предлоги быть въ шубахъ, т. е. только посмотрѣть. Суевѣрные толкуютъ о паденіи колокола въ Москвѣ, легкомысленные гадаютъ о намѣреніи образовать аристократическій элементъ въ обществѣ и управленіи... Покойный императоръ сказалъ своему преемнику: «трудно тебѣ будетъ!» И конечно. Кротость, которая въ другое время могла бы служить прекраснымъ началомъ, покажется слабостью и родитъ предубѣжденія. Иностранные листы узнали о смерти въ самый день смерти и полны 18 Февр. (2 Марта) разсужденіями и надеждами на миръ... Николай умеръ... не совсѣмъ во́ время для дѣла и для самого себя. Я не ожидаю большой перемѣны отъ этой смерти, хотя одна вѣсть о ней возбудила самыя вѣрныя надежды на миръ, возвысила въ одинъ часъ фонды въ Англіи на 2, во Франціи на 5%, привела Кларендона въ Булонь для совѣщанія съ Императоромъ, ускорила распоряженіе о созывѣ конгресса въ Вѣнѣ, побудила отложить поѣздку Луи-Наполеона въ Крымъ.... и готова перемѣнить ту антипатію къ особѣ Николая I, которая видѣла въ немъ врага заклятаго. Эта вѣсть возбудила почти благоговѣніе къ памяти умершаго «великаго человѣка, охранителя порядка въ монархическомъ началѣ, постоянно сильнаго»

Эхо о кончинѣ Императора отдалось во всѣхъ краяхъ и, не безъ основанія иностранцы жалѣютъ объ усопшемъ. Никто такъ не вмѣшивался въ ихъ дѣла, даже внутреннія, какъ покойный Императоръ, во время 30-ти лѣтняго дѣятельнаго царствованія. Онъ былъ самый давній вѣнценосецъ изо всѣхъ вѣнценосцевъ Европы и представитель до-Іюльскаго порядка. Старики: Мекленбургъ-Стрѣлицкій, Виртембергскій, Бельгійскій и Прусскій отшатнулись отъ него и не могли найти въ немъ сочувствія. Только Декабрь 1851 года ихъ сблизилъ. Иностранцы и будущіе историки, пожалуй, скажутъ, что мы даже не понимали умершаго великаго человѣка.... Но вѣдь они, при жизни его, роптали на вліяніе Русское.... Умирая, Государь сказалъ Наслѣднику, что желалъ оставить Имперію устроенною внутри и огражденною извнѣ.... Въ городѣ носятся слухи, что Луи-Наполеонъ убитъ, въ Лондонѣ бунтъ. Къ сожалѣнію, изъ Крыма ничего нѣтъ. Кн. Меншиковъ больной уже оставилъ Севастополь, пожертвовавъ 200 т. р. Ему отданъ домъ на Англійской набережной. Изъ обнародованныхъ свѣдѣній о болѣзни покойнаго Императора видно, что Евпаторійское дѣло произвело на него сильное впечатлѣніе. Иностранныя газеты называютъ кончину Императора «catastrophe, évènement foudroyant»... У насъ тоже говорятъ о насиліи, объ отравѣ. Медики находятъ способъ леченія доктора Мандта совершенно произвольнымъ. Я думаю, что сильнаго человѣка убили событія и боюсь, чтобъ и у насъ отнынѣ событія не сдѣлались сильнѣе людей.

Сегодня перенесли тѣло въ Петропавловскій соборъ, и я сейчасъ вернулся отъ церемоніи. Мы съ 8 часовъ ждали въ душныхъ комнатахъ Главнаго Штаба, приготовляясь, въ мундирахъ, къ морозу въ 9 градусовъ. Объявили, что дозволяется идти въ шинеляхъ. Государь и генералы были въ мундирахъ. Никакого порядка. Ни мѣстъ не знали, ни рядовъ не соблюдали. О грусти и торжественности не было и помину.... Кромѣ войны полиціи съ толпою никакихъ происшествій, кажется, не было. Публики въ окнахъ домовъ было множество, на улицахъ страшная давка... Толки и толки объ ожидаемыхъ перемѣнахъ. Думаютъ объ удаленіи Бибикова и Брока. Но тогда усидитъ ли графъ Киселевъ?... Я шелъ съ вице-директоромъ Военнаго Министерства Устряловымъ и съ и. д. оберъ-прокурора Св. Сѵнода Карасевскимъ. Разговоры были живые, и собраніе походило всего меньше на похороны. Иностранные листы полны извѣстіями о смерти Государя. Разсказъ о послѣднихъ минутахъ разнствуетъ отъ напечатаннаго въ Русскихъ (написано В. И. Панаевымъ). Разговора съ Императрицей, о слезахъ, о насморкѣ, о словахъ къ Наслѣднику нѣтъ ни въ Нѣмецкихъ, ни во Французскихъ газетахъ. Есть, что болѣзнь развилась отъ

безсонныхъ ночей, что безпокойство было постоянное. «Es ist wahrhaft übermenschlich was bei seiner Individualität der Herr im Laufe der letzten Jahren moralisch gelitten und gekämpft hat, wie jeder blessirte Soldat ihm Stich in's Herz war» *), говоритъ Нѣмецъ, и весьма вѣрно. Онъ могъ бы еще прибавить, что война была непопулярна въ Петербургѣ. Весьма можетъ быть, что Николай, прощаясь съ камерфрау Рорбекъ, благодарилъ ее за попеченія о Государынѣ Императрицѣ и прибавилъ: «und grüssen Sie mir meinen lieben Peterhof **). На слова Императрицы, что она желала бы съ нимъ вмѣстѣ отойти, Государь сказалъ: «Нѣтъ, оставайся здѣсь, береги свое здоровье, чтобы быть связью всего семейства.» Послѣднія слова были, говоритъ Пруссакъ: «Dites à Fritz de rester toujours le même pour la Russie et de ne pas oublier les paroles de papa» ***). Это справедливо. Говорятъ, что умирающій передалъ эти слова королю по телеграфу; король будто бы отвѣчалъ: «помню слова отца и прошу быть спокойнымъ»...

Замѣчательна рѣчь новаго нашего Государя дипломатическому корпусу. Но о какомъ Священномъ Союзѣ говоритъ Императоръ? Его можно было подозрѣвать до 1848 года; съ того же времени Пруссія, какъ Англія въ 1815 г., не можетъ считаться въ немъ. Вѣнскіе трактаты порвались еще съ 1830 года, Канингъ и Англія нанесли этому началу ущербъ незалѣчимый.... Пусть уничтожится этотъ союзъ въ могилѣ Николая, который понялъ безнравственность эпохи 1830 годовъ... Геніямъ человѣчества надо указать на развитіе другими путями и постановить порядокъ взаимныхъ отношеній государствъ, основанный не на одномъ огражденіи неприкосновенности правъ престоловъ. Николаю это было трудно, Александру II-му легче.... Обстоятельства принудятъ. При непомѣрномъ развитіи силъ, событія сдѣлались могущественнѣе лицъ, и руководительныя правила не обнимаютъ раздробившееся поприще развитія.... Политика, бывшая доселѣ искусствомъ, умѣніемъ, находчивостью, взошла на степень науки, противъ которой спорить нельзя, особенно при гласности.

Сегодня были похороны. Я, стоя на Невѣ, противъ крѣпости, слушалъ страшный грохотъ пушекъ и ружей, провожавшій нашего громкаго, воинственнаго Императора. По возвращеніи изъ крѣпости, мы читали слово, сказанное протопресвитеромъ Бажановымъ... На

---

*) Дѣйствительно, то что перенесъ и съ чѣмъ морально боролся Государь въ послѣдніе годы, выше силъ человѣческихъ: каждый раненый солдатъ былъ для него ножемъ въ сердце.

**) И поклонитесь за меня моему милому Петергофу.

***) Скажите Фрицу, чтобъ онъ оставался въ прежнихъ отношеніяхъ къ Россіи и не забывалъ словъ отца.

смерть Государя написано уже много стиховъ. Шевырева, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, едва ли не первые. Вотъ лучшее: 18 Февраля 1855 года.

Когда межъ насъ являлся онъ
Какъ ратникъ, вѣчно на походѣ,
Всегда, какъ будто удрученъ
Заботой о своемъ народѣ;
Когда свой взоръ онъ къ намъ склонялъ,
На сквозь имъ душу проникая,
И въ сердцѣ каждаго читалъ
Или коря иль одобряя:
Смущался каждый передъ нимъ! и т. д.
Ты правъ, о Труженикъ великій,
Съ рыданьемъ нашимъ надъ тобой
Звучатъ воинственные клики,
Да слышитъ врагъ земли родной,
Подъ похоронныя молитвы,
Гремя мечами мы зовемъ:
Царь, повели, мы жаждемъ битвы
И побѣдимъ или умремъ
Подъ Александровымъ орломъ!

Прочія стихотворенія еще слабѣе этого. Говорятъ, послѣдній стихъ объ Александровомъ орлѣ прибавленъ министромъ народнаго просвѣщенія А. С. Норовымъ. Довольно хорошо здѣсь выраженъ взоръ, всегда умный и проницательный, карающій и одобряющій. Всего лучше описана смерть:

Онъ палъ, онъ палъ! Языкъ нѣмѣетъ,
Въ испугѣ вѣрить умъ не смѣетъ!
Онъ палъ во цвѣтѣ силъ, красы,
Труда не кончивъ начатаго.
И равновѣсья міроваго
Ужель не дрогнули вѣсы?
Онъ палъ; но палъ какъ жилъ: мгновенья
Не оробѣлъ предъ смертью онъ.
Покоренъ волѣ Провидѣнья,
Презрѣвши боль, сдавивши стонъ,
Преемнику бразды правленья
Спокойной, твердою рукою
Одну вручилъ онъ за другою!

Николай I дѣйствительно умеръ съ большимъ присутствіемъ духа и съ большою нѣжностью къ Государынѣ. 14 Декабря и 18 Февраля славнѣйшіе дни въ жизни этого Монарха.

Въ дополненіе къ воинственному манифесту 19 Февраля, къ словамъ, сказаннымъ гвардіи, дворянству и дипломатическому корпусу, сегодня въ церквахъ читали не менѣе воинственное посланіе Святѣйшаго Сѵнода о защитѣ церкви, престола и отечества съ намеками въ текстахъ на лукавыхъ сосѣдей и съ повтореніемъ текста, сказан-

наго покойнымъ Государемъ: «на Тя уповахомъ, да не постыдимся во вѣки». Посланіе, неизвѣстно чѣмъ вызванное и припоминающее времена Дмитрія Донскаго, Пожарскаго, Минина и 1812 года. Все это хорошо, но не далеко ли заходимъ мы? Ополчая и приходскія церкви, не пробудили ли мы ожиданія и требованія свыше мѣры и болѣе необходимаго? Орудія эти опасны.

Рескриптъ Адлербергу - отцу есть соединеніе всего что̀ только можетъ быть лестнаго для человѣка, министра и подданнаго. На привѣтствіе обращенное къ гвардіи и гренадерамъ отвѣчали генералъ-адъютанты: Сумароковъ, Плаутинъ, Арбузовъ, Витовтовъ изліяніемъ вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ. Графъ Перовскій надѣлъ мундиръ императорскихъ стрѣлковъ. Обѣщаютъ военнымъ красные панталоны. Манифеста милостиваго ждутъ, но позднѣе. Я получилъ уголовные приговоры, утвержденные Государемъ 20 Февраля. Теченіе дѣлъ идетъ порядкомъ. Говорятъ о перемѣнѣ министровъ, особенно Клейнмихеля, Бибикова и Брока. О Джонѣ - Росселѣ изъ Вѣны пишутъ, «qu'il est très coulant» Иностранныя газеты перестали надѣяться на близкій миръ. Много ругаютъ Пруссію. Изъ Крыма, кромѣ мелочей ничего нѣтъ. Кн. Менщиковъ 23 Февраля прибылъ въ Симферополь. 24 въ Крыму еще не знали о смерти Государя. Все еще только и толковъ, что̀ о красныхъ панталонахъ. Впрочемъ, вопросъ о панталонахъ важнѣе нежели кажется, и искренно желательно, чтобъ онъ, уровнявъ и смѣшавъ насъ и военныхъ, высшихъ и низшихъ, пріучилъ общество къ бо̀льшему уваженію личности.

Вопросъ о мирѣ во всѣхъ газетахъ. Patrie, Débats и Indépendance объясняютъ, что для мира взятіе Севастополя не есть и не было необходимымъ условіемъ. Взятіе апрошей 10 (22) Марта съ значительною потерею для Французовъ едва ли измѣнитъ это общее желаніе мира. Партіи во Франціи и Германіи стараются разъединить и поссорить Францію и Англію, выставляя преобладаніе первой и невыгодное положеніе второй, умышленно данное ей Крымскими генералами. Я думаю, что миръ такъ желателенъ, что три императора готовы съѣхаться въ Вѣнѣ, гдѣ и теперь на конференціяхъ, по газетамъ, очень податливы. Но я сомнѣваюсь, чтобъ миръ въ настоящемъ положеніи дѣлъ могъ быть проченъ. Его желаютъ, потому что война никому не удалась, потому что она сто̀итъ дорого и вездѣ привела къ долгамъ, а главное потому, что позади этихъ фалангъ, гибнущихъ и разстроенныхъ, поднимается стоглавая демократія, готовая требовать отчета въ видѣ общаго осужденія неспособныхъ правителей. Событія не подчиняются личнымъ и правительственнымъ предначертаніямъ и берутъ верхъ надъ людьми. Какой-то фатумъ въ народныхъ тучахъ,

покрывающихъ политическій горизонтъ. Кто будетъ доволенъ миромъ? Никто. Война изъ внѣшней сдѣлается только внутренней.

У насъ все толки о панталонахъ, о султанахъ и полукафтанахъ. Многіе говорятъ, что мѣра эта принята для отвода, чтобъ въ тихомолку приготовить преобразованія болѣе важныя. Едва ли это такъ. На преобразованія нынѣ рѣшаться трудно, ибо событія увлекаютъ невольно, приводя далѣе предположеннаго.... Страхъ сильнѣе увѣренности, и съ непомѣрнымъ развитіемъ частныхъ, особенныхъ и мѣстныхъ условій государственная геніальность сдѣлалась очень рѣдкою, чтобы не сказать невозможною. Мы, умы ограниченные, привязались къ одному началу и рабски держимся его, «началу порядка»; но, близорукіе, мы не понимаемъ, что сохраненіе одного порядка, т. е. тишины и безпрекословности, есть отсутствіе живаго начала и что подъ этимъ наружнымъ порядкомъ скрываются такой безпорядокъ, безначаліе, безнравственность, которыя непремѣнно, которыя непримѣтно, измѣнятъ понятія и названія, такъ что самыя положительныя истины, при вынужденой привычкѣ къ терпимости и недобросовѣстной изворотливости, сдѣлались относительными и тянутся, утончаются до такой степени, что ими ничего связать нельзя.

Неблагодаренъ и не стоитъ довѣрія вѣкъ нашъ. Едва похоронили Государя, какъ начались толки, пересуды и порицанія открытыя, и при томъ лицами мелкими, личностями, которыя пресмыкались и не смѣли дозволить себѣ рта разинуть. Сегодня такъ говорилъ со мной директоръ канцеляріи М. И. Топильскій, сидя у князя Дмитрія Оболенскаго и пересказывалъ о такихъ же отзывахъ графини А. А. ...-ой. Впрочемъ, тутъ удивляться нечему. Память Николая, если найдетъ оправданіе, то у историковъ за его стремленіе къ единству; современники были стѣснены этимъ стремленіемъ.

*

Съ 26 Марта по 16 Апрѣля я жилъ въ Москвѣ, гдѣ, отправясь въ деревню, остановилась жена за разлитіемъ рѣкъ. Опять я слышалъ звонъ сорока сороковъ и трезвонъ Москвичей, въ которыхъ необузданность толковъ, требованій, мнѣній съ перемѣною царствованія еще болѣе усилилась. Тамъ къ кончинѣ великаго Государя отнеслись равнодушно. Много пересудовъ и лишнихъ словъ.

Отъ новаго Государя и его совѣтниковъ ожидаютъ: усиленія Русскаго элемента, учрежденія чего-то въ родѣ земской думы, ограниченія чиновничества, отмѣны инвентарей, уничтоженія III-го Отдѣленія, жандармовъ. Военныя дѣла и конференціи остаются въ сторонѣ. Хотя бомбандированіе Севастополя, отказъ отъ 3-го пункта гарантій, прекратившій Вѣнскія совѣщанія и это тріумфальное путешествіе Фран-

цузскаго пройдохи въ Англію и приготовленіе къ поѣздкѣ на Востокъ (или на Сѣверъ?) способны заглушить самыя важныя ожиданія: какое-то головокруженіе и презрѣніе къ настоящему, какая-то безотчетная нетерпѣливость и неопредѣленное вѣрованіе окружаютъ Москвича въ его праздной сферѣ. Точно онъ ищетъ на что опереться и, не находя, ждетъ, что опора явится, заранѣ будучи увѣренъ, что опора эта не въ правительствѣ. Явись великая опасность, Москвичъ будетъ искать спасенія внѣ правительства. Ополченіе для него не дѣло патріотизма, а наемъ. Онъ, какъ выражается А. П. Ермоловъ, набираетъ офицеровъ для своихъ баши-бузуковъ изъ толпы Иверскихъ приказныхъ чиновниковъ и словами Бѣлинскаго, на Французскомъ діалектѣ, называетъ ихъ «la bande des voleurs».

Иное въ Петербургѣ ..... Награды 27 Марта интересуютъ всѣхъ. Игнатьевъ и Бибиковъ настаиваютъ на инвентаряхъ, «проклятыхъ инвентаряхъ», говоритъ Юл. Вас. Шереметева. О національныхъ преобразованіяхъ управленія разсказываютъ тихо, думаютъ медленно, надѣются слабо. Сегодня я долго сидѣлъ и говорилъ съ В. А. Шереметевымъ, очарованнымъ разными назначеніями, о которыхъ ходятъ толки .... Онъ много говорилъ мнѣ вообще о тайнахъ, напоминая старое выраженіе: «en Russie tout est mystère, rien n'est secret. Особенно смущаетъ его всплывшій вопросъ объ инвентаряхъ и разорительность для имѣній двухъ наборовъ и ополченія. Это справедливо, и я боюсь, чтобы эти огромныя силы, за неимѣніемъ врага, не ополчились противъ своихъ, возвратясь вольницей въ бѣдныя свои хижины.

Другое было у графа Панина. Онъ очень интересовался Московскими толками, которыхъ, по неопредѣленности ихъ, я не могъ ему передать. А главное, ему хотѣлось знать о Ермоловѣ. Очевидно, что въ Петербургѣ его боятся и положительно думаютъ, что онъ мечтаетъ о главномъ командованіи. Милиція Московская дѣло второстепенное; она же сформирована, особенно относительно офицеровъ, очень дурно. Графъ Панинъ успѣхъ выбора Ермолова приписываетъ неумѣнью Закревскаго. Я объяснилъ, что Закревскій сдѣлалъ, что́ могъ и что выборъ опальнаго есть выраженіе оппозиціи. Доказательствомъ служитъ выборъ его же въ Петербургѣ и невыборъ его въ его деревнѣ въ Орлѣ, когда императора Николая не было уже на свѣтѣ. Повидимому, военныя дѣйствія могутъ получить огромное развитіе, и тогда имя Ермолова, въ Москвѣ и за Москвой очень громкое, будетъ и произнесено первое въ дни опасности. Алексѣй Петровичъ старъ, тяжелъ и, конечно, во многомъ поотсталъ; но его еще станетъ на время опасностей; да и при томъ тогда бываютъ нужны не столько силы, сколько довѣріе, а довѣріе толпы, массы къ Ермолову весьма сильно.

Письмо Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову о положеніи края распространено болѣе другихъ листовъ. Оно въ самомъ дѣлѣ замѣчательно, особенно по отвѣту (сочиненному въ штабѣ князя Барятинскаго графомъ Владиміромъ Сологубомъ). Муравьевъ желченъ, а накопившаяся желчь изливается по поводу за̀мковъ и городовъ въ Чечнѣ самымъ непритворнымъ образомъ. Письмо его исполнено противорѣчій и очень поверхностно. Отвѣтъ написанъ съ достоинствомъ, и особенно хорошо заключеніе. «Дарованій встрѣчаемъ здѣсь болѣе, нежели въ Россіи; но все погрязло въ лѣни и усыпленіи», говоритъ Н. Н. Муравьевъ. Все это можно сказать вообще о Россіи, и хотя генералъ Муравьевъ слыветъ за весьма способнаго человѣка, но едва ли онъ въ состояніи удостовѣрить, что на Кавказѣ дарованій болѣе, чѣмъ въ Россіи. Генералъ Муравьевъ слишкомъ долго ждалъ и потому слишкомъ скоро хочетъ. Понятія 1816 года Кавказу не по плечу, и если Муравьевъ къ нимъ обратится, то едва ли избѣгнетъ, какъ онъ самъ говоритъ, «нареканія всего населенія».

Дѣла не двигаются ни впередъ, ни назадъ. Все зависитъ отъ хода событій въ Крыму. Наполеонъ туда не ѣдетъ, не надѣясь на вѣрный успѣхъ. А толпа, а эта демократія между тѣмъ растетъ, развивается, уставляется. Она, нетерпѣливая, уже думала было приступить къ дѣлу, низвергнувъ своенравнаго своего представителя; но ей не удалось: вѣрно еще часъ не насталъ и не переполнилась чаша.

«Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». А грустно особенно наше внутреннее управленіе. Эти дни я часто имѣлъ переговоры съ министромъ графомъ Панинымъ. Что̀ занимаетъ этихъ господъ? Или они скрываютъ, или имъ нечего скрывать. Они не видятъ или не хотятъ видѣть, что общественные вопросы переходятъ отъ правительства въ общество и что оно при всякомъ случаѣ выражаетъ мнѣніе противное правительству. Послушали бы эти господа, что̀ говорятъ о наградахъ, о рескриптахъ и т. д. Боятся они, чтобъ вызванный обстоятельствами во главу командованія Ермоловъ не сдѣлался диктаторомъ? Напрасно. Онъ уже старъ. Боятся, чтобъ Н. Н. Муравьевъ не помрачилъ своихъ свѣтлѣйшихъ предмѣстниковъ. Напрасно. Свѣтлѣйшіе уже помрачены, и Муравьевъ слишкомъ педантъ, чтобъ сдѣлаться національнымъ. Надобно бояться крѣпостнаго права, надобно бояться ложной литературы отъ цензуры, надобно бояться недовольныхъ, имя же имъ легіонъ. Какъ не убѣдятся до сихъ поръ, что право есть власть, сила, что все держится, покоится и утверждается на правосудіи и что самый опасный врагъ власти есть неразумное, дурное и злое употребленіе ея. Не то одно, что злоупотребленіе мало по малу вызываетъ противодѣйствіе, ослабляетъ достоинство и запуты-

ваетъ понятія о должномъ и честномъ; но самое рабское исполненіе велѣній власти непримѣтно установляетъ такія новыя отношенія, учрежденія и обряды, которые стѣсняютъ, ограничиваютъ и обезсиливаютъ эту власть. Мы разсуждали на дняхъ о дѣйствіи милостиваго манифеста 27 Марта 1855 года. Его писалъ скорый и самонадѣянный графъ Блудовъ и въ аналитическихъ подраздѣленіяхъ напуталъ такъ, что и распутать трудно. Подраздѣливъ милуемыхъ на подсудимыхъ (прощаемыхъ), на осужденныхъ и наказуемыхъ (облегчаемыхъ), редакторъ смѣшалъ понятія о неокончательныхъ и окончательныхъ рѣшеніяхъ; забылъ упомянуть о сословіи чиновниковъ, забылъ о женщинахъ, о несовершеннолѣтнихъ, пропустилъ отдачу въ солдаты и т. д. Что это за милости, и согласны ли онѣ съ правосудіемъ, съ требованіями общества и съ огражденіемъ самой власти?

Другой предметъ разговора—это крѣпостное право. О немъ говорятъ вслѣдствіе введенія инвентарей въ Бѣлоруссіи. Право это слабѣетъ и подмывается самымъ безпокойствомъ объ его учрежденіи, а каждый день, каждый часъ приближаетъ его уничтоженіе, если не примутъ мѣръ дать ему соотвѣтствующее времени значеніе. При покойномъ государѣ много думали и рядили объ этомъ правѣ, предполагая сперва прямо отмѣнить его, потомъ расширить пути освобожденія; наконецъ, въ 1848 году, остановились на предоставленіи крѣпостнымъ нѣкоторыхъ правъ собственности и на опредѣленіи ихъ взаимныхъ со владѣльцами обязанностей. Это инвентари. Тутъ началось развитіе крестьянскаго права противъ помѣщичьяго, и въ защиту послѣдняго—надобно сказать, система недобросовѣстная и нераціональная. Въ Петербургѣ вздумали опредѣлять мѣстныя отношенія, и опредѣленія эти во многихъ случаяхъ могли казаться нарушеніемъ правъ собственности. Вмѣсто уясненія правъ крестьянъ вѣрнѣе, кажется, было бы уяснить право помѣщика въ точнѣйшемъ опредѣленіи его обязанностей къ крестьянамъ. Это была моя мысль. Для инвентарей теперь не время: и Государь, и Совѣтъ будутъ противъ. Они измѣнены, обрѣзаны и сдѣлались изъ полумѣры четверть-мѣрою.

Прочелъ я акты Вѣнскихъ совѣщаній. Они замѣчательны; но уже содержаніе четырехъ пунктовъ, составившихъ программу этихъ совѣщаній, представляло непреоборимыя затрудненія въ томъ, что хотѣли дать самостоятельность и постоянную крѣпость распадающемуся тѣлу Турціи. Соперничество державъ, столь бдительное нынѣ - добить имперію Солимановъ трактатами. Нынче свяжутъ руки султану, завтра ноги и когда султанъ упадетъ, будутъ спрашивать, какъ же онъ не поддержался. Связаннаго - его понесутъ Англія и Франція, кажется, надолго основавшіяся на Востокѣ. Затрудненія обѣихъ державъ и не-

рѣшительность Крымскихъ военныхъ препріятій заставили принять «совѣщанія» за конгрессъ. Державы прислали двухъ значительныхъ министровъ: Джона-Росселя и Друенъ-де-Люиса, которые съ Али-пашею, въ сообществѣ съ даровитыми Буркене и Прокешъ-Остеномъ, и дѣйствительно составили бы конгрессъ, еслибъ Друенъ-де-Люисъ умѣрилъ свое диктаторство, и еслибъ мы прислали не второстепенныхъ лицъ, каковы князь Горчаковъ и Титовъ. Уступка первая, о княжествахъ, весьма важна. Уступка вторая, о Дунаѣ, почти равна отчужденію; и эту жертву конечно исторгла у насъ Австрія. Говорятъ, что мы дали знать Германіи, что, каковы бы ни были послѣдствія совѣщаній, два эти условія Россія признаётъ отнынѣ обязательными. Говорятъ, что это все очень ловко: мы обезоруживаемъ Германію и удовлетворяемъ Австрію. Можетъ быть. Но уступки очень важны и очень унизительны. Третій пунктъ, главнѣйшій, послужилъ къ разрыву конференціи. Мы всю важность полагали въ томъ, чтобъ настоять: запишите, что мы предлагали и то и се; запишите, что мы послѣдніе внесли проектъ о соглашеніи и слѣдовательно не мы были причиною разрыва. Точно дѣло идетъ о срокахъ или чиновничей отпискѣ. Меморандумъ князя Горчакова съ выписками изъ Фикельмона и маршала Мармона и съ раздражительными упоминаніями о Тунисѣ и Аденѣ, говорятъ, писанъ въ Петербургѣ. Чего они хотѣли и что́ мы предлагали? Они хотѣли уравнительнаго уменьшенія морскихъ силъ Турціи и Россіи. Есть ли какой нибудь смыслъ уравнивать насъ съ Турціей? Наши непокорныя Азіатскія провинціи, обширность нашей торговли и отдаленность отъ Петербурга, конечно, требуютъ на Черномъ морѣ для насъ болѣе кораблей, нежели для Турціи. Въ томъ-то и заключается несправедливость восточнаго вопроса, что какъ поводы его, такъ и самый предметъ не имѣютъ правильнаго и твердаго основанія. Учредить опеку и предоставлять самостоятельность, говорить за Турцію и думать, будто говоритъ Турція, поддерживать слабаго ослабленіемъ сильнаго—показываетъ, что въ дѣйствіяхъ союзниковъ по крайней мѣрѣ нѣтъ прямоты и искренности. Четвертый пунктъ, объ огражденіи интересовъ христіанъ, не дошелъ до разсмотрѣнія. И слава Богу! Мы готовы были выдать ихъ головою и, проповѣдуя до́ма, на площадяхъ и въ селахъ, православіе, уступили бы со-православныхъ покровительству католиковъ и Англичанъ. Хотя графъ Нессельроде и пишетъ, что четвертый пунктъ долженъ быть поставленъ первымъ, но впечатлѣніе на Востокѣ не могло быть въ нашу пользу: мнѣ не легче отъ того, что меня продали бы не первымъ, а четвертымъ на бывшихъ торгахъ въ городѣ Вѣнѣ.

ЛЮДИ ПРЕЖНЯГО ЗАКАЛА.

I. А. М. Симборскій, Динабургскій комендантъ.

(Біографическій очеркъ).

Кто не зналъ Андрея Михайловича Симборскаго въ Динабургѣ? Кто изъ тогдашнихъ Динабургскихъ жителей не помнитъ висѣвшей у него на лѣстницѣ, внизу, дощечки съ надписью: «Покорнѣйше просятъ вытирать ноги?» Остряки доказывали, что надпись эта относилась не до *входящихъ*, а до *выходящихъ*, на основаніи изрѣченія: «отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ». Симборскій драпировался личиною суроваго и строгаго человѣка, въ сущности же имѣлъ прекрасное сердце. Его не нужно было уговаривать ни на какое доброе дѣло: довольно было для этого полуслова. Отличался онъ необыкновенною сметкою и чувствомъ благоприличія. Все, что́ онъ устраивалъ, было складно и изящно; всякую работу онъ непремѣнно доводилъ до конца. Человѣкъ умный и образованный, Андрей Михайловичъ сознавалъ собственное достоинство и отлично размѣрялъ свое обхожденіе съ людьми. Съ аристократами онъ былъ аристократъ, съ младшими и съ подчиненными кратокъ и категориченъ; будучи недоволенъ лицами, непосредственно ему подчиненными, онъ никогда не оскорблялъ ихъ ни крикомъ, ни жесткими словами. Человѣколюбивымъ обращеніемъ съ нижними чинами онъ опередилъ свой вѣкъ, или по крайней мѣрѣ тотъ печальный періодъ, когда мордобитіе было самымъ обыкновенномъ дѣломъ.

Высшій Петербургскій людъ близко зналъ Андрея Михайловича. Въ высочайшіе проѣзды, Динабургъ всегда предназначался для ночлеговъ, и никто такъ не умѣлъ принять гостей, на всемъ протяженіи до Варшавы, какъ Симборскій. Въ особенности жаловала его покойная императрица Александра Өеодоровна, которая во всякій проѣздъ за границу ночевала въ Динабургѣ. Ея Величество находила въ Динабургской крѣпости въ «императорской квартирѣ», свою столичную спальню и кабинетъ безъ малѣйшаго измѣненія: тѣже обои, тѣже драпри, таже мебель отъ Тура и Гамбса, даже на письменномъ столѣ

таже чернильница, тѣже ножи и ножницы и всѣ бездѣлушки. Богъ знаетъ, откуда ухитрялся онъ доставать все, что̀ могло нравиться высокимъ путешественникамъ. Откуда онъ бралъ несвоевременно ананасы, виноградъ, яблоки дивныхъ сортовъ и т. п., это его тайна. Помню анекдотъ по поводу такихъ яблокъ, разсказанный мнѣ самимъ Симборскимъ. Государынѣ очень понравились яблоки. Она взяла одно изъ нихъ и, передавая своему доктору Маркусу, прибавила: «возьмите; я знаю, что вы любите яблоки».—«Это отъ того», замѣтилъ находившійся тутъ же графъ Апраксинъ, «что Мандтъ любитъ груши». Мандтъ состоялъ при Государѣ, и острота графа Апраксина относилась ко взаимному антагонизму между Мандтомъ и Маркусомъ. Симборскій не жалѣлъ издержекъ на украшеніе «императорской квартиры», лично закупалъ въ Петербургѣ все необходимое для нея, и всякое пріобрѣтеніе отличалось изяществомъ. Инженерный Департаментъ, съ генераломъ Геруа во главѣ, никогда не отказывалъ ему въ возвратѣ издержекъ.

Изысканнымъ вкусомъ своимъ, радушіемъ и хлѣбосольствомъ А. М. извѣстенъ былъ давно. Еще въ бытность начальникомъ артилеріи 3-го армейскаго корпуса, при Ридигерѣ, онъ слылъ Лукулломъ. Фельдмаршалъ Паскевичъ говаривалъ, что только у Симборскаго и можно хорошо пообѣдать. Дѣйствительно, А. М. держалъ отличныхъ поваровъ. Въ Динабургѣ онъ каждую недѣлю давалъ обѣды на нѣсколько человѣкъ, держась правила, что число обѣдающихъ должно быть не меньше числа Грацій и не больше числа Музъ. Любимою его поговоркою, почти послѣ каждаго обѣда, было: «Хозяину заботиться сперва о томъ, чтобъ гости его были *здоровы*, а потомъ, чтобъ были *сыты*». Разъ въ годъ, 30 Ноября, въ свои имянины, давалъ онъ блистательный балъ, съ роскошнымъ ужиномъ; но танцы никогда не продолжались далѣе 2-хъ часовъ ночи. Кромѣ того, у него были назначены и Понедѣльники, на которые гости съѣзжались въ 9 часовъ, а въ половинѣ 12-го, послѣ мороженаго, непремѣнно разъѣзжались. Самъ хозяинъ рѣдко игралъ въ карты и то не болѣе трехъ роберовъ ералаша, но предпочиталъ занимать дамъ, съ которыми умѣлъ быть отмѣнно любезенъ.

12 лѣтъ былъ я при немъ адъютантомъ и зналъ его близко. Вставалъ онъ зиму и лѣто въ 6 ч. утра, обливался холодною водою и шелъ гулять. Взглядъ его, какъ хозяина, повсюду бывалъ нуженъ. Малѣйшій безпорядокъ, нечистота, разбитое окно, ничто не ускользало отъ его вниманія. Не было крѣпостныхъ работъ, на которыя не заходилъ бы комендантъ чуть не ежедневно. Въ крѣпости господствовали чистота и свѣжій воздухъ. Кто изъ тогдашнихъ Динабургцевъ

не помнитъ бѣлаго комендантскаго красавца-рысака, который какъ птичка несся по дамбѣ, въ легкихъ дрожкахъ, съ своимъ господиномъ? Вечеромъ Андрей Михайловичъ обязательно бывалъ въ театрѣ (который былъ устроенъ на «Новомъ Форштатѣ» командиромъ инженернаго арсенала полковникомъ Гагельстромомъ съ хорошею труппою актеровъ). Доклады мои онъ принималъ отъ 12 до 3-хъ часовъ, въ 4 ч. обѣдалъ и отдыхалъ ровно часъ. По совѣту врачей, Петша и Конради, онъ выпивалъ по нѣскольку стакановъ воды со льдомъ и даже въ чашку съ чаемъ опускалъ кусочекъ льду.

Вотъ домашній образъ его жизни, не измѣнявшійся ни на волосъ. Исключенія допускались только во время высочайшихъ проѣздовъ. Тогда Андрей Михайловичъ не принадлежалъ себѣ. Тяжелая служба наставала для подчиненныхъ. Комендантъ не спалъ цѣлую ночь, самъ ходилъ по фронту зданія, не дозволялъ никому не только проѣзжать, но и проходить мимо; всѣ улицы ведущія на дворцовую площадь запирались рогатками и барьерами; часовые подводились на цыпочкахъ, смѣнялись шопотомъ и ходили по платформѣ главной гауптвахты въ кеньгахъ, безъ малѣйшаго лязга оружія.

Противъ оконъ комендантскаго дома, съ «императорскою квартирою», находится большой зеленый плацъ, обсаженный въ два ряда пирамидальнымъ тополемъ. Вокругъ этаго плаца идетъ шоссированная пѣшеходная аллея, служащая для прогулокъ крѣпостнымъ жителямъ, такъ какъ по валу прогулка воспрещена, а другихъ мѣстъ для гулянья въ крѣпости нѣтъ. На этомъ плацу до Симборскаго производились смотры войскъ и даже ученья, и потому на немъ было больше пыли и песку нежели зелени. Симборскій, въ первый же годъ прибытія своего, исходатайствовалъ особое высочайшее повелѣніе, дабы на означенномъ плацу производились военныя упражненія *исключительно только въ высочайшемъ присутствіи*. Въ самое короткое время плацъ зазеленѣлъ прекраснымъ бархатнымъ газономъ; его часто выкашивали и укатывали тяжелымъ каткомъ; не только человѣкъ, но ни одна собака не смѣла показываться на травѣ, тщательно охраняемой арестантами, стоявшими по угламъ съ палками.

Разведя на комендантскомъ дворѣ хорошенькій садикъ и украсивъ его цвѣточными клумбами, онъ устроилъ при немъ и небольшую оранжерейку для рѣдкихъ и дорогихъ растеній. Онъ разводилъ сады гдѣ могъ, въ бастіонахъ, на гласисѣ, въ лѣтнемъ военномъ госпиталѣ и проч. Послѣдній былъ построенъ внѣ крѣпости, на сыпучемъ пескѣ и солонопекѣ, довольно далеко отъ лѣса. А. М. удобрилъ песчаную почву и развелъ на ней садъ; въ мое время это былъ прекрасный оазисъ и давалъ уже хорошую тѣнь. Но самый лучшій садъ устроилъ

онъ на гласисѣ, со стороны набережнаго фронта, между Николаевскими и Михайловскими воротами. Фронтъ этотъ былъ засаженъ густою, дикою лозою, между которою не было никакого прохода, даже ни одной тропинки. Симборскій истребилъ всю эту лозу и на мѣсто ея посадилъ нѣсколько тысячъ деревъ и кустовъ, подѣлалъ тѣнистыя аллеи, посѣялъ цвѣтовъ въ клумбахъ, построилъ бесѣдки и даже вокзалъ для танцевъ, барьеры, мостики. Въ лѣтнее время особый комитетъ изъ членовъ военно-крѣпостнаго клуба устраивалъ вечера въ этомъ садовомъ вокзалѣ, съ платою по 10 к. съ особы. Деньги эти шли на музыку, иллюминацію садика, на прохладительные напитки и мороженое. Окрестные помѣщики доставляли Симборскому множество саженцевъ и деревъ для вновь нарождавшихся садовъ.

Онъ завелъ также очень хорошій хоръ при Динабургскомъ военномъ соборѣ. Регентомъ бывалъ всегда комендантскій писарь. По сношенію съ директоромъ придворной пѣвческой капеллы, въ ней приготовлялся къ регентскому званію одинъ изъ выбранныхъ кантонистовъ Петербургскаго баталіона, и назначался писаремъ въ Динабургское комендантское управленіе, на штатную вакансію. Хоръ содержался на частныя пожертвованія. Изъ церковныхъ суммъ платилось только въ придворную капеллу за обученіе регента, кажется по 50 р. въ годъ.

А. М. не былъ жаденъ и лично для себя ничего не требовалъ; но онъ не могъ противустоять теченію и остановить взяточничество и хищеніе. «Доходное мѣсто» и «безгрѣшные доходы» имѣли право гражданства въ Россіи, и промотавшимся баричамъ давались въ командованіе полки, завѣдомо «для поправленія обстоятельствъ». Особенно усердно поправляли свои обстоятельства гг. инженеры. Комендантъ не могъ слишкомъ рѣзко ограничивать произволъ ихъ: иначе его сочли бы въ столицѣ человѣкомъ неуживчивымъ, требующимъ дележа съ инженерами, тормозящимъ развитіе крѣпостныхъ работъ и т. п. и конечно скорѣе сплавили бы его, нежели командира инженерной команды. Въ Инженерномъ Департаментѣ не обращали вниманія на отчеты и смѣты инженерныхъ командъ и утверждали ихъ безпрекословно. Отъ того коменданты вообще держали себя пассивно въ отношеніи инженерныхъ работъ и утверждали своею подписью самые чудовищные акты, какъ напримѣръ: на покупку кирпичнаго щебня, когда команды имѣли его цѣлыя горы на своихъ кирпичныхъ заводахъ; на подвозку воды, когда зданіе сооружалось въ самой рѣкѣ; на наемъ вольныхъ рабочихъ, когда работы производились крѣпостными арестантскими и военнорабочими ротами; на покупку песку, когда веркъ возводился на сыпучей песчаной мѣстности и т. п. Въ

особенности инженерамъ дались два рода актовъ, чуть не еженедѣльно представляемыхъ на утвержденіе коменданта: 1) «По случаю сильно-ненастнаго дня» арестанты въ работу не приняты. Между тѣмъ, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ не случалось ни одного не только «сильно-ненастнаго», но и просто ненастнаго дня, и нѣсколько сотъ арестантовъ продолжало работать изо дня въ день, а инженеры показывали вмѣсто нихъ вольнонаемныхъ рабочихъ. 2) «Сильною свирѣпствовавшею бурею, съ сѣверо-восточнымъ или сѣверо-западнымъ вѣтромъ, съ дождемъ и градомъ» выбито оконныхъ стеколъ въ такомъ-то зданіи столько, въ такомъ столько (глядишь, полторы или двѣ тысячи), когда люди изнываютъ отъ засухи и зноя, и такія бури свирѣпствовали въ одной только инженерной командѣ, а гарнизону и городу не удѣлялись. Между тѣмъ, куда ни взглянешь, зеленыхъ и ржавыхъ стеколъ тысячи, и всѣ требованія коменданта о перемѣнѣ ихъ откладываются въ долгій ящикъ. Особенно безобразили такія стекла прекрасное зданіе военнаго госпиталя, выходящее цѣлымъ фронтомъ на плацпарадное мѣсто, о которомъ говорено выше. Проволочка и недобросовѣстность, разумѣется, не нравились энергичному Симборскому. Разъ утромъ онъ взялъ съ собою ординарца, приказалъ ему вынуть тесакъ и бить въ госпиталѣ стекла, которыя онъ указывалъ; потомъ послалъ меня къ командиру команды сказать, что «сильною, свирѣпствовавшею сегодня бурею, съ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, съ дождемъ и градомъ», разбито въ военномъ госпиталѣ нѣсколько сотъ оконныхъ стеколъ, чтобы они были немедленно вставлены и что акта объ этомъ составлять не нужно. Инженеры исполнили приказаніе. Въ родѣ этаго дѣлались дѣла и въ другихъ частяхъ гарнизона. А потому, А. М. и могъ привлекать начальниковъ различныхъ частей къ участью въ дѣлахъ до общей пользы относящихся. Такъ плацъ-маіоръ долженъ былъ доставлять для пѣвчихъ ежедневно мясо и соль; смотритель госпиталя или, вѣрнѣе, госпитальный подрядчикъ, булки и сбитень; провіантскій коммиссіонеръ муку и крупу; коммисаріатская коммисія сукно и холстъ для одежды и постелей пѣвчимъ; командиръ инженерной команды столы, стулья для нихъ и рабочихъ во всѣ сады; командиръ инженернаго арсенала устраивалъ бесѣдки, скамьи и барьеры въ садахъ, артилерійскій арсеналъ красилъ всѣ эти постройки лафетною краскою. Словомъ, А. М. умѣлъ всѣхъ и вся призвать къ жизни, связалъ разрозненныя звѣнья общества и оставилъ по себѣ въ Динабургѣ самыя лучшія воспоминанія.

Главнымъ антагонистомъ Андрея Михайловича былъ начальникъ Лифляндскаго Инженернаго Округа генералъ Теше, жившій въ той же крѣпости. Онъ постоянно вступался за инженерную команду, вообра-

жая, будто она для коменданта «дойная корова». Между тѣмъ комендантъ строго относился только къ инженернымъ работамъ и въ особенности къ работамъ по «императорской квартирѣ». Тутъ онъ дѣйствительно надоѣдалъ инженерамъ, требуя добросовѣстности и щеголеватости во всякой работѣ, заставляя передѣлывать одно и тоже по нѣскольку разъ, бракуя матеріалы и вещи, которыя инженеры думали поставить по сходной для себя цѣнѣ. Теше былъ суровый Шведъ и такъ же упрямъ, какъ и Симборскій. Оба часто схватывались, дулись другъ на друга, не перекидывались словомъ; но когда Теше, отъѣзжая по округу или возвращаясь изъ поѣздки, долженъ былъ, по уставу, представляться къ коменданту, наступало примиреніе, и не далѣе, какъ на другой день, у Симборскаго или у Теше враги пили чай за однимъ столомъ и играли въ ералашъ до новой ссоры, которая всегда бывала не за горами.

Но главнымъ яблокомъ раздора была такъ называемая «земля помѣщика Молля», обширное луговое пространство на берегу Двины, въ 2-хъ верстахъ отъ крѣпости, купленное Инженернымъ Департаментомъ у помѣщика Молля, для продовольствія лошадей гарнизона въ военное время и отданное въ вѣдѣніе коменданта. При предмѣстникѣ Симборскаго, Гельвигѣ, добромъ и безполезномъ старичкѣ, инженеры завладѣли этимъ участкомъ и пользовались на немъ сѣнокосами всегда изобильными. Симборскій, узнавъ въ чемъ дѣло, тотчасъ же наложилъ на эти сѣнокосы свое veto, обратилъ ихъ для себя, а инженерамъ предоставилъ траву со всѣхъ крѣпостныхъ верковъ и съ эспланады. Пошла переписка, которая длилась десятокъ лѣтъ и окончилась только съ отъѣздомъ Симборскаго. Андрей Михайловичъ не пользовался однакожъ этимъ лугомъ одинъ: онъ давалъ плацъ-маіору по 500 и двумъ плацъ-адъютантамъ по 300 пудовъ каждому сѣна и продовольствовалъ 14 подъемныхъ лошадей, состоявшихъ при комендантскомъ управленіи.

Военнымъ госпиталемъ А. М. занимался также дѣятельно, какъ и садами. Не терпѣлъ онъ главнаго доктора, ст. сов. Рейнфельдта. Это былъ тяжелый Нѣмецъ, всегда противорѣчившій коменданту въ гигіеническихъ вопросахъ. Крѣпко разносилъ его за это Симборскій. Однажды Рейнфельдтъ, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ ему: Я вижу, ваше п-во, что моя фызыономыя вамъ не нравытся, но я не выноватъ; ее выдэлъ Медыцынскій Департаментъ и одобрылъ, когда назначалъ меня сюды». Кончилось однако тѣмъ, что Рейнфельдтъ былъ переведенъ тѣмъ же званіемъ въ Рижскій военный госпиталь.

Канцелярскій пуританизмъ Симборскаго доходилъ до того, что онъ ломалъ себѣ голову: какъ лучше сказать «причина эта», или

«эта причина»?, «вслѣдствіе того», или «а потому» и т. п.; а какъ онъ подчищенныхъ и исправленныхъ бумагъ не выносилъ, то нужно было не рѣдо кизъ-за такихъ мелочей переписывать очень сложныя бумаги. Вотъ отчего не уживались у него старшіе адъютанты, даже самые дѣльные, болѣе года. Теряя терпѣніе, они вступали съ нимъ въ споры, которые пораждали взаимное охлажденіе. Я, какъ молодой и неопытный поручикъ, долженъ былъ, скрѣпя сердце и безропотно, исполнять всѣ бумажные капризы его превосходительства, хотя не рѣдко и приходилось смахивать набѣгавшую на глаза тайную слезу. Въ этой бумажно - педантической борьбѣ прошла вся моя 12-лѣтняя служба при А. М. Симборскомъ. Впослѣдствіи я привыкъ къ ней, считалъ эту борьбу служебною необходимостію, съ удивленіемъ уносилъ подписанную безъ исправленія бумагу и съ безпокойствомъ заглядывалъ въ глаза моему генералу: здоровъ ли онъ? Но первые года служенія были для меня чрезвычайно тяжки. Случалось, что въ изложеніи бумагъ первостепенной важности, какъ напримѣръ адресуемыхъ въ собственныя руки Ихъ Императорскихъ Высочествъ, генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-инспектора инженеровъ, А. М., не довѣряя ни себѣ, ни мнѣ, приглашалъ учителей Русской словесности изъ Динабургской гимназіи и просилъ ихъ отыскивать въ бумагахъ погрѣшности противъ языка и грамматики.

Но не эта работа утомляла меня (писаря въ три дня не успѣвали переписывать того, что̀ заготовлялъ я въ одинъ вечеръ), а доклады. Бывало, съ пустыми бумажонками приду докладывать нарочно ранѣе, часовъ въ 11 и даже въ 10, чтобы скорѣе отдѣлаться, и сижу до 3 или 4 часовъ, послѣ чего возвращаюсь домой измученный, утомленный, ни къ чему неспособный. При кипучей дѣятельности А. М. у него и въ домѣ все кипѣло какъ въ котлѣ: звонокъ не умолкалъ, извѣщая о приходѣ разныхъ лицъ, то по службѣ, то съ визитомъ. Не успѣешь прочитать двухъ строкъ доклада, является лакей съ извѣщеніемъ о приходѣ того-то. «Погодите, я отпущу его», произносилъ А. М. и уходилъ. Эта фраза произносилась разъ тридцать въ утро, и докладъ прерывался даже приходомъ кучера или повара. Особенно надоѣдали мнѣ дамскіе визиты. Иная усидчивая дама сидѣла по часу, переливая изъ пустаго въ порожнее. Впрочемъ, на подобные случаи я имѣлъ приказаніе показываться изъ кабинета въ гостинную: генералъ произносилъ «сейчасъ», дама понимала, что хозяину некогда и вставала. «Извините, меня пилитъ адъютантъ», говорилъ онъ прощавшейся дамѣ и провожалъ ее до передней.

Онъ имѣлъ у себя записную книжку, въ которую вносилъ всѣ приказанія, которыя отдавалъ разнымъ лицамъ, и по мѣрѣ того, какъ

приказаніе исполнялось, онъ вычеркивалъ его изъ книжки. Мнѣ приказано было также носить при себѣ подобную книжку и вписывать въ нее всѣ его приказанія. Независимо отъ того, я получалъ въ теченіе сутокъ по нѣскольку записокъ съ новыми приказаніями. Это съ его стороны было деликатностію; и мнѣ—да и не мнѣ одному—рѣдко приходилось слышать фразу: «пожалуйте къ генералу» и то въ экстренныхъ только случаяхъ.

А. М. самъ не курилъ и не выносилъ табачнаго дыму. Бывало, крѣпко журилъ онъ меня, когда заставалъ въ канцеляріи дымъ. Я долженъ былъ въ началѣ, идучи къ докладу, надѣвать другой сюртукъ и полоскать ротъ. Впослѣдствіи онъ дозволилъ мнѣ курить въ канцеляріи, а много лѣтъ спустя, когда я пріѣзжалъ къ нему въ Петербургъ, самъ предлагалъ мнѣ покурить у камина. Во время Динабургскихъ «Понедѣльниковъ» его, гостямъ, игравшимъ въ карты въ столовой, дозволялось однакоже курить, но для этого открывались форточки и топился каминъ. Крѣпко морщился А. М., если кто нибудь изъ пріѣзжихъ высокопоставленныхъ особъ просилъ разрѣшенія его закурить сигару или папиросу въ гостиной. Разрѣшеніе конечно онъ давалъ, но послѣ того чуть не на сутки открывались всѣ окна и вентиляторы. Также не выносилъ онъ, если отъ кого-нибудь пахло водкою: по уходѣ такого лица немедленно, даже зимою, открывались окна, и производилось куреніе одеколономъ.

Третій мѣсяцъ—срокъ прикомандированія моего къ комендантскому управленію истекалъ; полкъ нашъ долженъ былъ выступать изъ Динабурга и оставалось или назначить меня плацъ-адъютантомъ или возвратить въ полкъ. Симборскій, по исполненіи мною всѣхъ формальностей, вошелъ съ представленіемъ въ Инспекторскій Департаментъ о назначеніи меня плацъ-адъютантомъ въ крѣпость Динабургъ. Это было въ Апрѣлѣ 1847 года. Чрезъ недѣлю полученъ отвѣтъ, что какъ по закону мѣста плацъ-адъютантовъ предоставляются только раненымъ офицерамъ, то офицеръ изъ фронта не можетъ получить просимаго назначенія. Меня это очень огорчило.

«Не огорчайтесь, любезный другъ! Вы еще не знаете духа нашего бюрократизма, или вѣрнѣе канцеляризма: по полученіи перваго представленія, всегда ищутъ *нѣтъ ли причинъ отказать*; находятъ ихъ и отказываютъ; когда откажутъ и по второму представленію, тогда просите въ третій разъ; послѣ третьяго отказа просите въ четвертый разъ и какъ можно настойчивѣе; но если откажутъ и въ четвертый разъ, то.... тогда только и *начинайте просить*». Андрей Михайловичъ дѣйствительно вошелъ обо мнѣ съ вторичнымъ представленіемъ, причемъ написалъ къ дежурному генералу Павлу Николаевичу Игнатьеву соб-

ственноручное письмо, въ которомъ изложилъ, что ему нуженъ правитель канцеляріи, къ чему офицеръ раненый, и слѣдовательно больной, не можетъ быть пригоденъ, но нуженъ офицеръ молодой и здоровый. На это дежурный генералъ весьма вѣжливо отвѣчалъ, что при всемъ желаніи его онъ не можетъ сдѣлать угодное Андрею Михайловичу, потому что не осмѣлится войти съ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору, въ нарушеніе прямаго, категорическаго закона.

— «Я поправлю это дѣло лично въ Петербургѣ», сказалъ мнѣ въ утѣшеніе комендантъ. Онъ дѣйствительно собирался давно ѣхать въ Петербургъ; но рѣшеніе на счетъ меня, повидимому, ускорило эту поѣздку, и онъ уѣхалъ въ Маѣ мѣсяцѣ. Съ дежурнымъ генераломъ у него были довольно жаркія объясненія: одинъ настаивалъ, другой отказывалъ, въ виду собиравшихся на политическомъ горизонтѣ Европы тучъ и вѣроятія Венгерской войны, когда во фронтовыхъ офицерахъ будетъ встрѣчаться большая необходимость. Симборскій, въ опроверженіе этого, доказывалъ, что Государь сдѣлаетъ исключеніе для Динабурга, какъ первоклассной и любимой имъ крѣпости и что въ ней для военнаго времени именно и нужны здоровые офицеры, а не раненые, которымъ мѣсто въ городахъ, но не въ крѣпостяхъ. Кончилось тѣмъ, что о назначеніи моемъ состоялся высочайшій приказъ 7 Іюня, за три дня до выступленія нашего полка изъ Динабурга. И 12 лѣтъ сряду прослужилъ я подъ начальствомъ Андрея Михайловича. Это былъ самый счастливый періодъ моей жизни. Онъ полюбилъ меня, какъ сына; я привязался къ нему, какъ къ отцу.

Въ 1858 году я былъ уже десять лѣтъ капитаномъ и на этомъ мѣстѣ не могъ получить ни слѣдующаго чина, ни ордена. Симборскій не разъ самъ заговаривалъ объ этомъ и предлагалъ мнѣ мѣсто или плацъ-маіора въ Динабургѣ или какое-нибудь другое въ Петербургѣ; но я отказывался: отъ плацъ-маіорства потому, что чувствовалъ въ себѣ силы для занятія болѣе высшей должности, а отъ Петербургскихъ мѣстъ, ради тамошняго климата, какъ уроженецъ Юга. Верхомъ честолюбія моего было быть старшимъ адъютантомъ Главнаго Штаба 1-й арміи въ Варшавѣ. Но Симборскій именно этого и не хотѣлъ.

— Какъ? Неужели я воспиталъ васъ и сдѣлалъ дѣловымъ человѣкомъ для моихъ враговъ Горчакова и Коцебу? Куда хотите, я вашъ ходатай, только не въ Варшаву.

Что у него было съ главнокомандующимъ 1-й арміи и съ начальникомъ Главнаго Штаба Коцебу, я не знаю. Послужной его списокъ заставляетъ догадываться, что у него произошло что-то крѣпко-неладное съ княземъ Горчаковымъ, во время бытности Симборскаго начальникомъ артилеріи 3-го армейскаго корпуса, а князя Михаила

Дмитріевича начальникомъ Главнаго Штаба при Паскевичѣ. Симборскій былъ назначенъ начальникомъ артилеріи Кавказскихъ войскъ, и вслѣдъ затѣмъ назначеніе это было отмѣнено, и онъ былъ переведенъ на Кавказъ только съ званіемъ командира пѣхотной (гренадерской) бригады. На Кавказѣ онъ имѣлъ непріятныя столкновенія съ Коцебу, который былъ тамъ начальникомъ штаба.

Кромѣ этого, Андрей Михайловичъ поставилъ мнѣ непремѣннымъ условіемъ: приготовить на свое мѣсто одного изъ офицеровъ гарнизона и тогда уже думать о собственномъ переводѣ. Въ переговорахъ нашихъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, въ резервномъ баталіонѣ Костромскаго полка я нашелъ поручика Метлина, очень развитаго офицера, и началъ подготовлять его. Комендантъ оставался имъ доволенъ. Когда я увидѣлъ, что Метлинъ можетъ заступить меня хотя на короткое время, я попросился въ отпускъ на десять дней въ Варшаву. Генералъ страшно разсердился.

— Такъ вы все-таки не бросаете безразсуднаго вашего намѣренія перейти на службу къ Варшаву?—Помилуйте, ваше пр-во! Развѣ я уже перехожу? Развѣ это такъ легко, развѣ это въ моей власти? Я могу не найти вакансіи, мнѣ могутъ отказать, какъ человѣку безъ всякой протекціи, никому неизвѣстному. Мнѣ хотѣлось бы только поразвѣдать, могу ли я тамъ и на что́ именно надѣяться?—Нѣтъ, вамъ не откажутъ. Я знаю Коцебу: онъ обѣими руками схватитъ васъ; онъ умѣетъ отличать людей дѣльныхъ. Поэтому именно и не пущу васъ въ Варшаву. Пусть Метлинъ поработаетъ подъ вашимъ руководствомъ годъ, а тамъ посмотримъ.—Но кто же дастъ вамъ офицера для прикомандированія на цѣлый годъ? Метлина потребуютъ въ баталіонъ, и я не въ состояніи выполнить вашего требованія, такъ какъ оно невозможно. — Во всякомъ случаѣ, въ Варшаву я васъ не отпускаю. Это мое послѣднее слово. Прощайте.

Я приходилъ въ отчаяніе. Это было въ началѣ 1859 года.

Послѣ долгой борьбы съ собою, я написалъ къ коменданту два рапорта: одинъ объ увольненіи меня на десять дней въ Варшаву, а другой объ отчисленіи отъ настоящей должности во фронтъ. Оба рапорта эти въ тотъ же день вечеромъ отослалъ я къ коменданту.

На другой день Андрей Михайловичъ позвалъ меня и, подавая мнѣ оба рапорта, сказалъ: Чтобъ доказать вамъ, что я не такъ упрямъ, какъ вы, разрѣшаю вамъ поѣздку въ Варшаву. Уничтожьте рапортъ объ отчисленіи.

По прибытіи въ Варшаву, я прямо явился къ дежурному генералу Василію Ивановичу Заболоцкому.—Ваше п—во, сказалъ я ему, я служу 12 лѣтъ правителемъ канцеляріи при генералѣ Симборскомъ

въ Динабургѣ, состою больше 9 лѣтъ въ капитанскомъ чинѣ и затѣмъ не предвижу для себя ничего въ будущемъ. Я человѣкъ бѣдный, безо всякой протекціи; потому что мой начальникъ, по прежнимъ отношеніямъ своимъ къ главнокомандующему и къ начальнику Главнаго Штаба, рекомендовать меня не станетъ. Между тѣмъ, я желалъ бы служить подъ вашимъ начальствомъ и потому осмѣливаюсь явиться прямо къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: прикажите испытать меня въ Главномъ Штабѣ; если я буду на что-нибудь годиться, то осчастливьте принятіемъ къ себѣ на службу. Я собственно для этого и просился въ десяти-дневный отпускъ.

Генералу Заболоцкому понравилась моя откровенность. Онъ приказалъ мнѣ походить съ недѣлю въ главное дежурство и поступить въ распоряженіе начальника 1-го отдѣленія ст. сов. Праведникова. Испытаніе состояло въ томъ, что мнѣ дали сдѣлать выписку изъ одного слѣдственнаго дѣла. Первый день я читалъ это дѣло и записывалъ на особомъ листѣ мои замѣтки; на другой день составилъ выписку и часамъ къ 3-мъ пополудни передалъ ее Праведникову. Тотъ прочиталъ ее внимательно.—Эге! да васъ учить не нужно. Завтра я доложу вашу выписку дежурному генералу.

На слѣдующій день дежурный генералъ прислалъ за мною.—Я не только согласенъ на вашъ переводъ, но скажу вамъ болѣе: намъ такіе люди нужны. Явитесь завтра къ начальнику Главнаго Штаба. Я сегодня говорилъ съ нимъ про васъ. Предупреждаю однако, что у насъ нѣтъ еще вакансіи старшаго адъютанта, а она откроется не ранѣе осени.

Коцебу также принялъ меня прекрасно. — Васъ рекомендуетъ одно то, что вы служите 12 лѣтъ у Симборскаго, у котораго адъютанты не уживались долѣе года. Вы прошли хорошую школу. Я принялъ бы васъ и безъ испытанія; но у меня нѣтъ еще вакансіи; первая же вакансія—ваша

— Не смѣю скрыть отъ вашего высокопревосходительства, что мой начальникъ не желаетъ отпускать меня отъ себя; а приготовить на свое мѣсто другаго офицера, въ годовой срокъ, я не могу.

— Весьма понятно, почему онъ васъ не отпускаетъ; по закону, однако, задержать васъ онъ не имѣетъ права, ежели послѣдуетъ отъ насъ вопросъ, нѣтъ ли препятствій къ вашему переводу. Но старайтесь не разсориться съ нимъ, а покончить «лагодно». (Польское выраженіе *миролюбно, спокойно*). Ожидайте осени.

Я еще разъ поблагодарилъ и вышелъ; но Коцебу, выйдя изъ кабинета въ переднюю, гдѣ мнѣ подавали шинель, еще разъ сказалъ:

Капитанъ! Не думайте, что я обѣщалъ вамъ вакансію только для того, чтобъ отъ васъ отдѣлаться; нѣтъ, я непремѣнно возьму васъ.

Говорятъ, что это была необыкновенная, безпримѣрная любезность съ его стороны. Меня однакоже она не особенно восхитила: я понялъ, что тутъ играетъ роль не личность моя, а желаніе досадить Андрею Михайловичу.

Я уѣхалъ обратно въ Динабургъ, пробывъ въ Варшавѣ всего пять дней.

— Что же такъ скоро? спросилъ комендантъ. Очаровалъ васъ коварный Коцебу или оттолкнулъ?

— Онъ обѣщалъ мнѣ мѣсто старшаго адъютанта, но не скоро, когда откроется вакансія.

Лицо Симборскаго какъ будто просвѣтлѣло.

— Что же онъ сказалъ, когда узналъ, что вы мой адъютантъ?

— Сказалъ, что это моя рекомендація; а какъ при васъ я прошелъ прекрасную школу, то и подвергать меня испытанію нѣтъ надобности.

— О, я знаю, что онъ возьметъ васъ, хотя бы для того, чтобы мнѣ насолить.

Шли мѣсяцы, и ничто не возмущало нашего согласія. Метлинъ былъ возвращенъ въ свой баталіонъ.

Осенью получено свѣдѣніе, что въ первыхъ числахъ Ноября, на обратномъ пути изъ Крыма, Государь Императоръ изволитъ смотрѣть въ Динабургѣ войска. Въ тоже время полученъ изъ Варшавскаго Главнаго Штаба вопросъ, нѣтъ ли препятствій къ моему переводу? Симборскій въ гнѣвѣ скомкалъ бумагу и сказалъ:

— До пріѣзда Государя Императора объ этомъ не можетъ быть и рѣчи!

Но вотъ и высочайшій проѣздъ совершился благополучно. Его Величество благодарилъ войска, благодарилъ коменданта за отличный порядокъ въ крѣпости. Дѣла опять вошли въ свою колею.

Однажды, послѣ доклада, А. М. подалъ мнѣ бумагу Коцебу. «Надобно отвѣчать на эту бумагу: иначе Коцебу, чтобъ досадить мнѣ, повторитъ вопросъ. Какія же я могу представить препятствія? Вы платите мнѣ неблагодарностію. Я хотѣлъ самъ позаботиться о вашей судьбѣ, хотѣлъ чтобъ вы мнѣ были обязаны вашею будущностію. Куда хотите, я могъ бы перевести васъ, только не въ Варшаву. Если не хотите въ Петербургъ, то Россія не клиномъ сошлась, славу Богу!»

Крѣпко я былъ взволнованъ, слушая эту рѣчь. Я чувствовалъ, что поблѣднѣлъ; слезы меня душили и готовы были брызнуть. Я чуть-

чуть не отказался отъ предлагаемаго мѣста; но было поздно: дѣло зашло слишкомъ далеко.

— Будь по вашему! докончилъ А. М. Вытребуйте опять Метлина для прикомандированія.

Отвѣтъ былъ посланъ, и чрезъ десять дней состоялся высочайшій приказъ о моемъ переводѣ. Вслѣдъ затѣмъ Коцебу потребовалъ отъ коменданта письменныхъ обо мнѣ свѣдѣній и скорѣйшаго отправленія меня къ новому мѣсту служенія.

Наканунѣ моего отъѣзда онъ былъ у меня; а на другой день, прощаясь съ нимъ, мы оба плакали и горячо обнимались.

— Полноте! сказалъ мнѣ Симборскій, посмотримтесь въ зеркало, на что̀ мы похожи: мы оба разрыдались какъ бабы!

Не помню, какъ я вышелъ отъ него; но когда проѣзжалъ мимо его квартиры, онъ стоялъ у окна и на прощанье махнулъ мнѣ бѣлымъ платкомъ.

Недолго послѣ меня оставался онъ въ Динабургѣ: аудиторы, которыхъ онъ никогда не жаловалъ, сдѣлали военному министру доносъ, въ которомъ ложно обвиняли его въ вымогательствѣ и взяточничествѣ. Все что̀ онъ сдѣлалъ хорошаго для Динабурга было поставлено ему въ вину, потому что изъ всего этого онъ будто бы извлекалъ для себя барыши. Военный министръ прислалъ въ Динабургъ одного доку для производства дознанія. Тотъ долго рылся, разгребая разный соръ, но ничего не могъ добиться: никакого вымогательства не нашлось, и всѣ начальники частей показали, что добровольно участвовали въ разныхъ полезныхъ затѣяхъ коменданта и охотно ихъ поддерживали. Тогда аудиторъ написалъ военному министру, что онъ не добьется правды, покуда нынѣшній комендантъ и плацъ-маіоръ полковникъ Байбаковъ будутъ оставаться на своихъ мѣстахъ, такъ какъ ихъ всѣ боятся и скрываютъ истину. Это было въ началѣ 1861 года.

Разъ ночью, въ 2 часа, пріѣзжаетъ къ плацъ-маіору съ Новаго Форштадта квартальный надзиратель.

— Пожалуйте къ *новому* коменданту, генералу Іолшину (бывшему до того начальникомъ III-го округа корпуса жандармовъ). Онъ остановился въ гостиницѣ Будревича и послалъ меня за вами.

Байбаковъ ужасно встревожился. Іолшинъ встрѣтилъ его словами:

— Вотъ вамъ высочайшій приказъ объ увольненіи въ отставку Симборскаго и васъ. Я назначенъ комендантомъ. Передайте сейчасъ приказъ этотъ Симборскому и скажите, чтобы онъ къ 11-ти часамъ утра очистилъ для меня комендантскую квартиру.

Удивительно, какъ съ Байбаковымъ, человѣкомъ полнымъ и сырымъ, не сдѣлался тутъ же ударъ (котораго онъ не избѣжалъ однакоже нѣсколько позднѣе).

Къ 11 часамъ утра Симборскій очистилъ нѣсколько комнатъ для новаго коменданта, въ остальныхъ сложилъ временно свои вещи, а самъ переѣхалъ къ кому-то изъ начальниковъ частей на квартиру, радушно предложенную. Вѣсть о такой неожиданной смѣнѣ была громовымъ ударомъ для Динабурга. Всѣ ихъ любили искренно.

Скоро послѣ того Андрей Михайловичъ Симборскій переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, а Байбаковъ умеръ отъ апоплексическаго удара, оставивъ жену и шестерыхъ дѣтей.

Аудиторъ и послѣ смѣны ихъ ничего не добился; никакого слѣдствія, ни суда не было, и дѣло кануло въ вѣчность. Эти два человѣка пострадали напрасно.

Между тѣмъ, въ Варшавѣ начались безпорядки. 1861-й и 1862-й годы были годами манифестацій, оскорбленія Русскихъ людей и бездѣйствія Русскихъ властей, запуганныхъ мальчишками и уличнымъ сбродомъ. Андрей Михаиловичъ постоянно осаждалъ меня требованіями писать къ нему подробнѣе и побольше о томъ, чтó у насъ дѣлается, такъ какъ свѣдѣнія изъ газетъ чрезвычайно были сжаты и неудовлетворительны. Какъ старшій адъютантъ Главнаго Штаба, я могъ знать и видѣть больше нежели газетные репортеры и потому описывалъ Симборскому всѣ Варшавскія событія ярко, не щадя виноватыхъ ни съ одной, ни съ другой стороны; писалъ съ полною откровенностью, зная, что письма эти у него и погибнутъ и ни въ какомъ случаѣ не будутъ преданы гласности.

Разъ поздно вечеромъ зашелъ ко мнѣ камергеръ Степанъ Ѳедоровичъ Панютинъ и сказалъ:—Я сегодня пріѣхалъ изъ Петербурга. Знаете ли, что меня Государь спрашивалъ объ васъ?

Я вскочилъ въ испугѣ.

— Не пугайтесь. Его Величество отозвался о васъ очень милостиво. При представленіи моемъ Государь изволилъ спросить, знаю ли я васъ въ Варшавѣ, и когда я сказалъ, что знаю очень хорошо, потому что вмѣстѣ состоимъ при главнокомандующемъ, Его Величество что-то сказалъ о какихъ-то вашихъ письмахъ, чего я не понялъ. Можете быть увѣрены, что я доложилъ о васъ все самое хорошее. Къ кому вы писали и о чемъ, я ровно ничего не знаю; но изъ словъ Государя я понялъ, что онъ теперь «знаетъ всю правду».

Покуда С. Ѳ. Панютинъ это говорилъ, на мнѣ сдѣлалась мокра вся рубашка. Долго однако я не могъ придти въ себя. Что за письма? Не корреспонденціи же мои въ «Московскія Вѣдомости и въ «Русскій Инвалидъ»: онѣ не секретъ и выходятъ въ печати.

Прошло еще два бурныхъ года въ Варшавѣ. Симборскій жилъ въ Петербургѣ, откуда однажды уѣзжалъ за границу, гдѣ ему сняли катаракты.

Въ 1864 году я поѣхалъ въ Петербургъ, и конечно первымъ моимъ долгомъ было зайти къ Андрею Михайловичу. Это была первая встрѣча послѣ нашей разлуки.

Меня непріятно поразило, что онъ былъ въ статскомъ платьѣ.

— Чтó это значитъ, Андрей Михайловичъ, почему вы не носите военной формы?

— Мундира въ отставкѣ! Да ктожъ его носитъ? Развѣ можно надѣвать эту оборванную, общипанную, разжалованную форму? Ее выдумали тѣ, которые были убѣждены, что никогда не надѣнутъ ее сами, потому что умрутъ членами Военнаго или Государственнаго Совѣта. Въ наше законодательство напрасно внесена устарѣлая фраза «съ мундиромъ», потому что никому онъ не нуженъ.

— Помилуйте, вѣдь это награда. Я видѣлъ однакоже нѣсколько отставныхъ генераловъ въ военной формѣ.

— Хороша награда, когда ее всѣ отвергаютъ. Изъ генераловъ только тѣ щеголяютъ красною подкладкою своего пальто, которые не носили ея на службѣ, т.-е. генералы-апликэ. Знаете, чтó я вамъ разскажу объ одномъ моемъ знакомомъ отставномъ полковникѣ—и это не анекдотъ, а истинное происшествіе, о которомъ многіе говорятъ въ Петербургѣ. Полковникъ этотъ, въ своей отставной формѣ, ѣхалъ на извозчикѣ и курилъ сигару. Вдругъ на ступеньку дрожекъ вскакиваетъ какой-то деньщикъ. «Землячокъ любезный, одолжи огоньку». Полковникъ былъ озадаченъ и молча подалъ сигару. Деньщикъ закурилъ свою папиросу, потомъ потянулъ раза два сигару и, возвращая ее полковнику, прибавилъ: «Должно быть ты порядочно обкрадываешь своего барина, когда куришь такія дорогія сигары». Ясно, что деньщикъ принялъ отставнаго полковника, по его костюму, за такого же деньщика, какъ и самъ онъ. Но я надѣюсь скоро опять надѣть генеральскую форму, потому что попрошу милости у Государя о принятіи меня вновь на службу, съ зачисленіемъ по артилеріи. Я привыкъ носить эполеты чуть не съ дѣтства.

Потомъ онъ пригласилъ меня съ собою обѣдать въ Англійскій клубъ, прибавя: Вы сегодня мой гость, и я сейчасъ пошлю къ генералу Крыжановскому просить, чтобы онъ мнѣ уступилъ на сегодня свою очередь для ввода гостя въ клубъ.

Въ клубѣ я встрѣтилъ многихъ моихъ знакомыхъ и двухъ прежнихъ начальниковъ, Крыжановскаго и Рамзая. Первый пригласилъ меня обѣдать къ себѣ на завтра, и Рамзай обязалъ быть его гостемъ въ Англійскомъ клубѣ послѣ завтра. Тутъ же Симборскій представилъ меня начальнику штаба корпуса жандармовъ и управлявшему III Отдѣленіемъ С. Е. И. В. Канцеляріи.

— Рекомендую вамъ, сказалъ Симборскій —такой-то. Онъ сдѣлалъ мнѣ славу уживчиваго человѣка, потому что прослужилъ у меня адъютантомъ двѣнадцать лѣтъ.

— Я васъ знаю, обратился ко мнѣ *, подавая руку. Въ прошломъ году вы были ранены отравленнымъ кинжаломъ. Съ владѣльца дома, въ который скрылись ваши убійцы, взыскано штрафа 20 тысячъ рублей, которые и переданы вамъ.

— Мнѣ?.. Съ владѣльца дома, Гродзицкаго, дѣйствительно взыскана эта сумма; но я не видалъ изъ нея мѣднаго гроша. Еслибы я получилъ такую сумму, то вѣрно не былъ бы сегодня въ Петербургѣ.

— Чѣмъ же васъ наградили?

— Ничѣмъ. Еще нѣтъ двухъ лѣтъ какъ я получилъ Станислава на шею, а штабная служба моя не считается бытностію въ военныхъ дѣйствіяхъ.

— Кромѣ того, продолжалъ *, я знаю васъ по письмамъ къ Андрею Михайловичу. Они послужатъ матеріаломъ для исторіи послѣдняго Польскаго мятежа.

— Кстати, Андрей Михайловичъ, перебилъ я, обращаясь къ Симборскому, какимъ образомъ письма мои удостоились такого вниманія?

— Я самъ отвозилъ ихъ къ шефу жандармовъ князю Долгорукову и просилъ довести до высочайшаго свѣдѣнія, что за безобразія творятъ въ Варшавѣ этотъ выжившій изъ ума старикъ Горчаковъ и совѣтчикъ его Коцебу. Бѣдные Русскіе, что̀ они тогда вытерпѣли!

Такимъ образомъ загадка разъяснилась.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Варшаву я имѣлъ величайшее удовольствіе прочитать, что генералъ-лейтенантъ Симборскій 1-й вновь опредѣленъ на службу, съ зачисленіемъ по полевой пѣшей артилеріи. Въ этомъ положеніи онъ и оставался до смерти.

Послѣ столь рѣзко высказаннаго Андреемъ Михайловичемъ мнѣнія объ отставномъ мундирѣ, я сталъ замѣчать, что отставные какъ будто стыдятся той награды, которую старинный законъ даетъ имъ за отлично-усердную и нерѣдко запечатлѣнную кровью службу. Конечно всѣмъ извѣстно, какой въ нынѣшнемъ году произвело между отставными военными восторгъ извѣстіе, появившееся въ газетахъ, будто имъ *возвращаютъ* эполеты (какъ будто послѣдніе были *отняты* за какой-нибудь штрафъ); какъ отставные ликовали и благословляли высшее начальство за то, что оно, заботясь столько о строевыхъ, простерло свою милость и на отставныхъ и какое горькое наступило потомъ разочарованіе, когда узнали, что извѣстіе это было только газетною уткою. А жаль! Можно съ увѣренностію сказать, что еслибы отстав-

ному мундиру были присвоены эполеты, то всѣ отставные поголовно надѣли бы его и дѣйствительно считали бы его высокою наградою.

Прошло еще около трехъ лѣтъ. Я долженъ былъ, по дѣламъ службы, съ мѣсяцъ пробыть въ Петербургѣ. Каждый день бывалъ я у Андрея Михайловича и часто встрѣчался тамъ съ двумя родными братьями его, Іеронимомъ и Дмитріемъ Михайловичами. Первый былъ также артилерійскій генералъ-лейтенантъ, а второй — генералъ-маіоръ въ отставкѣ. Дмитрій Михайловичъ имѣлъ большое семейство; другой же братъ былъ бездѣтенъ.

Однажды я засталъ Андрея Михайловича въ сильномъ волненіи: онъ спорилъ съ какою-то Петербургскою чуйкою. Андрей Михайловичъ говорилъ:

— Я сторговалъ въ зеркальномъ магазинѣ цѣльное зеркало въ печной простѣнокъ, такихъ-то размѣровъ, за 300 рублей; между тѣмъ вы вставили стекло меньшихъ размѣровъ и требуете тоже 300 рублей.

— Помилуйте, ваше пр-во, возражала чуйка, потряхивая волосами: это ничего, что стекло меньше рамы простѣнка; за то мы отрѣзали отъ другихъ зеркалъ вершка по два и съ трехъ сторонъ заполнили недостающее пространство.

— Но я не хочу зеркала со вставками; я сторговалъ за 300 рублей цѣльное.

— Не нашлось у насъ такихъ размѣровъ цѣльнаго-съ. Но все равно, простѣнокъ заполненъ.

— Не все равно! Цѣльное не кусковое. Зачѣмъ же вы брались за поставку, когда требуемыхъ стеколъ не имѣли?

— Надѣялись достать въ другихъ магазинахъ, да не нашли-съ

— Мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Я не принимаю такого стекла. Унесите его назадъ.

— Ну нѣтъ, ваше п—во, уносить назадъ намъ не приходится; убыточно будетъ; все же вставка, провозъ, работа-съ.

— Такъ вы насильно хотите навязать мнѣ вашъ неподходящій товаръ? Повторяю вамъ, что я не принимаю его; берите себѣ назадъ.

— Какъ вамъ угодно, ваше п-во, а товару назадъ мы не беремъ; мы испортили для васъ одно зеркало на разрѣзки для вставокъ. По настоящему, вы и за то зеркало намъ заплатить должны. Какъ вамъ угодно-съ: или пожалуйте денежки, или я обжалую васъ у мироваго судьи.

— Жалуйтесь! Не знаю, какой мировой судья найдетъ вашу жалобу справедливою. Денегъ я вамъ не отдамъ и зеркало свое возьмите.

Чуйка ушла. Это былъ мѣщанинъ Лопатинъ, прикащикъ изъ зеркальнаго магазина.

Кто не помнитъ первыхъ мировыхъ судей при введеніи новаго судопроизводства? Всѣ лучшія юридическія силы ушли тогда въ окружные суды, въ судебныя палаты, въ прокуратуру, въ присяжные повѣренные и т. п.; а балотироваться въ мировые судьи, за немногими исключеніями, пошли тѣ, которымъ не было мѣста въ судахъ, да и вообще въ государственной службѣ. Общество избирало всякаго, благо онъ изъявлялъ желаніе и подходилъ подъ извѣстныя условія, не разбирая ни его характера, ни наклонностей, ни образа мыслей, и потомъ само ахнуло, кого избрало на свою шею! Первые мировые судьи, выходя нерѣдко изъ ничтожества, почувствовали подъ собою почву, а въ рукахъ власть, и у нихъ закружилась голова. Имъ предоставлялась обширная арена для проявленія этой власти, особенно надъ классомъ высшимъ, мстить которому теперь открывалась широкая возможность, и вотъ эта месть, во всемъ безобразіи своемъ, и начала проявляться на каждомъ шагу. Судьи вообразили себя Крыловскими журавлями на болотѣ, на которомъ имѣли право засудить и проглотить всякую встрѣчную лягушку. Опираясь на свою «несмѣняемость», они считали себя неограниченными повелителями общества и задались, какъ говорили тогда, тенденціозною мыслію «уничтожить это старое, отжившее свой вѣкъ дворянское сословіе и замѣнить его силами изъ народа». Поэтому они всемѣрно старались унижать и оскорблять дворянъ вообще и генераловъ въ особенности. Они извратили великую мысль законодателя, сдѣлали ее орудіемъ мелкихъ страстишекъ, забыли основную мысль: «милость и правда да царствуютъ въ судахъ» и затѣяли передѣлать Русскую жизнь на свой ладъ. Купецъ не смѣлъ выругать негодяя-прикащика, выдрать за уши баловника-мальчишку: это называлось самоуправствомъ и наказывалось арестомъ; служанка, ударившая свою барыню или дворникъ хозяина, оправдывались, какъ сдѣлавшіе это «въ запальчивости и раздраженіи»; а барыня, только выругавшая служанку или, баринъ оскорбившій словами дворника или кучера, подлежали оштрафованію. Такого рода судьи положили начало «войнѣ съ капиталомъ» и породили тѣхъ «народниковъ», которые потомъ «пошли въ народъ» и съ которыми правительству пришлось бороться. Странно, что и лучшіе люди, попавшіе въ этотъ водоворотъ, также были увлечены теченіемъ или, какъ тогда говорили, *вѣяніемъ* и раздѣляли эти чудовищныя начала! Мало того: между судьями появлялись и скоморохи, которые вопросами своими подсудимымъ или тяжущимся заставляли публику, находившуюся въ ихъ каморѣ, хохотать до слезъ.

Журналистика такъ много говорила о непригодности первыхъ мировыхъ судей; но ни одинъ изъ судей не осмѣлился выступить въ

защиту своей корпораціи печатно и живымъ словомъ и примѣрами доказать всю пользу, какую приноситъ она народной жизни и поднятію нравственности; напротивъ, они умѣли только привлекать авторовъ къ суду за оскорбленіе въ печати, но не оправдываться въ глазахъ общества, чѣмъ и доказали, что они дѣйствительно были чужды обществу, стали не средствомъ оздоравливающимъ организмъ его, а разъѣдающею язвою.

Лопатинъ исполнилъ свою угрозу и обжаловалъ мировому судьѣ, дѣйств. ст. сов-ку К. Чрезъ нѣсколько дней къ Симборскому пришелъ судебный приставъ Олтаржевскій, вмѣстѣ съ Лопатинымъ, и предъявилъ исполнительный листъ, постановленный по заочному рѣшенію мироваго судьи, о взысканіи съ Симборскаго 300 рублей въ пользу Лопатина. Приставъ объявилъ, что долженъ приступить къ описи имущества, если не получитъ денегъ. Олтаржевскій былъ знакомъ Симборскому, какъ братъ жены Динабургскаго инженера Мяновскаго.

— Что̀ это значитъ, спросилъ его А. М., на какомъ основаніи г. К. поставляетъ заочное рѣшеніе, когда я въ городѣ, и слѣдовательно онъ долженъ былъ выслушать мое оправданіе?

— Этого я не знаю, ваше п-во. Онъ самъ вручилъ мнѣ исполнительный листъ.

— Въ такомъ случаѣ я протестую противъ этого рѣшенія и подамъ прошеніе мировому судьѣ.

— Вы имѣете на то законное право, но я все таки долженъ исполнить мою обязанность и описать хотя нѣкоторыя вещи ваши, впредъ до новаго рѣшенія судьи.

Андрей Михайловичъ жилъ въ великолѣпной квартирѣ, на Дворцовой набережной, и квартира эта была меблирована съ самою изысканною роскошью. Олтаржевскій записалъ три или четыре вещи, въ десять разъ превышавшія стоимостію цѣну иска и удалился.

Вечеромъ А. М. встрѣтилъ въ Англійскомъ клубѣ К-а и спросилъ его, по-пріятельски, такъ какъ они были коротко знакомы: Что это вы постановили обо мнѣ заочное рѣшеніе, по дѣлу этого жулика Лопатина?—Ахъ, оставьте разговоры о дѣлахъ! отвѣчалъ тотъ очень неделикатно: онѣ надоѣли мнѣ днемъ, а здѣсь въ клубѣ я хочу отдохнуть отъ нихъ. Подавайте, если хотите прошеніе.

Прошеніе составили мы вмѣстѣ съ А. М., и я переписалъ таковое собственноручно; при немъ приложена и разцѣночная вѣдомость зеркаламъ въ квадратныхъ вершкахъ, писанная Лопатинымъ. Изо всего было видно, что прикащикъ не исполнилъ условія, требовалъ за меньшихъ размѣровъ зеркало туже цѣну, что̀ полагалась за боль-

шое и обезобразилъ гостиную, вставивъ надкаминное зеркало изъ кусковъ.

Чрезъ нѣсколько дней Симборскій получилъ отъ К-а повѣстку, чтобы для разбирательства его дѣла онъ явился тогда-то въ его камеру въ 11 часовъ ночи.

— Посмотрите, какая неделикатность! сказалъ онъ, показывая мнѣ повѣстку: судья вызываетъ меня, больнаго старика, въ 11 часовъ ночи, когда въ это время я всегда уже въ постели!

— Чтоже дѣлать? отвѣчалъ я. Не будь вы генераломъ, съ вами такъ не поступили бы... Но ѣхать необходимо. Я не отпущу однако васъ одного: поѣдемъ вмѣстѣ.

Въ назначенный вечеръ мы пріѣхали въ камеру К-а. Толпа народу, вонь отъ промозглыхъ зипуновъ и тулуповъ, сквозной вѣтеръ, холодно и сыро отъ нанесеннаго огромными сапожищами снѣга. Въ этой атмосферѣ просидѣли мы до часу ночи, слушая разборъ другихъ дѣлъ. Судья не обращалъ на моего генерала ни малѣйшаго вниманія. Наконецъ, въ часъ ночи, онъ всталъ съ своего мѣста и сказалъ:

— Господинъ Симборскій! Дѣло ваше съ господиномъ Лопатинымъ, по не прибытію истца, сегодня разбираться не будетъ. О днѣ новаго разбирательства вы получите повѣстку. Объявляю засѣданіе закрытымъ.

Съ этимъ мы вышли, измученные напраснымъ ожиданіемъ.

Но вѣдь теперь роли перемѣнились: теперь истецъ Лопатинъ, сдѣлался отвѣтчикомъ, а отвѣтчикъ Симборскій—истцомъ. Почему же судья и теперь не могъ рѣшить дѣло заочно, въ отсутствіе Лопатина какъ рѣшилъ его въ первый разъ, въ отсутствіе Симборскаго?

Слѣдующая повѣста опять вызывала А. М. въ 11 часовъ ночи. Очевидно, это дѣлалось ему на зло. Мы поѣхали. Таже процедура, таже атмосфера, тоже ожиданіе. Наконецъ около часу ночи раздался зовъ судьи:

— Господинъ Лопатинъ и господинъ Симборскій!

Андрей Михайловичъ и Лопатинъ вышли изъ за рѣшетки вмѣстѣ. Мировой судья началъ читать прошеніе Симборскаго. Видя, что процедура эта продлится долго, А. М. попросилъ судью приказать подать ему стулъ, такъ какъ онъ былъ тогда боленъ ногами.

— Сторожъ, подай два стула! крикнулъ К— ъ.

Сторожъ принесъ два стула; на одномъ сѣлъ генералъ.

— Господинъ Лопатинъ, садитесь! произнесъ судья.

— Покорно благодаримъ-съ, ваше в-во, отвѣчалъ Лопатинъ, и прибавилъ фразу Гоголевскаго Осипа: у меня ноги есть, я и постою.

Такимъ образомъ чуйка оказалась деликатнѣе судьи.

Начались прѣнія. Лопатинъ, говоря объ А. М., постоянно произносилъ «Симборскій» да «Симборскій». А. М. обратился къ судьѣ:

— Господинъ, судья прошу васъ приказать Лопатину называть меня: или «генералъ Симборскій» или «господинъ Симборскій».

— Ахъ, извините, ваше п-во, обратился Лопатинъ къ генералу. Прощенія просимъ! Такъ-съ, сгоряча съ! и съ тѣхъ поръ постоянно говорилъ или просто «генералъ», или «его п-во господинъ генералъ».

Кончилось тѣмъ, что мировой судья не принялъ во вниманіе никакихъ оправданій генерала и не измѣнилъ ни на волосъ первоначальнаго заочнаго приговора своего, т. е. А. М. долженъ былъ безусловно заплатить Лопатину 300 р., а кусковое зеркало оставить у себя.

Разумѣется, А. М. не могъ остаться доволенъ подобнымъ несправедливымъ приговоромъ и заявилъ, что подастъ апелляцію. Мы возвратились домой въ 2 часа ночи. Апелляціонную жалобу мы также составляли вдвоемъ, и я собственноручно переписалъ ее. К. съ своимъ заключеніемъ представилъ ее въ мировой съѣздъ, который вызвалъ Симборскаго на извѣстное число къ 10 часамъ утра.

Мы пріѣхали къ назначенному часу; но засѣданіе подъ предсѣдательствомъ К. началось въ 11 или даже въ 12 часовъ дня. Мы сидѣли въ числѣ прочей публики. Долго разбирались разныя дѣла; Симборскаго дѣло было назначено послѣднимъ. Утомленный долгимъ ожиданіемъ, отощавшій и слабый на ногахъ, А. М. однакоже, хотя и съ величайшимъ трудомъ, вставалъ при каждомъ возгласѣ: «судъ идетъ!» Наконецъ, дошла очередь и до нашего дѣла. К. прочиталъ: «Гражданское дѣло по иску Лопатина съ Симборскаго, 300 рублей. Здѣсь Симборскій жалуется на меня, а потому слагаю съ себя званіе предсѣдателя мироваго съѣзда».

Съ этимъ судьи вышли въ свою комнату. Минуты черезъ три послышался голосъ судебнаго пристава: «судъ идетъ!» Впереди всѣхъ шелъ какой-то молодой человѣкъ, въ званіи предсѣдателя. Андрей Михайловичъ приподнялся, но обезсиленный тотчасъ же сѣлъ, почти упалъ на скамью. Не успѣли судьи занять мѣста, какъ юный предсѣдатель закричалъ во все горло, указывая на генерала: Господинъ приставъ! Поднимите этого господина или выведите его вонъ.

Я поспѣшилъ приподнять Андрея Михайловича.

— Ради Бога, Андрей Михайловичъ, бодритесь, или васъ встрѣтитъ величайшее оскорбленіе. Очевидно, они къ вамъ стараются придраться, чтобъ вывести васъ изъ себя.

Началось чтеніе дѣла. Въ апеляціонной жалобѣ судьи нашли оскорбленіе мироваго судьи словами: «неправильно», «несправедливо», «незаконно». К-ъ, въ объясненіи апеляціи написалъ, между

прочимъ, что «Симборскій требовалъ, чтобы Лопатинъ называлъ его вашимъ превосходительствомъ». Андрей Михайловичъ тутъ не выдержалъ и сказалъ, будто про себя, но такъ, что предсѣдатель услышалъ: «Это неправда!»

— Господинъ Симборскій! взбѣленился юнецъ и закричалъ на всю залу. Если вы осмѣлитесь сказать еще одно слово, я прикажу вывести васъ вонъ.

Я крѣпко сжалъ руку Андрея Михайловича.

— Опомнитесь, выдержите! Видите-ли, что здѣсь все улажено, подтасовано; они только играютъ здѣсь комедію и ловятъ васъ навѣрняка. Ради самого Создателя, не давайте повода погубить себя.

— Господинъ товарищъ прокурора! возгласилъ предсѣдатель. Ваше заключеніе: какому наказанію долженъ быть подвергнутъ виновный въ письменномъ оскорбленіи мироваго судьи?

— Я нахожу, отвѣчалъ спрошенный, что въ апелляціонномъ прошеніи находится нѣсколько неприличныхъ выраженій; а такія прошенія, на основаніи такой-то статьи и такихъ-то рѣшеній Кассаціоннаго Департамента, оставляются безъ послѣдствій.

Судъ удалился для постановленія приговора; но чрезъ пять минутъ опять вышелъ. Ясно, что приговоръ уже былъ заблаговременно подписанъ. Молодой предсѣдатель прочиталъ приговоръ, которымъ рѣшеніе мироваго судьи утверждено во всѣхъ частяхъ, а за письменное оскорбленіе мироваго судьи постановлено предать Симборскаго суду.

— Вамъ, г. товарищъ прокурора, поручается сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія.

— Я сейчасъ ѣду къ шефу жандармовъ, сказалъ я Симборскому, доложить о публичномъ оскорбленіи вамъ нанесенномъ.

Было 3 часа по полудни. А. М. уѣхалъ домой, а я къ *, который только что вернулся изъ Государственнаго Совѣта и принялъ меня немедленно.

— Ваше сіятельство! Я сію минуту былъ свидѣтелемъ тяжкаго публичнаго оскорбленія заслуженнаго генерала мальчишкою-судьею.

Я разсказалъ графу всѣ возмутительныя подробности цѣлаго дѣла. Графъ удостоилъ выслушать меня съ величайшимъ вниманіемъ и потомъ приказалъ попросить генерала Симборскаго къ нему, завтрашняго числа въ 10 ч. утра.

Графъ принялъ живое участіе въ дѣлѣ Симборскаго и обѣщалъ ему свою защиту.

Что̀ потомъ было, я не знаю; потому что я назначенъ былъ на службу въ Могилевъ, куда скоро и уѣхалъ. Говорили, будто военный

министръ требовалъ отъ начальниковъ войскъ свѣдѣній обо всѣхъ случаяхъ оскорбленія мировыми судьми лицъ военнаго званія; но въ какой степени были справедливы эти разсказы, я дознать не могъ.

Симборскій однако не былъ преданъ суду, какъ того хотѣлъ мировой съѣздъ, хотя и «Судебный Вѣстникъ» настаивалъ, чтобъ приговоръ съѣзда былъ непремѣнно приведенъ въ исполненіе. Какая тому причина, мнѣ также неизвѣстно: было ли тутъ вліяніе графа *, или сама прокуратура убѣдилась, что тутъ Симборскаго судить не за что.

Въ концѣ Января слѣдующаго 1868 года я прочелъ въ Русскомъ Инвалидѣ: «*Умершіе исключаются изъ списковъ. Состоящій по полевой пѣшей артилеріи генералъ-лейтенантъ Симборскій*».

Андрей Михайловичъ Симборскій умеръ 20 Января 1868 года. (Своему деньщику и прислугѣ оставлялъ онъ въ завѣщаніи щедрое награжденіе; къ сожалѣнію, воля его не была исполнена наслѣдниками).

Память его для меня незабвенна. Сколько отеческаго вниманія оказывалъ онъ мнѣ во время неоднократныхъ моихъ тяжкихъ болѣзней? Въ началѣ мнѣ казалось, что это былъ эгоизмъ, что А. М. старался скорѣе меня вылѣчить для того, чтобы канцелярія не оставалась безъ адъютанта, чтобы не работать самому; но потомъ я убѣдился, что имъ руководили привязанность ко мнѣ и врожденная, безусловная доброта сердца. Сколько разъ отсылалъ онъ меня къ минеральнымъ водамъ и морскимъ купаньямъ, съ наказомъ не торопиться возвратомъ, а дѣлами занимался самъ со старшимъ писаремъ...

Если Андрей Михайловичъ имѣлъ свои недостатки; то это была *пыль на благородномъ металлѣ*, свѣянная дыханіемъ смерти.

Теобальдъ.

ЗАМѢТКА О ЛАДИНСКОМЪ.

Въ Запискахъ Н. Н. Муравьева много говорится о предмѣстникѣ его по командованію 7-мъ карабинернымъ (нынѣ Эриванскій гренадерскій) полкомъ. Въ примѣчаніи сказано, что пріемъ полка Муравьевымъ и сдача Ладинскимъ представляютъ собою крайне-любопытныя и знаменательныя черты, что вѣроятно было такъ не только у Ермолова на Кавказѣ, но и въ остальныхъ войскахъ и что издателю „Русскаго Архива" неизвѣстно, Полякъ ли былъ Ладинскій.

Зная благородный характеръ Н. Н. Муравьева и его безкорыстіе, едва ли можно сомнѣваться въ полной справедливости его разсказа; можно, напротивъ, думать, что онъ не все высказалъ. Что такъ было не только на Кавказѣ, но и во всѣхъ войскахъ—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Таковы были порядки въ хозяйственныхъ частяхъ войскъ, продолжавшіеся до 60-хъ годовъ. Конечно, были командиры далеко не такіе, какъ описываетъ Н. Н. Муравьевъ Ладинскаго; бывали рѣдкія исключенія совершенно безкорыстныхъ, но были экземпляры и похуже. Во многомъ были виноваты самые законы и порядки по части войсковаго хозяйства, еще болѣе примѣры, шедшіе сверху, наконецъ духъ времени, отсутствіе гласнаго контроля и крайне-слабое отношеніе высшаго начальства къ дѣламъ этого рода. Это по истинѣ были времена, когда можно было словами Спасителя сказать: кто чувствуетъ себя правымъ, пусть броситъ первый камень.

Ладинскій, Петръ Антоновичъ, сколько мнѣ извѣстно, былъ не Полякъ, а Малоросъ. Онъ съ молодыхъ лѣтъ служилъ за Кавказомъ, еще въ 1812—13 гг. находился въ чинѣ маіора съ батальономъ въ Кахетіи и производилъ экзекуціи надъ участниками возстанія, возбужденнаго царевичемъ Александромъ Грузинскимъ. Изучивъ Грузинскій языкъ, онъ познакомился со многими княжескими домами и, по веселому характеру, нравился имъ. Ладинскій дослужился до чина генералъ-лейтенанта, украсился звѣздами и въ 1840-хъ годахъ, при князѣ Воронцовѣ, вновь явился на Кавказѣ въ важной должности начальника *гражданскаго* управленія... Онъ пользовался по старой памяти расположеніемъ части высшаго Грузинскаго общества, особенно нѣкоторыхъ старыхъ княгинь, и хотя былъ старый холостякъ, но не рѣдко приглашалъ къ себѣ на вечера дамское общество. Князь Михаилъ Семеновичъ съ княгинею Елисаветою Ксаверьевною тоже иногда у него бывали. Въ 1847 г., если не ошибаюсь, Ладинскій, смѣненный княземъ Бебутовымъ, оставилъ должность начальника гражданскаго управленія и вышелъ въ отставку.

А. Зиссерманъ.

МНѢНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА О ХОЛЕРѢ.

«Я уже прежде замѣтилъ, что вовсе не принимать карантинныхъ мѣръ я не могу согласиться: ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что болѣзнь сія сообщается чрезъ зараженный воздухъ; потому пропускъ больныхъ людей или имѣющаго въ себѣ зародышъ сей болѣзни, хотя еще не открывшейся въ немъ, опасенъ не чрезъ прикосновеніе къ нему, но чрезъ дыханіе при разговорахъ. Сему есть вчера послѣ обѣда полученный новый опытъ. Стало, оцѣплять зараженныя мѣста или прекращать съ ними сообщеніе необходимо, но безъ окурокъ и тому подобнаго. 23 Авг. 1830, въ Царскомъ Селѣ».

Эта своеручная замѣтка императора Николая Павловича на докладѣ Комитета Министровъ исторически важна тѣмъ, что объясняетъ причину неуклоннаго примѣненія карантинныхъ мѣръ въ Россіи въ 1830—1832 годахъ.

Л. Ѳ. Змѣевъ.

СТИХИ С. А. СОБОЛЕВСКАГО ПРО КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО.

С. А. Соболевскій и князь В. Ѳ. Одоевскій, съ раннихъ лѣтъ молодости и до конца, были между собою связаны тѣсною дружбою. Этому нисколько не мѣшала разница положеній и характеровъ. Соболевскій часто подсмѣивался надъ своимъ музыкальнымъ другомъ и его Себастіанономъ, машиною, которая была въ одно и тоже время и фортепьянами, и органомъ и которую заводилъ обыкновенно буфетный мужикъ Сидоръ. Однажды этотъ служитель попросился въ отпускъ въ деревню, и хозяинъ его будто выражалъ такъ свое горе:

Съ тобою, милый Исидоръ,
Сіамскіе мы точно братья.
Какъ буду музыкальный вздоръ
Безъ помощи твоей играть я?

Для утъ, ре, ми, фа, соль, ла, си,
Уходъ твой отъ меня ужасенъ!
Какой прибавки ни проси,
Впередъ я на нее согласенъ.

*

Оба пріятеля жили въ Москвѣ на Смоленскомъ бульварѣ въ домѣ князя Волконскаго, Соболевскій внизу, князь Одоевскій вверху, куда первый изъ нихъ являлся почти ежедневно къ обѣду и для послѣобѣденной бесѣды. Князь Одоевскій считалъ себя вели-

кимъ знатокомъ кухоннаго искусства (нѣкогда онъ печаталъ о томъ цѣлый рядъ общезанимательныхъ статей подъ заглавіемъ *Записки доктора Пуффа*). Однажды онъ объявилъ Соболевскому, что на слѣдующій день будетъ у него особо приготовленное жаркое, какія-то хитро-начиненныя утки. По этому случаю Соболевскій написалъ ему слѣдующій акростихъ:

*Ут*ку изжарить
*Рѣ*дко удается.
*Ми*лый кухмистеръ!
*Фа*ршу не рѣзать,
*Со*лью не брезгать!
*Ла*комо будетъ
*Си*це творящу.

*

Слѣдующее стихотвореніе писано гораздо раньше, когда князь Одоевскій служилъ въ Петербургѣ, въ ученомъ комитетѣ при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ и занятъ былъ составленіемъ записки по поводу появившагося гдѣ-то вреднаго насѣкомаго. Онъ въ это время почему-то носилъ парикъ.

Случилося во время оно,
Свалился на землю комаръ.
Повѣсткой въ Комитетъ Ученой
Тебя зовутъ, князь Вольдемаръ!

Соображая этотъ казусъ
И роясь въ книгахъ, ты открылъ,
Что въ Ротердамѣ жилъ Эразмусъ,
Который въ парикѣ ходилъ.

Его послѣдуя примѣрамъ,
Ты сбрилъ власы, надѣлъ парикъ
И свойственнымъ тебѣ манеромъ
Таинственно главой поникъ.

Комаръ — ты говоришь — въ общественномъ значеньи
Есть Божья тварь.
А въ музыкальномъ отношеньи
Межъ насѣкомыхъ онъ звонарь.

А такъ какъ онъ паденьемъ въ полѣ
Лѣсамъ не причинилъ вреда,
Предать сей случай Божьей волѣ,
Избавивъ тварь ту отъ суда.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

С. Петербургъ.

31-го Августа 1848. Вчера въ семь часовъ вечера прiѣхалъ и остановился въ гостинницѣ Энгельгардта. Оставилъ мой тихiй семейный домъ 21-го Августа въ 4 часа по полудни. 26-го прiѣздъ въ Москву, остановился въ гостинницѣ Дрезденъ. А. П. Ермоловъ въ деревнѣ, къ живѣйшему моему сожалѣнiю, также добрая и почтенная Надежда Ник. Шереметева. Зашелъ по дорожному къ Закревскому и занимательно провелъ съ нимъ полчаса. Возвратясь домой, швейцаръ объявилъ, что только что прiѣзжалъ ко мнѣ Ник. Ник. Муравьевъ. Я засталъ его одного, и до прихода третьяго разговоръ съ нимъ меня много и прiятно занялъ. Это человѣкъ примѣчательный. Здѣсь еще отъ Закревскаго узналъ я о смерти Герштенцвейга. Онъ застрѣлился. Въ Петербургѣ узналъ дальнѣйшiя подробности. Почти всѣ думаютъ, что служебныя непрiятности отсюда причиною этого происшествiя. Имѣвъ случай прочитать послѣднее его письмо и повелѣнiя къ нему, содержанiя ободрительнаго и желанiямъ его соотвѣтственнаго, полагаю, что какiя нибудь семейныя огорченiя подвигнули его къ этому послѣднему изъ всѣхъ средствъ. Впрочемъ они оба съ Дюгамелемъ въ Молдавiи, несвоевременнымъ вступленiемъ туда и еще болѣе оставленiемъ ея, уронили достоинство Россiи. Я ожидалъ чего либо подобнаго отъ послѣдняго, послѣ разговора съ нимъ, до отправленiя его отсюда. Это происшествiе въ эту минуту занимаетъ общество Петербургское и подаетъ поводъ къ разнымъ кривымъ

толкамъ. Вчера былъ день празднованія свадьбы В. К. Константина Николаевича, на которое я во время не поспѣлъ.

Сегодня въ 9-ть часовъ ѣздилъ къ гр. Орлову; извинился дѣлами съ приглашеніемъ во всякое время пріѣзжать попросту. Отъ него къ Киселеву, съ которымъ провелъ съ полчаса очень занимательно. Потомъ къ г-лъ-губ. Шульгину, не засталъ. Еще до гр. Орлова былъ у деж. ген. Игнатьева и просидѣлъ съ нимъ пріятно. Вревскаго не засталъ. Въ исходѣ одиннадцатаго въ Военное Министерство. Г-лъ Штегеманъ. Анненковъ. Встрѣча военнаго министра. Физически большой упадокъ: съ нимъ былъ недавно ударъ. Въ часъ на разводъ предъ дворцомъ. До того ѣздилъ и записался у Наслѣдника, у Константина Николаевича, у в. к. Михаила Павловича и у Елены Павловны. На разводѣ увидѣлся со множествомъ знакомыхъ. Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій. Императрица до развода уѣхала на Елагинъ островъ. Какъ и всегда, есть неладица въ моихъ первыхъ пріемахъ при дворѣ. Новый фл.-адъют. баронъ Клейнъ, состоящій при кн. Воронцовѣ, пріѣзжалъ послѣ развода. Къ Данилевскому: больной, разстроенный; разговоръ несвязный, обличающій отдаленіе отъ общества, незнаніе происшествій, мгновенно занимающихъ его вниманіе.

Въ Москвѣ я ѣздилъ съ сыномъ въ Кремль, чтобы онъ, какъ Русскому подобаетъ, взглянулъ на знаменитую огромную пушку, на разбитый чудовищный колоколъ, на панораму Москвы съ колокольни Ивана Великаго. Прекрасна и оригинальна Москва! Каменная мозаичная игрушка Василія Блаженнаго, осуществленіе какого-нибудь волшебнаго сна или мечты архитектора. Великолѣпный куполъ новаго дворца горѣлъ всѣми лучами солнца. Еще разъ прекрасна Москва и выразительна, какъ типъ Россіи, прошедшаго и настоящаго времени. Кремлевскій садъ, счастливая мысль императора Александра. Петровскій паркъ и три ряда шоссе, туда ведущіе, достойны Москвы, этой жертвы искупленія Россіи въ годины испытаній, Богомъ на нее насылаемыхъ.

Какъ въ немногіе годы преобразилась дорога, обѣ столицы соединяющая! Почти непрерывный рядъ ямскихъ селъ и деревень, такъ недавно еще тѣсныхъ, черныхъ, грязныхъ съ перебитыми стеклами, тряпьемъ заткнутыми или бумагой заклеен-

ными, теперь раздвинулся, домъ отъ дома отдѣлился красивымъ плетнемъ, деревья нѣкогда рѣдкія насажены передъ домами и за плетнемъ. Дома возвысились и красивой и тщательной отдѣлкой представляютъ свой особенный стиль архитектуры. Окна большія, и стекло хорошее и чистое. Рѣзная работа подъ крышей, какъ деревянное кружево, оригинальна. Вездѣ сельскія расправы и училища, образцы постройки для прочихъ. Есть села гораздо лучше многихъ уѣздныхъ городовъ, напримѣръ Бронницы. Помѣщичьи селенія, которыхъ по этой дорогѣ впрочемъ очень мало, много уступаютъ казеннымъ въ постройкѣ и опрятности, кромѣ селъ князя Юсупова богатыхъ и красивыхъ.

Вотъ я опять одинъ въ гостинницѣ Петербурга, безъ положительнаго дѣла, съ заботой о средствахъ содержанія здѣсь и тамъ, своего и семейства, спрашивая себя по временамъ, къ чему это поведетъ, когда лѣта и обстоятельства дѣлаютъ не только позволительнымъ, но быть можетъ благоразумнымъ рѣшительное успокоеніе послѣ всего пережитаго и перенесеннаго, въ семействѣ большомъ, нѣжно любимомъ и для котораго присутствіе мое небезполезно, въ убѣжищѣ удачно приготовленномъ, гдѣ пустѣютъ теперь кабинетъ и каминъ, свидѣтели стольких пріятныхъ занятій, чистыхъ помышленій и отрадъ, семейному счастливому быту только знакомыхъ. Сколько можно самого себя познавать, не честолюбіе привело меня сюда и долѣе удерживаетъ. Кому поручилъ бы я доставленіе сюда сына? Но сколько этотъ дорогой мнѣ юноша ни близокъ къ моему сердцу, тамъ осталось еще семеро дѣтей и жена не менѣе мнѣ любезныхъ. Когда бы важная какая-либо обязанность или даже надежное ожиданіе подобной, это было бы дѣло иное; но ничего нѣтъ такого. Одна неодолимая сила обстоятельствъ.

По утру въ 11-ть часовъ былъ съѣздъ во дворцѣ для поздравленія молодыхъ. Новая Великая Княгиня, когда я подошелъ къ ней, обратила ко мнѣ нѣсколько обязательныхъ словъ на счетъ моего возвращенія. В. К. Константинъ Николаевичъ также. Передъ разводомъ въ часъ, Государь, проходя мимо, спросилъ, откуда я пріѣхалъ и на мой отвѣтъ замѣтилъ жестомъ, что у насъ не хорошо на счетъ урожая. Наслѣдникъ подошелъ во время развода и также распрашивалъ. Графъ Мюнстеръ, адъютантъ короля Ганноверскаго, видный, ловкій му-

щина и кажется умный, былъ мнѣ представленъ г-омъ Бенкендорфомъ. Встрѣтилъ много знакомыхъ. У Мейендорфа въ его имѣніи Прилѣпы, Орловской губерніи, изъ тысячи душъ умерло отъ холеры 240 и въ числѣ ихъ 72 хозяина. Рѣка Свапа пересохла, и суконная фабрика отъ того остановилась. Подобныя подробности о дѣйствіи холеры и засухи въ южныхъ губерніяхъ отвсюду.

2-го Сентября. Четвергъ. Вчерашній вечеръ провелъ дома съ А. П. Мельниковымъ до полуночи. Холерныя сцены въ Петербургѣ. Повѣрка моихъ отвѣтовъ Государю и Наслѣднику о бѣдствіяхъ постигшихъ и угрожающихъ полуденной Россіи. Здѣсь только начинаю получать истинныя о нихъ понятія, какъ въ средоточіи доставляемыхъ свѣдѣній, почти всегда смягчаемыхъ въ донесеніяхъ, а здѣсь нерѣдко преувеличиваемыхъ.

Превосходная статья въ Revus des deux mondes: Sur la politique étrangère de la France, не подписанная, но безъ сомнѣнія принадлежащая одной изъ лучшихъ головъ въ Европѣ. Энергическій слогъ ея.

4-го Сентября. Вчера въ 10-ть часовъ утра по желѣзной дорогѣ въ Царское Село. Въ первомъ часу представлялся Императрицѣ. Пріемъ привѣтливый и благосклонный. Превосходная картина приморскаго вида Италіи во дворцѣ. Во время разговора съ Императрицей дверь отворилась, и показался Государь съ лицомъ строгимъ, взглянулъ на всѣхъ быстро и возвратился во внутренніе покои, будто увидѣлъ кого-нибудь лишняго. Не меня-ли? По позднему окончанію пріема, я не рѣшился ѣхать въ Павловскъ къ В. К. и Еленѣ Павловнѣ, а предпочелъ прогуляться по саду. Теперь онъ нѣсколько оживленъ семействами, переѣхавшими на лѣто въ Царское. А садъ истинно-царскій; нужны дни, а не часы для осмотра и изученія разныхъ частей его.

9-го Сентября. Съ часъ посидѣлъ г. м. Вревскій, въ занимательномъ разговорѣ, изъ котораго я усмотрѣлъ, что мой взглядъ на главную причину ошибокъ въ Молдавіи и Валахіи обратилъ вниманіе. Въ этомъ именно дѣлаю себѣ упрекъ, ибо неизбѣжно было коснуться одного лица, которому это можетъ повредить, между тѣмъ какъ я охотно желаю ему добра. Встрѣча и прогулка съ Н. И. Гречемъ, пріятная. Онъ мнѣ прислалъ три тома сочиненій Шмидта о войнѣ 31-го года.

Встрѣча съ Мандерштерномъ въ пассажѣ въ первый разъ послѣ Остроленскаго сраженія, гдѣ онъ тяжело раненъ въ нижнюю челюсть, неосторожно подвергнувъ опасности свою первую дивизію.

6-го Сентября. Четверть двѣнадцатаго на Елагинъ островъ, на парадъ кавалергардовъ. Немного опоздалъ: Государь уже ѣхалъ по фронту. Красивъ былъ видъ стройной линіи этихъ отборныхъ людей, въ ихъ бѣлыхъ мундирахъ, блестящихъ ботфортахъ, лучистыхъ каскахъ, на зеленомъ лугу передъ дворцомъ. Обѣдню и молебенъ служили на площадкѣ главной лѣстницы подъ палаткой. Послѣ парада пошли во дворецъ, гдѣ кавалергардскіе офицеры были приглашены въ покои Императрицы на baise-main. Потомъ общій завтракъ на многихъ столахъ. Г-лъ Г....., мой бывшій товарищъ по драгунской службѣ, въ избыткѣ насладился дарами Вакха и послѣ завтрака сталъ громко проповѣдывать о преимуществѣ нашего поколѣнія надъ новымъ, будто бы бездушнымъ. Конечно не онъ сумѣетъ, тамъ гдѣ одушевленіе и самоотверженіе у мѣста, возбудить ихъ. Но они готовы; умѣйте ихъ вызвать. Долго дожидался своей коляски и лакея. Первую отыскали, и я, оставивъ послѣдняго, поѣхалъ домой безъ шинели. Марія Николаевна обогнала и привѣтливо, прежде чѣмъ я узналъ ее, поклонилась мнѣ. В. к. Михаилъ Павловичъ во дворцѣ сквозь толпу прошелъ ко мнѣ пожать руку. Не знаю, кстати-ли просилъ я позволенія пріѣхать въ Павловскъ представиться къ нему и Великой Княгинѣ.

8-го Сентября. Вчера во дворцѣ в. к. Михаила Павловича отвели мнѣ комнаты; въ ожиданіи обѣда прогулка по прекрасному саду; входилъ въ Константиновскій дворецъ. Противъ вокзала встрѣтилъ кавалькаду В. К. Александру Іосифовну съ молодыми князьями, Мейендорфомъ и Философовымъ. Въ половинѣ пятаго на обѣдъ; изъ мущинъ кромѣ меня Строгоновъ ген.-адъют., изъ дамъ его дочь, Бутурлина и Витовтова. Разговоръ о Броневскомъ. Причина основанія Лицея. Постепенное приведеніе его въ настоящее положеніе. Винтуловъ. Послѣ обѣда разговоръ особо съ Великою Княгиней, потомъ съ Михаиломъ Павловичемъ.

Принялъ Черноморца Посполитаки, пріѣхавшаго на торги на вино и рыболовли; въ мое время хорошій офицеръ, теперь

въ отставкѣ. Добрая обо мнѣ память Черноморіи, дѣйствительно поднятой мною изъ униженія послѣ пренебрежительнаго въ ней командованія моего предмѣстника. Въ часъ на желѣзную дорогу въ Павловскъ. Прусскій совѣтникъ посольства Оттерштетъ, сосѣдъ мой въ каретѣ, сократилъ любопытными подробностями о своемъ краѣ: тревожное ожиданіе новыхъ смутъ въ Берлинѣ. Въ Павловскѣ остановился во дворцѣ, во вчерашнихъ покояхъ. Время до обѣда провелъ въ прогулкѣ по прекрасному саду. Противъ вокзала, въ которомъ играла музыка, множество гуляющихъ въ экипажахъ, верхомъ и пѣшкомъ, наиболѣе дворъ и высшее общество. Императрица, Елена Павловна, Екатерина Михайловна, Александра Іосифовна, Наслѣдникъ съ Супругой, молодые Вел. Князья со сворой чрезвычайно красивыхъ борзыхъ собакъ были въ числѣ гуляющихъ; доходило до тѣсноты. Аллея узка и грязна. Легко было-бы ее уширить и отдѣлать, но Михаилъ Павловичъ не хочетъ позволить срубить ни одного дерева въ саду, полномъ воспоминаній незабвенной императрицы-матери. Въ половинѣ пятаго поѣхалъ въ Константиновскій дворецъ; скоро послѣ меня пріѣхалъ и Киселевъ—насъ было двое приглашенныхъ. Елена Павловна съ дочерью не замедлили также. Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ въ пять. Обѣдъ былъ пріятный и оживленный веселымъ, непринужденнымъ разговоромъ. Я сидѣлъ по лѣвую сторону Елены Павловны, между нею и дѣвицею Кнобельсдорфъ, умною и граціозною Прусачкой. Послѣ обѣда передъ каминомъ съ полчаса въ общемъ разговорѣ очень пріятно. Какъ обворожителенъ тонъ Елены Павловны! Какъ часто и невольно срываются признаки добродушія Михаила Павловича! Приказалъ мнѣ пріѣхать на дняхъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать верхомъ, показать мнѣ свое владѣніе. Въ половинѣ седьмаго онъ отпустилъ насъ. На машину было уже поздно; я пошелъ пѣшкомъ съ Киселевымъ по направленію ко дворцу. Между прочимъ нѣкоторыя подробности о смутахъ. Въ Валахіи Бибеско, обвиняемый въ малодушіи въ критическую минуту, писалъ къ нему: Pour sauver ma vie, j'ai signé; pour sauver mon honneur, j'ai abdiqué. Невыгодные слухи (изъ устъ Е. П.) о поведеніи Коцебу, нашего консула въ княжествахъ. Войска наши подъ начальствомъ Лидерса опять вступили туда. Братья Голеско—первые зачинщики возстанія.

Черта покойнаго Папакристо, адмирала, умершаго въ прошедшую зиму во дворцѣ, сходя съ лѣстницы послѣ бала. Подъ его начальствомъ въ 1828 году былъ пароходъ, на которомъ Императоръ претерпѣлъ жестокую бурю въ виду Редутъ-Кале. Государь приказалъ ему пристать; это было бы пагубно. Папахристо рѣшительно и почтительно отказался. Потомъ, имѣя нужду сообразить ходъ судна и чтобы уйти отъ распросовъ и совѣтовъ нѣкоторыхъ главныхъ лицъ, сопровождавшихъ Государя, оцѣнивая всю важность минутъ и опасности, онъ вошелъ въ свою каюту и часовому приказалъ никого не впускать, ниже Государя: въ противномъ случаѣ будетъ растрѣлянъ. Государь, узнавъ о его смерти, остановился надъ мертвымъ, лежавшимъ на ступеняхъ лѣстницы и съ умиленіемъ сказалъ что хладнокровію и искусству покойнаго онъ обязанъ спасеніемъ. Государь ѣздилъ на выносъ его тѣла.

10-го Сентября. Вчера въ четыре часа утра скончался Михаловскій-Данилевскій. Надъ жизнію этого человѣка можно остановиться, какъ на урокѣ въ отрицательномъ смыслѣ. Теперь, въ присутствіи только что охладѣвшаго его трупа, воздержусь отъ всякаго сужденія, но можетъ быть возвращусь къ нему. Письмо къ А. П. Ермолову, по порученію в. к. Михаила Павловича. Навѣстилъ кн. Илью Андр. Долгорукова, на дачѣ противъ Каменнаго острова. У него отнялись ноги.

11-го Въ полдень на смотръ гвардейскаго ремонта. Государь съ в. к. Михаиломъ Павловичемъ пріѣхали четверть перваго. Я видѣлъ только первыхъ лошадей. Мнѣ вдругъ стало дурно, и я уѣхалъ. Илларіонъ Мих. Бибиковъ посидѣлъ съ полчаса. Лишнее слово на счетъ будущихъ назначеній Н. Н. Муравьева. Въ сюртукѣ и въ фуражкѣ прогулка въ коляскѣ по островамъ; на Елагинъ пѣшкомъ. Догналъ г-ню Нессельроде съ мужемъ, молодымъ Несс. и прошелъ съ ними нѣкоторое разстояніе. Какъ эта молодая женщина скоро износилась! И все зубы измѣняютъ первые. Въ Павловскѣ увидѣлъ вблизи старшую дѣвицу Штрандманъ, прошлую зиму еще блиставшую красотой и свѣжестью на балахъ и при дворѣ; я удивился перемѣнѣ съ нею въ такое короткое время. Прежніе перлы кругомъ иззубрены и подточены. Прекрасное еще лице подтянуто, и какъ будто означились мѣста будущихъ морщинъ. Прекрасна другая изъ ея

сестеръ и займетъ ея мѣсто въ букетѣ красавицъ двора и общества. Скоро истираетъ и обрываетъ Петербургъ молодость и красоту въ утомительномъ своемъ вихрѣ.

17-го. Кончилъ третій томъ Смитта, описаніе Польской войны. Я не посылалъ, какъ другіе, о себѣ записокъ. Онъ меня стеръ съ поля дѣйствій. Такъ пишутся исторіи. Но вообще хорошо, лучше изъ всего, чтò объ этой войнѣ написано.

20-го Сентября. Третьяго дня былъ въ Павловскѣ. Великій князь Михаилъ Павловичъ взялъ меня на свои тѣсныя дрожки съ собой и повезъ на смотръ верховой ѣзды офицеровъ образцоваго полка, назначаемыхъ въ гвардію. Многихъ исключилъ. Потомъ сѣлъ верхомъ и вдвоемъ со мною сдѣлалъ огромную прогулку, почти все большою рысью и въ галопъ, вокругъ и по разнымъ мѣстамъ своего прекраснаго Павловска; только къ обѣду, и то опоздавъ, возвратились. Мущинъ кромѣ меня никого на обѣдѣ не было. Елена Павловна обѣдала въ половину лежа. Старуха г-ня Апраксина, m-elle Кнобельсдорфъ. Поутру ѣздилъ на дачу къ Киселеву и пріятно посидѣлъ, заставъ его одного. Отзывъ Государя о Муравьевѣ. Желаніе кн. Воронцова проситься на два года отъ своего мѣста. Неудачно исполненное порученіе в. к. къ А. П. Ермолову. Непонятое выраженіе моего письма.

Вчера по приказанію е. в. опять съ 11-ти часовъ въ Павловскѣ. Въ пѣшей прогулкѣ заблудился. Разводъ драгунъ. Ѣзда ординарцевъ и неудачное прыганье черезъ барьеръ. Обѣдъ безъ Елены Павловны. Олсуфьевъ и Тенгоборскій. Г-ня Апраксина-старуха и моя сосѣдка за обѣдомъ красавица Хрущева, урожденная Жеребцова.

22-го вечеромъ въ собраніе Географическаго Общества; читали поверхностное описаніе, взглядъ на характеръ Киргизскихъ степей отъ Орской крѣпости до впаденія (Яксарта) Сыръ-Дарьи въ Аральское море. Инструментъ для нивеллированія и опредѣленія высотъ, въ Вѣнѣ усовершенствованный, объясненный полк. Болотовымъ съ большимъ трудомъ, по причинѣ удушья, которымъ онъ страдаетъ.

Кн. Меншиковъ на вопросъ о Левашевѣ отвѣчалъ, что при смерти. По окончаніи театра мнѣ объявили, что умеръ. По словамъ князя, *теперь* это потеря. Не знаю, чтò онъ разумѣлъ подъ этимъ *теперь*.

Лабинцевъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ моихъ сотрудниковъ на Кавказѣ. Любопытныя подробности нынѣшняго состоянія Кавказа. Принужденъ отказаться или по крайней мѣрѣ усумниться въ моемъ постоянно-выгодномъ мнѣніи о свойствахъ и правилахъ г-ла Лидерса. Коцебу. Кн. Аргутинскій. Молодой кн. Воронцовъ. Урокъ, данный ему Кавказцами. Мнѣніе о Нестеровѣ. Ничтожество и униженіе Заводовскаго.

L'empereur François II, répondant à un ambassadeur de France, qui lui vantait les avantages que son gouvernement retirait de l'unité de sa population, disait: Mes peuples sont étrangers l'un à l'autre, c'est pour le mieux; ils ne prennent pas les mêmes maladies en même temps; je me sers des uns pour contenir les autres; je mets des Hongrois en Italie, des Bohêmes ou des Italiens en Hongrie; chacun garde son voisin. Au contraire, vous, quand la fièvre vient, l'accès vous prend tous et le même jour.

Joseph II aimait l'uniformité jusqu'à la passion. La régularité administrative est la manie de tous ceux qui étudient sur le papier et veulent avoir un gouvernement bien aligné en tableau. Il y a de certaines idées d'uniformité, dit Montesquieu, qui saisissent quelquefois les grands esprits, mais qui frappent indubitablement les petits. Les mêmes poids dans la police, les mêmes mesures dans le commerce, les mêmes lois dans l'état, la même religion dans toutes les parties; mais le mal de changer est-il toujours moins grand que celui de souffrir? Lorsque les citoyens suivent les lois, qu'importe qu'ils suivent les mêmes?

Les réformateurs couronnés sont les plus dangereux: la tête leur tourne plus vite, parce que la contradiction ne les arrête pas au début. Il ne s'amusent pas longtemps aux théories et tendent de toute la violence de leur pouvoir à la pratique de leurs doctrines.

Croire que la fin sanctifie les moyens et qu'on peut employer le mal pour en faire sortir le bien est une doctrine perverse, que la conscience publique a toujours flétrie.

Sans doute Joseph avait raison sur quelques points dans les réformes qu'il entreprenait; ce qui le prouve c'est que plusieurs ont été reprises cinquante ans plus tard et ont passé dans la nouvelle législation. Ses admirateurs, car il en a, et de passionnés, triomphent de cet aveu. «Joseph avait donc raison, disent ils, il était dans le vrai, et son génie a dévancé son siècle.» Un tel éloge pourrait convenir à

un philosophe; il ne vaut pas pour un souverain, qui doit être l'homme du présent et de la pratique.

26-го Сентября. Поутру посѣтилъ меня Фонъ-Визинъ, сынъ друга моей молодости М. А. Фонъ-Визина, оканчивающаго свою жизнь въ ссылкѣ, въ Тобольскѣ.—Faites-moi de la bonne politique, je vous ferai de bonnes finances.

27-го Сентября. Обѣдъ у кн. В. В. Долгорукова. Сынъ его, князь Сергій, бывшій въ Парижѣ во дни Февральской революціи, привезъ обрывокъ трона королей Франціи, изъ Константинополя щегольскія трубки, черный янтарный мундштукъ, отличный табакъ и искусство набивать его въ трубку.

Съ часъ тому возвратился съ похоронъ Левашева. При выносѣ присутствовали Государь, Наслѣдникъ, в. к. Михаилъ Павловичъ, принцъ Александръ Дармштадскій. Провожали отъ дома Левашевыхъ на Фонтанкѣ до Невскаго проспекта. Слухъ о моемъ назначеніи въ 4-ый корпусъ при началѣ смутъ на Западѣ. Неспособность г-ла Чадаева для употребленія отдѣльно. Въ кортежѣ весь лейбъ-гусарскій полкъ; превосходный полкъ.

1-го Октября. 28-го по желѣзной дорогѣ въ Царское на маневры. Сосѣдомъ на квартирѣ во дворцѣ нашелъ г. а. Арбузова. Здравый практическій его умъ съ частымъ прибавленіемъ: я человѣкъ простой, мужикъ, неучъ. Болотистая мѣстность; холодная сырая погода во всѣ три дня, въ послѣдній вчера со снѣгомъ. На второй день маневра я былъ дежурнымъ при Государѣ. Огромная скачка, къ счастью, на сильной лошади. Въ послѣдній день приглашены были Французы и Испанцы. Генералъ Лефло съ адъютантами Гедувилемъ и Бойе. Испанецъ Сарко-де-Валле съ тремя адъютантами. Надобно признаться, что угостили ихъ! Я заговорилъ было съ Гедувилемъ. Онъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, губы дрожали, и зубъ на зубъ не попадалъ. Главный въ мирныхъ маневрахъ (въ цѣломъ умныхъ и основательныхъ) недостатокъ тотъ, что воюющія стороны не соблюдаютъ между собою разстояній, въ настоящей войнѣ ядромъ и пулей указываемыхъ. Отъ того путаница и суматоха.

Вчера съ удовольствіемъ возвратился въ свою теплую комнату и выспался за всѣ прошедшія безсонныя ночи.

2-е Октября. Вчера поутру г. л. Лабинцевъ. Переписка его съ к. Воронцовымъ. Махіавельское письмо послѣдняго, такъ же

какъ и поступки его. Сцены въ Шавдонѣ. Вторженіе Шамиля въ Кабарду. Фрейтагъ, Нестеровъ и Меллеръ-Закомельскій. Маіоръ Гавриленко помѣшалъ разговору, потомъ младшій графъ Адлербергъ (занятъ переводомъ донесеній г. Радецкаго), наконецъ Борисъ Перовскій.

Во Франціи умѣютъ умирать во всѣхъ партіяхъ и за всѣ мнѣнія, даже за умѣренныя. Это спасетъ ее и устроитъ. Уровень общаго практическаго ума и здраваго смысла выше чѣмъ въ несчастной Германіи. Этой, кажется, назначено пройти черезъ всѣ опыты и туманныя теоріи профессоровъ, адвокатовъ, медиковъ съ фалангой недоученыхъ или переученыхъ студентовъ. А толпа между тѣмъ, сбросивъ съ себя всякую узду, празднуетъ по своему свои кровавыя сатурналіи. Богу извѣстно, какія новыя формы управленія народами должны возникнуть изъ этого хаоса. Время грозное, но для истинныхъ государственныхъ мужей поучительное. На какихъ надежныхъ основаніяхъ, казалось, утверждены были правительства, такъ легко, шуточно въ нѣсколько часовъ ниспроверженныя? А въ головѣ главныхъ изъ нихъ стояли мужи, служившіе образцами для прочихъ въ наукѣ правленія. Въ этомъ переворотѣ Запада есть важные уроки для всѣхъ и каждаго, одаренныхъ умомъ и совѣстью, на всѣхъ степеняхъ гражданскаго устройства Провидѣніемъ размѣщенныхъ: не засыпать въ надеждѣ на прочность существующаго порядка, но всегда бодрствовать вѣрой, умомъ и духомъ съ полною готовностью способствовать всѣми силами правительственной власти противъ буйной и непросвѣщенной силы, въ роковыя минуты ищущей сбросить съ себя благодѣтельную узду общественнаго устройства; никогда не забывать, что, не смотря на мнимыя или даже истинныя несовершенства существующаго управленія, если оно ограждаетъ личную безопасность, собственность, свободный трудъ и дѣятельность всякаго рода, извнѣ утверждаетъ могущество, выгоды и честь народа, средствами воспитанія для всѣхъ сословій, болѣе и болѣе укрѣпляя умъ народный, постепенно уменьшаетъ опасное число безсловесныхъ и дикихъ, то главнѣйшія блага, для которыхъ люди соединились въ общества, достижены, и всякій умыслъ насильственнаго потрясенія для достиженія чего либо мнимо-лучшаго есть преступленіе. Въ дѣлѣ улучшенія благосостоянія народовъ необхо-

дима историческая постепенность, спасительное время, а праздныя правительства уже невозможны. Они первыя должны пользоваться и пользуются уроками грознаго опыта. Не смерть, и безъ того неизбѣжная, страшна въ подобныхъ переворотахъ, но это унизительное для человѣчества торжество безсмыслія и дикости надъ умомъ и устройствомъ, грубости и пошлости надъ всѣмъ высокимъ и прекраснымъ. Есть за что умереть, если нужно.

6-го Октября. Вчерашнее утро почти все прошло въ пріемѣ визитовъ. Первый былъ капитанъ генеральнаго штаба Залѣсскій, на дняхъ женившійся на дочери покойнаго князя Любецкаго. Въ четыре на обѣдъ къ Булгарину. Засталъ у него графа Ржевуцкаго, Вальтера-Скотта Польскаго, какъ представилъ мнѣ его хозяинъ. Живой и пріятный разговоръ, рѣдкій у насъ, до восьми вечера продолженный.

Какъ люди играютъ и довольствуются словами! Теперь въ модѣ послѣ Кавеньяка (заимствовавшаго эту фразу отъ идеологовъ) говорить, что штыки безсильны противъ идей. Это вздоръ. Штыкъ есть тоже осуществленная идея. Развѣ какая бы то ни была борьба предпринимается безъ идеи? Та идея, которая въ свою защиту и распространеніе имѣетъ лучшую армію, возметъ верхъ надъ другими. Идея, перешедшая въ чувство патріотизма или религіи, труднѣе къ одолѣнію, но не можетъ назваться неодолимою. Примѣры Исторіи, даже современной на лицо; только побѣда и сохраненіе преимуществъ ея становятся труднѣе и продолжительнѣе. Политическая идея безъ матеріальной силы въ свою защиту останется въ стѣнахъ кабинета, въ книгѣ или въ болтовнѣ гостинныхъ. Это вѣчный законъ связи духовнаго міра съ матеріальнымъ. Поговорку о непобѣдимости идеи пустили въ ходъ кабинетные ученые и энтузіасты. Слабоумные и слабодушные, въ оправданіе неисполненнаго долга, приводятъ ее; другіе безъ всякой мысли повторяютъ готовую фразу какъ общепринятую. Идеи, непримѣнимыя къ страстямъ человѣческимъ, расширяющія предѣлы наукъ и искусствъ, принадлежатъ иной категоріи и побѣждаютъ одною силою доводовъ и опытовъ. А штыки штыками, политика политикой; а рубитися треба, когда долгъ велитъ. Развѣ идея Итальянской независимости не побѣждена, если Францція и Англія не вмѣшаются въ борьбу Австріи съ Италіей. Если бы Прусская армія не была остав-

лена своимъ королемъ, развѣ она не возстановила бы торжество другихъ, не говорю прежнихъ, идей управленія? Развѣ борьба идеи соціализма разныхъ оттѣнковъ, идеи монархической и республиканской во Франціи не ищетъ и не ожидаетъ своего окончательнаго рѣшенія въ барикадахъ, т. е. въ штыкѣ и пулѣ, въ силѣ матеріальной? Идея готовитъ дѣйствіе и торжествуетъ успѣхомъ дѣйствія.

8-го Октября. Бларамбергъ поразилъ меня вѣстью о кончинѣ князя Ильи Андреевича Долгорукаго. Умнымъ, прекраснымъ и полезнымъ человѣкомъ менѣе, однимъ изъ немногихъ мною особенно любимыхъ! Не довольно, благодаря Петербургской жизни, я могъ и умѣлъ пользоваться обворожительной его бесѣдой. Миръ праху твоему, товарищъ близкій нѣсколькихъ важныхъ дней нашей молодости и пріятель остальныхъ лѣтъ. До свиданія, вѣроятно недалекаго.

Кончилъ сочиненіе Боденштедта о Кавказѣ. Смѣсь правды съ ошибками и промахами на счетъ дѣлъ и лицъ. Мнѣ вообще нельзя однако сѣтовать за мнѣніе обо мнѣ. Поставленный, одинъ изъ всѣхъ въ послѣдней четверти столѣтія дѣйствовавшихъ на Кавказѣ, на ряду съ Ермоловымъ, могу быть довольнымъ, если мнѣніе Россіи (хотя послѣ меня) подтвердитъ это.—Еще покойникъ и отдаленный, хотя незнакомый родственникъ, на похороны котораго сію минуту подали мнѣ приглашеніе: Антонъ Васильевичъ Фонъ-Моллеръ, членъ Государственнаго Совѣта и адмиралъ.

9-го Октября. Много ходилъ пѣшкомъ съ Булгаринымъ. Потомъ онъ зашелъ ко мнѣ. Живой и занимательный разговоръ. Послѣднія минуты порочнаго знакомца. Дантевская сцена двухъ дочерей и умирающаго отца. Въ Петербургѣ все почти проходитъ нисколько или мало замѣченнымъ; только впередъ къ мѣстамъ, званіямъ, почестямъ, къ одолѣнію совмѣстниковъ; а похороны слѣдуютъ одни за другими, какъ зрѣлище безъ поученія.

11-го Октября. Сейчасъ возвратился съ похоронъ князя Долгорукаго изъ Сергіевскаго собора. Государь, в. к. Михаилъ Павловичъ, Наслѣдникъ, Константинъ Николаевичъ присутствовали при отпѣваніи, выносѣ и верхомъ проводили на нѣкоторое разстояніе. Присутствовавшихъ и зрителей были тысячи. Много было истинно-опечаленныхъ этой потерей.

Въ Субботу былъ у меня Лабинцовъ, больной Кавказомъ и затерянный въ Петербургѣ. Огорченный уѣзжаетъ къ новому назначенію въ Варшаву.

Ожиданіе извѣстій изъ Бухареста. Какъ наши войска встрѣтятся съ Турецкими? Лидерсъ и Дюгамель не возбуждаютъ довѣрія въ сомнительныхъ обстоятельствахъ.

12-го Октября. Лабинцовъ назначенъ начальникомъ 2-ой пѣхотной дивизіи. По просьбѣ его написалъ, кажется довольно удачно, благодарственное письмо военному министру.

Г.-м. Безобразовъ, мой бывшій Кавказецъ, назначенъ командиромъ Кавалергардскаго полка. Антиподы по роду службы.

13-го Октября. Смерть матери графа Воронцова-Дашкова, отъ холеры въ отсутствіи сына. Навѣстилъ меня г.-м. Павелъ Петровичъ Мельниковъ. Еще труженикъ, занятый важнымъ для отечества дѣломъ, всѣмъ своимъ умомъ, знаніемъ, совѣстью, цѣною здоровья, уже сильно на этомъ трудѣ разстроеннаго, между тѣмъ какъ неспособность, незнаніе и неудовлетворенная жадность изобрѣтаютъ противъ него всевозможныя препятствія.

16-го Октября. В. к. Михаилъ Павловичъ взялъ меня съ собою для осмотра Пажескаго корпуса, которымъ въ первый разъ былъ совершенно доволенъ. Сегодня получилъ высочайшее соизволеніе на оставленіе сына Михаила дома до будущаго года. Донесеніе г-ла Лидерса о занятіи Бухареста вмѣстѣ съ Турками. Поимка Поляковъ, возмутителей края, Скарятинымъ.

17-го Октября. Выѣзжалъ къ Кочубеямъ, засталъ Демьяна и Аркадія Васильевича. О инвентаряхъ Юго-Западныхъ губерній, составленныхъ и введенныхъ безъ обсужденія Государственнаго Совѣта и министра внутреннихъ дѣлъ. Новый пожаръ въ Орлѣ. О нашей полиціи, въ особенности въ Петербургѣ. Обѣдъ у в. к. Елены Павловны и Михаила Павловича, въ нижнихъ покояхъ. Кромѣ меня были молодая Синявина и Тенгоборскій съ дочерью. Сидѣлъ между Еленой Павловной и Екатериной Михайловной. За обѣдомъ кое-какъ, а послѣ обѣда передъ каминомъ разговоръ не ладился. Я былъ особенно неловокъ. Сегодня въ Кронштадтѣ и Петергофѣ Царская Фамилія ожидаетъ прибытія Ольги Николаевны. Не трудно вообразить взаимное счастіе соединенія послѣ огорченій и смутъ, перенесенныхъ въ бѣснующейся Германіи нашей красавицей-царевной.

18-го Октября. Пихельштейнъ съ 11-ти часовъ утра до четвертаго. Онъ провелъ лучшую часть жизни, такъ сказать, о бокъ со мною. Это подало поводъ къ живому разговору, въ присутствіи сына, о прошедшемъ и, какъ это обыкновенно случается, въ хвалительномъ тонѣ, всегда оставляющемъ по себѣ что-то приторное и ведущее къ повтореніямъ, смѣшную сторону имѣющимъ. Это напомнило мнѣ остроумное чье-то замѣчаніе на счетъ Карла II-го, Англійскаго короля, съ удовольствіемъ разсказывавшаго о своихъ похожденіяхъ, какъ претендента. Надобно было удивляться его памяти, съ какимъ краснорѣчіемъ и всегда въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ, онъ въ сотый разъ дѣлалъ тотъ же разсказъ, забывая однако въ тоже время, что онъ дѣлаетъ его въ сотый-же разъ одному и тому-же лицу. Но утро по крайней мѣрѣ прошло почти пріятно, хотя съ приторнымъ и горьковатымъ осадкомъ всякаго о себѣ разговора.

Какая темнота! Ни читать, ни писать; а теперь второй часъ по полудни. Эти траурные дни природы слѣдовало-бы проводить въ тѣсномъ кругу семейства, подъ домашней крышей, направлять незамѣтно занятія и игры дѣтей разныхъ возрастовъ, дарованныхъ мнѣ Богомъ; а я сижу одинъ въ гостинницѣ и, вмѣсто серебристыхъ голосовъ и пріятнаго шуму дѣтскаго, слышу только оглушающій стукъ экипажей по мостовой, никогда почти не умолкающій, отъ котораго нерѣдко дрожатъ стѣны и диванъ, на которомъ сижу. Хоть-бы служебныя занятія, которыхъ добросовѣстное исполненіе отвлекаетъ отъ всего внѣшняго, удовлетворяя неуспокоенной еще потребности общественной дѣятельности. Ни того, ни другаго! Одинъ и все одинъ.

Въ третьемъ обнялъ сына въ Пажескомъ корпусѣ, и вся хандра, изъ которой вылились прежнія строки, прошла, какъ рукой снята. Г-лъ Зиновьевъ извинился, что отнимаетъ у меня своими приглашеніями на нѣсколько часовъ сына. Въ этомъ человѣкѣ то прекрасно, что онъ вовсе не смотритъ на положеніе въ свѣтѣ родителей своихъ воспитанниковъ, и что по степени его расположенія и привѣтливости къ послѣднимъ родители могутъ смѣло судить о поведеніи своихъ дѣтей.

Венгерцы, шедшіе въ Вѣну присоединиться къ демагогамъ и на Іелашича, внезапно отступили. Догадываюсь, что главная причина этого неожиданнаго происшествія есть вмѣшательство

нашего правительства, для котораго время дѣйствовать, какъ я думаю, теперь именно наступило и на что въ этомъ случаѣ политическія дружественныя сношенія съ Австрійскимъ правительствомъ и смыслъ трактатовъ 1815 года даютъ неотъемлемое право, а положеніе дѣлъ на Западѣ Европы придаетъ еще своевременность.

Осадное положеніе Парижа снято. Дѣла въ Вѣнѣ и вокругъ ея приближаются къ окончанію. Очередь придетъ, кажется, Берлину.

20-го Октября. Теперь тихое, теплое, сѣрое утро. Не ошибся о причинѣ вчерашней отдаленной пушечной пальбы. Это были салюты ожидаемому пароходу. Ольга Николаевна въ десять часовъ утра прибыла въ Петергофъ.—Какъ прекрасна и основательна въ Народномъ Собраніи рѣчь Тьера по поводу вопроса о правѣ найма за себя въ службу рекрута. Въ ней есть мѣста, полезныя для государственныхъ людей всѣхъ народовъ.

22-го Октября. Извѣстіе о побѣдѣ, одержанной надъ Шамилемъ; привезшій это извѣстіе офицеръ Исаковъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ. Подробности еще не публикованы. Пятидесятилѣтній юбилей кн. Воронцова, счастливо отпразднованный побѣдой надъ Шамилемъ. Можно ожидать необыкновенной ему награды. Смерть Персидскаго шаха и неизбѣжныя смуты о наслѣдіи престола. Новое поле дѣятельности для главнокомандующаго въ Грузіи. Тамъ столкнемся политически съ Англіей. Для этого князь Воронцовъ въ особенности на своемъ мѣстѣ.

23-го Октября. Успѣхъ одержанный на Кавказѣ есть взятіе Ахты, крѣпости построенной въ горахъ у вольнаго общества Рутуловъ генераломъ Головинымъ въ 1839-мъ году. Поэтому только узнали, что она у насъ была отнята или оставлена. Послѣ стало извѣстно, что горцы были съ честію отражены гарнизономъ, къ которому пришелъ отрядъ князя Аргутинскаго на освобожденіе отъ блокады.

Дѣло на Кавказѣ было не такъ. Горцы нападали на Ахту и были отражены. Впрочемъ подробности все еще не повѣщены. Видно изъ приказа, что капитанъ Новоселовъ, принявшій послѣ раненаго коменданта начальство, произведенъ черезъ чинъ въ подполковники.

Мятежники въ Бухарестѣ ходятъ свободно по терпимости

Турокъ. Общество на акціяхъ по золотымъ пріискамъ въ княжествахъ. Константинъ Гика при Лидерсѣ. Тимони-Австрійскій консулъ. Калгунъ Англійскій (Calhoun) покровительствуетъ революціонерамъ.

Дѣло о дуэли въ Ревелѣ Унгернъ-Штернберга и Бреверна. Первый убитъ, послѣдній раненъ. Смягченіе уголовныхъ законовъ о поединкѣ. Неполнота закона.

29-го Октября. Въ первомъ часу вошелъ г.-л. М-ки. Грустны бываютъ встрѣчи послѣ многихъ лѣтъ съ иными товарищами молодости, не оправдавшими ничѣмъ ея обѣщаній. Душа будто заплыла тѣломъ и жиромъ; тѣже тогдашнія дѣтскія понятія и впечатлѣнія о происшествіяхъ, требовавшихъ повѣрки опыта и размышленія. Ничего пріобрѣтеннаго. Въ чемъ прошла жизнь? Правда, что я не коснулся предмета, въ которомъ, быть можетъ, состоитъ его спеціальность. Но не помню, кто сказалъ: избѣгай человѣка, прочитавшаго одну книгу; тоже можно бы сказать объ односторонней спеціальности. Умная спеціальность много выигрываетъ многостороннимъ образованіемъ. Je ne connais point de fatigue plus rude que l'ennuyeux *babil* d'un mortel sans étude.

Замѣчаніе Н. Муравьева о Позенѣ и сотрудникахъ по новому учрежденію въ Грузіи: они получили награду за ошибочное и вредное постановленіе; потомъ другую за признаніе ошибки. Но главный виновникъ остается тогдашній начальникъ края: отъ рѣшительнаго отзыва его зависѣло все дѣло. Онъ-же посѣялъ духъ неудовольствія позже и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ всегда преданныхъ. У этого человѣка въ головѣ нѣтъ ясности, въ душѣ нѣтъ честности. Онъ всегда старался только угодить лицу, отъ котораго болѣе зависѣла прочность его мѣста, и оттого виды этого лица, быть можетъ, полезные, умѣренно и съ помощію времени въ исполненіе приведенные, онъ дѣлалъ вредными употребленіемъ крутыхъ мѣръ въ угожденіе ему.

30-го Октября. Знакомстко съ бар. Розеномъ. Воспоминанія изъ времени командованія Лубенскимъ гусарскимъ полкомъ. Розенъ былъ тогда поручикомъ въ Гродненскомъ. Потомъ разговоръ перешелъ къ Кавказу. Г-ня Соллогубъ съ мужемъ. Сабурова. Удобный кабинетъ князя Мурузи. Трубки по восточному.

Г-лъ адъют. баронъ Ливенъ отправленъ сегодня въ Ольмюцъ между прочимъ съ порученіемъ доставить князю Виндишгрецу Андреевскую ленту, Іелашичу Владимирскую.

31-го Октября. У Зыбина нашелъ Рибопьера и Устинова. На перваго всегда любуюсь: прекрасная аристократическая фигура, которой соотвѣтствуетъ и ловкій разговоръ. Какъ дипломатъ, въ разныхъ посольствахъ, онъ долженъ былъ своею личностью производить выгодное впечатлѣніе. Нелѣпыя сужденія непризванныхъ о дѣйствіяхъ на Кавказѣ. Какъ смѣло они маневрируютъ отсюда! Они принудили меня защищать князя Аргутинскаго-Долгорукова, которому не довѣряю.

Bossuet définissait la politique: l'art d'enlever à la fortune tout ce qu'on peut lui ôter par conseil et par prévoyance.—Il y a des hommes qu'il faut user au pouvoir à fin de les amoindrir et de les tuer, même dans l'opposition. Comme ils prétendent mieux faire, conduire le pays à l'honneur, à la gloire, il faut les mettre à l'épreuve, démasquer aux yeux de tous leur impuissance, démontrer enfin qu'il y a certains principes fixes de gouvernement et de politique générale dont l'on ne peut s'écarter sans compromettre la sécurité d'un peuple et la paix du monde.

1-го Ноября. Разговоръ во время обѣда у Кочубеевъ и послѣ, часто занимательный. По поводу смутъ на Западѣ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ собесѣдниковъ, кроткій по характеру, повторилъ слово, которое теперь часто въ обществѣ можно слышать, что нужно еще крови для успокоенія народовъ, что недовольно ея еще пролито! И это жестокое слово говорится съ полнымъ хладнокровіемъ за вкусными блюдами, при наполненныхъ лучшими винами рюмкахъ, въ присутствіи женщинъ, безъ содроганія. Ничто столько не объясняетъ появленія въ смутныя времена людей, подобныхъ Робеспьеру, Сенъ-Жюсту (мы можемъ теперь назвать уже новыхъ), какъ эта наклонность людей, впрочемъ честныхъ и добрыхъ, находить въ самомъ ужасѣ подобныхъ эпохъ, омерзенія достойныхъ, не одно горестное послѣдствіе переворотовъ, но и необходимое средство ихъ укрощенія. Да, убійцы, зачинщики, какъ и всегда, подлежатъ мести закона; но просто желать, чтобы безъ разбора враждующія стороны, порядка и безначалія, еще сильнѣе столкнулись и пролили болѣе крови, по моему безсмысленно. Это несчастное, по необ-

ходимости средство, а не цѣль, и кровь вызываетъ кровь. Въ такія времена много увлеченныхъ даже на сторонѣ преступной, болѣе состраданія, чѣмъ казни достойныхъ. Одолѣйте твердостію, мужествомъ, умомъ, опытностью *). Характерамъ этого разряда приличенъ духъ правосудія, пощады вездѣ, гдѣ она возможна; а крови для крови принадлежитъ натурамъ дикимъ, только строгой уздѣ закона покорнымъ, въ которой старайтесь ихъ удерживать.

Ретиваго коня выѣзжаютъ, не пристрѣливаютъ; убиваютъ иногда неисправимо-злонравныхъ, но не смѣшивайте одного съ другимъ. Не мѣшайтесь въ суды Провидѣнія, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ допускающаго, въ грозные для народовъ дни, смуты и убійства, а на человѣка дѣйствуйте по человѣчески, не оглушаясь шумомъ возбужденныхъ страстей и помня, что каждый человѣкъ представляетъ въ лицѣ своемъ члена семейства, отца, мужа, брата, сына и что отъ судьбы его часто зависитъ судьба матери, жены, сестеръ, дѣтей. А вамъ нужна еще новая лужа крови! Опомнитесь. Мы, военные, щадимъ ее въ пылу сраженій и штурмовъ. Чѣмъ разнится это воззваніе къ крови съ воззваніемъ черни и анархистовъ: Vive la guillotine!

2-го Ноября. Принялъ вчера новаго флигель-адъютанта Исакова. Красивый молодой человѣкъ и осторожный въ отвѣтахъ. Въ семь въ большой театръ. Возлѣ меня сидѣлъ канцлеръ. Онъ сообщилъ мнѣ о смутахъ въ Лембергѣ, укрощенныхъ силою. Н. И. Гречъ сказалъ мнѣ, что въ Allgemeine Zeitung меня называютъ начальникомъ войскъ, вступившихъ въ Галицію. Поклонъ в. к. Михаила Павловича изъ ложи.

3-го Ноября. Въ Большомъ театрѣ. Государь, Императрица, Наслѣдникъ и Наслѣдница, Ольга Николаевна, Михаилъ Павловичъ съ дочерью, молодые Великіе Князья, Марія Николаевна и герцогъ Лейхтенбергскій показались въ ложѣ и были привѣтствованы общимъ ура! Прекрасная Ольга Николаевна нѣсколько похудѣла противъ того, какъ оставила Петербургъ. Давали Пуританъ. Первыя два дѣйствія, полныя музыки торжественной, съ хорами, остались для меня на этотъ разъ непонятными. Съ третьяго музыка развилась и до конца въ мело-

*) Большинство всегда и вездѣ на сторонѣ устройства, тишины и законовъ. Умѣйте его соединить и ободрить.

діяхъ восхитительныхъ. Генералъ-адъютанты будто по согласію всѣ были въ мундирахъ, какъ и я также. Сосѣдомъ моимъ былъ г-лъ Александровъ, съ правой руки г-лъ Т., чей-то шталмейстеръ. Съ послѣдняго можно было-бы списать для сцены роль придворнаго съ смѣшной стороны, начиная съ наружности.

Парижская драма развивается также. Народное Собраніе окончило конституцію Республики и возвѣстило о томъ сто однимъ выстрѣломъ изъ пушекъ ночью и тѣмъ испугало городъ, не предваренный о причинѣ внезапной пальбы.

4-го Ноября. Въ семь въ большой театръ. Давали Мечту Художника; наконецъ видѣлъ Фанни Эльснеръ. Она превосходна. Впечатлѣнія ею производимыя принадлежатъ къ разряду изящнаго, выше чувственнаго. Не удивляюсь болѣе восторгу, на всѣхъ сценахъ Европы и Америки ее встрѣтившему. Императорская Фамилія была въ театрѣ и громко изъявляла свое удовольствіе.

Церемонія похоронъ директора морскаго корпуса Римскаго-Корсакова. Не поѣду. Раньше всѣхъ былъ у меня вчера г-лъ Сумароковъ. Честолюбивые виды его. Ограниченность. Холодный эгоизмъ.

5-го Ноября. Поутру вчера вошелъ ко мнѣ неожиданный и пріятный гость, полковникъ Вревскій, командиръ Навагинскаго полка, служившій при мнѣ на Кавказѣ, въ генеральномъ штабѣ, одинъ изъ благороднѣйшихъ, храбрѣйшихъ и образованныхъ моихъ сподвижниковъ того времени. Онъ отмалчивался на счетъ положенія дѣлъ.

Графъ Шуваловъ, гофмейстеръ двора, пріѣзжавшій также въ Пажескій корпусъ къ своему сыну, сообщилъ только что полученное съ курьеромъ извѣстіе, что Прусскія войска подъ начальствомъ г-ла Врангеля вступили въ Берлинъ и разсѣяли народное собраніе; покуда все безъ сопротивленія, но въ народѣ большое волненіе. Блумъ, анархистъ и депутатъ Франкфуртскаго центральнаго сейма, въ Вѣнѣ схваченъ и разстрѣлянъ. Въ четыре поѣхалъ на обѣдъ къ Сумарокову. Кромѣ меня были полк. кн. Кантакузенъ и кн. Голицынъ. Разговоръ несвязный, тяжелый, обѣдъ легкій и безвинный. Молодой, лѣтъ 12-ти, Грекъ, на послѣднемъ обѣдѣ у князя Мурузи мнѣ представленный, сирота, принятый ими на воспитаніе, три дня тому застрѣлился въ своей комнатѣ, оставивъ записку, что отъ одной скуки жить рѣшился на самоубійство.

Кн. Чернышевъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ званіи военнаго министра. Членами графъ Закревскій, Бибиковъ, Шульгинъ и Анненковъ. Кн. Василій Долгоруковъ товарищемъ военнаго министра, г.-м. Вревскій директоромъ канцеляріи Военнаго Министерства.—Обѣдъ у Булгарина не состоялся: былъ приглашенъ къ в. к. Еленѣ Павловнѣ. Я нашелъ тамъ еще г-ла Кнорринга и г-лъ-губернатора Шульгина. Изъ дамъ фрейлину Бутурлину. Сидѣлъ между нею и в. к. Екатериной Михайловной. Скоро послѣ обѣда, послѣ первой сигарки в. к., насъ отпустили. Я поѣхалъ прямо къ Булгарину, гдѣ засталъ еще кн. Голицына и Греча. Странное обстоятельство относительно выбора Наполеономъ мѣста переправы черезъ Березину, Булгаринымъ мнѣ сообщенное. Толки на счетъ послѣднихъ назначеній. Ужели есть agens-provocateurs?—Страшная судьба, постигшая Илью Гавриловича Бибикова: въ нѣсколько дней умерли три сына отъ скарлатины. Бѣдная мать! Страшенъ Петербургъ для семействъ въ переходныя времена года, весною и осенью! Съ ужасомъ и вмѣстѣ съ признательностью къ Провидѣнію вспоминаю конецъ 42-го и 43-й годъ, какъ все почти семейство было въ опасности, начиная съ матери, и все спасено.

9-го Ноября. Вчера Михайловъ день. Въ часъ церковный парадъ, потомъ къ в. к. Михаилу Павловичу записался. Къ кн. Чернышеву, къ М. Н. Муравьеву. У него-же съ сыномъ обѣдалъ. Князь и к-ня Шаховскіе. Послѣ обѣда разговоръ въ кабинетѣ втроемъ, два брата (хозяинъ и Андрей Ник.) со мною, весьма занимательный. Храмъ въ Пицундѣ. Урочище древняго Корсуня, мѣсто крещенія В. К. Владимира, назначенное было подъ карантинъ и А. Н. Муравьевымъ спасенное. По поводу найденнаго будто человѣческаго остова въ слояхъ земли допотопной формаціи разговоръ перешелъ къ мірозданію и къ религіи христіанской. Нѣсколько удачныхъ возраженій противъ выводовъ ума, только встрѣчно, а не постоянно ученіемъ религіи занятаго. Превосходные цитаты изъ св. отцовъ. Темнота Евангелій безъ толкованій Апостола Павла и другихъ. А. Н. былъ очень хорошъ и краснорѣчивъ.

16-го Ноября. Князь Меншиковъ, узнавъ о смерти Михайловскаго-Данилевскаго, писателя военной исторіи нашей, не от-

личавшагося безпристрастіемъ, замѣтилъ, что мы въ короткое время лишились двухъ баснописцевъ—Крылова и Данилевскаго. Онъ-же на замѣчаніе Государя, что у него умираютъ адмиралы, отвѣчалъ, что умерли они уже давно, а что теперь только хоронятъ ихъ. Это были все старики.

Вчера очень занимательный вечеръ у Дегая. Радость прекрасныхъ его малютокъ, увидя меня. Примѣчательный путешественникъ нашъ полк. Ковалевскій, только что возвратившійся изъ Египта и Африки. Любопытныя подробности путешествія. Золотыя розсыпи, открытыя и разработанныя имъ въ пользу Мегмета-Али, который принялъ его отлично и далъ ему отрядъ въ полторы тысячи Негровъ съ двумя орудіями. Удостовѣреніе, что источниковъ Нила не должно искать въ вершинахъ Голубаго Нила, по которому Ковалевскій дошелъ до мѣстъ, гдѣ онъ образовалъ ничтожный притокъ. Перешедши отъ него до Бѣлаго Нила и долго подымаясь по немъ, онъ вездѣ до 8° широты находилъ огромную и уже многоводную въ размѣрахъ Невы рѣку, и дошелъ до Снѣговыхъ горъ *), въ которыхъ идутъ періодическіе дожди, производящіе обыкновенное наводненіе Египетской долины. Нашелъ племена Негровъ, до которыхъ никто еще изъ бѣлыхъ не доходилъ, незнакомыхъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, питающихся кореньями и самороднымъ картофелемъ, одного свойства съ Американскимъ, въ Европѣ разведеннымъ. Есть и другой, растущій на кустарникѣ; этотъ ядовитъ въ самородномъ видѣ, но пересаженный теряетъ это свойство и употребляется въ пищу. Есть племена людоѣдовъ. Понятія о религіи едва замѣтныя, наиболѣе идолопоклонники и чтители солнца. Преданіе о потопѣ и о какомъ-то грѣхопаденіи. Весьма любопытное открытіе сильнаго племени до ста т. народонаселенія Евреевъ, до эры I. X. переселившагося въ Африку, можетъ быть, по поводу плѣненія Вавилонскаго. Они бѣлы, сохранили совершенно обликъ Еврейскій, говорятъ чистымъ языкомъ раввиновъ, опрятны. Поразительное терпѣніе и хладнокровіе умнаго путешественника при отвѣтахъ на одновременные, безъ малѣйшей связи, разнообразные вопросы, со всѣхъ сторонъ на него сыпавшіеся. Ни малѣйшаго возвышенія голоса или ускоренія

*) Лунныя горы—названіе на мѣстѣ неизвѣстное.

слова или легчайшаго движенія въ чертахъ лица. Надобно было много выстрадать, чтобы дойти до подобнаго безстрастія и владѣнія собой. Онъ очень занимателенъ для меня самъ собою и изученія достоинъ. Вездѣ поддерживать его.

У Давыдова молодая, по его словамъ, прекрасная собою дочь пошла въ монастырь по одному призванію, безъ всякой другой причины.

19-го Ноября. Годовщина кончины императора Александра. Воспоминанія послѣдствій этого дня тѣснятся въ душѣ моей. Онъ отозвался мнѣ продолжительными преслѣдованіями и имѣлъ рѣшительное вліяніе на всю мою остальную жизнь. Все прошло, и благодарю Небо, что все кажется было перенесено съ достоинствомъ, быть можетъ, спасшимъ меня. И сегодня день, соотвѣтствующій тону всѣхъ горестныхъ воспоминаній, имъ пробуждаемыхъ: небо закрыто однообразною сѣрою пеленою, ни зима, ни осень, снѣгъ и слякоть. Въ 11-ть часовъ въ Александро-Невской Лаврѣ похороны митрополита Антонія—не поѣду.

23-го. Въ половинѣ пятаго на обѣдъ въ Мих. дворецъ. Приглашены были г.-а-ты Шиповъ, Моллеръ, г-лы Катенинъ, Гильденштуббе, Жарковъ. Я сидѣлъ возлѣ Е. П. и воспользовался случаемъ сказать о Ковалевскомъ. Онъ будетъ приглашенъ къ е. в. Изъ дамъ были Апраксина, дѣвица Синявина, Витовтова.

Милютинъ занялъ мѣсто покойнаго Данилевскаго. Недоразумѣніе по поводу думы ордена Св. Георгія.

Въ Римѣ убійство перваго министра Росси на лѣстницѣ, передъ залой Народнаго Собранія. Можно подумать, что каторжники Европы спущены на травлю противъ общественнаго порядка. Оправдательная рѣчь Кавеньяка въ Парижскомъ Народномъ Собраніи. Чувства и языкъ честнаго человѣка. Что̀ бы его ни ожидало впереди, для него готово въ Исторіи и въ памяти людей достойныхъ почетное мѣсто.

26-го Ноября. Часу въ одиннадцатомъ вечера, среди занимательнаго разговора съ бар. Мейендорфомъ, мнѣ объявили, что на Литейной, въ Пустомъ Рынкѣ, пожаръ. Я поскакалъ туда на дежурной тройкѣ и засталъ тамъ уже Е. В. Наслѣдника; скоро потомъ пріѣхалъ и В. К. Константинъ. Горѣли лавки съ разнымъ хламомъ и мясныя; но скоро запахъ скипидара показалъ пожарной командѣ новую опасность и представилъ зрѣ-

лище рѣдкое. Большое количество скипидара въ разныхъ сосудахъ стояло на потолкѣ одного отдѣла зданія. Когда огонь дошелъ до него, то они стали лопаться, и ослѣпительные огненные каскады одни за другимъ полились сверху на пожарныхъ. Были опаленные, одинъ сильно; другому топоромъ нечаянно разрублена кисть. Пожарная команда отличается самоотверженіемъ. Многіе изъ нея отваживаются въ огонь, какъ саламандры. Наслѣдникъ и Константинъ Николаевичъ оставались до совершеннаго удостовѣренія въ овладѣніи пожаромъ и въ невозможности дальнѣйшаго распространенія. Наслѣдникъ наступилъ на гвоздь, съ трудомъ вырванный изъ сапога; и для этого надобно было остановиться въ опасномъ мѣстѣ, въ толпѣ и близъ крыши и лавокъ, откуда бросали безъ разбора всякій хламъ. Я радъ былъ, когда онъ вышелъ оттуда невредимъ. Онъ хладнокровенъ и добръ. Цѣлость людей была его главная забота.—Одиссея Жуковскаго.

Засталъ Муравьеву нездоровою отъ поразительнаго случая. Родственница ея Мордвинова, которую мнѣ случилось у нея видѣть, давала вечеръ. Между тѣмъ какъ одни танцовали, другіе играли въ карты, она вышла въ особую комнату, прилегла и умерла въ присутствіи двухъ дѣтей, ничего не замѣтившихъ и не подавъ ни малѣйшаго признака.

27-го въ Субботу, въ 4 часа утра, пріѣхалъ къ двору эрцгерцогъ Вильгельмъ, младшій сынъ пок. эрцгерц. Карла, съ извѣстіемъ объ отреченіи отъ престола импер. Фердинанда I-го, также ближайшаго преемника эрцгерц. Франца-Карла, и о вступленіи на престолъ Франца-Іосифа, племянника императора. Въ часъ того же дня былъ внезапный парадъ въ походной формѣ на площадяхъ Петровской и Дворцовой. День былъ холодный, но ясный. Привѣтливый поклонъ и взглядъ Государя, въ толпѣ меня отыскавшій, если не ошибаюсь. Разсказываютъ, что императоръ Фердинандъ передъ отреченіемъ спросилъ государственныхъ мужей, при немъ бывшихъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла. Получивъ въ отвѣтъ, что дѣла идутъ хорошо, законная власть получила силу и рѣшительное преимущество надъ безначаліемъ, Фердинандъ объявилъ, что можетъ теперь отречься отъ престола. Благородная черта! Вчера былъ разводъ въ Михайловскомъ манежѣ, и молодой эрцгерцогъ былъ съ Императоромъ. Какъ ненаглядно величественъ и прекрасенъ Им-

ператоръ! Послѣ развода baise-main Ольгѣ Николаевнѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Увидѣвъ меня, она вспомнила о бѣдной покойницѣ Сурхаевой.

6-го Декабря. Въ одиннадцать утра во дворецъ. Выходъ къ обѣдни. Baise-main у императрицы. Двѣ дамы передъ нею упали, вѣроятно наступивъ на свои длинные шлейфы. Награды: четыре полныхъ генерала, до того неизвѣстныхъ, что повышеніе ихъ не произвело, кажется, недовольныхъ. Князь В. Долгоруковъ въ генералъ-маіоры. Радуюсь производству Круковскаго и Ильинскаго. Прочихъ не помню. Кн. Воронцовъ получилъ портретъ.

Доложили о г-лѣ Головинѣ. Встрѣча съ этимъ жалкимъ человѣкомъ. Поклоны его низкіе; признаніе довольно странное, что сынъ его мнѣ много обязанъ, а между тѣмъ какъ велъ себя отецъ? Вопросъ е. в. Михаила Павловича, охотно ли возвращусь на Кавказъ? Отвѣтъ согласительный.

16 го. La Russie en présence de la crise européenne. Общія мѣста; бумага все терпитъ. C'est enfoncer une porte ouverte, какъ говорятъ Французы; все декламаціи объ освобожденіи крестьянъ. Развѣ это въ нѣкоторыхъ предѣлахъ и съ постепенностью не есть желаніе и въ тоже время трудность благонамѣреннаго правительства и лучшей значительной части помѣщиковъ? А просвѣщеніе въ подражаніе Европѣ! Хорошо выбрана минута, чтобы поставить ее въ примѣръ Россіи! Конечно Россіи предстоитъ болѣе и болѣе близкое разрѣшеніе задачъ трудныхъ; но съ Божіею помощію она рѣшитъ ихъ самостоятельно, а не подражательно, въ духѣ сильнаго и спасительнаго единоначалія, возвышенія умственнаго и вещественнаго благосостоянія народнаго, въ духѣ общины, врожденномъ Русскому, вообще по-своему, не по-западному и не по-восточному. Все придетъ ей въ свой часъ. Чего ей торопиться? Кто можетъ кромѣ собственной воли ее понудить? То, что̀ въ столѣтіе совершено, можетъ успокоить на счетъ дальнѣйшаго ея дѣйствія. Только близорукій взглядъ людей, измѣряющихъ жизнь Россіи своею жизнью, можетъ упрекать ее въ медленномъ возрастаніи. Всмотритесь хорошенько: вѣдь растетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ говоритъ о своихъ богатыряхъ народная сказка.

18-го. Противъ Лѣтняго сада черезъ улицу встрѣтился съ в. к. Михаиломъ. Онъ пригласилъ идти съ нимъ. Доро̀гой со-

общилъ мнѣ, что г.-а. Набоковъ проситъ увольненія отъ командованія гренад. корпусомъ, и Н. Н. Муравьевъ назначается на его мѣсто. О неудобствахъ Амосовскаго отапливанія. Подробности болѣзни и смерти гр. Левашева. Мысли в. к. объ устройствѣ сада съ фонтанами въ трехъ мѣстахъ на Дворцовой и Адмиралтейской площади. Спросивъ, гдѣ я живу, направилъ туда прогулку и, дошедши до моихъ дверей, оставилъ меня.

28-го. Праздники для меня съ сыномъ пропали: онъ занемогъ корью. Наряженный на нынѣшній день дежурнымъ, я долженъ былъ отъ дежурства отказаться. Вчера былъ у меня г.-а. Альбрандтъ безъ правой руки, неудачно отнятой послѣ раны, въ экспедиціи на Дарго полученной. Онъ готовится съ необыкновенною бодростью на новую и опасную операцію вынутія вовсе остатка руки изъ плечевой ключицы. Восторженный образъ мыслей и рѣчь этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ человѣка. Только что возвратился, отдавъ ему визитъ карточкой и не заставъ его дома. Также неудачно заѣзжалъ къ князю Владимиру Голицыну.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1849 годъ.

2-го Января. Новый годъ засталъ меня у постели больнаго сына, съ глубокою признательностью Провидѣнію за облегчительный и правильный ходъ его болѣзни.—Вчерашнимъ приказомъ г.-м. Ростовцевъ назначенъ генералъ-адъютантомъ. — Записка о неудобствахъ, оказавшихся при введеніи новаго учрежденія въ линейномъ казачьемъ войскѣ.

6-го Января, Среда. Римъ въ 1798-мъ и въ настоящемъ году. Грабительство Французскихъ чиновниковъ и Массены. Негодованіе и возмущеніе арміи. Также въ Веронѣ. Особенныя черты характера Французскаго солдата.

10-го Января. Вчера, въ первый разъ послѣ кори сына, ѣздилъ во дворецъ. Государь смотрѣлъ Польскихъ рекрутъ. Обѣдалъ у Арк. Вас. Кочубея. Вечеромъ на балъ къ Сумарокову. Государь, Наслѣдникъ и Наслѣдница, Ольга Николаевна, Михаилъ Павловичъ, герцогъ Лейхтенбергскій и принцъ Дармштадскій были на балу. Лефло, Ферріеръ и Гедувиль. Благосклонное съ ними обращеніе царской фамиліи. Разговоръ съ Безакомъ занимательный. У Мельниковыхъ передъ отъѣздомъ Павла Петровича. Три рода производящихся построекъ по словамъ князя Менщикова: Исакіевскій соборъ, котораго мы не увидимъ, а увидятъ наши внуки; постоянный мостъ, который мы увидимъ, а не увидятъ наши внуки; желѣзная Московская дорога, которой не увидимъ ни мы, ни наши внуки. Хорошо какъ шутка.

Сегодня въ 12-ть ч. вошелъ г.-а. Ростовцевъ и посидѣлъ съ часъ въ весьма занимательномъ разговорѣ. Изъ семи тысячъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, вѣдомства Великаго Князя, отъ холеры умерло двадцать семь.

Au pape, aux souverains italiens qui, à son exemple, entreprenaient d'opérer eux-mêmes l'affranchissement et la réforme de leurs états, Rossi disait sans relâche: L'oeuvre que vous abordez est grande et périlleuse; une administration vieillie ne se réforme pas en un jour; des paroles de liberté ne tombent pas impunément du haut d'un trône sans aller réveiller ce foyer de passions révolutionnaires qui couve toujours au fond des sociétés. Vous avez promis, mettez-vous à l'oeuvre. Dès aujoud'hui faites vos plans, dès demain exécutez les. Ne laissez pas les esprits errer à l'aventure et soulever toutes les questions au hasard. Guidez vous-mêmes le mouvement que vous avez donnés, ou vous serez entraîné par lui. Ayez peu de foi aux applaudissements populaires: ils se changent vite en murmures. Travaillez pour le bien qui dure et non pour la récompense passagère et dangereuse d'une ovation de la rue.

13-го Января. Вчера въ два часа во дворецъ на засѣданіе капитула Георгіевскаго ордена. Князь Воронцовъ представилъ за Ахты четверыхъ. Возраженіе Д. В. Васильчикова противъ права на полученіе этого ордена кап. Бучкіева, вопреки нашему общему мнѣнію и, кажется, и в. к. Михаила Павловича; все засѣданіе прошло въ объясненіяхъ безъ рѣшенія. Сравненіе изъ собственной военной жизни г-ла Васильчикова, самимъ сдѣланное, съ подвигомъ Бучкіева, невинное, неловкое и непохожее. Завтракъ послѣ засѣданія. Въ осьмомъ на годичное собраніе Географическаго Общества подъ предсѣдательствомъ Константина Николаевича. Встрѣча съ Постельсомъ. Общая будто память обо мнѣ на Кавказѣ и ожиданіе. Разговоръ съ Скрипицынымъ. Ковалевскій читалъ записку о своемъ путешествіи въ Нубію и Нигрицію въ 1847 г. Негренокъ его.

Le Bric-à-brac d'Eugène Forcade, плѣнительная статья въ Revue des deux mondes. Мысли свѣта и тѣни, пробужденныя въ душѣ, которыя быть можетъ въ счастливую минуту найдутъ свое выраженіе; но не здѣсь, въ городскомъ кабинетѣ или въ гостинныхъ, а подъ небомъ, среди природы Божіей и семейства. Но вырвусь ли туда отсюда? Если нѣтъ, возобновимъ ихъ памятью

и чувствомъ, чтобы послѣдній день, готовый обратить въ трупъ тѣло, не засталъ уже трупомъ и душу.

15-го. Вчера въ два часа въ Георгіевскій капитулъ. Четверымъ даны Георгіевскіе кресты. Съ утра, рѣшась посмѣяться, я поѣхалъ въ Александринскій театръ, гдѣ давали четыре Русскія піесы, и между ними мнимая Фанни Эльснеръ. Въ самомъ дѣлѣ я много и почти до слезъ смѣялся; Мартыновъ, Мооръ, Самойловъ уморительны. Но я до того досмѣялся и такимъ смѣхомъ, что вышелъ изъ театра и пріѣхалъ домой съ чувствомъ какого-то униженія въ душѣ, какъ будто послѣ двусмысленнаго поступка. Этотъ міръ униженныхъ чиновниковъ, квартальныхъ, будочниковъ, эти кучи грязи, изъ самыхъ низкихъ чувствъ собранныя, если разсмѣшатъ на мгновеніе, то вмѣстѣ будто замараютъ. Долго прижималъ я къ груди и цѣловалъ въ лобъ и глаза прекраснаго сына, ожидавшаго меня съ чаемъ, пока удалось, какъ говорится, отвести душу и настроить ее на обычный ладъ.—Слово графа Блудова о докладѣ по проэкту преобразованія земскихъ повинностей, М. Н. Муравьева, что онъ заслужилъ бы одобреніе и обратилъ бы вниманіе въ Англійскомъ парламентѣ.

18-го Января. М. Н. Муравьевъ провелъ съ часъ въ разговорѣ всегда занимательномъ. Посредничество между мин-ромъ вн. дѣлъ и Д. Г. Бибиковымъ по исправленію и пополненію инвентарей въ западныхъ губерніяхъ. Трудность распространенія ихъ во внутреннія губерніи. Графъ Толстой, сотрудникъ его, мнѣ незнакомый.

20-го. Балъ при дворѣ отмѣненъ. Если не по причинѣ сильнаго мороза, то узнать настоящую. Сплетни и соблазнъ между львицами общества. Оргія на дняхъ, достойная временъ регенства, до высшаго свѣдѣнія дошедшая.

Pour moi surtout, qui aime deux choses avec passion, la justice au-dedans, la grandeur au-dehors, l'anarchie est un objet d'insurmontable aversion.

22-го. Вошелъ фл.-а. кн. Урусовъ, мужъ главной героини въ соблазнительной повѣсти, истинной или ложной, безъ сомнѣнія преувеличенной, дворъ и городъ теперь занимающей. Онъ самъ коснулся ея, какъ клеветы.—Вырѣзанные листы изъ секретнаго

журнала резолюцій В.—Опять назначенъ сидѣльцемъ при выставкѣ на балѣ-маскарадѣ-аллегри для инвалидовъ.

24-го Января. Г-лъ Безакъ; любопытный разговоръ о предметахъ, до артилеріи относящихся. Сходство мыслей о первостепенныхъ качествахъ военнаго начальника. Несовершенство Шрапнелевыхъ гранатъ. Ослабленіе единорожныхъ лафетовъ отъ доставленія орудію бо̀льшаго и по его мнѣнію безполезнаго возвышенія (навѣснаго выстрѣла). Мнѣніе о Герштенцвейгѣ основательное. Норденстамъ, воспоминанія о Кавказѣ. Заводовскій при смерти.

Bien que Bonaparte aspirât à la renommée d'Alexandre, il ne dédaignait pas l'habilité de Philippe.

25-го Января. Долго съ кн. Суворовымъ. Въ бумагахъ г-ла Винспера, умершаго въ Неаполѣ, манускриптъ Головина противъ меня. Упрекъ, почему не возражаю. Для кого и къ чему? Если дѣла недовольно громко говорятъ, то къ чему ихъ и трогать? Вечеромъ на балъ маскарадъ въ пользу инвалидовъ. Берегъ лавку вмѣстѣ съ г. а. Ростовцевымъ. Вообще душно, жарко и скучно. Въ три домой.

30-го. Въ Пятницу поутру къ в. к. Михаилу Павловичу поздравить со днемъ его рожденія; къ Еленѣ Павловнѣ baise-main. Невыгодное мнѣніе в. к. Елены Павловны о моемъ Нѣмецкомъ разговорномъ языкѣ.

31-го. Съ ряду нѣсколько дней не даютъ писать посѣтители. Въ Пятницу былъ на балѣ у в. к. Елены Павловны. Всего 130 особъ. Вчера обѣдъ у Киселева. Разговоръ, пробудившій раздражительныя воспоминанія, съ кн. Суворовымъ. Шатовъ, Фохтъ, князь Трубецкой.

3-го Февр. Во Вторникъ, съ ячменемъ на глазу, не отказался отъ дежурства, въ надеждѣ просидѣть цѣлый день дома. Не такъ случилось. В. к. Михаилъ Павловичъ пригласилъ на обѣдъ. Кромѣ меня были Николаи и Катенинъ. Веселое расположеніе духа и любезность хозяина. Скоро по возвращеніи домой, извѣстили, что Государь Императоръ поѣхалъ въ Большой театръ. Засталъ въ большой ложѣ нѣсколько придворныхъ дамъ. Давали Эсмеральду. Великолѣпная постановка, декораціи и костюмы. Фанни Эльснеръ превосходна. Норденстамъ, губернаторъ Гельсингфорса,

на отъѣздѣ пріѣзжалъ проститься. Характеристика г-овъ Пулло, Заводовскаго и Николаева. Слово г-ла Катенина второму, когда тотъ, хитрый и умный, выдавалъ себя за человѣка простаго: что вы человѣкъ не простой, это видно уже изъ того, что вы въ Петербургѣ *человѣкъ*, а здѣсь въ Черноморіи *человикъ*. Въ своемъ краѣ Заводовскій со всѣми всегда говоритъ казачьимъ нарѣчіемъ, между тѣмъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что хорошо знаетъ и можетъ чисто говорить по-русски. Пріѣхавъ къ нему въ Екатеринодаръ неожиданно ночью, я засталъ у него на столѣ развернутыя Essais de Montaigne. Атаманъ Николаевъ удачный и умный разскащикъ. Вотъ одинъ изъ его разсказовъ, который подъ перомъ потеряетъ всю свою забавность. Въ бытность свою въ Петербургѣ, онъ познакомился съ двумя адмиралами, стариками и родственниками, которые жили вмѣстѣ. Одинъ изъ нихъ любилъ хорошо поѣсть, другой—также попить. Они пригласили его отобѣдать съ ними. Самъ охотникъ до того и до другаго, онъ принялъ приглашеніе и усѣлся съ ними. Адмиралъ, охотникъ до ѣды, обратясь къ нему, сказалъ: Странная птица гусь, одного мало, два много.—Кн. Суворовъ на обѣдѣ у гр. Киселева разсказывалъ мнѣ, будто въ бытность мою начальникомъ на Кавказѣ, г-лъ Пулло, при обезоруженіи Чечни, по моему приказанію, не только допустилъ, но и самъ позволилъ себѣ разные грабежи, между прочимъ будто бы отнялъ бриліантовыя серьги у женщины. Это до меня никогда не доходило, и объ этомъ-то я разспрашивалъ сегодня Норденстама, бывшаго тогда при мнѣ оберъ-квартирмейстеромъ. И онъ узналъ о чемъ-то подобномъ, позже и говорилъ о томъ съ г-омъ Пулло въ Москвѣ, когда тотъ былъ уже въ отставкѣ. На повѣрку вышло, что одинъ изъ переводчиковъ, Чеченецъ, точно былъ подозрѣваемъ въ этомъ проступкѣ; а здѣсь, не спросясь и безъ сношенія со мною, по слуху, отставили этого весьма способнаго и полезнаго генерала, не сказавъ причины. И я узнаю о томъ теперь только и случайно! Не увѣренъ, чтобы этотъ способъ дѣйствія былъ справедливъ. Сафоновъ — правитель канцеляріи князя Воронцова. Большой публичный садъ, г-омъ Хомутовымъ разведенный въ Новочеркаскѣ.

4-го Февраля. Мнѣ говорятъ, что г-лъ Головинъ уменъ и хорошо пишетъ. Да, фраза его часто вьется красивыми изгибами

змѣи и также, какъ она, напитана ядомъ. Не ищите въ ней, если имѣете съ нимъ дѣло по службѣ, прямаго, яснаго, нелицепріятнаго отвѣта на вопросы, разрѣшенія требующіе. Вы найдете болѣе или менѣе ловкое уклоненіе отъ всякой отвѣтственности: и да, и нѣтъ на всѣ вопросы. Конечно, и на это нуженъ умъ; но какой умъ?

5-го Февраля. Вчера поутру съ большимъ трудомъ по высокой лѣстницѣ взошелъ ко мнѣ А. С. Траскинъ, бывшій начальникъ моего штаба на Кавказѣ, еще толще прежняго. Занимательный разговоръ о Тифлисѣ. Порядокъ или точнѣе безпорядокъ при докладахъ, съ открытыми для всей камарильи дверьми, въ присутствіи жены, среди разговоровъ. Gueule de lion, какъ въ Венеціи. Походъ въ Андію. Насмѣшливые вопросы князя Воронцова г.-м. Вольфу, не одобрявшему походъ, по достиженіи Андіи, гдѣ же эти опасности, этотъ грозный непріятель, недоступность мѣстъ. Они назади, отвѣчалъ Вольфъ. Полное убѣжденіе не замедлилось, усиленное важными ошибками.

Quelques éléments de grandeur qu'une nation puisse renfermer en son sein, elle ne devient dans son développement politique, moral et militaire que ce que la font celui ou ceux qui la gouvernent. Quelquefois même, le génie d'un seul homme a suffi pour suppléer à la faiblesse, pour révéler sa force, ou réparer ses erreurs: témoin la Suède sous Gustave-Adolphe, la Russie sous Pierre-le-Grand, la Prusse sous le grand Frédéric.—Lucchesini portait sur sa figure l'expression de la fausseté. Ne vous plaignez pas de son air faux, disait un homme d'esprit, c'est là tout ce qu'il a de vrai.

6-го. Наши войска, по желанію Австрійцевъ, вступили въ Трансильванію и заняли Германштадтъ и Кронштадтъ, чѣмъ способствовали къ пораженію Венгерцовъ Австрійцами. Какъ отзовется это въ Западной Европѣ? Observer, attendre, profiter.

Le seul moyen salutaire et durable de devenir et de demeurer le plus fort, c'est moins d'accroître sa domination que de diviser celle de ses rivaux.

Lorsque un esprit nouveau possède la société et lui impose l'obligation de revêtir une forme nouvelle, qu'on ne pense pas que, pour accomplir cette oeuvre, il suffise de renverser le gouvernement; car ce n'est pas son gouvernement, mais elle-même tout entière que la soci-

été a à changer? Les peuples après le renversement du pouvoir ne tarderaient pas à déplorer l'erreur, où les auraient précipités ces hommes qui les invitent à se séparer de leurs gouvernements, en les persuadant qu'ils sont capables de faire eux-mêmes ce que les gouvernements réfusent à tort. Il n'y aurait plus alors qu'à courber la tête sous la main de la destinée.

Ne gardons du passé que sa gloire et ses leçons et travaillons avec confiance de la force à l'avenir que nous sommes capables de nous faire.

Dans cette éternelle guerre civile que le mal nourrit dans leur sein, les sociétés ont pour défenseur naturel le gouvernement. Le gouvernement doit résister, non seulement au mal, mais au principe du mal, aux idées et aux passions qui enfantent le désordre.

Le socialisme est à la fois odieux et impossible; mais il est fort, parce qu'il parle aux griefs populaires au nom de la justice et de la vérité, parce qu'il offre des droits au service des interêts, parce qu'il allume le fanatisme en flattant l'égoïsme. Il est fort encore, parce que nous lui frayons nous-mêmes voie par la confusion de nos idées, par nos préjugés de langage, par la légéreté avec laquelle nous nous abandonnons aux fantaisies d'opinion et méconnaissons les nécéssités, les intèrêts, les droits des gouvernements. Le socialisme est redoutable, parce que rien n'est plus dangereux que ce qui est en même temps fort et impossible. Le socialisme, enfin, sera notre ennemi éternel. La société, obligée de le combattre et de le vaincre chaque jour dans ce qu'il a d'absurde et de pervers, le verra toujours en face d'elle, parce qu'il puise son ambition et sa force à des sources que personne ne peut tarir.

Le but vers lequel marche anjourd'hui la société haletante est manifeste. La démocratie, obéissant (il faut bien le dire) à un sentiment généreux et grandiose, veut de plus en plus affranchir l'homme de l'esclavage de la misère, qui perpétue toutes les autres servitudes. La démocratie croit que tous les hommes peuvent arriver par des progrès successifs à des améliorations dans leur sort matériel et que la société doit travailler au soulagement continu de leurs souffrances. Cette foi est légitime, elle est sainte, elle est chrétienne, la morale l'avoue avec orgueil, et la science économique la confirme avec autorité.

10-го Февраля. Обѣдъ у в. к. Михаила Павловича съ гр. Паленомъ. Послѣ обѣда вошла Елена Павловна. Въ десятомъ

на балъ къ гр. Сумарокову. Государь, Наслѣдникъ, Михаилъ Павловичъ, Николай и Михаилъ Николаевичи, принцъ Гессенскій посѣтили балъ. Государь на очень короткое время. Противъ обыкновенія, я согласился сѣсть въ вистъ-преферансъ и также противъ обыкновенія остался на ужинъ. Въ два домой. Поутру былъ Донской генералъ Красновъ; онъ подъ слѣдствіемъ, а на случай войны полагаю его полезнымъ.

12-го Февраля. Нерасчетливое замедленіе въ постройкѣ желѣзной дороги. Непонятное бездѣйствіе главнаго начальника, извѣстнаго своею взбалмошною дѣятельностью. Прекрасная погода для масляницы. Это и замѣтно. Народъ кишитъ на улицахъ. Длинный рядъ балагановъ недоступенъ отъ толпы. Цѣпь безконечная экипажей, наиболѣе полныхъ дѣтьми, кружитъ шагомъ около балагановъ отъ Дворцовой до Сенатской площади. Вездѣ порядокъ среди многолюдства и мирнаго шума и веселія, порядокъ неизвѣстный уже взволнованному Западу.

14-го Февраля. Еще не оправлюсь духомъ послѣ вчерашней оперы. И я съ Лабрюеромъ скажу, отъ чего опера, при великолѣпіи освѣщенія, декорацій, костюмовъ, при превосходномъ оркестрѣ, отличномъ пѣніи пѣвцовъ и пѣвицъ, при многочисленной отборной публикѣ, наводитъ на меня какую-то грусть, почти скуку. Не отъ того ли, что музыка, которую люблю, требуетъ въ наслажденіи ею нѣкоторую мѣру, не переходя ея.

Въ Германіи демократическое броженіе не прекратилось; но охранительная сторона, благодаря духу армій, ободрилась и готова на борьбу. Во Франціи столкновеніе власти президента съ властью народнаго собранія. Согласіе послѣдняго на преданіе суду Прудона. Дерзкая защитительная рѣчь послѣдняго: je ne suis pas de ceux qu'on punit. Смѣлыя и благородныя рѣчи маршала Бюжо, грозныя для буйныхъ демократовъ. Республика въ Римѣ, бѣгство великаго герцога Тосканскаго на островъ Эльбу. Желтая немощь, одурившая Калифорнію и влекущая туда алчныхъ искателей золота изъ цѣлаго свѣта. Это заслуживаетъ общаго вниманія и должно въ непродолжительномъ времени произвести замѣтную перемѣну въ относительной цѣнности золота ко всѣмъ предметамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ понизить цѣнность запасныхъ капиталовъ, хранимыхъ въ золотѣ.

15-го Февраля. Вчера дежурнымъ; въ исходѣ перваго во дворецъ. Позорная причина отставленія отъ службы генерала отъ инфантеріи Бѣлоградскаго. Рекруты Московской и Владимирской губерній, выбранные въ гвардію, отличные люди. Какая прекрасная и рослая порода людей! Государь изъявилъ свое удовольствіе при осмотрѣ и распредѣленіи ихъ въ полки гвардіи.

17-го. Въ осьмомъ къ М. Н. Муравьеву. Засталъ въ кабинетѣ одного и нездороваго. Замѣчательный отчетъ Смоленскаго дворянства по поводу вопроса объ обязанныхъ крестьянахъ. Фонтонъ-де-Верайонъ. Благосклонный и ободрительный пріемъ у Государя Императора. Личное вниманіе, чтеніе и слушаніе въ особомъ пріемѣ. Это по-царски: такъ избѣгаютъ важныхъ ошибокъ и даже переворотовъ. Рѣдкость практическаго ума между мужами совѣта. Неопытность въ совѣщательномъ разсужденіи и отъ того упорство въ незрѣлыхъ мнѣніяхъ.

18-го Февраля. Вчера поутру Атарщиковъ. Воспоминанія съ Кавказа. Мысль о направленіи теченія Малки въ Куру для отвращенія ежегодныхъ и опасныхъ для Моздока и Кизляра и вообще всего низовья Терека наводненій. Предположеніе, что въ давнія времена Малка впадала въ Куру, и что горцы для огражденія своего отъ нападенія Калмыковъ отвели ее въ Терекъ. Посѣщеніе г.-м. Альбрандту. Выраженіе лица показалось мнѣ до того роковымъ, предзнаменательнымъ, что я не могъ безъ умиленія смотрѣть на милыхъ его дѣтей, мальчика и дѣвочку, пришедшихъ со мною познакомиться. Выразительныя ноты фортепіано подъ искусной рукой молодаго офицера Михайлова какъ будто сочувствовали моему грустному расположенію. Оно отозвалось на цѣлый день.

19-го Февраля. Вчера г.-м. Ортенбергъ сказалъ мнѣ о смерти Сандулаки; онъ получилъ ударъ, ѣхавши куда-то въ саняхъ и привезенный домой черезъ два часа умеръ. Жизнь его поучительна была тѣмъ, что изъ нея можно увидѣть, какъ не должно жить. Съ значительнымъ состояніемъ, въ прекрасномъ климатѣ Бессарабіи, онъ слишкомъ десять послѣднихъ лѣтъ почти нищенски прожилъ въ Петербургѣ. Съ большимъ и отчасти хорошимъ семействомъ онъ жилъ здѣсь одинокій.

Сегодня, послѣ неудачнаго визита г-лу Палену, большая прогулка пѣшкомъ по Невскому и Дворцовой набережной. Встрѣтивъ Олсуфьева, узналъ отъ него о кончинѣ г-ла Скобелева, коменданта крѣпости и назначеніи на это мѣсто г-ла Набокова.

21-го. Февраля. Сегодня съ 11-ти часовъ до исхода втораго въ Петропавловскомъ соборѣ на похоронахъ Ивана Никитича Скобелева. Этотъ храбрый умный солдатъ дожилъ и дослужился до похоронъ, достойныхъ фельдмаршала.

24-го. Вчера поутру принялъ Дорохова, сына извѣстнаго по отличной службѣ, особливо въ Отечественную войну, генерала Дорохова, отъ раны, въ томъ же году, кажется, умершаго. Сынъ за бѣшеный поступокъ посланъ былъ на Кавказъ, оказалъ тамъ храбрость, военную смѣтливость; остальнымъ же поведеніемъ въ мнѣніи, кажется, не возвысился. Изъ уваженія къ памяти отца подписалъ свидѣтельство, поручающее его покровительству Комитета Инвалидовъ. Прогулка въ саняхъ въ снѣгъ, вѣтеръ и по ухабамъ; не смотря на то, встрѣтилъ Государыню-Наслѣдницу въ открытыхъ саняхъ, Марію Николаевну въ возкѣ. На обѣдъ къ Зыбину. Послѣ обѣда наѣхало много гостей; почти все новыя, незнакомыя мнѣ лица, нѣкоторыя изъ губерніи, сосѣди хозяина, видные собою, почти всѣ съ орденомъ Анны на шеѣ, со взглядомъ еще не успокоеннымъ привычкою. Дамъ засталъ въ разговорѣ о чудѣ, совершенномъ надъ кн. Дондуковой-Корсаковой, теплою молитвою, возвратившею ей владѣніе правою параличною рукою.

Въ восемь рѣшился ѣхать въ Дворянскую залу на концертъ. Requiem исполненъ превосходно, также симфонія Бетховена. Эта высокая музыка согласовалась съ грустнымъ настроеніемъ моего духа. Нѣсколько знакомыхъ дамъ при разъѣздѣ, съ которыми не разговорился. Незнакомая красавица, второй разъ уже на концертахъ и нигдѣ болѣе мною встрѣчаемая. Отрывки нѣсколькихъ писемъ Гете къ баронессѣ Штейнъ, указывающія на чувства, которыхъ отзывомъ былъ Вертеръ. Удовольствіе автора при сочиненіи Вильгельма Мейстера. Его правильные и благородные отзывы объ умѣ, честности, нравственности и смѣтливости рабочаго сословія. Какъ его въ настоящее время смутили!

Rien n'est plus propre à jeter de la confusion dans les transactions que les changements fréquents dans la valeur des monnaies.

La faiblesse qui fuit le danger s'efforce toujours d'amoindrir l'héroïsme qui le brave.

27-го. Вчера въ 9-ть часовъ на вечеръ къ Дегаю. Восхитительная волторна Леви съ акомпаниментомъ его брата на фортепіано. Но вообще музыкальныя предположенія не наладились. Пѣніе фрейлины Бартеневой неудачно, кромѣ однако Русской пѣсни: «Вспомни, вспомни, моя любезная», исполненной удачно и съ чувствомъ. Два пріятныхъ и занимательныхъ разговора съ барономъ Клинковстрёмомъ и барономъ Мейендорфомъ; съ первымъ о придворномъ тонѣ и объ его условіяхъ, со вторымъ о предметахъ политическихъ и административныхъ. Дѣвица Герштенцвейгъ, дочь покойнаго застрѣлившагося генерала, оригинальной наружности, похожа на Англичанку. Неблагородная наружность графа ......а, въ которой вѣрно не одна судьба виновна: мы сами до нѣкоторой степени участвуемъ въ образованіи своей наружности. Гіероглифы проведенной жизни выражаются на ней для умѣющаго ихъ разбирать. Правила бар. Клинковстрёма для честнаго человѣка, чтобы быть полезнымъ и пріятнымъ при дворѣ (можно прибавить, и въ обществѣ): никогда не льстить, никогда не противорѣчить, всегда однако говорить правду, облекая ее въ пріятныя формы. И въ аптекахъ принято золотить горькія пилюли. Долженъ сознаться, что я рѣзко и часто погрѣшалъ противъ втораго изъ этихъ правилъ.

Сынъ Николай назначенъ въ числѣ осьми пажей слѣдовать съ дворомъ въ Москву. Онъ и меня потянетъ за собой.

28-го. Прочелъ въ слухъ Гоголя Старосвѣтскіе Помѣщики. В. князь посадилъ подъ арестъ на недѣлю офицера полка Туманскаго за нѣсколько-широкіе панталоны. Невыгодныя вѣсти изъ Трансильваніи. Сегодня дежуренъ.

Il y a deux sortes de révolutions: celles qui se font dans la rue et celles qui s'accomplissent dans les esprits; les unes précipitées et violentes, les autres progressives et cachées; les unes qui sont l'explosion d'une colère soudaine, les autres qui ne s'arrêtent pas et marchent sans bruit par des chemins sûrs. Ce ne sont pas les plus bruyantes qui sont les plus fécondes. Sans doute, quand les sociétés doi-

vent se transformer violemment, Dieu suscite les hommes d'action; mais li est rare qu'Il les prenne dans cette chambre haute de l'intilligence. Philosophes et poètes, soit que vous ouvriez à la pensée des domaines inconnus, soit que vous vous borniez à propager les idées par les ressources de votre art, gardez-vous de l'oublier jamais: vous êtes les soldats de la révolution continue. N'abandonnez pas votre poste pour les aventures et les coups de main. A chacun suffit sa tâche. Si la révolution soudaine est le résultat légitime de la marche des idées, il réussira sans vous; et si c'est un fièvre impatiente qui vous pousse, prenez garde de ne vous associer à une oeuvre de ténébres, à une surprise du hasard, à un révolution sans idéal: c'est alors que vous seriez de rénégats, car vous avez retardé les progrès de la vraie civilisation.

1-го Марта. Вчера дежурнымъ. Въ первомъ во дворецъ. Государь смотрѣлъ рекрутъ. Разговоръ съ кн. Менщиковымъ. Новороссійскъ. Контъ-адм. Серебряковъ. Крушеніе двухъ транспортовъ. Слово о Коцебу, о кн. Воронцовѣ; его намѣреніе оставить Кавказъ. Мнѣніе кн. Менщикова о фортахъ кн. Воронцова. Неожиданный прекрасный поступокъ кн. Меншикова съ молодымъ Шаминымъ; благородное сознаніе въ ошибкѣ и несправедливости противъ молодаго офицера. Это зачтется ему за многое въ жизни. Государь ѣздилъ въ циркъ; поздно извѣщенный рѣшился не ѣхать, а слѣдовало ѣхать. Третьяго дня смотръ Государя формы офицерской. Двое посажены подъ арестъ за широкіе панталоны.

On a coutume aujourd'hui de chercher l'harmonie des pouvoirs et la garantie contre leur excès dans leur faiblesse. On a peur de tous les pouvoirs. On s'applique à les énerver tous tour-à-tour, craignant qu'ils ne se détruisent mutuellement ou qu'ils n'empiètent sur la liberté. C'est une érreur enorme: tout pouvoir faible est un pouvoir condamné à la mort ou à l'usurpation.

3-го. Въ засѣданіи Геогр. Общ. нѣкто Рафаловичъ, происхожденіемъ вѣроятно изъ Евреевъ, кажется медикъ, читалъ съ дурнымъ произношеніемъ записку о своемъ путешествіи въ Нубію, о Берберахъ, не лишенную занимательности. Нѣсколько словъ съ г-ми Чевкинымъ, Милютинымъ. Малочисленность присутствующихъ членовъ. Въ десять къ Зыбинымъ. Сердечная пред-

упредительность П. И. Дегая. Старикъ Лонгиновъ. Дѣвицы Зейгеръ. Виды передъ г. а. Плаутинымъ, которые будутъ имъ вѣроятно оправданы. Болѣзнь, кажется, непритворная г. л. Заводовскаго, занимающаго мѣсто командующаго на Кавказѣ.

4-го. Поутру г-лъ Броневскій. Послѣдніе часы, благочестивые и тихіе, Скобелева. Письмо его, нѣсколько лѣтъ тому Государю написанное о причинахъ разныхъ несчастныхъ происшествій, по его мнѣнію, о строгихъ и несообразныхъ требованіяхъ военнаго доведенія, въ сравненіи съ положеніемъ гораздо выгоднѣйшимъ преступниковъ въ арестантскихъ ротахъ, подкрѣпленное примѣрами подъ его собственнымъ начальствомъ; о вредѣ и опасности учрежденія безсрочныхъ, и проч. За это письмо онъ уволенъ былъ отъ службы; въ Москвѣ, по личному повелѣнію Государя, опять въ нее вступилъ и за все вознагражденъ. Онъ былъ изъ однодворцевъ, домогался доказать о дворянскомъ происхожденіи и изъ званія рядоваго переименованъ въ унтеръ-офицеры; поступилъ квартальнымъ въ С.-Петербургскую полицію, потомъ частнымъ приставомъ; въ Отечественную войну при назначеніи М. Л. Кутузова главнокомандующимъ, по ходатайству объ немъ у Екатерины Ильиничны, супруги Кутузова, покойнымъ Аѳан. Вас. Зыбинымъ, приписанъ былъ къ его канцеляріи титулярнымъ совѣтникомъ и отправился за нимъ въ армію. Нѣкоторое время незамѣченный, онъ обратилъ на себя вниманіе главнокомандующаго реляціей, написанной имъ по данному позволенію, когда Кутузовъ не былъ доволенъ поднесенными ему отъ главныхъ при немъ чиновниковъ. Главнокомандующій послалъ за нимъ, ободрилъ его и приказалъ ему на будущее время писать реляціи, въ которыхъ участвовалъ съ нимъ и Жуковскій.

Г.-а Игнатьевъ принялъ на себя увѣдомить военнаго министра о моемъ намѣреніи ѣхать въ Москву. Его мнѣніе о невыгодѣ поѣздки для сына, могущей повредить его экзамену и совѣтъ отклонить ее. Не сдѣлаю этого по правилу: никуда не проситься и не отъ чего не отказываться. Сынъ назначенъ туда его начальствомъ; оно не можетъ не принять во вниманіе недостатокъ времени приготовиться къ годовому экзамену въ сравненіи съ пажами, оставленными на мѣстѣ. Зачѣмъ лишать сына рѣдкаго случая, въ такомъ выгодномъ положеніи, въ ка-

комъ онъ будетъ, видѣть Москву въ полномъ ея блескѣ, привѣтствующую съ вѣрою и любовію своего Государя и его царственное семейство? Этого онъ здѣсь никогда въ такой степени не увидитъ. Народъ Русскій тамъ, и настоящая его столица не Петербургъ, а Москва. Петербургъ столица Россіи, Москва Русская столица.

5-го Марта. Г.-л. Бартоломей; занимательный его разсказъ о комендантствѣ на Аландѣ. Средства употребленныя для укрощенія и исправленія самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ. Выгодная перемѣна въ немъ самомъ.

6-го Марта. У Мельниковымъ засталъ Беклемишева. Юмористическіе разсказы о кн. Воронцовѣ. Забавныя выходки непомѣрнаго тщеславія. Мои собственныя съ нимъ сцены въ Петербургѣ и Варшавѣ. Крещенные Абазинцы; депутація отъ нихъ передъ кн. Воронцовымъ. Окончательный его отвѣтъ.

7-го Марта. Въ часъ на разводъ съ церемоніей въ Михайловскомъ манежѣ. Оттуда къ гр. А. Ѳ. Орлову. Взялся доложить Государю о моемъ намѣреніи ѣхать въ Москву. Мнѣніе совершенно сходное съ моимъ объ ошибкѣ, въ Трансильваніи сдѣланной, раздробленіемъ нашего отряда, и безъ того несильнаго, на два. Успокоительныя однако извѣстія оттуда. Дома нашелъ записку чиновника, присланнаго отъ гр. Орлова съ увѣдомленіемъ, что по докладу о моемъ намѣреніи ѣхать въ Москву, Государь сказалъ: *очень хорошо*. До 14-ти человѣкъ разработываютъ дорогу между Москвой и Петербургомъ.

10-го Марта. Пѣшкомъ взадъ и впередъ по Дворцовой набережной. Встрѣтилъ вдову Е. В. Маюрову съ Еленой Кочубей. Въ восемь тоже видѣніе, да уже не то. Несносные духи! Будто есть что либо пріятнѣе духа молодой женщины и прекрасной? Скажу, какъ Петръ Великій сказалъ въ Парижѣ. Вспомнилъ и Державина: «прощай, моя прекрасна нива и пр.» и Вольтера: qui n'a pas l'esprit de son âge etc. Къ Мельниковымъ. Довольно пріятный разговоръ до часу ночи. Прекрасная звѣздная ночь при легкомъ морозѣ, какъ и теперь утро при открытой форточкѣ. Мнѣ кажется, климаты, лишенные этихъ зимнихъ съ умѣреннымъ морозомъ ясныхъ дней и ночей, не знаютъ большаго наслажденія. Говорю это, любя тепло и проведя го-

ды въ жаркихъ странахъ. Каждый климатъ имѣетъ свои преимущества, которыми надо умѣть пользоваться. Умѣренный всѣхъ предпочтительнѣе, какъ въ полуденной Россіи.

11 го Марта. Вчера въ часъ утра къ князю В. В. Долгорукову, котораго давно не видалъ; засталъ одного и просидѣлъ до третьяго. Наконецъ онъ постигъ свое счастливое положеніе. Алексѣй Иракл. Левшинъ, умный и пріятный собесѣдникъ и почтенія достойный человѣкъ. Записка Самарина, посаженнаго въ крѣпость, занимающая теперь общество. Мнѣніе объ ней. Возбужденіе антагонизма Прибалтійскихъ провинцій противъ Русскаго общаго элемента. Неблагоразумно было трогать этого дремавшаго и раздражительнаго предмета. Этотъ край приносилъ благородно и съ самоотверженіемъ во всѣхъ случаяхъ свою лепту на алтарь величія и могущества Россіи. Зачѣмъ оскорблять его за нѣкоторыя особенности, для цѣлаго вообще безвредныя? Если же что и требовало измѣненія, то могло сдѣлаться съ помощію времени, путемъ законодательства и администраціи. Если тамъ и есть духъ противодѣйствія, то нѣтъ, кажется, и помысла о сопротивленіи. Подобныя выходки, неразуміемъ нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ ободряемыя, пробуждаютъ одностороннія понятія о народностяхъ, безъ того мирно одно съ другими живущихъ и мудростію самодержавія къ общей цѣли великаго отечества направляемыхъ. И въ какое время! Мнѣніе Левшина о князѣ С.: зачѣмъ этотъ студентъ такъ рано вышелъ въ генералы? Поводъ къ подобному о себѣ заключенію подаетъ неумолкаемая болтливость этого честнаго, благороднаго и благонамѣреннаго человѣка. Странны нѣкоторыя готическія привилегіи городоваго положенія въ Прибалтійскихъ провинціяхъ. Также несообразно исключеніе тамъ Русскихъ пріобрѣтать покупкой помѣстья. Выкупъ всѣхъ, пожалованныхъ Екатериной разнымъ лицамъ изъ Русскихъ, казенныхъ земель кромѣ Шереметевскихъ, никогда не продаваемыхъ.

По утру г-лъ Карцовъ, желающій моего ходатайства для полученія мѣста. Испытательный разговоръ въ его пользу. Въ третьемъ къ сыну. Г-ня Ламсдорфъ была уже тамъ у своего юноши, к-ня Вяземская также. Потомъ пріѣхала г-ня Строгонова. У всѣхъ пажей будто усталыя лица: около двухъ мѣсяцевъ не выпускаютъ ихъ на воздухъ. Непонятное упущеніе на-

чальства корпуса, вообще заботливаго и внимательнаго. Отъ сына къ кн. П. Д. Горчакову, г-лъ-губ. Западной Сибири. Засталъ и поблагодарилъ за обязательное вниманіе по моей запискѣ объ Александрѣ Викторовѣ, которому назначаютъ казачій полкъ въ Семипалатинскѣ. Пѣшкомъ по Дворцовой набережной. Преслѣдованіе г-ла Штрандмана, чтобы разсказать мнѣ (какъ четыре мѣсяца тому), что полотеръ укралъ у него изъ шкатулки сто рублей, пойманъ, но денегъ найдено при немъ 10 рублей, чтобы полиція заплатила ему остальное.

13-го Марта. Въ разговорѣ съ сыномъ поутру сказалъ, что предчувствую близкое назначеніе. Въ 10-ть вечера, то-есть съ четверть часа тому, увѣдомленіе отъ военнаго министра, что государственный канцлеръ будетъ ожидать меня къ себѣ завтра въ часъ по полудни, для личныхъ по службѣ объясненій. Не знаю, въ чемъ дѣло; полагаю, что по дѣламъ съ Турціею, внезапно критическую важность получившимъ.

Графъ Павелъ Христофоровичъ отправился въ Константинополь съ порученіемъ отъ Государя къ султану по случаю предстоявшаго нашего участія въ подавленіи Венгерскаго мятежа. *П. Б.*

Общедоступные сборники произведеній Русскихъ поэтовъ.

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Пушкина**. Цѣна 40 коп. Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія, которыя появились при жизни поэта, а изъ посмертныхъ только наилучшія и вполнѣ его достойныя.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова**. Цѣна 40 коп.

Стихотворенія **А. С. Хомякова**. Новое изданіе. Съ портретомъ. Цѣна 30 к.

За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 коп.

Выписывающіе всѣ пять книжекъ получаютъ ихъ съ пересылкою за **два** рубля.

А. С. Пушкинъ. Два выпуска его сочиненій, его бумаги, черновыя его письма и наброски, выдержки изъ его записокъ, переписка его и письма къ нему разныхъ лицъ, замѣтки на его сочиненія и статьи о немъ (князя П. П. Вяземскаго, по бумагамъ Остафьевскаго архива, П. И. Бартенева, Г. С. Чирикова, Зеленецкаго, М. Н. Лонгинова, князя П. А. Вяземскаго, И. С. Аксакова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и др.) со снимкомъ. Цѣна каждому выпуску ОДИНЪ РУБЛЬ, за пересылку 10 к.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ПАВЛА ХРИСТОФОРОВИЧА ГРАББЕ. (1812-й годъ). М. 1873. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Литературныя Записки Михаила Александровича Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISSANCE. Ц. 1 р. 50 к.

*

Въ Петербургѣ и Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа продаются сочиненія Ѳ. П. ЕЛЕНЕВА:

ВЪ ЗАХОЛУСТЬИ И СТОЛИЦѢ. Экономическій и общественный бытъ провинцій. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ОСВОБОЖДЕНІЯ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива" въ 1888 году съ доставкою—**девять** руб.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени".

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ книжнымъ рѣдкостямъ.

„Русскій Архивъ" будетъ выходить въ **1889** году на прежнихъ основаніяхъ.

Цѣна 9 рублей съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „РУССКІЙ АРХИВЪ“ 1889 года.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

11.

Приложенъ портретъ графа П. И. Панина.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1888.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВЫХЪ ОСЬМИ КНИЖЕКЪ

РУССКАГО АРХИВА 1888 ГОДА.

Главныя статьи.

(См. на третьей стр. обложки).

Фото-гравюра Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ.

1721 - 1789.

ПИСЬМА ГРАФА П. И. ПАНИНА КЪ БРАТУ ЕГО ГРАФУ НИКИТѢ ИВАНОВИЧУ

во время первой Турецкой войны при Екатеринѣ Великой.

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (р. 1721) былъ воинъ съ самаго почти младенчества. Отецъ его, участникъ Петровскихъ походовъ, служилъ комендантомъ въ Пернавѣ, что за Ревелемъ. Пятнадцатилѣтнимъ отрокомъ, еще въ царствованіе Анны, онъ уже находился при фельдмаршалахъ Минихѣ и Ласси и участвовалъ во взятіи Перекопа и Бахчисарая. Тогдашняя Турецкая война была ему отличною школою и осталась ему памятна на всю жизнь: въ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ Екатерины, 12 Ноября 1769 года, онъ предлагалъ составить историческое описаніе этой войны (Соловьевъ, XXVIII, 13). Въ эту пору его молодости заключены были его связи съ Нѣмцами, впослѣдствіи облегчившія для него управленіе Восточною Пруссіею. Въ Елисаветинскую Шведскую войну, еще юношею, обнаружилъ онъ необыкновенную силу воли, усмиривъ подъ Выборгомъ гвардейскихъ солдатъ, которые кинулись истреблять своихъ Нѣмецкихъ начальниковъ. Въ Турецкую Екатерининскую войну его, уже покрытаго славою подвиговъ военныхъ и гражданскихъ во время войны Семилѣтней, сначала не допускали къ дѣятельности; онъ оставался строптивымъ сенаторомъ, и только на второй годъ, 13 Августа 1769 г., послѣ неудачъ князя А. М. Голицына, назначенъ командовать второю арміею, на смѣну графа Румянцова, который принялъ отъ князя Голицына командованіе первою арміею. Въ то время Военною Коллегіею управлялъ своякъ графа Панина, графъ З. Г. Чернышовъ (оба они женаты были на такъ называемыхъ „Богородицыныхъ дочкахъ"), и между ними началась обыкновенная во всѣ войны явная и скрытная борьба военнаго канцелярства съ боевою жизнью дѣйствующаго войска. Человѣкъ государственнаго ума и пылкаго сердца, разумѣется, остался въ накладѣ.

Письма графа П. И. Панина сообщены въ „Русскій Архивъ" правнучкою его, княгинею М. А. Мещерскою. Они писаны къ старшему его брату и другу, который завѣдывалъ Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ и жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. Панины не задолго передъ тѣмъ (22 Сентября 1767) получили графское достоинство. Къ сожалѣнію, графъ Петръ Ивановичъ писалъ тяжело и витіевато (гдѣ было ему выучиться Русскому слогу?) что однако не лишаетъ его откровенныя братскія повѣренія высокаго исторіографическаго значенія. П. Б.

1.

Изъ лагеря при деревнѣ Покатиловой. Октября 14 дня 1769-го года [1]).

На освобожденіе васъ, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, изъ безпокойства по моему предыдущему письму, во первыхъ скажу то: мнѣ столько есть легче, что я и со всѣмъ здѣсь лежащимъ уже снѣгомъ былъ сегодня передъ лагеремъ въ церкви для принесенія молебства съ пушечною пальбою по полученнымъ отъ графа Румянцова вѣдомостямъ о испражненіи всей Молдавіи побѣдоноснымъ Ея Императорскаго Величества оружіемъ отъ непріятеля и о приведеніи всего ея народа въ подданство нашей всемилостивѣйшей Государынѣ и Покровительницѣ всего христіанства. Каковыя молебствы мнѣ въ здѣшнемъ положеніи не только за надобныя быть показались, но и желаемые мною изъ того успѣхи уже вижу: ибо вмѣсто наѣхавшей при сей арміи унылости, нахожу таперь со удовольствіемъ, что всѣми силами всѣ рвутся и соревнуютъ успѣхамъ дѣйствъ первой арміи, какъ иное изволишь изъ послѣдующаго усмотрѣть. А таперь обращусь я къ случаю отправленнаго съ симъ курьера.

Здѣсь приложенную реляцію съ пріобщенными къ ней непріятельскими однимъ знамемъ и булавою о пріобрѣтенномъ надъ нимъ партіею Запорожскаго войска довольно удачномъ поискѣ, прошу поднести нашей всемилостивѣйшей Государывѣ и содержаніе ея препроводить вашимъ предстательствомъ о обстоятельствахъ, безпристрастно вами самими къ истинной пользѣ службы Ея Величества признаваемыхъ, къ чему единому все мое попеченіе и стремится. Вслѣдствіе жъ онаго нельзя, мой другъ, не признаться, сколь таперича уже другорядъ и здѣсь въ неожидаемомъ климатѣ такая случившаяся ко обремененію всего погода (отъ которой другой день какъ и снѣгъ лежитъ) оскорбляетъ меня до самой вышней степени, какъ тѣмъ, что оная, если графу Витгенштейну не удастся по первой моей диспозиціи, въ коей онъ нынѣшніе дни рѣшительно упражняется, а я какъ родильница своихъ родовъ отъ него репорту жду, и онъ не схватитъ Бендеръ: то истинно не знаю, какъ можно будетъ безъ совершеннаго истребленія арміи на неисправляемое къ начатію будущей кампаніи состояніе попуститься въ настоящую сему городу осаду (какъ изъ предыдущей моей реляціи уже вы видѣли). Я завишу таперь (приготовя ко оному на сре

[1]) Графъ Панинъ прибылъ въ главную квартиру ввѣренной ему второй арміи 17 Сентября 1769 года, вслѣдъ за тѣмъ какъ Хотинъ, наконецъ, былъ взятъ княземъ А. М. Голицынымъ.

дину дороги и другой съ генералъ-маіоромъ Лебелемъ деташаментъ) отъ сообщенія графа Румянцова, какіе онъ способы на отдѣленіе своихъ войскъ, артилеріи и пропитанія къ тому найдетъ. Но чтобы назначенныя имъ изъ осадной артилеріи тяжелыя орудія везти туда нынѣшнею погодою и на обывательскихъ здѣшнихъ лошадяхъ, къ тому я совершенно моей возможности не нахожу; а развѣ пріуготовлять ее, если надобно будетъ, нынѣшнею зимою и на покупныхъ волахъ и лошадяхъ, да и числомъ гораздо больше, къ приближенію въ ту сторону, на атаку той или другой непріятельской крѣпости, по весною съ полевымъ скоту кормомъ. Ибо сколько осады при достаточномъ всего учрежденіи полезны и славны, столь, въ противность тому, оныя убыточны и неудачны, а нашему войску особливо будутъ тѣмъ безславнѣе, если и еще свѣту показать новую въ нихъ неудачу. Все же оное, дорогой другъ, примите во внимательнѣйшее разсмотрѣніе и уваженіе, напомнивъ, что и таперечныя одержанныя побѣды еще бы сто разъ славнѣе и удовольственнѣе были, когда бы двухъ неудачныхъ осадъ подъ Хотиномъ, хотя неформальныхъ, по силою настоящей арміи, не случилось.

Обратившись на первую въ семъ письмѣ матерію, скажу вамъ, любезнѣйшій другъ, что таперь въ моемъ всегдашнемъ о поощреніи службы попеченіи имѣю я то удовольствіе, что какъ здѣсь въ армію наѣхалъ больше готовившихся въ отставку и ожидающихъ ко всему либо очереди или наряду и удивляющихся по дошедшимъ слухамъ о великой храбрости и отчаянныхъ нападеніяхъ нашего непріятеля, такъ насупротивъ того таперь, когда зачалъ я серіознѣе приступать къ поиску на Бендеры, почти всѣ мои подчиненные генералы и штабъ-офицеры стали безъ очереди туда направляться; а случились и такіе, которымъ, когда по надобностямъ здѣсь въ предохраненіе своихъ границъ сталъ въ томъ отказывать, то видны были на глазахъ слезы. И ежели успѣхъ сей экспедиціи тому соотвѣтствуетъ, то тогда я долженъ буду сихъ похвальныхъ людей ознаменовать. Таперь же сіе оставляю къ моему собственному только удовольствію для будущаго употребленія въ пользу службы моей всемилостивѣйшей Государыни.

Нельзя вамъ, любезнѣйшій другъ, никакъ представить всѣхъ тѣхъ соображеній, которыя таперь въ душѣ моей происходятъ по случаю какъ таперечной ужасной здѣсь погоды, такъ и слѣдующаго: 1) Что важная экспедиція въ сіи часы производится разстояніемъ отъ меня больше 200 верстъ. 2) Что мнѣ никакъ (сколько въ разсужденіи предохраненія ввѣренныхъ границъ, столько и всѣхъ здѣшнихъ обстоятельствъ, потребныхъ на споспѣшествованіе оной и на учрежденіе наступающихъ винтеръ-квартиръ) туда отъѣхать нельзя. 3) Что и при

удачномъ сей экспедиціи успѣхѣ, не можно будетъ зачать маршировать къ зимнему загражденію своихъ границъ прежде конца нынѣшняго мѣсяца, а и до средины онаго положенія больше 400, до лѣваго же фланга не меньше 600 верстъ; слѣдовательно по нынѣшней дорогѣ нельзя туда прибыть и первымъ ближе конца Ноября, а послѣднимъ уже въ началѣ Декабря мѣсяца. Тѣмъ же войскамъ, кои отъ Бендеръ неминуемо должны будутъ ко оному загражденію возвращаться, конечно не меньше 800 верстъ нѣкоторымъ разстояніе предлежитъ. То пожалуй только вообрази себѣ поживѣе, съ какимъ изнуреннымъ состояніемъ и безъ формальной осады все то, и къ которому времени возвратится я сколько онаго останется на поправленіе и снабженіе, ежели Татара и въ зиму покойными оставятъ. Въ противномъ же надобно будетъ и воономъ марши дѣлать, въ чемъ и не остается другой помочи, какъ той единой Вышней Десницы, которая всѣ дѣла нашей всемилостивѣйшей Государыни предводительствуетъ во благое, и коя надобно, чтобы мнѣ въ теперешнихъ обстоятельствахъ особливо помогла. Затѣмъ же кончаю сіе партикулярнымъ увѣдомленіемъ, что по послѣднимъ письмамъ жена моя здорова и вамъ усерднѣйше кланяется.

Вамъ извѣстный подполковникъ Фелькерзамъ, брося все свое наилучшее для будущихъ временъ основаніе и съ увѣчною въ головѣ раною, прискакалъ сюда и безъ человѣка въ почтовой телѣгѣ; а свѣдавъ, что подъ Бендерами корпусъ въ дѣйствительной Ея Императорскому Величеству службѣ упражняется, не оставилъ меня въ покоѣ, такъ какъ и баронъ Паленъ, чтобъ ихъ туда верхами на перемѣнныхъ же лошадяхъ не отправить, которые теперь тамъ при моихъ егаряхъ въ самыхъ первѣйшихъ трудахъ и опасностяхъ упражняются. Таковое усердіе кажется достойно примѣчанія и уваженія, особливо въ первомъ, какъ состоящемъ уже на шестомъ десяткѣ своего вѣка. Затѣмъ, дорогой другъ, пребывай съ Богомъ, а я вамъ и своей службѣ преданъ всею душею и сердцемъ.

2.

Изъ прежняго лагеря при деревнѣ Покатиловой, 1769-го году Октября 17 дня.

Сославшись, мой любезный другъ и дорогой братецъ графъ Никита Ивановичъ, на мои предъидущія отъ 15-го числа нынѣшняго мѣсяца, сей вручитель имѣетъ представить къ вамъ тѣхъ плѣнныхъ, коихъ Запорожское войско въ подарокъ Ея Величеству и Его Высочеству у меня отправленіе испросили. Я бы удержался оными, представляя себѣ, что Ея Величеству непомѣстительно уже будетъ всѣхъ тѣхъ плѣнныхъ къ себѣ принимать, которыхъ оружіе ея теперь сча-

стливо побѣждаетъ; но за настоящее поставилъ въ разсужденіи нетвердости во основаніи сего войска, чтобы ему онымъ огорченія не сдѣлать, уважая, что не только я таперь предохраненіемъ вдали отъ незапнаго непріятельскаго попущенія отъ одного его завишу, потому (какъ вамъ извѣстно), что всѣ мои легкія войски, кромѣ однихъ худоконныхъ, кои и до меня насилу только уже таскались, таперь подъ Бендерами, а отъ меня до 300, отъ Днѣпра же до 500 верстъ находясь, возвратятся конечно не скоро; да и по нынѣшней глубокой осени съ такими совершенно лошадьми, кои не будутъ въ состояніи нѣсколько времени, слѣдовательно уже почти всю зиму, быстрыхъ разъѣздовъ и оборотовъ дѣлать на дистанціи, моему таперь охраненію болѣе 1000 верстъ предлежащей; но что оное жъ войско, надобно признаться, и во всю нынѣшнюю кампанію при здѣшней арміи одно до пріѣзду моего къ ней что нибудь въ пристойность нашего оружія дѣйствовало, если только вы изволите разсмотрѣть всѣ отъ здѣшней арміи репорты. Оно же таперь и такъ все порывается и просится у меня домой, какъ конечно необыклое зимнихъ кампаній въ полѣ держать; а здѣсь уже у насъ третій снѣгъ, и я таперь по полученному рескрипту объ ихъ жалованьи лучшаго ничего не вздумалъ, какъ имъ онаго не объявлять по самой невозможности, боясь, что оное будетъ случаемъ самаго поспѣшнѣйшаго въ домы ихъ возвращенія. И хотя дорогой мой своякъ [2]) при той депешѣ приложилъ мнѣ экстрактъ, какое прежде сему войску жалованье бывало; но въ немъ стоитъ только то прежнихъ лѣтъ, изъ-подъ котораго оно предавалось подъ скипетръ Оттоманской Порты, и то, которое ему Сенатъ утвердилъ послѣ Турецкой войны, сказавъ на мирное и военное время. Но того лишь ко оному экстракту, сказываютъ, не отыскано, которое имъ выдавалъ (какъ въ томъ же экстрактѣ значитъ) фельдмаршалъ Минихъ, въ самое теченіе Турецкой войны. Мнѣ же кажется оной только примѣръ единственно таперечному состоянію и лучшій быть можетъ; да и отыскать его не думаю жъ чтобъ нельзя было, какъ въ письмахъ отъ Миниха въ его канцеляріи оставленныхъ, такъ и въ тѣхъ извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ сего покойнаго мужа канцелярскія дѣла въ его несчастіи сохранялись; да, чаю, и въ комисаріатѣ какія нибудь о томъ доказательства есть. Со всѣмъ же тѣмъ я себѣ представляю, что Запорожское войско таперь, на дѣйствіи въ здѣшнихъ степныхъ мѣстахъ и противу нынѣшняго имъ больше всѣхъ другихъ во всемъ положеніи извѣстнаго непріятеля, у насъ между всѣми казаками лучшее. Основаніе же ихъ такое, что во время войны нельзя ничего отъ нихъ полезнаго имѣть

[2]) Т. е. графъ З. Г. Чернышовъ, тогдашній вице-президентъ Военной Коллегіи.

другими средствами, какъ нѣкоторыми приласканіями и уваженіями, или истребленіемъ всѣхъ ихъ и съ своимъ гнѣздомъ до кореня, къ чему, кажется, таперь не то время настоить: ибо военныя удачи бываютъ скользки и перемѣнны отъ самыхъ бездѣльныхъ небреженій и уваженій.

Впрочемъ же, дорогой другъ, я все еще мучусь родами Бендеръ. И по послѣдней отправленной отъ меня къ вамъ депеши имѣлъ я только оттуда извѣстіе, что графъ Витгенштейнъ дѣйствительно къ сему городу приступитъ и сдачи его сколько можно, нахальнымъ образомъ требовать станетъ 12 числа нынѣшняго мѣсяца; послѣ же того по сей часъ никакихъ репортовъ до меня еще не доходило. Не знаю же, буду ль я столько счастливъ, какъ князь Голицынъ; но знаю лишь то что я ничего того не упустилъ и не пренебрегъ, что̀ только было въ силахъ человѣческихъ. Затѣмъ желаю, чтобъ сіе нашло всѣхъ васъ въ лучшемъ состояніи, нежели здѣшнее наше въ землянкахъ. Прощайте.

Запорожское войско и къ вамъ, дорогой другъ, отправляло жъ съ симъ вручителемъ одного плѣннаго Татарина; но нечаянно произошло, что случился онъ братъ родной того, который отъ нихъ мнѣ присланъ, и онъ со слезами не хотѣлъ разстаться, объявя, что ихъ отецъ и мать предъ глазами ихъ умерщвлены, для чего я, мой любезной другъ, и онаго у себя вмѣстѣ съ его братомъ оставилъ, а ежель путь будетъ, то и оба они къ вашимъ повелѣніямъ.

3.

Изъ прежняго лагеря при деревнѣ Покатиловой, 1769 году Октября 19-го.

Сославшись, мой любезный другъ и дорогой братецъ, на здѣсь вложенную для поднесенія всемилостивѣйшей нашей Государынѣ мою реляцію, которая увѣдомитъ, что городъ Бендеры представилъ моему приближившемуся и врывающемуся съ побѣжденіемъ непріятеля въ форштатъ легкихъ войскъ деташаменту свою оборону, ласкаю себя, что хотя и вторичнымъ сего корпуса сильнѣйшимъ нападеніемъ не удастся быть мнѣ столько счастливу, какъ князь Александръ Михайловичъ: но Ея Императорское Величество всемилостивѣйше меня оправдать изволитъ, что въ моихъ таперечныхъ обстоятельствахъ ничего другаго способнѣе сдѣлать было невозможно и что мои представленныя въ реляціи учрежденія всѣ такъ соединены, что на всякой другой оборотъ, безъ дальнихъ помѣшательствъ, обращены быть могутъ. Но во всемъ томъ не достаетъ того, что̀ я сказать стыжусь (дабы не показалось трусостью, особливо при таперь увѣренномъ о непріятелѣ без-

силіи и устрашеніи); надѣюсь же отъ всякаго благоразсуждающаго не укроется сдѣлать объ ономъ справедливое познаніе, взявъ циркуль съ картою передъ себя, исчисленіемъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ, съ присовокупленіемъ, того, что Татарскимъ ордамъ по теперешнему Отоманской Порты положенію ничего лучшаго и свободнаго нѣтъ (если они подъ скипетръ нашей Самодержицы нынѣшнюю зиму подвергаться предпринимать не станутъ), какъ дѣлать диверсіи и впаденія изъ своихъ гнѣздъ, по прилежащимъ къ нимъ степямъ, въ ближайшія и удобнѣйшія мѣста. Но во ономъ ободряюсь тѣмъ, что неужели-то ни въ какомъ случаѣ счастливые успѣхи оружія нашей всемилостивѣйшей Государыни не будутъ и мнѣ въ чемъ нибудь способствовать?

Впрочемъ же, мой любезной другъ, я здоровъ, ко вступленію теперь же въ то тягчайшее бремя, кое съ особою заботою приноситъ пріуготовленіе войскъ къ маршированію въ самую уже глубокую осень на такъ дальнѣйшее разстояніе, къ расположенію и прокормленію на столь пространной обширности, каковая мнѣ и съ предохраненіемъ еще отъ вѣтреннаго непріятеля [3]) и въ зиму предлежитъ. Въ чемъ да поможетъ Богъ, управляющій нашими всегда усердными и безпристрастными дѣлами и дѣйствами! Не могу жъ обойтиться, чтобы не испрашивать вашего предстательства о графѣ Витгенштейнѣ, который столько совершенно бѣденъ, имѣя насилу съ женою и дѣтьми пропитаніе отъ того, что изъ жалованья его всегда вычитался казенный долгъ, столь совершенно оказалъ въ тaперешней его экспедиціи наиревнительнѣйшее онъ свое усердіе, отдаваясь съ радостію во всѣ наитруднѣйшія преодолѣнія, по таперечней здѣсь воздуха тягости, а по разоренным и степнымъ мѣстамъ недостатку, посвящая всего себя единственно порученному на него дѣлу; къ чему, кажется, и порода его еще прибавляетъ свою цѣну. Здѣсь сегодня уже такой морозъ, что у мельницы прудъ замерзъ, а поле все заиндивѣло.

Пожалуй, дорогой другъ, не допускай моимъ курьерамъ многимъ у васъ съѣзжаясь останавливаться; но когда другой пріѣдетъ, то перваго (хотя безъ настоящей отъ двора депеши) отправляйте съ билетами о полученіи моихъ назадъ: ибо имъ прогоны даются съ возвратомъ, а они тамъ оными проживаютъ, между тѣмъ я по долгому времени никакого изъ Москвы ни о сестрѣ [4]), ни о дочеряхъ моихъ извѣстія не имѣю, какъ оттуда никакой другой почты до меня нѣтъ; оное жъ крайне меня огорчаетъ.

---

[3]) Т. е. отъ чумы.

[4]) Княгинѣ Александрѣ Ивановнѣ Куракиной, вдовѣ князя Александра Борисовича и бабкѣ будущаго канцлера. Она жила въ Москвѣ, на Лубянской площади, за церковью Гребенской Божьей Матери. Это было гнѣздо цѣлаго рода.

О тѣхъ 20 т. лошадяхъ, о которыхъ я писалъ, что Запорожцы при устьи Днѣстра взяли, сказываютъ, что посыланныя съ партіею 3 т. ихъ человѣкъ, раздѣляя по себѣ, досталось каждому по 12 лошадей; слѣдовательно надобно, чтобы ихъ было 36 т. Да и неудивительно! Ихъ я видѣлъ въ присланномъ ко мнѣ чрезъ графа Румянцова репортѣ; отъ генерала-порутчика Эсмона извѣстно изъ Молдавіи, что ханъ Крымской всѣ свои табуны къ устью оной рѣки по сю сторону переслалъ, то надѣюсь, они тѣ самые.

Но простите, мнѣ, что здѣсь вложу письмо отъ Витгенштейна, мною полученное, ради усмотрѣнія его ко мнѣ въ немъ просьбы, и ежели какія окрестности не могутъ много затруднять, то бы мнѣ пріятно было, чтобы онъ у меня былъ, на случай могущихъ быть съ знатными особами Французской отъ меня корреспонденціи, на которую моего Фусколя, сколько я сей языкъ разумѣю, кажется, недостанетъ. А при томъ такой человѣкъ можетъ лучше многихъ предать свѣту свидѣтельство производимыхъ дѣлъ, изъ коихъ худаго я, кромѣ развѣ несчастія, опасаться причины не имѣю; а сего ради я васъ объ немъ, если возможно, и прошу.

4.

Изъ шанца, 1769 года Ноября 5-го дня.

Предъидущее, отправленное отъ меня отъ 28-го минувшаго мѣсяца покажетъ во всей чувствительности вамъ, мой любезной другъ, сколь много меня обрадовать или, такъ сказать, оживить должна была полученная 30-го, а отправленная отъ васъ 16-го числа минувшаго же мѣсяца депеша и ваше при томъ любезное мнѣ со всѣми приложеніями письмо. Хотя же первая ничего не изъявляютъ о моихъ здѣшнихъ по слабому искусству, но по совершенному усердію, распоряженіяхъ, но возлагаетъ только то новое дѣло, которое по вашей же экспедиціи происходитъ [5]); однакоже со всѣмъ тѣмъ пеописанно и она меня обрадовала, особливо, что изъ нея увидѣлъ я благополучное пребываніе той моей всемилостивѣйшей Государыни, для которой единственно я теперь остальныя обремененныя мои силы службѣ посвящаю, не будучи уже тѣмъ отягощаемъ, чтобы я недовольно ихъ на службу моего Отечества чрезъ тридцати-трехлѣтнее во оной упражненіе безъ всякой себя пощады въ наизнурительнѣйшихъ понесеніяхъ истощилъ.

Всеконечно не оставлю я сіе возлагаемое на меня дѣло по лучшему усердію и достатку моей способности производить, а о проис-

---

[5]) Т.-е. о посылкѣ въ Крымъ для склоненія Татаръ отложиться отъ Турціи.

шествіяхъ по тому въ свое время увѣдомлять. Вы, дорогой другъ, передъ симъ о призывѣ ко мнѣ изъ Кіева не Веселицкаго, а Бастевика, писали, который, по моему требованію на сихъ дняхъ, бывши отъ меня туда отпущенъ, и пріѣхалъ. О присылкѣ же ко мнѣ уже въ Харьковъ, какъ Веселицкаго такъ и секретаря Равича, я нынѣ только писалъ (но о послѣднемъ сказываютъ, будто умеръ); равнымъ образомъ и по приложеннымъ другимъ копіямъ, касательнымъ до уніатскаго народа, я надлежащія употребленія въ представляющихся иногда мнѣ къ тому случаяхъ по настоящему съ ними соображенію дѣлать не пренебрегу.

Таперь же обращусь на тотъ случай, что̀ произвело ваше положеніе съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ о возвращеніи моихъ курьеровъ. Здѣсь влагаю копію съ полученнаго отъ него съ симъ послѣднимъ моимъ отъ васъ курьеромъ постскрипта при его обыкновенномъ ко мнѣ письмѣ, изъ которой и вы, надѣюсь, какъ я, тоже самое усмотрѣть изволите, какъ тутъ продирается всегдашній замыслъ похищенія надъ всѣми (его гораздо заслуженнѣе) персональной власти военнаго министра, до которой я въ службѣ никакъ дожить не могу, и для того васъ тѣмъ братствомъ и дружбою прошу, словесно ли или и показаніемъ сего письма Ея Величеству, представить: какъ мы, будучи возращены дѣтьми тѣхъ отцовъ, которые при главныхъ ихъ командированіяхъ надъ войсками никогда ни въ чьемъ персональномъ подчиненіи кромѣ самихъ государей или учреждаемыхъ особъ изъ первыхъ степеней присутственныхъ мѣстъ, да и сами уже собственно, дослужившись сего степени, никогда въ такомъ подверженіи не бывали, то и не можетъ оное, а мнѣ наипаче, быть инако, какъ убійственно, для того, что сверхъ нашего изобыкшаго уже въ томъ отъ примѣровъ отцовъ и собственно своихъ предубѣжденія, я его сіятельства и долговременнѣе и многотруднѣе всегда служу. А и по практическому испытанію чрезъ всемилостивѣйшее меня пожалованіе нѣкоторымъ образомъ къ министерскому же и сенатскому дѣлу и по другимъ подобнымъ комисскимъ мѣстамъ, любочестіе мое не дозволяетъ мнѣ признаться, чтобъ и въ сей службѣ я равняться съ нимъ не могъ. Да и превозвышеніе его единымъ старшинствомъ въ нынѣшнемъ чинѣ доставили ему не излишнія предо мною службы, но дворскія способности, отъ которыхъ я, всегда уклоняясь, шелъ и иду моею одною настоящею по службѣ званія своею дорогою, имѣвъ то несчастливое врожденіе, что не только такому свойственнику, ни вамъ собственно, дорогой мой другъ и единоутробникъ, не въ состояніи заслуженнаго своего званія въ порабощеніе предать. А потому и нельзя мнѣ никакъ, получа счастіе предводительствовать въ полѣ при царствованіи ны-

нѣшней справедливѣйшей Монархини уже въ двугорядъ цѣлою арміею, снизвергнуться въ то, чтобы отъ коллежскихъ вице-президентовъ зависѣть, званія моего распоряженіями и должностью приходить къ его персональному въ дѣлахъ службы вспоможенію, сверхъ установленнаго въ коллегіяхъ порядка, который я и исполняю, представляя только то, что̀ до экономическаго снабженія мнѣ ввѣреннаго войска принадлежитъ въ Военную Коллегію [6]). А изъ-за онаго, кажется, и несходно мнѣ еще прибѣгать къ персональной протекціи вице-президентской. Да и ей-ей ни силъ, ни времени не достанетъ ко всѣмъ вице-президентамъ коллежскимъ по дѣламъ службы сверхъ еще узаконеннаго порядка писать; ибо я теперь по экономическимъ дѣламъ чуть не со всѣми государственными коллегіями дѣло имѣю и имѣть могу. Да и какія власти и должности есть въ другихъ государствахъ военныхъ министровъ, того по счастію Россійское войско, побѣждая большею частью министерскаго управленія войски, до сихъ поръ не знаетъ. Мое же увѣчное и страждующее здоровье на весьма уже короткое остальное службы моей теченіе конечно не можетъ далѣе продлиться, какъ до момента подчиненія новой не привыкшей еще власти военнаго министра и персонѣ меньше заслуженнѣе себя; чего я въ счастливой вѣкъ благополучнаго надъ нами царствованія правосуднѣйшей и великой Екатерины Второй никогда ужасаться съ отчаяніемъ не могу.

Полученной при продолженіи сего отъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшій рескриптъ, препровожденной вашимъ весьма короткимъ, но мнѣ всегда любезнѣйшимъ письмомъ, такъ сказать не только меня ободрилъ, но и совсѣмъ оживотворилъ высочайшую Ея Величества, по отправленію нынѣшняго моего столь важнаго званія, ко мнѣ довѣренность.

Продолженіе всеподданнѣйшаго донопенія, такъ какъ и сего къ вамъ, мой любезнѣйшій другъ, письма перервало вдругъ полученное мною гораздо задлившееся, а потому съ нетерпѣніемъ ожидаемое и въ разсужденіи того, что не вездѣ отъ пушечныхъ черезъ рѣку выстрѣловъ арміи разбѣгаться и крѣпости обставлять могутъ, довольно пріятное отъ корпусовъ здѣшней арміи, изъ-подъ Бендеръ, извѣстіе объ одержанныхъ съ достоинствомъ славы оружія нашей всемилостивѣйшей Государыни побѣдахъ, при четырехъ сраженіяхъ надъ непріятельскими подъ предводительствомъ самихъ оставленнаго въ Бендерахъ сераскира и Татарскаго хана войсками, и о безвредномъ вступленіи въ возвратный походъ отъ меня деташированныхъ корпусовъ, о чемъ я здѣсь влагаю для поднесенія всеподданнѣйшую мою обстоятельную реляцію.

---

[6]) Какъ это напоминаетъ князя А. И. Барятинскаго и его настоянія съ 1866 года!

Истинно столько усталъ, что не могу больше, какъ присовокупить: хотя припадки мои меня очень мучатъ, однакожъ еще не опаснѣе того, какъ при васъ безъ положенія въ постелю часто бывало. Затѣмъ же, любезнѣйшій другъ, живи съ Богомъ, а я пошелъ ужъ въ свою настоящую зимнюю квартиру; но и тамъ, такъ какъ вездѣ, съ непоколебимою дружбою, вѣрнымъ братствомъ и искренностію по смерть всѣмъ сердцемъ и душею вамъ пребуду вѣрной братъ, другъ и покорный слуга.

5.

Харьковъ, Генваря 8-го дня 1770-го году.

Съ симъ будетъ имѣть честь къ вамъ, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, представиться г-нъ генералъ-порутчикъ Бергъ въ послѣдованіе насланнаго ко мнѣ давно уже всемилостивѣйшаго объ отлученіи его на время отъ своей команды дозволенія, которымъ онъ однакожъ со всѣми своими наистѣсненными обстоятельствами, по обыкновенной ревности къ службѣ, не хотѣлъ прежде пользоваться, пока по моему новому его назначенію къ предводительству корпуса, предположеннаго къ дѣйствіямъ и въ будущую кампанію на Крымской степи, не сдѣлалъ всѣхъ потребныхъ распоряженій и ко мнѣ представленій на тѣ предметы и виды, кои ему отъ меня нѣкоторымъ образомъ первоначально и нынѣ уже даны узнать о возлагаемыхъ на его корпусъ дѣйствіяхъ. Почему, такъ какъ и по всѣмъ первоизвѣстнымъ мнѣ въ немъ качествамъ, весьма способнымъ на пользу настоящихъ высокихъ Ея Императорскаго Величества нашей всемилостивѣйшей Государыни военныхъ намѣреній и повелѣній, не могу я обойтиться, чтобы въ милость вашу его не рекомендовать, какъ такого генерала, кой преисполненъ столь отличныхъ ревности и неутомленія въ трудахъ, а мужества въ предпріимчивостяхъ на исполненіе возлагаемыхъ на него военныхъ дѣйствъ, столь же нетерпѣливо чувствителенъ на всякіе представляющіеся ему огорчительные виды, будучи однакожъ всегда готовъ за всякое приласканіе себя утѣшить и наичувствительнѣйше благодарнымъ быть, особливо отъ вышней руки. Чего ради васъ, дорогой другъ, и прошу способствовать вашимъ преставительствомъ, какъ всемилостивѣйшему его хотя нѣкоторымъ въ пріемѣ обхожденіемъ приласканію, такъ и къ пожалованію ему по отправленной моей съ нимъ реляціи столовыхъ денегъ, къ коимъ онъ, кажется, справедливое сравненіе имѣть можетъ съ подобно оныя получающими предводительми особыхъ корпусовъ и не въ такъ трудныхъ степныхъ походахъ и не между такими Азіатическими своими подчиненными.

Съ тою же реляціею я поручилъ ему на представленіе себя Ея Императорскому Величеству адресоваться къ графу Захару Григорьевичу, яко къ персонѣ, къ зависимости которой его званіе отнестись имѣетъ; не меньше онъ того дозволитъ ему къ своему выслушанію все то представить, что̀ онъ имѣетъ на лучшее поспѣшествованіе возлагаемой на него экспедиціи. А и въ прочемъ во всемъ по моему нынѣшнему состоянію и упражненію ссылаюсь на него, такъ какъ на достовѣрнаго всему оному свидѣтеля, присовокупивъ и ту еще мою просьбу, чтобъ и ко исправленію его собственныхъ дѣлъ время ему до перваго будущаго Апрѣля мѣсяца числа пожаловано было, не смѣя уже помѣщать хотя о малой нѣкоторой ему помощи на убытки сего его проѣзда въ такъ разстроенномъ состояніи.

Жестокость моей болѣзни, коя теперь однакожъ обратилась въ обыкновенное свое во мнѣ состояніе, поставила меня въ промедленность произведенія возложенной на меня о попыткѣ къ Татарскимъ ордамъ экспедиціи, въ кою я теперь какимъ образомъ уже дѣйствительно вступилъ, здѣсь приложенная о томъ моя особая записка васъ, мой дорогой другъ, достаточно на всякое потребное употребленіе увѣдомитъ. Я же буду на нее ожидать отъ васъ отповѣди съ надлежащими къ дальнѣйшему меня руководству примѣчаніями. А съ нынѣшнею моею депешею адресовался я чрезъ рапортъ на указъ Государственной Военной Коллегіи между различными ея распоряженіями и мнѣ обыкновенными канцелярскими наставленіями о истребованіи ко умножающемуся на будущую кампанію подвозному магазейну погонщиковъ изъ Украины съ такимъ въ сію коллегію представленіемъ, что сверхъ бывшихъ въ минувшую кампанію и теперь дѣйствительно при здѣшней арміи у воловъ подвижнаго магазейна состоящихъ 1285 погонщиковъ, надобно теперь получить еще оныхъ 4500 человѣкъ, кои я полагалъ въ будущую кампанію замѣнить требованными мною сверхкомплектными ко усилованію здѣшней арміи людьми. Но какъ оныхъ мнѣ получить уже нельзя, а такъ великаго числа погонщиковъ изъ Украины безъ особливаго повелѣнія Ея Императорскаго Величества мнѣ истребовать безъ великаго потерянія времени неудобно жъ: то и просилъ оную коллегію, дабы она благоволила въ надлежащія мѣста о нарядѣ оныхъ погонщиковъ повелѣніе исходатайствовать. А и васъ, любезнѣйшій другъ, прошу сношеніемъ по тому съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ употребить ваше ко оному подкрѣпленіе и вспомоществованіе. Затѣмъ же пребывайте съ Богомъ, и вѣрь, что я всѣмъ сердцемъ и душею всегда непремѣнно братъ, другъ и слуга.

6.

Харьковъ, Генваря 25-го дня 1770-го году.

1-е. Предъидущія мои съ пріобщенными отъ графа Румянцова [7]) ко мнѣ и отъ меня къ нему письмами вамъ, надѣюсь, довольно показали, что онъ и меня, такъ какъ и васъ, осыпаетъ откровенными словами, которыя только о его точныхъ намѣреніяхъ и утвердительныхъ положеніяхъ (коихъ, думаю, и никогда нѣтъ) ничего не сказываютъ. Посему могу съ твердостію увѣрить весь вашъ совѣтъ, что оной никогда ничего не получитъ о томъ, какія онъ положитъ непремѣнныя намѣренія и возможности найдетъ отдалять непріятеля отъ осады, но оное всегда останется въ неизвѣстности къ тому концу, дабы равнымъ образомъ и на всѣхъ другихъ свои неудачи также слагать, какъ теперь слагаетъ на Штофельна, оставляя ему противъ непріятеля настоящія операціи вести съ половиною арміи; а сами два полные генерала остаются за нѣсколькими рѣками отъ онаго въ такихъ заготовленіяхъ магазеиновъ, которые еще впередъ будутъ требовать время и способовъ на перенесеніе къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ полагается намѣреніе съ непріятелемъ дѣйствовать. Собственное жъ присутствіе всякую бы медленность поправить могло.

2-е. Много еще, мой любезной другъ, и впередъ равноподобныхъ случаевъ къ расширенію помѣшательствъ представляться тамъ будетъ, какіе случились о появившемся повѣтріи, о которомъ я въ своемъ предузнаніи не ошибся: ибо его сіятельство уже меня увѣдомилъ, что оно миновалось и ничего не значило, продолжая со мною свою переписку, или возвращеніемъ отъ себя моихъ нѣсколько дней задержанныхъ курьеровъ или съ порученіемъ на проѣздѣ въ Петербургъ своимъ курьерамъ отдать письма ко мнѣ въ Кіевѣ, которыя потому же чрезъ обыкновенную почту довольно дней теряютъ; слѣдовательно не излишнее бы было и о собственной промедлительности не меньше, какъ о другихъ примѣчанія дѣлать.

3-е. Имѣю причину я удовольствіе себѣ представлять, что графу Григорью Григорьевичу [8]) не понравилась моя съ нимъ переписка, на которую я никогда никакой отповѣди не имѣю; однакожъ и послѣ того письма̀, кое вы у его сіятельства видѣли, я еще къ нему съ пространностію писалъ о нѣкоторой требующейся во отрядъ на осаду людей и пороху добавкѣ.

---

[7]) Главнокомандовавшаго первой арміею.

[8]) Генералъ-фельдцейхмейстеру Орлову, тогдашнему любимцу Государыни.

4-е. Здѣсь прилагаю къ поднесенію Ея Императорскому Величеству мою о обыкновенномъ теченіи здѣшнихъ дѣлъ реляцію, на которую сославшись заключаю сіе тѣмъ, что я и съ женою здоровы; а къ вамъ всѣмъ сердцемъ и душою пребываемъ во всемъ непремѣнны. Благодарствую, мой любезнѣйшій другъ, за пожалованіе моей Катенькѣ серегъ.

7.

Харьковъ, Февраля 5-го дня 1770-го году.

Между отправленнаго отъ меня послѣдняго въ Петербургъ курьера Сумарокова до сего подоспѣли отъ васъ, мой любезный другъ и дорогой братецъ, три письма.

Въ первомъ изъ нихъ, не по образу моего къ человѣчеству расположенія, но по образу подлыхъ и непростительныхъ ухватокъ господъ нынѣшнихъ Французовъ, много мнѣ увеселенія принесли палочные удары послу Французскому, да еще и отъ скаредной Турецкой бабы причиненные, которые, какъ бы они ни происходили, но если не въ нынѣшнія, такъ въ будущія времена, конечно сдѣлаютъ пятно святости особы въ посольской персонѣ, знаменующейся въ сей столь щекотливо въ пунктѣ чести представляющей себя націи.

По второму. Давно я, любезнѣйшій другъ, примѣтилъ и все удобовозможное раченіе обращаю на исправленіе ревнительнаго въ нашемъ ремеслѣ господина Берга отъ нѣкотораго заблужденія въ ненасытныхъ пожеланіяхъ того себѣ обогащенія, котораго нимало сберегать никакихъ способностей не имѣетъ. По когда въ томъ не предуспѣвается, то по послѣдней мѣрѣ ко извлеченію изъ него полезной на службу государства способности легче снисходить на тѣ его онаго изъисканія, производимыя тягостію невременной своей просьбы, нежели на такія, кои происходятъ въ тѣхъ же намѣреніяхъ, но съ безпощаднымъ вредомъ всякаго вообще и каждаго особо дѣла и персоны, каковыми людьми съ такимъ расположеніемъ по несчастію наше сообщество еще болѣе изобилуетъ, нежели съ подобною малодушною въ семъ случаѣ г-на Берга слабостію.

Въ послѣдованіе счастливо послужившей къ благоволенію нашей всемилостивѣйшей Государыни записки моей о Татарскомъ дѣлѣ имѣю таперь еще сіе прибавить. Случившійся между плѣнными въ корпусѣ генерала Берга Татаринъ, начальствующій надъ однимъ кибиточнымъ совокупленіемъ (изъ тѣхъ, кои въ прежнія времена изъ-подъ Россійскаго скипетра Калмыцкаго поколѣнія, откочевавъ въ Крымъ, тамъ въ Татарскую орду присообщились, и коихъ уже немалое число те-

перь тамъ состоитъ) по нашимъ здѣсь склоненіямъ обратился къ тому, что понеже онъ до своего плѣненія слыхалъ отъ всей той орды, при начатіи нынѣшней войны, на Турецкое иго негодованіе и намѣреніе ко изысканію способовъ на возвращеніе по прежнему подъ скипетръ Всероссійской, то и взялся всѣхъ ихъ ко оному нынѣ уговорить. Посему я и его туда сверхъ первыхъ на сихъ дняхъ отправилъ; а съ какимъ основаніемъ, о томъ покажетъ вамъ, любезнѣйшій другъ, здѣсь вложенная записка съ пріобщенною копіею, и счастливъ я тогда буду, когда ко всеподданнѣйшей моей Ея Величеству благодарности за всемилостивѣйшій отзывъ по первой моей запискѣ будетъ успѣхъ сего дѣла хотя малѣйшимъ образомъ соотвѣтствовать тому моему усердію, кое я съ напряженіемъ всѣхъ моихъ силъ употребляю въ истинную вѣрность и усердіе службы и славы сей нами обожаемой Государыни.

По третьему. Я никакого письма ни съ симъ, ни съ прежнимъ курьеромъ въ отвѣтъ на мои отъ его сіятельства графа Григорья Григорьевича еще не получалъ. Чего же нѣтъ, въ томъ придется способствоваться тѣмъ только, чѣмъ будетъ по основанію обстоятельствъ времени и всѣхъ удобностей возможно. Но къ недостатку въ людяхъ меня больше всего ужасаетъ такъ дальній къ самому дѣйствію и вдругъ переходъ, на которомъ въ прежнія времена многими примѣрами испытано, что и одпѣми болѣзньми и разными изнеможеніями и въ многочисленныхъ арміяхъ великой недостатокъ въ людяхъ и при маршѣ по такому отстоянію цѣлой кампаніи принялся. Но какъ въ нашемъ ремеслѣ нѣтъ ничего безъ отваги, то и сіе я на оную же отнести принужденъ.

По полученному рескрипту изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ я впередъ настоящимъ образомъ и доносить и оной исполнить въ способное время не премину. Но чтобъ отъ варварскаго командира получить въ пріемѣ письменное свидѣтельство, до того дойтить способовъ не предвижу. Вмѣсто чего и принуждено будетъ замѣниться тѣмъ свидѣтельствомъ, кое взято будетъ отъ выпровоженныхъ изъ нашихъ форпостовъ въ Турецкіе предѣлы шкипера Османа-аги и его товарищей.

Затѣмъ же и обращаюсь я таперь, любезнѣйшій другъ, со вседушевнымъ васъ объятіемъ къ наивеличайшему благодаренію за извлеченіе меня и Марьи Родіоновны изъ преглубокаго смущенія обнадеживаніемъ отправить ту бабку, которую она сама лучше всѣхъ другихъ желала. Впрочемъ пребывайте съ Богомъ; а я всегда непоколебимо пребываю во всемъ вамъ непремѣнно братъ, другъ и слуга.

Приписка графини М. Р. Паниной.

Позвольте мнѣ, батюшка, любезнѣйшій графъ Никита Ивановичъ, здѣсь изъявить вамъ чувствительную благодарность моего сердца за доставленіе мнѣ чрезъ попечительное стараніе ваше такія нужныя для меня особы, какова есть та бабка, кою вы вскорѣ прислать обѣщаетеся. Сей знакъ вашей ко мнѣ неоцѣненной милости и дружбы конечно бы еще умножилъ къ вамъ моего почтенія и преданности, еслибы до того не столь совершенно то и другое къ вамъ имѣла та, которая со всею искренностію пребывать не престанетъ вамъ всепокорная и усердная услужница

Г. М. Панина.

8.

Харьковъ, Февраля 16-го дня 1770-го году.

Имѣя случай замѣнить отправленіе обыкновеннаго курьера препровожденнымъ симъ вручителемъ, генералъ-квартирмистромъ господиномъ Каховскимъ (отпущеннымъ по его желанію въ Петербургъ на 29 дней) начально пріобщаю къ поднесенію мою всеподданнѣйшую реляцію, на кою вамъ, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, сославшись, буду ожидать непродолжительной себѣ отповѣди; а при томъ съ большимъ благодареніемъ за послѣднее полученное ваше отъ 5-го числа сего мѣсяца письмо нахожу отвѣтствовать.

Здѣсь приложенныя копіи покажутъ вамъ, дорогой другъ, новое подтвержденіе справедливыхъ вашихъ проницаній о изысканіи при недостаткахъ великаго мужества и духа всякихъ такихъ раздробленій, средствъ и мѣръ, которыя бы послужить могли къ двоеобразному обращенію; ибо тутъ вы увидите завлеченіе моихъ легкихъ войскъ на тѣ безплодныя и безвременныя изнуренія, кои изъ себя ничего въ пользу нашу не предвозвѣщаютъ, но насупротивъ того съ точностью ознаменуютъ, что сею малою войною хотятъ брать непріятеля съ сильной, а себя употреблять съ слабой стороны, преподавая случай оному изъ своего невѣжества поучаться и ободряться хотя и малыми, но неминуемо при раздробленныхъ обращеніяхъ получаемыми надъ тѣми пѣхотными войсками поверхностьми, кои, гоняючись въ подкрѣпленіе своихъ легкихъ конныхъ и не бывши никогда отъ сего непріятеля побѣжденными, напослѣдокъ ввергаются въ его пораженіе къ собственному въ непобѣдимости своей духа упадку, а его отъ онаго ободренію. Отъ здѣшняго моего расположенія никакою дорогою я своихъ войскъ за Днѣстръ къ лѣвой сторонѣ доставить не могу прежде полеваго корму, какъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ оныя и отъ одного голоду

прибудутъ туда не въ лучшемъ состояніи, какъ Румянцовъ своихъ описываетъ, что намѣренъ всѣхъ на новыхъ лошадей пересадить, къ чему и было пріуготовляться ему время; а мнѣ отнынѣ онаго недостанетъ: ибо, дорогой другъ, послѣдне возвратившіеся мои для осмотра Буга и Днѣстра рѣкъ посыланные меня увѣряютъ, что въ томъ краю лошадей уже кормятъ соломою съ кровель, я и не могъ никакъ поступить на такое отъ меня графа Румянцова требованіе. Какъ же у васъ оное, если свѣдаютъ, будетъ принято и что̀ вы сами по тому искренне разсуждаете, прошу меня со всею откровенностію увѣдомить. А я въ семъ случаѣ больше всего о томъ жалѣю, что нашъ Репнинъ (какъ меня возвратившійся мой адъютантъ Ферзенъ увѣрилъ), будучи наичувствительнѣйшимъ образомъ оскорбленъ оттого, что признанныя на мѣстѣ всею арміею въ минувшей кампаніи его наивеличайшее предъ всѣми усердіе, отвага во всѣ опасности и споспѣшествованіе ко всѣмъ главнымъ бывшимъ предпріятіямъ не были ни отъ кого ни однимъ словомъ нигдѣ ни признаны, ни ознаменованы, теперь, съ отчаянностію бросавшись на все представившееся, взялся и на сію новоизобрѣтенную въ гоняніи за Татарами экспедицію и собственно просилъ меня о отправленіи требованныхъ изъ здѣшней арміи на то легкихъ войскъ. Но я онаго сдѣлать никакъ по разнымъ мнѣ непреодолѣемымъ худымъ воображеніямъ, повлекающимъ препятствія главнымъ въ будущую кампанію намѣреніямъ, не могъ, о чемъ къ нему съ тѣмъ присовокупленіемъ и отвѣтствовалъ, что мнѣ и отъ нихъ не милы подобныя изнуренія своихъ войскъ на нерѣшительныя дѣйствія, ввергающія только въ опасность и приведеніе въ безсиліе ихъ арміи на предстоящія ей противоборствія и на внѣдриваніе въ людей того вреднаго негодованія, кое съ собою приносится отъ того (какъ я слышу), что ихъ кавалеристы сѣдлы на плечахъ носятъ, а и пѣхота вмѣсто неполучаемой обуви и времени къ сдѣланію оной, ходя съ обверченными ногами въ сырой скотской кожѣ, пріучается видѣть сего непріятеля, врывающагося въ ихъ линіи и отходитъ безплодно отъ стѣнъ городскихъ. Кои всѣ обстоятельства, дорогой мой другъ, и поставили меня въ упорство не преклониться на преждевременную отвагу моихъ легкихъ войскъ къ подобнымъ же приключеніямъ безъ рѣшительныхъ плодовъ.

Нарушили вы, дорогой другъ, нѣсколько нашего успокоенія тѣмъ, что мы, было, по первымъ вашимъ письмамъ, вознадѣялись получить вѣрно и скоро самую ту повивальную бабку, которую моя Марья Родіоновна предпочтительнѣе всѣхъ другихъ желаетъ и на нее надѣется, сказавъ въ послѣднемъ вашемъ, что отправленіемъ ея удержались до другой недѣли, дабы по письмамъ къ вамъ сестрицынымъ не могли

здѣсь съѣхаться двѣ бабки. Но въ Москву о точной присылкѣ сюда бабокъ никому поручено не было, а давалась коммисія доктору Далю, отпущенному туда на 29 дней, навѣдываться только на случай, еслибы со всѣми удобовозможными исканіями изъ Петербурга изъ извѣстныхъ получить было невозможно, то нельзя ли бы было и оттуда какою лучшею передъ здѣшними поспособствоваться. Однакожъ сіе уже бы было къ великому насъ обремененію, отчего и утѣшаюсь я тѣмъ единымъ, что вы конечно приговоренную или отправили, или послѣ сего непремѣнно тотчасъ отправите: ибо мы уже съ полученія первой отъ васъ объ ономъ надежды писали въ Москву, что намъ оттуда никакой бабки не надобно.

Впрочемъ, любезнѣйшій другъ, позволь сіе окончить хотя мысленнымъ, но вседушевнымъ васъ моимъ объятіемъ, что вамъ на всю жизнь всемъ сердцемъ преданъ.

9.

Харьковъ, Февраля 23-го дня 1770-го году.

Любезное ваше, дорогой братецъ, послѣднее письмо, пущенное ко мнѣ отъ 12-го нынѣшняго мѣсяца, несказанно какъ меня огорчило увѣдомленіемъ той моей погрѣшности, что я отъ 5-го сего жъ мѣсяца реляцію пропустилъ своею рукою подписать, чему конечно, дорогой другъ, настоящая причина въ моихъ страдальческихъ ежевременныхъ наимучительнѣйшихъ хирагрическихъ припадкахъ, кои нынѣ уже наисильнѣйшимъ образомъ мою и голову атакуютъ, особливо при углубительныхъ размышленіяхъ и кои въ день того отправленія меня самымъ сильнѣйшимъ образомъ и такъ мучили, что я всю свою диктатуру, имѣя ее въ тотъ день въ разныя мѣста немалую, дѣлалъ съ перерывательнымъ отдыханіемъ, которая меня и вовлекла въ ту наичувствительнѣйшую теперь погрѣшность, по коей васъ всею дружбою прошу, положа меня хоть заочно предъ стопы нашей всемилостивѣйшей Государыни, именемъ моимъ всеподданнѣйше испросить всемилостивѣйшаго не единаго токмо прощенія, но ради будущаго въ актахъ свидѣтельства и высочайшаго повелѣнія оную мою неподписную реляцію перемѣнить здѣсь вложенною таковою же со подпискою; а и другую у сего къ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества рукамъ слѣдующую пожаловать поднести и на которую по теченію здѣшней моей службы я вамъ, мой любезнѣйшій другъ, сославшись, то повторяю, что она доноситъ и о нынѣшнемъ здѣшней арміи, также и границъ отъ непріятеля не только безъ всякаго поврежденія, но безъ единаго встревоженія, пребываніи, коимъ я начинаю уже себя съ нѣкоторымъ удовольствіемъ обнадеживать въ томъ, что оно будетъ

конечно первымъ изъ всѣхъ зимъ, бывшихъ и нынѣшней съ Туркомъ войны не только безвреднымъ, но и безъ всякихъ тревогъ и помѣшательствъ въ земскихъ промыслахъ здѣшнихъ обывателей пребываніемъ, и кое однакожъ нельзя совсѣмъ отнести на сдѣланныя мои къ Татарскимъ ордамъ попытки; потому что я отъ оныхъ еще ни съ какой стороны себѣ отповѣди не только не имѣю, но насупротивъ того чрезъ одного прибывшаго въ Сѣчу Запорожскую изъ Крыма христіанскаго бѣглеца Грузинца получилъ извѣстіе, что во ономъ острову всѣ Татара были ихъ обыкновеніемъ выкликиваны на впаденіе въ здѣшнія границы и въ минувшемъ мѣсяцѣ. Но какъ они здѣсь не побывали, то знать не согласились на оное по тому порученію, которое здѣсь надъ ихъ присыланною первою для попытки партіею при нынѣшнемъ всей степи, такъ сказать, унизаніи моими постами произведено было. Но какъ оно ни есть, мой любезнѣйшій другъ, однакожъ прошлая зима здѣсь стоила до 16.000 обывательскихъ головъ и душъ, а нынѣшняя ни одного волоса.

10.

Харьковъ, Марта 4-го дня 1770 году.

При семъ слѣдующая къ поднесенію Ея Императорскому Величеству моя всеподданнѣйшая съ приложеніемъ реляція представитъ къ вашему, мой дорогой братецъ, политическому примѣчанію тѣ основанія, какимъ образомъ закинутую отъ насъ уду Татара съ нѣкоторымъ знакомъ къ нашему обнадеживанію клевать начали и коимъ образомъ еще я мое на оную ихъ притяганіе продолжаю и какого тому себѣ спомоществованія испрашиваю, поручая все оное вашему дружескому проницанію и меня дальнѣйшему по содержанію во всемъ оной реляціи наставленію и разрѣшенію.

Позвольте жъ мнѣ, любезнѣйшій другъ, симъ попросить васъ о присылкѣ ко мнѣ съ первовозможными курьерами на необходимую мнѣ въ будущую кампанію надобность: 1) четыре замшаныхъ такихъ душегрѣйки, какія я по указанію мастера и по совѣту Григорья Николаевича Теплова въ Петербургѣ себѣ дѣлалъ и кои вы чрезъ него достать можете, только чтобъ вороты какъ можно выше и ближе кругъ шеи лежали и они бы съ лацканами или обыкновенно сказать кроазе были. 2) Двѣ на верховыя лошади недорогія подъ степную пыль сѣтки, безъ которыхъ, какъ сказываютъ, на кургузыхъ лошадяхъ ѣздить отъ оводовъ и мухъ по той нельзя. 3) Сдѣлать чрезъ Фавинтина по моей мѣркѣ два Аглинскіе сюртука, цвѣтомъ какъ можно ближе къ пыли и съ такими жъ камзолами кроазе безъ всякаго галуну, но обложенные по борту, такъ какъ и сюртуки, такого жъ цвѣта снуркомъ, одинъ

изъ Аглинскаго драпу, а другой изъ Брюсельскаго или изъ шелковаго камлоту, который чтобъ надѣвался на кафтанъ, ради закрытія всего своего и съ рубашкою платья отъ здѣшней ужасной пыли, и для того, чтобъ у онаго были внутри обыкновенныхъ рукавовъ и обшлаговъ пристеганные на петляхъ съ пуговицами или крючками такіе рукавчики, какъ у полукафтаньевъ Русскихъ дѣлаются, дабы оными по самыя кисти рукъ всю рубашку отъ пыли застегивать было можно и сего жъ ради, чтобъ у онаго сюртука былъ такой верхній воротникъ, которымъ бы возможно было весь галстукъ и всю подъ нимъ рубашку застегиваніемъ отъ пыли сохранять же и чтобы боковыхъ прорѣхъ у сюртука, кромѣ одной самой малой для пропуску шпаги, не было, а и задняя прорѣха имѣла бъ видъ обыкновенной накладки, но до низу столько зашита была, какъ обыкновенно у шинелей, а не у сюртуковъ дѣлается. Кои коммисіи не изволите ль положить по вашимъ суетамъ съ просьбою, при поклонѣ отъ меня, на дядю Петра Богдановича Пассека, чѣмъ усугубите вашихъ мнѣ одолженій? Марья Родіоновна моя вседушевно васъ благодаритъ за ея въ послѣднемъ письмѣ напоминаніе, а въ собственномъ неписаніи теперь извиняется тѣмъ, что стала Марьей Андреевной [*]) и всегда такъ, какъ и теперь, упражняется за вистомъ, однакожъ со всѣмъ тѣмъ обще со мною васъ наилюбезнѣйше теперь обнимая, всегда со всею искренностію пребываетъ, чѣмъ я сіе душевно кончаю

11.

Харьковъ, Марта 12-го дня 1770 года.

Отъ графа Григорья Григорьевича я получилъ обыкновенной канцелярской на всѣ мои съ нимъ вамъ извѣстныя разсужденіи отвѣтъ, кой можетъ быть и тотъ, на который теперь въ отдачѣ графу Чернышову ссылаются. Да сему я, мой другъ, отнюдь не удивляюсь, зная опытами, сколь разныя суетныя и забавныя упражненія отнимаютъ время порядочную и удовольственную переписку съ отсутственными вести не только въ партикулярныхъ, но и въ самыхъ тѣхъ важныхъ государственныхъ основаніяхъ, на которыхъ по всей подлинности главная безвредность каждаго заключается; но въ томъ та привычка всегда больше дѣйствуетъ, что отдаленныя и наиважнѣйшія воображенія такъ часто и сильно не встрѣчаются, какъ тѣ, кои присутственно наслаждаютъ похотѣнія людскія, хотя же ту подлинность и всякой непріятель нашъ признать долженъ, что въ бремени предводительства и пріуготовленія арміи на дѣйствы противу непріятеля все время столько

---

[*]) Говорится о графинѣ М. А. Румянцовой, извѣстной любительницы карточной игры.

разными упражненіями и съ размѣреніемъ всякаго дѣйствія пунктомъ всей жизни и чести занимають, что конечно никакимъ другимъ упражненіемъ ни у кого больше занято быть не можетъ. Желаю единственно того только, чтобы привычка моя, какъ въ должности службы, такъ и во всякихъ обстоятельствахъ не быть нерадивымъ и притворнымъ, не навлекала хотя бъ тягости прочитывать мои отвѣтныя на всякое мною получаемое содержаніе.

На прошедшей недѣлѣ явился ко мнѣ принцъ Изенбургъ къ пребыванію волонтиромъ у здѣшней арміи, объявляя, что онъ Россійской службы подполковникъ 3-го гренадерскаго полку, состоящаго теперь въ первой арміи, и сказывая, что какъ вы, такъ и графъ Захаръ Григорьевичъ обѣщались объ немъ ко мнѣ писать, и что всемилостивѣйше отъ Ея Величества производится ему сверхъ обыкновеннаго жалованья по 2000 р. въ годъ пансіону; но не привезъ о себѣ ничего другаго, какъ подорожную за рукою князь Ѳедора Сергѣевича Голицына на почтовыя лошади, въ коей прописано только, что отправленъ сей подполковникъ отъ графа Захара Григорьевича ко второй арміи; но какой службы, къ кому и зачѣмъ и какъ отъ первой арміи отлучился, Богу свѣдущу! Онъ же зачинаетъ уже у меня просить всего къ содержанію ему по штатамъ принадлежащаго. И сколько я мало удивляюсь, что онъ со стороны моего любезнаго свояка такое отправленіе получилъ подобно многимъ другимъ, яко и послѣднее произошло о нарядѣ съ государства работниковъ къ Кременчугскому коменданту, не сказавъ ни ему, ни мнѣ, на какую работу и куда, но предписывая оному, чтобъ конечно ради пропитанія ихъ магазины заблаговременно имъ заготовлены были, кои слѣдуютъ быть въ мѣстахъ ихъ работы, ему лишь только и мнѣ никѣмъ не сказанныя. Почему сей заботной комендантъ неотступно моего объ ономъ разрѣшенія требуетъ; а я и самъ того не знаю и объ нарядѣ сихъ работниковъ прежде свѣдалъ по губерніи чрезъ штатское, нежели свое военное правленіе, которое также не знаетъ, куда оные обращены будутъ. Равномѣрно жъ на сихъ дняхъ имѣлъ я изъ сего нашего основательнаго военнаго правленія указъ, что 10 Февраля опредѣлялось въ немъ въ Петербургѣ, дабы къ крѣпостямъ Святаго Димитрія и Таганрогу провіантъ отправляемъ былъ не водою, какъ я располагалъ, а зимнимъ путемъ и до вскрытія еще рѣкъ; оной же указъ не только тамъ, но и мною здѣсь уже полученъ тогда, когда и зимній путь проминовалъ, и здѣсь всѣ рѣки недѣли двѣ прежде его вскрылись. Для чего пожалуйте хотя вы съ первымъ курьеромъ дайте мнѣ настоящее откровеніе о семъ принцѣ Изенбургѣ.

Не отяготитесь, мой любезнѣйшій другъ, таперечнимъ моимъ новымъ васъ о томъ утружденіемъ, чтобы хотя чрезъ Петра Богдановича поручить Фавинтину на мой счетъ мнѣ сдѣлать и ко мнѣ съ первыми курьерами, хотя въ маршу уже доставить два съ камзолами волана изъ двуличныхъ суконъ, буде сыскать можно, одно красное съ синимъ, а другое красное съ бѣлымъ; а буде съ бѣлымъ нользя, то хотя съ зеленымъ, и чтобы они были по борту, съ выборомъ вами хорошенькихъ дессеиновъ, вышиты насквозь золотомъ, какъ можно недорого.

Прилагаю я здѣсь поданное прочитательное письмо отъ находящагося при мнѣ изъ Кіева вѣдомства Иностранной Коллегіи переводчика, въ которомъ, кажется, есть нѣкоторая справедливость; но какъ ихъ чины и награжденіе отъ вашей дирекціи зависятъ, онъ же человѣкъ изрядной и теперь отъ меня къ препровожденію Татарскихъ миссіонеровъ до Сѣчи посланъ, то я и прошу вашего, любезной другъ, по тому письму съ первымъ курьеромъ мнѣ разрѣшенія.

12.

Харьковъ, Марта 19-го дня 1770-го году.

Прибытіе вчерась Александра Ѳедоровича [10]) и князя Куракина [11]) несказанно какъ меня обрадовало, и я по разлученіи съ вами первые теперь столь удовольственные и пріятные сутки имѣю, въ которыхъ упражняюсь все съ ними любезнѣйшими разговорами о пребываніи въ отлучку мою и о провожденіи вашего времени, чрезъ которые коль ни чувствительно наслаждаюсь, столь не меньше отягощаетъ меня то, что вы отлучкою ихъ еще въ тягостнѣйшее опустошеніе отъ своихъ ближнихъ и привязанныхъ къ вамъ погрузились, въ чемъ подкрѣпляюсь только надеждою на нашего почтенія наидостойнѣйшаго друга г-на Салдерна [12]), у коего безпритворно дружескія въ безцѣнной его душѣ движенія во всемъ своемъ почтеніи изъявились и въ полученномъ ко мнѣ съ ними преисполненномъ прямыхъ знаковъ радѣтельной его ко всѣмъ нашимъ ближнимъ дружбы письмѣ, чрезъ представленное свое наилучшее попеченіе о нашемъ Алексашѣ [13]). Дай Богъ, чтобъ сей сдѣлалъ ему достойное за то соотвѣтствіе; а вы бы, доро-

---

[10]) Талызина.

[11]) Князя Степана Борисовича. Его отецъ, князь Борисъ Александровичъ, былъ родной племянникъ графовъ Паниныхъ.

[12]) Извѣстный Салдернъ былъ одною изъ змѣй, которыхъ графы Панины вскормили у себя за пазухой.

[13]) Вѣроятно говорится о князѣ Александрѣ Борисовичѣ, извѣстномъ впослѣдствіи канцлерѣ Россійскихъ орденовъ.

гой другъ, въ своей пустотѣ пребывали безвредны. Оное же теперь между первыми моими желаніями и заключается.

Здѣсь пріобщаю я къ продолженію вамъ потребнаго послѣдованія обстоятельную записку о послѣднихъ моихъ двухъ въ Татарскія орды отправленіяхъ, о которыхъ я къ вамъ прежде отзывался и къ чему еще присовокупить нахожу.

Маіоръ Бастевикъ, оставаючись въ Яссахъ нѣсколько и по миновании предписаннаго моего срока, не получилъ никакихъ отъ стороны Татаръ къ себѣ на мои письма отзывовъ и, не повстрѣчавшись съ моимъ къ нему на то его увѣдомленіемъ, нарочно отправленнымъ съ тѣмъ курьеромъ, дабы онъ, еще свое пребываніе въ томъ городѣ продолжая, послалъ новыхъ къ развѣдыванію миссіонеровъ, возвратился ко мнѣ и привезъ между прочими извѣстіями достойныя нѣкотораго примѣчанія только сіи. 1) Что будто ханъ Крымской подлинно къ визирю за Дунай отправился, либо по призыву, либо по причинѣ дошедшихъ до него отъ меня доставленныхъ въ ихъ орды писемъ и тѣхъ поколебаній, кои Татара по онымъ производятъ. 2) Что отъ Татаръ сдѣланное нападеніе предъ недавнимъ времонемъ къ разоренію нѣкоторыхъ Польскихъ селеній, между Днѣстромъ и Бугомъ лежащихъ, произведено было по единому положенному ихъ отмщенію на Поляковъ за то, что одинъ ихъ шляхтичъ съ собранною шайкою изъ приближенныхъ отъ сихъ Татаръ постовъ къ Польскимъ того краю границамъ нѣсколько скотинъ отогналъ, а Татара между собою заключили, что Россіяне на нихъ огорченія своего за оное не умножатъ, какъ за наказаніе такихъ людей, между коими и самимъ Россіянамъ многіе непріятели есть. 3) Что умершаго прошлаго года хана Крымъ-Гирея сынъ сераскиръ Бахчи теперь первенствующимъ начальникомъ надъ Едисанскою ордою, перешедшею изъ-за Днѣстра къ Очакову.

Въ разсужденіи сихъ и прежде отправленныхъ вамъ отъ меня по сей матеріи обстоятельствъ, я хотя послѣ завтра и отправляю Бастевика обратно на пребываніе въ Яссы къ продолженію всѣхъ удобьвозможныхъ въ томъ краю для меня нужныхъ развѣдываній; а главнѣе къ доставленію отъ меня особаго письма къ означенному сераскиръ-султану, къ нему я препровождаю тожъ самое, какъ и къ другимъ сочиненное у васъ письмо съ возбужденіемъ въ немъ любочестія достойнаго сына такого отца, который своею одною породою и природными дарованіями себѣ ханство доставлялъ къ неупущенію представляющаго ему наиудобнѣйшаго случая до онаго не только достигнуть, но и утвердительнѣйшее для будущихъ временъ основаніе пріобрѣсти способомъ поверженія себя со управляющею теперь ордою въ сильнѣйшую и всемилостивѣйшую протекцію столь въ свѣтѣ просла-

явившейся побѣдами, милосердіемъ и мудрымъ управленіемъ своего народа Всероссійской Императрицы. Однакожъ какъ сего Бастевика въ такой отъ меня дальности на всѣ представляющіяся иногда обстоятельства достать не можетъ, да и лучше потребно мнѣ его будетъ имѣть при себѣ въ собственное къ симъ ордамъ приближеніе и къ пересылкамъ къ корпусу, опредѣляемому отъ меня съ дикими Калмыками на загражденіе предъ самыми сими ордами Очакова: то я, вслѣдствіе сихъ и прежде представленныхъ моихъ къ вамъ основаній, предполагаю за лучшее, чтобы по самой первой просухѣ отправить въ Яссы канцеляріи совѣтника Веселицкаго, яко его графъ Румянцовъ самъ требовалъ къ правленію тамошнихъ дѣлъ и, помѣстивъ во оныя, поручить ему сію экспедицію всѣми удобьвозможными случаями доводить подъ моимъ наставленіемъ и надзираніемъ къ желаемому концу. А понеже графъ Румянцовъ опредѣлялъ уже, при требованіи его изъ Кіева туда, выдать ему на проѣздъ и содержаніе изъ экстраординарной суммы тысячу рублевъ, которой онъ случаемъ призыву ко мнѣ не только лишился, но и убытокъ претерпѣлъ, не получивъ больше на свой проѣздъ, какъ на четыре лошади прогонныя деньги: то я вашего, любезнѣйшій другъ, прошу наставленія съ первымъ ко мнѣ курьеромъ о томъ, будутъ ли таковое его туда отправленіе и выдача ему тысячи рублевъ денегъ согласны съ расположеніемъ о сей экспедиціи у васъ, дабы я по оному ни малаго времени въ надлежащемъ распоряженіи пропустить не имѣлъ, и не надобно ли на оное мнѣ получить рескриптъ.

Вотъ здѣсь еще прилагаю я къ вамъ ради поднесенія Ея Величеству одно и удивительное отъ Ѳедора Матвѣевича Воейкова письмо, которымъ онъ проситъ о дозволеніи ему въ нынѣшнюю кампанію быть при дѣйствіяхъ военныхъ волонтиромъ, а у которой арміи, покажетъ вамъ при томъ пріобщенное ко мнѣ письмо, на чтò прошу его утѣшить, а меня отъ просительныхъ убѣжденій освободить воспослѣдовавшимъ отвѣтомъ. Другое же отъ дяди жены моей князя Кантемира съ пріобщеннымъ при немъ о княжествѣ Молдавскомъ объясненіемъ, въ коемъ, сколько я примѣтить могъ хотя больше до одной исторіи касающагося, но и нѣчто примѣчанію на нынѣшнее время подлежащаго есть. А какъ онъ меня случаемъ ближняго теперь свойства (а паче благодѣтельной дружбы къ моей Марьѣ Родіоновнѣ его княгини), наисильнѣйшимъ образомъ убѣждаетъ получить отповѣдь на прежде отправленныя отъ него чрезъ меня къ вамъ письма: то я васъ, мой другъ, обязанъ наиприлежнѣйше просить преподать ему успокоеніе, буде другимъ нельзя, то хотя министерскимъ какимъ утѣшительнымъ на оное отвѣтомъ, чѣмъ много меня одолжите.

Затѣмъ же, дорогой другъ, пребывай съ Богомъ; а я съ силами здоровья своего, кажется, собрался подъять все бремя къ достиженію исполненіемъ возложенной на меня кампаніи съ преисполненнымъ сердцемъ наивеличайшей къ оному ревности и усердія, а къ вамъ съ непремѣнною любовію и преданностію, которыя до конца жизни сохранитъ тотъ, кто васъ теперь мысленно всѣмъ сердцемъ и душею обнимаетъ.

13.

Харьковъ, Марта 29-го дня 1770-го году.

По извѣстной вамъ, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, моей безпредѣльной ревности къ службѣ нашей всемилостивѣйшей Государыни, особливо въ дѣлахъ и случаяхъ прямой важности, легко вы себѣ представите, какъ чувствительно теперь поражается мое сердце отъ новаго мнѣ въ лѣвой ногѣ такого припадка, что я на нее не только наступать, ниже и обуть не въ состояніи, въ такое жъ время, когда я всю мнѣ порученную армію въ настоящее движеніе уже привожу, и конечно бъ сіе было тяжелѣ смерти, ежелибъ оно меня лишало уже совсѣмъ надежды поспѣть съ нею; но какъ на проходъ оной до рѣки Синюхи съ полагаемаго времени по теперешней здѣшней все ненастной погодѣ къ полученію полеваго корма, кажется, недѣли четыре еще считать можно: то ласкаю себя къ тому времени выздоровѣть и хотя на почтѣ ее догнать. Да и въ противномъ случаѣ развѣ уже меня въ карету втащить будетъ нельзя, и я памяти лишусь, то тогда ужъ оное не отъ моего исполненія зависѣть будетъ, чѣмъ, Боже, меня не накажи!

Отступивъ отъ такъ непріятной матеріи, позволь, любезнѣйшій другъ, прежде всего тебя всею душею облобызавъ сказать: Христосъ Воскресе! при такомъ всѣхъ чувствъ моихъ поздравленіи съ симъ наступающимъ праздникомъ, какія только совершенная любовь, искренность и усердіе съ собой приносятъ.

Алексаша нашъ пріѣхалъ сюда въ такую распутицу, какую вы себѣ конечно по заочности и по здѣшнимъ никогда нечиненнымъ, а по самой жирной землѣ дорогамъ вообразить не можете, ибо у насъ курьеровъ въ простыхъ роспускахъ и съ припряганьемъ воловъ по цѣлому дню чрезъ селенія особливо городскія провозятъ, въ чемъ и здѣшнее мѣсто имѣетъ передъ многими знатное и такое превосходство, что я нѣкоторые дни на двѣнадцати лучшихъ лошадяхъ въ простой маленькой каретѣ сквозь него ѣхать не могъ, и еслибы здѣсь волы не помогали воловымъ же въ томъ нравомъ, то бы большую часть годоваго времени люди изъ избъ своихъ выѣзжать никакъ не могли. Въ разсужденіи чего нѣтъ мнѣ средства никакого, Алексашу не убивая,

его прежде отправить, когда хотя нѣсколько земля обсохнетъ и воды сольютъ; сего же по нынѣшней здѣсь неожидаемой худой погонѣ ранѣе полагать нельзя, какъ счастливо если на Ѳоминой недѣлѣ.

Порученнаго мнѣ отъ васъ питомца Его Высочества, пріѣзжаго съ симъ письмомъ курьера, взялъ я къ себѣ на ординарцы; но чтобъ въ военныхъ наукахъ продолжался, то поручилъ его и нашего Гагарина къ генералъ-квартирмейстру лейтенанту Броуну, въ которомъ Ея Величество можетъ съ надеждою ожидать подобнаго или еще и превосходнѣе полководца его въ нашей службѣ жизнь окончившаго дѣда и знаменитыхъ по другимъ службамъ двухъ кровныхъ фельдмаршаловъ: ибо оной ни въ чемъ не упражняется и ничѣмъ другимъ не забавляется, какъ углубленіемъ себя всѣми силами въ наше ремесло, имѣя при томъ препохвальной Аглинской карактеръ.

Марья Родіоновна моя, теперь упражняясь въ говѣньи и молитвѣ, чрезъ меня васъ всею душею обнимаетъ и благодаритъ за бабку, которая ужъ сюда пріѣхала.

Господинъ Сентмаркъ съ графомъ Разумовскимъ [14]), препровожденные вашимъ дорогимъ письмомъ ко мнѣ, пріѣхали, которое конечно умножило еще моего къ нимъ наиусерднаго обращенія, коимъ, ласкаюсь, будутъ они конечно довольны.

Билинштейна со удовольствіемъ по вашему послѣднему письму ожидаю и по послѣдней мѣрѣ надѣюсь поспособствоваться въ немъ свидѣтельствомъ на будущія времена всѣмъ упражненіемъ здѣшней арміи. Затѣмъ же, любезный другъ, ссылаюсь я на слѣдующую у сего ради поднесенія мою всеподданнѣйшую реляцію, которая изъявитъ вамъ сдѣланное отъ моихъ легкихъ войскъ тѣмъ Татарамъ поученіе, кои дѣлали впаденіе въ Польскія между Днѣстромъ и Бугомъ селенія, а онымъ въ такую графа Петра Александровича заботу поставили, что онъ отзывался ко мнѣ опасностью до прибытія моей арміи на Днѣстръ отваживаться изъ нынѣшней въ Польшѣ позиціи, дабы лѣвой арміи его флангъ онымъ не открылся столь ужасному непріятелю; а какъ означенное порученіе моею партіею производено соединенно и съ его, то пожалуйте съ первымъ случаемъ дайте мнѣ узнать, какимъ онъ образомъ сіе опишетъ.

14.

Харьковъ, Апрѣля 3-го дня 1770-го году.

Воображая со всею живостію дружескія ваши безпокойныя движенія по послѣднему отъ меня письму о новомъ моемъ въ лѣвой ногѣ подагрическомъ припадкѣ, зачинаю сіе изъявленіемъ, что оной со

---

[14]) Львомъ Кириловичемъ.

вчерашняго дня, кажется, обратился въ такое облегченіе, что могу себя ласкать не только безопасностію худаго какого слѣдствія, но и непродолжительнаго, особливо жъ несумнительнаго къ тому времени совсѣмъ освобожденія, въ которое я могу армію свою, проводимую таперь съ 15-го числа нынѣшняго мѣсяца въ дѣйствительной и безостановочной походъ, догнать на почтѣ до рѣки еще Синюхи, прежде ея настоящаго изъ разныхъ мѣстъ совокупленія, а съ того жъ числа соединяемой теперь уже на рѣку Синюху Елисаветградской весь деташаментъ, пошедъ безостановочными маршами, возметъ постъ и утвердится за рѣкой Бугомъ, предъ мѣстечкомъ Лодыжинымъ, къ которому подъ закрытіе послѣдуетъ и вся та осадная артилерія, коя съ безостановочнымъ на продолженіе марша состояніемъ подоспѣетъ въ Умань; также и будетъ туда перевозиться оставшій отъ зимняго расходу запасъ изъ магазейновъ Грановскаго и Уманскаго, чѣмъ совокупляемая моя армія у рѣки Черной Ташлыкъ при новостроющемся Павловскомъ редутѣ станетъ своимъ маршемъ котоировать и закрывать на свое подъ мѣстечкомъ Лодыжинымъ съ тѣмъ деташаментомъ соединеніе, гдѣ и будетъ, такъ сказать всей отряженной къ осадѣ арміи и всѣхъ заготовленій главное рандеву.

Здѣсь, дорогой другъ, слѣдуетъ къ поднесенію моя всеподданѣйшая Ея Императорскому Величеству реляція, на кою сославшись, прошу вашего предстательства о дозволеніи намъ, по собственному согласію съ графомъ Петромъ Александровичемъ, обмѣняться нѣкоторыми полками, въ чемъ, надѣюсь, вы отъ моей стороны отдадите справедливость больше настоящему попеченію о вѣрнѣйшемъ способствованіи порученной мнѣ операціи, нежели приватной какой привычкѣ, потому что всѣ резоны, да и самая практика обѣщаетъ больше надежды на главное число тѣхъ военныхъ людей, которые своего непріятеля уже самымъ дѣломъ испытали, нежели на тѣхъ, которые вовсе онаго передъ собою никогда не видали; а изъ сихъ послѣднихъ моя и весьма малочисленная армія и тремя частьми больше состоящая противъ тѣхъ, кои однакожъ не съ нынѣшнимъ, но хоть съ другимъ непріятелемъ сражались.

Весьма много благодарствую васъ, любезной братецъ, за послѣдне мною полученное ваше отъ 19-го числа минувшаго мѣсяца письмо и за всѣ ваши попечительныя раченія о моихъ возложенныхъ коммисіяхъ, за которыя прошу отъ моей стороны поблагодарить Григорья Николаевича и дядю Петра Богдановича [15]). Сожалѣю жъ только, что первому изъ нихъ я сегодня на полученное письмо по межевымъ дѣ-

---

[15]) Пассека, сестра котораго была тещею графа П. И. Панина.

ламъ принужденъ не въ согласіе его отвѣтствовать, на кое сославшись однакожъ, отдаюсь на вашъ разборъ, и одолжите меня, когда ваше мнѣніе по оному мнѣ скажете.

Очень мнѣ пріятно будетъ, когда отряженные отъ его Прусскаго величества, яко въ нашемъ ремеслѣ лучшаго намъ практическаго учителя, волонтеры будутъ свидѣтелемъ дѣйствъ арміи, мною предводимой. Но вы, любезной другъ, много меня одолжите, когда сдѣлаете предварительное увѣдомленіе о принцѣ Брауншвейгскомъ, яко ближнемъ его величеству, къ руководству моему, какое противъ него поведеніе вести будетъ пристойнѣе въ разсужденіи военныхъ честей и прочихъ передъ другими отличающихся пріемовъ.

Отъ графини Марьи Родіоновны.

Какъ теперь сей курьеръ отправляется почти въ самый день Воскресенья Христова, то я здѣсь мысленно васъ обнявъ и сказавъ Христосъ Воскресе, съ симъ праздникомъ наиусерднѣйше отъ всего сердца поздравляю и сегодня только имѣю вамъ сказать, что та тягость моя, о коей пишетъ къ вамъ Талызинъ, не значитъ ничего, потому что только ноги нѣсколько пухнутъ, а въ прочемъ я совсѣмъ здорова, и какъ у насъ скоро опять начнутся маскарады, изъ коихъ первой будетъ на третій день праздника, то я надѣюся, что въ танцованіи пройдетъ.

15.

Харьковъ, Апрѣля 10-го дня 1770-го году.

Мой дорогой своякъ не отъ забытія (такъ какъ вы о принцѣ Изенбургѣ ко мнѣ), но конечно по перетягиванію своей военнаго министра противу насъ власти, не писалъ. Оное изволишь усмотрѣть изъ приложеннаго здѣсь ко мнѣ его отвѣта на мое о семъ принцѣ къ нему письмо. Но какъ я ни съ кѣмъ, а особливо еще съ графомъ Румянцовымъ, по тѣмъ дѣламъ службы, по которымъ нѣтъ ничего моего приватнаго, списываться партикулярными прошеніями (служащими къ его на себя раздраженію) пристойности быть не почитаю: то къ разрѣшимости о семъ принцѣ какъ въ слѣдующей у сего для поднесенія Ея Императорскому Величеству моей реляціи прошу о немъ себѣ повелѣнія, не коснувшись въ томъ моемъ представленіи никого ничѣмъ. Если же мнѣ никакого повелѣнія дано не будетъ, то я принужденнымъ найдусь его къ первой арміи препроводить.

Въ пріобщенной копіи съ ордера, даннаго отъ меня въ наставленіе о будущей кампаніи генералъ-поручику Бергу, вы найдете несогласное тому, что̀ мой своякъ указомъ изъ Государственной Военной Коллегіи мнѣ предписывалъ, дабы, по отбытіи моемъ отсель, сей ге-

нералъ о всемъ рапортовалъ Государственной Военной Коллегіи и зависѣлъ отъ ея указовъ: ибо я, мой любезной другъ, былъ возращенъ въ томъ вѣкѣ и службѣ, что въ Россіи и всѣ другіе государи, не только великая Екатерина, сами собственно всегда войну вели и ею распоряжали, а не матушка Военная Коллегія и не изображающійся военный министръ, котораго персональную власть Россійскіе генералы по такому воспитанію не могутъ еще не давившись проглатывать. А для того, какъ оное повелѣніе ко мнѣ не отъ Ея Величества предписано, то я и взялъ смѣлость велѣть ему быть въ то время по дѣйствіямъ своихъ операцій прямо подъ собственными Ея Величества указами и распоряженіями, а по экономіи подъ сею Коллегіею, имѣвъ же и нынѣ себѣ въ примѣръ съ довольно примѣчаемою розницею, какимъ образомъ генералъ-майоръ Медемъ состоитъ подъ собственноличными указами Ея Величества и какимъ же генералъ-порутчикъ Веймарнъ подъ инструкціею и указами матушки сей Коллегіи. Оное же все теперь относится на вашу министерскую прозорливость и соображеніе съ возвышенными достоинствами нашей великой Самодержицы.

Позвольте здѣсь приложить къ вашему любопытству полученные мною отъ г-на Штофельна два плана о произведенныхъ имъ къ Браилову и Журжѣ маршахъ и съ непріятелемъ сраженіяхъ и карту о его съ своею командою расположеніи и, пріобщая при томъ и копію съ того письма, при которомъ я отъ него оное получилъ; мнѣ же по всей справедливости представляется, что съ такою горсточкою войскъ въ содержаніи столь обширной земли и въ отвагахъ на столь превосходнаго противу себя непріятеля и на преодолѣніе всѣхъ тѣхъ намъ изъ практики извѣстныхъ очень ужасныхъ трудностей (кои происходятъ въ безперерывномъ продолженіи во всѣ четыре годовыя времена кампаніи съ дальными маршами и безъ всякихъ заблаговременныхъ къ тому заготовленій), сей генералъ дѣлалъ все то, что только человѣческими силами возможно, а главнѣе всего особою ревностію и усердіемъ къ службѣ побуждается, и что сіе гораздо больше человѣка требуетъ, нежели объ ономъ издали и генеральными только о произведеніи поисковъ надъ непріятелемъ повелѣніями распоряжать, а случившимся изъ него слѣдствіямъ такія описанія дѣлать, которыя бы возможно было обращать по угодностямъ заочныхъ вниманій. Но какъ оное въ своемъ существѣ не есть и совсѣмъ исходитъ изъ моей заботы, однакожъ не могу я предъ вами, любезной другъ, не признаться, что въ крайнее меня сожалѣніе приводитъ, что и при теперешнихъ еще скользкихъ въ отечествѣ нашемъ военныхъ обстоятельствахъ почти всѣ да хотя и не совершенные, но лучшіе между нами

генералы, какъ побывая въ первой арміи, такъ и у называющагося военнаго министра, первыя и лучшія движенія въ себя тѣ получаютъ, какъ бы найти способъ изъ нашего ремесла выйтить и изъ службы удалиться; а и безъ нихъ, право, войну оканчивать будетъ нехорошо; да и мы собственно сами, столь много о себѣ заключающіе, не столько ко всему готовы и прочны, сколько таперечная слава оружія и обстоятельства войны еще насъ требуютъ.

Не поскучь, дорогой другъ, еще прочесть здѣсь пріобщенную въ копіи мою съ графомъ Петромъ Александровичемъ переписку и, вошедъ со вниманіемъ во оную, скажите мнѣ откровенно, кто изъ насъ больше резону имѣлъ: я ли принимать заблаговременныя мѣры къ заготовленію магазейновъ изъ Польши, а не изъ Россіи, между Буга и Синюхи рѣкъ со осторожностьми, чтобъ безъ общей въ томъ съ нимъ связи не сдѣлать той или другой арміи подрыву и въ цѣнахъ возвышенія, и имѣлъ ли я тутъ прямые резоны, что нетолько дѣйствительное заготовленіе во оныхъ мѣстахъ магазейновъ, но и единое разглашеніе о томъ, что такая сила новыхъ нашихъ войскъ съ надеждою уже полагаетъ взять свое утвержденіе въ тамошнемъ краю много послужитъ въ пользу нашихъ противу непріятеля и самой Польши теперешнихъ дѣйствъ и Ея Императорскаго Величества о нынѣшней войнѣ расположеній; или на его сторонѣ остается справедливой къ тому резонъ, чтобъ заблаговременыхъ магазейновъ не заводить, ожидая расположенія оныхъ изъ слѣдствія нынѣшней кампаніи. Отступаю жъ отъ того, что и самые благополучные оной успѣхи не могутъ прибавить ни одного шагу въ такой землѣ, откуда бъ возможно было намъ новое пропитаніе къ полученію полагать, ибо теперешнее уже завоеваніе содержитъ въ своемъ распоряженіи всю ту землю, кая впереди рѣкою Дунаемъ, а съ лѣваго боку моремъ обрѣзана, а въ заду съ нашихъ собственныхъ границъ простирается. Отъ таковыхъ же несчастливыхъ отъ сей кампаніи приключеній Боже обороні себѣ и воображать, чтобъ ни которая изъ нашихъ армій не нашла возможности удержаться между рѣками Бугомъ и Синюхою; да и въ такомъ случаѣ уже потеря магазейновъ меньше будетъ стоить того ущерба, какой изъ того произойтить можетъ, когда безъ заблаговременнаго оныхъ заготовленія пресѣкутся способы ими поспѣть; а отъ того недостатокъ пропитанія заставитъ войски, покидая изъ своего загражденія завоеванныя впереди непріятельскія земли, искать себѣ пропитанія въ своемъ на дальнемъ разстояніи заду. Такъ равномѣрно, есть ли тутъ справедливое заключеніе, что въ первой арміи (какъ его сіятельство самъ въ письмѣ изъясняется) заготовленіемъ новыхъ въ минувшую зиму магазейновъ поспѣть было невозможно и при-

нуждено перевозить провіантъ чрезъ дальнее разстояніе изъ старыхъ, а старые кажется ему лучше ежелибъ заблаговременно заведены не были, слѣдовательно войско бъ его теперь было совсѣмъ безъ пропитанія и безъ возможности удержать себя и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ изволитъ онъ нынѣ находиться. При таковыхъ же его сіятельства въ разсужденіи сего со мною основаніяхъ, пожалуйте, скажите мнѣ, любезной другъ, свое мнѣніе, какъ могу я лучше въ томъ поступить, что̀ бы могло меня и въ заготовленіи своему войску пропитанія въ семъ краю, куда я теперь съ нимъ отряженъ, обнадежить и отъ непріятностей съ симъ затруждающимъ всякія основанія человѣкомъ оградить.

Теперь осталось мнѣ послѣднею еще васъ, дорогой братецъ, докукою утрудить о вручителѣ сего ротмистрѣ Брынкѣ, сынѣ умершаго въ нашей службѣ генералъ-маіора, котораго жена, съ многолюдною фамиліею, оставшись безъ пропитанія, отъѣхала въ Петербургъ ради прошенія себѣ милостыни: то невозможно ли, мой другъ, хотя изъ отдѣляемой отъ его высочества ежегодной милостыни чѣмъ-нибудь оной помочь? Оное же послужитъ и къ побужденію охоты сего молодаго офицера служить подъ моимъ предводительствомъ.

Нашего Алексашу я отправилъ 13-го числа нынѣшняго мѣсяца, задержавъ по состоянію еще здѣшней распутицы на два дни ради того только, чтобы 11-го числа увидѣлъ выступающіе здѣсь полки и генеральную квартиру въ лагерь къ дѣйствительному отворенію кампаніи. Впрочемъ хотя нога моя еще и побаливаетъ, однакожъ я въ широкіе сапоги обувать и на ней ходить началъ.

16.

1770 году Іюня 10-го дня, изъ лагеря, перешедъ Бугъ у рѣки Кодимы.

Сіе къ вамъ, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, вслѣдствіе моей отправленной послѣдней реляціи изъ-подъ Екатерининскаго ретраншамента, сочиняю сегодня въ здѣшнемъ лагерѣ, а пойдетъ оно со всею ко двору депешею завтра, по дѣйствительномъ уже переходѣ рѣки Кодимы, на продолженіе марша со всеудобовозможною неостановкою, къ достиженію возложенной на меня экспедиціи, и какъ сія депеша была уже послѣдняя при отступленіи отъ собственныхъ границъ, то оная и подала мнѣ случай во всемъ пространствѣ вступить въ представленія о всѣхъ мною воображаемыхъ по оной основаніяхъ, сколько для того, что усердіе мое о истинной главѣ нашей всемилостивѣйшей Государыни и пользѣ отечества иногда можетъ либо чѣмъ изъ онаго въ томъ поспѣшествовать, столько жъ по послѣдней мѣрѣ

и для того, дабы ради будущихъ временъ въ государственной архивѣ оставалась память моихъ по отправленію въ здѣшнемъ краю нынѣшняго званія всѣхъ расположеній и разсужденій, въ достовѣрный знакъ тому, что я службу государю и отечеству производилъ безъ всякаго, по примѣру большой части мнѣ подобныхъ, сокрытія своихъ способностей, на проницаніе, хотя и съ общимъ вредомъ, своихъ недостатковъ; а во всѣхъ своихъ понятіяхъ обнажался до самой точности, предпочитая всегда пользу государя и отечества больше собственныхъ. Таковымъ же образомъ опасаюсь я только теперь, чтобъ пространство сей депеши не навело у васъ кому скуки и однимъ выслушаніемъ обремененія. Но, кажется, возможно и сіе простить тому, сидя въ горницѣ и на подушкахъ, кто оную сочинялъ въ степи, провождая въ суткахъ, такъ сказать, болѣе половины, сидя на лошади, нежели и на худомъ стулѣ. Вслѣдствіе чего я вамъ, любезнѣйшій другъ, во всемъ на оную сославшись, буду ожидать хотя вашего собственнаго на нее разсужденія. А какъ при томъ поднесъ я о всемъ мною производимомъ точныя увѣдомленія, въ какомъ состояніи что за границу свою перешло, изъ чего и къ вамъ здѣсь прилагаю одну только равную жъ короткую вѣдомость со мною теперь идущихъ всѣхъ сражающихся и въ работу употребляющихся чиновъ съ расчисленіемъ о пѣхотѣ, съ какою я со всею однакожъ радостію приступаю на формальную осаду города, имѣющаго, какъ сказываютъ, двѣсти пушекъ и окруженный весь форштатъ новымъ съ надлежащею городскою профилью валомъ и рвомъ, да нѣсколько экземпляровъ напечатаннаго и мною изданнаго войску противу нынѣшняго непріятеля наставленія и увѣдомленія, изъ коихъ первое не съ тѣмъ, чтобы остановлялся я и невозможнымъ почиталъ приступать на преодолѣніе сего города, но съ тѣмъ единственно, чтобъ для всякихъ будущихъ оборотовъ было свидѣтельство, съ какою точно силою я подъ сей городъ отправленъ былъ и на формальную осаду; а второе съ тѣмъ, чтобъ у васъ, любезнѣйшій другъ, могло остаться памятью моего объ отправленіи нынѣшняго званія попеченія и образу онаго понятія и обниманія на случайное иногда въ будущія времена сравненіе съ тѣми, коихъ настоящаго чина я имѣю честь уже въ другую войну теперь должность въ полѣ отправлять и кои моложе меня лѣтами и службою распоряжаютъ моимъ званіемъ. Затѣмъ же осталось мнѣ теперь, любезнѣйшій другъ, нѣсколько съ вами побесѣдовать по послѣдне мною полученному рескрипту.

Больше всего меня по содержанію сего рескрипта безпокоитъ, что соизволилось имъ о случайномъ мнѣ легкими войсками спомоществованіи графу Петру Александровичу, коихъ онъ ежевременно, съ самой еще винтеръ-квартиры, отъ меня, не внимая никакихъ обсто-

ятельствъ, и требуетъ. Когда ему обстоятельства не дозволятъ всею своею силою непріятелю поврежденія моей осады преградить, то бъ въ такомъ случаѣ хотя отдѣлилъ ко мнѣ собственно отъ себя какой либо корпусъ, не предписавъ оному ни мѣры, ни времени, ни предѣловъ. А какъ сей генералъ сколь великъ въ своемъ ремеслѣ, столь конечно еще больше въ готовости замѣнять собственно своему званію принадлежащее отдѣленіемъ деташаментовъ: то теперь съ трепетомъ и ожидаю я, что онъ составленный предъ Рябой Могилой нынѣ деташаментъ въ командѣ бѣднаго нашего Репнина изъ полковъ либо самихъ язвою заразившихся или изъ такихъ мѣстъ выступающихъ, при первоудобномъ случаѣ на замѣну собственнаго непріятелю всѣми силами предстоянія ко мнѣ отправитъ, который и безъ заразительнаго своего приключенія не можетъ мнѣ ни на что другое послужить, какъ при случаѣ пропущенія всѣхъ многочисленныхъ непріятельскихъ силъ могу я иногда быть или побитъ или надъ онымъ подастъ счастье нашей Самодержицы одержать побѣду, чтобъ оскорбить мою славу. По причинѣ же его заразы вредительнѣе онъ мнѣ еще будетъ и самого непріятеля. Для сего пожалуйте, любезнѣйшій другъ, обратите на сіе ваше лучшее вниманіе и, входя въ проницаніе истинной души сего великаго мужа, не подавайте ему случаевъ употреблять моихъ рукъ на заграбленіе собственно принадлежащаго ему жару: ибо, дорогой другъ, когда вы внятно всю службу мою просмотрите и на память себѣ возведете, то я и такъ до пятидесяти лѣтъ моего возраста (который на нынѣшней недѣлѣ уже миновалъ) всю оную по несчастію на таковомъ основаніи веду, что успѣхи къ славѣ другихъ, а чужіе недостатки къ моему обремененію относятся. Впрочемъ я столько здоровъ, что вчерась хотя піявицы ставилъ, но сегодня въ третьемъ часу за полночь на лошади въ такомъ климатѣ, что днемъ потѣемъ, а утро и ночь въ шубахъ и шапкахъ насилу согрѣваться можемъ; но сіе ничто еще по счастію духа моего не стѣсняетъ. Здѣсь же прилагаю я съ прошеніемъ для поднесенія его императорскому высочеству благодарительное отъ меня письмо за милостивѣйшее меня поздравленіе съ сыномъ и корнетомъ [16]), съ поднесеніемъ при ономъ отъ моего Гагарина переводу на Французскій языкъ съ экземпляромъ изданнаго отъ меня войску на нынѣшнюю войну наставленія.

17.

1770 года Іюня 16-го дня, изъ лагеря при опустошенной Польской деревнѣ Недѣлькѣ, отъ Бендеръ въ прямой линіи до ста верстъ лежащей.

По степи довольное число маршей по нынѣшнее мѣсто ни одного дерева, ниже и разоренной деревни не видавши, часовъ утреннихъ и

[16]) Графъ Никита Петровичъ Панинъ родился 17 Апрѣля 1770 года, въ Харьковѣ.

вечернихъ съ наимокрѣйшими росами и со удивительною во всѣ ночи стужею и дневнымъ жаромъ, съ моимъ разореннымъ здоровьемъ и съ различнымъ ежевременно чувствіемъ разно поражающихъ меня подагрическихъ болей, однакожъ съ такою твердостію духа, благодаря Бога, сношу, что оный нимало еще не упадаетъ, хотя по вамъ извѣстному въ доходахъ недостатку (по которому я вотъ уже и проминовавъ пятьдесятъ лѣтъ возраста не дозволялъ себѣ ни малѣйшихъ въ прихотяхъ наслажденій), получилъ извѣстіемъ наивеличайшій ударъ, что въ нашей Богоявленской лучшей слободѣ двѣсти дворовъ со всѣми тамошнихъ промышленныхъ крестьянъ лавками и товарами выгорѣли, отчего жена моя съ дѣтьми назначенныхъ со оной деревни полутора тысячъ рублевъ годоваго дохода лишилась. Мнѣ же, право, по необходимому здѣсь образу жизни, удѣлять нечего; ибо чрезъ минувшую зимнюю квартиру на счетъ получаемыхъ столовыхъ денегъ впередъ тысячъ пять-шесть къ оставленному при выѣздѣ изъ Петербурга моему долгу прибавилось.

Много меня къ сему еще смущаетъ теперь, что наши внучата Лобановъ и Куракинъ такъ поздно ко мнѣ были отправлены, что еще и до сихъ поръ сюда не прибыли между всегда почти разъѣзжающаго хищнаго непріятеля. Но сіи наши, мой другъ, внучата, не думаю, чтобы возмогли послѣдовать моему примѣру, когда я въ шестнадцать лѣтъ своего возраста почтою верхами ѣзжалъ. Въ разсужденіи чего хотя я и предварилъ, если они прежде 10-го числа сего мѣсяца (о чемъ сомнѣваюсь) не проминуютъ Кременчука, то бы ихъ уже съ моего слѣду оборотить на Лодыжинъ. Но безпокоюсь, какъ и оттуда до меня доѣдутъ и гдѣ подъ упряжки лошадей по раззореннымъ мѣстамъ достать имъ могутъ. По коему обстоятельству Нелединскому, который еще изъ Москвы не выѣхалъ, велѣлъ уже я тамъ остановиться на время моей лучшей съ непріятелемъ къ безопасному его проѣзду раздѣлки.

18.

1770 года Іюня 23-го дня, изъ лагеря между мѣстечка Балты и деревни Меретчи.

Дорогóй мой своякъ въ своемъ ко мнѣ письмѣ, при обнадеживаніи о спомоществованіи по моей просьбѣ подполковнику Тутолмину, не оставилъ отозваться своимъ сожалѣніемъ, что я со оною пошелъ не чрезъ Военную Коллегію, почему и не возмогъ онъ тотчасъ докладу своего объ ономъ сдѣлать, а осталось сіе отъ зависимости Совѣта. Но мнѣ тутъ видится, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ я мимо сей коллегіи по нынѣшнему отправленію моего званія съ представленіями съ своему Монарху прихожу, изволитъ онъ препятствіями своими вмѣшиваться; а какъ въ ономъ я отнюдь ничего собственнаго никогда

не помѣщаю, то тѣмъ наипаче никоимъ образомъ того носимаго на себѣ таперь званія (о коемъ въ нашемъ военномъ государственномъ актѣ предписано, что оно представляетъ важность достоинства самого Государя) не попущу къ тому униженію, чтобы искать протекціи въ коллегіи къ воздаянію справедливости за заслуги порученныхъ въ мое предводительство подчиненныхъ. И чтоже бы при веденіи войны самимъ Государемъ приходить къ кому-либо другому мимо его съ представленіями о чинахъ, изъявляющихъ въ войнѣ отличныя заслуги и достоинства, подающія способы на самое поощреніе настоящихъ дѣйствъ! Слѣдовательно, когда онъ въ ономъ можетъ предуспѣвать (а я конечно отъ преположеннаго себѣ сего правила ни для чего не отступлю), то симъ не мнѣ, но одной только службѣ вредъ, мнѣ же единое совершенное отвлеченіе отъ нея произойдетъ.

Касательно же до князя Щербатова, можетъ статься, что онъ случайнымъ отъ вина разгоряченіемъ своего нрава въ чемъ и погрѣшилъ; но какъ я его знаю еще отъ капитана своего полку и имѣлъ во все бывшее мирное время генераломъ въ своей дивизіи, то со всею справедливѣйшею точностію могу засвидѣтельствовать, что онъ отнюдь не пьяница, но ко отправленію своего нынѣшняго званія гораздо многихъ способнѣй и отлично радѣтельнѣй и никогда кромѣ своего настоящаго радѣнія о службѣ ничѣмъ другимъ не происходилъ. Насупротивъ же того, г-нъ Самаринъ, мнѣ почти столько жъ отъ самаго нижняго офицерства крайне знакомый, никакой способности, ни раченія къ службѣ не имѣющій, а все свое происхожденіе получилъ одними ухищренными въ знатныхъ людяхъ происками и клеветами собственно собою, а еще и больше чрезъ весьма искусную къ тому свою жену. Но какъ, любезнѣйшій другъ, хорошіе и дурные нравы приносятъ пользу и вредъ собственно только себѣ самимъ и нѣкоторымъ отъ нихъ зависящимъ, а къ службѣ государственной и государской паче всего полезны способности и радѣнія, вредны жъ нерадѣніе и неспособность: то, наипаче при настояніи самаго случая, требующаго наиважнѣйшаго въ ономъ различія, можетъ послужить къ великому сожалѣнію, если сей генералъ-маіоръ принужденъ будетъ какое-нибудь претерпѣніе понести отъ единаго отъ его нрава партикулярнаго происшествія, а думаю конечно клеветникомъ весьма увеличеннаго. Въ семъ, если вамъ помочь возможность допуститъ, сдѣлаете вы многое способствованіе настоящей службѣ, нынѣ весьма нужно требующейся. Я же съ сожалѣніемъ начинаю сомнѣваться, чтобы и кто-нибудь изъ моихъ представленныхъ генераловъ возмогъ желаемою мною милостію воспользоваться. Но кажется, что данно уже пора мнѣ къ тому попривыкнуть и перестать, по подражанію почти общихъ правилъ, без-

корыстно заботиться не о собственно своемъ. Однакожъ оное не прежде изъ меня можетъ быть вынужено, какъ самая собственная служба, при которой я теперь только однимъ волосомъ уже и держусь.

Одинъ изъ моихъ возвратившихся отъ васъ курьеровъ мнѣ сказывалъ, что его сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ отзывался къ нему намѣреніемъ пріѣхать къ обѣимъ воюющимъ арміямъ. Каковому гостю и очевидному свидѣтелю моихъ дѣлъ я, будучи весьма радъ, къ вашему, любезный мой другъ, вниманію ссылаюсь только на сегодняшнее въ реляціи моей представленіе, на особливыя распоряженія проѣзжающихъ чрезъ дальнюю степь въ слѣдъ моей арміи персонъ, инако нежели верхомъ на казачьихъ лошадяхъ. По основанію сего я очень обрадовался, когда порутчикъ Каморъ, наѣхавъ съ Нелединскимъ въ тѣхъ затрудненіяхъ при Бугѣ Лобанова и Куракина не въ дальнемъ еще моемъ съ арміею отъ сей рѣки отстояніи, пріѣхалъ со всѣми ими самъ-четвертъ на одной маленькой покоевой коляскѣ; ихъ же настоящія коляски и отправленныя на нихъ деньги съ людьми, гдѣ теперь съ порутчикомъ Писаревымъ пребываютъ, и по сѣхъ поръ я еще не знаю.

Несказанно вы, любезнѣйшій другъ, думаю нечаяннымъ образомъ, востревожили и опечалили нѣжность души Марьи Родіоновны моей тѣмъ, что объявили ваши желанія Катинькѣ остаться не въ ея, но въ рукахъ сестрицыныхъ, изъ чего она выводитъ весьма оскорбительныя и противныя настоящему души ея противу Катиньки расположенію ваши о ней заключенія; почему, а особливо, что Катинька, уже еще до того вашего письма, по ея къ ней незабвенной привязанности, сама съ радостію въ ея руки возвратилась, не прогнѣвайтесь, что я не могу согласиться, чтобы Катинька въ иное время къ сестрицѣ отдана быть могла, какъ тогда развѣ только, когда Марья Родіоновна вдаль отъ Москвы поѣдетъ.

Пожалуйте, любезнѣйшій другъ, возблагодарите отъ меня за объявленіе чрезъ васъ мнѣ поклоновъ Григорью Николаевичу; а господину и любезному моему другу Салдерну и за первую пересылку Зельцерскихъ водъ, извинивъ сему послѣднему, что теперешнія мои заботы и упражненія не допускаютъ къ нему особо писать, отъ которыхъ я уже нѣсколько недѣль не разуваючись, да и только часа по четыре въ сутки, сплю; и третьяго дни такъ было мои припадки въ голову зашли, что думалъ тотчасъ ударъ получить, и хотя на ночь принялъ слабительное, но поутру, сѣвъ на лошадь, съ арміею маршировалъ. Изъ чего, любезнѣйшій другъ, можете съ достовѣрностію заключить, что нынѣшнихъ моихъ обремененій и тѣлесныхъ изнуреній развѣ только работавшіе на каторгѣ превосходить могутъ. Но дай только Боже, чтобъ силы продлиться могли!

19.

1770 году Іюня 29-го дня, изъ лагеря съ праваго берега Днѣстра, противъ бывшаго мѣстечка Ягорлыка.

Сегодня отправленная отъ меня реляція довольно вамъ, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, покажетъ какъ то, что я получилъ счастіе первый еще изъ Россійскихъ генераловъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ не только съ раззоренною, но сколь съ малою, столь наилучшею, ничѣмъ не ослабѣвшею арміею перейтить рѣку Днѣстръ въ пятидесяти верстахъ отъ непріятельской крѣпости, изъ зимней позиціи лѣвымъ своимъ флангомъ отъ Бахмута, до котораго тѣ войски въ прежнюю войну, коимъ къ Днѣстру дѣйствовать было надлежало, никогда не достигали; какъ и то, въ какихъ я теперь въ наивеличайшихъ трудахъ, распоряженіяхъ и заботахъ упражняюсь, кои всеконечно и не оставляютъ мнѣ больше времени, какъ васъ, мой любезнѣйшій другъ, всею душею обнявъ, сказать еще то, что я при всемъ ономъ довольно здоровъ и ѣзжу часовъ по двѣнадцати, не сходя съ лошади. А прямо счастливымъ себя тогда только поставить могу, когда возложенную на меня экспедицію съ такимъ успѣхомъ исполню, съ какимъ превозмогъ прежде непреоборяемыя трудности достигнуть не только не съ разоренною, но ниже нимало не ослабѣвшею арміею изъ дальнѣйшаго передъ всѣми прежними краю до здѣшнихъ предѣловъ. И чтобъ хотя кто нибудь поставилъ за достойное сдѣлать на сіе настоящее воззрѣніе и примѣчаніе съ тѣмъ присовокупленіемъ, что оное производится человѣкомъ не имѣющимъ ни на одно мгновеніе ока во всякіе сутки спокойствія отъ страдальческихъ во всѣхъ членахъ болей и что ни отъ кого другаго онъ своему ремеслу и другимъ познаніямъ не учился, какъ за отцовскіе въ годъ сто рублевъ отъ Герварта!

Пожалуй, дорогой другъ, у сегоднишняго драгоцѣннаго нашего имянинника [17]) цѣлуй за меня милостивую руку и поздравь и отъ меня съ его Ангеломъ. Затѣмъ же пребывай съ Богомъ; а я сегодня, вставъ въ 3 часа за полночь, таперь вышелъ изъ церкви и иду къ столу.

20.

1770-го году Іюля 3-го дня, лагерь при деревнѣ Марковицѣ, между рѣкъ Днѣстра и Реута.

Къ свѣдѣнію вашему нынѣшнихъ моихъ обстоятельствъ прилагаю къ вамъ у сего, дорогой другъ и любезнѣйшій братецъ, копію какъ съ отправленной отъ меня съ нынѣшнимъ курьеромъ къ Ея Величе-

---

[17]) Т. е. великаго князя Павла Петровича.

ству реляціи, такъ и тѣхъ показаній, кои чрезъ посланныхъ отъ меня въ Бендеры и оттуда возвратившихся Волоховъ я получилъ для поднесенія вами послѣдняго въ руки Ея Величества съ употребленіемъ всякой предосторожности. Я же впрочемъ сношу всѣ сіи обстоятельства съ довольнымъ терпѣніемъ; но только не знаю, не постоянная ли здѣшняя иногда въ великой зной, а иногда въ великую съ дождями и градомъ стужу перемѣняющаяся погода возобновляетъ во мнѣ обыкновенные мои хирагрическіе припадки, отъ коихъ и теперь чувствую такую въ головѣ и въ шеѣ боль, что кромѣ сего не могу ни въ чемъ болѣе къ вамъ теперь распространяться. Затѣмъ же прошу васъ принести отъ меня его императорскому высочеству подданнѣйшую благодарность, поцѣловавъ его руку за милостивѣйше пожалованные тремъ команды моей генераламъ ордена своего ленты.

21.

1770-го году Іюля 12-го дня, изъ лагеря предъ рѣкою Тагатинъ, въ 16-ти верстахъ отъ Бендеръ.

Сегодня отправленная моя реляція вамъ, любезнѣйшій другъ, скажетъ всѣ мои теперешнія обстоятельства и что я уже въ 16-ти верстахъ отъ Бендеръ въ такихъ заботахъ, которыя не оставляютъ мнѣ больше времени, какъ, сославшись на оную и васъ, любезнѣйшій другъ, всею душею обнявъ, возблагодарить за полученное ваше послѣднее отправленное изъ Петербурга прошедшаго мѣсяца 25-го числа письмо, заключивъ тѣмъ, что я довольно здоровъ, и что сколь присланный отъ васъ уксусъ ни полезенъ, но меня отъ трехъ приготовляемыхъ приключеній, яко отъ ядеръ съ пулями, отъ подагрическихъ на открытомъ воздухѣ ежевременныхъ припадковъ и отъ ближнихъ случаевъ съ моровою язвою довольно охранить кромѣ особливой Десницы Вышней конечно не можетъ, на кою единую полагаясь, предаюсь своему жребію. Желая только хотя единымъ признаніемъ себѣ воздаянія, вамъ до послѣдняго издыханія всегда во всемъ пребуду сердцемъ и душею непоколебимо вѣрный братъ, другъ и слуга.

22.

Изъ лагеря предъ стѣнами Бендеръ, 1770-го года Іюля 17-го дня.

Непріятель, какъ мнѣ отъ выходцовъ извѣстно, уже знаетъ о разбитіи своихъ войскъ первою арміею [18]), а не оставляетъ однакожъ еще безъ употребленія здѣсь всей возможности на свою оборону.

Я по благости Господней хотя вчерашній день и весь дождемъ промокъ, а и въ полночь подъ онымъ же принужденъ былъ на лошади

[18]) Знаменитыя побѣды Румянцова при Ларгѣ и Кагулѣ.

предъ арміею выѣзжать, сношу все сіе безъ поврежденія возложенныхъ на меня званій въ сносномъ здоровьѣ.

Всѣ мои возможныя силы употребляю, чтобы какъ можно скорѣе зачать по городу бомбардированіе и канонаду; но малое число пѣхоты, требующей по мѣрѣ ея ужасно великихъ работъ, къ большому моему сожалѣнію, не можетъ соотвѣтствовать моимъ желаніямъ и радѣнію.

Здѣсь прилагаю къ просмотрѣнію и удобному по вашему званію употребленію полученное мною письмо отъ нашего князя Репнина вамъ довольно извѣстнаго, столь много и безпредѣльно радѣтельнаго и усерднаго человѣка къ славѣ нашей всемилостивѣйшей Государыни и прямой пользѣ отечества съ проницательною его во всѣхъ дѣлахъ прозорливостію.

Мои возвратившіеся отъ первой арміи наинадежнѣйшіе довѣренные утверждаютъ заподлинно, что ея уже кавалерія совсѣмъ не въ состояніи и не смѣетъ такъ непріятельской казаться, что нѣсколько токмо человѣкъ опровергаютъ цѣлые эскадроны, и что отъ меня прибывшей пикинерный полкъ состояніемъ своихъ лошадей и силою непріятельскаго пораженія поставилъ всю сію армію и чужестранныхъ въ удивленіе, что̀ и прибывшій ко мнѣ, знаемый вами волонтиръ, безпристрастный баронъ Штейнъ подтвердилъ. Сія армія гораздо претерпѣваетъ въ недостаткѣ пропитанія, котораго больше и не ожидаетъ къ себѣ съ прямою надеждою, какъ подвозимаго къ ней на одинъ только мѣсяцъ.

Графъ Петръ Александровичъ изволилъ мнѣ въ совѣтъ предложить, чтобы мнѣ по покореніи Бендеръ съ арміею по краю Чернаго моря достигать до Дуная собственнымъ себя пропитаніемъ до будущаго Марта мѣсяца. Сего мнѣ, какъ вы сами, мой другъ, надѣюсь, согласитесь, сдѣлать еще меньше, нежели его сіятельству, возможно; потому что я пропитаніе своей арміи на нынѣшнюю кампанію заготовлять и подвозить былъ принужденъ не отъ Днѣстра, какъ его сіятельство, но отъ Днѣпра, что̀ и не доставило мнѣ больше возможности, какъ заготовиться на произведеніе своихъ за Днѣстромъ операцій только Сентября по 1-е число, а не далѣе. Да и на Бугѣ, по извѣстнымъ вамъ моимъ стараніямъ, его жъ сіятельство своими о Польшѣ отказами столько воспрепятствовалъ, что отъ онаго много во времени и надеждѣ упущено, дабы возможно было и тамъ такъ скоро и толикимъ количествомъ исправляться, чтобъ поспѣвать имъ на подвозъ и къ Днѣстру, не только за Днѣстръ, особливо жъ въ мѣсяцахъ самой распутицы и худаго въ полѣ скоту пропитанія. Почему, любезнѣйшій другъ, совсѣмъ не извольте заключать того, чтобъ мнѣ

своею арміею и пропитаніемъ возможно было недостатки первой арміи поспѣть замѣнить и чтобъ армія моя возмогла здѣсь за Днѣстромъ и послѣ Сентября мѣсяца оставаться безъ того какъ развѣ получитъ она въ Бендерахъ великіе провіантскіе и фуражные магазейны, да и безъ опасности заразиться моровою язвою, чѣмъ однакожъ я нимало васъ обнадеживать не могу.

По тѣмъ же обстоятельствамъ, какія мнѣ о первой арміи привезли съ присовокупленіемъ еще и того, что будто и визирь съ своею арміею обратился въ Морею и что въ тѣхъ мѣстахъ Польши, гдѣ первая армія свое зимнее положеніе имѣла, конечно будто моровая язва перенеслась и большое пораженіе дѣлаетъ, смущаюсь я многими себѣ худыми такими воображеніями, которыхъ да сохрани насъ Боже! Особливо при случаѣ, когда первая армія отъ недостатка провіанта чрезъ мѣсяцъ уже принуждена будетъ, въ Польшу возвращаясь, съ сею пагубною болѣзнію по тѣмъ мѣстамъ встрѣчаться, откуда лучшимъ себѣ пропитаніемъ была обнадежена. Да и здѣсь подтверждается, что сколько въ Бендерахъ будто язва сокращается, или уже и совсѣмъ прекратилась, столько жъ оная объявляется по деревнямъ внизъ Днѣстра.

23.

1770-го году Іюля 21-го дня, изъ лагеря предъ стѣнами Бендеръ.

Безъ ошибки узнали вы, мой любезный другъ и дорогой братецъ, что ваше отправленное письмо 9-го числа нынѣшняго мѣсяца, найдетъ меня уже въ самомъ огнѣ подъ Бендерами. Причемъ, сославшись на сегодня поднесенную мою реляцію и обстоятельной при томъ журналъ, имѣя предъ глазами пламя пылающихъ непріятельскихъ форштатовъ и звукъ изъ его орудій по моимъ траншеямъ, спѣшу теперь сѣсть на лошадь и ѣхать отворить весь пріуготовленный отъ меня на его крѣпость огонь. Затѣмъ мнѣ и недостаетъ времени больше, какъ, всею душею васъ обнявъ, поблагодарить какъ за то ваше письмо, такъ и за присланный при немъ камзолъ и сказать при томъ: пребывайте съ Богомъ, а я на таперешнее время не вашъ, но Его.

24.

Изъ прежняго лагеря предъ стѣнами Бендеръ, 1770 году Іюля 27-го дня.

Препровождаемая симъ моя ко двору депеша (съ тѣмъ присовокупленіемъ, что я какъ оную такъ и къ Татарамъ, а сверхъ того еще отправленную къ графу Румянцову, самъ сегодня сочинялъ, а между тѣмъ и, нѣсколько разъ садясь на лошадь, выѣзжалъ къ бомбардированію города) довольно извинитъ меня въ томъ, что не осталось, право, больше силъ, какъ васъ, любезнѣйшій другъ, мысленно обнявъ, сдѣ-

лать симъ съ вами очень сокращенную бесѣду, кая въ томъ только и состоитъ:

1-е. Я, слава Богу, довольно здоровъ, и сколь непріятель въ городѣ ни упрямъ, а состояніе въ немъ заразительной болѣзни ни критическо, но я конечно всѣ силы свои употреблю его преодолѣть. Между тѣмъ же ввѣренное мнѣ, а совсѣмъ новое къ осадѣ войско, сколь полезной способъ, столь и хорошій успѣхъ имѣетъ таперь себя и къ сей части нашего ремесла практикою испытать и просвѣтить.

2-е. Изъ приложеній къ негоціаціи съ Татарами прошу, любезнѣйшій другъ, съ первымъ курьеромъ дать мнѣ узнать, благоугодно ли Ея Величество соизволитъ принять мой сдѣланной на Татарскій отзывъ отвѣтъ и высочайшую волю о дальнѣйшемъ моемъ по оному продолженіи. При томъ же долженъ признаться, что, за неполученіемъ ничего изъ испрашиваемой мною на подарки симъ людямъ рухляди, ничѣмъ не нашелъ я здѣсь въ арміи другимъ сихъ присланныхъ ко мнѣ подарить, какъ мундирнымъ тонкимъ сукномъ.

3-е. Прости, пожалуй, что прискорбіе мое видѣть во всѣхъ военныхъ трудахъ и опасностяхъ своихъ и благотворителя нашего князя Александра Борисовича внучатъ родныхъ ундеръ-офицерами (когда нѣтъ же у одного здѣшняго генерала гораздо съ худшимъ воспитаніемъ, нежели они, и въ равныхъ съ ними лѣтахъ, никакой родни меньше поручика) вывело меня изъ того отеческаго намъ завѣщанія, чтобы у государей ничего для себя и для ближнихъ своихъ не выпрашивать, но все выслуживать и что я взялъ смѣлость въ нынѣ отправленной съ Нелединскимъ [12]) реляціи всеподданнѣйше испрашивать къ нимъ высочайшаго милосердія, соотвѣтствующаго какъ монаршей къ намъ съ вами милости, такъ нашимъ Имперіи заслугамъ и ихъ усердію къ службѣ. Причемъ признаюсь, что въ моемъ огорченномъ о ихъ тапершнемъ положеніи состояніи большебъ всего меня утѣшило, еслибъ они всемилостивѣйше пожалованы быть могли чинами офицеровъ гвардіи съ пребываніемъ при дѣйствующихъ въ нынѣшнюю войну арміяхъ волонтирами; я же ласкаю себя надеждою получить въ нихъ Ея Величества войску достойныхъ со временемъ офицеровъ.

4-е. Письмо отъ Татаръ, мною полученное, въ переводѣ ли недостаточнаго моего переводчика, или и въ настоящемъ его глупомъ слогѣ, столько неразумительно, что больше уже изъ словъ посланца можно стало вразумиться, что желаніе ихъ въ томъ состоитъ, дабы дать имъ позволеніе и доставить безопасность перейти на часть Очаковской степи, принадлежащей скипетру нашей всемилостивѣйшей Государыни,

---

[12]) Юрьемъ Александровичемъ, извѣстнымъ впослѣдствіи поэтомъ.

на что, когда они мнѣ подадутъ требованныя письмомъ моимъ удостовѣренія, я и полагаю дать имъ свободной переходъ съ тѣмъ намѣреніемъ, что надѣюся такой отъ сихъ поступокъ подасть наиближайшее руководство и всѣмъ прочимъ скорѣе отторгнуться отъ Турецкаго подданства и обратиться подъ защищеніе нашей всемилостивѣйшей Государыни. Но ежелибъ и того паче чаянія отъ другихъ не воспослѣдовало, то при томъ случаѣ могутъ сіи перешедшіе остаться подданными Ея Императорскаго Величества съ полученіемъ пустыхъ степей къ ихъ обитанію, которымъ они въ теперешней войнѣ особливо поспособствуютъ наиудобнѣйшимъ закрытіемъ отъ настоящихъ Крымцовъ нашего Украинскаго краю.

25.

Изъ прежняго лагеря, 1770-го году Іюля 31-го дня.

Хотя я несказанно какъ теперь стражду моими подагрическими по всему корпусу болями (да инако и быть нельзя, ибо рѣдкую здѣшнюю холодную съ большими росами и туманами ночь, чтобы по нѣскольку разъ садясь на лошадь не принужденъ былъ выѣзжать ко учрежденіямъ противу вылазокъ), однакожъ, Богу благодареніе, сношу сіе еще безъ того, чтобы совсѣмъ лечь въ постелю и ни о чемъ, право, столько Бога не прашивалъ, какъ только чтобъ Онъ допустилъ меня окончить сію трудную экспедицію, не ввергнувъ въ постелю. Впрочемъ же и то смущеніе, кое сверхъ того происходитъ отъ приключеній въ здѣшнемъ мѣстѣ моровой язвы, не можетъ, какъ вы сами, мой другъ, разсудите, оставлять меня въ покоѣ; я же невѣдомо сколько времени отъ двора ничего, а и отъ васъ послѣ 8-го числа нынѣшняго мѣсяца, въ полученіи не имѣю. Но право, дорогой другъ, не совсѣмъ бездѣлица и безъ того службу свою проводить на ножевомъ востріи отъ моровой язвы, отъ ядеръ и пуль, кои ежеминутно либо мимо ушей летаютъ, либо отъ коихъ мертвыми и увѣчными передъ глазами людей носятъ и возятъ, имѣя притомъ всю свою честь и репутацію ко оному волосомъ привязанными. Затѣмъ же пребывай съ Богомъ! Но если кто у васъ сыщется говорить, для чего я крѣпости не штурмую, то на то надобно себѣ представить, что когда изъ девяти тысячъ пѣхоты что - нибудь знатнаго потеряется, то уже не останется съ чѣмъ послѣ удержаться передъ стѣнами и что крѣпость имѣетъ конечно свои мины и что штурмомъ въ нее вбѣжавъ неминуемо забѣжишь и въ моровую язву. Однакоже если непріятель и при изгнаніи его изъ покрытаго пути останется въ томъ же упорствѣ, то тогда уже не останется мнѣ больше какъ отважиться и на штурмъ.

26.

Изъ прежняго лагеря, Августа 4-го дня 1770-го году.

Комнатныя заключенія о нашихъ противу непріятеля обращеніяхъ совсѣмъ, любезнѣйшій другъ, неправедныя и фальшивыя: потому что можетъ ли уже быть тутъ какое сбереженіе по болѣзненнымъ припадкамъ отъ воздуха, гдѣ непріятель, въ крѣпости будучи почти ровенъ своею пѣхотою осаждающему силою, вотъ уже дней съ шесть сряду какъ по нѣскольку разъ, въ различные часы, въ каждые сутки, при ночной темнотѣ и при избираніи въ который часъ удачнѣе изыскать незапностію удобный способъ разогнать все мое войско, дѣлаетъ самыя отчаянныя вылазки и заставляетъ меня къ предохраненію отъ такого пагубнаго приключенія садиться на лошадь по нѣскольку разъ во всякую ночь и метаться по всей своей необходимо весьма пространно держанной, но только десятью пѣхотными полками позиціи, изъ которыхъ на содержаніе и работу въ траншеи входятъ не меньше дву тысячъ пяти сотъ человѣкъ, да по толикому же числу при наступленіи ночи на смѣну онымъ, кои обыкновенно производимыми вылазками задерживаются отъ возвращенія въ лагерь? Слѣдовательно твой братецъ, будучи главнымъ командиромъ, почти всякую ночь и изъ генеральной своей квартиры рѣдко больше къ сраженію противу непріятеля самъ собою выводитъ какъ до тысячи человѣкъ пѣхоты; почему перестань, мой другъ, пенять ему за нерадѣніе о здоровьи своемъ. Право, ему не до того и нѣтъ никакихъ способовъ не только здоровье, ниже и жизнь сберегать; а счастливъ будетъ, когда соблюдетъ свою прежде купленную весьма дорого честь и репютацію и сжели доставитъ безвредный примѣръ впередъ расположенія на непріятеля размѣрять не заключеніями о слабости своего непріятеля, но установленными въ военномъ ремеслѣ правилами и науками съ тѣми примѣрами, что часто случается и при заключеніяхъ о слабостяхъ непріятельскихъ встрѣчаться съ неожидаемымъ отъ него сопротивленіемъ и отчаяніемъ, въ коемъ казусѣ я теперь и нахожусь и изъ коего надобно, чтобы Десница Вышняя меня съ честію вывела, а конечно не искусство нашихъ совсѣмъ не практикованныхъ инженеровъ, кои ничего новаго зачать не умѣютъ безъ того, чтобъ себя въ старомъ и кровію купленномъ напередъ совсѣмъ не ослабить. Впрочемъ же долженъ предъ тобою признаться, что я и здоровьемъ своимъ таперь такъ стражду, какъ, кажется, никогда не страдалъ; но Богу споспѣшествующу ввѣреннымъ мнѣ дѣламъ по счастію не въ наружныхъ частяхъ моихъ нужныхъ ко употребленію членовъ (отчего и не

всегда въ постели), но во внутренности и періодически изъ одного мѣста въ другое. При чемъ то еще новаго, что иногда приключаемая нылость во всѣхъ костяхъ ввергаетъ меня въ такую слабость, что люди снимаютъ съ лошади и на нѣкоторое время кладутъ въ постелю. Когда же та минуется, то жестокія боли вступятъ по разнымъ частямъ въ тѣло и, тѣсня оными становыя жилы, стѣсняютъ и голову. А непріятель не даетъ времени не только пробыть цѣлые сутки хотя въ палаткѣ, ниже и отважиться принять слабительное, почему все мое теперь состояніе единственно зависитъ отъ руки Господней, объ обстоятельствахъ котораго ссылаюсь на сегодняшнюю реляцію и журналъ, поручая содержаніе оной въ ваше, любезнѣйшій другъ, предстательство и объясненіе.

Вотъ, дорогой другъ, въ подтвержденіе вышеписаннаго, то еще прибавить нахожу, что когда сія депеша пріуготовилась къ вечорошнему отъѣзду, то ко мнѣ пришли сказать сперва, что непріятель въ правомъ флангѣ своего покрытаго пути во множествѣ собирается и съ новымъ копьями и косами оружіемъ; а въ началѣ 9-го часа уже я и услышалъ отъ онаго при нападеніи на мою траншею величайшій крикъ жестокой изъ крѣпости и никогда столь неслыханной мушкетной изъ покрытаго пути сильной и безперерывной огонь, который болѣе часа продолжаясь хотя нашими и опроверженъ былъ, но онъ потомъ въ полночь, а послѣ того еще въ три часа за полночь равныя же нападенія на опроверженіе моихъ траншейныхъ работъ дѣлалъ, отъ которыхъ хотя подобно всѣмъ прежнимъ нашими людьми отогнанъ былъ, но однакожъ, дорогой другъ, поставилъ меня не въ состояніе ни сію депешу прежде теперешняго утра выпроводить, ни уберегать такъ своего здоровья, какъ вы желаете, ниже поспѣшить во взятьѣ такъ обороняемаго города столь скоро и столь легко какъ пріуготовленіе ко оному располагаемо было, и какъ графъ Румянцовъ изъ своихъ двухъ побѣдъ оному быть заключаетъ, въ чемъ можетъ достовѣрное свидѣтельство подать приложенная здѣсь равно какъ и къ моей реляціи вѣдомость о происшедшемъ уже въ моей арміи до вчерашняго еще дни уронѣ, который по препорціи ея противу первой арміи онаго имѣетъ уже буде не больше, то конечно не меньше, и особливо въ томъ разсужденіи, что та хотя важными генеральными баталіями, но дважды только непріятеля разбивъ, онаго уже больше передъ собою не имѣетъ; а я, разбивая его всякую ночь, нахожу еще всегда передъ собою крѣпость, а за валами оной остатки его, которыхъ и не нахожусь въ состояніи ни совсѣмъ истребить, ни разогнать безъ раззоренія валовъ, потому что онъ ко убѣганію своему за оные имѣетъ только отъ меня разстоянія въ свой покрытый путь съ небольшимъ

сорокъ саженъ. На штурмъ же отваживаться не могу, отъ котораго конечно еще больше въ пѣхотѣ произойдетъ урону, нежели было въ вылазкѣ противу покойнаго Лебеля; когда же второе онаго быть случится, то не останется съ чѣмъ уже и продолжать осаду.

27.

1770 года Августа 9-го дня, изъ прежняго лагеря.

Важность сегодня отправленной отъ меня всеподданѣйшей депеши, сочиненной въ тѣхъ обстоятельствахъ, что городъ обороняется до отчаянности, что оный атакуется осмью тысячами пѣхоты, что извѣстія дошли, яко ханъ Крымской въ заду такого расположенія въ шестидесяти только верстахъ набралъ изъ разсыпныхъ Турковъ до двадцати тысячъ и, со всѣми своими ордами совокупляясь, намѣревается впасть въ мой задъ, а при томъ что и мои обыкновенныя повсемѣстно въ корпусѣ подагрическія боли мучатъ меня несказанно, извинятъ меня передъ вами, любезнѣйшій другъ, что я не могу особенно къ вамъ по внесенной во оной Татарской экспедиціи ничѣмъ другимъ распространиться, какъ, сославшись на оную, только просить отъ васъ какъ можно съ первымъ курьеромъ точнѣйшаго увѣдомленія, не ввели-ль меня сіи обстоятельства въ какое-либо упущеніе, однакожъ со всѣмъ тѣмъ могу ли я себя хотя малою въ томъ услугою обласкать, что и симъ первоначальнымъ производствомъ конечно уже много пріобрѣли безпечности на будущую зиму, какъ во удержаніи новыхъ завоеваній, такъ и въ сохраненіи собственныхъ границъ. А и къ предположенному на будущія времена о Татарахъ намѣренію, кажется, дорога уже проложилась довольно изрядная. Счастливъ же я буду, когда сей успѣхъ хотя нѣсколько тому усердію и заботамъ моимъ соотвѣтствовать можетъ, какія по оному я употреблялъ: ибо въ самое то время, когда ханъ, по разбитіи визиря, побывавъ у него въ Исакчѣ, возвращаясь къ собирающимся отъ проигранныхъ баталій Турецкимъ войскамъ въ Измаилѣ и въ Киліи, подтверждалъ тамъ удерживаться со обнадеживаніемъ присоединиться къ нимъ со всѣми своими силами; но прежде возвращенія его къ своимъ ордамъ подоспѣли мои нарочно присланные съ новыми письмами плѣнные, по которымъ орды успѣли уже и сдѣлать между собою присягу о отступленіи отъ Порты, а въ присоединеніе подъ протекцію моей всемилостивѣйшей Государыни. Посему, вмѣсто чтобы слѣдовать за своимъ ханомъ, всѣ они пошли къ Днѣстру, а ко мнѣ стали отправлять депютацію, съ которою что я основалъ, вы, любезнѣйшій другъ, все съ точностію усмотрите изъ отправленной отъ меня съ симъ вручителемъ моимъ адъютантомъ княземъ

Гагаринымъ депеши. Такъ же изъ оной и изъ приложеннаго журнала увидите и продолженіе моей городу атаки, которая потолику въ разсужденіи самой упорной непріятельской обороны впередъ подвигается, поколику нашей силы и возможности только достаетъ, кою однакожъ не ослабѣвая надѣюся счастіемъ Ея Императорскаго Величества привести къ желаемому концу. Но жалѣю только о томъ, что вижу пропадаетъ время поспѣвать нынѣшнею еще кампаніею не только къ Очакову, но и къ устью Днѣстра; ибо по здѣшнимъ степямъ не предвижу себѣ ближе винтеръ-квартиръ какъ на Бугѣ, до котораго и отсель уже маршировать требуется времени не меньше трехъ недѣль.

Несказанно какъ, любезнѣйшій другъ, по извѣстному вамъ въ Азіатическихъ народахъ корыстолюбію, затрудняло меня то, что не могъ получить по представленію моему никакихъ вещей на подарки прибываемымъ ко мнѣ посланцамъ, что̀ и принужденъ былъ замѣнять червонными и почти всѣ изъ арміи выкупить неволею золотые часы, коимъ сіи дураки несказанно какъ лакомы и коихъ я раздарилъ уже одиннадцать; но какъ надѣюсь, что и впередъ многіе еще ко мнѣ отъ сего народа присылаемы будутъ, а на первое приласканіе ихъ безъ подарковъ, кажется, обойтиться нельзя, то не дурно бы было, еслибы что-нибудь отъ васъ подоспѣть на то могло.

28.

1770-го года Августа 22-го дня, изъ прежняго лагеря.

Препровождаемыя симъ отъ меня всеподданнѣйшая къ Ея Императорскому Величеству реляція и всѣ въ копіяхъ при ней приложенія по моихъ съ Татарами распоряженіямъ и обращеніямъ васъ, любезнѣйшій другъ, о всемъ по касательному для отправленія здѣсь моей службы и по сей негоціаціи съ подробностью увѣдомятъ и въ познаніе приведутъ. Не остается мнѣ больше теперь какъ, обнявъ васъ всею душею, отнести все ваше вниманіе и проницательное мнѣ вспоможеніе ко оному и сколько еще не совсѣмъ вступившихъ, столько уже и дѣйствительно видъ вступленія оказавшихъ въ нашу протекцію Татаръ неразумныхъ желаніе (а коварныхъ происки были и теперь настоятъ), чтобъ я ихъ тотчасъ перепустилъ чрезъ Днѣпръ въ ближайшее соединеніе со всѣмъ Крымомъ. Но и то не неправда, что я всѣми силами и удобною возможностью предостерегаюсь до онаго ихъ допустить. Необходимое желаніе мое въ томъ уже предуспѣло, что препровожденныя всѣ Татарскія силы съ ихъ ханомъ и болѣе нежели съ 20000 разбитыхъ Турокъ его сіятельствомъ новымъ господиномъ генералъ-фельдмаршаломъ безъ всякаго котоированія чѣмъ либо отъ

своей арміи изъ заду моей самой миніатурной арміи (завязанной осадою и обложеніемъ на пространствѣ болѣе 10-ти верстъ) извлечены въ междуусобный разрывъ, и по окруженіи тѣхъ моихъ войскъ заведены, которыя къ окончанію моей осады сколько потребны быть ни могутъ, столь больше еще способствуютъ на загражденіе отъ сихъ еще колеблющихся народовъ нашихъ собственныхъ границъ. Тѣмъ же не только я собственно остался безъ всякаго помѣшательства отъ сей саранчи (коя бъ и не дала продолжать по всей моей возможности свою осаду), но кажется уже не безнадежный предположенъ путь если еще не совсѣмъ нынѣ привести весь сей народъ и сію державу въ желаніе и намѣреніе нашей всемилостивѣйшей Государыни, то по послѣдней мѣрѣ чрезъ нѣкоторое время впередъ. На зимнее же наше съ ними расположеніе не безъ основанія уже можно намъ принять за выигранную весьма знатную надъ непріятелемъ баталію, если только другая, превосходная въ своемъ видѣ, между симъ не подоспѣетъ.

Не знаю, любезнѣйшій другъ, не сдѣлалъ ли я обыкновеннымъ военнымъ людямъ въ справедливыхъ дѣлахъ откровеніемъ излишняго, что какъ хану и сераскиръ-султану, такъ и всѣмъ адресующимся изъ ихъ ордъ ко мнѣ персонамъ и народамъ точно въ отвѣтахъ своихъ сказалъ, что Россія и я самъ только тѣмъ изъ нынѣ подданныхъ и зависимыхъ Турецкаго скипетра людямъ и народамъ могутъ быть друзьями и обѣщать протекцію нашей всемилостивѣйшей Государыни, кои торжественно и со обязаніемъ по закону своему клятвою отторгнутся отъ подданства и всякой зависимости скипетра Турецкаго, съ присланіемъ тотчасъ ко мнѣ въ залогъ тому вѣрности отъ себя аманатовъ; а на тѣхъ, кто еще подъ онымъ пребываетъ, не имѣю и не буду ничего другаго обращать, какъ оружія на покореніе ихъ въ плѣнъ и рабство Всероссійской Императрицѣ, что́ кажется мнѣ внятнѣе и лучшимъ образомъ всѣхъ ихъ въ теперешнемъ расположеніи совсѣмъ разрѣшитъ вступать съ нами хотя и въ союзъ дружбы, но чтобъ при томъ и сохраниться съ Портою, особливо ханъ и его братъ, кои, какъ видно по всему ихъ обыкновенно-крестьянскому воспитанію, ничего въ свѣтѣ лучшаго быть не поставляютъ, какъ своихъ земелекъ и деревнишекъ, съ скареднымъ съ тѣхъ доходомъ. Но совсѣмъ тѣмъ, другъ мой сердечный, долженъ признаться, что тапѣрь почти несносное лежитъ на моихъ раменахъ бремя, лаская и обращаясь, да еще и въ лагерѣ, яко въ самомъ ближнемъ сообществѣ и почти съ безпрерывнымъ звукомъ либо артилеріи либо ружья и со усмотрѣніемъ таскаемыхъ либо битыхъ либо раненыхъ людей, съ самыми гнуснѣйшими по образу невѣжества и всего вообще обращенія варварскими крестьянами. Почему и прости, любезнѣйшій другъ, если усмотришь по сей

моей экспедиціи что̀ недостаточное и что же я долѣ и обстоятельнѣе симъ распространяться ни силы ни времени не имѣю, а ожидаю хоть отъ васъ къ своему успокоенію безпромедлительнаго увѣдомленія, какъ та наша великая Государыня, въ угодность которой единственно я всѣ при моемъ вамъ извѣстно разоренномъ здоровьи теперешнія бремена еще сношу, нынѣшнюю мою службу принимать изволитъ.

29.

1770-го году Августа 28-го дня, изъ прежняго лагеря.

Ссылаясь на препровождаемую симъ отъ меня къ Ея Императорскому Величеству депешу, прибавляю теперь только обстоятельства мои съ графомъ Петромъ Александровичемъ, по вашему желанію предузнать расположенія о наступающихъ винтеръ-квартирахъ. Въ слѣдствіе чего здѣсь слѣдуетъ копія съ полученнаго отъ него ко мнѣ о томъ письма, о коемъ уже я и въ предъидущемъ къ вамъ отзывался съ пріобщеніемъ къ ней мною сочиненнаго въ отвѣтъ его сіятельству о будущихъ обѣихъ армій расположеніяхъ на винтеръ-квартиры разсужденія, по переводѣ на Нѣмецкій языкъ ради разсмотрѣнія съ присланнымъ ко мнѣ отъ него и теперь здѣсь пребывающимъ господиномъ генералъ - квартирмейстромъ Боуромъ, который однакожъ уже и завременно въ разговорахъ предо мною изъяснялся, что графъ Петръ Александровичъ отнюдь не съ тѣми предположеніями о винтеръ-квартирахъ его ко мнѣ отправлялъ, и еслибы оныя надѣялся имѣть въ отправленномъ съ нимъ письмѣ, то онъ, яко человѣкъ совсѣмъ нековарный, конечно бы съ такою притворною коммиссіею ко мнѣ не поѣхалъ: ибо онъ знаетъ достовѣрно, что и первой арміи въ тѣхъ мѣстахъ, кои онъ къ расположенію второй передаетъ, удержаться будетъ никакъ не можно, да и его сіятельству ни прямаго намѣренія, ни возможности отнюдь нѣтъ главными своими силами удерживаться между Прутомъ и Серетью. По коему основанію препоручаю вамъ, любезнѣйшій другъ, во внимательное и удобное заблаговременное употребленіе сего моего разсужденія и присовокупляю, что хотя я съ твердостію увѣренъ, что какъ дряхлость моего здоровья отнимаетъ всю мою надежду продолжать больше службу, такъ и ласкаю себя, что образъ продолженія до сихъ поръ оной и высочайшая милость къ намъ нашей всемилостивѣйшей Государыни совсѣмъ изъемлютъ меня изъ той опасности, чтобъ быть мнѣ когда - нибудь подъ командою сего великаго полководца, ниже и стражемъ и отвѣтчикомъ за неудобность удержанія тѣхъ мѣстъ. Онъ изволитъ, по необоронѣ непріятельской, въ степь, а не въ то мѣсто распространиться, гдѣ тре-

бовалось его собственною силою непріятеля еще съ берега Дунайскаго выжить и на ономъ утвердиться къ загражденію завоеванныхъ жилыхъ, а въ подданство Ея Величества (слѣдовательно и къ защищенію присягою утвержденныхъ провинцій). И какъ къ снабженію оныхъ военною аммуниціею, такъ и пропитаніемъ не изволилъ онъ изобрѣсти способовъ въ тѣхъ ближайшихъ мѣстахъ запастись, откуда только натуральная удобность и предъявлялась и гдѣ имѣлъ должность на все продолженіе войны всѣмъ онымъ запасаться и учреждаться. Честь и человѣчество отъ меня требуютъ вашего предстательства къ тому испрашивать, чтобъ какъ возможно никого особливаго не допустить въ сей опустошенный и степями отдѣленный край завязывать къ содержанію его на собственномъ попеченіи и отвѣтѣ, а не подъ подчиненствомъ самого его сіятельства, яко по самой существительной справедливости принадлежащее тому нераздѣльно, кто ведетъ операціи завоеваній въ разрѣзанной отъ нашей собственной земли посторонними владѣніями и въ одномъ ничѣмъ нераздѣляемомъ же краю. Ежели жъ нынѣшнихъ его силъ къ тому признается быть недостаточно, то конечно по тапершней способности и по взятіи города Бендеръ такое точное число въ его собственную команду изъ второй арміи можно будетъ прибавить, сколько дозволитъ остатокъ ея за окончательнымъ ко взятью сего города урономъ и за удѣленіемъ въ его гарнизонъ, кой кажется съ тѣмъ городомъ въ его же сообщеніе больше нежели къ оборонительной арміи принадлежать будетъ, съ тѣмъ чтобы въ замѣнъ того уже весьма слабый остатокъ сей второй арміи наградить сколько можно скорѣй изъ какихъ другихъ удобнѣйшихъ мѣстъ по внутреннему основанію нынѣшняго нашего расположенія. Ибо, любезнѣйшій другъ, мои воображенія мнѣ представляютъ, что въ нынѣшнюю зиму, по тапершнимъ основаніямъ Татаръ, требуется коли не больше, то конечно не меньше прошлогодскаго въ силахъ надзиранія или къ защищенію ихъ собственно и удержанію въ нашихъ видахъ, или же отъ нихъ, если они отъ оныхъ отступить будутъ принуждены. По требованію моему приближать отъ него полковъ (на случай, если я пѣхотою къ продолженію осады совсѣмъ ослабѣю) отрядилъ онъ лишь въ мѣстечко Фальчу четыре полка, которые при послѣдней баталіи были Турками въ карѣ господина Племянникова съ великимъ урономъ порублены и разорваны, слѣдовательно кои всѣхъ слабѣе и кои больше всѣхъ другихъ отъ непріятеля испужаны на способнѣйшее употребленіе къ штурмованію крѣпости.

Копія съ письма генерала графа Петра Александровича Румянцова къ генералу графу Панину, отъ 18-го числа Августа 1770-го года.

Въ отвѣтъ на всепочтеннѣйшее вашего сіятельства отъ 14-го сего мѣсяца имѣю честь донесть: Николая Михайловича г-на Панина по дружбѣ его ко мнѣ и по обязательству съ вами родства надежнѣйшимъ я считаю увѣрителемъ быть васъ, сколько я усерденъ, кромѣ долгу службы, изъ отличной и искреннѣйшей моей преданности, ко всякому вамъ способствованію отъ моей стороны.

Я теперь отправляю г-на генералъ-квартирмистра Боура, который вашему сіятельству подробнѣе изъяснитъ мои мысли въ разсужденіи настоящаго и будущаго положенія, что́ я предполагаю для войскъ моему предводительству ввѣренныхъ и чему я желалъ бы быть исполнену съ вашей стороны. Съ нимъ также ѣдетъ при сей арміи находившійся волонтеромъ Прусской службы инженерный маіоръ г. Гасъ, офицеръ весьма извѣстнаго искусства по своимъ успѣхамъ въ практикѣ, что́ онъ въ прошедшую Прусскую и Брабантскую войну показалъ въ инженерной и артилерійской наукѣ къ отличенію себя. Его я честь имѣю по симъ талантамъ рекомендовать вашему сіятельству въ милость и ко употребленію по мѣрѣ оныхъ, если заблагоразсудить изволите въ продолжаемомъ на крѣпость дѣлѣ.

Ваше сіятельство изъ предъидущаго моего изволите знать, что я генерала-порутчика князя Реннина съ корпусомъ отправилъ къ Киліи на тотъ единственно конецъ, чтобы сею экспедиціею отвлечти отъ васъ Татарскія и Турецкія силы, могущія иногда пробраться въ озабочиваніе вашего дѣла. Князь Репнинъ противъ чаянія, какъ мы считали Килію небольшимъ только за̀мкомъ, нашелъ ее крѣпостью подобною Хотину и съ преимуществомъ еще тѣмъ предъ послѣднею, что къ защищенію своему имѣетъ сія внутрь каменныхъ стѣнъ водяной ровъ. Непріятель, зарѣвъ его приходъ, форштатъ выжегъ и, засѣвъ въ крѣпости, защищается и по сей день, съ толикою твердостью, что намъ, не имѣвъ, какъ вамъ извѣстно, никакихъ къ атакѣ такого рода снабденій, не только трудность, но и невозможность оказывается къ овладѣнію сею крѣпостію. Но еще однакожъ князь Репнинъ всѣхъ способовъ къ тому отвѣдываетъ.

Ваше сіятельство снисходительно изволите войтить въ счетъ моихъ войскъ. Я ихъ чуть имѣю столько, сколько предлежитъ мнѣ дѣлъ, кои объяты неупускно должны быть ими. Всему однакожъ предпочитая удовлетвореніе вашихъ требованій, хотя я не могу шесть полковъ отдѣлить, но четыре полка изготовлю я въ помощь вамъ; изъ нихъ одни отъ Киліи, а другіе отсюда въ составленіе сего деташамента пойдутъ съ такимъ размѣромъ ихъ пути, что они соединятся и въ одно время къ вамъ прибудутъ. Я однакожъ ласкаю себя, поколику извѣстны мнѣ наиудостовѣрительные и персональные вашего сіятельства подвиги, прилагаемые къ трудамъ вашей арміи, что съ Божіею помощію не постоятъ долго сопротивляющіяся стѣны, но паденіемъ своимъ вознесутъ трудъ вашъ и славу,

чего я всеДушевно желаю и нетерпѣливо жду къ совершенному своему обрадованію.

По положенію настоящихъ моихъ обстоятельствъ сообщу я вашему сіятельству мои мнѣнія съ перемѣною прежняго плана и со испрошеніемъ вашего къ тому согласія. Если Богъ даруетъ взять вамъ Бендеры, то вся сторона между Днѣстромъ и Прутомъ до Дуная принадлежать будетъ стражѣ вашихъ войскъ, коимъ тутъ тогда и водвориться слѣдуетъ. Какъ, напротивъ, моей арміи предостанется обнять весь край, что между Прута и Серета даже до рѣки Олты, куда я не могу перенесть еще дѣйствій военныхъ, покудова ваше сіятельство не овладѣете Бендерами, чтобъ съ сей стороны не сдѣлать отверстія непріятелю, имѣющему довольно судовъ на томъ берегу Дуная; а тамъ должно укрѣпиться намъ совсѣмъ не тѣмъ примѣромъ, какъ въ прошедшую зиму раздроблялись войски.

Ради заведенія магазейновъ и споспѣшествованія комуникаціи прошу я вашего сіятельства оставить въ мою часть край Польши отсюда съ лѣвой стороны отъ Бара чрезъ Браиловъ, Винницу, Прилуки, Погребище и до Бѣлой Церкви, поелику въ околичностяхъ Львова мѣста недостаточны въ фуражѣ, а прочія всѣ мѣста вправо вамъ остаются.

*

Копія съ рапорта порутчика Заводовскаго, отправленнаго для препровожденія мурзъ къ Буджацкимъ и Едисанскимъ ордамъ и для раздачи имъ подарковъ, отъ 2-го числа Сентября 1770-го года.

По отправленіи моего рапорта къ вашему сіятельству, Ужанъ-Мамбетъ-бей со многимъ числомъ мурзъ пріѣзжалъ къ Мамаю-мурзѣ, гдѣ я квартиру имѣлъ, чтобы окончить уже самимъ дѣломъ всѣ ихъ предпріятія. Я прежде собранія вручилъ ему письмо съ посылкою, которую онъ съ великимъ удовольствіемъ принялъ и, радуясь тѣмъ, нѣсколько разъ повторялъ, что онъ вѣчный пріятель вашему сіятельству и все во угожденіе вашего сіятельства станетъ дѣлать, пѣняя при томъ какъ не умѣли разобрать сего: кому не надобно и не слѣдуетъ дарить, тотъ много получилъ гостинцовъ отъ вашего сіятельства. Я и самъ примѣтилъ: которые имѣли кредитъ при султанѣ, тѣ понижены, а другіе имѣютъ теперь случаи у сего новаго повелителя. И такъ въ назначенномъ мѣстѣ ничего твердаго не положили, и самъ Мамбетъ-бей, покоряя себя несогласію нижняго степени мурзъ, со всѣми оными и меня взялъ съ собою на Березань. Всѣ вмѣстѣ сегодня пріѣхали прямо къ Темиръ-султану и Ару-Мамбету, который и теперь кредиту не теряетъ и по прежнему напусильно старается. Татары съ ихъ обозы стоятъ на Телигулѣ, и прочіе обозы назадъ съ Березани возвращены его сіятельствомъ княземъ Прозоровскимъ на Березань и Ужанъ-Мамбетъ-беемъ, какъ онъ теперь у нихъ почитается почти самимъ Богомъ. Татаръ пришло тысячь до трехъ, да прежнихъ, оставшихся отъ султана, тысячь до двухъ есть безъ обозовъ. На Березани я засталъ г-на маіора Ангелова. Донской и Малороссійской Лубенской полки къ Очакову за Березань верстъ шесть стоятъ впереди, чтобы не пропустить какъ въ Очаковъ, такъ и съ Очакова никого. Отъ г-на маіора я увѣдомился, что

султанъ немедля съ Очакова водою ушелъ, а ханъ близъ Очакова лагеремъ стоитъ. Темиръ-султану я отдалъ письмо съ посылкою; онъ не меньше радъ былъ, какъ и Мамбетъ-бей. Завтрашній день Ужанъ-Мамбетъ-бей со многими мурзами и меня съ собою взявъ для нѣкоторой ихъ надобности къ его сіятельству князю Прозоровскому ѣдутъ, а больше затѣмъ, чтобы чѣмъ подарилъ, къ чему они очень лакомы; отколь возвратясь, намѣрены меня къ вашему сіятельству скоро отправить. Основавъ все свое дѣло, Ужанъ-Мамбетъ-бей мнѣ сказывалъ, что сколько я здѣсь вижу Татаръ, столько его стороны есть въ Крыму; только на все надобно времени, а вскорѣ нельзя сдѣлать ничего. Я, видя его хорошія намѣренія, сколько разъ поздравлялъ его ханомъ, къ чему онъ видно охотно стремится. Съ разговоровъ его и Темиръ-султана я примѣчалъ, что они еще желаютъ отъ вашего сіятельства получить гостинецъ для подкрѣпленія ихъ дружбы; я обнадежилъ ихъ всѣмъ. Съ Турками видно они дружбу прекратили. На сихъ дняхъ лошадей до двухъ сотъ Турецкихъ съ подъ Очакова отогнали. Имъ теперь никто не мѣшаетъ. Всѣ мурзы рады побѣгу султанскому. Я неотступно скучу Ужанъ-Мамбетъ-бею объ отправленіи меня съ основательнымъ дѣломъ къ вашему сіятельству. Клянутся небомъ и всѣмъ, чѣмъ можно, что они вѣчные друзья вашему сіятельству, если это надолго продлится.

30.

1770-го года Сентября 5-го дня изъ прежняго лагеря.

Съ симъ отправленная моя ко двору депеша вамъ, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, покажетъ во всей точности всѣ мои тапершнія наизаботливѣйшія упражненія, удостовѣряя самою истиною, что рѣдкопримѣрная отчаянная непріятельская продолжаемая оборона поставила бы всеконечно всякую осаду въ большое затрудненіе, которой бы составленіе и отправленіе было и по точному размѣриванію всѣми принятыми на то правилами безъ воображенія встрѣчаться съ непріятельскою самою слабою обороною, а съ настоящимъ соблюденіемъ и соображеніемъ, что учреждается осада на такое дальное отстояніе не только отъ собственныхъ своихъ заготовленій и запасовъ, но и отъ всякаго по степенному [20]) и безлѣсному отдаленію изъ людскихъ обитаній способствованія. Но когда таперь, по несчастію, будучи она въ своемъ расположеніи отправлена и снаряжена на слабую непріятельскую оборону, и встрѣтилась съ такою, какая рѣдко и въ самомъ регулярномъ непріятелѣ бываетъ, да и съ тѣмъ еще прибавленіемъ, что сей варварскій и въ невѣжествѣ погруженный непріятель не воображаетъ себѣ заблаговременно никакихъ опасныхъ приключеній и, не чувствуя своихъ бѣдствій прежде самаго въ немъ дѣйствія, слѣдуетъ

[20]) Т. е. степному.

одному только своему отчаянію: то представьте же себѣ, мой любезный другъ, сколько бы я ни бодрствовалъ, но какъ можетъ духъ мой быть и по тапорешнее уже время безъ крайняго востревоженія? А наипаче что не только мнѣ всѣ способы къ помощи изъ дальнихъ нашихъ отстояній, но и отъ первой арміи, яко изъ ближайшаго мѣста, пресѣчены, какъ изволите усмотрѣть изъ приложенной къ реляціи копіи съ письма отъ графа Румянцова. За сими обстоятельствами и не остается мнѣ во всемъ ономъ, а наипаче въ сохраненіи своей невинной, а весьма дорого купленной репютаціи, какъ только ожидать развѣ по одной своей справедливости помощи отъ Вышней Десницы, будучи въ томъ состояніи, что, отнимая отъ отчаяннаго непріятеля крѣпость, видѣть и ежеминутно ожидать отповѣди, что ни людей, ни пороху, ни ядеръ совсѣмъ уже не достаетъ, для чего во всемъ ономъ и быть принужденнымъ больше сберегаться, нежели на непріятеля усиливаться. Но и въ томъ случаѣ продолженіе времени угрожаетъ какъ издержаніемъ остальнаго своего заготовленнаго пропитанія, такъ и наступленіемъ ненастной погоды, коя въ разсужденіи пребыванія въ апрошахъ и продолженія земляныхъ работъ не меньше препятственна, какъ и прекращеніе всего вышеприписаннаго. Такимъ же образомъ въ нынѣшнемъ, яко послѣднемъ, мѣсяцѣ и ожидайте вы отъ меня или конечнаго взятія сего города, или потерянія подъ нимъ столько людей что съ остаткомъ отъ оныхъ невозможно уже будетъ удержаться въ продолженіи осады. Я радуюсь и тому, что хотя отъ васъ однихъ, любезнѣйшій другъ, пріобрѣтаю въ партикулярныхъ письмахъ извѣстія о неблагоугодности Ея Величества къ моей таперичной столь важной службѣ, не имѣя никакого настоящаго отзыва ни на одну мою по переходѣ Днѣпра реляцію, слѣдовательно и не имѣя жъ ничѣмъ отъ высочайшаго ея имени своимъ подчиненнымъ ко ободренію весьма трудной и уронной экспедиціи отозваться: ибо не только у графа Румянцова въ нынѣшнія побѣдительныя баталіи, но думаю, что и съ прошлогодскою кампаніею не имѣли наши войски ни столь частыхъ, ни такихъ кровопролитныхъ съ непріятелемъ сраженій, какъ здѣшнія таперь, такъ сказать, ежедневно имѣютъ и уронъ въ себѣ претерпѣваютъ, особливо по мѣрѣ своего числа.

Касательно же до публичнаго указа изъ Государственной Военной Коллегіи о учрежденіи карантиновъ на предохраненіе съ тѣми войсками, кои въ извѣстные заразою мѣста зашли, то бы я желалъ, чтобы лучше оному оставаться на моей одной довѣренности, кою я конечно не оставляю во всей силѣ предостерегать. И для того почта до Петербурга отъ меня и прежде еще была учреждена все степями, а таперь еще гораздо далѣе оными отъ всякаго жила по совершенной

уже отъ Татаръ безопасности отъ Бендеръ прямо на Екатерининской шанецъ перенесена; да и конечно бы я при такомъ сомнѣніи никогда бъ не отправилъ отъ себя прямо курьера въ Петербургъ.

31.

Сентября 12-го 1770-го году изъ прежняго лагеря.

Не выпускаю я изъ всечаснаго моего стремленія, да не пропускалъ и впредъ конечно всѣхъ удобнѣйшихъ случаевъ не пропущу домогаться, сколько возможно поспѣшнѣе, пріобрѣтать на Крымскомъ островѣ нашей всемилостивѣйшей Государынѣ утвердительнаго способнаго мѣста на укрѣпленіе къ содержанію морской гавани, такъ какъ и къ занятію Ея Величества гарнизонами сколько можно удобнѣйшихъ мѣстъ на свободные проходы нашему мореплаванію и сколько на защищеніе отъ Турецкаго нападенія, столькожъ и на надзираніе самаго сего острова, вслѣдствіе чего уже всѣхъ прибывающихъ ко мнѣ изъ преклонившихся ордъ мурзъ и старшинъ разными внушеніями приводилъ и приводить стану на согласіе къ тому, что въ Крымъ необходимо въ вышеизъявленныя мѣста надобно принять Россійскіе къ защищенію собственной вольности гарнизоны и уступить мѣсто на заведеніе Россійскому флоту гавани. Но Крымское вступленіе въ намѣряемыя Ея Императорскаго Величества предположенія требуетъ еще нѣкотораго времени, а, можетъ быть на первой случай и остаться будетъ принуждено при тѣхъ однихъ выгодахъ, чтобъ Едисанскія, Буджацкія, Джамбулацкія и Едикульскія орды, связавъ въ одно совокупное правительство, хотя ужъ отдѣленно отъ Крыма, утвердить въ Ея Величества намѣреніяхъ. На тотъ случай, когда Крымцы еще останутся въ нынѣшнемъ ихъ положеніи, я прошу васъ, любезнѣйшій другъ, отобравъ отъ Ея Величества высочайшую на такой случай волю, дать мнѣ съ первымъ курьеромъ по оному основанію наставленіе, дабы я въ немъ, сколько возможно и удобности дозволятъ, лучшимъ образомъ не упустилъ предположить дороги къ настоящему достиженію всего намѣренія хотя чрезъ нѣкоторое время впередъ.

Изволите, мой другъ, увидѣть, съ какимъ все добросердечіемъ происходитъ и какимъ образомъ мнѣ можно взять на свое предохраненіе весь безобороннымъ завоеваніемъ весьма распростертый пустой край отъ Буга къ Днѣстру, между Прутомъ и Чернымъ моремъ лежащій, что ни пропитанія я онымъ войскамъ (ежели въ Бендерахъ магазейна не найду) доставить ни откуда не могу, да и счастливъ буду, когда по взятіи сего города и по положеніи въ него потребнаго числа гарнизона найдусь въ состояніи вывесть остаткомъ изъ своей пѣхоты здоровыми тысячъ до семи человѣкъ. А что̀ до легкаго войска

принадлежитъ, о коемъ его сіятельство не перестаетъ твердить, то у меня уже таперь и всей кавалеріи состоитъ карабинеръ два полка по три эскадрона, а по два за убылью лошадей помѣщены въ комплектъ на мѣста убитыхъ пѣхотныхъ гранадеръ; да гусарскихъ два полка, а и казачьихъ тысячи двѣ человѣкъ; прочіе же всѣ по таперешнему Крымскаго хана подъ Очаковымъ обстоятельству отправлены въ усиливаніе князя Прозоровскаго, яко Калмыки не только отъ него, но и отъ Берга давно уже домой порываются, и совсѣмъ не надѣюсь, чтобы оные и нынѣшній мѣсяцъ при насъ остались. По симъ основаніямъ таперь и совсѣмъ не знаю, что за лучшее съ отправленнымъ ко мнѣ корпусомъ князя Репнина дѣлать; а какъ надѣюсь, что мой глобъ-декомпресіонъ[21]) сутки чрезъ трои своимъ взорваніемъ конечно поставитъ меня въ разрѣшимость, брать ли сей деташаментъ къ себѣ иль нѣтъ, то избралъ я остаться на сіи дни въ молчаніи. А между тѣмъ оный деташаментъ своими маршами не успѣетъ еще отдалиться отъ того прежняго на Акерманъ предмета, на который будто бы онъ его употребить хотѣлъ. Но не знаю, какъ быть совсѣмъ безъ кавалеріи; ибо въ припискѣ онъ требуетъ, чтобы я свои легкія войски ко оному на встрѣчу выслалъ.

Но, къ сожалѣнію, не знаю я еще, могла ли что нибудь моя просьба поспособствовать о осиротѣвшихъ отъ покойнаго генералъ-маіора Лебеля и маіора Бастевика домахъ.

Въ самое сего окончаніе прибыли ко мнѣ и ожидаемые съ отвѣтомъ на мои требованія отъ Едисанскихъ и Буджацкихъ ордъ присланные и, кажется, со удовольственнымъ по нашимъ желаніямъ расположеніемъ. Но какъ привезенныя съ ними письма къ Ея Величеству и ко мнѣ собственно еще перевесть не могли, то принужденъ обстоятельное по онымъ увѣдомленіе оставить до другаго курьера.

32.

1770-го году Сентября 19-го дня [22]).

Не возмогши еще собрать всѣхъ обстоятельствъ къ подробному донощенію Ея Императорскому Величеству о благополучно произведенномъ крѣпости Бендерской штурмѣ, препровождаю къ вамъ между

---

[21]) Globe de compression (сдавленный шаръ)—подкопъ въ 400 пудовъ пороха, имѣющій назначеніе взорванною землею завалить ровъ осаждаемой крѣпости и по образовавшемуся сплошному помосту войти въ крѣпость.

[22]) Бендеры взяты въ ночь съ 15 на 16 Сентября 1770 году. Одному маркитанту досталась въ добычу молодая Турчанка съ прекрасными задумчивыми глазами; онъ отвезъ ее въ подарокъ своему помѣщику въ село Мишенское подъ городомъ Бѣлевымъ. Это была мать В. А. Жуковскаго.

онымъ сего вручителя, Датской службы бывшаго въ первой арміи волонтира подполковника г-на Анжелини, прибывшаго къ здѣшней арміи предъ нѣсколькими днями штурма, оставшагося до ожиданія рѣшительнѣйшаго съ крѣпостію дѣйствія и похвально въ сіе время себя при мнѣ на всѣ принадлежащія искусному и прилежному офицеру примѣчанія употреблявшагося. Войско Ея Величества мнѣ ввѣренное въ своей пріобрѣтенной таперь славѣ все благополучно, а я здоровъ; о прочемъ же по превеличайшему моему таперь недосугу слѣдующимъ только сократиться принужденъ.

1) Какъ во время штурма, за нѣсколько только часовъ предъ онымъ, по требованіямъ отъ насъ привезенными изъ Кіева каркасами городъ былъ въ трехъ мѣстахъ зажженъ, такъ и въ продолженіе онаго на преодолѣніе засѣвшаго непріятеля съ свирѣпѣйшею обороною во всякія удобныя строенія принуждено и приказано было всѣ ихъ зажигать, и какъ сраженіе до конца настоящаго преодолѣнія продолжалось 12 часовъ сряду, то пламя уже столько усилилось, что и по сегоднишній день еще совсѣмъ утушено быть не могло, слѣдовательно весь безъ остатка Бендеръ обратился въ пепелъ; а мнѣ таперь сдѣлалась почти неодолѣемая забота, какъ своему гарнизону въ здѣшнемъ безлѣсномъ мѣстѣ составить хотя землянками жилище.

2) Сераскиръ, именемъ Мехметъ-Эминъ, который послѣ прежде умершаго всю главную команду имѣлъ, человѣкъ, какъ видно, великой знати и почтенія, у меня со всѣми ихъ знатными офицерами и чиноначальниками, а съ многолюдными по ихъ Азіатскимъ обычаямъ свитами, плѣнными здѣсь въ лагерѣ, да спасенныхъ въ за̀мкѣ отъ меча и огня плѣнниковъ мужеска и женска полу таперь въ нашемъ лагерѣ состоитъ конечно, думаю, не меньше 10,000 человѣкъ; а тѣлъ непріятельскихъ въ крѣпости и на мѣстахъ сраженія (на кои нѣкоторые изъ нихъ выбѣгали), безъ увеличиванія сказать, болѣе тысячъ семи было. Почему и вѣроятно, какъ сераскиръ самъ утверждаетъ, что у него состояло оруженосцевъ со дня моего прибытія подъ крѣпость 30,000, а наканунѣ штурма 15,000. Мы же сію крѣпость съ такимъ числомъ гарнизона и съ имѣющимися въ ней гораздо болѣе двусотъ пушками атаковали 14-ю пѣхотными полками и 60-ю орудіями, а по лѣстницамъ штурмомъ взяли только [23]) тысячью человѣками наличной своей пѣхоты, оставивъ уже во всемъ лагерѣ однихъ больныхъ и раненыхъ на караулахъ и часахъ. Да и Богу благодареніе, потеряли мы на семъ преужасномъ и кровопролитномъ сраженіи своихъ людей не больше какъ побитыми 686, ранеными 1875, о чемъ при обстоятельной реля-

---

[23]) Пропущено число.

ціи дня черезъ два еще найдусь въ состояніи отправить курьера съ ключами и съ пріобрѣтенными трофеями.

3) Не могу, любезнѣйшій другъ, описать сего ужаснаго воображенія въ какомъ глазамъ моимъ представляется таперь сей несчастливый городъ, разграбленный, побѣдительной [24]), сожженный весь безъ остатку огнемъ, покрытый тѣлами, мечемъ умерщвленными и обожженными. А въ плѣнъ попались люди, особливо многочисліе женщинъ и невинныхъ младенцевъ, въ худыхъ одеждахъ и безъ всякой пищи, а я безъ возможности ихъ всѣхъ столько потребнымъ снабдить, сколько того человѣчество отъ меня требуетъ, что понудило меня взять смѣлость самому сераскиру, мужу почтеніемъ и лѣтами украшенному и неимѣющему ни одной у себя копѣйки, отъ высочайшаго милосердія Ея Императорскаго Величества дать на первонужные себѣ къ отъѣзду въ Россію пріуготовленія 500 червонныхъ, о чемъ прошу заблаговременно меня предъ Ея Величествомъ извинить, особливо ежели я принужденнымъ найдусь оныхъ по нѣскольку дать пашамъ и знатнымъ офицерамъ, коихъ все имѣніе погибло или огнемъ или попалось въ руки нашихъ храбрыхъ гранадеръ и прочихъ рядовыхъ, которые свой трудъ конечно тѣмъ довольно себѣ заплатили, и вся моя армія обратилась въ ярмарку, что таперь несказанно жъ какъ меня безпокоитъ.

4) Графъ Петръ Александровичъ напослѣдокъ преклонился съ назначеннымъ къ подкрѣпленію меня деташаментомъ отправить князя Репнина и дозволилъ ему напередъ сюда поспѣшить, кой хотя чрезъ полутора сутки ко мнѣ пріѣхалъ, однакожъ сутками не засталъ уже штурма, но споспѣшествовалъ мнѣ обще съ ихъ господиномъ Боуромъ войти со всею подробностію въ разсмотрѣніе остатковъ моей весьма миніатурной арміи и, сообразя на предметахъ истинной только и настоящей пользы службы нашей всемилостивѣйшей Государыни общее со мною разсужденіе, основать такое предположеніе къ удобовозможнымъ утвержденіямъ всѣхъ наступательныхъ завоеваній, по коему твой братецъ, не вострепетавъ, попустился остаться при арміи въ своей таперешней наличности меньше уже и 5000 остающейся. Боже только сподоби перейти столь же благополучно и сію высоту стѣнъ и глубину рвовъ, какую онъ съ малымъ и неслыханнымъ числомъ войскъ перешелъ въ Бендерахъ, и чтобъ оное хотя нѣкоторою частію только Великой Екатеринѣ благоугодно, а скипетру ея полезно было, колико онъ по единому истинному усердію къ ея славѣ во все то своею жизнію посвящается и предается всѣмъ трудамъ и отвагамъ.

5) Отъ мороваго повѣтрія по всѣмъ симъ основаніямъ и что все Бендерское, имѣющее въ себѣ отъ онаго зараженіе имѣніе таперь

[24]) Т. е. побѣжденный.

пошло во всѣ разныя руки моей арміи, а плѣнные помѣщались со всѣми нашими людьми (яко оныхъ число буде не превосходитъ, то конечно равняется моей таперешней наличности) надобно чтобъ спасла только меня и сію армію таже Вышняя Десница, которая толиками благополучными и неслыханными успѣхами благословляетъ оружіе Великой Екатерины. Къ возможной же предосторожности не оставилъ я распорядить: 1-е, всѣ непріятельскія взятыя вещи возможныя всякому по нѣсколько разъ мыть, а невозможныя развѣшать на вѣтеръ; 2-е, всѣхъ ихъ плѣнныхъ поведутъ степью къ Екатерининскому ретраншаменту со всесильнымъ и принадлежащимъ наблюденіемъ о сей пагубной заразѣ и съ выдерживаніемъ карантина. Вотъ уже 4-й день, какъ мы въ сіе смѣшеніе вступили, но Богу благодареніе еще ничего о сей болѣзни не отозвалось, и Турки увѣряютъ, что она пресѣклась въ нихъ назадъ тому болѣе уже шести недѣль. Только больше всего смущаютъ, обременяютъ меня таперь и въ неразрѣшимость приводятъ весьма знатное число между сими злосчастными плѣнными состоящихъ раненыхъ, престарѣлыхъ и изнеможенныхъ своими силами мущинъ и женщинъ. Не знаю, куда ихъ дѣвать и не имѣю способу ни здѣсь яко на степи покинуть, ни куда въ другое мѣсто кромѣ собственныхъ границъ съ пропитаніемъ препроводить; и не вижу другаго средства, какъ остаться при послѣднемъ, или развѣ удастся сдѣланною мною попыткою Аккерманъ пріобрѣсть, то выпроводить ихъ туда съ дозволеніемъ имѣющимъ способы и за Дунай перебраться, а не имѣющимъ пребывать тамъ, яко въ неопустошенномъ еще мѣстѣ. Словомъ, мой любезный другъ, сказать, что таперь мнѣ еще на нѣкоторое время стало больше заботы и труда, нежели я во всю кампанію имѣть могъ. Наконецъ, пожалуй повергни меня къ стопамъ нашей побѣдительной и великой Государыни, а самъ пребывай съ Богомъ.

33.

1770-го году Сентября 22 дня, изъ лагеря подъ Бендерами.

Соблюдая въ жизни своей, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, больше всего при всякихъ случаяхъ справедливость, поставилъ я за обязательство себѣ первоначальную о взятіи Бендеръ реляцію къ Ея Императорскому Величеству отправить съ генералъ-квартирмистромъ лейтенантомъ господиномъ Броуномъ, яко съ такимъ офицеромъ, изъ котораго истинная польза службы требуетъ, чтобы ему предпочтительнѣе другихъ скорѣе быть поставлену на дорогу генералитетскаго званія и что дѣдъ его родной, покойный генералъ-фельдмаршалъ Лессій, былъ первоначальный руководецъ моего собственнаго постанов-

ленія на счастливую дорогу военной моей службы, сдѣлавъ отправленіемъ ко двору съ реляціею о взятіи города Фридрихсгама во мнѣ избраніе (какъ онъ тогда сказывалъ) способности къ предводительству Россійскихъ войскъ, а тѣмъ и поостривъ до вышней степени мои къ тому тѣ стремленія и любочестія, кои и преподали способъ мнѣ доставлять государямъ и отечеству тѣ заслуги, въ которыхъ я таперь себя счастіе имѣю видѣть. Равномѣрно и симъ препровожденную вторую мою обстоятельную реляцію съ городскими ключами отправляю я съ Александромъ Өедоровичемъ Талызинымъ, а знамена и булавы съ нашимъ княземъ Куракинымъ по той признательной же мною справедливости въ первомъ, что онъ и изъ самаго дворскаго мѣста и службы и изъ такого собственнаго въ домѣ положенія, кои наисовершеннѣйшимъ образомъ услаждаютъ и питаютъ всѣ выгодности жизни человѣческой, отправясь съ разлученіемъ отъ оныхъ въ самую величайшую военную опасность и отдавъ себя во всѣ безъ изъятія трудности и отваги сей службы, конечно преподалъ въ пользу ея примѣръ и поощреніе всѣмъ знатнѣйшимъ нашимъ безстыдно прежде задолжающимъ себя въ роскошной и праздной дворской службѣ, на подражаніе и послѣдованіе его столь похвальнаго, а непослѣдующимъ предсудительнаго примѣра. Сверхъ же того отецъ родной супруги его [25]) былъ тотъ, кой между прочими оказываемыми ко мнѣ разными благотвореніями отправленіемъ меня съ реляціею о одержанной первой надъ Прусскимъ королемъ побѣдѣ, поставилъ на превосходной пунктъ военнаго моего счастія и ознаменованія. А и князь Куракинъ—внукъ родной самаго того, кто и обоимъ намъ съ вами, любезнѣйшій другъ, отворилъ первыя дороги къ достиженію того, чѣмъ мы не только сами отъ отечества своего, но и оное отъ насъ таперь пользуется, а Ея Величество пріобрѣтаетъ заслуги. Вслѣдствіе сего я, обнявъ васъ, драгоцѣнной мой другъ, всею душею, поручаю всѣхъ ихъ трехъ въ ваше собственно отъ себя и отъ имени моего у Ея Величества предстательство, которое могло бы быть настоящимъ удовлетвореніемъ такихъ моихъ о нихъ расположеній; а равномѣрно и по всей моей съ симъ слѣдующей обстоятельной реляціи пожаловать приложить такое о всѣхъ ввѣренныхъ мнѣ, а въ ней ознаменованныхъ чинахъ предстательство, которое бъ достойно соотвѣтствовало ихъ наиусердному способствованію въ пріобрѣтеніи предъ Ея Величествомъ и отечествомъ такой заслуги и славы, которой всѣ безпристрастные люди, да и са-

---

[25]) А. Ө. Талызинъ, одинъ изъ пособниковъ Екатерины при ея воцареніи, женатъ былъ на Марьѣ Степановнѣ, дочери фельдмаршала Апраксина.

мые завистники (какъ то, надѣюсь, скоро услышите изъ всѣхъ чужестранныхъ мѣстъ) отдадутъ ту справедливость, что подобнаго преодолѣнія непріятелю въ самомъ крѣпкомъ городѣ съ такимъ малымъ числомъ людей и орудій и съ такими твердостію и храбростію во увеличиваніе славы своего государя не только въ нынѣшнемъ вѣкѣ конечно не бывало, но и въ прежніе рѣдко случалось: ибо случившіеся при моемъ штурмѣ чужестранцы, службы Прусской, бывшіе при славнѣйшемъ штурмѣ въ нынѣшнемъ вѣкѣ и взятьѣ Бергамсома, чистосердечно предъ всѣми признавались, что Бендерской онаго превзошелъ несравненно. А конечно я еще счастливѣе буду, когда завистники мои не отвратятъ же примѣтить и допустятъ присовокупить ко всѣмъ прежнимъ моимъ наисовершеннымъ радѣніямъ и необходимо происходящимъ изъ онаго прочимъ побужденіямъ къ достиженію въ нынѣшнюю кампанію столь славныхъ для Ея Величества военныхъ прогрессовъ и того, что я и въ самую величайшую разстройку своей столь безсильной, а совсѣмъ песходной отправленію нынѣшняго моего званія арміи однакожъ на другой уже день обратилъ все мое радѣніе къ тому, какъ подкрѣпить и удержать пріобрѣтенную Ея Величеству славу, хотя и другою, а не мною предводимою арміею, къ пользѣ чего не ужаснулся и не поставилъ за прискорбіе и стѣсненіе моего званія остаться при арміи, теперь уже состоящей не болѣе какъ въ 5000 человѣкъ наличныхъ и здоровыхъ, слѣдовательно сходствующей больше деташаменту генералъ-маіора, нежели моему тaперешнему званію, коего хотя я существительно еще на себѣ и не ношу, однако вотъ уже вдругоредъ отправляю его дѣйствительно въ полѣ съ пользою и съ честію службы въ царствованіе счастливо владѣющей нами всемилостивѣйшей Государыни! Ожидаю хотя того справедливаго признанія, что гораздо выгоднѣе фельдмаршаламъ, да еще и здоровымъ, сидя на покойномъ мѣстѣ, получать сего чина честь, жалованье, а нѣкоторымъ пансіонъ, нежели съ дряхлостью водить войски и развѣшивать свою честь и репутацію однимъ волосомъ. Но да будетъ въ томъ воля Создавшаго мя!

Таперь же не могу пропустить, чтобъ о вашемъ особомъ, любезнѣйшій другъ, предстательствѣ не попросить въ пользу принца Изембурга, который, право, по знати своего рожденія все здѣсь сдѣлалъ достойное къ полученію себѣ выгоднаго достоянія; а какъ никогда незабвенной по наиотличнѣйшей храбрости и честному поведенію положившій жизнь на приступѣ моего предводительства покойный баронъ Штейнъ съ радостію посвящалъ оную во всѣхъ безъ изъятія представляющихся случаяхъ по истинно-усердной привязанности къ службѣ нашей всемилостивѣйшей Государыни съ тѣми еще заочно обо мнѣ отзывами, что всякой тотъ недостоинъ будетъ соб-

ственно своей чести, кто въ способствованіе моего совершеннаго о славѣ и чести Россійской службы радѣнія не будетъ съ радостію посвящать во оную жизни своей и что онъ за главное себѣ счастіе поставляетъ, ежели ее жертвуетъ подъ такимъ предводительствомъ, до чего онъ по несчастію, хотя и съ достойною славою, но къ незабвенному моему сожалѣнію и величайшей прискорбности, и достигнулъ. А какъ я съ генералъ-квартермистромъ Боуромъ, кой конечно нелицемѣрною жъ ко мнѣ привязанностію по единому къ службѣ нашей усердію обратился, снесся: то можетъ послужить знатнымъ и щедрымъ отъ Ея Величества сему покойному воздаяніемъ, если всемилостивѣйше пожалуется Александровскій орденъ брату его родному барону Штейну, имѣющему чинъ камергера Вѣнскаго двора, о чемъ я вашего, любезнѣйшій другъ, предстательства у Ея Величества нашей справедливѣйшей Государыни и прямо отъ имени моего испрашиваю.

Плѣнный сераскиръ со взятыми столь многочисленными (какъ вы изъ вѣдомости изволите увидѣть) плѣнными, ограбленными и разоренными случаемъ штурма столько, что многіе изъ нихъ, особливо подлые и малолѣтные, при теперешнемъ уже холодѣ безъ платья и босы и многіе жъ увѣчные и раненые, поставили меня тапeрь въ наивеличайшее сердечное содроганіе и заботу. Не имѣю никакого способу ни въ выжженномъ городѣ, ни здѣсь гдѣ на степи кого изъ нихъ оставлять, то и отправляю ихъ дни черезъ два, воздая благодареніе Богу, что вотъ уже седьмой день однакожъ никакого отзыву о заразительной болѣзни здѣсь не оказывается, по Польской границѣ, не касаясь заповѣтренныхъ мѣстъ чрезъ Лодыжино на Граново и Умань къ сторонѣ Кіева, гдѣ, если востребуется, будутъ они карантинъ держать. Жду указу, куда сераскира и всѣхъ знатныхъ везти; но первый, какъ утверждаютъ, весьма благороднаго поколѣнія, можетъ привозомъ въ Петербургъ украсить тріумфъ нашей великой Побѣдительницы.

Какъ никоимъ образомъ теперешнее мое положеніе не допустило мнѣ сдѣлать къ Ея Величеству всеподданнѣйшаго удостоиванія моихъ подчиненныхъ къ полученію военнаго ордена на основаніи того предписанія, какъ своеручно она соизволяла мнѣ повелѣвать: то чѣмъ я во ономъ предъ Ея Величествомъ извиняюсь, къ вашему дружескому усматриванію, при семъ прилагаю копію съ отправленнаго моего о томъ при реляціи письма.

Нельзя мнѣ, любезнѣйшій другъ, оставить безъ побужденія вашего жалостнаго человѣчества о радѣтельномъ предстательствѣ по содержанію моей реляціи въ пользу повергнутаго въ наивеличайшую бѣдность и вовлеченнаго въ сиротство убитаго подъ моимъ предводи-

тельствомъ покойнаго, храбраго и радѣтельнаго полковника Миллера дому.

Какъ не думаю я, чтобъ по такому развлеченію мнѣ ввѣренной арміи могло бъ что воспрепятствовать получить дозволеніе при введеніи малаго ея остатка въ движеніе къ расположенію за Бугъ пріѣхать видѣть очи своего отлученнаго уже цѣлый годъ Монарха, то прошу къ сему не только внушенія, но если случай не воспрепятствуетъ, то отъ имени моего и докладъ сдѣлать, а о высочайшемъ отзывѣ меня съ первымъ курьеромъ увѣдомить: ибо конечно не вижу я въ состояніи безъ того предстательствомъ разбора о всѣхъ тѣхъ, кто какимъ образомъ въ реляціи и въ приложенномъ спискѣ описанъ, и кое описаніе старался я всеконечно по всеудобовозможнымъ моимъ освѣдомленіямъ основывать безпристрастно и на сущей справедливости. Ежели жъ сей орденъ и чужестраннымъ даваться можетъ, то конечно заслужили его Датскіе офицеры, подполковникъ Дирингъ, маіоры Калтенборнъ и Моргенштернъ, а и принцъ Изембургъ. Также и князь Одуевской, употребляющій себя въ такіе опасности и труды, безъ службы, конечно между всѣми прочими въ отличныхъ дѣйствіяхъ, мною ознаменованныхъ, приличествуетъ сэй Ея Величества милости: да и прочіе всѣ совокупно обращаютъ по справедливости то на себя вниманіе, что они имѣли восемь недѣль сряду ежедневныя съ непріятелемъ сраженія, и такой штурмъ и всю кампанію, что чрезъ оное урону въ нихъ больше произошло и увѣчными осталось, нежели у графа Румянцова во обоихъ славныхъ баталіяхъ.

Татарская моя негоціація хотя сими послѣдними хлопотами въ остановку пришла, что Веселицкой еще къ нимъ отправиться не могъ, однакожъ вотъ здѣсь прилагаю копію, какое къ нимъ отъ меня письмо уже почти переводомъ готово, и онъ съ онымъ на сихъ дняхъ туда поѣдетъ. Мое же съ ними положеніе, кажется, отъ времени до времени еще въ лучшее, а не въ повреждение обращается; да и плѣнные мои знатные Турки столько жъ меня, какъ и оные полюбили.

Копія съ письма, отправленнаго Ея Императорскому Величеству, отъ 22-го числа Сентября 1770.

Всеподданнѣйше испрашиваю не подвергнуть меня монаршему Вашего Императорскаго Величества неудовольствію, что не нашелся я еще таперь въ состояніи, по точному высочайшему мнѣ повелѣнію и всемилостивѣйшей довѣренности (преподанной своеручнымъ писаніемъ при начатіи нынѣшней кампаніи) о удостоиваніи собственно Вашему Императорскому Величеству ко всемилостивѣйшему полученію за отличныя заслуги ордена Святаго Георгія порученныхъ въ пред-

водительство мое чиновъ: затѣмъ, всемилостивѣйшая Государыня, что дѣйствіе штурма происходило большою частію въ такую темность ночи и такими частными внутри строеніевъ обращеніями, что никоимъ образомъ ни собственно мнѣ, ни другимъ вѣры достойнымъ командирамъ, самимъ всѣхъ отличающихся примѣчать было возможно, а и подробно отъ другихъ получать освѣдомленіе и точное разсмотрѣніе сдѣлать время и забота разныхъ многотрудныхъ упражненій не допустили. Сего ради и принужденнымъ я нашелся о генералитетѣ и штабъ-офицерахъ дознанные мною при семъ случаѣ поступки, достойные къ разсмотрѣнію на всемилостивѣйшее награжденіе военнаго ордена, описать и принести въ нынѣ поднесенной всеподданнѣйшей моей реляціи и пріобщенномъ при томъ спискѣ на собственное всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества ихъ къ тому удостоиванію разсмотрѣніе и избраніе. Что же касается до оберъ-офицеровъ, ко оному жъ свои достоинства при семъ военномъ дѣйствіи ознаменовавшихъ, то принужденъ же я, по вступившимъ ко мнѣ отъ многихъ ихъ начальниковъ разнообразнымъ и многочисленнымъ представленіямъ, оставить впередъ на удобнѣйшее и ближайшее изъ онаго разобраніе, по которому и не помѣшкаю о истинно заслужившихъ сію монаршую милость Вашему Императорскому Величеству во особомъ о нихъ спискѣ принести, заключивъ сіе глубокимъ подобострастіемъ, съ коимъ имѣю счастіе на всю жизнь пребывать.

34.

1770 году Сентября 24-го дня изъ лагеря подъ Бендерами.

Вообрази теперешнее счастливое положеніе своего братца! Онъ, по преодолѣніи всеконечно рѣдко-примѣрныхъ трудностей и недостатковъ, минувшій день коронаціи своей Государыни (для которой единственно все собственное посвящалъ) напослѣдокъ торжествовалъ такимъ образомъ, что по валу крѣпости, побѣжденной его предводительствомъ подъ скипетръ и въ славу сей великой своей героини, поставлены были его предводительства побѣдительныя войски, а онъ къ сей крѣпости приближался, будучи препровождаемъ многолюдною, какъ своихъ подчиненныхъ и конвоемъ свитою, такъ по одной сторонѣ плѣнными нашими, а по другой пріобрѣтенными его негоціаціею изъ враговъ въ друзья и подъ покровительство сей же своей великой героини отъ знатнаго и прежде опаснаго его отечеству Татарскаго народа посланцами и аманатами; а въ приближеніе произведена была изъ завоеванной же имъ непріятельской артилеріи изъ двухъ сотъ шестидесяти пушекъ пальба. Во вратахъ же крѣпости, коя только тотъ день освободилась отъ пламени его пораженія и очистилась отъ труповъ уби-

тыхъ, освященные чины христіанской церкви съ крестомъ Спасителя предходили ему до церкви нашего закона, поставленной на первомъ бастіонѣ, гдѣ, по принесеніи благодаренія Господу силъ, столь милосердо благословившему оружіе Россійское побѣдами и всю имперію возложеніемъ въ сей день освященной короны на главу столь въ свѣтѣ славной и боготворимой въ своемъ отечествѣ самодержицы Великой Екатерины Второй, была въ честь ея освященнаго имени произведена изъ великаго числа сихъ отъ непріятеля отнятыхъ орудій, а изъ ружья, устроеннаго на валахъ покоренныхъ крѣпости побѣдоноснаго ея войска троекратная уже пальба съ восклицаніемъ «да здравствуетъ Великая Екатерина»! Изъ чего не сомнѣваюсь, что и ты, любезнѣйшій другъ, единодушно со мной въ томъ согласишься, что недостойно будетъ братцу вашему больше жить, ежели принужденъ онъ будетъ жизнь свою вести несоотвѣтственно сему счастливому его возведенію. Затѣмъ же выслушайте отъ меня здѣсь и отвѣтъ на вечоръ только полученное ваше любезное мнѣ письмо, пущенное отъ 10-го числа нынѣшняго мѣсяца съ капитаномъ Фонъ-Визинымъ [26]).

Невозможно мнѣ было ничего еще во увѣдомленіе приносить по повелѣнію мнѣ данному о освѣдомленіи о судахъ, по Днѣстру или по Днѣпру отъ Сѣчи по берегу Чернаго моря къ сторонѣ Дуная употребляемыхъ; потому что съ тѣхъ мѣстъ съ верховья Днѣстра, отъ коихъ войски мои движеніями касались, до здѣшняго города прежде меня уже было опустошено, а здѣшній городъ взятъ еще не былъ; съ верховья жъ Днѣстра не только чаю отъ графа Петра Александровича, но и въ мою бытность отъ князь Александра Михайловича уже извѣстно было, что по сей рѣкѣ (да и то во времена только умноженія въ ней воды) проходятъ одни самые плоскодонные суда и плоты, слѣдовательно совсѣмъ невозможные ко употребленію, хотя и близъ берега, но морскаго, а еще меньше чрезъ рѣку Дунай, коя должна почитаться при ея устьѣ и до всего нынѣшняго нами одного берега на ней обладанія за заливъ морской, такъ что и у Запорожцевъ совсѣмъ никакого водянаго промыслу по берегу Чернаго моря, а еще меньше до самаго Дуная никогда не бывало. Сего ради и оставлялъ увѣдомленіе о семъ до взятья здѣшняго города, гдѣ потому же нашелъ, что не только сей городъ тапер до подошвы и со всякими судами въ пепелъ обращенъ, а отъ жителей опустошеннымъ затѣмъ оставаться принужденъ, но и что оные никогда никакими судами промысловъ своихъ по краю берега Чернаго моря и въ Дунай не имѣли, для чего и оставилъ я положенное на меня объ ономъ увѣдомленіе до того времени пока Аккерманъ взятъ будетъ. Развѣ не можетъ ли тамъ, яко

[26]) Братомъ славнаго писателя.

въ лежащемъ у самаго устья Днѣстра мѣстѣ, что нибудь способствующее къ предполагаемымъ изъ сихъ освѣдомленій намѣреніямъ открыться? Однакожъ и съ тѣмъ совсѣмъ долгъ моей въ дѣлѣ истинныхъ пользъ государственныхъ непорочной до сихъ поръ откровенности заставляетъ меня на точное употребленіе и отъ моего имени вамъ сказать сіе.

Ей-ей, теперешнее наше положеніе не позволяетъ ни о чемъ другомъ напередъ ни разсуждать, ни располагать и никакими другими предпріятіями возможностей своихъ не ослабѣвать, какъ единственно въ томъ не упустить ни самаго малѣйшаго времени, чтобъ завязавшіяся чрезъ счастливые военные, но скользкіе успѣхи наши войски въ столь великомъ отдаленіи отъ способовъ снабженія изъ собственныхъ границъ и къ надежному удержанію завоеванныхъ отъ непріятеля на толикомъ пространствѣ всѣхъ мѣстъ, снабдить и усилить всѣми на то потребными снабженіями и усиливаніями, такъ и преодолѣть то угроженіе и отъ него сберечься, кое таперь предлежитъ между сими войсками и собственными границами пораженіемъ моровой язвы. Весьма нужно сдѣлать основательной такой планъ операціи (если обстоятельства востребуютъ еще войну продолжать), коимъ бы выступленіемъ изъ сихъ государственныхъ и обширныхъ собственныхъ границъ не вывесть себя изъ невозможности всего того за собою удержать, что̀ нынѣшними славными завоеваніями пріобрѣтено и къ чему благоуспѣшная съ Татарами негоціація надежной уже путь предположила.

Касательно же до пріобрѣтенія въ Крымѣ намъ настоящаго къ морскому проходу утвержденія, то вы уже изъ предъидущихъ моихъ хотя видѣли, однакожъ и симъ подтверждаю, что нельзя себя ласкать, чтобы съ Крымомъ въ желаемыхъ намѣреніяхъ прежде будущей зимы, а можетъ быть еще и будущей кампаніи расположиться, а особливо утвердиться совсѣмъ было возможно и чтобъ оный самъ и при приступленіи къ нашимъ желаніямъ нашелся въ состояніи отъ себя Турецкіе гарнизоны вынудить, а еще меньше отъ нападенія на себя чрезъ море защищаться безъ помощи нашихъ войскъ. Посему слабыя мои воображенія мнѣ и представляютъ, что требуется таперь на будущую кампанію пріуготовляться на Дунай къ сильной оборонительной, а на Очаковъ и въ Крымъ къ наступательной уже войнѣ, къ которымъ обоимъ мѣстамъ неописанно какъ надобно не потерять время заблаговременными заготовленіями въ потребныхъ мѣстахъ магазейновъ и снабженіями всего того во всѣ дѣйствующія таперь арміи, что̀ у нихъ отъ нынѣшней кампаніи исчезло и съ чѣмъ еще въ первую армію и къ прошлогодней не поспѣли.

35.

1770-го году Сентября 26-го дня изъ лагеря при Бендерахъ.

Вотъ сіе, мой любезнѣйшій другъ, препровождаетъ къ вамъ увѣдомленіе и о покореніи уже города Акермана изъ тѣхъ слѣдствій и способовъ, коими я по взятіи Бендеръ тому споспѣшествовать, не пропустя ни одной минуты, успѣлъ. Но чтобы мнѣ вѣдомости сей нимало не задержать, то ссылаюсь на предъидущія мои послѣ уже господина Броуна, первое съ Датскимъ подполковникомъ Анжелини, второе съ Александромъ Ѳедоровичемъ, а третье съ старшиною Запорожскаго войска Головатымъ. Затѣмъ же пребывай, любезный другъ, съ Богомъ и не забывай того, кто о васъ всякую минуту помнитъ.

36.

1770-го году Ноября дня изъ Кременчука.

Принцъ Изембургъ, вручитель вамъ, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, сего, извѣстный по всѣмъ обстоятельствамъ бытности его волонтиромъ при здѣшной арміи, возжелалъ нынѣ отпущенъ быть въ Санктъ-Петербургъ, коего я симъ въ покровительство ваше, отозвавшись въ Военную Коллегію съ прочими таковыми же объ отпускѣ его рапортомъ, и поручаю съ тѣмъ присовокупленіемъ, что онъ во всю свою здѣсь бытность обращался ко мнѣ съ знаками прямаго усердія, довѣренности и привязанности, которой и можетъ быть вамъ очевиднымъ обо всемъ моемъ состояніи увѣдомителемъ. А какъ нельзя мнѣ было отказать, чтобъ не вспомоществовать ему четырьмя стами рублями на проѣздъ до Петербурга денегъ со обѣщаніемъ отъ себя возвратить вамъ, то и прошу съ пристойностію ихъ отъ него получа переслать ко мнѣ на возвращеніе въ экстраординарную сумму, откуда они ему выданы.

37.

1770-го года Ноября 27-го дня.

Нынѣ отправлена моя реляція въ отвѣтъ учиненнаго разбора по моимъ о отличившихся подчиненныхъ представленіямъ, дѣланнымъ съ полною довѣренностію вамъ извѣстнаго полученнаго мною равнаго съ графомъ Румянцовымъ своеручнаго письма и съ такими по всей истинѣ справедливостью и безпристрастіемъ, непорочнѣе которыхъ я собственно противу себя ни отъ Бога, ни отъ государя, ни отъ жены, ни отъ дѣтей никогда на свѣтѣ видѣть и имѣть не желаю. Потому же сами вы разсудите, сколь весьма трудно удерживать себя въ велико-

душіи, видѣвъ оное все попраннымъ ногами, а преодолѣннымъ тѣми людьми, которые всю свою службу ведутъ на однихъ коварствахъ и на вмѣщеніяхъ собственныхъ своихъ выгодъ, видовъ и корысти, и коихъ конечно Господь Богъ съ тѣмъ на свѣтѣ и не производилъ, чтобъ дать имъ душевныя дарованія допускать себя собственнымъ обозрѣніемъ видѣть опаснѣйшія другихъ людей въ сраженіяхъ заслуги, но попустилъ обращать имъ свои коварства на прикрытіе тѣхъ природныхъ собственныхъ недостатковъ, безъ закрытія которыхъ невозможно бъ было имъ оставаться. Для чего и принуждено послѣдовать вамъ извѣстному господина Визина сему стиху, что «*вселенной Творецъ Себѣ на похвалу изволилъ насъ пустить какъ куколъ по столу; иной скачетъ, иной пляшетъ, иной смѣется, а иной плачетъ*», съ тѣмъ прибавленіемъ, что иной въ своихъ робостяхъ домогается себя и подобныхъ себѣ коварно прикрывать знаками храбрости. Въ чемъ да и будетъ воля Создавшаго насъ!

Жена моя за наступившею распутицею и за зубными сыну припадками отъ выѣзду изъ Москвы удержалась. Какъ здѣсь продолжается еще погода, по моимъ припадкамъ несносная и распутица непреодолѣемая, да и требованіе распоряженія всѣхъ по моему нынѣшнему званію дѣлъ такого существа, что я конечно не вижу способа пуститься въ толь дальную дорогу прежде какъ развѣ съ половины будущаго мѣсяца, то возьму ее чрезъ Бѣлгородъ, дабы иногда отъ стороны Кіевской дороги въ карантинъ не попасться. Вы же, любезнѣйшій другъ, много меня одолжите, когда между тѣмъ доставите узнать: кому положатъ мое мѣсто при здѣшней арміи занимать? Или на каковомъ другомъ учрежденіи здѣшній край расположенъ будетъ, подъ чью однакожъ команду? Признаюсь, не представляется никакой возможности моему дорогому свояку увѣриться и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не командировать арміею въ полѣ, особливо какъ слышно, что и графъ Петръ Александровичъ пріуготовляется уклониться отъ службы; да и не знаю, какъ ему возможно будетъ во оной остаться, не оправдавъ себя въ виду всей публики противу разглашенія г-на Боура.

Преодолѣлъ „дорогой своякъ", т. е. президентъ Военной Коллегіи графъ З. Г. Чернышовъ. Графу Панину присланъ орденъ св. Георгія первой степени, но при рескриптѣ столь сухомъ, что онъ подалъ въ отставку, которую и получилъ 27 Ноября, того же 1770 года. Подмосковную свою онъ назвалъ Бендерами и устроилъ въ ней подобье взятой имъ крѣпости. Онъ жилъ тамъ и въ Москвѣ (на Мясницкой, нынѣ домъ Лингарда) въ теченіи четырехъ лѣтъ, пока гроза Пугачовщины (вызванной отчасти также канцелярствомъ Военной Коллегіи) понудила Екатерину пригласить его снова на службу. П. Б.

МНѢНІЕ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА ОБЪ ОБМУНДИРОВАНІИ ВОЙСКЪ.

(Представлено Императрицѣ Екатеринѣ II въ 1783 году при докладѣ слѣдующаго содержанія):

Исполняя Высочайшую Вашего Императорскаго Величества волю объ обмундированіи кавалеріи наивыгоднѣйшимъ образомъ для солдата, я употребилъ всю мою возможность къ избѣжанію излишества и, облача человѣка, далъ однакоже ему все, что̀ можетъ служить къ сохраненію здоровья и къ защитѣ отъ непогоды. Представя сіе на Высочайшую апробацію, могу увѣрить Ваше Императорское Величество, и самое время покажетъ, что таковое Ваше попеченіе будетъ вѣчнымъ свидѣтельствомъ материнскаго Вашего милосердія. Армія Россійская, извлеченная изъ муки, не престанетъ возносить молитвы. Солдатъ будетъ здоровѣе и, лишась щегольскихъ оковъ, конечно поворотливѣе и храбрѣе.

Въ прежнія времена въ Европѣ, когда всякъ, кто могъ, долженъ былъ ходить на войну и, по образу тогдашняго боя, сражаться бѣлымъ оружіемъ, каждый, по мѣрѣ достатка своего, тяготилъ себя желѣзными бронями; защиты таковыя простирались даже и до лошадей. Потомъ, предпринимая дальніе походы и строясь въ эскадроны, начали себя облегчать. Полныя латы перемѣнились на половинныя, а наконецъ и тѣ уменьшились такъ, что въ конницѣ осталось отъ сего готическаго снаряду только передняя часть и каскетъ на шляпѣ, а въ пѣхотѣ знакъ, и то только у офицеровъ. Какъ тогда болѣе сражались по одиночкѣ, то защиты таковыя немало обороняли, особливо же отъ копій; почему не напрасное имѣли къ нимъ уваженіе, которое, превратясь въ нѣкоторое военное педантство, поставило цѣну и амуниціи вовсе не обороняющей. А какъ все казалось легко въ разсужденіи желѣзнаго снаряда, то, при перемѣнѣ амуниціи, ввели множество вещей излишнихъ и нескладныхъ.

Въ Россію, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные, съ педантствомъ тогдашняго времени; а наши, не зная прямой цѣны вещамъ военнаго снаряда, почли все священнымъ и какъ будто таинственнымъ. Имъ казалось, что регулярство состоитъ въ

косахъ, шляпахъ, клапанахъ, обшлагахъ, ружейныхъ пріемахъ и проч. Занимая же себя таковою дрянью, и до сего еще времени не знаютъ хорошо самыхъ важныхъ вещей, какъ-то: маршированія, разныхъ построеній и оборотовъ. А что касается до исправности ружья, тутъ полированіе и лощеніе предпочтено добротѣ; стрѣлять же почти не умѣютъ. Словомъ, одежда войскъ нашихъ и амуниція таковы, что придумать почти нельзя лучше къ угнетенію солдата, тѣмъ паче, что онъ, взятъ будучи изъ крестьянъ, въ 30 почти лѣтъ возраста узнаётъ узкіе сапоги, множество подвязокъ, тѣсное нижнее платье и пропасть вещей вѣкъ сокращающихъ.

Красота одежды военной состоитъ въ равенствѣ и въ соотвѣтствіи вещей съ ихъ употребленіемъ: платье чтобы было солдату одеждою, а не въ тягость. Всякое щегольство должно уничтожить; ибо оно есть плодъ роскоши, требуетъ много времени, иждивенія и слугъ, чего у солдата быть не можетъ.

На семъ основаніи предложу, по порядку, о вещахъ составляющихъ амуницію.

Шляпа — уборъ негодный: она головы не прикрываетъ и, торча концами во всѣ стороны, озабочиваетъ навсегда солдата опасностію, чтобъ ея не измять, особливо мѣшаетъ положить голову и, будучи треугольникомъ, препятствуетъ ей поворачиваться, да и не закрываетъ также отъ морозу ушей.

Кафтанъ и *камзолъ съ рукавами*: какъ сихъ вещей вдругъ не носятъ, то которая нибудь и есть излишняя. Покрой кафтана подаетъ много поводу дѣлать его разнообразнымъ: слѣдовательно уравненія быть не можетъ.

Штаны въ конницѣ лосинныя, которымъ срокъ положенъ весьма долгъ, такъ, что сберегая ихъ, солдатъ долженъ на свои деньги дѣлать другую пару суконныхъ: убытокъ несносный, коего требовать отъ него несправедливо; при томъ много заботятъ чищеньемъ и трудностію надѣванія. Зимою отъ нихъ холодно, а лѣтомъ жарко; подъ ними же нельзя имѣть полотняной одежды. Нынѣ лосинная одежда не нужна; въ старину ее носили для того, что употребляли желѣзныя латы, и какъ лосина больше могла сносить нежели сукно, потому и предпочиталась.

Сапоги дѣлаютъ такъ узки, что и надѣвать трудно, а скидывать еще труднѣе, особливо когда они намокнутъ; при томъ сколько подвязокъ, чтобъ они гладки были и сколько лакированія, чтобы лоснились!

Для пѣхотнаго *шпага* лишняя тягость: оружіе неудобоупотребительное, о которомъ главное стараніе у всѣхъ какъ бы ловчѣе надѣть, чтобы

марпировать свободнѣе, также и ворочаться. Многія арміи шпагъ въ пѣхотѣ не употребляютъ, а носятъ штыки.

Сѣдло Венгерское лучше всѣхъ сѣделъ. Доказательствомъ тому, что всѣ націи ѣздящія верхомъ такія употребляютъ: Венгеры, Татары, Черкесы, Казаки и Поляки. Онѣ легки, лошадей вовсе не саднятъ; дѣлать ихъ въ полкахъ можно, и онѣ дешевле старыхъ.

О уборѣ волосъ.

Завивать, пудриться, плесть косы, солдатское ли сіе дѣло? У нихъ камердинеровъ нѣтъ. На что же пукли? Всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукою, шпильками, косами. Туалетъ солдатской долженъ быть таковъ, что всталъ, то готовъ. Если бъ можно было счесть, сколько выдано въ полкахъ за щегольство палокъ, и сколько храбрыхъ душъ пошло отъ сего на тотъ свѣтъ! Простительно ли, чтобы стражъ цѣлости отечества удрученъ былъ прихотьми, происходящими отъ вертопраховъ, а часто и отъ безразсудныхъ?

Употребленіе солдатами пуколь и косъ сопряжено съ слѣдующими невыгодами:

1) Уноситъ у нихъ понапрасну время и изнуряетъ ихъ; ибо когда бываетъ отрядъ на караулѣ, то обыкновенно 6, а когда эскадрону или цѣлому полку назначается строй, то до 12 часовъ употребить имъ непремѣнно должно для убиранія себѣ взаимно волосъ, и препроводить цѣлую ночь въ семъ безпокойствѣ, безъ сна, отъ чего неминуемо должно послѣдовать неизбѣжное упущеніе въ другихъ нужныхъ исправленіяхъ, тѣмъ, что, препроводивши такимъ образомъ ночь въ изнуреніи, не имѣютъ они ни времени, ни силы исправить другихъ своихъ дѣлъ, какъ напримѣръ: вычистить и накормить своихъ лошадей, или ежели въ семъ упущенія не сдѣлаютъ, то, не будучи подкрѣплены сномъ, бываютъ слабы, нерасторопны и малоспособны къ такимъ дѣйствіямъ, гдѣ потребны бодрость, живость и сила.

2) Требуетъ раззорительнаго иждивенія для бѣдныхъ солдатъ, которые, нуждаясь и такъ во многомъ по малости своего жалованья, должны еще изъ того употребить на пудру, помаду и косныя ленты въ годъ каждый по меньшей мѣрѣ по 1 рублю 5 копѣекъ.

Суконныя лосинныхъ штановъ выгоднѣе тѣмъ:

Что суконныя полагаются только на одинъ, а лосинныя на 4 года, почему нижніе чины принуждены бываютъ замѣнять оныя суконными, покупая ихъ на счетъ своего жалованья, что составитъ въ годъ каждому не дешевле 60 коп. Во время осеннихъ и дождливыхъ погодъ лосинныя причиняютъ великое безпокойство, а паче вновь приверстаннымъ; зимою же онѣ нимало не грѣютъ. Лосинныя суконныхъ убы-

точнѣе для солдать, послику не только потребно ихъ часто вохрить, на что въ годъ изойдеть по меньшей мѣрѣ 20 коп., но надлежитъ еще имѣть къ нимъ пары три штибель-манжетъ, что будетъ стоить въ годъ по крайней мѣрѣ 30 коп., а суконныя по новому образцу ничего того не требують.

Просторные сапоги предъ узкими и онучи или портянки предъ чулками имѣютъ ту выгоду:

1) Что въ случаѣ, когда ноги намокнутъ или вспотѣютъ, можно при первомъ удобномъ времени тотчасъ ихъ скинуть, вытереть портянкою ноги и, обвертѣвъ ихъ опять сухимъ уже оной концомъ, въ скорости обуться и предохранить тѣмъ ихъ отъ сырости и ознобу. Въ узкихъ же сапогахъ и чулкахъ того учинить никакъ не можно, которыхъ ни удобно скинуть, ни свободно опять надѣть нельзя; да и чулки не всегда бываеть возможность перемѣнить или высушить, чрезъ что бѣдные солдаты, имѣя безпрестанно ноги мокрыя, подвергають себя нерѣдко простудѣ и другимъ болѣзнямъ.

2) Что, не имѣя нужды, такъ какъ при узкихъ сапогахъ, подвязывать крѣпко своихъ ногъ, солдаты могутъ и свободнѣе ходить и болѣе переносить путеваго труда, да и обращеніе крови не останавливается.

Ежели всѣ сіи, столь очевидныя въ теперешнихъ мундирахъ и другихъ вещахъ, неудобства исправить, то солдатъ, сверхъ другихъ многихъ выгодъ, будетъ имѣть еще отъ своего жалованья въ остаткѣ, противъ теперешнихъ издержекъ, до 2-хъ рублей.

Каска, сверхъ выгоды и способности въ употребленіи своемъ, предъ шляпою и ту предпочтительность имѣетъ, что видъ даетъ пригожій солдату, и есть нарядъ военный характеристическій.

—

Предположеніе князя Потемкина, удостоившееся высочайшаго утвержденія и касавшееся собственно кавалеріи, въ послѣдствіи было распространено и на всѣ остальныя части войскъ. Введенная по его проекту каска очень много походила на существуюшую нынѣ въ л.-гв. Конногренадерскомъ полку, но имѣла сзади не одну, а двѣ лопасти, во время зимы застегивавшіяся на плечевыя пуговицы и служившія наушниками.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ МАТВѢЯ ИВАНОВИЧА МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА.

1793 года отецъ мой написалъ Русскую комедію: «Ошибки или «Утро вечера мудренѣе». Комедія имѣла нѣкоторый успѣхъ и въ 1814 году, когда гвардія возвратилась изъ за-граничныхъ походовъ, она представлялась въ Петербургѣ. Въ 1793 году, служа въ Измайловскомъ полку, отецъ получаетъ пригласительный билетъ въ Эрмитажный театръ. Комедія его представлялась. По окончаніи представленія, Государыня подзываетъ отца и благодаритъ за удовольствіе, которое его комедія доставила ей. Государыня назначила отца моего кавалеромъ при двухъ ея старшихъ внукахъ.

Въ годъ смерти Екатерины II-й, батюшка былъ дежурнымъ кавалеромъ при Константинѣ Павловичѣ. Однажды великому князю вздумалось проѣхать верхомъ по Петербургу. Дежурный кавалеръ обязанъ былъ сопутствовать въ прогулкѣ великихъ князей. На Царицынскомъ лугу они встрѣчаютъ конногвардейскій полкъ. Константинъ Павловичъ подскакиваетъ къ полку, беретъ надъ нимъ начальство и производитъ полное полковое ученіе. Великій князь былъ уже женатъ. Кавалерамъ предписано было Государынею не допускать ея внуковъ вмѣшиваться въ дѣла гвардейскихъ полковъ, въ которыхъ они числились. На другой день, смѣнившись съ дежурства, отецъ сообщаетъ Салтыкову, воспитателю старшихъ внуковъ Государыни, о случившемся на его дежурствѣ. Салтыковъ говоритъ отцу, что Государыня будетъ очень недовольна, что ея приказанія не исполняются. Въ самое то время, когда батюшка выслушиваетъ это замѣчаніе, его приглашаютъ въ Гатчину къ Наслѣднику. Только что батюшка пріѣзжаетъ въ Гатчину, тотъ же часъ онъ введенъ въ кабинетъ Наслѣдника. Павелъ Петровичъ, подходя къ батюшкѣ, три раза касается рукою до паркета, говоря: «Благодарю, что вы не хотите сдѣлать изъ моихъ сыновей пустыхъ людей». По вступленіи Павла 1-го на престолъ старшіе внуки покойной Императрицы вступили въ дѣйствительную службу, а отецъ былъ назначенъ министромъ-резидентомъ въ Гамбургъ.

При тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ Гамбургское посольство служило нашему правительству дипломатическимъ аван-

постомъ. Первые переговоры нашего правительства съ Французской республикой велъ отецъ мой. Профессоръ Гейдельбергскаго университета въ своей исторіи Европы въ XIX-мъ вѣкѣ отзывается съ похвалой о дѣятельности на дипломатическомъ поприщѣ отца моего въ Гамбургѣ.

Большая часть Французскихъ эмигрантовъ съѣхалась въ Гамбургѣ. Многіе изъ нихъ, бѣжавъ изъ отечества, лишились всего своего состоянія, взялись за торговлю, за ремесла. Помню, какъ по утрамъ у насъ въ домѣ про маркиза-де-Романса говорили, что онъ, сынъ Людовика XV, ходилъ въ рабочей курткѣ, съ фартукомъ, а потомъ въ кафтанѣ сидѣлъ за обѣдомъ съ нами. Этотъ маркизъ сдѣлался обойщикомъ. Сынъ его, по ходатайству отца, былъ опредѣленъ въ первый кадетскій корпусъ, выпущенъ изъ него офицеромъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, которымъ начальствовалъ эмигрантъ графъ Ламбертъ. Полкъ прославился подъ его начальствомъ. Братъ графа Ламберта совершилъ съ Бугенвилемъ кругосвѣтное плаваніе и былъ въ Мадритѣ при батюшкѣ секретаремъ при нашемъ посольствѣ. Молодой маркизъ-де-Романсъ былъ убитъ подъ Аустерлицемъ.

Революціонное правительство Французское требовало выдачи одного эмигранта, проживавшаго въ Гамбургѣ. Сенатъ Гамбургскій готовился выдать жертву обреченную на смерть. Отецъ взялъ эмигранта подъ покровительство Россіи и выпроводилъ его въ Петербургъ. Въ инструкціяхъ данныхъ батюшкѣ объ эмигрантахъ не было вовсе о томъ упомянуто. За свое заступничество отецъ ждалъ быть отозваннымъ или получить наистрожайшій выговоръ. Отецъ имѣлъ Анненскую ленту, единственный орденъ, который онъ имѣлъ. Павелъ остался совершенно доволенъ заступничествомъ оказаннымъ эмигранту. «M. Mouraviff a agi comme un Dieu» [1]: вотъ какъ выразился Павелъ о поступкѣ отца моего.

Пятилѣтній мальчикъ въ красной курткѣ, изображенный на нашей семейной картинѣ [2]), былъ ярый роялистъ. Эмигранты разсказами своими о бѣдствіяхъ претерпѣнныхъ королемъ, королевой, королевскимъ семействомъ и прочими страдальцами, жертвами кровожадныхъ террористовъ, его сильно смущали. Отецъ его садится бывало за фортепіано и заиграетъ «la Marseillaise», а мальчикъ затопаетъ ногами, расплачется, бѣжитъ вонъ изъ комнаты, чтобъ не слушать ненавистные звуки, которые сопровождали къ смерти жертвъ революціи.

---

[1]) Г-нъ Муравьевъ дѣйствовалъ побожески.

[2]) Т. е. самъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ.

Начальствующій Французскими войсками въ Голландіи Дюмурье бѣжалъ и прибылъ въ Гамбургъ. Батюшкѣ поручено было отъ нашего правительства не приглашать его офиціальнымъ образомъ въ Россію, но дать уразумѣть, что у насъ его ждетъ благосклонная встрѣча. Чтобы успѣшно исполнить это порученіе, батюшка угощалъ обѣдами генерала. Во время званыхъ обѣдовъ, насъ дѣтей приводили въ гостинную, и гости вставали изъ за стола. Дюмурье хотѣлъ взять за руки мальчика, чтобъ его приласкать. Мальчикъ отскочилъ съ негодованіемъ и сказалъ: «je déteste, monsieur, un homme qui est traître envers son roi et sa patrie!» [3]) Можно себѣ представить неловкое положеніе дипломата при неожиданной выходкѣ сынка своего.

Въ бытность свою въ Петербургѣ нѣсколько дней сряду Дюмурье не былъ у развода. Павелъ неотлагательно требовалъ отъ всѣхъ генераловъ, своихъ и чужихъ, чтобы они являлись ежедневно къ разводу. Когда наконецъ Дюмурье явился, Павелъ, подозвавъ его, сказалъ гнѣвнымъ голосомъ: Général, il y a plusieurs jours que je ne vous ai vu à la parade.—Sire, j'ai fait ma cour aux grands de votre empire.—Général, apprenez qu'il n'y a de grands chez moi que ceux aux quels je parle et dans le moment seul où je leur parle [4]).

Монье, живописецъ Людовика XVI-го, находился между эмигрантами проживавшими въ Гамбургѣ. Помню, какъ съ матушкой и съ сестрою Екатериной Ивановной [5]) я ѣздилъ къ нему, и онъ снималъ съ насъ портреты. Больше еще впечатлѣло въ моей памяти эти посѣщенія слѣдующее обстоятельство: въ одинъ изъ нашихъ пріѣздовъ онъ угостилъ насъ земляными грушами, привезенными не задолго передъ тѣмъ въ Европу изъ Америки. Монье былъ въ Петербургѣ, снялъ портреты съ дядюшки Михаила Никитича, тетушки Екатерины Ѳедоровны, брата Никиты Михайловича и со многихъ другихъ. Портретъ отца моего, писанный знаменитою Анжеликою Кауфманъ, сгорѣлъ въ Московскомъ пожарѣ 1812 года, гравюры не было сдѣлано, и портретъ погибъ безвозвратно.

---

[3]) Я ненавижу, милостивый государь, человѣка, который измѣнилъ своему королю и своему отечеству.

[4]) Генералъ, я нѣсколько дней не видалъ васъ на парадѣ.—Государь, я навѣщалъ вельможей вашей Имперіи.—Генералъ, знайте, что вельможами у меня только тѣ, съ кѣмъ я говорю и только на то время, пока я съ ними говорю.

[5]) Крестницею Екатерины Великой, впослѣдствіи супругою Иларіона Михайловича Бибикова. П. Б.

Помню, съ какимъ восторгомъ въ Гамбургѣ праздновались побѣды Суворова въ Италіи. Помню дамскій головной уборъ, въ родѣ каски, съ Французскою надписью надъ козырькомъ: «Vive Souvoroff!»

Когда, по настоянію Вѣнскаго кабинета, Павелъ вызвалъ Суворова изъ ссылки, чтобъ его назначить главноначальствующимъ надъ нашими и Австрійскими войсками въ Италіи, недоброжелатели звали Суворова: *старикомъ сумасшедшимъ*. Павелъ хотѣлъ дать въ дядьки Суворову генерала Германа, который начальствовалъ надъ нашими войсками, высаженными на островъ Джердзей. Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ долженъ былъ замѣнить Германа. М. И. Кутузовъ пріѣхалъ въ Гамбургъ, узналъ о пораженіи Германа въ Голандіи, провелъ шесть недѣль въ нашемъ домѣ и возвратился въ Россію. Всю свою жизнь онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ отцомъ моимъ.

Гатчинцы, эти опричники въ царствованіе Павла I-го, много хлопотъ надѣлали отцу; часто приходилось краснѣть за нихъ. Назначенные къ нашимъ войскамъ, высаженнымъ на островъ Джердзей, они на перепутьи останавливались въ Гамбургѣ, гдѣ узнавали, куда имъ ѣхать. Одинъ изъ этихъ Гатчинцевъ просилъ батюшку, чтобъ онъ его представилъ Гамбургскому королю; просилъ, чтобъ дано было знать на съѣзжей, что крѣпостной человѣкъ его, котораго онъ прибилъ, бѣжалъ. Когда батюшка сказалъ, что въ Гамбургѣ нѣтъ съѣзжей, Гатчинецъ воскликнулъ: «хорошъ городъ, въ которомъ нѣтъ ни короля, ни съѣзжей!» Другой Гатчинецъ хотѣлъ доѣхать до острова Джердзей сухимъ путемъ. Батюшка намъ говорилъ, что мы никогда не поймемъ громаднаго переворота, совершившагося у насъ въ Россіи со вступленіемъ Павла I-го на престолъ. Наши начальствующіе генералы 1812 года принадлежали царствованію Екатерины II-й; обхожденіемъ и познаніями они рѣзко отличались отъ Александровскихъ генераловъ.

По возвращеніи въ Россію, батюшка разсказалъ представителю Иностранной Коллегіи графу Ростопчину продѣлки Гатчинцевъ въ Гамбургѣ. Графъ Ростопчинъ отвѣчалъ, что и на его долю досталось немало хлопотъ отъ нихъ. Одинъ изъ этихъ Гатчинцевъ, откланиваясь Государю предъ своимъ отъѣздомъ, плѣнилъ Павла своею наружностью, изображавшею неподражаемо вѣрно Прусскаго генерала во время Семилѣтней войны, за чтò пожаловано было ему пятьдесятъ червонцевъ. Гатчинецъ опять къ Ростопчину съ просьбой быть вновь представленнымъ Государю, чтобъ благодарить за оказанную щедрость. «Этихъ денегъ вамъ недостанетъ, чтобъ доѣхать до мѣста» [6]), замѣчаетъ Ростоп-

[6]) Т.-е. въ какое нибудь отдаленное мѣсто Россіи. П. Б.

чинъ.—Помилуйте, графъ, возражаетъ Гатчинецъ: всякій извощикъ довезетъ меня за десять рублей; я знаю городишко, я въ немъ стоялъ съ ротой». Гатчинецъ принималъ уѣздный городъ Ямбургъ за Гамбургъ.

Нашъ первый кадетскій корпусъ славился, какъ лучшее учебное заведеніе въ Европѣ. Фельдмаршалъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, нѣкогда объѣхавшій всю Европу, помѣстилъ внука своего, котораго онъ усыновилъ, князя Николая Григорьевича Волконскаго въ первый кадетскій корпусъ, гдѣ онъ кончилъ свое воспитаніе. Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ своимъ образованіемъ служилъ лучшею похвалою воспитанію, которымъ отличались наши офицеры. Прусская муштровка, соблюдаемая Павломъ, Александромъ и Николаемъ, окончательно убила первый кадетскій корпусъ. Изъ него стали выходить офицеры, которые едва умѣли подписать имя свое. Именованіе Павловскимъ перваго кадетскаго корпуса напоминаетъ слова, сказанныя отцемъ нашимъ о громадности переворота, совершившагося у насъ со вступленіемъ Павла I-го на престолъ, переворота столь рѣзкаго, что его не поймутъ потомки.

Муравьевъ-Апостолъ.

Въ Москвѣ
28 Октября 1869 г.

(*Сообщено Августою Павловной Сазановичъ*).

Эти разсказы относятся къ картинѣ, на которой изображено все семейство Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола. Они записаны покойнымъ декабристомъ по желанію его молодыхъ родственниковъ и, къ сожалѣнію, только начаты. Необыкновенная отзывчивость ко всему современному препятствовала Матвѣю Ивановичу заняться спокойнымъ изложеніемъ своихъ воспоминаній. А сколько онъ могъ передать любопытнаго и достопамятнаго, онъ, перевидавшій на своемъ долгомъ вѣку множество замѣчательныхъ людей отъ Гамбурга и Парижа до рудниковъ Сибирскихъ. Вышенапечатанные разсказы писаны уже въ глубокой старости. П. Б.

ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА КЪ Р. С. СТУРДЗѢ (ГРАФИНѢ ЭДЛИНГЪ).

1.

Que vous êtes bonne, madame, d'avoir pensé à un malade, et surtout de lui avoir parlé ce langage qui lui fait toujours tant de bien. Ne craignez jamais d' aller trop loin: mon âme comprend si bien la vôtre chaque fois. Dites vous que si quelque chose peut adoucir *ces peines d'affection*, dont vous me parlez et dont effectivement je souffre depuis quelque tems, ce n'est que des consolations provenant d'une âme comme la vôtre. Je regrette bien vivement d'être privé du plaisir de vous voir, et vous recevoir chez moi m'aurait assûrement fait oublier mon indisposition. Cependant je ne voudrais pas acheter ce plaisir à un prix aussi terrible que celui de vous voir tout-à-coup atteindre soixante ans [1]). Veuillez m'envoyer la lettre dont vous me parlez; je crois que c'est le plus simple, et recevez encore une fois l'expression de ma reconnaissance pour votre charmant billet, dont certainement personne au monde n'apprendra l'existence. C'est le premier moment de libre que j'ai pu trouver pour vous tracer ces lignes: étant couché, je me trouve même assez embarassé pour écrire.

Переводъ.

Какъ вы добры, сударыня, что подумали о больномъ и, особенно, что поговорили съ нимъ тѣмъ языкомъ, который всегда такъ облегчаетъ его. Никогда не бойтесь зайти слишкомъ далеко: моя душа такъ хорошо каждый разъ понимаетъ вашу. Скажите себѣ, что если что-нибудь можетъ смягчить *эти муки привязанности*, про которыя вы мнѣ говорите и которыми я дѣйствительно страдаю съ нѣкоторыхъ поръ, такъ это только утѣшенія, исходящія изъ души подобной вашей. Я очень жалѣю, что лишенъ удовольствія васъ видѣть, и возможность принять васъ у себя конечно заставила бы меня забыть мое нездоровье; но, несмотря на то, я не желалъ бы пріобрѣсти это удовольствіе цѣною столь ужасною,—увидѣть васъ внезапно шестидесятилѣтнею [2]).

---

[1]) M-lle d. S. se plaignait dans son billet de n'avoir pas soixante ans pour pouvoir servir l'auguste malade, sans craindre la médisance.

[2]) Р. С. Стуздза сожалѣла въ своей запискѣ, что ей нѣтъ шестидесяти лѣтъ и что поэтому она не можетъ ходить за августѣйшимъ больнымъ, не боясь злословія.

Соблаговолите прислать мнѣ письмо, о которомъ вы говорите; я думаю, что это самое простое, и примите еще разъ выраженіе моей благодарности за вашу прелестную записку, про существованіе которой, конечно, не узнаетъ никто на свѣтѣ. Пользуюсь первою свободною минутою, чтобы писать вамъ сіи строки; будучи въ постелѣ, я даже съ затрудненіемъ могу писать.

2.

Pardonnez moi, madame, d'avoir tardé si longtems à vous répondre. La vie que j'ai menée y a été un obstacle continuel. Cependant ce fatras de besogne de tant de genres différens ne m'a pas empêché de sentir tout le bien que votre lettre était faite pour produire sur mon âme. Elle a apprécié toutes les vérités que vous me tracez et se glorifie d'appartenir à cette nation inconnue au monde, mais dont le triomphe avance à grands pas. Mon séjour à Paris, excédant sous tous les autres rapports, a été d'un intérêt immense quant à celui de l'avancement de l'oeuvre du Seigneur. Combien je Le bénis à chaque instant du jour de m'avoir mis sur cette voie de vérité et de véritable vie si différente, si supérieure à cette autre vie misérable dont on apprend toujours plus à connaître le néant. J'accepte avec plaisir la dédicace de l'ouvrage dont vous me parlez, madame, et vous remercie mille fois de la peine que vous avez bien voulu prendre de me traduire le mémoire qui en donne l'apperçu. Je suis toujours charmé de m'associer à des oeuvres pareilles. Laissez moi aussi vous exprimer toute ma gratitude pour les sentimens personnels que vous m'énoncez dans votre aimable lettre. Persuadez vous bien que je vous aime aussi du fond de mon âme et que ces sentimens vous sont voués pour toujours. De coeur et d'âme tout à vous pour la vie.

Переводъ.

Простите меня, сударыня, что я такъ долго вамъ не отвѣчалъ. Образъ жизни, который я велъ, былъ мнѣ въ этомъ постояннымъ препятствіемъ. Между тѣмъ куча всяческихъ работъ не помѣшала мнѣ почувствовать то благо, которое ваше письмо произвело на мою душу. Она оцѣнила всю правду, которую вы мнѣ начертали, и гордится тѣмъ, что принадлежитъ къ той невѣдомой свѣту націи, торжество которой приближается большими шагами. Мое пребываніе въ Парижѣ, утомительное во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, было чрезвычайно интересно относительно успѣха въ Божіемъ дѣлѣ. Какъ я Его благословляю каждую минуту, что Онъ меня поставилъ на самый путь истины и настоящей жизни, столь иной и превосходящій ту жалкую жизнь, ничтожество которой обнаруживается все больше и больше. Съ удовольствіемъ принимаю посвященіе труда, о которомъ вы говорите, сударыня, и тысячу разъ благодарю васъ за то, что вы потрудились перевести для меня записку, составляющую краткое обозрѣніе его. Я всегда радъ принять участіе въ подобныхъ дѣлахъ. Позвольте мнѣ также заявить всю мою благодарность за личныя чувства, которыя вы мнѣ выражаете

въ вашемъ любезномъ письмѣ. Будьте твердо увѣрены, что я васъ также люблю отъ глубины души и что эти чувства посвящены вамъ на всегда. Отъ всей души и сердца весь вашъ на всю жизнь.

3.

J'ai tardé jusqu'à aujourd'hui pour vous répondre, madame, espérant pouvoir vous demander la permission de venir vous voir ce soir; mais comme je dois y renoncer par le nombre d'occupations qui me sont survenues, je veux du moins par écrit vous exprimer combien je suis sensible à tout ce que vous voulez bien me dire, ainsi que m-me votre mère. Avoir pu vous être utile a été une jouissance pour moi. Dans deux ou trois jours j'espère pouvoir me présenter chez vous et vous exprimer de bouche toute la peine que j'éprouve de ce que vous nous quittez, ainsi que tout l'attachement bien sincère que je vous ai voué pour la vie. Recevez en même tems mes hommages respectueux.

Переводъ.

Я до сего дня медлилъ моимъ вамъ отвѣтомъ, сударыня, надѣясь быть въ состояніи просить у васъ позволенія посѣтить васъ сегодня вечеромъ; но такъ какъ я долженъ отказаться отъ этого, по причинѣ многочисленныхъ занятій, встрѣтившихся мнѣ, то я хочу по крайней мѣрѣ письменно выразить вамъ, какъ я чувствую все, что̀ вы хотите мнѣ сказать, равно какъ и ваша матушка. Возможность быть вамъ полезну была для меня наслажденіемъ. Черезъ два или три дня я надѣюсь быть въ состояніи явиться къ вамъ и словесно выразить вамъ всю скорбь, которую я испытываю отъ того, что вы насъ покидаете, а также искреннюю привязанность, которую я вамъ посвятилъ на всю жизнь. Примите въ тоже время изъявленіе моего глубокаго почтенія.

4.

La première de vos demandes, madame, est si juste et si facile à remplir que je vous prie de l'envisager comme l'étant déjà; quant à la seconde, je tiens trop moi-même à vous voir chez vous avant votre départ pour que je ne profite avec empressement de votre permission. Je sens le besoin de vous exprimer tous les voeux que je forme pour votre bonheur dans tous les sens, en même tems les regrets que j'éprouve de vous voir vous éloigner de chez nous. Recevez en attendant l'assurance de l'attachement sincère que je vous porte.

P. S. Je profite de cette occasion pour vous dire que votre frère ne perdra certainement rien de son ancienneté, et je vous prie d'être sans inquiétude à ce sujet.

Переводъ.

Первая изъ вашихъ просьбъ, сударыня, такъ справедлива и легко исполнима, что я прошу васъ считать ее какъ бы исполненною; что̀ касается до второй, то мнѣ самому слишкомъ хочется видѣть васъ у васъ передъ вашимъ отъѣздомъ, чтобы я съ поспѣшностью не воспользовался вашимъ позволеніемъ. Я чувствую потребность выразить вамъ всѣ мои пожеланія счастья во всѣхъ отношеніяхъ, въ тоже время и сожалѣніе, которое я испытываю при мысли, что вы удаляетесь отъ насъ. Примите пока увѣренность въ моей искренней привязанности къ вамъ. P. S. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сказать вамъ, что братъ вашъ не потеряетъ старшинства, и я прошу васъ не безпокоиться на счетъ этого.

5.

Zarsco Selo, le 28 avril (10 mai) 1817.

Je ne puis résister au besoin de vous exprimer, madame, combien j'ai pris de part au malheur qui vient de frapper votre frère et à la douleur que vous devez en éprouver. Il est impossible dans des cas pareils d'offrir des consolations. Telle a été la volonté divine; la nôtre doit être de savoir nous y plier et nous résigner avec patience à ses décrets. Des coups pareils sont des épreuves par lesquelles notre éducation spirituelle avance vers son véritable but. Je parle à un être qui me comprend bien. Qui mieux que vous connaît toute la profondeur des intentions et des décrets de ce Dieu-Sauveur! Rien ne se fait par hasard ou sans but. Que de réflexions cela ne doit-il pas faire naître en nous! Votre frère et toute votre famille peuvent servir de modèles de pieuses résignations. Celle qu'ils ont déployée dans cette circonstance cruelle est vraiment admirable. C'est la véritable foi seule qui peut la faire naître, et il est consolant de voir des êtres parvenus à ce dégré.—On nous fait espérer votre prochaine arrivée ici. Vous ne doutez pas, je l'espère, du plaisir avec lequel je vous reverrai; l'absence n'a rien diminué du tenrdre et sincère attachement que je vous ai voué pour toujours. Recevez, je vous prie, mes hommages les plus respectueux.

Переводъ.

Царское Село, 28-е Апрѣля (10 Мая) 1817 г.

Я не могу устоять противъ желанія выразить вамъ, сударыня, какое я принялъ участіе въ несчастьи, поразившемъ вашего брата *), и скорби, которую вы должны испытывать. Въ подобныхъ случаяхъ невозможно предлагать утѣшенія. Такова была воля Божія; наша должна заключаться въ томъ, чтобы умѣть покоряться ей и предаваться съ терпѣніемъ ея по-

*) Кончина первой супруги Александра Скарлатовича Стурдзы, урож. Сѣвериной
П. Б.

велѣніямъ. Подобные удары суть испытанія, посредствомъ которыхъ наше духовное воспитаніе подвигается къ своей настоящей цѣли. Я говорю съ существомъ, хорошо меня понимающимъ. Кто лучше васъ знаетъ про глубину начертаній и опредѣленій Господа-Спасителя? Ничто не совершается случайно или безцѣльно. Сколько размышленій должно это порождать въ насъ! Вашъ братъ и вся ваша семья могутъ служить лучшими примѣрами благочестивой покорности. Та, которую они выразили въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, по истинѣ удивительна. Одна истинная вѣра можетъ возбудить ее, и утѣшительно видѣть существа, у которыхъ она достигла такой степени. Намъ подаютъ надежду на вашъ близкій пріѣздъ сюда. Надѣюсь, вы не сомнѣваетесь въ удовольствіи, съ которымъ я васъ опять увижу; отсутствіе ничуть не уменьшило мою нѣжную и искреннюю привязанность, посвященную вамъ навсегда. Примите, прошу васъ, свидѣтельство моего глубокаго почтенія.

*

Эти и нижеслѣдующія письма суть случайныя, но въ тоже время наглядныя свидѣтельства тѣхъ возвышенныхъ отношеній, въ которыхъ находилась графиня Р. С. Эдлингъ къ императору Александру Павловичу и его супругѣ. Читатели конечно не позабыли ея удивительныхъ Записокъ, появившихся въ прошломъ году „Русскаго Архива“ и потомъ вполнѣ изданныхъ во Французскомъ подлинникѣ. Эти письма служатъ подтвердительнымъ дополненіемъ этихъ Записокъ. Они напечатаны со списковъ, за сообщеніе которыхъ мы обязаны признательностью племянницѣ графини Эдлингъ, княгинѣ Марьѣ Александровнѣ Гагариной. П. Б.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ КЪ Р. С. СТУРДЗѢ (ГРАФИНѢ ЭДЛИНГЪ).

1.

Le regret de ne pas vous avoir vue, ma chère comtesse, pendant mon séjour en Allemagne se joint à tous ceux que j'emporte en quittant ce pays. Vous ayant dévancée à Weymar, et n'y repassant plus, je ne pouvais plus m'attendre à vous voir. Je sais que vous ne pouvez pas quitter m-me votre mère, et que vous remplissez vos devoirs dans toute leur étendue. J'ai été bien sensible à la manière dont vous me dites ce que vous éprouvez à cet égard, et vous prie de recevoir d'aussi bon coeur les voeux que je forme pour vous et les vôtres.

La douleur et le deuil qui cette fois ont marqué mon séjour en Allemagne me rendent peut-être plus propre à partager les peines que vous avez éprouvés récemment, et c'est une raison de plus pour regretter de ne vous avoir pas vue. Quand même je devrais y renoncer pour toujours, il n'est pas nécessaire, j'espère, de vous assurer, ma chère comtesse, que mes sentimens pour vous et l'intérêt sincère que je vous porte sont à jamais invariables.

Переводъ.

Сожалѣніе о томъ, что я не видѣла васъ, моя дорогая графиня, во время моего пребыванія въ Германіи присоединяется ко всему, что я испытываю, покидая эту страну. Перегнавъ васъ въ Веймарѣ и болѣе не возвращаясь туда, я не могла болѣе ожидать васъ видѣть. Я знаю, что вы не можете оставить вашу матушку, и что вы исполняете ваши обязанности во всемъ ихъ объемѣ. Я была очень чувствительна къ тому, какъ вы мнѣ выразили ваши чувства по этому поводу, и прошу васъ принять также хорошо мои пожеланія вамъ и вашимъ.—Скорбь и трауръ, ознаменовавшіе на этотъ разъ мое пребываніе въ Германіи [1]), дѣлаютъ меня, можетъ быть, болѣе способною раздѣлять горе, которое вы недавно испытали, и это еще болѣе заставляетъ меня жалѣть, что я не видѣла васъ. Еслибы я должна была отказаться отъ этого навсегда, то надѣюсь, нѣтъ надобности увѣрять васъ, моя дорогая графиня, что мои чувства къ вамъ и искреннее участіе, приносимое вамъ, неизмѣнны на вѣки.

---

[1]) Императрица Елисавета Алексѣевна лишилась въ то время своего родителя герцога Баденскаго.

2.

Vous avez été la première, ma chère comtesse, à m'informer du projet de souscription [2]) que vous avez remis entre les mains du prince Galitzin. Je lui reproche de ne m'en avoir pas parlé. Il m'a allégué des raisons que je n'admets pas, mais je ne puis lui en vouloir, parce que j'aime mieux que ce soit vous qui m'ayez ouvert la voie par laquelle je puis contribuer au soulagement des malheureuses victimes d'une aussi belle et bonne cause. Soyez convaincue que toutes les fois que vous me mettrez à même de réaliser par quoique ce soit le vif intérêt que j'y porte, vous me causerez de la satisfaction, et recevez, je vous prie, tous mes remerciements de ce que vous avez pensé à moi dans cette occasion-ci.

Je vous en dois aussi pour m'avoir envoyé la traduction de l'oraison funêbre du patriarche de Constantinople. L'émotion dont on ne peut se défendre en la lisant prouve pour la beauté et la vérité des sentiments qui y règnent. On m'a dit que m-r de Stourza s'occupe à en faire une traduction allemande; oserais je vous prier de me la communiquer lorsqu'elle paraîtra. Je serai charmée de devoir la même impression aux sons de cette langue. Je communiquerai à la société des dames, dès que cela sera possible, le prospectus que vous désirez leur faire parvenir. Elle est dissoute momentanément par l'absence de plusieures dames, et ne se réunira que dans un mois. Je souhaite de pouvoir faire passer dans leurs âmes un zèle actif pour cet objet.

En attendant je remettrai au prince Galitzin, comme il me l'a indiqué, ma propre contribution. Croyez moi toujours, ma chère comtesse, votre bien affectionnée.

É.

Переводъ.

Вы первая, моя дорогая графиня, извѣстили меня о проектѣ подписки [3]), которую вы передали въ руки князя Голицына. Я его упрекаю въ томъ, что онъ мнѣ не говорилъ объ этомъ; онъ привелъ причины, которыхъ я не допускаю; но я не могу на него за это сердиться, потому что мнѣ пріятнѣе, чтобы вы указали мнѣ средство, которымъ я бы могла способствовать облегченію несчастныхъ жертвъ столь славнаго и хорошаго

[2]) Ce projet de souscription, jetté au hasard sur le papier dans le fond d'une province, produisit entre les mains du prince Galitzin plus d'un million de roubles.

[3]) Этотъ проектъ подписки, наброшенный случайно на бумагу въ глуши провинціи, принесъ въ рукахъ князя Голицына свыше милліона рублей.

дѣла [4]). Будьте убѣждены, что каждый разъ, какъ вы мнѣ дадите возможность доказать чѣмъ-нибудь живое участіе, съ которымъ я отношусь къ этому, вы мнѣ принесете удовлетвореніе, и примите, прошу васъ, мою живѣйшую благодарность за то, что вы подумали обо мнѣ въ этомъ случаѣ. Я вамъ также одолжена тѣмъ, что вы мнѣ прислали переводъ рѣчи на погребеніе Константинопольскаго патріарха. Волненіе, отъ котораго нельзя отдѣлаться, читая ее, служитъ доказательствомъ красоты и правды чувствъ, господствующихъ въ ней. Мнѣ говорили, что г. Стурдза занимается переводомъ ея на Нѣмецкій языкъ; смѣю ли я просить васъ сообщить мнѣ его, когда онъ появится: я буду рада имѣть тоже впечатлѣніе, но въ звукахъ этого языка. Я сообщу обществу дамъ [5]), какъ только это будетъ возможно, объявленіе, которое вы желаете имъ доставить. Оно не собирается нѣкоторое время по причинѣ отсутствія нѣсколькихъ дамъ, и соберется только черезъ мѣсяцъ. Я желаю быть въ состояніи вселить въ ихъ души дѣятельное усердіе по этому предмету. А пока я отдамъ князю Голицыну, какъ онъ мнѣ указалъ, мой собственный взносъ. Вѣрьте мнѣ всегда, моя дорогая графиня, что я ваша благосклонная Е.

3.

Taganrog, 21 avril 1826 [6]).

Je ne puis me refuser la satisfaction de vous remercier avant mon départ d'ici du contenu de votre dernière lettre et de la complaisance que vous avez eu de vous charger de la distribution des secours qui m'avaient été demandés. La pensée que ce soin appartenait de préférence à votre coeur m'a, peut-être, fait commettre une indiscrétion et doit me servir d'excuse.

Vous savez trop bien lire dans le mien, ma chère comtesse, pour que je ne vous parle pas de moi, en réponse aux sollicitudes que vous m'exprimez. Ma santé a beaucoup affaibli depuis cet hiver mais jamais je ne me suis refusée aux secours des médicins: je les regarde comme les instruments aveugles de la volonté divine; je me soumets à leurs prescriptions et ne crois qu'en Dieu et ne veux que ce qui sera Sa volonté. On m'assure que je supporterai bien le voyage d'ici à Kalouga et je compte partir demain. Partout où je serai, je penserai toujours avec émotion et reconnaissance aux moments où je vous ai vue ici et à ce que vous m'avez témoigné

[4]) Т. е. вспоможеніе жертвамъ Турецкаго изувѣрства на Греческихъ островахъ. П. Б.

[5]) Это общество, устроенное императрицею Елисаветою Алексѣевною въ 1812 году для пособія жертвамъ тогдашней войны. Имъ основанъ нынѣшній Патріотическій Институтъ въ Петербургѣ. П. Б.

[6]) Ecrite douze jours avant sa mort.

depuis. Si ma vie se prolonge, j'espère vous revoir. Mes voeux pour vous et pour tout ce qui vous est cher dureront autant qu'elle, et peuvent même aller au delà. Veuillez, ma chère comtesse, les croire aussi sincères que mon amitié pour vous.

Переводъ.

Таганрогъ, 21-е Апрѣля 1826 г. [1]).

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи поблагодарить васъ, передъ моимъ отъѣздомъ отсюда, за содержаніе вашего послѣдняго письма и за любезность, съ которой вы взялись раздать пособія, у меня просимыя. Мысль, что эта забота преимущественно принадлежитъ вашему сердцу, заставила меня, быть можетъ, совершить нескромность и должна служить мнѣ извиненіемъ.

Вы слишкомъ хорошо умѣете читать въ моемъ сердцѣ, моя дорогая графиня, чтобы я вамъ не сообщила о себѣ въ отвѣтъ на заботы, которыя вы мнѣ выражаете. Мое здоровье очень ослабѣло съ этой зимы, но никогда я себѣ не отказывала въ помощи врачей; я смотрю на нихъ, какъ на слѣпыхъ орудій воли Божіей, подчиняюсь ихъ предписаніямъ, но вѣрю только въ Бога и хочу только того, что̀ будетъ Его волею. Меня увѣряютъ, что я хорошо перенесу путешествіе отсюда въ Калугу, и я намѣреваюсь отправиться завтра. Гдѣ бы я ни была, я всегда буду думать съ умиленіемъ и благодарностью о тѣхъ минутахъ, когда я васъ видѣла здѣсь и о томъ, что̀ вы мнѣ выражали съ тѣхъ поръ. Если жизнь моя продолжится, я надѣюсь васъ увидѣть. Мои пожеланія вамъ и всему, что̀ вамъ дорого, будутъ продолжаться столько, сколько и жизнь моя и могутъ перейти за ея предѣлы. Считайте ихъ, моя дорогая графиня, такими же искренними, какова моя дружба къ вамъ.

---

[1]) Писано за 12 дней до ея кончины.

ЧАСТНОЕ ПИСЬМО НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПО ВСТУПЛЕНІИ ВЪ ПАРИЖЪ.

Отъ Н. А. Дивова къ его брату въ Россію.

Paris, ce 20 mars (1 d'avril) 1814.

C'est hier matin, mon cher ami, qu'à la fin nous sommes entrés à Paris aux aclamations des habitants de la ville de voir Alexandre et Louis XVIII.

Il me sera difficile de t'exprimer le bonheur que nous éprouvons dans ce moment de nous voir dans cette capitale et la joie que nous remarquons sur les visages des Parisiens. Et ce qui est bien flatteur pour nous, c'est que c'est véritablement le succès de nos armes qui nous ont portés jusqu'ici; car c'est la victoire d'avant-hier qui nous a ouvert les portes de Paris. Notre compagnie a eu aussi le bonheur d'être du nombre des combattants, et c'est sur notre batterie que le premier parlamenteur est arrivé pour annoncer à Sa Majesté l'Empereur que la ville de Paris se rendait. Quelques moments après l'Empereur est arrivé chez nous et a eu la bonté de nous dire qu'il avait été très content de nous. Nous étions sur la montagne de Belle-Ville en face de Mont-Martre, d'où nous dominions toute la ville. Nous y avons couché la nuit, et hier matin en grande parade nous sommes entrés par la porte S-t Martin, avons passé les boulevards et sommes sortis par les Champs-Élisées aux Bois de Boulogne, où nous sommes aux bivouaques.

Une fois que la compagnie s'est trouvée placée, je suis allé à Paris pour m'amuser. J'ai trouvé toutes les boutiques ouvertes et la ville très brillante. J'ai dîné chez Very au Palais-Royal et après le café que j'ai bu à la Rotonde, je me suis dit à quel spectacle irai-je, et c'est le Grand-Opera que j'ai choisi de préférence. J'ai entendu chanter... et vu danser madame Gardel et le fameux Vestris. Non, jamais je n'ai eu dans ma vie une journée comme celle d'hier: je croyais que c'était un songe. Les habitants tâchent de deviner ce qui peut nous faire plaisir. Après demain je compte aller de nouveau à Paris.

Il y a bien longtemps, mon cher ami, que je n'ai reçu de tes nouvelles, ni de celles de papa; j'espère que c'est aux courriers qu'il faut en attribuer la cause. La dernière lettre est du 13 decembre, et depuis je n'en ai pas reçu une seule. Je ne peux pas concevoir ce que font les courriers de tes lettres. Si tes finances te le permettent, je te prie de m'envoyer 50 à 60 ducats et de les adresser au général Ermoloff qui commande le corps des gardes. Je te demande cette somme, car je manque d'argent; je serai obligé dans ce moment d'emprunter 25 à 30 ducats pour me faire différentes choses qui me manquent: du tabac et du thé etc.

Adieu, mon cher ami; je t'embrasse comme je t'aime et suis pour la vie ton meilleur frère et ami

N. Divoff.

Переводъ.

Парижъ, 20 Марта (1 Апрѣля) 1814.

Вчера, наконецъ, милый другъ мой, вступили мы въ Парижъ при кликахъ жителей города, провозглашавшихъ Александра и Людовика XVIII. Мнѣ трудно выразить тебѣ удовольствіе, которое мы испытываемъ, видя себя въ этой столицѣ, и радость, написанную на лицахъ у Парижанъ. И что̀ всего болѣе лестно для насъ, такъ это то, что дѣйствительно успѣхъ нашего оружія привелъ насъ сюда; потому что наша побѣда третьяго дня открыла намъ ворота Парижа. Нашъ отрядъ тоже имѣлъ счастіе быть въ числѣ сражавшихся, и именно на нашу батарею явился первый парламентеръ объявить Его Императорскому Величеству, что Парижъ сдается. Нѣсколько минутъ спустя, прибылъ за нами Государь и милостиво сказалъ, что очень доволенъ нами. Мы стояли на горѣ Бельвю противъ Монмартра и господствовали оттуда надо всѣмъ городомъ. Тамъ же провели мы ночь, а вчера утромъ въ полномъ парадѣ вступили въ ворота Сенъ-Мартенъ, прошли бульвары и вышли Елисейскими полями въ Булонскій лѣсъ, гдѣ расположились на бивуаки. Какъ только отрядъ расположился, я отправился въ Парижъ повеселиться. Всѣ лавки я нашелъ отпертыми и городъ очень блестящимъ. Обѣдалъ я у Вери въ Пале-Роялѣ и когда послѣ кофе, который пилъ въ Ротондѣ, я задалъ себѣ вопросъ, въ какой бы пойти театръ, мой выборъ палъ на Большую Оперу. Я слушалъ тамъ . . . . *) и видѣлъ танцы г-жи Гардель и знаменитаго Вестриса. Нѣтъ, во всей моей жизни не было такого дня, какъ вчерашній: казалось, это былъ сонъ. Жители стараются угадать, что̀ можетъ доставить намъ удовольствіе. Послѣ завтра я думаю опять поѣхать въ Парижъ.

---

*) Пропускъ въ подлинникѣ.

Вотъ уже давно, милый другъ мой, что я не получаю вѣстей ни отъ тебя, ни отъ отца. Надѣюсь, что это по винѣ курьеровъ. Послѣднее письмо отъ 13 Декабря, и съ тѣхъ поръ не было ни одного. Не могу понять, что дѣлаютъ курьеры съ твоими письмами. Если тебѣ позволяютъ средства, пришли, пожалуйста, мнѣ 50—60 червонцевъ и адресуй ихъ на имя генерала Ермолова, который командуетъ гвардейскимъ корпусомъ. Прошу у тебя этихъ денегъ, потому что въ нихъ нуждаюсь. Мнѣ необходимо будетъ занять теперь 25—30 червонцевъ, чтобы обзавестись различными вещами: табакомъ, чаемъ и т. д.

Дорогой, мой милый другъ, обнимаю тебя, какъ и люблю. Твой на вѣки лучшій братъ и другъ

Н. Дивовъ.

*

Письмо это нѣкогда сообщилъ намъ самъ Николай Адріановичъ Дивовъ, по кончинѣ брата своего Александра Адріановича, къ которому оно писано. На немъ—отраженіе великихъ дней нашей всемірной славы. Читатели припомнятъ разсказъ Н. А. Дивова о дѣлѣ на Шомонскихъ высотахъ и сдачѣ Парижа, напечатанный въ „Русскомъ Архивѣ" 1878 года, I, 127. Намъ положительно извѣстно, что Н. А. Дивовъ велъ подробныя записки на Французскомъ языкѣ; но гдѣ находятся эти тетради, не знаемъ. Если они сохранились, въ нихъ должно быть немало замѣчательнаго, такъ какъ Дивовъ, человѣкъ весьма образованный, любознательный и въ разсказахъ своихъ правдивый, на долгомъ вѣку своемъ много видѣлъ и близко зналъ событій и людей достопамятныхъ. П. Б.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1825-й годъ [1]).

(Начато въ Манглисѣ близъ Тифлиса, во время командованія седьмымъ карабинернымъ полкомъ).

16-го Генваря. Привезли сюда въ совершенной исправности полковую музыку мою, которую Алексѣй Петровичъ уже полтора года какъ выписываетъ изъ Вѣны.

6-го Февраля былъ у меня балъ по случаю масляницы, на коемъ присутствовали всѣ офицеры, въ штабъ-квартирѣ находящіеся, и полковыя дамы.

14-го я пріобщался Святыхъ Таинъ.

22-го Марта я написалъ письмо къ Ник. Мих. Мордвинову [2]), въ коемъ я излагалъ мысли свои о женитьбѣ на дочери адмирала, съ коими вѣроятно онъ не будетъ согласенъ, но безъ исполненія коихъ не приступлю къ сему дѣлу; ибо я никакъ не располагаю съ супружествомъ лишиться независимости и поступить въ другое семейство, не хочу даже оному быть ничѣмъ обязаннымъ: я полагаю, что жена должна зависѣть единственно отъ мужа. Поступить же въ домоправители адмирала я не намѣренъ и потому мало надѣюсь видѣть когда либо исполненіе сего давнишняго намѣренія моего.

29-го былъ праздникъ Воскресенія Христова. Выпавшій со вчерашняго дня снѣгъ устлалъ показавшуюся уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ зелень на $^3/_4$ аршина; а сегодня присоединилась къ тому еще такая мятель, что, поѣхавши на саняхъ къ монастырю и выѣхавъ изъ рощи, я принужденъ былъ возвратиться, потому что духъ захватывало и ничего не было видно передъ собою отъ мятели.

Сегодня разослалъ я къ маіору Гладкому-Сацкому и шести ротнымъ командирамъ, участвовавшимъ въ праздникѣ, данномъ мнѣ 13-го Декабря прошлаго года въ память возвращенія моего изъ Хивы, по одному экземпляру моего путешествія на восточные берега Каспійскаго моря при письмѣ къ каждому, располагая завтра еще разослать шесть экземпляровъ сей книги нѣкоторымъ офицерамъ.

23-го Апрѣля, былъ ротный праздникъ въ 1-й караб. ротѣ, въ коей образъ Святаго Георгія. Поутру было у меня въ домѣ по сему случаю молебствіе, на коемъ присутствовали всѣ офицеры и вся рота 1-я ка-

[1]) См. выше, стр. 193.

[2]) Если не ошибаемся, это былъ родной дядя Н. Н. Муравьева, по матери. П. Б.

раб., уставившаяся весьма просторно въ три шеренги около стѣнъ зала, въ коемъ происходило служеніе. Послѣ сего былъ у меня званый обѣдъ, на коемъ были всѣ офицеры, въ штабъ-квартирѣ находящіеся.

8-го Мая я поѣхалъ въ Тифлисъ по случаю прибытія изъ Петербурга полковника барона Фридрикса для выбора людей въ гвардію. Пробылъ тамъ до 11-го.

Манглисъ. 26-го числа пріѣхалъ сюда, противъ всякаго чаянія моего, Измайловскаго полка шт.-кап. Мухановъ, родственникъ мой, который воспитывался и учился въ домѣ отца моего. Будучи адъютантомъ у Раевскаго, онъ былъ теперь смѣщенъ во фронтовые офицеры (потому что генералъ Раевскій, находясь въ отпуску, уже не командовалъ болѣе корпусомъ) и, не желая служить въ Петербургѣ, онъ пріѣхалъ сюда, дабы повидаться съ двоюродною своею сестрою княгинею Мадатовой и искать мѣста адъютанта у Ермолова до полученія имъ капитанскаго чина, для того, чтобы перейти ко мнѣ въ полкъ подполковникомъ. На сей случай привезъ онъ и письмо отъ генерала Раевскаго къ Алексѣю Петровичу; но ему было отказано.

8 Іюня. Дни три тому назадъ я всталъ поутру безпокоенъ; мрачныя мысли занимали меня, и причиною сего былъ слѣдующій сонъ.

Я видѣлъ, что былъ обокраденъ и между тѣмъ какъ занимался отысканіемъ пропажи (то было ночью), пришли ко мнѣ со всѣхъ сторонъ гости, въ числѣ коихъ были пріѣзжіе изъ Тифлиса и всѣ наши полковыя жены офицерскія. На спросъ мой, зачѣмъ они пришли, отвѣчали мнѣ, что, видя въ окно горящую свѣчу въ моей комнатѣ, полагали, что я еще не ложился спать и пришли провести вечеръ со мною. Вскорѣ явилась среди нихъ молодая дѣвица, прекрасная собою, но которую я не зналъ. Желая доставить удовольствіе гостямъ своимъ, я послалъ за музыкантами и пригласилъ ихъ танцовать; всѣ приняли сіе предложеніе съ удовольствіемъ и начали танцовать, а я одѣлся. Молодая незнакомка мнѣ весьма нравилась, я искалъ расположенія ея и самъ танцовалъ съ нею; она была отлична отъ всѣхъ красотою, ловкостью и воспитаніемъ; но никакъ не могъ я узнать кто она такая. Одинъ молодей офицеръ, похожій на капитана Далена, у меня въ полку служащаго, также старался ей нравиться и успѣвалъ болѣе меня, что мнѣ было очень досадно видѣть. Но вдругъ все исчезло, и балъ, и освѣщеніе, и гости, и незнакомая красавица. Невольнымъ образомъ сонъ сей меня два дни безпокоилъ: я ожидалъ какого либо непріятнаго извѣстія или происшествія, тѣмъ болѣе, что мнѣ помнилось во снѣ, будто кто-то, утѣшая меня, говорилъ, что это сонъ; но я, различая ясно предметы, увѣрялъ, что сіе не можетъ быть сонъ, и что я истинно видѣлъ сихъ людей и сіе происшествіе въ своей комнатѣ.

Но такъ какъ со мною ничего особеннаго не случилось въ теченіи сихъ трехъ дней, то я вчера и успокоился, забывъ о снѣ совершенно.

Вчера пріѣхалъ изъ Тифлиса Цинамсваровъ. Адъютантъ мой звалъ меня на чай къ себѣ. Я пришелъ къ нему съ Цинамсваровымъ, и принесли почту изъ Тифлиса пришедшую. Письмо отъ Н. М. Мордвинова возвѣстило мнѣ, что 29-го числа Апрѣля Н. Н. Мордвинова вышла за мужъ за отставнаго полковника Львова [1]). И такъ сбылся сонъ мой: ибо въ то самое время, какъ я читалъ письмо сіе, собрались къ адъютанту моему тѣ самыя особы, которыхъ я во снѣ видѣлъ у себя на вечеринкѣ; онѣ входили ко мнѣ изъ двухъ дверей, нѣкоторыя изъ оружейной комнаты или съ восточной стороны, другія же, женщины бо̀льшею частью, съ малаго крыльца или съ западной стороны. Не знаю почему, но во снѣ мнѣ было это очень замѣтно; нынѣ же случилось тоже самое и на яву, ибо особы сіи съ тѣхъ сторонъ именно сходились къ адъютанту въ домъ, съ которыхъ я видѣлъ ихъ приходящими ко мнѣ.

И такъ рѣшилось теперь дѣло, тянувшееся съ самаго начала своего 18 лѣтъ, а со времени даннаго родителями ея обѣщанія 10. Извѣстіе сіе меня оскорбило, огорчило очень сильно, ибо я не лишался надежды получить ее, коль скоро бы отецъ мой только согласился дать мнѣ чѣмъ жить въ Россіи, и я имѣлъ вѣрныя извѣстія о томъ, что родители ея расположены были вступить вновь въ сношенія со мною по сему предмету, и она сама была къ сему расположена. Но теперь все кончилось, и судьба моя должна воспріять совсѣмъ иной оборотъ. Не я прервалъ первый связь сію; я былъ постояненъ до конца. Теперь же осталось мнѣ только ожидать обстоятельствъ и слѣпо повиноваться судьбѣ, которая да управитъ участью моею по своему произволу. Сбылось и замѣчаніе мое, подтверждавшееся нѣсколько лѣтъ сряду, что около 10-го числа Іюня должно встрѣчаться со мною какое нибудь необыкновенное происшествіе.

15-го числа встрѣтился слѣдующій непріятный случай на Манглисѣ. Поутру донесли мнѣ, что бѣжало 10 человѣкъ солдатъ, въ числѣ коихъ пять изъ первой карабинерный роты. Той же роты унтеръ-офицеръ Козловскій съ двумя рядовыми нашелъ ихъ въ балаганѣ за завтракомъ въ лѣсу. Испуганные внезапнымъ пришествіемъ его, они выскочили и, какъ говоритъ унтеръ-офицеръ, выстрѣлили по немъ, но не попали; онъ также далъ по нимъ залпъ и ранилъ одного, ко-

---

[1]) Александръ Николаевичъ Львовъ, очень образованный и достойнѣйшій человѣкъ сынъ извѣстнаго при Екатеринѣ и Павлѣ Н. А. Львова, пріятель С. Т. Аксакова. Супруга его Наталья Николаевна, предметъ столь долгой страсти Н. Н. Муравьева, кончила жизнь въ Москвѣ въ маститой старости. Замѣчательно, что бывшій искатель руки ея, будучи уже престарѣлымъ генераломъ по видимому суроваго закала, краснѣлъ при встрѣчѣ съ нею. Такъ цѣльна была его могучая природа. П. Б.

торый и остался на мѣстѣ; прочіе же бѣжали. Опасаясь съ такимъ малымъ числомъ людей оставаться въ лѣсу, онъ возвратился. Въ слѣдъ за нимъ послалъ я маіора Кашутина съ двумя офицерами и 40 солдатами для отысканія бѣжавшихъ. Онъ ходилъ три дни по лѣсамъ, былъ на Цалнѣ, но никого не нашелъ и вчера ввечеру возвратился. Раненаго принесли въ самый день его отправленія, и онъ на другой день умеръ, сознавшись въ своемъ преступленіи.

Въ исходѣ прошлаго мѣсяца прибыли ко мнѣ деньщикъ мой Морозовъ, остававшійся въ Москвѣ, и мальчикъ, присланный ко мнѣ батюшкою; они привезли съ собою книги мои и разныя вещи, которыя оставались въ Москвѣ.

18 Іюля. Теперь занимаетъ меня день и ночь одна мысль: возвращеніе на родину. Служа въ Грузіи безъ всякой цѣли, нынѣ, со времени замужства дочери адмирала, я сталъ помышлять о спокойствіи, котораго вѣрно здѣсь не найду никоимъ образомъ. Къ тому еще служатъ мнѣ поводомъ обстоятельства, которыя, какъ кажется, вынуждаютъ Алексѣя Петровича выѣхать отсюда и оставить совсѣмъ Грузію. Будучи любимъ и уважаемъ имъ, я долженъ ожидать гоненій отъ преемника его; а лучше не дождаться ихъ, тѣмъ болѣе когда служба и обманчивыя прелести ея мнѣ давно уже надоѣли.

26-го числа Іюля я поѣхалъ въ Гори для обозрѣнія дорогъ, ведущихъ въ Карталинію. Долина Куры населена многими деревнями; изъ нихъ въ каждой почти есть замки, въ коихъ живутъ помѣщики, а всѣ вообще имѣютъ большіе виноградные сады; но жаркій климатъ тѣхъ мѣстъ причиною, что вся земля въ поляхъ совершенно выгорѣла, и кромѣ горъ, покрытыхъ зеленымъ лѣсомъ, природа въ семъ мѣстѣ мертвая. Переправился я въ бродъ черезъ Куру и проѣхалъ въ Гори, гдѣ остановился у полковника Попова, командира Херсонскаго гренадерскаго полка.

Видъ города Гори прекрасенъ; старинная крѣпость занимаетъ вершину скалы довольно обширной, находящейся на самой равнинѣ; городъ же расположенъ у подошвы сей скалы, имѣетъ нѣкоторыя строенія порядочныя, но вообще тѣсенъ, впрочемъ изъ уѣздныхъ городовъ Грузіи можетъ быть въ числѣ лучшихъ. Тамъ выстроены католическая церковь и Армянская весьма хорошо.

На другой день пріѣзда моего я ходилъ съ Поповымъ къ царевнамъ. Одна изъ нихъ—дочь бывшаго Грузинскаго царя Ираклія; ея дочь замужемъ за княземъ Эристовымъ и имѣетъ также дочь лѣтъ 18-ти, хорошую собою и весьма любезную по здѣшнему, по крайней мѣрѣ скромную. Мнѣ жаль было видѣть, что Поповъ, содержа ихъ въ надеждѣ, что онъ женится на внучкѣ царевны, не упуститъ перваго

случая, если оный только предстанетъ, воспользоваться ея цѣломудріемъ, чтò легко можетъ статься отъ легковѣрія бабки, не умѣющей видѣть въ Races Поповѣ качества развратныя. Хотя онъ въ другаго рода дѣлахъ вѣроятно иначе повелъ бы себя; но чтò до сего касается, то нельзя похвалить его правилъ, и царевна повидимому слѣпо ему вѣритъ и надѣется, ожидая брака сего какъ благополучія для своей внучки, тогда какъ Поповъ, дѣлая сіе для своей забавы единственно, вредитъ дѣвицѣ и можетъ ее сдѣлать навсегда несчастною.

Другая царевна изъ фамиліи князей Андрониковыхъ; она была замужемъ за братомъ послѣдняго Грузинскаго царя Георгія. Обѣ онѣ весьма почтенныя дамы, имѣютъ ордена Св. Екатерины, ласковы въ обращеніи, и кровь ихъ или происхожденіе замѣтны только изъ благороднаго обхожденія ихъ, нисколько же отъ свойственной Азіатцамъ гордости, коей въ сихъ нѣтъ нисколько.

Дни черезъ два послѣ моего пріѣзда въ Гори, Поповъ дѣлалъ балъ у себя, на коемъ присутствовали царевны съ своею внучкою и Горійскіе чиновники съ женами и дочерьми своими. Балъ сей былъ въ родѣ полковыхъ баловъ моихъ, которые я давалъ прошлою зимою; мнѣ жаль было только видѣть, что бѣдную внучку Елену Эристову, которая могла бы быть счастлива, вышедъ за мужъ за Грузина, обманывали надеждой, что она будетъ супругою Попова.

Я провелъ время свое въ Гори совершенно противно моему образу мыслей; ибо ночи проводили мы въ питьѣ, ходили съ музыкою по всему городу, а днемъ спали.

1-го Августа, въ день выѣзда моего изъ Гори, я пріѣхалъ поздно ввечеру въ селеніе Ностицу, лежащее у самой подошвы горъ, принадлежащее маршалу уѣздному дворянства въ Гори, князю Тарханову. Старикъ принялъ меня со всевозможною вѣжливостію и гостепріимствомъ; тутъ я нѣсколько отдохнулъ отъ пребыванія моего въ Гори. Замокъ его окруженъ стѣною съ башнями; видъ съ галереи его прекрасный, онъ обозрѣваетъ всю долину, на которой разсѣянныя деревни со своими замками и башнями напоминаютъ времена феодализма, въ которомъ точно и жили Грузины до пришествія Русскихъ. Хозяинъ мой пользовался особеннымъ уваженіемъ всѣхъ помѣщиковъ въ окрестностяхъ. Собралось до 15 человѣкъ князей, и все Тархановыхъ, изъ коихъ всякій старался чѣмъ могъ угодить и услужить мнѣ. При всей вѣжливости ихъ я не могъ не замѣтить озлобленія ихъ на правительство наше или, лучше сказать, на своего окружнаго начальника маіора Петрова, произведшаго сіе негодованіе. Человѣкъ сей служилъ при Ладинскомъ въ моемъ полку и былъ извѣстенъ мошенничествами своими, коими онъ пріобрѣлъ ненависть всего общества офицеровъ;

онъ по видимому нынѣ притѣсняетъ самыми низкими средствами подчиненныхъ своихъ и не пріобрѣлъ отъ нихъ ни малѣйшаго уваженія. По слухамъ онъ пускается въ самые подлые поборы. Вообще я замѣтилъ весьма дурное расположеніе духа въ Гори, и при первомъ удобномъ случаѣ оно вѣроятно окажется съ невыгодою для насъ. Удивительно еще смиреніе и повиновеніе сихъ людей, выведенныхъ изъ терпѣнія.

Манглисъ, 14 Августа. Передъ выѣздомъ моимъ изъ Ностицы, хозяинъ мой сдѣлалъ угощеніе, послѣ котораго князья, подвеселившись нѣсколько виномъ, стали плясать, вывели и племянницу его лѣтъ 14-ти дѣвочку, весьма хорошую собою, которая плясала погрузински, и праздникъ сей не кончился бы съ вечера, еслибы я не поспѣшилъ выѣхать; всѣ провожали меня около версты. По прибытіи сюда я засталъ только что пріѣхавшими казначея Майвалдова, чиновника изъ канцеляріи корпуснаго командира Закревскаго и аудитора Молочнаго. Майвалдовъ разсказалъ мнѣ въ подробности о случившемся на линіи въ Чечнѣ. Генералъ-маіоръ Грековъ, командовавшій оною, имѣлъ извѣстіе, что между ними явился нѣкій пророкъ, предвѣщавшій сего года совершенную гибель всѣхъ Русскихъ и имъ возвращеніе свободы. Святой сей или пророкъ явился еще въ прошедшемъ году, какъ я слышалъ отъ другихъ, и нынѣшнія происшествія давно уже готовились. Узнавъ, что въ извѣстный день и почти часъ, Чеченцы, собравшіеся въ значительномъ количествѣ изъ нашихъ мирныхъ деревень, переселенныхъ послѣ послѣдней войны на равнину, и изъ горъ никогда нами непокоренныхъ, собираются напасть на Амираджи-юртское укрѣпленіе и Аксаевскую деревню, также укрѣпленную, онъ былъ въ обоихъ сихъ мѣстахъ и далъ наставленія начальникамъ сихъ крѣпостей, какъ имъ распорядиться въ случаѣ ожидаемаго нападенія. Сіе говорилъ Майвалдовъ, пріятель Грекова; вотъ какъ я слышалъ начало сіе отъ другихъ.

Грековъ, коему поручено было управленіе Чеченцами, переселившимся на равнины, многими поборами и несправедливостями ожесточилъ ихъ такъ, что они вынуждены были взбунтоваться и, вступивъ снова въ союзъ съ единоземцами своими, оставшимися непокоренными въ горахъ, рѣшились сдѣлать нападеніе на насъ подъ предводительствомъ явившагося среди нихъ пророка. Какъ бы то ни было, послѣдствія сего дѣла слѣдующія. Чеченцы напали на укрѣпленіе Амираджи-юртское въ расплохъ, ворвались въ крѣпость и вырѣзали всю роту тамъ находившуюся, взяли двѣ полевыя пушки и около восьми гарнизонныхъ тамъ находившихся; осталось только нѣсколько человѣкъ безъ оружія и два офицера. Захвативши тутъ все оружіе

и снаряды, отправились они къ Аксаевской деревнѣ и укрѣпленію, гдѣ, найдя болѣе осторожности, расположились около крѣпости осаждать ее. Грековъ, освѣдомившись о семъ происшествіи, собралъ сколько было можно войскъ, около двухъ ротъ, пошелъ освобождать подполковника Сарочана, находившагося въ осадѣ, и былъ настигнутъ дорогой генералъ-лейтенантомъ Лисаневичемъ, спѣшившимъ къ нему въ семъ случаѣ, но безъ войскъ. Чеченцы, осаждавшіе Аксай, увидя приближающееся войско, разбѣжались, и Лисаневичъ съ Грековымъ вступили въ крѣпость и освободили Сарочана. Тутъ Лисаневичъ сталъ вызывать изъ толпы людей подозрительныхъ въ семъ заговорѣ и вредныхъ правительству нашему вліяніемъ, которое они имѣли въ народѣ; ихъ было человѣкъ до 10. Двухъ вызвали и взяли подъ стражу; позвали третьяго, и онъ, отозвавшись на зовъ, вынимаетъ кинжалъ и въ присутствіи всего народа и войскъ убиваетъ на мѣстѣ Грекова, бросается въ слѣдъ за симъ на Лисаневича и ранитъ двумя ударами кинжала (отъ коихъ онъ черезъ нѣсколько дней умеръ), за симъ кидается на пристава Филатова и наноситъ ему также кинжаломъ рану, но не смертельную (ибо стоявшее тутъ войско не дало ему довершить своего намѣренія). Лисаневичъ, упадая, закричалъ солдатамъ: въ штыки! Всѣ бросились, убійцу въ мигъ закололи; а за симъ солдаты, остервенившись, въ ярости стали колоть предстоящій народъ. Чеченцы, испугавшись, оставили дома свои и городъ и укрылись въ горы.

Въ семъ положеніи находились Чеченскія дѣла, когда Алексѣй Петровичъ, отлагавшій со дня на день поѣздку свою на линію, вынужденъ былъ поспѣшить туда. Онъ выѣхалъ, но больной, и послѣднія извѣстія были, что онъ остановился за болѣзнію во Владикавказѣ; между тѣмъ въ Чечнѣ уже сбирался отрядъ изъ пяти батальоновъ. Неизвѣстно еще, какія послѣдствія были сему дѣлу и чѣмъ оно кончилось.

Будучи въ послѣдній разъ въ Тифлисѣ, я познакомился короче съ Сергѣемъ Николаевичемъ Ермоловымъ, отъ котораго узналъ о состояніи дѣлъ нашихъ съ Персіею. Споръ о границахъ, который уже три года продолжается, до сихъ поръ еще не конченъ. Съ нашей стороны были сдѣланы большія уступки, но Персіяне еще ими не были довольны и не умѣрялись въ требованіяхъ своихъ; это было причиною, что произошло у Алексѣя Петровича съ Абазъ-мирзою неудовольствіе, и послѣдній, кажется, грозился вторженіемъ въ границы наши. Алексѣй Петровичъ, досадуя на расположеніе Государя, не позволяющаго ни подъ какимъ видомъ войны, писалъ къ нему передъ выѣздомъ своимъ письмо, почти убѣждая его допустить военныя дѣйствія съ Персіянами. Въ семъ письмѣ, излагая свою преданность Государю, онъ давалъ чувствовать въ сильныхъ выраженіяхъ, сколько

ему прискорбно видѣть уменьшеніе довѣренности, которую къ нему имѣли и прибавилъ, что, въ случаѣ уступки Персіянамъ требуемаго ими, Государь можетъ прислать для исполненія его воли другаго начальника, но что онъ никогда на сіе не рѣшится. Письмо это было писано, какъ говорятъ, въ выраженіяхъ довольно дерзкихъ. По видимому, онъ не располагаетъ здѣсь долго остаться, или его не хотятъ здѣсь долѣе имѣть. По сему случаю я посылалъ Сергѣя Ермолова къ нему спросить, уѣзжаетъ ли онъ отсюда, дабы самому взять мѣры къ отъѣзду своему. Отвѣтъ его былъ, что еще не сбирается отсюда выѣхать, и во всякомъ случаѣ онъ долженъ съ линіи возвратиться въ Тифлисъ. Я же не располагаю здѣсь болѣе остаться, и всѣ помышленія мои клонятся къ отъѣзду, который полагаю предпринять въ началѣ будущаго года, почему и готовлю полкъ свой къ сдачѣ. Мнѣ здѣсь нечего болѣе дѣлать, и пора уже возвратиться домой, послѣ долгаго странствованія и потерь невозвратныхъ! Тамъ, можетъ быть, найду я еще покой и счастіе, въ достиженіи коего провелъ я тщетно лучшіе года моей жизни и всѣ моей молодости безъ успѣха.

Въ ночь съ 16-го на 17-е Августа мѣсяца, въ полную луну, я видѣлъ слѣдующій сонъ. Я умиралъ въ тяжкой болѣзни, старанія лѣкарей и собравшихся родственниковъ не помогли мнѣ; я умеръ, и меня положили въ каменный гробъ, изъ цѣлаго камня высѣченный, отнесли въ старую церковь и поставили тамъ гробъ на ноги, такъ что я, находясь въ немъ, такъ же стоялъ, но не могъ только двигаться, видѣлъ только нѣсколько въ малое отверстіе, оставленное для глазъ. Лѣкаря удивились, видя меня ожившаго въ гробу; я сталъ говорить, но только двигаться не могъ. Усмотрѣвъ, что мнѣ роютъ могилу въ самой церкви, я сожалѣлъ, что не хотѣли меня похоронить въ открытомъ мѣстѣ или въ рощѣ и съ гробомъ своимъ подвинулся къ могилѣ. Въ это самое время она провалилась, и подъ церковью открылся большой погребъ, въ коемъ находились гроба похороненныхъ тутъ въ старые годы знатныхъ фамилій Грузинъ. Чувствуя приближающуюся смерть, я просилъ бумаги, чтобъ написать свое завѣщаніе, началъ писать, но, замѣтивъ улыбку присутствующихъ, спросилъ ихъ о причинѣ оной: мнѣ отвѣчали, что я такъ неразборчиво пишу, что совершенно ничего нельзя прочесть. И такъ я чувствую смерть свою снова приближающуюся. Я слабѣлъ и просилъ Молочнова писать за меня. Въ это время увидѣлъ я мать свою на смертномъ одрѣ, въ другомъ углу лежащую. Штабъ-лекарь моего полка говорилъ, что напрасно такъ заблаговременно и въ моемъ присутствіи рыли могилу, чтó могло ускорить мою смерть и тревожить меня. Лѣкарь же, ощупавъ пульсъ, объявилъ, что есть надежда къ выздоровленію. Симъ

все кончилось, и я проснулся. Могилу же рылъ Веденей, мой человѣкъ, который былъ очень огорченъ и плакалъ, роя могилу.

24-го Августа. Причиною сна сего была вѣроятно пещера, которую мы недавно открыли близъ Манглискаго монастыря. Она въ двухъ саженяхъ подъ землею и состоитъ изъ нѣсколькихъ ходовъ, выточенныхъ сводами, идущими въ разныя стороны; въ сихъ ходахъ есть ниши въ стѣнахъ, въ коихъ поставлены большіе кувшины, аршина въ три величины. Теперь мы трудимся надъ изслѣдованіемъ одного хода, который нѣсколько завалился. Вѣроятно пещера сія служила убѣжищемъ жителямъ во времена набѣговъ, и весьма немудрено, что мы въ ней найдемъ, если не сокровище, то по крайней мѣрѣ мѣдную посуду: ибо, по словамъ жителей, монастырь Манглискій и окрестъ лежавшія деревни были оставлены внезапно по нападеніи Лезгинъ, которые разгромили ихъ и всѣхъ монаховъ побили. Съ тѣхъ поръ, тому 70 лѣтъ, мѣста сіи служили убѣжищемъ Лезгинамъ, которые ѣздили къ Тифлису грабить; цѣлыя шайки ихъ жили въ самомъ монастырѣ, но не открыли сіи пещеры; надобно полагать, что жители, уже много разъ встревоженные набѣгами, скрыли въ нихъ имущество свое.

Тифлисъ, 25 Сентября. Выѣздъ мой изъ Манглиса (3-го числа) былъ точно въ неблагополучный часъ предпринятъ; ибо,когда я пріѣхалъ сюда, Вельяминовъ объявилъ мнѣ, что 19-го числа ѣдетъ ко мнѣ. Сіе понудило меня собраться опять въ Манглисъ. Возвратившись отъ него, я сталъ распоряжаться къ отъѣзду, какъ въ сосѣдственной комнатѣ поднялся визгъ и плачъ. Причиною сего была кончина жены хозяина моего Бебутова, которая уже девять лѣтъ лежала разбитая параличемъ и, впавши въ болѣзнь за нѣсколько дней до пріѣзда моего, умерла сейчасъ. Дочь ея была также при смерти больна и, такъ какъ хозяину негдѣ было помѣститься съ плакальщицами и покойницею, то онъ просилъ меня уступить ему мою комнату, въ которую и помѣстили покойницу. Къ счастью случился у меня въ это время Майвалдовъ, который пригласилъ меня ночевать къ себѣ, и я перешелъ къ нему.

Дѣла наши съ Персіей принимаютъ видъ войны. Мазаровичъ, нашъ повѣренный въ дѣлахъ, возвратился оттуда. Абазъ-мирза, не получая земель, принадлежащихъ ему по трактату Гюлистанскому въ 1812 году, при Ртищевѣ сдѣланному, которыя мы на границѣ заняли, и получивши личныя оскорбленія отъ Алексѣя Петровича, наговорилъ множество дерзостей и ругательныхъ словъ въ отвѣтъ на оныя на счетъ главнокомандующаго Мазаровичу и грозилъ войною съ жалобою Государю на обиды имъ понесенныя и грубости сдѣланныя ему Алексѣемъ Петровичемъ; между тѣмъ не упустилъ упомянуть и о всѣхъ безпорядкахъ происходящихъ здѣсь въ управленіи Грузіи, которое ему

совершенно и во всей подробности извѣстно, говоря, что первое его вторженіе будетъ сопряжено съ повсемѣстными возмущеніями въ нашихъ ханствахъ и даже въ самой Грузіи отъ жителей, озлобленныхъ грабежемъ и несправедливостью чиновниковъ, ими управляющихъ, въ чемъ онъ совершенно правъ. Между тѣмъ конница Персидская уже вступила во владѣнія спорныхъ земель и согнала съ оныхъ наши обывательскіе караулы. Неизвѣстно и любопытно знать, чѣмъ кончится все сіе происшествіе, въ коемъ виноватъ повидимому Алексѣй Петровичъ своею запальчивостью: ибо, зная мысль Государя, не желающаго войны, онъ не долженъ бы разстраивать союза съ Персіей и оскорблять самыми неприличными выраженіями наслѣдника Персидскаго престола, за то только что онъ требуетъ возвращенія ему принадлежащаго. Вслѣдствіе послѣднихъ дѣйствій Персіянъ, которыя политика вѣроятно научаетъ приписывать самоуправству Эриванскаго сардаря, Алексѣй Петровичъ предписалъ Вельяминову жаловаться письмомъ о семъ Абазъ-мирзѣ, съ изложеніемъ мнѣнія своего, что не должно и несовмѣстно приступать къ мѣрамъ такого рода, когда еще не конченъ и не рѣшенъ споръ о пограничныхъ земляхъ.

27 Сент. Вельяминовъ поѣхалъ на Бѣлый Ключъ, гдѣ онъ выкрестилъ сыновей Алексѣя Петровича; 29-го онъ возвратился. Я поспѣшилъ къ нему, дабы объявить ему объ узнанномъ мною здѣсь, что маршалы дворянства на дняхъ, собравшись къ губернскому предводителю дворянства, хотѣли написать прошеніе съ жалобою Государю и послать съ онымъ депутатовъ, почему и сбирали они деньги съ прочихъ дворянъ. Я счелъ обязанностью предупредить свое начальство о семъ, но скрылъ людей, доведшихъ сіе до свѣдѣнія моего и самыя подробности сего обстоятельства, какъ то предметъ жалобъ, не полагая, чтобы сіе до меня касалось, и предоставилъ начальству самому взять мѣры къ дознанію сего и прекращенію.

Алексѣй Петровичъ повидимому ѣдетъ съ линіи для свиданія съ Государемъ въ Астрахань или въ Таганрогъ. Государь, узнавъ объ убіеніи Лисаневича и Грекова и дѣлахъ на линіи, назначилъ по представленію его князя Горчакова дивизіоннымъ командиромъ на линію; въ присылкѣ же войскъ сюда отказалъ ему. Изъ рескрипта сего замѣтно только хорошее расположеніе къ нему Государя; но о дѣлахъ Персидскихъ Государь ничего не пишетъ, и одно свиданіе ихъ должно рѣшить дѣло сіе.

5-го Октября я пріѣхалъ въ Манглисъ. Персидская конница, занявшая, по вытѣсненіи безъ драки нашихъ обывательскихъ карауловъ, спорныя пограничныя мѣста, расположилась лагеремъ въ сихъ мѣстахъ и привела земледѣльцевъ, которые и начали ихъ запахивать.

По приказанію Вельяминова полковникъ князь Севарсемидзевъ ходилъ туда съ ротою и съ орудіемъ. Персіяне, издали увидѣвшіе ихъ, бѣжали, оставя весь лагерь намъ. Но Саварсемидзевъ послалъ ихъ воротить и отдалъ имъ все брошенное, велѣвъ очистить мѣста сіи, что̀ они и исполнили немедленно.

9 Ноября. Я получилъ изъ Тифлиса письмо отъ Майвалдова, коимъ онъ увѣдомляетъ меня, что посланныя на границу войска усмирили нѣсколько надменность Персіянъ, которые стали миролюбивѣе и что повидимому все обойдется безъ шума (по крайней мѣрѣ такъ кажется до весны). Извѣстія сіи согласны и съ извѣстіями, получаемыми мною отъ Флиге, который пишетъ, что Персидскихъ войскъ весьма мало на границѣ, а регулярныхъ и совсѣмъ нѣтъ. Не менѣе того мѣры сіи неизлишни, дабы показать Персіянамъ, что расположеніе наше не уступать имъ. О пріѣздѣ Государя въ Астрахань ничего болѣе не слышно. Алексѣй Петровичъ все еще въ Амираджъюртѣ и не скоро оттуда тронется. Начальникъ же штаба, собравъ отрядъ, по словамъ Майвалдова, стѣснилъ Кабардинцевъ въ одномъ ущельѣ, такъ что они принуждены будутъ съ наступленіемъ зимы положить оружіе или погибнуть. По сему случаю и потребовали 1000 человѣкъ пѣхоты изъ Тифлиса на линію, дабы занять посты, изъ коихъ выведены были войска для стѣсненія Кабардинцевъ, и войска сіи должны тамъ остаться до окончанія похода противъ Кабардинцевъ.

26-го. Пріѣхалъ сюда Цинамсваровъ, который ѣздилъ въ Амамлы къ двумъ ротамъ моимъ, тамъ находящимся. По словамъ его подтверждаются всѣ извѣстія, даваемыя мнѣ Флигемъ о ничтожности дѣлъ на границѣ съ Персіянами. Эриванскій сардарь отвѣчалъ посланному къ нему отъ князя Севарсемидзева, что подданные его никогда не осмѣлятся нарушить миръ, а что князю вольно дурачиться сколько ему угодно. Отъ Цинамсварова также узналъ я, что въ Караклисъ прибылъ изъ Персіи ханъ, который ѣдетъ къ Государю и который теперь долженъ быть уже въ Тифлисѣ.

Къ 6-му Декабря я созвалъ сюда офицеровъ своихъ изъ Тифлиса и сдѣлалъ балъ, на которомъ всѣ веселились безъ притворнаго удовольствія.

Но наши дѣла не въ лучшемъ состояніи. Закубанцы разграбили еще одну станицу неподалеку отъ Ставрополя. Главнокомандующій выѣхалъ изъ Чечни въ Екатериноградъ для свиданія и вѣроятно для совѣщанія съ Горчаковымъ и начальникомъ штаба, послѣ чего, какъ говорятъ, должна начаться экспедиція для усмиренія горцевъ. Чеченцы ожидали его въ проѣздѣ его въ числѣ 300 человѣкъ, но опоздали и напали уже на возвращающійся конвой его, изъ ста казаковъ состо-

явшій. Послѣ небольшой перестрѣлки одинъ Чеченецъ былъ взятъ, коему, какъ говорятъ, главнокомандующій приказалъ отрубить уши и пустить обратно къ его единоземцамъ.

Манглисъ, 14-го Декабря. Собрались изъ Тифлиса офицеры наши и сдѣлали мнѣ праздникъ по случаю возвращенія моего въ сей день изъ Хивы: былъ обѣдъ, балъ и ужинъ; во время бала я былъ вызванъ на дворъ и увидѣлъ изготовленную иллюминацію: впереди стоялъ щитъ съ моимъ вензелемъ, а по бокамъ происшествія изъ путешествія моего въ Хиву, срисованныя въ большомъ видѣ съ картинъ моего путешествія, а именно первая ночь на берегу, крѣпость Ильгельди и пріемъ, сдѣланный мнѣ ханомъ; къ нимъ присоединенъ еще четвертый видъ, изображающій мое возвращеніе къ берегу изъ Хивы, чтó сдѣлали по словамъ священника. Картины сіи, изъ коихъ двѣ написаны весьма порядочно, были освѣщены сзади плошками, такъ какъ и всѣ строенія, на площади находящіяся, и подъ ними были написаны стихи, приличные изображеннымъ случаямъ. При выходѣ моемъ была сдѣлана пальба выстроенными для сего по обѣ стороны щитовъ солдатами. Послѣ же того по обыкновенному начались попойка и качаніе.

12-го числа маіоръ Кашутинъ привезъ сюда извѣстіе о смерти Государя. 11-го числа въ Тифлисѣ всѣ военные и народъ присягнули императору Константину Павловичу.

16-го приводилъ я къ присягѣ на вѣрность службѣ новому императору Константину Павловичу при штабъ-квартирѣ находящихся воинскихъ чиновъ.

24-го выѣхалъ я изъ Манглиса въ Тифлисъ, гдѣ намѣревался узнать о расположеніи Алексѣя Петровича остаться служить или нѣтъ въ Грузіи, расположить по сему и дѣйствія и, въ случаѣ, если только обстоятельства мнѣ позволятъ, не замедлить поданіемъ въ отпускъ или отставку. Не думаю однакожъ, чтобъ мнѣ удалось исполненіе желанія моего въ семъ случаѣ, ибо домашнія обстоятельства, и отца, и братьевъ, въ весьма дурномъ состояніи.

1826-й годъ.

(Начато въ Манглисѣ, 2 Января 1826).

Будучи въ Тифлисѣ, я обдумывалъ свое положеніе и то на чтò мнѣ теперь рѣшиться надобно: идти въ отставку или остаться. Дабы ѣхать въ Россію, увидѣлъ я только одну причину—мое желаніе, и я нашелъ оную недостаточною, если она не поддержана доводами, доказывающими пользу сего. Пріѣхавъ въ Россію, я найду недостатокъ въ домѣ отца и братьевъ и слѣдовательно не буду въ состояніи при-

ступить къ единственному намѣренію моему—жениться; тѣмъ болѣе что батюшка нисколько не расположенъ помочь мнѣ. Уѣзжая отсюда, я теряю генеральскій чинъ, до коего мнѣ уже немного служить осталось, и тогда мнѣ будетъ легко уѣхать, не имѣя на рукахъ полка, который уже будетъ сданъ. Между тѣмъ, я не считаю на женитьбу въ Россіи, коей лишатъ меня независимости мною пріобрѣтенной многими трудами и безпокойствомъ: ибо захотятъ, чтобъ я сіе сдѣлалъ не по своему выбору, а по выбору родственниковъ. Я пріѣхалъ сюда вчера въ намѣреніи заняться опять полкомъ и оставить оный со службою не прежде какъ когда понудятъ меня къ сему какія нибудь непріятныя обстоятельства.

Февраля 2-го я приказалъ Артемовскому изготовить приказъ о назначеніи на мѣсто его другаго, въ должность адъютанта, а именно прапорщика Потебню 2-го, который до сихъ поръ управлялъ работами; я пробовалъ образовать сего молодаго офицера, имѣющаго отличныя способности и доставить симъ ему счастье. На прошлой недѣлѣ начались у меня классы для офицеровъ.

Третьяго дня узналъ я о несчастномъ происшествіи, случившемся въ Черниговскомъ полку, коего однимъ батальономъ командовалъ Сергѣй Муравьевъ. Мнѣ не могло не быть прискорбно слышать о несчастіи, постигшемъ всѣхъ трехъ братьевъ и все семейство ихъ.

Тифлисъ, 20 Февраля. Вчера былъ у меня Мазаровичъ, который передалъ мнѣ извѣстіе, полученное княземъ Мадатовымъ изъ Петербурга и которое онъ мнѣ третьяго дня еще сказалъ, что князь Менщиковъ ѣдетъ въ Персію на мѣсто Мазаровича. Въ такомъ случаѣ я не думаю, чтобъ Алексѣй Петровичъ остался долѣе въ Грузіи, и я долженъ буду брать мѣры, дабы удалиться отсюда.

Манглисъ, 29 Марта. Вчера получилъ я письмо отъ батюшки, коимъ онъ увѣдомляетъ меня, что братья Александръ и Михайло находятся въ Петербургѣ и что жены ихъ туда же поѣхали, не объясняя причинъ сего потому я имѣю сильный поводъ безпокоиться о томъ, что ихъ взяли въ Петербургъ по подозрѣнію въ участіи въ недавно случившихся тамъ возмущеніяхъ. Получивъ письмо сіе вчера послѣ обѣда, я легъ спать и видѣлъ во снѣ старшаго брата, пріѣхавшаго въ Грузію, который говорилъ мнѣ, что онъ былъ увезенъ въ Петербургъ скованный, но оправдался, присовокупивъ, сколько онъ меня считаетъ счастливымъ, что я живу въ Грузіи, гдѣ только и можно найти покой.

Тифлисъ, 3 Апрѣля. Я ѣздилъ являться и былъ у Менщикова, который не могъ мнѣ никакихъ свѣдѣній о братьяхъ дать, кромѣ того, что ему извѣстно было, что старшаго взяли въ Петербургъ къ допросу; онъ же говорилъ мнѣ что Никита Муравьевъ содержится въ тайнѣ и потому о немъ

ничего неизвѣстно. Менщиковъ по видимому извѣстенъ о всѣхъ дѣйствіяхъ здѣшнихъ и старался отъ меня узнать также объ оныхъ; но я счелъ обязанностью уклониться отъ подобныхъ объясненій. Я былъ также у княгини Мадатовой, которая сказала мнѣ, что получила письмо отъ брата своего, коимъ извѣщаетъ ее, что братья мои освобождены, но что Александръ не хотѣлъ выдти изъ подъ ареста, требуя наказанія за то что онъ, различными разговорами и внушеніями въ молодости своей, вовлекъ многихъ молодыхъ лѣтъ въ возникшее возмущеніе и содѣлалъ ихъ чрезъ сіе несчастными.

Манглисъ, 27-го Апрѣля. По извѣстіямъ, полученнымъ мною отъ Севарсемидзева о намѣреніи Турокъ вторгнуться въ границы наши, я выѣхалъ отсюда 24-го числа для осмотра дорогъ ведущихъ по хребту Карталинскихъ горъ прямо къ Тифлису и проѣхалъ верхомъ на Цалну, гдѣ пробылъ 25-го числа для осмотра роты 8-ой егерской, тамъ стоящей, и 26-го возвратился сюда по прямой дорогѣ.

30-го Мая. Мѣсяцъ сей почти весь прошелъ въ суетахъ и заботахъ. 17-го числа пріѣхалъ бригадный командиръ[1]), который смотрѣлъ полкъ и выѣхалъ отсюда 20-го; въ тотъ же день, по требованію начальства, я долженъ былъ явиться къ нему въ казачій Иловайскаго полкъ. 21-го онъ ѣздилъ къ Леонову, а я поѣхалъ на Цалну, дабы приготовиться къ пріему, но 22-го онъ прибылъ на Цалну, гдѣ 23-го дневалъ за дурной погодой; 24-го пріѣхалъ онъ въ Манглисъ, гдѣ былъ 25 и 26, а 27-го поѣхалъ въ Тифлисъ (куда ожидали прибытія корпуснаго командира) ночевалъ на Пріютинѣ, а 28 оттуда выѣхалъ. Я провожалъ его почти до Нѣмецкой колоніи по новой дорогѣ вправо; оттуда я возвратился въ Пріютино, гдѣ и ночевалъ, и вчера пріѣхалъ сюда. Сегодня же собираюсь ѣхать въ Тифлисъ съ поручикомъ Коцебу, котораго я привезъ съ собой сюда [2]).

Путешествіе Вельяминова имѣло въ предметѣ осмотръ Турецкой границы, Цалны, Бѣлаго Ключа, Манглиса или, лучше сказать, имѣло предлогомъ осмотръ мѣстъ сихъ; но по видимому настоящая цѣль его состояла въ томъ, чтобы сдѣлать прогулку, въ коей бы онъ могъ провести время свое самымъ для него пріятнымъ образомъ, въ полномъ наслажденіи тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, т. е. проводить время въ созерцаніи, ѣсть и пить безъ всякой помѣхи, въ чемъ ему и удалось совершенно. Полковые командиры по введенному порядку должны себѣ за счастье ставить угостить такого дорогаго по его мнѣнію гостя; они должны были предугадывать малѣйшія прихоти его

---

[1]) Вельяминовъ.

[2]) Дальнѣйшее писано уже года черезъ полтора, въ Тифлисѣ, 8 Декабря 1827. П. Б.

и заниматься одними только ими. Безъ сомнѣнія умный человѣкъ сей въ бесѣдѣ былъ очень пріятенъ; но не менѣе того посѣщенія его были тяготительны, и я по званію своему полковаго командира долженъ былъ вести себя согласно съ изложенными правилами.

Статью сію, описанную вкратцѣ прошлаго года, я распространилъ съ тѣмъ, чтобъ продолжать подробныя записки свои ежедневно, желая помѣстить въ оныя всѣ обстоятельства похода противъ Персіянъ, которыя я не имѣлъ времени записывать. Желалъ бы также подробно писать и обо всемъ со мною случившемся, ибо происшествія въ теченіи сего времени слишкомъ важны. Я женился, сдалъ полкъ, былъ исправляющимъ должность начальника штаба въ корпусѣ; на мнѣ лежало управленіе всей арміи при начальствѣ безпокойномъ и своенравномъ. Я видѣлъ паденіе Ермолова, возвышеніе Паскевича, коего главныя свойства сейчасъ назвалъ, видѣлъ поступки Дибича, исполнителя воли царской, видѣлъ ненависть, слабость, хитрость, безуміе въ самыхъ сильныхъ степеняхъ ихъ, служилъ въ то время при всѣхъ трехъ начальникахъ, слыхалъ временами ихъ отзывы другъ о другѣ, видѣлъ взаимное обхожденіе ихъ, скорбѣлъ о подавленной справедливости, объ ошибкахъ человѣка, чтимаго великимъ, о восторжествованіи глупца, о происках людей тупыхъ, хотѣлъ удалиться отъ всѣхъ суетъ сихъ; но меня не отпустили, я остался, исполнялъ обязанность свою и наблюдалъ.

Не менѣе того я не вздумалъ бы еще продолжать записокъ сихъ; но меня побудилъ къ сему приступить слѣдующій случай. Паскевичъ не переставалъ во все время похода нынѣшняго года дѣлать мнѣ самыя большія неудовольствія и упрекать меня въ тайныхъ связяхъ съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ съ намѣреніемъ, какъ онъ говорилъ, помрачить мнимую его славу. Однажды, видя хладнокровіе, съ коимъ я принимаю обидные и несправедливые упреки его, увѣнчалъ онъ поступки свои противъ меня, открывшись, что онъ понимаетъ цѣль мою написать о немъ книгу, дабы замарать его славные подвиги. Выраженіе сіе показалось мнѣ весьма смѣшнымъ, мысль странная; но возвратившись въ палатку, я воспользовался ею и подумалъ, что точно было бы жалко не передать потомству или лучше сказать не сообщить ближнимъ моимъ и друзьямъ всѣхъ поступковъ его, странностей, ошибокъ, непріятнаго нрава и обхожденія съ подчиненными. Вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось мнѣ оставить безъ замѣчаній и войны съ Персіянами, столь занимательной многоразличными обстоятельствами ее сопровождавшими; не хотѣлось мнѣ также не описать и происшествій лично со мною случившихся, главнѣйшихъ обстоятельствъ жизни моей. А потому я въ тоже время началъ составлять подробную программу, въ коей помѣстилъ все чтó могъ припомнить съ того дня какъ пересталъ вести

записки сіи и продолжалъ программу сію до сего дня, выжидая свободнаго времени, дабы распространить статьи оную составляющія. Нынѣ приступаю къ сему.

Корпусный командиръ, находившійся на линіи, пріѣхалъ въ Тифлисъ.

Слухи о войнѣ съ Персіянами уже давно носились, и правительству уже два года было извѣстно о приготовленіяхъ, ими дѣланныхъ, для начатія сей войны. Послѣ заключенія Гюлистанскаго мира Ртищевымъ должно было сдѣлать разграниченіе между обѣими державами; ибо до сихъ поръ граница сія никому не была извѣстна настоящимъ образомъ. Большею частію граница сія шла по вершинѣ горъ, отдѣляющихъ наши области отъ Персидскихъ; но сіе не было опредѣлительно. Притомъ же мирный трактатъ не пояснялъ границы сей, которую тогда не осматривали. Между тѣмъ кочевые народы наши пасли стада свои на мѣстахъ притязаемыхъ Персіянами. Полковникъ князь Саверземидзевъ занялъ даже въ 1818 году при Балыкчаѣ военный постъ въ земляхъ, которыя Персіяне называли своими. Въ томъ же году я былъ посланъ съ двумя ротами, дабы препятствовать жителямъ Тамшадилской дистанціи уклониться къ Персіянамъ, какъ о томъ носились слухи. Слѣдуя по берегу озера Гёкъ-чая, я не нашелъ удобнѣе мѣста, какъ устье рѣки Гили, впадающей въ сіе озеро съ юговосточной стороны, что̀ выходило на противуположной сторонѣ занятаго Саверземидзевымъ урочища, называемаго Шіакъ-Майданомъ. Мѣсто, мною открытое, было чрезвычайно выгодно тѣмъ, что самое озеро составляло уже природную преграду намѣревавшимся бѣжать за границу, и что съ малымъ числомъ войскъ можно было удержать большое количество Татаръ въ повиновеніи; при томъ же мы пріобрѣтали большую половину береговъ озера сего богатаго рыбною ловлею; но Гиль была уже за цѣпью горъ и далеко за оною. Персіяне въ томъ же году начали селить на Южномъ берегу сего озера Каракахскаго Начи-хана и не переставали ежегодно просить отъ главнокомандующаго возвращенія мѣстъ сихъ и назначенія чиновниковъ для размежеванія границы. Главнокомандующій всячески уклонялся отъ сего; но наконецъ были назначены д. ст. сов. Могилевскій и полковникъ Ермоловъ. Они употребили цѣлое лѣто для объѣзда границы сей, отъ Арпачая до Каспійскаго моря, видѣлись съ чиновниками Персидскими и не согласились ни въ чемъ.

Для окончанія дѣла сего былъ присланъ отъ Персидскаго двора уполномоченный чиновникъ Тавризскій беглярь-бекъ или губернаторъ Фетъ-Али-ханъ. Онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, былъ принятъ весьма хорошо и согласился на всѣ наши требованія, но согласіе его не

было признано правительствомъ Персидскимъ, и дѣло сіе опять осталось нерѣшенымъ. Между тѣмъ, осенью 1825-го года, извѣстіе о намѣреніи Персіянъ сдѣлать вторженіе въ границы наши уже совсѣмъ обнаружилось. Тогда послали двѣ роты моего полка въ Караклисъ для удержанія, въ случаѣ нападенія, непріятеля; ибо Тифлисскій полкъ, занимавшій линію сію, былъ такъ разстроенъ командиромъ своимъ полковникомъ княземъ Севарземидзевымъ, что онъ едва могъ выставить нѣсколько войскъ: люди были всѣ развлечены по хозяйству и частнымъ работамъ, такъ что они были болѣе похожи на поселянъ, чѣмъ на воиновъ. Упущеніе сіе по всей границѣ было, конечно, причиною блистательныхъ успѣховъ непріятеля въ началѣ сей войны; оно непростительно начальникамъ и болѣе всего главнокомандующему. Правленіе его было уже такъ слабо, и частные начальники столько пользовались сею слабостію, что послѣдствія отъ сего, какъ и оказалось, должны были произойти самыя пагубныя.

Обхожденіе корпуснаго командира съ Абасъ-мирзою и Персидскимъ правительствомъ было самое оскорбительное и возбуждало въ нихъ желаніе ко мщенію. Абасъ-мирза долго не рѣшался на сіе; онъ приготавливалъ исподволь всѣ мусульманскія области наши къ возмущенію, имѣлъ съ значительнѣйшими изъ оныхъ переписку; золото его, обѣщанія и письма разсыпались даже въ Дагестанѣ и дѣйствовали въ Чечнѣ, гдѣ народъ давно уже былъ озлобленъ злоупотребленіями правителей нашихъ, также какъ и въ ханствахъ. Между тѣмъ онъ самъ готовился сдѣлать вторженіе, коимъ онъ едва не лишилъ насъ всей Грузіи. Ему извѣстно было слабое и разстроенное состояніе войскъ нашихъ. Англійскіе офицеры, находящіеся въ службѣ его, пріѣзжали въ Тифлисъ подъ различными предлогами и доставляли ему самыя вѣрныя свѣдѣнія и, посылая уполномоченнаго своего Фетъ-Али-хана, бекляръ-бега Тавризскаго, для переговоровъ о границѣ, онъ нисколько не располагалъ привести дѣло сіе къ окончанію по желанію нашему, и потому, какъ было слышно, по возвращеніи его, Абасъ-мирза ограбилъ и наказалъ его палками по пятамъ за сдѣланныя имъ уступки.

Обхожденіе Севарземидзева съ Ериванскимъ сердаремъ было также весьма невѣжливое; но причиною сего были, можетъ быть, счеты, которые онъ имѣлъ по закупкѣ провіанта въ деревняхъ, Еривани подвѣдомственныхъ.

Когда, въ исходѣ 1825-го года, Персіяне подвинули войска свои къ Балыкъ-чаю, оставался въ Грузіи намѣстникомъ И. А. Вельяминовъ, который велъ частую переписку съ сердаремъ Ериванскимъ. Получивъ отъ него, наконецъ, весьма оскорбительное письмо, онъ испугался и, не смѣя открыть военныхъ дѣйствій, велѣлъ уступить имъ нѣкоторое

пространство земли; кажется даже, что при семъ случаѣ былъ у насъ одинъ раненый. Но покойный Государь ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ слышать о войнѣ, и дѣло сіе осталось безъ возмездія. Въ тоже почти время Севарземидзевъ ходилъ съ отрядомъ въ холодную зиму берегомъ озера Гёкъ-чая въ Гили, дабы прогнать оттуда селившихся Курдовъ; сожгли загороды, въ коихъ они держали барановъ своихъ. Но когда увидѣли войска ихъ, то также не осмѣлились дойти до предположеннаго мѣста и возвратились послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, ничего не сдѣлавши и оставивъ у нихъ въ рукахъ спорныя мѣста.

Въ 1826 году А. П. Ермоловъ началъ помышлять о мѣрахъ для защиты нашей границы; но кажется, что нынѣшній Государь болѣе вѣрилъ донесеніямъ его о приготовленіяхъ, дѣланныхъ непріятелемъ къ войнѣ, и располагалъ по первому требованію его увеличить число войскъ здѣшняго корпуса. Мѣры, имъ взятыя, были слишкомъ недостаточны. Вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на войска, коихъ по истинѣ было весьма достаточно, онъ предоставилъ полковымъ командирамъ дѣйствовать по прежнему, не переставая занимать людей работами, въ Тифлисѣ и штабъ-квартирахъ, такъ что, при вторженіи непріятеля, не стало вообще въ полѣ болѣе половины того, что̀ могло быть въ ружьѣ. Въ иныхъ полкахъ вышло не болѣе третьей доли людей, въ другихъ болѣе половины; но кругомъ считая, вѣрно не вышло много болѣе половины: всякій мыслилъ о своемъ имуществѣ, о своемъ хозяйствѣ и ничего не щадилъ, дабы спасти до послѣдней бездѣлицы собственности своей. Вмѣсто того, чтобъ предпринять самыя строгія и дѣятельныя мѣры для искоренія зла сего, Ермоловъ предписалъ, самъ будучи на линіи въ совершенномъ бездѣйствіи, г.-л. Вельяминову построить укрѣпленія при Миракѣ, что́ совершенно было въ Персидскихъ границахъ. Дѣло сіе поручили инженеръ-полковнику Литову; выборъ мѣста и все распоряженіе сіе соотвѣтствовали совершенно мѣрамъ предпринимаемымъ главнымъ начальствомъ.

Тогда же предполагали еще укрѣпить старую Лорійскую крѣпость, и я видѣлъ чертежи предположенныхъ укрѣпленій сихъ у начальника штаба, но къ исполненію сего не приступили; и можно ли было заботиться о семъ надлежащимъ образомъ, когда главныя статьи, необходимыя для войны сей, остались безъ вниманія: магазейны были пусты по всей границѣ. Сему служила поводомъ въ иныхъ мѣстахъ безразсудная бережливость не во̀-время; ибо начальство полагало сберечь выгоды казны, заготовляя только годовую потребность хлѣба въ магазейнахъ и ожидая новаго урожая для новыхъ закупокъ провіанта, и мѣра сія, не совсѣмъ позволительная по дурному расчету своему

въ мирное время, не должна бы имѣть мѣста въ такое время, когда могла встрѣтиться внезапная надобность въ большомъ количествѣ хлѣба по случаю ожидаемой войны. Въ Палебанской и Шурачевской дистанціяхъ, хотя и назначались пристава для управленія народомъ, но Севарземидзевъ, издавна владѣющій деревнями сими, коихъ большую часть онъ выселилъ изъ за границы, не допускалъ никогда приставовъ до своего правленія. Представленія губернаторовъ по жалобамъ приставовъ никогда не были уважаемы, и хотя злоупотребленія производимыя Севарземидзевымъ были извѣстны корпусному командиру, но онъ оставлялъ управленіе сихъ областей въ прежнемъ порядкѣ, будучи увлеченъ вселяемыми въ него понятіями, что Севарземидзевъ одинъ могъ только управляться съ сими народами. Севарземидзевъ же ничего не упускалъ изъ вида для пріобрѣтенія себѣ всѣхъ возможныхъ выгодъ: онъ уже нѣсколько лѣтъ имѣлъ полкъ свой на своемъ продовольствіи, т. е., получивъ изъ коммисіи провіантныя деньги и наполнивъ самъ магазейны свои хлѣбомъ, сбираемымъ имъ съ жителей сихъ двухъ дистанцій, которыхъ онъ сдѣлалъ своими данниками, ссужалъ имъ заимообразно при переселеніи ихъ за границу хлѣба и разныхъ хозяйственныхъ потребностей. Кромѣ того онъ завелъ свои собственные посѣвы, которые обрабатывались сими жителями и частью нижними чинами. Въ исходѣ 1825 года явился на торги для поставки хлѣба коммиссіонеръ Шароевъ, который обязался доставлять хлѣбъ въ Тифлисской полкъ по цѣнамъ дешевле тѣхъ, которыхъ требовалъ Севарземидзевъ. Ему была поручена сія закупка, и онъ успѣлъ бы въ дѣлѣ семъ, еслибы Севарземидзевъ не воспретилъ жителямъ продавать ему хлѣбъ. Шароевъ хотѣлъ доставить хлѣба изъ Еривани; но Севарземидзевъ, имѣя тамъ связи, также воспрепятствовалъ сему съ тѣми видами, чтобы казна опять возложила на него продовольствіе полка, по предлагаемымъ имъ цѣнамъ. Дѣло сіе завязалось на перепискѣ; доказывали, что Севарземидзевъ продавалъ хлѣбъ изъ деревень сихъ въ Еривань тогда, когда уже показывался недостатокъ въ ономъ въ нашихъ границахъ. Начальство разбирало дѣло сіе и, кажется, ничего не кончило. Когда же оказался явный недостатокъ, тогда Севарземидзеву послали деньги, которыя онъ, кажется, зачелъ за долги жителей ему, хотѣлъ въ счетъ долга сего еще собирать съ нихъ хлѣбъ и послѣ раззоренія ихъ; но сіе было невозможно, и недостатокъ сей въ провіантѣ былъ причиною весьма важныхъ и непріятныхъ послѣдствій во время военыхъ дѣйствій. Дѣло сіе мнѣ не было извѣстно по бумагамъ; но довольно извѣстно по тому, что̀ говорили люди, коимъ можно было вѣрить, и потому, что̀ я самъ могъ замѣтить.

Такого же почти рода дѣло завязалось въ Карабахѣ, гдѣ поставщикомъ провіанта былъ г.-л. Мадатовъ, оставившій крѣпость Шушу и войска безъ провіанта. Мадатова обвиняютъ въ корыстолюбивыхъ расчетахъ въ семъ случаѣ, и сему можно, кажется, повѣрить.

Не менѣе того, войскъ на границѣ не было достаточно; всѣ вообще были совершенно распущены, безпорядокъ въ правленіи чрезвычайный, злоупотребленія безъ мѣры, неудовольствіе жителей на правителей и правительство превосходило всякую мѣру, хлѣба не было, крѣпости не исправлялись; малодушіе, корысть знаменовали и осѣняли всѣ части правленія, всѣхъ почти начальниковъ, каждаго соотвѣтственно свойствъ его и способностей.

Смерть покойнаго Государя и возникшія въ Россіи возмущенія еще болѣе склонили Персіянъ къ начатію войны, отъ коей они ожидали и въ правѣ были ожидать самыхъ блистательныхъ выгодъ, а именно изгнанія насъ изъ Грузіи, или разграбленія оной. Первыя выгоды, ими получаемыя при вторженіи, были неоспоримо послѣдствіемъ безпорядковъ и слабости правленія нашего въ Грузіи.

Въ то время князь Меншиковъ былъ посланъ въ Персію, дабы окончить спорныя статьи по границѣ. Извѣстіе о назначеніи его поразило старика Вельяминова; ибо безпорядки, происходившіе въ Грузіи, были извѣстны Государю. Давно уже располагали смѣнить по симъ причинамъ главнокомандующаго, и намѣреніе сіе было здѣсь всѣмъ извѣстно. Начальники наиболѣе опасались перемѣны сей, и Вельяминовъ, хотя и не подалъ никогда умышленно повода ни къ какому злоупотребленію, но по преданности къ Алексѣю Петровичу, коего онъ былъ намѣстникъ, онъ не могъ воздержаться, чтобъ не вскрикнуть въ присутствіи многихъ при полученіи извѣстія о скоромъ пріѣздѣ Меншикова: «Какъ это можно? Да его Алексѣй Петровичъ въ Грузію не пуститъ!» Не менѣе того князь Меншиковъ пріѣхалъ въ его отсутствіе. Кажется, онъ съ нимъ видѣлся на линіи, и говорили, что онъ имѣетъ повелѣніе отъ Государя дѣйствовать по наставленіямъ Алексѣя Петровича.

Меншиковъ поѣхалъ въ Персію въ 1826-мъ году. Пріемъ ему былъ сдѣланъ несоотвѣтственный порученности его и важности посланія: ибо онъ долженъ былъ также извѣстить Персидскій дворъ о воцареніи нынѣшняго Государя. Кажется, что и переговоры его не были приняты, какъ надобно. Первымъ условіемъ оныхъ было то, чтобы прекратили работу Миракскаго укрѣпленія; сіе было немедленно исполнено, но войска наши занимали мѣсто сіе. Отъ сего не подвинулись переговоры, и онъ не получалъ никакихъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Между тѣмъ Персидскія войска подвигались къ границамъ. Онъ послалъ съ

извѣстіями о семъ курьера къ главнокомандующему; курьера арестовали въ Еривани, бумаги задержали и, какъ говорятъ, распечатали. Сіе было уже передъ самымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, и въ слѣдъ за симъ Персіяне вторглись въ границы наши.

Но дабы не прервать порядка происшествій и не отклониться отъ цѣли сихъ записокъ, въ коихъ я располагалъ помѣстить и все до меня лично касающееся, перехожу снова къ тому времени, какъ я прибылъ въ Тифлисъ и видѣлся съ корпуснымъ командиромъ, который пріѣхалъ съ линіи, вѣроятно, по извѣстіямъ о намѣреніи непріятеля (ибо полковникъ Реутъ давно уже писалъ о семъ и извѣщалъ подробно о движеніи Персидскихъ войскъ на Карабахской границѣ).

Въ то время, двѣ роты полка моего находились въ распоряженіи Севарземидзева; одна изъ нихъ (3-ья карабинерная) находилась въ Амамлахъ, другая же (9-ая егерская) занимала съ ротою Тифлисскаго полка укрѣпленіе Миракъ. Въ ротахъ сихъ открылись побѣги: лучшіе солдаты уходили по два и по три, однажды бѣжалъ и унтеръ-офицеръ. Г.-м. Мерлинъ, ѣздившій туда для смотра войскъ, старался узнать о причинахъ побѣговъ сихъ, но не могъ ничего открыть. Севарземидзевъ также самъ опрашивалъ людей; въ первой показали сильное уныніе и негодованіе на товарищей своихъ, уклонившихся къ Персіянамъ; въ другой же принесли жалобу на баталіоннаго командира, маіора Хомутскаго и на ротнаго шт.-кап. Колпинскаго. Но жалобы сіи всѣ были неосновательны. Севарземидзевъ не изслѣдовалъ сего дѣла, по извѣстной его безпечности, оставилъ сіе безъ вниманія, и побѣги не прекращались, такъ что, во время пребыванія на границѣ сихъ двухъ ротъ, бѣжало изъ оныхъ до 27-ми человѣкъ. Одна изъ причинъ неудовольствія ихъ было ученіе, коими занимали ихъ въ теченіи зимы, и хотя занятія сіи продолжались съ умѣренностію и безъ всякихъ совершенно наказаній, но людямъ сіе казалось обидно, потому что они имѣли предъ глазами примѣръ самаго опущеннаго по службѣ полка Тифлисскаго, гдѣ всѣ занятія состояли только въ хозяйствѣ, гдѣ не было почти никакого повиновенія начальникамъ и едва ли видъ какого либо устройства. При томъ же, какъ я послѣ дознвлъ, 9-я егерская рота болѣе одного раза выходила изъ повиновенія у баталіоннаго и ротнаго командировъ; а именно, когда отправляли одно отдѣленіе оной въ Гумры, то рота, по предложенію ротнаго командира своего, не послала туда артельныхъ лошадей и, когда маіоръ Хомутскій, собравъ ее, уговаривалъ людей къ сему, то нѣсколько человѣкъ выскочили и отвѣчали ему грубо, говоря, что лошади ихъ собственность и что ею распоряжаться никто не имѣетъ права. Другой разъ, когда рота сія стояла въ Шушѣ, и одно отдѣленіе оной находилось въ Амамлахъ,

рота также отказалась прислать лошадей своихъ въ Амамлы для возки дровъ на сіе отдѣленіе и отзывалась самымъ грубымъ образомъ ротному командиру. Однажды же, когда онъ хотѣлъ наказать артельщика за нерадѣніе и пьянство, то вся рота вступилась за него, и во время наказанія кричали, что они всѣ бѣгутъ въ Персію. Таковые поступки оставались безъ надлежащаго наказанія. Маіоръ Хомутскій по видимому оробѣлъ, и безпорядокъ и неповиновеніе усиливались, такъ что боялись даже съ глазъ спустить солдата, когда его куда либо посылали, дабы онъ не бѣжалъ. Впослѣдствіи осенью, когда я имѣлъ случай въ Джелалъ-оглу войти въ разсмотрѣніе дѣла сего, я получилъ еще разныя жалобы отъ людей, но самыя несправедливыя. Во время опросовъ сихъ выискалось только четыре старыхъ солдата, которые, вопреки всѣхъ, вышли впередъ и сказали мнѣ, что никто не имѣетъ причинъ быть недовольнымъ, что людей мутятъ только нѣсколько солдатъ дурнаго поведенія и что конца не будетъ расказамъ ихъ, не имѣющимъ никакого основанія. Когда я замѣтилъ, что между людьми совершеннаго согласія не было, я отдѣлилъ тѣхъ, которые отозвались, что не жаловались съ прочими, и остались только одни недовольные. Я изложилъ имъ всю несправедливость ихъ жалобъ, уличилъ во лжи и тѣмъ заставилъ молчать. Но среди ихъ я замѣтилъ людей, мнѣ прежде указанныхъ баталіоннымъ и ротнымъ командирами, какъ первыхъ возмутителей спокойствія; люди сіи были взяты подъ караулъ, наказаны передъ всею ротою и переведены въ другія роты. Сіе подѣйствовало весьма хорошо, ибо всѣ люди роты сей стыдились показываться, признавали вину свою и въ послѣдствіи были прощены. Рота сія точно была изъ лучшихъ въ полку; но корень неповинованія и грубости въ оной давно хранился. Еще въ Имеретинской походъ оказывались въ оной подобные случаи, которые, по слабости и неумѣнію начальниковъ, оставались безъ должнаго вниманія и произвели самое вредное дѣйствіе на нравственность людей. Не находя однако и начальниковъ, допустившихъ таковые безпорядки, правыми, я сдѣлалъ замѣчаніе баталіонному командиру, ротнаго арестовалъ за слабое смотрѣніе, отказалъ ему отъ командованія; но впослѣдствіи времени простилъ его и далъ другую роту. И такъ, дѣло сіе совершенно засмирилось, и рота была исправлена; но сіе случилось, какъ я выше сказалъ, осенью, и я для того описалъ теперь конецъ дѣла сего, дабы его не забыть, говоря о другихъ предметахъ, или дабы не прервать нити происшествій, о коихъ буду говорить. Теперь же перейдемъ опять къ тому времени, какъ я былъ въ Тифлисѣ, въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1826 года.

Маіоръ Хомутскій писалъ ко мнѣ въ Іюнѣ мѣсяцѣ о сихъ побѣгахъ, представляя въ письмѣ своемъ, какой опасный духъ господствовалъ

между людьми 9-ой егерской роты. Я сбирался уже нѣсколько времени ѣхать къ симъ ротамъ для осмотра оныхъ. Получивъ письмо сіе, я поспѣшилъ исполнить свое намѣреніе; но, предвидя непріятное происшествіе, я показалъ прежде письмо сіе Алексѣю Петровичу, прося разрѣшенія его въ такомъ случаѣ поступить по обстоятельствамъ, смотря по могущей встрѣтиться надобности. Онъ мнѣ разрѣшилъ прогнать виновныхъ безъ суда сквозь строй, и я выѣхалъ немедленно изъ Тифлиса въ Манглисъ, гдѣ мнѣ надобно было еще коечто устроить съ тѣмъ, чтобы оттуда отправиться въ Караклисъ.

Сіе случилось около половины Іюля мѣсяца, т. е. 17-го или 18-го числа; ибо, пробывъ едва день въ Манглисѣ, получилъ я предписаніе отъ корпуснаго командира слѣдующаго содержанія.

„Если ваше высокоблагородіе находитесь еще на Манглисѣ, предписываю тотъ часъ отправиться въ Караклисъ, гдѣ найдете мои предписанія, посланное съ нарочнымъ линейнымъ пятидесятникомъ Егоровымъ, № 123, и теперь туда отправляемое № 129, по точности которыхъ имѣете дѣлать надлежащее исполненіе, по случаю сдѣланнаго на наши посты отъ Персіянъ нападенія. Генералъ Ермоловъ. № 136, 19 Іюля 1826, Тифлисъ.“

Вмѣстѣ съ симъ, или нѣсколько часовъ спустя, получилъ я другое слѣдующаго содержанія.

„Весьма нужное. Командиру 7-го карабинернаго полка, г. полковнику и кавалеру Муравьеву, или за отсутствіемъ его, заступающему его мѣсто.

По открытіи Персіянами военныхъ дѣйствій спущены изъ строительнаго отряда бывшія въ немъ три роты ввѣреннаго вашему высокоблагородію полка, кои и должны прибыть въ полковую штабъ-квартиру завтра, т. е. 20-го сего мѣсяца. Давъ одинъ только день роздыха, имѣете изъ нихъ откомандировать обѣ роты, въ коихъ было бы въ каждой не менѣе 250 рядовыхъ съ приличнымъ числомъ оберъ и унтеръ-офицеровъ, при отличномъ и храбромъ штабъ-офицерѣ. Имъ дадите вы направленіе на Бѣлый Ключъ для присоединенія къ таковымъ же двумъ ротамъ 41-го егерскаго полка, откуда они возмутъ направленіе къ Каменной рѣкѣ. Роты ваши на Бѣлый Ключъ должны прибыть непремѣнно 22-го числа сего мѣсяца. Люди должны быть въ полной походной амуниціи, только безъ киверовъ, а въ фуражкахъ, и имѣть при себѣ комплектное число боевыхъ патроновъ. Обозъ долженъ состоять изъ патронныхъ ящиковъ и провіантскихъ повозокъ, въ коихъ бы умѣщался шестидневный провіантъ; на четыре же дня люди должны имѣть на себѣ. Объ исполненіи сего повелѣнія имѣете мнѣ донести. Генералъ Ермоловъ. № 137, г. Тифлисъ, 19 Іюля 1826-го года.“

По симъ предписаніямъ я немедленно потребовалъ изъ Тифлиса маіора Кашутина (ибо другаго оберъ-офицера у меня не было), сдѣ-

лалъ распоряженіе на счетъ прибытія и выступленія ротъ, которое предоставилъ къ исполненію подполковнику Гладкому-Сацкому, а самъ (помнится мнѣ, 20-го числа Іюля), т. е. на другой день полученія сихъ предписаній, пустился на разсвѣтѣ въ путь на легкахъ, верхомъ, взявъ съ собою въ должность адъютанта-прапорщика Потебню и въ конвой 6 или 8 человѣкъ конныхъ солдатъ до казачьяго полка Иловайскаго.

Того жъ еще числа пріѣхалъ я на Гуссейнъ-ханской постъ, гдѣ и остановился ночевать. Казачій Леонова полкъ занималъ бывшую штабъ-квартиру Сергѣева полка, Шинддяры, чтò въ 8-ми верстахъ отъ Гуссейна-хана. Полковникъ Леоновъ просилъ меня переночевать къ себѣ; но, опасаясь промедлить къ своему назначенію, я не рѣшился къ нему ѣхать, а просилъ его пріѣхать ко мнѣ, чтò онъ и сдѣлалъ въ тотъ же вечеръ. До него дошли уже слухи о вторженіи Персіянъ и о разграбленіи Малаго Караклиса, и онъ весьма любопытствовалъ узнать отъ меня что либо о семъ, не будучи, какъ онъ уже имѣлъ славу сію, изъ числа храбрѣйшихъ. Онъ чрезвычайно опасался нападенія непріятеля на его штабъ-квартиру, и потому оставшихся у него казаковъ, человѣкъ до 200 слишкомъ, разставилъ по всѣмъ возвышеніямъ отъ Гуссейна-хана до Джилки, такъ что нельзя бы точно непріятелю прокрасться къ нему скрытнымъ образомъ. Онъ самъ весьма много безпокоился. Служа съ нимъ въ продолженіе войны сей, я имѣлъ болѣе одного раза случай замѣтить его не въ числѣ самыхъ смѣлыхъ, и потому ставилъ его на лагеряхъ съ полкомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нужно было имѣть болѣе осторожности, и я имѣлъ удовольствіе видѣть, что посты у него были всегда заняты съ потребною осмотрительностію.

21-го числа, передъ выѣздомъ моимъ съ Гуссейнъ-ханскаго поста, получилъ я отъ Алексѣя Петровича слѣдующее письмо.

„Николай Николаевичъ.

„По расчету моему ты уже въ Караклисѣ, чему я весьма радъ; ибо не могло быть болѣе вò-время. Ты слѣдовательно все уже знаешь, чтò Персіяне дѣлаютъ. У меня въ виду одинъ безтолковый рапортъ маіора Варламова, изъ котораго даже не вижу, гдѣ Севарземидзевъ. Отъ вѣроломства подлѣйшихъ мошенниковъ всего можно ожидать, и быть можетъ, что онъ уже не существуетъ; въ такомъ случаѣ ты принимаешь команду надъ войсками и остаешься въ Бамбашахъ. Получишь о семъ бумагу. Надѣюсь на храбрость; будь чрезвычайно остороженъ и не разсѣевай силъ. Впрочемъ Богъ благословитъ. Посмотри послѣднее предписаніе мое Саварземидзеву. Прощай. Душевно любящій Ермоловъ. 18 Іюля 1826 Тифлисъ.“

Нельзя было не безпокоиться корпусному командиру; ибо донесенія, имъ получаемыя, были такъ безтолковы, что едва ли можно было что нибудь изъ нихъ понять. При томъ же не оставалось ни одного начальника на сей границѣ, который бы сохранилъ присутствіе духа. Подобныя же извѣстія получались имъ изъ Карабаха и Ленкорана. Я помню, что, за нѣсколько дней еще до выѣзда моего, были имъ получены съ той стороны донесенія, кои его весьма встревожили. Онъ сѣлъ немедленно заниматься съ Вельяминовымъ и предписывалъ о какомъ-то движеніи войскъ и орудій; но какое было содержаніе сихъ бумагъ, мнѣ не было извѣстно. Знаю однакоже, что въ нихъ упоминалось о начатіи военныхъ дѣйствій Персіянъ, и сего недостаточно еще было для него, дабы взять по всей границѣ мѣры предосторожности. Мнѣ показалось, что онъ уже тогда потерялъ нѣсколько присутствіе духа и опасался войны сей, коей онъ былъ главнымъ виновникомъ.

21-го поутру я выѣхалъ съ Гуссейнъ-ханскаго поста въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ и сотника Грекова. Вездѣ встрѣчалъ я посты, выставленные полковникомъ Леоновымъ. Я переправился черезъ рѣку Мушьяверу при бывшихъ Башкегетскихъ мельницахъ по мосту, мною построенному, ѣхалъ черезъ Мокрую гору мимо бывшихъ Джилкинскихъ постовъ, гдѣ и нашелъ по прямой дорогѣ, ведущей черезъ Карагачъ къ Гумрамъ, послѣдній постъ Леонова, наблюдавшій равнину сію, на которой за два дня передъ симъ ворвавшаяся непріятельская партія разбила обывательскій Грузинскій транспортъ съ солью, шедшій изъ за границы. Хищники, кажется, были Турецкіе подданные, люди Шерафъ-аги, владѣтеля Манубарта въ Карскомъ пашалыкѣ. Человѣкъ сей былъ прежде въ большой связи съ Севарземидзевымъ, но по какимъ-то счетамъ разсорился съ нимъ и во все время войны не переставалъ дѣлать набѣги въ наши границы и грабить вмѣстѣ съ Персіянами. Транспортъ сей съ солью разбили, часть людей побили и быковъ угнали.

День былъ очень жаркій; я отдохнулъ нѣсколько на семъ посту и, поворотя влѣво, переѣхалъ черезъ небольшой хребетъ горъ и прибылъ послѣ полдня на Джилку, гдѣ была выстроена штабъ квартира казачьяго полка подполковникомъ Сысоевымъ, а нынѣ занималъ ее съ полкомъ подполковникъ Андреевъ. Надобно было отдохнуть въ семъ мѣстѣ, ибо лошади очень устали. Андреевъ воспользовался симъ временемъ, чтобы пригласить меня къ себѣ обѣдать. Глухой старикъ сей былъ весьма тяжелъ въ разговорѣ; онъ любилъ много говорить, кричалъ безъ пощады и умолку, требовалъ отвѣтовъ и, не слыша ихъ, заставлялъ ихъ по нѣскольку разъ повторять, сознаваясь въ глухотѣ своей, что́ однакоже нисколько не утѣшало. Любопытство

его было непомѣрное; я не имѣлъ однакоже желанія ему расказывать и рѣшился выслушивать съ терпѣніемъ его расказы. Онъ началъ повѣствованія свои и расказалъ, что нѣсколько командъ его полка вырѣзаны въ разныхъ мѣстахъ, въ другихъ лошади отогнаны, лошадямъ казачьимъ большой разгонъ, лошади всѣ сморены, провіантная коммисія ему фуражныя деньги не по положенію отпускаетъ, онъ наканунѣ отправилъ семейство свое въ Тифлисъ, опасаясь нападенія Персіянъ, онъ одинъ остался въ штабъ-квартирѣ со знаменами и 6 казаками; онъ едва ли наберетъ двухъ казаковъ мнѣ въ конвой и, наконецъ, онъ меня самъ проводитъ въ Джелалъ-оглу, чего мнѣ впрочемъ весьма не хотѣлось, ибо онъ меня совершенно истребляетъ. Изо всѣхъ словъ его я могъ замѣтить, что вторженіе Персіянъ сдѣлало на него сильное впечатлѣніе, что̀ совершенно подтверждало догадки мои и корпуснаго командира о страхѣ, наведенномъ симъ нашествіемъ на всѣхъ начальниковъ. Андреевъ имѣлъ предоброе семейство; жена его старуха и двѣ дочери впослѣдствіи, когда мы осенью стояли при Джегалъ-оглу, составляли сборное мѣсто офицеровъ, которые не переставали посѣщать его и волочиться за старшею дочерью его. У нея было тогда много жениховъ изъ ихъ числа, и между прочими мой лекарь Соколовъ, который по ней съ ума сходилъ и которому я отсовѣтовалъ на ней жениться. Сынъ его есаулъ былъ очень простъ, дерзокъ противъ отца, но храбрый малый, какъ и отецъ его. Самъ же старикъ выслужился изъ простыхъ кузнецовъ войска Донскаго; онъ умеръ нынѣшнею весною въ Ериванн, и семейство его уѣхало на Донъ. Старикъ Андреевъ былъ хлѣбосолъ и любимъ всѣми, но неумѣренъ на гуляньяхъ и пиршествахъ, и сіе, какъ кажется, было причиною его смерти. Сына я зналъ еще въ 1813 году, т. е. видѣлъ его въ сраженіи подъ Бауценомъ, гдѣ онъ командовалъ двумя орудьями Донскими и велъ себя отлично храбро; ему было тогда не болѣе 13 или 14 лѣтъ отъ роду.

Тогоже 21-го числа выѣхалъ я послѣ обѣда изъ Джилки, въ сопровожденіи Андреева, который проѣхалъ со мною около 10 верстъ. Тутъ меня нагналъ козакъ, который привезъ ко мнѣ слѣдующее своеручное предписаніе отъ корпуснаго командира.

„Секретно."

„Артилеріи г. подполковникъ Флиге доноситъ, что на Гамзачиманскомъ посту отогнали Персіяне лошадей, изрубивъ нѣсколько человѣкъ солдатъ, вѣроятно бывшихъ въ прикрытіи; что третій былъ уже день, какъ не доходило никакого извѣстія, гдѣ полковникъ князь Севарземидзевъ, и что есть слухъ будто около Гумры было сильное сраженіе, и что оттуда до Беканта отрѣзано сообщеніе. Г. подполковникъ Флиге изъясняется такъ:

„Я нахожу необходимымъ съ частью войскъ идти на выручку своихъ, гдѣ находятся полковникъ Фридриксъ и подполковникъ Долгово-Сабуровъ и какъ здѣсь говорятъ, одинъ изъ послѣднихъ двухъ раненъ".

„Весьма неясное донесеніе сіе заставляетъ думать, что кромѣ прерваннаго пути между Гумры и Бекантомъ должны быть атакованы и другіе пункты; ибо не говоритъ онъ, что полковникъ Фридриксъ или подполковникъ Сабуровъ тамъ находились, а одинъ изъ нихъ раненъ. Онъ говоритъ, что идетъ на выручку сихъ двухъ, но ничего не предпринимаетъ для выручки князя Севарземидзева.

„Я предписываю вашему высокоблагородію, собравъ тотчасъ сколько возможно войскъ, употребить всѣ усилія для освобожденія постовъ, которые обложилъ непріятель. Вы немедленно оставите Миракъ, если еще не преодолѣли его Персіяне; и я нахожу, что полковникъ князь Севарземидзевъ напрасно весьма упорствовалъ въ защитѣ его, когда несравненно выгоднѣйшій пунктъ могъ избрать въ цѣпи горъ Бамбакскихъ. Столько же безполезенъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ и самый пунктъ Гумры, по удаленію своему и затрудненію въ сообщеніи съ нимъ.

„Полезнѣе войска, защищающія его, присоединить къ числу дѣйствующихъ и на первый разъ ограничиться обороною Бамбакской провинціи, гдѣ по роду мѣстоположенія съ удобностію можно удерживаться, имѣя главнѣйшею цѣлью не пропустить непріятеля черезъ Безобдалъ.

„Сосредоточившись въ Бамбакахъ, надобно удерживать Балыкчайскій постъ, если онъ еще въ рукахъ нашихъ.

„Казахскому приставу поручилъ я, немедленно собравъ людей, идти съ ними на Гамзачи открыть сообщеніе съ постомъ Балыкчай и Караклисомъ, имѣя часть конницы готовой дѣйствовать по вашему востребованію.

„Въ конницѣ вообще имѣемъ мы недостатокъ; на Татарскую же отнюдь полагаться невозможно, и потому болѣе необходимымъ нахожу оставить Шурагель, представляющую безконечную равнину, и предпочитаю Бамбакъ, гдѣ Персіяне не могутъ употребить своей конницы.

„При извѣстной мнѣ вашей заботливости и неусыпности, я нужнымъ почитаю поставить вамъ на видъ, что если вамъ выгодно не раздроблять силы, то въ теперешнихъ обстоятельствахъ это одно можетъ противустать превосходству силъ непріятельскихъ. Излишнее самимъ вамъ подтверждать объ осторожности; но невозможно достаточно требовать оной отъ подчиненныхъ вамъ, на что̀ и прошу имѣть вниманіе.

„Здѣсь собираю я отрядъ, который вскорѣ выступитъ. До того старайтесь собрать всѣхъ разсѣянныхъ людей, и чтобы ни одного празднаго не было. Давайте мнѣ извѣстія, коль скоро оныя сколько нибудь важны. Генералъ Ермоловъ. № 129, 19 Іюля 1826. Тифлисъ."

Флиге считалъ нужнымъ идти на выручку своихъ, какъ онъ писалъ къ генералу, но между тѣмъ не шелъ. Такъ писать было весьма необстоятельно, и такъ дѣлать было недѣльно. Генералъ безпокоился; но между тѣмъ въ предписаніи его я нахожу также вещи

недѣльныя. Не должно было оставлять Гумры и всю Шурагень, тогда какъ онъ зналъ, какое сильное сіе сдѣлаетъ вліяніе на войска и жителей, какія онъ черезъ сіе доставитъ выгоды непріятелю, сколько сіе ободритъ Персіянъ, и если такому повелѣнію поводомъ служила неизвѣстность силъ непріятельскихъ и состоянія дѣлъ, то онъ долженъ былъ писать: Соображаясь съ обстоятельствами, оставить Гумры въ такомъ только случаѣ, если не предвидится возможности удержать сей постъ, а также всю линію; но отнюдь не оставлять оныхъ, если есть возможность удержать сіи посты, дабы не вселять въ начальникахъ и мысли объ уступкѣ мѣстъ сихъ; но разрѣшать ихъ на сію мѣру только въ крайности. Никто впрочемъ не признавалъ сего нужнымъ, и линія сія была оставлена по настоятельному требованію его, вопреки мнѣнія и самаго Севарземидзева, который впрочемъ старался сохранить Гумры изъ однихъ расчетовъ своихъ, дабы не лишиться посѣвовъ, которые онъ тамъ имѣлъ. Гумры закрывали весьма важную дорогу черезъ Карачай во внутренность Грузіи и препятствовали свободному сообщенію Персіянъ съ Карскими Турками, участвовавшими въ грабежахъ, произведенныхъ въ нашихъ границахъ, въ теченіи похода сего. Персіяне весьма воспользовались сею дорогою въ набѣгахъ своихъ.

По такимъ же причинамъ не должно было оставлять и Балыкчая, дабы закрыть всю Казахскую дистанцію и побуждать жителей оной къ покорности. Сіе предписывалъ корпусный командиръ. Если же онъ опасался, что войска наши подвергались частнымъ нападеніямъ черезъ раздѣленіе ихъ, то на сіе можно сказать, что ему должны были быть извѣстны силы непріятельскія, а всего болѣе духъ Персіянъ; но онъ хотѣлъ сего тогда даже, когда мы уже были подкрѣплены и весьма въ состояніи все удержать. Воля его была исполнена: Гумры, Бекантъ и Амамлы были впослѣдствіи времени оставлены, и мы, кромѣ многихъ невыгодъ, лишились черезъ сіе и богатыхъ жатвъ въ сихъ мѣстахъ, необходимыхъ въ то время для войскъ, нуждавшихся въ провіантѣ. Но должно полагать, что къ сей мѣрѣ понудили его обстоятельства другаго рода: генералъ былъ уже извѣстенъ о вторженіи Абасъ-мирзы въ Карабахъ и о быстромъ движеніи Персидскихъ войскъ къ Елисаветполю. Онъ также вѣроятно хотѣлъ сосредоточить войска съ тѣмъ, чтобы имѣть ихъ ближе къ защитѣ Тифлиса. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы Абасъ-мирза былъ предпріимчивѣе, то бы онъ могъ быть у воротъ Тифлиса, и тогда отрядъ нашъ былъ бы въ самомъ затруднительномъ положеніи, отрѣзанъ отъ главныхъ силъ, окруженъ и безъ провіанта; ибо тогда нельзя уже бы заниматься уборкою хлѣба,

когда всѣ поля были наводнены непріятельскими всадниками, къ коимъ бы присоединились и наши Татары, ожидавшіе только случая сего.

Въ пути моемъ къ Джелалъ-оглу, Андреевъ все увѣрялъ меня, что самъ корпусный командиръ проѣхалъ въ Караклисъ; но извѣстіе сіе было несправедливое и основанное на томъ, что наканунѣ моего прибытія проѣхали по большой дорогѣ изъ Тифлиса въ Караклисъ Сергѣй Николаевичъ Ермоловъ съ адъютантомъ Вельяминова Цебриковымъ, коимъ велѣно было спѣшить къ Севарземидзеву, дабы дать по крайней мѣрѣ обстоятельныя свѣдѣнія о случившемся въ Караклисѣ и на всей линіи.

Наконецъ, отъѣхавъ со мною 10 верстъ, Андреевъ возвратился въ свою штабъ-квартиру. Смеркалось, было опасно одному и почти безъ прикрытія; но я поспѣшилъ и прибылъ въ сумерки въ Джелалъ-оглу.

Флиге многое поправилъ въ Джелалъ-оглу въ свое командованіе: онъ выстроилъ весьма порядочныя казармы, поправилъ домъ свой, исправилъ конюшню и проч. Я нашелъ на посту семъ всю возможную военную осторожность; 60 человѣкъ пѣхоты, высланныхъ изъ Гергеръ, занимали караулы; постъ былъ окруженъ палисадомъ, дѣлались рогатки, копались рвы; работами же сими управлялъ артилеріи подпоручикъ Бѣлецкій, который со всевозможною бдительностію охранялъ постъ, выставилъ по разнымъ сторонамъ маяки и готовился выдержать ежечасно нападеніе: ибо извѣстно было о силахъ непріятельскихъ, и не имѣли причины думать, чтобы онъ не перешелъ Балабайскихъ горъ и не напалъ бы на окрестъ лежащія Армянскія селенія, а можетъ быть и на самый постъ.

Я немедленно обошелъ все укрѣпленіе съ Бѣлецкимъ и показалъ ему нѣкоторыя мѣста, на которыя должно было обратить особенное вниманіе, приказалъ ему зарыть порохъ, находившійся за укрѣпленіемъ на форштатѣ и проч., и послѣ того, возвратясь на квартиру Флиге, отдохнулъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Отдыхъ сей былъ для меня нуженъ, ибо я въ сей день много проѣхалъ, много ходилъ и трудился и былъ занятъ мыслію объ обязанности, на меня возложенной корпуснымъ командиромъ, и о томъ, что́ предпріиму пріѣхавши въ Караклисъ.

22-го числа утромъ я выѣхалъ изъ Джелалъ-оглу. Пріѣхавши въ Гергеры (поселеніе женатой роты Тифлисскаго полка, отлежащее отъ перваго мѣста на 9 верстъ прямою дорогою и у подошвы почти горы Безобдала), я остановился на короткое время, дабы взять конвой черезъ гору до Караклиса, ибо непріятельскіе всадники уже нѣсколько дней показывались на вершинахъ горъ сихъ и по дорогѣ ведущей ущельемъ къ селенію Кишлату и Караклису. Я нашелъ въ Гергерахъ самую не-

простительную безпечность со стороны начальниковъ; да и заботиться было некому, ибо въ полку семъ весьма мало, или и почти совсѣмъ нѣтъ надежныхъ и заботливыхъ офицеровъ, а если и имѣетъ кто изъ нихъ способность распоряжаться, то способности сіи обращались къ усовершенствованію своего собственнаго хозяйства, къ пріобрѣтеніямъ самымъ непозволительнымъ для военнаго человѣка, посредствомъ трудовъ нижнихъ чиновъ. Симъ послѣднимъ во уваженіе сего дѣлалось совершенное послабленіе по службѣ. Всѣ занимались хозяйствомъ, оставя обязанности свои.

Я встрѣтилъ въ Гергерахъ адъютанта Севарземидзева, поручика Чиляева, который, собравъ нѣсколько пшеницы съ жителей или въ женатой ротѣ, везъ оную въ Караклисъ, гдѣ былъ совершенный недостатокъ въ хлѣбѣ. У него уже было наряжено 25 человѣкъ пѣхоты въ прикрытіе, и я отправился съ ними. Видя однако, что люди шли въ разбродъ, разсыпавшись по всей горѣ, и вьюки съ провіантомъ тоже, я замѣтилъ сіе Чиляеву; но по видимому мое требованіе ему показалось страннымъ: ибо онъ не привыкъ видѣть порядокъ, да и людей трудно было собрать, ибо никто не понималъ чего отъ него требуютъ. Чиляевъ вскорѣ уѣхалъ впередъ, а я продолжалъ ѣхать съ 4-мя казаками, которыхъ я въ предосторожность взялъ съ собою изъ Гергеръ.

Въ Караклисѣ я немедленно явился къ Севарземидзеву, который былъ старѣе меня въ чинѣ полковника; но въ какомъ я его засталъ положеніи! Будучи издавна со мною хорошо знакомъ, онъ смутился пріѣздомъ моимъ. Онъ вѣрно догадывался о порученіи моемъ, но не спрашивалъ объ ономъ; онъ вытаращилъ глаза и ничего почти не говорилъ. Дѣло Миракское произвело въ немъ сильную перемѣну: онъ былъ какъ потерянный, считалъ себя съ полкомъ (и со всѣмъ хозяйствомъ своимъ въ особенности) пропадшимъ, видѣлъ себя окруженнымъ непріятелемъ. Безпокойство Армянъ, наполнявшихъ домъ его, наполняло ослабѣвшій умъ его самыми робкими вымыслами. Измѣна Татаръ, которыхъ считалъ онъ себѣ преданными, прерванное сообщеніе со всѣми постами, истребляющіяся огнемъ жатвы, прибытіе штабсъ-капитана Ермолова, Цебрикова, мое, все сіе сдѣлало столь сильное вліяніе на него, что онъ едва могъ у меня спросить, скоро ли войска будутъ. Такъ онъ увѣренъ былъ, что нужны войска для защиты его квартиры и его полка, впрочемъ безъ мѣры храбраго, но безтолковаго и нынѣ совсѣмъ вдавшагося въ хозяйство. Видя его въ такомъ положеніи, я вышедъ и, нашедъ Цебрикова съ Ермоловымъ, поговорилъ съ ними и узналъ слѣдующее.

Іюля 16-го Персіяне атаковали въ одно время Миракъ, Малый Караклисъ и Гамзачиманской постъ. Въ тотъ самый день полк. князь Севарземидзевъ находился въ Миракѣ съ подполк. Долгово-Сабуровымъ и полк. барономъ Фридрихсомъ. Извѣстія о намѣреніи Персіянъ напасть на Миракъ, дошли уже до князя; но онъ, можетъ быть, не обращалъ на сіе должнаго вниманія, вопреки того, что Армяне просили его неотступно взять мѣры для защиты ихъ. Въ Миракѣ находились тогда рота Тифлисскаго полка, рота карабинернаго и одно или два орудія легкихъ. Нападеніе было сдѣлано на разсвѣтѣ. Прежде всего схватили нѣсколько казаковъ на пикетахъ, угнали лошадей казачьихъ (къ счастію артилерійскія лошади были взяты наканунѣ въ лагерь на коновязь, потому что Сабуровъ хотѣлъ ихъ на день осмотрѣть, безъ чего бы онѣ были неминуемо отогнаны, и орудій не на чѣмъ было бы везти), и непріятельская конница въ большихъ силахъ окружила Миракской постъ. Севарземидзевъ, какъ говорятъ, совершенно остолбенѣлъ отъ сего внезапнаго нападенія; онъ велѣлъ запрячь орудія и повозки и началъ отступленіе къ Гумрамъ (съ тѣмъ вѣроятно, чтобы защитить главное хозяйство свое, которое тамъ находилось). Пѣхота, коей было около 350 человѣкъ, построила родъ разсыпной неправильной каре и отстрѣливалась на походѣ, нѣсколько же разъ сбивала непріятеля съ высотъ, по дорогѣ лежащихъ. Пушечные выстрѣлы способствовали къ удержанію его въ нѣкоторомъ разстояніи; у Персіянъ же были одни только фальконеты на верблюдахъ. 15 верстъ шли такимъ образомъ; наконецъ Персіяне отстали, и Севарземидзевъ продолжалъ пусть свой къ Гумрамъ. Во время отступленія сего раненъ пулею въ ногу подполк. Сабуровъ, убитъ одинъ рядовой Тифлисскаго полка и ранена собака поручика Бржезинскаго (моего полка). Столь малый уронъ доказываетъ, что непріятель не нападалъ очень сильно; да при томъ же онъ не употребилъ въ дѣло и двухъ баталіоновъ сарбазовъ, которые тутъ были. Иные говорятъ, что сарбазы не поспѣли за нами, потому что мы очень скоро съ мѣста поднялись; но всего вѣроятнѣе, что главная цѣль Персіянъ не простиралась на сей отрядъ и что они гораздо болѣе ожидали отъ нападенія сдѣланнаго ими на селеніе Малый Караклисъ, вступить же въ дѣло съ пѣхотою опасались и не находили въ томъ выгоды, ибо сарбазы ихъ были очень близко нашихъ.

Севарземидзевъ показалъ въ молодости своей, сколько онъ храбръ, получивъ пять жестокихъ ранъ и находившись на штурмахъ; но когда я его видѣлъ въ сраженіяхъ, то могъ замѣтить, что онъ, не уклоняясь отъ огня, совершенно терялся: на него находилъ какой-то столбнякъ, и онъ не въ состояніи уже былъ ни слова выговорить,

дабы отдать приказаніе или сдѣлать какое либо распоряженіе. Въ такомъ случаѣ онъ готовъ былъ слушаться всякаго, кто бы ему ни подалъ какой бы то ни былъ совѣтъ. Пришедши съ отрядомъ своимъ къ Малому Караклису, онъ нашелъ большое селеніе сіе, лежащее въ 8 верстахъ отъ Гумровъ, совершенно разграбленнымъ: жители, старики, женщины, дѣти были частію побиты, частію уведены въ плѣнъ. Нападеніе сіе сдѣлалось слѣдующимъ образомъ.

На разсвѣтѣ 16-го числа непріятель показался около селенія Малаго Караклиса въ большихъ силахъ. Армяне, составлявшіе большую часть жителей, изготовились къ защитѣ, а между тѣмъ дали знать объ угрожавшей имъ опасности въ Гумры, гдѣ находился съ тремя или четырьмя ротами Тифлисскаго полка подполк. Дехтеревъ, человѣкъ робкій, нерѣшительный, корыстолюбивый, занимавшійся уже давно однимъ только своимъ хозяйствомъ и не обращавшій ни малѣйшаго вниманія ни на обязанность свою, ни на подчиненныхъ; словомъ, человѣкъ безъ правилъ и поведенія и совсѣмъ не военный. У него было и нѣсколько орудій, а въ числѣ пѣхоты одна рота моего полка. Первый отвѣтъ его посланнымъ былъ повременить: онъ еще не одѣлся и не пилъ чаю и не полагалъ, можетъ быть, извѣстія сего основательнымъ. Затѣмъ, когда отъ него всѣ, въ томъ числѣ и подчиненные, стали настоятельно требовать, чтобъ онъ подалъ помощь Малому Караклису, въ коемъ находилось 10 человѣкъ солдатъ съ офицеромъ, то онъ совершенно оробѣлъ, велѣлъ собрать нѣсколько пѣхоты и одно орудіе, медлилъ и напослѣдокъ, вмѣсто того чтобъ идти къ сторонѣ, гдѣ въ виду его дѣлалось нападеніе, онъ обратился въ лѣво по дорогѣ къ Баканту и, отошедъ нѣсколько, остановился при мельницахъ ему собственно принадлежащихъ, съ коихъ онъ получалъ значительный доходъ и коихъ онъ опасался лишиться. (Мельницы его на сей разъ остались цѣлы, но послѣ были сожжены, и часть скота его угнана непріятелемъ, что̀ его приводило въ отчаяніе). Около полдня, когда уже жители Малаго Караклиса были почти всѣ истреблены, онъ подвинулся къ несчастному селенію и остановился отъ отступившаго непріятеля на весьма дальное разстояніе, сдѣлавъ по немъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, коихъ ядра не долетали; но непріятель увелъ добычу свою и уклонился, не будучи даже преслѣдуемъ, а Дехтеревъ возвратился въ Гумры.

Когда Персіяне ворвались въ селеніе и начали производить неслыханныя неистовства, закалывая младенцевъ, стариковъ, насильствуя дѣвъ и производя всѣ ужасы сродные звѣрскому и безчеловѣчному нраву ихъ, тогда десять семействъ Армянскихъ, укрывшись въ нѣсколько домовъ, защищались и удержались до самаго прибытія

Дехтерева, побивъ у непріятеля много людей. Ими предводительствовалъ Армянинъ Саркизъ, человѣкъ отважный, но простой. Онъ находился при мнѣ все почти время похода 1827-го года; я доставилъ ему медаль, и онъ недавно умеръ въ своемъ селеніи. Въ Маломъ Каракписѣ побито также нѣсколько солдатъ изъ находившейся тамъ команды. Остальные 5 или 6 человѣкъ съ офицеромъ своимъ укрылись въ церковь, изъ коей и отстрѣливались и удержались до прибытія Дехтерева. Селеніе наполнилось трупами, которые были искажены кинжалами злодѣевъ, ничего не щадившихъ; между прочими была найдена полковн. Фридрихсомъ дѣвка лѣтъ 18-ти, въ разстояніи полуверсты отъ селенія, съ вырѣзанною грудью.

Гассанъ-ханъ, братъ сардаря Ериванскаго, предводитествовалъ войсками на сей границѣ и сдѣлалъ сіе неожиданное для насъ вторженіе. Извергъ сей, ненасытный кровью, давно уже былъ извѣстенъ жестокостію своею, въ нынѣшней же войнѣ не уронилъ онъ славы своей; но вмѣстѣ должно отдать полную справедливость быстротѣ его, рѣшительности и дѣятельности. Имѣя подъ начальствомъ своимъ только нерегулярную конницу, не могъ онъ ничего предпринять важнаго; но нападенія на селенія съ Курдами производилъ онъ съ неимовѣрною быстротою и съ видимымъ знаніемъ и опытностію въ военномъ дѣлѣ, особливо въ войнѣ партизанской: ибо онъ всегда дѣйствовалъ среди пѣхоты нашей, съ коей умѣлъ избѣгать дѣла и получалъ полный успѣхъ въ своихъ намѣреніяхъ.

Правда, Гассанъ-ханъ имѣлъ въ свою пользу всѣхъ Татаръ Бамбакской и Шулигельской дистанцій, которые съ самаго начала военныхъ дѣйствій перешли на его сторону, служили у него въ войскѣ и, зная совершенно мѣстоположеніе въ границахъ нашихъ, служили ему самыми вѣрными проводителями и лазутчиками. Въ числѣ измѣнниковъ сихъ не находилось только нѣсколько Татаръ Гумринскихъ, которые даже выѣзжали въ бой съ непріятелемъ; нѣкоторые были убиты, другіе ранены и, наконецъ, когда мы покину Гумры, тогда они, какъ мѣстные жители, остались въ рукахъ Персіянъ, нисколько не измѣнивъ своимъ обязанностямъ.

Отъ сего вторженія непріятеля болѣе потерпѣли Армяне, коихъ били и истребляли безпощадно. Такимъ образомъ ихъ погибло до 300 семействъ въ Маломъ Каракписѣ; у жителей же другихъ Армянскихъ селеній угнали скотъ. Всего Армянъ пропало въ первое вторженіе непріятеля до 1200 душъ.

Северземидзевъ, оставленный Персіянами, пришелъ въ тотъ же день, т. е. 16 Іюля, къ Караклису, а оттуда въ Гумры. Въ первомъ мѣстѣ нашелъ онъ ужасные слѣды нападенія непріятеля на мирныхъ

жителей. Въ Гумрахъ все было въ большомъ смущеніи. Тамъ оставилъ онъ одну изъ прибывшихъ съ нимъ ротъ; всего было тамъ пять ротъ подъ командою полков. Фридрихса съ четырьмя орудіями и нѣсколько казаковъ, у коихъ было угнано до 30 лошадей при нападеніи на Малой Караклисъ, а нѣсколько человѣкъ взято въ плѣнъ. Сіе составляло около тысячи человѣкъ; подъ ружьемъ считалось до 700, а на лице не выходило и 500: потому что роты Тифлисскаго полка, имѣя по 250 и 270 по спискамъ людей, выводили только по 90 человѣкъ, прочіе же были заняты частными работами и находились при хозяйствѣ или въ прислугахъ у офицеровъ. Роты сіи поддерживались моею ротою, тамъ находившеюся, которая несла и службу, и выводила больше людей. Севарземидзевъ, оставя въ Гумрахъ означенное количество войскъ безъ провіанта, самъ пришелъ съ одною ротою въ Караклисъ, гдѣ я его засталъ въ томъ смутномъ положеніи, въ которое ввергли его непріятныя происшествія, оплошность и корыстолюбіе.

На Гамзачиманѣ, отлежащемъ отъ Большаго Караклиса въ 18-ти верстахъ къ сторонѣ Балыкчая, непріятель сдѣлалъ такое же внезапное нападеніе 16 Іюля. Команда Тифлисскаго полка, находившаяся на покосѣ, была также безъ всякой предосторожности, хотя при оной находился и офицеръ. Непріятель побилъ косарей и обезглавилъ 15 человѣкъ; прочіе укрылись въ лѣса. Персіянъ было не болѣе 200 человѣкъ, они угнали до 450 штукъ полковыхъ подъемныхъ и ротныхъ артельныхъ лошадей.

Въ тотъ же самый день были сдѣланы нападенія на небольшіе обывательскіе посты по разнымъ пограничнымъ мѣстамъ въ Шамшадильской дистанціи на рѣкѣ Гили, въ небольшихъ силахъ. Посты наши всѣ были сбиты съ потерею нѣсколькихъ человѣкъ изъ жителей, а также и казаковъ. Цебриковъ и Ермоловъ извѣщали Вельяминова отъ 23-го Іюля, что Персіяне намѣрены дѣлать нападеніе въ границы наши, но неизвѣстно въ которое мѣсто; что сардарь Ериванскій, злобствующій на Севарземидзева, грозится не пощадить 5,000 человѣкъ, дабы истребить Караклисъ; что князь Меншиковъ былъ отправленъ въ Россію изъ Персіи черезъ Астрахань за карауломъ съ тѣмъ, чтобы правительство наше не узнало о приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ Персіянами для нападенія на насъ и не успѣло изготовиться къ оборонѣ; что полковникъ Бартоломей, находившійся при Меншиковѣ, былъ отправленъ на Карабахъ. (Сіи послѣднія извѣстія однако были несправедливы). Далѣе они извѣщали Вельяминова, что Тифлисскаго полка капитанъ Раставановъ, будучи посланъ Севарземидзевымъ къ Ериванскому сердарю, не былъ принятъ имъ и просидѣлъ нѣсколько дней въ погребѣ; ему хотѣли отрубить голову, но удовольствовались тѣмъ, что

совершенно ограбили его и отпустили. Правительство Персидское послало возмутителей въ Дагестанъ и въ наши Татарскія провинціи; народъ былъ въ нерѣшимости и отвѣчалъ Персіянамъ, что самъ собою ничего предпринять не можетъ, но не будетъ противиться успѣху ихъ и послѣ съ ними соединится.

Въ самый день пріѣзда моего въ Караклисъ, Персіяне напали на Чебонксарцевъ, кочевавшихъ въ Бамбакской провинціи, около Амамловъ, и угнали ихъ въ Персію, почему и было отправлено 80 человѣкъ Казахской конницы изъ числа 200 прибывшихъ въ Караклисъ съ приставомъ Снѣжевскимъ, но ихъ уже не настигли. Слухи носились, что Александра-царевича хотѣли послать въ Кахетію черезъ Елисаветполь и Чары, для возмущенія Кахетинскихъ жителей. Казахскимъ жителямъ было приказано выставить податной хлѣбъ свой въ Караклисъ; но они отозвались, что не могутъ исполнить сего прежде Сентября мѣсяца. Севарземидзевъ хвалился хлѣбомъ, который онъ имѣлъ въ Гумрахъ; но между тѣмъ онъ послалъ туда еще 22-го числа транспортъ, разсчитывая только на хлѣбъ находившійся на корню (за который онъ надѣялся выручить деньги изъ казны); а между тѣмъ нужда въ провіантѣ вездѣ оказывалась.

18-го числа Іюля Персіяне сдѣлали также нападеніе на постъ Балыкчай, въ числѣ 300 человѣкъ. Находившійся тамъ отрядъ, состоявшій изъ 2-хъ ротъ Тифлисскаго полка, съ однимъ или двумя орудіями, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, отступилъ и, какъ говорятъ, въ самомъ большомъ безпорядкѣ. Капитанъ Бржетовскій, командовавшій тутъ, былъ человѣкъ робкій и глупый, и, какъ говорятъ, въ чемъ не могу утверждать, пьяный. Онъ бѣжалъ вопреки негодованія всѣхъ солдатъ и, говорятъ, даже бросилъ орудіе, къ которому, сказываютъ, воротился фельдфебель съ нѣсколькими солдатами. Потери никакой не было, но въ тоже время показался на высотахъ, около Балыкчая лежащихъ, приставъ Снѣжевскій съ конницею Казахской; Персіяне поспѣшно побѣжали. Снѣжевскій хотѣлъ со всѣми силами своими пуститься за ними въ погоню; но Татары его, готовые уже къ измѣнѣ, не послушались его. Онъ черезъ то не потерялся и, взявъ съ собою шесть изъ самыхъ отважныхъ всадниковъ, бросился въ слѣдъ и занялъ Балыкчай, послѣ чего возвратилась туда и пѣхота, оставившая постъ сей. Затѣмъ Снѣжевскій, оставя 150 человѣкъ конницы въ Гамзачиманѣ для сообщенія съ Балыкчаемъ, самъ съ остальными людьми своими прибылъ въ Караклисъ, гдѣ и явился къ князю Севарземидзеву, исполнивъ обязанность свою какъ нельзя лучше. Сей Снѣжевскій (Василій Васильевичъ) былъ еще въ томъ же 1826-мъ году исправникомъ Тифлисскаго уѣзда. Человѣкъ онъ расторопный, дѣятельный и усердный

къ службѣ; но, имѣя много пріятелей, любилъ и пожить въ свое удовольствіе. Онъ надѣлалъ много долговъ въ Тифлисѣ, наконецъ, промоталъ хранившіяся у него деньги, слѣдуемыя въ раздачу жителямъ за покупаемый у нихъ въ казну хлѣбъ, что̀ составляло довольно значительную сумму. Опасаясь послѣдствій отъ сего поступка, онъ бѣжалъ изъ Тифлиса и скрывался около двухъ недѣль въ лѣсахъ Манглисскихъ; наконецъ, его сыскали и привели въ Тифлисъ. Дворянство и жители, во уваженіе справедливости его и хорошаго съ ними обхожденія, уступили ему охотно долгъ. Сборъ денегъ, сдѣланный между его знакомыми, наконецъ, избавилъ его отъ суда и взысканія, и Алексѣй Петровичъ, уваживъ его прежнюю службу, простилъ ему проступокъ и помѣстилъ приставомъ въ Казахскую дистанцію, гдѣ онъ себя велъ весьма хорошо, хотя и провелъ тамъ самое короткое время, ибо онъ въ томъ же году былъ смѣненъ.

Впрочемъ снисхожденіе такого рода къ чиновнику, впавшему черезъ игру и мотовство въ такой проступокъ, я готовъ осудить. Можно было спасти его отъ суда, но ввѣрять ему столь важное мѣсто не должно было. Кто тогда не зналъ, что на пиршествахъ Снѣжевскаго участвовали Чубаревъ и Талызинъ, которые, будучи виною его ошибокъ, и поддержали его.

Казахскіе Татары были готовы намъ измѣнить; но, будучи весьма осторожны, они дожидались конца, дабы увидѣть, къ которой сторонѣ имъ будетъ выгоднѣе пристать. Между тѣмъ сардарь Эриванскій не упущалъ ничего изъ вида, что̀ могло бы служить къ взолнованію ихъ. Онъ послалъ къ нимъ возмутительныя письма; но письма сіи, попавшись въ руки одного Казахца, намъ преданнаго, были доставлены къ Снѣжевскому въ Караклисъ, и переводъ съ оныхъ былъ немедленно посланъ къ корпусному командиру въ Тифлисъ.

23-го числа, по извѣстію, что Татары, переведенные Севарземидзевымъ на Безобдалъ, хотѣли бѣжать, онъ подвинулся со 100 человѣками пѣхоты къ селенію Кишлакъ; но тревога сія оказалась ложною, какъ и многія другія, которыя произведены были Армянами, показывавшими необыкновенную робость. Мнѣ вскорѣ дали замѣтить, что князь находился подъ совершеннымъ вліяніемъ трехъ Татаръ: письмоводителя своего мирзы-Юсуфа, одного старшины Мансуръ-аги и третьяго Татарина Касима, также изъ старшинъ. Флиге замѣтилъ ихъ уже въ частыхъ сношеніяхъ съ Персіянами и письмоводителя сего или мирзу въ перепискѣ даже съ ними. Многія доказательства служили къ обвиненію сихъ людей; но князь не хотѣлъ внять имъ и не разставался съ ними, до тѣхъ поръ пока самыя непріятныя послѣд-

ствія отъ измѣны ихъ не понудили меня съ Цебриковымъ и Ермоловымъ настоять, чтобы людей сихъ арестовали, что̀ будетъ ниже описано.

Въ Караклисѣ было болѣе 700 человѣкъ пѣхоты, и ни одной роты. Люди сіи были со всего полка, жили либо по своимъ надобностямъ, либо по надобностямъ частнымъ, нисколько не занимаясь слу́жбою. Правда, что въ числѣ семъ считалось три роты; но сіи три роты едва могли вывести 150 или до 200 человѣкъ неустроенныхъ, безъ офицеровъ и безъ исправнаго вооруженія; прочіе люди жили по своимъ домамъ, или на квартирахъ офицерскихъ, или при хозяйствахъ ихъ, такъ что ихъ трудно было и собрать, и въ тревогу каждый выходилъ на свою землянку съ ружьемъ; собрать же ихъ на площадь было почти невозможно. Счета симъ людямъ не было, и полковой адъютантъ не могъ и наряды дѣлать; но для сего предмета употреблялся унтеръ-офицеръ, который назывался нарядчикомъ, какъ въ деревняхъ. Онъ былъ одѣтъ въ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ и ходилъ безъ всякой аммуниціи съ палкою выбивать людей; въ нѣсколькихъ случаяхъ, въ тревогахъ и въ нарядахъ, попадались съ ружьями въ мнимый строй и фурлейты, и музыканты, и становился, кто гдѣ хотѣлъ. Офицера призывали перваго, кто по площади проходилъ, если онъ не успѣвалъ уклониться подъ какимъ нибудь предлогомъ. Безъ сомнѣнія, что не было ни ранжира между людьми, ни даже не становились по-ротно; словомъ самая безпорядочная, разстроенная милиція. Но то были храбрые люди, примѣрной неустрашимости. Десятидневныхъ сухарей давно уже въ полку не было, да едва и знали, что они должны быть; патроновъ не доставало большое количество, и тѣ которые имѣлись ни къ чему почти не годились, старые, подмятые, вытершійся порохъ. Полковой обозъ былъ выкрашенъ; но давно уже не испытывали, могутъ ли его лошади возить. Баталіонные командиры не имѣли никакого права мѣшаться въ управленіе своихъ баталіоновъ и были совершенно посторонніе лица въ полку; они довольствовались тѣмъ, что имъ позволялось безпрепятственно заниматься скотоводствомъ и огородами.

Жители были въ ужасной тревогѣ и собирались толпами къ князю, который не умѣлъ употребить ихъ съ пользою. Приставъ ихъ, надворный совѣтникъ Загобель, человѣкъ пожилой, имѣлъ всегдашнія неудовольствія съ княземъ, не допущавшимъ его до исполненія его обязанностей, что̀ и было причиною, что онъ не могъ и жителей съ пользою употребить. Офицеры оставались безъ всякаго дѣла, и никто изъ нихъ не находился при своей командѣ и не зналъ за что̀ ему приняться.

Въ сихъ обстоятельствахъ я написалъ къ Алексѣю Петровичу слѣдующее письмо.

„Іюля 23-го. По полученіи предписанія в. в., я немедленно распорядился на счетъ выступленія изъ штабъ-крартиры ротъ и, сдавъ командованіе полка подполк. Гладкому-Сацкому, самъ отправился въ Караклисъ, куда прибылъ вчера поутру. Изъ донесенія моего и другихъ, вѣроятно до сего еще вами полученныхъ, вы уже извѣщены о происшествіяхъ здѣсь случившихся. Сергѣй Николаевичъ и Цебриковъ сообщили мнѣ свѣдѣнія вамъ доставленныя. Болѣе того до сихъ поръ я не могъ еще ничего узнать. Если в. в. позволите мнѣ изложить мнѣніе свое о происшествіяхъ здѣсь случившихся, то смѣю доложить вамъ, что уронъ большею частью претерпѣнный жителями довольно значителенъ, и можно ежедневно ожидать подобныя вторженія въ границы наши отъ Персіянъ. Оставшіеся жители могутъ еще пострадать; но войска, при настоящей бдительности и расторопности постовыхъ начальниковъ и небольшомъ подкрѣпленіи, должны удержаться по всей линіи отъ Гумровъ до Балыкчая, если непріятель болѣе не усилится; ибо повидимому болѣе двухъ извѣстныхъ вамъ Ериванскихъ баталіоновъ, сарбазовъ и пяти тысячъ конницы противъ нихъ теперь не имѣется".

„Я полагаю при подкрѣпленіи насъ однимъ баталіономъ и шестью орудіями можно даже приступить къ нападенію на Персидскія войска съ надеждою на вѣрный успѣхъ; съ тѣмъ же количествомъ, которое сюда идетъ, какъ говорилъ мнѣ г. Цебриковъ, тремя тысячами, вторгнувшись въ Ериванское ханство, главныя силы Персіянъ, обратившіяся повидимому на Карабахъ, немедленно будутъ оттоль отвлечены".

„Постъ Балыкчай нынѣ вновь занятъ войсками нашими съ помощью Казахской конницы, доселѣ еще служащей намъ, или лучше сказать черезъ отважность и дѣятельность пристава г. Снѣжевскаго".

„Объ оставленіи Гумровъ и всѣхъ постовъ кромѣ Караклиса и Балыкчая, я говорилъ князю Севарземидзеву. Онъ справедливо находитъ, что теперь еще не предстоитъ въ томъ крайности; но желательно, чтобы Гумрійской постъ былъ нѣсколько ослабленъ, дабы имѣть посредствомъ сего подвижной отрядъ, коимъ бы можно при удобныхъ случаяхъ дѣйствовать иногда наступательно до прибытія большаго количества войскъ, или подкрѣплять посты, на которые непріятель сталъ бы нападать. По крайней мѣрѣ желательно бъ было, чтобъ всѣмъ постамъ по правую сторону отъ Караклиса до Гумровъ находящимся было дано заблаговременно надлежащее направленіе въ крайности, еслибъ непріятель значительно усилился. Около Караклиса можно бы сдѣлать легкое полевое укрѣпленіе, и мѣсто сіе было бы неприступно для Персіянъ".

„О своемъ назначеніи осмѣливаюсь покорнѣйше просить в. в., дабы вы снабдили меня вашимъ повелѣніемъ, ибо я теперь нахожусь здѣсь безъ всякаго занятія".

Я не могъ описать корпусному командиру всѣхъ безпорядковъ и злоупотребленій, найденныхъ мною въ Караклисѣ, не обвинивши своего сослуживца и стараго знакомаго Севарземидзева; но обязан-

ность моя требовала, дабы я далъ понятіе его высокопревосходительству о происходящемъ, а потому и писалъ я, что войска не должны терпѣть урона при настоящемъ бдѣніи начальниковъ, писалъ о недостаткѣ въ хлѣбѣ и давалъ понять, сколько мало можно было надѣяться на жатву; ибо Севаргемидзевъ не переставалъ обнадеживать симъ средствомъ въ намѣреніи получить за сей хлѣбъ деньги. Цебриковъ и Ермоловъ также затруднялись писать, ибо никто не хотѣлъ быть доносщикомъ, и потому я просилъ другаго назначенія. Могло ли мнѣ быть пріятно и то, что меня отдѣлили отъ полка моего, въ то время когда командованіе имъ было самое лестное? Но въ отвѣтъ на письмо мое я получилъ слѣдующее.

«25 Іюля 1826. Тифлисъ. Сію минуту получилъ письмо твое, любезный Николай Николаевичъ и, не вставая со стула, отвѣчаю. Я во многомъ согласенъ съ тобою, и въ доказательство прочти письмо мое къ князю Севарземидзеву, съ полученія отъ тебя писанное. Тамъ обо всемъ упомянуто. Ему сообщилъ я, чтобы тебѣ прочелъ оное, и ты требуй того. 3,000 человѣкъ я послать не могу, и негдѣ взять ихъ; но по мнѣнію моему чрезмѣрно достаточно посылаемаго мною баталіона и четырехъ орудій, а я еще прибавляю къ тому гренадерскую роту. Оставя Гумры, войска растянуты не будутъ. Прочтите непремѣнно письмо мое. Требуйте отъ князя Севарземидзева, чтобы карабинеры собраны были вмѣстѣ и составляли баталіонъ. Несчастная привычка всѣхъ здѣшнихъ начальниковъ перемѣшивать войска, хотя весьма не трудно знать, что въ такомъ состояніи они непремѣнно хуже драться будутъ».

«Останься нѣкоторое время въ Бамбакахъ и какъ храбрый офицеръ помогай Севарземидзеву отъ чистаго сердца и за своими между тѣмъ посмотри. Поклонись барону Фридриксу. Ермоловъ».

Онъ настаивалъ, чтобы непремѣнно оставили Гумры. Онъ ошибался въ семъ случаѣ, если не брать ничего въ соображеніе кромѣ нашего отряда и непріятеля передъ нами находившагося; но онъ имѣлъ можетъ быть въ виду и главное движеніе Персидскихъ войскъ подъ начальствомъ самаго Абасъ-мирзы, которыя быстро шли по дорогѣ къ Тифлису изъ Карабаха. Онъ опасался, можетъ быть, чтобъ насъ не отрѣзали; онъ не надѣялся, можетъ быть, удержать и Тифлиса съ имѣвшимися у него силами. И онъ, можетъ быть, и вѣроятно, имѣлъ въ виду уже тогда оставить Бамбаки и Караклисъ, дабы, отступя къ Джевалъ-оглу, сблизиться и съ Тифлисомъ. Но робость уже овладѣла имъ, и по извѣстіямъ, мною полученнымъ съ вѣрной стороны отъ людей ему преданныхъ, онъ совершенно потерялся въ сіе время и оставался въ бездѣйствіи въ Тифлисѣ, не знавъ къ

чему и къ кому прибѣгнуть, дабы выдти изъ того затруднительнаго положенія, въ которое ввергла его собственная безпечность. Личныя дѣйствія человѣка сего, коего я люблю и уважаю, будутъ ниже описаны; не буду и щадить его въ поступкахъ не дѣлающихъ ему чести и доказавшихъ его малодушіе, не взирая на всѣ высокія качества и достоинства, въ коихъ ему отказать нельзя. Теперь же остается сказать, что, по вторженіи Персіянъ въ границы наши, онъ немедленно писалъ къ Государю, представивъ ему дѣла въ самомъ дурномъ и опасномъ видѣ и прося у него войскъ и, какъ говорятъ, помощника. По первому требованію назначено было 20 пѣхотныхъ и одна уланская дивизіи съ ихъ артилеріями; кромѣ сего 5 казачьихъ полковъ и рота Донской артилеріи; по второму требованію былъ присланъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ. Между тѣмъ Государь показывалъ Алексѣю Петровичу полную довѣренность, готовъ былъ во всемъ слѣдовать его совѣтамъ и распоряженіямъ; но ссора, происшедшая между обоими начальниками и дѣйствія старика, показывавшія совершенно пристрастіе его и ненависть, для удовлетворенія коей онъ готовъ былъ жертвовать и всеобщимъ благомъ, при томъ же нелѣпые, ложные и кляузные доносы младшаго, привели къ тѣмъ обстоятельствамъ, по коимъ перваго отрѣшили отъ должности и мѣсто сіе дали человѣку другому...

Алексѣй Петровичъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ жалуется на привычку здѣшнихъ начальниковъ перемѣшивать войска, тогда какъ онъ одинъ, вопреки плачу и жалобамъ всѣхъ, дѣлалъ сіе, но безъ всякой цѣли, а отъ одной безпечности, дабы не взять труда сообразить расположеніе войскъ. Начальникъ же штаба его ничѣмъ не занимался. Это правда, что полковые командиры перемѣшивали у себя баталіоны и роты; но сіе дѣлалось не столько отъ небреженія, какъ отъ видовъ, дабы менѣе заниматься службою, болѣе получать выгодъ и избѣгать строгости инспекторскихъ смотровъ; инспекторы, не находя людей въ ротахъ, не могли и сдѣлать надлежащихъ смотровъ, не смѣли представить о безпорядкахъ сихъ, опасаясь самаго корпуснаго командира, назначавшаго полковыхъ. Ермоловъ вѣроятно зналъ о семъ безпорядкѣ, но можетъ быть не приписывалъ онаго къ настоящей причинѣ, отъ коей оный происходилъ.

Изъ письма его я видѣлъ, что мнѣ нескоро отдѣлаться отъ Севарземидзева, на котораго онъ полагалъ мало надежды. Мнѣ прискорбно было не служить вмѣстѣ съ полкомъ своимъ, но помочь сему я не могъ. Я видѣлъ, сколь трудно было мнѣ управиться въ должности дядьки при безтолковомъ Севарземидзевѣ, но надѣялся, что скоро пріѣдетъ къ намъ начальникъ изъ штаба, и что тогда я буду свобо-

денъ, а потому вооружился терпѣніемъ и принялся за свою новую должность.

Я видѣлъ, что пока у него остается управленіе войсками, то не можетъ существовать порядокъ, а потому и уговорилъ его отдать въ приказѣ по отряду, коимъ онъ же командовалъ, что я начальствую войсками, въ Караклисѣ находящимся. Такимъ образомъ оставался онъ начальникомъ всей линіи, а уже въ Караклисѣ мнѣ были руки развязаны для дѣйствія. Севарземидзевъ болѣе сего уже приказовъ не отдавалъ, а я завелъ вечернія приказанія, которыя по сложности своей требовали непремѣнно, чтобъ ихъ отдавали письменно и, замѣнивъ слово приказъ приказаніемъ, я распоряжался какъ за благо находилъ. Между тѣмъ войска, собираясь все къ Караклису, поступали въ мою команду, и такъ я вездѣ сдѣлался начальникомъ всего и соблюдалъ только съ Севарземидзевымъ ту вѣжливость и тѣ обязанности, которыхъ требовали отъ меня лѣта его и старшинство въ службѣ. Но и тутъ мнѣ не всегда удавалось дѣйствовать какъ слѣдовало. Онъ имѣлъ совѣтниками Армянъ и вышеупомянутыхъ трехъ Татаръ; отъ него нельзя было добиться путнаго отвѣта; онъ ничего не приказывалъ, а предоставлялъ всякому дѣлать и распоряжаться, заботясь самъ только о сохраненіи своей собственности; приказывалъ, и адъютанты его слушались Степки, деньщика его, который иногда и орудіе потребуетъ и велитъ стрѣлковъ выслать. Степка ѣздилъ обыкновенно за Севарземидзевымъ въ голубомъ бурлетномъ сюртукѣ, и я не могу вспомнить сію оборванную, но дерзкую фигуру, чтобъ не посмѣяться и не пожалѣть о слабости правленія, допущенной Алексѣемъ Петровичемъ: ибо сіе было отголоскомъ въ маломъ видѣ того что̀, говорятъ къ стыду его, происходило у него въ домѣ, гдѣ являлись также всякаго рода совѣтники, коихъ слушали и слушались.

Я началъ съ формированія трехъ сводныхъ ротъ, въ кои и назначены были капитаны; но каждая рота заключала въ себѣ людей всѣхъ 12 ротъ. Порядокъ строя не умѣлъ я и не могъ ввести; но по крайней мѣрѣ сбирались по сбору или тревогѣ или по наряду, за исключеніемъ небольшаго числа людей, которыхъ добиться не могли. Какъ бы то ни было, главные въѣзды въ Караклисъ занимались исправными караулами; ночью выходилъ резервъ, который становился на главную площадь; при орудіяхъ соблюдалась вся возможная исправность. Въ распоряженіяхъ сихъ помогалъ мнѣ много подп. Флиге, коего дѣятельностію и усердіемъ я былъ весьма доволенъ. Желая завести 10-ти дневный провіантъ въ ротахъ и дать тѣмъ средства и къ перевозкѣ магазейна (когда уже отъ насъ требовалъ корпусный командиръ, чтобы мы Караклисъ оставили), я раздалъ находившіеся въ магазейнѣ

сухари въ роты; но не было казенныхъ лошадей возить сухари сіи. Я отдалъ въ роты обывательскія подводы; но вмѣсто того чтобъ ихъ употребить на сей предметъ, наложили на нихъ имущество офицеровъ, когда оставляли Караклисъ, а провіантъ съѣли или оставили. Я тогда же завелъ дѣланіе патроновъ. Я показалъ, какъ за сіе приняться, выдалъ порохъ изъ артилерійскаго гарнизона, въ Караклисѣ имѣвшійся; но не положили въ патроны должнаго количества пороху, и патроны не вышли какъ должно. Вездѣ встрѣчая препоны такаго рода, я всячески старался поддержать дѣятельность, тогда мною введенную, и трудами своими и стараніемъ далъ нѣкоторый видъ сому несчастному и разстроенному полку. Иногда, внушая мысли Севарземидзеву, я находилъ его такъ безтолковымъ, или упрямымъ, или недѣятельнымъ, или преданнымъ своимъ видамъ корыстолюбія, что выходилъ изъ терпѣнія; и тогда я отправлялъ къ нему Цебрикова, который съ хладнокровнымъ своимъ видомъ имѣлъ даръ увѣрить его и согласить къ сдѣланію того что̀ было нужно.

Тогда войска расположены были слѣдующимъ образомъ.

Въ Гумрахъ было до 700 человѣкъ пѣхоты, состоящей частью изъ людей моего полка, частью же изъ людей Тифлисскаго съ 4 орудіями. Тамъ командовалъ полк. Фридриксъ. Въ Бегкяпѣ было 120 человѣкъ карабинеровъ и одно орудіе; въ Амамлахъ до 200 человѣкъ карабинеровъ и одно орудіе, подъ командою маіора Хомутскаго; въ Джелалъ-оглу 75 человѣкъ Тифлисскаго полка, 20 артилеристовъ съ ружьями и одно орудіе; на Гергерахъ женатая рота Тифлисскаго полка; въ Караклисѣ болѣе 300 человѣкъ Тифлисскаго полка и 3 орудія; въ Балыкчаѣ также болѣе 300 человѣкъ и 2 орудія.

Персіяне занимали слѣдующія мѣста. На озерѣ Гёкъ-чаѣ подъ командою Наги-хана болѣе 1,000 челов. конницы; противъ Балыкчая до 1,000 челов. конницы Караканахской подъ начальствомъ Суанъкули-хана, коменданта Eриванскаго; туда же ожидали и сарбазовъ. Въ Миракѣ находился самъ сардарь Ериванскій съ 2 баталіонами пѣхоты, 6 орудіями и 3 тысячами конницы. Гассанъ-ханъ (братъ сардаря) находился въ Адаміанѣ противъ Гумровъ, съ нимъ конницы: Мекинская, Курдинская, Талышинская и Шерифъ-ага (сей послѣдній хотя и считался Турецкимъ подданнымъ, владѣя уѣздомъ и замкомъ Магубертъ въ Карскомъ пашалыкѣ, но не переставалъ производить грабительства обще съ Персіянами). Силы Гассанъ-хана простирались до 5,000 конницы. Какъ сей, такъ и сардарь, по носившимся слухамъ, намѣревались прежде напасть на Гумры.

Непріятель часто показывался около селенія Кишлакъ, вѣроятно желая схватить какіе-либо подводы, которыя къ намъ шли черезъ Безоб-

далъ. Сіе служило поводомъ къ частымъ тревогамъ, и тогда Северземидзевъ отправлялся со 100 человѣками туда и чаще всего ничего не находилъ, или видѣлись только отдаляющіеся хищники Курдовъ. Такимъ образомъ подъѣхало ихъ однажды человѣкъ 50 къ самому Караклису и стали зажигать хлѣба, поставленные въ снопахъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ караула, стоявшаго у заставы. Прибывшіе къ намъ въ недавнемъ времени 50 чел. Демургасальской конницы съ папеюбекомъ были отряжены для преслѣдованія ихъ, и пѣхота вслѣдъ за ними подвинулась. Непріятель поспѣшно отступилъ за Кишлакъ, и какъ пѣхота перестала его преслѣдовать, то Курды остановились и вступили въ перестрѣлку съ нашими Татарами, но на такое большое разстояніе, что едва-ли пули долетали отъ однихъ къ другимъ, отъ чего и перестрѣлка, продолжавшая около получаса, кончилась безъ всякой потери. Курды, услышавъ выстрѣлы въ смежномъ лѣсу, гдѣ нечаянно случилось нѣсколько Армянъ, остановились, и одна граната, пущенная изъ единорога, привезеннаго съ пѣхотою въ Кишлакъ, совершенно разсѣяла непріятеля. Сія первая перестрѣлка, при мнѣ случившаяся, была кажется 23 Іюля, на другой день пріѣзда моего въ Караклисъ.

Въ первыхъ дняхъ пріѣзда моего въ Караклисъ, прибылъ туда изъ Гумровъ артилеріи поручикъ Трубниковъ, который былъ туда отправленъ съ провіантомъ подъ прикрытіемъ 100 человѣкъ пѣхоты. Онъ прошелъ благополучно и видѣлъ только нѣсколько всадниковъ непріятельскихъ, содержавшихъ на высотахъ наблюдательные пикеты. Между тѣмъ изъ Гумровъ приходили самыя непріятныя извѣстія. Полковникъ Фридриксъ, которому предписано было отъ Северземидзева прислать одну роту въ Караклисъ, доносилъ, что онъ не можетъ сего сдѣлать, потому что ожидалъ ежедневно нападенія на Гумры, что непріятель выжигалъ хлѣба около селенія и что люди ему нужны были и для жатвы хлѣба и дабы молоть оный (ибо на жатву и на мельницу всегда посылали роту съ орудіемъ въ прикрытіе, и никогда почти не обходилось сіе безъ стычки съ непріятелемъ). Слухи о намѣреніи Персіянъ штурмовать Гумры распускались самими жителями Армянами. Провіанта ни зерна не было тамъ, и довольствовались тѣмъ, который съ бою снимали съ полей и мололи: то на что̀ расчитывалъ Северземидзевъ и за что̀ онъ деньги получалъ; почему онъ и желалъ, чтобы Гумры за нами остались. Гумры очень обширны, а потому для защиты сего селенія потребно и много людей. Людей было много въ Гумрахъ; но безпорядокъ, поселившійся въ Тифлисскомъ полку, какъ я выше описывалъ, былъ причиною, что ихъ весьма мало на службу выходило. При томъ же Фридриксъ имѣлъ помощникомъ человѣка самаго пустаго и даже вреднаго, а имянно подполк. Дехте-

рева. Сіе ставило его конечно въ затруднительное положеніе, и совершенный недостатокъ въ хлѣбѣ тѣмъ болѣе его затруднялъ. Въ семъ случаѣ надобно отдать ему справедливость, что онъ умѣлъ себя вести: онъ всегда уговаривалъ жителей, содержалъ ихъ сколько возможно въ бодрости, сформировалъ даже изъ нихъ родъ земскаго войска, которое употреблялъ для карауловъ и между коимъ онъ старался ввести возможный порядокъ.

Въ такомъ же видѣ находились и прочіе отдѣльные посты; кромѣ того сообщенія между постами были прерваны, даже съ самимъ Тифлисомъ, куда посылались черезъ Безобдалъ въ Гергеры бумаги въ малыхъ пакетахъ, различными сторонними дорогами черезъ пѣшихъ Армянъ. Часто люди сіи попадались въ плѣнъ, ихъ убивали, и черезъ сіе трудно было найти людей, которые соглашались за деньги доставить бумаги.

Трубниковъ привезъ съ собою полковника Сабурова, который былъ раненъ при отступленіи изъ Мирака и оставался въ Гумрахъ. Онъ былъ раненъ пулею въ ляжку снутри и страдалъ отъ своей раны. Лежа въ Караклисѣ, онъ видѣлъ изъ окна своего непріятельскихъ всадниковъ, разъѣзжающихъ около Караклиса. Ему говорили о маломъ числѣ войскъ, которыя находились у насъ для защиты, о выжиганіи хлѣба на поляхъ, о смѣлости Персіянъ, о намѣреніяхъ ихъ напасть на Караклисъ, и онъ даже не имѣлъ средства уйти. Въ такомъ отношеніи положеніе его было незавидное. Онъ вскорѣ уѣхалъ въ Тифлисъ и до сихъ поръ еще ходитъ съ костылемъ. На дняхъ онъ получилъ крестъ Св. Георгія за осаду Аббасъ-Абада, гдѣ онъ себя велъ дурно и постыдно по засвидѣтельствованію всѣхъ тѣхъ, которые его видѣли; но сіе было, кажется, сдѣлано вопреки Алексѣю Петровичу.

26-го Іюля дано было извѣстіе, что Татары, жившіе въ границахъ нашихъ, намѣревались бѣжать, почему въ тотъ же вечеръ былъ отправленъ Севарземидзевымъ поручикъ Мачабеловъ съ 30 солдатами и нѣсколькими унтеръ-офицерами въ кочевье ихъ, дабы воспрепятствовать ихъ побѣгу. Кочевье ихъ находилось на вершинѣ Безобдалскаго хребта противъ Караклиса. Приказано ему кочевья сіи непремѣнно привести къ Караклису. На другой день было еще послано Мачабелову на подкрѣпленіе 60 Армянъ воруженныхъ.

27-го числа рано поутру слышаны были выстрѣлы въ той сторонѣ. Не полагали сначала, чтобы Татары сіи рѣшились вступить въ бой съ нашими солдатами. Вскорѣ Мансуръ-ага, одинъ изъ старшихъ приближенныхъ къ князю, о коемъ я выше упоминалъ, далъ ему знать, что небольшая партія Персіянъ гонитъ Айрумскихъ Татаръ къ Амамламъ. Князь немедленно выступилъ съ 100 человѣками пѣхоты, однимъ

орудьемъ и 50 человѣками Борчалинской конницы въ Кишлакъ. Дабы помочь Мачабелову, онъ отрядилъ по совѣту и настоянію сего Мансуръ-аги 30 человѣкъ пѣхоты и Борчалинскую конницу съ подпоручикомъ княземъ Чавчавадзевымъ въ ту сторону, приказавъ ему отрѣзать дорогу бѣгущимъ. Между тѣмъ Севарземидзевъ съ остальными 70 человѣками пѣхоты и однимъ орудьемъ остановился на привалѣ подъ Кишлакомъ для отдыха. День былъ очень жаркой, люди утомленные зноемъ легли подлѣ ручья; но вскорѣ на высотахъ со стороны селенія Дарбаза показались толпы непріятельской конницы, которая привела съ собою и сарбазовъ. Войска сіи стали спускаться съ горы и приближаться къ Кишлаку. Сіе движеніе понудило князя, у котораго было только 70 человѣкъ съ однимъ орудіемъ, отступить. Непріятель немедленно занялъ селеніе Кишлакъ и отправилъ большую часть своего войска за Безобдалъ въ слѣдъ за Чавчавадзевымъ, съ меньшею же частью конницы преслѣдовалъ Севарземидзева до самаго Караклиса, стараясь отрѣзать его отъ сего мѣста; но онъ, съ помощью нѣсколькихъ картечныхъ изъ орудій и ружейныхъ выстрѣловъ, отдѣлался. Я былъ въ то время съ нимъ и видѣлъ готовность людей его къ бою, но видѣлъ и безпорядокъ, въ коемъ они шли. Въ числѣ сихъ ста человѣкъ, выступившихъ изъ Караклиса, было нѣсколько фурлейтовъ, строевыхъ музыкантовъ, казаковъ и много унтеръ-офицеровъ и юнкеровъ; шли на тревогу, выскочили большею частью охотники, и кучка сія шла безъ всякаго порядка. Она едва имѣла видъ войска по перевязямъ, которыя были на многихъ надѣты сверхъ рубахъ и различнаго у каждаго платья: шумъ, разговоръ, сужденія во весь голосъ, сопровождали сію бодрую толпу. Такимъ образомъ была составлена и отправлена команда Чавчавадзе. Сіе движеніе непріятеля показывало, что онымъ предводительствовалъ опытный начальникъ, который умѣлъ пользоваться мѣстоположеніемъ ему совершенно извѣстнымъ. Персіяне, дабы болѣе занять насъ около Караклиса, разъѣзжали въ весьма близкомъ разстояніи отъ онаго, зажигали хлѣба и, наконецъ, зажгли хуторъ, находившійся въ верстѣ отъ заставы; но нѣсколько ядеръ къ нимъ пущенныхъ заставили ихъ скоро удалиться къ Кишлаку, который они также зажгли.

Въ 10 часовъ услышали опять выстрѣлы ружейные около Безобдала. Князь опять выступилъ съ прежнимъ количествомъ войскъ. Я остался въ Караклисѣ, дабы сохранить въ ономъ порядокъ; ибо мы полагали, что непріятель непремѣнно нападетъ на насъ и думали, что, отводя войска наши къ Кишлаку, намѣренія его были атаковать насъ съ тылу, т. е. со стороны Балыкчайской дороги, или изъ другаго ущелья, откуда также была дорога. Посему я объѣхалъ всѣ заставы

и караулы, выгнавъ сколько можно было вооруженныхъ жителей въ сады и огороды для защиты и наконецъ самъ остановился у заставы, находившейся къ сторонѣ Кишлака, которую охраняли 30 человѣкъ пѣхоты съ однимъ орудьемъ и отъ которой видно было все движеніе Севарземидзева.

Севарземидзевъ едва отошелъ двѣ версты отъ Караклиса, какъ увидѣлъ Персидскую конницу, спущавшуюся безъ дороги съ хребта Безобдала къ Кишлаку. Конница покрывала все пространство сіе. Правда, что люди шли пѣшіе, что̀ и увеличивало число войска, не менѣе того на покатостяхъ Безабдала видна была кромѣ нити сей конница, спущавшаяся въ пять и шесть рядовъ. Толпы оной отдыхали въ разныхъ мѣстахъ; самый Кишлакъ былъ занятъ множествомъ непріятеля, такъ что хотя и полагаютъ, что конницы сей не было болѣе 2,000 человѣкъ, но я думаю, что ея было близъ 5,000. Въ то время сарбазы занимали возвышенія у селенія Дарбаза и, видя приближающійся слабый отрядъ Севарземидзева, стали спущаться колонною, дабы остановить его. Солдаты Севарземидзева, всегда храбрые и неустрашимые, съ радостью увидѣли приближеніе непріятеля и, не принимая въ соображеніе, что онаго было въ 50 разъ болѣе, хотѣли броситься на встрѣчу Персіянамъ; но Севарземидзевъ не допустилъ ихъ до сей явной погибели, послѣ которой погибъ бы самый Караклисъ. Онъ сталъ отступать, не получивъ никакого свѣдѣнія объ оставленныхъ имъ двухъ командахъ Мачабелова и Чавчавадзева. Слышанные выстрѣлы довольно явно свидѣтельствовали о томъ, что они были атакованы; но какія были послѣдствія сего, было совершенно неизвѣстно. Персіяне преслѣдовали Севарземидзева къ Караклису съ частью своей конницы. Онъ отстрѣливался картечью и, видя напоръ на него непріятеля, послалъ ко мнѣ просить подкрѣпленія; я немедленно выступилъ къ нему на помощь съ половиною караула, находившагося у заставы, т. е. съ 15 человѣками пѣхоты, взявъ съ собою, помнится мнѣ, и орудіе. Персіяне оставили насъ, и мы отступили въ Караклисъ; а они, взявъ съ собою всѣ семейства Айрумскихъ Татаръ, отдохнули въ Кишлакѣ и послѣ того отступили на высоты Дарбаза, гдѣ и остановились въ $7\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Караклиса.

Послѣднее дѣйствіе Персіянъ было столько же искусно, какъ и первое: преслѣдуя въ первой разъ Севарземидзева, они закрыли главное движеніе силъ своихъ на Безобдалъ; во второй же разъ прикрыли отступленіе конницы своей по ущелью Безобдальскому.

Мы ожидали нападенія на самый Караклисъ и удивлялись, что Персіяне не сдѣлали сего. Мы полагали, что они имѣли невѣрныя свѣдѣнія о силахъ нашихъ, ибо они могли бы легко насъ всѣхъ истре-

бить. Въ предосторожность же сего я немедленно приступилъ къ оборонѣ Караклиса: въ иныхъ мѣстахъ перерылъ въѣзды въ улицы, въ другихъ мѣстахъ заставилъ оные полковыми фурами, указалъ жителямъ сборныя мѣста, собралъ ихъ арбы или повозки, коими заставилъ разные въѣзды, роздалъ ружья въ лазаретъ больнымъ, дабы изъ оконъ защищаться, и заперъ плѣнныхъ 30 купцевъ Персидскихъ, которые были захвачены Севарземидзевымъ въ началѣ военныхъ дѣйствій и содержались на гаубтвахтѣ, потому что для нихъ требовался большой караулъ (товары ихъ были тутъ же сложены). При оставленіи Караклиса купцы сіи были отправлены въ Тифлисъ.

Ночи за симъ послѣдовавшія были проведены въ самой большой осторожности. Кромѣ карауловъ, занимавшихъ пять главныхъ въѣздовъ въ Караклисъ, все остальное число людей собиралось на площадь, гдѣ и проводили ночь въ полномъ вооруженіи. Флиге ночевалъ на Кишлакской заставѣ; я самъ не засыпалъ всю ночь и не переставалъ объѣзжать посты. Севарземидзевъ же такъ потерялся, что едва и показывался; всѣ требованія жителей, всѣ отвѣты, все онъ ко мнѣ отсылалъ, какъ будто бы онъ былъ отрѣшенъ отъ должности или какъ будто бы онъ сложилъ ее съ себя. Бумаги, которыя онъ отъ Алексѣя Петровича получалъ, приводили его въ большое безпокойство; онъ призывалъ меня по ночамъ къ себѣ и читалъ ихъ, но никогда не излагалъ ни одного сужденія, не бралъ ни одной мѣры рѣшительной. Часто я его будилъ по ночамъ и отзывалъ отъ жены его которая плакала и приводила его тѣмъ болѣе въ разстройство. Жители толпились около меня, просили распоряженія, приказаній, совѣтовъ, и я какъ могъ отъ нихъ отдѣлывался, стараясь сколь возможно поддержать духъ въ войскахъ. Случившееся съ командами Мачабелова и Чавчавадзева тѣмъ болѣе усилило состояніе Севарземидзева, что неприятныя происшествія сіи были послѣдствіемъ его распоряженій или вѣры, которую онъ имѣлъ въ окружающихъ его трехъ измѣнниковъ Татаръ, по совѣтамъ коихъ онъ дѣйствовалъ. Часто, когда онъ передавалъ мнѣ исполненіе требованій ихъ, я останавливалъ его; но тогда, опасаясь, чтобы я сталъ противиться, онъ приказывалъ въ тайнѣ, не сказавшись мнѣ.

27-го числа вечеромъ возвратилась команда поручика Мачабелова; онъ самъ былъ раненъ въ руку и въ бокъ, но не опасно. Потеря его состояла въ одномъ убитомъ унтеръ-офицерѣ. Пришедши въ кочевье, онъ объявилъ жителямъ приказаніе князя; они просили его переночевать и предложили разставить солдатъ по дворамъ или семействамъ, увѣряя его, что они на слѣдующее утро пойдутъ съ нимъ въ Караклисъ. Мачабеловъ, кажется, не противился сему желанію ихъ

и готовъ былъ оное исполнить; но солдаты не согласились ночевать съ Татарами и расположились на ночлегѣ въ полуверстѣ отъ нихъ. На разсвѣтѣ увидѣли они до 300 человѣкъ непріятельской конницы, которая уже заняла высоту, надъ ними находившуюся; немедленно они бросились на оную, прогнали и, залегши въ камняхъ, весьма долго отстрѣливались; тутъ они лишились унтеръ-офицера, тутъ и офицеръ ихъ былъ раненъ. Непріятель также потерялъ тутъ нѣсколько человѣкъ, отошелъ, но увелъ съ собою кочевье.

28-го числа возвратился и князь Чавчавадзевъ, отправленный княземъ изъ Кишлака на встрѣчу бѣгущимъ Айрумцамъ. Онъ былъ атакованъ на подъемѣ на Безобдалъ всею тою конницею, которую мы видѣли спущавшуюся обратно къ Кишлаку. Конница сія вѣроятно при первомъ отступленіи Севарземидзева пробралась туда; передовые же всадники оной уже ночевали въ кочевьѣ Татаръ Айрумскихъ и имѣли перестрѣлку съ Мачабеловымъ на разсвѣтѣ. Люди сей малой команды пренебрегли опасностію и многочисленностью непріятеля, не переставали подвигаться къ своей цѣли, не соглашаясь укрыться въ лѣсу, каковую предосторожность Севарземидзевъ приказывалъ Чавчевадзеву имѣть при отправленіи его изъ Кишлака, въ случаѣ нападенія на него превосходныхъ и несоразмѣрныхъ силъ. Когда непріятель сталъ приближаться къ малой командѣ сей, тогда люди бросились не него и сбили съ нѣсколькихъ высотъ; но, наконецъ, окруженные столь большимъ количествомъ непріятеля, частью были побиты, частью взяты въ плѣнъ. Между послѣдними находилось два или три юнкера, которые пошли въ сей командѣ въ числѣ отряженныхъ 30 человѣкъ; ибо въ Тифлисскомъ полку, въ то время по крайней мѣрѣ, нарядчики отсчитывали людей безъ разбора званія или должностей ихъ. Когда Персіяне бросились уже брать остальныхъ людей въ плѣнъ, тогда Чавчавадзевъ ускакалъ въ Гергеры съ 19 Борчалинскими Татарами изъ 50 оставшихся, ибо прочіе до сего еще бѣжали. Одному солдату сей команды удалось укрыться и придти на другой день въ Караклисъ. И такъ изъ всей команды сей спасся одинъ офицеръ, рядовой и всѣ Татары; прочіе всѣ погибли. Чавчевадзевъ ускакалъ въ Гергеры, гдѣ переночевавъ пріѣхалъ на другой день въ Караклисъ.

Но симъ еще не кончились неудачи Севарземидзева. Происшествіе гораздо важнѣе сихъ, а имянно истребленіе роты штабсъ-капитана Воронкова, доказало явную измѣну находившихся при немъ Татаръ. Подполковникъ Флиге давно уже уличалъ мирзу-Юсуфа въ перепискѣ съ непріятелемъ. Мансуръ-ага, подававшій свои совѣты князю на отправленіе команды Мачабелова и Чавчевадзева, не могъ не знать о намѣреніяхъ непріятеля и приготовленіяхъ жителей Айрумскихъ; но

онъ все сіе скрылъ отъ князя. Нѣкоторые даже увѣряли, что сына его видѣли въ непріятельскомъ войскѣ во время нападенія ихъ на Чавчавадзе. Много было явныхъ уликъ, которыхъ теперь припомнить не могу. Князь не хотѣлъ внимать словамъ нашимъ, удалить отъ себя людей сихъ и не довѣрять имъ; наконецъ, видя и самый Караклисъ въ большой опасности, мы рѣшились настоятельно требовать арестованія сихъ людей, въ чемъ удалось Цебрикову убѣдить князя. Князь былъ совершенно потерянъ и ничему болѣе не противился. Немедленно захвачены у нихъ всѣ бумаги, и они взяты подъ стражу, гдѣ я велѣлъ содержать ихъ строжайшимъ образомъ. Но князь не могъ воздержаться, чтобы не посылать къ нимъ кушанья отъ своего стола; ибо онъ никакъ не могъ себѣ вообразить, чтобы люди сіи не были ему совершено преданы. Однимъ изъ доказательствъ связей ихъ съ Персидскимъ начальствомъ было въ послѣдствіи времени нижеслѣдующее.

Надъ арестованными не производилось никакого слѣдствія, и когда войска, оставивъ Караклисъ, отступили въ Джелалъ-оглу, тогда и ихъ туда отвели, гдѣ и содержали на гауптвахтѣ, также безъ всякаго слѣдствія. Мирза-Юсуфъ былъ, наконецъ, выпущенъ княземъ безъ всякаго оправданія, а Мансуръ-агу сардарь Ериванскій требовилъ къ себѣ въ замѣнъ нашихъ захваченныхъ имъ Армянъ. Требованіе сіе нашего подданнаго въ замѣнъ плѣннаго явно доказывало, что они были между собою въ сношеніяхъ. Письмо, коимъ сардарь его требовалъ, было отдано Севарземидзевымъ генералу Давыдову, который командовалъ отрядомъ въ Джелалъ-оглу, въ доказательство, какъ онъ говорилъ, дружескихъ расположеній сардаря, въ чемъ онъ совершенно солгалъ съ тѣмъ только, чтобы похвастать своими связями. Онъ не сказывалъ Давыдову о требованіи сардаря на счетъ Мансуръ-аги, вѣроятно въ той надеждѣ, что онъ писемъ сихъ не прочтетъ; но Давыдовъ, подозрѣвая ложь Севарземидзева, отдалъ тогда сіи Персидскія письма мнѣ, и я разобралъ содержаніе оныхъ. Татары сіи были всѣ выпущены Севарземидзевымъ безъ дальнѣйшаго, кажется, изслѣдованія дѣла.

ЗАПИСКА И. С. АКСАКОВА О БЕССАРАБСКИХЪ РАСКОЛЬНИКАХЪ.

Записка о Бессарабскихъ раскольникахъ найдена нами въ архивѣ графа Дмитрія Николаевича Толстаго между служебными его бумагами. Порученіе „о раскольникахъ въ Бессарабіи“ возложено было въ Октябрѣ 1848 года министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Перовскимъ на Ивана Сергѣевича Аксакова. Отчетъ по этому порученію представленъ имъ въ Министерство въ началѣ 1849 года. Этимъ же годомъ помѣчена и наша записка. О командировкѣ „министерскаго чиновника“ въ Бессарабскую область по дѣламъ старообрядцевъ упоминаетъ г. Варадиновъ въ своей Исторіи Министерства Внутреннихъ дѣлъ (VIII, 591) и приводитъ выдержки изъ отчета этого чиновника. Буквальное сходство этихъ выдержекъ съ соотвѣтственными мѣстами нашей записки убѣждаетъ въ томъ, что записка эта есть точная копія отчета по Бессарабскому порученію И. С. Аксакова.

Командировка вызвана была открытыми сношеніями заграничныхъ старообрядцевъ съ Русскими ихъ единовѣрцами. Въ Октябрѣ 1846 года учреждена была ими за Австрійской границей такъ называемая Бѣлокриницкая іерархія *). Основавъ „свое собственное священство“, старообрядцы, во главѣ съ иноками Бѣлокриницкаго монастыря Павломъ и Алимпіемъ, замыслили перваго своего епископа Амвросія возвести на степень верховнаго владыки *всѣхъ вообще* старообрядцевъ принимающихъ священство. Съ этою цѣлію они повезли Амвросія въ Вѣну, и онъ здѣсь 11 (23) Іюля 1846 г. лично подалъ прошеніе Австрійскому императору „о дозволеніи принять (будто-бы) предложенное ему избраніе въ верховнаго пастыря всѣхъ вообще старообрядцевъ, не въ Австрійской только монархіи, но и въ сосѣднихъ съ нею державахъ“ (Проектъ меморіи Русскаго правительства Австрійскому. Труды Ряз. Арх. Коммиссіи, т. II, стр. 142). Австрійское правительство въ то время покровительствовало старообрядцамъ. Просьба была принята, и по ней послѣдовало вполнѣ благопріятное рѣшеніе. Тогда, для упроченія связи новоучрежденной іерархіи съ старообрядцами-поповцами, жившими въ Россіи, посланъ былъ къ нимъ изъ Бѣлой Криницы тамошній архимандритъ Геронтій. Начались дѣятельныя сношенія, и изъ Москвы была отправлена депутація въ Бѣлую Криницу (Субботинъ. Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій. Москва 1867 г., стр. 17). Неизвѣстно, къ чему бы привели эти сношенія, если бы наше правительство благовременно не приняло мѣръ къ прекращенію ихъ. Какъ только

---

*) Главнымъ дѣятелемъ былъ самъ князь Меттернихъ, см. „Русскій Архивъ“ 1875, I, 213. П. Б.

получилось въ Россіи извѣстіе о дѣяніяхъ Австрійскихъ старообрядцевъ, тотчасъ же сообщено было Австрійскому правительству, что „Его Величество дѣйствіями Австрійскаго правительства въ отношеніи старообрядческой іерархіи изволитъ быть весьма недоволенъ". Въ тоже время путешествующій Бѣлокриницкій архимандритъ Геронтій былъ схваченъ, какъ бѣглецъ изъ Россіи, и препровожденъ въ Петербургъ. Немного позднѣе императоръ Николай Павловичъ рѣшительно потребовалъ отъ Австрійскаго правительства, „чтобы мнимый монастырь былъ немедля закрытъ, а самозванецъ-епископъ высланъ, какъ бродяга" (Проектъ меморіи *). Наблюденія за сношеніями раскольниковъ были усилены, и эта забота возложена на министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго. Тогда-то и состоялась командировка И. С. Аксакова въ Бессарабію, какъ пограничный край, служившій мѣстомъ сообщеній заграничныхъ старообрядцевъ съ Русскими.

Отчетъ И. С. Аксакова въ высшей степени любопытенъ, какъ матеріалъ для исторіи раскола въ одну изъ знаменательныхъ эпохъ его жизни. Правдивость автора и его умѣнье наблюдать усиваютъ значеніе документа.

Степанъ Звѣревъ.

Юноша Аксаковъ чиновникомъ сыскной полиціи! И какъ отлично исполнилъ онъ возложенное на него порученіе! Превосходныя письма его къ родителямъ во время разъѣздовъ по Бессарабіи нынѣ изданы во 2-мъ томѣ крайне-любопытной книги: „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ" Москва 1888. „Ругаю ежедневно Надеждина. Я не могу сочувствовать гоненіямъ, пишетъ онъ 14 Дек. 1848 г.; а вижу, что они не только не принесли пользы, а, напротивъ сдѣлали ужаснѣйшій вредъ и посѣяли непримиримую вражду къ Православію". П. Б.

О Бессарабскихъ раскольникахъ.

Во исполненіе возложеннаго на меня порученія собрать свѣдѣнія о настоящемъ положеніи раскольничьихъ дѣлъ въ Бессарабіи, я объѣздилъ почти всю эту область и, представляя здѣсь всѣ свои замѣчанія въ совокупности, считаю нужнымъ для большей ясности начать съ географическаго описанія мѣстности тамошняго раскольничьяго народонаселенія и потомъ уже перейти къ изложенію способовъ его пограничныхъ сообщеній, политическаго ихъ значенія, ожиданій и надеждъ раскольниковъ и что всего важнѣе, отношеній ихъ къ новой лже-іерархіи.

Бессарабія, пестрый край, населенный Молдаванами, Русскими, Евреями, Греками, Армянами, Русняками, Хохлами и Цыганами, край прилегающій къ Турціи, Молдавіи и Австріи, служитъ издавна прію-

*) Требованіе исполнено: Бѣлокриницкій монастырь былъ запечатанъ; Амвросія отозвали въ Вѣну, а отсюда его отправили на постоянное и безвыѣздное жительство въ городокъ Цилли (въ Штиріи).

томъ бродягамъ всякаго рода и мѣстомъ постоянныхъ сообщеній нашихъ Русскихъ раскольниковъ, поповщинскаго толка, съ ихъ заграничными единовѣрцами.

Эти послѣднія сообщенія примыкаютъ къ тремъ главнымъ пунктамъ, изъ которыхъ Прутъ и такъ называемая «сухая Австрійская граница» могутъ быть отнесены къ одному разряду, а Дунай съ Турціей составляетъ отдѣльный самостоятельный пунктъ съ совершенно-особеннымъ значеніемъ. За Австрійской межой, въ Буковинѣ, находится знаменитый раскольничій монастырь, Бѣлая Криница, главное мѣстопребываніе новой лже-іерархіи; за Дунаемъ, въ селеніи Журиловкѣ, проживаетъ свой раскольничій архіерей; въ Молдавіи же, сколько извѣстно, въ настоящее время нѣтъ чиновъ ихъ высшаго духовенства, кромѣ простыхъ іереевъ.

Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ необходимо отличать верхнюю Бессарабію отъ нижней, или собственно отъ Буджака, страны при-Дунайской. Раскольники, живущіе въ первой (знаменитое между ними село Грубно, Хотинскаго уѣзда), губерніи западныя и Московское Рогожское кладбище преимущественно избираютъ для своихъ сношеній Прутъ и рѣчку Ракитну [1]). Буджакъ съ Некрасовцами, съ Турецкими выходцами, съ бѣглыми изъ Россіи, Херсонская губернія, вообще весь Южный Новороссійскій край и Донъ направляютъ свое движеніе къ Дунаю

Въ послѣднее время, по случаю воспрещенія свободныхъ сношеній съ чужими краями, затрудненій въ полученіи заграничныхъ паспортовъ, прекращенія торговли скотомъ съ Австріей, возобновленія дѣйствій карантиновъ и расположенія нашихъ войскъ вдоль границы, раскольники не могли имѣть открытыхъ сообщеній съ своими единовѣрцами; но тайныя продолжаются и доселѣ. Спрашивается теперь: есть ли возможность возбранить эти тайные переходы за границу мѣрами полицейскими?... Вопросъ этотъ разрѣшается при одномъ взглядѣ на страну, гдѣ духъ жителей, отвыкшихъ отъ всякой письменности и формальностей подъ Турецкимъ владычествомъ, до сихъ поръ не можетъ подчиниться паспортному благоустройству, и гдѣ сама природа, такъ сказать, дала у себя пріютъ всѣмъ элементамъ бродяжничества. Въ самомъ дѣлѣ, относительно жителей эти слова подтверждаются несомнѣнными фактами. Царане, послѣ положенія 1834 года, воспользовавшись объявленнымъ имъ оффиціально правомъ перехода, не исполняя никакихъ предписанныхъ формальностей, безъ перечисленія Казенною Палатою, безъ билетовъ, до сихъ поръ кочуютъ съ мѣста

---

[1]) На Австрійской границѣ.

на мѣсто. Нормальный контрактъ 1846 года съ величайшимъ трудомъ вводится между ними, и они продолжаютъ отыскивать между немногими помѣщиками и многочисленными поссессорами болѣе снисходительныхъ, такихъ, которые бы согласились на выгоднѣйшія для нихъ условія. Съ другой стороны Евреи, которыхъ льготы, дарованныя Бессарабіи, заставляли приписываться туда въ огромномъ количествѣ, изъ которыхъ немалая часть существуетъ подъ именами давно умершихъ и множество проживаетъ неизвѣстно гдѣ безъ всякихъ письменныхъ видовъ, замедляютъ успѣхъ составленія имъ переписи и чрезвычайно затрудняютъ надзоръ мѣстной полиціи. Изъ причисленныхъ къ одному Кишиневскому Еврейскому обществу 362 семейства пребываютъ внѣ города, въ мѣстахъ неизвѣстныхъ, безъ паспортовъ и безъ уплаты податей, падающихъ огромною недоимкою на ихъ осѣдлыхъ сообщественниковъ. Наконецъ, поселившіеся здѣсь Русскіе бѣглецы, сохранившіе свой вольнолюбивый характеръ, множество разноплеменныхъ бродягъ и рыболовство въ устьяхъ Дуная дѣлаютъ Бессарабію вполнѣ удобною для тайныхъ пограничныхъ сношеній. Къ тому же большое число Русскихъ и иностранныхъ колоній и пестрота вѣроисповѣданій всякаго рода производятъ какъ въ православныхъ жителяхъ, такъ и въ мѣстныхъ властяхъ, совершенное равнодушіе къ проявленіямъ тѣхъ или другихъ религіозныхъ мнѣній. Русскіе раскольники, какого бы ни были толка, называются здѣсь общимъ именемъ Липованъ и даже иногда Молоканъ, а невѣжество полицейскихъ чиновниковъ относительно значенія каждой секты дѣлаетъ ихъ еще болѣе неспособными къ особенному скрытному надзору за дѣйствіями старообрядцевъ.

При такой неблагонадежности полицейскаго благоустройства, рядомъ съ нимъ существуетъ крѣпко-организованное въ своихъ частяхъ общество, тѣсно-сплоченное возбужденными извнѣ преслѣдованіями въ одно твердое цѣлое, проникнутое ложнымъ, но сильнымъ убѣжденіемъ и фанатизмомъ, ежечасно разгорающимся, дружное, не дремлющее и бодро стерегущее каждый удобный для себя случай. Огромные капиталы состоятъ въ его распоряженіи, и пожертвованія присылаются изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Россіи, чему имѣется много доказательствъ въ дѣлахъ Министерства и чему я приведу только два свѣжіе примѣра. Недавно одна казачка въ Уральскѣ умирая завѣщала въ пользу Кишиневской старообрядческой часовни свое имущество, и деньги, пропутешествовавъ цѣлый годъ, достигли наконецъ вѣрно своего назначенія. Въ прошломъ году Кишиневская купчиха Пелагея Ѳедорова Пучнина, продавъ все свое имѣніе, съ вырученною суммою удалилась за Австрійскую границу. У раскольниковъ свой маршрутъ,

своя почта, свой энигматическій языкъ [2]), свои шпіоны, своя стража; но всѣ дѣйствія ихъ сопровождаются глубочайшею скрытностью, между тѣмъ какъ внѣшнее ихъ поведеніе большею частію тихо, смирно, и они рѣдко попадаются въ полицейскихъ проступкахъ.

Вотъ что замѣчено мною въ верхней Бессарабіи.

Проѣзжая отъ пограничнаго на Прутѣ мѣстечка Скулянъ до мѣстечка на Австрійской границѣ, Новоселицы, я убѣдился лично, что почти въ каждомъ пограничномъ селеніи [3]) живетъ по одному или по два Липованскихъ семействъ, составляющихъ такимъ образомъ цѣлый рядъ пикетовъ своего рода. Отъ Новоселицы, гдѣ нѣтъ раскольниковъ, далѣе по сухой границѣ на самой межѣ, въ Колинкоуцахъ, проживаетъ по паспортамъ цѣлая раскольничья семья, братья Пѣшехоновы, между которыми долженъ находится и Денисъ, имя коего уже замѣчено Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ пограничной съ Австріею волости Грозенцахъ, въ 18 верстахъ отъ Новоселицы, лѣтъ 13 сряду имѣлъ пребываніе извѣстный между раскольниками богатый купецъ Гуръ Ильичъ Велиженко, или просто Гурка. Уроженецъ другой губерніи, онъ еще въ дѣтствѣ былъ приписанъ къ Грубну, куда приписываются почти всѣ бѣглые раскольники, и въ Грозенцахъ управлялъ имѣніемъ генерала Недобы, со смертію котораго былъ устраненъ отъ должности наслѣдникомъ Недобы, съ годъ тому назадъ, и нынѣ уже держитъ самъ посессіи около Хотина. Во время своего проживанія на границѣ онъ, по общему отзыву, держалъ постоянный пріютъ своимъ единовѣрцамъ, производилъ сношенія съ Австрійско-подданными раскольниками и не рѣдко ѣзжалъ самъ въ Бѣлую Криницу. Впрочемъ, несмотря на то, имя его пользуется всеобщимъ уваженіемъ даже между православными. Въ Червленахъ, верстахъ въ 18 отъ Новоселицы, проживаютъ по паспортамъ два Австрійско-подданные старообрядца Лазаревы. Поэтому побѣги чрезъ Австрійскую границу совершаются очень легко и часто: братъ Гурки, заподозрѣнный въ переводѣ военныхъ дезертировъ въ Австрію, былъ преданъ суду и хотя слѣдствіемъ обстоятельство это и не было раскрыто, однако онъ бѣжалъ за границу. Тоже самое сдѣлалъ закоренѣлый раскольникъ

---

[2]) Вотъ образецъ этого языка: „Христосъ рождается, но не славится"; это значитъ, какъ толкуетъ нѣкто Поляковъ, въ Хотинѣ, состоящій въ раскольничьемъ обществѣ, но измѣнившій ему и не принадлежащій ни къ какой религіи: родилось дитя, но крестить некому. Или: „Бабушка Афимья еще жива. У насъ шьютъ дешево шубы, значитъ не боятся холодной зимы". То есть, по его же истолкованію: бабушка Афимья должна означать какое нибудь важное между ними лицо; шьютъ шубы — ожидаютъ поповъ, ибо не боятся преслѣдованій. Впрочемъ даже между ними не всѣ равно посвящены въ таинство и замыслы секты, а есть градаціи.

[3]) Напримѣръ: въ Валерусулцѣ, въ Болотинѣ...

Лакѣевъ, житель Грубна, одинъ изъ важнѣйшихъ между ними. Обвиненный въ совращеніи въ расколъ православной дѣвушки и въ переводѣ ея за границу, онъ былъ заключенъ въ острогъ, потомъ выпущенъ на поруки и оправданъ первою инстанціею, но тѣмъ не менѣе оставилъ Россію [1]). При этомъ кстати замѣтить, что раскольники всѣхъ сектъ, которые вообще ведутъ себя чрезвычайно скромно и осторожно, если попадаются въ какомъ либо преступленіи, немедленно удаляются за границу, и строгіе приговоры судовъ часто остаются безъ исполненія. Примѣромъ могутъ служить Молоканы: Шлехинъ, присужденный къ переселенію за Кавказъ, и зять его Николай Колетинъ, который ошибочно въ дѣлахъ Министерства признается поповщинцемъ. Въ прошломъ году также бѣжалъ къ Липованамъ въ Криницу со всѣмъ семействомъ письмоводитель Хотинской градской думы, православнаго вѣроисповѣданія, похитившій напередъ часть денегъ, принадлежавшихъ Думѣ.

Невольно раждается вопросъ: какимъ образомъ избѣгаютъ они преслѣдованій пограничной стражи? Но надо знать, что по Пруту, который во многихъ мѣстахъ очень мелокъ и узокъ, кордоны отстоятъ на одну и на двѣ версты другъ отъ друга, а по сухой границѣ на пять и болѣе, и въ темную ночь или въ густые туманы невозможно усмотрѣть отчаянныхъ бѣглецовъ и самой вѣрной стражѣ. А между тѣмъ извѣстно, что когда цѣпь пикетовъ содержали Донскіе козаки, то, будучи сами ревностными старообрядцами, они не только не препятствовали, но содѣйствовали побѣгамъ. Теперь же, когда мѣсто козаковъ заняли солдаты Русскіе и православные, они дѣлаютъ тоже, но изъ другихъ побужденій. Вотъ что передалъ мнѣ перевозчикъ контрабандистовъ и раскольниковъ въ Молдавію Еврей Гершко, предлагавшій доказать это на дѣлѣ. Они отправляются прямо къ начальнику мѣстной стражи, договариваются съ нимъ за извѣстную цѣну, берутъ отъ него солдата, съ которымъ и переправляются за границу. Солдата этого держатъ тамъ до тѣхъ поръ пока не перевезутъ всего транспорта, а иногда, если они намѣрены скоро возвратиться, до тѣхъ поръ пока не перейдутъ обратно и не удалятся на извѣстное разстояніе отъ берега. Если же пограничный начальникъ не согласится на договоръ, то они, хотя и съ большимъ рискомъ, умѣютъ обходиться и безъ его содѣйствія. Къ тому же были примѣры, что часовые и цѣлые караулы оставляли свои посты и сами уходили за границу. Поэтому не надо удивляться, отъ чего сообщенія раскольниковъ между собою такъ легко производятся, не смотря на всѣ повидимому благонадежныя

[1]) Дѣло о немъ находится теперь въ областномъ уголовномъ судѣ.

мѣры, и почему Кишиневскіе купцы Пискаревы еженедѣльно сносятся съ братомъ своимъ, проживающимъ за границею, и привозятъ оттуда контрабанду, которую сохраняютъ у себя на дворѣ въ стогахъ сѣна. Хотя это послѣднее обстоятельство было мнѣ достовѣрно извѣстно, однако я не рѣшился давать о томъ знать полиціи и вообще разрушать этотъ путь сообщенія: я полагалъ, что *при всякомъ подобномъ дѣйствіи съ моей стороны раскольники сдѣлались бы еще скрытнѣе и непремѣнно проложили бы новую дорогу, о которой правительство могло бы еще долго оставаться въ неизвѣстности.* Теперь же наблюденіе за характеромъ сообщеній и качествомъ лицъ перевозимыхъ нѣсколько удобнѣе. Я поручилъ Еврею Гершко продолжать свое ремесло, давая только знать о томъ каждый разъ назначенному мною агенту, который уже будетъ посылать свои донесенія Министерству. Такимъ образомъ, еще при бытности моей въ Бессарабіи, онъ увѣдомилъ меня, что подрядился перевезть въ Бѣлую Криницу двухъ старообрядческихъ черницъ, прибывшихъ для этого изъ Москвы, и что многіе договаривались съ нимъ о переправѣ ихъ за границу, въ случаѣ, если не пріѣдетъ попъ изъ Россіи.

Понятно теперь, почему раскольничье народонаселеніе со всѣхъ странъ тѣснится въ Бессарабію, почему Черниговскіе и другихъ губерній раскольники находятъ удобнымъ для себя снимать подъ баштаны земли въ Хотинскомъ уѣздѣ и съ этою цѣлью приходятъ во множествѣ, сбывая плоды заграничнымъ торговцамъ, которые для того являлись толпою на пограничные рынки. (Впрочемъ эта торговля въ настоящее время, при существующихъ обстоятельствахъ, лишена удобной свободы и открытаго хода). Понятно, почему къ городу Хотину, кромѣ села Грубна, приписаны въ званіи мѣщанъ жители четырехъ раскольничьихъ селъ Подольской губерніи: Екатериновки, Петровки, Жуковецъ и Куреневки, пользующейся особенною извѣстностію [5]). Впрочемъ всѣ эти Липованы слишкомъ умны для возбужденія подозрѣнія въ мѣстныхъ начальствахъ уклоненіемъ отъ оффиціальныхъ торговыхъ сообщеній. Карантинное начальство въ Скулянахъ удостовѣряло меня, что раскольники не чуждаются того рода сношеній, который производится подъ наблюденіемъ карантинныхъ чиновниковъ. Такъ Измаильскіе купцы, и въ томъ числѣ купецъ Бѣляевъ, извѣстный Министерству, какъ передатчикъ писемъ, Виницкій купецъ Иванъ Ивановъ, пріѣзжаютъ сюда, т. е. въ Скуляны, для торговли съ Молдавіей, откуда за товарами являются Ясскіе купцы: Австрійско-подданный Гаврила Семеновъ Богомоловъ (имѣющій будто бы, какъ говорятъ,

---

[5]) Куреневка, Подольской губерніи, Винницкаго уѣзда, въ ста верстахъ отъ Хотина.

свой домъ въ Кіевѣ, на Подолѣ), Поляковъ и братья Логиновы. При переговорахъ въ карантинѣ присутствуютъ комиссары, которымъ впрочемъ, по ихъ словамъ, никогда не случалось замѣтить ни одного малѣйшаго намека на что либо важное для правительства. Существуетъ даже обычай, что разъ въ году, 29 Іюня, жители обѣихъ сторонъ сходятся между собою для свиданія; но и тутъ карантинные чиновники не открывали ничего подозрительнаго.

Итакъ, изъ вышеизложеннаго, а особенно изъ личнаго обзора мѣстности, невольно убѣждаешься, что при ловкости и хитрости, при напряженной бдительности и неутомимыхъ стараніяхъ раскольниковъ, *всѣ полицейскія мѣры къ преграждѳнію сношеній и побѣговъ*, такъ вредныхъ для Россіи, оказываются совершенно недостаточными. Для этого нуженъ былъ бы сплошной заборъ изъ живыхъ людей съ неподкупною честностью; но такая благонадежная ограда, конечно, невозможна, почему и открывается необходимость въ какихъ-нибудь другихъ болѣе существенныхъ мѣрахъ.—Раскольничьи селенія въ верхней Бессарабіи, сколько я могъ узнать, слѣдующія:

Грубно на землѣ помѣщика Маразли, Хотинскаго уѣзда, Романкоуцкой волости, верстахъ въ 40 отъ Хотина, куда они приписаны мѣщанами. Въ Грубнѣ болѣе 150 семействъ, занимающихся хлѣбопашествомъ и торговлею. Жители, какъ и вообще всѣ Русскіе, считаются въ сравненіи съ Царанами отличными хозяевами, подчиняя вліянію своего добраго духа и расторопности ума лѣнивыхъ и безпечныхъ Молдаванъ. Село ихъ со всѣхъ сторонъ окружено густымъ лѣсомъ, имѣетъ церковь, обращенную въ часовню, и колокольню безъ колоколовъ, въ замѣнъ которыхъ употребляютъ они чугунное «*било*», т.-е. доску. Между Грубенскими раскольниками самые замѣчательные, какъ говорятъ, Василій Ребицкій и Ѳома Герасимовъ, впрочемъ люди безукоризненнаго поведенія во внѣшнемъ полицейскомъ смыслѣ этого слова. *Бѣлоусовка*, другое селеніе Хотинскаго уѣзда, населено Молдаванами и Липованами вмѣстѣ. Въ Сорокскомъ уѣздѣ есть раскольничье селеніе *Кипучее*. Мѣсяца 3 тому назадъ 47 Липованскихъ семействъ изъ Подольской губерніи изъявили желаніе перечислиться въ Сорокскіе мѣщане. Въ Оргѣевскомъ уѣздѣ находится селеніе *Сѣрково*, гдѣ прежде былъ раскольничій монастырь. Кромѣ того во всѣхъ городахъ Бессарабской области живутъ старообрядцы подъ названіемъ «часовенныхъ».

Что же касается до нижней Бессарабіи, то во всей угловой сторонѣ, называемой Буджакомъ, между Днѣстромъ и Дунаемъ, мало встрѣчается Молдаванъ. Народонаселеніе здѣсь состоитъ кромѣ колоній большею частію изъ бѣглыхъ преимущественно Русскихъ расколь-

никовъ и Малороссіянъ, которые почти всѣ православные. Многіе бѣжали сюда еще съ давнихъ поръ; здѣсь есть потомки стрѣльцовъ, Запорожцевъ и вообще козаковъ, укрывшихся сюда отъ водворяемаго государственнаго порядка. Такой же сбродъ населяетъ и прилегающую къ Дунаю Турцію, гдѣ кромѣ городовъ *Тульчи*, *Исакчи* и другихъ, въ коихъ цѣлые кварталы полны Русскихъ жителей, находятся, сколько я могъ дознать, слѣдующія Русскія селенія:

1. *Серикёй* имѣетъ 30 дворовъ къ сѣверо-востоку отъ Бабадаха.

2. *Журиловка*, въ настоящее время резиденція раскольничьяго архіерея, котораго одни называютъ Аркадіемъ, другіе Спиридономъ [6]), при озерѣ Головицѣ, въ 20 верстахъ къ югу отъ Бабадаха, 125 дворовъ.

3. *Старая Слава* въ 12 верстахъ къ юго-западу отъ Бабадаха; 100 дворовъ.

4. *Каменка*, 120 дворовъ въ 2 верстахъ отъ Дуная и въ пяти къ югу отъ Матчина.

5. *Новинки*, нѣсколько выше Гирсова, 45 дворовъ.

6. *Татарица*, выше Силистріи, 60 дворовъ.

7. *Майноза* въ Анатоліи къ западу отъ города Брусы и въ 25 верстахъ отъ берега Мраморнаго моря, 500 дворовъ.

8. Есть еще *Дубровка*, географическое положеніе которой мнѣ неизвѣстно.

Всѣ они обложены податьми, но избавлены отъ рекрутства и управляются сельскими атаманами, избираемыми будто бы ежемѣсячно [7]).

Около Измаила и частію въ самомъ Измаилѣ находится нѣсколько приписныхъ къ нему Некрасовскихъ слободъ. Некрасовцы, коихъ считается болѣе 2500 душъ, всѣ старообрядцы поповщинскаго толка, переселились въ Россію со времени послѣдней Турецкой кампаніи, вслѣдствіе, какъ говорятъ они, высочайшей грамоты, дозволявшей имъ свободу вѣроисповѣданія и богослуженія. Поэтому колокола съ ихъ колокольни не сняты, и хотя въ настоящее время они лишены попа, взятаго по распоряженію правительства за противузаконные поступки, однако не теряютъ надежды имѣть другаго и открыто разыскиваютъ себѣ всюду способнаго и болѣе достойнаго священника. Въ *Киліи* также болѣе 150 семействъ Липованскихъ. Но замѣчательнѣе по духу и характеру своему раскольники посада *Волкова*, о которомъ необходимо распространиться подробнѣе.

---

[6]) Впрочемъ при-Дунайскіе раскольники обыкновенно называютъ его просто архіереемъ.

[7]) См. объ этомъ Надеждина: О заграничныхъ раскольникахъ въ Сборникѣ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ, составл. В. Кельсіевымъ. Лондонъ. 1860 г., вып. I, стр. 77—165. С. Зв.

Волковскій посадъ или прежнее селеніе Волково лежитъ при одномъ изъ устьевъ Дуная, верстахъ въ 12 отъ моря, въ 5 отъ Базарчука и въ 30 отъ Киліи. Оно существовало еще при Турецкомъ владычествѣ. Ревизскихъ нумеровъ всего 578, изъ коихъ нынѣ находящихся въ бѣгахъ около 100. Общество дѣлится на Малорусское и Великорусское. Подъ первымъ именемъ разумѣются одни православные, подъ другимъ одни раскольники, которые дѣйствительно говорятъ самымъ чистымъ Русскимъ языкомъ. И тѣ и другіе занимаются исключительно рыболовствомъ, живутъ согласно, но въ тоже время представляютъ между собою рѣзкую противоположность: у Малороссіянъ — православная церковь, куда собираются по праздникамъ, свадьбы и крестины празднуются съ пѣснями и открытымъ весельемъ. У раскольниковъ также есть церковь, въ которой они хотя и собираются по Воскресеньямъ, но безъ священника и, зажигая свѣчи, ограничиваются чтеніемъ однѣхъ молитвъ, ибо совершать таинства некому. Дѣти ихъ, какъ и у всѣхъ Бессарабскихъ раскольниковъ, остаются не крещенными по 6 лѣтъ и долѣе; молодыя четы живутъ также большею частію невѣнчанныя, слагая, говоря ихъ словами, «грѣхъ блуднаго сожитія на преслѣдователей». Поведеніе ихъ, по удостовѣренію мѣстнаго начальства, примѣрно-тихо; они не замѣчаются ни въ пьянствѣ, ни въ буянствѣ, и вообще ведутъ жизнь строгую, безо всякихъ простому быту свойственныхъ увеселеній. Это селеніе было довольно богато до тѣхъ поръ, пока воды устья состояли въ ихъ полномъ распоряженіи; но лѣтъ семь тому тому назадъ эти воды были отданы на откупъ вмѣстѣ съ прочими водами Дунайскими, а они обязаны были ловить рыбу своими снастями на откупщика, который выдавалъ имъ за каждый пудъ плату по собственной, имъ же составленной, таксѣ. Желая возвратить себѣ воды, они предложили правительству взять отъ нихъ въ пользу крестьянъ Государственныхъ Имуществъ принадлежащія имъ пять десятинъ земли, а ихъ самихъ, какъ имѣющихъ одинъ промыселъ рыболовство, записать въ мѣщане. Земля поступила во владѣніе крестьянъ, Волковцы названы мѣщанами съ учрежденіемъ у нихъ ратуши; но водъ имъ не отдали. Тогда, вслѣдствіе представленій князя Воронцова, дѣло это дошло до Правительствующаго Сената. Года четыре тому назадъ послѣдовалъ указъ 1-го Департамента, гдѣ, согласно съ мнѣніемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ и князя Воронцова, объяснявшаго въ своемъ рапортѣ заслуги Волковцевъ въ послѣднюю Турецкую кампанію и важность для нихъ единственнаго промысла рыболовства, повелѣно было, по окончаніи срока откупному контракту, отдать Волковцамъ воды по берегамъ Дуная, прилегающимъ къ ихъ землѣ. Но по окончаніи срока контрактъ былъ возоб-

новленъ съ новымъ откупщикомъ Евреемъ, а вслѣдствіе нѣсколько неясныхъ выраженій сенатскаго указа полиція Государственныхъ Имуществъ размежевала воды такъ, что предоставила Волковцамъ самую незначительную часть—Гусинскій ерикъ, гдѣ по ихъ отзыву, почти и не водится рыбы. Они вновь обратились съ просьбой къ князю Воронцову, который, объявивъ Волковцамъ свое сочувствіе ихъ домогательству, поручилъ генералъ-лейтенанту Θедорову войти въ ближайшее разсмотрѣніе сего предмета. Какія были дѣйствія генерала Θедорова, неизвѣстно; но этому прошло уже болѣе года, и Волковцы сильно ропщутъ. Обстоятельство это, какъ видно будетъ ниже, можетъ имѣть весьма важныя по вреду послѣдствія. Цѣна же, за которую откупщикъ снимаетъ всѣ воды Дунайскихъ устьевъ, въ томъ числѣ и Волковскаго, составляетъ 20 тысячъ рублей сер. въ годъ.

Жабріены—также раскольничье селеніе въ $1\frac{1}{2}$ версты отъ моря и въ 15 отъ Волкова, вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ и другими селеніями Измаильскаго градоначальства, завѣдывается особымъ чиновникомъ, имѣющимъ пребываніе въ Волковѣ.

Тайная переправа черезъ Дунай также удобна и также легко производится, какъ и переходъ черезъ границы въ верхней Бессарабіи. Дунай, склоняясь къ морю, развѣтляется на многіе рукава и протоки, образуетъ острова и лиманы и, покрытый съ нашего берега высокимъ камышемъ, а съ Турецкаго—густымъ лѣсомъ, дѣлаетъ мѣстность еще болѣе удобною для укрывательства бродягъ и для побѣговъ; казачій же духъ жителей Буджака и дерзость на водѣ рыболововъ доставляютъ къ тому вѣрные способы. Въ самихъ раскольникахъ болѣе осѣдлости, и они переходятъ почти изъ однихъ религіозныхъ побужденій; но между Малороссіянами не рѣдки такіе примѣры, что жена, не взлюбивъ мужа, мужъ, наскучивъ женой, бѣгутъ въ Турцію и тамъ заключаютъ новые браки. Есть даже такіе промышленники, которые вербуютъ по Россіи бабъ и дѣвокъ и потомъ перевозятъ за Дунай, гдѣ съ ихъ же согласія распродаютъ ихъ Русскимъ бѣглецамъ, нуждающимся въ женахъ. Одинъ изъ такихъ находился въ острогѣ городка Рени при мнѣ (Максимъ Овчаренко), другой Михайло Чернѣенко, по прозвищу *Махни Драла*, ушелъ недавно совсѣмъ за границу. Изъ числа бѣжавшихъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ замѣчательны были двое Колесниковы, отецъ и сынъ, оба ревнители раскола. У отца-Флора найдены были здѣсь бумага и стереотипныя доски для печатанія церковныхъ книгъ [8]); послѣ ихъ побѣга, они вскорѣ были пойманы въ Молдавіи и

---

[8]) Впослѣдствіе раскольники заводили сношенія съ вольной Русской типографіей въ Лондонѣ. *С. Эв.*

отосланы въ Россію, гдѣ, изъявивъ желаніе присоединиться къ Православію, получили свободу и немедленно вновь бѣжали, возвратясь снова къ расколу. Отецъ Колесниковъ умеръ, а сынъ его Степанъ Фроловъ доселѣ живетъ въ Яссахъ съ ремесломъ переплетчика.

Вотъ по возможности собранныя мною свѣдѣнія о раскольничьемъ народонаселеніи въ Бессарабіи и о пограничныхъ его сообщеніяхъ.

Вслѣдъ за этимъ естественно возникаютъ вопросы: каково состояніе его духа, въ чемъ заключаются его ожиданія и надежды; достигаютъ ли мѣры правительства желанной цѣли и какъ обходятся поповщинцы безъ поповъ?

Хотя, какъ уже сказано, раскольники и ведутъ себя съ благоразумною тишиною, но полагаться на это невозможно. Нельзя и думать, чтобы изувѣръ-раскольникъ равнодушно видѣлъ своихъ дѣтей некрещенными. браки—неосвященными, мертвыхъ неотпѣтыми; чтобы человѣкъ, признающій таинства, спокойно оставался безъ ихъ совершенія. Сколько я могъ замѣтить, въ нихъ ежечасно накопляется скрытое негодованіе, и рѣшимость разорвать союзъ съ родною землею, оскорбляющею будто бы ихъ вѣру, которая для нихъ дороже отчизны, возрастаетъ все болѣе и болѣе. Мѣры правительства, имѣвшія разумною цѣлью не узаконять бѣгства православныхъ священниковъ въ званіе раскольничьихъ поповъ, не заставили однакоже старообрядцевъ обратиться къ Единовѣрію. Правда, два или три семейства въ Хотинѣ прибѣгли къ православнымъ священникамъ для совершенія требъ, но всѣ прочіи остались тверды въ своемъ заблужденіи и предпочли жизнь по мнѣнію ихъ, въ невольномъ грѣхѣ, полагая, что они за это не будутъ отвѣчать Богу. Такого рода грубый и закоренѣлый фанатизмъ не можетъ быть подавленъ насильственными мѣрами, но только усиливается черезъ нихъ и, стремясь къ цѣли, способенъ обмануть всякую бдительность правительства, какъ бы зорко оно ни было. Получивъ силы отъ возникшей за предѣлами Россіи новой лжеіерархіи, расколъ участилъ сношенія съ своими единовѣрцами, сдѣлавшимися иностранными подданными, и связь кровнаго родства съ православными Русскими непрестанно слабѣетъ. Если заграничное вліяніе не достигло всей своей полноты, такъ это потому, что Измаилъ недавно только лишился священника и что послѣ того наѣзжавшій иногда попъ изъ Россіи давалъ имъ возможность обойтись безъ пособія новаго духовенства у себя дома. Но во время его отсутствія они ѣздили и ѣздятъ за границу, преимущественно въ Бѣлую Криницу, снабженную 12-ю попами, или въ Молдавію, гдѣ въ Яссахъ, на Красномъ мосту, живетъ попъ Григорій Кирѣевичъ, а въ Мануиловкѣ, верстъ 70 далѣе за Яссами, другой, важнѣйшій Алексѣй Панкратовъ. Къ нимъ преиму-

щественно прибѣгаютъ для исполненія обрядовъ Русскіе за границей; но сами они послѣ неблагополучнаго путешествія отца Геронтія, взятаго въ Петербургъ, не отваживаются въ предѣлы Россіи, несмотря на большія суммы имъ предлагаемыя. Они предпочитаютъ зазывать раскольниковъ къ себѣ, а эти посѣщенія чужихъ краевъ имѣютъ опасныя послѣдствія; ибо раскольники, переходящіе туда изъ побужденій вѣры, заражаются тамъ политикой и доводятъ вопросы религіозные до размѣра политическихъ... Между тѣмъ эти побѣги готовы повторяться чаще и чаще и обратиться въ цѣлыя переселенія: ибо число доморощенныхъ поповъ уменьшается съ каждымъ днемъ, а остающіеся, пользуясь своимъ положеніемъ, берутъ огромныя деньги за совершеніе обрядовъ [9]), многократные же переѣзды на время за границу слишкомъ неудобны и разорительны для бѣдныхъ людей. Въ озлобленіи своемъ раскольники произносятъ страшныя рѣчи.... «Чего они хотятъ?» такъ говорили они недавно въ Кишиневѣ, въ домѣ Пискарева: «если правительство будетъ продолжать свои преслѣдованія, то или нашего духу не останется въ Россія, или же.....» Этой фразы они обыкновенно не доканчиваютъ.... Волковцы, налегая больше на лишеніе ихъ свободы рыболовства и умалчивая о другихъ причинахъ, въ разговорѣ со мною впустили между прочимъ слѣдующія слова: «Конечно, оно хоть и не приходится оставлять мѣсто, гдѣ родились и жили наши дѣды, хоть оно и тяжко, все какъ-то надѣешься—да что же дѣлать, придется снаряжать лодки и забирать съ собой женъ и дѣтей». И дѣйствительно, можно прямо поручиться, что этотъ смѣлый народъ при новомъ отказѣ готовъ весь подняться на лодкахъ въ море, съ которымъ друженъ съ дѣтства, и уплыть къ чужеземнымъ берегамъ, уплыть для того, чтобы вмѣстѣ съ другими бѣглецами усилить расколъ за границей, чтобъ увеличить число добровольныхъ изгнанниковъ изъ Россіи, на нее негодующихъ, чтобы послужить новымъ свидѣтельствомъ нашего внутренняго религіознаго разъединенія, чтобъ сдѣлаться орудіемъ чужой политики, чтобъ образовать тамъ новую силу враждебную намъ!... Эти послѣднія слова относятся къ замысламъ Польскихъ эмиссаровъ [10]), которые пытались устроить тамъ, за Дунайской границей, новое казачество, подобное Запорожскому, и одного изъ Малороссовъ Осипа Гончаренко назначить гетманомъ. Эта новая враждебная сила должна была признать и новую лже-іерархію. Такимъ образомъ съ понятіемъ о послѣдней соединяется и понятіе о возможности отдѣльнаго, само-

---

[9]) До 300 рублей серебромъ за одно обвѣнчаніе и пр....

[10]) Въ особенности Потоцкаго, жившаго въ Турціи съ этимъ намѣреніемъ цѣлый годъ.

стоятельнаго политическаго значенія и всякаго разрыва съ православною Русью. Попытка эта, важная какъ мысль, не удалась. Всѣ подробности ея мнѣ неизвѣстны [11]), но одною изъ причинъ неудачи были религіозныя распри. Заграничная деревня Серакёй возбудила сомнѣніе, что лже-митрополитъ былъ крещенъ не чрезъ погруженіе въ воду, а чрезъ обливаніе. Къ этому присоединилась и нелюбовь Русскихъ къ Грекамъ, страхъ подпасть подъ зависимость Греческаго духовенства, наконецъ и то, что новая іерархія учреждена была собственно стараніями однихъ Бѣлокриницкихъ монаховъ, при содѣйствіи іезуитовъ, безъ участія придунайскихъ раскольничьихъ сторожиловъ. Эти Дунайскіе сторожилы, состоя подъ Турецкимъ владычествомъ, много отличаются отъ Австрійскихъ раскольниковъ, подчиняющихся непремѣнно болѣе или менѣе Европейскому вліянію и изъ коихъ, какъ извѣстно, *нѣкоторые засѣдали даже въ Пражскомъ сеймѣ* [12])... Когда поставленный митрополитомъ архіерей прибылъ на Дунай, то Серакёй не призналъ ни его, ни рукоположеннаго имъ попа Онисима; его примѣру послѣдовали часть Старой Славы, Каменки и новой слободы (Новинокъ). Архіерей же избралъ мѣстомъ пребыванія Журиловку, которая приняла его вмѣстѣ съ прочими Русскими селеніями въ Турціи.

Вскорѣ послѣ того Бабадахскому аяну сдѣлали доносъ, что раскольники признавшіе Греческаго митрополита хотятъ соединиться за одно съ Греками и ниспровергнуть Оттоманскую Имперію. Дѣло доходило до султана, а между тѣмъ (какъ расказывалъ мнѣ одинъ Некрасовецъ Памфилъ Анисимовъ) архіерея, попа Онисима, Осипа Гончаренко и какого-то Димитрія Свиткова засадили въ тюрьму, гдѣ они и находились около 6 мѣсяцевъ [13]). Наконецъ, султанъ приказалъ ихъ освободить, повелѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы принявшіе новое духовенство жили отдѣльно отъ непризнававшихъ его и чтобъ первые выѣхали всѣ изъ Серакёя и Славы. Но самое важное обстоятельство, которымъ наше правительство, конечно, не оставитъ воспользоваться, это то, что тѣже сѣмена раздора перенесены черезъ Дунай и къ нашимъ Бессарабскимъ раскольникамъ. Некрасовцы долго колебались и, наконецъ, по убѣжденіямъ старика Памфила Онисимова (уроженца деревни Серакёй) и еще какого-то Панкрата, рѣшились не признавать новой іерархіи во первыхъ потому, что считаютъ лже-митрополита крещен-

[11]) См. объ этомъ Субботина: Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій. Москва 1867 г. *С. Зв.*

[12]) На сеймѣ, въ Прагѣ, былъ Бѣлокриницкій инокъ Алимпій, прося защиты отъ „несправедливыхъ“ притѣсненій раскольниковъ со стороны Австріи и Россіи. *С. Зв.*

[13]) См. озн. соч. Субботина, стр. 32. *С. Зв.*

нымъ не чрезъ погруженіе, а чрезъ обливаніе; во вторыхъ потому, что боятся такимъ образомъ лишиться высочайше дарованныхъ имъ правъ. Памфилъ Онисимовъ, часто употреблявшійся Измаильскимъ полицейскимъ Фонъ-Чуди для секретныхъ дознаній о дѣйствіяхъ Поляковъ за Турецкой границей, самъ расказывалъ мнѣ все это, утверждая, что Некрасовцы предпочитають имѣть своего доморощеннаго попа и спокойно оставаться въ Россіи, пользуясь милостью Государя. Хотя попъ и взятъ былъ отъ нихъ, но они не считаютъ себя лишенными права искать другаго; нашли было одного, но онъ оказался пьяницей, и потому хотятъ просить позволенія взять бѣглаго попа, поставленнаго *не новыми* іерархами изъ Молдавіи.

Онъ спрашивалъ меня: не извѣстно ли мнѣ, «отнимутся ли отъ нихъ права или нѣтъ?» Я отвѣчалъ, что этого не знаю, но что они скорѣе могутъ надѣяться удержать ихъ за собою, не признавая новаго духовенства, нежели признавая. Отъ тотчасъ же поспѣшилъ сообщить мои слова всей Некрасовской общинѣ. Хотя Онисимовъ и утверждалъ, что примѣру ихъ послѣдовала почти вся нижняя Бессарабія, однако Волковцы на спросъ мой, признаютъ ли они Журиловскаго архіерея, отвѣчали сначала, что признаютъ, потомъ уже стали говорить, что нѣкоторые изъ нихъ признаютъ, другіе нѣтъ. Въ разсказѣ своемъ они сами безъ моего указанія сообщили мнѣ тоже, что̀ и Некрасовецъ, и сами назвали Онисима и Панкрата, какъ главныхъ противниковъ лже-іерархіи. На слова мои о крещеніи нѣкоторые возразили, что этотъ вопросъ уже рѣшевъ Бѣлокриницкими монахами Алимпіемъ и Павломъ Васильевымъ, которые были отправлены на иждивеніе Петербургскаго купца Громова и Московскаго Волкова въ путешествіе по всѣмъ христіанскимъ землямъ для описанія церковныхъ обрядовъ, и которые въ книжкѣ, ходившей у раскольниковъ по рукамъ, доказали будто бы, что въ мѣстѣ рожденія митрополита обряда обливанія не существуетъ. Спросить же воспріемниковъ они не могли за смертію ихъ. Впрочемъ надо замѣтить, что Волковцы, находившіеся не на границѣ и сообщающіеся съ Турціей моремъ, теперь, съ наступленіемъ зимы и съ прекращеніемъ рыболовства, не могутъ имѣть частыя сношенія съ своими Задунайскими единовѣрцами. Какъ далеко проникъ этотъ спорный вопросъ въ Россіи, прослѣдить я не могъ [14]); но съ достовѣрностію можно предположить, что здѣшніе раскольники-попы не совсѣмъ благопріятствуютъ этой новой заграничной фабрикѣ поповъ, отбивающей у нихъ хлѣбъ, вліяніе и силу. Поэтому наши доморощен-

[14]) По возвращеніи моемъ изъ Бессарабіи въ Москву, я узналъ, что Рогожское кладбище не признаетъ лже-іерархіи; покрайней мѣрѣ большая часть изъ прихожанъ, коихъ всѣхъ считается до 100 тысячъ.

ные раскольничьи священники, не смотря на весь ихъ вредъ съ одной стороны, съ другой могутъ, кажется, оградить насъ отъ большей бѣды—отъ заграничнаго вліянія. По симъ-то уваженіямъ, получивъ тайное донесеніе о пребываніи бѣглаго раскольничьяго попа съ Дона, подъ именемъ купца, въ Кишиневѣ, въ домѣ Пискарева, и въ тоже время узнавъ о затѣвавшихся было до его пріѣзда намѣреніяхъ многихъ изъ раскольниковъ отправиться за границу для крестинъ и вѣнчанія, я не рѣшился требовать отъ городской полиціи (которая вовсе о немъ и не знала) его задержанія. Такимъ способомъ удалось на время остановить многія поѣздки за границу. Этотъ попъ, скрывавшійся въ Бессарабіи подъ именемъ купца Никанора (тотъ самый, котораго за пьянство не захотѣли взять къ себѣ Некрасовцы), теперь находится Херсонской губерніи, въ селѣ Плоскомъ, близъ границы Ольгопольскаго уѣзда, гдѣ лежитъ тяжко боленъ въ домѣ крестьянина Григорія Звѣрова, и Бессарабскіе раскольники, боясь его смерти, уже думаютъ между собою, какъ имъ быть безъ него на будущее время?

Чтоже кромѣ раскольничьихъ поповъ можетъ служить противодѣйствіемъ заграничному вліянію, и способны ли Русскіе чиновники и православные священники достигать этой благой цѣли правительства?... Извѣстно, что въ глазахъ простого народа, всякій крестьянинъ, всякій проникнутый ложнымъ, но сильнымъ убѣжденіемъ мужикъ имѣетъ гораздо болѣе авторитета, нежели люди другаго званія; православные же наши чиновники не только не внушаютъ раскольникамъ уваженія къ себѣ своимъ полнѣйшимъ невѣжествомъ въ православномъ ученіи, но еще постоянно раздражаютъ оскорбленіями повидимому ничтожными, для поповщинцевъ же весьма чувствительными, какъ-то: насмѣшками надъ ихъ некрещеными дѣтьми, надъ блуднымъ сожитіемъ и т. п. Всему этому былъ я много разъ самъ свидѣтелемъ.

Что же касается до православнаго духовенства, то изъ неоднократныхъ разговоровъ моихъ съ старообрядцами я убѣдился въ совершенномъ отсутствіи довѣрія къ нему съ ихъ стороны. Закоснѣлость раскольниковъ доходитъ до того, что они считаютъ нашихъ священниковъ казенными чиновниками, которые говорятъ только то, что́ имъ приказано. Они глумятся надъ тѣмъ, что архіереи подписываются у насъ «смиренными архіереями и кавалерами», осмѣливаются утверждать, что «Святѣйшій Синодъ не Соборъ, а присутственное мѣсто, управляемое оберъ-прокуроромъ» и что «въ немъ допускаются къ службѣ Лютеране и Католики»; наконецъ, на упреки на оставленіе родной земли отвѣчаютъ, что «уже лучше имъ жить между иностранцами, совершенно имъ чуждыми, нежели между своими объиностранившимися Русскими». Подобныя мнѣнія остаются безъ искусныхъ возраженій, и

потому полезно было бы, кажется, еслибъ духовной силѣ раскольниковъ за границею была противопоставлена другая духовная сила съ бо̀льшимъ авторитетомъ.

Въ этомъ отношеніи православные іерархи Славянскихъ племенъ въ Турціи и Австріи, во всякомъ случаѣ пользующіеся у нихъ бо̀льшимъ уваженіемъ, нежели Россійскіе, могли бы оказывать постоянную услугу правительству, дѣйствуя на старообрядцевъ проповѣдью и возбужденіемъ общественнаго мнѣнія, которое не тяготѣетъ надъ ними за границею такъ, какъ оно тяготѣетъ здѣсь въ предѣлахъ Россіи.

Впрочемъ нельзя не пожалѣть, что даже между Славянами православная іерархія находится большею частію въ рукахъ Грековъ...

И такъ, изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ можно видѣть, вполнѣ ли достигаютъ благія намѣренія правительства своихъ желанныхъ результатовъ и достаточны ли принятыя имъ полицейскія мѣры. Съ этимъ вмѣстѣ можно съ достовѣрностью заключить, что въ настоящее время существованіе у раскольниковъ поповъ Русскаго издѣлья менѣе опасно, нежели новая заграничная лже-іерархія [15]). Первое есть явленіе чисто-религіозное, второе носитъ на себѣ и политическій характеръ съ примѣсью новыхъ вредныхъ мнѣній, проникающихъ въ такой слой народа, который къ счастію оставался совершенно имъ чуждъ доселѣ...

Вотъ подробное изложеніе наблюденій моихъ надъ раскольниками въ теченіе краткаго времени проведеннаго мною въ Бессарабіи.

Соображенія.

Въ настоящее время положеніе раскольничьихъ дѣлъ требуетъ, по мнѣнію моему, принятія нѣкоторыхъ особенныхъ мѣръ, а именно:

I. При очевидной недостаточности мѣръ полицейскихъ къ преграждѣнію побѣговъ за границу и, слѣдовательно, къ предотвращенію опаснаго въ религіозномъ и въ политическомъ смыслѣ вліянія заграничной лже-іерархіи, необходимо отнять самый поводъ къ побѣгамъ и для сего оставить на время существованіе бѣглыхъ поповъ Русскаго издѣлья безъ преслѣдованія, о чемъ и дать знать по секрету мѣстнымъ начальникамъ, а въ особенности Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору.

---

[15]) И. С. Аксаковъ увлекается политической точкой зрѣнія, въ ущербъ каноническимъ постановленіямъ, по которымъ и бѣглый епископъ, и бѣглый попъ одинаково „обнажены священства“ и, какъ такіе, суть самозванцы, вредные и въ политическомъ отношеніи. Правительство Николая Павловича, строго охранявшаго постановленія церкви, не могло не обратить вниманіе на это сужденіе Аксакова и соотвѣтственное этому „соображеніе“ (№ 1). Несомнѣнно, что при обвиненіи Аксакова „въ либеральномъ образѣ мыслей“ въ Мартѣ 1849 года (Истор. Вѣст. 1888 г., Февр.. стр. 330) имѣлись въ виду и отмѣченныя нами курсивомъ мѣста его отчета. *С. Зв.*

II. Такъ какъ возбранить всякія сношенія по границѣ способами полицейскими невозможно, то слѣдовало бы, кажется, не разрушая извѣстныхъ уже правительству тайныхъ путей раскольничьихъ сношеній, ограничиться однимъ наблюденіемъ за характеромъ и значеніемъ сообщеній Бессарабскихъ раскольниковъ, какъ съ своими заграничными единовѣрцами, такъ и съ раскольниками внутреннихъ губерній. Для сего необходимо было бы имѣть въ Бессарабіи постояннаго благонадежнаго агента Министерства изъ чиновниковъ, отправляемыхъ туда Министерствомъ на службу.

III. Въ запискѣ моей сказано, что православное духовенство не пользуется у раскольниковъ никакимъ авторитетомъ. Для возстановленія его вліянія необходимо было бы во всѣхъ мѣстахъ пограничныхъ съ раскольническими поселеніями или находящихся въ одной съ ними чертѣ назначить къ православнымъ церквамъ самыхъ образованныхъ, умныхъ и достойныхъ священниковъ, способныхъ уже однимъ поведеніемъ своимъ заслужить уваженіе сектантовъ. Сверхъ того необходимо было бы, чтобъ эти священники были приготовлены къ дѣйствованію на раскольниковъ особымъ спеціальнымъ образованіемъ, котораго инымъ способомъ они пріобрѣсть не въ силахъ: ибо съ одной стороны скрытность раскольниковъ, съ другой недостатокъ средствъ сельскаго іерея мало представляютъ возможности къ собранію всѣхъ нужныхъ для достиженія этой цѣли свѣдѣній.

IV. Не мѣшало бы, кажется, чтобъ генералъ-губернаторы и начальники губерній внушали своимъ чиновникамъ, имѣющимъ по службѣ своей сношенія съ поповщинцами, въ отношеніи къ послѣднимъ соблюдать должное приличіе и не оскорблять ихъ безполезными и даже опасными насмѣшками.

V. Можно было бы войти въ ближайшія сношенія съ Славянскими іерархами въ Турціи и Австріи и, какъ они пользуются у раскольниковъ бо̀льшимъ уваженіемъ, нежели Россійскіе, убѣдить ихъ дѣйствовать на раскольниковъ за границею проповѣдью и возбужденіемъ общественнаго мнѣнія, которое не тяготитъ надъ ними тамъ въ такой степени, въ какой тяготитъ надъ ними въ самой Россіи.

VI. Что̀ касается до Волковцевъ, то ихъ можно было бы на долго успокоить, если бы дать ходъ ихъ домогательству относительно неправильнаго размежеванія водъ. Для сего слѣдовало бы спросить генерала Ѳедорова по поводу дошедшихъ до Министерства свѣдѣній «о настоящемъ положеніи этого дѣла».

VII. Необходимо поддерживать между раскольниками мысль, что лже-митрополитъ крещенъ чрезъ обливаніе, а не чрезъ погруженіе.

ВСЕРОССІЙСКІЙ ДВОРЯНСКІЙ МОЛЕБЕНЪ.

Въ 1851 году исполнилось двадцатипятилѣтіе царствованія императора Николая Павловича. Событіе это было отпраздновано торжественнымъ образомъ въ каждой губерніи. Но дворянство Смоленской губерніи не удовлетворилось оффиціальнымъ празднованіемъ царскаго юбилея: оно задумало отправить отъ себя депутацію въ Москву и тамъ въ Большомъ Успенскомъ соборѣ отслужить молебенъ за здравіе и благоденствіе Вѣнценоснаго Юбиляра. Смоленскій предводитель дворянства князь Друцкой-Соколинскій въ одномъ изъ своихъ писаній по этому предмету говоритъ, что мысль о посылкѣ дворянской депутаціи въ Москву „выразилась въ письмахъ къ нему множества частныхъ лицъ, служащихъ, уѣздныхъ предводителей дворянства и др“. Князь Друцкой-Соколинскій обращался по поводу задуманнаго молебна къ Смоленскому епископу, и тотъ благословилъ дворянское предпріятіе.

Тогда Смоленскіе дворяне расширили кругъ своихъ желаній. Среди нихъ возникла новая мысль: устроить дѣло такъ, чтобы молебенъ въ Москвѣ былъ не *Смоленскимъ* только, а *Всероссійскимъ*, чтобы депутаціи изо всѣхъ Русскихъ губерній съѣхались въ извѣстное время въ Бѣлокаменную и тамъ совершили общее молитвословіе. А поэтому Смоленскій предводитель въ Декабрѣ 1851 года разослалъ многимъ губерискимъ предводителямъ письма съ просьбою пригласить мѣстное дворянство къ участію во Всероссійскомъ молебнѣ. Вмѣстѣ съ письмами предводителямъ было адресовано постановленіе Смоленскаго дворянства о приглашеніи къ устраиваемому молебну дворянъ другихъ губерній. Въ этомъ постановленіи Смоленскіе дворяне говорятъ: „Въ пламенной любви и преданности къ царю *нигдѣ намъ не уступятъ*. Мысль Смольянъ есть мысль Россіянъ. Она горитъ уже лучомъ безсмертія! На наше движеніе, среди благоговѣйнаго удивленія великимъ подвигамъ Вѣнценосца, намъ откликнутся вѣрные сыны въ отдаленнѣйшихъ концахъ Россіи.... Радость и восторгъ отечества хлынутъ къ сердцу Россіи, и торжественный ѳиміамъ вознесется къ Небу!“

Въ числѣ другихъ и Курскій губернскій предводитель получилъ приглашеніе Смоленского дворянства. Тогда онъ счелъ нужнымъ обратиться къ уѣзднымъ предводителямъ и просить ихъ созвать уѣздныя дворянскія собранія, на которыхъ Курскіе дворяне могли бы высказаться по поводу приглашенія къ участію въ задуманномъ Смоленскимъ дворянствомъ Всероссійскомъ молебнѣ. На всѣхъ уѣздныхъ собраніяхъ Курскіе дворяне единодушно и единогласно примкнули къ желанію Смоленскаго дворянства. Въ приговорахъ собраній по этому предмету исчислены всѣ дѣянія императора

Николая Павловича, какія даютъ ему право на особое выраженіе чувствъ безпредѣльной преданности дворянства къ особѣ Монарха. Во главѣ этихъ дѣяній поставлены: „Доведеніе Россіи до высшей степени величія и славы, которыми гордимся мы предъ всѣми державами. Послѣдній разительный примѣръ этого: когда весь западъ Европы воспламенился духомъ безначалія и ниспроверженіемъ властей законныхъ, одна Святая Русь, одушевленная твердою вѣрою въ Бога, устояла, какъ гранитная скала, не подвергшись никакой перемѣнѣ въ общественномъ благоденствіи своемъ.“ Дворяне всѣхъ уѣздовъ Курской губерніи были согласны съ Смоленскими дворянами послать въ Москву депутацію, которая должна состоять изъ губернскаго и всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Тогда Курскій губернскій предводитель 14 Января 1852 года послалъ въ Смоленскъ тамошнему предводителю такое сообщеніе: „М. г. князь Михаилъ Васильевичъ! Въ ознаменованіе, хотя и слабое, благоговѣйнаго удивленія и вѣрноподданнической благодарности къ обожаемому Монарху въ юбилей его царствованія, дворянство нашей губерніи желало пожертвовать въ прошломъ Августѣ мѣсяцѣ капиталъ около 40,000 р., ему принадлежащій, на учрежденіе въ Курскѣ банка и при немъ дѣтскаго пріюта; но по непредвидѣннымъ причинамъ желаніе наше не увѣнчалось успѣхомъ. Итакъ вы можете, князь, представить себѣ, съ какимъ восторгомъ, послѣ такой прискорбной для насъ неудачи, мы всѣ принимаемъ предложеніе ваше участвовать въ депутаціи для принесенія, *въ день Сошествія Святаго Духа*, благодаренія Зиждителю міровъ за блага, дарованныя Имъ Россіи въ особѣ Царя—отца отечества, въ изъявленіе, хотя теперь нашихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Завидуемъ однако вамъ, князь, какъ человѣку, у котораго родилась идея этого торжественнаго акта.“

Вслѣдъ за Курскимъ дворянствомъ отозвалось на призывъ Смоленскаго губернскаго предводителя и Владимирское. Затѣмъ получились въ Смоленскѣ извѣстія и изъ другихъ губерній ближнихъ и дальнихъ съ выраженіемъ желанія прислать свои депутаціи въ Москву въ извѣстное, указанное Смоленскимъ дворянствомъ время. Мысль отправить въ Успенскомъ соборѣ Всероссійскій молебенъ именно въ день Святаго Духа была предложена княземъ Друцкимъ-Соколинскимъ. „Дары Святаго Духа, писалъ онъ по этому поводу, осѣнятъ благодатію торжественное возношеніе народа и озарятъ вѣрноподданныхъ свѣтомъ разума.“

Какъ видно изъ архивныхъ документовъ, задуманный Смоленскимъ дворянствомъ торжественный молебенъ мало по малу пріобрѣлъ характеръ и значеніе всенароднаго акта. Съѣздъ для молебна представителей—дворянъ изо всѣхъ Русскихъ губерній, представилъ бы собою событіе грандіозное, небывалое! Но этого мало. Купечество тѣхъ губерній, гдѣ началось дѣло объ участіи во Всероссійскомъ молебнѣ, „освѣдомясь, что дворянство положило въ сердцахъ своихъ принести торжественное благодареніе ко Всевышнему и, будучи оживлено тѣмъ же духомъ благоговѣнія къ щедротамъ и милостямъ Государя, изъявило желаніе стать при семъ важномъ событіи

рядомъ съ представителями дворянства." Такимъ образомъ предположенный Всероссійскій молебенъ, при участіи купечества, долженъ былъ пріобрѣсти еще больше силы и величія. Но дворяне нѣкоторыхъ губерній, въ томъ числѣ и Курской, нашли, что мысль объ общемъ моленіи въ Успенскомъ соборѣ *едва ли удовлетворительна.* Нѣтъ, тутъ необходимо большее! Необходимо „высказать во всеуслышаніе то, что такъ глубоко запечатлѣно въ сердцахъ каждаго изъ насъ—желаніе: отъ лица дворянства всей Россійской имперіи поднести Государю Императору священное титло *Великаго и Отца Отечества.*"

Желаніе поднести Государю особый титулъ раздѣляло и дворянство Смоленской губерніи. Когда князь Друцкой-Соколинскій увидѣлъ, что мысль его о молебнѣ принята съ одушевленіемъ и сочувствіемъ, то онъ счелъ возможнымъ испросить на осуществленіе ея высочайшее разрѣшеніе. Вслѣдствіе этого князь адресовалъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Перовскому слѣдующее представленіе:

„Убѣждаясь изъ получаемыхъ отъ г.г. губернскихъ предводителей дворянства отзывовъ, что благоговѣйная мысль о торжественномъ возношеніи благодаренія въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ принадлежитъ уже не Смоленской губерніи, а Россіи, и что къ вамъ отправляются о томъ представленія и ходатайства изъ разныхъ губерній, я почитаю долгомъ, согласно постановленію Смоленскаго дворянства, просить ваше сіятельство при всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю представленій другихъ губерній повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе и мое представленіе о желаніи сословій Смоленской губерніи вознести моленіе и благодареніе Господу за ниспосланіе XIX вѣку на тронъ Сѣвера Вѣнценосца Императора Николая Перваго."

Такія же представленія графу Перовскому были отправлены отъ предводителя Курской губерніи и другихъ губернскихъ предводителей.

18 Марта 1852 года отъ министра внутреннихъ дѣлъ получился отвѣтъ:

„Вслѣдствіе представленія вашего, писалъ министръ Курскому предводителю, имѣю честь васъ увѣдомить, что по всеподданнѣйшему докладу объ извѣстномъ вамъ желаніи прислать депутатовъ отъ дворянства и купечества въ Москву для вознесенія молитвъ въ тамошнемъ Успенскомъ соборѣ, Государь Императоръ на томъ докладѣ изволилъ собственноручно написать:

„*Молиться, буде хотятъ, могутъ вездѣ, и можетъ каждый про себя, а не въ видѣ общемъ.*"

Такимъ образомъ задуманный въ грандіозныхъ размѣрахъ Всероссійскій молебенъ въ Москвѣ не состоялся, и дворяне уже не возбуждали болѣе дѣла о поднесеніи Николаю Павловичу титула „Великаго."

1887 г. Февраля 20.

А. Танковъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА

1855-й годъ *).

Май — Октябрь.

Кажется, мы не отстоимъ Севастополя. Больно и грустно! Страшные убытки, нами терпимые, вознаграждаются въ нѣкоторой степени огромными расходами союзниковъ. Побѣда наша важна будетъ тѣмъ, что исполнитъ ожиданія народовъ, напряженіе которыхъ таково, что неудача разметала бы въ разныя стороны нынѣшнія правительства Англіи и Франціи и утвердила бы убѣжденіе въ нашей силѣ и прочности. Если, не смотря на ихъ усиленные способы и помощь Австріи, мы останемся непобѣдимыми, толпа во Франціи и Англіи заговоритъ и потребуетъ преобразованій устами новыхъ Робертъ-Пилей, болѣе важныхъ и радикальныхъ, нежели на митингѣ Лондонской таверны. Лорда Пальмерстона узнать нельзя; удаленіе Друенъ-де-Люиса и объяснить трудно; перемѣщеніе Канробера въ подчиненные Пелисье—все показываетъ, что союзники въ необыкновенныхъ затрудненіяхъ и что взятіе Севастополя будетъ для нихъ передышкой...

Дѣла принимаютъ все болѣе и болѣе грозный видъ. Союзники сближаются къ Севастополю, они заняли Керчь, флотъ ихъ, въ числѣ 20 судовъ, передъ Кронштадтомъ у Красной Горки. Они объявили, что флагъ не покрываетъ поклажи. Австрія составила для Россіи новый ультиматумъ, уже сообщенный въ Парижъ и Лондонъ. У насъ, кромѣ набора стрѣлковъ и ополченій, учреждаются Малороссійскіе полки козачьи. Но чего это все стоитъ? Но какъ успокоить потомъ столь сильно возбужденныя повсемѣстно требованія?—Надняхъ читаютъ повелѣніе: такого-то офицера освободить отъ производимаго съ него взысканія, обезпечиваемаго имѣніемъ его жены. Между нашими ничтожными стариками это произвело довольно гласный ропотъ. Надняхъ слушается дѣло между Рязановымъ и Голубковымъ о золотыхъ пріискахъ. Оберъ-прокуроръ, любезный Полячекъ Л—ій, по внушеніямъ, далъ предложеніе, ни съ того ни съ сего, противъ воли казны и вопреки мнѣнія министра финансовъ, взять пріиски въ казну, т. е.—

*) См. выше, стр. 249.

отдать камерфлейлинѣ Т... Старики наши закричали и кричали довольно громко... Сидя съ ними и слушая ихъ крикливыя брани на графа Панина за назначеніе присутствовать въ вакантное время, слушая затѣмъ толки и пересуды ихъ, болѣе нежели когда-нибудь громкіе о невѣжествѣ нашихъ военныхъ распорядителей, я желалъ представить себѣ ликъ покойнаго Государя: ликъ строгій и могущественный, передъ которымъ смирялась и стихала буйная челядь, чувствующая теперь, что узда понемногу ослабѣваетъ... Можетъ быть хорошо, что ничего не отмѣняютъ изъ распоряженій и видовъ Николая; но отъ чего пересуды громче, отъ чего въ воздухѣ новое вѣяніе? Отчего самонадѣянность упорнѣе, посредственность увѣреннѣе? Въ годину бѣдствій недостаточно умѣнья и ловкости навыка: нужна геніальность. Эти крики и эти бѣдствія подчинятся ей; но ея нѣтъ, и не видно. Толкуютъ о какомъ-то Русскомъ направленіи, объ образованіи стараго дворянства, объ осторожномъ просвѣщеніи. Русскій духъ—это степная, заскорузлая жизнь полуварваровъ; старое дворянство—это царедворскіе происки Долгорукихъ (по кончинѣ Петра II-го); осторожное просвѣщеніе—это угнетеніе мысли и народной самостоятельности.. Я увѣренъ, что при покойномъ государѣ и въ виду исключительныхъ обстоятельствъ не было бы ни такой гласности, ни такой рѣзкости толковъ.

Мы обѣдали и долго толковали сегодня съ Сафоновымъ и докторомъ Андріевскимъ, двумя ближними боярами свѣтлѣйшаго барина Воронцова. Какое управленіе, судя по ихъ словамъ, какая безпечность въ распоряженіяхъ! Два разсказанные ими случая о пользованіи помѣщичьими лѣсами и о крѣпостномъ правѣ, объ управленіи отобранными церковными имуществами (низшедшими отъ 70 тыс. дохода до 17 тыс.), о «распродажѣ» плѣнныхъ—показываютъ такую безпечность, такое неумѣнье, что удивляешься, какъ еще положеніе дѣлъ остается такимъ, какъ оно есть. Ближайшіе бояре очевидно не разсчитываютъ на всплытіе князя, и конечно тягчайшее наказаніе для него—ихъ разсказы... Это преобразователи края! ..

Сегодня, 28 Мая, пришла резервная дивизія изъ Москвы. Это около 25 тыс. человѣкъ съ генераломъ А. А. Обручевымъ; но въ какомъ положеніи?... Не видавъ этихъ людей, трудно повѣрить, до какой степени истощенія должны быть доведены и рекрутскіе участки и запасы: это какой-то сбродъ и сборъ безмундирныхъ. Кто въ фуражкѣ, кто въ киверѣ безъ кокарды; мальчишки лѣтъ по 18-ти, истощенные, невыдержанные; а корпусъ офицеровъ еще того хуже... Пріѣхалъ князь Барятинскій (тотчасъ по отъѣздѣ королевы Виртембергской), ждутъ принца Прусскаго. Вмѣстѣ съ грустными вѣстями читаютъ циркуляры. Нашъ отвѣтъ на ноту гр. Валевскаго написанъ хо-

рошо, но уже не въ прежнемъ духѣ. Онъ признаётъ обязательнымъ все, достигнутое на Вѣнскихъ совѣщаніяхъ и вопросы о княжествахъ и о Дунаѣ считаетъ конченными: преждевременная уступка, обличающая ослабленіе и едва ли достигающая цѣли. Если судить по нотамъ Австрійской 13 Мая и Прусской 23-го, есть какое-то стѣсненіе, замѣшательство и какая то мечтательность въ разсужденіяхъ о положительныхъ гарантіяхъ и равновѣсіи вообще.

У насъ продолжаются преобразованія въ обмундированіи. Поднимается Донъ поголовно, расходятся дружины ополченія. Нѣтъ надежды на успѣхъ, нѣтъ никакого довѣрія къ полководцамъ; но нѣтъ и слѣда отчаянія и безнадежности, хотя дѣла идутъ чрезвычайно дурно. Слухи назначаютъ гр. Орлова предсѣдателемъ Комитета мин.; на его мѣсто кн. Василія Долгорукова, военнымъ министромъ кн. М. Горчакова, а въ Крымъ Н. Н. Муравьева, на Кавказъ же графа Остенъ-Сакена. Все это возможно, но всѣ это дѣлу не поможетъ, а скорѣе къ недостаткамъ прибавитъ запутанность. Дерутся наши военные превосходно. Нельзя читать безъ удивленія, какъ отважно, съ какимъ самозабвеніемъ терпятъ и переносятъ лишенія наши солдаты и офицеры. Но генераловъ нѣтъ. Повторяется чаще другихъ имя молодаго генерала Тотлебена и только. Указываютъ на Лидерса и Граббе, но они не имѣли случая показать себя. Общій ропотъ встрѣчаетъ всякое назначеніе; точно выродился народъ. Но не слышно ни о какихъ одностороннихъ вліяніяхъ. Поговариваютъ объ образованіи боярскаго дворянства, говорятъ о силѣ Я. И. Ростовцева и И. М. Толстаго. Обстоятельства такъ складываются, что сознаніе національное готово выразиться не въ одихъ стихахъ. Можетъ быть, позабывъ Николаевское раболѣпство, явится кто-нибудь и скажетъ громко и твердо правду... И тогда эта несчастная война обратится въ пользу и будетъ указаніемъ Провидѣнія нашему забвенію.

Стоявшій у Кронштадта флотъ отошелъ верстъ на 40, Азовская эскадра разорила берега и города, осада Севастополя подвигается съ страшными уронами. Успѣхи военные придали бодрости Англійскому министерству, и продолжительные бранные споры, разрѣшились ничтожнымъ, единогласно принятымъ, предложеніемъ Беринга: «Cette chambre, ayant vu avec regret que les conférences de Vienne n'ont pas amené la fin des hostilités, croit de son devoir de déclarer, qu'elle appuyera de tout son pouvoir s. m. dans la poursuite de la guerre jusqu'à ce que s. m., conjointement avec ses alliés, obtienne pour ce pays une paix sûre et honorable. Конечно послѣ рѣчей въ пользу мира правительству было необходимо это предложеніе; но это успѣхъ необходимости, и нравственной опоры въ немъ искать нельзя. Прѣнія

были любопытны и не совсѣмъ осторожны. Австрія и Пруссія имѣютъ право быть ими недовольны, и удаленіе первой отъ дальнѣйшихъ связей съ союзниками едвали невѣроятно... Сколько крови и смерти, какія ужасныя лишенія и пожертвованія! При видимыхъ блескѣ и роскоши сколько невидимыхъ нищеты и крайности! Этотъ переворотъ 1848 г. такъ и гнетъ къ демократіи, обнищанію, изнуренію обществъ. Въ громѣ битвъ и прѣніяхъ мы едва слышимъ голосъ нужды и голода; но съ заключеніемъ мира онъ раздастся и такъ повсемѣстно, что, можетъ быть, радикальныя преобразованія, о которыхъ теперь ни слуху ни духу нѣтъ, будутъ недостаточны для предупрежденія внутреннихъ, гражданскихъ, соціалистическихъ междоусобій. Eundo crescit развитіе общественныхъ началъ въ наше время, и по слѣдамъ идутъ грустныя и злыя послѣдствія за бѣдными и несчастными мѣрами непредусмотрительности и гордыни.

Надобно было видѣть сегодня, какъ принято было извѣстіе изъ Крыма объ отраженіи нападенія или приступа на наши укрѣпленія 6 Іюня. Точно освѣжающая вода коснулась жаркихъ устъ измученченнаго жаждою человѣка. Участіе было общее и искреннее. Но точно ли это важное дѣло и должно имѣть значеніе? Князь Горчаковъ пишетъ о смертоносной канонадѣ, о неимовѣрномъ бомбардированіи, о храбрости какъ генераловъ, такъ и солдатъ... Но оробѣлъ ли врагъ, покачнулся, поколебался ли онъ? Дай Богъ! Подождемъ; но извѣстіе было встрѣчено съ радостью.

Послѣ нападенія 6 (18) Іюня, союзники, столь потерпѣвшіе, требуютъ новыхъ подкрѣпленій и приготовляются къ новому штурму и къ новымъ утратамъ. Старикъ фельдмаршалъ лордъ Рагланъ умеръ. Наступили жары. Кромѣ Севастополя, всѣ берега Чернаго моря опустошаются набѣгами и разбоями особенно со стороны любезныхъ нашихъ подданныхъ Крымскихъ Татаръ. Керчь не существуетъ. У князя Горчакова войскъ довольно; генералъ Муравьевъ дѣлаетъ диверсію на Карсъ. Пора приступить къ чему нибудь рѣшительному. Истощеніе Европы близко. Дороговизна у дверей... Наступитъ неурожай, голодъ: образованная Европа одичаетъ, и тамъ явятся шайки, подобно нашимъ Саратовскимъ, гдѣ на дняхъ поймано 35 разбойниковъ и въ числѣ ихъ 11 дезертировъ, опустошавшихъ окрестности города... По заключеніи мира нужда закричитъ громко и тѣмъ громче, что нынѣ ей слишкомъ много обѣщаютъ, а со временемъ, при множествѣ требованій, слишкомъ мало дадутъ. Опасность настоящая заставляетъ забывать бо́льшую опасность будущую. Въ 1854 г. Гладстонъ не хотѣлъ вести войну, подобно Франціи, на счетъ будущихъ поколѣній, т. е. займомъ, и Англія увеличила налоги. Франція заняла и занимаетъ;

но нынче, предполагая заемъ почти вдвое (750 мил. франковъ), она, слѣдуя системѣ Гладстона, увеличиваетъ и налоги (10%). Но здѣсь нѣтъ погашенія, и это мѣра конечно обоюдо-острая. Непредвидимая случайность можетъ породить величайшія затрудненія. Мы, люди молодые и новые, легче перенесемъ нужду; у насъ вообще солдатъ на половинныхъ издержкахъ: другую половину онъ беретъ тамъ, гдѣ лежитъ плохо. Наше неустройство и нашъ порядокъ, которому помогаетъ и крѣпостное право, очень много содѣйствуютъ военнымъ сбереженіямъ, идущимъ, впрочемъ, частью и въ карманы командировъ: отъ нихъ, говорятъ, изъ Крыма переслано въ банки до 8 милл. р. Для удостовѣренія въ состояніи и способахъ содержанія арміи, вслѣдствіе будто бы жалобы князя Горчакова, посланъ ген.-адъютантъ баронъ Вревскій. Баронъ Вревскій, конечно, немногое откроетъ и хотя бы и открылъ, такъ не то время, чтобы оглашать и обнаруживать.

Знаменитый Штейнъ, въ 1812 году, во дни горестнаго уединенія, когда сердце говоритъ и искренность не запинается, писалъ, между прочимъ, о вторженіи чуждыхъ нравовъ въ Россію и на вопросъ: Sollte es nicht ihrer ferneren Verbreitung Einhalt thun? отвѣчалъ: 1) Man könnte die sehr zweckmässige und bequeme Nationalkleidung, Kaftan, wieder einführen. 2) Der Hof müsste sich einen grossten Theil des Jahres in Moskau aufhalten [1]). Здѣсь не принято въ соображеніе, что главныя управленія не въ Москвѣ.... Единственное огражденіе у насъ порядка это формальность управленія: въ Москвѣ и этого не было бы. 3) Der Umgang der Einländer mit denen fremden Gesandten müsste erchwert werden [2]) Штейну, можетъ быть, хотѣлось, чтобъ сообщеніе было только съ нимъ. Удивительно, какъ этотъ обширный умъ, проницательный и творческій, не нашелъ другихъ, кромѣ этихъ узкихъ и пошлыхъ предположеній; между тѣмъ какъ въ своей Пруссіи, тогда столь ничтожной, великій министръ созидалъ цѣлую систему управленія... Нѣтъ, и геніальному Нѣмцу не по плечамъ Русское государство. Понявшая и усвоившая себѣ Россію, Германка, великая Екатерина управляла страною Русскими силами, и этимъ объясняются прекрасныя ея учрежденія...

Сенаторъ Данзасъ, прочтя статью о раздачѣ земель Канадскихъ легіонерамъ, сообщилъ князю Д. Оболенскому о примѣненіи этой мѣры къ Татарскимъ землямъ въ Крыму, откуда предположено выселить Татаръ. И это предположеніе и эта мысль чисто-Татарскія; и въ томъ

---

[1]) Не слѣдуетъ ли положить преграду дальнѣйшему ихъ распространію? 1) Можно бы снова ввести очень пригодную и удобную одежду, кафтанъ. 2) Дворъ могъ бы большую часть года проводить въ Москвѣ.

[2]) Слѣдовало бы затруднить сношенія мѣстныхъ жителей съ иноземными послами.

и въ другомъ, если только исполнится, какъ думаютъ, мы сто разъ покаемся и раскаемся...

Военныя дѣла наши и союзныя мало подвигаются. Послѣ, черезъ годы, узнаемъ мы, чего стоятъ намъ эти дни знойнаго времени посреди массъ отрытыхъ и полузарытыхъ труповъ. Въ то время, какъ здѣсь флотъ отошелъ отъ Кронштадта, изъ Чернаго моря получена горестная вѣсть: адмиралъ Нахимовъ раненъ... Нахимовъ скончался. Это одинъ изъ героевъ нашихъ, который, говорятъ, незамѣнимъ для флота и отсутствіе котораго будетъ очень чувствительно для обороны Севастополя. Я не знаю, была ли необходимость оставлять моряковъ на бастіонахъ, и не лучше-ли бы было поберечь ихъ для флота, взявъ канонировъ изъ пѣхотинцевъ Вотъ три адмирала: Корниловъ, Истоминъ, Нахимовъ. А сколько пало молодыхъ лейтенантовъ и капитановъ, много ли осталось стариковъ-матросовъ, которыми держалась морская семья, столь единодушная и благородная, такъ доблестно отстаивающая свой родной городъ? Смерть адмирала Нахимова опечалила всѣхъ, и общее сожалѣніе сопровождаетъ въ гробъ храбраго адмирала, который пользовался общимъ довѣріемъ, извѣстностью и любовью сослуживцевъ. Онъ любезенъ намъ и за Синопское дѣло, и за его приказы, исполненные разсудительной доброты и предусмотрительной распорядительности.

По мысли нашего статистика и государственнаго человѣка Тенгоборскаго, еще въ 1854 году предполагали основать ежедневный журналъ въ видахъ Русскихъ, чтобы ознакомить Европу съ видами нашего правительства открыто, умно и достовѣрно. Съ начала думали издавать журналъ въ Берлинѣ; но, для избѣжанія подозрѣній по отношенію къ Пруссіи, рѣшились учредить редакцію въ Брюсселѣ. Журналъ называется: «Le Nord» (C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière!) Еще до начала изданія, по требованію Англіи и Франціи, Бельгійское правительство удалило изъ города иностранцевъ-издателей: Нѣмецкаго (не помню имени) и Русскаго г. Погенполя. Это, однако, не помѣшало журналу, и 1 Іюля онъ вышелъ. Программа его проста и весьма откровенна. Программа во многомъ обличающая вліяніе Русскаго редактора, могла бы быть написана пошире и повыше; но для этого нуженъ талантъ, который не согласится издавать Русскій журналъ. И нуженъ-ли этотъ журналъ? Сомнѣваюсь. Прекрасное изданіе «Новой Прусской Газеты» до сихъ поръ не пріобрѣло никакого довѣрія. Для довѣрія нужно дѣло, а не разсужденіе...

Французы острятъ на счетъ своихъ императоровъ

Dans leur gloires impériales
L'oncle et le neveu sont rivaux:

L'oncle prenait les capitales,
Le neveu prend les capitaux!

У насъ ожидаютъ бомбардированія Кронштадта и, говорятъ, Дундасъ уже написалъ Великому Князю Константину о больныхъ. Елена Павловна присутствовала при операціяхъ въ военномъ гошпиталѣ.

У насъ возстановлены 3-я и 2-я степени Станислава и пожалованіе 3-й ст. Анны безъ статута. Цѣль нашихъ учрежденій увеличить знаки поощреній и раздѣлить ихъ на низшіе, всѣ безъ звѣздъ, до Владимира 3-й степени включительно; средніе—отъ Владимира до Бѣлаго Орла, и высшіе, Александра, Владимира 1 ст. и Андрея. Говорятъ, что и Анну на шпагу будутъ давать гражданскимъ чиновникамъ. Признаюсь, все это непонятно. Теперь ли заниматься этимъ? Франція и Англія завоевали Турцію. Наше вліяніе на Востокѣ угрожается самымъ несомнѣннымъ образомъ. Онѣ только и ждутъ, чтобъ найти исходъ войнѣ и, оставя Севастопольскія развалины, овладѣть Турціей. Лучшимъ устройствомъ управленія, умнымъ учрежденіемъ восточной церкви и гарнизонами въ важнѣйшихъ мѣстностяхъ Турціи онѣ прекратятъ наше восточное могущество. Тогда справляться съ ними будетъ трудно. Не можетъ быть, чтобы жертвуя такъ много и ручаясь въ займѣ, они не думали о чемъ нибудь болѣе важномъ, нежели Крымская экспедиція. Самое молчаніе Славянскихъ племенъ доказываетъ, что сочувствіе къ намъ нашло сильный перевѣсъ, и въ этомъ отношеніи отдаленіе Австріи предоставляетъ событіямъ болѣе свободы, нежели должно допускать дѣйствующее Европейское право. А мы возстановляемъ мелкіе крестики для отличія мелкихъ отъ ничтожныхъ! Мы и замѣтить не хотимъ, что настоящая сила въ образованности, въ развитіи умственныхъ и матеріальныхъ способовъ. Еще годъ, два войны, и наши и ихъ матеріальные способы истощатся, арміи вымрутъ, свободные капиталы израсходуются. Но у нихъ останутся средства сильной, открытой пропаганды образованности, чего у насъ, крестоносцевъ, нѣтъ и для собственнаго обихода.

Министръ предписалъ мнѣ и просилъ заняться изложеніемъ дѣловыхъ замѣчаній на уголовный уставъ (2 ч. XV т.) для сообщенія графу Блудову, который составляетъ новый уставъ судопроизводства въ противовѣсъ составленному имъ Уложенію 1845 года. Повидимому, придуманный покойнымъ Сперанскимъ систематическій пересмотръ законовъ, вмѣсто постепеннаго усовершенія дѣйствующаго Свода, долженъ сохраниться и нынѣ, хотя нынѣшній главноначальствующій коммиссіей законовъ или 2-мъ Отдѣленіемъ государевой канцеляріи имѣетъ и другія постоянныя мѣста и занятія. Въ чемъ же будетъ состоять новость новаго кодекса или устава? Уложеніе 1845 года тоже

внесло много новаго и особенно въ видахъ наказанія преступленій, но выдуманныя графомъ Блудовымъ наказанія (самое важное, временная ссылка въ Сибирь, никогда и вводимо не было) остались при немъ, въ книгѣ, да и тамъ измѣнены въ смыслѣ прежняго, отмѣненнаго XV тома Свода; а новые виды преступленія, давая свободу выбора изъ числа 2500 статей, производятъ такое смѣшеніе, что нерѣдко наказаніе краткимъ арестомъ въ первой стадіи суда оканчивается (въ Сенатѣ) каторгою, или наоборотъ. Дѣло въ томъ, что какъ въ воровствѣ, въ побояхъ, такъ и въ убійствѣ и грабежѣ редакторы смѣшали роды съ видами, признаки существенные со случайными. При такомъ законѣ и тѣсныхъ предѣлахъ судебной власти, какъ приступить, въ новомъ уставѣ, къ самому главному исправленію устава: къ расширенію подсудности первой степени, чтобы дѣла не оканчивались смертію подсудимаго, или манифестомъ, или новымъ преступленіемъ? Какія огражденія представляютъ эти суды? Гдѣ наши способы производства слѣдствій? Гдѣ грамотные показатели и свидѣтели? У насъ мало, весьма мало неправильныхъ осужденій невиннаго, это правда; но это происходитъ отъ безпечности слѣдователей и судей и особенно отъ дурной системы доказательствъ, и я не думаю, чтобъ государсто выигрывало отъ этого огромнаго количества освобожденныхъ, оставляемыхъ въ подозрѣніи или слабо наказываемыхъ. Изъ двухъ главнѣйшихъ уставовъ: Англійскаго, примѣненнаго Французами и теперь почти общаго, и другаго Нѣмецкаго, усовершенствованнаго въ послѣднемъ уставѣ Австрійскомъ—который избрать намъ? Ни для котораго нѣтъ достаточныхъ элементовъ....

Въ газетахъ два замѣчательныя извѣстія: Наполеонъ просилъ въ займы 750 милл. франковъ (и уже не демократизируя займа мелкими суммами, какъ въ прошломъ году), и ему дали, страшно выговорить: 3600 милл.! Что̀ это такое? Усиліе ли довѣрія къ власти его? Совсѣмъ нѣтъ. Усиліе не переходитъ границъ до такой степени. Участіе къ начатой войнѣ? Нѣтъ. Во Франціи и Англіи, даже при чувствѣ замѣшаннаго въ дѣло національнаго достоинства, война поддерживается только нелюбовью къ Россіи, и ропоты на нее довольно гласны. Но что же это значитъ? Это желаніе барыша, усиленіе спекуляціи и, особенно, избытокъ капиталовъ (главные подписчики большіе капиталисты). Обиліе и удобство производительности породило капиталы превосходящіе требованія производительности, и эти капиталы, сломя голову, ищутъ помѣщенія. Но все это невѣрно и непрочно.... Другое извѣстіе: Франція просила Австрію участвовать въ войнѣ на Балканахъ, чтобы стоять вмѣстѣ и при Альпахъ. Австрія манила, обѣщала и выжидала и, наконецъ, отшатнулась. Англія объявила, что она образуетъ Итальянскій легіонъ. Какъ? Гдѣ? Для чего?

Высочайшимъ приказомъ 12 Іюля сдѣланъ выговоръ Московскому дворянскому предводителю А. Д. Черткову и всѣмъ членамъ комитета за несоотвѣтственный выборъ офицеровъ ополченія. Что-то скажетъ Москва? По полученному письму это произвело тамъ общій говоръ. Мнѣ кажется, Чертковъ не виноватъ, и едва ли выговоръ не направленъ противъ графа Закревскаго. Покойный государь сердился за выборъ Ермолова, въ чемъ Закревскій вовсе не виноватъ; а виновата, если виновата, многочисленная толпа Московскихъ либераловъ....

Новое царствованіе начинаетъ обрисовываться. Любимецъ Императора князь Барятинскій представилъ письмо своей матери, которая съ прекращеніемъ фамиліи графовъ Орловыхъ проситъ возстановленія этой фамиліи въ семействѣ своего зятя подъ именемъ графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ. Спросили графа Панина, который отвѣчалъ, что, какъ родственникъ, онъ не находитъ никакого препятствія. Государь написалъ на письмѣ: «согласенъ и дать законный ходъ». Теперь министерство юстиціи разсуждаетъ, куда внести дѣло (объ утвержденіи въ достоинствѣ и о дипломѣ или грамотѣ), прямо къ Государю или въ Государственный Совѣтъ. Праздное озабоченіе! Въ Совѣтъ или мимо Совѣта, дѣло уже рѣшено. Но что̀ скажетъ другъ покойнаго императора графъ А. Ѳ. Орловъ? О дѣлѣ этомъ очень много говорятъ.

28 Іюля началось бомбардированіе Свеаборга, продолжающееся третій день. Говорятъ, что и здѣсь безпечность и расплохъ найдены большіе. Непріятель успѣлъ выстроить батарею.... Изъ донесеній генер. Берга видно только, что̀ *они* дѣлаютъ и какъ слабы наши дѣйствія. По письмамъ Карла Майера артилерія наша, морская и крѣпостная, не беретъ и въ половину противъ непріятельской. Въ корабль «Россія», пишетъ онъ, попало до 30 ядеръ, и онъ выведенъ за рейдъ.

Князь П. А. Вяземскій назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія къ Норову ... Я долго бесѣдовалъ съ академиками Миддендорфомъ и Фричемъ. Они плачутъ о положеніи Академіи, гдѣ борьба національностей проявляется на каждомъ шагу, гдѣ президентомъ умирающій графъ Уваровъ.

1-е Августа. Дни бурные; но мы, люди 1848 года, притупились и такъ огрубѣли, что для возбужденія нашего вниманія нужно или колебаніе цѣлаго материка, какъ въ 1848 году, или низверженіе старой династіи могущественнаго государства. Насъ мало поражаютъ и едва занимаютъ событія менѣе важныя, хотя въ другое время они составили бы эпоху. А между тѣмъ событія такія, какъ отстояніе конституціи въ Даніи, въ Испаніи и отстаиваніе ея въ Гановерѣ, отобраніе церковныхъ имуществъ въ Испаніи и Піемонтѣ представляютъ такія явленія, которы и для слѣпаго очевидно доказываютъ, что понятія

1848 г. еще не забыты, еще въ броженіи и дѣйствуютъ. Напоминаетъ это время эпоху маленькой Греціи, когда монархическія учрежденія почти вездѣ и почти современно уступали мѣсто республиканскимъ. О, повелители народовъ, какъ мало поученій извлекли вы изъ исторіи!

Августа 11 еще я посѣтилъ деревню, и чувство глубокаго сожалѣнія еще сильнѣе овладѣло мною при видѣ этого забытаго деревенскаго человѣчества.... Помню я деревню моего дѣда въ моемъ дѣтствѣ. Помѣщики измѣнились, не измѣнились крестьяне. Помѣщики раззорились, ознакомились съ требованіями образованности, выучились поддерживать раззоренныя имѣнья, завели машины, облегчающія труды господскихъ работъ; но крестьянинъ все тотъ же. Онъ пьетъ больше откупнаго вина, больше куритъ табаку и знакомѣе съ картофелемъ; но тѣже лапти, тоже понятіе о церковныхъ поклонахъ, тоже невѣжество. Меня ужасаютъ положеніе этого класса и опасеніе его мщенія во дни пробуждающихъ событій. Страха предъ властію нѣтъ кромѣ страха передъ силой, привязанности къ боярскому семейству и не спрашивай, чувства правды и правосудія законнаго и въ поминѣ нѣтъ. Онъ лжетъ какъ притѣсненный и воруетъ какъ голодающій, избавляясь отъ отвѣта хитростью и не слыша ни въ церкви, ни на сходкѣ словъ внушенія. Всего болѣе жаль дѣтей: они гибнутъ въ младенчествѣ, растутъ криво и болѣзненно и живутъ поскотски. И еще возстаютъ на Дм. Г. Бибикова за инвентари*) и ругаютъ графа Киселева за введеніе новаго общиннаго управленія! И никакой тѣни мѣръ улучшенія. А между тѣмъ какъ это было бы легко и особенно въ настоящее время, когда большая часть имѣній заложена, перезаложена и не продана (не пріобрѣтена въ казну) только потому, что вышло особое повелѣніе: не продавать, а предоставлять всевозможныя льготы....

Какое извѣстіе! Севастополь взятъ. Отъ пораженія къ пораженію мы идемъ съ самаго начала войны и теряемъ и людей, и деньги, и имущество, какъ бы приготовляясь потерять города и провинціи. Три наши князя: Меньшиковъ, Паскевичъ и Горчаковъ, подъ вѣдѣніемъ четвертаго кн. Василія Долгорукова, такъ несчастливы, что невольно даютъ поводъ думать, что въ рукахъ Лидерса, Нахимова и Тотлебена дѣла пошли бы лучше.... 30-го, длинный приказъ о производствѣ Петербургскихъ генераловъ и прапорщиковъ, и все тѣже толки о чинахъ и мѣстахъ, о наградахъ и деньгахъ.... Конечно все это временное; но испытаніе

*) Бибиковъ указомъ 20 Авг. уволенъ. Поводомъ было какое-то Московское раскольничье дѣло. Вмѣсто него назначенъ С. С. Ланской, человѣкъ ума и порядка. Бибикову черезъ графа Орлова сдѣланъ выговоръ за принятіе доноса, отъ чиновника Б—ва, будто не Закревскій, а его дворецкій защищаетъ раскольниковъ.

глубоко чувствительно и еще болѣе глубоко грустно, что и надежда въ будущемъ не опирается ни на чемъ вѣрномъ. Мы, современники, всегда близоруки; но укажи намъ что нибудь сносное, что-нибудь соотвѣтственное настоящимъ обстоятельствамъ или хотя мнимымъ предсказаніямъ, и мы сознàемся въ нашемъ невѣдѣніи.

Князь П. А. Вяземскій Русскимъ перомъ, какъ всегда, написалъ статью, помѣщенную въ 191 № Академическихъ Вѣдомостей и составляющую предметъ общихъ толковъ. Статья написана замѣчательно бойко, въ видѣ журнальной, какъ вообще всѣ акты современныхъ правительствъ. Она начинается порицаніемъ Парижской выставки, неумѣстной въ наше время. Переходя къ Россіи, гдѣ усиленныя военныя дѣйствія не препятствуютъ стройному движенію просвѣщенія и явленіямъ письменной дѣятельности, восхваляетъ наше правительство, такъ поощряющее таланты (Ломоносовъ, Карамзинъ, Жуковскій, Крыловъ, Батюшковъ, Пушкинъ, Гоголь и др.). Заключаетъ онъ общимъ выводомъ равно замѣчательнымъ и отраднымъ: «Въ нынѣшнихъ тревожныхъ обстоятельствахъ вооруженная и сражающаяся Россія не ослабѣваетъ въ своей ученой и литературной дѣятельности, обращая ее преимущественно на труды самостоятельные, отечественные или имѣющіе общую всемірную цѣну и занимательность... Въ семъ обоюдномъ проявленіи заключаются несомнѣнные признаки духовной силы настоящей Россіи и благонадежный залогъ ея грядущихъ судебъ». Это довольно справедливо: хотя все идетъ дурно, и даже очень дурно, но все идетъ при войнѣ, какъ и до войны. И въ самомъ дѣлѣ, это можетъ служить доказательствомъ, что учрежденія правительственныя окрѣпли, и наружный порядокъ усвоенъ, по крайней мѣрѣ на сколько это возможно въ государствѣ, какъ Россія. Но не подлежитъ сомнѣнію, что война ведется плохо, что участіе въ ней государства и общества ограничивается одними внѣшними обязанностями....

Послѣ перваго впечатлѣнія о взятіи Севастополя, отъ котораго у кого слезы выступили изъ глазъ, у кого ноги подкосились, общественное мнѣніе разражается теперь на нашихъ командующихъ. Основываясь на Французскомъ разборѣ битвы при Черной, наши Русскіе Французы обвиняютъ князя Горчакова въ совершенномъ неумѣньи распоряжаться общими сраженіями. Графа Остена-Сакена (о которомъ давно уже не упоминается въ донесеніяхъ) винятъ въ бездѣйствіи. Никто не знаетъ что̀ предпримутъ и куда обратимся мы и враги наши. Государь уѣхалъ въ Москву, чтобъ помолиться у Сергія и потомъ ѣхать въ Варшаву, куда уже отправился канцлеръ Нессельроде *).

*) Поѣздка въ Варшаву была на этотъ разъ отмѣнена. П. Б

Теперь, говорятъ, онъ вслѣдъ за Великимъ Княземъ Константиномъ ѣдетъ въ Николаевъ. Горчаковъ ссорится съ Сакеномъ, Паскевичъ съ Сумароковымъ. Хотя Бенедиктовъ и говоритъ, что Англичане и Французы обратились

Изъ всемірныхъ филантроповъ,
Гордой вольности сыновъ,
Въ подкупныхъ бойцовъ-холоповъ
И журнальныхъ хвастуновъ;
Изъ великихъ адвокатовъ,
Изъ крушителей вѣнца,
Въ Пальмерстоновскихъ пиратовъ
Или челядь сорванца...

но эти пираты и эта челядь крупными, крупными буквами извѣщаютъ: «Prise de Sebastopol!» Въ Парижѣ: «Te Deum de Notre Dame», иллюминаціи, даровые спектакли народу. Въ Лондонѣ звонъ во всѣ колокола, молебствія и т. п. Торжество полное, читать оскорбительно. «Умножися на мя неправда гордыхъ!».. восклицаетъ Филаретъ въ Москвѣ 30 Августа, «азъ же всѣмъ сердцемъ моимъ испытаю заповѣди Твоя». Входя въ политику и разсказывая дипломатическія сношенія, знаменитый витія объясняетъ успѣхи враговъ псалмомъ 34-мъ: «не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконія, зане яко трава скоро изсшутъ и яко зеліе злака скоро отпадутъ». Филаретъ указываетъ средства всесильной защиты: «Аще слухомъ послушаете гласа Господа вашего хранити и творити заповѣди Его, предастъ тебѣ Господь Богъ враги твоя, сопротивящіеся тебѣ, сокрушенны предъ лицомъ Твоимъ». Но заключеніе проповѣди могло бы быть болѣе знаменательно. «Рече Господь ко Іисусу: согрѣшиша людіе; сего ради не могутъ сынове Израилевы стати предъ лицомъ враговъ своихъ». Дѣло въ томъ, толкуетъ проповѣдникъ, «что Ахаръ изъ добычи Іерихонской взялъ золотой сосудъ, деньги и одежду, чтò вождямъ было воспрещено подъ клятвою». Эту покражу Ахара очень легко примѣнить къ страшнымъ расхищеніямъ въ Крыму, а проповѣдь говорена въ день 30 Августа, когда пришла въ Москву вѣсть о взятіи непріятелемъ Севастополя. Вѣсть была еще не гласна, но ее знали уже многіе. Проповѣдь Филарета конечно слышана и понята немногими... Пришло время испытанія тяжкаго, потерь, можетъ быть, невозвратимыхъ...

Октябрь. Умеръ графъ С. С. Уваровъ. Это одинъ изъ рѣдкихъ типовъ государственныхъ людей въ Россіи, такъ бѣдной ими по недостатку политическихъ нравовъ въ обществѣ и политическихъ учрежденій въ государствѣ. Прежде дворъ поглощалъ государство, нынѣ государство поглощаетъ общество. Уваровъ началъ свое поприще весьма

рано при дворѣ и, воспитанный поевропейски, какъ, можетъ быть ни одинъ баринъ Русскій не былъ воспитанъ, онъ образовался въ государственнаго человѣка въ годы униженія двора (весьма короткіе), когда преобладаніе Наполеона прислало къ намъ знаменитыхъ иностранцевъ. Связь его со Штейномъ продолжалась до самой смерти послѣдняго. Уваровъ значится въ службѣ съ 1802 года и въ 1810 году былъ уже дѣйствительнымъ камергеромъ. Онъ принадлежалъ къ созвѣздію Дашкова, Блудова, но считалъ себя всегда выше ихъ и держался въ сторонѣ, удаляясь, при неудачѣ, къ ученымъ занятіямъ, давшимъ ему право на президентство въ Академіи Наукъ. Ни высокое положеніе, ни богатая женитьба на графинѣ Разумовской, ни блестящая репутація въ обществѣ не избавили его отъ мелкихъ страстей любостяжанія и зависти, которыя были причиною нелюбви къ нему сверстниковъ, совмѣстниковъ и всего высшаго круга. Настоящее государственное поприще его началось съ 1832 года по назначеніи его товарищемъ, а потомъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ сообщилъ управленію болѣе блеску, нежели прочности и велъ его болѣе съ ловкостью, нежели съ пользою, обработывая систему просвѣщенія болѣе въ отчетахъ, щегольски литературныхъ, нежели на самомъ дѣлѣ, льстилъ Государю трисловіемъ: православіе, самодержавіе и народность. Главнѣйшая его заслуга это—увеличеніе оклада учебному вѣдомству и изданіе памятниковъ отечественной исторіи по мысли Гизо, съ которымъ онъ былъ съ сношеніи. Его никто не любилъ, потому что никто не вѣрилъ его искренности; его никто не уважалъ, потому что равные обвиняли его въ нерѣшительности отъ опасенія повредить своимъ интересамъ, а ученые, потому что знали поверхностность его самохвальныхъ познаній. Лучшее дѣйствіе его есть вынужденное оставленіе министерства въ 1849 году, когда мимо его преобразованы университеты и цензура. Но на могилѣ должны прекратиться мелкія личности, и общій голосъ долженъ отдать справедливость блестящему образованію прекраснаго писателя и ученѣйшаго барина, какого едва ли можно указать прежде и послѣ изъ нашихъ высшихъ фамилій. Біографія его будетъ любопытна. Академія и ученые обязаны написать ее въ память своего благодѣтельнаго начальника....*)

---

*) Графъ С. С. Уваровъ оставилъ автобіографію, которая въ 1864 году переведена компетентнымъ съ Французскаго подлинника и снабжена примѣчаніями, но до сихъ поръ не издана. П. Б.

ШУТКА ГРАФА СОЛОГУБА.

Графъ В. А. Соллогубъ сочинялъ, какъ извѣстно, куплеты, которые оканчивались стихомъ: «Благодарю не ожидалъ!» Этихъ куплетовъ множество, и нѣкоторые изъ нихъ очень удачны. Въ Парижѣ графу очень хотѣлось, чтобы посолъ нашъ князь Н. А. Орловъ позвалъ его къ себѣ обѣдать: но приглашенія не послѣдовало. Въ отместку графъ Сологубъ сказалъ:

Глава Россійскаго посольства
Себѣ зарокъ въ Парижѣ далъ
Не соблюдать и хлѣбосольства.
Благодарю, *а* ожидалъ!

АНЕКДОТЪ О ПУШКИНѢ.

Пушкинъ любилъ веселую компанію молодыхъ людей. У него было много пріятелей между подростками и юнкерами. Около 1827 года въ Петербургѣ водилъ онъ знакомство съ гвардейскою молодежью и принималъ дѣятельное участіе въ кутежахъ и попойкахъ. Однажды пригласилъ онъ нѣсколько человѣкъ въ тогдашній ресторанъ Доминика и угощалъ ихъ на славу. Входитъ графъ Завадовскій и, обращаясь къ Пушкину, говоритъ: Однако, Александръ Сергѣевичъ, видно туго набитъ у васъ бумажникъ!—«Да вѣдь я богаче васъ», отвѣчаетъ Пушкинъ: «вамъ приходится иной разъ проживаться и ждать денегъ изъ деревень, а у меня доходъ постоянный съ тридцати шести буквъ Русской азбуки».

(Слышано отъ князя А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго).

ВАНЬКА КАИНЪ И гг. ГЕННАДИ И СОБОЛЕВСКІЙ.

Въ IX книжкѣ „Русскаго Архива" нынѣшняго года напечатана стихотворная шутка С. А. Соболевскаго на Г. Н. Геннади, по поводу изданной послѣднимъ „Жизни Ваньки Каина". Шутка записана, вѣроятно, кѣмъ-нибудь по памяти, а потому не вѣрно. Между тѣмъ 8 первыхъ стиховъ этой „шутки" уже были напечатаны почти правильно съ автографа самого Геннади: онъ написалъ ихъ на экземплярѣ „Жизни Ваньки Каина", который подарилъ извѣстному книголюбу Я. Ф. Березину-Ширяеву (см. его „Дополнительные матеріалы для библіографіи" Спб. 1876, стр. 169—170). При этомъ Геннади, такъ часто ошибавшійся въ своихъ библіографическихъ изслѣдованіяхъ, и тутъ сдѣлалъ неточное примѣчаніе, напечатанное также г. Березинымъ-Ширяевымъ, именно при фамиліи „Игнатьева" „онъ помѣтилъ *Московскій* губернаторъ", вмѣсто „*С.-Петербургскій* военный генералъ-губернаторъ". Вотъ эти 8 стиховъ, исправляющихъ текстъ „Русскаго Архива", съ присоединеніемъ еще 12-ти, тоже разнящихся отъ текста „Русскаго Архива". Предварительно замѣтимъ, что въ 9-й строкѣ упоминаніе о „портѣ" относится къ „Балтійскому Порту", куда былъ сосланъ Ванька Каинъ за свои дѣянія и куда по предположенію Соболевскаго могъ попасть и Геннади за свои библіографическіе грѣхи.

За то, что жизнь Ярыжника
Безъ пѣсенъ онъ издалъ,
Ужъ я бъ Григорья Книжника
Порядкомъ наказалъ.

Ужъ подучу Игнатьева,
Что слѣдуетъ ему
И сѣчь его и гнать его
И засадить въ тюрьму.

Вамъ жить въ Москвѣ! Не въ портѣ-ли?
Москва не то, что Питеръ!
Здѣсь много перепортили
Бумагъ, чернилъ и литеръ.

Изъ нихъ ужъ не двѣ трети ли
Вы, вы перемарали;
А мы у васъ не встрѣтили
На грошъ въ перѣ морали!

Городите турусы вы,
Турусы на колесахъ;
А тамъ княжны Урусовы
По васъ чуть не въ плерёзахъ... *)

Самая перепечатка „Жизни Ваньки Каина", встрѣченная ироническою рецензіей Добролюбова, какъ „чрезвычайно важное пособіе для исторіи Русской литературы и особенно для объясненія сочиненій князя Антіоха Кантемира", безъ приложенія пѣсенъ, не перепечатанныхъ г-омъ Геннади, вовсе не имѣла смысла. Кромѣ того, судьба и тутъ преслѣдовала Геннади. Перепечатка его, какъ оказывается, сдѣлана вовсе не съ перваго изданія, а въ описаніи прочихъ изданій допущено много ошибокъ, причемъ Геннади сдѣлалъ даже совсѣмъ неправильную *поправку* правильнаго указанія Сопикова. Въ своихъ „Книжныхъ Рѣдкостяхъ", онъ пропустилъ половину этихъ „рѣдкостей", и внесъ много книгъ нисколько не рѣдкихъ; а въ спискѣ, напр., сочиненій Мея, указавъ стихи, напечатанные даже въ „*Смѣси*" Москвитянина, замѣтилъ, что изданія его сочиненій не было, тогда какъ еще при жизни Мея вышли 3 тома его сочиненій въ изд. Кушелева-Безбородко; или, что́ еще курьезнѣе, въ спискѣ сочиненій Гоголя, указавъ всѣхъ „Глечиковъ", „Аловыхъ" и т. п., онъ *пропустилъ* „Мертвыя Души"!! Это и подало поводъ Н. А. Некрасову написать въ своемъ „Раздраженномъ Библіографѣ":

Шекспировыхъ твореній
Составилъ полный списокъ,
Безъ важныхъ упущеній
И безъ большихъ описокъ.
Всего-то двѣ ошибки
Открыли журналисты,
Какъ ихъ умы ни гибки,
Какъ перья ни рѣчисты:
Какую-то *Заиру*,
Позднѣйшаго поэта,
Я приписалъ Шекспиру,
Да пропустилъ *Гамлета*.

П. Ефремовъ.

*) Т. е. въ траурномъ одѣяніи.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1849 годъ.

7 (19) Апрѣля 1849 года въ Константинополѣ.

Аудіенція султана во дворцѣ Бейлербей. — Непріятный случай, сейчасъ и заглаженный, съ письмомъ Государя къ султану.

2-го Апрѣля въ Субботу, въ восемь часовъ вечера, въ Одессѣ перешелъ на пароходъ «Владимиръ». Въ два часа ночи снялись. Сильный вѣтеръ и толчея цѣлый день. Морская болѣзнь почти у всѣхъ.

4-го. Поутру, въ прекраснѣйшую погоду, вошли въ Босфоръ; въ продолженіе дня вышелъ на берегъ и верхомъ отправился во дворецъ Русскаго посольства, гдѣ приготовлены были мои комнаты. Пріемъ сдѣланный мнѣ нашимъ посланникомъ Титовымъ. Передъ обѣдомъ знакомство съ его женой *).

5-го. Кіамиль-бей присланъ съ привѣтствіемъ отъ Порты. Посѣщеніе главнымъ лицамъ дипломатическаго корпуса. Сэръ Стратфордъ-Каннингъ. Отвсюду доходитъ, что нашъ разговоръ, весь политическій и до щекотливыхъ объясненій доходившій, оставилъ въ немъ впечатлѣніе, для успѣха моего порученія выгодный. Относя это дѣйствіе, независимо отъ тона нашего разговора, къ причинамъ важнымъ, полагаю, что мое прибытіе, нѣкоторою торжественностью окруженное, побудило его къ размышленію, что прежніе поступки его, клонившіеся къ посѣянію въ Портѣ недовѣрія и опасенія противъ нашего кабинета, не дошли-ли до крайней черты, далѣе которой могутъ возникнуть происшествія, видамъ его правительства не соотвѣтствующія.

---

*) Еленой Иринеевной, урожденной графиней Хрептовичъ. *П. Б.*

6-го. Въ часъ по полудни оффиціальное посѣщеніе въ Портѣ великому визирю Решидъ-пашѣ и министру иностранныхъ дѣлъ Али-пашѣ, вмѣстѣ съ посланникомъ Титовымъ, въ сопровожденіи моей свиты. Дѣйствіе этой конференціи было таково, что все потерянное въ прежнихъ переговорахъ поле опять выиграно, и на немъ приступлено будетъ къ рѣшительному окончанію прежнихъ недоразумѣній между кабинетами. Въ мое отсутствіе визиты Каннинга и лицъ его посольства, г-на Опика со своими, Прусскаго Пурталеса, графа Стюрмера, Моллеруса Нидерландскаго. Вечеромъ въ Итальянскую оперу съ В. П. Титовымъ.

8-го. Поѣздка верхомъ въ Балуклу на праздникъ Грековъ. Священный источникъ. Легенда о монахѣ и рыбѣ. Ираклійскій архіерей. Оттуда на сладкія (прѣсныя) воды. Мечеть Эйюба, гдѣ султаны опоясываютъ саблю при восшествіи на престолъ. Пріятный завтракъ. Возвращеніе на катерѣ «Владимира». Вечеръ дома. Встрѣча патріарха.

9-го. Начало переговоровъ съ Портой, безъ моего присутствія, посланникомъ Титовымъ. Въ 11-ть утра въ храмъ Св. Софіи. Архитекторъ Фоссати. Вновь строющееся зданіе Университета. Модель его для султана. Визитъ Фоссати. Возвращеніе въ два часа. Крутой подъемъ при этомъ въ Перѣ, требующій надежной лошади.—Вечеръ у Французскаго министра Опика; знакомство съ леди и миссъ Стратфордъ-Каннингъ. Г-жа Де-ла-Ронсіеръ, пріятная Француженка. Въ 12-мъ домой. Собственноручное письмо отъ меня къ великому визирю, съ министромъ г. Титовымъ соглашенное, и ночью же въ загородный его домъ отправленное. Въ половинѣ втораго кончили засѣданіе. Здѣсь, въ Перѣ, визиты мущинами, даже вечерніе, дѣлаются пѣшкомъ; дамы въ носилкахъ, впереди слуга съ факеломъ.

10-го, Воскресенье. Небольшое разстройство, отъ присутствія въ обѣднѣ здѣшней церкви удержавшее. Поутру визиты мнѣ кн. Ханджіери, Дандро, Халчинскаго, секретаря посольства, г-на Титова.—Письмо изъ Генуи отъ нашего консула о тамошнихъ смутахъ, бомбардированіе города и занятіе Сардинскими войсками.—Обѣдъ, какъ и всѣ обѣды, съ пріѣзда у В. П. Титова; восьмилѣтняя милая дочь хозяевъ. Прекрасная княгиня Вяземская *). Вечеръ у Австрійскаго посла графа Стюрмера.

*) Княгиня Марья Аркадіевна Вяземская, урожденная Столыпина. *П. Б.*

11-го Апрѣля, Понедѣльникъ. Верхомъ съ Титовымъ въ Ешкерлеръ на Босфорѣ, откуда съ разныхъ точекъ открываются прекрасные виды. Холодный сѣверный вѣтеръ давалъ мнѣ почувствовать, что и здѣсь не должно торопиться оставлять предосторожность въ одеждѣ. Вечеръ у нашего посланника. Новый урокъ Стратфорду.

12-го, Вторникъ. Визитъ вмѣстѣ съ Титовымъ Шведскому повѣренному въ дѣлахъ Тостѣ. Остальной день весь дома, отчасти въ приготовленіи на почту депеши. Дѣла здѣшнія затрудняются по Азіатскому обычаю. Погода стоитъ холодная. Поутру логофетъ Аристархи по порученію отъ визиря. Отвѣтъ ему.

14 (26)-го Апрѣля, Четвергъ. Вчера весь день дома. Пасмурный и свѣжій день, поутру дождь. Сегодня все утро въ приготовленіи депешей и писемъ къ отправленію съ пакетботомъ къ 6-ти часамъ вечера. Письма къ женѣ, сыну Николаю, Якову Андреевичу Дашкову; депеши къ канцлеру и военному министру.

15 (27)-го, Пятница. Въ девять утра съ княземъ Вяземскимъ, княземъ Голицынымъ, Н. Кочубеемъ, гр. Гейденомъ, Истоминымъ и Исаковымъ верхомъ къ водопроводамъ Іустиніана, Махмуда и Селима, чрезъ Пиргосъ и Бѣлградъ въ Буюкдере, верстъ 35. Незабвенная прекрасная прогулка. На травѣ завтракали. Въ Пиргосѣ и Махмудъ-бентѣ пили кофе. Платанъ Семи Братьевъ, подъ тѣнью котораго Готфридъ наблюдалъ переправу крестоносцевъ. Въ семь часовъ вечера на пароходѣ «Молнія» съ Титовымъ возвращеніе въ Перу, гдѣ въ девятомъ часу насъ ожидали съ обѣдомъ. Двѣ партіи въ билліардъ. Поздній чай. Прекрасный день погодой, прогулкой и ощущеніями.—Вниманіе на Буюкдерскую долину. Изъ Килioса дорога высотами. — Озеро Теркосъ, близъ коего должны находиться развалины адмиралтейства Генуезцевъ; гавань засыпана пескомъ.

16 (28)-го, Суббота. Въ 10-ть утра на пароходѣ «Молнія» въ загородный домъ великаго визиря, Балта-Лиманъ, на Европейскомъ берегу Босфора, гдѣ переговоры съ нимъ и Али-пашею, министромъ иностранныхъ дѣлъ, продолжались до половины шестаго.—Гроза и дождь. Глухо-нѣмой шутъ.—Кажется, все соглашено и рѣшено; но съ Турками до послѣдней минуты нельзя ни въ чемъ быть увѣрену, такъ что въ депешѣ канцлеру я написалъ между прочимъ: «Les mots sous la plume acquièrenf un sens affirmatif, qu'ils n'ont jamais dans la bouche des Turcs».

Обѣдъ въ девятомъ часу. Душевная и сидячая усталость гораздо утомительнѣе, чѣмъ усталость послѣ сильнаго движенія.

17 (29)-го Апрѣля. Прогулка по галлереѣ дворца.—Граціани, Неаполитанскій повѣренный въ дѣлахъ. Въ часъ верхомъ въ старый сераль. Арсеналъ въ церкви Св. Ирины. Египетская мумія. Нѣсколько примѣчательныхъ клинковъ, безъ преданій кому принадлежали. Великолѣпные саркофаги изъ порфира, найденные внутри сераля въ землѣ при разныхъ работахъ. Зала Пословъ на второмъ дворѣ; эвнухи, напоминающіе даже сходствомъ нашихъ въ серебряныхъ рядахъ. Библіотека. Картонъ съ портретами султановъ; мѣста на немъ болѣе не остается. Гаремъ оригиналенъ; настоящаго великолѣпія нѣтъ нигдѣ; бани превосходны. Каминъ бѣлаго мрамора съ золотомъ, стиля изящнаго. Картинная галлерея смѣшна. Морской видъ, картина Гюденя одна заслуживаетъ взгляда; все остальное посредственныя и даже дурныя гравюры, Французскія, Англійскія и Нѣмецкія, недостойныя занимать мѣсто въ гостиной у частнаго человѣка. Садъ въ своемъ родѣ прекрасный; стриженныя деревья, лавръ, миртъ, все усыпано дресвой, кромѣ небольшихъ для каждаго дерева и разнаго вида оставленныхъ участковъ земли; небольшіе пруды, полные золотистыхъ рыбъ. Высокія лимонныя деревья со множествомъ спѣлыхъ лимоновъ въ крытой галлереѣ. Нигдѣ ковра зелени. Колонна Ираклія. Султанская конюшня, вниманія не заслуживающая. Лучшія лошади при султанѣ въ Бейлербеѣ. Весь осмотръ длился около пяти часовъ. – Обѣдъ у посланника съ г-мъ и г-жей Стюрмеръ, Пурталесомъ, княгиней Вяземской и лицами посольства. Вечеромъ Опикъ, m-me Черняева, Тимофѣева и много мужчинъ разныхъ миссій. Пропустилъ упомянуть, что въ 11-мъ утра былъ на обѣднѣ и молебнѣ, по случаю дня рожденія Наслѣдника, въ церкви дворца посольства. Все въ строгомъ приличіи, и церковь прекрасна. Архимандритъ служитъ прилично.

18 (30)-го. Опять Азіатскія продѣлки: конференціи не будетъ, а день разстроенъ, между тѣмъ какъ каждый въ счету.— Бывшій Датскій министръ Гюбшъ. Въ послѣднюю войну онъ принялъ на себя заботу о нашихъ плѣнныхъ. Кирико-второй драгоманъ посольства. Записка, приготовленная мною къ г. Титову для показанія великому визирю и Али-пашѣ, въ случаѣ новыхъ уловокъ и затрудненій въ переговорахъ. Позже прислано

извѣщеніе, что повелѣніе султана получено и что конференція назначена завтра въ 6-ть по-турецки, въ часъ по нашему, въ Балта-Лиманѣ у великаго визиря. Въ семь часовъ церемоніальный обѣдъ у Австрійскаго посланника г. Стюрмера.

19-го Апрѣля (1-го Мая). Посланный отъ сераскира Мехмета-Али, зятя султана, офицеръ Французъ Галліаръ съ приглашеніемъ на смотръ войскъ, казармъ и госпиталей. Долженъ былъ отложить до окончанія переговоровъ. Французъ разговорчивъ, и я на всякій случай приласкалъ его. — Общая съ Титовымъ депеша канцлеру о положеніи дѣлъ, съ Австрійскимъ пакетботомъ отправляемая въ Галацъ.—Картина, по словамъ продавателя, кисти Рафаеля, дѣйствительно прекрасная, принадлежитъ первому его стилю или, быть можетъ, даже Перужино, 2 т. руб. серебр. Но время ли теперь намъ покупать картины? Въ часъ въ Балта-Лиманъ къ великому визирю. Счастливое и вполнѣ удовлетворительное заключеніе окончательнаго акта *) по дѣламъ въ княжествахъ съ ратификаціею султана. Размѣнъ актовъ. Все приняло иной видъ. И такъ, порученіе совершено съ полнымъ успѣхомъ, въ короткую пятнадцати-дневную дипломатическую кампанію. Удовольствіе самихъ Турокъ въ прекращеніи всякихъ съ нашей стороны опасеній, обѣ стороны тяготившихъ. Кн. Хандіери поднесъ мнѣ Римскую медаль Пія Августа Севера, съ надписью: «*Fundator Pacis*».

20-го Апрѣля (2-го Мая). Весь день дома писалъ письма и депеши, отправленныя ночью съ «Владиміромъ» канцлеру, военному министру, Дашкову. Вечеръ на балѣ у нашего посланника. Сближеніе съ леди и миссъ Каннингъ. Трогательное объясненіе г-на Опика, посланника Французской республики. Прямодушный и благородный человѣкъ.—Честолюбивое желаніе вел. визиря относительно ожидаемой отъ Государя награды. Австрійцы въ Тосканѣ; возстановленіе вел. герцога. Интервенція Французовъ въ пользу папы. Безусловная сдача Палермы и покореніе Сициліи Неаполю. Приготовленіе и вѣроятная интервенція, по соглашенію съ Австрійскимъ кабинетомъ нашего двора, для подавленія возстанія Венгріи. Приготовленія къ отъѣзду и карантину. Глубокая благодарность Провидѣнію за новые счастливые дни, вовсе неожи-

*) *Сенедъ*-по турецки, что̀ подало поводъ къ сравненію съ стихотвореніемъ Боало: Un sonnet parfait vaut seul un long poëme.

данные.—Да обратится все на пользу и честь семейства! И по дипломатической исторіи, хотя одна строка принадлежитъ мнѣ и обо мнѣ упомянетъ.

22-го Апрѣля (4-го Мая). Вчера въ 11-мъ часу къ сераскиру, военному министру, зятю султана Мехмеду-Али. Обязательный и ловкій его пріемъ. Парадъ и маневры 3-го полка Константинопольскаго корпуса войскъ съ артилеріей.—Движенія военныя и основательныя, видные люди, отличная пальба залпами и батальнымъ огнемъ. Въ 6-ть къ визирю на обѣдъ въ Балта-Лиманъ.—Англійскій посолъ заставилъ себя ждать цѣлый часъ, потомъ важничалъ. Прежде меня провозгласилъ тостъ султану. На все это я сказалъ визирю: «qu'il faut laisser aux amis mortifiés la satisfaction des petites vengeances». Нестерпимо-дурной и къ тому холодный обѣдъ. Въ десять часовъ сѣли на пароходъ «Молнію». Лунная, тихая ночь представила Босфоръ въ восхитительной картинѣ, ненаглядной. А графъ Стюрмеръ *) и другіе приглашали въ каюту играть въ вистъ. Унесъ бы съ собой навсегда упрекъ, если бы согласился.

23-го Апрѣля (5-го Мая). Вчера въ 11-мъ утра на пароходѣ на Анатолійскій берегъ къ Фанару (маяку). Тамъ сѣли на лошадей; мнѣ досталась очень пріятная. Вдоль Босфора въ галопъ. Запахъ отъ цвѣту айвы и разныхъ травъ; гораздо болѣе простору для садовъ и загородныхъ домовъ, чѣмъ на берегу Европейскомъ. Поравнявшись съ кіоскомъ султана, увидѣли его подъѣхавшаго къ нему въ коляскѣ, парой. Оттуда строится шоссе до Бейлербея. Измаилъ-бей, ренегатъ, надзирающій за постройкой, подъѣхалъ и привѣтствовалъ меня. Давно грозившія тучи внезапно набѣжали и разразились громомъ и проливнымъ дождемъ. Сильно промокшіе нашли пріютъ въ дорожной кофейнѣ; дождь еще усилился; но часа черезъ два прекрасная теплая погода благопріятствовала остальной прогулкѣ. Виды ненаглядные. Постройки показались мнѣ прочнѣе, чѣмъ на Европейской сторонѣ Босфора, какъ будто Турки чувствуютъ себя надежнѣе упроченными въ Азіи. Извѣстно, что зажиточные изъ нихъ жители Стамбула хоронятъ свои семейства на Азіатскомъ берегу. Много было гуляющихъ семействъ, хотя гроза удержала и разогнала еще болѣе. Въ кофейнѣ Русскій ренегатъ изъ Кіевской губерніи, болѣе двад-

*) Нѣкогда Австрійскій приставъ при Наполеонѣ на Св. Еленѣ. *П. Б.*

цати лѣтъ тому бѣжавшій съ нашего корабля «Крымъ». Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, при разсказѣ подвиговъ нашихъ солдатъ на Кавказѣ. Сладкія Азіатскія воды; желтая, мутная рѣка, но мѣста прекрасныя.

24-го Апрѣля (6-го Мая). Вчера цѣлый день дома. Логофетъ Аристархи—образецъ Фанаріота. Обѣдъ въ семь часовъ у сэра Стратфорда-Каннинга, пріятный. Леди Каннингъ, моя сосѣдка за столомъ, умная и достойная женщина. Другой сосѣдъ былъ путешественникъ Англичанинъ, открывшій развалины Ниневіи (въ эту минуту забылъ его фамилію); я слѣдилъ за его открытіями еще въ Малороссіи, въ деревнѣ; очень занимательный, красивый мужчина. Вистъ съ Каннингомъ, гр. Стюрмеромъ и г-мъ Опикъ. Возвращеніе «Владимира» изъ Одессы въ 32 часа.

25-го Апрѣля (7-го Мая). Раннее утро, при выходѣ на балконъ, было такъ великолѣпно! Этотъ видъ на Босфорѣ, Мраморное море, сѣверныя вершины Азіатскаго Олимпа, виды неба и земли были такъ поразительно прекрасны, что чувства ими возбужденныя излились теплою молитвою къ Создателю. Въ десятомъ, пѣшкомъ на пристань. Г-жа Титова съ дочерью, княгиня Голицына *), сестра ея дѣвица Столыпина **), Тимофѣева, m-me Фоссати составили нашу дамскую часть общества. Переѣхавъ на катерахъ на пароходъ «Херсонесъ», мы тотчасъ начали нашъ истинно-праздничный день. Начало было посвящено дѣлу благочестія. На Халкѣ воздвигнутъ, уже годъ тому, надгробный памятникъ умершимъ въ плѣну у Турокъ нашимъ соотчичамъ. Надо было святить и отслужить надъ ними панихиду. Во время служенія, Греческое населеніе въ праздничныхъ нарядахъ окружало насъ. Затѣмъ я осмотрѣлъ покои монастыря, въ которомъ содержались наши плѣнные. Захаровъ. Прогулка по острову. Завтракъ на пароходѣ, медленнымъ ходомъ огибавшемъ между тѣмъ всю группу острововъ Княжескихъ. Восторженность всего общества при разнообразіи картинъ, передъ нами мѣнявшихся. Приближеніе къ Семи-башенному замку. Вдоль стѣнъ сераля, мимо Стамбула, Галаты, въ Буюкъ-дере. Возвращеніе при свѣтѣ луны, незабвенное, только къ полуночи.

---

*) Супруга князя Давыда Ѳедоровича. *П. Б.*

**) Вышедшая потомъ за Николая Аркадіевича Кочубея. Обѣ — сестры княгини М. А. Вяземской и внучки графа Н. С. Мордвинова. *П. Б.*

Les paroles augustes de v. m. i. qu'elle a daignée m'adresser à la première audience se sont toutes réalisées. Ses ministres ont noblement remplis ses intentions magnanimes. Les méfiances, les soupçons, les malentendus ont disparu devant la lumière de la raison, la juste appréciation des vrais intérêts des deux cabinets et surtout devant les sentiments personnels des augustes souverains, animés d'une estime et d'une amitié réciproques. L'acte récemment conclu en est la garantie solennelle. C'est avec bonheur que je porterai à l'Empereur mon maître les expressions amicales et dignes, que j'ai déjà recueillies pour lui des lèvres de v. m. i. C'est dans cette heureuse voie de conciliation et d'accord que se résoudront désormais, il faut l'espérer, toutes les questions de bon voisinage et d'intérêt commun. Je suis infiniment heureux d'en être encore une fois l'organe, et v. m. me permettra de lui exprimer ma profonde et respectueuse reconnaissance pour l'accueil bienveillant, dont elle m'avait honoré.

Вчера вечеромъ, въ мое отсутствіе пріѣзжалъ Али-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ, съ извѣстіемъ, что султанъ приметъ меня сегодня въ полдень, и съ тѣмъ вмѣстѣ привезъ пожалованный мнѣ султаномъ портретъ его, брилліантами украшенный, и четверымъ моимъ спутникамъ орденъ Нишана. Фельдъегерю Гаврилову табакерку съ брилліантами.—Въ 12-ть часовъ султанъ принялъ меня въ своемъ Босфорскомъ дворцѣ Бейлербеѣ. Аудіенція во всѣхъ отношеніяхъ пріятная. Дагерротипная группа моихъ спутниковъ со мною. Визиты Стюрмерамъ, сэръ Стратфордъ-Каннингу, Опику и Пурталесу.

26-го Апрѣля (8-го Мая). Сегодня отправляюсь обратно съ живыми, весьма пріятными и высокими впечатлѣніями. Главное чувство есть чувство благодарности Провидѣнію за этотъ прекрасный, успѣхомъ увѣнчанный эпизодъ моей трудовой жизни. Да обратится онъ въ пользу моему семейству!

27-го Апрѣля. На пароходѣ «Владимиръ», въ открытомъ морѣ, въ полдень. Вчера, въ половинѣ втораго, сошелъ съ берега, и при салютѣ парохода вступилъ на него, съ Титовымъ, его женой и дочерью, княгиней Голицыной, сестрой ея Столыпиной, Тимофѣевой, Черняевой и Фоссати. Пароходъ былъ украшенъ съ большимъ вкусомъ. Въ третьемъ, все общество сѣло за обѣдъ. Общая, непринужденная веселость все оживляла. Въ четыре часа тронулись, и вмѣстѣ съ тѣмъ начались танцы; поравнявшись съ Бей-

лербеемъ, дворцомъ султана, отсалютовали ему 21-мъ выстрѣломъ, въ продолженіе которыхъ танцы не останавливались. Въ Балта-Лиманѣ, лѣтнемъ мѣстопребываніи вел. визиря Решидъ-паши, ожидавшаго меня, пароходъ остановленъ, и я съ Титовымъ въ каикѣ заѣхалъ къ нему проститься. Онъ казался тронутъ оказаннымъ ему вниманіемъ, и мы разстались совершенно дружески. Снявшись, мы отсалютовали визирю 19-ю выстрѣлами, чего не дѣлалось. Онъ выслалъ мнѣ запасъ отличнаго табаку. Передъ Буюкдере въ оживленныхъ танцахъ. Опять остановились и сошли на берегъ. Съ Титовымъ отдалъ визитъ его сосѣду, Гюбшу.—Грустное извѣстіе о смерти Андрея Фока, убитаго при отступленіи Скарятина, меня разстроившее. Бѣдная мать! Это трауръ на всю жизнь. Узнать подробности его смерти.—После короткой прогулки, возвратились на пароходъ. Начались опять танцы, чай, и, наконецъ, въ 12-мъ часу, я простился съ милымъ обществомъ, столько пріязни мнѣ оказавшимъ, съ юношей Николаемъ Кочубеемъ, къ которому душой привыкъ и долженъ здѣсь его оставить.— Пока всѣ они переѣзжали на пароходъ «Молнію», «Владиміръ» освѣтился Бенгальскими огнями; ракеты одна за другой летѣли къ небу, разсыпаясь въ воздухѣ. Торжественная погода, полный мѣсяцъ, гладкое, какъ зеркало, море, невыразимо-живописные виды береговъ Босфора, сдѣлали изъ этого дня рѣдкій, безпрерывный праздникъ, въ которомъ грусть печальнаго извѣстія и разставанія съ обществомъ, привязавшимъ къ себѣ красотой и пріязнію, нашли свое мѣсто, но смягчены были необыкновенными впечатлѣніями рѣдкаго торжества, можно сказать, неба и земли. Море ласкаетъ и щадитъ отъ качки. Прекрасно! Разставаясь, оба парохода окликались Русскимъ *«ура»*, повторяемымъ въ безконечныхъ отголоскахъ долинъ Босфора. Трогательное прощаніе съ архимандритомъ Софоніемъ. Есть отрады во всѣхъ возрастахъ жизни!

29-го Апрѣля. Въ Одесскомъ карантинѣ. Какой быстрый переходъ отъ волшебнаго праздника на Босфорѣ, отъ живыхъ, радужныхъ красокъ расцвѣчавшихъ тамъ всѣ предметы, до плоской жизни нелѣпаго и безсмысленнаго, вонючаго карантина! Это кошмаръ послѣ блестящаго и сладкаго сновидѣнія. Вчера, въ 6-ть часовъ утра, послѣ тридцатичасоваго плаванія изъ Буюкдере, фрегатъ «Владиміръ» остановился на Одесскомъ рейдѣ. Въ одиннад-

цать, простился съ экипажемъ; поблагодаривъ отличнаго начальника его, подполковника Аркаса, я сошелъ въ лодку и, при крикахъ *«ура»* со всѣхъ рей расцвѣченнаго флагами фрегата, отплылъ на берегъ къ карантину. Сегодня всталъ покойнѣе; нужно было писать, но среди безпорядка отъ глупыхъ карантинныхъ мѣръ не собрался ни съ мыслями, ни духомъ. Г.-л. Ѳедоровъ, г.-м. Астафьевъ, Рашетъ и Рено пріѣзжали навѣстить меня.—Купеческое извѣстіе, что часть нашихъ войскъ изъ Кракова по желѣзной дорогѣ перевезена въ Вѣну и туда вступила. Сколько здѣшняя весна отстала отъ Босфорской! Тамъ цвѣли розы, деревья одѣты блестящею зеленью; здѣсь едва пробивается сирень, и акація стоитъ еще безъ листьевъ. Это нашъ Югъ, воспѣваемый поэтами!

1 (13) Мая. Вечеромъ навѣстилъ градоначальникъ Казначеевъ. Занимательный разговоръ съ нимъ. Трудности доставленія воды въ Одессѣ. Городъ имѣетъ 5 м. запаснаго капиталу, около полутора милліона годоваго доходу. Н. Н. Муравьевъ въ карантинѣ, послѣ Босфорской экспедиціи. Непомѣрныя требованія его, между прочими нѣсколько тысячъ воловьихъ подводъ хворосту, для накрытія палатокъ. Неудовольствіе его съ А. И. Казначеевымъ. Неосторожное и несправедливое слово Государю о послѣднемъ, вслѣдствіе котораго К. уволенъ отъ службы. Память добраго И. В. Шатилова обо мнѣ. Теперь въ Одессѣ 87 т. жителей. Г.-л. Данненбергъ, начальникъ штаба 5-го корпуса, оставленъ здѣсь, между тѣмъ какъ корпусъ въ княжествахъ. Женщины портятъ служебную дорогу этого способнаго и образованнаго генерала. Онъ женатъ на Полькѣ.

La conquête militaire, l'organisation politique et administrative ne sont que des moyens. Le but à atteindre, c'est la mise en valeur du sol, c'est exploitation lucrative, afin que l'entreprise en arrive un jour à payer ses frais. Nous avons regret de le dire, on marche dans une voie, où ce but ne se découvre pas encore, même dans la perspective la plus éloignée.

N'est-ce pas aussi une entreprise en dehors de toutes les règles que celle d' improviser sur un sol inconnu une société pareille à celles qui sont l' oeuvre des siècles?

3 (15) Мая. Вторникъ. Утро, достойное Босфора, ясно, тихо, тепло; море гладкое, какъ зеркало. Вегелинъ, одинъ изъ прощенныхъ въ мое командованіе на Кавказѣ. Страница изъ «Mémoires d'un proscrit». Rédemption, proverbe par Octave Feuillet.

L'homme n'est pas fait pour le bonheur, mais pour le devoir. Le bonheur l'affaiblit et l'énèrve; la lutte est sa vraie condition, car elle le fortifie et l'élève.

6 (18) Пятница. Лѣтнее утро. — Вчера записка Ѳедорову о Куконештахъ. Свиданіе съ вице-адмираломъ Хрущовымъ. Часа три одинокой прогулки. Подъ вечеръ А. И. Казначеевъ. Купеческія извѣстія о выступленіи гр. Ридигера на помощь Австріи. Объ успѣхѣ г-ла Фрейтага и захваченіи нѣсколькихъ изъ нашихъ Поляковъ, между прочимъ гр. Браницкаго, будто бы повѣшеннаго. Имѣніе Браницкихъ дѣйствительно секвестровано въ пользу наслѣдниковъ. Графъ Левъ Северинъ-Потоцкій. Разговоры съ товарищами заключенія *), часто занимательные, иногда, быть можетъ, слишкомъ откровенные. Отплытіе «Громоносца» съ в.-а. Хрущовымъ въ Севастополь; щеголеватый пароходъ. Начало жизни Айвазовскаго подъ покровительствомъ Казначеева. Отыскать его въ Петербургѣ.

7 (19) Мая. Пароходъ «Херсонесъ» изъ Константинополя привезъ мнѣ письма отъ Титова, со вложеніемъ письма отъ г. Стюрмера, отъ архимандрита Софонія, тронувшее меня до умиленія, отъ Николая Кочубея. Нота Кошута Турецкому правительству. Порта продолжаетъ перевозить въ Европу войска изъ Азіи и Египта. Подтвержденіе оффиціальное о вспомогательныхъ войскахъ Императоромъ, на помощь Австріи отправленныхъ. Обязательное обо мнѣ слово Пальмерстона въ парламентѣ, въ отвѣтъ о допущеніи будто-бы угрозительныхъ требованій Россіи въ Константинополѣ. Вечеръ былъ живописный. Картина неба, земли и моря была ненаглядна. Клодъ-Лорренъ, Айвазовскій, обогатились бы новыми впечатлѣніями. Море называютъ однообразнымъ; напротивъ, оно измѣнчиво болѣе хамелеона. Съ кургана, на остаткахъ бывшей Турецкой крѣпости Гаджибей, одиноко стоявшей на пустынномъ берегу Чернаго моря, гдѣ теперь цвѣтетъ и разростается Одесса и красуются дачи, я хотѣлъ только взглянуть на послѣдніе часы заходящаго солнца, но едва взошелъ, какъ остался прикованный къ мѣсту въ нѣмомъ восхищеніи. Солнце катилось къ заходу въ группу облаковъ, которыя загорѣлись и осыпали на западѣ огненною пылью небо, воздухъ, землю и море; въ воздухѣ не слышно было ни малѣйшаго дыханія. Поверхность моря стояла свѣтла и неподвижна, какъ зеркало; обрывки кудрявыхъ облаковъ отражались въ немъ то

*) Т. е. въ Одесскомъ карантинѣ. *П. Б.*

свѣтлыми, то темными полосами; широкія радуги ложились на водѣ и смѣнялись на разныхъ пространствахъ. Лучи съ запада прихотливо и внезапно освѣщали на противоположномъ берегу то загородный домъ, то обрывистую кручь, то зеленую поляну, то дальній мысъ, гдѣ нѣкогда была Запорожская Сѣча; то вдругъ будто всталъ изъ воды и забѣлѣлся дальній Очаковъ, около девяноста верстъ сухимъ путемъ, а отъ моей точки зрѣнія, на первомъ планѣ, верстъ, я полагаю, пятьдесятъ. Прежде мало замѣченныя, отдѣльно стоявшія суда, военныя и частныя, каждое вдругъ обозначилось, щеголевато вставленное въ хрустальное поле моря. Въ послѣднюю минуту заката, лучъ солнца ударилъ на одинъ бокъ судна, и огненный каскадъ полился съ него. Лѣсъ мачтъ, столпившихся у берега и мола судовъ, отразился будто близкимъ пожаромъ. Ненаглядно и неописанно! И послѣ Босфора не только я примирился, но понялъ, сколько разнообразны могутъ быть красоты моря вездѣ, во всѣхъ климатахъ. — Чай подъ деревомъ съ тремя товарищами карантиннаго заключенія, ко мнѣ подошедшими и раздѣлявшими впечатлѣніе великолѣпной Божіей картины, продолжилъ наслажденіе, покуда темнота, спустясь съ неба, задернула ее легкимъ покрываломъ, и свѣжесть ночи позвала насъ подъ крышку. Этотъ вечеръ останется также памятнымъ.

Сегодня, около полудня только позволили мнѣ утреннія занятія выдти на воздухъ. Два замѣчанія, одно на морѣ, другое на небѣ: поверхность моря вся однообразно-синяя и небольшимъ вѣтромъ съ Босфора орябленная, но отъ мыса карантиннаго тянулась узкая, бѣлая полоса далеко въ глубину залива, какъ межа на полѣ; на небѣ же явленіе, вскользь давно мною замѣченное, на этотъ разъ привлекло мое вниманіе. Горизонтъ кругомъ былъ обложенъ красивыми массами свѣтлыхъ облаковъ; все остальное пространство неба было чисто, и во всю глубину прекраснаго голубаго цвѣта. Солнце было на полднѣ. Отъ западной массы облаковъ ударялъ будто облачный легкій лучъ прямо къ солнцу, рѣдѣя по мѣрѣ приближенія къ нему и, перешедши подъ нимъ, шелъ далѣе и, наконецъ, терялся по синевѣ неба. Другая, подобная же полоса, но еще прозрачнѣе первой и поуже, шла параллельно ей и мимо, но близко солнца и ранѣе терялась въ воздухѣ; весьма похожее съ перваго взгляда на млечный путь, это явленіе слѣдовало шествію солнца, которое видимо дѣйствовало

силою приближенія на западныя массы облаковъ. Но почему же только на одинъ западъ? Помню, что кто-то изъ ученыхъ въ новѣйшее время занимается изслѣдованіемъ причинъ этого феномена, въ хорошіе дни не рѣдкаго.

Je crois l'ignorance la plus mauvaise gardienne de l'innocence. Néanmoins j'ai respecté chez elle l'instinct de la femme, et toutes les fois qu'elle me paraissait craindre d'apprendre, je lui ai permis d'ignorer. La pudeur de la pensée conserve la pudeur du coeur, comme l'enveloppe de la graine préserve le germe avant que la fleur éclose.

Soyez simple, et vous deviendrez grand. L'action. voilà le remède à tous les ravages causés par l'imagination. L'action fait l'homme. Nos facultés naturelles, quelques distinguées qu' elles soient, ne nous donnent aucun droit à l'estime; nous n'avons de valeur que par l'usage que nous en faisons. Les esprits communs trouvent leur emploi partout; les esprits supérieurs ont plus de peine à se faire leur place ici-bas. Un caractère ferme, une volonté persévérante sont des qualités indispensables aux hommes, dont l'esprit voit plus loin que celui du vulgaire. C'est surtout aux facultés de l'âme que s'applique cette pensée si souvent repetée: „Noblesse oblige".

Пока я сижу въ карантинѣ, Одесская весна успѣла одѣть природу въ самый свѣжій и блестящій ея нарядъ. И бѣлая акація, опаздывающая противъ большей части деревьевъ, одѣлась въ свои нѣжные и блѣдные листья. Сирени покрылись букетами. Облака приняли лѣтніе свои виды. Наступили теплые дни. Солнце, свѣтъ, воздухъ, земля и море, дѣйствуя и отражаясь, взаимно рисуютъ въ разные часы дня свои фантасмагорическія картины. Еще остаются три дня заключенія, требующіе усилія, чтобы не только избѣжать уничтожительной скуки, но создать въ нихъ пріятность и, если можно, пользу. Покуда это дѣлается съ успѣхомъ.

9 (21)-го Мая. Понедѣльникъ. Письмо отъ Дашкова отъ 28-го прошлаго мѣсяца, до полученія заключеннаго съ Портою акта, на другой день, 29-го, въ Петербургъ дошедшаго. И такъ все еще въ неизвѣстности, какъ принято это дѣло. А предшествовавшая депеша нашла большое одобреніе. Князь Варшавскій, по желанію, самъ ведетъ наши войска противъ Венгріи. Государь выѣхалъ 3-го Мая и пробудетъ въ Варшавѣ около трехъ недѣль; слѣдственно застану его. Возвращеніе Его Величества полагаютъ ко 2 (14) Іюня.

10 (22)-го Мая. En principe tous les hommes sont égaux: en pratique il faut que tous soient libres... Aveugles! ils ne voient pas que les égaux sont nécessairement ennemis entre eux plus que le supérieur ei l'inférieur, parce qu'il y a le respect du moins. Égalité—rivalité: tel est le plus terrible des synonymes modernes.

Un des premiers résultats des mauvaises moeurs, c'est de faire douter des bonnes. Le libertinage fausse le jugement.

Chateaubriand a dit que le monde est gouverné par les idées d'un certain nombre d'hommes supérieurs, qui s'entendent, sans se connaître, et se réunissent, à travers les siècles, en un conseil suprême, chargé de préluder aux évènements que chaque grande époque prépare à l'avenir. Вчера навѣстилъ меня Пушкинъ, бывшій при мнѣ на Кавказѣ, братъ незабвеннаго.

18 (30)-го Мая. *Варшава.* 12-го, раздѣлавшись съ стѣснительнымъ сверхъ нужды карантиномъ и таможней, отобѣдавъ у А. И. Казначеева съ его женою, m-me Фитингофъ и съ ея двумя дочерьми, оставилъ я Одессу въ 4 часа по полудни, а 16-го, въ 10-ть часовъ вечера, пріѣхалъ въ Лазенки къ графу А. Ѳ. Орлову. Исполненіемъ порученія чрезвычайно довольны, но разочарованіе началось. Дѣла поглощаютъ одно другое: при моемъ отправленіи, дѣло, мнѣ порученное, было важнѣйшее; теперь другія заняли его мѣсто. Остановился у Доминика въ деревенской кофейнѣ, недалеко отъ Лазенокъ. Вчера съ утра у гр. Орлова, у фельдмаршала. Въ 11-ть позванъ къ Государю. Необыкновенно ласковый его пріемъ, напомнившій прежніе годы. Къ канцлеру. Извѣстіе о взятіи Венгерцами Офена. Старынкевичъ. Обѣдъ у Государя. Въ восемь въ ложу Нессельроде, генерала жандармовъ.

19 (31)-го Мая. Вчера утромъ часъ у г-ла Фрейтага. Горная война; записка, приготовляемая о ней, планъ предстоящей кампаніи. Слово о князѣ Воронцовѣ. Посѣтилъ ген.-адъют. Гербеля, ушибленнаго лошадью. Г. а. Плаутинъ. Обѣдъ у Фрейтага. Въ седьмомъ къ Старынкевичу. Началъ лѣчиться; предписано три дня покою. Гр. А.П. Толстой*) навѣстилъ меня. Вчера онъ принятъ опять въ службу, и тотчасъ виды на мѣста, уже занятыя и трудныя, а душа едва держится въ разстроенномъ тѣлѣ.

Г. а. Шильдеръ посланъ на слѣдствіе по дѣлу г. а. Шварца въ Грузіи. Мейендорфъ на встрѣчу къ принцу Прусскому.

*) Это былъ, если не ошибаемся, графъ Алексѣй Петровичъ. *П. Б.*

21-го Мая (2-го Іюня). Всѣ эти дни дома лѣчусь. Государь удостоилъ вчера прислать фельдъегеря провѣдать о моемъ здоровьѣ; отвѣчалъ, что готовъ всякую минуту на службу, но, по совѣту доктора, пользуюсь возможностію отдыха. Навѣстили Реадъ, Погодинъ, Скарятинъ, фл. а. Глинка, до того незнакомый; Старынкевичъ каждый вечеръ. Мой докторъ, Очаповскій, человѣкъ занимательный. Сегодня полк. Красновъ, съ Кавказа. Покуда предстоитъ мнѣ назначеніе въ Краковъ, съ чѣмъ, не знаю. Сначала и не ожидаю ничего почетнаго. Двѣ записки о сухопутныхъ и морскихъ силахъ Турціи сегодня отправлены къ Государю.

23-го Мая (4-го Іюня). Вчера, при письмѣ, весьма лестномъ, отъ канцлера получилъ табакерку съ портретомъ Государя. У меня обѣдали Старынкевичъ и Водзицкій, какъ путешественникъ, съ ученою цѣлью бывавшій въ Венгріи. Подъ вечеръ съ Старынкевичемъ въ Вержбну, Кроликарню; прекрасно! Съ нимъ и подошедшимъ княземъ Влад. Голицынымъ остатокъ вечера.

24-го Мая (5-го Іюня). Вчера графъ Адлербергъ сообщилъ мнѣ выписку изъ высочайшаго приказа 22-го числа. «Е. И. В. изъявляетъ полное и совершенное свое удовольствіе и благоволеніе г.-а. Граббе за отлично-успѣшное и вполнѣ удовлетворительное исполненіе возложеннаго на него Государемъ Императоромъ особеннаго важнаго порученія». Г. м. Скарятинъ приходилъ проститься, отправляясь обратно въ Букарестъ. Лидерсъ выступаетъ съ 26-ю баталіонами и конною дивизіею въ Трансильванію чрезъ Кронштадтъ.

25-го Мая (6-го Іюня). Вчера утромъ въ Лазенки. Гр. Орлова не засталъ. Гр. Адлербергъ принялъ. У канцлера засталъ гр. Орлова и съ обоими посидѣлъ. Получилъ рескриптъ къ портрету, уже нѣсколькими днями времени послѣ лестнаго приказа ослабленный. У Мейендорфа посидѣлъ. Встрѣтилъ Берга, пріѣхавшаго изъ Вѣны. Навѣстилъ Гербеля. Кн. Горчакова на минуту. Обѣдалъ одинъ; вечеромъ къ Фрейтагу. Мое назначеніе такое, какого ожидалъ *); но, съ Божіею помощью, все можетъ обратиться въ честь и успѣхъ. Надо спѣшить приготовленіями. Начало дѣйствій близко. Сегодня, въ половинѣ 3-го, на конное ученье въ присутствіи Государя. Привѣтствіе Его Величества при встрѣчѣ.

---

*) Командиромъ отдѣльнаго отряда для защиты горныхъ комитатовъ Сѣверной Венгріи и Галиціи. *П. Б.*

27-го Мая (8-го Іюня). Мое лѣченіе идетъ медленно. Заказаны сѣдла; купленъ вьюкъ. Г.-л. Ховенъ уступилъ мнѣ добрую и хорошо выѣзженную лошадь. Съ балкона квартиры Энгельгардта видѣлъ процессію Тѣла Господня (Fête-Dieu). Засталъ и познакомился у него съ Мих. Глинкой, нашимъ композиторомъ.—Сію минуту, въ восемь часовъ утра, Государь прислалъ за мной. Два часа по полудни. Государь изустно объявилъ и объяснилъ мнѣ мое назначеніе и отправилъ меня къ фельдмаршалу; отъ него въ короткихъ словахъ тоже. У князя Горчакова прочелъ общую диспозицію. Завтра же я долженъ отправиться; много неготоваго, но дивизія брата Петра поступаетъ также подъ мое начальство; необходимое, покуда осмотрюсь, найду.

29-го Мая (10-го Іюня). Вчера утромъ у фельдмаршала, кн. Горчакова и гр. Орлова. Хлопоты закупокъ и приготовленій. Сегодня записку графу Орлову о пѣвчихъ въ Константинопольской церкви.

2 (14) Іюня 1849. Іордановъ въ Галиціи въ Карпатахъ на границѣ Венгріи. 30-го въ Краковъ. Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ридигеръ. Обѣдъ у него съ г. а. Гербелемъ.—31-го пришли лошади. Фл. а. Ахматовъ. 1-го выѣхалъ въ Іордановъ. Австрійской въ Галиціи губернаторъ ген.-лейт. Легедигъ; знакомство съ нимъ.—Въ Іордановѣ нашелъ брата Петра Хр. съ его дивизіею на бивакахъ. Остановился на квартирѣ съ братомъ. 2-го пріѣхалъ мой адъютантъ Старынкевичъ. Куплены лошади подъ карету. Осмотръ войскъ на бивакахъ. Безпрерывной частой дождь въ двадцать четыре часа испортилъ дорогу. 3-го выступилъ въ Яблонку. Послѣ труднаго подъема въ долину Арвы хорошее широкое шоссе. Прекрасная горная природа. — Подвилкъ. — Обѣдъ у священника. Казаки отряда Засса пограбили и устрашили жителей. Успокою ихъ. Пустота въ селеніяхъ. Въ Яблонкѣ жители на мѣстѣ. Штабъ не устроенъ. Погода прекрасная. 4-го выступаю въ Тырдочинъ.

2 (14) Іюня 1849. Въ Тырдочинъ пріѣхалъ ко мнѣ г. л. баронъ Зассъ, котораго я смѣняю. Неудовлетворительность полученныхъ отъ него свѣдѣній. Сегодня переходъ въ Алзо-Кубинъ, верстъ 25. Рядъ селеній по прекрасной Арвѣ. Дубово; важность этого поста, на который выходитъ значительная дорога изъ Малатина въ тылъ отряда, стоявшаго въ Кубинѣ. Арва, древній зàмокъ уже необитаемый по множеству трещинъ въ стѣнахъ, на

вершинѣ горы и по каменистому гребню ея, съ башнями. Видъ замѣчательной красоты. Встрѣча съ уходящимъ отрядомъ Засса. Холера появляется въ войскахъ. Командиръ уланскаго принца Алберта полка, полковникъ Фрицъ, отъ нея вчера умеръ. Выборъ лагеря подъ городомъ, не доходя его, на новомъ мѣстѣ. Австрійскій ландратъ. Г. м. свиты Бетанкуръ присланъ Государемъ состоять при мнѣ. Недостатокъ въ сѣнѣ; все прочее достаточно или даже въ изобиліи. Донесеніе г. Ридигеру. Казачій полкъ Сычова, бывшаго у меня на Кавказѣ.

7-го. Вчера отдыхъ отряду. Похороны Австрійскаго офицера, умершаго отъ холеры. Онъ только что передъ тѣмъ женился. Хлопоты по продовольствію сѣномъ и дровами.—Сегодня отправилъ фл.-ад. Исакова съ донесеніемъ къ Государю, также къ фельдмаршалу. Верхомъ въ лагерь и на передовые посты, въ Горный Кубинъ. Извѣстія о непріятелѣ изъ Нейзоля и Розенберга. Пойду поутру на послѣдній. Музыка Муромскаго полка на площади передъ квартирой.

9-го. Вчера, въ три часа утра, съ отрядомъ изъ Низовскаго Егер. полка, 8-ми орудій и 400 казаковъ, выступилъ изъ Кубина; баррикады по дорогѣ раскиданы. Подходя къ Розенбергу, въ седьмомъ часу, былъ принятъ пулями; четыре выстрѣла изъ орудій и переправа вплавь чрезъ Ваагу казаковъ обратили въ бѣгство непріятеля. Депутація начальства и жителей. Четверо, въ томъ числѣ офицеръ гонведовъ, взяты въ плѣнъ; нѣсколько человѣкъ убиты. У насъ ни убитаго, ни раненаго. Мостъ сожженъ.—Изъ Розенберга по Ваагѣ въ Тепло и Лучку. Минеральныя воды. Двѣ баррикады въ тѣснинѣ, потребовавшія два часа времени для уничтоженія. Жители помогали нашимъ рабочимъ. Въ шесть часовъ вечера возвратился съ казаками въ Алзо-Кубинъ, сдѣлавъ переходъ въ сорокъ верстъ. Извѣстія изъ Нейзоля. Значительныя силы съ артилеріей. Минированныя баррикады. Начальствуетъ Беницкій. Часовъ 12-ть здороваго сна.—Сегодня ванна.—Отдыхъ. — Два юнкера Низовскаго полка, Урбанъ и Корсакъ, оба Поляки, за возмутительныя въ пьяномъ видѣ рѣчи съ Венгерцами и за уступку одному изъ нихъ казенныхъ патроновъ своихъ, схвачены, и производится надъ ними слѣдствіе. Необходимость примѣра строгости въ дивизіи, въ составъ которой вошло много Поляковъ.

12 (24) Іюня. 10-го съ Нижегородскимъ полкомъ, 8-ю орудіями легкой № 6-й батареи и четырьмя сотнями Донскихъ казаковъ, выступилъ въ 3 часа къ Шушану. Дикая, но прекрасная долина Арвы. Двѣ Быстрицы, Величка, Парница; въ тѣснинѣ, гдѣ обходъ невозможенъ, четыре баррикады и незащищаемыя показались неразрушимыми, но въ два съ половиною часа времени разбросаны. 50-ти человѣкъ довольно было, чтобы остановить надолго отрядъ; а непріятель съ орудіемъ, нѣсколько часовъ тому назадъ, былъ здѣсь и въ Кралованѣ и потомъ ушелъ. При Кралованѣ Арва впадаетъ въ Ваагъ; Суто, м. Туранъ. Казаки поспѣшили въ Шушанъ спасти мостъ на Ваагѣ, нашли его цѣлымъ, хотя приготовленнымъ къ сожженію. Оставивъ при мостѣ на высотахъ баталіонъ съ двумя орудіями, отрядъ перешелъ въ Шушанъ. Жители вездѣ встрѣчали насъ съ радостію и довѣренностію. Узнавъ, что въ Мартонѣ есть непріятель, казаки съ полк. Сычовымъ понеслись туда, вскочили въ городъ, гдѣ на площади и изъ домовъ встрѣчены были пулями. Баталіонъ съ двумя орудіями поспѣшилъ къ нимъ въ помощь съ г. м. Бетанкуромъ; но казаки сладили одни: взяли сорокъ шесть человѣкъ въ плѣнъ, болѣе перекололи и разсѣяли остальныхъ. Между плѣнными двое Русскихъ, одинъ Французъ, остальные всѣ Поляки. Это была часть отряда Беницкаго. Четверо казаковъ ранены, лошадей десять убито. Изобиліе и возбужденіе въ отрядѣ. Переночевавъ въ Шушанѣ, мы выступили въ Кубинъ въ шестомъ часу. Разъѣздъ, посланный въ Будятинъ, не нашелъ Австрійскаго поста: онъ ушелъ оттуда. Въ двѣнадцатомъ утра, съ казаками возвратился въ Кубинъ. Намѣреніе перейти въ Розенбергъ, по неясности общаго положенія дѣлъ, оставлено.—Это первый приказъ отмѣненный.—Донесеніе Государю, всегда своеручное. Посѣщеніе брату. Знакомство съ его хозяиномъ, священникомъ. Молодой, образованный человѣкъ, истый Словакъ, противникъ Маджаръ, а потому, до нашего прибытія, долженъ былъ уйти въ Галицію. Рюмка двадцатилѣтняго Токайскаго вина доказала мнѣ на опытѣ, какъ легко оно отуманиваетъ голову. Донесеніе отъ начальника Австрійскаго поста въ Чачѣ, почему онъ оставилъ Будятинъ.—Гг. Барко и Бенедиктъ съ бригадой Австрійцевъ, оставивъ Тренчинъ и Нейштадтъ, отступили къ Пресбургу.—Донесеніе фельдмаршалу.—Новая диспозиція: авангардъ изъ двухъ бат. Низовскаго Егер-

скаго полка при шести орудіяхъ и сотня казаковъ подъ начальствомъ г. м. Бетанкура идутъ въ 6-ть часовъ утра въ Розенбергъ; отправляемъ двѣ роты съ 2-мя орудіями и съ 25-ю казаками въ Тепло.—Полк. Сычовъ выставляетъ заставу въ Ошадкѣ и отъ нея пикетъ въ Малятинъ. За тѣмъ баталіонъ, ненужный въ Дубовѣ, и роты въ замкѣ Арва и Княжевѣ присоединяются къ полку. Завтра же бат. Мур. идетъ въ Варинъ на Ваагѣ съ двумя орудіями и двадцатью пятью казаками. Рота Низ. займетъ тѣснину Кралована съ орудіемъ. Австрійцамъ приглашеніе возвратиться въ Будятинъ.

14 (26) Іюня. Всѣ предписанныя движенія вчера исполнены. Донесенія Государю, фельдмаршалу и г. Ридигеру. Противорѣчіе слуховъ о числѣ и намѣреніяхъ непріятеля. Прогулка пѣшкомъ. Выборъ позиціи на случай боя. Въ 7-мь час. верхомъ до В. Кубина впередъ и до Княжева назадъ. Холера хозяйничаетъ въ отрядѣ, и все надъ рядовыми покуда. — Въ 11-ть возвращеніе ф. а. Исакова. Двукратное изъявленіе одобренія Государя за мои дѣйствія.—Смерть маршала Бюжо. Однимъ изъ вождей бараньей толпы людской менѣе.

18 (30). 15-го съ пятью бат. 2 Низ. Егер. и 3 Муром. пѣх., съ 12-ю оруд. и 250 каз. выступилъ въ Миклошу на Ваагѣ, въ три часа утра. Въ Лучкѣ привалъ; остановился у катол. священника, котораго засталъ въ постелѣ. Безпрерывный проливной дождь промочилъ насъ до рубахи. Пріятный отдыхъ и обѣдъ до двухъ часовъ. Въ семь часовъ пришелъ въ Миклошъ, откуда передъ тѣмъ ушла непріятельская партія. Баталіонъ сталъ на площади. — 16-го, въ 9-ть часовъ, переправа по мосту на лѣвый берегъ Вааги и переходъ до Розенберга. Пріятный привалъ въ тѣни рощи, а я въ огородѣ священника отсутствующаго. — Фельдъегерь, догнавъ меня на походѣ, привезъ конверты отъ г. Адлерберга. Онъ сообщаетъ мнѣ, по высочайшей волѣ, совершенное Государя одобреніе и благоволеніе за всѣ предшествовавшія дѣйствія; за Мартонское дѣло приказалъ написать *прекрасно,* прислалъ знакъ отличія для возложенія по моему усмотрѣнію на достойнѣйшаго, 400 р. сер. на 400 казаковъ бывшихъ впереди. Всему отряду благодарность.— Увѣдомленіе, что сынъ мой наименованъ камеръ-пажемъ.—Выступленіе и ночлегъ въ Розенбергѣ. Страхъ этого неблагонамѣреннаго города. — Другой фельдъегерь съ высоч. повелѣніемъ, съ

копіей отношенія г. Адлерберга по повелѣнію Государя г. а. Бергу въ Вѣну; предписаніе фельдмаршала. Это ничего существенно не измѣняетъ въ моемъ положеніи. 17-го переходъ въ Алзо-Кубинъ. — Донесенія Государю, фельдмаршалу; письма Старынкевичу, гр. Адлербергу, барону Ливену, сыну, домой съ фельдъегеремъ отправлены сегодня. Начало опасеній насчетъ безостановочнаго продовольствія войскъ.—Прекрасное, прохладное время. — Пѣшкомъ мимо и далѣе лагеря.—Баталіонъ отправленъ вчера въ Шушанъ съ двумя оруд. и 25-ю казаками. Продовольствіе авангарду въ Розенбергѣ.

Sachons que la force morale des nations ne consiste pas dans le nombre de la population, dans l'étendue du territorie, ni même dans l' habile mécanisme des institutions. La force morale des nations contiste principalement dans les grands hommes qu'elles produisent. Les civilisations qui ne savent pas, ou qui ne savent plus produire de grands hommes sont des civilisations stériles ou des civilisations mortes. Quand l' histoire passe la revue des peuples, elle ne fait pas le dénombrement des populations par têtes d'hommes, comme par têtes de bétail: elle ne compte que les grands hommes, et les nations qui en ont eu beaucoup, celles-là seulement passent pour grandes dans l'histoire. — César disait insolemment: le genre humain ne vit que pour quelques hommes. Il fallait dire que le genre humain ne vit que par quelques grands hommes. Il vit par l'élite et non par la foule.

19-го Іюня (1-го Іюля). Алзо-Кубинъ. Вчера въ 6-мъ часу вечера фельдъегерь изъ Варшавы съ высочайшимъ разрѣшеніемъ Симбирскому полку съ легкой № 5 батареей и 1-й уланской бригадѣ съ легко-конной батареей слѣдовать первому изъ Кракова въ Алзо-Кубинъ, послѣдней изъ Царства Польскаго въ Живецъ, Біалу и Андриховъ въ мое распоряженіе. Этимъ я поставленъ въ положеніе, по прибытіи этихъ войскъ, перейти изъ нынѣшняго къ наступательнымъ дѣйствіямъ, не теряя изъ виду огражденія Галиціи отъ вторженія мятежниковъ. Навѣстилъ въ пѣшей прогулкѣ помѣщика Смеречани въ Быстрицѣ, почтеннаго старика. Домъ и садъ въ прекрасномъ мѣстоположеніи; виды изъ дому живописные. Все хорошо устроено и со вкусомъ. 30-ти-лѣтнее Токайское вино, которымъ онъ меня угостилъ, отличное. Просидѣвъ съ удовольствіемъ болѣе часу въ этомъ мирномъ семействѣ, огор-

ченномъ отбытіемъ одного изъ сыновей къ Венгерцамъ, пѣшкомъ же возвратился домой и провелъ хорошую ночь.

Сегодня все утро писалъ донесеніе Государю и отношеніе къ Австрійскому г.-л. Чоричу о соглашеніи наступательныхъ дѣйствій нашихъ противъ Венгерцевъ. Фельдъегерь готовъ былъ уже сѣсть въ повозку, какъ получено отношеніе отъ г.-м. Австрійск. Потта изъ Галанты, которымъ онъ извѣщаетъ меня о своемъ положеніи на правомъ берегу Вааги, о составѣ его отряда и о повелѣніи ему дѣйствовать наступательно, когда я приближусь къ Нейтрѣ. До этого еще далеко, и до прибытія ожидаемыхъ въ подкрѣпленіе войскъ оно было бы неблагоразумно. Фельдъегерь вслѣдствіе этого остановленъ. Дождь и сырой холодъ ночью и весь день. Продовольствіе опять поправляется: большіе транспорты сѣна прибыли съ разныхъ сторонъ. Волы на мясную порцію пригнаны, и вино подвезено. Вѣнская газета отъ 16 (28). Дѣло подъ Шерадомъ; похвала дивизіи Панютина. Извѣстіе, что Орсова нашими войсками взята штурмомъ. Поттъ увѣдомляетъ, что 16 (28), т.-е. три дня тому, главнокомандующій Австрійскою арміею Гайнау хотѣлъ атаковать Венгерцевъ въ укрѣпленномъ лагерѣ при Раабѣ. Ожидаю извѣстій объ успѣхѣ. Жаль, что подкрѣпленіе не здѣсь уже. Это моментъ дѣйствовать наступательно. Терпѣніе!

21-го Іюня (3-го Іюля). Алзо-Кубинъ. Офиціальное извѣстіе, что фельдмаршалъ, по разбитіи непріятеля при Кашау, пошелъ на Пестъ съ главными силами и по разсчету времени подходитъ къ нему; Чеодаевъ направленъ на Дебречинъ. Раабъ взятъ Австрійцами. Императоръ Австрійскій вошелъ туда 16 (28-го) съ первымъ корпусомъ. Лидерсъ разбилъ Бема и разсѣялъ его корпусъ. Курьеръ отъ фельд.-лейт. Чорича; проситъ о содѣйствіи. Отвѣтъ, что готовъ при первой возможности; такой же и г-лу Потту. Донесеніе Государю обо всемъ.

Взвѣсивъ чрезъ ночь всѣ обстоятельства, рѣшился, не дожидаясь подкрѣпленій, начать наступательныя дѣйствія. День прошелъ въ распоряженіяхъ. Курьеры поѣхали къ Австрійскимъ генераламъ; фельдъегерь съ донесеніемъ Государю. Предписанія навстрѣчу уланской бригадѣ и Симбирскому полку. Завтра выступаю къ Нейзолю. Что̀ Богъ дастъ! Продовольствіе идетъ отлично. Магазины подвину. Время прохладное. Холера не унимается.

Вчера памятная прогулка верхомъ съ ф.-а. Исаковымъ по правому берегу Арвы.

26-го Іюня (8-го Іюля). 22-го выступилъ со всѣмъ отрядомъ изъ Алзо-Кубина до Шушана, оставивъ одну роту для охраненія больныхъ, магазина и для порядка. Обозъ и аріергардъ поздно пошли; мѣста, гдѣ были перекопы и баррикады, недостаточно исправленныя, произвели остановку и ломку.

23-го черезъ Мосочъ до Стюбена. Минеральныя воды. Удобные для войскъ биваки. Изобиліе.

24-го до Кремница. Непріятель бѣжитъ, не пользуясь выгоднѣйшею мѣстностію, на которой съ малымъ числомъ возможно остановиться и держаться противъ большаго числа. Золотые и серебряные рудники. Горная природа. Квартира у мюнцъ-директора Вельнера. Радушный пріемъ въ семействѣ. 16-ти-лѣтняя дочь Іоганна, прекрасное и граціозное дитя природы. Вмѣсто отдыха—бесѣда съ нею все сидя. Это мнѣ отозвалось разстройствомъ. Письма изъ дому. Неистовое поведеніе Венгерцевъ въ продолженіе господства ихъ въ краѣ. Нелѣпые слухи, ими разглашенные, на счетъ Русскихъ. Тѣмъ живѣе признательность жителей за порядокъ, дисциплину. Три музыки на площади.

25-го день самыхъ нелѣпыхъ недоразумѣній, къ невозможности близкихъ. Не смотря на ясное приказаніе и предварительные распросы, полк. генер. штаба Наттъ повелъ войска по горной дорогѣ; къ счастію я поѣхалъ впередъ съ казаками. Никогда на Кавказѣ, даже въ Ичкеринскомъ лѣсу, не проходилъ я такихъ дикихъ, трудныхъ и тѣсныхъ мѣстъ. Дошедши до невозможнаго на седьмой верстѣ, послалъ остановить артилерію и обозы и воротился къ Кремницу съ четырьмя баталіонами, за мною послѣдовавшими. Къ счастію, въ началѣ подъема сломавшійся мостъ задержалъ переднюю батарею. Эта ошибка могла сдѣлаться опасною, еслибы непріятель имѣлъ малѣйшую опытность и не уходилъ, не оглядываясь. Вышедши изъ тѣснинъ на почтовую прекрасную дорогу, я остановилъ усталые отъ подъема батальоны на удобномъ мѣстѣ для продолжительнаго привала. Два курьера, вмѣсто отдыха, отъ Австрійскихъ генераловъ отъ 3-го Іюля н. ст.—изъ Кракова. Остатокъ перехода до Керешта, Св. Креста. Не доѣзжая, пріятное донесеніе отъ г.-м. Бетанкура о занятіи имъ Нейзоля, оставленнаго непріятелемъ, устрашеннымъ обходнымъ маневромъ.

Принятъ въ епископскомъ домѣ. Усталъ и нездоровъ. Обѣдъ поздній съ братомъ и штабомъ, хозяйскій и хорошій. Успокоительная ночь. Погода благопріятствуетъ походу, прекрасная и не жаркая. Холеры три дни уже ни одного случая. Нашимъ движеніемъ мы угрожаемъ тылу непріятельскихъ войскъ, дѣйствующихъ противъ Австрійскаго корпуса, на лѣвомъ берегу Дуная оставленнаго. За то они вездѣ и уходятъ съ поспѣшностію. Сегодня Австрійскій полубатальонъ съ двумя орудіями и козаками дойдетъ до Ошлана. Мы днюемъ здѣсь, пославъ сотню до Шемница. Бетанкукъ займетъ Алтзоль. Донесеніе Государю съ фельдъегеремъ. Письмо графу Адлербергу о виновныхъ юнкерахъ. Въ Кремницѣ трехъ солдатъ Низовскаго егерскаго полка, схваченныхъ на грабежѣ, приказалъ прогнать сквозь строй.

27-го Іюня (9-го Іюля). Керештъ. Курьеръ отъ г-ла Потта съ оправданіемъ, почему не наступаетъ, не смотря на мое движеніе въ тылъ непріятелю, противъ него стоящему. И это послѣ всѣхъ убѣжденій и просьбъ фельдмаршалу, и даже Государю, позволить мнѣ идти къ нимъ, чтобъ тотъ же часъ перейти къ наступленію!

Въ 12-мъ часу глупая тревога въ Шемницѣ, заставившая меня, послѣ теплой ванны, сѣсть на лошадь, чтобы на всякій случай принять мѣры къ встрѣчѣ непріятеля, будто бы преслѣдующаго взятыхъ въ расплохъ козаковъ въ Шемницѣ. Таково дѣйствіе страха, что прибѣжавшіе изъ Шемница порядочные люди утверждали на мои вопросы, что сами видѣли Венгерцевъ. Сегодня все объяснилось. Депутація изъ Шемница пріѣхала ко мнѣ съ оправданіемъ. Городъ выдалъ съ посланнымъ козачьимъ офицеромъ казначея съ казенными деньгами, 60 т. гульденовъ. Офицеръ отъ главнокомандующаго Гайнау съ депешею, которою онъ вызываетъ меня дѣйствовать съ совершеннымъ устраненіемъ главной обязанности, на мою отвѣтственность возложенной.

28-го Іюня (10-го Іюля), Керештъ, Св. Крестъ. Донесеніе Государю № 9-й. Наступили жары. Теперь кстати отдыхать на мѣстѣ. Мое здоровье, послѣ хорошо проведенной ночи, поправилось. Бумага графу Адлербергу съ копіей отношенія главнокомандующаго Австрійской арміею барона Гайнау.

Une imagination prodigieuse animait ce politique si froid (Napoléon). Il n'eut pas été ce qu' il était si la Muse n'eût été là; la rai

son accomplissait les idées du poète. Tous ces hommes à grande vie sont toujours un composé de deux natures, car il les faut capables d'inspiration et d'action: l'une enfante le projet, l'autre l'accomplit.— C'était un grand découvreur d'hommes.

29-го Іюня (11-го Іюля). День Петра и Павла—общій съ братомъ; мы его и провели вмѣстѣ. Съ утра поздравленія въ саду и дома. Отвѣтъ главнокомандующему Австрійскому барону Гайнау съ офицеромъ, отъ него присланнымъ, прямо чрезъ Опланъ на Леопольдштадтъ съ казаками; фельдмаршалу чрезъ Краковъ кругомъ.—Гермеса, Іюльская революція.—Приказалъ на досугѣ пѣхотѣ заняться стрѣльбою въ цѣль. По усиленнымъ просьбамъ жителей г. Шемница посылаю къ нимъ авангардъ: два батальона Низовскихъ егерей, 6 орудій и сотню козаковъ съ г-ломъ Дзыгулевымъ.

30-го Іюня (12-го Іюля). Св. Крестъ. Съ утра курьеры отъ Австрійскихъ генераловъ Чориха и Потта, къ содѣйствію при очищеніи лѣваго берега Вааги совокупнымъ наступленіемъ и къ обложенію Коморна приглашающихъ. Отъ фельдмаршала, напротивъ, предписывается слѣдовать изъ Кубина туда, гдѣ я уже нахожусь и содѣйствовать ему рѣшительно къ овладѣнію Пестомъ, который давно пустъ. По возможности соглашу то и другое. Отъ Легедига приглашеніе направить часть бригады уланской къ Неймаркту, будто бы угрожаемому нападеніемъ инсургентовъ. Не дамъ ни одного человѣка: сдѣланныхъ распоряженій достаточно. Мой авангардъ въ Шемницѣ принятъ съ радостію, и продовольствіе его обезпечено. Многочисленная шайка однако есть у меня въ лѣвѣ. Если съумѣютъ протянуть эту войну, давно уже близкую къ окончанію, при рѣшительномъ наступленіи, то эти возстанія полудикихъ горцевъ могутъ получить значеніе и тревожить наши сообщенія. Холера въ большой арміи. Впрочемъ день хотя заботливый, но довольно пріятный; погода не жаркая. Офицеръ отъ холеры сегодня умеръ. Хотя не сильная, но она опять показалась, не смотря на выгоды лагернаго здѣсь расположенія.

1-го Іюля. Въ 11 ч. утра по случаю праздника рожденія Императрицы церковный парадъ.—Прямое сообщеніе съ Австрійцами открыто чрезъ Леопольдштадтъ и Нейтру, непріятелемъ оставленную. Донесенія двухъ Австрійскихъ офицеровъ оттуда.— Написалъ прокламацію возмущеннымъ горцамъ. Сначала перомъ,

а потомъ штыкомъ и саблей. Похороны умершаго штабсъ-капитана Дубичинскаго.—Подвозы продовольствія съ разныхъ сторонъ. Завтра вступаетъ первый эшелонъ уланъ съ г.-л. Ховеномъ. Еще двухъ грабителей, отнявшихъ у жителей двухъ лошадей, приказалъ прогнать сквозь строй чрезъ триста человѣкъ.

2 Іюля. Поутру г.-л. Ховенъ вступилъ съ уланскимъ кн. Чернышова (бывшимъ Смоленскимъ) полкомъ. Полкъ въ порядкѣ и мало потерпѣлъ отъ форсированнаго марша. Конная батарея пришла съ худыми, изнуренными лошадьми, между тѣмъ какъ вся артилерія моего отряда умѣла сберечь отлично своихъ лошадей. Донесеніе Государю съ курьеромъ. Отношеніе Австрійскому главнокомандующему съ объясненіемъ причинъ измѣненія предстоящихъ дѣйствій вслѣдствіе предписанія фельдмаршала. — Гермеса начало смутъ въ Германіи по поводу Іюльской революціи. — Странная и неисправленная ошибка при своеручномъ переписаніи на бѣло донесенія къ Государю: оставилъ одну страницу листа въ серединѣ бѣлою.

3 (15) Іюля. Поутру верхомъ за мостъ, потомъ осмотръ лошадей на коновязи. Вступленіе 2-го уланскаго эшелона. Дни заботъ, нелѣпыхъ недоразумѣній, разныхъ случаевъ раздражительныхъ. Трудности продовольствія. Курьеръ, отправленный въ Варшаву съ донесеніемъ Государю, за Кремницомъ, прострѣливъ себѣ своимъ пистолетомъ нечаянно руку, объявилъ, будто по немъ изъ лѣсу сдѣланъ былъ выстрѣлъ. Взыскать. Бумаги доставлены сюда. Сегодня новое донесеніе Государю. Еще нѣсколько курьеровъ по продовольствію, по слѣдованію Симбирскаго полка, Австрійскому полубаталіону о присоединеніи къ своей бригадѣ.

8 (20) Іюля. Шугани. 4-го остался доставить дневку уланамъ. Курьеръ отъ барона Ливена. Государь выѣхалъ 26-го Іюня въ Петербургъ; съ нимъ г. Орловъ и Адлербергъ. Возвращеніе полагаютъ къ 14-му. Австрійскій главнокомандующій безпрерывно призываетъ къ содѣйствію Чориху. Не сдѣлаю такой несообразности съ моими инструкціями.—5-го, въ 5-ть часовъ утра, войска должны были выступить къ Бату и уже вытягивались, какъ пріѣхалъ офицеръ отъ Австрійскаго генерала Потта съ увѣдомленіемъ, что Венгерская армія вышла изъ Коморна, оставивъ въ крѣпости гарнизонъ и дошла до Баторъ-Кесси, по направленію къ рѣкѣ Грану; что большая часть Австрійской арміи и при ней дивизія г.-а Па-

нютина преслѣдуютъ ее, перейдя на лѣвый берегъ Дуная при Лелѣ и Ловатѣ и что фельдмаршалъ извѣщенъ о томъ въ Пестъ. Я остановилъ движеніе для собранія свѣдѣній и для соображенія. Козаки изъ авангарда были отправлены до Нейтры, Лива, Немета, Иполи-Шага; нигдѣ не показывался непріятель. Въ лѣво же выходцы изъ Вайцена, Неограда, Вадкерта единогласно разсказывали, что Венгерцы идутъ на Вайценъ. Для меня было ясно, что Венгерцы пропали; Австрійская армія за ними. Фельдмаршалъ, прибывшій передъ тѣмъ въ Пестъ, гдѣ давно уже никого не было, долженъ былъ занять Вайценъ; я рѣшился идти форсированнымъ маршемъ на Жіерматъ. Такимъ образомъ Венгерская армія была бы окружена.—6-го въ 4 утра я выступилъ съ главной колонной чрезъ Алтзоль до Добранивы; авангардъ г.-м. Бетанкура до Пелчеча; авангардъ г.-м. Дзырулева съ козаками изъ Шемница до Карпфена.—7-го въ Шеноградѣ оба авангарда присоединились къ отряду; составленъ авангардъ изъ 4-хъ бат. Низовскаго егерскаго полка, 12-ти орудій и всѣхъ козаковъ и выступилъ до Шаба; отрядъ до Шугани. На этомъ переходѣ стали доходить слухи о пораженіи Венгерцевъ при Вайценѣ, при Решегѣ; приведены бѣглые изъ ихъ арміи. Въ Шугани слухъ этотъ усилился. Слѣдственно я опоздалъ къ участію въ этомъ дѣлѣ, и движеніе, казавшееся мастерскимъ, становилось смѣшнымъ. Чтобы удостовѣриться въ истинѣ, я отправилъ ночью же фл.-ад. Исакова съ партіей козаковъ до Жіермата; а самъ, успокоившись мыслію о славномъ дѣлѣ, хотя безъ меня совершенномъ, заснулъ мирно послѣ многихъ безсонныхъ ночей. Рано поутру возвратился Исаковъ съ извѣстіями совсѣмъ иными: въ Жіерматѣ онъ засталъ уже г.-а. Анрепа съ бригадой уланъ и двумя казачьими полками при двухъ конныхъ батареяхъ; армія наша въ Вайценъ не приходила; Анрепъ одинъ безъ пѣхоты посланъ былъ противъ нея, дрался съ нею, не могъ конечно ее удержать, и она 6-го прошла Жіерматъ и направилась на Лосонжъ. Австрійская армія также, начавъ уже преслѣдованіе, перешла обратно на правый берегъ Дуная. Венгерскую армію полагаютъ въ 30 т. при 80 орудіяхъ.—Военная критика нѣкогда оцѣнитъ, кому и въ какой степени принадлежатъ ошибки этихъ дней, въ которые судьба война могла быть рѣшена. Чрезъ ф.-а. Ахматова послалъ фельдмаршалу донесеніе, испрашивая приказаній; а между тѣмъ отозвалъ свой

авангардъ, уже безполезный по тому направленію, съ намѣреніемъ завтра же чрезъ Алтзоль пойти на Детву и Лосонжъ. Казаки полк. Сычова отбили между тѣмъ на дорогѣ транспортъ, разбивъ прикрытіе и взявъ 17 чел. въ плѣнъ. Въ Алтзолѣ останавливался на привалѣ у бар. Флемминга, Лифляндскаго дворянина, женатаго на Венгеркѣ и навсегда здѣсь поселившагося. Порядокъ и изобиліе въ домѣ. Отличное Токайское вино. Тяжкій и каменистый подъемъ между Добранивой и Шеноградомъ. — Раздраженіе послѣ заботъ, безсонницы, частныхъ въ отрядѣ безпорядковъ и неопытности начальниковъ.

18-го Іюля. Путнокъ. Выступилъ 9-го до Алтзоля; 10-го до Лонгобанія, около 50-ти верстъ. Здѣсь узналъ, что г.-л. Зассъ въ Лосонжѣ, на одной со мною высотѣ и, не желая во вредъ ему опередить его съ пѣхотою, когда авангардъ его состоитъ изъ одной кавалеріи, увѣдомилъ его о своемъ прибытіи. Онъ выступилъ ночью на Рима-Шомботъ, куда и я пришелъ 11-го въ часъ его выступленія въ Рима-Секъ; 12-го я пошелъ въ Гёмеръ; 13-го далъ дневку утомленнымъ войскамъ; 14-го переходъ до Путнока. Ловкое и полное гостепріимство истиннаго дворянина графа Владислава Черени. Здѣсь получилъ курьера отъ главнокомандующаго спѣшить въ Мискольцъ. Исполнилъ это въ одинъ переходъ 15-го, отправивъ съ донесеніемъ о томъ Есенева. Въ Мискольцѣ остановился на богатой квартирѣ, гдѣ стоялъ Е. В. Константинъ Николаевичъ. Противорѣчащія предписанія. Засталъ 4-й корпусъ и начальника его Чеодаева. Онъ отозванъ въ тоже время, когда мнѣ предписано идти на Токай. Графъ Симоничъ уговаривалъ не трогаться; я не послушалъ его: 16-го выступилъ. При Гестели засталъ часть главныхъ силъ непріятеля въ крѣпкой позиціи и хотя оставилъ за собою двѣ рѣки, по одному мосту на каждой, но атаковалъ его. Дѣло при Гестели. Превосходство числомъ и калибромъ артилеріи непріятельской въ выгодной позиціи побудило меня, послѣ четырехъ-часоваго дѣла, прекратить неровный бой. Отступленіе въ строгомъ порядкѣ въ виду и подъ огнемъ непріятеля по единственному мосту. Позиція противъ непріятеля и ожиданіе наступленія отъ него. Въ это время получилъ донесеніе отъ коменданта въ Мискольцѣ г.-м. Рота, что фельдмаршалъ предписалъ ему съ его гарнизономъ изъ трехъ батальоновъ оставить городъ; въ тоже время, что въ городѣ смуты: больные, раненые,

магазинъ предоставленъ великодушію магистрата. Ничто въ столь нелѣпыхъ дѣйствіяхъ меня не изумило; всегда я ожидалъ подобнаго, и къ сожалѣнію ничего въ этомъ родѣ не упущено. — Въ 6 ч. оставилъ свою позицію и перешелъ на прежнюю, ближе къ городу. Волненіе и возстаніе въ немъ усилились; видимо ожидали Венгерцевъ. Извѣстіе, что Гёрге обошелъ мой правый флангъ и ждетъ на маршѣ къ главной арміи, куда дѣйствительно фельдмаршалъ безъ соображенія обстоятельствъ предписалъ мнѣ идти, именно на *Ваттъ*, побудило меня (равно какъ и отвсюду доходившіе слухи, что ночью Венгерцы нападутъ на лагерь) выступить изъ него въ 2 часа утра на Сентъ-Петеръ и Путнокъ. Тишина и порядокъ ночнаго движенія. Крайнее утомленіе отъ лишенія сна, усильныхъ переходовъ, а болѣе отъ заботъ и огорченія за судьбу этой прекрасной арміи. Пріемъ гр. Черени; ванна въ тотъ же вечеръ; подкрѣпительный сонъ въ прохладной и всѣми удобствами снабженной спальнѣ возвратили силы. Курьеръ поутру съ диспозиціей на вчерашнее число, безъ всякаго соображенія, что я не могъ прибыть туда, гдѣ меня предполагали. Печальное состояніе 4-го корпуса: 5 т. умершихъ отъ холеры и болѣзней. Недостатокъ продовольствія. По диспозиціи ничего не могу исполнить; стану опять дѣйствовать отдѣльно, присоединя къ себѣ 5 бат. и 2 батареи г.-м. Носова, стараясь открыть сообщеніе съ бар. Сакеномъ и утвердивъ свою операціонную линію, вмѣсто прежней, на *Кашау*, гдѣ я полагаю наши парки и запасы. У меня въ двухъ батареяхъ осталось зарядовъ по одному ящику и сухари на исходѣ въ цѣломъ отрядѣ. Много беру на свою отвѣтственность, но почитаю это долгомъ противъ Государя и Россіи. Надѣюсь, что осмотрятся и увидятъ, въ какихъ рукахъ судьба арміи. Дай Богъ, чтобы это было не слишкомъ поздно. Теперь я безъ надежнаго сообщенія съ главной арміей и съ Варшавой.—Возвращеніе изъ первой Есенева и смѣлый путь, по которому онъ пріѣхалъ. Что за бурная первая половина года для меня и въ какихъ важныхъ и многотвѣтственныхъ положеніяхъ: посольство въ Константинополь и роль на меня возложенная въ этой войнѣ! Вечерняя прогулка по саду, съ отличнымъ вкусомъ расположенному; прекрасные виды на широкую долину Саджо (Sajo), усѣянную богатыми селеніями и окаймленную лѣсистыми невысокими горами. Невольная грусть овладѣла мною при мысли, что я говорю при видѣ разо-

ренія, войною сюда занесеннаго, неизбѣжнаго для существованія войскъ, и въ какую пору! Когда щедрая природа наградила одною изъ обильнѣйшихъ своихъ жатвъ труды поселянина.

20-го Іюля. Шиксо. Вчера переходъ въ Еделени. Остановился во дворцѣ Когари-Кобургъ. Адъютантъ б. Сакена, Криде. Сакенъ идетъ на Токай. Безпрерывно курьеры отъ фельдмаршала и Чеодаева. Нѣтъ ни времени, ни способовъ, ни нужды отвѣчать имъ курьерами же, чрезъ каждые два часа, какъ они требуютъ. Это суета, а не порядокъ. Сильно отзывается недостатокъ устроеннаго штаба, и между немногими вкрадывается взаимная вражда, еще болѣе затрудняющая дѣло. Отправленіе флигель-адъютанта Исакова съ донесеніемъ Государю и письмами къ Ливену и г. Адлербергу. Есть вещи неосторожныя, слѣдствіе разстроеннаго духа и раздраженія, даже нѣкоторыя оказались неправильными; но вообще справедливо. Вѣроятно это отзовется вредно на остатокъ моей жизни. Но побужденія были чисты, убѣжденіе глубокое: двѣ вещи, которыхъ надобно опасаться и подчинять строго благоразумію. Дѣло сдѣлано, остается ожидать послѣдствій.

Трудный и разстроивающій армію періодъ кампаніи начался. Мой отрядъ безъ сухарей и безъ соли. Остановился на половинѣ назначеннаго перехода, чтобы распорядиться отправленіемъ подводъ затѣмъ и другимъ въ Мишкольцкій магазинъ и пустыхъ зарядныхъ ящиковъ въ Бартфельдъ за снарядами. Быть можетъ, подойдетъ между тѣмъ и Алтзольскій подвижной магазинъ.

Не осталось вчера минуты, чтобы написать хотя слово своимъ. Увижусь ли еще здѣсь съ ними? Кромѣ случайностей битвы, заботами разстроивается здоровье. 16-го при Гестели было близко: въ моемъ козачьемъ конвоѣ, съ небольшимъ изъ 20-ти козаковъ состоявшемъ, двѣнадцать пикъ сломано ядрами; мой добрый урядникъ, Иванъ Дербенцовъ, подводя мнѣ лошадь на перемѣну, пораженъ ядромъ, перебившимъ ему ногу, а добрая моя привычная лошадь ранена.

Сегодняшній переходъ весь провелъ въ раздраженіи, отозвавшемся къ сожалѣнію на моемъ окруженіи. Съ графомъ Черени размѣнялся визитными карточками, чтобы сохранить его въ памяти. Невозможно съ бо́льшимъ достоинствомъ переносить раззореніе прекраснаго и благоустроеннаго имущества. Онъ принималъ насъ какъ бы въ самое спокойное и счастливое время.—

Древко Георгіевскаго знамя Низовскаго егерскаго полка въ дѣлѣ при Гестели два раза разбито ядромъ. Остался одинъ славный обломокъ.

21-го Іюля. Шиксо. Остановилъ войска до 11 утра для варенія каши. Переходъ назначилъ до Межіасо, верстъ 10, чтобы до Токая на всякій случай оставался одинъ обыкновенный переходъ. Наши раненые, къ которымъ посланъ былъ вчера братъ моего раненаго урядника, найдены въ Гестели и на попеченіи доктора 4-го корпуса. По свѣдѣніямъ тамъ собраннымъ у непріятеля было тамъ 110 орудій, но будто бы войскъ всего тысячъ десять. Заряды приходили къ концу; но войска ихъ съ разныхъ мѣстъ стягивались, и позиція, ими занимаемая, почиталась лучшею изъ всѣхъ, на которыхъ они по сіе время дрались. Да и у меня было войскъ 7 т., 32 орудія, и зарядовъ въ батареяхъ въ огнѣ бывшихъ осталось по одному ящику, не имѣя ничего въ виду для ихъ пополненія; еще полчаса бою, я остался бы вовсе безъ зарядовъ.

Съ полчаса тому курьеръ отъ фельдмаршала съ новыми запросами о причинахъ моихъ движеній. Сколько ихъ я могъ бы ему сдѣлать, на которые труднѣе было бы отвѣчать! Вмѣстѣ съ тѣмъ я снова обращенъ къ прежнему назначенію—огражденію горныхъ городовъ и западной Галиціи. Завтра же туда выступаю и удалюсь изъ этого хаоса противорѣчащихъ, безпослѣдственныхъ, неудачныхъ движеній большой арміи.

22-го Іюля. Сегодня утромъ отправилъ свиты Е. В. г.-м. Бетанкура къ Государю съ донесеніемъ. Вчера подробное донесеніе фельдмаршалу по всѣмъ его запросамъ. Рапортъ отъ подполковника Разводовскаго, командующаго Симбирскимъ егерскимъ полкомъ. Предательское нападеніе въ Лосонжѣ на команду выздоровѣвшихъ, изъ Кракова ко мнѣ отправленныхъ: 8 офицеровъ убито и взято въ плѣнъ. Надъ этимъ городомъ виситъ строгая кара; иду на него. Получилъ транспортъ съ хлѣбомъ и солью. Послалъ за зарядами въ Бартфельдскій паркъ. Выступилъ въ девятомъ часу въ Еделени. Нѣсколько часовъ задержки на перевалѣ, дождемъ разгрязненномъ. Раздраженіе далѣе обычныхъ границъ. Встрѣча на переходѣ флигель-адъютанта кн. Голицына съ высочайшимъ повелѣніемъ, по которому все до послѣдняго слова напередъ уже исполнено. Письмо отъ кн. Мих. Горчакова о его

племянникѣ; отъ А. П. Мельникова. Австрійскій офицеръ также курьеромъ съ давними предписаніями главнокомандующаго. Непостижимая чепуха, и всегда обвинительная.—Здѣсь дворецъ Когари-Кобурга уже запертъ, послѣ перваго выступленія; остался одинъ сторожъ. Я остановился въ другомъ домѣ. Г.-м. Носовъ по моему письму отрѣшенъ отъ бригады и вызванъ въ Варшаву; взысканіе заслуженное. Если бы я имѣлъ Симбирскій полкъ съ его батареей въ дѣлѣ при Гестели!—Коморнъ не сдавался, и Австрійская армія блокируетъ его. Сколько обмановъ, и какъ дерзко ввели въ заблужденіе Государя, донеся о пораженіи будто бы Венгерской арміи при Вайценѣ, гдѣ не было ни одного человѣка пѣхоты и всего одна бригада кавалеріи съ казачьимъ полкомъ и двѣ конныя батареи съ нашей стороны, и гдѣ слѣдовало быть по крайней мѣрѣ корпусу. Соображеніе было такъ просто и ясно!

23-го Іюля. Путнокъ. Переходъ отъ Еделени до Путнока. Все время дождь. Смотръ на походѣ уланской бригадѣ и конной батареѣ. Всѣ потерпѣло замѣтно отъ форсированныхъ маршей и недостатковъ. Здѣсь въ третій разъ встрѣтилъ насъ гостепріимный хозяинъ гр. Черени. Припадокъ запальчивости противъ Австрійскаго комисара: выгналъ его. Онъ все пишетъ, вмѣсто того чтобы дѣйствовать въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся, безъ малѣйшаго запаса продовольствія. Послѣ хорошаго обѣда успокоительный сонъ.—Здѣсь нашелъ три баталіона Симбирскаго егерскаго полка съ 10-ю легкими орудіями подъ начальствомъ подполковника Разводовскаго, молодаго и бойкаго шт.-офицера. Благодаря отсутствію Австрійскаго комисара, у него двадцати-дневный запасъ всякаго рода продовольствія съ собою. Это пособіе для отряда.—Съ полчаса изъ открытаго окна любовался въ даль на прекрасные виды здѣшней смягченной горной природы, вблизи—на цвѣточные узоры, со вкусомъ разбросанные по зеленому ковру сада подъ окнами дома. Это наслажденіе успокоило духъ, возмущенный происшествіями прошедшихъ дней и настоящаго.

24-го Іюля. Рима-Сечь. Прохладный солнечный день. Авангардъ выступилъ въ 8 ч., отрядъ въ 9 ч. утромъ. Смотръ отряду на переходѣ. Нѣсколько дней отдыху, и все можетъ оправиться.—Хорошая музыка Симбирскаго егерскаго полка. Въ пѣхотѣ еще по 24 ряда во взводѣ; наберется и болѣе. Давно не получалъ

журналовъ, но важнѣйшая современная исторія происходитъ здѣсь; она покуда ничего не прибавитъ къ славѣ Россіи.

27-го Іюля. Лосонжъ. 25-го переходъ до Рима-Сомбатъ. Богата и прекрасна широкая долина рѣки Рима. Безпрерывно въ виду богатыя, хорошо отстроенныя села. Смотръ войскамъ на походѣ.—Вечеромъ выстрѣлъ на площади, близъ моихъ оконъ. Оказалось, что нечаянный.—26-го переходъ до Лосонжа. Сѣрый, прохладный день. Несовсѣмъ здоровъ. Жители преступнаго города бѣжали. Депутацію, недостойную по своему составу пріема, отослалъ. Остановился въ верстѣ, не доѣзжая города, на мызѣ. Лагерь выгодный, всѣмъ изобильный. Къ тому же подошелъ на 200 подводахъ подвижной магазинъ. Я приказалъ объявить остальнымъ жителямъ, что въ открытыхъ лавкахъ будутъ покупать, запертыя взламывать и брать все даромъ.—Отправилъ авангардъ на освобожденіе захваченныхъ здѣсь офицеровъ нашихъ. Двухъ убитыхъ уланскихъ офицеровъ отрыли и съ почестью похоронили. Городъ назначался къ сожженію; но ночью пріѣхалъ шт.-к. Нестеровъ съ предписаніемъ фельдмаршала, который другаго мнѣнія. Тѣмъ лучше. Нестеровъ лично былъ въ дѣлѣ подъ Дебречиномъ между фельдмаршаломъ и Гёрге. Оно продолжалось восемь часовъ противъ непріятеля, стоявшаго на позиціи всюду доступной и, не смотря на то, ограничилось почти исключительно дѣйствіемъ артилеріи съ обѣихъ сторонъ. При отступленіи Венгерцевъ чрезъ городъ у нихъ произошелъ безпорядокъ. Человѣкъ тысячу досталось въ плѣнъ, кажется, восемь орудій. Г-лу Купреянову оторвана нога. У насъ убито 60 ч., ранено 130 человѣкъ. Въ корпусахъ арміи въ пѣхотѣ по 15 и 16 рядовъ во взводѣ. Кавалерія держится фуражировкой.—Глупая угроза фельдмаршала. Посмотримъ! День роковой. Я вовсе не имѣлъ намѣренія сжечь городъ; но страшное зарево пожарища у меня теперь передъ глазами. Судьба его постигла. Кто зажегъ—неизвѣстно. Видѣли, увѣряютъ, жителей, которые сами бросали огонь въ дома. Солдатъ предпочитаетъ добычу, и баталіонъ стоялъ на площади. Но есть и между ними бѣшеные, были и пьяные. Да будетъ воля Его! Для меня это тяжкій день. Онъ вѣроятно не останется безъ непріятныхъ послѣдствій. До пожара я ѣздилъ въ городъ, замѣтилъ безпорядокъ, далъ начальникамъ приказаніе прекратить и унять его, но предчувствовалъ случившееся.

УВѢКОВѢЧЕНІЕ ЧУДА 17-го ОКТЯБРЯ.

«*Живый въ помощи Вышняго*», по словамъ Пророка и Царя Давида (Псал. 90), пребываетъ навсегда огражденъ отъ всѣхъ золъ и бѣдъ, по заповѣди данной Ангеламъ сохранять его невредимымъ на всѣхъ путяхъ жизни. Но въ этомъ спасительномъ огражденіи обрѣтаются только тѣ, которыхъ жизнь сіяетъ цѣломудріемъ и чистотою намѣреній и желаній, и ради таковыхъ подвижниковъ нисходитъ на землю Небесная Сила и Благодать, чудодѣйствующая для прославленія имени Божія въ лицѣ спасаемыхъ.

Кто же въ наши скорбные дни, омрачаемые духомъ отрицанія и невѣрія въ основы Русской жизни въ смыслѣ духовномъ и нравственномъ, кто сподобился быть прославленъ явленіемъ надъ нимъ славы Бога Вышняго?

Отвѣтъ на это даетъ чудотворное событіе 17-го Октября. Оно указало всему 120-ти милліонному Русскому народу и всему міру, что милость и благодать Божія охраняютъ нашего человѣколюбиваго Государя со всѣмъ Его возлюбленнымъ Семействомъ. Совершившееся въ этотъ день чудо укрѣпляетъ вѣру въ сердцахъ вѣрующихъ, разгоняетъ тьму безвѣрія и насаждаетъ сѣмена вѣры въ невѣрующихъ. Совершившееся чудо сближаетъ весь народъ съ Державнымъ Его Вождемъ и сразу вноситъ свѣтъ вѣры въ мысли нашей молодежи, большинство которой погибало въ мракѣ безвѣрія. Совершившееся чудо подымаетъ на высоту духъ всей Россіи и укореняетъ убѣжденіе въ томъ, что душевныя свойства нашего Царя привлекли на Него благодать Божію

и охранили жизнь Царственной Семьи въ то время, когда никакая человѣческая помощь ничего не могла сдѣлать. Совершившееся чудо спасло всю Россію отъ самыхъ неистовыхъ разрушительныхъ событій. Что̀ было бы съ нами, если бы на станціи Борки не уцѣлѣло Царское Семейство, составляющее главу и жизнь Россіи? При одной мысли объ этомъ цѣпенѣетъ умъ, и слово замираетъ на устахъ, теряя силу высказать грозившую для всей Россіи бѣду.

Никто, конечно, не станетъ отрицать, что чудотвореніе 17-го Октября должно быть ознаменовано такимъ дѣйствіемъ, которое бы жило изъ рода въ родъ и своимъ бытіемъ, укрѣпляя вѣру въ Бога, составляло бы тѣсную связь нашихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ съ Царскимъ Престоломъ.

Но вотъ наступилъ второй мѣсяцъ послѣ чудотворенія, и ничего достойнаго великому событію, въ которомъ такъ очевидно проявилось знаменіе Божіяго благоволенія, не образовалось. Пережитое нами чудотвореніе вполнѣ уподобляется, по его ужасу въ началѣ и счастливому исходу въ концѣ, древнимъ библейскимъ чудесамъ, въ которыя въ нашъ растлѣнный вѣкъ мы уже перестаемъ вѣрить.

Когда читаешь подробности крушенія 17-го Октября и входишь въ значеніе тѣхъ страшныхъ секундъ, отъ которыхъ зависѣла жизнь Царя и съ Нимъ вмѣстѣ жизнь всей Россіи, когда воображаешь извлекаемую изъ обломковъ столовой сохраненную Богомъ Царственную Семью, когда устремляешь взоръ на то, что неразрывно съ этими ужасами, Государь и Государыня, въ грязи, подъ дождемъ, безъ верхняго платья, презирая заботу о своемъ здоровьи, начинаютъ ухаживать за ранеными: тогда что̀ ты, Русскій человѣкъ, чувствуешь, что̀ ты слышишь въ своемъ сердцѣ, какія оно слова произноситъ внутри тебя, безъ всякаго сочиненія, а единственно по настроенію души? Слышу твой отвѣтъ. Слова эти: *поемъ Господеви, славно бо прославися.*

Другая картина: Царь, Царица, Наслѣдникъ и все Царское Семейство, на станціи Лозовой, пали ницъ на панихидѣ за убитыхъ, при пѣніи *со святыми упокой!* Какой витія, чей языкъ возмется высказать

то, что̀ при этихъ напѣвахъ «со святыми упокой» чувствовала Царская Семья!

А послѣ панихиды по умершимъ, какое благолѣпіе представляетъ благодарственный Господу Богу молебенъ за избавленіе отъ грозившей смерти и какую картину христіанскаго смиренія являетъ трапеза Царя, посадившаго съ собою за столъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ отъ погрома, сановниковъ и рабочихъ. Тутъ были купно: *Царіе и Князи и убозіи.* Эта картина также не поддается описанію; тутъ видѣнъ въ тѣсномъ соединеніи Царь и человѣкъ, въ такомъ соединеніи, въ какомъ еще ниразу во всей Русской Исторіи не выражался Русскій Царь. Опять слышу въ Русской душѣ тотъ же возгласъ: *поемъ Господеви, славно бо прославися.*

*

Но что̀ же сдѣлали Русскіе люди, чтобы воспрославить явившуюся надъ Царемъ милость Божію? Часовни, кровати въ больницахъ и богадѣльняхъ и сборъ денегъ на С.-Петербургской Биржѣ для поддержанія раззорившихся биржевиковъ, хотя и выражаютъ умилительное настроеніе, но все это слишкомъ слабо, безцвѣтно и невыразительно; все это слишкомъ безсильно для того, чтобы въ теченіи многихъ столѣтій напоминать Россіи о явленіи Небесной Силы 17-го Октября. Вникнемъ въ то, что это былъ день Божественной проповѣди, освѣтившей сразу Русскія поврежденныя сердца и направившей наши мысли на путь истинныхъ воззрѣній. Это былъ день обновленія и возрожденія Россіи, потому что это былъ день явленія на Русской землѣ Божественной славы и силы.

И если мы къ этому великому дню отнесемся такъ слабо, какъ отнеслись до сихъ поръ, и ограничимся только тѣмъ, что̀ сдѣлано, то покроемъ себя стыдомъ безчувствія, скажу болѣе, стыдомъ тупоумія, не умѣющаго запечатлѣть на многія столѣтія явленіе Божественной силы 17-го Октября.

Оканчивая вступительное слово, въ слѣдующей книжкѣ «Русскаго Архива» я изложу мои воззрѣнія относительно того, что̀ бы

слѣдовало сдѣлать. «Русскій Архивъ», собирая на своихъ страницахъ минувшія событія, конечно признаётъ въ чудѣ 17-го Октября глубокое историческое значеніе и потому дастъ мѣсто для статей, которыя могутъ появиться въ видѣ сочувствія и дополненія, или же въ видѣ возраженій. Чѣмъ болѣе явится на мое предложеніе возраженій, тѣмъ болѣе я буду радоваться этому, какъ доказательству того, что патріотическая мысль пробудилась и начала работать, и если явятся предложенія цѣлесообразнѣе и лучше того, которое я намѣренъ высказать, то я охотно перейду на сторону лучшаго.

В. Кокоревъ.

24 Ноября 1888 г.
С.-Петербургъ.

ея освобожденіи. — Польская война.— Командованіе драгунскою дивизіею въ Бѣлгородѣ.—На Кавказѣ.—Аргуани.— Ашультà. — Ахульго. — Его взятіе.— Сынъ Шамиля.—Афоризмы и замѣтки. —Кіевъ.—Деревенская семейная и кабинетная жизнь въ Малороссіи.—Письма къ разнымъ лицамъ. — Жизнь въ Петербургѣ въ 1847 году).

Графиня Е. П. Ростопчина и ея приверженность къ католицизму. **Н. И. Кедрова.**

Изъ Записокъ сенатора **К. Н. Лебедева.** Москва въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія.

Тоже. 1853—1854. (Правосудіе.—Политическія дѣла.—Отзывъ В. А. Шереметева.—Судебные процессы 1853 года. —Канунъ Крымской войны.—Конецъ 1854 года).

Два вечера у графа Д. Н. Блудова. Изъ воспоминаній **В. А. Кокорева.**

Чудовищная сцена въ Ревелѣ. **А. Ч—ва.**

Мелочи (Н. К. Загряжская.—Отзывъ императора Николая Павловича о вооруженіяхъ Россіи).

Изъ записной книжки **Е. И. Раевской** (о врачахъ).

Новое стихотвореніе **Лермонтова** 1841 года.

Фельдмаршалъ князь Барятинскій. Его біографія, написанная **А. Л. Зиссерманомъ.** I—III. (Происхожденіе.— Дѣдъ и отецъ.—Двѣ записки отца о воспитаніи. — Вліяніе матери.—Гувернеръ Дюпанъ.—Москва.—Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ. — Служба кирасиромъ.—Первое появленіе на Кавказѣ.—Рана. — Письмо Колюбакина.— При Наслѣдникѣ Цесаревичѣ. — За границею. — Библіотека Гульянова.— Переписка съ графомъ Вьельгорскимъ. —Свѣтская жизнь въ Петербургѣ).

Тоже. IV—VI (Маіоратъ.— Вторично на Кавказѣ. — Съ Кабардинцами въ Андіи. — Новая рана. — Георгіевскій крестъ.—Поѣздка за границу).

Тоже. VII—XI (Поляки на Кавказѣ.— Хасафъ-Юртъ.—Генералъ Фрейтагъ.— Подъ Гергебилемъ. — Болѣзнь и отпускъ.—Оставленіе Кабардинскаго полка.—Военныя дѣйствія въ Чечнѣ.—Козловскій.—Слѣпцовъ.).

Тоже. XII—XIV. (1851 годъ.—Вторженія Шамиля въ Дагестанъ.—Выходъ къ намъ Хаджи-Мурата.—1852 годъ.—Начальство Лѣвымъ флангомъ.—Дѣйствія въ Большой Чечнѣ.—Истребленіе Автура и Гельдыгена.—Малая Чечня.— Смерть Круковскаго.—Чеченскіе плѣнники. — Хаджи-Муратъ. — Сусловъ.— Вревскій).

Тоже. XV—XVII. (1852-й годъ. Движеніе къ Гельдыгену.—Переправа черезъ Мичикъ.—Вревскій и Вольфъ.— Хаджи-Муратъ. — Батà. — Гибель Хаджи-Мурата.—Управленіе Чеченцами.— Шамиль и Вревскій.—На водахъ въ Старомъ Юртѣ. — Аулъ Гурдали. — Переписка съ княземъ Воронцовымъ.— Взятіе аула Ханкале). XVIII — XIX. (1853—1854 годы. Генералъ-адъютантомъ. — Походъ 1853 года. — Баклановъ. — Письма князя Воронцова.— Просьба о подкрѣпленіи. — Бумага Вольфа.—Начальникомъ штаба. — Начало войны съ Турціей.—Конецъ 1853 года.—Аулъ Шали). Съ портретомъ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ городѣ Касимовѣ въ 1837 году. **А. П. Мансурова.**

Письма князя **П. А. Вяземскаго** въ чужіе края къ А. О. Смирновой о Пушкинѣ, съ примѣчаніями издателя.

Разсказы князя **П. А.** и княгини **В. Ѳ. Вяземскихъ** о Пушкинѣ.

За Пушкина (о стихотвореніи „Эхо"). **И. И. Х.**

Письма **М. Н. Каткова** къ А. Н. Попову. 1843—1857.

Стихотворная шутка **С. А. Соболевскаго** про маіора Врангеля.

Княгиня Е. П. Кочубей. Замѣтка **Бибиковой.**

Острое слово **Ѳ. И. Тютчева.**

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива" въ 1888 году съ доставкою—**девять** руб.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ,** въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ,** Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени".

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ книжнымъ рѣдкостямъ.

„Русскій Архивъ" (годъ двадцать седьмой) будетъ выходить въ **1889** году на прежнихъ основаніяхъ.

Цѣна 9 рублей съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „РУССКІЙ АРХИВЪ“ 1889 года.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

12.

Приложена геліогравюра: Въѣздъ князя А. И. Барятинскаго въ Тифлисъ въ Ноябрѣ 1856 года.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1888.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВЫХЪ ОДИННАДЦАТИ КНИЖЕКЪ
РУССКАГО АРХИВА 1888 ГОДА.

Главныя статьи.

(См. на третьей стр. обложки).

ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ *).

Казанскіе походы.—Основаніе Свіяжска.—Шигъ-Али и Суюнбека.—Присяга Казанцевъ на подданство и внезапная измѣна.—Послѣдній походъ.—Неудачный набѣгъ Крымскаго хана.—Прибытіе Ивана Васильевича подъ Казань и начало осады.—Силы осажденныхъ и осаждающихъ.—Пораженіе Япанчи и поискъ на Арскій Городокъ.—Ненастье и Животворящій крестъ.—Подкопы.—Храбрая оборона Казанцевъ.—Приступъ 2 Октября.—Паденіе Казани и сдача Едигера.—Вступленіе государя въ городъ.—Возвращеніе его въ Москву.—Пиры и награды.—Значеніе Казанскаго взятія.

Кромѣ важныхъ законодательныхъ мѣръ, въ лучшую эпоху Іоаннова царствованія совершилось и самое блистательное дѣло его внѣшней политики, т. е. завоеваніе царства Казанскаго.

Пока на Казанскомъ престолѣ сидѣлъ одинъ изъ злѣйшихъ враговъ Москвы, Крымскій царевичъ Сафа-Гирей, Русскіе предѣлы съ этой стороны испытывали постоянныя тревоги и подвергались частымъ набѣгамъ Казанскихъ Татаръ. Эти хищники, подобно своимъ Крымскимъ соплеменникамъ, старались какъ можно болѣе захватывать плѣнниковъ, которыхъ обращали въ рабство. Многія тысячи мужчинъ и женщинъ Русскихъ или томились въ Казанской неволѣ, обремененные тяжелыми работами на своихъ владѣльцевъ, или отправлялись для той же цѣли въ Среднюю Азію, будучи покупаемы восточными торговцами на Казанскихъ рынкахъ. Во время Іоанновой юности мы видимъ цѣлый рядъ Русскихъ походовъ на Казань съ цѣлью свергнуть Сафа-Гирея и возстановить зависимыя отношенія Казани къ Москвѣ. Весною 1545 года отправлены были на Казань три судовыя рати: главная Волгою, другая изъ Вятки по рѣкамъ Вяткѣ и Камѣ, третья изъ Перми также по Камѣ. Первыя двѣ рати сошлись въ одинъ день подъ Казанью, повоевали ея окрестности, побили много Казанцевъ и благополучно воротились назадъ. А третья опоздала и, пришедши подъ Казань, уже не застала тамъ товарищей; поэтому потерпѣла пораженіе. Однако, вслѣдствіе прихода Русскихъ, ханъ сталъ подозрѣвать многихъ Казанскихъ вельможъ въ измѣнѣ и началъ ихъ казнить, что

*) Изъ третьяго тома «Исторіи Россіи».

повело къ возмущенію. Партія Московская поднялась противъ Крымской, и выгнала Сафа-Гирея. По ея просьбѣ Московское правительство вновь посадило въ Казани Касимовскаго хана Шигъ-Алея. Но послѣдній на сей разъ продержался тамъ не болѣе одного мѣсяца, и едва успѣлъ спастись бѣгствомъ, потому что Крымская партія опять взяла верхъ и снова посадила Сафа-Гирея съ помощью Ногайскихъ Татаръ. Это было въ 1546 г. Зимою слѣдующаго года самъ Іоаннъ выступилъ противъ Казанцевъ; но этотъ его первый личный походъ окончился неудачею. Едва онъ миновалъ Нижній Новгородъ, какъ наступила сильная оттепель, многія пушки и пищали провалились на Волгѣ въ рѣку, много людей потонуло. Іоаннъ съ великимъ огорченіемъ вернулся назадъ. Нѣсколько отрядовъ однако послано было подъ Казань, подъ начальствомъ князей Димитрія Бѣльскаго и Симеона Микулинскаго съ Шигъ-Алеемъ. Они вновь повоевали ея окрестности и воротились; а Казанцы потомъ отомстили набѣгомъ на область Галича Мерскаго или Сѣвернаго.

Только внезапная смерть Сафа-Гирея избавила Россію отъ этого врага, въ Мартѣ 1549 года: по свидѣтельству одного современника, онъ пьяный, умывая себѣ лицо, упалъ и разбилъ голову до мозга. Передъ смертью ханъ назначилъ себѣ преемникомъ двухлѣтняго сына Утемишъ-Гирея подъ опекою его матери Суюнбеки, которая была дочерью Ногайскаго мурзы Юсуфа и самою любимою изъ женъ Сафа-Гирея. (Еще прежде него она была женою его предшественника Еналея). Іоаннъ думалъ воспользоваться наступившимъ въ Казани безнарядьемъ, и слѣдующею зимою (1550 г.) во второй разъ предпринялъ походъ во главѣ своей рати. Впервыя Русскій государь лично явился подъ стѣнами Казани. Но первые приступы были отбиты; межъ тѣмъ наступилъ Февраль мѣсяцъ, и вдругъ лютые морозы опять смѣнились оттепелью, пошли дожди, дороги испортились. Опасаясь недостатка съѣстныхъ припасовъ, царь отступилъ. Такимъ образомъ и второй его походъ окончился неудачею: но онъ оставилъ по себѣ прочный слѣдъ: уходя отъ Казани, Іоаннъ остановился на устьѣ Свіяги, и здѣсь на такъ наз. Круглой горѣ заложилъ основаніе Русской крѣпости, которая должна была впредь служить опорнымъ пунктомъ для нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Казани. Можно даже упрекнуть Московское правительство въ томъ, что послѣ основанія Васильсурска оно доселѣ не позаботилось выдвинуть далѣе внизъ по Волгѣ еще нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ, для облегченія тяжелыхъ и далекихъ походовъ на Востокъ. Но то была смутная эпоха Іоаннова малолѣтства. Построеніе и вооруженіе новаго города, названнаго Свіяжскомъ, совершено лѣтомъ 1551 года Московскими воеводами подъ общимъ на-

чальствомъ Шигъ-Алея. Сюда привезли Волгою бревна, срубленныя въ Угличскомъ уѣздѣ и приготовленныя для кладки городскихъ стѣнъ; однако этихъ бревенъ стало только на половину горы: другую половину нарубили въ окрестныхъ лѣсахъ. Вмѣстѣ со стѣною воздвигли и два храма, во имя Рождества Богородицы и Св. Сергія. Въ новомъ городѣ засѣлъ Русскій гарнизонъ; тутъ стали хранить пушки и всякаго рода военные и съѣстные запасы для будущаго похода большой рати. Вмѣстѣ съ тѣмъ новый городъ, расположенный всего въ 20 верстахъ отъ Казани, отрѣзалъ сію послѣднюю отъ ея западныхъ областей, населенныхъ Чувашами, Мордвою и въ особенности Горными Черемисами. Старшины окрестной горной стороны немедленно начали ѣздить въ Москву и бить челомъ Русскому государю, чтобы онъ воевать ихъ не велѣлъ, а принялъ бы ихъ въ свое подданство. Государь велѣлъ приводить ихъ къ присягѣ и подчинилъ ихъ Свіяжскому воеводѣ, которому они должны были отвозить свой ясакъ или царскую дань; но при семъ на три года освободилъ ихъ отъ уплаты ясака. Слѣдовательно, однимъ построеніемъ этой крѣпости Москва уже пріобрѣтала довольно обширную область и придвигала свою границу почти къ самымъ стѣнамъ Казани. Для испытанія новыхъ подданныхъ, Іоаннъ велѣлъ набрать изъ нихъ ополченіе и послать противъ Казани. Это ополченіе, собранное изъ Черемисъ, Чувашъ и Мордвы, дѣйствительно подошло къ городу и вступило въ битву съ Казанцами и Крымцами, и, хотя было отражено, однако на первый разъ показало свою вѣрность новому правительству. Послѣ того ихъ князья, мурзы и старшины ѣздили въ Москву и получали тамъ отъ царя угощеніе и подарки шубами, конями, оружіемъ и деньгами.

Въ Казани по смерти Сафа-Гирея въ маломъ видѣ повторилось почти тоже явленіе, какое мы видѣли въ Москвѣ по смерти Василія III-го, именно: вдова-правительница съ малолѣтнимъ наслѣдникомъ и съ любимцемъ - вельможею. Наибольшее вліяніе на дѣла пріобрѣлъ отважный Крымскій уланъ (собственно огланъ) Кощакъ, котораго нѣкоторыя извѣстія прямо называютъ сердечнымъ другомъ царицы Сумбеки. Ему даже приписывали намѣреніе умертвить маленькаго Утемишъ-Гирея, жениться на царицѣ и самому сѣсть на Казанскій престолъ. Но когда въ виду Казани возникла Московская крѣпость, въ ней засѣлъ не разъ бывшій Казанскимъ царемъ Шигъ - Алей, и къ нему начали уходить многіе недовольные Казанскіе вельможи: тогда въ Казани произошли раздоры и смуты. Противная Крымцамъ сторона взяла верхъ и угрожала выдать ихъ вмѣстѣ съ Кощакомъ въ руки Московскихъ воеводъ. Кощакъ и Крымцы, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, бѣжали изъ Казани вверхъ по Камѣ. Но на главныхъ путяхъ и

перевозахъ уже стояли сильныя Московскія заставы изъ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и козаковъ. Уклоняясь отъ встрѣчи съ Московскою стражей на Камѣ, Крымцы вошли въ рѣку Вятку; но тутъ поджидала ихъ другая застава, именно воевода Зюзинъ съ Вятчанами; онъ внезапно напалъ на бѣглецовъ и большую часть ихъ побилъ, а часть взялъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Коцакомъ и отослалъ ихъ въ Москву. Тамъ изъ нихъ болѣе сорока человѣкъ были казнены, въ ихъ числѣ и Коцакъ, который, по словамъ одного источника, не захотѣлъ купить себѣ прощеніе принятіемъ христіанства. Казанцы послѣ того отправили въ Москву посольство, съ старшимъ муллою («Кулъ-шерифъ-молнною»), прося прекратить войну и дать имъ снова на царство Шигъ-Алея. Іоаннъ исполнилъ ихъ просьбу, но подъ условіемъ, чтобы Казанцы выдали всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ и царицу Суюнбеку съ сыномъ. Изъ Москвы прибылъ царскій любимецъ Алексѣй Адашевъ, торжественно посадилъ въ Казани Шигъ-Алея и вывелъ отсюда освобожденныхъ Русскихъ плѣнниковъ; говорятъ, число ихъ простиралось до 60.000 человѣкъ.

Еще прежде чѣмъ Шигъ-Алей вступилъ въ Казань, изъ нея увезли Суюнбеку съ Утемишъ-Гиреемъ, а также женъ и дѣтей тѣхъ Крымцевъ, которые бѣжали съ Коцакомъ. Въ одномъ современномъ сочиненіи находимъ украшенный разсказъ объ ея отъѣздѣ и прощаньи съ Казанью. По этому разсказу, царица, узнавъ о томъ, что Шигъ-Алей хотѣлъ немедля взять ее въ число своихъ женъ, будто бы прислала ему въ подарокъ сначала отравленныя яства и напитокъ, а потомъ таковую же сорочку; но хитрый ханъ предварительно испыталъ дѣйствіе на собакѣ, которая тотчасъ околѣла, а сорочку надѣлъ на человѣка, приговореннаго къ смерти, и тотъ немедля умеръ. Тогда Шигъ-Алей рѣшилъ отослать Суюнбеку въ Москву. Князь Василій Серебряный съ отрядомъ стрѣльцовъ внезапно явился въ ханскій дворецъ, заключилъ царицу подъ стражу, а царскую казну переписалъ и напередъ отправилъ въ лодкахъ въ Москву. Когда же наступилъ часъ отъѣзда для самой Суюнбеки, она упросила воеводу, чтобы онъ позволилъ ей войти въ мечеть, гдѣ былъ погребенъ Сафа-Гирей. Тутъ она съ воплемъ упала на его гробницу и въ поэтическихъ выраженіяхъ стала причитать, жалуясь на свою горькую судьбу. Затѣмъ прислужники и рабыни взяли ее подъ руки и посадили въ колымагу. Весь Казанскій народъ, мужи и жены, проводили царицу и ея сына до берега Казанки, гдѣ ожидалъ ее царскій стругъ, богато украшенный, съ свѣтлымъ позолоченнымъ теремцомъ посрединѣ. Въ другихъ стругахъ помѣщалась стража. Садясь въ стругъ, царица поклонилась народу,

который отвѣчалъ ей поклономъ въ землю. Казанскіе вельможи проводили ее до самаго Свіяжска.

Шигъ-Алей сѣлъ на Казанскомъ престолѣ подъ охраною дружины изъ своихъ Касимовскихъ Татаръ и Московскихъ стрѣльцовъ. Въ Москвѣ повидимому надѣялись съ его помощью поставить Казанское царство въ такое же подчиненное отношеніе, въ какомъ находилось ханство Касимовское; но событія скоро показали, что тутъ отношенія были другія. Не смотря на торжественныя клятвы и шертныя грамоты, утвердившія условія мира съ Москвою въ Августѣ (1551 г.), уже въ Сентябрѣ (1552 г.) начинается отъ Шигъ-Алея рядъ посольствъ на Москву съ просьбою, чтобы государь пожаловалъ его Горнюю Черемисою, потому что Казанцы очень недовольны потерею этой области, волнуются и затѣваютъ новыя крамолы. Въ тоже время Свіяжскіе воеводы доносятъ царю, что Казанцы не исполнили главнаго условія: освобожденія всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ; многихъ попрятали и держатъ ихъ въ тѣснотѣ, а Шигъ-Алей не настаивалъ на исполненіи условія, опасаясь еще большихъ волненій. Иванъ Васильевичъ шлетъ Казанскому царю и вельможамъ богатые подарки и строго подтверждаетъ свое требованіе о выдачѣ всѣхъ плѣнныхъ, а на просьбы объ отдачѣ Горныхъ Черемисъ отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ. Въ Казани Шигъ-Алей дѣйствуетъ съ обычною своею жестокостью и жадностью: узнавъ, что часть вельможъ сносится съ Ногаями и умышляетъ на его жизнь, онъ зазвалъ ихъ къ себѣ на пиръ и тутъ велѣлъ всѣхъ перебить; погибло до 70 заговорщиковъ, остальные разбѣжались. Но послѣ того положеніе его еще ухудшилось, ибо волненія и не любовь къ нему народа усилились. Отъ Ивана Васильевича вновь пріѣхалъ Алексѣй Адашевъ и началъ склонять Шигъ-Алея къ тому, чтобы онъ *укрѣпилъ городъ Русскими людьми*, т. е. чтобы впустилъ въ Казань Русскій гарнизонъ. На это предложеніе ханъ далъ слѣдующій отвѣтъ: «Я мусульманинъ и не хочу стать противъ своей вѣры, но не хочу также измѣнить государю; кромѣ него мнѣ уѣхать некуда; но прежде чѣмъ уѣду отсюда, постараюсь еще извести лихихъ людей, испорчу пушки, пищали и порохъ; тогда пусть государь приходитъ самъ и промышляетъ». Спустя нѣсколько времени, онъ такъ и сдѣлалъ. Узнавъ, что Казанскіе вельможи ссылаются съ Москвою и просятъ взять отъ нихъ Шигъ-Алея и прислать своего намѣстника, ханъ въ Мартѣ выѣхалъ изъ города подъ предлогомъ ловить рыбу на озерѣ, причемъ взялъ съ собою многихъ Казанскихъ князей и мурзъ и всѣ пять сотенъ Московскихъ стрѣльцовъ. Но вмѣсто рыбной ловли онъ пріѣхалъ въ Свіяжскъ и выдалъ воеводамъ захваченныхъ имъ вельможъ, числомъ 84 человѣка.

Главный Свіяжскій воевода князь Семенъ Микулинскій послалъ къ Казанскимъ начальнымъ людямъ съ грамотами, объявляя, что царь исполняетъ ихъ челобитье: Шигъ-Алея отъ нихъ сводитъ и назначаетъ туда его, князя Семена, намѣстникомъ; а потому звалъ ихъ въ Свіяжскъ для присяги. Казанцы изъявили готовность, и дѣйствительно лучшіе люди стали пріѣзжать для присяги въ Свіяжскъ, а въ Казань прибылъ стрѣлецкій голова Черемисиновъ съ толмачемъ и началъ отбирать присягу отъ народа. Уже въ Казани дѣлались приготовленія къ пріему намѣстника и его свиты; уже намѣстникъ прислалъ свой обозъ подъ прикрытіемъ нѣкотораго числа дѣтей боярскихъ, казаковъ и 72 пищалей; а самъ онъ двинулся къ Казани съ войскомъ, съ воеводами Иваномъ Шереметовымъ, княземъ Серебрянымъ, княземъ Ромодановскимъ, и готовился мирно, торжественно вступить въ Казань. Вдругъ все измѣнилось. Когда воеводы приблизились, Казанцы поспѣшно затворяли городскіе ворота, хватали оружіе и занимали стѣны. Русская лѣтопись приписываетъ эту внезапную перемѣну тремъ вельможамъ Казанскимъ, князьямъ Исламу и Кебеку и мурзѣ-Аликею. Они были въ числѣ захваченныхъ Шигъ-Алеемъ противныхъ ему вельможъ. Но воеводы оплошали, повѣрили ихъ увѣреніямъ и позволили имъ напередъ себя ѣхать въ городъ. А эти люди, прискакавъ въ городъ, начали кричать, что Русскіе хотятъ побить весь народъ, о чемъ они будто слышали отъ самого Шигъ-Алея и его Касимовскихъ Татаръ. Это была искра, брошенная въ порохъ. И безъ того наиболѣе ревностные Казанскіе мусульмане, возбуждаемые своими муллами, съ ненавистью смотрѣли на водворявшееся у нихъ господство христіанской Москвы, когда-то покорной Татарской данницы. При такомъ настроеніи понятно, что нелѣпая вѣсть о предстоящемъ избіеніи подняла весь народъ, и онъ всталъ какъ одинъ человѣкъ. Тщетно воеводы вступали въ переговоры, уговаривали Казанцевъ не вѣрить лихимъ людямъ и предлагали дать новую присягу. Постоявъ дня полтора около стѣнъ, воеводы воротились въ Свіяжскъ и медлили начать военныя дѣйствія въ ожиданіи указа. Захваченныхъ прежде Казанскихъ вельможъ они посадили въ тюрьмы, но нѣкоторые изъ нихъ успѣли спастись бѣгствомъ. А Казанцы не только задержали пришедшихъ съ обозомъ дѣтей боярскихъ и казаковъ, но потомъ и перебили ихъ. Чтобы добыть себѣ царя, они послали въ Ногайскіе улусы и взяли оттуда Астраханскаго царевича Едигера. Этотъ Едигеръ, повидимому, незадолго до того нѣкоторое время находился въ Россіи въ числѣ Татарскихъ служилыхъ князей и участвовалъ въ походѣ на Казань 1550 года, слѣдовательно былъ знакомъ съ Московскими порядками и опытенъ въ воинскомъ дѣлѣ.

Весна 1552 года была временемъ испытанія для Московскаго правительства. Послѣ измѣны и возстанія Казанскихъ Татаръ, съ той стороны приходили все неутѣшительныя извѣстія. Такъ Горная Черемиса, подущаемая Казанцами, отложилась отъ Москвы и снова перешла на ихъ сторону. Непріятели уже имѣли нѣсколько удачныхъ встрѣчъ съ Москвитянами и истребили нѣсколько Русскихъ отрядовъ. Московская стража, разставленная на перевозахъ по Вяткѣ и Камѣ, не устерегла царевича Едигера: онъ успѣлъ переправиться черезъ Каму, благополучно пришелъ въ Казань и сѣлъ на ея престолѣ. Въ тоже время въ войскѣ, занимавшемъ Свіяжскъ, открылась сильная цынготная болѣзнь, отъ которой много умирало людей. Къ вящему горю, царю и митрополиту донесли, что въ этомъ войскѣ свирѣпствуетъ ужасный развратъ, вслѣдствіе скопившагося тамъ большаго числа освобожденныхъ изъ Казани плѣнницъ; что многіе даже предаются Содомскому грѣху и кромѣ того брѣютъ бороды, чтобы нравиться женщинамъ. Противъ такого бѣдствія царь и митрополитъ немедленно приняли мѣры. Въ соборномъ Успенскомъ храмѣ отслужили торжественное молебствіе, освятили воду надъ мощами святыхъ, послѣ чего отправили въ Свіяжскъ Архангельскаго протопопа Тимоѳея, съ святою водою для окропленія города и съ посланіемъ къ его жителямъ отъ митрополита Макарія. Въ семъ посланіи митрополитъ увѣщевалъ воиновъ крѣпко стоять за вѣру, блюсти чистоту духовную и тѣлесную, избѣгать «пустошныхъ бесѣдъ» и «срамныхъ словесъ», блуда и содоміи, а также не «класть бритву на брады своя», «поне же сіе дѣло есть Латынскія ереси». Этими грѣхами посланіе объясняло постигшія насъ неудачи и болѣзни, и грозило царскою опалою и церковнымъ отлученіемъ, если люди не покаятся и не исправятся.

Между тѣмъ въ Москвѣ шли дѣятельныя приготовленія къ большому походу. Въ созванной царемъ усиленной боярской думѣ много было разныхъ рѣчей о томъ, идти ли самому государю. Нѣкоторые совѣтовали ему остаться, чтобы беречь государство отъ Крымской орды и отъ Ногаевъ; но царь склонился на сторону противнаго мнѣнія и рѣшилъ лично вести рати на Казань. Всѣми овладѣла мысль, что это долженъ быть послѣдній походъ, что пора покончить съ такимъ вѣроломнымъ и непримиримымъ врагомъ. Начальство надъ ратями царь распредѣлилъ такимъ образомъ: воеводою большаго полка назначилъ князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, а товарищемъ ему князя Михаила Ивановича Воротынскаго; передовой полкъ поручилъ князьямъ Ивану Турунтаю-Пронскому и Димитрію Хилкову; сторожевой князю Василію Серебряному да Семену Шереметеву; правую руку князьямъ Петру Щенятеву и Андрею Курбскому; лѣвую руку князю Димитрію

Микулинскому и Димитрію Плещееву. Въ своемъ собственномъ полку онъ поставилъ воеводами князя Владимира Воротынскаго и Ивана Шереметева. Кромѣ того онъ призвалъ вновь Шигъ-Алея съ его вспомогательнымъ отрядомъ Касимовскихъ Татаръ. Въ это время по просьбѣ Шигъ-Алея царь отдалъ ему въ жены извѣстную Казанскую царицу Суюнбеку, вдову его брата Еналея и Сафа-Гирея. По всей вѣроятности царь пристроилъ такимъ образомъ Суюнбеку, чтобы не выпускать ея изъ Московскаго государства; ибо отецъ ея Ногайскій мурза Юсуфъ прислалъ къ царю съ просьбою отпустить его дочь-вдову въ ея родные улусы. Обидѣть простымъ отказомъ и возбудить противъ Москвы сильнаго Ногайскаго мурзу царь не хотѣлъ; а отвѣчалъ ему, что она уже сдѣлалась женою Шигъ-Алея. Сей послѣдній, хорошо знавшій Казанскую страну, не совѣтовалъ Іоанну вести войну въ лѣтнюю пору, ссылаясь на лѣса, озера и болота, и говорилъ, что зимою тамъ удобнѣе воевать, когда всѣ пути свободны. Но государь отвѣчалъ, что было бы слишкомъ долго медлить до зимы, что война уже началась, большой нарядъ и запасы уже отправлены Волгою къ Свіяжску, что въ Божьей волѣ и непроходимыя мѣста сдѣлать проходимыми. Впрочемъ мы видѣли, какъ въ предыдущіе оба похода Іоаннъ былъ обманутъ разсчетомъ на зимнее время.

Рано утромъ 16 Іюня 1552 года Іоаннъ простился съ своею супругою Анастасіей, въ то время беременной, помолился въ Успенскомъ соборѣ, взялъ благословеніе у митрополита и, сѣвъ на коня, выступилъ въ походъ, по направленію черезъ Коломну въ Муромъ, а оттуда къ Свіяжску. Москву онъ поручилъ охранять брату своему Юрію и митрополиту Макарію. Въ селѣ Коломенскомъ была первая остановка для обѣда. Въ селѣ Островѣ былъ первый ночлегъ. Но тутъ вдругъ прискакалъ одинъ станичникъ (казакъ) гонцомъ изъ Путивля съ извѣстіемъ о скоромъ приходѣ Крымской орды на Сѣверскую или на Рязанскую украйну. То, чего опасались въ Москвѣ и на что указывали люди, совѣтовавшіе отложить походъ до зимы, повидимому оправдалось, т. е. приходилось за разъ воевать съ Казанью и съ Крымомъ.

Вѣсти о крайней опасности, грозившей Казанскому царству, распространились по мусульманскимъ странамъ и производили въ нихъ сильное впечатлѣніе. Турецкій султанъ, знаменитый Солиманъ Великолѣпный, принялъ близко къ сердцу эти вѣсти и, будучи самъ не въ состояніи воевать Москву по ея отдаленности, старался вооружить противъ нея всѣ Татарскія орды восточной и южной Россіи. Онъ посылалъ грамоты въ Астрахань и къ Ногаямъ, призывая ихъ соединиться съ Крымскимъ ханомъ противъ Москвитянъ. Но Астрахань въ то время была безсильна; Ногаи, раздѣленные между разными князь-

ями, не были способны къ дружному и быстрому образу дѣйствій Только новый Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, племянникъ и преемникъ Саипъ-Гирея, посаженный на престолъ Солиманомъ, показывалъ усердіе къ исполненію его воли и получилъ отъ него на помощь пушки и янычаръ. Онъ разсчитывалъ напасть на южные Московскіе предѣлы въ то время, когда царь съ главными силами находился уже далеко на Востокѣ и, угрожая самой Москвѣ, думалъ отвлечь Русскихъ отъ Казани. Но разсчетъ его оказался ошибочнымъ, и замедленіе Русскаго похода на сей разъ было кстати—наши главныя силы только начали свое выступленіе. Повидимому и самое это замедленіе произошло въ связи съ опасеніемъ или предвидѣніемъ Крымскаго набѣга.

Получивъ вѣсть о Крымцахъ, Іоаннъ продолжалъ свой походъ къ Коломнѣ, а между тѣмъ велѣлъ полкамъ спѣшить къ Окѣ, занять главныя переправы и приготовиться къ бою. Въ Коломну къ нему прискакалъ гонецъ изъ Тулы съ извѣстіемъ, что Крымцы показались около сего города, но не въ большомъ числѣ. Царь не медля велѣлъ спѣшить къ Тулѣ изъ Каширы правой рукѣ съ князьями Щенятевымъ и Курбскимъ, отъ Ростиславля (Рязанскаго) передовому полку съ Турунтаемъ-Пронскимъ и Хилковымъ, отъ села Колычева (близъ Коломны) части большаго полку съ княземъ Михаиломъ Воротынскимъ, а за ними и самъ готовился идти съ остальными войсками. Распоряженія эти оказались удачны; ибо черезъ день прискакалъ новый гонецъ съ извѣстіемъ, что Крымскій ханъ со всею своею силою, съ Турецкими пушками и янычарами осадилъ Тулу; узнавъ о присутствіи Московскихъ полковъ на берегахъ Оки, онъ остановился и повернулъ назадъ; но чтобы не придти въ Крымъ съ пустыми руками, хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять и разграбить стоявшій на его дорогѣ украинный городъ Тулу. 22 Іюня Девлетъ-Гирей весь день приступалъ къ городу и стрѣлялъ по немъ калеными ядрами, отъ которыхъ во многихъ мѣстахъ произошелъ пожаръ, а янычары пытались влѣзть на стѣны. Въ Тулѣ тогда оставалось мало военныхъ людей, потому что большая часть ушла въ Казанскій походъ; но воевода князь Григорій Темкинъ мужественно встрѣтилъ нападеніе. горожане вмѣстѣ съ военными людьми стояли на стѣнахъ и храбро отражали приступы. На слѣдующій день осажденные увидали вдали облако пыли и догадались, что то идетъ помощь отъ царя. Воодушевленные тѣмъ, они сдѣлали отчаянную и удачную вылазку, въ которой принимали участіе даже женщины и дѣти. Въ слѣдующую ночь стража Татарская донесла хану о приближеніи большаго Русскаго войска. Онъ подумалъ, что самъ Іоаннъ пришелъ съ главными силами и обратился въ бѣгство. Подошедшіе поутру князья Щенятевъ и Курбскій уже не застали Татаръ подъ Тулою; имъ пришлось встрѣтить и по-

разить только тѣ отряды, которые были распущены въ загоны и возвращались къ Тулѣ, не зная о бѣгствѣ хана. Затѣмъ нѣкоторые Московскіе воеводы пустились въ погоню за ханомъ, нагнали его и побили на рѣчкѣ Шиворонѣ. Въ этихъ стычкахъ не только было отбито назадъ много Русскаго полону, но и захваченъ самый обозъ ханскій со множествомъ телѣгъ и верблюдовъ и его Турецкія пушки. Такъ неудачно окончилось предпріятіе Девлетъ-Гирея и такъ счастливо начался третій и послѣдній походъ Іоанна на Казань. Радостные вѣстники поскакали изъ Коломны отъ царя на Москву къ царицѣ и митрополиту, а также въ Свіяжскъ къ стоявшимъ тамъ воеводамъ.

Покончивъ съ Крымскимъ набѣгомъ, Іоаннъ устраивалъ въ Коломнѣ дальнѣйшее движеніе своихъ полковъ на Казань. Но тутъ обнаружился вдругъ ропотъ въ нѣкоторыхъ частяхъ войска, а именно: Новгородскіе дѣти боярскіе били челомъ государю, что они уже сослужили государеву службу въ походѣ на Крымцевъ, а теперь ихъ посылаютъ въ дальній путь, подъ Казань, гдѣ придется долго стоять. Волненіе, вызванное такою просьбою, было опасно, ибо могло распространиться и на другія части войска. Государь или его умные совѣтники нашлись: велѣно было составлять списки тѣмъ, кто желаетъ остаться и кто хочетъ идти подъ Казань; послѣднихъ государь будетъ жаловать, заботиться объ ихъ прокормленіи, а также награждать ихъ помѣстьями. Когда дошло до переписи, то несогласныхъ почти не оказалось: всѣ изъявили охоту идти за государемъ. Кромѣ надежды на царскія награды и пожалованія, очевидно тутъ подѣйствовало и общее одушевленіе, которое тогда овладѣло Русскимъ народомъ при мысли покончить съ исконнымъ, хищнымъ врагомъ своей народности и православной вѣры. Со времени Куликовской битвы борьба съ Татарами пріобрѣла на Руси значеніе крестовыхъ походовъ и пользовалась наибольшимъ народнымъ сочувствіемъ.

Часть войска, именно большой полкъ, передовой и правую руку государь послалъ на Востокъ чрезъ Рязанскую область и Мещеру; а съ остальными полками самъ пошелъ изъ Коломны на Владиміръ-Залѣсскій и Муромъ. Во Владимирѣ въ Рождественской обители онъ молился надъ гробомъ своего святаго предка Александра Невскаго, а въ Муромѣ надъ мощами князя Петра и княгини Ѳевроніи. Во Владимирѣ встрѣтилъ его протопопъ Тимоѳей съ извѣстіемъ, что въ Свіяжскѣ онъ съ мѣстными священниками совершилъ крестный ходъ вокругъ города и кропилъ святою водою по всему городу, послѣ чего свирѣпствовавшій тамъ моръ утихъ. Въ Муромѣ царь получилъ отъ митрополита Макарія пространную грамоту, въ которой тотъ вмѣстѣ со всѣмъ освященнымъ соборомъ посылалъ царю и всему воинству

благословеніе на брань съ врагами и напоминалъ ему подвиги его предковъ. Въ Муромѣ онъ вызвалъ подручника своего Касимовскаго хана Шигъ-Алея и отправилъ его съ частью войска на судахъ Окою и Волгою. Самъ же переправилъ полки за Оку, и въ половинѣ Іюля двинулся далѣе къ Свіяжску сухимъ путемъ, выслалъ впередъ легкій конный отрядъ или такъ называемый яртоулъ подъ начальствомъ князей Шемякина и Троекурова; а за ними послалъ посошныхъ людей, которые должны были наводить мосты на рѣчкахъ и на ржавцахъ и вообще пріуготовлять пути царю и бывшему съ нимъ войску, т.-е. собственной царской дружинѣ, сторожевому полку и лѣвой рукѣ. Во время пути къ Іоанну присоединились нѣкоторые служилые князья и мурзы съ Городецкими (Касимовскими) и Темниковскими Татарами и съ Мордвою. Этотъ путь пролегалъ то густыми лѣсами, то дикими полями; множество лосей и всякой дичи въ лѣсахъ и обиліе рыбы въ рѣкахъ представляли войску средства пропитанія во время похода. Не доходя немного рѣки Суры, съ царскимъ войскомъ сблизились помянутые выше полки, шедшіе южнѣе и заслонявшіе его отъ внезапнаго нападенія Заволжскихъ или Ногайскихъ Татаръ, котораго по обстоятельствамъ того времени можно было опасаться. Переправясь за Суру, Русскіе полки вступили въ землю Чувашъ и Горныхъ Черемисъ. Уже прежде по пути встрѣчали царя гонцы отъ Свіяжскихъ воеводъ съ вѣстями объ удачныхъ поискахъ надъ возмутившимися Горными Черемисами и о новомъ приведеніи ихъ въ покорность. Теперь же, при видѣ великой Русской рати, мѣстные Черемисы, Чуваши и Мордва показывали даже преданность Московскому царю; старшины ихъ приходили къ нему съ поклонами, приносили хлѣбъ, медъ, быковъ и говядину частію въ даръ, а частію продавали; воины, долгое время въ проголодь питавшіеся охотою, съ радостью ѣли Черемискій хлѣбъ, который показался имъ теперь вкуснѣе родныхъ калачей, по замѣчанію одного участника похода (князя Курбскаго).

Когда государь приблизился къ Свіяжску, на встрѣчу ему вышли съ прибывшими напередъ, Волгою, отрядами воеводы князь Александръ Горбатый, Семенъ Микулинскій, Петръ Серебряный, Данило Романовичъ Юрьевъ, Өедоръ Адашевъ и др. Кромѣ Русскаго войска тутъ было и ополченіе, вновь набранное изъ Черемисъ, Чувашъ и Мордвы. 13-го Августа Іоаннъ вступилъ въ городъ, молился въ храмѣ Рождества Богородицы, а затѣмъ расположился станомъ на лугу подъ Свіяжскомъ. Воины праздновали окончаніе своего долгаго и утомительнаго похода и наслаждались изобиліемъ съѣстныхъ припасовъ, которые были привезены Волгою на судахъ вмѣстѣ съ пушками и военными

снарядами. Въ Свіяжскъ пріѣхало и много купцовъ съ товарами, такъ что всего можно было достать.

Прежде нежели приступить къ осадѣ Казани, царь пытается увѣщаніями склонить ее къ покорности. Для этого Шигъ-Алей посылаетъ отъ себя грамоту къ Едигеру-Махмету, происходившему съ нимъ изъ одного рода (Кучукъ-Магометова); а Іоаннъ отправляетъ грамоты къ Кулъ-шерифъ-моллѣ и ко всѣмъ Казанцамъ, требуя отъ нихъ, чтобы исправили свои вины и били бы ему челомъ. Эти грамоты Казанцы оставили безъ отвѣта; а Едигеръ отвѣчалъ потомъ хану Шигъ Алею браннымъ посланіемъ съ хулою на Русскаго царя и называлъ хана предателемъ за то, что, будучи мусульманиномъ, служитъ христіанамъ.

16-го Августа Русскія войска начали постепенно переправляться на луговую сторону Волги и выгружать изъ судовъ пушки и всякіе военные запасы, а спустя недѣлю они уже обступали Казань. Около этого времени одинъ изъ Казанскихъ вельможъ, именно Камай-мурза, тайкомъ ушелъ изъ города со своими близкими и передался Іоанну. Этотъ человѣкъ оказался очень полезенъ Русскимъ своею опытностью и своими свѣдѣніями. Отъ него царь между прочимъ узналъ, что Казанцы собрали большіе запасы продовольствія и приготовились къ отчаянной защитѣ; что во главѣ самыхъ упорныхъ противниковъ Москвы, кромѣ Едигера, стоятъ Кулъ-шерифъ-молла и кадій, Зейненъ князь Ногайскій, князья (беки) и мурзы Чапкунъ, Исламъ, Аликей, Кебекъ, Дербышъ, Япанча и пр. Всего войска для своей обороны Казанцы собрали отъ 50 до 60 тысячъ. Въ томъ числѣ находилось около 2500 всадниковъ, присланныхъ на помощь изъ Ногайской орды, и нѣсколько вспомогательныхъ отрядовъ, набранныхъ между луговыми Черемисами и другими народцами Казанскаго царства. Кромѣ того, почти всѣ Казанскіе граждане и духовныя лица также взялись за оружіе. Едигеръ довольно умно распорядился своими силами. Отборную половину войска онъ оставилъ въ городѣ для обороны стѣнъ; а другую половину, и преимущественно конницу, скрытно расположилъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, въ лѣсныхъ засѣкахъ для того, чтобы дѣйствовать въ тылъ осажденныхъ; эта внѣшняя часть войска находилась подъ начальствомъ храбраго наѣздника Япанчи.

Городъ Казань расположенъ на лѣвой, луговой сторонѣ Волги: онъ отдѣленъ отъ этой рѣки низменной полосой, имѣющей верстъ шесть или семь въ ширину, и возвышается на холмистомъ берегу рѣчки Казанки, впадающей въ Волгу, въ углу, который заключается между этимъ берегомъ и Булакомъ; послѣднимъ именемъ называется тинистый протокъ, идущій изъ озера Кабана въ Казанку. Крутые берега Казанки и Булака, съ трехъ сторонъ огибающіе городъ, представляли

естественную его защиту: а съ четвертой стороны тамъ, гдѣ простиралось такъ называемое Арское поле, проведенъ былъ глубокій ровъ съ валомъ. Стѣны города сдѣланы изъ широкихъ дубовыхъ срубовъ, набитыхъ землею, и мѣстами вооружены пушками и пищалями. Самую вершину угла, образуемаго Казанкою и Булакомъ, занималъ особо огражденный царскій дворъ съ нѣсколькими высокими каменными мечетями, въ которыхъ находились ханскія гробницы. Тутъ же на Казанку выходили двое городскихъ воротъ, именно Муралеевы и Элбугины, а на Булакъ Тюменскіе; со стороны Арскаго поля шли ворота: Арскіе, Царевы, Ногайскіе, Крымскіе и Аталыковы.

Русскіе полки окружили Казань въ такомъ порядкѣ. Со стороны Волги на такъ называемомъ Царевомъ лугу расположились станомъ самъ Іоаннъ и его двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ съ царскимъ отборнымъ полкомъ, состоявшимъ преимущественно изъ дѣтей боярскихъ, которые представляли лучшую и наиболѣе исправно вооруженную конницу. Впереди его по Булаку, т.-е. ближе къ городу, стала лѣвая рука, на устьѣ Булака сторожевой полкъ, а за Казанкой противъ помянутой верхней части города расположилась правая рука. Въ противуположной ей сторонѣ, т.-е. на Арскомъ полѣ, отъ Булака сталъ большой полкъ; за нимъ далѣе къ рѣкѣ Казанкѣ передовой; а на берегу Казанки связью между этимъ полкомъ и правой рукой служилъ легкій конный отрядъ или яртоулъ. Первое столкновеніе произошло въ то время, когда Русскіе двинулись занимать свои мѣста на Арскомъ полѣ. Навели мосты чрезъ тинистый Булакъ; по нимъ первый пошелъ передовой яртоульный отрядъ, заключавшій тысячъ семь конницы и пѣшихъ стрѣльцовъ подъ начальствомъ князей Пронскаго и Львова. Доселѣ городъ казался пустымъ; никого не было ни видно, ни слышно: такъ притаились его защитники. Но въ ту минуту, когда Русскій отрядъ, перейдя Булакъ, сталъ подниматься на высокій холмъ, лежавшій между городомъ и озеромъ Кабаномъ, отворились городскіе ворота (вѣроятно Аталыковы), и толпа конныхъ и пѣшихъ Татаръ бросилась на нашъ отрядъ. Сей послѣдній въ началѣ было замѣшался отъ неожиданнаго удара; но межъ тѣмъ успѣла перейти Булакъ остальная часть яртоула, которымъ начальствовали князья Шемякинъ и Троекуровъ; по приказу государя (а безъ этого приказа было запрещено вступать въ битву), они подкрѣпили сражавшихся дѣтьми боярскими и стрѣльцами, и непріятель съ большимъ урономъ былъ отброшенъ въ городъ. Послѣ того полки постепенно заняли назначенныя имъ мѣста

Осада началась по всѣмъ правиламъ Русскаго осаднаго искусства того времени. Главнымъ правиломъ этого искусства было тѣсное

обложеніе города, такъ чтобы никто не могъ ни войти, ни выйти изъ него. Для сего осаждающіе копали кругомъ ровъ и валъ, на удобныхъ возвышенныхъ пунктахъ, особенно противъ городскихъ воротъ, ставили пушки, закрытыя турами, т.-е. большими плетенками изъ хвороста, наполненными землею; а мѣста низменныя забирали тыномъ или частоколомъ. Поэтому царь заранѣе распорядился, чтобы всякій человѣкъ въ его войскахъ приготовилъ по бревну для тына, а всякій десятокъ сдѣлалъ по одному туру. Артиллерія наша или *нарядъ* состояла изъ большихъ осадныхъ пушекъ (*дѣлъ*) и изъ *пищалей*. Осадныя пушки были собственно мортиры, бросавшія въ крѣпость большія каменныя ядра и потому называвшіяся «верховыми»; были и меньшаго размѣра, но очень длинныя, которыя стрѣляли калеными ядрами и зажигали дома, почему именовались «огненными». Подъ словомъ «пищаль» разумѣлась собственно малая пушка или большое крѣпостное ружье, стоявшее на станкѣ, длиною достигавшее сажени и болѣе. Такая пищаль называлась «затинная»; она стрѣляла желѣзными ядрами. Самыя легкія пищали носились на ремнѣ за плечами и назывались «ручницами», потомъ «ружьями»; изъ нихъ стрѣляли съ сошекъ; ими вооружены были стрѣльцы. Число осадныхъ пушекъ и большихъ пищалей, выставленныхъ противъ Казани, простиралось до 150. Затѣмъ Іоаннъ имѣлъ у себя Нѣмецкихъ инженеровъ, прозванныхъ у насъ «размыслами», которые могли дѣлать подкопы подъ крѣпость и взрывать стѣны. Все число осаднаго Русскаго войска съ вспомогательными отрядами инородцевъ, по лѣтописямъ, простиралось до полутороста тысячъ.

За первою помянутою вылазкой Казанцевъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ, такъ что устройство туровъ вокругъ города и вооруженіе ихъ пушками сопровождалось частыми битвами; обыкновенно пока одна часть рати трудилась надъ этимъ дѣломъ, другая часть въ это время отбивала нападеніе Татаръ, старавшихся мѣшать осаднымъ работамъ. Но мало по малу работы эти были окончены; почти противъ каждыхъ городскихъ воротъ со стороны осаждавшихъ воздвигнуты были орудія, закрытыя турами и защищенныя стрѣльцами и казаками, которые впереди ихъ вырыли для себя ровики или шанцы. Около городскихъ стѣнъ на устьѣ Булака стояла каменная баня, называвшаяся Даирова; ее захватили Русскіе казаки и сдѣлали изъ нея родъ форта для дѣйствія противъ осажденныхъ. Когда осадныя работы были окончены, Русскія орудія начали усердно обстрѣливать городъ, и хотя, по своему тогдашнему несовершенству, сравнительно мало причиняли вреда непріятелю, однако держали его въ страхѣ и производили пожары. Осажденные отвѣчали изъ своихъ пушекъ и пищалей,

а также изъ луковъ, но еще съ меньшимъ успѣхомъ. За то въ это время обнаруживалась для нихъ вся польза войска, оставленнаго внѣ города и расположеннаго въ лѣсныхъ засѣкахъ. Русскіе полки, оградивъ себя турами, частоколами и рвами со стороны крѣпости, имѣли открытый тылъ, и вотъ начались частыя нападенія на нихъ съ тыла изъ сосѣднихъ лѣсовъ: изъ Арскаго лѣса нападала конница Япанчи, а изъ лѣсовъ на правой сторонѣ рѣки Казанки приходила Луговая Черемиса. Эти нападенія извнѣ обыкновенно сопровождались вылазками изнутри города. Для сего, по свидѣтельству современника (князя Курбскаго), между внутренними и внѣшними защитниками былъ условленъ извѣстный знакъ. А именно: осажденные выносили большое мусульманское знамя на башню или на какой-нибудь другой возвышенный пунктъ и начинали имъ махать; тогда скрытые въ лѣсахъ Татары устремлялись на Русскія осадныя линіи извнѣ, и въ тоже время изъ городскихъ воротъ производилась вылазка осажденныхъ. Однажды во время подобнаго нападенія Япанчи Казанцы сдѣлали изъ города такую дружную и внезапную вылазку, что едва не завладѣли большимъ Русскимъ нарядомъ, и только послѣ кровопролитной сѣчи были отбиты. Около трехъ недѣль продолжались эти внѣшнія нападенія, которыя держали Русскія войска въ постоянной тревогѣ и тѣмъ до крайности ихъ утомляли; конники наши не смѣли отдаляться далеко отъ лагерей, а потому не могли добывать достаточно травы для корму коней. Наконецъ Іоаннъ созвалъ воеводъ на совѣтъ, что̀ предпринять. На этомъ совѣтѣ придумали слѣдующую умную мѣру: Русское войско также раздѣлить на двѣ части; одну часть, большую, оставить для продолженія осады, а другую, меньшую, выставить противъ Япанчи. Вторую часть составили изъ 30 тысячъ конницы и 15 тысячъ пѣшихъ стрѣльцовъ и казаковъ. Общее начальство надъ нею царь ввѣрилъ доблестному князю Александру Горбатому-Шуйскому, и онъ не замедлилъ оправдать это назначеніе полнымъ успѣхомъ.

Горбатый съ своимъ войскомъ спрятался въ закрытомъ мѣстѣ. Татары, вышедши изъ лѣсу на Арское поле, по обыкновенію, сперва ударили на стражу, охранявшую Русскіе обозы. По заранѣе условленному плану сторожевые отряды отступили къ самымъ шанцамъ; Татары погнались за ними и уже начали «водить круги и гарцовать» передъ шанцами, осыпая ихъ частыми стрѣлами какъ дождемъ. Вдругъ передъ ними появляется скрытая доселѣ часть Русскаго войска и отрѣзываетъ имъ путь отступленія къ лѣсу. Татары принуждены вступить въ неравный бой, который окончился ихъ полнымъ пораженіемъ. Взятыхъ при семъ въ плѣнъ царь велѣлъ привязать къ кольямъ передъ шанцами, чтобы они, подъ угрозою смерти, умоляли Казанцевъ сдать

городъ. Но осажденные въ отвѣтъ на эти мольбы пустили въ плѣнниковъ тучу стрѣлъ, говоря: «лучше умереть вамъ отъ нашихъ мусульманскихъ рукъ, чѣмъ отъ рукъ гяуровъ необрѣзанныхъ». Спустя три дня, Іоаннъ послалъ князей Александра Горбатаго и Семена Микулинскаго разорить и самую лѣсную засѣку, гдѣ успѣли собраться разбитые Татары и откуда они уже замышляли новыя нападенія. А затѣмъ воеводы должны были идти на Арскій городокъ, отстоящій на 56 верстъ отъ Казани. Порученіе это Горбатый и Микулинскій исполнили также съ полнымъ успѣхомъ. Засѣка была укрѣплена острогомъ, т. е. срубами, засыпанными землей, а также сваленными деревьями, и при томъ шла между великими болотами. Однако эта укрѣпленная засѣка была скоро взята и уничтожена, послѣ чего войско два дня шло до Арскаго городка, который нашло пустымъ, потому что жители его разбѣжались. Этотъ походъ совершался по странѣ обильной хлѣбомъ, скотомъ и всякими плодами; ибо тамъ находились частые загородные дворы и села Казанскихъ вельможъ. Кромѣ съѣстныхъ припасовъ Русскіе нашли тамъ цѣнныя шкуры звѣрей, особенно куницъ и соболей, а также большое количество меду. Черезъ десять дней отрядъ воротился со множествомъ плѣнныхъ изъ женщинъ и дѣтей, съ стадами скота и съ богатыми запасами всякаго продовольствія; въ войскѣ явилось вдругъ изобиліе и дешевизна, такъ что корову можно было купить за 10 денегъ Московскихъ. Опасность и тревога со стороны Арскаго лѣса были такимъ образомъ уничтожены; но нападенія Луговой Черемисы съ другой стороны продолжались; впрочемъ по своей силѣ и значенію они не могли равняться съ побитыми наѣздниками Япанчи.

Былъ уже Сентябрь мѣсяцъ, и наступила дождливая погода, весьма неблагопріятно дѣйствовавшая на здоровье и бодрость войска, а тѣмъ болѣе, что окрестности Казани и безъ того изобилуютъ болотистыми сырыми мѣстами. Такое обиліе дождя Русское суевѣріе приписывало даже сверхестественному началу или чародѣйству. По словамъ того же современника Казанскіе старики-колдуны и старыя бабы-колдуньи при восходѣ солнца являлись на стѣнахъ города и съ воплемъ произносили какія-то сатанинскія слова, непристойно вертясь и махая своими одеждами на христіанское войско: тотчасъ подымался вѣтеръ, нагонялъ облака, и начинался проливной дождь. Вѣра въ такое чародѣйство вызвала слѣдующую мѣру: по совѣту благочестивыхъ людей, царь послалъ на скоро въ Москву за животворящимъ крестомъ, заключавшимъ въ себѣ частицу древа, на которомъ былъ распятъ Спаситель. Посланные въ четыре дня на Вятскихъ быстроходныхъ корабликахъ достигли Нижняго Новгорода, а отсюда поскакали въ Москву на перемѣнныхъ подводахъ, и такимъ образомъ въ короткое время

привезли святыню. Царскіе священники соборнѣ освятили воду животворящимъ крестомъ, обходили лагери и кропили ихъ святою водою. Вскорѣ послѣ того настала ясная погода.

Между тѣмъ иноземные размыслы дѣлали свое дѣло, т. е. вели подкопы. Главный подкопъ заложенъ былъ со стороны Булака и направленъ подъ стѣну между воротами Тюменскими и Аталыковыми. Въ тоже время возникъ вопросъ, откуда осажденные берутъ воду, будучи отрѣзаны отъ рѣки Казанки. Царь призвалъ къ себѣ мурзу Камая, и отъ него узналъ, что около Муралеевыхъ воротъ и бéрега Казанки есть ключъ, куда жители ходятъ за водою подземельемъ или тайникомъ. Стоявшіе въ той сторонѣ воеводы сторожеваго полку, по приказу государя, пытались перекопать этотъ тайникъ сверху, но не могли по твердости грунта; наконецъ узнали, что онъ пролегаетъ близъ Даировой бани, занятой казаками. Государь поручилъ Алексѣю Адашеву и размыслу заложить подкопъ изъ бани подъ тайникъ, затѣмъ велѣлъ сему размыслу оставить это дѣло своимъ ученикамъ, а самому продолжать главный подкопъ. Когда былъ готовъ подкопъ подъ тайникъ, въ него вкатили одиннадцать бочекъ пороху и взорвали. Этимъ взрывомъ тайникъ былъ совершенно уничтоженъ; часть сосѣдней стѣны обрушилась, камни и бревна высоко взлетали на воздухъ и при паденіи своемъ побили много Казанцевъ. Уныніе распространилось въ городѣ, лишенномъ воды. Однако не думали о сдачѣ и начали въ разныхъ мѣстахъ копать, ища воды; докопались только до одного смраднаго источника, откуда и брали воду, хотя отъ этой воды люди пухли и умирали.

Осаждавшіе все ближе и ближе подвигали свои туры, а вмѣстѣ съ ними пушки, и безпрестанно били ядрами по городу; нѣкоторые ворота были уже сбиты; но осажденные возводили за ними новыя бревенчатыя и досчатыя укрѣпленія, засыпанныя землею, или такъ называемые тарасы. Не ограничиваясь устройствомъ туровъ, государь велѣлъ своему дьяку Ивану Выродкову, повидимому свѣдущему въ строительномъ дѣлѣ, приготовить на Арскомъ полѣ подвижную башню въ шесть саженъ вышины. Эту башню придвинули къ Царевымъ воротамъ; на ней поставили 10 большихъ полуторасаженныхъ и 50 затинныхъ пищалей. Такъ какъ она была выше городскихъ стѣнъ, то стрѣльцы открыли съ нея жестокій огонь вдоль улицъ и стѣнъ, убивая много народу. Осажденные копали себѣ подъ воротами и подъ стѣнами земляныя норы, куда и укрывались отъ выстрѣловъ; а потомъ выползали какъ змѣи. дѣлали вылазки и рѣзались съ ожесточеніемъ.

Осаждавшіе наконецъ уже такъ близко придвинули свои туры, что только одинъ городской ровъ отдѣлялъ ихъ отъ стѣнъ; борьба принимала все болѣе кровопролитный и упорный характеръ. Іоаннъ время отъ времени объѣзжалъ полки, осматривалъ туры, навѣщалъ и жаловалъ раненыхъ воеводъ и благочестивыми словами поддерживалъ мужество воиновъ, бившихся противъ враговъ православной вѣры. Однажды Русскіе подкопами взорвали тарасы, поставленные за Царевыми воротами, причемъ бревнами побили много народу, и ужасъ распространился въ городѣ. Пользуясь этимъ моментомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Русское войско устремилось впередъ и заняло разныя башни, мосты и ворота. Нѣкоторые воеводы уже просили царя о повелѣніи сдѣлать общій приступъ; но Іоаннъ думалъ, что время рѣшительнаго удара еще не приспѣло, и велѣлъ отступить. Впрочемъ часть башенъ и воротъ осталась въ рукахъ Русскихъ; Татары немедля воздвигли противъ нихъ срубы, засыпанные землею.

Іоаннъ ждалъ главнаго подкопа. Когда тотъ былъ почти оконченъ, и въ него вкачено 48 бочекъ пороху, царь велѣлъ готовиться къ общему приступу, и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. 30 Сентября (1553 года) онъ приказалъ наполнять городскіе рвы лѣсомъ и землею и устраивать многіе мосты, а въ стѣны усиленно бить изъ большихъ пушекъ, такъ что въ разныхъ мѣстахъ стѣны были сбиты почти до основанія. Собственно для приступа Іоаннъ отобралъ часть войска изъ простыхъ ратныхъ людей, изъ боярскихъ дѣтей, казаковъ и стрѣльцовъ. Казаками начальствовали ихъ атаманы, стрѣльцами ихъ головы, а ратнымъ людямъ каждой сотнѣ былъ назначенъ голова изъ опытныхъ боярскихъ дѣтей. Этимъ передовымъ отрядамъ воеводы должны были помогать людьми изъ своихъ полковъ, причемъ каждому воеводѣ назначено занять мѣсто противъ опредѣленныхъ заранѣе воротъ и проломовъ. А чтобы во время приступа не подошла осажденнымъ помощь извнѣ, изъ сосѣднихъ лѣсовъ, а также чтобы отрѣзать бѣгство изъ города, поставлена вездѣ крѣпкая стража: на Арскомъ полѣ, на дорогахъ Арской и Чувашской поставлены Шигъ-Алей съ Касимовскими князьями и мурзами, князь Θедоръ Мстиславскій съ своимъ полкомъ и Горная Черемиса; на дорогѣ Ногайской поставлены князья Оболенскій и Мещерскій съ своими отрядами; на Галицкой, за рѣкой Казанкой, князь Ромодановскій и Заболоцкій; тамъ же за Казанкой отъ Луговой Черемисы оберегали съ царскими дворянами головы Воротынскій и Головинъ. Часть войска кромѣ того оставлена была при государѣ, какъ его охрана и какъ главный запасъ (резервъ). Взрывъ большаго подкопа долженъ былъ послужить сигналомъ для на-

чала приступа. Готовясь къ рѣшительному дѣлу, Іоаннъ еще разъ пытается склонить Казанцевъ къ добровольной сдачѣ съ обѣщаніемъ помилованія, если выдадутъ главныхъ измѣнниковъ; для этихъ переговоровъ онъ выбралъ мурзу Камая. Но Казанцы дали единодушный отвѣтъ: «Не бьемъ челомъ; Русь уже на стѣнѣ и въ башняхъ; но мы поставимъ другую стѣну Или всѣ помремъ, или отсидимся».

2 Октября, въ Воскресенье, на зарѣ, передъ самымъ приступомъ, государь, облеченный въ *юмшанъ*, т. е. въ боевую броню, слушалъ божественную литургію въ своей полотняной церкви и усердно молился. Передъ восходомъ солнца, когда дьяконъ, читая Евангеліе, возгласилъ «и будетъ едино стадо и единъ пастырь», раздался сильный громъ, и задрожала земля. То взорвали подкопъ; часть городской стѣны съ бревнами, землею и людьми высоко взлетѣла на воздухъ и потомъ обрушилась, покрывъ множество народа подъ развалинами. Царь вышелъ къ дверямъ, посмотрѣлъ на дѣйствіе подкопа и потомъ продолжалъ слушать литургію. Во время чтенія ектеніи, когда дьяконъ произнесъ слова «и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата», послѣдовалъ второй взрывъ, еще болѣе ужасный, чѣмъ первый; часть стѣны опять взлетѣла на воздухъ, многіе ея защитники разорваны на куски. Тогда Русское воинство со всѣхъ сторонъ устремилось на городъ съ кликомъ: «съ нами Богъ!» Татары, призывая Магомета на помощь, подпустили Русскихъ къ самымъ стѣнамъ, и вдругъ осыпали ихъ множествомъ камней изъ орудій и тучею стрѣлъ изъ луковъ. Когда же Русскіе приставили лѣстницы и полѣзли на стѣны и на башни, ихъ начали обливать кипяткомъ и скатывать на нихъ бревна. На самыхъ стѣнахъ Татары, на сей разъ не прятавшіеся за укрѣпленіями, вступили въ жестокій рукопашный бой. Уже два раза ближніе бояре посылали къ царю вѣстниковъ, призывая его явиться для ободренія полковъ. Но Іоаннъ дождался окончанія литургіи, и тогда, съѣвъ кусокъ просфоры и взявъ благословеніе у своего духовника, Благовѣщенскаго священника Андрея, пошелъ изъ церкви. «Благословите и простите за православіе пострадать; а вы намъ молитвою помогайте», сказалъ онъ духовенству, сѣлъ на коня и выѣхалъ къ своему царскому полку. Въ эту минуту Русскія знамена уже развѣвались на стѣнахъ Казанскихъ.

Уже наше войско ворвалось въ городъ со стороны Арскаго поля. Татары покинули стѣны; тѣснимые Русскими, они, со своимъ царемъ Едигеромъ во главѣ, отступали къ верхней части города, т. е. къ царскому двору, продолжая отчаянно биться копьями и саблями; а гдѣ по тѣснотѣ не могли дѣйствовать этимъ оружіемъ, тамъ рѣзали

ножами, хватая противниковъ за руки. Но тутъ ряды нападающихъ вдругъ стали таять. Открывшаяся передъ ними внутренность города съ его богатствами, т. е. гостинные дворы и лавки наполненныя разными Азіатскими товарами, и дома богатыхъ людей, изобилующіе золотомъ, серебромъ, коврами, дорогими каменьями и мѣхами, соблазнили многихъ Русскихъ воиновъ: они оставили битву и бросились на грабежъ. Многіе малодушные и трусы, притворившіеся мертвыми или ранеными еще во время самаго приступа, теперь вскочили на ноги и присоединились къ грабителямъ. Когда вѣсть о томъ распространилась до Русскихъ обозовъ, оттуда прибѣжали кашевары, конные пастухи, даже вольные торговцы, и устремились на корысть. Пока храбрые въ теченіе нѣсколькихъ часовъ бились съ Татарами, нѣкоторые «корыстовники» успѣвали по два и по три раза отнести свою добычу въ лагерь, и опять прибѣжать въ городъ. Замѣтивъ, что число истинныхъ воиновъ осталось невелико и тѣ очень утомлены битвою, Татары собрались съ силами, дружно ударили на нападающихъ и въ свою очередь потѣснили ихъ назадъ. Князь Михаилъ Воротынскій послалъ къ государю просить подкрѣпленія. Въ эту минуту, увидѣвъ отступленіе нашихъ, корыстовники испугались и обратились въ бѣгство; многіе изъ нихъ не попали въ ворота, а начали скакать черезъ стѣны, съ крикомъ: *сѣкутъ! сѣкутъ!* Видя бѣгство своихъ изъ города, Іоаннъ поблѣднѣлъ и смутился: онъ думалъ, что уже все войско наше отбито и приступъ окончился пораженіемъ. Но окружавшіе его опытные въ ратномъ дѣлѣ бояре («мудрые и искусные сигклиты», какъ выражается Курбскій) велѣли водрузить самую большую хоругвь близъ царевыхъ городскихъ воротъ, взяли Іоаннова коня за узду и поставили его подъ хоругвію; а половинѣ двадцатитысячнаго царскаго полку велѣли сойти съ коней и идти въ городъ на помощь сражавшимся. Часть бояръ также сошла съ коней съ своими дѣтьми и сродниками и поспѣшила въ сѣчу. Эта свѣжая помощь тотчасъ повернула битву опять въ нашу пользу. Татары снова отступили къ царскому двору и большимъ мечетямъ, гдѣ къ нимъ присоединились духовные сеиты и муллы, съ Кулъ-шерифъ-моллою во главѣ, которые почти всѣ пали въ этой отчаянной рѣзнѣ. Едигеръ съ остаткомъ дружины заперся на своемъ укрѣпленномъ дворѣ и еще часа полтора оборонялся въ немъ. Наконецъ Русскіе вломились и въ это послѣднее убѣжище. Тутъ на одной сторонѣ двора они увидали толпу прекрасныхъ женщинъ въ бѣлыхъ одеждахъ; а въ другомъ углу собрался остатокъ Татаръ около своего хана: они думали, что Русское войско прельстится женщинами и ихъ нарядами, и прежде всего бросится забирать ихъ въ плѣнъ. Но Русскіе пошли прямо на Татаръ. Тогда

они взвели своего царя Едигера на башню и просили на минуту остановить сѣчу. Просьба ихъ была услышана. «Пока нашъ юртъ стоялъ и въ немъ былъ царскій престолъ, мы обороняли его до послѣдней возможности; нынѣ отдаемъ вамъ царя здравымъ: ведите его къ своему царю! А оставшіеся изъ насъ идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу». Выславъ Едигера съ однимъ карачіемъ или вельможею, по имени Зейнешъ, и двумя имилдешами (царскими молочными братьями), Татары начали частію пробиваться въ Елбугины ворота, а большей частью прыгать со стѣнъ и собираться на берегу Казанки. Стоявшіе съ этой стороны воеводы открыли по нимъ огонь изъ пушекъ. Татары бросились берегомъ внизъ по рѣкѣ, потомъ остановились, сбросили съ себя лишнюю одежду, разулись и пошли въ бродъ черезъ рѣку. Ихъ оставалось еще тысячъ пять, и при томъ самыхъ храбрыхъ. Русскіе, стоявшіе на стѣнахъ, видѣли, что Татары уходятъ, но остановить ихъ не могли; ибо въ этомъ мѣстѣ были большія стремнины. Молодой воевода, князь Андрей Михайловичъ Курбскій первый пустился въ погоню, собравъ вокругъ себя сотни двѣ или три всадниковъ. Онъ перешелъ рѣку и раза три храбро врубался въ густую толпу Татаръ; но въ четвертый разъ упалъ вмѣстѣ съ раненымъ конемъ своимъ, и самъ весь израненный потомъ замертво былъ поднятъ своими; только крѣпкая кольчуга охранила его отъ смерти. На помощь всадникамъ подоспѣлъ родной братъ князя Курбскаго; онъ тоже нѣсколько разъ врубался въ толпу Татаръ; подоспѣли нѣкоторые другіе воеводы, которые били непріятелей до тѣхъ поръ, пока тѣ не достигли болотистаго, лѣсистаго мѣста, куда и спаслось ихъ нѣсколько сотъ оставшихся отъ истребленія.

Казань была взята; вмѣстѣ съ тѣмъ освобождено нѣсколько тысячъ Русскихъ плѣнниковъ. Въ полонъ Русскимъ досталось огромное количество Татарскихъ женъ и дѣтей; а вооруженные люди, по приказу царя, большею частію были избиваемы «за ихъ измѣны». Убитыхъ было такое множество, что по всему городу не было мѣста, гдѣ бы можно было ступить не на мертваго; а около царскаго двора и по ближнимъ улицамъ кучи убитыхъ возвышались наравнѣ съ городскими стѣнами; рвы были ими наполнены, а также и тѣ мѣста, по которымъ уходили послѣдніе защитники, т. е. берега́ Казанки и лугъ, простиравшійся отъ нея къ лѣсу. Разумѣется, и Русскому воинству дорого обошлась эта побѣда, и оно потеряло во время осады множество людей отъ болѣзней и отъ рукъ непріятельскихъ.

Іоаннъ прежде всего возблагодарилъ Бога за побѣду и велѣлъ пѣть благодарственный молебенъ подъ своимъ знаменемъ, на которомъ

было изображеніе Нерукотвореннаго Спаса. (На томъ же мѣстѣ онъ потомъ велѣлъ соорудить и храмъ въ честь этого образа). Сюда собрались воеводы и всѣ бояре, съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ впереди; потомъ подъѣхалъ и Шигъ-Алей. «Буди государь здравъ на многія лѣта на Богомъ дарованномъ ти царствѣ Казанскомъ!» повторяли они, привѣтствуя государя. Окруженный воеводами и своими дворянами, государь вступилъ въ городъ и направился къ царскому двору. Его встрѣчали побѣдоносныя войска съ толпами освобожденныхъ Русскихъ плѣнниковъ и кричали: «Многая лѣта царю благочестивому Ивану Васильевичу, побѣдителю варваровъ!» Городъ въ разныхъ мѣстахъ горѣлъ. Царь приказалъ тушить пожары, а всѣ взятыя сокровища, плѣнниковъ и плѣнницъ велѣлъ раздѣлить между воинами; себѣ взялъ только плѣннаго Едигера-Махмета, царскія знамена и городскія пушки. Послѣ того онъ возвратился въ свою загородную стоянку.

Съ радостною вѣстью въ Москву къ своей царицѣ Анастасіи, брату Юрію и митрополиту онъ отправилъ шурина своего Даніила Романовича Юрьева. Къ 4-му Октября Казань очистили отъ труповъ, и государь снова вступилъ въ городъ. Тутъ онъ выбралъ мѣсто, на которомъ велѣлъ построить соборный храмъ во имя Благовѣщенія, пока деревянный; потомъ съ крестами обошелъ городскія стѣны и велѣлъ святить городъ. Затѣмъ, принявъ челобитье и присягу о покорности отъ Арскихъ людей и Луговой Черемисы, царь оставилъ здѣсь своимъ намѣстникомъ и большимъ воеводою князя Александра Борисовича Горбатаго, при немъ товарищемъ князя Василія Семеновича Серебрянаго и далъ ему многихъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ; а самъ 11 Октября поспѣшилъ отправиться въ свою столицу, хотя нѣкоторые опытные бояре совѣтовали ему не спѣшить отъѣздомъ и прежде устроить дѣла Казанскія. Онъ поплылъ съ пѣхотою на судахъ по Волгѣ, а конницу послалъ берегомъ съ княземъ Михаиломъ Воротынскимъ къ Васильсурску. Въ Свіяжскѣ воеводою оставленъ князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, который вѣдалъ и всей Горною Черемисою. Въ Нижнемъ кромѣ житей и духовенства государя встрѣтили бояре, посланные привѣтствовать его изъ Москвы отъ царицы, брата Юрія и митрополита. Изъ Нижняго государь поѣхалъ на коняхъ къ Владиміру; не доѣзжая этого города, онъ встрѣтилъ боярина Траханіота, который привезъ радостную вѣсть отъ царицы Анастасіи: у нея родился сынъ царевичъ Димитрій. Прежде нежели вступить въ столицу, Іоаннъ не преминулъ заѣхать въ Троицкую Лавру и поклониться угоднику Сергію. Когда государь приблизился

къ Москвѣ, на встрѣчу ему вышло такое множество народу, что все поле отъ рѣки Яузы до посаду едва вмѣщало людей. Слышались только крики: «Многая лѣта царю благочестивому, побѣдителю варварскому, избавителю христіанскому!» Митрополитъ, епископы и все духовенство встрѣчали государя со крестами. Царь обратился къ митрополиту и ко всему освященному собору съ пространнымъ благодарственнымъ словомъ за ихъ молитвы, помощью которыхъ онъ побѣдилъ невѣрныхъ Казанцевъ. Митрополитъ отвѣчалъ ему въ томъ же смыслѣ. Послѣ сего царь сошелъ съ коня, снялъ доспѣхъ и замѣнилъ его царскимъ одѣяніемъ; повѣсилъ на груди животворящій крестъ, на главу возложилъ шапку Мономахову, и пѣшій отправился за крестами въ Успенскій соборъ, гдѣ со слезами благодарности прикладывался къ мощамъ Петра и Іоны митрополитовъ. И уже затѣмъ вступилъ онъ въ царскія палаты, гдѣ обнялъ свою супругу и новорожденнаго сына. Безспорно это былъ счастливѣйшій и самый свѣтлый день въ его жизни.

8 Ноября у царя былъ пиръ въ большой Грановитой палатѣ для всего высшаго духовенства, для многихъ бояръ и воеводъ. Потомъ государь раздавалъ щедрые подарки митрополиту и всѣмъ бывшимъ тогда въ Москвѣ владыкамъ. Князя Владимира Андреевича онъ жаловалъ шубами, большими Фряжскими кубками и золотыми ковшами. Также всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ походѣ воиновъ отъ бояръ и до дѣтей боярскихъ, смотря по достоянію, онъ жаловалъ шубами съ своихъ плечъ, бархатами на золотѣ и соболяхъ, кубками, ковшами, конями, доспѣхами, платьемъ и деньгами. Торжественные пиры съ подарками продолжались три дня, и въ эти дни, по счету царскихъ казначеевъ, деньгами и вещами роздано было на 48.000 рублей, кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій, которыми государь жаловалъ особо.

Велика была народная радость, съ которою встрѣчено на Москвѣ покореніе Казанскаго царства. Да и было чему радоваться. Уже въ теченіе цѣлыхъ трехъ столѣтій борьба съ Татарскими ордами постоянно занимала вниманіе Русскаго народа и сдѣлалась главнымъ его политическимъ интересомъ. Еще жива была память о Татарскомъ игѣ и сопровождавшихъ его бѣдствіяхъ, изъ которыхъ самое значительное составлялъ постоянный уводъ огромнаго количества плѣнныхъ христіанъ, попадавшихъ въ бусурманскую неволю. Съ окончаніемъ непосредственнаго ига не кончилось это постоянное бѣдствіе, поддерживавшее въ народѣ ненависть къ варварамъ и питавшее жажду мщенія. Изъ двухъ главныхъ наслѣдницъ Золотой Орды, угнетавшихъ

наши окрайны, ордъ Казанской и Крымской, первая и ближайшая къ Москвѣ была теперь уничтожена; хищное бусурманское гнѣздо обращалось въ Русскій городъ, на мѣстѣ мусульманскихъ мечетей воздвигались христіанскіе храмы; почти вся восточная окрайна Московскаго государства обрѣтала спокойствіе; все среднее теченіе Волги давало теперь полный просторъ Русскому поступательному движенію на Востокъ, существовавшему искони. Естественно поэтому, что Іоаннъ, какъ завоеватель цѣлаго Татарскаго царства, сдѣлался героемъ въ глазахъ Русскаго народа и прославлялся въ его пѣсняхъ; ради этой славы многое прощалось ему въ его послѣдующей менѣе свѣтлой дѣятельности.

Такъ какъ борьба съ Татарами - мусульманами издавна пріобрѣла не только національный, но и православно - религіозный характеръ, то покореніе Казани являлось въ глазахъ современниковъ прежде всего подвигомъ благочестія, побѣдою православія. Оттого, подобно Куликовской битвѣ, и это событіе дошло до насъ въ лѣтописяхъ, украшенное легендами, по которымъ паденіе Казани заранѣе предвѣщалось разными знаменіями и явленіями, какъ бы сами небесныя силы принимали участіе въ побѣдѣ надъ невѣрными.

Тою же зимою Іоаннъ окрестилъ обоихъ плѣнныхъ Казанскихъ царей: маленькій Утемишъ-Гирей получилъ имя Александра, а Едигеръ-Махметъ названъ Симеономъ. Послѣднему государь подарилъ дворъ въ Москвѣ, приставивъ къ нему особаго боярина и цѣлый штатъ чиновниковъ для почетной службы.

Д. Иловайскій.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I.

Назначеніе состоять при особѣ Императора.—Два письма князя Воронцова.—Выѣздъ въ свитѣ Государя въ Москву и Крымъ.—Письмо къ князю Воронцову.—Разговоръ съ барономъ Ливеномъ объ унтеръ-офицерахъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Назначеніе командиромъ резервнаго гвардейскаго корпуса.—Эпизодъ съ провинившимся офицеромъ.—Предположеніе о предстоявшихъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и требованіе по этому мнѣнія разныхъ лицъ.—Опроверженіе княземъ Барятинскимъ взглядовъ генерала Муравьева.—Письмо къ князю Воронцову и отвѣтъ его.—Назначеніе на Кавказъ главнокомандующимъ и намѣстникомъ.

Съ прибытіемъ въ Петербургъ, князь Барятинскій былъ назначенъ состоять при особѣ Императора Александра Николаевича. Если мы вспомнимъ, что это было въ Іюнѣ 1855 г., то легко себѣ представить положеніе, въ которомъ находился Государь, три только мѣсяца передъ тѣмъ вступившій на престолъ. Каждый день приносилъ скорбныя извѣстія о страшной борьбѣ, происходившей въ Севастополѣ, о громадныхъ кровавыхъ жертвахъ, поглощаемыхъ этою борьбою, исходъ которой, увы! не могъ возбуждать большихъ надеждъ въ нашу пользу. Въ такія минуты присутствіе близкаго человѣка, давно испытаннаго въ преданности, къ тому же въ послѣднія нѣсколько лѣтъ умудреннаго опытомъ, не могло не быть отраднымъ и ободряющимъ для новаго Государя.

Князь Барятинскій никогда не велъ дневника, не оставилъ почти никакихъ записокъ или черновыхъ писемъ, и

только акуратно сохранялъ всѣ получаемыя письма. Задача біографа, поэтому, крайне затруднена: приходится ограничиваться письмами разныхъ лицъ, небольшимъ числомъ писемъ самого князя Александра Ивановича и то лишь найденныхъ въ архивѣ князя Воронцова, да частью у графа Милютина и у покойнаго статсъ-секретаря Крузенштерна, оффиціальными документами, нѣкоторыми сообщеніями близкихъ ему лицъ и собственными воспоминаніями (біографа) о періодѣ Кавказской дѣятельности князя.

За время отъѣзда съ Кавказа въ Маѣ 1855 г., въ теченіе почти года, свѣдѣнія о дѣятельности князя Барятинскаго весьма скудны: переписка съ княземъ Воронцовымъ хотя и продолжалась, но уже не такъ часто: къ тому же не всѣ письма сохранились.

Вотъ два изъ писемъ князя Михаила Семеновича.

Изъ Дрездена отъ 18 Февраля (2 Марта) 1855 года.

„Цѣлый вѣкъ мы съ вами не переписывались; мое послѣднее письмо было отъ 27 Декабря, ваше отъ 14 Ноября. Въ этотъ промежутокъ времени я хотѣлъ вамъ писать, но каждую минуту ожидалъ извѣстій о томъ, что́ вы рѣшите послѣ перваго свиданія съ новымъ вашимъ начальникомъ. Его отъѣздъ изъ Петербурга былъ задержанъ. Хотя первыя же письма изъ Тифлиса вѣроятно извѣстятъ насъ о прибытіи генерала Муравьева и принятыхъ имъ на первыхъ порахъ мѣрахъ, но я на всякій случай пишу вамъ нѣсколько словъ, потому что долгое молчаніе между нами мнѣ весьма тягостно: нужно и о нашихъ новостяхъ вамъ разсказать.

„Благодаря Бога, дѣла у васъ на Кавказѣ были хороши, и непріятель на Азіятской границѣ скорѣе ослабленъ, чѣмъ усиленъ. Судя по газетамъ, Курды, надѣлавшіе намъ въ 1853 году столько хлопотъ и дѣйствовавшіе противъ насъ наступательно, въ настоящее время скорѣе на нашей сторонѣ, чѣмъ на сторонѣ Турокъ, и оказываютъ намъ много услугъ. Съ другой стороны, союзникамъ столько дѣла въ Крыму и нужно побороть столько затрудненій, что едвали они могутъ подумать о чемъ нибудь серьезномъ въ пользу Анатолійской Турецкой арміи, или о сильныхъ высадкахъ на Кавказѣ.

„На Кавказской линіи и въ Дагестанѣ Шамиль, безъ сомнѣнія, долженъ былъ возымѣть большія надежды, въ виду войны западныхъ державъ противъ насъ; однако въ теченіе двухъ лѣтъ ожиданія его не сбылись, и онъ видитъ Россію на обоихъ склонахъ хребта также сильною, какъ и всегда.

„Судя по рѣчамъ новыхъ Англійскихъ министровъ, возможно, что совѣщанія въ Вѣнѣ склонятся на сторону всеобщаго примиренія. Лордъ Джонъ-Россель прибылъ третьяго дня въ Берлинъ и долженъ былъ немедленно уѣхать въ Вѣну; а въ самой Англіи, какъ въ министерствѣ, такъ и въ странѣ, партія мира усиливается. Пилисты, присоединившіеся къ министерству лорда Пальмерстона, почти всѣ на сторонѣ мира, а тѣ которые не вошли въ составъ министерства поддержатъ его только въ такомъ случаѣ, если онъ выкажетъ себя миролюбивымъ. Если же, не смотря на все это, Англійское правительство требуетъ въ ослѣпленіи и раздраженіи противъ насъ, также какъ г-нъ Луи-Наполеонъ, войны: то, я думаю, мы достаточно сильны, чтобы защищаться противъ нихъ всѣхъ, и Богъ поможетъ нашему правому дѣлу.

„Положеніе Пруссіи и Союза кажется благопріятнымъ; можно предполагать, что и Австрія не разъ подумаетъ прежде чѣмъ рѣшится объявить себя совсѣмъ противъ насъ и не поддержать нашу, столь умѣренно-справедливую программу, по которой Государь рѣшился согласиться на условія, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ нашими же врагами предложенныя.

„Мы все прозябаемъ здѣсь въ Дрезденѣ въ ожиданіи событій и весны. Я акуратно продолжаю предписанный курсъ лѣченія, но кромѣ отсрочки скверныхъ симптомовъ моей болѣзни, другаго результата не вижу. Нѣсколько недѣль тому назадъ со мною приключилась еще новая болѣзнь, въ родѣ вашей, ревматическая подагра въ лѣвой ногѣ. Нѣсколько дней я былъ не въ состояніи выходить изъ дому, что́ мнѣ было крайне тяжело, такъ какъ движеніе на воздухѣ мнѣ необходимо; теперь, хотя и съ болью, я хожу, и доктора говорятъ, что я долженъ скорѣе выносить эту боль, чѣмъ оставаться безъ движенія. Въ случаѣ заключенія мира, я могъ бы въ Маѣ мѣсяцѣ отправиться въ Карлсбадъ; но если наши отно-

шенія съ Австріею еще болѣе омрачатся, мнѣ было бы очень тягостно находиться въ подвластной ей мѣстности. Останется удовольствоваться курсомъ лѣченія искусственными водами здѣсь, или еще лучше въ Кіевѣ, гдѣ я имѣлъ бы по крайней мѣрѣ утѣшеніе быть посреди своихъ, слышать одно общее мнѣніе и видѣть одинъ общій энтузіазмъ".

Слѣдующее письмо было отъ 15 (27) Мая, тоже изъ Дрездена.

„Я получилъ ваше милое письмо отъ 20 Марта ст. стиля въ отвѣтъ на мое, посланное нѣсколько ранѣе. Я очень радъ, что вы продолжаете служить Кавказу и находите вообще военное положеніе края усилившимся, не только для обороны, но и для наступленія.

„Надежды на миръ съ каждымъ днемъ становятся все слабѣе; но наши враги такъ заняты своими настоящими и будущими операціями въ Европѣ, что я не боюсь, чтобы они могли предпринять что нибудь серьезное въ Азіи.

„Генералъ Муравьевъ очень хорошо сдѣлалъ, что довѣрилъ Лезгинскую линію князю Андроникову, подчинивъ ему всѣ прилегающія съ Сѣвера и Юга мѣстности: Левану Меликову было бы невозможно нести отвѣтственность въ одно и тоже время за все, чтó могло бы случиться между Закаталами и Нухой и на лѣвомъ флангѣ Лезгинской линіи, въ случаѣ, если бы непріятель вздумалъ серьезно атаковать эти пункты.

„Вы можете судить, какую радость мы испытали, узнавъ объ освобожденіи интересныхъ Цинондальскихъ плѣнницъ и что онѣ, а равно и всѣ дѣти, такъ чудесно сохранились. Было бы любопытно узнать, чтó будетъ дѣлать молодой Шамиль у своего отца, войдетъ ли онъ во вкусъ и привычки страны, какъ будетъ встрѣченъ и принятъ разными наибами и членами собственной семьи?

„Хорошо сдѣлали, что призвали Бакланова командовать кавалеріею въ Кахетіи; это очень полезный резервъ, если только можно безъ него обойтись на Лѣвомъ флангѣ. Я хотѣлъ бы имѣть втораго Бакланова для Крыма, гдѣ у насъ прекрасная многочисленная кавалерія, до сихъ поръ ничего не сдѣлавшая.

„Сердечно вамъ благодаренъ за все, что̀ вы говорите о моемъ здоровьи. Безпокойства и тревоги послѣднихъ шести мѣсяцевъ парализовали всякій успѣхъ моего лѣченія; нервы мои сильно разстроены. Хочу пробовать здѣсь, въ Дрезденѣ, Карлсбадскія воды, подъ присмотромъ доктора Геденіуса; здѣсь я буду спокойнѣе чѣмъ въ Карлсбадѣ, гдѣ нельзя избѣжать большаго свѣта и встрѣчи со многими иностранцами. Наши планы: сейчасъ же послѣ лѣченія, т. е. около 10-го Іюля н. ст., уѣхать прямо въ Петербургъ, гдѣ я чувствую обязанность и необходимость представиться нашему новому Монарху. Тамъ мы рѣшимъ, гдѣ будемъ искать отдыха; но во всякомъ случаѣ на осень и зиму останемся въ Россіи“.

Между тѣмъ, князь Барятинскій находился въ Петербургѣ безъ всякой опредѣленной дѣятельности. Какъ провелъ онъ эти лѣтніе мѣсяцы, Іюнь и Іюль 1855 года, принималъ ли участіе въ какихъ-нибудь совѣщаніяхъ по поводу тогдашнихъ военныхъ событій, неизвѣстно; только изъ приводимаго ниже письма его къ князю Воронцову оказывается, что онъ выѣхалъ въ свитѣ Государя изъ Петербурга.

„Отрада *), 4 Августа 1855 года. Поручаю брату моему Анатолію доставить вамъ это письмо. Онъ самъ поѣдетъ въ Царское Село, чтобы передать вамъ извѣстія о Семенѣ, котораго онъ видѣлъ въ проѣздъ чрез Симферополь. Такимъ образомъ я убѣжденъ, что это письмо попадетъ по адресу безъ огласки.

„Императоръ, по прибытіи въ Кремль, совершилъ всѣ обычныя церемоніи; какъ и должно было ожидать, онъ былъ принятъ всѣми съ великимъ энтузіазмомъ.....

„Вчера я получилъ приказаніе Государя сопровождать его въ путешествіи. Его Величество измѣнилъ свое предположеніе и вмѣсто Варшавы ѣдетъ въ Николаевъ. Признаюсь, эта перемѣна мнѣ не нравится; исполненіе этого намѣренія можетъ стать затруднительнымъ. Вчера Государь пригласилъ меня присутствовать при чемъ-то въ родѣ военнаго совѣщанія; тамъ были: Ливенъ, Долгоруковъ и я. Разбирался вопросъ объ оставленіи Крыма. Государь и эти господа скло-

*) Имѣніе графа Орлова-Давыдова, въ Серпуховскомъ уѣздѣ.

нялись на то, чтобы удержать эту страну, сосредоточивъ войска въ самомъ центрѣ Крыма. Я высказалъ свое мнѣніе, которое впрочемъ и ваше, что слѣдуетъ отодвинуть главную часть арміи къ Перекопу, а на дорогѣ къ Симферополю оставить сильный авангардъ; за тѣмъ переобразовать армію и создать ее къ веснѣ сильною и грозною,—безъ чего мы потеряемъ остальное, и намъ будутъ предписывать законы. Я имѣлъ также случай подать голосъ относительно Кавказа и передать ваше мнѣніе о Баязетѣ. Императоръ вполнѣ раздѣляетъ эту мысль и приказалъ написать объ этомъ Муравьеву.

„Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ событія, которыя могутъ васъ интересовать. Братъ мой можетъ передать вамъ подробности, которыя вы захотѣли-бы имѣть относительно Крыма; онъ весьма развитой офицеръ и, по отзывамъ всѣхъ, служилъ послѣднее время примѣрно. P. S. Васъ можетъ удивить помѣта этого письма:—испросивъ у Государя на нѣсколько дней отпускъ, я пріѣхалъ сюда для свиданія съ родными“.

Во время поѣздки съ Государемъ въ Крымъ, князь Барятинскій съ 27 Сентября по 15 Октября командовалъ всѣми войсками, собранными въ Николаевѣ и его окрестностяхъ.

Во время этой же поѣздки былъ случай, характеризующій взгляды князя Барятинскаго, какъ истинно-военнаго человѣка. Баронъ Ливенъ щеголялъ тѣмъ, что особенно удачно отличалъ унтеръ-офицеровъ отъ рядовыхъ, а въ то время на шинеляхъ между ними никакихъ отличій не было. Ѣхавши вмѣстѣ въ одномъ экипажѣ, князь, какъ бы не понимая въ чемъ суть, просилъ Ливена объяснить, какъ это ему дается.

— Очень просто: я вижу солдата—молодецъ собой, и я увѣренъ, что это унтеръ-офицеръ.

— У насъ на Кавказѣ, замѣтилъ князь, люди выбираются въ унтеръ-офицеры не по наружности. Молодецъ собой можетъ быть дрянной человѣкъ, между тѣмъ какъ въ унтеръ-офицерахъ вся сила полка. Унтеръ-офицеры должны быть молодцами въ нравственномъ отношеніи, они должны соеди-

нять всѣ моральныя качества солдата: выбирать же ихъ по наружности—значитъ деморализовать армію.

Отвѣтъ не совсѣмъ понравился барону, привыкшему къ другой системѣ, особенно въ гвардіи, гдѣ въ тѣ времена. бывало, осмотрятъ солдата и, если наружность понравится, назначатъ къ производству въ унтеръ-офицеры: но князь Барятинскій продолжалъ развивать свою мысль.

— Полковому командиру предоставлено право давать и снимать галуны: право это весьма важно, потому что оно даетъ возможность поддерживать въ полку военный духъ и дисциплину, качества, дѣлающія людей храбрыми, послушными при удачѣ, терпѣливыми при неудачѣ, безъ чего нѣтъ хорошихъ войскъ. Если у насъ принята другая система производства въ унтеръ-офицеры, особенно въ гвардіи, то это потому, что высшія лица обращаютъ главное вниманіе на смотры, на внѣшность войска. Система Фридриха Великаго имѣть большія массы, движущіяся съ точностью часоваго механизма, отжила свой вѣкъ и принесла намъ уже довольно вреда. Между тѣмъ смотры, какъ ихъ теперь дѣлаютъ, не болѣе какъ остатокъ этой системы. Требуютъ отъ солдата щегольской наружности и церемоніальнаго марша, а другія моральныя и болѣе важныя качества оставляютъ въ сторонѣ.

Разсказывая впослѣдствіи объ этомъ случаѣ, князь добавилъ, что „теперь (т.-е. послѣ Крымской войны) хотя уже дознано, что стрѣльба въ пѣхотѣ, ловкость и легкость въ кавалеріи суть важнѣйшія качества, и командиры уже стали наблюдать за этимъ, однако когда дѣло доходитъ до царскаго смотра требуютъ одной лишь внѣшности. Въ одномъ комитетѣ происходили на эту тему пренія, и старый усердный генералъ Офенбергъ въ раздраженіи крикнулъ однажды: „У меня два глаза: одинъ видитъ по новому, а другой по старому. Обоими я ничего не вижу: ну, выколите мнѣ одинъ, чтобы я могъ видѣть“. Нельзя было не согласиться съ генераломъ, что двухъ цѣлей преслѣдовать нельзя: или нужно идти съ вѣкомъ, или придерживаться тактики Фридриха II. Стоитъ только посмотрѣть, какъ у насъ дѣлаютъ инспекторскіе смотры, чтобы убѣдиться, до какой степени нравственная сторона въ войскахъ упускается изъ вида“.

До возвращенія въ Петербургъ, князь Барятинскій получилъ еще одно письмецо отъ князя Воронцова, отъ 12-го Октября, изъ Петербурга, посланное чрезъ графа Андрея Шувалова, ѣхавшаго курьеромъ къ Государю. Князь Михаилъ Семеновичъ выражалъ всеобщее безпокойство, что Императоръ такъ долго остается среди всей этой сумятицы, тогда какъ полагали, что если онъ уже рѣшился ѣхать туда, то не болѣе какъ на два, на три дня. Старикъ молитъ Бога, чтобы Онъ сохранилъ и поддержалъ Монарха въ томъ запутанномъ положеніи, въ которомъ онъ находился. О себѣ писалъ онъ, что по волѣ Государя присутствуетъ въ комитетѣ по защитѣ береговъ и былъ бы очень счастливъ, если бы могъ оказать тамъ хоть нѣсколько пользы. Княгиня Воронцова приписала, по обыкновенію, нѣсколько словъ, полныхъ любви и добрыхъ пожеланій. „Молю Бога, прибавляетъ она, чтобы Онъ благословилъ тамъ всѣ ваши дѣйствія и предпріятія, отъ которыхъ Россія ожидаетъ всего“.

Вскорѣ Государь, а съ нимъ и князь Барятинскій возвратились въ Петербургъ. Севастополь уже палъ, исходъ войны не подлежалъ сомнѣнію; близость мира, на тѣхъ или другихъ условіяхъ, предвидѣлась всѣми. Однако складывать оружія пока не приходилось, и въ числѣ мѣръ могущей возобновиться борьбы, было сформированіе резервнаго гвардейскаго корпуса. 1-го Января 1856 года командиромъ этого корпуса назначенъ князь Барятинскій.

Князь былъ доволенъ своимъ положеніемъ и не жалѣлъ о томъ, что не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ конца Восточной войны. Въ гвардіи были тоже имъ довольны, хотя иногда и вызывалось недоумѣніе нѣкоторыми особенностями его командованія и обращеніемъ съ подчиненными. Одинъ подобный случай князь Александръ Ивановичъ разсказывалъ очень забавно, со свойственнымъ ему юморомъ.

„Какъ-то разъ, гуляя пѣшкомъ, я встрѣтилъ на Николаевскомъ мосту гвардейскаго офицера, который велъ на смѣну караулъ, а самъ ѣхалъ на извощикѣ. Я его подозвалъ и спросилъ, узнаётъ ли онъ меня?—Нѣтъ, ваше превосходительство, былъ отвѣтъ. — Ну, такъ послѣ смѣны вашей съ караула, явитесь къ полковому командиру и разскажите, что,

ведя караулъ, вы ѣхали на извощикѣ и встрѣтили командующаго корпусомъ князя Барятинскаго, который вамъ приказалъ доложить объ этомъ вашему командиру. — Я забылъ объ этомъ случаѣ, но замѣтилъ, что мой начальникъ штаба, являясь съ докладомъ, былъ всё какъ-то разстроенъ. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Наконецъ я спросилъ Г. . . . ., что съ нимъ, не боленъ ли онъ? —Нѣтъ, не боленъ, отвѣчалъ онъ; но мы находимся всѣ въ большомъ затрудненіи: уже нѣсколько разъ совѣщались съ начальникомъ дивизіи и не знаемъ что̀ дѣлать. Вы изволили встрѣтить офицера, который ѣхалъ на извощикѣ, ведя караулъ, и приказали ему явиться съ докладомъ объ этомъ къ командиру полка. — Ну, такъ что же?—Вы не опредѣлили, какому взысканію подвергнуть этого офицера.—Конечно, не опредѣлилъ: это не мое дѣло. Я этого офицера не знаю: можетъ быть, онъ хорошій офицеръ, и достаточно сдѣлать ему замѣчаніе; а можетъ быть, онъ дрянной: въ такомъ случаѣ можно воспользоваться этимъ происшествіемъ и выгнать его изъ полка. Это дѣло полковаго командира: онъ одинъ въ этомъ судья".

Такихъ пріемовъ, которыхъ князь Барятинскій придерживался во время всей своей службы, пріемовъ совершенно правильныхъ и полезныхъ, въ гвардіи не понимали.

Съ началомъ переговоровъ о мирѣ, само собою, рѣшалась и участь резервнаго гвардейскаго корпуса: онъ вскорѣ долженъ былъ быть расформированъ. Но предъ княземъ Барятинскимъ уже открывался другой, болѣе обширный, свѣтлый горизонтъ, давно судьбою ему предназначенный *).

Съ А. П. Ермоловымъ князь постоянно поддерживалъ самыя дружественныя отношенія. Привожу здѣсь двѣ записки нашего славнаго героя Отечественной войны. Первая, отъ 14-го Марта 1856 года, собственноручная: „Не устрашилъ бы меня морозъ и желалъ бы видѣть много для меня любопытнаго; но вы, почтенный князь Александръ Ивановичъ, угадали настоящую причину и меня заставили лучше постигнуть ее. Искренно уважающій Ермоловъ". О чемъ шла здѣсь рѣчь,

*) За время командованія резервнымъ гвардейскимъ корпусомъ князь Барятинскій награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла.

что̀ можно было видѣть любопытнаго въ Мартѣ 1856 года въ Москвѣ, остается загадкой. Вторая записка, отъ 30-го Мая 1856 года, начата собственною рукою: „Почтеннѣйшій князь Александръ Ивановичъ (чужою рукою) далѣе глазъ не допускаетъ писать собственною рукою и потому сокращаю. Въ послѣднее пребываніе ваше здѣсь, я не напоминалъ о извѣстныхъ обѣщанныхъ мнѣ тетрадкахъ. Не можете ли теперь, пополнивъ ихъ, поручить подателю моего письма? Меня сбиваютъ съ толку иностранныя происшествія: хочу отдохнуть на домашнихъ улучшеніяхъ, особливо давно и совершенно отставши отъ всего военнаго“.

Однимъ изъ важнѣйшихъ военныхъ вопросовъ, поднятыхъ тотчасъ же послѣ заключенія Парижскаго мира, былъ вопросъ: не воспользоваться ли находившимися на Кавказѣ, прибывшими туда на время войны съ Турціею, 13 и 18 пѣхотными дивизіями, съ ихъ артилеріею и другими подкрѣпленіями, для рѣшительныхъ дѣйствій къ окончательному покоренію Кавказа. Заявленіе о томъ принадлежало Д. А. Милютину. Еще въ Ноябрѣ 1854 года онъ представилъ императору Николаю записку, главная мысль которой заключалась въ томъ, что въ 1828—29 году, послѣ окончанія войны въ Азіатской Турціи, возникло предположеніе воспользоваться присутствіемъ на Кавказѣ войскъ, прибывшихъ туда на время войны, и предпринять рѣшительныя дѣйствія противъ горцевъ; возникла переписка, соображенія, возраженія, время уходило напрасно, а между тѣмъ событія въ Польшѣ заставили поспѣшить возвращеніемъ войскъ изъ-за Кавказа. Теперь опять, по случаю войны, за Кавказъ двинуты значительныя силы, не принадлежащія къ составу постоянныхъ Кавказскихъ войскъ, и слѣдовало бы заблаговременно подумать обо всемъ, относящемся до важнаго и сложнаго вопроса на счетъ установленія системы дѣйствій и употребленія этихъ вспомогательныхъ войскъ, съ наибольшею пользою для довершенія Кавказскихъ дѣлъ, дабы, по окончаніи войны съ Турціей, не теряя времени, приступить къ дѣйствіямъ, какія будутъ предположены. Но тогда, въ самый разгаръ войны, Николай Павловичъ былъ слишкомъ озабоченъ нависшими надъ Россіею тучами, чтобы посвятить свое вниманіе этому вопросу: записка была

оставлена безъ послѣдствій. Когда же миръ былъ почти уже рѣшенъ, императоръ Александръ Николаевичъ, 5-го Марта 1856 года, передалъ записку Д. А. Милютина военному министру, съ тѣмъ, чтобы потребовать мнѣній князя М. С. Воронцова, генерала Муравьева и князя А. И. Барятинскаго; министръ отъ себя прибавилъ Н. Е. Коцебу. Кромѣ того генералъ-маіоры Вольфъ и Невѣровскій тоже представили свои соображенія.

Всѣ записки, безъ означенія фамилій авторовъ, были отосланы генералу Муравьеву, который и прислалъ свои соображенія; онъ съ нѣкоторыми пунктами согласился, многое отвергалъ, многое считалъ фантазіями. Его же собственныя предположенія давали поводъ заключать, что покореніе Кавказа въ его рукахъ потребовало бы еще очень и очень многихъ лѣтъ. Полученныя отъ генерала Муравьева представленія были переданы князю Барятинскому, и онъ опровергъ ихъ самымъ категорическимъ образомъ. Лѣтомъ 1856 года онъ былъ особенно этимъ занятъ и, какъ разсказывалъ мнѣ генералъ Ив. Мих. Старицкій (бывшій тогда при князѣ Барятинскомъ въ качествѣ дежурнаго штабъ-офицера резервнаго гвардейскаго корпуса) сильно налегалъ на него, торопя скорѣйшимъ составленіемъ отвѣтовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они должны были ускорить и самое увольненіе Муравьева, а слѣдовательно и назначеніе князя. (Записки князя Барятинскаго и доклады по нимъ военнаго министра помѣщены въ приложеніи).

Къ этому времени относится слѣдующее письмо князя Барятинскаго къ М. С. Воронцову, отъ 15-го Іюля 1856 года изъ Царскаго Села. „Часто получая отъ Семена извѣстія объ васъ, я лишаю себя счастія быть въ прямой перепискѣ съ вами. Мои письма были бы наполнены мыслями о Кавказѣ: да невозможно и не говорить о странѣ, которая такъ интересуетъ насъ обоихъ. Впрочемъ, вы сами знаете, было ли бы пріятно вашему сердцу все то, что̀ я сталъ бы говорить объ этомъ краѣ.

„Горизонтъ, кажется, хочетъ проясниться: говорятъ, что фельдъегерь привезъ вчера письмо къ Государю, въ которомъ М. проситъ объ отставкѣ; но такъ какъ Государь

на нѣсколько дней въ отлучкѣ, то раньше 16 — 17 объ этомъ навѣрное не узнаемъ. Вслѣдъ за симъ я вамъ объ этомъ сообщу. Весьма благодаренъ вамъ и княгинѣ за любезное и внимательное письмо. Я готовъ вамъ объяснить тайну моего молчанія: много разъ я начиналъ письма, гдѣ невольно говорилъ о странѣ, которую вы такъ долго олицетворяли и будете еще долго олицетворять для всѣхъ любящихъ Кавказъ. Я буду очень счастливъ попасть туда, чтобы возобновить ваши учрежденія и мудрыя мѣры, вами заведенныя; твердою цѣлью моей службы будетъ поддерживать духъ вашего управленія, стараясь уничтожить всѣ слѣды того, который насъ разлучилъ. Жду также съ нетерпѣніемъ увидѣть васъ; надѣюсь, вы не оставите меня вашими совѣтами и наставленіями, на случай если я вскорѣ получу извѣстное вамъ назначеніе".

Въ постскриптумѣ прибавлено: „Ихъ Величества спрашивали меня, не имѣю ли отъ васъ извѣстій, и я сообщилъ имъ о полученномъ отъ васъ изъ Вильдбада письмѣ... Я увѣренъ, что смерть славнаго графа Ридигера печально отразилась на васъ: однимъ хорошимъ совѣтникомъ меньше у Государя, который былъ очень огорченъ этимъ".

На это письмо князь Воронцовъ отвѣчалъ изъ Дрездена отъ 5 Августа. „Пишу вамъ всего нѣсколько словъ, такъ какъ можетъ случиться, что мы сами раньше письма будемъ въ Петербургѣ. Не могу отказаться отъ желанія высказать вамъ еще разъ, кромѣ маленькой телеграфной депеши, посланной вчера, какъ сильно мы обрадовались тому, о чемъ вы насъ извѣстили и какъ мы вамъ благодарны, что вы тотчасъ вспомнили насъ и прислали намъ добрыя вѣсти по телеграфу. Радуюсь отъ глубины души во имя той дружбы, которую я къ вамъ питаю, за благо страны, передаваемой въ ваше управленіе. Живо представляемъ себѣ радость, которая повсюду распространится, въ особенности въ Грузіи и Тифлисѣ. Да поддержитъ Господь ваше здоровье для прекраснаго поста, который вы займете и для котораго вы такъ прекрасно подготовлены! Я теперь еще съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ тороплюсь прибытіемъ въ Петербургъ, чтобы обнять васъ, узнать всѣ подробности, сопровождавшія ваше назна-

ченіе и о томъ, что̀ сдѣлаютъ съ Муравьевымъ. Вамъ будетъ пріятно узнать, что наша дорогая Императрица отлично воспользовалась своимъ путешествіемъ и ваннами въ Вильдбадѣ: она совершенно неузнаваема, если вспомнить ея состояніе до выѣзда изъ Петербурга".

22-го Іюля 1856 года князь Барятинскій назначенъ командующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и исправляющимъ должность намѣстника Кавказскаго, со всѣми правами, какія были присвоены предмѣстнику его.

Осуществились пророчества князя Воронцова; осуществились несомнѣнныя, затаенныя издавна мечты князя Барятинскаго. На 23-мъ году службы, сорока одного года отъ роду, онъ занялъ постъ, могущій удовлетворить самое пылкое честолюбіе.

Оставалось доказать на дѣлѣ, заслужилъ ли онъ такое быстрое возвышеніе.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Записка князя Барятинскаго о покореніи Кавказа.

По моему убѣжденію, можно весьма счастливо воспользоваться настоящимъ усиленіемь войскъ на Кавказѣ, чтобы окончить тѣ изъ предположеній, которыя, основываясь на давно и правильно начертанной системѣ, постепенно уже приводились въ исполненіе, но, при несомнѣнной пользѣ ихъ, не могли получить полнаго и энергическаго развитія, собственно по недостатку военныхъ средствъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы на будущее время стать въ такое положеніе, чтобы съ меньшими силами можно было постоянно держать горскія племена въ страхѣ и спокойствіи, необходимо, не ограничиваясь довершеніемъ однихъ только полезныхъ прежнихъ предположеній, окончательно устранить тѣ невыгоды и недостатки, которые ясно обнаруживаются въ самомъ порядкѣ и развитіи принимаемыхъ доселѣ мѣръ къ занятію края.

Слѣдуетъ начать съ тѣхъ предметовъ, которые, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, представляютъ особенную важность и потому требуютъ поспѣшности: возобновленіе пунктовъ Черноморскаго прибрежья, Абхазіи и Цебельды, которые рѣшено будетъ возстановить, и рѣши-

тельное преобразованіе системы обороны Кахетіи и мусульманскихъ провинцій; ибо Лезгинская кордонная линія, по ошибочному своему образованію, весьма дурно удовлетворяетъ этой цѣли.

За тѣмъ, наиболѣе настоятельныя занятія для войскъ будутъ: въ Прикаспійскомъ краѣ истребленіе лѣсовъ Табасарани и вольнаго Кайтаха; на Лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи и во Владикавказскомъ округѣ перенесеніе нѣкоторыхъ укрѣпленій, упраздненіе другихъ, производство новыхъ просѣкъ, прочищеніе старыхъ и вообще усиленныя работы по главнымъ путямъ сообщенія.

Къ этому должно присовокупить, что, если представленное мною предположеніе о новой дислокаціи войскъ Кавказскаго корпуса удостоится утвержденія, въ такомъ случаѣ водвореніе новыхъ полковъ и штабовъ на Правомъ флангѣ и въ Центрѣ Кавказской линіи доставитъ, вмѣстѣ съ вышеизложенными предметами, войскамъ, нынѣ тамъ находящимся, достаточно занятій.

Для наиболѣе успѣшнаго исполненія всѣхъ сихъ предположеній слѣдуетъ, прежде всего, распредѣлить занятія войскъ сообразно мѣстнымъ климатическимъ условіямъ и переводить части изъ одной мѣстности въ другую соотвѣтственно времени года; это дастъ наибольшія средства быстрѣе исполнять предположенія, сосредоточивая временно значительныя силы въ необходимыхъ пунктахъ.

Дѣйствія и работы на Лезгинской кордонной линіи могутъ производиться только въ лѣтнее время, тогда какъ дѣйствія въ Чечнѣ непремѣнно должны быть совершаемы зимой и въ теченіе весенняго времени; слѣдовательно, они мѣшать одни другимъ не могутъ. Я считаю необходимымъ удержать сборъ войскъ весною въ Чечнѣ съ тою цѣлію, дабы воспрепятствовать обработыванію и посѣву полей и тѣмъ самымъ принудить непокорныхъ Чеченцевъ, для пропитанія себя и семействъ, просить нашего покровительства, или рѣшиться бѣжать въ чащи Черныхъ горъ и Ичкеріи. Въ первомъ случаѣ ослабляются значительно военныя силы Шамиля, и плодородная плоскость Большой Чечни, питающая Дагестанъ, останется необработанною; во второмъ случаѣ, стѣсненное народонаселеніе въ лѣсахъ Черныхъ горъ и Ичкеріи принуждено будетъ постепенно оголивать этотъ лѣсистый край, чтобы образовать новыя поля для своего пропитанія.

Въ заключеніе долгомъ поставляю выразить убѣжденіе, что занятія войскъ, распредѣленіе оныхъ и время дѣйствій могутъ быть указаны только на мѣстѣ и должны зависѣть отъ полнаго и послѣдовательнаго соображенія главнокомандующаго, опредѣляющаго общій планъ всѣхъ дѣйствій на Кавказѣ. Чтобы планъ этотъ имѣлъ надлежащую полноту, слѣдовало бы, по мнѣнію моему, потребовать

частныя соображенія отъ мѣстныхъ начальниковъ или людей знающихъ хорошо разнородныя мѣста Кавказа; ибо этимъ способомъ для главнокомандующаго облегчился бы трудъ и представилась бы возможность сдѣлать общее соображеніе, а затѣмъ распредѣленіе и полезное употребленіе предлагаемыхъ ему военныхъ средствъ. Съ этою цѣлію было бы полезно въ отношеніи Праваго фланга, Центра Кавказской линіи и Черноморіи спросить мнѣнія генераловъ: Козловскаго, князя Эристова, Граматина, Дебу, Капгера, Филипсона, Волоцкаго и отставнаго генерала Кусакова. Въ отношеніи Лѣваго фланга и Владикавказскаго округа: Козловскаго, барона Вревскаго, Евдокимова, барона Николаи и Ольшевскаго. Относительно Лезгинской кордонной линіи: князя Андроникова, князя Л. Меликова, князя Гр. Орбеліана, князя Гр. Мухранскаго и полковника Услара. Относительно Прикаспійскаго края: князя Гр. Орбеліана, Индреніуса, Суслова, Капгера, Манюкина, Евдокимова и полковниковъ Колосовскаго, Мищенко и Асѣева. И, наконецъ, въ отношеніи Черноморской береговой линіи: Серебрякова, Вагнера, Дебу, Карлгофа и полковника Колюбакина.

Б. Вторая записка князя Барятинскаго о покореніи Кавказа.

Предположивъ въ моей запискѣ раздѣлить Кавказскую линію на два фланга, я имѣлъ въ виду порядокъ, силою обстоятельствъ уже водворившійся въ томъ краѣ и хотя еще не опредѣленный, но ожидающій правильной организаціи; мнѣніе свое я основалъ на настоящей дислокаціи Кавказскихъ войскъ, которая не скоро еще можетъ измѣниться, такъ какъ она образовалась сама собою по военнымъ и нынѣ вполнѣ существующимъ мѣстнымъ требованіямъ; а потому необходимо учредить для войскъ и для занимаемаго ими края соотвѣтственное настоящимъ условіямъ управленіе.

Легко убѣдиться, что и теперь нѣтъ единства въ управленіи Кавказской линіи. Временно-командующій войсками, который командуетъ и 19-ю пѣхотною дивизіею, управляетъ въ самомъ дѣлѣ только Черноморіею, Правымъ флангомъ и Центромъ линіи, и своимъ значеніемъ совершенно соотвѣтствуетъ предположенію о раздѣленіи Кавказской линіи на двѣ, независимыя другъ отъ друга, части. Начальники Владикавказскаго округа и Лѣваго фланга только одною формою отъ него зависятъ; но, вынужденные обстоятельствами, они большею частію получаютъ приказанія прямо отъ главнокомандующаго и сообщаютъ оныя въ Ставрополь только для свѣдѣнія.

Существующій нынѣ порядокъ для охраненія Военно-Грузинской дороги будетъ, по мнѣнію моему, вполнѣ удовлетворителенъ тогда

только, когда Владикавказскій округъ и Лѣвый флангъ соединятся въ одно управленіе. Дорога теперь находится въ вѣдѣніи начальника Владикавказскаго округа, который располагаетъ весьма малымъ числомъ подвижныхъ войскъ, тогда какъ начальникъ Лѣваго фланга будетъ имѣть для защиты дорòги болѣе войскъ, и, по взаимному сношенію съ начальникомъ Праваго фланга, Военно-Грузинская дорога будетъ непремѣнно лучше обезпечена, чѣмъ теперь. Въ важныхъ случаяхъ сношеніе смежныхъ начальниковъ образуется само собою, ибо оно основано на обязанности и отвѣтственности помогать другъ другу: оно существуетъ и теперь, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, между всѣми смежными военными управленіями Кавказа и составляетъ предметъ священнаго долга каждаго. Такъ точно по защитѣ Военно-Грузинской дороги начальникъ Владикавказскаго округа сносился всегда съ начальникомъ Центра, и потому вмѣшательство третьяго, хотя и начальственнаго лица, когда уже для общихъ военныхъ начертаній существуетъ главнокомандующій, будетъ только безъ пользы замедлять дѣйствія: ибо командующій войсками, по отдаленности своего пребыванія отъ Военно-Грузинской дороги, не можетъ и теперь уже распоряжаться ея защитою, и еслибы онъ находился и ближе, то ему не могутъ быть извѣстны постоянныя измѣненія въ числѣ свободныхъ войскъ по всѣмъ частямъ его управленія; а слѣдовательно онъ не въ состояніи распоряжаться подвижными резервами, размѣры коихъ образуются временными обстоятельствами въ каждомъ изъ подвѣдомственныхъ ему управленій.

Чтò касается до управленія линейнымъ Кавказскимъ и Черноморскимъ войсками, то я полагалъ бы весьма удобнымъ устроить, чтобы наказные атаманы по всѣмъ предметамъ, ихъ управленія касающимся, относились бы прямо къ главнокомандующему и чтобы управленія кордонными линіями Черноморскаго и Кавказскаго линейнаго войска зависѣли бы отъ дивизіонныхъ командировъ, подобно тому, какъ это существуетъ и теперь между частными начальниками Кавказской линіи въ отношеніи кордонной службы линейнаго казачьяго войска, безъ всякаго притязанія со стороны наказныхъ атамановъ. Такъ напр. Гребенской, Моздокской и 2-й Сунженскій полки находятся по кордонной службѣ въ прямомъ вѣдѣніи начальника Лѣваго фланга, а Владикавказскій и 1-й Сунженскій — начальника Владикавказскаго округа. Остается соблюсти тотъ же порядокъ касательно начальника 19-й дивизіи въ отношеніи къ казакамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи его кордона, и раздѣленіе такимъ образомъ установилось бы безъ особенныхъ затрудненій или препятствій. Штабъ-квартиру атамана линейнаго казачьяго войска весьма удобно было бы перенести въ Екате-

риноградъ, въ центръ линіи, занимаемой линейнымъ казачьимъ войскомъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ приблизило бы эти управленія къ Тифлису.

За тѣмъ, относительно устройства провіантскаго управленія на Кавказской линіи, я полагаю, что какъ раіонъ провіантскихъ управленій на Кавказѣ можетъ быть измѣняемъ различно, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, и какъ канцелярія генералъ-интенданта въ Тифлисѣ занимается общимъ направленіемъ дѣлъ и разрѣшеніемъ всѣхъ представленій по провіантской части: то къ раздѣленію Ставропольскаго коммиссіонерства на двѣ части не можетъ быть никакихъ препятствій, и это раздѣленіе не потребуетъ новыхъ расходовъ сверхъ тѣхъ, какіе нынѣ ассигнуются.

Раздѣленіе инженерной части, равнымъ образомъ, будетъ весьма удобоисполнимо, особенно когда строительная часть военныхъ поселеній Имперіи присоединится къ инженерному корпусу подъ однимъ начальствомъ генералъ-инспектора инженерной части. Въ то время командира VII-го округа военныхъ поселеній можно было бы назначить старшимъ инженеромъ на Правомъ флангѣ, куда онъ перешелъ бы съ половиною своего окружнаго управленія, которое и составило бы его канцелярію и чертежную; а другая половина этого округа перешла бы на Лѣвый флангъ, для сформированія такой же канцеляріи и чертежной при управленіи Лѣваго фланга. За тѣмъ инженерныя отдѣленія: штаба командующаго войсками на Кавказской линіи и начальниковъ фланговъ, вовсе упразднить. Оба старшіе инженера должны быть подчинены на общемъ основаніи начальнику инженеровъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

Подобное управленіе инженерною частію на Кавказской линіи не можетъ представить никакого затрудненія, а напротивъ будетъ служить лишь къ упрощенію настоящаго хода дѣлъ и не потребуетъ увеличенія денежныхъ расходовъ и личнаго состава въ общей сложности: ибо отдаленность фланговъ линіи отъ Тифлиса, гдѣ находится начальникъ инженеровъ, требуетъ и при теперешнемъ управленіи назначенія старшихъ инженеровъ, съ тою лишь разницею, что ни права, ни кругъ дѣйствій этихъ инженеровъ не были точнымъ образомъ опредѣлены.

Обращаясь затѣмъ къ коммисаріатскому управленію, я не нахожу никакихъ препятствій, чтобъ часть эта, при предполагаемомъ раздѣленіи Кавказской линіи, перешла въ непосредственное завѣдываніе главнаго управленія въ Тифлисѣ, равно какъ и Георгіевскій арсеналъ.

Впрочемъ я уже выразилъ въ запискѣ своей, сколько я считаю полезнымъ, чтобы главнокомандующій предоставилъ мѣстнымъ начальникамъ изложить ближайшія и подробныя ихъ соображенія по всѣмъ

этимъ предметамъ; безъ содѣйствія этихъ лицъ, имѣющихъ ближайшія и подробныя данныя какъ о дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ военныхъ дѣйствій, такъ и о развитіи административныхъ распоряженій, нельзя, по мнѣнію моему, и приступать къ составленію полнаго соображенія: ибо тогда утратилась бы общая связь различныхъ мѣстныхъ условій и требованій, до каждой части относящихся.

Что касается до устройства Черноморской береговой линіи, то соображенія мои по сему предмету представлены будутъ вслѣдъ за симъ, въ особой запискѣ.

В. Докладъ военнаго министра

о новомъ военномъ раздѣленіи Кавказскаго края и распредѣленіи въ ономъ войскъ.

Въ запискѣ генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, сообщенной по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію на заключеніе генералъ-адъютанта Муравьева, относительно новаго распредѣленія по дивизіямъ полковъ, на Кавказѣ расположенныхъ, предложена также мысль о новомъ раздѣленіи этого края въ военномъ отношеніи.

Предположеніе это заключается въ томъ, чтобы взамѣнъ существующаго общаго управленія Кавказской линіи, съ пятью частными управленіями: Черноморіи, Праваго фланга, Центра, Владикавказскаго округа и Лѣваго фланга, раздѣлить Кавказскую линію на двѣ части: *правый флангъ* и *лѣвый флангъ*, такъ чтобы весь Кавказскій край въ военномъ отношеніи былъ раздѣленъ на четыре отдѣла:

I. Черноморія, Правый флангъ и Центръ Кавказской линіи, съ присоединеніемъ бывшаго 1-го отдѣленія Черноморской береговой линіи.

II. Владикавказскій округъ и Лѣвый флангъ Кавказской линіи

III. Прикаспійскій край.

IV. Закавказскій край.

Въ каждомъ изъ этихъ четырехъ отдѣловъ состояло бы въ прямомъ вѣдѣніи мѣстнаго начальника по одной дивизіи пѣхоты, а именно:

Въ I-мъ отдѣлѣ 19-я пѣхотная дивизія.

Во II-мъ отдѣлѣ 20-я « «

Въ III-мъ « 21-я « «

Въ IV-мъ « гренадерская (полагая дивизіи въ новомъ ихъ составѣ).

При такомъ распредѣленіи войскъ не было бы надобности въ особыхъ начальникахъ дивизій, и слѣдовательно устранились бы невыгоды двойственнаго подчиненія войскъ. Каждый изъ начальниковъ

четырехъ главныхъ частей Кавказа, прямо подчиненный главнокомандующему, получилъ бы необходимую для успѣха дѣйствій самостоятельность.

При томъ отъ упраздняемыхъ управленій сберeглись бы, по разсчету князя Барятинскаго, такія суммы, которыя съ незначительнымъ добавленіемъ были бы достаточны для уравненія окладовъ жалованья войскъ, какъ на Кавказской линіи, такъ и въ Закавказскомъ краѣ расположенныхъ.

Генералъ-адъютантъ Муравьевъ, раздѣляя мнѣніе князя Барятинскаго о неудобствахъ существующаго распредѣленія войскъ въ отношеніи подчиненія ихъ разнымъ начальникамъ и происходящаго отъ сего недостатка ближайшаго за благоустройствомъ частей надзора, соглашается и съ основною мыслью изложеннаго выше раздѣленія края, но съ своей стороны предлагаетъ слѣдующій новый проектъ:

1) Всѣ войска, на Кавказѣ расположенныя, раздѣлить на три корпуса; командиры сихъ корпусовъ были бы вмѣстѣ съ тѣмъ и главными мѣстными начальниками: одинъ въ правой сторонѣ Кавказской линіи (отъ Чернаго моря до Военно-Грузинской дороги), другой въ лѣвой сторонѣ (къ Востоку отъ этой дороги, со включеніемъ Сѣвернаго Дагестана) и третій въ Закавказскомъ краѣ, съ присоединеніемъ къ нему и Южнаго Дагестана.

2) Всѣ пѣхотные полки на Кавказѣ имѣть въ 4-хъ баталіонномъ составѣ; изъ остающихся отъ всѣхъ полковъ лишнихъ баталіоновъ образовать новую 22-ю пѣхотную дивизію и такимъ образомъ имѣть всего пять пѣхотныхъ дивизій 19, 20, 21, 22 и гренадерскую.

3) Распредѣлить всѣ войска по корпусамъ, имѣя при этомъ въ виду, чтобы нѣкоторая часть ихъ въ каждомъ корпусѣ составляла подвижной резервъ, совершенно свободный отъ обязанности охранять линіи и пункты, и располагаемый не на передовыхъ линіяхъ и не въ постоянныхъ штабъ-квартирахъ, а внутри края, по обывательскимъ квартирамъ. При этомъ генералъ - адъютантъ Муравьевъ замѣчаетъ, что необходимость такихъ резервовъ выказывается при каждой войнѣ съ Турціею или Персіею и при всякомъ внезапномъ событіи на Кавказѣ, требующемъ немедленной высылки новыхъ войскъ изъ дальнихъ мѣстъ Россіи.

4) Въ сихъ видахъ предложено генераломъ Муравьевымъ слѣдующее распредѣленіе войскъ.

А. Въ корпусѣ правой стороны Кавказскаго края.

2-я бригада 19-й пѣхотной дивизіи въ нынѣшнемъ Центрѣ и на Правомъ флангѣ.

1-я бригада 19-й пѣхотной дивизіи въ резервѣ этого отдѣла.

Б. Въ корпусѣ лѣвой стороны Кавказскаго края.

20-я пѣхотная дивизія въ нынѣшнемъ Владикавказскомъ округѣ и на Лѣвомъ флангѣ.

2-я бригада 21-й пѣхотной дивизіи въ Сѣверномъ Дагестанѣ.

1-я бригада 21-й пѣхотной дивизіи въ резервѣ этого отдѣла.

В. Въ корпусѣ Закавказскомъ.

22-я пѣхотная дивизія въ Южномъ Дагестанѣ и на Лезгинской кордонной линіи.

2-я бригада Кавказской гренадерской дивизіи—въ резервѣ, въ Карабахѣ или въ другихъ мѣстахъ южной части Закавказскаго края (чтобы имѣть ближайшій резервъ на случай войны съ Персіею и Турціею, или для подкрѣпленія Южнаго Дагестана).

1-я бригада Кавказской гренадерской дивизіи—въ резервѣ около Тифлиса, гдѣ отъ нея же занимаются караулы.

Линейные баталіоны и другія части Кавказскихъ войскъ также распредѣляются по означеннымъ тремъ корпусамъ. Изъ числа остающихся шести Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, три предназначаемые для занятія Новороссійска были бы причислены къ Кавказскимъ линейнымъ баталіонамъ и подчинены начальнику Черноморіи, а другіе три баталіона переименовываются въ Грузинскіе и могутъ занять Сухумъ.

5) При такомъ распредѣленіи войскъ, непосредственные ихъ начальники могли бы командовать:

а) Начальникъ 19-й пѣхотной дивизіи—нынѣшнимъ Правымъ флангомъ и Центромъ.

б) Наказной атаманъ Черноморскаго казачьяго войска—кордонною линіею своей области и Закубанскимъ поселеніемъ, которое причисляется къ тому же Черноморскому войску.

в) Начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи—нынѣшнимъ Лѣвымъ флангомъ и Владикавказскимъ округомъ.

г) Начальникъ 21-й пѣхотной дивизіи Сѣвернымъ Дагестаномъ.

д) Начальникъ 22-й пѣхотной дивизіи—Южнымъ Дагестаномъ и Лезгинскою кордонною линію.

е) Начальникъ Кавказской гренадерской дивизіи, которую въ полномъ составѣ можно считать резервомъ Закавказскаго края, не будетъ имѣть никакого спеціальнаго назначенія для мѣстной обороны.

6) Корпусные командиры, имѣя пребываніе въ центрѣ своихъ войскъ, были бы посредствующею властію между начальниками диви-

зій и главнокомандующимъ. На нихъ были бы возложены не только распоряженія чисто-военныя, но и другія важныя обязанности въ раіонѣ ихъ корпусовъ, какъ то: наблюденіе за госпиталями, повѣрка строительныхъ и дорожныхъ работъ, заподряды всякаго рода, разборы сношеній дивизіонныхъ начальниковъ съ губернаторомъ или атаманомъ, инспектированіе дивизій, линейныхъ баталіоновъ и другихъ войскъ, входящихъ въ составъ корпуса. Впрочемъ кругъ дѣйствій корпусныхъ командировъ опредѣлился бы подробнѣе по зрѣломъ обсужденіи этого важнаго предмета, сообразно мѣстнымъ потребностямъ края.

7) Со введеніемъ предполагаемаго новаго устройства упразднились бы слѣдующія должности, управленія и штабы:

а) Командующаго войсками на Кавказской линіи и Черноморіи, пребываніе котораго въ Ставрополѣ оказывается неудобнымъ для военныхъ распоряженій.

б) Управленіе гражданскою частію въ Ставропольской губерніи, которое и нынѣ уже перешло временно въ завѣдываніе гражданскаго губернатора.

в) Главное управленіе Черноморской береговой линіи съ тремя ея отдѣленіями.

г) Званіе и штабъ командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ.

и д) Управленія Центра Кавказской линіи и Владикавказскаго округа.

Управленія же линейнымъ Кавказскимъ и Черноморскимъ войсками остались бы на прежнемъ основаніи; но наказные атаманы, по всѣмъ предметамъ военнаго и гражданскаго управленія, относились бы прямо къ главнокомандующему. Только по управленію кордонною линіею Черноморскій наказной атаманъ зависѣлъ бы отъ командира корпуса.

8) Относительно драгунскихъ полковъ генералъ-адъютантъ Муравьевъ, находя излишнимъ имѣть этотъ родъ кавалеріи въ Чиръ-Юртѣ и вообще въ Восточной части Кавказа, предлагаетъ оставить всѣ четыре полка въ резервѣ, не отдавая ихъ въ распоряженіе частныхъ кордонныхъ начальниковъ, а именно: одну бригаду на сѣверной сторонѣ Кавказа по квартирамъ, а другою—усилить резервъ въ Грузіи, на случай войны съ Персіею или Турціею.

9) Что же касается до предположенія князя Барятинскаго уровнять оклады жалованья войскъ Кавказской линіи съ Закавказскими, то генералъ Муравьевъ полагаетъ вопросъ этотъ оставить безъ послѣдствій, дабы эта мѣра не повлекла за собою новыхъ ходатайствъ объ усиленіи окладовъ Закавказскихъ войскъ на томъ основаніи, что

дороговизна на всѣ жизненныя потребности хотя и дѣйствительно возвысилась вездѣ, однакоже въ Закавказскомъ краѣ еще значительнѣе, чѣмъ на Кавказской линіи.

10) Въ заключеніе генералъ-адъютантъ Муравьевъ замѣчаетъ, что, какая бы ни была принята система для переформированія войскъ Кавказскаго корпуса, во всякомъ случаѣ неудобно приступить къ этому ранѣе осени нынѣшняго года.

Соображенія.

Доставленное намѣстникомъ Кавказскимъ предположеніе изложено только въ общихъ чертахъ, такъ что весьма многіе даже изъ существенныхъ предметовъ остаются еще необъясненными.

Такъ, напримѣръ, генералъ-адъютантъ Муравьевъ самъ указываетъ, что остается еще опредѣлить: на комъ изъ двухъ корпусныхъ командировъ Сѣверной части Кавказа будетъ лежать надзоръ за провіантскою и коммиссаріатскою коммиссіями и инженернымъ округомъ въ Ставрополѣ, кому должны быть подчинены крейсирующія вдоль восточнаго берега суда? и пр.

При томъ, по сознанію самого намѣстника Кавказскаго, сказанное имъ относительно Дагестана и Лезгинской кордонной линіи не можетъ быть принято какъ безусловное его убѣжденіе; ибо, не видѣвъ еще лично этихъ частей края, онъ не могъ оцѣнить степень связи, которая можетъ существовать въ военномъ отношеніи между Сѣвернымъ Дагестаномъ и Южнымъ, а равно между симъ послѣднимъ и Лезгинскою кордонною линіею. Посему генералъ-адъютантъ Муравьевъ предусматриваетъ, что, посѣтивъ эти мѣста, онъ можетъ найти нужнымъ предложить въ своемъ проектѣ значительныя измѣненія.

Слѣдовательно, въ настоящемъ положеніи дѣла не представляется еще возможности сдѣлать какое-либо по оному заключеніе. По чрезвычайной обширности и важности предметовъ, до которыхъ касаются эти предположенія, необходимо, устранивъ всякую поспѣшность въ рѣшеніи сего дѣла, обсудить оное со всею основательностію и во всѣхъ подробностяхъ.

Въ сихъ видахъ признавалось бы полезнымъ предложить генералъ-адъютанту Муравьеву, по ближайшемъ и окончательномъ разсмотрѣніи всѣхъ предметовъ, доставить подробный проектъ предполагаемыхъ преобразованій въ военномъ управленіи Кавказскаго края.

Образованіе предполагаемыхъ резервовъ, конечно, было бы полезно съ точки зрѣнія стратегической; но въ какой степени оно возможно въ исполненіи—рѣшить теперь нельзя, пока еще не опредѣлено,

гдѣ можетъ быть уменьшено количество войскъ, необходимыхъ собственно для охраненія края. Что же касается до расположенія сихъ резервовъ на обывательскихъ квартирахъ, то предположеніе это не встрѣтило бы препятствія на Кавказской линіи; но въ Закавказскомъ краѣ оно признано весьма неудобнымъ, а потому доселѣ всѣ принимаемыя правительствомъ мѣры клонились къ тому, чтобы неудобства этого избѣжать. При томъ должно полагать, что въ обыкновенное время, когда мы не находимся въ войнѣ ни съ Турціею, ни съ Персіею, означенные резервы не оставались бы праздными, а употреблялись бы то для работъ на передовыхъ линіяхъ, то для движеній въ горы, то для зимнихъ экспедицій и рубки просѣкъ; слѣдовательно они могли бы, такъ сказать, только урывками и на самое короткое время возвращаться въ свое квартирное расположеніе. Такъ было и въ прежнее время до устроенія постоянныхъ полковыхъ штабъ-квартиръ, которыя имѣли ту именно цѣль, чтобы избавить войска отъ напрасныхъ передвиженій назадъ на линію послѣ каждаго предпріятія и чтобы доставить имъ удобное размѣщеніе на самомъ театрѣ дѣйствій.

Наконецъ, будетъ ли справедливо и выгодно имѣть постоянно одну и туже часть войскъ въ резервѣ, въ спокойномъ помѣщеніи по казачьимъ станицамъ, тогда какъ другія войска будутъ постоянно же на передовыхъ линіяхъ?

Предлагаемое генералъ-адъютантомъ Муравьевымъ распредѣленіе пѣхотныхъ дивизій не устраняетъ тѣхъ невыгодъ, которыя онъ самъ указываетъ въ настоящемъ размѣщеніи войскъ: начальникъ 21-й пѣхотной дивизіи, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ Сѣвернаго Дагестана, имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи только одну бригаду своей дивизіи и не видѣлъ бы другой бригады, которую предполагается расположить въ резервѣ всей лѣвой половины Кавказской линіи, т.-е. гдѣ - нибудь на Терекѣ. Равномѣрно и начальникъ 22-й пѣхотной дивизіи будетъ неизбѣжно находиться при одной которой либо изъ двухъ своихъ бригадъ, изъ коихъ одна назначается для Южнаго Дагестана, а другая для Лезгинской линіи. Слѣдовательно, главная цѣль проекта поставить войска подъ ближайшій надзоръ прямыхъ своихъ начальниковъ не будетъ достигнута.

Раздѣленіе Дагестана на двѣ части съ подчиненіемъ ихъ двумъ разнымъ начальникамъ не можетъ быть признано удобнымъ. Многолѣтній опытъ и неоднократныя по этому предмету соображенія убѣдили вполнѣ въ пользѣ и необходимости соединенія всего Дагестана подъ одно общее начальство. Единство это еще важнѣе въ настоящее время по той причинѣ, что главная наша забота должна быть теперь обращена на утвержденіе нашего положенія въ Среднемъ Дагестанѣ,

тѣмъ болѣе, что съ 1845 года занятіе линіи по Казыкумыкскому Койсу уже связало Сѣверный Дагестанъ съ Южнымъ. Напротивъ того, между симъ послѣднимъ и Лезгинскою кордонною линіею не можетъ быть такого соединенія, чтобы обѣ эти части находились подъ непосредственнымъ начальствомъ одного лица. Можно полагать, что генералъ-адъютантъ Муравьевъ, по ближайшемъ ознакомленіи съ положеніемъ Прикаспійскаго края, самъ убѣдится въ невозможности предполагаемаго имъ раздѣленія.

Даже и основная мысль о раздѣленіи Кавказской линіи между двумя независимыми другъ отъ друга начальниками требовала бы еще внимательнѣйшаго обсужденія въ разныхъ отношеніяхъ. Хотя настоящее мѣстопребываніе въ Ставрополѣ командующаго войсками этой линіи дѣйствительно слишкомъ удалено отъ Лѣваго фланга и Владикавказскаго округа, однакоже, съ другой стороны, нельзя отвергнуть, что соединеніе въ одномъ лицѣ военнаго управленія всею линіею доставляетъ значительныя выгоды въ отношеніи единства распоряженій. Командующій войсками, имѣя въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи Коммисаріатскую и Провіантскую Коммиссіи, Инженерный Округъ, Арсеналъ, Линейное, Кавказское и Черноморское войска и всѣ вообще военныя средства въ Сѣверной части Кавказа, имѣлъ полную возможность, смотря по обстоятельствамъ, подкрѣпить ту или другую часть линіи. По проэкту генерала Муравьева пришлось бы всѣ названныя части и средства подчинить одному изъ корпусныхъ командировъ, что̀ очевидно неудобно и будетъ поводомъ къ безпрерывнымъ столкновеніямъ между сими начальниками. Прямое подчиненіе наказныхъ атамановъ главнокомандующему, помимо корпусныхъ командировъ, нарушаетъ существовавшее доселѣ единство военнаго управленія и вводитъ то именно раздвоеніе властей, которое самъ генералъ Муравьевъ старался устранить въ своемъ проэктѣ въ отношеніи регулярной пѣхоты. Черноморскій наказной атаманъ, подчиненный по дѣламъ кордоннымъ корпусному командиру, относился бы по *военному управленію* войскомъ прямо къ главнокомандующему.

При томъ должно замѣтить, что распредѣленіе войскъ на Кавказѣ не можетъ почитаться неизмѣннымъ: обстоятельства заставляютъ усиливать то одну часть линіи, то другую. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно было полезно имѣть значительное число войскъ въ Центрѣ и Владикавказскомъ округѣ, откуда, по распоряженію командующаго всею линіею, быстро направлялись части на подкрѣпленіе или Праваго фланга, или Лѣваго, смотря по тому, откуда угрожалъ непріятель, или гдѣ мы намѣревались усилить дѣйствія. Этотъ общій центральный резервъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ предполагаемые генераломъ Муравье-

вымъ два частные резерва, отдѣльно предоставленные въ распоряженіе каждаго изъ корпусныхъ командировъ. Весьма неудобно было бы и даже опасно положить черту разграниченія между двумя независимыми начальствами по Военно-Грузинской дорогѣ, т. е. именно въ той точкѣ, твердое занятіе которой всегда будетъ особенно необходимо какъ для обезпеченія нашего сообщенія съ Грузіею, такъ и для воспрепятствованія всякому покушенію враждебныхъ намъ горцевъ Лѣваго фланга войти въ связь съ Закубанскими ихъ союзниками.

Относительно распредѣленія резервовъ можно еще замѣтить слѣдующее неудобство въ предположеніи генералъ-адъютанта Муравьева. Для Сѣвернаго Дагестана резервъ предполагается на Терекѣ, для Южнаго Дагестана въ Карабахѣ: сомнительно, чтобы эти резервы подоспѣли въ минуту крайней надобности на угрожаемые пункты, особенно въ Средній Дагестанъ. Напротивъ того, въ сей послѣдней части края расположенныя войска могутъ быть истиннымъ резервомъ и для Сѣвернаго Дагестана, и для Южнаго.

Хотя по проекту генералъ-адъютанта Муравьева упраздняются нѣкоторыя управленія и должности, однако же трудно еще изъ доставленнаго очерка сдѣлать положительное заключеніе, будетъ ли въ общемъ результатѣ сокращеніе въ штатахъ управленій, или, напротивъ того, не окажется ли приращенія и въ личномъ составѣ, и въ суммахъ на содержаніе управленій? Въ этомъ отношеніи проектъ генералъ-адъютанта Муравьева существенно разнится отъ предположеній генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, который положительно указывалъ сокращеніе въ издержкахъ.

Генералъ-адъютантъ Муравьевъ отвергаетъ предположеніе о томъ, чтобы означенныя сбереженія обратить на уравненіе окладовъ жалованья всѣхъ Кавказскихъ войскъ, не опровергая однакоже показанія о значительномъ возвышеніи дороговизны на Сѣверной сторонѣ Кавказа. Если, не смотря на то, цѣны въ Закавказскомъ краѣ и нынѣ превышаютъ существующія цѣны на линіи, то едва ли можно изъ сего положительно заключить, что расположенныя на линіи войска не имѣютъ надобности въ усиленіи окладовъ. Кажется, главный вопросъ здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить: имѣются ли для подобнаго усиленія издержекъ достаточные источники.

Всѣ изложенныя соображенія убѣждаютъ въ томъ, что предлагаемыя важныя преобразованія далеки еще отъ зрѣлости и требуютъ внимательнаго и многосторонняго разсмотрѣнія. А потому необходимо ожидать отъ генерала Муравьева новыхъ по сему предмету представленій.

Между тѣмъ, кажется, не было бы препятствій къ исполненію того переформированія Кавказскаго корпуса, которое уже Высочайше утверждено и которое не требуетъ никакихъ измѣненій ни въ настоящемъ составѣ полковъ, ни въ расположеніи ихъ. Если впослѣдствіи и было бы рѣшено переформировать полки согласно предположенію генералъ-адъютанта Муравьева въ 4-хъ баталіонный составъ, съ образованіемъ новой дивизіи, то исполненію этого проекта нисколько не помѣшаетъ предписанное нынѣ распредѣленіе полковъ по дивизіямъ.

На этомъ докладѣ военнаго министра собственною Его Величества рукою написано карандашемъ:

«Согласенъ, и не вижу никакой необходимости отходить отъ утвержденнаго мною новаго состава войскъ Кавказскаго корпуса, и требую, чтобы онъ былъ приведенъ въ исполненіе въ самомъ скорѣйшемъ времени. Тоже относится и до формированія и распоряженія новыхъ драгунскихъ полковъ. « » Мая 1856 года».

Г. Докладъ военнаго министра

о нѣкоторыхъ административныхъ мѣрахъ въ отношеніи къ покорнымъ племенамъ Кавказа.

Во всѣхъ почти запискахъ, по Высочайшему повелѣнію сообщенныхъ генералъ-адъютанту Муравьеву, относительно предстоящаго образа дѣйствій на Кавказѣ, выражается съ большею или меньшею опредѣлительностію мысль о томъ, что для покоренія и усмиренія Кавказскихъ племенъ, кромѣ силы оружія, необходимы и другія мѣры административныя, дабы достигнуть того нравственнаго вліянія, которое составляетъ основаніе истинной и полной покорности народовъ.

Мѣры сего рода въ особенности указываются, съ замѣчательнымъ единогласіемъ, въ запискахъ генералъ-адъютантовъ Коцебу, князя Барятинскаго и отставнаго генералъ-маіора Вольфа.

Однакожъ генералъ-адъютантъ Муравьевъ, касаясь этого важнаго предмета, только въ отвѣтѣ своемъ на записку князя Барятинскаго находитъ, что всѣ изложенныя въ оной предположенія, какъ то о системѣ управленія покорными горцами, объ утвержденіи между ними поземельной собственности, о поддержаніи мѣстной аристократіи, о развитіи торговли и промышленности, суть только «общія сужденія объ отвлеченностяхъ», относящихся къ отдаленной будущности. По словамъ намѣстника Кавказскаго, «можно достигнуть желаемой цѣли только трудомъ, избраніемъ людей способныхъ и временемъ; но неудобно стѣснять мысль правящихъ формами и предначертанными дѣйствіями тамъ,

гдѣ сама природа представляется въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ». Къ этому генералъ Муравьевъ присовокупляетъ: «Начертать общее правило управленія горскихъ народовъ я нахожу невозможнымъ, а слѣдуетъ заняться каждымъ предметомъ исключительно, обсудить его и дѣйствовать съ постоянствомъ, клонясь къ предначертанной цѣли и не предаваясь мечтамъ».

Соображенія.

Нельзя дѣйствительно не признать, что для управленія краемъ необходимъ выборъ способныхъ людей, умѣющихъ благоразумно примѣняться къ обстоятельствамъ и мѣстнымъ условіямъ. Однакоже, съ другой стороны, всѣ дѣйствія частныхъ начальниковъ оставались бы безплодными, если бы главное начальство и правительство не указывали имъ общей цѣли и не давали имъ надлежащаго направленія, не стѣсняя тѣмъ нисколько ихъ ближайшихъ частныхъ распоряженій. Нельзя допустить, чтобы ходъ администраціи былъ предоставленъ случайному теченію, и самъ генералъ Муравьевъ признаётъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ управленія слѣдуетъ неуклонно стремиться къ извѣстной, предначертанной цѣли. Для того именно, чтобы начертать эту цѣль, возникла и настоящая переписка съ намѣстникомъ Кавказскимъ, отъ котораго ожидались точнѣйшія указанія самыхъ способовъ достиженія желаемыхъ результатовъ. Отъ него зависѣло не оставлять предложенныхъ на его обсужденіе вопросовъ въ сферѣ общихъ сужденій и отвлеченностей, а дать имъ направленіе практическое, сообразное съ настоящимъ ходомъ дѣлъ, ближе всего ему извѣстнымъ.

Впрочемъ, и въ сообщенныхъ генералъ-адъютанту Муравьеву запискахъ заключаются не одни умозрительныя сужденія, но многія указанія положительныя на такія мѣры, которыя непосредственно опредѣляютъ образъ дѣйствій мѣстнаго начальства.

1. *Относительно управленія покорными племенами* вопросъ возникъ еще въ 1849 году; многія относящіяся къ сему дѣлу предположенія хранятся въ штабѣ Кавказскаго корпуса и другихъ частныхъ управленіяхъ. Генералъ-адъютантъ Коцебу и генералъ-маіоръ Вольфъ, которымъ близко извѣстно это дѣло, свидѣтельствуютъ, что нѣкоторыя изъ имѣющихся предположеній заслуживаютъ полнаго вниманія и что весьма было бы полезно поспѣшить разсмотрѣніемъ оныхъ, дабы постановить правила, коими должны руководствоваться власти, поставляемыя правительствомъ надъ покорными племенами.

Само собою разумѣется, что правила эти не могутъ и не должны быть общія для всего Кавказскаго населенія; цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы всѣ части края подвести подъ одну нормальную форму

управленія, а напротивъ того въ благоразумнѣйшемъ примѣненіи правилъ къ разнообразнымъ правамъ, обычаямъ и духу племенъ, въ ограниченіи произвола и злоупотребленій мѣстныхъ начальниковъ или приставовъ, и въ постепенномъ водвореніи между покорнымъ населеніемъ Кавказа первыхъ началъ гражданственности.

2. *Относительно поземельной собственности* предлагаются также не предположенія умозрительныя, но мѣры уже испытанныя съ успѣхомъ. Произведенные опыты убѣждаютъ, что, не смотря на всѣ трудности, представляющіяся при размежеваніи земель покорныхъ горцевъ, операція эта не можетъ почитаться предпріятіемъ невозможнымъ, если будетъ продолжаема съ благоразуміемъ, осторожностію и твердою волею. Излишнимъ было бы прибавлять, что подобная мѣра предлагается не въ отношеніи «полудикихъ горцевъ», а для той части Кавказскаго населенія, которая вполнѣ уже покорна и постигла выгоды осѣдлости. Что же касается до средствъ къ исполненію этого предположенія, то въ этомъ отношеніи можно положиться на свидѣтельство генералъ-маіора Вольфа, къ которому и самъ генералъ Муравьевъ относитъ честь учрежденія въ Тифлисѣ многочисленнаго и отлично образованнаго корпуса межевщиковъ и топографовъ. Если же учрежденныя на линіи двѣ межевыя коммисіи, по отзыву генералъ-адъютанта Муравьева, доселѣ мало принесли пользы, по причинѣ ошибочной ихъ организаціи: то замѣчаніе это можетъ только служить подтвержденіемъ необходимости дѣятельныхъ мѣръ со стороны начальства, дабы дать этому дѣлу надлежащее движеніе.

3. *Торговыя сношенія съ горцами* также не могутъ быть предоставлены случайности и произволу; они требуютъ нѣкоторыхъ общихъ правительственныхъ распоряженій. Недостатокъ положительныхъ по сему предмету постановленій былъ доселѣ поводомъ ко многимъ несообразностямъ, вредившимъ нашему вліянію на горцевъ: начальники двухъ сосѣднихъ частей края, въ сношеніяхъ съ одними и тѣми же племенами, слѣдовали совершенно противуположнымъ системамъ; что̀ запрещалъ одинъ, то поощрялъ другой. Нельзя отвергать, что, для устраненія подобныхъ несообразностей, необходимо прямое вмѣшательство высшаго начальства, которое установляетъ общія правила, основанныя на видахъ политическихъ. При томъ надо замѣтить, что виды сіи часто побуждаютъ правительство поддерживать, съ нѣкоторыми даже пожертвованіями, такія торговыя сношенія, которыя часто въ экономическомъ отношеніи вовсе не выгодны. Если въ благоустроенномъ государствѣ признаются необходимыми въ извѣстныхъ случаяхъ преміи и покровительственныя мѣры, то несравненно еще въ большей степени потребно участіе правительства, дабы завязать

торговыя сношенія съ полупокорными племенами, которыя мы хотимъ привязать къ себѣ силою интересовъ вещественныхъ и вліянія нравственнаго.

4. Еще одно весьма важное орудіе для будущаго успѣха нашего владычества на Кавказѣ указывается въ запискѣ генералъ-маіора Вольфа: именно, учрежденіе мѣстныхъ *школъ* для дѣтей покорныхъ горцевъ. Предположенія по этому предмету также давно уже составлены и хранятся вѣроятно въ штабахъ безъ движенія.

5. Наконецъ, и самъ генералъ Муравьевъ въ своихъ предположеніяхъ относительно Центра Кавказской линіи, признаётъ, что между нѣкоторыми племенами необходимо, для окончательнаго утвержденія нашего вліянія, прибѣгнуть къ проповѣди христіанской. Намѣстнику Кавказскому извѣстно предположеніе, которому уже и положены были первыя начала, о водвореніи миссіонеровъ въ Абхазіи, при древнемъ храмѣ Пицундскомъ. Могутъ быть предложены и другія подобныя мѣры для постепеннаго обновленія въ Кавказскихъ горахъ древняго христіанства, оставившаго и доселѣ глубокіе слѣды, не смотря на вѣковое отчужденіе племенъ отъ всего образованнаго міра.

Однимъ словомъ, по всѣмъ исчисленнымъ предметамъ, которыхъ первостепенная государственная важность признаётся и самимъ намѣстникомъ Кавказскимъ, не слѣдуетъ нынѣ оставлять дѣла безъ движенія, а напротивъ того желательно принять новыя мѣры для успѣшнѣйшаго его хода въ будущемъ.

Испрашивается разрѣшеніе.

Благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству, чтобы генералъ-адъютанту Муравьеву сообщено было высочайшее повелѣніе по всѣмъ объясненнымъ выше предметамъ пересмотрѣть: на чемъ остановилась прежняя переписка и, сообразивъ вновь, что́ можно теперь сдѣлать полезнаго въ отношеніи покорныхъ племенъ Кавказа, войти въ свое время съ особыми по каждому предмету представленіями *)?

На этомъ докладѣ собственною Его Величества рукою написано карандашомъ: «Согласенъ. Мая 1856 года».

---

*) Изъ записки этой можно видѣть, что предположенія Н. Н. Муравьева, не только по чисто-военной, но и по административной частямъ, не подавали особыхъ надеждъ на успѣшность его главнаго начальствованія на Кавказѣ. Само собою, это главнѣйшимъ образомъ облегчало князю Барятинскому проводить свои соображенія, и мнѣніе, преобладавшее въ обществѣ того времени, что увольненіе Муравьева и назначеніе князя исключительно мотивированы личными чувствами Государя, оказывается несостоятельнымъ.

д. Записка военнаго министра отъ 5 Мая 1856 г. № 257

Объ общемъ планѣ дѣйствій на Кавказѣ.

При всеподданнѣйшемъ докладѣ 2-го сего Мая, предварительно доведено до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества свѣдѣнія объ отзывахъ, полученныхъ въ то время отъ намѣстника Кавказскаго, по содержанію нѣсколькихъ сообщенныхъ ему записокъ, относительно общаго плана дѣйствій на Кавказѣ, нѣкоторыхъ предложенныхъ въ военномъ устройствѣ края преобразованій и въ особенности предстоящаго назначенія 13 и 18 пѣхотныхъ дивизій.

Нынѣ, по разсмотрѣніи въ общей связи всѣхъ означенныхъ отзывовъ генералъ-адъютанта Муравьева, всеподданнѣйше повергаются при семъ на высочайшее Вашего Величества воззрѣніе подробные по каждому предмету доклады.

Доклады эти предварительно сообщены были на разсмотрѣніе генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, который представилъ свое по онымъ заключеніе въ особой запискѣ.

Хотя я не раздѣляю вполнѣ его мнѣнія и остаюсь при прежнемъ моемъ заключеніи, изложенномъ въ представляемыхъ вмѣстѣ съ симъ докладахъ, тѣмъ не менѣе долгомъ считаю записку князя Барятинскаго повергнуть также при семъ въ подлинникѣ на высочайшее Вашего Императорскаго Величества воззрѣніе.

Рукою Государя написано карандашомъ: «Я, напротивъ, того, вполнѣ раздѣляю мнѣніе князя Барятинскаго. 6 Мая 1856 года».

е. Отъ генерала-адъютанта князя Барятинскаго.

Новое устройство Восточнаго берега Чернаго моря.

Въ запискѣ, мною представленной, я изложилъ уже, что Черноморская береговая линія, отъ неправильнаго ея устройства, не приносила ожидаемой пользы и что нѣтъ никакой выгоды возобновлять ее на прежнемъ основаніи. Оставляя пункты бывшаго 2-го отдѣленія вовсе незанятыми нашими войсками, я полагаю, что относительно устройства сѣверной и южной части, т. е. бывшихъ 1 и 4-го отдѣленій, должно быть принято въ соображеніе общее, мною предложенное правило, чтобы войска въ строевомъ и хозяйственномъ отношеніи и самый край, ими занятый, состояли подъ главнымъ начальствомъ одного лица.

На этомъ основаніи и имѣя при томъ въ виду, что эти отдѣленія береговой линіи не имѣютъ между собою никакой связи, не зависятъ одно отъ другаго, а потому не представляютъ никакой надобности находиться подъ однимъ общимъ управленіемъ, я полагалъ бы: изъ 3-го отдѣленія бывшей Черноморской береговой линіи и Кутаиской губерніи образовать, какъ и было прежде, военную область съ наименованіемъ Имеретинской, подъ управленіемъ одного лица, непосредственно подчиненнаго намѣстнику Кавказскому.

При такомъ устройствѣ гораздо легче будетъ одному начальнику согласовать безпрестанныя и разнородныя домогательства владѣтелей этой части Закавказскаго края.

Для постояннаго занятія пунктовъ бывшаго 3-го отдѣленія, достаточно будетъ шести Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, оставшихся изъ числа 16-ти, за сформированіемъ двухъ полковъ въ составъ 19-й дивизіи, которые могли бы расположиться:

Въ Сухумѣ.	12	ротъ
» Марамбѣ	2	»
» Пицундѣ	1	»
» Гаграхъ	2	»
» Редутъ-Кале	1	»
» Озургетахъ съ Николаевскимъ постомъ и Поти.	6	»
Итого....	6	баталіоновъ.

Сѣверная часть береговой линіи, т. е. бывшее 1-е отдѣленіе должна быть присоединена къ Черноморіи и вмѣстѣ съ нею подлежать управленію начальника вновь предполагаемаго Праваго фланга Кавказской линіи.

Для постояннаго занятія пунктовъ сѣверной части береговой линіи достаточно назначить одинъ полкъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, расположивъ его такимъ образомъ:

Въ Анапѣ	7	ротъ
» Фортѣ Раевскій	1	»
» стан. Суворовской	1	»
» стан. Витязевой	1	»
» Николаевской	1	»
» Александровской съ Джеметеевскимъ укрѣпленіемъ, Нашебургскимъ редутомъ и вновь возведеннымъ на рѣкѣ Джигѣ по	1	»
» Новороссійскѣ	2	бат.
Итого....	5	баталіоновъ.

Съ подчиненіемъ по этому предположенію всей Черноморіи и Сѣвернаго отдѣленія береговой линіи, подъ управленіемъ генералъ-лейтенанта Козловскаго, и при послѣдовавшемъ уже переименованіи частей войскъ Кавказской линіи, представилась бы полная возможноть установить правильное раздѣленіе мѣстныхъ управленій, при которомъ военные начальники разныхъ частей края, были бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и прямыми начальниками по внутреннему управленію войскъ, подчиненныхъ имъ въ военномъ отношеніи.

Для скорѣйшаго достиженія этой цѣли, начальнику 20-й пѣхотной дивизіи слѣдуетъ подчинить Лѣвый флангъ и Владикавказскій округъ, сравнивъ генераловъ Козловскаго и Евдокимова во всемъ относительно управленія, такъ какъ въ вѣдѣніи каждаго будетъ находиться по цѣлой боевой дивизіи, равное число линейныхъ баталіоновъ и другія войска.

По устройствѣ сѣвернаго и южнаго отдѣленій Черноморской береговой линіи, необходимо возстановить усиленный надзоръ нашъ за пространствомъ между Новороссійскомъ и Гаграми, чего можно достигнуть съ успѣхомъ, учредивъ постоянное крейсерство изъ судовъ малаго ранга съ винтовыми двигателями, числомъ, сколько найдено будетъ возможнымъ, согласуясь съ послѣднимъ договоромъ. Суда эти должны быть снабжены и полнымъ парусныімъ вооруженіемъ, чтобы они могли ходить на парусахъ и поднимать пары только для преслѣдованія и поимки контрабанднаго судна.

Эскадра эта, командированная отъ Черноморскаго флота, должна дѣлиться на двѣ части и состоять въ подчиненіи: одна часть у начальника сѣвернаго прибрежья Чернаго моря, а другая у начальника южнаго прибрежья. Крейсерство ея отъ крайнихъ сѣвернаго и южнаго пунктовъ, т. е. отъ Новороссійска и Гагры должно простираться до средины бывшаго 2-го отдѣленія, или, примѣрно, форта Лазарева.

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ возстановить, на прежнемъ основаніи, крейсерство вооруженныхъ баркасовъ по берегамъ, кои предполагаются нынѣ къ занятію. Абхазскій берегъ преимущественно долженъ быть подъ бдительнымъ наблюденіемъ сихъ крейсеровъ, для преслѣдованія и поимки контробандныхъ кочермъ, такъ какъ Абхазскій берегъ особенно заманчивъ для контробандистовъ. Между Анапою и Новороссійскомъ не потребуется въ этомъ отношеніи усиленнаго наблюденія, потому что мы всегда будемъ имѣть возможность заставить горцевъ, живущихъ въ тѣхъ краяхъ, исполнять наши требованія.

Способъ занятія Восточнаго берега Чернаго моря.

Важнѣйшимъ и неотлагательнымъ дѣйствіемъ нашимъ на восточныхъ берегахъ Чернаго моря должно быть занятіе, до закрытія на-

вигаціи въ нынѣшнемъ году, бывшихъ 1 и 3-го отдѣленій Черноморской береговой линіи, имѣя при томъ въ виду, чтобы оно не было сопряжено съ новыми жертвами, или покрайней мѣрѣ съ наивозможно меньшею потерею людей.

Для сего я полагалъ бы необходимымъ: не теряя времени, войти въ сношеніе съ Турецкимъ правительствомъ касательно правильной передачи крѣпостей и военныхъ пунктовъ, ими занятыхъ по восточному берегу, что̀ имѣло бы весьма выгодное для насъ вліяніе на умы горцевъ, показавъ имъ миролюбивыя отношенія наши съ султаномъ Турецкимъ и погасивъ тѣмъ воспламененныя надежды ихъ на помощь и сочувствіе главнаго покровителя исламизма.

Занятіе Анапы и Новороссійска весьма не трудно; ибо военныя средства, находящіяся въ Черноморіи, весьма достаточны, дабы безъ большой потери въ людяхъ и времени занять тотчасъ же главные пункты означеннаго пространства и водворить въ немъ тоже вліяніе и тотъ же порядокъ, которые существовали до войны.

Одновременно съ этимъ, слѣдовало бы употребить часть войскъ, находящихся въ Мингреліи, для занятія съ морской стороны сперва Гагръ однимъ баталіономъ пѣхоты *). Пунктъ этотъ необходимо возобновить и укрѣпить прежде всего, чтобы замкнуть Убыхамъ ворота для вторженія въ Абхазію, такъ какъ Гагринское ущелье служитъ имъ единственнымъ удобнымъ для сего путемъ **). Потомъ вторымъ десантомъ въ два баталіона занять Сухумъ. Отрядъ въ четыре баталіона долженъ въ тоже время подходить къ послѣднему пункту сухимъ путемъ.

По водвореніи войскъ нашихъ въ Сухумѣ, слѣдовало бы тотчасъ вступить въ сношеніе съ вліятельными людьми въ Цебельдѣ и затѣмъ уже занять Марамбу, безъ чего занятіе Цебельды можетъ стоить намъ потери людей.

Для лучшаго и удобнѣйшаго осуществленія этой мысли и для устраненія потери, я полагалъ бы поручить экспедицію владѣтелю Абхазіи, что̀ возстановитъ его въ общемъ мнѣніи и возстановитъ, въ глазахъ его, собственное его достоинство. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ исполнитъ ее хорошо, потому что въ порученіи этомъ будетъ видѣть двоякую для себя пользу: возстановить честь свою и власть надъ краемъ. Это предположеніе тѣмъ основательнѣе, что и выводъ войскъ

---

*) Съ окончательнымъ возстановленіемъ укрѣпленій, двѣ роты должны быть оттуда выведены, согласно вышеизложенной дислокаціи.

**) Это мнѣніе, впрочемъ, было ошибочно и держалось долго у высшихъ властей. Впослѣдствіи, при болѣе подробномъ знакомствѣ съ этими мѣстами, оказалось, что Гагры можно было обходить.

нашихъ изъ Абхазіи былъ возложенъ на него, и ему обязаны мы полнымъ успѣхомъ этого труднаго дѣла, въ которомъ не потеряно ни одного человѣка.

Значеніе главныхъ пунктовъ 1-го и 3-го отдѣленій бывшей Черноморской береговой линіи.

Изложивъ мнѣніе мое относительно военнаго занятія сѣверной и южной части прибрежья Чернаго моря, обращаюсь къ соображеніямъ: какого устройства потребуютъ важнѣйшіе пункты этого прибрежья, немедленно по занятіи ихъ.

Анапа составляетъ опорный пунктъ нашъ въ сѣверной части береговой линіи. Поэтому необходимо укрѣпить ее какъ съ моря, такъ и съ сухаго пути, замѣнивъ крѣпостныя сооруженія прежней Турецкой постройки сооруженіями по системѣ новѣйшей фортификаціи. Недостатокъ въ Анапѣ хорошей прѣсной воды составляетъ второстепенное неудобство: она дѣйствительно пользуется водою извнѣ, хотя и не въ дальнемъ отъ города разстояніи; но въ ней есть множество колодцевъ, которыми, несмотря на соленогорькій вкусъ воды, гарнизонъ можетъ пользоваться при новѣйшемъ открытіи приборовъ для очистки такой воды, коими и должна быть снабжена крѣпость.

Новороссійскъ долженъ быть возобновленъ преимущественно какъ торговый городъ; укрѣпленіе его необходимо только для защиты отъ горцевъ. Онъ отстоитъ отъ Анапы въ 42-хъ верстахъ; на половинѣ этого разстоянія слѣдуетъ возобновить бывшій *фортъ - Раевскій* *), прикрывающій дорогу отъ Анапы до Новороссійска и служащій для очереднаго выступленія колоннъ по сообщенію между этими двумя пунктами. Затѣмъ, вмѣсто бывшихъ укрѣпленій Абинскаго и Гостогая, необходимо построить укрѣпленіе на *Адагумѣ*, по пути отъ Новороссійска къ бывшему Абинскому укрѣпленію. По направленію этому, отъ Новороссійска чрезъ горный хребетъ, проложена уже дорога, названная Константиновскою. Пунктъ этотъ будетъ служить намъ, во время движеній во внутрь края, для сбора войскъ, помѣщенія больныхъ и раненыхъ и помогать непосредственному военному сообщенію между Новороссійскомъ и Черноморіею.

Для сообщенія сѣверной части береговой линіи съ землею Черноморскаго казачьяго войска, есть нѣсколько переправъ. Первая переправа чрезъ Бугазскій лиманъ должна быть возстановлена для одиночнаго слѣдованія изъ Черноморіи въ Анапу, съ возобновленіемъ

*) У родника, въ 1½ верстахъ отъ бывшаго укрѣпленія сего имени, по причинѣ дурной тамъ воды.

для сего башни, бывшей на Джеметеѣ. Какъ путь, отъ нея идущій въ Анапу берегомъ по косѣ, легко можетъ быть прерванъ со стороны моря, то для движенія, въ нужномъ случаѣ, войскъ изъ Черноморіи существуетъ болѣе удаленная отъ моря другая переправа, устроенная на р. Джигѣ, гдѣ есть для прикрытія ея небольшая батарея. Переправа эта, какъ удобная по открытой мѣстности своей и ближайшая къ Анапѣ, представляетъ въ этомъ отношеніи преимущество предъ Варениковою пристанью и переправою у Ольгинскаго укрѣпленія.

На Абхазскомъ берегу необходимо укрѣпить прежде всего *Гагры*, чтобы замкнуть, какъ я сказалъ, Убыхамъ ворота для вторженія въ Абхазію.

Бомборы занимать и укрѣплять вновь нѣтъ никакой надобности; но надо улучшить сухопутное сообщеніе отъ Сухума до Бомборъ, чтобы войска наши легко могли проникать въ Бзыбскій округъ.

Укрѣпленіе Марамбу въ Цебельдѣ слѣдуетъ возобновить потому, что Цебельдинцы, хотя и считаются покорными намъ, могутъ еще предаваться волненіямъ.

Затѣмъ дальнѣйшіе пункты до самаго Николаевскаго форта, въ военномъ отношеніи не имѣли и прежде никакого значенія, служа намъ только карантинно-таможенными постами, для надзора за Абхазскимъ берегомъ. Посты эти, для той же цѣли, я нахожу необходимымъ возобновить на всемъ пространствѣ между Гаграми и Азіатско-Турецкою границею.

Сухумъ-Кале замѣчателенъ преимущественно по обширности и удобству своей бухты, дающей ему первое мѣсто между портами восточнаго берега.

*

На этой запискѣ князя Барятинскаго собственною Его Величества рукою написано карандашемъ:

«Мысли изложенныя въ сей запискѣ нахожу весьма основательными и совершенно согласенъ съ ними».

«Снестись съ Его Высочествомъ генералъ-адмираломъ о способѣ исполненія по морской части».

„12“ Іюня 1856 года.

Скрѣпилъ генералъ отъ артилеріи Сухозанетъ.

Глава II.

Поздній отъѣздъ на Кавказъ.—Пребываніе въ Москвѣ.—Путешествіе по Волгѣ и Каспійскому морю.—Прибытіе въ Петровскъ и Темиръ-ханъ Шуру.—Рекогносцировка къ Гимринскому спуску. — Предположенія о Закаспійскомъ краѣ и письмо къ Великому Князю Константину Николаевичу.—Отвѣтъ Его Высочества.—Письмо Буткова.—Пріѣздъ въ Тифлисъ.—Письмо къ Государю.—Второе письмо къ Великому Князю.

После состоявшагося 22 Іюля 1856 г. назначенія, князь Барятинскій еще не скоро уѣхалъ на Кавказъ. Разрѣшеніе многихъ вопросовъ удерживало его въ Петербургѣ. Затѣмъ онъ долженъ былъ находиться въ Москвѣ при коронаціи Императора Александра II. Такъ прошло время до Октября.

Само собою, разъ высокій постъ Кавказскаго намѣстника и главнокомандующаго былъ князю довѣренъ, всѣ вопросы, имъ возбужденные, за весьма рѣдкими исключеніями, разрѣшались согласно его желанію, хотя не было недостатка въ болѣе или менѣе сильныхъ противникахъ, какъ по гражданскимъ, такъ и по военнымъ дѣламъ. Это и понятно: зависть—одинъ изъ слишкомъ сильно привитыхъ человѣчеству пороковъ, и чѣмъ выше по общественной лѣстницѣ, тѣмъ сильнѣе она обуреваетъ людей, особенно не отличающихся достаточными умственными качествами. Въ отношеніи князя Барятинскаго это тѣмъ сильнѣе должно было проявиться, что онъ достигъ назначенія на одинъ изъ высшихъ государственныхъ постовъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта и въ такомъ возрастѣ, когда рѣдкіе достигаютъ званія начальника дивизіи.

Въ числѣ сильныхъ противниковъ князя Барятинскаго оказался и новоназначенный военный министръ Сухозанетъ. При каждомъ удобномъ случаѣ, дѣлались имъ разныя задержки или вовсе отказы въ разрѣшеніи представленій и т. п. Основываясь на бѣдственномъ финансовомъ положеніи Россіи

Фото-гравюра Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

ВЪѢЗДЪ КНЯЗЯ А. И. БАРЯТИНСКАГО ВЪ ТИФЛИСЪ (8 НОЯБРЯ 1856 Г.)

и необходимости сокращать до крайности издержки, *не вѣря въ возможность рѣшительныхъ успѣховъ въ дѣлѣ покоренія Кавказа*, генералъ Сухозанетъ не пропускалъ случаевъ тормозить удовлетвореніе ходатайствъ главнокомандующаго и особенно объ оставленіи 13-й и 18-й пѣхотныхъ дивизій на Кавказѣ. Если бы не личное согласіе Государя съ мнѣніями князя Барятинскаго, то, очень быть можетъ, Петербургскія канцеляріи настояли бы на своемъ и затянули бы дѣло опять на неопредѣленное время.

Былъ ли образъ дѣйствій генерала Сухозанета слѣдствіемъ личнаго нерасположенія или искренняго убѣжденія, для сущности дѣла безразлично и, повторяю, только воля Государя устранила неизбѣжно-неудачный результатъ. (Изъ значительнаго количества писемъ между княземъ Барятинскимъ и генераломъ Сухозанетомъ нѣсколько особенно выдающихся, рисующихъ характеръ ихъ взаимныхъ отношеній, помѣщены въ приложеніи). О сокращеніи расходовъ, объ экономіи постоянно напоминалъ и самъ Государь; пререканія же князя Барятинскаго съ военнымъ министромъ привели даже къ довольно чувствительному внушенію Государя въ частномъ письмѣ, при чемъ выражался взглядъ, что министръ обязанъ доводить обо всемъ до высочайшаго свѣдѣнія и что онъ отвѣтственъ за военную часть, что Государь находитъ столкновенія эти несоотвѣтствующими характеру князя и его всегда благоразумному образу дѣйствій, наконецъ надѣется, что это прекратится и не будетъ больше повода возвращаться къ этому предмету. Въ результатѣ было примиреніе князя съ министромъ и письмо къ Государю, съ обѣщаніемъ исполнить его повелѣніе.

Когда по Кавказу разнеслась вѣсть о назначеніи князя Александра Ивановича, со всѣхъ сторонъ раздавалось: „слышали, знаете?“ и всѣ были рады, веселы, какъ бы торжествуя какую-то личную побѣду. Надъ кѣмъ, надъ чѣмъ побѣду,—большинство едва ли съумѣло бы объяснить. Какое-то инстинктивное чутье лучшаго будущаго, послѣ недовольства настоящимъ, увѣренность, что съ Кавказа снимается, если можно такъ выразиться, тягость монастырской, аскетической атмосферы, что вмѣсто мертвящей, суровой тишины, постоян-

наго дрожанія въ ожиданіи каръ, настанетъ прежняя, дѣятельная жизнь, прежнія надежды на щедрыя награды за самоотверженные труды, что судьба края попала въ руки истаго Кавказца, участника Даргинской экспедиціи, взятія Гергебиля, бывшаго командира Кабардинцевъ, начальника Лѣваго фланга, иниціатора первыхъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Чечни, помощника любимаго вождя князя Воронцова, однимъ словомъ, въ руки князя Барятинскаго, молодаго, энерическаго, щедраго, привѣтливаго, пользующагося полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ Государя. Все это и было причиной общей радости, общаго праздничнаго настроенія и какъ бы торжества надъ Н. Н. Муравьевымъ—вводителемъ уже несовременной Спартанской системы, налагающей тяжелую печать суровости и мертвенности на всѣхъ и вся.

Второй разъ приходилось пишущему эти строки быть свидѣтелемъ восторженнаго общественнаго настроенія по случаю полученія извѣстій о назначеніи новаго главнаго начальника на Кавказъ. Въ началѣ 1845 года извѣстіе о назначеніи князя Воронцова произвело чрезвычайный эффектъ: отъ мелкаго чиновника до высшихъ начальствующихъ лицъ, отъ Тифлисскихъ дамъ до Армянскихъ коммерческихъ людей, всѣ пришли въ восторгъ. Почему, главнымъ образомъ, радость была такая общая? Потому, что предшествовавшее управленіе было не по душѣ Кавказу. Не говоря о печальныхъ неудачахъ нашихъ въ войнѣ съ Шамилемъ, вся манера предмѣстника князя Воронцова,—хотя и умнаго, и весьма почтеннаго человѣка,—была не въ духѣ Кавказскаго населенія, ни Русскаго, ни туземнаго. Совершенно тоже повторилось и при назначеніи князя Барятинскаго, тѣже причины повели къ тѣмъ же послѣдствіямъ; да кромѣ того, на сторонѣ князя Александра Ивановича было еще и его недавнее прошлое на Кавказѣ.

Въ особенности въ Грозной и на всемъ Лѣвомъ флангѣ ликованіямъ не было конца. Здѣсь князя Барятинскаго считали совсѣмъ своимъ: здѣсь онъ командовалъ полкомъ, здѣсь жилъ начальникомъ дивизіи и фланга, здѣсь водилъ отряды въ Чечню и достигалъ блестящихъ успѣховъ: здѣсь онъ, такъ сказать, окавказился, свыкся и полюбилъ край, усво-

илъ особенности, выработалъ систему военныхъ и административныхъ дѣйствій; здѣсь всѣ были его приверженцами, не исключая самихъ Чеченцевъ, уважавшихъ храбраго, рѣшительнаго, щедраго человѣка.

Вотъ что́ по поводу назначенія князя писали изъ Грозной въ газету „Кавказъ“ (№ 75, 23 Сент. 1856 г.). „Въ началѣ Августа, въ крѣпости Грозной узнали о назначеніи генералъ-адъютанта князя Барятинскаго командующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ. Между передовыми Кавказскими укрѣпленіями почта ходитъ нескоро; мы получили только нѣсколько спѣшныхъ строкъ съ нарочнымъ изъ Тифлиса. Въ нѣсколько часовъ эта вѣсть облетѣла весь Лѣвый флангъ. Каждый офицеръ здѣшняго гарнизона, имѣвшій родственника или друга внѣ Грозной, торопился сію же минуту извѣстить его объ этомъ. Частные люди порознь, или сложившись вмѣстѣ, нанимали нарочныхъ и разсылали ихъ во всѣ концы края. Однополчане отправляли гонцовъ къ своимъ баталіонамъ или ротамъ, занимавшимъ отдѣльные пункты. Въ каждой офицерской квартирѣ гремѣли заздравные клики князю Александру Ивановичу. На улицѣ, на базарѣ шелъ радостный говоръ между солдатами, казаками, поселянами; вся эта толпа считала себя военною семьею, родною дружиной князя Барятинскаго, съ первыхъ шаговъ его поприща. Лица сіяли удовольствіемъ какъ въ первыя минуты, вѣнчающія выигранное сраженіе. Не прошло и часа, какъ толпы Чеченскаго населенія стали уже тѣсниться передъ домомъ своего управленія. Сначала они слушали эту вѣсть недовѣрчиво, какъ будто принимая ее за уловку; но когда она была объявлена начальникомъ, для аула насталъ такой же праздникъ, какъ и для крѣпости. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Русская нога стала на Терекѣ, взаимное сочувствіе связало насъ съ фанатическимъ населеніемъ Чечни; общая довѣренность къ одному человѣку изглаживала въ сердцахъ на эти минуты слѣды пятнадцати-лѣтней борьбы на смерть. Общая радость Кавказскаго войска, безграничная довѣренность его къ новому полководцу естественны. Онъ для насъ не новый: онъ, какъ воинъ-воспитанникъ Кавказской семьи: онъ съ молоду дѣлилъ нашу жизнь, полную заботъ и самопожертвованія.

былъ два раза раненъ и до сихъ поръ носитъ въ груди горскую пулю. Онъ прошелъ на Кавказѣ всѣ ступени службы, командовалъ казачей сотней, батальономъ, полкомъ, бригадой, дивизіею, былъ начальникомъ главнаго штаба и дѣйствительно заслужилъ на этихъ мѣстахъ уваженіе всѣхъ и всѣхъ любовь къ себѣ. Это именно такой случай, когда одинъ человѣкъ можетъ говорить отъ лица общества. Гулъ ста тысячъ голосовъ, считая одно только войско, когда солдаты поздравляли другъ друга съ назначеніемъ князя Барятинскаго, какъ съ Господнимъ праздникомъ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о настроеніи общаго чувства. На Лѣвомъ флангѣ радость войскъ выражалась еще громче, если можно, чѣмъ гдѣ-нибудь: здѣсь и самое дѣло виднѣе. Въ 1851 году князь Барятинскій принялъ начальство въ этомъ краѣ и командовалъ всего два года. Тогда глубина Чечни была точно завѣшена отъ насъ покрываломъ, такъ она была дика и непроходима; въ дебряхъ ея гнѣздилось самое кровожадное изъ непокоренныхъ племенъ. Въ два года управленія князя Барятинскаго данъ былъ такой могучій оборотъ, что теперь съ 15 казаками можно ѣздить по передовымъ укрѣпленіямъ, гдѣ четыре года тому назадъ нельзя было пройти иначе, какъ съ баталіономъ и артиллеріею, и то самое населеніе, которое рѣзалось съ нами, не прося и не давая пощады, теперь мирное, стекается въ улицѣ Грозной, чтобы привѣтствовать радостными кликами назначеніе новаго *сардаря*, покорителя страны ихъ. Сто тысячъ Кавказскихъ солдатъ считаютъ назначеніе князя Барятинскаго царскою наградой за свою службу. Они столько трудились и столько трудятся для отечества, что имъ позволено считать себя достойными награды, и нынѣ Кавказъ имѣетъ право гордиться, что онъ доросъ, наконецъ, до такой степени возмужалости, когда изъ его же среды выбранъ ему главный начальникъ; что онъ въ своей семьѣ, въ своемъ быту воспиталъ себѣ полководца, который знаетъ, что́ такое Кавказъ, и которому нечего уже учиться цѣнить его. Занимающій край, совершенно не похожій на остальную Россію, поставленный въ исключительныхъ обстоятельствахъ, Кавказскій корпусъ по неволѣ долженъ былъ выдѣлать себѣ своеобразную личность, и, конечно, никто объ

этомъ не пожалѣетъ, когда въ этой личности есть такія черты, напримѣръ, что Кавказскій солдатъ на царской службѣ не считаетъ смерть или побѣду „послѣдней энергіей воина", что онъ своему полководцу поклянется побѣдить и исполнитъ клятву, хотя бы противъ въ четверо сильнѣйшаго непріятеля, потому что онъ „не считаетъ никого въ свѣтѣ сильнѣе себя, пока оружіе у него въ рукахъ", какъ говорилъ Эвменъ Антигону. Но чѣмъ развитѣе и чѣмъ своеобразнѣе личность Кавказскаго воина, тѣмъ важнѣе для него быть подъ рукою начальника, который его понимаетъ. Вотъ отчего, когда разнеслась вѣсть о назначеніи князя Барятинскаго командующимъ нашимъ корпусомъ, на всѣхъ концахъ Кавказа старые служивые снимали шапки и говорили молодымъ товарищамъ: „смотрите, за Богомъ молитва, за Царемъ служба никогда не пропадаютъ".

Одинъ изъ первыхъ, извѣстившихъ князя Барятинскаго о впечатлѣніи, произведенномъ его назначеніемъ въ Тифлисѣ, былъ владѣтель Абхазіи. Князь Михаилъ Шервашидзе 1-го Августа 1856 г. изъ Тифлиса писалъ между прочимъ: „Мнѣ бы хотѣлось еще много написать и разсказать вашему сіятельству, но пока ограничусь однимъ извѣщеніемъ васъ, что 31-го Іюля вечеромъ весь городъ ликовалъ и торжествовалъ; событіе тѣмъ пріятнѣе для всѣхъ насъ, что оно совершилось неожиданно и такъ скоро". Подобныхъ, вполнѣ искреннихъ изъявленій было получено княземъ немало; но были, само собою, и обычныя, искусственныя.—Кстати приведу примѣръ: въ Пятигорскѣ, жена генерала, въ завѣдываніи котораго состояло управленіе минеральныхъ водъ, на бульварѣ, среди кружка знакомыхъ, съ бокаломъ въ рукахъ, кричала: „à bas Mouravieff, vive le prince Bariatinsky", въ полной увѣренности, что это дойдетъ по адресу и послужитъ ей ко благу. Увы, дошло-то оно дошло; но только результатъ оказался другой: тотчасъ по пріѣздѣ на Кавказъ, князь назначилъ строгую ревизію хозяйственной части управленія водами, и генералъ былъ вынужденъ оставить мѣсто и Кавказъ....

Для гражданскихъ дѣлъ Кавказа существовалъ въ Петербургѣ особый Кавказскій комитетъ, которымъ управлялъ извѣстный въ свое время статсъ-секретарь В. П. Бутковъ;

чрезъ его руки проходили всѣ дѣла и, само собою, ему приходилось быть въ частыхъ сношеніяхъ съ намѣстникомъ. Письма его къ князю Барятинскому, кромѣ прямаго отношенія къ дѣятельности князя, имѣютъ и общій интересъ. Большинство ихъ приводятся почти вполнѣ въ приложеніяхъ.

Въ Москвѣ, во время коронаціи (по словамъ г-на Николаева, бывшаго у князя Барятинскаго адъютантомъ) князь жилъ на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Вырубова. Едва ли помѣщеніе Англійскаго вице-короля Индіи или даже дворецъ самого Типпо-Саиба могли быть великолѣпнѣе. Собственно говоря, самое помѣщеніе не представляло ничего особеннаго: это былъ большой барскій домъ, высокія комнаты, хорошая мебель, и больше ничего. Правда, что въ этихъ комнатахъ, какъ бы волшебствомъ, вслѣдъ за назначеніемъ князя Александра Ивановича намѣстникомъ Кавказскимъ, появились коллекціи дорогаго оружія и дорогихъ Азіатскихъ кубковъ по стѣнамъ, вышитыя золотомъ подушки по диванамъ, громадные дорогіе ковры и масса экзотическихъ растеній: но поражала не эта обстановка, а люди, вращавшіеся въ домѣ и пріѣзжавшіе къ князю Барятинскому.

Какъ изъ-подъ земли выросли какіе-то постоянные тѣлохранители съ загорѣлыми лицами, увѣшанные орденами и сверкавшіе различными костюмами Закавказья: то были старые подчиненные князя, пріѣхавшіе въ Москву съ депутаціями и переселившіеся къ нему въ домъ, и среди нихъ, начиная съ 10 часовъ утра до 7 вечера, все, что было знатнаго и почетнаго въ Москвѣ, толпилось въ комнатахъ дома Вырубова. Тамъ видѣли и митрополита Филарета, и фельдмаршала князя Воронцова *), и лорда Гренвиля, и князя Де-Линя, и шамхала Тарковскаго, и владѣтеля Абхазіи, и владѣтельницу Мингреліи, и множество разныхъ Азіатскихъ почетныхъ лицъ въ ихъ дорогихъ одѣяніяхъ, съ ихъ Азіатскимъ привѣтомъ, похожимъ на поклоненіе божеству. Для человѣка, любящаго блескъ аттрибутовъ власти, хотя и

*) Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ былъ пожалованъ въ фельдмаршалы въ день коронаціи, 26 Августа 1856 года.

пустой, но заманчивый, трудно было найти положеніе болѣе пріятное, чѣмъ то, въ которомъ находился князь Барятинскій въ описываемую эпоху: онъ былъ молодъ, красивъ, носилъ громкое имя, надъ нимъ сіялъ ореолъ героя Кюрюкъ-Дара, у ногъ его съ Азіятскимъ раболѣпствомъ пресмыкалась пестрая, раззолоченная толпа изъ приближенныхъ Царя; выше себя онъ не видѣлъ никого, сверстники ему завидовали, а всѣ нижестоящіе наперерывъ искали случая поступить къ нему подъ команду. Да и прекрасная половина рода человѣческаго не совсѣмъ равнодушно глядѣла на молодаго намѣстника, потому уже, что никогда не могла и не можетъ оставаться равнодушной ко всякому блеску и побрякушкамъ.

А между тѣмъ, на другой же день послѣ коронаціи *), новый намѣстникъ надѣлъ красные чулки, объявилъ, что у него припадокъ подагры, не выѣзжалъ ни на какія торжества, и послѣ утренняго пріема осаждавшей его толпы садился въ 7 часовъ обѣдать въ небольшомъ кругу адъютантовъ, гдѣ являлся простымъ смертнымъ и радушнымъ хозяиномъ, невольно внушавшимъ къ себѣ симпатію.

Наступила половина Сентября, празднества окончились, и Москва опустѣла.

Князь Барятинскій поѣхалъ по Волгѣ черезъ Астрахань въ Закавказскій край.

Чрезвычайно бурная погода на морѣ задержала князя Барятинскаго въ Астрахани, и пріѣздъ въ Петровское состоялся десятью днями позже, чѣмъ ожидали. О парадныхъ встрѣчахъ тамъ, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и вообще на пути нечего распространяться: все было обставлено съ возможною торжественностью и шумными оваціями. Первыя минуты уже были разительнымъ контрастомъ съ только что минувшимъ временемъ, когда встрѣчи сопровождались могильнымъ молчаніемъ и сугубымъ страхомъ.

Въ первый же вечеръ пребыванія на Кавказской землѣ, новый главнокомандующій отдалъ слѣдующій приказъ по арміи:

*) 26 Августа князь былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи.

„Воины Кавказа! Смотря на васъ и дивяся вамъ, я взросъ и возмужалъ. Отъ васъ и ради васъ я осчастливленъ быть вождемъ вашимъ, и трудиться буду, чтобы оправдать такую милость, счастье и великую для меня честь.

„Да поможетъ намъ Богъ во всѣхъ предпріятіяхъ на славу Государя!“.

Достаточно сравнить этотъ приказъ съ извѣстнымъ письмомъ генерала Муравьева къ А. П. Ермолову, чтобы видѣть, кто изъ двухъ главнокомандующихъ лучше понималъ духъ войскъ, духъ времени и вообще тѣ струны, изъ которыхъ умѣлая рука можетъ съ успѣхомъ извлекать желательные звуки.

Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ князь пробылъ сутки; здѣсь происходили продолжительныя совѣщанія съ генераломъ Евдокимовымъ, пріѣхавшимъ изъ Грозной, и мѣстнымъ командующимъ войсками княземъ Орбельяни о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Первый долженъ былъ вскорѣ открыть ихъ на Мичикѣ, чтобы довершить то, что̀ въ началѣ 1853 года осталось недоконченнымъ княземъ Барятинскимъ, вслѣдствіе неоставленія ему нужнаго числа войскъ (о чемъ разсказано въ XVIII главѣ I-го тома).

На другой день князь предпринялъ поѣздку чрезъ Ишкарты на высоты къ Гимринскому спуску. Благодаря прекрасной осенней погодѣ, всѣмъ удобствамъ, какія только по мѣстнымъ условіямъ можно было доставить, благодаря всеобщему оживленію и радостному настроенію, поѣздка оказалась одною изъ самыхъ пріятнѣйшихъ. Въ свитѣ князя Барятинскаго былъ флигель-адъютантъ князь Эмиль Витгенштейнъ съ молодою прелестною супругою, урожденною Кантакузенъ, графъ Сологубъ, извѣстный писатель, и художникъ отъ редакціи Парижской Иллюстраціи Бланшаръ. Всѣ восторгались грозно-величественною картиною, развертывающеюся съ Гимринскихъ высотъ; художникъ, бойко дѣйствовавшій карандашомъ въ своемъ альбомѣ, набрасывалъ то виды грозныхъ ущелій, то типы воинственныхъ туземцевъ, то полукомическія сцены ухаживаній за княгиней Витгенштейнъ, единственнымъ женскимъ лицомъ среди нѣсколькихъ тысячъ воиновъ.

Послѣ ночлега въ Шурѣ, князь выѣхалъ чрезъ Дербентъ и Шемаху въ Тифлисъ, куда и прибылъ 3 Ноября. Изъ прилагаемаго рисунка можно видѣть, какъ его тамъ встрѣтили. При поднесеніи хлѣба-соли, городской голова Сараджевъ, безъ особой напыщенности, выразилъ дѣйствительныя чувства населенія Тифлиса: „Еще недавно съ прискорбіемъ глядѣли мы на выѣздъ вашъ отсюда. Мы знали, что Кавказъ терялъ въ васъ и одного изъ доблестнѣйшихъ своихъ защитниковъ, и человѣка, любящаго здѣшній край. Нынѣ вы возвращаетесь къ намъ намѣстникомъ Императора, и мы уже знаемъ, что̀ можетъ ожидать весь Кавказъ и отъ вашихъ доблестей, и отъ извѣстнаго вашего къ намъ сочувствія. Нашъ городъ встрѣчаетъ васъ съ особенною радостью. Дѣлаясь вашимъ мѣстопребываніемъ, онъ гордится удѣломъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и предметомъ вашего непосредственнаго вниманія и заботъ. Я отъ лица согражданъ моихъ могу только слабо выразить эти живыя, одушевляющія насъ чувства и искреннюю готовность, по мѣрѣ силъ нашихъ, соотвѣтствовать вашимъ цѣлямъ и преданіямъ. Да хранитъ васъ и да поможетъ вамъ Богъ“. За тѣмъ иллюминаціи, фейерверки, восторженные клики, шумныя ликованія и проч. и проч.

Путешествіе по Волгѣ до Астрахани и по Каспійскому морю не осталось безъ результата для дѣлъ государственныхъ. Князь Барятинскій съ замѣчательною прозорливостью обратилъ вниманіе на Закаспійскій край; отъ него не скрылась важность упроченія нашего въ этихъ мѣстахъ какъ для развитія торговли съ дальнимъ Востокомъ, такъ и для политическаго вліянія въ Азіи. Онъ воскрешалъ великую идею Петра Перваго.

На пути въ Тифлисъ изъ Шемахи, онъ представилъ Великому Князю генералъ-адміралу записку о выгодахъ соединенія Волги съ рѣками Сыръ-Дарья и Аму-Дарья, посредствомъ проведенія желѣзной дороги на пространствѣ между заливомъ Каспійскаго моря „Мертвый Култукъ“ и Аральскимъ моремъ, чрезъ Усть-Уртъ, всего около 250 верстъ. Цѣлью этого предпріятія было водворить въ самой глубинѣ Азіятскаго материка Русскую торговлю и Русское вліяніе. Для начала предлагалось назначить экспедицію изъ спеціа-

листовъ, чтобы изслѣдовать мѣстныя условія. Вмѣстѣ съ запиской, князь Александръ Ивановичъ написалъ Его Высочеству, изъ Шемахи же, слѣдующее письмо отъ 25 Октября 1856 года:

„Я совершилъ весьма интересное путешествіе по Волгѣ и убѣдился болѣе чѣмъ когда въ необходимости подчинить собственно плаваніе по ней морскому вѣдомству, которому только одному знакомо это дѣло. Раздѣливъ рѣку на участки и подчинивъ каждый изъ нихъ морскому офицеру (которыхъ, сколько мнѣ кажется, у васъ въ изобиліи) скорѣе всего можно будетъ обезпечить мели и опредѣлить фарватеръ; онъ обстановится вѣхами и баканами и т. п.; установятся маяки; всѣ теперь существующія препятствія къ плаванію скорѣе и положительнѣе обозначатся, и тогда Министерство Путей Сообщенія положительно будетъ поставлено въ извѣстность о томъ, чѣмъ именно ему слѣдуетъ заняться. Устья Волги составляютъ вопросъ совершенно отдѣльный, требующій большихъ изслѣдованій и денежныхъ пожертвованій".

„Адмиралъ Васильевъ *) сопутствовалъ мнѣ по всему Каспійскому прибрежью, и тутъ увидѣли мы рѣшительную и настоятельную необходимость устроить порты въ Баку и Петровскомъ. Оба сіи пункта весьма важны, и я имѣлъ счастіе такъ часто говорить о нихъ съ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ, что здѣсь считаю повторенія излишними. Вамъ извѣстны и вся важность, и вся неотлагательность настоящаго предмета; но дѣло въ томъ, что надобно скорое рѣшеніе и что этимъ осуществится въ весьма непродолжительномъ времени великая польза и для ввѣреннаго мнѣ края, и для всей Россіи.

„Въ этомъ же путешествіи я еще болѣе убѣдился въ тѣсной и неизбѣжной связи между Астраханской губерніей и Кавказскимъ краемъ. До рѣшенія этого вопроса Кавказъ останется какъ бы безъ рукъ, и хотя я еще не могъ собрать полныхъ свѣдѣній для составленія дополнительной моей записки, но въ весьма скоромъ времени надѣюсь исполнить

---

*) Астраханскій военный губернаторъ.

это и прислать вамъ ее на ваше высокое и просвѣщенное вниманіе.

„Мнѣ кажется, необходимо также подчинить укр. Ново-Петровское адмиралу Васильеву. Онъ одинъ имѣетъ способъ навѣщать часто это укрѣпленіе и имѣть надъ нимъ постоянный надзоръ. Будущность и развитіе сего пункта въ прямой зависимости отъ частаго сообщенія его съ Астраханью, которое, при подчиненіи его Астраханскому губернатору, само собою установится".

Записку князя Барятинскаго и Государь, и Великій Князь нашли весьма дѣльною, какъ видно изъ слѣдующаго письма Его Высочества къ князю *):

„Ганноверъ, 4 (16) Февраля 1857 года. Посылаю вамъ копію съ доклада, полученнаго мною сегодня отъ адмирала Врангеля и выписку изъ письма ко мнѣ Государя Императора по тому же предмету. Вы увидите искреннее расположеніе Его Величества къ вашему предположенію и встрѣченныя нашими министрами препятствія. Я чрезвычайно сожалѣю, что не присутствовалъ при обсужденіи этого дѣла, и прошу васъ вѣрить, что столь же сильно какъ и прежде желаю успѣха этому предпріятію".

Выписка изъ собственноручнаго письма Государя Императора Великому Князю генералъ-адмиралу изъ Петербурга отъ 24 Января (5 Февраля) 1857 года:

„Врангель вручилъ мнѣ, по твоему приказанію, любопытное письмо Барятинскаго. Я вполнѣ раздѣляю его мнѣніе о пользѣ сей изыскательной экспедиціи и приказалъ Врангелю, не теряя времени, условиться съ военнымъ министромъ, Чевкинымъ и Горчаковымъ, для доставленія отсюда всѣхъ нужныхъ пособій".

А на письмо отъ 25 Октября Великій Князь отвѣчалъ 25 Декабря 1856 года слѣдующее:

„Князь Александръ Ивановичъ. Письмо ваше отъ 25-го Октября изъ Шемахи я представлялъ Государю Императору, и Его Величество, вполнѣ сочувствуя вашему желанію общей пользы, приказалъ мнѣ: 1) войти въ сношеніе съ генераломъ

---

*) Вся переписка съ Великимъ Княземъ по-русски.

Чевкинымъ о подчиненіи плаванія по Волгѣ морскому вѣдомству, и съ Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ о передачѣ Ново-Петровскаго укрѣпленія въ вѣдѣніе главнаго командира Астраханскаго порта и Каспійской флотиліи, и 2) ожидать отъ васъ подробнаго представленія объ устройствѣ портовъ въ Баку и Петровскомъ и о присоединеніи Астраханской губерніи къ Кавказскому намѣстничеству, для возобновленія дѣла по сему послѣднему предмету. Я немедленно озаботился исполненіемъ помянутыхъ высочайшихъ повелѣній и увѣдомлю васъ о послѣдующемъ. По случаю предстоящаго отъѣзда моего 25-го Декабря за границу на 4 мѣсяца, прошу васъ сноситься съ управляющимъ Морскимъ Министерствомъ по дѣламъ обыкновеннымъ, а въ важныхъ случаяхъ писать мнѣ, адресуя пакеты въ Инспекторскій Департаментъ Морскаго Министерства съ надписью: „для отправленія въ мѣсто пребыванія Его Высочества“.

Объ этомъ же еще ранѣе, 3-го Декабря, извѣщалъ князя Александра Ивановича статсъ-секретарь Головнинъ, прибавивъ, что онъ приготовилъ письмо отъ Великаго Князя по настоящему предмету, но „Его Высочество желаетъ вмѣсто офиціальнаго сообщенія послать вамъ собственноручное письмо, какъ отъ друга, но не отъ министра“. Письма А. В. Головнина къ князю Барятинскому полны такого интереса, что мы обращаемъ на нихъ особое вниманіе читателей.

Государь, для разсмотрѣнія предположеній, изложенныхъ въ вышеозначенной запискѣ, учредилъ особый комитетъ, который, въ засѣданіи 27 Января 1857 года (составъ: министры—военный Сухозанетъ, путей сообщенія—Чевкинъ, морской—баронъ Врангель, иностранныхъ дѣлъ—князь Горчаковъ, директоръ Азіят. Департ. Ковалевскій и баронъ В. Ливенъ), принявъ во вниманіе возраженія Оренбургскаго генералъ-губернатора графа Перовскаго, замѣчанія кн. Горчакова и Брунова, постановилъ: экспедицію для обслѣдованія пространства между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, по случаю взволнованнаго состоянія степныхъ племенъ, сомнительнаго политическаго положенія дѣлъ на Востокѣ и недостатка времени для изготовленія ея въ значительномъ составѣ, отложить до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ“.

Гг. дипломаты, при этомъ случаѣ, съ особою ироніею указывали, что прежде исполненія такихъ проэктовъ не подумать ли о завоеваніи Хивы и Кокана, и говорилось это въ томъ тонѣ, какъ если бы дѣло шло о путешествіи на луну... И все это изъ-за страха предъ Англіей, въ сравненіи съ которой Россія, въ глазахъ Брунова, конечно была ничтожествомъ. Но исторія двигается не по указаніямъ гг. дипломатовъ такого сорта: то, о чемъ они говорили съ ироніей, вскорѣ совершилось самымъ серьезнымъ образомъ. Заключеніе комитета утверждено Государемъ 8-го Февраля.

Къ сожалѣнію, Его Высочество генералъ-адмиралъ былъ тогда за границей и не могъ принять участія въ обсужденіи этого дѣла; можетъ быть, результатъ былъ бы другой. Ниже изъ письма князя Барятинскаго къ Его Высочеству видна будетъ слабая мотивировка комитетскаго постановленія. Не прошло, какъ извѣстно, и 12-ти лѣтъ, мысль князя Барятинскаго, съ измѣненіями лишь въ подробностяхъ, стала осуществляться занятіемъ Красноводска, а еще чрезъ двѣнадцать разгромъ Ахалъ-Теке привелъ насъ въ Мервъ; еще чрезъ пять лѣтъ желѣзная дорога уже опоясала степи и, перейдя Аму-Дарью, вступила въ Бухару....

Не нужно быть особенно глубокомысленнымъ политикомъ, чтобы понять, какое вліяніе на ходъ исторіи могло бы имѣть подобное положеніе наше въ тѣхъ странахъ, если бы оно осуществилось по мысли князя Барятинскаго ранѣе двѣнадцатью годами, до послѣдней Восточной войны...

По этому же поводу много различныхъ лицъ обращалось къ князю Барятинскому съ своими письмами, записками и предположеніями; все это составитъ цѣнный матеріалъ для будущихъ историковъ. Между прочимъ писалъ князю и адмиралъ Бутаковъ.

Изъ Тифлиса 9 Декабря князь Барятинскій написалъ покойному Государю слѣдующее письмо:

Sire!

Je m'empresse de venir rendre compte à Votre Majesté du très intéressant voyage, que je viens de faire sur le Wolga. J'ai acquis plus que jamais la conviction que ce fleuve est de-

stiné à servir de véritable communication de la Russie avec le Caucase. Il est certainement malheureux que cette communication ne dure que six mois; mais dans cet espace de temps. l'on peut alimenter la plus grande partie du pays et. en cas de besoin. y transporter avec une facilité extraordinaire des troupes de réserve. Le Wolga se trouve. sans aucun doute, dans un état assez primitif; mais je crois aussi que ce que l'on dit des difficultés de la navigation est exagéré et que, des moyens très simples, on pourrait établir une navigation sûre et constante jusqu'aux embouchures mêmes du fleuve, exigeant des travaux spéciaux dont le général Tchevkine s'occupe déjà. D'après les conversations que j'ai eues durant mon voyage avec les experts, je crois que le moyen le plus prompt pour arriver au but serait de confier la navigation, proprement dite. aux soins du ministère de la marine: les marins, mieux que personne, peuvent voir ce qu'il faut pour l'assurer de façon que tous les inconvénients se dessineraient aussitôt. Le cours du Wolga, divisé en sections, dont chacune serait confiée à un officier de marine. aurait bientôt son chenal marqué de bouée; tous les écueils et bas-fonds seraient précisés par une scrupuleuse et constante surveillance et des phares placés et entretenus avec soin.

Voilà, Sire, ce que j'ai pu résumer de tout ce que j'ai entendu dire et observer pendant cette traversée. Après être resté un jour à Astracan, j'ai continué en bateau à vapeur mon voyage jusqu'à Petrovsk, et le 12 de ce mois j'ai mis pied à terre sur le sol Caucasien. J'ai rencontré. aussitôt débarqué, entre autres, les généraux prince Orbelian. Indrénius, Ewdokimoff. Nicolaï, et suis venu avec eux à Temirhanschoura; là j'ai combiné avec le général Ewdokimoff les opérations de cet hiver dans la *Чечня*. J'ai tout lieu d'espérer qu'avec les moyens que Votre Majesté a bien voulu me donner et avec l'intelligence éprouvée du général Ewdokimoff, l'expédition de cette année dans la *Чечня* lui portera un coup mortel, vu qu'en la continuant jusqu'au 15 mai, j'espère pouvoir entièrement empêcher de labourer et d'ensemencer les champs. Après avoir passé deux jours à Temirchanschoura, j'ai pris le chemin que Votre Majesté avait suivi l'année 1850 et je me suis fermement persuadé que la côté occidentale de la mer Caspienne serait toujours destinée à

servir de base aux opérations qui auraient pour but de consolider nos possessions du Caucase. Bakou est sans aucun doute le point principal pour nos possessions transcaucasiennes, tandis que Petrowsk n'est pas moins important pour toute la ligne du Caucase. L'amiral Wassilieff, qui a fait ce voyage avec moi, va combiner le plan pour l'établissement de ces deux ports, qui, comme je viens de le dire, sont d'une importance urgente pour le pays. J'ai eu le temps de voir sur mon passage les dragons du prince de Wurtemberg, quelques bataillons de ligne et une partie des régiments d'Apchérons, du Daghestan, de Chirvan et de Riasan. Je les ai tous trouvés en parfait état, de bonne santé, animés d'un excellent esprit. On est généralement très enchanté ici des grandes sections nouvellement établies pour la division des troupes et du pays *).

---

*) Спѣшу отдать отчетъ Вашему Величеству объ очень интересномъ путешествіи, совершенномъ мною по Волгѣ. Болѣе чѣмъ когда либо я удостовѣрился въ томъ, что этой рѣкѣ суждено быть настоящимъ путемъ сообщенія между Россіею и Кавказомъ. Къ несчастію это сообщеніе длится всего 6 мѣсяцевъ въ году; но въ теченіи этого времени можно всѣмъ снабдить большую часть края и, въ случаѣ надобности, перевести легко резервы. Безъ сомнѣнія, Волга находится въ довольно первобытномъ состояніи; но мнѣ кажется, что толки о трудности навигаціи преувеличены и что самыми простыми средствами можно бы учредить постоянное и вѣрное сообщеніе до самыхъ истоковъ рѣки, и что это требуетъ спеціальныхъ работъ, которыми ген. Чевкинъ уже занимается. Изъ разговоровъ съ экспертами во время пути, я заключилъ, что лучшее средство скоро достигнуть этой цѣли было-бы поручить дѣло навигаціи Морскому Министерству. Моряки лучше чѣмъ кто-либо могутъ обсудить, чтó нужно сдѣлать, чтобы обезпечить ее и сейчасъ-бы увидѣли, какія при этомъ представляются неудобства. Въ Волгѣ, раздѣленной на части, изъ которыхъ каждая была-бы ввѣрена морскому офицеру, скоро точно опредѣлили-бы бакапами (спасительными бочками) фарватеръ; всѣ мели и подводные камни были-бы обозначены тщательнымъ и постояннымъ наблюденіемъ и хорошо содержимыми маяками.

Вотъ, Ваше Величество, все чтó я могу вкратцѣ изложить изъ того, чтò я слышалъ и наблюдалъ во время этого переѣзда. Пробывъ одинъ день въ Астрахани, я продолжалъ свое путешествіе на пароходѣ до Петровска, и 12 с. м. ступилъ на Кавказскую землю. Высадившись, я былъ встрѣченъ, между прочимъ, генералами кн. Орбеліани, Индреніусомъ, Евдокимовымъ и Николаи и отправился съ ними въ Темиръ-Ханъ-Шуру; тамъ

3-го Марта 1857 года, по поводу приведеннаго выше постановленія комитета, собиравшагося для обсужденія вопроса объ экспедиціи въ Закаспійскій край, князь Барятинскій писалъ Его Высочеству генералъ-адмиралу:

„Я имѣлъ счастіе получить вчера письмо Вашего Императорскаго Высочества, въ которомъ изволите, такъ одобрительно для меня, выражаться въ отношеніи предложенной мною экспедиціи на Усть-Уртъ и о сожалѣніи вашемъ, что не изволили участвовать въ засѣданіи, порѣшившемъ это дѣло.

„Возраженія коммиссіи, обсуждавшей этотъ предметъ, состоятъ: *во первыхъ*, въ невозможности купить или нанять къ предполагаемому сроку достаточнаго числа верблюдовъ; *во вторыхъ*, что къ этому слѣдовало испросить предварительнаго согласія графа Перовскаго; *въ третьихъ*, что въ нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ экспедиція эта не своевременна, и наконецъ, *въ четвертыхъ*, что нельзя допустить такую малочисленность отряда, не подвергая его явной опасности отъ непріятеля.

„Я полагаю, что къ опроверженію первыхъ двухъ замѣчаній не слѣдуетъ и искать объясненій. На восточномъ бе-

---

я обсуждалъ съ генер. Евдокимовымъ военныя дѣйствія, предполагаемыя въ эту зиму въ Чечнѣ. Я имѣю полное основаніе надѣяться, что со срествами, предоставленными мнѣ Вашимъ Величествомъ, и съ испытанными способностями генер. Евдокимова экспедиція сего года въ Чечню нанесетъ ей смертельный ударъ, такъ какъ, продолжая ее до 15-го Мая, я надѣюсь совершенно воспрепятствовать обработкѣ и посѣву полей. Пробывъ два дня въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, я отправился по пути, по которому Вы слѣдовали въ 1850 году, и твердо убѣдился въ томъ, что западный берегъ Каспійскаго моря всегда будетъ предназначенъ служить базисомъ для военныхъ операцій, цѣль которыхъ будетъ закрѣплять за нами наши Кавказскія владѣнія. Безъ сомнѣнія, Баку самый главный пунктъ для нашихъ Закавказскихъ владѣній, тогда какъ Петровскъ не менѣе важенъ для всей Кавказской линіи. Адмиралъ Васильевъ, ѣхавшій со мною, обсудитъ планъ для устройства этихъ двухъ портовъ, необходимыхъ, какъ выше сказано, для страны. По пути я успѣлъ осмотрѣть драгунъ принца Виртембергскаго (Нижегородцы), нѣсколько линейныхъ батальоновъ и части полковъ Апшеронскаго, Дагестанскаго, Ширванскаго и Рязанскаго. Я всѣхъ нашелъ въ отличномъ состояніи; духъ войска превосходный. Вообще, здѣсь очень восхищены новыми раздѣленіями войскъ и страны.

регу Каспійскаго моря, даже и по прибытіи отряда на мѣсто, тотчасъ можно будетъ купить или нанять верблюдовъ сколько понадобится: даже не трудно было бы перевести такое ничтожное количество изъ Астрахани или отъ западнаго берега Каспійскаго моря, гдѣ ихъ пасутся цѣлыя стада. Но какъ я эту экспедицію полагалъ снарядить для ученыхъ изысканій и совершенно независимо отъ графа Перовскаго, то не находилъ и надобности просить его согласія о наймѣ верблюдовъ.

„Что же касается до третьяго пункта, объ опасеніяхъ породить этою экспедиціею политичеекія неудобства, то я, именно въ предвидѣніи этого, просилъ придать ей характеръ собственно ученый, а потому и предлагалъ сдѣлать ее въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, чтобы этимъ освободить ее отъ всякой формы воинственнаго предпріятія.

„Ежели потеря этого года не приведетъ насъ къ позднему раскаянію, то я буду весьма счастливъ; но, къ сожалѣнію, Англичане времени не теряютъ, и я опасаюсь, что послѣдняя война не послужитъ намъ урокомъ и что мы опять будемъ застигнуты въ расплохъ тамъ, гдѣ для насъ всего будетъ не простительнѣе“ *).

„Скажу въ заключеніе, что ежели Усть-Уртъ, какъ говоритъ графъ Перовскій, такъ безплоденъ, что трудно найти мѣсто гдѣ бы можно было до сыта накормить даже одну лошадь, то для чего же графъ Перовскій предпринималъ походъ въ Хиву въ 1839 году чрезъ Усть-Уртъ, по которому надобно было пройти около 400 верстъ съ 10 тыс. верблюдами и 3 тыс. лошадей? Но если это возраженіе графа Перовскаго справедливо, то отъ кого же намъ опасаться нападеній; потому что непріятелю также надобно будетъ кормить своихъ лошадей и верблюдовъ?

„Къ этому письму смѣю просить позволенія Вашего Высочества приложить требуемую вами записку, съ мнѣніемъ

*) Въ этомъ смыслѣ писалъ князь и военному министру Сухозанету 4 Іюня 1857 года: „Я уступилъ большинству голосовъ комитета, но тѣмъ не менѣе остаюсь въ томъ убѣжденіи, что, отлагая дѣло на неопредѣленное время, мы не облегчаемъ себѣ успѣха въ будущемъ, и даемъ волю врагамъ нашимъ усиливать вліяніе и владычество свое въ Азіи“. Слова пророческія. А. З.

моимъ на возраженія графа Перовскаго, относительно подчиненія Ново-Петровскаго укрѣпленія Астраханскому губернатору".

Въ Петербургѣ возраженія послѣдовали на все, и присоединеніе Астраханской губерніи къ Кавказскому намѣстничеству тоже не состоялось. Даже одобреніе Государя и Великаго Князя ни къ чему не повело.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Письма статсъ-секретаря В. П. Буткова къ князю А. И. Барятинскому *)

1.

5 Августа 1856 г. изъ Москвы. „Письмо это вручитъ вашему сіятельству отправляемый по желанію вашему, къ вамъ, въ Петербургъ, переводчикъ Арцу. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, я поспѣшилъ осмотрѣть всѣ квартиры, нанятыя для помѣщенія Кавказскихъ депутатовъ. Не всѣ изъ нихъ размѣщены какъ прилично; а потому я вчера же разрѣшилъ нанять для нѣкоторыхъ изъ нихъ новыя, болѣе удобныя помѣщенія. Болѣе всего изъявляетъ претензій княгиня Дадьянъ: кажется, она думала, что ее примутъ за такую принцессу, для которой нуженъ и особый дворецъ, и особая ливрея, и даже особое мѣсто въ царскомъ въѣздѣ и шествіи. Впрочемъ ей все объяснено, и она, кажется, успокоивается.

Вы не повѣрите, какъ я вамъ благодаренъ за то, что вы приняли на себя представленіе депутатовъ и владѣтелей ко двору и всѣ хлопоты объ ихъ цермоніальныхъ обязанностяхъ. Мнѣ съ ними не совладать бы. Представьте себѣ, что ихъ всего пріѣхало съ 50 человѣкъ разныхъ званій и состояній; не упомнишь ихъ даже и названій. Вы почти всѣхъ ихъ лично знаете, и они всѣ васъ чрезвычайно любятъ. Поэтому вамъ, только вамъ однимъ и можно представлять ихъ Государю и всей царской фамиліи. Что бы было, еслибы вы не были назначены намѣстникомъ! Сѣдла, чепраки и всѣ принадлежности для въѣзда, когда депутаты будутъ верхомъ, уже найдены. Блескъ ихъ при этомъ будетъ чудесный; одежда и вооруженіе ихъ превосходны. Я увѣренъ, что глаза иностранцевъ разбѣгутся, когда они увидятъ эту чудесную когорту. Между тѣмъ, вашему сіятельству необходимо испросить разрѣшеніе Государя Императора по слѣдущимъ предметамъ:

1) Въ числѣ депутатовъ есть владѣтели: шамхалъ Тарковскій, ханъ Мехтулинскій (молодой человѣкъ въ мундирѣ поручика л. гв. казачьяго

*) Всѣ письма Буткова по-русски.

полка), правитель Кюринскаго ханства генералъ-маіоръ Юсуфъ-бекъ и племянникъ правителя Казикумыкскаго ханства корнетъ (тоже въ мундирѣ л.-гв. казачьяго полка) Галатъ-ханъ. Неужели они должны при въѣздѣ Государя въ Москву быть вмѣстѣ съ прочими депутатами спереди кортежа, и не приличнѣе ли будетъ, если они поѣдутъ верхомъ за Государемъ, вмѣстѣ съ его свитою?

2) Въ прежнее время всѣ вообще Азіатцы, имѣющіе военный чинъ, носили эполеты. Нынѣ предоставлено это право только тѣмъ изъ нихъ, кои считаются по кавалеріи и состоятъ въ кавалерійскихъ полкахъ. Прочіе эполетъ не имѣютъ вовсе; погоны для нихъ также еще не утверждены; они ходятъ такъ, съ одними погончиками. Эполеты для нихъ необходимы, чтобы можно было видѣть различіе въ чинахъ, имъ Царемъ пожалованныхъ. Они почти всѣ единогласно просили дозволить имъ, хотя во время коронаціи, употреблять по прежнему эполеты.

Знакомство мое съ депутатами убѣдило меня въ томъ, что вашему сіятельству необходимо имѣть здѣсь приличную квартиру. Ихъ всѣхъ здѣсь такъ много, они всѣ такъ важны и значительны, что вамъ принять ихъ у себя въ плохихъ комнатахъ генералъ-адъютанскаго дома, право, будетъ совѣстно. Моя квартира нѣсколько лучше вашей; но, я зная Азіятцевъ и ихъ взглядъ на вещи, рѣшительно стыжусь принять ихъ у себя. Право, не знаю, какъ приметъ ихъ графъ А. Ѳ. Орловъ въ его тѣсной квартирѣ; но онъ живетъ во дворцѣ: это значитъ многое; между тѣмъ какъ вы живете Богъ знаетъ въ какомъ переулкѣ и въ какомъ домѣ.

Если вы будете здѣсь 14, то надо будетъ 15 или 16 Августа вамъ сдѣлать смотръ всѣхъ депутатовъ верхомъ. Для этого можно будетъ собрать ихъ въ манежѣ экзерцпргауза. Увѣдомьте меня благовременно, дабы я могъ распорядиться и истребовать лошадей и все, что нужно".

2.

Отъ 23 Октября 1856 г. „Хотя я до сихъ поръ рѣшительно не имѣю никакого извѣстія о путешествіи вашего сіятельства, но зная, что вы думали быть въ Тифлисѣ 15-го Октября, и полагая, что, если вы нѣсколько и опоздали, то все-таки это письмо найдетъ васъ уже тамъ, я рѣшился писать къ вамъ.

Прежде всего позвольте мнѣ поблагодарить ваше сіятельство за все то дружеское расположеніе, которое вы мнѣ оказывали во время послѣдняго пребыванія вашего и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. Вѣрьте, что я разстался съ вами съ грустью въ сердцѣ и никогда не забуду вашего ко мнѣ вниманія.

Какъ Русскаго, поздравляю васъ съ желѣзными дорогами. Дѣло это на сихъ дняхъ кончено въ Комитетѣ Министровъ, который для обсужденія его собирался въ присутствіи Государя. Чевкинъ велъ дѣло прекрасно. Построеніе дорогъ отдано компаніи Беринга и Гопе. Полагая, что вамъ будетъ любопытно знать нѣкоторыя подробности этого дѣла, посылаю вамъ,

собственно для васъ и по секрету, списокъ съ журнала Комитета Министровъ, удостоеннаго уже высочайшаго утвержденія.

Другихъ важныхъ новостей пока нѣтъ; по крайней мѣрѣ ихъ не слышно.

На дняхъ я получилъ двѣ выписки изъ журнала Комитета Министровъ по отчетамъ Кутаисскаго и Ставропольскаго губернаторовъ. На сихъ отчетахъ Государь сдѣлалъ собственноручныя резолюціи, которыя совершенно уничтожаютъ всѣ постановленія о правахъ и отношеніяхъ намѣстника Кавказскаго. Онъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ обратить вниманіе на нѣкоторые предметы управленія и даже потребовать отъ васъ разныя объясненія и свѣдѣнія. Вы не повѣрите, сколько удовольствія сдѣлали для Ланскаго и его окружающихъ эти резолюціи; потому что онѣ, происходя отъ самого Царя, показали желаніе Его Величества подчинить Кавказскія дѣла Министерству, хотя я по совѣсти убѣжденъ, что Государь это сдѣлалъ безъ всякаго умысла, при множествѣ работы. Тѣмъ не менѣе дѣло сдѣлано. Посылаю вамъ, собственно для вашего свѣдѣнія, эти выписки. Оффиціальныя по нимъ бумаги вы получите отъ Ланскаго и тогда только можете отвѣчать и возражать, какъ будетъ слѣдовать. Впередъ по отчетамъ губернаторовъ подобныхъ резолюцій нельзя будетъ и ждать, потому что отчеты сіи будутъ идти уже черезъ васъ.

Боюсь я только, чтобы эти резолюціи не были послѣдствіемъ разныхъ толковъ по случаю послѣднихъ высочайшихъ повелѣній о разныхъ поясненіяхъ въ правахъ намѣстника. Повелѣнія сіи возбудили уже нѣкоторую переписку. Напримѣръ, военный министръ спросилъ меня, относится ли исключеніе ст. 195 ст. Гражд. Свода до званія главнокомандующаго; конечно я отвѣчалъ, что объ этомъ не было и рѣчи. Государственный контролёръ спрашиваетъ меня: слѣдуетъ ли его департаментамъ сноситься съ подвѣдомственными вамъ мѣстами на Кавказѣ; я ему отвѣчалъ, что вопросъ этотъ можетъ быть только рѣшенъ вами, и потому я передамъ оный вашему сіятельству.

Между тѣмъ, отступленіе отъ правилъ о сношеніяхъ подчиненныхъ вамъ мѣстъ съ министерствами, только чрезъ намѣстника, имѣло непріятныя послѣдствія по одному дѣлу. Генералъ-губернаторъ графъ Строгоновъ хлопоталъ о запрещеніи, по случаю неурожая, вывоза хлѣба изъ южныхъ портовъ. Дѣло это въ прошедшій Вторникъ разсматривалось въ Комитетѣ Министровъ и конечно было отвергнуто; но при этомъ Брокъ сказалъ въ комитетѣ, что онъ получилъ донесеніе начальника Ейской таможни о такомъ запрещеніи, предписанномъ Филипсономъ. Военный министръ взялъ на себя доложить объ этомъ Госдарю, и вѣроятно вы получите отъ него по этому предмету не совсѣмъ пріятную бумагу; но при этомъ совѣтую вамъ обратить вниманіе на поступокъ начальника Ейской таможни, который не долженъ былъ доносить министру финансовъ *).

---

*) Вскорѣ за это было объявлено чрезъ Сенатъ высочайшее повелѣніе, воспрещавшее кому бы то ни было входить, помимо намѣстника Кавказскаго, въ сношенія съ подвѣдомственными ему мѣстами и лицами. А. З.

На днях я получил от Нерсеса*) копію съ послѣдняго письма его къ Ланскому. Я говорилъ съ симъ послѣднимъ, и онъ обѣщалъ мнѣ оставить это письмо безъ послѣдствій, такъ какъ Государь сказалъ ему, что изслѣдованіе поступковъ Нерсеса онъ предоставилъ вашему сіятельству.

3.

Отъ 7-го Декабря 1856 года. Насъ удивляетъ ваша дѣятельность: въ короткое время вы успѣли такъ много тронуть дѣлъ, вамъ переданныхъ, что просто завалили насъ работою. Впрочемъ и мы не уступаемъ вамъ. Третьяго дня, 4-го Декабря, было у насъ засѣданіе Кавказскаго Комитета; мы рѣшили до 28 дѣлъ и рѣшили согласно вашимъ мнѣніямъ, не взирая на разные толки и разсужденія. Впрочемъ, всѣ дѣла большею частью были неважны; но въ числѣ ихъ кончены два важныя дѣла:

1) О вознагражденіи бековъ за поступившихъ въ казну безземельныхъ крестьянъ. Не взирая на многія рѣчи, Комитетъ утвердилъ вполнѣ ваше мнѣніе, чтобы бекамъ въ теченіе 25 лѣтъ давать въ видѣ вознагражденія по 5 рубл. сер. изъ казны за каждый дымъ отобранныхъ у нихъ безземельныхъ крестьянъ; и

2) О пенсіи дѣтямъ Грузинской царицы Маріи, царевичамъ Ильѣ, Окропиру, Ираклію и Михаилу. Записку по этому дѣлу ваше сіятельство представили въ Москвѣ Государю и выпросили тогда высочайшее повелѣніе вновь разсмотрѣть его въ Кавказскомъ Комитетѣ. Комитетъ, не смотря на упорство Брока, рѣшилъ: пенсію въ 10 тыс. рубл. сер., получаемую покойною царицею, производить четыремъ ея сыновьямъ и ихъ наслѣдникамъ потомственно, начавъ производство оной съ 1 Января 1857 года.

Журналъ Кавказскаго Комитета еще не составленъ, поэтому бумаги до сихъ двухъ дѣлъ относящіяся вы не получите ранѣе мѣсяца.

Кромѣ Комитета нѣкоторыя изъ поступившихъ отъ васъ бумагъ были представлены Государю, и онъ разрѣшилъ все. Высочайшее повелѣніе вслѣдъ за симъ будетъ къ вамъ прислано. Впрочемъ вы будете получать ихъ каждую недѣлю, такъ какъ доклады князя А. Ѳ. Орлова бываютъ всякую недѣлю.

Государь, утвердивъ проэкты грамотъ жителямъ Кавказскаго и Закавказскаго края за ихъ усердіе во время послѣдней войны, приказалъ, чтобы грамоты сіи были изготовлены такъ, какъ изготовлены грамоты данныя Новороссійскимъ губерніямъ. По этому случаю приступлено къ разрисовкѣ и хромолитографіи ихъ, а также къ изготовленію ящиковъ и т. п. Когда все это будетъ готово, на что́ потребуется не менѣе мѣсяца, тогда всѣ грамоты съ надлежащими оттисками отправимъ къ вашему сіятельству. Я отправлю съ ними отсюда двухъ чиновниковъ канцеляріи Кавказскаго Комитета: князя Волконскаго (сына бывшаго государственнаго преступника, брата Молчановой, родившагося и прежде служившаго въ Сибири) и кня-

---

*) Армянскаго патріарха или католикоса. А. З.

зя Эристова, сына Евстафія Эристова. По всей вѣроятности грамоты прибудутъ къ вамъ въ первыхъ числахъ Февраля. Въ Новороссійскомъ краѣ ихъ торжественно читали и клали на храненіе въ соборъ. Вамъ надо будетъ также озаботиться церемоніаломъ ихъ объявленія, взявъ свѣдѣніе о томъ, чтó дѣлалось въ Одессѣ, Херсонѣ и другихъ городахъ, и чтó вѣроятно извѣстно изъ „Одесскаго Вѣстника“.

Меня чрезвычайно порадовалъ послѣдній полученный здѣсь № газеты „Кавказъ“: въ немъ нѣтъ уже иностранныхъ извѣстій, и онъ уже весь посвященъ мѣстному интересу. Дай Богъ, чтобы всегда было такъ.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ обыкновенно поступало отъ главныхъ на Кавказѣ начальниковъ общее по краю представленіе о наградахъ. До сихъ поръ его еще нѣтъ; но ваше сіятельство вѣроятно его сдѣлаете. За что же бѣднымъ чиновникамъ-труженикамъ лишаться наградъ потому только, что край перемѣнилъ своихъ главныхъ начальниковъ?

Вашъ предшественникъ, Н. Н. Муравьевъ, теперь здѣсь; но принятъ довольно холодно, особенно публикою. Онъ уволенъ въ годовой отпускъ съ сохраненіемъ содержанія, объяснивъ впрочемъ, что если военныя обстоятельства будутъ требовать, то онъ готовъ употребить свои силы и способности на пользу Россіи и прежде этого срока. Дай Богъ, чтобы до этого не дошла бѣдная Россія.

Б. Письмо генералъ-адъютанта Коцебу.

Изъ Варшавы, отъ 26 Декабря 1856 года (переводъ съ Французскаго).

Газеты насъ извѣстили о вашемъ прибытіи въ Тифлисъ. До сего времени я воздерживался вамъ писать, не желая, чтобы мое письмо смѣшалось въ той массѣ посланій, которыя, по всей вѣроятности, сыпались къ вамъ со всѣхъ сторонъ, посланій, идущихъ отъ лицъ, которыя, не умѣя оцѣнить важность вашего назначенія, видятъ въ этомъ лишь блестящую сторону. Льщу себя убѣжденіемъ, что принадлежу къ маленькому числу понимающихъ всю важность вашего присутствія на Кавказѣ и знающихъ, какъ вы смотрите на эту обширную страну въ военномъ и административномъ отношеніи, страну, могущую полагать свои надежды на крѣпкихъ основахъ вашего характера и вашихъ принциповъ.

Три мѣсяца тому назадъ я писалъ моему брату *), что я считаю ваше назначеніе самымъ счастливымъ для страны, такъ какъ вы не только хотите, но и можете, лучше чѣмъ кто-либо другой, принести ей благо. Эти мысли не результатъ того ореола, который васъ окружаетъ, но слѣдствіе глубокаго чувства, необъяснимаго банальными фразами. Помните ли вы мои слова, когда, отправляясь съ вами на Бѣлый Ключъ осматривать гренадеровъ, я предсказывалъ вамъ ваше будущее?

---

*) Братъ генерала Коцебу, Ѳедоръ Евстафьевичъ, былъ членомъ совѣта намѣстника Кавказскаго.

Съ глубокимъ интересомъ я читалъ описаніе вашего тріумфальнаго въѣзда въ Тифлисъ. Страна и войско встрѣтили васъ съ радостными криками; да это и не могло быть иначе. Какъ для первой, такъ и для втораго, въ особенности же для первой, вы представитель прогресса. Каждый надѣется увидать начало новой эры счастія общественнаго и личнаго; это дѣлаетъ ваше положеніе наиболѣе тяжелымъ, и я думаю, что вы не обманываетесь на этотъ счетъ; но вы человѣкъ способный понести такое бремя и, съ Божьею помощью и съ поддержкою нашего Монарха, вы кончите тѣмъ, что выполните вашу тяжелую задачу. Теперь я буду слѣдить съ двойнымъ интересомъ за дѣлами Кавказа. Говорятъ, что вы имѣете въ виду большія реформы, начало которыхъ выразилось въ новомъ распредѣленіи начальства. Я нахожу это совершенно согласнымъ съ положеніемъ вещей, но не понимаю, какимъ образомъ вы устроитесь съ гражданскимъ управленіемъ на Кавказской линіи. Что касается до выбора начальниковъ, вы взяли все, что было лучшаго и согласно съ обстоятельствами.

Сообщена ли вамъ моя замѣтка, одобренная военнымъ министромъ княземъ Долгоруковымъ, объ употребленіи на Кавказѣ 13-й и 18-й дивизій? Я прибавилъ тамъ нѣсколько мыслей относительно административныхъ и миролюбивыхъ мѣръ, которыя могли бы сгладить дорогу къ умиротворенію

Извѣстія объ Европейской политикѣ прибудутъ къ вамъ навѣрное скорѣе, чѣмъ это письмо, обреченное идти по сквернымъ почтовымъ дорогамъ. Изъ предметовъ—наиболѣе выдающихся для насъ—это закрытіе конференцій въ Парижѣ. Я еще не знаю ихъ постановленій, но знаю, что срокъ очищенія Чернаго моря и княжествъ былъ назначенъ къ 18 (30) Марта. Былъ найденъ предлогъ продолжить это занятіе, и когда окончится этотъ новый срокъ, найдутся другія отговорки. Рѣшительно Англичане хотятъ остаться навсегда въ Черномъ морѣ! Будущее покрыто мракомъ...

В. Письма А. В. Головнина *).

1.

Дрезденъ, 2 (14) Октября 1856 г.

Я только что узналъ о вашемъ выборѣ, павшемъ на одного изъ моихъ друзей, котораго я люблю и особенно уважаю, Дм. Ал. Милютина, назначеннаго начальникомъ вашего главнаго штаба. Поздравляю васъ съ этимъ ото всего сердца; я убѣжденъ, что уже однимъ этимъ выборомъ вы оказали большую услугу Кавказу. Милютинъ имѣетъ большія способности, по истинѣ большой умъ, разнообразныя и глубокія познанія, соединенныя съ благодарствомъ характера и теплымъ сердцемъ. Вѣсть объ его назначеніи меня застала въ Дрезденѣ по моемъ прибытіи изъ Парижа, гдѣ я болѣе мѣсяца очень пріятно провелъ время и гдѣ старался изучить обстоятельства. Слухи на счетъ болѣзни Наполеона преувеличены; но его докторъ

*) Переведены съ Французскаго.

Конно (Conneau) говорилъ Якову Толстому, что на самомъ дѣлѣ его здоровье страдаетъ отъ излишествъ... отъ возбудительныхъ средствъ, имъ употребляемыхъ, въ особенности отъ вина; но что у него какъ будто уже были минуты помѣшательства, это невѣрно. Русскіе, живущіе во Франціи и женатые на Француженкахъ, меня увѣряли, что недовольство народа, вслѣдствіе дороговизны и въ особенности квартиръ въ Парижѣ, чрезвычайно и что къ зимѣ нужно ожидать народнаго движенія, большихъ безпорядковъ, но что войска будутъ послушны Императору, и волненія будутъ подавлены. Въ войскѣ царствуетъ большое недоброжелательство арміи къ гвардіи, которая становится очень многочисленною. Приближенные Наполеона получаютъ громадное содержаніе и обкрадываютъ его самымъ неосторожнымъ образомъ; напримѣръ, въ спискахъ его конюшенъ числится двойное количество лошадей противъ того, сколько ихъ тамъ находится въ дѣйствительности. Онъ это знаетъ и позволяетъ дѣлать, такъ какъ взамѣнъ сего эти воры ему политически преданы, зная, что ихъ благосостояніе зависитъ отъ продолженія его царствованія; они бодрствуютъ надъ нимъ, содержатъ спеціальную полицію и извѣщаютъ его обо всемъ, что̀ можетъ случиться неблагопріятнаго для его могущества. Бенкендорфъ мнѣ разсказалъ въ Парижѣ подробности аудіенціи, которую онъ имѣлъ въ Сенъ-Клу. Чтобы дать вамъ понятіе о приближенныхъ Наполеона, надо вамъ разсказать, что въ то время, когда Бенкендорфъ и Бруновъ съ папскимъ нунціемъ и многими генералами находились въ пріемной, входитъ какой-то господинъ чрезмѣрно толстый, одѣтъ какъ буржуа, съ тростью въ рукѣ и, проводя рукою по подбородку, говоритъ хриплымъ голосомъ: „а я сегодня и не выбритъ; ну тѣмъ хуже для Императора“. Оказалось, что эта милая личность былъ принцъ Мюратъ. Аудіенція во всѣхъ отношеніяхъ была приличная. Наполеонъ принялъ нашихъ дипломатовъ въ полной формѣ и въ Андреевской лентѣ, самъ подвинулъ имъ стулья, выразилъ свою благодарность за радушный пріемъ, который былъ оказанъ Французскимъ генераламъ, находившимся во время коронаціи въ Москвѣ, благодарилъ Государя Императора за то, что онъ призналъ правительство Испаніи, много говорилъ объ этой странѣ и шутилъ съ Бруновымъ, напоминая ему, какъ онъ собирался его посѣтить въ Лондонѣ. Аудіенція продолжалась съ полъ часа. Бенкендорфъ увѣряетъ, что Наполеонъ имѣетъ здоровый видъ, хотя блѣдный, худой и съ тусклыми глазами. Вотъ довольно длинное письмо, чтобы его закончить. Смѣю обратить ваше вниманіе на одну книгу, которую я теперь читаю: „Закавказье“ барона Гакстгаузена, Берлинъ 1856 г. Англійскій переводъ этого замѣчательнаго труда уже появился въ Лондонѣ.

2.

Петербургъ, 3 Декабря 1856 г.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ, получивъ ваше письмо изъ Шемахи отъ 24 Октября, поспѣшилъ прочесть его Государю, и Его Величество совершенно одобрилъ ваши мысли: 1) относительно пользы пере-

дачи навигаціи по Волгѣ подъ наблюденіе морскихъ офицеровъ въ отношеніи къ вѣхамъ и штурманамъ, 2) относительно выгоды передать Ново-Петровскъ въ вѣдѣніе адмирала Васильева 3) относительно проэкта присоединенія къ вашему управленію Астраханской губерніи и 4-е) проэкта устройства порта не только въ Баку, но также и въ Петровскѣ.

Одобреніе Государя было предварительнымъ. Великій Князь немедленно же написалъ генералу Чевкину и графу Перовскому, прося сообщить ему ихъ взгляды на счетъ № 1 и 2. Его Высочество переговорилъ словесно съ Чевкинымъ и нашелъ его очень желающимъ осуществленія вашего проэкта относительно Волжской навигаціи. Его Высочество ожидаетъ оффиціальныхъ отвѣтовъ. Что касается до 3 и 4 пунктовъ, Великій Князь ожидаетъ отъ васъ офиціальнаго представленія. Относительно всего этого дѣла я приготовилъ для васъ письмо Великаго Князя. Что касается до сущности, Его Высочество его одобрилъ; но онъ желаетъ вмѣсто оффиціальнаго сообщенія послать вамъ собственноручное письмо, какъ другъ, но не какъ министръ. Такъ какъ это посланіе заставляетъ себя ждать уже двѣ недѣли, то я спѣшу теперь сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія относительно всего этого дѣла. 25 Дек. или 1 Янв. Великій Князь уѣзжаетъ за границу. Онъ пробудетъ три недѣли въ Ганноверѣ съ Великою Княгинею, посѣтитъ союзные дворы Веймара, Альтенбурга, Бадена, Дармштадта и Штутгарта и чрезъ Шамбери и Монсенисъ отправится въ Ниццу.—Е. В. предполагаетъ пробыть тамъ до 18 Февр. и 19-го идти моремъ въ Тулонъ. Остатокъ Февраля и Марта онъ проведетъ во Франціи; въ Апрѣлѣ Е. В. возвращается въ Россію, чтобы въ Маѣ уѣхать въ Николаевъ и на Кавказъ. Сопровождая Великаго Князя во всемъ этомъ путешествіи, я надѣюсь имѣть честь представиться князю, намѣстнику царскому, въ его княжествѣ.

Г. Письма военнаго министра генералъ-адъютанта Н. О. Сухозанета къ князю А. И. Барятинскому.

1.

При разсмотрѣніи въ Аудиторскомъ Департаментѣ извлеченій по военно-суднымъ дѣламъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, представляемыхъ о лицахъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, на высочайшее усмотрѣніе, неоднократно замѣчаемы были значительныя упущенія, которыя въ послѣднее время въ особенности обнаружились, какъ въ образѣ составленія тѣхъ извлеченій, такъ и въ самомъ примѣненіи военно-уголовныхъ законовъ, при постановленіи приговоровъ. Такимъ образомъ неоднократно было замѣчено, что извлеченія по дѣламъ съ одной стороны содержали въ себѣ совершенно излишнія подробности, а съ другой—не заключали самыхъ необходимыхъ для полноты дѣла свѣдѣній; переписывались же и составлялись съ такою небрежностью, что не могли быть въ этомъ видѣ представляемы на высочайшее усмотрѣніе. О несогласныхъ съ законами приговорахъ прилагается особая при семъ выписка.

Имѣя въ виду, что подобнаго рода упущенія замѣчены въ дѣлахъ, вносимыхъ на высочайшее утвержденіе, съ достовѣрностію можно заключить, что по дѣламъ, окончательно рѣшаемымъ въ Полевомъ Аудиторіатѣ, должны обнаруживаться болѣе значительныя неисправности,

Приписывая это обстоятельство исключительно личному составу производителей дѣлъ Полеваго Аудиторіата, и въ особенности полевому генералъ-аудитору, на отвѣтственности котораго должны оставаться какъ правильность, такъ и порядокъ производства дѣлъ, я съ своей стороны полагаю, что занимающій нынѣ эту должность коллежскій совѣтникъ Невскій (изъ писарей военнаго вѣдомства) по всей вѣроятности не соотвѣтствуетъ по образованію и образу мыслей современнымъ требованіямъ правительства о замѣщеніи, по возможности, высшихъ должностей по военно-судной части людьми получившими юридическое образованіе.

Сообщая о семъ на усмотрѣніе вашего сіятельства, считаю долгомъ присовокупить, что ежели вы, милостивый государь, признаете съ своей стороны нужнымъ, въ личномъ составѣ аудиторскихъ чиновъ ввѣреннаго вамъ управленія, сдѣлать какое-либо измѣненіе, то я съ своей стороны постараюсь оказать по сему предмету зависящее отъ меня содѣйствіе.

16 Ноября 1856 г.

2.

Обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою принять строгія мѣры, чтобы существовавшій понынѣ, при пріемѣ въ Астрахани, заготовленный по распоряженію Провіантскаго Департамента, провіантъ не былъ задерживаемъ на неопредѣлительное время у подрядчиковъ, доставившихъ оный изъ Приволжскихъ губерній. При произведенномъ нынѣ заготовленіи для Лѣваго фланга, жалобы по сему были чрезмѣрны, и охотниковъ принять на себя туда поставку, единственно по этой причинѣ, не иначе можно было склонить, какъ съ прибавкою цѣны и съ даннымъ вѣрнымъ обѣщаніемъ, что подобныхъ прежнимъ притязаній не можетъ случиться. Главное состоитъ, что, ко времени прибытія въ Астрахани судовъ, не сгружаютъ ихъ мѣсяцъ и даже два будто бы по неприбытію судовъ для поднятія оныхъ по Каспію. Между тѣмъ судоходчики, упуская время судоходства, несутъ значительные убытки и отвѣтствуютъ, сверхъ того, за неминуемую усушку хлѣба въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Другая просьба: всѣ подрядчики, имѣющіе дѣла съ Кавказомъ, требуютъ значительную часть уплаты въ звонкой монетѣ; прошу конфиденціально меня увѣдомить, въ какой степени дѣйствительна правда, что въ вашемъ краѣ туземцы не принимаютъ депозитокъ безъ значительныхъ процентовъ: нужно бы это уладить.

Вы поручили мнѣ всегда откровенно вамъ о всемъ говорить, а потому я обращаюсь съ упомянутыми просьбами и прибавлю, что изъ получаемыхъ извѣстій о происшествіяхъ на Кавказѣ, замѣчаются весьма частые, хотя

ничтожные случаи, но доказывающіе хищническую смѣлость горцевъ и едва ли достаточную осторожность въ нашихъ передовыхъ и охранныхъ постахъ.

Бога ради поспѣшите смѣтою на предстоящій 1857 годъ для вашихъ войскъ. Приказъ о Севастопольскомъ и Ставропольскомъ полку замѣните другимъ и сообщите мнѣ причину оставленія Кабарды въ отдѣльномъ завѣдываніи.

У насъ, благодаря Бога, все благополучно. Адмиралъ *) 25-го числа ѣдетъ за границу на 4 мѣсяца и воротиться обѣщаетъ только въ Апрѣлѣ; а въ теченіи лѣта, вѣроятно, какъ вамъ должно быть извѣстно, онъ надѣется съ вами видѣться.

13 (25) Декабря 1856 г. Спб.

3.

До свѣдѣнія дошло, что торгующіе на базарѣ въ Тифлисѣ Армяне дѣлали затрудненіе въ размѣнѣ денегъ нижнимъ чинамъ, покупающимъ у нихъ припасы и тѣмъ подали поводъ къ нѣкоторымъ безпорядкамъ, которые были произведены сими чинами, и что ваше сіятельство изволили уплатить за понесенные торговцами отъ сихъ безпорядковъ убытки около 3 т. рубл. сер. Въ Воскресеніе 25-го минувшаго Ноября, нижніе чины бросились вновь съ крикомъ ура! на припасы, выставленные на базарѣ для продажи, за что уже и были наказаны на мѣстѣ самаго происшествія.

Его Величество изволилъ поручить мнѣ просить ваше сіятельство объ увѣдомленіи: дѣйствительно ли были подобныя происшествія, и въ такомъ случаѣ какія приняты были мѣры, чтобы впредь сего не повторялось, а также какое сдѣлано было взысканіе за безпорядокъ, произведенный 25-го минувшаго Ноября.

10-го Января 1857 г.

4.

Отправляемый фельдъегерь-капитанъ Ѳедотовъ былъ задержанъ для доставленія вамъ, вмѣстѣ съ прочими бумагами, весьма важной экспедиціи министра иностранныхъ дѣлъ. По просьбѣ князя Горчакова, согласно высочайшей волѣ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше сіятельство, избравъ по вашему усмотрѣнію нарочнаго, отправить безъ малѣйшаго отлагательства сіи важныя бумаги въ Тегеранъ. Поспѣшное доставленіе ихъ, прежде прибытія въ Тегеранъ трактата Персіи о мирѣ съ Англіею, есть дѣло первостепенной важности.

Князь Горчаковъ отправляетъ вамъ всѣ свѣдѣнія, полученныя отъ нашего посланника въ Константинополѣ Бутенева, изъ которыхъ вы усмотрите, что предвареніе нашего военнаго агента шт.-кап. Франкини о приготовляемой наглымъ образомъ экспедиціи къ восточному берегу Чернаго моря вполнѣ оправдалось. Все сіе комплотировалось подъ покровительствомъ главныхъ лицъ министерства.

---

*) Т. е. Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

„*Kengourou*", Англійскій пароходъ, уже туда отправился; другія менѣе важныя суда тоже снаряжались. Пока личнаго состава отправилось нѣсколько сумазбродовъ; но безъ сомнѣнія многія значительныя, матеріальныя средства, оружіе, порохъ, свинецъ и пр., уже посланы. Бутеневъ, видя безплодность и уклончивые отвѣты визиря и министровъ, военнаго и морскаго, вынужденъ былъ обратиться къ самому султану, какъ ваше сіятельство усмотрите изъ телеграфической его депеши. Слабый Махмутъ обѣщалъ многое; что исполнитъ неизвѣстно; но Woodhouse здѣсь сильно этимъ встревоженъ. Князь Горчаковъ получаетъ чрезъ него самыя положительныя удостовѣренія о дезапробаціи подобныхъ дѣйствій Англійскимъ правительствомъ, и потому разрыва въ нынѣшнемъ году мы не можемъ опасаться.

Принятыя вами предосторожности у генерала Филипсона безъ сомнѣнія будутъ имѣть свои благодѣтельныя послѣдствія.

Ваши мысли, изложенныя въ письмѣ къ Его Величеству и ко мнѣ, относительно Востока, вполнѣ и здѣсь раздѣляемы; но исполненіе оныхъ нынѣ, по случаю мира съ Персіею, должно быть отложено. Къ этому эпизоду приготовляться намъ всѣми силами неизбѣжно; все сіе имѣется въ виду, кромѣ предположенной вами желѣзной дороги къ сѣверной части Аральскаго моря. Важно, конечно, имѣть вѣрное и быстрое сообщеніе между Аральскимъ и Каспійскимъ морями; но едва ли, по безплодности Усть-Юрта, можетъ быть вполнѣ сіе обезпечено. Быть можетъ въ скоромъ времени будетъ возможно осуществить ваши мысли южнѣе Усть-Юрта, въ южную часть Аральскаго моря.

Предположенія вашего сіятельства отсрочить, въ видахъ разрыва съ Англіею, постройку двухъ укрѣпленій и учрежденія станицъ получены вчера съ фельдъегеремъ; отвѣты на оныя вслѣдъ за симъ отправлены будутъ къ вамъ съ капитаномъ 2-го ранга, Стеценковымъ, нарочно здѣсь задержаннымъ дня на три.

Его Величество вчера вечеромъ уѣхалъ на охоту въ Лугу и потому не могъ написать отвѣта на ваше письмо съ отправляемымъ нынѣ курьеромъ.

Увѣдомьте меня поскорѣе: что предпочтительно вы желаете для Шервашидзе? Отъѣздъ его съ Кавказа въ Петербургъ Его Величество вполнѣ одобряетъ.

Вашъ отзывъ за № 14, равно и ваше конфиденціальное письмо, повергнуты на благоусмотрѣніе Государя Императора; все заключающее въ оныхъ постараюсь исполнить, по мѣрѣ возможности, и съ Стеценковымъ дамъ вамъ по оному подробный отвѣтъ. Усиленіе запаса въ Астрахани, въ удовлетвореніе отчасти видовъ Васильева, по числу помѣщеній у него имѣющихся, я предписалъ еще усилить 20-ми т. четв., дабы имѣть всего зимняго запаса 80 т. четвертей.

Представленія вашего сіятельства, даже самыя тяжкія, т. е. удовлетвореніе деньгами, по мѣрѣ возможности исполняются. Его Величество на кормовыя деньги женамъ и дѣтямъ согласился только на сей единственный разъ, въ видѣ особаго изъятія, опасаясь подобнаго примѣра, могущаго дать

такое же право и другимъ отдаленнымъ частямъ войскъ; а это повлекло бы въ большія издержки. Вообще, сколь ни тяжко отказывать необходимаго пособія заслуженнымъ воинамъ, столько же необходимо оказывать правительству услугу, ограничивая его по мѣрѣ возможности въ невыносимыхъ расходахъ.

Графъ Строгоновъ отправляетъ вамъ провіантъ, но по огромной цѣнѣ: это вамъ будетъ стоить по меньшей мѣрѣ 25 т. лишняго расхода.

Ваши бумаги отъ 5-го, 8-го и 9-го ч. Февраля, относительно заготовленія провіанта, сію минуту только получены съ почты. Все будетъ сдѣлано, согласно вашему требованію, и пока вы освободите Подполье отъ огромнаго тамошняго запаса, дополнительное количество, возложенное на Руссова, во̀ время доставлено будетъ туда.

Если ваше сіятельство, сверхъ всякаго ожиданія, затруднитесь послать кого изъ вашихъ въ Тегеранъ, то въ такомъ случаѣ капитанъ Ѳедотовъ, какъ одинъ изъ самыхъ отличныхъ фельдъегерей, въ необходимости можетъ быть на это употребленъ.

Пунктомъ 6-мъ трактата мира Англіи съ Персіею на счетъ консуловъ сказано глухо: le droit égal aux nations les plus favorisées. Чтобы не допустить Персію на согласіе имѣть консуловъ въ Астрабадѣ, мы отказались отъ нашего исключительнаго права имѣть оныхъ вездѣ, гдѣ пожелаемъ; успѣемъ ли симъ оградить себя отъ такого опаснаго сосѣдства, рѣшатъ посылаемыя теперь бумаги въ Тегеранъ.

27 Февраля 1857 г. Спб.

5.

Давно доходили до меня вѣсти, что всякое дѣло, которое военный министръ по убѣжденію и совѣсти почитаетъ себя въ обязанности подвергнуть разсмотрѣнію и обсужденію, принимается вашимъ сіятельствомъ въ видѣ недоброжелательности или оппозиціи. Признавая это неизбѣжнымъ слѣдствіемъ положенія лица, отвѣтствующаго предъ всѣми и каждымъ за все сдѣланное и несдѣланное, я принималъ это съ терпѣніемъ, въ убѣжденіи, что вы, по благородству характера, не можете, подозрѣвать меня въ поступкахъ намъ одинаково несвойственныхъ. Я вамъ далъ слово (и никогда не измѣню оному) содѣйствовать успѣху дѣла; надѣюсь, что, вы меня довольно знаете, чтобы не допускать мысли о противномъ.

Припомню обстоятельства:

1. Убѣжденіе мое о вѣковой преждевременности желѣзной дороги отъ Каспійскаго къ Аральскому морю.

2. О крайней опасности для Россіи предпринимать теперь что-либо въ Центральной Азіи, не устроивши, послѣ раззорительной войны, финансовъ, арміи, запасовъ, а болѣе всего союзниковъ; дѣйствуя въ молчаніи, съ одинаковымъ съ вами убѣжденіемъ, имѣть къ тому готовыя средства, но только не теперь, не возбуждая даже явными приготовленіями вниманія нашихъ враговъ, чтобы не дать имъ повода раздувать ненависть противъ Россіи и

заставлять націю жертвовать огромными денежными средствами для противодѣйствія нашимъ тайнымъ помышленіямъ.

3. Отмѣну вашего предположенія, не занимая Новороссійска, форта Раевскаго и укрѣпленія Гостогаевскаго, учредить на р. Адагумѣ штабъ Крымскаго полка. Испрашивая высочайшаго на сіе утвержденія, я не только почиталъ себя въ правѣ, но и въ обязанности доложить Его Величеству опасеніе мое по этому предмету, однако какъ и всегда, единственно съ тою цѣлью, чтобы обратить ваше вниманіе на мои мысли, съ предоставленіемъ дѣйствовать по ближайшему вашему усмотрѣнію.

4. Касательно временнаго учрежденія порта въ Поти, видя, что вы уже ассигновали 80 т. р. с. и предполагаете даже за недостаткомъ суммъ заимствовать на счетъ смѣты будущаго года, я, стѣсняемый до крайности въ удовлетвореніи самыхъ неизбѣжныхъ потребностей, не могъ по совѣсти не сдѣлать возраженія противъ осуществленія, если не невозможнаго, то конечно несвоевременнаго предположенія. Думаю, что всѣ средства, которыми мы можемъ располагать для прибрежныхъ мѣстъ Кавказа, должны быть обращены къ Каспію и что, пока мы не владѣемъ Чернымъ моремъ, всѣ значительныя сооруженія на восточномъ берегу онаго будутъ не только безполезною тратою денегъ, но и сдѣлаются добычею могущественной морской державы.

5. Перевозку провіанта изъ Новопетровска сухимъ путемъ въ Кутаисъ и Ахалцыхъ, увеличивающую на всей стоимости 223-хъ т. р. с. до 154 т. р. с. расходы, я приписалъ вашему опасенію разрыва съ Англіею, хотя это было явнымъ упущеніемъ Интендантства.

6. Просьбу мою содѣйствовать къ возстановленію порядка въ Астраханскомъ провіантскомъ комитетѣ вы приняли тоже въ видѣ упрека, указавъ, что вѣсти дошедшія до меня не существуютъ, и что вице-адміралъ Васильевъ до сего допустить не можетъ; а потому испрашиваемое мною конфиденціально отъ вашего сіятельства содѣйствіе ограничилось порученіемъ вице-адміралу Васильеву, который возложилъ сіе на члена того же комитета.

7. Изрѣдка случающіяся неудовлетворенія вашихъ представленій о наградахъ, и въ особенности о денежныхъ пособіяхъ, въ которыхъ ваше сіятельство чрезвычайно щедры, дѣлаются согласно принятымъ правиламъ, которыя Его Величество нарушать не дозволяетъ. Напротивъ того, назначенія къ командованію частями, хотя мимо сотни кандидатовъ, по мѣрѣ возможности всегда стараюсь удовлетворить, въ убѣжденіи пользы таковаго, сообразно съ мѣстными соображеніями, выбора. На томъ же основаніи я просилъ васъ доставить исключительное засвидѣтельствованіе о заслугахъ провіантскихъ чиновниковъ, которые нынѣ высочайше удостоены испрашиваемыхъ вами наградъ.

8. Переводы офицеровъ, до чина поручика включительно, дѣлаются согласно правилъ въ выпискѣ препровождаемыхъ и вашему сіятельству долженствующихъ быть извѣстными; на этомъ основаніи Кавказскаго сапер-

наго № 2 баталіона поручикъ Сведерусъ, приказомъ Его Императорскаго Высочества генералъ-инспектора по инженерной части отъ 17 Ноября 1856 г. № 101 (при семъ прилагаемымъ) прикомандированъ къ учебному саперному баталіону.

Изъ всего вышеизложеннаго ваше сіятельство можете удостовѣриться, что, исполняя мою обязанность, я не могу слѣдовать вашему желанію и безусловно всегда раздѣлять ваше мнѣніе. Давно хотѣлъ, въ видахъ общей пользы, откровенно съ вами по сему объясниться; но ваши выраженія, въ письмѣ отъ 15 Декабря 1856 г., въ отвѣтъ на мое конфиденціальное письмо о достоинствѣ генералъ-аудитора Невскаго, показали мнѣ, что вы приняли это за вмѣшательство въ предоставленную вамъ однимъ власть, и потому я почелъ за лучшее не затруднять васъ этимъ. Нынѣ, вызванный вашимъ письмомъ отъ 19 Апрѣля, почитаю уже необходимостью, съ полною характеризующею насъ откровенностью, сказать вамъ, что не я нарушаю права вамъ данныя, а вы предполагаете подчинить дѣйствія военнаго министра согласно вашимъ требованіямъ, и хотя признаю пользу и необходимость неограниченной власти во ввѣренномъ вамъ отдаленномъ управленіи, никакъ не могу согласиться, чтобы она могла простираться на распоряженія лицъ облеченныхъ здѣсь довѣріемъ Его Величества.

Повѣрьте, что я священнѣйшимъ почитаю долгомъ, исполняя мои обязанности, не только не мѣшать, но всѣми мѣрами стараюсь облегчить каждому исполненіе на немъ лежащихъ. И если бы не намѣренно случилось сдѣлать въ этомъ ошибку, подобно высочайшаго прощенія ген.-лейт. Ермоловой ея долга (какъ вы усмотрите изъ особо прилагаемой записки), то достанетъ во мнѣ смѣлости гражданства сознаться въ оной, не считая моего мнѣнія неизмѣннымъ и не будучи рабомъ ни моего самолюбія, ни личныхъ или пристрастныхъ соображеній.

Надѣюсь, что послѣ сего объясненія, ясно и положительно выразившаго мое мнѣніе, какъ относительно сохраненія права исполненія долга моего къ Государю, Россіи и лежащей на мнѣ отвѣтственности, такъ и въ искреннемъ, усердномъ содѣйствіи моемъ ко всему полезному,—ваше сіятельство узнаете во мнѣ человѣка, вамъ подобнаго, равно съ вами преданнаго Царю и Отечеству, равно съ вами неспособнаго ни на какія несоотвѣтствующія дѣйствія. Но при этомъ смѣло вамъ высказываю, что мнѣ теперь ближе, нежели вамъ, извѣстно положеніе нашихъ финансовъ.

Если это письмо убѣдитъ васъ, что я, ни въ преданности, ни въ уваженіи къ вамъ не перемѣнился, то ради любви къ Царю и Россіи примемъ вмѣстѣ одну и единственную для нашего устройства систему:

1. Елико возможно бережливости, допуская расходы только крайне-необходимые.

2. Терпѣніе, приготовляя и обдумывая исподволь способы къ будущей вѣроятно вамъ предстоящей роли; но для сего нужно время, не только для того, чтобы мы устроились, но и для того, чтобы на Западѣ поразстроились, и

3. Снисходительно принимая взаимныя, другъ отъ друга, конфиденціальныя сообщенія.

Если же и за симъ ваше сіятельство будете приписывать моимъ дѣйствіямъ систему оппозиціи ко всему, что́ бы вы ни предприняли, то предоставляю вамъ представить на благоусмотрѣніе Государя указаніе границъ власти намъ имъ данной и всѣхъ причинъ вашего неудовольствія. Надѣюсь, что Его Величество, зная мои отношенія къ намѣстнику Кавказа, найдетъ возможнымъ вполнѣ успокоить ваши противъ меня подозрѣнія.

Затѣмъ, предоставляя выбору вашему форму и степень откровенности и взаимной довѣренности въ сношеніяхъ нашихъ, прошу быть увѣреннымъ въ истинномъ моемъ къ вамъ уваженіи и желаніи елико возможнаго успѣха во всѣхъ для пользы Государя и Россіи вашихъ предпріятіяхъ, и остаюсь душевно преданнымъ вамъ.

15 Мая 1857 года,
С.-Петербургъ.

6.

Отъ 29 Іюня 1857 года.

Принимая письмо ваше, отъ 4 ч., за искреннее выраженіе вашего мнѣнія обо мнѣ, я благодарю васъ за оное и могу увѣрить, что вы во мнѣ не ошибаетесь.

Радуюсь первоначальному успѣху на Адагумѣ, выбору кратчайшаго и безопаснаго отъ нападеній пути, но желаю прочнаго онаго устройства, для удобнаго во всякое время движенія.

На счетъ Поти я признавалъ увлеченіемъ замѣнить онымъ Сухумъ и Редутъ-Кале, ибо сверхъ отпущенныхъ 80 т. рублей вами предполагалось назначить суммы еще бо́льшія въ счетъ смѣты будущаго года.

Конечно теченіе Ріона и географическое положеніе Поти весьма заманчиво, но если къ достиженію цѣли нужны большіе расходы, то остаюсь въ убѣжденіи, что будутъ несвоевременны.

Касательно Астраханскаго комитета повторяю, что я хочу не контролировать в. а. Васильева, а устранить вмѣшательство нѣкоторыхъ лицъ, препятствующихъ успѣху дѣла. Имѣя ваше согласіе, я пошлю туда довѣренное лицо, чтобы удостовѣрится, какимъ образомъ намъ нужно обезпечить доставку и сдачу хлѣба въ Астрахани. Между тѣмъ, съ прибытіемъ оттуда полковника Тизенгаузена (исполнившаго отлично порученіе съемки устья Волги и розысканія средствъ къ улучшенію фарватера оной), убѣждаюсь, что предположенное мѣсто для возведенія магазиновъ рѣшительно ошибочно, и потому необходимо оное пріостановить. Какой бы ни былъ результатъ устройства пароходства по р. Курѣ, магазины должны быть тамъ, куда суда подходить могутъ.

Я весьма далекъ отъ мысли подчинять министру не только главнокомандующихъ, но всякой день стараюсь расширить дѣйствія каждаго изъ отдѣльныхъ начальниковъ, въ особенности же отдаленныхъ, чувствуя всю необходимость сосредоточенія власти въ каждомъ отдѣльномъ управленіи. Въ

министрѣ предполагаю только соглашеніе и уравновѣшеніе разностороннихъ желаній съ тѣмъ, чтобы удовлетвореніе оныхъ не вовлекало насъ въ неизчисленные расходы и совершенную неопредѣлительность правилъ.

Не только касательно переводовъ, назначеній и испрашиваемыхъ наградъ я раздѣляю ваше мнѣніе, но полагаю вообще, что всякое представленіе начальника должно быть уважено: этого требуютъ его достоинство и вліяніе на подчиненныхъ. Однако для сего необходимо, дабы и они согласовали свои представленія съ способами правительства и устраняли желаніе дать своимъ войскамъ предпочтеніе въ правахъ предъ другими, чего Государь Императоръ допустить не можетъ; потому что Его Величеству всѣ войска равно вѣрно и усердно служатъ, тѣмъ болѣе, что у насъ примѣръ влечетъ за собою право домогаться уравненія.

Вы названную мною „щедрость вашу" признаете необходимою справедливостію не оставить безъ помощи несчастныя семейства людей, заплатившихъ кровію за тѣ ничтожныя пенсіи, которыя теперь отказываются ихъ вдовамъ и дѣтямъ. Я желалъ бы быть въ возможности удовлетворить сему великодушному вашему стремленію; но если наше положеніе не доставляетъ способовъ удовлетворенія закономъ опредѣленныхъ пособій, какъ же дѣлать для однихъ только вашихъ представленій изъятія?

Будьте справедливы и къ заслугамъ другихъ, не имѣющихъ счастія пользоваться вашимъ попеченіемъ о нихъ. Для Государя всѣ его подданные одинаково близки сердцу; для его министра всѣ одинаково имѣютъ право на его предстательство. И потому, въ чемъ отказывается заслуженнымъ воинамъ Севастополя, Крыма и другихъ мѣстъ, на то не должны претендовать и Кавказцы; а начальникъ, какъ государственный человѣкъ, казалось, долженъ бы, согласуя свои соображенія съ общими видами, не дѣлать такихъ представленій, которыя поставляютъ Государя въ необходимость отказать, а его самого подвергаютъ мнѣнію, что не всѣ же представленія его уважаются.

Государственная экономія, при недостаткѣ средствъ правительства, давно разрѣшена раздѣленіемъ расходовъ на три категоріи:

1, на неизбѣжно-необходимое.

2. на полезное въ настоящемъ

3. на полезное въ будущности и, наконецъ, при избыткѣ средствъ, на прихотливое.

Удовлетвореніе первой есть крайность; но когда и въ оной дѣлаются усилія къ сокращенію, то класть капиталъ (на полезное въ будущности) есть задача нынѣ неисполнимая.

Окончаніе дѣлъ на Кавказѣ можетъ быть желаніемъ, но осуществить его вдругъ не предстоитъ возможности, и вы, кажется, *имѣли въ этомъ* полное *убѣжденіе.*

Достигнуть значительнаго *сокращенія* тамъ *войскъ будетъ заслугою выше славныхъ побѣдъ.* Я понимаю пользу и необходимость оставить вамъ до весны 13 и 18 дивизіи, и согласно съ этимъ, въ ожиданіи вашего по сему

увѣдомленія, дѣлаю уже всѣ мои предначертанія; но послѣ того нужно не только ихъ отпустить, но и *постепенно ежегодно уменьшать число войскъ на Кавказѣ.*

На счетъ усиленія вашего штаба, вы лично испросили у Его Величества о назначеніи начальника главнаго штаба; но Государь не разумѣлъ, чтобы при этомъ новомъ назначеніи лица нужно было давать ему товарища и дежурнаго штабъ-офицера.

По вашему выраженію я „обремененъ огромною письменною работою". которой однако нужно же дать основаніе, и потому дозволяю думать, что я судья въ этомъ дѣлѣ и полагаю, что если прежнее управленіе обходилось безъ сказанныхъ лицъ, то нынѣ, а тѣмъ болѣе при *предполагаемомъ скоромъ уменьшеніи войскъ, можно,* и по средствамъ своимъ, должно ограничиться настоящимъ числомъ дѣятелей. Въ избраніи подчиненныхъ вы полный хозяинъ, и я не могу себя упрекать ни однимъ случаемъ, гдѣ бы я былъ съ вами не въ единомысліи.

Заключеніе вашего письма принимаю съ душевною признательностью и прошу вѣрить, что намѣренно ничего не сдѣлаю противъ искреннѣйшаго къ вамъ уваженія и пламеннаго желанія быть полезнымъ общему дѣлу; но не могу не обратить вашего вниманія на крайность нашего финансоваго положенія. Я изъ всѣхъ вашихъ предположеній заключаю, что вы имѣете неполное свѣдѣніе объ этомъ.

7.

Письмо ваше и всѣ бумаги отъ 19 Іюня получены мною 30 ч., послѣ отправленія письма моего, отъ 29 Іюня, и потому въ дополненіе къ оному, хотя вскользь, поспѣшаю увѣдомить:

Желаніе ваше, объ оставленіи 13 и 18 пѣхотныхъ дивизій до весны 1858 года предвидѣлось, и все согласно сему распоряжалось; но возвращеніе оныхъ въ Россію во время навигаціи 1858 г. считалось уже всегда самымъ отдаленнымъ и вами предполагавшимся срокомъ. Число рабочихъ рукъ отъ сего у васъ немногимъ уменьшится, потому что дивизіи уйдутъ въ кадрахъ, оставивъ бо́льшее число людей на пополненіе прочихъ вашихъ войскъ.

Вѣрьте, почтеннѣйшій князь Александръ Ивановичъ, что я принимаю всевозможныя мѣры уменьшить военные расходы по Имперіи, чтобы дать возможность устраиваться намъ на Азіятской границѣ, и всевозможныя сбереженія стараюсь туда направлять; но отъ меня требуютъ существенно невозможнаго. Всѣ вопіютъ противъ содержанія до 300 т. арміи на Кавказѣ, коей одно провіантское довольствіе требуетъ значительную часть всего военнаго бюджета, и потому необходимо принять на будущее время такой планъ дѣйствія, чтобы сколь возможно уменьшить число войскъ на Кавказѣ.

На счетъ Поти никакого не имѣю возраженія, чтобы безъ расходовъ правительства дозволить негоціантамъ возводить тамъ новый городъ и открыть болѣе обширную и удобоисполнимую торговлю съ внутренностію края. Повторяю, что мы для сего никакъ не можемъ нынѣ сдѣлать значительныхъ

пожертвованій; въ этомъ видѣ безъ сомнѣнія вы получите высочайшее разрѣшеніе.

Касательно Астраханскаго провіантскаго комитета, я прошу вашего согласія подчинить его внутреннему провіантскому вѣдомству; этого требуютъ удешевленіе цѣнъ при покупкѣ хлѣба въ верховьяхъ Волги, упрощеніе и и ускореніе сдачи и перегрузки онаго съ бѣлянъ, приходящихъ съ продуктомъ.

Вамъ теперь уже извѣстны всѣ вообще безпорядки, происшедшіе по управленію въ Астрахани; не сомнѣваюсь въ благонамѣренности вице-адмирала Васильева, но окружающіе во зло употребили его довѣріе. Необходимо провіантскій комитетъ удержать подъ предсѣдательствомъ благонамѣреннаго Струве, который устроитъ намъ это дѣло; нужно только рѣшить, гдѣ должно внутреннее вѣдомство окончательно передавать хлѣбъ въ вѣдомство вашего интендантства. Струве, я и Провіантскій Департаментъ полагаемъ, что сдача провіанта прямо въ приморскія ваши пристани, на отвѣтственности внутренняго вѣдомства, уменьшитъ одну инстанцію для неизбѣжныхъ къ несчастію издержекъ, отъ которыхъ, что̀ бы мы съ вами ни дѣлали, совершенно оградить правительство никогда не достигнемъ, ибо есть даже расходы требующіе обезпеченія; слѣдовательно общее наше стремленіе должно быть направлено къ возможному ограниченію зла. Скажите откровенно по сему ваше желаніе: если признаёте нужнымъ, чтобы хлѣбъ окончательно передавался въ Астрахани, — я спорить не буду; изберите только дѣльнаго и благонамѣреннаго человѣка и не на два года, какъ это было принято за правило въ Интендантствѣ; причемъ однако повторяю, что отъ этой лишней инстанціи неизбѣжно хлѣбъ будетъ покупаться дороже.

Къ Государю я отправилъ желаніе ваше о зачисленіи генералъ-маіора Граматина по особымъ къ вамъ порученіямъ; таковыхъ положено имѣть четыре, состоитъ уже 12. Граматинъ будетъ 13-й. Пропуститъ ли это Его Величество, не ручаюсь; между тѣмъ вновь поступило представленіе о генералъ-лейтенантахъ князѣ Андронниковѣ и князѣ Орбеліанѣ и генералъ-маіорѣ Лорисъ-Меликовѣ, что̀ составитъ 16, изъ которыхъ 12 сверхъ смѣтнаго расхода.

Къ назначенію презусомъ коммиссіи военнаго суда при Тифлисскомъ Ордонанзъ-гаузѣ представленъ полковникъ Слинько, но онъ не раненъ и потому не имѣетъ права, при томъ сверхъ-смѣтный расходъ; представляю на благоусмотрѣніе: не признàете ли вы въ подобныхъ случаяхъ за полезное назначать состоящихъ по особымъ порученіямъ, даже генераловъ?

Помощника начальника главнаго штаба и дежурнаго штабъ-офицера въ штатъ вводить невозможно. Пересмотръ смѣтъ, порученный особому комитету, даетъ ему право не допускать никакихъ сверхъ-смѣтныхъ расходовъ, даже предварительно высочайше одобренныхъ.

О вопросѣ на счетъ права блокады не сѣтуйте на кн. Горчакова въ неразрѣшеніи; этотъ вопросъ еще не вполнѣ объяснился. Нужно быть чрезвычайно осторожнымъ, наши шкуны считаются транспортными, а не воен-

ными судами и не имѣютъ права имѣть артиллеріи, а еще менѣе задерживать суда въ морѣ для осмотра; объявить право блокады безъ средствъ осуществленія оной было бы неумѣстнымъ. О порчѣ паровиковъ я говорилъ адмиралу оказать возможное содѣйствіе въ г. Николаевѣ. Онъ приписываетъ сіе частому, безъ отдыха, употребленію оныхъ (чего, кажется, не было) и неопытности въ употребленіи антрацита.

Военные наши фрегаты, посланные изъ Балтики, только къ осени прибудутъ въ Николаевъ.

Разрѣшеніе ваше Филипсону вѣшать шпіоновъ совершенно въ законномъ правѣ; о 14-ти плѣнныхъ Туркахъ повремените еще нѣсколько, до возвращенія князя Горчакова, у котораго я спрошу окончательное его заключеніе по всѣмъ вопросамъ.

Филипсонъ уже оказалъ содѣйствіе по устройству укрѣпленій въ Керченскомъ проливѣ; ему предоставляется право утвержденія цѣнъ на матеріалъ; его вліяніе, какъ общаго начальника, необходимо, но собственно подробности строительства нельзя на его возложить. Повремените съ отмѣною этой мѣры, которую въ послѣдствіи можно будетъ отмѣнить, если вмѣшательство его признаете безполезнымъ. По Мингрельскимъ дѣламъ всѣ ваши распоряженія согласны съ общимъ мнѣніемъ правительственной комиссіи.

Предположенія о переселеніи Азовскихъ казаковъ ожидаю.

Бараки, бывшіе близъ Симферополя, давно уже получили назначеніе; я не имѣю возножности устроить помѣщеніе даже для одного батальона на сѣверной сторонѣ, и потому на нихъ рѣшительно не разсчитывайте.

Прошу меня извѣстить о сушеной квашеной капустѣ, доставленной въ Анапу и Сухумъ; можетъ ли это приносить пользу войскамъ и признаете ли возможнымъ, въ число оной, прислать Французскихъ сушеныхъ овощей? Князь Долгоруковъ передалъ свое право Парижскому фабриканту Шолле, котораго приготовленіе, какъ квашеной капусты, такъ и овощей, оказалось несравненно лучше; цѣна за порцію того и другаго по копѣйкѣ, но собственно для войскъ вашихъ можно удешевить, ибо дальнѣйшее приготовленіе оной княземъДолгоруковымъ было допущено въ видахъ обезпеченія существованія его заведенія; овощи Шолле оказались превосходными для второй порціи въ госпиталяхъ.

4-го Іюля 1857 года.
С.-Петербургъ.

Д. Письма князя А. И. Барятинскаго къ военному министру генералъ-адъютанту Н. О. Сухозанету.

1.

Справки о хлѣбномъ дѣлѣ заставили меня повременить отвѣтомъ на письмо вашего высокопревосходительства отъ 4-го Ноября. Излагая его теперь въ самыхъ большихъ подробностяхъ, я вполнѣ увѣренъ, что объясненія эти васъ удовлетворятъ, и вы изъ нихъ усмотрите, что главное затрудненіе на Кавказѣ состоитъ не столько въ хлѣбѣ, сколько въ недостаткѣ

путей сообщенія, а въ особенности перевозочныхъ средствъ; записка, съ симъ вмѣстѣ отправляемая, ознакомитъ васъ со всѣмъ ходомъ этого дѣла. Кромѣ того, я прилагаю копіи только что полученныхъ мною рапортовъ Астраханскаго военнаго губернатора и командующаго войсками Праваго Крыла, изъ коихъ ваше высокопревосходительство усмотрите, что недостатокъ хлѣба, съ разрѣшеніемъ вывоза его за границу, дѣлается повсемѣстнымъ и что цѣны на него несоразмѣрно возвышаются. Чтобы облегчить участь бѣдныхъ жителей города Астрахани, я поспѣшилъ утвердить распоряженіе вице-адмирала Васильева; что же касается до ходатайства генерала Козловскаго, то, имѣя въ виду недостатокъ хлѣба въ Ставропольской губерніи и Черноморіи, я къ сожалѣнію не нашелъ возможнымъ оказать съ своей стороны облегченія Донскому краю и вынужденъ предоставить распоряженіе по сему предмету усмотрѣнію вашего высокопревосходительства. Въ томъ же письмѣ отъ 4-го Ноября ваше высокопревосходительство пишете мнѣ, что князь Бебутовъ, въ промежуткѣ времени послѣ отъѣзда генерала Муравьева и до моего пріѣзда, съ 22-го Августа по 26-е Сентября, поторопился сдѣлать двадцать одно представленіе о награжденіи 2530 лицъ, и что представленія сіи, по высочайшему повелѣнію, нынѣ возвращаются ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы по строгому ихъ разбору сдѣлано было ходатайство въ болѣе ограниченномъ числѣ.

Помянутыя представленія поступали въ корпусный штабъ частью въ прошломъ, а частью въ нынѣшнемъ году и, по случаю пребыванія генерала Муравьева въ прошломъ году подъ Карсомъ, а весною сего года на Кавказской линіи и въ Черноморіи, представленія эти не могли не замедлиться, тѣмъ болѣе, что не рѣдко встрѣчалась необходимость, по нѣкоторымъ неполностямъ представленій, требовать дополнительныя свѣдѣнія. По утвержденнымъ за тѣмъ докладамъ окончательное изготовленіе представленій не могло быть окончено до отъѣзда генерала Муравьева, за множествомъ другихъ спѣшныхъ дѣлъ, а потому представленія эти сдѣланы послѣ выѣзда его и во время командованія корпусомъ князя Бебутова. Такимъ образомъ отправленіе при князѣ Бебутовѣ накопившихся представленій не было слѣдствіемъ какого-либо особаго умысла, а напротивъ сдѣлано съ цѣлью дать ходъ этимъ представленіямъ еще до моего пріѣзда, такъ какъ и безъ того другія особенной важности дѣла по необходимости были оставлены до моего прибытія. Не смотря на столь значительное число представленій, сдѣланныхъ княземъ Бебутовымъ, часть ихъ за прежніе годы остается по настоящее время неисполненною и только теперь приготовляется къ отправленію.

По полученіи здѣсь обратно ожидаемыхъ представленій, высочайшая воля Государя Императора о строгомъ разборѣ ихъ и новомъ ходатайствѣ въ болѣе ограниченномъ числѣ будетъ тотчасъ же исполнена. При этомъ считаю весьма кстати объяснить, что вообще я буду признателенъ, если въ случаяхъ, когда число представляемыхъ лицъ найдено будетъ слишкомъ большимъ, уменьшеніе числа ихъ предоставится мнѣ. При такомъ порядкѣ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, я буду требовать отъ частныхъ началь-

никовъ ихъ мнѣнія: кого изъ представленныхъ лицъ они полагаютъ исключить, кого вновь представить; чрезъ это избѣгнутся несправедливости къ заслуженнымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, а наградъ удостоятся тѣ, которые дѣйствительно ихъ заслужили. При всякомъ другомъ способѣ уменьшенія невольно вкрадутся ошибки и несправедливости.

9 Декабря 1856 г.
Тифлисъ.

2.

Въ письмѣ отъ 16-го минувшаго Ноября, ваше высокопревосходительство сообщаете мнѣ, что въ представляемыхъ на высочайшее воззрѣніе извлеченіяхъ по военно-суднымъ дѣламъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса часто обнаруживаются значительныя упущенія и неисправности, которыя вы приписываете исключительно личному составу Полеваго Аудиторіата, въ особенности же неспособности полеваго генералъ-аудитора, а по тому полагаете, что слѣдовало бы замѣстить коллежскаго совѣтника Невскаго другимъ болѣе достойнымъ чиновникомъ.

Такое сужденіе о цѣлой части управленія, непосредственно мнѣ подчиненной, поставляетъ меня въ необходимость выразить вашему высокопревосходительству мое мнѣніе по этому предмету.

Важнѣйшій изъ доводовъ, заключающихся въ вашемъ письмѣ, состоитъ въ томъ, что приговоры Полеваго Аудиторіата, по мнѣнію вашему, постановляются безъ точнаго соблюденія существующихъ законовъ, чему доказательства указываются въ приложенной къ письму особой запискѣ.

Еслибъ я имѣлъ въ виду только защищать личный составъ Полеваго Аудиторіата, то я ограничился бы однимъ замѣчаніемъ, что приговоры его утверждаетъ самъ главнокомандующій, который слѣдовательно не находитъ ихъ незаконными и неправильными и въ оправданіяхъ не нуждается.

Но, оставляя въ сторонѣ юридическую отвѣтственность и не защищая нисколько непреложности всѣхъ утвержденныхъ высшимъ начальствомъ приговоровъ, я считаю долгомъ сообщить вамъ въ прилагаемой къ сему запискѣ тѣ объясненія, которыя Полевой Аудиторіатъ представилъ мнѣ въ оправданіе своихъ приговоровъ по дѣламъ, указаннымъ въ вашемъ письмѣ.

Еслижъ вы находите, что въ канцеляріи Полеваго Аудиторіата бумаги вообще переписываются не довольно изящно, то я пользуюсь этимъ, чтобы обратить ваше вниманіе на крайне-недостаточный штатъ означенной канцеляріи, которая состоитъ всего изъ 7-ми чиновниковъ и 10-ти писцовъ: числа̀ совершенно несоразмѣрнаго съ количествомъ лежащей на канцеляріи работы. При томъ количество производящихся въ Полевомъ Аудиторіатѣ военно-слѣдственныхъ и военно-судныхъ дѣлъ, въ слѣдствіе увеличенія числа войскъ и постепеннаго распространенія дѣйствій Русскаго законодательства, возрасло до того, что въ 1848-мъ году производилось только 228-мь дѣлъ на 64 т. листахъ, а въ 11-ть мѣсяцевъ текущаго года уже 550 дѣлъ на 132 т. листахъ. Цифры эти служатъ однимъ изъ примѣровъ, доказывающихъ, что вообще штаты моего управленія сдѣлались въ настоящее время

недостаточными въ соразмѣрности возрастающей постепенно работы, и я предвижу, что въ скоромъ времени буду вынужденъ обратить на этотъ предметъ попечительное вниманіе Государя Императора.

Наконецъ, что̀ касается прямо до личности теперешняго состава Полеваго Аудиторіата, то вы замѣтили изъ отзыва моего отъ 30 минувшаго Ноября № 2732, что я самъ полагаю необходимымъ сдѣлать въ этомъ составѣ измѣненія. Но собственно о генералъ-аудиторѣ Невскомъ я долженъ сказать, что этотъ чиновникъ, при своемъ примѣрномъ усердіи, прилежаніи и знаніи дѣла, умѣлъ многолѣтнею здѣсь службою пріобрѣсти репутацію человѣка честнаго и очень добросовѣстнаго. При томъ же опредѣлять, кто именно изъ чиновниковъ достоинъ, или недостоинъ занимать мѣсто можетъ только прямой начальникъ ихъ, и тѣмъ болѣе здѣсь это право предоставлено одному мнѣ въ силу высочайшаго довѣрія, которымъ я, по своему званію и должности, удостоенъ всемилостивѣйшимъ моимъ Государемъ.

15-го Декабря 1856 г.
Тифлисъ.

3.

По высочайшему повелѣнію, сообщенному мнѣ въ отзывѣ вашего высокопревосходительства отъ 8 Декабря прошлаго года № 13159, ассигновано въ мое распоряженіе на экстра-ординарные расходы въ нынѣшнемъ году 140 т. рубл. серебромъ.

Въ исполненіе высочайшей воли, я приложу все стараніе, чтобы сокращать по возможности экстраординарные расходы; но считаю необходимымъ обратить ваше вниманіе на причины, по которымъ признавалось нужнымъ испрашивать ассигнованіе 200 т. рубл. сер. и по которымъ я не могу быть увѣреннымъ, что къ концу года ассигнованная сумма окажется достаточною для покрытія самыхъ неизбѣжныхъ расходовъ.

По случаю послѣдней войны экстраординарная сумма была увеличена до 200 т. рубл., независимо отъ назначенія особой экстраординарной суммы въ 200 рубл. с. по войнѣ съ Турціею, такъ что первая изъ этихъ суммъ расходовалась на предметы собственно относившіеся только до внутреннихъ дѣлъ Кавказскаго края.

Нынѣ, несмотря на прекращеніе войны, взволнованныя ею враждебныя племена еще не успѣли успокоиться. Закубанскіе горцы находятся теперь еще болѣе, чѣмъ прежде въ тревожномъ положеніи, по проискамъ Сеферъ-бея, который обнадеживаетъ ихъ на помощь Турціи. Съ другой стороны, сборъ большаго числа войскъ и приготовленія наши къ усиленнымъ предпріятіямъ, естественно, вызываютъ со стороны горцевъ особенную дѣятельность для сопротивленія нашему оружію. Въ этомъ положеніи дѣлъ я расчитываю, что съ возрастающею предпріимчивостію горцевъ потребуется и болѣе экстраординарныхъ расходовъ для открытія и предупрежденія непріятельскихъ замысловъ.

Независимо отъ настоящаго положенія дѣлъ съ горцами предстоитъ еще продолжать изъ экстраординарной суммы расходы и по минувшей войнѣ.

Большое число изувѣченныхъ военнослужащихъ и туземцевъ, вдовъ, потерявшихъ своихъ мужей въ бояхъ, жителей, лишившихся имущества, всѣ просятъ пособія, въ которомъ невозможно имъ отказать, пока не устроится ихъ положеніе. Необходимо также, изъ видовъ политическихъ, вознаградить разныя лица, оказавшія намъ во время минувшей войны заслуги; наконецъ, встрѣчается и множество другихъ предметовъ расхода, на которые опредѣленныхъ суммъ не назначено.

Обращая вниманіе вашего высокопревосходительства на всѣ изложенныя соображенія, я имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, повергнуть оныя на высочайшее воззрѣніе Государя Императора.

11 Января 1857 года.
Тифлисъ.

4.

Имѣя въ виду, что каждый начальникъ части обязанъ отвѣтственностью за всѣхъ подчиненныхъ своихъ и не долженъ быть поставляемъ въ необходимость противъ собственной воли принимать подъ свое начальство офицеровъ или совершенно ему неизвѣстныхъ, или извѣстныхъ съ невыгодной стороны, я поставилъ себѣ неизмѣннымъ правиломъ, по представленіямъ и просьбамъ ко мнѣ поступающимъ, допускать опредѣленіе въ Кавказскій корпусъ офицеровъ и переводъ ихъ изъ одной части здѣшнихъ войскъ въ другую, не иначе, какъ съ согласія командировъ тѣхъ частей, въ которыя они поступить желаютъ.

Мѣра эта тѣмъ болѣе необходима, что во всѣхъ почти частяхъ состоитъ нынѣ значительное число сверхъ-комплектныхъ офицеровъ, такъ что назначеніе вновь офицеровъ въ полки Кавказскаго корпуса должно быть допускаемо только съ крайнею разборчивостью и въ тѣхъ случаяхъ, когда переводъ ихъ можетъ быть признанъ дѣйствительно для службы полезнымъ. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, я нахожу необходимымъ, чтобы означенное правило было соблюдаемо и при распоряженіяхъ Инспекторскаго Департамента ввѣреннаго вамъ министерства, съ тѣмъ, чтобы о переводѣ офицеровъ и опредѣленіи изъ отставки въ войска Кавказскаго корпуса каждый разъ было сообщаемо предварительно на мое заключеніе; я же съ своей стороны буду основываться на согласіи командировъ полковъ и другихъ отдѣльныхъ частей, въ которыя офицеры предназначаются. Надѣюсь вполнѣ, что ваше высокопревосходительство раздѣлите мой образъ мыслей и не оставите увѣдомить меня о тѣхъ распоряженіяхъ, какія вы изволите сдѣлать по изложенному предмету.

22 Февраля 1857 года.
Тифлисъ.

5.

Я относился къ вашему высокопревосходительству съ просьбою не переводить въ Кавказскій корпусъ офицеровъ безъ предварительнаго со мною сношенія. Порядокъ этотъ существовалъ издавна; но переводы такіе все еще продолжаются. Кромѣ того начались и откомандированія офицеровъ

безъ вѣдома моего; такъ, въ прошедшемъ Мартѣ мѣсяцѣ, вы сообщали мнѣ, *что вами разрѣшено* прикомандированіе къ Николаевскому инженерному училищу поручика Свидеруса. Полагаю, что при этомъ вамъ не могло быть неизвѣстно, что на командированіе этого офицера не было спрошено, вопреки общаго порядка, согласіе ближайшаго его начальства, ни моего. Вашему высокопревосходительству не безъизвѣстно, что, по званію главнокомандующаго, я получаю разрѣшенія, касательно чиновъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ, только отъ Государя Императора. Наконецъ, вы коснулись даже дѣлъ прямо подлежащихъ намѣстнику Кавказскому: вы испросили высочайшее соизволеніе сложить долгъ вдовы генералъ-лейтенанта Ермолова въ сумму на полезныя предпріятія и устройство края, получивши уже мой отвѣтъ, что я нахожу это невозможнымъ. Сумма эта состоитъ въ полномъ моемъ распоряженіи, какъ намѣстника, и потому вмѣшательство ваше въ это дѣло, совершенно для васъ постороннее, я могу отнести лишь къ совершеному невѣдѣнію вами какъ этого обстоятельства, такъ и вообще правъ намѣстника Кавказскаго.

Вполнѣ увѣренъ, что такое откровенное объясненіе устранитъ подобные случаи и что ваше высокопревосходительство, вникнувъ въ права и власть, данныя мнѣ Государемъ, удержите общій порядокъ служебныхъ отношеній и избавите меня также отъ необходимости просить Его Величество поставить насъ въ границы имъ предоставленной каждому власти.

Надѣюсь, что письмо это, установивъ служебныя отношенія, нисколько не измѣнитъ наши личныя отношенія.

19-го Апрѣля 1857 года.
Кр. Грозная.

6.

От 4 Іюня 1857 года.

Письмо в. в. отъ 15 Мая убѣдило меня, что въ сношеніяхъ между нами не можетъ болѣе быть недоразумѣній. Вынужденные на откровенное объясненіе, мы теперь увѣрились, что дальнѣйшія отношенія наши могутъ только утвердиться въ началахъ важныхъ для пользы и общаго блага. Стараясь достигнуть этого, мы пойдемъ рука объ руку, и откровенныя наши письма будутъ впередъ приниматься, я въ этомъ увѣренъ, съ тѣми чувствами взаимнаго уваженія и добросовѣстности, подъ вліяніемъ которыхъ они написаны. Вы ошиблись, Николай Онуфріевичъ, думая, что я вижу недоброжелательство во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ касательно моего управленія; я не могъ допустить этой мысли, зная вашу благонамѣренность, преданность Государю и стремленіе къ пользамъ; различіе же взглядовъ нашихъ на нѣкоторые предметы могло иногда вести насъ къ недоразумѣніямъ, но я никогда не обижался вашими возраженіями на нѣкоторые вопросы, о которыхъ вы упоминаете, напр. по проекту моему о желѣзной дорогѣ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями я тотчасъ же уступилъ большинству голосовъ комитета. Но не менѣе того я остаюсь въ томъ убѣжденіи, что, отлагая дѣло на неопредѣленное время, мы не облегчаемъ себѣ успѣхъ въ будущемъ, а даемъ волю врагамъ нашимъ усиливать вліяніе и владычество

свое въ Азіи. Возраженія сообщаемыя вами на предположеніе объ Адагумской линіи я принялъ съ благодарностію; но я не убѣдился въ необходимости измѣнить прежнее предположеніе, и послѣдствія оправдали мои надежды: успѣшный приступъ къ этому дѣлу показалъ уже, что всѣ опасенія были очень преувеличены. Объ учрежденіи порта въ Поти составится подробный офиціальный отвѣтъ; нелишнимъ считаю однакоже упомянуть здѣсь, что къ устройству города и порта производятся только изслѣдованія, которыя должны доставить данныя для окончательнаго рѣшенія вопроса и что 80 т. р. отпущены г.-а. князю Гагарину на всѣ работы и предпріятія во ввѣренномъ ему краѣ, гдѣ нужно устраивать все заново и возстановить разрушенное войною; на устройство г. Поти издержекъ еще никакихъ не сдѣлано. При томъ в. в. конечно не отвергнете, что удобное сообщеніе по Ріону не есть предпріятіе прихотливое или мечтательное: оно есть изъ дѣйствительныхъ средствъ къ сокращенію издержекъ на транспортировку, а вмѣстѣ къ развитію богатствъ цѣлаго края.

По дѣлу Астраханскаго продовольственнаго комитета остаюсь въ своемъ убѣжденіи, что нѣтъ надобности установлять какой либо новый контроль надъ в.-а. Васильевымъ; затѣмъ отъ в. в. зависитъ принять мѣры, кои найдете необходимыми для огражденія интересовъ министерства. Касательно предположенія совсѣмъ упразднить Астраханскій комитетъ, я полагаю, что, съ устройствомъ пароходства по Каспійскому морю и по р. Курѣ, оно само собою состоится. Вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ въ непродолжительномъ времени, по разсмотрѣніи проекта устава. Если же такое предположеніе будетъ отвергнуто, то имѣется въ виду другое соображеніе, о которомъ своевременно буду имѣть честь вамъ сообщить.

До какой степени будетъ возможно ограничить расходъ на категорическое порціонное довольствіе войскъ я также увѣдомлю васъ по пересмотрѣ мною этого дѣла.

Убѣждаю в. в. не относить къ личному моему самолюбію или излишней щекотливости просьбу мою касательно перевода гг. офицеровъ; тутъ вопросъ объ основаніяхъ дисциплины и іерархіи. Можно ли сохранить дисциплину и порядокъ, если офицеры будутъ переводимы безъ вѣдома главнокомандующаго? Если в. в., какъ военный министръ, считаете себя въ правѣ разрѣшать, переводить, перемѣщать, то какъ же согласовать эти права съ правомъ главнокомандующаго, который въ своей арміи представляетъ лицо самого Государя Императора и ни отъ кого не долженъ принимать приказаній кромѣ какъ отъ Его Величества?

Не могло быть у меня мысли о подчиненіи дѣйствій министра; но съ другой стороны, согласитесь, нельзя же подчинить и главнокомандующаго министру? Каждый долженъ дѣйствовать въ своемъ кругѣ: одинъ какъ орудіе ближайшей верховной воли по дѣламъ военнымъ вообще, другой какъ представитель верховной воли въ арміи и въ краѣ.

По представленіямъ моимъ къ наградамъ и пособіямъ, в. в. выразились въ письмѣ своемъ, что я „чрезвычайно щедръ“. Стараясь быть вполнѣ

справедливымъ, я, можетъ быть, кажусь чрезвычайно щедрымъ. Все зависитъ отъ взгляда. Я не могу оставить безъ помощи несчастныя семейства тѣхъ людей, которые вѣрно служили Государю въ войну и заплатили уже своею кровью за тѣ ничтожныя пенсіи, которыя теперь отказываются ихъ вдовамъ и дѣтямъ. Представленія эти мною дѣлаются не изъ щедрости, а изъ сознанія долга начальника поддерживать въ народѣ довѣріе къ справедливости и благодарности правительства. Сохрани Богъ, если въ здѣшнемъ краѣ, еще такъ недавно присоединенномъ къ Россіи, западетъ мысль, что заслуги и самая кровь пролитая оставляются безъ вниманія и награжденія, если каждый воинъ не будетъ увѣренъ, что по смерти его несчастная вдова и дѣти не умрутъ съ голода. Никакія финансовыя необходимости, по моему убѣжденію, не могутъ оправдать такую крайность. Равномѣрно и въ другихъ расходахъ, желая сдѣлать сбереженіе, по моему убѣжденію, надо взвѣшивать мѣру потребности. Скажу при этомъ, какъ я понимаю настоящую государственную экономію, въ полной увѣренности, что и вы раздѣлите мое мнѣніе. Сущность этого важнаго дѣла состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать ничего безполезнаго; но гдѣ предвидится выгода въ будущемъ, тамъ нечего бояться класть капиталъ. Если вы находите *вѣковою преждевременностію* устройство желѣзной дороги отъ Каспійскаго моря къ Аральскому, то вѣрно согласитесь, что всякое прочное устройство на Кавказѣ и всякій шагъ къ скорѣйшему окончанію здѣсь дѣлъ нашихъ должны быть современнымъ и живымъ нашимъ стремленіемъ. Упрочивъ скорѣе наше положеніе на Кавказѣ, мы достигнемъ настоящей экономіи въ силахъ и средствахъ, а тогда новая война уже не застанетъ насъ въ расплохъ. Вотъ мои главныя убѣжденія, и я пламенно желаю, чтобы в. в. для пользы общей вполнѣ раздѣляли ихъ *).—Отвѣтивъ на тѣ пункты, о которыхъ вы сами упомянули въ вашемъ письмѣ, я коснусь нѣкоторыхъ предметовъ, на которые съ моей стороны нахожу нужнымъ обратить особенное ваше вниманіе, въ полной надеждѣ найти въ васъ искреннее сочувствіе. Не скрою, что меня огорчаютъ иногда отказы полученные на представленія мои о наградахъ или назначеніяхъ лицъ, состоящихъ подъ моимъ начальствомъ. Вы сами вполнѣ согласитесь, что одно изъ основныхъ условій самостоятельности начальника есть предоставленіе ему возможности избирать своихъ подчиненныхъ и оцѣнивать ихъ службу. Въ этомъ отношеніи позвольте мнѣ надѣяться, что вы не будете мнѣ отказывать въ вашемъ ходатайствѣ, съ полною увѣренностію, что мои представленія дѣлаются въ однихъ лишь видахъ пользы службы.

Другой предметъ, который занимаетъ меня съ самаго назначенія на Кавказъ и до прибытія еще моего сюда, есть устройство въ здѣшнемъ краѣ

---

*) Покойный князь Семенъ Михаиловичъ Воронцовъ неоднократно сообщалъ намъ, что отецъ его подавалъ императору Николаю Павловичу записку о томъ, что за окончательнымъ покореніемъ Кавказа расходы по управленію имъ безмѣрно увеличатся и превысятъ самыя военныя издержки, и что поэтому слѣдуетъ не торопиться, а стараться только обезвредить Шамиля и поставить его въ такія отношенія, чтобы онъ самъ содѣйствовалъ постепенному умиротворенію края. П. Б.

всѣхъ вообще частей управленія, которыя до сихъ поръ вовсе не устроены Я уже предувѣдомлялъ васъ, что по распоряженію моему назначены комитеты для составленія проекта новыхъ штатовъ, съ той главною цѣлью, чтобы примѣнить ихъ къ настоящему раздѣленію Кавказа и вмѣстѣ съ тѣмъ дать каждому изъ главныхъ начальствующихъ лицъ необходимыя средства для успѣшнаго дѣйствія въ кругу обязанностей каждаго изъ нихъ. Въ числѣ управленій, крайне нуждающихся въ нѣкоторомъ дополненіи штата, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ штабъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ. В. в. лучше всякаго другаго можете оцѣнить всю обширность лежащихъ на моемъ штабѣ занятій.

Будучи сами обременены огромною письменною работою, требующею постояннаго и тяжелаго умственнаго напряженія, не смотря на видимую многочисленность окружающихъ васъ помощниковъ, вы безъ сомнѣнія согласитесь со мною, что несоразмѣрность занятій съ числомъ трудящихся, равно какъ и недостаточное ихъ обезпеченіе въ жизни, не только замедляютъ ходъ дѣлъ, но препятствуютъ даже успѣху важнѣйшихъ предпріятій. Вамъ можетъ подробнѣе объяснить составъ моего штаба и занятій на немъ лежащихъ, бывшій нѣкогда помощникомъ начальника штаба г.-л. Вольфъ, который, при всѣхъ его способностяхъ и будучи помощникомъ столь же дѣятельнаго человѣка (ген. Коцебу), долженъ былъ просиживать всѣ ночи за работой. Нынѣ кругъ дѣятельности въ штабѣ еще болѣе увеличился прибавленіемъ числа войскъ и возбужденіемъ множества новыхъ вопросовъ, какъ для организаціи вновь образуемыхъ управленій, такъ и для приведенія въ устройство многихъ частей края послѣ войны. По этимъ соображеніямъ, я весьма сожалѣю, что на представленіе мое о назначеніи начальнику главнаго штаба помощника и деж. шт.-офицера послѣдовалъ нынѣ отказъ, тѣмъ болѣе, что я имѣлъ поводъ считать возстановленіе этихъ должностей на прежнихъ основаніяхъ предметомъ уже рѣшеннымъ. Но если отказъ сей послѣдовалъ исключительно по видамъ экономіи*), то я нынѣ прошу объ одномъ только, чтобы вы увѣрились въ томъ, что предположенія мои объ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ въ образованіи штаба и другихъ управленій на Кавказѣ вынуждены крайнею и дѣйствительною необходимостью и чтобы вы не отказали мнѣ помочь въ этомъ настоятельномъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Въ заключеніе позвольте сдѣлать вамъ маленькое предложеніе, чтобы устранить на будущее время всякое неумышленное столкновеніе: а именно прошу васъ, каждый разъ, когда вы замѣтите въ моихъ бумагахъ какое-либо неправильное выраженіе, откровенно мнѣ объ этомъ написать, что и я съ своей стороны также вамъ обѣщаюсь. Чрезъ это установится между нами та откровенная и дружеская переписка, которая будетъ поддерживать доброе согласіе, столь необходимое для пользы службы.

---

*) Впрочемъ долженъ сказать, что вся эта экономія для государственнаго казначейства составляетъ менѣе 2 т. р. въ годъ, ибо столовыя дежурнымъ штабъ-офицерамъ положены были изъ суммъ, собственно въ моемъ распоряженіи состоящихъ.

7.

Съ прошлаго года я просилъ ваше высокопревосходительство исходатайствовать высочайшее соизволеніе на назначеніе нѣсколькихъ генераловъ штабъ и оберъ-офицеровъ въ число состоящихъ по корпусу. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ, заслужившія извѣстность и оказавшія даже большія услуги, остаются теперь безъ всякаго служебнаго положенія; таковы генералъ-лейтенантъ князь Андрониковъ, котораго имя громко раздавалось въ минувшую войну; генералъ-маіоръ князь Меликовъ, командовавшій съ отличіемъ всею Лезгинскою линіею, одинъ изъ полезнѣйшихъ къ здѣшнемъ краѣ молодыхъ генераловъ и недавно исполнившій весьма успѣшно дипломатическое порученіе въ Персіи; генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, который пользовался особеннымъ вниманіемъ предмѣстника моего генералъ-адъютанта Муравьева и былъ отлично имъ рекомендуемъ. Не стану поименовывать всѣхъ другихъ, изъ коихъ каждый заслуживаетъ вниманія начальства, и по фамильному значенію въ здѣшнемъ краѣ. Не смотря на давность всѣхъ этихъ представленій, я не получаю до сихъ поръ разрѣшеній, ни даже отвѣтовъ, и начинаю опасаться, чтобы представленныя мною лица не подверглись въ опредѣленные сроки жребію людей, не занимающихъ никакого опредѣленнаго штатнаго мѣста.

Пользуясь предложеніемъ вашимъ, установить между нами откровенную переписку, я рѣшаюсь напомнить вамъ, Николай Онуфріевичъ, о забытыхъ моихъ представленіяхъ и просить васъ приказать, кому слѣдуетъ, двинуть залежавшіяся дѣла. При этомъ случаѣ я долженъ предупредить васъ, что я имѣю въ виду еще нѣсколько лицъ, которымъ необходимо дать служебное положеніе, и потому я буду вынужденъ представить ихъ также въ число состоящихъ по корпусу или, по политическимъ видамъ, однихъ на открывшіяся вакансіи, другихъ даже и сверхъ комплекта. Считаю излишнимъ пояснить вашему высокопревосходительству, что въ здѣшнемъ краѣ существуетъ дѣйствительно множество личныхъ соображеній, по которымъ необходимо беречь людей, или за прежнія ихъ заслуги, или для будущей ожидаемой отъ нихъ полезной дѣятельности.

10 Іюля 1857 года.
Каджоры.

8.

Флигель-адъютантъ ротмистръ Чертковъ, отправляемый мною курьеромъ въ С.-Петербургъ съ важными бумагами и съ словесными порученіями, представитъ нѣсколько конвертовъ вашему высокопревосходительству, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ доставить вамъ поясненія по тѣмъ предметамъ, по которымъ вы пожелаете получить отъ него подробныя свѣдѣнія. Этотъ достойный офицеръ былъ употребляемъ мною въ разныхъ частяхъ края по весьма важнымъ порученіямъ, требовавшимъ полнаго моего довѣрія; онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ на линіи, а въ послѣднее время былъ посылаемъ въ Мингрелію и знаетъ хорошо весь ходъ дѣлъ въ этомъ краѣ.

Въ числѣ бумагъ, которыя съ нимъ отправляю, вы безъ сомнѣнія обратите вниманіе на подробное изложеніе происшествій въ Сванетіи. Я надѣюсь, что рѣшительныя мѣры, принятыя мною и въ этой странѣ для прекращенія смутъ и злодѣяній, а равно и для поддержанія достоинства Русскаго правительства, удостоятся высочайшаго одобренія Государя Императора. Но я покорнѣйше прошу васъ принять во вниманіе, что дѣло это требуетъ самаго скораго разрѣшенія; ибо я не могу привести въ полное дѣйствіе установляемаго мною новаго порядка, пока не получу высочайшаго утвержденія на мое представленіе.

Благоволите также оказать ваше содѣйствіе къ скорѣйшему опредѣленію въ одинъ изъ полковъ, въ Россіи расположенныхъ, отправленнаго уже въ Новочеркаскъ князя Александра Дадешкеліани, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомить меня, гдѣ именно угодно будетъ Его Императорскому Величеству назначить пребываніе ссылаемымъ отсюда двумъ меньшимъ братьямъ князя Константина, убійцамъ Джансуха.

Обращаюсь съ убѣдительною просьбою къ вашему высокопревосходительству помочь мнѣ въ исходатайствованіи наградъ четыремъ изъ главныхъ начальниковъ въ здѣшнемъ краѣ, коимъ я считаю себя преимущественно обязаннымъ успѣхами въ предпріятіяхъ нынѣшняго года. Благоволите обратить милостивое вниманіе Государя Императора на этихъ достойныхъ слугъ Его Величества, которые своими неутомимыми трудами и опытностью быстро подвигаютъ къ желаемому результату великое дѣло завоеванія Кавказа.

Не скрою отъ васъ, что меня огорчаютъ отказы на нѣкоторыя мои представленія, которыя, повѣрьте, всегда имѣютъ единственно одно побужденіе—пользу края и службы. Между прочимъ вы нашли затрудненіе ходатайствовать о назначеніи по корпусу для особыхъ порученій генералъ-маіора Лорисъ-Меликова и полковника князя Орбеліана, по тому поводу, что они будутъ сверхъ комплекта. Но еслибы эта причина и была достаточна для того, чтобы выкидывать изъ службы офицеровъ хорошо служившихъ и обѣщающихъ еще быть полезными для службы, то во всякомъ случаѣ судьба эта не должна бы пасть на генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, который былъ представленъ мною ранѣе всѣхъ другихъ. Что касается до полковника князя Орбеліана, то, огорченный полученнымъ отказомъ, онъ видитъ себя вынужденнымъ покинуть службу, и я уже не возобновляю моего ходатайства о немъ. Относительно же генерала-маіора Лорисъ-Меликова, я считаю долгомъ службы снова повторить мое о немъ представленіе, какъ ни тягостно мнѣ просить послѣ полученнаго отказа. Во всякомъ случаѣ можно помѣстить его въ разрядъ состоящихъ при корпусѣ по политическимъ видамъ. Впрочемъ въ отправляемомъ мною особомъ отношеніи по этому предмету я подробно объясняю нѣкоторыя погрѣшности, вкравшіяся въ доставленномъ вами разсчетѣ, и предлагаю нѣкоторыя измѣненія въ самой нормѣ установленной для чиновъ состоящихъ при корпусѣ, такъ чтобы возможно было руководствоваться ею на будущее время. Прошу васъ убѣдительно вникнуть въ мои доводы и исходатайствовать высочайшее соизволеніе на представляемыя пе-

ремѣны, въ чемъ вы конечно не встрѣтите затрудненія, потому что перемѣны эти не требуютъ почти никакого увеличенія въ общемъ комплектѣ.

Къ 1-му Сентября назначено было доставить въ Военное Министерство мнѣнія всѣхъ главныхъ начальниковъ о средствахъ къ сокращенію переписки, дѣлопроизводства и штатовъ. Задача эта такъ огромна, что рѣшить ее въ столь короткій срокъ было невозможно, и я не получилъ еще, ни отъ кого изъ подвѣдомственныхъ мнѣ частныхъ начальниковъ, требованныхъ отъ нихъ соображеній. Впрочемъ вамъ извѣстно, что собственно въ примѣненіи къ здѣшнему краю вопросъ о преобразованіи управленій и самыхъ отношеній между разными мѣстами и лицами давно уже занимаетъ меня. Состояніе новыхъ штатовъ для военнаго управленія на Кавказѣ есть предметъ неотложной необходимости; ибо прошелъ уже годъ со времени введенія новаго раздѣленія края, а управленіе до сихъ поръ еще не организовано, и главные начальники крайне затруднены въ исправномъ веденіи дѣлъ по неимѣнію штатовъ. Производящаяся у нихъ огромная переписка лежитъ на разныхъ прикомандированныхъ или временно состоящихъ офицерахъ, которые несутъ большіе труды безъ всякаго штатнаго содержанія. Особыя части управленія: инженерная, артилерійская, провіантская—нисколько не согласованы съ существующимъ распредѣленіемъ мѣстныхъ начальствъ. Такое неустройство не можетъ долѣе продолжаться, и я постараюсь какъ можно скорѣе привести къ окончанію обширную работу общаго преобразованія военной администраціи. Когда этотъ трудъ будетъ готовъ, я имѣю въ виду поручить исправляющему должность начальника главнаго штаба лично представить вамъ составленный проектъ. Пріѣздъ его на самое короткое время въ Петербургъ можетъ устранить необходимость продолжительной переписки и многихъ недоразумѣній.

Сейчасъ получилъ я новое весьма пріятное извѣстіе отъ генералъ-маіора Филипсона объ удачномъ дѣлѣ подъ Анапою. Сообщаю вамъ вмѣстѣ съ симъ копію съ донесенія по этому предмету и прошу васъ всеподданнѣйше доложить объ этомъ новомъ успѣхѣ Государю Императору.

18 Августа 1857 года.
Тифлисъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ.

Московскій митрополитъ Филаретъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу самыхъ достопамятныхъ историческихъ лицъ нашего вѣка: многолѣтняя дѣятельность его отличалась необыкновенною живостью, и въ ней никогда не бывало ничего зауряднаго. Это истинная, непререкаемая слава новой Русской исторіи; можно бы даже сказать—гордость Русскаго имени, еслибы слово гордость совмѣщалось съ монашескимъ его смиреніемъ. Дѣло въ томъ, что это былъ не только искренній инокъ, но въ тоже время пламенный патріотъ, до послѣдняго дня жизни принимавшій живое участіе въ судьбахъ отечества. Его неутомимая оглядливость и постоянное отстаиваніе достоинства и правъ своего положенія и своего сословія отъ вмѣшательства и притязаній свѣтской власти могли бы наполнить собою цѣлую книгу. При графѣ Закревскомъ, въ столкновеніяхъ съ полиціей, Филаретъ даже прибѣгалъ къ игрѣ словъ. Однажды, полицейскій чиновникъ, присланный къ нему съ какимъ-то объясненіемъ отъ генералъ-губернатора, началъ рѣчь словами: „Мы справлялись и оказалось....“—„Вамъ бы не *справляться*, а *исправляться*“, сказалъ ему митрополитъ. Въ другой разъ при немъ говорили объ Англійскомъ произношеніи: написано одно, а говорится другое; написано *а*, а выговаривается *е*. „А мы-то не такъ гибки: изъ *частнаго* *) у насъ никакъ не сдѣлаешь *честнаго*“.

Въ пастырскихъ заботахъ своихъ о благѣ общемъ Филаретъ непрестанно слѣдилъ за внутренней и внѣшней политикой. Читатели „Русскаго Архива“ (1886, II, 310) помнятъ, какъ онъ былъ правъ въ дѣлѣ о протоіереѣ Павскомъ. Имъ написано наставленіе священнику, который преподавалъ православное богословіе покойной Государынѣ Маріи Александровнѣ, по пріѣздѣ ея въ Россію въ 1840 году. Узнавъ, что одинъ изъ профессоровъ Московскаго университета приглашенъ для уроковъ къ Цесаревичу Николаю Александровичу, Филаретъ вызвалъ его къ себѣ на подворье и цѣлый вечеръ пробесѣдовалъ съ нимъ. Къ совѣту его прибѣгали по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ. Благодаря его настоянію, въ 1862 году прекращена пагубная уступчивость въ управленіи Царствомъ Польскимъ. Даже въ самый день своей кончины, изнеможенный долгою служ-

*) Тогда нынѣшніе участковые пристава назывались *частными*.

бою въ домовой своей церкви, благословивъ и отпустивъ, наконецъ, посѣтителей и посѣтительницъ, онъ спѣшилъ въ дальніе покои для отдыха, какъ ему доложили, что пріѣхало лицо, только что передъ тѣмъ назначенное въ Москву на важную должность. Престарѣлый митрополитъ возвратился въ гостиную, поговорилъ нѣсколько минутъ съ новоприбывшимъ, и когда тотъ удалился, онъ произнесъ, въ присутствіи своего служки, затворившаго дверь за ушедшимъ гостемъ: „Опять дурака!". Въ этомъ отзывѣ не одно старческое раздраженіе, но и вопль гражданина. И дѣйствительно, какъ это лицо, такъ и рядъ его предшественниковъ отличались слабостью умственныхъ способностей, что̀ было положительнымъ общественнымъ вредомъ по важности ихъ служебнаго мѣста. Въ особенности въ послѣдніе годы своего поприща, въ царствованіе Александра Николаевича, вполнѣ обнадеженный милостью и почтительнымъ вниманіемъ Государя и Государыни, пользуясь глубокимъ уваженіемъ и дружбою высшей Московской власти, Филаретъ сдѣлался болѣе прежняго откровененъ въ своихъ отзывахъ о дѣлахъ общественныхъ и правительственныхъ. Письма его къ архимандриту Антонію и къ другимъ лицамъ, его „Мнѣнія и Отзывы" напечатанные нынѣ Св. Синодомъ, дадутъ богатѣйшія указанія будущему историку той эпохи не по однимъ церковнымъ дѣламъ. Газеты едва успѣвали печатать новыя законоположенія, и почти о каждомъ изъ нихъ можно найти отзызъ въ писаніяхъ Московскаго митрополита. Не одинъ только умъ, но и Русское чувство его оскорблялось безоглядною поспѣшностью нововведеній, которая во всякомъ случаѣ свидѣтельствовала о презрительномъ незнаніи тысечелѣтней исторіи. Онъ не уставалъ посылать свои замѣчанія; имъ большею частью не внимали; но все таки мысль о томъ что̀ скажетъ Филаретъ иной разъ смущала нововводителей. Когда его не стало (1867), сдѣлалось еще легче катиться по наклонной плоскости бумажныхъ преобразованій.

Въ маститой, чрезвычайно бодрой и ясной своей старости, митрополитъ не рѣдко любилъ бесѣдовать и о временахъ давнишнихъ, въ особенности о своей Петербургской дѣятельности въ царствованіе Александра Павловича. Вскорѣ послѣ того, какъ началъ выходить „Русскій Архивъ", онъ пожелалъ познакомиться съ его издателемъ, въ благодарной памяти котораго неизгладимо сохраняются вечерніе часы, у него проведенные. Бесѣды эти переполнялись историческою занимательностью. Онѣ записаны и со временемъ будутъ извлечены изъ тогдашнихъ тетрадей. Обхожденіе митрополита, какъ и вся обстановка его, отличалась какою-то, можно сказать, изящною простотою. Не даромъ покойный Чадаевъ, съ своей католической точки зрѣнія, восхищался имъ и называлъ его „княземъ церкви". Это была аристократія ума и даровитости. Ни малѣйшей роскоши; ничего претительнаго, смущающаго; ничего такого, что̀ принято называть кутейничествомъ. Рѣчь шла исключительно о предметахъ свѣтскихъ, но все какъ-то насквозь пропитано было живымъ и умнымъ благочестіемъ и обвѣвало собесѣдника чувствомъ спокойствія Въ назиданіе сказано было вотъ что, и при томъ не прямо, а обращаясь къ третьему лицу, тутъ же

находившемуся. „Недавно Бодянскій въ своихъ „Чтеніяхъ“ напечаталъ про обстоятельство, воспрепятствовавшее Елисаветѣ Петровнѣ вступить на престолъ по кончинѣ императора Петра Втораго. Къ чему это? Вѣдь не всѣ же части нашего тѣла мы обнажаемъ“.

Въ числѣ людей, наиболѣе близкихъ къ Филарету, былъ историкъ-профессоръ Александръ Васильевичъ Горскій, впослѣдствіи ректоръ Московской Духовной Академіи. Изъ „Дневника“ его, недавно появившагося въ Прибавленіяхъ къ „Твореніямъ Святыхъ Отцевъ“, позволяемъ себѣ извлечь нѣкоторые разсказы митрополита. Что они записаны вѣрно, въ этомъ порукою сама удивительная личность Горскаго *). Вотъ нѣсколько строкъ, служащихъ какъ бы введеніемъ къ драгоцѣнному его дневнику.

«Душа, какъ воздухъ, вѣчно въ движеніи; какъ море вѣчно зыблется, каждые сутки—свой приливъ и отливъ мыслей и чувствованій. Каждое утро, едва открываю глаза мои, множество предметовъ, близъ меня находящихся и отдаленныхъ, относящихся къ моему долгу или пользѣ, важныхъ и незначительныхъ, втѣсняются неудержимо въ мою душу: это начало прилива. Онъ возрастаетъ съ теченіемъ дня; наконецъ, вся пустота души наполняется; каждая сила ея—волею и неволею—набирается этой соленой морской воды досыта; душа чувствуетъ свой грузъ, тяжесть и утомленіе; начинается отливъ,—обратное стремленіе, возвращеніе къ прежней точкѣ своего существованія: силы стягиваются къ своему центру, запасъ собирается и разлагается, душа въ покоѣ отвнѣ, дѣятельна внутри. Все ненужное для нея, во время сего успокоенія, исчезаетъ и изглаживается изъ ума и сердца; все подѣйствовавшее на нее съ силою укрѣпляется въ ея мысляхъ и чувствованіяхъ, подчиняетъ ближайшія къ себѣ изъ тѣхъ и другихъ, съ ними соединяется, такъ сказать, обрастаетъ ими и остается въ душѣ для дальнѣйшаго пребыванія и дѣйствованія. Не худо ловить нѣкоторыя струи (гдѣ видится что-либо полезное, и въ ихъ стремительномъ восхожденіи, и въ ихъ покойномъ отступленіи) устами Тантала-ума, и, пересмотрѣвъ, очистивъ, переработавъ, смѣшавъ съ другими бывшими въ запасѣ, сливать перомъ на бумагу».

Филаретъ съ любовью и уваженіемъ относился къ Горскому. Бесѣды ихъ, конечно, вращались преимущественно въ кругу дѣлъ академическихъ и церковныхъ. П. Б.

---

*) Біографія его, составленная графомъ Д. Н. Толстымъ, напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875 года (III, 472—476).

РАЗСКАЗЫ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА

записанные А. В. Горскимъ.

18 Февраля 1848.

Разсказалъ объ оконченномъ только нынѣшній день первомъ отчетѣ за истекшій годъ по Московской епархіи. Это любопытно. Владыка разсказывалъ, что графъ Протасовъ между прочими записками изъ Святѣйшаго Синода сообщилъ ему и о надобности завести ежегодные отчеты Святѣйшему Синоду отъ епархіальныхъ архіереевъ по управленію (подобно представляемымъ губернаторами) и просилъ составить программу для нихъ. «Послѣ вторичнаго требованія въ Августѣ, говорилъ владыка, зная, что нынѣ мода на отчеты, я занялся этимъ дѣломъ и написалъ программу и при ней записку, въ которой объяснилъ, что Святѣйшему Синоду нужно знать обстоятельнѣе состояніе каждой епархіи, а каждому архіерею полезно, по истеченіи года, дать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ сдѣлано. Программу эту напечатали, а записку включили въ синодальный указъ, полученный въ Декабрѣ мѣсяцѣ къ исполненію за прошедшій годъ. Мои консисторскіе, прочитавъ указъ и сообразивъ съ программою, по трудности новаго дѣла говорили: кто-то это выдумалъ? и были не очень благодарны. Дѣло на первый разъ представляло много затрудненій, хотя я заблаговременно говорилъ секретарю, чтобы онъ готовилъ тѣ и другія справки. Множество хлопотъ предстояло отъ того, что справки оказывались не полны. Сегодня потребуешь дополненія, завтрашній день пройдетъ въ розысканіяхъ, приготовляется нужное только на третій день. Дѣло такимъ образомъ шло медленно и только нынѣ могло быть кончено». Все это пересказывалъ онъ не безъ примѣтнаго удовольствія.

*

23 Октября 1849.

«Кому у васъ грозилъ слѣпой отмщеніемъ Академіи за то, что его прозвали безбожникомъ?» *) Я отвѣчалъ, что это сказано было мнѣ. «А откуда онъ узналъ, что объ немъ такое мнѣніе?»—По его отзыву, отвѣчалъ я, онъ заключилъ объ этомъ съ вашихъ словъ въ бесѣдѣ

*) Говорится про извѣстнаго въ то время въ Москвѣ слѣпца Ширяева, который принятъ былъ во многихъ хорошихъ домахъ. Онъ издалъ свои записки о странствованіяхъ по святымъ мѣстамъ.

съ нимъ. Владыка замѣтилъ: «Ну это еще ничего. Я не говорилъ ему того, а говорилъ только, что подробныя и обширныя познанія нужны не для всѣхъ, а нужны особенно для тѣхъ, кто поставленъ защищать истину, и кто не призванъ къ тому, долженъ болѣе заботиться о своемъ нравственномъ состояніи». Потомъ продолжалъ: «Извини меня предъ ректоромъ [1]); я не отвѣчалъ ему на письмо его объ этомъ. Некогда было. Но Академія, слава Богу, не такъ поставлена, чтобы могъ ей вредить какой-нибудь отзывъ слѣпаго. Ты принималъ его изъ человѣколюбія, прибавилъ еще владыка; но съ студентами зачѣмъ онъ знакомился? Къ нему ходили многіе». Я отвѣчалъ, что сначала возбуждало конечно многихъ любопытство, такъ какъ слѣпой до многихъ познаній дошелъ своимъ путемъ. «Не зналъ я слѣпаго, замѣтилъ владыка, съ которымъ бы знакомство не было впослѣдствіи тяжко. Господь не даромъ налагаетъ на нихъ Свою руку». Я сказалъ, что слѣпые, по признанію самого нашего знакомаго, презрительны по самому положенію своему въ обществѣ. «Нѣтъ, такое объясненіе, возразилъ владыка, было бы клеветою на Промыслъ Божій, подвергающій ихъ такому несчастію, какъ будто для того, чтобы они сдѣлались хулою».

*

Взявъ въ руки какую-то тетрадь, владыка началъ изъ нея читать, предваривъ словами: «Ты объ этомъ никому не скажешь, кромѣ ректора!» «Вышедшіе изъ духовнаго званія духовные воспитанники не могутъ съ пользою проходить должности наставниковъ при духовныхъ училищахъ: сами вышедши изъ духовнаго званія, они не станутъ внушать ученикамъ любви къ сему званію. Ослабѣвъ въ уваженіи къ Слову Божію, когда будутъ пользоваться при раскрытіи ученія другими доказательствами—разума, могутъ поколебать основаніе вѣры. И уже нѣкоторые играютъ въ карты и курятъ табакъ». Вотъ сущность прочтеннаго. Послѣ того владыка сказалъ: «Вотъ какъ внимательно смотрятъ за нами! А я могу сказать, что профессоръ Горскій въ Октябрѣ 1849 года явился курившимъ табакъ». Я долженъ былъ сознаться въ томъ. «Это мелочи; но читанное мною представлено было Государю, а объясненіе еще дойдетъ ли до его руки? Привыкши къ куренію въ свѣтскомъ званіи, трудно будетъ отстать отъ него и сдѣлавшись священникомъ». Потомъ сталъ онъ говорить о трудности перемѣнить привычку и въ примѣръ указалъ на преосвящен. Амвросія [2]), который, от-

---

[1]) Филаретомъ, впослѣдствіи архіепископомъ Черниговскимъ, обширная біографія котораго въ „Русскомъ Архивѣ“ 1887 года.

[2]) Амвросій Протасовъ, архіепископъ Казанскій съ 1816 до 1826 года, потомъ Тверской. † 1831 года.

правляясь въ Казань, думалъ тамъ отстать отъ нюханія табаку, продалъ свою табакерку, но сталъ нюхать изъ книгъ; потомъ, видя, что только обманываетъ самъ себя, снова принялся за табакерку. О себѣ сказалъ владыка, что онъ пользовался табакомъ для нюханія только по случаю простуды глазъ и усиленныхъ занятій, и то не болѣе четырехъ мѣсяцевъ, для возбужденія въ глазахъ влажности, такъ какъ они были сухи, и чувствительна была въ нихъ рѣзь. Замѣчая здѣсь объ этомъ, владыка милостиво сказалъ: «Впрочемъ ты не гнѣвайся на мое замѣчаніе. Надобно быть во всемъ осторожну: церковь наша точно воинствующая, отовсюду терпитъ нападенія, и можетъ быть это писано кѣмъ-нибудь изъ нашихъ ренегатовъ».

*

14 Ноября 1858.

Спросилъ я, кто занимался первымъ переводомъ Новаго Завѣта? Владыка сказалъ: «Евангеліе Іоанна переводилъ я, а прочихъ евангелистовъ переводили Моисей, Григорій, Кириллъ; только не помню, кто какого евангелиста. А въ комитетѣ разсматривали: Мисаилъ, Серафимъ, я, Поповъ, Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ». По этому случаю распространился владыка о Лабзинѣ. «Онъ былъ добрый человѣкъ, только съ нѣкоторыми особенностими въ мнѣніяхъ религіозныхъ. Издавалъ «Сіонскій Вѣстникъ» за свѣтскою цензурою (всѣ книги, впослѣдствіи запрещенныя и отобранныя, пропускалъ Тимковскій); обращали вниманіе на доброе, а дурное не всегда понимали. Мы ему говорили: сколько прекрасныхъ вещей, которыя бы можно было печатать съ пользою для другихъ, не касаясь этихъ особенностей! Но онъ отвѣчалъ: «всякая птица своимъ голосомъ Бога хвалитъ». Наконецъ изданіе остановилось. Лабзинъ принялъ это съ христіанскою покорностію. Потомъ разрѣшено было, но съ одобренія духовной цензуры. Александръ Ѳедоровичъ говорилъ: «врагамъ моимъ меня отдали». Изданіе не пошло.—Александръ Ѳедоровичъ былъ въ сношеніяхъ съ Татариновой *). Это была женщина занимательная. Она имѣла мужа въ арміи, и чтобы быть къ нему ближе, жила въ западныхъ губерніяхъ. Тамъ она познакомилась съ обществомъ скопческимъ; скопчество ей

*) Славная Екатерина Филиповна, урожд. (если не ошибаемся) Буксгевденъ, могила которой на Московскомъ Пятницкомъ кладбищѣ еще не такъ давно посѣщалась уцѣлѣвшими ея поклонниками. Кончина сына-юноши и невозможность жить съ мужемъ (Иваномъ Михаиловичемъ, комендантомъ города Карлеруэ въ 1814 г. и за тѣмъ директоромъ Рязанской гимназіи; Александръ Павловичъ, проѣзжая Рязань, подолгу съ нимъ бесѣдовалъ) побудили ее искать удовлетворенія въ молитвенныхъ восторгахъ и круженіяхъ. Какъ и землячка ея, баронесса Криднеръ, Е. Ф. Татаринова дѣйствовала съ искреннимъ убѣжденіемъ. Мы бы желали имѣть портретъ ея. У кого искать? П. Б.

показалось мерзкимъ, а другихъ обрядовъ, какъ то круженій, она держалась. Она принадлежала къ протестантскому исповѣданію. Возвратившись въ Петербургъ, присоединилась къ православной церкви, и присоединеніе совершилось, странное дѣло, въ митрополичьей церкви! Князь Александръ Николаевичъ (Голицынъ) къ ней ѣздилъ. Послѣ появился у нихъ какой-то пророкъ, изъ бѣдныхъ чиновниковъ, которому князь далъ ленту.—Лабзинъ былъ секретаремъ Академіи Художествъ; когда предложили ему о принятіи Аракчеева въ число почетныхъ членовъ Академіи и указывали, что Аракчеевъ близокъ къ Императору, Лабзинъ отвѣчалъ, что кучеръ царскій еще ближе, да не дѣлать же его членомъ Академіи!»

Затѣмъ владыка началъ говорить о митрополитѣ Амвросіи [1]) и между прочимъ разсказалъ: «Послѣ окончанія втораго курса прихожу я съ наставниками къ Амвросію, послѣ благодарственнаго молебна, чтобы принять благословеніе на отдыхъ. Онъ говоритъ мнѣ: «посмотри, что я пишу». Онъ писалъ представленіе о томъ, чтобы меня сдѣлать епископомъ. Я отвѣчалъ: Если вы хотите имѣть меня орудіемъ своихъ дѣйствій, если я вамъ угоденъ, да будетъ воля ваша. Если же хотите наградить меня епископствомъ, то это не награда, а подвигъ; наградами же я почтенъ превыше моихъ заслугъ. «Но ужъ это не твое дѣло», сказалъ митрополитъ.—А какъ удалился митрополитъ Амвросій на покой, это немногіе знаютъ. Я былъ свидѣтелемъ многихъ событій, которыя не всѣмъ были доступны. И началъ было я писать записки о томъ, что мнѣ было извѣстно, и написалъ порядочную тетрадь; но потомъ увидѣлъ, что мнѣ не все извѣстно,—и сожегъ. Митрополитъ Амвросій сталъ проситься на покой вслѣдствіе недовольства императора Александра на то, что онъ устроилъ себѣ ризницу, обшитую горностаемъ, изъ покрова, бывшаго на царской дочери [2]). Императоръ, узнавъ, что митрополитъ въ такомъ облаченіи ходилъ 6 Генваря на воду, приказалъ сказать, что горностай присвоенъ только лицамъ царской фамиліи, и что митрополиту онъ это прощаетъ только по его старости. Этотъ случай огорчилъ Амвросія, и онъ подалъ въ отставку. При удаленіи онъ потерпѣлъ въ Невской Лаврѣ такія же неудовольствія, какія Гавріилъ отъ него, какъ это видно по письмамъ Гавріила,

---

[1]) Когда пишущему эти строки случилось спросить Филарета о заслугахъ Петербургскаго митрополита Амвросія, онъ отвѣчалъ: „Въ царствованіе императора Павла грозили церкви большія опасности отъ причудливаго права этого государя; Амвросій умѣлъ отвращать эти опасности“. П. Б.

[2]) Обѣ дочери императора Александра Павловича, Марія и Елисавета, погребены не въ Петропавловской крѣпости, а въ Невской Лаврѣ (гдѣ, какъ извѣстно, живутъ Петербургскіе митрополиты). П. Б.

которыя самъ же Амвросій передалъ мнѣ и которыя хранятся въ Лаврѣ. Удаляясь въ Новгородъ, онъ хотѣлъ было взять съ собою нѣсколько портретовъ изъ своихъ келій, между прочимъ портретъ князя Голицына; но экономъ ему сказалъ: «портреты ваши, владыка святый, а рамки-то казенныя» *).

26 Генваря 1860.

Владыка началъ рѣчь о письмѣ Сперанскаго къ своей дочери на Рождество Христово, напечатанномъ Лонгиновымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Владыкѣ кажется, что Сперанскій не имѣлъ вѣры въ историческое явленіе Христа Спасителя, но имѣлъ какое-то идеальное христіанство. Это замѣчаніе было выведено изъ фразъ того письма, которыя, какъ мнѣ кажется, просто навѣяны были тогда модными книгами мистическими. Владыка же указывалъ еще на то, что будто Сперанскій находился въ сношеніяхъ съ Фесслеромъ, котораго и конспектъ, впослѣдствіи осужденный Св. Синодомъ, найденъ между бумагами Сперанскаго. Такова, т.-е. идеальная только, была вѣра и Императора Александра до 1812 года, прибавилъ владыка. Рѣчь склонилась къ тому, какъ обширно было вліяніе Фесслера на своихъ учениковъ. Владыка указалъ на одного изъ своихъ студентовъ, который вышелъ изъ Академіи безъ вѣры въ Искупителя, какъ Бога. Я ему, прибавилъ владыка, при окончаніи курса не посовѣтовалъ идти въ духовное званіе, и онъ дѣйствительно вышелъ въ свѣтское: теперь уже и умеръ. Это былъ человѣкъ не безъ ума, но гордый. Потомъ сталъ говорить о затруднительности положенія церкви въ то время. Митрополитъ Амвросій говорилъ, что, вступивъ на митрополію Новгородскую послѣ Гавріила, нашелъ въ Академіи очень много невѣровъ. Я думалъ сначала, прибавилъ владыка, что это было говорено по нѣкоторому раздѣленію между ними существовавшему, но впослѣдствіи и самъ въ томъ убѣдился; подтверждалъ то и Анатолій, впослѣдствіи преосвящ. Симбирскій, бывшій чѣмъ-то тогда въ С.-Петербургѣ. Преосвященный Амвросій чувствовалъ тяжесть своего положенія: онъ былъ не по душѣ партіи нецерковнаго направленія, во главѣ которой стоялъ Ѳеофилактъ, и которая всячески старалась его раздражить и довести до того, чтобы онъ хотя слово сказалъ о желаніи удалиться на покой. Но онъ стоялъ непреклонно. Владыка очень его за то благодарилъ, разсуждая, что церкви угрожало очень вредное направленіе, еслибы водворился на митрополію Ѳеофилактъ. «Не самъ я поставилъ себя, не могу

*) Этимъ напоминается случай съ портретами митрополитовъ Серафима и Филарета, находившимися во внутреннихъ комнатахъ императрицы Александры Ѳеодоровны (которая обоихъ очень уважала). Во исполненіе посмертной воли ея, портреты были переданы въ Св. Синодъ, но безъ дорогихъ рамокъ. П. Б.

самъ себя и снять съ своего мѣста», говаривалъ старецъ, и только раздумывался крѣпко самъ съ собою. Случалось мнѣ, говорилъ владыка, приходя еженедѣльно съ донесеніями о благосостояніи по семинаріи, какъ инспектору, заставать его погруженнымъ въ такія размышленія и только сидящаго и вздыхающаго. Сдѣлаетъ вопросъ, два-три и замолчитъ: только сидитъ да вздыхаетъ. Такое положеніе мое было, говорилъ владыка, что готовъ былъ провалиться сквозь землю.

Къ партіи Ѳеофилактовой принадлежалъ товарищъ владыки, Леонидъ, бывшій баккалавромъ въ Академіи по классу словесности, какъ видно, ревновавшій дарованіямъ новоприбывшаго Филарета и руководившійся духомъ Ѳеофилакта. Первую проповѣдь Филарета на Пасху онъ назвалъ одою; но митрополиту Амвросію она понравилась, и онъ, припомнивъ, что Филаретъ часто говорилъ проповѣди въ Лаврѣ, совѣтывалъ ему заниматься этимъ болѣе и здѣсь. Для этого самъ назначилъ ему и день и тему: Троицынъ день, о дѣйствіяхъ Св. Духа. «Я отказывался по трудности предмета, но митрополитъ сказалъ: напиши, какъ можешь. Я приготовилъ, представилъ ректору Сергію; тотъ, прочитавъ, послалъ меня съ нею къ митрополиту, который выслушалъ и приказалъ произнести въ церкви. Когда явился я въ соборъ Лаврскій и вошелъ въ алтарь, Ѳеофилактъ подозвалъ къ себѣ и спросилъ, не я ли проповѣдникъ нынѣ? Попросилъ прочитать и тутъ же прочиталъ ее. Въ свое время проповѣдь была произнесена. Послѣ обѣдни, жившіе въ Лаврѣ и служащіе, и нѣкоторые изъ свѣтскихъ, зашли къ митрополиту. Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ, между разговоромъ, почему-то привелъ въ подтвержденіе и слова слышанной имъ въ тотъ день проповѣди. При этомъ Ѳеофилактъ возразилъ: А что́ вы думаете? Нынѣшняя проповѣдь отзывается духомъ пантеизма.—Какъ пантеизма? спросилъ митрополитъ. Ѳеофилактъ не отказался отъ своего отзыва, и только по усиленному убѣжденію митрополита замолчалъ. Послѣ обѣда однакоже, когда гости пошли въ садъ, и ректоръ Сергій назвалъ проповѣдника пантеистомъ, онъ приступилъ къ нему и объяснилъ ему, что легко ему обижать молодаго человѣка безъ поддержки, безъ связи; но «прошу замѣтить, прибавилъ Филаретъ, что если пантеистъ я, то не одинъ: читалъ эту проповѣдь и митрополитъ, читали и вы; и такъ, мы всѣ трое будемъ пантеисты» (эта проповѣдь первая между напечатанными на Троицынъ день). Ректоръ Сергій передалъ объ этомъ разговорѣ митрополиту. Тотъ вытребовалъ проповѣдь къ себѣ и послалъ ее, съ самимъ же проповѣдникомъ, къ Меѳодію Тверскому, тогда славившемуся и ученостію, и твердостію въ догматахъ церковныхъ. Тотъ письменно отозвался ми-

трополиту, что проповѣдь «достойна сановнаго наставника» и ничего противнаго православію не содержитъ. Послѣ того, начали толковать въ Синодѣ, чтобы проповѣдь напечатать. Брали ее на разсмотрѣніе и Голицынъ, и Сперанскій. И какъ всѣми она была одобрена, то и была напечатана. Послѣ этой исторіи митрополитъ Амвросій предложилъ Филарету приготовить на какой-нибудь день проповѣдь, которую могли бы слушать и Голицынъ со Сперанскимъ. Филаретъ написалъ; это была проповѣдь, помнится, на третье Воскресенье по Пятидесятницѣ, на текстъ: оброцы грѣха—смерть. И вскорѣ послѣ этого проповѣдникъ былъ высочайше награжденъ крестомъ съ драгоцѣнными камнями.

«Ѳеофилактъ привлекалъ къ себѣ публику въ С.-Петербургѣ своими проповѣдями, которыя отличались странными особенностями. Напр. онъ въ проповѣди говорилъ о картинахъ, на которыхъ изображалась Божія Матерь, любилъ дѣлать намеки на современниковъ. Въ проповѣди на миръ, помнится, съ Швеціей приводилъ слова Іерем. 9, 23: мудрый да не хвалится мудростію своею и проч., дѣлая намеки на наши неудачи. Разсуждалъ въ проповѣдяхъ о политикѣ; разъ ввелъ въ свою проповѣдь изображеніе человѣка престарѣлаго, обремененнаго службою, изъ-за котораго управляютъ дѣлами молодой человѣкъ. «Этимъ, говорилъ владыка, намекалъ онъ на митрополита и на меня. Слухи объ этомъ ходили повсюду, такъ что я рѣшился объ этомъ донести митрополиту и указать ему способъ прекращенія такихъ проповѣдей на будущее время, именно напомнилъ ему 20 правило Вселенскаго Собора, которымъ воспрещается проповѣдывать въ чужой епархіи. Тотъ предложилъ это указаніе самому Ѳеофилакту въ Синодѣ, и Ѳеофилактъ въ самомъ дѣлѣ пересталъ проповѣдывать».

«Ѳеофилактъ былъ направленія слишкомъ свѣтскаго. Еще до поступленія моего въ ректоры Академіи, онъ началъ приготовлять къ изданію въ свѣтъ и уже печаталъ Эстетическія Разсужденія Ансильйона, которыя были переведены студентами Академіи. Мнѣ, говорилъ владыка, не хотѣлось, чтобы на нихъ стояло имя студентовъ: это была бы первая книга, первый плодъ Академіи преобразованной, и заключала бы въ себѣ такъ много несогласнаго съ направленіемъ, приличнымъ Духовной Академіи. Напр. тамъ есть разсужденіе о томъ, какъ христіанство возвысило достоинство женщины. Есть и другіе политическіе намеки. Я объяснилъ это митрополиту; тотъ говорилъ Ѳеофилакту. Ѳеофилактъ не соглашался оставить дѣло, не соглашался и выпустить его въ свѣтъ безъ имени студентовъ Академіи. Тогда я, доставъ листы, долженъ былъ написать на нихъ свои замѣчанія. Это

повело къ опроверженію ихъ съ противной стороны, и просто къ ругательствамъ на меня».

«А Ѳеофилактъ удерживалъ вліяніе на Академію потому, что взялъ на себя руководствовать классъ словесности въ новой Академіи, такъ что онъ пересматривалъ сочиненія студентовъ послѣ наставника. Когда ректоръ Сергій хотѣлъ было требовать отъ студентовъ, чтобы они по этому классу написали проповѣдь, то Леонидъ, по внушенію Ѳеофилакта, объяснилъ ректору: пусть напередъ читаетъ ихъ онъ, ректоръ, потомъ будетъ читать Леонидъ, наконецъ Ѳеофилактъ. Ректоръ объявилъ, что этого онъ не допуститъ: прежде всѣхъ долженъ читать ихъ наставникъ, для цензурованія съ литературной стороны; потомъ ректоръ съ богословской стороны, а дальше, если хочетъ, Ѳеофилактъ. Но на это не согласились, и отъ того цѣлые два года студенты не писали проповѣдей».

«Ректоръ Сергій, человѣкъ честный, былъ искрененъ съ митрополитомъ, но не хотѣлъ и не могъ ссориться съ Ѳеофилактомъ, однако же тяготился своимъ отношеніемъ къ нему и называлъ его именемъ какого-то Французскаго епископа Бріенна, тогда извѣстнаго. Когда открылись вакансіи въ Тамбовѣ и Костромѣ, онъ сталъ проситься, чтобы перемѣнили его состояніе; митрополитъ предложилъ въ Синодѣ назначить ректора Академіи въ Кострому. Голицыну не хотѣлось этого, для того, чтобы Академіи дать болѣе созрѣть подъ начальствомъ одного начальника и чтобы болѣе успѣлъ приготовиться другой; однакоже онъ уступилъ настояніямъ митрополита. Въ ректоры Академіи митрополитъ назначилъ меня; Ѳеофилактова сторона—своего, Леонида. Правда, что мы оба были тогда недостойны и неготовы къ такой должности. Однакоже сдѣлали меня. Преосвященный Сергій, по рукоположеніи, утѣшая меня, говорилъ: «Увѣряю тебя, ты сбудешь этого Бріенна».— Гдѣ мнѣ сбыть? Хоть бы самого куда не заслали!—«Нѣтъ ты непремѣнно его сбудешь: я видѣлъ во снѣ. Онъ выѣдетъ въ Среду».

«Мое знакомство съ преосвященнымъ Ѳеофилактомъ началось такимъ образомъ. Въ 1809 году когда я пріѣхалъ, ректоръ Евграфъ повезъ меня къ нему. Тотъ спросилъ, чему я училъ? Я отвѣчалъ: философіи. Онъ вздумалъ сдѣлать мнѣ экзаменъ; спросилъ, что̀ есть истина? Я, знакомый только со старыми Вольфіанскими и Лейбницевыми понятіями философскими, отвѣчалъ: истина логическая есть то-то, истина метафизическая—то-то. Ѳеофилактъ не удовольствовался, спросилъ, что̀ есть истина вообще? Я затруднялся, не зналъ, что̀ отвѣчать. Спасибо ректору, онъ вывелъ изъ замѣшательства шуткою. «На этотъ

вопросъ, сказалъ онъ преосвящ. Өеофилакту, не далъ отвѣта и Христосъ Спаситель». Вопросы преосвящ. Өеофилакта перешли къ языкамъ. Узнавъ о знакомствѣ молодаго Филарета съ языками древними, Еврейскимъ, Греческимъ и Латинскимъ, онъ рекомендовалъ непремѣнно учиться и какому-нибудь изъ новыхъ, а въ особенности Французскому, увѣряя, что на немъ или пишутъ, или на него переводятъ все примѣчательное въ наукѣ. Это заставило владыку обратиться къ изученію Французскаго языка. Для первоначальнаго чтенія, послѣ ознакомленія съ грамматикою самоучкой, попались сочиненія Шведенборга, которыя, по странному сочетанію съ его направленіемъ, всѣмъ навязывалъ читать преосвященный Өеофилактъ.

«О Шведенборгѣ до того я зналъ только изъ сочиненія Канта, на Латинскій языкъ переведеннаго: «Критика чистаго разума», который переводъ однако крайне былъ неудовлетворителенъ: прочитаешь нѣсколько страницъ, и голова трещитъ. Тамъ есть глава: Somnia духовидцевъ и разсказы объ извѣстныхъ случаяхъ, въ которыхъ Шведенборгъ показалъ свое знаніе сокровеннаго: открылъ гдѣ найти платежную записку должника, что то сообщилъ королевѣ Шведской и объявилъ о пожарѣ, въ то время происходившемъ гдѣ-то въ дальнемъ городѣ. Послѣ рекомендаціи Өеофилактовой читалъ я Шведенборговы чудеса на небѣ, адѣ и на землѣ. Впрочемъ немного имѣлъ терпѣнія для знакомства съ нимъ».

«Паденіе Өеофилакта началось съ того, что, послѣ 1812 года, его послали для обозрѣній епархій, подверженныхъ разрушенію непріятельскому. И онъ точно выѣхалъ въ Среду. Послѣ сего, хотя онъ и возвратился еще въ С.-Петербургъ, но уже не жилъ въ Лаврѣ (его не пустили), а на подворьѣ *), и менѣе пользовался вліяніемъ на дѣла. Въ Академіи замышлялъ онъ господствовать черезъ проектъ. Первая часть его о внутреннемъ управленіи была уже написана Сперанскимъ; во второй, подъ вліяніемъ Өеофилакта, было сказано, что внѣшнее академическое правленіе состоитъ изъ членовъ внутренняго и изъ членовъ конференціи. Никакого значенія не предоставлялось здѣсь митрополиту. При разсужденіи объ этомъ я старался показать нелѣпость такого порядка: какъ священники и архимандриты будутъ пересматривать архіерейскія рѣшенія! Леонидъ успокоивалъ, что все перемѣнится, только что Өеофилактъ сдѣлается митрополитомъ... Но я настоялъ, чтобы внѣшнее академическое правленіе было поставлено

---

*) Өеофилактъ былъ архіепископъ Рязанскій, но рѣдко бывалъ въ своей епархіи. П. Б.

въ должныя отношенія къ епархіальному преосвященному. Преосвященный Θеофилактъ былъ уже на епархіи. Вышла моя книга по церковно-библейской исторіи. Я рѣшился послать къ нему экземпляръ при письмѣ, въ которомъ объяснилъ, что этотъ трудъ начался тогда, когда еще онъ простиралъ свое вниманіе на Академію. Онъ отвѣчалъ благосклонно и прибавилъ, что между учеными лицами могутъ быть несогласія и споры, но ссоръ не должно быть.—Еще нѣчто о Сперанскомъ. Въ статьѣ Лонгинова владыка замѣтилъ ту вѣрную черту: Сперанскій любилъ слишкомъ симметрію. Созидая какой нибудь законъ, проектъ, онъ тотчасъ дробилъ предметъ, ставилъ точки и думалъ, что уже все сдѣлано, когда намѣтилъ главные пункты. О содержаніи мало заботился. Оттого законы его пусты содержаніемъ. Еще замѣтилъ: когда составлялъ Сводъ Законовъ, то разсылалъ во всѣ вѣдомства для просмотра, но въ Синодъ не присылалъ подлежащихъ частей, а нарочито укрывалъ ихъ отъ него. Оттого вышло, что нѣкоторые секретные законы о раскольникахъ, или лучше беззаконія, вошли въ Сводъ Законовъ. Или, изъ устава о попечительствахъ духовнаго званія, писаннаго владыкою, взяты не только поставленныя тамъ правила, но составлены особые пункты и изъ предварительной исторической части устава, гдѣ говорится о прежнихъ мѣрахъ къ содержанію бѣднаго духовенства. И это сдѣлано даже безъ соглашенія противорѣчій съ собственными правилами устава. Сперанскій самъ читалъ послѣднюю корректуру Свода Законовъ и этого не замѣтилъ!

*

27 Генваря 1860 г.

Вечеромъ, когда былъ я снова у владыки, почлѣ чаю, не принимаясь еще за работу, началъ онъ говорить о дѣлахъ, о которыхъ говорилъ вчера. «Да, сказалъ святитель, говоря вчера, забылъ я одно важное обстоятельство. Когда писалъ я замѣчанія на книгу, которую Θеофилактъ хотѣлъ выпустить въ свѣтъ отъ имени студентовъ Академіи, мое положеніе было дурно. За меня былъ только митрополитъ, но съ нимъ въ коммиссіи не было никого. Князь Голицынъ держался Θеофилакта; Сперанскій, посаженный въ коммисcію духовныхъ училищъ для организованія учебныхъ заведеній, видя, что князь пользуется особенною довѣренностію Государя, старался всячески быть съ нимъ въ согласіи. Оберъ-священникъ также. Сознавая это свое положеніе, я говорилъ Иннокентію: Вотъ каково мое положеніе! Вѣдь очень можетъ случиться, что меня отсюда выгонятъ.—«Что же, отвѣчалъ Иннокентій, лишь бы за правду».

Только, кажется, и хотѣлъ владыка сказать; ибо далѣе рѣчь шла хотя о тѣхъ же временахъ, но не въ непрерывной связи, безъ особенной намѣренности.

«Я уже былъ Московскимъ. Вышла книга о подражаніи младенчеству Іисуса Христа. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ прислалъ ее для распространенія. Но я, нашедши въ ней нѣкоторые католическіе обряды, рекомендуемые православнымъ, отказался ее распространять. Еще ранѣе напечатана была книга «о скопцахъ». Она была издана однимъ изъ членовъ Татариновскаго общества, но противъ физическаго скопленія, однакоже въ пользу общества. Тутъ говорилось «о живомъ словѣ», которое надлежало искать только въ ихъ обществѣ. Издана въ пользу бѣдныхъ. Князь прислалъ мнѣ ея 10 экземпляровъ для распространенія. Я заплатилъ 10 рублей, но отказался распространять ее и собственноручно написалъ князю, что не могу этого сдѣлать по такимъ-то и такимъ-то мѣстамъ, въ книгѣ находящимся. Князь былъ недоволенъ. При встрѣчѣ былъ холоденъ. Я объяснился, что, какъ церковный человѣкъ, не могъ я иначе поступить. Князь выразилъ: «Ну, одна часть хороша, другая не годится; вы бы исправили!» Я рѣшился такъ поступить, не спросись тогда съ митрополитомъ Михаиломъ, потому что въ своихъ отношеніяхъ къ нему я мало былъ увѣренъ. Онъ, по вступленіи на митрополію, хотѣлъ меня послать въ Каменецъ-Подольскъ. Я говорилъ, что «еще нисколько не тягощусь своимъ положеніемъ (викарія), готовъ послужить въ этомъ званіи еще; но если ваше высокопреосвященство имѣете кого другаго въ виду и желаете меня отпустить отъ себя: для меня слишкомъ много того, что назначаете на второклассную епархію; я буду доволенъ и третьеклассною». Такъ онъ дѣло это и оставилъ. Но я все не былъ увѣренъ въ немъ. Послѣ однакоже я сообщилъ Михаилу, что̀ писалъ по дѣлу о той книжкѣ. Владыка Михаилъ отвѣчалъ, что и онъ далъ такой же отзывъ. А послѣ, когда сдѣлался я Московскимъ, въ Лаврѣ узналъ, что преосвященный Серафимъ велѣлъ читать эту книгу въ трапезѣ, во время стола!»

Сильная партія (Аракчеевъ и митрополитъ) рѣшилась низвергнуть князя А. Н. Голицына. Главнымъ дѣятелемъ былъ въ ней Магницкій. Когда Серафимъ поѣхалъ во дворецъ просить Государя объ удаленіи Голицына изъ оберъ-прокуроровъ, Магницкій не сходилъ съ дворцовой площади, чтобы видѣть, долго ли Серафимъ будетъ во дворцѣ, и повѣстить своихъ. И когда удалось имъ, Магницкій

пѣлъ молебны въ церкви подлѣ князя [1]). Хотѣлъ было потомъ идти, по прежнему, въ церковь князя, но не былъ туда допущенъ. Впрочемъ князь не помнилъ зла: впослѣдствіи этотъ самый Магницкій пользовался его благодѣяніями. Да и князь ничего не потерялъ въ довѣренности у Государя, не питалъ вражды противъ церкви. Долго онъ не сходился вмѣстѣ съ митрополитомъ; но разъ, когда пріѣхалъ въ С.-Петербургъ князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, и были всѣ трое во дворцѣ, князь Александръ Николаевичъ просилъ Сергія Михайловича помирить его съ митрополитомъ. Тотъ съ своей стороны отвѣчалъ, что не имѣетъ противъ князя никакой вражды. Тогда князь Александръ Николаевичъ подошелъ къ митрополиту, и съ той поры стали снова встрѣчаться свободно. И князь помогалъ потомъ церкви въ нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ, напр. въ дѣлѣ о монашествѣ. «Безъ него едва ли бы мы устояли» [2]).

Князь Александръ Николаевичъ запретилъ сначала «Сіонскій Вѣстникъ» Лабзина, и самъ же потомъ, сдѣлавшись болѣе внимательнымъ къ религіи, выхлопоталъ ему орденъ и возобновленіе журнала. Но Иннокентій возставалъ противъ первой книжки этого журнала; онъ написалъ къ князю письмо, въ которомъ говорилъ: вы нанесли рану церкви, вы и уврачуйте ее. Меня, говорилъ владыка, въ ту пору не было въ С.-Петербургѣ: я былъ въ объѣздѣ для обозрѣнія семинарій. Князь Голицынъ пріѣхалъ къ митрополиту съ письмомъ Иннокентія. Митрополитъ призвалъ къ себѣ Иннокентія. Тотъ отвѣчалъ, что дѣйствуетъ по сознанію справедливости. Митрополитъ успѣлъ однакоже увѣрить его, что нужно особенное для того призваніе и заставилъ съѣздить къ князю съ извиненіемъ.

*

Въ 1818 году представлена была въ цензуру книга Станевича: Бесѣды на гробѣ младенца. Здѣсь и Фенелонъ былъ названъ «свѣтлымъ зміемъ» и противъ Дютуа «Божественная Философія» были нападенія; между тѣмъ эта послѣдняя книга тогда переводилась и печаталась на счетъ Государя, или на счетъ Голицына, прибавилъ владыка, не помню. Съ

---

[1]) Т. е. конечно въ домовой церкви нынѣшняго дома корпуса жандармовъ, по Фонтанкѣ, почти рядомъ съ домомъ министра двора, гдѣ жилъ князь А. Н. Голицынъ и гдѣ доселѣ устроенная имъ домовая церковь. Первый изъ этихъ домовъ въ то время принадлежалъ графу В. П. Кочубею. П. Б.

[2]) Митрополитъ Филаретъ впослѣдствіи называлъ князя А. Н. Голицына своимъ благодѣтелемъ. Его портретъ находился у него въ гостинной, въ видѣ прозрачнаго зонтика на подсвѣчникѣ. П. Б.

этимъ Станевичемъ видѣлся я разъ у Иннокентія. Бесѣдовали они о чистой любви; Станевичъ отвергалъ ее и говорилъ: я готовъ идти въ Сибирь, только бы запрещено было это ученіе. Я ему сказалъ: вотъ вы, жертвуя собою ученію, дѣйствуете именно по чистой любви, которую отвергаете. Книга была напечатана, и мнѣ доставленъ экземпляръ предъ святками. Только на праздникѣ вдругъ является курьеръ отъ Голицына; спрашиваетъ о книжкѣ. Я отвѣчалъ, что кажется не важная, пустая. Нѣтъ, говоритъ, этого мало: въ ней то-то и то-то. Не знаю, кто читалъ книгу; въ ней загнуто много листовъ. Я прошу позволенія: дайте, говорю, время; мы посмотримъ, нельзя ли дѣло поправить. Объявляю о тревогѣ Иннокентію. Онъ ничего не безпокоится: «лишь бы, говоритъ, за правду». Объясняю митрополиту, представивъ ему экземпляръ книги, прошу прочитать и сказать, что̀ найдетъ нужнымъ замѣтить... Митрополитъ согласился. Но проходитъ день, другой: ничего не читано. Наконецъ, я попросилъ позволенія самъ читать ему. Онъ началъ непрестанно возражать: это не годится, другое не годится. Нѣтъ, говорю я, такъ нельзя; если так, то надобно будетъ перепечатать съ половину книги. Между тѣмъ какъ мы совѣщались какъ поправить дѣло, вышло запрещеніе на книгу. Узнали мы объ этомъ въ Крещеніе во дворцѣ. Тогда стали искать мѣста Иннокентію. Назначили его въ Оренбургъ. Но еще до его отъѣзда изъ С.-Петербурга, открылась вакансія въ Пензѣ. Сталъ говорить митрополитъ, чтобы перемѣстить Иннокентія сюда; но князь Голицынъ, можетъ быть по раздраженію противъ него, отвѣчалъ, что еще не бывало примѣра, когда бы епископа, еще не прибывшаго на епархію, перемѣщали на другую. Но митрополитъ самъ выпросилъ у Государя дать Иннокентію другое назначеніе. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ чрезъ Софью Мещерскую, женщину благочестивую, которая была близка къ Государю.

«Серафимъ говаривалъ, что, отправляясь въ С.-Петербургъ на митрополію, думалъ провести тамъ не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ и проситься на покой. И каждый разъ, какъ я уѣзжалъ въ Москву, прощался со мною, какъ бы на всегда».

*

Выше Филаретъ самъ свидѣтельствуетъ что онъ велъ записки о многихъ событіяхъ, которыя не всѣмъ были доступны и написалъ цѣлую тетрадь ихъ, но что сжегъ ее, увидавъ, что „не все было ему извѣстно“. Мы въ правѣ предположить, что тутъ описано было и главное политическое дѣло, въ которомъ принималъ онъ участіе, именно завѣщаніе императора Александра Павловича съ предоставленіемъ Русскаго престола

Николаю Павловичу. Упоминаемое сожженіе могло относиться къ 1826 году, подъ грозою тогдашнихъ событій, когда погибли и записки А. С. Пушкина. Позднѣе, въ 1849 году, по вызову покойнаго Александра Николаевича, онъ написалъ съ памяти о своей дѣятельности того времени, и поступилъ при этомъ съ неподражаемою осторожностью. Все это могло бы быть предметомъ особаго любопытнаго изслѣдованія на основаніи данныхъ, напечатанныхъ въ разныхъ годахъ „Русскаго Архива".

Наступитъ время, когда выступятъ на свѣтъ новыя историческія показанія, и разслѣдуется въ подробностяхъ Филаретъ, какъ гражданинъ. Изъ печатныхъ произведеній его, расположенныхъ въ послѣднемъ превосходномъ изданіи ихъ въ порядкѣ хронологическомъ, легко составить статью „Филаретъ какъ лѣтописецъ". Многія его проповѣди и привѣтственныя рѣчи, какъ нѣкогда оды Державина, полны намековъ политическихъ и богаты характеристикою событій. Такова, напримѣръ, рѣчь его Николаю Павловичу по возвращеніи его изъ Закавказскаго путешествія въ 1837 году: „Ты перешелъ горы и горы отнялъ отъ нашихъ сердецъ, озабоченныхъ трудностями твоихъ исполинскихъ путей по землямъ и морямъ твоей исполинской державы. Но конецъ заботливымъ помысламъ; осталось съ удивленіемъ радоваться. Давно ли ты стоялъ на брегѣ Невы, и подъ собственными глазами твоими созданный корабль собственнымъ мановеніемъ устремлялъ въ воды западныхъ морей? И уже ты приходишь къ намъ изъ того восточнаго края, гдѣ дальновидный Петръ едва успѣлъ поставить стопу ноги и гдѣ ты твердо и обширно владычествуешь. Тамъ горы, освященныя Апостоломъ Россіи, смирялись подъ твоими колѣнопреклоненіями предъ древнею святынею. Тамъ поля Вознесенскія содрагались, тамъ волны Черноморскія трепетали отъ твоихъ громовъ мирныхъ, но сильныхъ, какъ бранные мирныхъ, но тѣмъ не менѣе побѣдоносныхъ: ибо твоимъ предупредительно-благоустроеннымъ воинствомъ и среди мира ты непрестанно побѣждаешь и низлагаешь если не враговъ, то самый духъ вражды и тревоги, который привыкъ было колебать Европу. Приди, много ради насъ подвизающемуся духу твоему дай опочить—на нашихъ сердцахъ".

Но тотъ ошибется, кто вздумаетъ видѣть въ Филаретѣ преимущественно дѣятеля государственнаго: онъ прежде всего былъ инокъ и пастырь церкви. Эта вѣрность своему призванію и сообщала силу его дѣйствіямъ и на другихъ поприщахъ. П. Б.

ПИСЬМО АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА КЪ ОДНОМУ ИЗЪ ЧЛЕНОВЪ НАШЕГО ПОСОЛЬСТВА ВЪ ГРЕЦІИ.

Любезный другъ.

Поспѣшаю отвѣчать на дружеское твое письмо и утѣшить тѣмъ извѣстіемъ, что митрополитъ Московскій принялъ участіе въ твоей просьбѣ и пошлетъ тебѣ всю утварь для церкви. Въ первыхъ числахъ Сентября она будетъ отправлена въ Одессу къ почетному гражданину Новикову съ просьбою къ тебѣ отправить. Это не первая и не единственная церковь, на которую щедро сыплетъ рука владыки. До войны онъ послалъ 50 облаченій въ Грецію и одно Коринѳскому архіерею, сосуды и одежды въ новую церковь святаго Іоанна въ Аѳинахъ, сосуды, лампады и покровъ въ Патрасъ. Мнѣ представляется (а не ему, ибо онъ выше сего), что прилично бы было королю украсить его орденомъ Спасителя, который данъ былъ и покойному Иннокентію. Кончина сего послѣдняго незамѣнима, увы, для Грековъ и Болгаръ!

Что касается до вопроса о смѣшанныхъ бракахъ, то я спрашивалъ о томъ единственный нашъ свѣтильникъ, владыку Московскаго. Онъ отвѣчалъ: въ соборныхъ правилахъ существуетъ только для священно-служителей прямое запрещеніе вступать въ бракъ съ иновѣрными, а о мірянахъ умолчано; на этомъ основаніи у насъ разрѣшаются такіе браки, но съ условіемъ, чтобы дѣти были православные, и это обязательство сохраняетъ вѣру. Касательно же самихъ супруговъ можно вспомнить слова Апостола Павла, что мужъ невѣрный можетъ спастися женою вѣрною, хотя это относилось къ бракамъ уже совершеннымъ; однако нынѣшнія тяжкія времена болѣе требуютъ снисходительности.

Прилагаемое письмо прошу передать вдовѣ Вальяно, но ходатайство мое о ней не будетъ дѣйствительно: Мальцовъ только шутитъ и балагуритъ; онъ прекрасно пишетъ депеши, но дѣлъ вовсе не разумѣетъ, а князь *) болѣе занятъ западными дѣлами, нежели восточными,

---

*) Т. е. князь Горчаковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ.

и я съ нимъ не вижусь; если твое не подѣйствуетъ, то мое и подавно. Болѣе года хлопоталъ я о пособіи Вальяно и ничего не сдѣлалъ. Огорчаетъ эта совершенная апатія и неразумѣніе православнаго вопроса на Востокѣ.

Впрочемъ пропаганда Римская хотя и сильна деньгами, но слабѣетъ нравственно, какъ это видно въ Египтѣ и Сиріи, гдѣ такъ много обратилось Уніатовъ. Новый догматъ о Матери Божіей и новый календарь много ей повредили. Я готовлю вторую обличительную книжку на Французскомъ противъ Римлянъ. За первую меня искренно благодарилъ патріархъ Константій; а нашъ Парижскій священникъ, бывшій теперь въ Москвѣ, говорилъ, что она произвела сильное впечатлѣніе въ Парижѣ. И такъ надобно распространить ее и въ Греціи, а ты вѣроятно ея и не прочелъ, хотя я далъ тебѣ книгу сію при отъѣздѣ. Хлопочи о томъ, чтобы она переведена была на Греческомъ, а равно и Житія Святыхъ, и выдавай хотя немного денегъ ежегодно изъ вашей суммы; ибо это дѣло вмѣстѣ и церковное, и политическое.

Прости, обнимаю тебя мысленно и желаю тебѣ всякаго успѣха; а что тебя любятъ и чрезъ тебя уважаютъ Россію, это весьма естественно. Можетъ быть, я тебя увижу еще въ Аѳинахъ; потому что, если Богъ благословитъ, я имѣю намѣреніе, будущей весной, ѣхать по Славянскимъ землямъ, во Францію, Италію и на обратномъ пути, зимою, быть въ Греціи и Константинополѣ. И такъ, быть можетъ, до свиданія; но до того времени, я надѣюсь, мы еще много разъ и очень часто будемъ писать о дѣлахъ церковныхъ, насъ взаимно занимающихъ.

Преданный тебѣ

А. Муравьевъ.

Москва,
22 Августа 1857.

СЛУЧАЙ СКОРАГО СУДА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Однажды въ Петербургѣ, подъ аркою Главнаго Штаба, съ однимъ ѣхавшимъ впереди экипажемъ что-то случилось, такъ что должны были остановиться и всѣ слѣдовавшіе за нимъ. Позади всѣхъ остановившихся экипажей были дрожки, на которыхъ сидѣлъ священникъ. Подъѣзжаетъ на рѣзвомъ конѣ молодой корнетъ или юнкеръ и кричитъ: батюшка, погоняй! Священникъ отвѣчаетъ: мнѣ самому нужно спѣшить, но не могу; впереди насъ что-то случилось, а въ сторону своротить не куда. Молодой человѣкъ повторяетъ приказаніе: погоняй! съ прибавленіемъ разныхъ красныхъ словъ; но дрожки со священникомъ, по той же причинѣ, впередъ не двигаются. Но вотъ порѣдѣли экипажи ѣдущихъ насупротивъ; разгорячившійся молодой человѣкъ объѣзжаетъ дрожки и ударяетъ священника хлыстомъ. Наконецъ экипажи тронулись; поѣхалъ и священникъ. Его призывали напутствовать умирающаго. Исполнивъ свою обязанность, онъ ѣдитъ во дворецъ и проситъ доложить о себѣ Государю. Священникъ является предъ великимъ самодержцемъ Русской земли и говоритъ: Ваше Императорское Величество! На груди моей ковчегъ со Св. Дарами; я ѣхалъ напутствовать умирающаго, и меня подъ аркою Главнаго Штаба какой-то молодой человѣкъ, выбранивши, ударилъ хлыстомъ безъ всякой вины съ моей стороны.

Священникъ разсказалъ, какъ было дѣло.

— Ты не знаешь, кто этотъ молодой человѣкъ?

— Знаю, Государь, это сынъ графа К. (занимавшаго въ то время одно изъ высшихъ государственныхъ мѣстъ).

— Ну иди съ Богомъ. Я накажу этого повѣсу.

Призываетъ Государь отца виновника, разсказываетъ ему исторію и спрашиваетъ: что̀ бы ты сдѣлалъ съ такимъ негодяемъ?

— Въ Сибирь, батушка; намъ такихъ не нужно; въ Сибирь!

— Но вѣдь это твой сынъ.

— Мнѣ, батушка, такихъ дѣтей не нужно; въ Сибирь и въ Сибирь!

— Я такого же мнѣнія, сказалъ Государь; такіе люди дѣйствительно намъ не годятся, но не слишкомъ ли строго мы накажемъ молодаго человѣка? Подумай!

— Я уже подумалъ, батушка Государь: въ Сибирь!

Приходитъ отецъ домой и объявляетъ сыну, что онъ по высочайшей и по его отцовской волѣ ссылается за такой-то проступокъ въ Сибирь.

Узнавъ объ этомъ, оскорбленный служитель Олтаря Господня вторично идетъ къ Государю и проситъ о милости. Государь отвѣчаетъ, что нельзя оставить безнаказаннымъ такой проступокъ.

— Мы и взрослые не безъ проступковъ, говоритъ священникъ; но молодость, Государь, легче поддается желаніямъ злой воли.

— Такъ по твоему, спрашиваетъ Государь, простить?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ священникъ, не простить, но не губить молодаго человѣка. Для этого есть такъ называемыя отеческія наказанія.

— Понимаю! Приди сюда въ такой-то день и часъ.

Является священникъ въ назначенное время; являются туда и отецъ-сановникъ съ провинившимся сыномъ.

— Вотъ, говоритъ Государь, обращаясь къ отцу виновнаго, батюшка проситъ не наказывать такъ строго твоего сына, а ограничиться однимъ отеческимъ наказаніемъ.

— Я и на это согласенъ, батушка Царь.

И съ общаго согласія трехъ отцевъ: отца отечества, отца роднаго и отца духовнаго, молодой человѣкъ высѣченъ розгами.

— Какъ высѣченъ? Ради формы только, или?... На этотъ вопросъ мой собесѣдникъ (родной братъ потерпѣвшаго наказаніе въ Зимнемъ дворцѣ, человѣкъ вполнѣ правдивый) не могъ мнѣ отвѣчать, а только сказалъ: императоръ Николай Павловичъ шутить въ важныхъ дѣлахъ не любилъ; онъ былъ въ высшей степени великодушенъ, умѣлъ прощать; но если кого наказывалъ, то не для формы.

Такія-то, воскликнетъ иной читатель, были варварскія времена! Можетъ ли подобное наказаніе назваться отеческимъ? Пусть бы этотъ молодой человѣкъ судился теперь, и навѣрное необдуманный поступокъ его не былъ бы поставленъ ему въ вину.

Имѣя на плечахъ сѣдую голову, не возражаю (да оно и неумѣстно здѣсь) такому мнѣнію, а скажу только, что не разъ приходилось мнѣ видить горькія слезы отцовъ и матерей, дѣти которыхъ были исключены изъ учебнаго заведенія за какой-нибудь проступокъ, и слышать, среди этихъ слезъ, слова: Лучше бы хорошенько высѣчь, чѣмъ губить неразумную молодость на всю жизнь!

Ив. Палимпсестовъ.

24 Октября 1888.

О ЖЕЛАНІЯХЪ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА

во время освобожденія крестьянъ

съ запиской камергера М. А. Безобразова.

1859.

1859-й годъ можно считать началомъ осуществленія великой реформы минувшаго царствованія—освобожденія крестьянъ въ Россіи.

Уже къ веснѣ этого года были внесены на разсмотрѣніе высшаго правительства проекты освобожденія крестьянъ отъ многихъ губернскихъ комитетовъ (учрежденныхъ высочайшими рескриптами съ 20 Ноября 1857 года, вслѣдствіе всеподданнѣйшихъ адресовъ дворянства всѣхъ губерній, въ коихъ оно изъявляло свою преданность престолу и единодушную готовность дать безвозмездно личную свободу своимъ крестьянамъ), а къ осени того же 1859-го года высочайше учрежденныя, для составленія общаго положенія объ освобожденіи крестьянъ, Редакціонныя Коммиссіи составили свой проектъ, такъ сказать, еще вчернѣ, и первые три тома ихъ печатныхъ трудовъ, подъ заглавіемъ „Матеріаловъ", были поднесены Государю 8 Сентября председателемъ Коммиссій, генералъ-адъютантомъ Ростовцовымъ.

Труды Коммиссій, по мѣрѣ ихъ разработки, разсылались съ самаго начала въ печатныхъ листахъ во всѣ губерніи и дѣлались такимъ образомъ извѣстными по всей Россіи.

При томъ направленіи дѣла, которое уже тогда оно принимало, дворянство почувствовало, что, съ полной свободою крестьянъ и совершенной ихъ независимостью отъ помѣщика, оно не можетъ удержать своего первенствующаго положенія въ государствѣ какъ сословіе, ибо теряло свою единственную привиллегію—владѣть населенными имѣніями; а исключительно служилымъ сословіемъ оно уже не могло считаться со времени указа Петра III, снявшаго съ него повинность обязательной службы и предоставившаго ему въ этомъ отношеніи свободу. Поэтому вліятельная часть дворянства была прежде всего озабочена пріобрѣтеніемъ какихъ бы то ни было особыхъ преимуществъ предъ другими сословіями, лишь бы сохранить за собой выдающееся положеніе; а такъ какъ издавна высшіе слои нашего общества привыкли къ увлеченіямъ чужими идеалами и къ преклоненію предъ западно-европейскою культурой и тамошними государ-

ственными и гражданскими учрежденіями: то иные видѣли обезпеченіе дворянскаго сословія въ такъ называемой патримоніальной юрисдикціи, т. е. въ правѣ суда надъ бывшими ихъ крестьянами. Но такого суда и прежде, при крѣпостномъ состояніи, у насъ не существовало: въ уголовныхъ дѣлахъ помѣщичьи крестьяне подлежали общему для всѣхъ сословій уголовному суду; въ гражданскомъ же судѣ они и не нуждались вовсе, не имѣя никакой собственности и принадлежа всецѣло, съ ихъ имуществомъ, своимъ помѣщикамъ; въ домашнихъ спорахъ между собою и обидахъ одинъ другому наносимыхъ (не подвѣдомыхъ суду правительства) у значительнаго числа помѣщиковъ они разбирались міромъ, а у крупныхъ владѣльцевъ, въ мелочи управленія своими крестьянами не входившихъ, рѣшителями судебъ были не рѣдко управляющіе, по большей части иностранцы. Мысль о патримоніальной юрисдикціи и подала впослѣдствіи поводъ къ учрежденію у насъ почетныхъ мировыхъ судей. Предполагалось, что всѣ помѣщики ухватятся за эту почетную должность, чтобъ сдѣлаться какъ бы начальниками въ своихъ бывшихъ имѣніяхъ и помѣстьяхъ, и что къ нимъ преимущественно будутъ обращаться для разбирательства крестьяне; однако это учрежденіе не повело къ достиженію желанной цѣли.

Многіе находили поддержку дворянства и въ томъ, чтобы крестьяне были поставлены въ такія поземельныя отношенія къ помѣщикамъ, при которыхъ они оставались бы у нихъ въ нѣкоторой, хотя и не прежней, зависимости. Иные вліятельные охранители дворянскихъ преимуществъ искали вознагражденія за утрачиваемыя тогда права въ укрѣпленіи дворянства какъ служилаго сословія, съ предоставленіемъ ему исключительнаго и постояннаго участія въ законодательныхъ и важнѣйшихъ дѣлахъ государства. Нѣкоторымъ это представлялось въ формѣ западно-европейскихъ конституцій аристократическаго, или, по нашему строю правленія, олигархическаго характера. Эти-то мечтанія обратились позднѣе, при послѣдующихъ реформахъ минувшаго царствованія, у многихъ дѣятелей въ конституціонныя вожделѣнія, но уже демократическаго свойства; потому что они захватили собою и людей другихъ сословій, примыкавшихъ тогда къ нашей такъ называемой интеллигенціи.

Въ Августѣ 1859 года стали собираться въ Петербургъ депутаты перваго призыва. Пріемъ ихъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (который не позаботился сначала о представленіи ихъ Государю), обманулъ ихъ ожиданія; а приглашеніе ихъ 25 Августа въ Редакціонныя Коммиссіи, для прочтенія имъ особой инструкціи, высочайше утвержденной 11-го Августа того же года, съ вопросами, на которые они должны были отвѣчать (депутаты каждаго губернскаго комитета отдѣльно) возбудило ихъ явное неудовольствіе, вслѣдствіе чего они поспѣшили присоединиться къ желавшимъ укрѣпить расшатывавшееся положеніе дворянства и стали принимать участіе въ негласныхъ собраніяхъ, между прочими у тогдашняго С.-Петербургскаго губернскаго предводителя дворянства, для совѣщаній о томъ, ка-

кія новыя льготы благовременно было бы испросить у верховной власти въ замѣнъ утрачиваемыхъ правъ, которыми исключительно пользовалось дворянство. Но эти совѣщанія ни къ чему опредѣленному не приводили и остались безъ результатовъ.

Самымъ убѣжденнымъ и смѣлымъ защитникомъ дворянства явился въ то время бывшій впослѣдствіи С.-Петербургскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ званіи камергера, нынѣ покойный, Михаилъ Александровичъ Безобразовъ, племянникъ князя А. Ѳ. Орлова, сынъ бывшаго извѣстнаго сенатора Александра Михаиловича Безобразова (слѣды дѣятельности котораго не изгладились еще и нынѣ въ Ярославской губерніи, гдѣ онъ оставилъ по себѣ почетную память, когда былъ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія тамошнимъ гражданскимъ губернаторомъ).

М. А. Безобразовъ составилъ въ защиту дворянскаго сословія записку объ историческомъ значеніи Русскаго дворянства и о томъ положеніи, которое, по его мнѣнію, оно должно было бы занимать на поприщѣ государственной дѣятельности и въ совѣтѣ монарха. Эта записка была представлена на всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора бывшимъ тогда шефомъ жандармовъ, Василіемъ Андреевичемъ Долгоруковымъ, и на поляхъ ея сдѣланы были Государемъ собственноручныя отмѣтки; а затѣмъ было повелѣно обсудить эту записку въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, вслѣдствіе заключенія котораго Михаилъ Александровичъ Безобразовъ былъ временно удаленъ въ свои имѣнія, на заводы въ Пермской губерніи, съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы.

Печатаемая записка представляетъ, по воззрѣніямъ на нее Государя, драгоцѣнный и характерный документъ для исторіи освобожденія крестьянъ въ Россіи.

Николай Семеновъ *).

19 Октября 1888 года.

---

*) Сенаторъ Николай Петровичъ Семеновъ, многоуважаемый историкъ великаго дѣла раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи, помѣщавшій уже нѣсколько разъ статьи свои по этому предмету въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Русскомъ Архивѣ“, имѣетъ особое разрѣшеніе на изданіе въ свѣтъ собранныхъ имъ матеріаловъ. П. Б.

ЗАПИСКА М. А. БЕЗОБРАЗОВА *).

Государь Императоръ повелѣть соизволилъ собрать по два депутата отъ губернскихъ комитетовъ *для окончательнаго разсмотрѣнія положенія объ устройствѣ быта крестьянъ.*

„Не для окончательнаго разсмотрѣнія, а для нужныхъ поясненій и примѣненія общихъ началъ къ частнымъ мѣстностямъ".

Его Величеству угодно было объявить лично дворянству о сей волѣ, и она приведена была во всенародное свѣдѣніе. Здѣсь нѣтъ надобности указывать, кто и для чего хотѣлъ увѣрить, что опасно собрать депутатовъ отъ дворянства. Признали неопаснымъ нарушать высочайшее повелѣніе, ронять достоинство верховной власти, оскорблять высшее, образованнѣйшее въ государствѣ сословіе, выставлять правительство въ глазахъ народа какимъ-то игралищемъ случайностей; а нашли очень опаснымъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ людьми, которые, можетъ быть, скажутъ правду. Въ слѣдствіе такого соображенія придумали: 1) депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ не допускать и 2) подъ именемъ ихъ, вытребовать депутатовъ отъ разныхъ мнѣній, какія въ комитетахъ образовались, для объясненія будто бы этихъ мнѣній.

Такимъ образомъ достигали разомъ до уничтоженія значенія депутатовъ, сохраняя однако ихъ названіе и тѣмъ полагая маскироватъ дѣйствительное нарушеніе высочайшей воли, лично Государемъ объявленной.

„Вздоръ".

Комитеты, между тѣмъ, на основаніи упомянутой высочайшей воли, выбрали по два депутата. Тогда административная власть распорядилась откинуть по одному изъ нихъ и взамѣнъ устраненныхъ прислать представителей разныхъ мнѣній меньшинства подъ предлогомъ, чтобы всѣ мнѣнія имѣли своихъ объяснителей.

---

*) Отмѣтки Государя Императора Александра Николаевича на поляхъ этой записки напечатаны здѣсь крупными буквами; а слова и строки записки, подчеркнутыя въ подлинникѣ карандашемъ рукою Его Величества, напечатаны курсивомъ. П. Б.

Такъ называемыхъ депутатовъ отъ меньшинства назначали въ большей части случаевъ губернаторы, и вышло, что, вмѣсто депутатовъ отъ дворянскихъ комитетовъ, явились члены засѣдавшіе въ комитетахъ отъ правительства, какъ то гг. Ланской, Кошелевъ, Гавриловъ, Тиховидовъ и другіе, т. е. такія лица, которыя обязаны имѣть мнѣнія, согласныя съ мнѣніемъ Земскаго Отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Присланы тоже губернаторами нѣкоторые депутаты, которыхъ бы комитеты никогда не подумали выбрать; другіе представившіе одно свое личное мнѣніе, комитетами непринятое въ уваженіе, присланы представителями одиночныхъ своихъ мнѣній. Такихъ произвольно набранныхъ явилось столько же, если не болѣе, чѣмъ настоящихъ депутатовъ отъ комитетовъ.

Очевидно, что депутаты присланы не отъ дворянства, и даже не отъ губернскихъ комитетовъ, а отъ мѣстныхъ властей, въ угодность властямъ центральнымъ. Присланныхъ продолжаютъ величать депутатами отъ дворянскихъ комитетовъ, думая тѣмъ скрыть сдѣланный подмѣнъ. Въ дѣйствительности же собраніе это есть разнородное сборище..... назовите какъ угодно..... но не собраніе депутатовъ отъ дворянскихъ комитетовъ. Для бо́льшаго ручательства въ ничтожествѣ этого сборища, положено созвать его одновременно изъ нѣсколькихъ только губерній, и то по усмотрѣнію Редакціонной Коммиссіи, которая, неизвѣстно на какомъ основаніи, сдѣлалась распорядительницею судьбы депутатовъ, *предназначавшихся прежде къ поступленію въ составъ Главнаго Комитета.*

„Никогда“.

По пріѣздѣ депутатовъ замѣчено было между тѣми изъ нихъ, которые могли быть настоящими депутатами отъ комитетовъ, нѣкоторые признаки жизни. Немедленно рѣшено было ихъ вырвать съ корня.

Говорятъ, будто представленъ былъ всеподданнѣйшій докладъ, въ коемъ возводилось на наше по сіе время безусловно-покорное дворянство обвиненіе въ какихъ-то замыслахъ, и тутъ же выпрошено высочайшее повелѣніе, давшее возможность достигнуть преднамѣреннаго истребленія наималѣйшей искры сознанія обязанностей дворянства. Говорятъ также, что распространившаяся мысль о поднесеніи Государю общаго отъ дворянства адреса, имѣвшаго цѣлью высказать, что въ Царѣ и у Царя дворянство должно себѣ искать защиты отъ притѣсненій и оскорбленій, была перетолкована въ такомъ смыслѣ, что будто въ сей мысли заключается угроза, и тогда же приняты мѣры съ цѣлью показать пренебреженіе къ такой угрозѣ.

Послѣднее обстоятельство требуетъ поясненія.

Собранные для составленія адреса матеріалы заключають въ себѣ прямое обличеніе нарушителей государственнаго порядка и безопасности, *съ полнымъ выраженіемъ чувства преданности къ Государю.*

„Т. е. личины".

Угрозы ни явной, ни подразумѣваемой здѣсь нѣтъ. Казалось бы, что если обличаемые передъ Государемъ въ поступкахъ и направленіяхъ, вредныхъ для общественной безопасности, пренебрегають обличеніями, будучи увѣрены въ своей силѣ, то и не слѣдовало бы имъ принимать мѣръ противу такого обвиненія. Какая бы ни была причина, дѣйствителенъ тотъ фактъ, что объявлена депутатамъ инструкція, по которой *они разбиты на единицы,*

„Такъ и должно было быть"

поставлены въ непосредственное подчиненіе Редакціонной Коммиссіи, лишены возможности касаться существа предмета и приглашены къ рѣшенію вопросовъ въ родѣ слѣдующихъ: сколько нужно землемѣровъ? гдѣ ихъ пріискать? изъ какого званія брать сторожей? и прочіе, болѣе или менѣе важные.

Оскорбленія и униженія были такъ чувствительны и явны, что между депутатами проснулось сознаніе достоинства своего и желаніе сколько нибудь возстановить свое значеніе. Они рѣшились подать адресъ Государю Императору, въ копіи къ сей запискѣ прилагаемый.

Предположеніе подачи адреса сего не осуществилось, потому что нѣкоторые изъ депутатовъ, вѣроятно исполнявшихъ порученіе вѣдомства, отъ котораго находятся въ зависимости, стали увѣрять прочихъ въ необходимости сблизиться съ генераломъ Ростовцовымъ; они увлекли многихъ видами политическихъ соображеній и вмѣсто подачи адреса Государю отъ дворянъ, сознающихъ свое достоинство и обращающихся къ Царю своему, подали просительное письмо генералу Ростовцову, самаго пустаго содержанія.

При мнѣніи обратиться къ Государю оставались: князь Гагаринъ, Шидловскій, князь Волконскій, Офросимовъ, Подвысоцкій, Кардо-Сысоевъ, Хрущевъ. Но это меньшинство должно было подчиниться большинству.

Тѣмъ не менѣе Государь Императоръ соизволилъ потребовать къ себѣ депутатовъ. Въ милостивыхъ выраженіяхъ Его Величества видно, однако, что Государь напоминаетъ дворянамъ о томъ забвеніи достоинства, въ которое они впали: ибо, имѣя счастіе считать Государя первымъ въ рядахъ своихъ, они не обратились къ Нему, а искали

посредничества въ лицѣ для нихъ постороннемъ, съ которымъ они, какъ въ силу существующихъ законовъ, такъ и въ силу высочайшаго повелѣнія о созывѣ депутатовъ, ничего общаго не имѣли.

Между тѣмъ правительственныя вѣдомства, не смотря на милость и вниманіе Государя къ дворянству, продолжали свое дѣяніе. Они, какъ бы въ насмѣшку прочимъ депутатамъ, объявили члену отъ правительства по Симбирскому комитету высочайшее благоволеніе за то, что онъ первый представилъ отвѣты на заданные вопросы, по видимому не замѣчая, что вопросы по докладамъ отдѣленій коммиссіи розданы 10 Сентября въ 4 часа пополудни, что 11-го Государь уѣхалъ, а 12-го объявлено означенное высочайшее благоволеніе. Слѣдовательно отвѣты на три огромныя книги вопросовъ, въ 2700 печатныхъ листовъ, и на 38 многорѣчивыхъ докладовъ, представлены, послѣ задачи, черезъ нѣсколько часовъ! И о таковомъ подвигѣ успѣли будто бы доложить Государю. Чего хотѣли достигнуть, объявляя высочайшее благоволеніе за трудъ, который физически не могъ быть исполненъ? Показать ли, что высочайшее благоволеніе не имѣетъ значенія, или что депутатамъ не должно трудиться отвѣчать на заданные вопросы, ибо отъ имени Государя благодарятъ тѣхъ, кто представитъ мнимые отвѣты *).

Благоволеніе это огорчило всѣхъ мыслящихъ, обнаживъ глубокую рану нашего управленія, состоящую въ злоупотребленіи высочайшими повелѣніями.

Въ настоящемъ дѣлѣ употребляютъ высочайшія повелѣнія безпрерывно и разныя власти, смотря по обстоятельствамъ: или оказываютъ видъ уваженія къ ненарушимости сихъ повелѣній, или не стѣсняются ими нисколько, имѣя про запасъ другія высочайшія повелѣнія, готовыя на отмѣну предъидущихъ. Есть даже лица, которыя почти не говорятъ иначе, какъ отъ имени Государя Императора.

Значительнѣйшая часть большинства, увлекшагося подачею просительнаго письма генералу Ростовцову, нынѣ горько раскаевается въ своей довѣрчивости. Раскаяніе это высказалось поздно: вредъ сдѣланъ, и безхарактерность этихъ депутатовъ опредѣлена. Имъ дали мѣсяцъ сроку на подачу мнѣній своихъ. Такой промежутокъ едва ли достаточенъ на прочтеніе кипъ бумагъ, напечатанныхъ Комиссіей. Де-

---

*) Кажется, Редакціонная Комиссія почувствовала неловкость сю сдѣланнаго и въ журналѣ за № 54, чтобы, вѣроятно, это обстоятельство немного запутать, напечатала списокъ лицамъ, подавшимъ отвѣты на предварительные вопросы, предложенные 25 Августа, и къ нимъ присоединила вопросы по трудамъ отдѣленій, не обозначая числа ихъ раздачи и показавъ, что г. Ланской подалъ на нихъ отвѣты 12 числа, т. е. именно въ то число, въ которое объявлено благоволеніе Государя Императора, изволившаго уѣхать наканунѣ.

путаты возопіяли, говоря, что имъ невозможно въ столь краткій срокъ основательно вникнуть въ предметъ. Имъ отвѣчали высочайшимъ повелѣніемъ, будто бы продолжившимъ срокъ до 10 Октября, хотя тутъ дѣйствительнаго продолженія не было; ибо вопросы окончательно розданы только 10 Сентября, и срокъ остался тотъ же, только высочайше подтвержденный. Распорядители крестьянскаго дѣла успѣли не только поставить депутатовъ въ свою зависимость и разбить ихъ собраніе, но даже подмѣнить часть изъ нихъ своими людьми. Этотъ подвигъ ловкости возъимѣетъ свою историческую знаменитость. Между тѣмъ государственные сановники, въ какомъ-то онѣмѣніи, ждутъ, когда до нихъ дойдетъ очередь, а зло быстрымъ потокомъ разливается.

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на слѣдующее: журналы Редакціонной Комиссіи печатались сначала въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ; потомъ стали ихъ печатать въ числѣ 3 тыс.; теперь печатаютъ ихъ въ числѣ 10 т. и готовятся довести это число до 11 т. Съ какою цѣлью? Положенія Коммиссіи еще не утверждены и силы законной не имѣютъ; въ большей части ея предположеній обличаются вредныя начала и направленія; они могутъ служить орудіемъ къ разрушенію государственнаго устройства, привести же ихъ въ исполненіе сверхъ силъ человѣческихъ. Слѣдовательно распространеніе въ народѣ подобныхъ предположеній можетъ быть только пропагандою, имѣющей цѣлью поставить верховную власть и благонамѣренныхъ людей въ невозможность противостоять увлеченію слѣпой толпы. Нѣкоторые хотятъ увѣрить, что такое разглашеніе доказываетъ прямоту намѣреній дѣятелей. Позволено въ этомъ усомниться. Когда толпѣ, въ формахъ правительственныхъ постановленій, обѣщается отдать на добычу чуждую собственность, то можно видѣть въ этомъ дѣйствіи воззваніе къ страстямъ людей, а не прямоту намѣреній.

Ежели къ вышеуказаннымъ вліяніямъ присоединить журнальныя статьи, наполненныя ядовитыми намеками, захватъ, подъ названіемъ внутренней цензуры, монополіи гласности печатной, толкованія и объясненія людей переодѣтыхъ и разсылаемыхъ отъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ своимъ направленіемъ журналовъ, подъ предлогомъ собиранія народныхъ пѣсенъ и преданій: то надо не хотѣть видѣть, чтобы не видать кова злоумышленнаго. Планъ этого кова не новъ и, въ утѣшеніе себѣ сказать можно, не-Русскаго изобрѣтенія. Принимая въ соображеніе: 1) постоянное печатаніе за границею и распространеніе по Россіи въ неимовѣрномъ количествѣ періодическихъ памфлетовъ, которыхъ читающіе не покупаютъ, а получаютъ даромъ изъ разныхъ рукъ; 2) вѣрное и подробное сообщеніе памфлетистамъ свѣдѣній даже

оффиціальныхъ и секретныхъ съ разныхъ концовъ Россіи, а въ особенности изъ Петербурга; 3) согласный съ памфлетистами тонъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ и содѣйствіе внутренней цензуры, пропускающей писанное въ духѣ памфлетовъ и останавливающей возраженія самыя скромныя, коль скоро они писаны логически и опираются на факты: должно признать, что на эти печатанія употребляются значительные капиталы, не принадлежащіе печатателямъ, что сѣть связей раскинута и внутри, и за предѣлами Россіи, *что близкое сочувствіе и сообщничество оказываются изъ среды самихъ правительственныхъ учрежденій* [1]).

Все это вселяетъ убѣжденіе, что не-Русскія головы задумали вредить Россіи; онѣ увлеклись обычнымъ стремленіемъ Русскихъ къ подражанію, но корень таится глубоко зарытымъ въ замыслахъ иностранныхъ.

Давно уже величіе и могущество Государя нашего возбуждаютъ зависть. Побороть ихъ внѣшнимъ натискомъ нельзя безъ громадныхъ усилій, на которыя средствъ Европы не достанетъ. Гораздо удобнѣе, пользуясь слабостію устройства управленія, *основаннаго на произволѣ*, увлечь правительственную волю на путь, который приведетъ естественнымъ наклономъ своимъ къ пропасти [2]).

Въ запискѣ моей о значеніи самодержавія, поданной въ 1856 г., я предчувствовалъ опасность, которая нынѣ кажется мнѣ очевидною.

Законодательство наше въ послѣднее столѣтіе составлялось на удачу. Въ немъ перетолкованы и переиначены взаимныя отношенія сословій. Отъ сего возникло много вреднаго и между прочимъ то направленіе законоположеній, по которому крестьяне, поселенные на помѣщичьихъ земляхъ, отнесены къ разряду неодушевленной собственности, со всѣми послѣдствіями такого владѣнія. Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ привлекло къ себѣ вниманіе многихъ и благонамѣренныхъ мыслителей; но въ особенности устремили на него заносчивыя свои усилія нѣкотораго рода люди, видѣвшіе въ этомъ обстоятельствѣ удобнѣйшее средство къ возбужденію замышляемой ими тревоги. На это не пощадили они своихъ усилій. Дурную сторону порядка зависимости помѣщичьихъ крестьянъ стали представлять чрезъ посредство микроскопа въ ужасающемъ видѣ; старались искажать исторію, вымышлять факты; взволновали благородныя чувства картиною искусно группированныхъ предосудительныхъ частныхъ поступковъ; увлекли

---

[1]) На подлинномъ рукою Его Императорскаго Величества напечатанныя курзивомъ слова подчеркнуты карандашемъ и противъ нихъ поставлено: „!!!“

[2]) Тоже.

восприимчивыя воображенія и съ сосредоточенною силою напали на крѣпостное устройство. На это устройство напали они не потому, чтобъ оно было худшею частью нашего государственнаго быта. Нѣтъ; но потому, что, не смотря на ея недостатки, помѣщичья власть есть лучшая и сильнѣйшая государственная подпора. Поземельная собственность помѣщиковъ кормитъ государство и даетъ матеріальныя и нравственныя силы къ его оборонѣ. Слѣдовательно должно лежать въ видахъ крамольныхъ ниспровергнуть ее, чтобъ можно было удобнѣе справиться съ государствомъ. Это весьма хорошо поняли ищущіе паденія Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, можно бы безъ особеннаго затрудненія постепенно исправить зло, вкравшееся, чрезъ ошибочное направленіе законодательства, въ крѣпостное устройство, и тѣмъ усилить преданность всѣхъ сословій къ Престолу, сохранить добрыя отношенія между сословіями и удесятерить силы государства. Государь въ рескриптѣ своемъ воззрѣлъ именно съ этой точки на предметъ.

Его Величество желалъ улучшенія безъ разстройства и переворотовъ; но не того желаютъ двуличные дѣятели: имъ нужно оторвать дворянство отъ Престола и разрознить его съ народомъ, посѣять раздоръ, разорить финансы, расшатать весь остовъ государственный. Тогда паденіе Россіи совершится само собою.

Враги наши во всеуслышаніе повторяютъ о необходимости пролитія крови, о томъ, что безъ жертвъ великіе перевороты не совершаются, что только кровь можетъ служить цементомъ для замышляемаго ими зданія. Такими возгласами, заученными и перенятыми у иностранныхъ революціонеровъ, они придаютъ себѣ видъ глубокихъ политиковъ, готовыхъ жертвовать человѣкомъ для человѣчества.

Трудъ этихъ дѣятелей поставленъ подъ фирму людей, которые кажутся лично преданными отечеству и желающими достигнуть правильнаго окончанія принятаго ими на себя, но не по силѣ ихъ, дѣла. Но сими благонамѣренными, по непостижимымъ причинамъ, управляютъ тѣже предпріимчивые дѣятели; управляютъ ими даже и тогда, когда творящееся зло болѣе чѣмъ очевидно. Надъ ними какъ будто тяготѣетъ неразгаданное еще вліяніе. Конечно голова, наилучше устроенная, являетъ слабости, уловляемыя софизмами; въ сердцѣ самомъ возвышенномъ можетъ таиться природная склонность не сознаваться въ своей ошибкѣ. Но въ попыткахъ и предпріятіяхъ по настоящему преобразовательному вопросу обнаруживается, кромѣ общихъ недостатковъ, сопряженныхъ съ каждымъ человѣческимъ дѣломъ, еще *нѣчто особенное*. Это особенное является уже не *недостаткомъ*, а чѣмъ-то стройнымъ и хорошо обдуманнымъ. Зря и сознательно государство ведется на гибель, какъ бы на пиръ. Начавшееся во многихъ частяхъ распаденіе

не приводитъ двигателей въ смущеніе; они передъ нимъ торжествуютъ, какъ передъ давно желаннымъ плодомъ своихъ стараній. Имъ нуженъ переворотъ, ибо переворотъ въ Россіи значитъ *распаденіе*. Вотъ для чего рескриптъ Государя затертъ и потопленъ въ наплывѣ противорѣчащихъ ему, объявляемыхъ высочайшихъ повелѣній и административныхъ распоряженій. *Вотъ для чего искажено повелѣніе Государя о созывѣ депутатовъ.*

„Вздоръ".

Вотъ для чего оскорбляютъ дворянство на каждомъ шагу, а въ простомъ народѣ возбуждаютъ зловредные толки.

Въ глазахъ ближайшихъ дѣятелей является цѣлью установленіе *конституціи*. Пошлое названіе вздорной мысли, пущенной въ ходъ крикунами прошлаго столѣтія! Неужели достаточно написать тетрадь правилъ, утвержденныхъ верховной властью болѣе или менѣе добровольно, и въ которыхъ будетъ предположено установить (какъ о томъ мечталъ Сперанскій) палаты перовъ и депутатовъ, отвѣтственность министровъ и проч., чтобы осуществилась конституція?

Устройство управленія, или такъ называемая конституція, обусловливается потребностями и нравами народа, а не произволомъ кого бы то ни было. Мы видѣли часто, что конституціи сочиненныя партіями и даже державными властями подъ вліяніемъ личныхъ воззрѣній, изчезали также скоро, какъ составлялись, производя одни смуты и безпорядки. Конституція, или опредѣленное устройство управленія, и нынѣ существуетъ въ Россіи, но только находится въ самомъ жалкомъ положеніи. А это произошло отъ того, что она складывалась, въ послѣдній періодъ нашей исторіи, силою великой воли на перекоръ во многомъ Русской народности. Однако, конституція эта еще держится, имѣя въ основаніи элементъ, который для Русскихъ нечуждъ: *самодержавіе*. Если эту конституцію, дряблую, но заключающую въ себѣ здоровый элементъ, замѣнить сочиненіями дѣйствующихъ теперь людей, вооруженныхъ происками и побуждаемыхъ себялюбіемъ, то гибель государства неотразима. Въ такомъ *ходѣ* и *исходѣ* сомнѣваться нельзя.

Сочинители конституцій, по образцамъ Запада, полагаютъ дойти до своихъ цѣлей избраннымъ нынѣ путемъ. *Теперь они стараются*

„Кто они?"

двинуть мнимыхъ депутатовъ, посредствомъ введенныхъ между ними агентовъ, къ представленію адреса, въ которомъ испрашивалась бы перемѣна всего порядка управленія. Одни, можетъ быть, увлека-

ются къ этому добросовѣстно, пораженные хаосомъ и своеволіемъ, такъ рѣзко и ясно выразившимся при обсуждаемомъ нынѣ дѣлѣ; другіе хотятъ только, въ лицѣ депутатовъ, опорочить дворянство предъ Государемъ, оправдать свои ложные доносы и тѣмъ вырвать согласіе на утвержденіе мѣръ, которыя произвели бы взрывъ общаго негодованія. Тѣ и другіе, безъ сомнѣнія, суть только слѣпыя орудія, думающія дѣйствовать самостоятельно и не знающія конечной цѣли своихъ дѣйствій. Къ счастію большинство депутатовъ не подалось на такіе происки. Но пусть въ это вникнутъ тѣ, которые должны имѣть средства развѣдать замыселъ.

Обращаясь къ обсуждаемому вопросу объ улучшеніи быта крестьянъ, полагаю необходимымъ, чтобы выдти сколько нибудь изъ лабиринта, въ которомъ блуждаютъ, исполнить первоначальное повелѣніе Государя и собрать въ Главный Комитетъ *настоящихъ* выборныхъ отъ *комитетовъ*, а не подставныхъ партіями. Симъ выборнымъ и поручить разсмотрѣніе соображеній Редакціонной Комиссіи. *Между тѣмъ обуздать Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и Редакціонную Комиссію въ ихъ самовольныхъ дѣйствіяхъ.*

„Надобно начать съ того, чтобы его самого обуздать",

Безъ всякаго сомнѣнія несравненно лучше бы было потребовать выборныхъ отъ губерній и къ нимъ присоединить депутатовъ отъ комитетовъ.

„Т.-е. чтобы произвести еще большій *хаосъ*".

Тогда бы было полное право на предложеніе нужныхъ мѣръ и опредѣленіе законнымъ образомъ потребныхъ отъ дворянства пожертвованій.

Но какъ надѣяться, чтобы правительство, *шедшее все это время разными извилистыми тропами,*

„Непомѣрная наглость"

избрало этотъ прямой, широкій и ясный путь, *на которомъ нельзя проявляться партіямъ и интригамъ безъ немедленнаго обличенія?*

„Лучшимъ примѣромъ противнаго служатъ самые губернскіе комитеты".

Полагаю необходимымъ прибавить еще одно замѣчаніе: *собраніе выборныхъ есть природный элементъ самодержавія.*

„Хорошъ софизмъ!"

Въ немъ только оно можетъ освѣжать силы свои и находить нужный свѣтъ. Власть не стѣсняется въ своей силѣ таковымъ собраніемъ, а получаетъ вѣрныя, правильныя понятія о томъ, что̀ ей надо дѣлать для блага государственнаго. Нѣкоторые, добросовѣстные впрочемъ, люди думаютъ въ семъ отношеніи различно: одни, что собраніе выборныхъ будетъ какимъ-то собраніемъ штатовъ, другіе, что оно разрушитъ самодержавіе. Первые говорятъ такъ, примѣняя заграничныя мысли къ Россіи; вторые совсѣмъ не знаютъ Русской исторіи, Русскаго народа и, главное, *не понимаютъ, что̀ такое самодержавіе.*

„Онъ видно хорошо это понимаетъ“.

Неужели люди здравомыслящіе могутъ воображать, что самодержавіе есть право дѣлать все и какъ вздумается? Тогда было бы не управленіе, а беззаконіе и хаосъ. Самъ Всемогущій Творецъ хранитъ законы, Имъ созданные, а верховная власть человѣческая не можетъ уклониться отъ того же начала, безъ потери своего значенія?

Самодержавіе иначе и быть не можетъ какъ властью, облеченною полнымъ довѣріемъ подвластныхъ, съ силою, охраняющею законы, на основаніи коихъ бытіе этихъ подвластныхъ зиждется. Довѣріе не даетъ права нарушать то, что̀ довѣрено; сила для сохраненія данная, не даетъ права посягать на то, что̀ ввѣрено сохраненію; слѣдовательно, самодержавіе не должно считать себя безграничнымъ, ибо оно имѣетъ обязанности предъ государствомъ, къ исполненію коихъ должно имѣть постоянное, неуклонное направленіе. Дабы достигнуть возможности исполнить обязанности, съ самодержавіемъ сопряженныя, надо имѣть возможность слышать отъ государства, въ чемъ состоятъ его потребности. Для этого у насъ на Руси были выборные отъ земли, которые, не ослабляя нисколько силы власти, доставляли ей возможность узнать, къ чему и какъ эту силу примѣнить. Выборные даютъ власти значеніе самодержавія; безъ нихъ оно имѣетъ характеръ своеволія, не смотря на благія ея намѣренія, идетъ ощупью и путается въ сѣтяхъ, разставляемыхъ бюрократіею, которая вмѣсто того, чтобъ быть орудіемъ власти, дѣлается ея двигателемъ и руководителемъ.

Право земли Русской имѣть выборныхъ для совѣта верховной власти существуетъ нынѣ также, какъ существовало прежде. Отнять его никто не можетъ: оно право первосозданное отъ начала бытія народа Русскаго *). Выборныхъ можно не созывать; мысль о нихъ можно

*) На подлинномъ рукою Государя напечатанныя слова подчеркнуты курзивомъ карандашемъ и противъ нихъ поставлено: „!!!“

затемнять, но вырвать самое право—внѣ силъ человѣческихъ. Можетъ быть когда-либо случится, что необходимость самосохраненія соберетъ выборныхъ также, какъ она ихъ, при государственныхъ опасностяхъ, собирала. Прискорбно будетъ дожить до такого времени; но радостно будетъ, если, не выжидая тяжелыхъ событій, верховная власть созоветъ около себя родныхъ, законныхъ своихъ совѣтниковъ, и съ ними, возстановя на твердыхъ основаніяхъ колеблющійся нынѣ порядокъ государственный, *вновь воздвигнетъ уроненное своеволіемъ самодержавіе* *).

Изъ хода предпринятаго преобразованія мы видимъ, какъ мало осталось самодержавія во власти верховной. Государь велитъ собрать депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, а ему подставляютъ агентовъ отъ администраціи. Государь требуетъ улучшенія, а предпринимается переворотъ. Примѣры подобные неновы; таковыхъ можно привести множество и за прошедшія царствованія. Они доказываютъ, что для верховной власти въ Россіи хотѣть и имѣть возможность исполнить—двѣ вещи совершенно разныя.

Дворянство горячо сочувствуетъ Государю, оно доказало готовность свою исполнить волю его.

„Хорошо доказало!“

Но какое можетъ оно оказать содѣйствіе, когда между нимъ и Государемъ сближеніе невозможно? На стражѣ вокругъ престола стоитъ бюрократія въ сообщничествѣ (сознательно и безсознательно) съ такъ называемыми красными и поражаетъ всѣхъ уловливаемыми высочайшими повелѣніями. Попытки разныхъ возмутителей не удались у насъ въ свое время, потому что у нихъ не было достаточныхъ связей въ правленіи. Послѣдователи ихъ воспользовались уроками опыта; постепенно, тайкомъ выдвигая другъ друга, они овладѣли нѣкоторыми отраслями управленія, заняли сперва невидныя, но самыя нужныя должности, взобрались и выше, и теперь силою управленія дѣлаютъ то чего хотѣли, но не смогли сдѣлать ихъ предшественники.

Отнявъ у дворянъ возможность дать труду, на него возложенному, правильное развитіе, стиснувъ этотъ трудъ въ форму совершенно непрактической программы, спеленавъ губернскіе комитеты вліяніемъ

---

*) Тѣже знаки восклицанія.

членовъ отъ правительства и вмѣшательствомъ власти административной, велемудрые преобразователи порицаютъ теперь трудъ дворянства, обвиняютъ его въ недобросовѣстности и въ намѣреніи уклониться отъ исполненія желаній Государя и клеймятъ людей, противуставляющихъ какую либо препону революціоннымъ направленіямъ, пошлыми прозвищами крѣпостниковъ и плантаторовъ, себя величаютъ именемъ передовыхъ, постигнувшихъ потребности вѣка, тогда какъ они волочатся по колеѣ, прорытой сумазбродами, приговоренными передъ судомъ разума міра просвѣщеннаго. Въ личныхъ проявленіяхъ царской воли блистаетъ яркій, согрѣвающій лучъ высокихъ чувствъ; ко всякому его проблеску жадно обращаются взоры Русскихъ, исполненныхъ надежды и упованія. Но тучи бюрократическія скоро его заволакиваютъ, подобно тучамъ саранчи, затмѣвающимъ солнце.

Болѣе распространяться не буду. Считая мысль мою полезною, я выразилъ ее, какъ умѣлъ, и желаю, чтобы она дошла до Государя. *Да убѣдится Онъ, что въ рядахъ дворянства бьются сердца, жаждущія пользы отечества и славы престола и не помышляющія о своихъ личныхъ выгодахъ, и что если они желаютъ видѣть собраніе выборныхъ отъ земли у подножія престола, то это для того, чтобъ узрѣть самодержавіе въ полномъ его величіи и силѣ, какъ непремѣнное и необходимое условіе блага отечества и твердости государства.*

„Онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе“.

АНЕКДОТЪ О ВРОНЧЕНКѢ.

Ѳ. П. Вронченко, сынъ Могилевскаго священника, достигъ извѣстности долгою, усердной службою. Его оцѣнилъ Канкринъ, при которомъ онъ долго былъ директоромъ кредитной канцеляріи. По кончинѣ Канкрина Николай Павловичъ назначилъ его министромъ финансовъ. Старый холостякъ, безъ всякаго внѣшняго лоску и связей, чувствовалъ себя неловкимъ въ придворномъ кругу. Однажды, на первыхъ порахъ, входитъ онъ въ кабинетъ Государя съ докладомъ и не находитъ въ немъ Государя, который на минуту отлучился. Въ кабинетѣ былъ другой министръ, князь ***. Въ ожиданіи Государя, говоритъ онъ Канкрину: У васъ, Ѳедоръ Павловичъ, говорятъ, отличный табакъ; позвольте-ка попробовать. Вронченко досталъ табакерку, и въ ту минуту, какъ раскрывалъ ее, входитъ Государь. Руки у Вронченки задрожали, табакъ разсыпался, а князь *** расхохотался. Николай Павловичъ принялъ торжественный видъ и внушительно сказалъ: „Стыдно, князь, стыдно! Стыдно смѣяться надъ чувствомъ вѣрноподданнаго къ своему Государю“.

Самъ Вронченко разсказывалъ о томъ своему пріятелю.

ПОПРАВКИ.

Рѣка Цалка въ Запискахъ Н. Н. Муравьева ошибочно напечатана во многихъ мѣстахъ Цалной.

Въ 7-й книжкѣ, стр. 327, вмѣсто Ловати слѣдуетъ Ловани.

Стр. 331, вмѣсто Казалинци—Казанинци.

Стр. 332, см. Демургасова—Демучисала.

Въ 8-й книжкѣ, стр. 506, строка 21, вмѣсто: и съ людей, надо: и съ лодей.

Вмѣсто печи кофейныя—печи кафельныя.

Въ 9-й книжкѣ, стр. 175, вмѣсто Кирхėннауеръ, слѣдуетъ Кирхенпауеръ.

Въ 10-й книжкѣ, стр. 194, вмѣсто Цинсеарской, слѣдуетъ Цинскарской.

Слесарнымъ мастеромъ при постройкѣ Кіевскаго моста былъ не самъ Виньольсъ, а сынъ его.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1849—1850.

Венгерскій походъ.—Жизнь въ Петербургѣ.

27 Іюля. Лосонжъ. Авангардъ возвратился къ вечеру безъ успѣха. Плѣнные офицеры уведены далѣе.

28-го Іюля. Фельдмаршалъ имѣлъ подъ Дебречиномъ дѣло съ однимъ аріергардомъ, подъ начальствомъ Надчандера. Гёрге въ это время уходилъ. Не смотря на то, имѣя пять дивизій подъ рукой, онъ удовольствовался въ продолженіе осьми часовъ одною канонадой и атакой музульманъ на батарею, вмѣсто истребленія аріергарда рѣшительнымъ наступленіемъ.—Густой дымъ покрываетъ пожарище города.—Въ 11 ч. парадъ всѣмъ войскамъ. Этимъ прерваны впечатлѣнія роковаго вчерашняго дня, и разговорамъ даны новые предметы. Успокоеніе не безъ грусти. Дворъ мой полонъ семействами изъ сгорѣвшаго города.—Началъ «Адъ», Данта. Надо вчитаться, чтобы оцѣнить.—Посѣщеніе добраго брата Петра, заставшаго меня въ саду. Кроткое его лицо наводитъ на меня успокоеніе.

29-го Іюля. Небольшой переходъ до Лонгобанія; жаркій день. Встрѣча съ баталіономъ Симбирскаго егерскаго полка и командой выздоровѣвшихъ, изъ Розенберга, съ частію подвижнаго магазина; люди здоровые и сбереженые. Стою у лютеранскаго пастора, молодаго человѣка и отчаяннаго революціонера. Грозное привѣтствіе ему; но молодъ, опомнится.—Страуса Das Leben Jesu, столько шуму надѣлавшее; введеніе отлично написанное, примѣчательная сильная діалектика. Критическій разборъ священныхъ книгъ Стараго и Новаго Завѣта. Послѣ обѣда продолжительный разговоръ.—Женщины простаго класса въ Венгріи даже въ городахъ ходятъ босыя; также въ изъявленіе благодарности цѣлуютъ

вамъ руку мущины и женщины. По сіе время отъ границъ Галиціи до Ваги, Дуная и Тейссе, на пространствѣ нами пройденномъ, не только почтовыя, но и второстепенныя дороги связаны отлично устроенными шоссе; послѣднія только поуже. Они такъ хороши, что, не смотря на прекращеніе всякаго исправленія и даже заготовленія для этого камня, они еще мало испортились. На дорогахъ нѣтъ никакихъ означеній разстоянія, какъ у насъ верстовые столбы. Земледѣліе и сельское хозяйство можно назвать въ цвѣтущемъ состояніи. Арвскій комитатъ, почитаемый однимъ изъ бѣднѣйшихъ въ Венгріи, развѣ сравнительно можно назвать бѣднымъ: дома хорошо выстроены, снабжены необходимымъ для хозяйства, огороды тщательно обработаны, овощи разнообразны, картофель сѣется въ большихъ размѣрахъ въ полѣ. По большому населенію, земли удобной для хлѣбопашества, конечно, недостаточно; за то народъ занимается разными промыслами: много выработывается кромѣ собственнаго употребленія на продажу хорошаго холста. Скотоводство довольно значительное. Все это вовсе несходно съ понятіями о Венгріи, принятыми не только у насъ, но и въ остальной Европѣ. Во всякомъ случаѣ, чѣмъ бы ни кончилась настоящая война, въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ готовится важный переворотъ, въ родѣ Галиційскаго. Послѣдніе не хотятъ болѣе оставаться въ зависимости отъ помѣщиковъ, отказываются отъ работъ полевыхъ и почитаютъ земли, теперь ими владѣемыя, своею собственностію безъ обязанности вознагражденія за нихъ работою. Прежній порядокъ возстановить будетъ трудно и едва ли возможно. Давно хотѣлъ сдѣлать эти замѣтки; но не было времени.

30-го Іюля. Переходъ въ Детву, несносный отъ чрезвычайной пыли. Безпорядокъ отъ запоздалаго выступленія авангарда и незнанія своего дѣла офицеровъ генер. штаба. Припадокъ гнѣва. Фельдфебель на возвратномъ пути изъ Варшавы съ письмомъ ко мнѣ барона Ливена, захваченный герилласами въ Лосонжѣ, отпущенъ ими въ первыя минуты ужаса при видѣ запылавшаго Лосонжа изъ лѣсу, гдѣ они укрывались. Онъ не успѣлъ уничтожить депешей; тамъ были вѣроятно письма отъ сына.—Хорошая квартира въ устрашенной и преступной Детвѣ. За обѣдомъ хозяйскимъ отличное Токайское вино.—Въ Лонгобаніи у пастора купилъ два тома сочиненій Страуса.—Благотворный дождь смочилъ

нестерпимую пыль и освѣжилъ воздухъ.— Невѣроятно показаніе фельдфебеля, вышедшаго изъ рукъ герилласовъ, будто, кромѣ двухъ офицеровъ, убитыхъ въ минуту нападенія на нихъ въ трактирѣ въ Лосонжѣ, гдѣ они обѣдали, остальные шесть, захваченные въ плѣнъ, побиты герилласами послѣ. Тогда городъ заслужилъ свою страшную кару. Почти вся его молодежь служитъ у герилласовъ, болѣе двухъ сотъ.—Здѣсь племя Словаковъ полу-дикихъ, но виднѣе собою чѣмъ Словаки, по сіе время попадавшіеся. Природные Венгры далеко превосходятъ ихъ красивою наружностію, высокимъ ростомъ и нарядною одеждою. Здѣсь у всѣхъ мущинъ волосы съ висковъ завиты въ плетешки и висятъ до плечъ или задѣты за ушами, словомъ, песики, какъ нѣкогда носили въ арміяхъ гусары. Грязныя бараньи куртки на плечахъ; рубашка только до живота, часто не покрывающая даже всей груди. Ходятъ частію босые или носятъ родъ сандалій остроконечныхъ. Дома выстроены хорошо и правильно изъ лимпача, много безъ трубъ, а печь выведена подъ высокую крышку, чрезъ латки которой проходитъ дымъ.

31-го Іюля. Въ Детвѣ было спокойно; въ войскахъ возстановляется порядокъ, разстроенный форсированными маршами, въ особенности пожаромъ и грабежемъ Лосонжа. Переходъ 22 версты до Алтзоля. За три версты прекрасный видъ на древній замокъ близъ города. Остановился въ гостепріимномъ домѣ Флемминга, возвратившагося изъ Вѣны. Венгерскій его столъ и отличное Токайское вино. Большіе подвозы муки, водки и овса изъ Алзокубина. Коморнскій гарнизонъ опять овладѣлъ лѣвымъ берегомъ Дуная и Вааги, вытѣснивъ Австрійцевъ за послѣднюю. Извѣстіе, кажется, вѣрное, о взятіи Австрійцами Шегедина.

2 (14) Августа. Постыдное дѣло въ казачьемъ полку. Похищенные бриліанты. Сегодня нарядилъ слѣдствіе, презусомъ г.-м. Быковскаго. Примѣръ необходимъ. Вечеромъ вчера навѣстилъ больнаго г.-л. Ховена; зашелъ въ зáмокъ; живописный оттуда видъ, оживленный красивымъ лагеремъ. Готовлю письма сыну, б. Ливену, донесеніе Государю. Сегодня еще два козака убито герилласами, третій воротился безъ лошади. Удушающіе жары; хорошо, что стоимъ на мѣстѣ.

3 (15) Августа. Сегодня отправленъ Маевскій въ Варшаву. Выступили два батальона Нижегородскаго полка для занятія Ра-

китаца, Нейзоля, Осады, Розенберга и Кубина, этапы нашихъ сообщеній.—По общему ли свойству человѣческой природы или по личнымъ причинамъ, но пробудилось въ душѣ сильное желаніе выдти изъ этой галеры, не смотря на то, что наступаетъ только третій мѣсяцъ кампаніи. Чтò за генералы! Чтò за уродливыя ошибки главнаго начальника, сводящія насъ съ первой ступени военной державы! И это при такой арміи и матеріальномъ ея составѣ! И съ кѣмъ я долженъ работать, не имѣя предварительно устроеннаго и испытаннаго штаба? Конецъ этой войны, вѣроятно близкій по безсилію непріятеля и неустройству всего чтò нужно для упорнаго продолженія войны противъ двухъ имперій, оставить память на счетъ подробностей ея веденія и способности начальниковъ. Въ войнѣ, болѣе ровной, послѣдствіе этого можетъ быть пагубно.

4 (16) Августа. Вчера, по извѣстію, вечеромъ полученному, что герилласы намѣрены эту ночь напасть на Шемницъ, чтобы захватить казну, послалъ туда сотню козаковъ и батальонъ Симбирскаго полка съ двумя орудіями. Сегодня же утромъ въ СентъКерештъ выступили остальные три батальона того же полка съ десятью орудіями легкой № 8 батареи. Так. образомъ они въ порядкѣ и противъ войскъ вышедшаго Коморнскаго гарнизона. Съ отрядомъ же я выступилъ въ 7 ч. утра въ Нейзоль, покуда все еще по программѣ фельдмаршала. Хороша широкая и селами усѣянная долина быстраго и шумящаго Грана. Между тѣмъ какъ войска тянулись по шоссе, я проѣхалъ весь переходъ по правому луговому берегу его. Горы довольно высокія, но крутыя и лѣсомъ покрытыя, убѣжища герилласовъ, подходятъ большею частію до самаго лѣваго берега. Нѣсколько мостовъ сожжено Венгерцами; приказалъ ихъ исправить немедленно. Короткій, пріятный привалъ подъ деревьями на берегу. Нейзоль—богатый, торговый, хорошо обстроенный городъ. Принятъ въ домѣ епископа, гдѣ помѣстился и весь штабъ мой. Рѣчь депутаціи отъ города; отвѣтъ ей ободрительный. Пестская газета отъ 31 Іюля (12 Августа) наконецъ доставила свѣдѣніе о совершенномъ оттѣсненіи Австрійскихъ войскъ съ обѣихъ сторонъ Дуная противъ Коморна съ большимъ урономъ. Венгерцы угрожаютъ даже Пресбургу, въ которомъ собираются однако подкрѣпленія г-лу Чориху. Хотя связанный предписаніями фельдмаршала, пошелъ бы тотчасъ на помощь

къ нимъ; но пополненіе снарядовъ изъ летучаго парка, ко мнѣ идущаго и сухарей на 13 дней по крайней мѣрѣ, удержать меня здѣсь еще нѣсколько дней. Между тѣмъ узнаю волю Государя; войска обошьются, получать вѣроятно жалованье, очень для нихъ нужное. Если мы мало дрались, то много и быстро выходили. И Австрійцы, быть можетъ, не тотчасъ начнутъ свои наступательныя дѣйствія. Коморнъ доказалъ важность сильныхъ крѣпостей, въ которой такъ многіе начинали сомнѣваться. Однѣ крѣпости не спасутъ, но онѣ сильно способствуютъ дѣйствіямъ армій. Укрѣпленный Парижъ могъ бы спасти Наполеона; онъ самъ это чувствовалъ и сказалъ.

5 (17) Августа. Нейзоль. Поутру верхомъ въ лагерь. Строгое замѣчаніе об.-кварт. за несоблюденіе выгодъ войскъ при расположеніи ихъ, также за неисполненіе приказанія свести баталіонъ съ площади, оставивъ одну роту. Безсонница. Послѣ обѣда предписаніе фельдмаршала разбросать отрядъ по краю малыми частьми, для усмиренія герилласовъ. Вѣрный способъ уничтожить не герилласовъ, а собственныя войска, давая первымъ возможность къ предпріятіямъ противъ слабыхъ отрядовъ, о которыхъ они доселѣ и помышлять не смѣли. Намъ въ отношеніи ихъ должно только обезпечить необходимыя пути сообщенія, сохраняя возможность въ случаѣ потребности быстрымъ соединеніемъ всѣхъ частей быть готовыми и способными на важныя военныя предпріятія. Система фельдмаршала послѣднюю цѣль вовсе уничтожаетъ и, не обезпечивая края отъ герилласовъ, созидаетъ для нихъ лучшее поле дѣйствія, какого они желать могутъ. Къ тому же дѣла подъ Коморномъ въ такомъ положеніи, что содѣйствіе отряда Государь вѣроятно признаетъ необходимымъ. Объясню и пошлю завтра или рано послѣ завтра ф.-а. кн. Голицына въ Варшаву. Но какъ трудно и опасно мое положеніе противъ фельдмаршала!—Лидерсъ имѣлъ хорошее дѣло противъ Бема, но Скарятинъ убитъ. Мнѣ жаль этого благороднаго человѣка, котораго служба шла такъ счастливо. Государь огорчится его потерей.—Вечеромъ двѣ музыки на площади и довольно народу.—Венгерцы въ Молдавіи. Какъ все сбывается!

7 (19) Августа. Нейзоль. Вчера по случаю перваго торжества рожденія императора Австрійскаго Франца-Іосифа принималъ поздравленія отъ города, присутствовалъ на богослуженіи въ ка-

толическомъ соборѣ замка. Зданіе древнее, благороднаго и строгаго стиля; живопись соотвѣтствующая. Жителей было мало; бо̀льшая часть принадлежитъ противной Австрійскому правительству сторонѣ. Прямо изъ церкви на парадъ Муромскаго полка на городской площади. Молебенъ по случаю полковаго праздника съ колѣнопреклоненіемъ и торжество настоящаго праздника рожденія императора Австрійскаго съ пальбою при большомъ стеченіи народа. Церемоніальный маршъ. Въ 4 ч. городъ далъ намъ большой обѣдъ въ ратушѣ, тоже древнемъ и значительномъ зданіи. Тосты на разныхъ языкахъ и духъ непріязненныхъ народностей начиналъ было къ концу громко выражаться. Поздно уже разошлись. Сегодня отправилъ князя Голицына, флигель-адъютанта, въ Варшаву съ донесеніемъ Государю, письмомъ къ барону Ливену, къ сыну и къ кн. Виктору Васильчикову.—Здоровье мое разстроено уже замѣтно.—До обѣда пріѣхалъ Австрійскій подполковникъ баронъ Габленцъ и съ нимъ два офицера; онъ привезъ мнѣ письмо отъ г. Медема изъ Вѣны и пріятныя извѣстія объ успѣхахъ большой Австрійской арміи. Баронъ Гайнау разбилъ подъ Темесваромъ соединенныя силы Венгерцевъ. Гёрге въ безпорядкѣ отступилъ въ Арадъ; онъ вступилъ въ переговоры за всю Венгрію, какъ диктаторъ. Кошутъ ушелъ въ Турцію. Панютинъ назначенъ начальникомъ 2-го корпуса.—За обѣдомъ еще Австрійскій офицеръ графъ Валленштейнъ съ письмомъ военнаго министра графа Гіулая, принявшаго начальство надъ бывшимъ корпусомъ Чориха, много усиленнымъ. Онъ надѣется и проситъ моего содѣйствія; а я связанъ нелѣпымъ предписаніемъ фельдмаршала. Надѣюсь скоро быть развязанъ высочайшимъ разрѣшеніемъ въ отвѣтъ на донесеніе, еще изъ Алтзоля съ Маевскимъ отправленное сегодня съ изложеніемъ новыхъ обстоятельствъ повторенное. Все это однако можетъ продлиться, а Австрійцы вчера должны были начать наступательныя дѣйствія изъ Пресбурга и Рааба. Могъ бы и болѣе взять на свои плечи, но снаряды и сухари еще не прибыли къ отряду: и тѣ и другіе необходимы.

8 (20) Августа. Отвѣтъ графу Гіулаю. Гроза и проливной дождь. Трудности продовольствія. Кавалерія на бивакахъ безъ соломы; побужденіе штабу за это. Донесеніе изъ Св. Креста. Венгерцы въ Уполи-Шагѣ, въ 8 миляхъ отъ Шемница. Благодарственный адресъ отъ сего послѣдняго города за занятіе войсками.

Слухъ о капитуляціи Гёрге. Вечеромъ баронъ Габленцъ; основательныя и энергическія сужденія его.

9 (21) Августа. Утромъ визитъ ландкомисару Маттіасу и барону Габленцу, также брату. Нѣсколько страницъ изъ Данте. Оффиціальное извѣстіе съ Австрійскимъ офицеромъ, изъ Вѣны ко мнѣ присланное, что баронъ Гайнау съ курьеромъ доноситъ императору о безусловной сдачѣ Гёрге съ арміей отъ 30 — 40 тысячъ, при Вилагосѣ, 13-го текущаго мѣсяца. Вечеромъ двѣ музыки на площади. Поутру былъ большой и мирный рынокъ. Замѣчу странную противоположность, которая въ Венгріи вездѣ въ глаза бросается: народъ вообще рослый, а кровати вездѣ короткія.

10 (22) Августа. Въ 12 ч. смотръ войскамъ въ мундирахъ и ранцахъ въ присутствіи Австрійскихъ офицеровъ. Войска представились отлично; все вмѣстѣ: красивая долина Грана, толпы зрителей, покрывавшія ближніе холмы, горы, покрытыя лѣсомъ, составлявшія раму, городъ, живописно замыкавшій передъ нами долину и блестящій строй войскъ среди всего этого, составили живописную картину, достойную искусной кисти. Это замѣчаніе было сдѣлано барономъ Габленцомъ. — Курьеръ въ Вѣну, съ которымъ не успѣлъ написать писемъ въ отвѣтъ гр. Медему и гр. Вальмодену. Не откладывать однако на долго.—Послѣ обѣда какая-то неодолимая тоска овладѣла мною. Не слишкомъ ли много шуму надѣлано, когда о многомъ можно было молчать или писать умѣреннѣе? Опять, быть можетъ, испорчено все, что̀ было сдѣлано хорошаго и заслужило столько выраженій одобренія Государя. Вмѣшалась и грусть долгой, особливо показавшейся долгою разлуки со своими. Но давно-ли? Въ концѣ Марта видѣлъ всѣхъ. Столько произошло въ эти пять мѣсяцевъ перемѣнъ мѣста, положеній, происшествій, которыя позволено, кажется, назвать важными и въ которыхъ я былъ лицемъ первымъ или участвующимъ, что трудно согласить это съ короткостію времени, все это вмѣщающаго. Близка и развязка. Ужели въ затрудненіяхъ домашнихъ все останется по прежнему? Но лишь бы увидѣть еще, отдохнуть среди семейства. Предоставлю это Провидѣнію. Я забылъ, что Государю не трудно разлучить меня съ мстительнымъ фельдмаршаломъ— различными назначеніями, не по одному военному поприщу.

13) 25) Августа. Лева или Левенцъ. Не легко припомнить впечатлѣнія прошедшихъ трехъ дней. Я не кончилъ еще послѣд-

няго слова замѣтокъ Среды, какъ вошелъ ко мнѣ уже поздно ф.-а. Исаковъ, отправленный недѣли двѣ тому штабсъ-капитаномъ съ донесеніемъ о дѣлѣ при Гестели и возвратившійся подполковникомъ изъ Варшавы. Государь, послѣ безусловной сдачи Гёргея съ большею частію арміи, отправилъ Исакова ко мнѣ чрезъ Коморнъ съ предложеніемъ начальствующему тамъ Клапкѣ, для избѣжанія вовсе безцѣльнаго пролитія крови, заключить перемиріе, на что онъ изъ уваженія къ желанію Государя тотчасъ согласился на двѣ недѣли. Любопытныя подробности различія въ пріемѣ, ему и Австрійскому посланному сдѣланномъ. Венгерцы изъявили желаніе имѣть дѣло съ одними Русскими и потому со мною, какъ со старшимъ здѣсь изъ нашихъ генераловъ. Государь словесно чрезъ Исакова повелѣлъ мнѣ, минуя и отложивъ всѣ прежнія распоряженія, двинуться къ Коморну. Я выступилъ на другой же день 11-го изъ Нейзоля до Шемница, 6 большихъ миль; погода была туманная и дождливая. Въ первый разъ въ продолженіе семнадцати кампаній, не совсѣмъ здоровый къ тому, я сѣлъ въ карету, служившею до того только для поклажи; но не утерпѣлъ и на послѣдней половинѣ перехода сѣлъ верхомъ и такъ доѣхалъ до Шемница, награжденный любопытства стоющими видами, на пути къ этому горному городу, необыкновенно живописно расположенному. Церковь почти Византійскаго стиля на отдѣльной высокой горѣ напомнила мнѣ Кіевскую Св. Андрея. Я остановился въ городѣ въ весьма удобной квартирѣ, въ домѣ главнаго директора всѣхъ окружныхъ горныхъ заводовъ, гдѣ явилась ко мнѣ отъ города депутація съ изъявленіемъ благодарности за присылку къ нимъ войскъ по первой ихъ просьбѣ, въ Алтзоль ко мнѣ присланной, и за примѣрное ихъ поведеніе. 12-го я выступилъ съ кавалеріей и Симбирскимъ егерскимъ полкомъ при безпрерывномъ дождѣ до Бата. Не смотря на отчаянную каменистую и чрезвычайно гористую тяжкую дорогу и дождь съ туманомъ, этотъ переходъ останется для меня пріятно-памятенъ видами рѣдкими, необыкновенно замѣчательными, дико-горною природою и живописно повсюду разбросанными красивыми селеніями и отдѣльными жилищами. Здѣсь истинному живописцу были бы рѣдкія находки для кисти во всѣ часы дня и при всякомъ состояніи неба.—Кавалерія много потерпѣла и подалась въ эти два перехода, безъ овса, по внезапности выступленія и отставшему обозу, и подбилась

отъ испорченной продолжительнымъ дождемъ и безъ того камнями усѣянной дороги. Переходъ былъ 4 мили до Бата. Тамъ меня ожидалъ высланный ко мнѣ съ письмомъ отъ Клапки и для переговоровъ князь Павелъ Эстергази. Онъ предлагалъ сдачу Коморна мимо Австрійцевъ на условіяхъ, которыхъ я права не имѣю принять, угадывая на этотъ счетъ волю Государя. Продолжительная около четырехъ часовъ наединѣ съ нимъ конференція. Не смотря на отказъ, кажется, онъ оставилъ меня довольный пріемомъ и объясненіями. Это важное дѣло можетъ еще получить счастливый исходъ, для меня въ такомъ случаѣ необыкновенно счастливый. Въ четыре мѣсяца миссія Константинополя и эта послѣдняя! Но мало ласкаю себя надеждой; тутъ вѣроятно вмѣшается враждебный мнѣ фельдмаршалъ, чтобы не предоставить мнѣ этой чести. Поздно вечеромъ графъ Эстергази уѣхалъ съ моимъ словеснымъ отвѣтомъ. Сегодня я сдѣлалъ съ авангардомъ небольшой и пріятный переходъ сюда, гдѣ принятъ въ домѣ порядочныхъ людей. Хозяинъ управляетъ значительными въ этомъ краѣ имѣніями князя Павла Эстергази. Погода прояснилась, прекрасная. Войска располагаю, наконецъ, по тѣснымъ квартирамъ на заслуженный отдыхъ. Государь чрезъ Исакова приказалъ мнѣ ихъ поблагодарить за храбрость и неутомимость. Отдать въ приказѣ. — Курьеръ вчера отъ фельдмаршала съ повтореніемъ прежнихъ предписаній, обстоятельствами новыми и неожиданными измѣняемыхъ.

15 (27) Августа. Вчера фельдъегерь съ высочайшимъ полнымъ одобреніемъ сдѣланныхъ мною отъ предписаній фельдмаршала отступленій и съ повелѣніемъ дѣйствовать по приглашенію Австрійскихъ генераловъ съ цѣлію достиженія сдачи Коморна. Откровенное письмо барона Ливена. Огорченія и усильныя побужденія по продовольствію. Прогулка по холмамъ, подковой окружающихъ городъ; прекрасный видъ на равнины; виноградники, дающіе изрядное, не имѣющее извѣстности, вино. Развалины замка изъ Турецкихъ временъ. Около музыки большое сборище народа. Сегодня донесеніе Государю и письмо къ Ливену съ вчерашнимъ фельдъегеремъ. Глупость Австрійскаго жандарма, еще унтеръ-офицера: очень рано, во время лучшаго моего сна, сегодня передъ утромъ, онъ пріѣхалъ курьеромъ и вызвалъ камердинера, прося его по важности депешей тотчасъ меня разбудить. Онъ настоялъ на этомъ, когда Павелъ приглашалъ его подождать и безъ того

ранняго моего пробужденія. И такъ я всталъ, одѣлся и позвалъ курьера. Вошедши, онъ объявилъ мнѣ, что никакой депеши ко мнѣ не имѣетъ, но желаетъ только отъ меня узнать, гдѣ живетъ баронъ Габленцъ? Можно вообразить, какъ я его выпроводилъ! Много глупаго, неприличнаго и вялаго замѣчаемъ теперь у Австрійцевъ. — Утренняя прогулка по горамъ; пріятно, но жарко; вечеромъ была прохлада, но не могъ разбить неодолимой грусти, какой-то безнадежности, мною овладѣвшей и непривычной. Не передъ загадочнымъ ли успокоеніемъ послѣ шестидесятилѣтняго дня? Да будетъ!—Первый виноградъ, не совсѣмъ дозрѣвшій, порядочныя груши. Разныя невыгоды въ разселеніи крестьянъ домами отдѣльно среди ихъ полей, вмѣсто соединенія ихъ небольшими селеніями. У князя Павла Эстергази 75 т. подвластныхъ крестьянъ.

16 (28) Августа. Лева. Поутру нѣсколько страницъ изъ Данте. Одинокая прогулка по окружнымъ холмамъ. За обѣдомъ живой разговоръ съ Габленцомъ. Подъ вечеръ прогулка съ хозяиномъ въ его плодовомъ саду; урокъ отъ него въ уходѣ за грушами, которыхъ у него отличные сорты; подъ дыни подложены кирпичи. Все это въ маломъ видѣ удобно, а въ большомъ трудно.—Австрійскій курьеръ изъ Вѣны. Венеція сдалась безусловно. Кошутъ, Бемъ и Дембинскій по слухамъ задержаны въ Турціи, въ Орсовѣ. Войска съ завтрашняго дня располагаются по дислокаціи на болѣе широкія квартиры. Великій князь Михаилъ Павловичъ ѣздилъ въ Вѣну.

17 (29) Августа. Лева. Нѣсколько страницъ изъ Данте. Довольно большая и пріятная прогулка съ барономъ Габленцомъ пѣшкомъ за городъ. Графъ Гіулай пожелалъ, чтобы я, не ограничиваясь настоящимъ расположеніемъ войскъ, занялъ постами все остальное пространство до устья Грана. Исполнилъ по его желанію. Въ шестомъ часу вечера одинокая большая прогулка по цѣпи холмовъ, подковою съ сѣвера обнимающихъ городъ и виноградниками покрытыхъ. Къ чаю пришли братъ и Ховенъ.

18-го (30) Августа. Утромъ написалъ письмо къ графу Вальмодену. Пѣшкомъ съ удовольствіемъ одинъ. Погода прекрасная, но осенняя; предметы подернуты всѣ будто легкимъ дымчатымъ пологомъ. Послѣ обѣда въ шестомъ часу очень пріятная прогулка верхомъ съ Исаковымъ, Старынкевичемъ и Богдановичемъ по от-

даленнымъ окрестностямъ города. Не было признаковъ военнаго смутнаго времени: вездѣ жители мирно занимались работами въ своихъ огородахъ, виноградникахъ и въ полѣ. Эти сельскія картины пріятно и кротко настроили душу, а ѣзда быстрая и безъ дорогъ напомнила мои сельскія прогулки верхомъ съ моими мальчиками. По возвращеніи прекрасная Ирма, дочь хозяйки, поставила передо мной тарелку отличныхъ фигъ, персиковъ и грушъ: мой обыкновенный здѣсь ужинъ. Ирма ненаглядно хороша. Повторять и усилить мои прогулки для успокоенія духа.

20 Августа (1-го Сентября). Вчера съ утра нѣсколько курьеровъ. Отъ Венгерскаго въ Коморнѣ начальника Клапки письмо съ возвращеніемъ шести плѣнныхъ офицеровъ, въ томъ числѣ двухъ фельдъегерей. Двое офицеровъ остались двусмысленно. Взять ихъ на замѣчаніе по возвращеніи. Отъ Австрійскаго начальника 2-го корпуса Чориха о прекращеніи перемирія 3-го Сент. (22 Авг.) съ приглашеніемъ занять къ 4-му вечеромъ позицію въ Гетени подъ Коморномъ. Могу это сдѣлать къ 5-му, о чемъ его увѣдомилъ. Отъ Австрійскаго г-ла Потта о его пріѣздѣ для соглашенія со мною завтра. Курьеръ отсюда въ Вѣну, которому отдалъ письмо къ графу Вальмодену. Вечеромъ большая и пріятная прогулка верхомъ съ Исаковымъ и Старынкевичемъ, большею частію цѣликомъ. Возвращеніе при лунномъ свѣтѣ. Сходство многихъ здѣсь селеній съ Малороссійскими въ постройкѣ. Передъ вечеромъ пріятная прогулка верхомъ съ моими всегдашними спутниками Исаковымъ и Старынкевичемъ; насъ догналъ не совсѣмъ кстати баронъ Мильтицъ, Австрійскій офицеръ. Отыскали мѣста новыя, проѣзжали садами и виноградниками, въ которыхъ жители мирно предавались своимъ обычнымъ занятіямъ. Ниже слѣда войны. Среди этой тихой картины мира, оригинальна была встрѣча на проселочной дорогѣ Русской тройки и телѣги, на которой сидѣлъ нашъ офицеръ. Довольно поздно возвратился домой, и красавица Ирма при мнѣ накрыла для меня столъ, какъ во все это время, и поставила обыкновенный здѣсь мой ужинъ: персиковъ, фигъ, винограду, сливъ и грушъ съ бутылкой Эрлаускаго вина. Этого мнѣ будетъ недоставать, когда оставлю этотъ гостепріимный домъ; а не забуду никогда.

21-го Августа (2-го Сентября). Обязательная депеша Австрійскаго генерала Потта съ изъявленіемъ сожалѣнія, что не посту-

паетъ подъ мое начальство. Топографическое описаніе мѣстности въ С.-Петерѣ и Гетени. Донесеніе Государю и главнокомандующему. Ему готовится тріумфальный въ Варшавѣ пріемъ. Есть успѣхи безъ славы.

26 Августа (7 Сентября). Оба фельдъегеря, возвращенные изъ плѣну, отправлены 22-го въ Варшаву съ донесеніями. Нестеровъ воротился изъ Коморна съ письмомъ отъ Клапки; радушный пріемъ, ему сдѣланный. Клапка прислалъ мнѣ № Вѣнской газеты съ подчеркнутыми строками въ бюллетенѣ Гайнау, гдѣ этотъ Австрійскій главнокомандующій, противъ политическаго благоразумія, провозглашаетъ съ торжествомъ, что однѣ побѣды Австрійской арміи привели войну къ счастливому окончанію. На неблагодарность можно было разсчитывать непремѣнно; но ожидать нельзя было, для выгодъ и приличія Австріи, такъ рано. Впрочемъ поводъ къ тому данъ неумѣстною хвастливостью Паскевича въ донесеніи Государю при сдачѣ арміи Гёрге. Я показалъ эту статью барону Габленцу; онъ совершенно одного со мною о ней мнѣнія и сообщилъ его князю Шварценбергу. Вліяніе участія Русской арміи въ этой войнѣ, хотя бы просто однимъ присутствіемъ, не могло быть уничтожено даже замѣчательнымъ неискусствомъ Паскевича, на этотъ разъ (я полагаю) совершенно доказаннымъ. — Курьеры отъ генераловъ Потта и Чориха съ изъявленіями признательности за предстоящее содѣйствіе.—Послѣдняя прогулка верхомъ по окрестностямъ.

23-го Августа (4 Сентября). Общее движеніе всѣхъ войскъ и въ 12 ч. переходъ чрезъ демаркаціонную линію въ Барачку. Неосновательный и тотчасъ разсѣянный страхъ жителей къ Русскимъ. Глупый и тяжелый своимъ неотвязчивымъ присутствіемъ хозяинъ. Воды только въ колодцахъ. Неловкая комната, похожая на хозяина: все не на своемъ мѣстѣ.

24 Августа (6 Сентября). Переходъ до Iasz-falu и сосредоточеніе войскъ. Тоже безводіе. Хозяйская дочь, недурная собою; мужъ ея въ плѣну у Австрійцевъ въ Темесварѣ.

25 Августа (6 Сентября). До С.-Петера. Авангардъ изъ цѣлой егерской бригады подъ начальствомъ г.-м. Дзырулева въ Гетени. Въ 5 ч. пополудни выѣхалъ въ Гетени на рекогносцировку. Венгерскіе пикеты и крѣпость въ виду; казаки наблюдаютъ вблизи. Пѣхота расположена основательно. Возвратился уже поздно въ темнотѣ. —Сегодня офицеръ отъ графа Нюжента съ увѣдомленіемъ

о назначеніи его начальникомъ блокаднаго корпуса. Отвѣты всѣмъ Австрійскимъ генераламъ на ихъ отношенія съ увѣдомленіемъ о составѣ и расположеніи моего отряда.—Прогулка пѣшкомъ по высотамъ С.-Петера и взглядъ на кавалерійскій лагерь. — Сегодня тридцать седьмая годовщина Бородинской битвы. Сколько послѣ того происшествій! Какой переворотъ въ Европѣ! И какое важное звѣно въ этой цѣпи событій Бородинскій бой! Какое благодареніе можетъ принести Провидѣнію кто, подобно мнѣ, перешелъ и перенесъ этотъ долгій періодъ времени съ сохраненіемъ тѣлесной и душевной жизни безъ большаго ослабленія, съ готовностію и силою на новые труды.—Донесеніе фельдмаршалу и письмо къ Фрейтагу.

Задача: сыскать дѣло, признанное Государемъ за довольно достопамятное, чтобы приказать выбить медаль для раздачи всѣмъ чинамъ, участвовавшимъ въ немъ и котораго начальникъ не получилъ бы за то втораго Георгія.

Легкая задача: сыскать главнокомандующаго, который вмѣсто признательности мстилъ бы за оказанныя ему важныя услуги, и чѣмъ услуга важнѣе, тѣмъ месть непримиримѣе.

Вопросъ, подлежащій рѣшенію Промысла: чѣмъ кончитъ свое поприще главнокомандующій, котораго успѣхи доселѣ принадлежатъ очевидно непостижимому счастію?

Согласить дипломатическій успѣхъ, уничтожившій опасеніе несвоевременной войны, съ наградой табакеркою, хотя бы съ портретомъ и бриліантами.

27-го Августа (8 Сентября). Въ 11 ч. съ уланской бригадой и конной батареей рекогносцировка къ Коморну. Осмотръ расположенія авангарда отъ Гетени до Кюртъ-Кеси. Правый берегъ Дуная оттуда близко и въ виду. Дотисъ—главная квартира графа Нюжента также. Возвращеніе рысью и въ галопъ съ большимъ удовольствіемъ пріятными мѣстами и въ прохладную, почти холодную погоду. Заслуженный обѣдъ задержалъ долѣе обыкновеннаго въ общемъ возбужденномъ расположеніи духа. Конгрессъ въ Кремонѣ въ присутствіи Австрійскаго императора для устройства дѣлъ Итальянскихъ, какъ извѣщаютъ барона Габленца. Г-лъ Гессъ, мой пріятель, военнымъ министромъ, графъ Гіулай правителемъ. Баронъ Гайнау, 80-тысячная армія въ Форальбергѣ. Рескрипты Государя князю Паскевичу, графу Ридигеру, Лидерсу.

Nous vivons dans un tems rapide, nous vivons dans le courant

d'événements et d'idées les plus impétueux qui ait encore entraîné l'humanité; et à l'époque, où nous sommes, une année fait parfois l'ouvrage d'un siècle.

Swift disait que l'Anglais est un animal politique et le Francais un animal sociable, et jusqu'ici le mot se trouve juste.

Vienne était la ville conservatrice par excellence avant que, dans ces derniers temps, on y eut expédié de Paris *des entrepreneurs de félicité publique.*

28 Августа (9-го Сентября). Въ 11-ть часовъ утра верхомъ съ эскадрономъ уланъ въ Огіалу, большое и богатое селеніе. Домъ помѣщика, въ который по приглашенію заѣхалъ на завтракъ. Изрядный виноградъ, хорошія груши и отличное Токайское вино. Большой запущенный садъ. Фазаны. Здѣсь было бы гораздо лучше, нежели въ С.-Петерѣ. Оттуда далѣе до рѣки Нейтры въ Мартосъ. Встрѣча Австрійскаго маіора Дюмона съ депешей ко мнѣ отъ графа Нюжента. Возвращеніе почти все въ галопѣ, въ три часа къ обѣду.

29-го Августа (10-го Сентября). Всталъ въ пять часовъ. Солнце еще не всходило. Осеннее холодное тихое утро, почти морозъ. Ни одинъ листъ не колыхался. Черезъ улицу отъ меня, на дворѣ, подъ открытымъ сараемъ, конвойный казакъ, обратясь къ Востоку, творилъ теплую свою молитву, съ частыми земными поклонами. Живителенъ утренній воздухъ! Вотъ и солнце и привѣтственный ему окликъ, *Еліенъ,* пѣтуха.

Ils tournent la tête vers le bruit plutôt que vers la vérité, et ainsi ils arrêtent leur opinion avant d'écouter l'art ou la raison.

Въ 11-ть утра верхомъ чрезъ Мадеръ въ Баторъ-Кесси, гдѣ заѣхалъ въ домъ князя Пальфи. Семейство управляющаго. Лучшій доселѣ виноградъ, отличныя груши и хорошее вино вмѣсто завтрака. Съ высотъ не доѣзжая виденъ Гранъ и Дунай. Аллеи по дорогѣ бѣлой акаціи. Въ Коморнѣ тысячи больныхъ. Выгодное тамъ понятіе обо мнѣ, могущее способствовать успѣху дѣла. Маіоръ Дюмонъ съ утра отправленъ съ отвѣтомъ къ графу Нюженту. Императоръ Австрійскій сегодня долженъ возвратиться изъ Праги въ Вѣну. 16-го онъ, полагаютъ, отправится на Италіянскій конгрессъ въ Кремону.

Долго остаюсь безъ извѣстій изъ Варшавы: признакъ, что Государь уже выѣхалъ.

Прибыли вечеромъ двѣ роты Нижегородскаго полка съ двумя орудіями изъ Розенберга.

Князь Пальфи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, имѣлъ насчастіе на охотѣ, стрѣляя по лисицѣ, убить своего брата. Онъ усыновилъ его семейство и навсегда отказался отъ охоты.

Невыгодный семейный бытъ фельдмаршала Радецкаго. Этого не покроетъ, не вознаградитъ и слава.

Ночи наступили темныя и холодныя; больныхъ однако немного, хотя войска на бивуакахъ; холера прекратилась вовсе.

Въ тылу опять появились безпорядки. Нужно опять показать примѣръ строгости и потребовать болѣе точности въ соблюденіи правилъ лагернаго порядка. Это обуздываетъ негодяевъ.

30 Августа (11 Сентября). Весь день дома. Погода непріятная; сильный вѣтеръ. Утро съ Данте. Все остальное время съ Гермесомъ; хорошъ, ясенъ, текучъ его Нѣмецкій языкъ. Никакого извѣстія изъ Варшавы, будто забытые. Если оставятъ долго въ настоящемъ положеніи, то войска потерпятъ: бивуаки скоро сдѣлаются тягостны; ночи очень холодныя; сегодня 30 человѣкъ заболѣло. Г. л. Ховенъ отпросился въ Нейгаузенъ лѣчиться отъ неотвязной лихорадки. Послѣдняя рота изъ Алзо-Кубина прибыла сегодня къ отряду. Здѣсь собрано теперь 13 т. надежнаго войска, всѣмъ необходимымъ снабженнаго. Летучій паркъ, магазинъ, госпиталь по близости. Сегодня отправилъ штабъ-офицера съ дивизіоннымъ докторомъ осмотрѣть оставленныхъ полками въ разныхъ мѣстахъ больныхъ, собрать выздоровѣвшихъ и отправить, кромѣ весьма трудныхъ, всѣхъ больныхъ въ Вадовичи, въ Галицію. Такимъ образомъ мы въ полной готовности къ дѣйствію и къ возвращенію.

1 (13) Сентября. Вчера въ 10-ть утра верхомъ въ Цитва-тӧ на Дунаѣ. Погода была душная, знойный вѣтеръ походилъ на Самумъ, и все предвѣщало близкую бурю. По возвращеніи, и только что въ три часа сѣли за столъ, пріѣхалъ г-лъ князь Коллоредо съ молодымъ принцомъ Роганъ; въ слѣдъ за нимъ г-лъ Поттъ и наконецъ фельдцейгмейстеръ, графъ Нюжентъ, начальникъ всѣхъ блокадныхъ войскъ съ начальникомъ штаба и адютантомъ маіоромъ Дюмономъ. Цѣль этого съѣзда у меня, кромѣ сближенія личнымъ знакомствомъ, была рѣшеніе предварительныхъ мѣръ для формальной осады Коморна, въ которой Австрійцы разсчитываютъ положительно на участіе нашего отряда. Между тѣмъ мнѣ по сіе время ничего неизвѣстно о настоящей волѣ нашего правительства. Къ вечеру

разразилась ужасная гроза. Всѣ гости остались ночевать и размѣстились какъ могли.

Рѣшено приступить къ атакѣ острова Апали, гдѣ намъ достанется главная роль.

Сегодня поутру Австрійскіе генералы разъѣхались по своимъ мѣстамъ, оставивъ выгодное о себѣ впечатлѣніе; особливо князь Коллоредо. Это свиданіе было вообще полезно. Послѣ нихъ, для освѣженія головы послѣ безсонной ночи, пѣшкомъ въ лагерь и потомъ переодѣлся. Перемѣна состоящаго при мнѣ Австр. комиссара другимъ, Юстомъ. Общій взглядъ на послѣднія происшествія въ Европѣ: старики исправляютъ шалости дѣтей и юношей. Къ послѣднимъ прибавляю кабинетныхъ ученыхъ и университетскихъ профессоровъ, вовсе незнакомыхъ съ практическою жизнью народовъ и съ трудностію управленія ими. Честолюбцы употребили орудіемъ тѣхъ и другихъ.

2 (14) Сентября. Поутру отправилъ ген. штаба капитана Фока съ представленіями къ наградамъ отличившихся, съ донесеніемъ фельдмаршалу о происходящемъ. Письма къ князю Горчакову и къ Фрейтагу. Секретныя порученія по довѣренности Австрійскаго правительства относительно Коморна, мимо своихъ генераловъ. Вчерашняя вѣсть о внезапной кончинѣ великаго князя Михаила Павловича въ Варшавѣ болѣе разстроила меня, чѣмъ я полагалъ: въ первый разъ кровь показалась на платкѣ. Проснулся весь въ слезахъ. Небольшая прогулка пѣшкомъ. Вѣна встрѣчаетъ въ эти дни своихъ героевъ: Радецкаго, Гайнау и бана Іеллашича съ восторгомъ. Австрія вспрянула отъ долголѣтняго сна. Кабинетамъ нужно много проницательности и благоразумія для вѣрнаго опредѣленія новыхъ силъ, новыхъ обстоятельствъ и новыхъ потребностей времени. Послѣдствія въ подобныя эпохи слѣдуютъ быстро за ошибками.

3 (15) Сентября. Et cependant, quand viennent les jours de crise comme ceux auxquels nous sommes maintenant condamnés, les seules voix qui aient de l'autorité sont celles qui s'échappent des poitrines, où l'air des batailles a circulé.

Celui-là seul est doué de la force, qui possède un esprit ouvert à l'intelligence de la vie et un coeur fermé à la crainte de la mort.

Cette grave, puissante et sympathique intelligence des misères humaines que n'atteindra jamais celui qui n'a pas connu l'incom-

mensurable entassement de périls et de fatigues dont une seule heure de la vie militaire est remplie parfois.

Les véritables écrivains sont ceux qui ne font pas métier de leur talent, mais qui écrivent un certain jour, parce qu'il y a tout-à-coup dans leur cerveau quelque chose qui veut sortir.

Tandis que les mots abstraits égarent conscience et bon sens chez le peuple, l'armée reste avec les mots simples et clairs de sa vieille devise.

Les socialistes veulent aujourd'hui fonder par la spoliation et la guerre de classe à classe ce qui a été fondé par la justice et la force des choses.

L'amour de la nature ne s'exprime jamais qu'avec une extrême réserve; c'est un sentiment réprimé par cette pudeur dont tout les coeurs aux émotions fortes et vraies semblent rechercher le frein.

Le fond éternel de toutes les grandes âmes—la Poésie; il faut avoir le courage de dire ce nom.

L'épée de Bayard sera une croix dont on ne détruira jamais le prestige.

Le plus complet bonheur de ce monde: la joie de dire et l'honneur de faire ce qu'on croit le vrai, ce qu'on sent le bien.

Ce ne sont pas les guerres entre les différents peuples qui sont le malheur de nos jours; ce sont les luttes entre les différentes classes d'une même nation.

L'Europe est déjà à tel point gouvernée par les contribuables qu'une guerre entre deux peuples est devenu un événement fort peu probable. Dans les pays même qui ne jouissent pas du régime constitutionnel le pouvoir ne serait pas très empressé a exiger de nouveaux impôts pour faire une guerre. L'Europe a été en paix, et cependant la société européenne a éprouvé dans ces cinq dernières années des commotions qui n'ont pas de précédentes dans l'histoire depuis la chute de l'Empire Romaine. Ceci est un fait très remarquable

Повторю, быть можетъ въ другихъ словахъ, то, что̀ тысячу разъ уже сказано другими: война въ мірѣ нравственномъ, по волѣ Промысла, тоже, что̀ бури въ мірѣ физическомъ. Когда воздухъ отъ продолжительнаго вёдра сдѣлается душнымъ, вредныя испаренія распространять болѣзни и заразу, тогда всякій проситъ грозы и бури, а по освѣженіи ими воздуха съ нетерпѣніемъ ждетъ и молитъ о тишинѣ и солнцѣ. Война есть очистительное средство

заразъ общественныхъ и какъ буря, должна гремѣть рѣдко и непродолжительно. Она возбуждаетъ и сохраняетъ многія высокія добродѣтели, для человѣчества необходимыя.

Въ пословицѣ: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится, есть глубокій смыслъ.

Въ полдень рекогносцировка къ Коморну до р. Читвы.

Журналы не пропустили выставить неосторожныя выраженія въ донесеніяхъ обоихъ главнокомандующихъ, какъ признаки слабости политическаго союза двухъ имперій.

4 (16) Сентября. Рекогносцировка въ 10-мъ утра къ Коморну. Вся цѣпь аванпостовъ подвинута впередъ. Предложеніе гр. Нюжента, которое надобно съ приличіемъ отклонить. Донесеніе адъютанта Маевскаго. Парижская драма 1830-го года, Гермеса.—Нервическое разстройство, на глазахъ отозвавшееся, верховой скачкою вылѣченное. Новыя надежды сдачи Коморнскаго гарнизона. Казачій полкъ полковнику Штакельбергу.

7 (19) Сентября. 5-го прекрасный осенній день. Въ 9-ть утра рекогносцировка къ Дунаю на лѣвомъ флангѣ. Удостовѣреніе въ удобствѣ занятія с. Пата и Иши, Венгерцами еще занимаемыхъ. Приказалъ для этого поспѣшно построить мостъ на Читвѣ при Читва-тӧ.—Вечеромъ прогулка одинокая пѣшкомъ въ полѣ. Четыре артилериста выбѣжали изъ Коморна. Барона Таубе послалъ съ донесеніемъ къ фельдмаршалу. — 6-го вчера, въ 7-мъ утра, въ коляскѣ съ барономъ Габленцомъ за Дунай въ Ачъ къ графу Нюженту. Пароходъ перевезъ насъ на правый берегъ. Радушный пріемъ Австрійскихъ войскъ. Молодые офицеры, молодцы и на отличныхъ лошадяхъ скакали въ конвоѣ; генералы съ своими штабами во всѣхъ лагеряхъ ожидали на дорогѣ. Графа Нюжента не засталъ, отъ того что и онъ выѣхалъ верхомъ на встрѣчу; но меня провезли по другой дорогѣ, и мы разминулись. Онъ скоро пріѣхалъ, узнавъ объ этомъ. Солдаты выбѣгали толпой изъ лагерей, бросая съ крикомъ ура шапки на воздухъ. Музыки играли «Боже, Царя храни». Чтò ни пишутъ, ни говорятъ и, не смотря на неполитическія донесенія обоихъ главнокомандующихъ, Австрійскіе генералы и войска чувствуютъ и признаютъ всю важность спасительной помощи, Государемъ и его арміею ихъ дѣлу оказанной. Не говорю, что эта признательность живая, непритворная, будетъ продолжительна; но теперь она есть. На обѣдѣ присутствовали всѣ

главные войскъ генералы и штабъ: Чоричъ, к. Коллоредо, Буричъ, Барко, кн. Яблоновскій. Графиня Нюжентъ была сама хозяйкой. Во время обѣда полилъ проливной дождь, заставившій отослать музыкантовъ, игравшихъ въ саду подъ окнами. Съ тѣхъ поръ идетъ безпрерывный холодный дождь по сіе время. Послѣ обѣда тотчасъ выѣхалъ. Не смотря на дождь, тотъ-же восторженный пріемъ отъ войскъ. Засвѣтло доѣхали и вступили на пароходъ. Пріятные полчаса въ теплой каютѣ за отличнымъ виноградомъ, персиками, грушами и виномъ. Между тѣмъ наступила одна изъ темныхъ осеннихъ ночей, и мы почти шагъ за шагомъ доѣхали безъ бѣды до С. Петера. Чай былъ на этотъ разъ особенно пріятенъ. – Сегодня весь день дома. Возобновленная надежда на сдачу Коморна. Австрійское правительство рѣшилось, побѣждая народное самолюбіе, довѣрить мнѣ переговоры съ начальствомъ въ Коморнѣ, допуская выпускъ въ иные края всѣхъ болѣе виновныхъ, а самому Клапкѣ оказать и обѣщать вниманіе и прощеніе за эту услугу.

Бар. Габленцъ уѣхалъ съ утра къ г. Нюженту сообщить старику то, что̀ доселѣ оставалось въ тайнѣ между кн. Шварценбергомъ, Габленцомъ и мною съ вѣдома молодаго императора, относительно сношеній съ Коморномъ; также пригласить его ко мнѣ съ графиней, съ генералами и съ кѣмъ угодно будетъ на смотръ войскъ и на обѣдъ въ Воскресенье, къ чему дѣлаются приготовленія. Два Англичанина, баронетъ Россель, родственникъ министра, и другой, писатель, имени котораго не вспомню, только что пріѣхавшіе, приглашены также.

Первый транспортъ осадной артиллеріи прибылъ и поступитъ къ намъ.

Живописецъ батальный Августъ Эртнеръ изъ Мюнхена явился съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Фонтона и, что̀ того лучше, съ отличнымъ эстампомъ своей работы (Австрійскіе генералы 1809 года въ группѣ около эрцгерцога Карла), испрашивая позволенія посмотрѣть наши войска. Смотръ для него будетъ къ стати.

8 (20) Сентября, St. Петеръ. Погода какъ въ глубокую осень. Пріѣхалъ флигель-адъютантъ полковникъ Мирбахъ.

9 (21) Сентября. С. Петеръ. Наконецъ прекрасный день. Въ 11-ть часовъ рекогносцировка за Кюртъ-Кесси. Выбралъ мѣсто

для парада; осмотрѣлъ домъ, въ которомъ приму моихъ Задунайскихъ гостей. Г-ня Нюжентъ приняла также приглашеніе. Возвращеніе бар. Габленца. Условія, предложенныя Коморнскимъ гарнизономъ, съ небольшимъ измѣненіемъ почти уже возможно принять. Весьма вѣроятно, что обойдется безъ осады.

10 (22) Сентября. Ночью курьеръ отъ г. Нюжента. Онъ не надѣется на мирное окончаніе переговоровъ и полагается на наше участіе въ осадѣ, даже предоставляетъ намъ главную въ ней роль. Въ 6-ть утра сегодня курьеръ изъ Варшавы: фельдмаршалъ воспрещаетъ мнѣ приступать къ осадѣ по неимѣнію на то приказанія Государя, которое испрашиваетъ, препровождая мой рапортъ; оставлю это запрещеніе до возможности въ тайнѣ.

11 (23) Сентября. Вчера въ 10-ть часовъ въ Читва-тӧ; мостъ готовъ; потомъ въ Курта-Кесси въ домъ и садъ, гдѣ приготовляется пріемъ; кажется, будетъ хорошъ. На возвратномъ въ С. Петеръ пути травля множества зайцевъ собаками. Трехъ затравили. Вечеромъ парламентеръ капитанъ Тӧрекъ съ двумя нашими военноплѣнными офицерами. Есть надежда склонить гарнизонъ къ сдачѣ. Новое доказательство неискренности (чтобы не назвать строже) Австрійцевъ въ отвѣтъ на довѣренность и открытое въ пользу ихъ поведеніе.

12 (24) Сентября. Вчера смотръ войскамъ въ Кюрта-Кесси, въ присутствіи гр. Нюжента, генераловъ, к. Яблоновскаго, Барко и большаго числа Австрійскихъ офицеровъ, также графини Нюжентъ; она была верхомъ. Изъ Коморна, по моему приглашенію, тоже выѣхали четыре офицера, объѣхали войска и по приближеніи уже Австрійцевъ, откланявшись мнѣ съ признательностью, ускакали. Между Венгерцами прекрасный собою 18-ти лѣтній юноша, графъ Кароли. Австрійцы съ увлеченіемъ изъявляли свое удивленіе. Погода была прекрасная. Обѣдъ въ саду подъ устроеннымъ тентомъ также удался во всемъ совершенно, не хуже какъ въ любой столицѣ. Поздно вечеромъ, при мѣсячномъ свѣтѣ первой четверти, возвратился въ С. Петеръ.

Сегодня только пѣшкомъ въ поле одинъ; прогулка послѣ шума и развлеченій вчерашняго дня для меня необходимая. Принялъ два намѣренія: не вмѣшиваться въ дѣла Австрійцевъ съ Коморнскимъ гарнизономъ безъ ихъ просьбы о посредничествѣ и увѣдомить гр. Нюжента о предписаніи не участвовать нашимъ

войскамъ въ осадѣ, если до нея дойдетъ. Возвращеніе Маевскаго. Письма отъ Ливена и Старынкевича. Сколько ни портятъ Австрійцы своею недовѣрчивостью и желаніемъ окончить мимо меня переговоры съ Венгерцами о сдачѣ, можно однако надѣяться на близкій конецъ; да уже и пора! Кажется, что я вчера-бы кончилъ.

Сегодня заняты авангардомъ Патъ и Иша. Къ начальнику авангарда посланы ракеты для сигналовъ на случай вылазокъ гарнизона, не охотно уступившаго намъ эти селенія.

13 (25) Сентября. С.-Петеръ. Въ восемь долженъ былъ сидѣть для живописца, готовящаго картину смотра Русскихъ войскъ подъ Коморномъ для посвященія Государю. Художникъ замѣчательный. Въ 10-ть часовъ верхомъ на Дунай въ занятыя селенія Иша казаками и Патъ двумя баталіонами Симбирскаго егерскаго полка, съ 4-мя орудіями. Оттуда лугами на Кюрта-Кесси, гдѣ посидѣли передъ домомъ за виноградомъ, грушами и Токайскимъ виномъ. Въ три часа былъ дома, проѣхавъ верстъ 25-ть. Возвращеніе Мильтица изъ Вѣны. Поклонъ отъ Медема. Приказъ Нюжента по случаю смотра 11-го числа. Сдѣлать ему переводъ на Русскій языкъ и отдать по войскамъ. Вчера въ продолженіи дня было много пушечныхъ выстрѣловъ на правомъ берегу Дуная и не смотря на легкое и частое между нами сообщеніе, Австрійцы въ цѣлый день сегодня не извѣстили меня о томъ, что у нихъ происходило.

14 (26) Сентября. С.-Петеръ. Сегодня отправилъ курьера въ Варшаву съ донесеніемъ фельдмаршалу о положеніи дѣлъ у насъ. Двѣ докладныя записки о г.-л. Ховенѣ и о Наттѣ; маршрутъ на случай возвращенія войскъ. Съ 8-ми часовъ до 10-ти сидѣлъ для живописца Эртнера. Замѣчательно удачный портретъ брата Петра. Въ 11-ть въ Огіалу. Виноградъ и груши у помѣщика передъ домомъ. Пригожая дѣвушка, отецъ которой боленъ въ Коморнѣ. Пригласилъ ее къ нему туда ѣхать. Въ половинѣ четвертаго домой. Туда и обратно затравили четырехъ зайцевъ. Погода прекраснѣйшая. Неожиданный визитъ. Какъ еще сойдетъ! Казаки по просьбѣ Венгерскихъ гусаръ дали имъ въ Иши четырехъ куръ для больнаго. Полагаю, что противъ Иши будетъ попытка. Занятіемъ этого селенія Венгерцы очень стѣснены. Переговоры у Австрійцевъ съ Коморномъ приняли опять видъ неблагопріятный. Они вѣроятно перейдутъ опять ко мнѣ.

15 (27) Сентября. Въ 10-ть часовъ черезъ Мадаръ въ Баторъ-Кесси. Прекрасная больная; убѣдилъ ее, что можетъ безпрепятственно съѣздить въ Коморнъ повидаться съ отцомъ, главнымъ докторомъ у Венгерцевъ. Булавка съ портретомъ Кошута на груди ея. Велика народность этого человѣка въ краѣ, особливо между женщинами, легко воспламенимыми. Баронъ Гайнау пріѣхалъ въ Ачъ съ полномочіемъ къ договору, на условіяхъ, какъ мнѣ сообщаютъ, весьма снисходительныхъ.

При этомъ образѣ жизни сохраняется здоровье, душевная бодрость, забываются заботы, и дни проходятъ быстро и не безъ пользы для ума. Утро и вечеръ принадлежатъ ему; остальное время дня движенію физическому, подъ открытымъ небомъ, охотѣ, скачкѣ верхомъ въ большомъ обществѣ, короткому отдыху, гдѣ случится, съ увѣренностью хорошаго, иногда радостнаго пріема Русскому начальнику непритѣснительному, нерѣдко ограждающему противъ крутыхъ мѣръ чиновниковъ оскорбленнаго ими Австрійскаго правительства. Но все пора кончить это чужое дѣло и возвратиться къ своимъ радостямъ, къ своимъ заботамъ и, быть можетъ, къ своимъ горестямъ. Вѣрно не безъ удовольствія буду однако вспоминать о семи мѣсяцахъ послѣ отъѣзда въ Мартѣ изъ Петербурга до настоящаго дня, такъ дѣятельно и разнообразно, въ такихъ важныхъ положеніяхъ, мною проведенныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ найдутъ мѣсто и заслужатъ одобрительную строку въ современной исторіи моего отечества.

Графъ Форгачъ, незнакомый мнѣ, прислалъ оленя. Князь Шварценбергъ, президентъ Совѣта, поклонъ съ маіоромъ Франсуа. Въ Вѣнѣ я могъ бы, кажется, провести нѣсколько дней пріятно. Посмотримъ!

16 (28) Сентября. Сегодня сдался Коморнъ, невозможно болѣе къ стати, потому что сегодня же рано князь Голицынъ, адъют. фельдмаршала, привезъ мнѣ Высочайшее повелѣніе немедленно выступить изъ подъ Коморна, чтò произвело бы вредныя послѣдствія, если бы случилось до сдачи.

17 (29) Сентября. До половины 11-го бумаги для отправленія курьера и по выступленію войскъ. Потомъ верхомъ до пристани на Дунаѣ. Отдыхъ у подполк. Разводовскаго. Еще не кончили обѣда, какъ пріѣхалъ баронъ Гайнау. Выраженіе лица его замѣчательно и достойно знаменитости. Я высказалъ ему

удовольствіе встрѣчи съ нимъ и впечатлѣніе имъ сдѣланное. Съ нимъ былъ г.-м. князь Монтенуово, сынъ Маріи Луизы, съ Рущука въ 1846-мъ году мнѣ знакомый и нѣсколько офицеровъ. Постараюсь завтра же заплатить за визитъ, быть можетъ прямо черезъ Коморнъ.

18 (30) Сентября. Я не совсѣмъ доволенъ вчерашнимъ свиданіемъ съ Гайнау. Въ ощущеніяхъ и словахъ была противоположность съ моей и, можетъ быть, тоже съ его стороны. Первыя были пріятны и пріязненны, вторыя необдуманны и почти колки. Усѣвшись, онъ съ самодовольствіемъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: что̀ вы скажете о быстромъ рѣшеніи сдачи Коморна? — Это дѣло достигло такой зрѣлости, отвѣчалъ я, что оставалось только рѣшить. При болѣе досужемъ разговорѣ, я нашелъ бы сказать что нибудь обязательнѣе. Говоря о дивизіи Панютина и выхваляя ее, онъ прибавилъ, какъ она ходитъ и какіе марши она дѣлаетъ. Всматриваясь въ него и не обдумывая мои отвѣты, я разсѣянно отвѣчалъ, что ни одна часть войскъ въ эту войну, я полагаю, не дѣлала такихъ большихъ переходовъ, какъ мой отрядъ. На это онъ замѣтилъ, что ничего не знаетъ и проситъ разсказать. Безъ связи и почти безъ мысли я описалъ ему главныя черты нашей кампаніи. Все это было какъ бы измѣривая другъ друга, почти непріязненно, между тѣмъ какъ я съ живымъ участіемъ вглядывался въ этого замѣчательнаго человѣка. При прощаніи я успѣлъ однако высказать ему нѣсколько обязательныхъ словъ. Впрочемъ Гайнау не любитъ Русскихъ, и невольные встрѣчные удары могли быть къ стати: я здѣсь представитель Русскихъ. Посмотримъ сегодня. Гайнау останется мечемъ Австріи. Онъ стоитъ внимательнаго наблюденія.

Князь Голицынъ уѣхалъ въ пять ч. утра въ Варшаву съ моими депешами. Сегодня начало движенія отряда. Летучій паркъ выступитъ изъ Верабелла.

19 Сентября (1-го Октября). С. Петеръ. Вчера, пообѣдавъ въ 12-мъ часу, я отправился отдать визитъ г-лу Гайнау въ Ашъ. Ближайшая дорога идетъ чрезъ Коморнъ, занятый еще Венгерцами до соглашенія въ подробностяхъ рѣшенной сдачи. Я приказалъ спросить Клапку, можно-ли проѣхать черезъ крѣпость. Отвѣтъ его былъ, что съ его стороны нѣтъ препятствія, но что въ настоящемъ положеніи дѣлъ, онъ не совсѣмъ увѣренъ въ гар-

низонѣ и опасается какой нибудь непріятности, потому проситъ проѣхать инкогнито и не останавливаясь. Я поѣхалъ открыто, со свитою на пяти повозкахъ, съ урядникомъ на козлахъ, уланскимъ унтеръ-офицеромъ на запяткахъ, въ открытой коляскѣ. Встрѣченъ на аванпостахъ Венгерскими офицерами и гусарскимъ конвоемъ; всѣ караулы отдавали честь, встрѣчные кланялись, отвсюду изъ лагерей и постовъ сбѣгались на дорогу. Офицеры просили заѣхать къ Клапкѣ. Я отказалъ, приказавъ ѣхать далѣе. Гайнау меня ожидалъ. Тонъ его совершенно перемѣнился: онъ сдѣлался привѣтливымъ и обязательнымъ, что̀ и съ моей стороны вызвало безъ труда нѣсколько удачныхъ и лестныхъ словъ. Характеръ его весь наружу. Въ жизни моей встрѣчаю въ немъ, изъ лицъ счастіемъ или заслугой высоко поставленныхъ, второй примѣръ забавнаго, простодушнаго самохваленія. Первый въ Варшавѣ. Между прочимъ онъ невинно спросилъ меня: не правда-ли, что имя его нужно было для побужденія Коморна къ сдачѣ? Краска на лицѣ послѣ недавняго обѣда не идетъ ему; онъ гораздо лучше блѣдный, какъ пріѣзжалъ ко мнѣ. Сюзанъ, его г-лъ-адъютантъ. Гайнау своимъ желѣзнымъ, непреклоннымъ характеромъ, непомѣрно высокимъ о себѣ мнѣніемъ, готовитъ большія затрудненія своему правительству, но при случаѣ окажетъ ему важныя услуги. Это герцогъ Альба Австріи. Пробывъ у него минутъ десять, я откланялся; но онъ проводилъ меня до коляски и стоялъ, пока она тронулась со всей своей свитой.

Въ обратный проѣздъ чрезъ Коморнъ собралось еще болѣе народу; выстрѣлы, слѣдствіе безпорядка, были даже на улицахъ. Приглашенный, я опять отказался заѣхать къ Клапкѣ. Онъ выѣхалъ на встрѣчу въ коляскѣ съ гр. Эстергази; не останавливаясь, я поклонился послѣднему, какъ уже знакомому.

То, что̀ я могъ видѣть проѣздомъ изъ укрѣпленій Коморна вовсе не отвѣчаетъ мнѣнію Австрійцевъ о его неприступности. Все было доступно даже приступу, особливо укрѣпленный лагерь праваго берега. Орудій на валахъ было немного. Войскъ въ разныхъ лагеряхъ также, и тѣ оборванныя, истощенныя; лошади въ кавалеріи дрянныя.

Сегодня выступилъ первый эшелонъ кавалеріи. Отпустилъ почти весь мой штабъ въ Пестъ. Въ 11-ть часовъ верхомъ въ Огіалу, съ бар. Габленцомъ, Наттомъ и Богдановичемъ. Отличныя

груши. Прогулка по саду съ хорошенькою дѣвушкой Аделью, дочерью дома. Маіоръ Франсуа возвратился изъ Вѣны. Послѣ обѣда прогулка въ колясочкѣ съ братомъ. Габленцъ на козлахъ. Вечеромъ флигель-адъютантъ императора Австрійскаго графъ Солтыкъ привезъ мнѣ орденъ Леопольда 1-й степени съ рескриптомъ весьма лестнымъ.

20 Сентября (2-го Октября). Часть утра сидѣлъ для живописца, первымъ портретомъ недовольнаго. Въ 11-ть верхомъ въ Маршалгазу. На дворѣ передъ домомъ въ тѣни отдыхъ за лучшимъ въ краѣ виноградомъ изъ Альмаса. Туда и на возвратномъ пути, казаки затравили въ наѣздку пять зайцевъ. Прогулка въ саду въ Огіалѣ. Отложилъ поѣздку въ Вѣну до Четверга, чтобы уѣхать отсюда съ выступленіемъ брата и перваго эшелона пѣхоты съ моей квартирой. Есенева отпустилъ впередъ въ Варшаву. Приказъ войскамъ объ изъявленной въ рескриптѣ императора Австрійскаго признательности за строгій порядокъ, перенесенные труды и мужество ихъ.

1 (13) Октября. Тренчинъ. 22-го Сентября выступилъ первый эшелонъ пѣхоты съ моей квартирой, а самъ я въ восемь утра поѣхалъ въ коляскѣ съ Габленцомъ въ Пресбургъ чрезъ Шередъ на Ваагѣ. Всѣ гостинницы въ Пресбургѣ были полны по случаю пріѣзда туда Радецкаго (къ дочери) и бана Іеллашича. Провелъ ночь не раздѣваясь въ тѣсной комнатѣ, уступленной мнѣ Австрійскимъ офицеромъ. 23-го по желѣзной дорогѣ въ Вѣну. Примѣчательный тоннель. Частыя остановки. Не найдя покоевъ въ Römicher Kaiser, остановился въ Goldenen Lamm; послѣ долгаго ожиданія въ тѣсной и неудобной комнатѣ, къ вечеру очистили прекрасные покои съ красивымъ и дальнимъ видомъ. 24-го визитъ Медему, посланнику нашему, к. Шварценбергу, г-жѣ Гіулау, к. Литенштейну, Вельдену. Обѣдъ у к. Шварценберга. Вечеромъ въ театръ. 25-го визиты эрцгерц. Альберту, Радецкому, Іеллашичу. Обѣдъ у г-фи Гіулай съ обоими.

26-го представленіе императору Францу-Іосифу въ Шенбрунѣ, также представилъ и свиту. Обѣдъ у императора. Сидѣлъ между эрцгерцогомъ Іосифомъ и Іеллашичемъ.

28-го. Простясь съ моимъ безпрерывнымъ спутникомъ послѣдняго времени Габленцомъ, выѣхалъ изъ Вѣны по желѣзной дорогѣ въ Пресбургъ. Тамъ ожидала карета, привезшая въ семь часовъ вечера къ обѣду въ Ландшюцъ. Радушный пріемъ хозяйки графини

Эстергази, урожденной княжны Трубецкой (за первымъ мужемъ г-ня Апраксина).

29-го въ 11-омъ часу утра кавалькада по прекрасному парку съ дамами, почти все въ галопъ. Въ часъ завтракъ, а въ три съ Старынкевичемъ, простясь съ гостепріимными хозяйками, далѣе въ Тирнау. Артуръ Баттіани черезъ два дня женится на дочери дома. Я въ Тирнау ночевалъ, а въ Тренчинъ пріѣхалъ 30-го же, въ самомъ мрачномъ расположеніи духа, по причинамъ важнымъ, а еще более по мелочнымъ. Адъютантъ человѣкъ прекрасный, но мѣшокъ. Камердинеръ отъ пьянства обратившійся въ безсмысленную скотину. Оттого много недоразумѣній. Провожу одинъ изъ самыхъ пустыхъ дней въ жизни, послѣ живыхъ впечатлѣній оставленныхъ съ выѣзда изъ С. Петера, Пресбургомъ, особливо Вѣной и Ланлшюцемъ. Погода холодная и сырая; на улицахъ грязь, иначе взошелъ-бы на гору осмотрѣть развалины Тренчинскаго замка, обширныя и красивыя, передъ моими окнами возвышающіяся. Читать нечего, а доставать уже не стоитъ. Послѣ завтра отправлюсь на Моравскую желѣзную дорогу, простясь съ братомъ и отрядомъ. Въ памяти что-то шевелится относительно преданій о Тренчинѣ, но ничего опредѣлительнаго не улаживается. Фельдмаршалъ Радецкій, 84 лѣтъ, которые онъ бодро и прямо носитъ, на видъ не болѣе 60-ти; стары одни глаза; обращеніе ласковое, простодушное, привязавшее къ нему армію. Росту малаго; только извѣстные подвиги обращаютъ вниманіе на его наружность, вовсе незначительную. Онъ переноситъ безъ видимой усталости празднества и обѣды въ честь ему даваемые. Кроатскій банъ Іеллашичъ, лѣтъ 43-хъ или пяти, средняго роста, выражающаго крѣпость сложенія и ловкость. Лице красивое, взглядъ умный и живой. Широкій лобъ; волоса на головѣ только съ боковъ, черные съ просѣдью. Голосъ густой, пріятный и многонотный. Обращеніе привѣтливое, военное; разговоръ умный и плавный. Съ первой встрѣчи между нами установилась симпатическая довѣренность. Онъ относилъ свои успѣхи къ глубокимъ убѣжденіямъ; въ нихъ почерпалъ онъ, по его словамъ, свою рѣшительность, а не въ дарованіяхъ, которымъ не довѣрялъ. Это человѣкъ увлекательный; въ немъ все стройно, личность его и его знаменитость.

Графъ Гіулай, военный министръ, толстенькій, малорослый, съ лицомъ человѣка, одной матеріальной жизни преданнаго. Съ нимъ я не нашелъ разговора, бывъ его сосѣдомъ на его обѣдѣ.

Князь Шварценбергъ, первый министръ, высокаго роста, съ выраженіемъ тонкости, высокаго образованія и тону вельможи; въ лицѣ какое-то сходство съ к. Мих. Сем. Воронцовымъ. Онъ показалъ въ критическіе дни имперіи много благородной твердости и ловкости въ политикѣ. Ему нѣтъ 50-ти лѣтъ, но посѣдѣлъ въ одинъ годъ совершенно. Разговоръ весьма пріятный, взглядъ проницательный, вкрадчивый и внимательный.

Гайнау, наружности воинственной, усы длины необыкновенной, черта свирѣпости на лицѣ какъ и на дѣлѣ выраженная, взглядъ безпокойный; тщеславіе и хвастовство въ разговорѣ отрывистомъ безпрерывныя. Онъ едва не обратилъ своими поступками союзниковъ въ непріятелей. Русскихъ терпѣть не можетъ. Въ арміи офицерами и генералами не любимъ, но уважаемъ. Рѣшительность его главное свойство. Иногда она достаточна одна для важныхъ успѣховъ. Этотъ будетъ раздувать пламя войны противъ кого бы то ни было, съ радостію и чувствомъ мщенія противъ насъ. Мы оказали слишкомъ важную услугу, чтобы намъ простить, и онъ первый будетъ стараться унизить ея цѣну. Этого надо, будетъ измѣрить вѣрно какъ готоваго противника и врага.

Императоръ Францъ-Іосифъ, 19-ти лѣтъ, пріятной наружности средняго и ловкаго росту, возбуждаетъ выгодныя обѣщанія. Онъ принимаетъ уже какъ государь 30-ти лѣтъ, спокойно, съ строгимъ приличіемъ въ вопросахъ и разговорѣ. На лицѣ его есть уже черта тоски, сопровождающей власть въ наше время. Свиданіе съ императоромъ Николаемъ въ Варшавѣ подѣйствовало на него, сказываютъ, рѣшительно и очевидно въ его тонѣ, правилахъ царственныхъ и поступкахъ. Кому это отзовется!

Эрцгерцогъ Албертъ, сынъ знаменитаго эрцгерцога Карла, напоминаетъ отца наружностію, слѣдственно не красивъ, но пріятенъ выраженіемъ благородства и привѣтливости. Потрясеніе имперіи и царственнаго дома подѣйствовали сильно на его душу и отзываются въ его умномъ, разсудительномъ и нерѣдко съ оттѣнкомъ грусти разговорѣ. Несчастная любовь участвуетъ, говорятъ, въ послѣдней. Если это наша несравненная Ольга Николаевна, чьей руки эрцгерцогъ искалъ и надѣялся, то неудивительно. Въ разговорѣ съ нимъ по поводу слишкомъ незначительныхъ людей, въ спокойныя времена часто на важныхъ степеняхъ употребляемыхъ, у меня вырвалось уподобленіе смѣшное, но не безъ

мѣткости. Ils sont comme les chemins naturels, qui sont bons pendant qu' il fait bon; au premier orage, ils sont impraticables. Мы посмѣялись сравненію. Эрцгерцогъ на другой день отдалъ мнѣ визитъ.

Г-лъ Гессъ, сотрудникъ достойный Радецкаго, — честный, храбрый, благородный человѣкъ. Онъ извѣстенъ кромѣ того какъ отличный организаторъ, неутомимый въ полѣ и въ кабинетѣ. На второй ступени первый, сомнѣваются, чтобы онъ достойно могъ занять первую высшую. Находятъ, что онъ съ подчиненными слишкомъ товариществуетъ. Выше средняго роста, бѣлокурый, съ маленькими, отъ работы покраснѣвшими, глазами, съ вѣчнымъ насморкомъ; наружность его не привлекаетъ, но и не отталкиваетъ.

Вельденъ, губернаторъ Вѣны, короткое время главнокомандующій послѣ к. Виндишгреца, видной наружности, почти Клеберовской, умный, образованный, съ даромъ слова, но легко недовольный, порицатель. Онъ продолжаетъ осуждать послѣднія дѣйствія Гайнау, не смотря на успѣхъ. Но на этотъ разъ правъ не онъ, а Гайнау, оцѣнивъ моментъ войны, направленіе Русской арміи, внутреннее положеніе арміи непріятельской и выгоды рѣшительнаго наступленія при данныхъ условіяхъ. Понятно, что въ Вѣнѣ, встревоженной пораженіемъ его во время удаленія блокаднаго корпуса Чориха подъ Коморномъ, всѣ осуждали Гайнау; но послѣдствія въ глазахъ другихъ его оправдали, кромѣ Вельдена, въ осужденіи постояннаго. Вельденъ также не жалуетъ насъ, и непринятіе въ Варшавѣ предложеннаго имъ плана дѣйствій причиной отреченія его отъ командованія, а не болѣзнь, какъ самъ онъ мнѣ сознался. Разговоръ его очень пріятенъ.

Сегодня почти весь день съ моимъ добрымъ братомъ. Чтобы остаться долѣе съ нимъ и въ точности исполнить волю Государя, отказался отъ перваго намѣренія выѣхать на Моравскую желѣзную дорогу, а дойду съ отрядомъ до границы Галиціи. Старынкевича отправлю впередъ.

Не совсѣмъ, но много одолѣлъ вчерашнее чрезвычайно-мрачное расположеніе духа и раздраженіе.

Садъ въ Ландшюцѣ я считаю однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ по искусству расположенія, обширности, отдѣлкѣ съ отличнымъ вкусомъ его частей, по широкой, великолѣпной и граціозной рамѣ его окружающей. Паркъ полонъ оленей, лосей, дикихъ козъ и фазановъ, перебѣгавшихъ и перелетавшихъ группами черезъ до-

рожки, по которымъ мы скакали. Замокъ отвѣчаетъ ему строгимъ стилемъ корпуса и всѣхъ построекъ и внутреннимъ убранствомъ. Гостепріимство, оставляющее гостямъ свободу и тонъ дома всему соотвѣтствуютъ.

3 (15) Октября. Понедѣльникъ. С. Предмиръ. Вчера изъ Тренчина въ Беллусъ въ почтовой коляскѣ съ барономъ Таубе. Квартира у священника изрядная. Гр. Кенигзегъ пріѣхалъ изъ своего замка, прекраснаго и въ живописномъ положеніи на правомъ берегу Вааги. Онъ остался съ нами обѣдать. Братъ Петръ также и весь вечеръ вмѣстѣ. Таубе разсказалъ подробности послѣднихъ происшествій въ Екатеринбургѣ между г.-л. Г-ой и его женой; связи ея съ арт. кап. Рюлемъ послѣ празднованія серебряной свадьбы. Я видѣлъ ее потомъ въ Кіевѣ; какъ ни въ чемъ не бывало!

Сегодня въ Предмиръ. Не смотря на дождь и стужу, нельзя налюбоваться на красоту долины Вааги и горъ по обоимъ берегамъ. Мы опять въ Карпатахъ. Особенно живописно расположенъ на правомъ берегу домъ Ульмана у подошвы скалистой горы, на вершинѣ которой красуются развалины замка Запара. Сюда надо заѣхать пейзажисту: онъ нашелъ бы множество картинъ для своей кисти. Но въ Венгрію и особенно въ эту часть ея рѣдко кто заѣдетъ, и оттого она по сіе время мало и вовсе не вѣрно была извѣстна. Здѣсь селенія обстроены гораздо хуже. Дома большею частію дымные, не подъ крышку только, какъ въ Арвѣ, но дымъ выходитъ изъ окошекъ. Народъ невидный; но, судя по обработкѣ земли, трудной на покатости горъ, огородовъ, добротѣ лошадей, качеству овецъ, долженъ быть работящій и домовитый.

Здѣсь въ Предмирѣ стою тоже у священника; домъ порядочный, но вонючій, неопрятный: оконъ вѣроятно никогда не отворяли. Еще въ Белусѣ виноградная полоса кончилась; въ Тренчинѣ ея граница. За то груши и сливы отличныя.

Хозяинъ, ободренный ласковымъ пріемомъ, говоритъ съ жаромъ и безъ умолку о минувшихъ происшествіяхъ на Вавилонскомъ языкѣ, фразами Нѣмецкими, Словацкими, Латинскими и Венгерскими, въ безпорядкѣ перемѣшанными, воображая, что я долженъ его понимать.

Подполковникъ Наттъ возвратился изъ Вѣны. Г.-л. Купреяновъ, лишившійся ноги подъ Дебречиномъ, пріѣхалъ туда лечиться. Графъ Шликъ, одинъ изъ извѣстныхъ Австрійскихъ генераловъ, мнѣ незнакомый, прислалъ мнѣ съ Наттомъ поклонъ.

Пропустилъ замѣтить, что на желѣзной дорогѣ изъ Пресбурга въ Вѣну я ѣхалъ съ герцогомъ Немурскимъ и Когари-Кобургомъ. Первый наружности незначительной; послѣдній видный мущина, умственными способностями, какъ его разумѣютъ, не отличающійся.

Путешествіе въ спокойное время по Венгріи было бы тѣмъ пріятнѣе, что жители отличаются гостепріимствомъ, общимъ въ странахъ мало посѣщаемыхъ.

Во всѣхъ селеніяхъ на церковныхъ колокольняхъ бьютъ часы, чего нѣтъ у насъ во многихъ городахъ.

Чтò было бы, если бы Гайнау съ Австрійскою арміей остался подъ Коморномъ и не пошелъ на Шегединъ и Темешваръ въ то время, когда нашъ главнокомандующій пошелъ на Тейсу? Всѣ корпуса Венгерской арміи соединились бы противъ насъ. Гёрге въ такихъ обстоятельствахъ положилъ ли бы оружіе?

Черта благородства души Радецкаго: родственница генерала Гессе, начальника его штаба и истиннаго помощника его, обратилась къ Радецкому письменно съ какою-то просьбою. Въ отвѣтѣ своемъ онъ написалъ: Какъ могу я отказать въ чемъ-либо отъ меня зависящемъ родственницѣ человѣка, которому я обязанъ славой мною пріобрѣтенной, а имъ заслуженной? Вотъ какъ можно быть великодушнымъ, придавая другому и ничего у себя не отнимая. Такъ пріобрѣтають достойныхъ сотрудниковъ. Не испорчу этого сравненіемъ.

Палата депутатовъ во Франціи при Людовикѣ Филиппѣ оспаривала назначеніе 6 т. франковъ вдовѣ убитаго подъ Константиной главнокомандующаго въ Алжирѣ, г-ла Даммартена. Хорошъ!

7-го (19) Октября, Пятница. Краковъ. Изъ Предмира въ Силеинъ (Чолна) въ коляскѣ 4-го, все долиной Вааги; мѣста живописныя, ненаглядныя. Здѣсь городъ потерпѣлъ отъ войны. Квартира пріятная. Вечеръ провелъ съ братомъ; онъ привелъ съ собой Австрійцевъ, маіора Либлера и молодаго инженера Полиньи; люди хорошіе, особливо юноша, наружности счастливой и къ тому хорошо воспитанный; но не люблю я военной болтовни, особливо безконечныхъ повтореній, еще болѣе, если они у самого вырываются. Оттого дурно спалъ. 5-го, простясь съ братомъ и штабомъ лично, съ войсками приказомъ, выѣхалъ съ барономъ Таубе. Въ Силеинѣ прочелъ журналъ нашей кампаніи; изрядно.

Дорога до Чаши и оттуда до Чаръ, уже въ Галиціи, очень

дурна и еще испорчена дождемъ. Въ Чары пріѣхалъ поздно и остановился въ домѣ управляющаго. Имѣніе принадлежитъ эрцгерцогу Алберту. Здѣсь по его приказанію не хотѣли принять платы ни за что. Переночевавъ покойно, 6-го поѣхалъ далѣе. Замѣчательный подъемъ между Живцемъ (Seybuch) и Андржиховымъ, крутой, длинный, лѣсистый, дикой; дефиле изъ самыхъ трудныхъ въ Карпатахъ; къ счастію, шоссе въ порядкѣ. Завтракъ на вершинѣ, при дорогѣ, на травѣ. На этомъ переѣздѣ сломилась ось у нашей коляски; къ счастію только что обогнали уланскаго Наслѣдника полка квартирмистра, ѣхавшаго въ новой Вѣнской коляскѣ, Андреевскаго. Онъ уступилъ ее мнѣ доѣхать до Кракова. Въ Андржиховѣ, небольшомъ городкѣ съ живописными окрестностями, остановился обѣдать и довольно хорошо, противъ ожиданія. Полагая доѣхать до Кракова въ тотъ же вечеръ, поспѣшилъ ѣхать далѣе; но карета отстала, и фельдъегерь, впередъ посланный для заготовленія лошадей, ничего не заготовилъ и пьяный спалъ мертвымъ сномъ, объявивъ, что я до утра не могу пріѣхать. Я долженъ былъ остаться ночевать въ замкѣ. Свѣжія газеты, Вѣнская и Ost-Deutsche Zeitung помогли дотянуть до ночи. Между тѣмъ карета догнала. Насилу собрали лошадей къ осьми часамъ утра сегодня. Тамъ же прочелъ о наградахъ, данныхъ Австрійскимъ императоромъ нашей арміи. Съ удовольствіемъ нашелъ, что братъ мой получилъ орденъ Желѣзной Короны 1-го класса. Наттъ опять умѣлъ себѣ испортить.

Въ 12-мъ пріѣхалъ въ Краковъ и остановился въ опрятныхъ покояхъ гостинницы, названіе которой вышло у меня на эту минуту изъ памяти. Въ часъ поѣхалъ къ невѣсткѣ, гдѣ съ семействомъ брата и обѣдалъ. Рано возвратясь домой, чтобы приготовиться къ выѣзду завтра по желѣзной дорогѣ въ Варшаву, съ помощію Mille et un fantomes Александра Дюма дотянулъ до 9-ти часовъ вечера.

11 (23) Октября, Вторникъ. Варшава. 8-го въ 10 ч. утра по желѣзной дорогѣ выѣхалъ изъ Кракова. Поѣзды почти пустые отъ затрудненій для полученія пашпортовъ. Какъ печальна, безлюдна, бѣдна и плоска эта часть Польши въ сравненіи съ живописною, населенною, богатою и прекрасною Венгріею! Она точно драгоцѣннѣйшій алмазъ въ коронѣ Австріи. Поѣздъ остановился на ночь въ Ченстоховѣ. — 9-го въ три часа доѣхали въ Варшаву.

Хорошія комнаты въ Hôtel de Wilna. Первая безпокойная ночь. Вчера 10-го представлялся фельмаршалу. Какъ онъ жалокъ! Съ какимъ бѣшенымъ безпокойствомъ онъ переноситъ все непостижимое счастіе, которымъ такъ неутомимо надѣляетъ его Провидѣніе. Заслуженные успѣхи бываютъ гораздо спокойнѣе и равнодушнѣе къ мнѣнію другихъ. Припадокъ изступленія при имени г-ла Берга. Происшествіе подъ крѣп. Арадомъ. Гайнау, главнокомандующій Австрійскій, не признавая одной статьи капитуляціи, заключенной гарнизономъ съ Русскими, далъ повелѣніе г-лу Шлику идти на Арадъ и воспрепятствовать, если нужно даже оружіемъ, исполненію ея. Благоразумный и благородный г. Шликъ вразумилъ своего бѣшенаго начальника и заставилъ признать капитуляцію. Въ продолженіи шести часовъ существовало это роковое недоразумѣніе. Одно умное слово вырвалось во время всего изступленнаго монолога ф-ла. На мое замѣчаніе, какой переворотъ могъ произойти отъ этого раздора, онъ отвѣчалъ: Нѣтъ, императоры назвали-бы своихъ главнокомандующихъ дураками и уладили бы дѣло. Дрожа, всѣмъ тѣломъ, такъ что эполеты плясали на его плечахъ, блѣдный, онъ хвалился, что онъ фельдмаршалъ, что окончилъ четыре войны, дѣлалъ разные намеки, ни одного однако прямо, и потомъ выбѣжалъ изъ кабинета съ крикомъ: прощайте, прощайте! къ ожидавшимъ его въ пріемной залѣ. Жалкій счастливецъ!

Отъ него я поѣхалъ къ князю Горчакову. Пріязненный пріемъ. Короткое объясненіе на счетъ движенія послѣ дѣла при Гестели. Отъ него къ г-ну Ридигеру, засталъ съ женой. Я только слушалъ, самъ не говорилъ. Вездѣ, у всѣхъ прорывается неудовольствіе по поводу кампаніи и наградъ; награжденнымъ будто стыдно, ненагражденнымъ досадно. Подошелъ Панютинъ; этотъ всѣхъ былъ счастливѣе и чисто исполнилъ свой долгъ. Онъ всѣхъ и спокойнѣе. Обѣдалъ съ Н. А. Старынкевичемъ, не знаю въ какомъ трактирѣ, очень хорошо; но прислуга вялая, и обѣдъ протянулся часа два.

12-го обѣдъ у Н. А. Старынкевича съ г. Туркулемъ въ пріятномъ и занимательномъ разговорѣ. 13-го обѣдъ у гр. Ридигера. Отъ него на чай къ Погодину. Инквизиторіальный разговоръ Реада, доведшій меня до сильнаго раздраженія. Письмо къ ф-лу: быть можетъ ошибка въ придачу ко многимъ подобнымъ въ моей жизни.—14-го выѣхалъ изъ Варшавы.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ РУССКОМЪ АРХИВѢ

1888 ГОДА*).

---

*) „Русскій Архивъ“ 1888 года состоитъ изъ трехъ книгъ (по четыре выпуска въ каждой), каждая съ своимъ счетомъ страницъ. Римская цыфра Указателя относится къ книгѣ, Арабская къ ея страницѣ. Напечатанныя курзивомъ цыфры означаютъ Дневникъ графа П. Х. Граббе, который печатался съ особымъ счетомъ страницъ черезъ весь 1888 годъ. П. Б.

*

*

Примѣчаніе. „Дневникъ графа П. Х. Граббе“ печатался въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888 года съ особымъ счетомъ страницъ (которыя означены курсивомъ въ Указателѣ) и потому можетъ быть переплетаемъ особо, что и составитъ первую книгу этого Дневника. Вторая книга (съ возвращенія въ Петербургъ изъ Венгерскаго похода) появится въ „Русскомъ Архивѣ“ 1889 года. П. Б.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1888 ГОДА.

(Выпуски 9, 10, 11 и 12).

никъ Верховскій. — Шамхалъ Тарковскій. — Лезгины. — Возмущеніе въ Дагестанѣ. — Разговоръ съ Ермоловымъ въ Шушѣ. — Старая и Новая Шемаха. — Командованіе корабинернымъ полкомъ.—Ладинскій.—Своенравіе Ермолова.—Князь Мадатовъ.—Гибель Русскихъ въ Чечнѣ.—Распущенность войска. — Начало Персидской войны).

Разсказы декабриста **М. И. Муравьева-Апостола.**

Записная книжка **графа Павла Христофоровича Граббе.** 1828—1849. (Крѣпость Турно.—Родофиникинъ и князь Прозоровскій объ устройствѣ Сербіи по ея освобожденіи. — Польская война.—Командованіе драгунскою дивизіею въ Бѣлгородѣ.—На Кавказѣ.—Аргуани.—Ашульта. — Ахульго. — Его взятіе.—Сынъ Шамиля.—Афоризмы и замѣтки.—Кіевъ.—Деревенская семейная и кабинетная жизнь въ Малороссіи. — Поѣздка въ Константинополь. — Венгерская война.

Петербургскій университетъ полвѣка назадъ. Воспоминанія **А. Ч.**

Бумаги министра народнаго просвѣщенія **А. С. Норова.**

Преосвященный Гурій. Воспоминанія **И. У. Палимпсестова**.

О Бессарабскихъ раскольникахъ. Записка **И. С. Аксакова.**

Графиня Е. П. Ростопчина и ея приверженность къ католицизму. **Н. И. Кедрова.**

Изъ Записокъ сенатора **К. Н. Лебедева.** Москва въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія.

Тоже. 1853—1855. Правосудіе.—Политическія дѣла.—Отзывъ В. А. Шереметева.—Судебные процессы 1853 года. —Канунъ Крымской войны.—Новое царствованіе.

Два вечера у графа Д. Н. Блудова. Изъ воспоминаній **В. А. Кокорева**

Чудовищная сцена въ Ревелѣ. **А. Ч—ва.**

Н. К. Загряжская.—Отзывъ императора Николая Павловича о вооруженіяхъ Россіи.

Изъ записной книжки **Е. И. Раевской** (о врачахъ).

Новое стихотвореніе **Лермонтова** 1841 года.

Фельдмаршалъ князь Барятинскій. Его біографія, написанная **А. Л. Зиссерманомъ.** Томъ первый. До назначенія намѣстникомъ на Кавказъ. Съ портретомъ.

Люди прежняго закала. А. М. Симборскій. **Теобальда.**

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ городѣ Касимовѣ въ 1837 году. **А. П. Мансурова.**

Письма князя **П. А. Вяземскаго** въ чужіе края къ А. О. Смирновой о Пушкинѣ, съ примѣчаніями издателя.

Разсказы князя **П. А.** и княгини **В. Ѳ. Вяземскихъ** о Пушкинѣ.

За Пушкина (о стихотвореніи „Эхо"). **И. И. Х.**

Письма **М. Н. Каткова** къ А. Н. Попову. 1843—1857.

Стихотворенія **С. А. Соболевскаго.**

Княгиня Е. П. Кочубей. Замѣтка **Бибиковой.**

Острое слово **Ѳ. И. Тютчева.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1889 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ 1889 года составятъ три большіе отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1889 году съ пересылкою и доставкою—**девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

При каждомъ годовомъ изданіи „Русскаго Архива“ имѣется азбучный Указатель личныхъ именъ. Кромѣ того, современно изданы были въ особыхъ приложеніяхъ общія Предметныя Росписи за **пять, десять, пятнадцать** и **двадцать** лѣтъ „Русскаго Архива“. Нынѣ приготовлена къ изданію особою книгою **Предметная Роспись „Русскаго Архива“ ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ.** Книга эта будетъ напечатана въ ограниченномъ числѣ. Желающіе получить ее прибавляютъ къ подписной цѣнѣ на „Русскій Архивъ“ 1889 года—**ДВА** рубля.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**